

HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).

1886.

EG
1-12
1-12
t. 40

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1887 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ Императорской Академіи Наукъ. Засѣданія Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1886 годъ.....	I — V
Нѣсколько разьясненій по поводу замѣчаній о книгѣ Рус- ское Правописаніе. Записка Я. К. Грота..... № 1.	1— 55
Изъ исторіи, романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго..... № 2.	1—511
Приложенія: Александрія по рукописи Вѣнской библіотеки. Повѣсть о Таврѣ и Мениі въ древнеславянскомъ переводѣ и печатныхъ греческихъ минеяхъ. Эпизодъ о Таврѣ и Мениі въ печатныхъ греческихъ минеяхъ.	1— 80
Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста. Е. В. Шѣтухова..... № 3.	1— 44
Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія. Г. А. Вое- вресенскаго..... № 4.	1— 41
Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха. Г. С. Дестуниса..... № 5.	1— 68

ИЗДАНИЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

- Томъ I.** Свѣдѣнія и замѣтки о малопзвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Сношенія П. Н. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи, П. П. Пекарскаго. — Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же.
- Томъ II.** Жизнь и литературная переписка П. Н. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, П. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославянской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературные труды П. Н. Кеннена, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.
- Томъ III.** Древніе Славянскіе памятники юсоваго шесма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.
- Томъ IV.** Теофанъ Прокоповичъ и его время, П. А. Чистовича. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.
- Томъ V.** вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Саввантова съ письмами къ Городчанину и Анастасевичу. — Переписка Евгенія съ Державнымъ, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряхъ Евгенія, А. О. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.
- Томъ V.** вып. II. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VI.** Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ, его же. — О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи, А. В. Никитенко. — О языкѣ Крылова, И. И. Срезневскаго. — О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки, А. О. Бычкова. — Сатира Крылова и его Почта Духовъ, Я. К. Грота. — Слово въ день юбилея Крылова, преосв. Макарія. — Пирогъ; Лбитай; Кофейница, драматич. сочин. Крылова. — Пиръ басня, его же — Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова, Я. К. Грота. — О повомъ англ. переводѣ басенъ Крылова, его же. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, сост. В. О. Кеневичемъ. — Матеріалы для біографіи Крылова, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.
- Томъ VII.** О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго. — Записка о томъ же, А. О. Бычкова. — Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, П. П. Пекарскаго. — Толковый словарь В. И. Даля, записка Я. К. Грота. — О зоологическихъ названіяхъ въ словарь Даля, записка Л. И. Шренка. — О ботаническихъ названіяхъ въ словарь Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — Дополненія и замѣтки къ словарю Даля, Я. К. Грота. — Дополненіе къ областному словарю, Н. Я. Данилевскаго. — Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи, Я. К. Эрбе-

- на. — Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библиотеки», статья К. П. Невоструева. — О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в., архим. Амфилохія. — Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи, В. Макушева. — Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VIII.** Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, П. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — П. Неаполь и Палермо, П. Неаполь, Бари и Анкона, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ IX.** Историческія бумаги, собранныя К. П. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ X.** Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Новѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библіографическія находки во Львовѣ, Я. Ф. Головацкаго. — Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XI.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774), М. И. Лонгинова. — Дополненіе къ очерку славяно-русской бібліографіи В. М. Ундольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — Дополненія и замѣтки І. Ф. Шаумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.
- Томъ XII.** Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, П. П. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ, П. П. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIII.** Общественная и частная жизнь Августа Людвигъ Шлецера, нѣмъ-самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера) Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIV.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XV.** Свѣдѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, П. П. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, П. П. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI.** Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII.** Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, П. Я. Порфирьева. — Иерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для бібліографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVIII.** Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Гоголя къ Макимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. — Пропежденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ

торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I. М. П. Сухомлинова. — На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. П. Срезневскаго — Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа П. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. Н. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. П. Сухомлинова. — Чешскія Глоссы въ *Mater Verborum*. Разборъ А. О. Патеры и дополнительные замѣчанія И. П. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перенскѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шахашин, по рукописямъ XV вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного анолога Варлаама и Юасафа, А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. И. П. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. П. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій, М. П. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго, С. Н. Пономарева. — Разысканія въ области русскіхъ духовныхъ стиховъ, Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Пикитенко. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ П. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго, составленные ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Мѣстечка Семезова. — Старообрядческій синодикъ, А. П. Пыпина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ, А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ, П. А. Чистовича. — Екатерина II въ перенскѣ съ Гриммомъ, Ст. П. Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне, И. П. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю, И. П. Пособича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. П. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова, И. П. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи, М. П. Сухомлинова, Выпускъ V. — Южно-русскія былины, А. Н. Веселовскаго. — *Croissans-eresens* и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, А. Н. Веселовскаго. — О Кеафонѣ. Греческая Транезунтская былина Византійской эпохи, Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. П. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. П. Срезневскаго, составленный А. О. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. П. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки, Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавныя листы. — Кн. II. Листы историческіе, календарь и букварь. — Кн. III. Притчи и листы духовныя. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненія Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ, 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. П. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха, III—V, А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ епискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лаксманъ, Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ, А. Н. Веселовскаго. — Новыя свѣдѣнія о Котешихинѣ по шведскимъ источникамъ, Я. К. Грота. —

Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы. П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ. Г. Воскресенскаго. — Письма Погодина къ Максимовичу. С. П. Пономарева. — Исторія Россійской Академіи. Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина. Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго. — Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота. Составленъ С. П. Пономаревымъ. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI. А. Н. Веселовскаго. — Письма В. С. Соניкова къ К. Ѳ. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. — А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», I—VIII. М. И. Сухомлинова. — Замѣтки по литературѣ и народной словесности. А. Н. Веселовскаго. I. — Матеріалы для бібліографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтню его литературной дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. П. Пономаревъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей. И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — Николай Ивановичъ Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884). Сообщилъ И. Тѣхановъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота. — Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Д. Дестуниса. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — Южно-русскія былины. Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г., съ приложеніемъ рецензій профессора И. В. Помяловскаго. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — Странствующій Жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — «Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачныя и судебныя. А. Павлова. — Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Графа Д. А. Толстаго. — Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Къ изданію Псалты въ переводѣ Гибдича. С. П. Пономарева. —

Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Кошгара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками), 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ девяти томамъ роскошнаго изданія Сочиненій Державина 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. —

Томъ III. 1870: 1 руб. — Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880.

Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Библикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Деляна въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. П. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1868: 25 к.

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.

Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.

Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.

- Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870.**
Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
- Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.**
- Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.**
- Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.**
- Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.**
- Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. Спб. 1877: 45 коп.**
- Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.**
- Чешскія Глоссы въ Mater Verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. П. Срезневскаго. Цѣна 60 к.**
- XIII Слово Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.**
- Русская историческая библиографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. П. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. Т. V. № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к.**
- Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. Трудъ И. П. Срезневскаго. Второе изданіе. Спб. 1882. 2 рубля.**
- Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.**
- Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.**
- Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго, Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.**
- Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.**
- И. П. Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.**
- Екатерина II въ перенесѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.**
- Сочиненія и перенеска Плетнева. Три тома. 1885. Издалъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.**
- Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.**
- Служебныя мшени за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. Спб. 1886 г. Ц. 6 руб.**
- Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. Спб. 1885 г. Ц. 3 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. Спб. 1886 г. Ц. 3 руб. — Т. III (1736—1738). Спб. 1886 г. Ц. 3 руб.**
- Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.**

Ипогородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томъ XI Сборникъ Отдѣленія.

ЗАСѢДАНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Въ 1886 году.

Читано письмо Комитета Общества Славистовъ при Вѣнскомъ университетѣ на имя Академіи Наукъ съ просьбою о пожертвованіи, для образованія библіотеки этого Общества, изданій по Историко-Филологическому отдѣлу. — Положено отправить въ Комитетъ по экземпляру имѣющихся въ распоряженіи Отдѣленія изданій.

Одобрена къ изданію въ Сборникѣ Отдѣленія представленная академикомъ И. В. Ягичемъ рукопись извѣстнаго своими путешествіями П. А. Ровинскаго, содержащая подробное географическое и этнографическое описаніе Черногоріи съ новою картою этой страны.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ въ рукописи нѣсколько окончательно изготовленныхъ листовъ словаря Ломоносовскаго языка въ видѣ образчика труда, которымъ, по порученію Отдѣленія, занимается кандидатъ Петербургскаго университета Смирновъ. Отдѣленіе, одобривъ этотъ образчикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлило имѣть въ виду, что вслѣдъ за этимъ трудомъ должны быть постепенно составляемы выписки и изъ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ писателей въ видѣ матеріаловъ для новаго изданія академическаго словаря.

Академикъ И. В. Ягичъ доложилъ, что къ переводу сочиненія Хельчицкаго «Сѣтъ Вѣры», сдѣланному покойнымъ Ю. С. Анненковымъ, желательно приложить снимокъ имѣющагося при этомъ сочиненіи изображенія, и что въ бумагахъ Анненкова нашлось еще неизданное сочиненіе того же Хельчицкаго, которое, можетъ быть, заслуживало бы также напечатанія. — Положено

предоставить Н. В. Ягичу распорядиться изготовленіемъ снимка и о содержаніи неизвѣстнаго сочиненія Хельчицкаго доставить Отдѣленію свой отзывъ.

Читано присланное на имя Отдѣленія письмо учителя калязинскаго городского училища Кузнецова съ приложеніемъ списка собранныхъ имъ областныхъ реченій. Положено благодарить г. Кузнецова, доставленный же имъ списокъ словъ приобщить къ имѣющимся въ Отдѣленіи словарнымъ матеріаламъ.

Доложено о доставленномъ чрезъ посредство профессора Н. И. Ильминскаго сборникѣ областныхъ словъ Вологодской губерніи, составленномъ бывшимъ надзирателемъ орской кирзской учительской школы П. А. Баженовымъ. Положено, выразивъ составителю благодарность Отдѣленія, напечатать этотъ трудъ въ академическомъ изданіи.

По выраженному академикомъ О. И. Буслаевымъ желанію положено нѣкоторыя статьи его, составляющія продолженіе его «Очерковъ искусства» и разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ, напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

Предсѣдательствующій, заявивъ о вышедшей недавно брошюрѣ учителя Доброписцева подъ заглавіемъ «Возможно ли примѣнить Русское Правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ», прочелъ краткій разборъ этой брошюры, изъ котораго видно, что замѣчанія автора могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: 1) замѣчанія, вовсе лишеныя основанія; 2) замѣчанія, протекшія отъ недоразумѣній со стороны автора; 3) замѣчанія, въ которыхъ опечатка принята за ошибку, и 4) замѣчанія, которыя могутъ подать поводъ къ нѣкоторымъ дополненіямъ въ слѣдующемъ изданіи руководства. Отдѣленіе, имѣя въ виду, что брошюра г. Доброписцева можетъ вводить въ заблужденіе читателей, предоставило академику Я. К. Гроту составить, въ видѣ дополненія къ руководству «Русское Правописаніе», особую объяснительную записку, въ которой коснуться и другихъ заслуживающихъ вниманія замѣчаній по поводу руководства, и записку эту напечатать.

Академикъ А. О. Бычковъ, возвращая переданный ему на разсмотрѣніе первый томъ Бѣлорускаго Сборника г. Романова, представилъ слѣдующій отзывъ объ этомъ трудѣ:

«Два первые выпуска I-го тома Бѣлорускаго Сборника, изданнаго г. Е. Романовымъ, содержатъ въ себѣ произведенія народной литературы: пѣсни, пословицы и загадки, собранныя въ предѣлахъ только одной Могилевской губерніи. Въ эти выпуски вошло:

910 пѣсенъ, 301 припѣвъ, 757 пословицъ и 451 загадка. Все это въ совокупности составляетъ очень богатый матеріалъ для этнографа и филолога, отчасти новѣйшій, отчасти уже имѣвшійся въ печати, но здѣсь появляющійся въ болѣе исправномъ видѣ, съ сохраненіемъ по возможности особенностей говора, что нельзя не признать большимъ достоинствомъ.

«Пѣсни г. Романовъ раздѣлилъ на разряды, не скажу чтобы совершенно удачно и правильно, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ по своему содержанію должны быть перенесены изъ одного разряда въ другой, изъ семейныхъ въ любовныя, и наоборотъ, и въ оба эти разряда многія пѣсни изъ припѣвокъ. При этомъ нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые разряды пѣсенъ, какъ напр.: веснянка, купальская, жнейскія, свадебныя, г. Романовъ не сопроводилъ указаніями, при какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ онѣ поются, въ какое время года или дня и т. п. Это дало бы возможность не только систематически распредѣлить пѣсни извѣстнаго разряда, но и прослѣдить постепенное ихъ измѣненіе, а по языку указать, откуда та или другая пѣсня зашла въ Могилевскую губернію.

«Между пѣснями, собранными г. Романовымъ, встрѣчаются весьма древнія, но не мало и новыхъ, составленныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, какъ напр. 1, 3 и 18 между военными (войны 1828 и 1831 годовъ; при этомъ особенно странно то обстоятельство, что пѣсня подъ № 1-мъ, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Паскевичъ, поется повсемѣстно, какъ замѣчено собирателемъ) или 2 между духовными (послѣ разоренія старобрядческаго скита на р. Узѣ). Есть пѣсни, сохранившіяся отъ всякихъ передѣлокъ, и наоборотъ много такихъ, въ которыхъ едва-едва можно усмотрѣть первоначальный остовъ. Встрѣчаются пѣсни, возникшія на почвѣ Бѣлорусскаго края, но есть и занесенныя изъ Великой Россіи (всѣ духовныя и нѣкоторыя солдатскія) и Малороссіи (большая часть чумацкихъ пѣсенъ). Последнія, т. е. занесенныя, пѣсни г. Романовъ помѣстилъ въ свой Сборникъ потому, что онѣ «получили широкую распространенность въ губерніи и чрезъ то ассимилировались съ пѣснями несомнѣнно Бѣлорусскаго творчества».

«Не говоря о невозможности полнаго ассимилированія чуждыхъ пѣсенъ съ самобытными, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы собиратель выдѣлилъ всѣ таковыя въ особый отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что и въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова и обороты, не свойственные бѣлорусскому нарѣчію.

«Сколько мнѣ кажется, пѣсни записаны г. Романовымъ хорошо

и вѣрно, но при этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ фонетическомъ отношеніи пѣсни въ Сборникѣ г. Романова значительно отличаются отъ пѣсенъ, собранныхъ также въ Могилевской губ. и печатаемыхъ г. Шейномъ въ своемъ Сборникѣ. Въ доказательство приведу одну изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, сравнительно съ другими меньшую по объему:

Сборникъ Шейна.

Гдзѣ тая барэлочка,
Гдзѣ была горэлочка?
Ци у хацѣ подь лаўкою
Заросла мураўкою?
Ци ў сѣнцахъ подь суднич-
комъ
Заросла принутничкомъ?
Ци ў хацѣ подь загнетомъ
Заросла жоутомъ цвѣтомъ?

Сборникъ Романова.

Идзѣ жъ тая барэлочка, што
была горэлочка?
Ци ў хаці подь лавкой заросла
муравкой, ци у сѣнцхъ подь
судничкомъ заросла припут-
никомъ,
Ци у хаці подь загнетомъ, за
цвѣла жовтымъ цвѣтомъ?
Далѣе слѣдуютъ стихи, кото-
рыхъ нѣтъ у г. Шейна.

«Трудно рѣшить, на чьей сторонѣ болѣе точности. Можно надѣяться, что обѣщаніе г. Романова поговорить въ слѣдующихъ выпускахъ Сборника объ языкѣ разъяснить дѣло.

«Къ числу достоинствъ труда г. Романова слѣдуетъ отнести: приведеніе вариантовъ ко многимъ пѣснямъ, указаніе въ какихъ Сборникахъ были напечатаны сходственные съ ними и означеніе при каждой пѣснѣ мѣстности, гдѣ она поется. Подчеркнувъ эти мѣстности на картѣ и обративъ особенное вниманіе на фонетическія особенности записанныхъ въ нихъ пѣсенъ, можно будетъ провести границы между говорами и разрѣшить разные этнографическіе вопросы. Но нельзя не пожелать, что ради экономіи и выигрыша мѣста г. Романовъ соединялъ нѣсколько стиховъ въ одинъ».

Въ связи съ имѣющимъ въ виду Отдѣленія словарными трудами предсѣдательствующій заявилъ, что такъ какъ Опытъ Областного Словаря давно уже весь разошелся и составляетъ библиографическую рѣдкость, то весьма полезно было бы перепечатать его, сливъ съ нимъ и отдѣльно изданный дополнительный томъ, такъ какъ раздѣленіе этого Словаря на двѣ независимыя одна отъ дру-

гой части представляетъ въ употребленіи большія неудобства. Положено принять мѣры къ осуществленію этой мысли.

Согласно съ предположеніемъ Отдѣленія приступить къ новому изданію русскаго академическаго словаря въ исправленномъ и пополненномъ видѣ, академикъ Я. К. Гротъ въ теченіе лѣтнихъ ваканцій занялся пересмотромъ словъ на одну изъ буквъ алфавита, и представивъ ихъ Отдѣленію въ новой обработкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ прочелъ составленный имъ проектъ правилъ, которыхъ слѣдуетъ держаться при переизданіи словаря. Отдѣленіе, одобливъ эти правила, опредѣлило пригласить двухъ молодыхъ ученыхъ, кандидатовъ Петербургскаго университета, Смирнова и Пѣтухова, къ приготовительнымъ по этому дѣлу работамъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Я. К. Грота, съ тѣмъ чтобы въ окончательной редакціи словаря приняли участіе и прочіе члены Отдѣленія.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ приготовленный имъ къ печати 8-й выпускъ «Исторіи Россійской Академіи». Положено сдѣлать распоряженіе объ изданіи рукописи.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ оконченный печатаніемъ первый выпускъ своего труда: «Изъ исторіи романа и повѣсти», при чемъ заявилъ, что имъ уже приступлено къ продолженію этого изслѣдованія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XL, № 1.

НѢСКОЛЬКО РАЗЪЯСНЕНІЙ

ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЙ О КНИГѢ

РУССКОЕ ПРАВОПИСАНІЕ.

ЗАПИСКА Я. К. ГРОТА,

ЧИТАННАЯ ВО ВТОРОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ .

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лив., № 12.)

1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1886.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

Успѣхъ книги «Русское правописание» при появленіи ея и желаніе сдѣлать все возможное для ея усовершенствованія въ новомъ изданіи побудили меня тогда же обратиться чрезъ газеты къ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ, и въ особенности къ преподавателямъ русскаго языка, съ просьбою присылать мнѣ свои замѣчанія на быстро распространяющуюся книгу.

Вскорѣ мнѣ было доставлено не мало письменныхъ сообщеній, и въ печати явилось нѣсколько отзывовъ объ академическомъ руководствѣ.

Естественно было, что въ дѣлѣ, для всякаго близкомъ и въ которомъ поэтому всякій считаетъ себя полноправнымъ судьей, оказалось чрезвычайное разнообразіе взглядовъ: не было ни одного вопроса, по которому не обнаружилось бы двухъ противоположныхъ между собою мнѣній¹⁾. Такъ одни жалѣли, что академія не ввела въ наше правописание болѣе рѣзкихъ измѣненій, другой напротивъ были недовольны тѣмъ, что она иногда отступаетъ отъ общаго употребленія; одни упрекали насъ за недостаточную рѣшительность нѣкоторыхъ правилъ, другой одобряли

¹⁾ При самомъ выходѣ книги одинъ почтенный ученый выразилъ мнѣ сожалѣніе, что я пишу: *проектъ*, а не «проэктъ». Въ тотъ же день другой встрѣтилъ меня одобреніемъ за многое, найденное имъ въ этой книгѣ, и между прочимъ за то, что я пишу не «проэктъ», а *проектъ*, соображаясь съ латинскимъ *projectum*, тѣмъ болѣе что «проэктъ» грѣшитъ и противъ русской фонетики, требующей *e*, а не *э* послѣ другой гласной.

выражающуюся въ этомъ терпимость, вполне согласную съ свободнымъ развитіемъ самаго языка.

Къ сожалѣнію, большинство упускало изъ виду ту основную идею, которой мы держались и которая была ясно высказана нами: не преобразовывать русское правописание, вообще стоящее на вѣрномъ пути, взяли мы, а желали только упорядочить его, соображаясь съ господствующимъ обычаемъ. Исправляя лишь явно ошибочное, рѣшая сомнѣніе въ спорныхъ случаяхъ, приводя въ сознаніе то, что писалось безсознательно. Всѣ получавшіяся мною, крайне разнообразныя замѣчанія подвергаемы были тщательному обсужденію, и тѣ изъ нихъ, которыя не противорѣчили нашему основному взгляду, принимались во вниманіе. На основаніи ихъ уже во второмъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ руководства сдѣланы были кое-какія измѣненія, правда, не въ способѣ написанія словъ, отъ котораго отступать не было достаточныхъ причинъ, а только въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ и подробностяхъ правилъ, въ дополненіяхъ какъ въ текстѣ книги, такъ и особенно въ справочномъ указателѣ.

Приступая теперь къ 5-му изданію руководства, я счелъ обязанностью пересмотрѣть всѣ дошедшія до меня въ теченіе года замѣчанія, и намѣренъ въ настоящей запискѣ разобрать тѣ изъ нихъ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія; сверхъ того я предполагаю дать здѣсь нѣсколько объясненій по высказаннымъ нѣкоторыми лицами недоразумѣніямъ.

При установленіи письма для какого бы ни было языка правописание естественно бываетъ чисто-фонетическимъ, т. е. по возможности воспроизводитъ слышимые звуки рѣчи; но въ сущности написанное слово никогда не можетъ быть въ полномъ смыслѣ точнымъ изображеніемъ произносимаго.

Мы говоримъ, что каждый языкъ имѣетъ опредѣленное число членораздѣльныхъ звуковъ, но это только относительно справедливо. На дѣлѣ въ произношеніи каждаго звука можетъ быть почти безчисленное множество отгѣнковъ. Объяснимъ это примѣромъ. Извѣстно, что согласные *к* и *т* образуются, первый при-

косновеніемъ спинки языка къ нѣбу, второй прижатіемъ кончика языка къ верхнимъ зубамъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ можно представить себѣ цѣлую линію точекъ, къ которымъ попеременно можетъ прикасаться языкъ, и результатъ прикосновенія къ каждой точкѣ будетъ иной, т. е. звукъ отъ малѣйшаго видоизмѣненія мѣста будетъ видоизмѣняться. Между точками прикосновенія для артикуляціи *к* и *т* будетъ даже одна такая, въ которой оба звука почти не представляютъ разницы. Это различіе произношенія звуковъ служитъ собственно источникомъ происхожденія различныхъ говоровъ или нарѣчій. Но есть еще другое обстоятельство, по которому писанное слово не можетъ во всей точности передавать произносимое: между двумя звуками, соединяемыми между собой въ живой рѣчи, всегда бывають переходы, правда почти неуловимые для слуха, но тѣмъ не менѣе существующіе: они на письмѣ не означаются. Мы означаемъ буквами только нѣкоторые характеристическіе, или, такъ сказать, центральные оттѣнки цѣлаго ряда звуковъ: для всѣхъ видоизмѣненій *к*, *т* и др. имѣемъ только по одной буквѣ¹⁾.

Вопросъ, въ какой степени русское правописаніе отвѣчаетъ цѣли воспроизводить господствующую на обширномъ пространствѣ Россіи живую рѣчь, можетъ быть рѣшаемъ различно: если имѣть въ виду, что азбука наша составлена изъ ц.-славянской и не имѣетъ знаковъ для нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка (особенно для неопредѣленныхъ гласныхъ), то надо конечно сознаться, что письмо наше въ фонетическомъ отношеніи неудовлетворительно; но если помнить двоякое значеніе нашихъ гласныхъ и весьма положительные законы произношенія нашихъ согласныхъ при встрѣчѣ ихъ между собою и въ концѣ словъ, то мы придемъ къ заключенію, что и теперь еще наше письмо въ значительной мѣрѣ сохранило фонетическій характеръ, т. е. за сказанными ограниченіями, слова у насъ пишутся такъ, какъ они произносятся: мы

¹⁾ Н. Paul. Zur orthographischen Frage. Berlin 1880. Ср. замѣчанія Сиверса о переходныхъ звукахъ въ его «Основаніяхъ фонетики» (*Филол. Разысканія*³, II, 118).

не знаемъ тѣхъ сочетаній буквъ для означенія одного звука, которыми такъ изобилуетъ письмо нѣмецкое, французское, англійское, польское или чешское. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фонетическое начало письма у насъ подчинено этимологическому, требующему, чтобы въ начертаніяхъ ясны были слѣды происхожденія и состава словъ. Только изрѣдка это требованіе нарушается.

Русское правописаніе развивалось постепенно изъ церковнославянскаго, но подъ вліяніемъ произношенія, во многихъ случаяхъ рѣзко отличающагося отъ фонетики славянскои: явилась потребность сближать старинное историческое письмо съ живою рѣчью, но, разумѣется, безъ системы и не всегда послѣдовательно, однакожь во многихъ случаяхъ такъ положительно, что на этомъ основался обычай, произошло общее соглашеніе. Естественно, что въ раннемъ періодѣ цсл. письма сохранялись многія чисто-фонетическія начертанія. Это замѣтно особенно въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, при слитномъ письмѣ словъ съ предлогами, напр. когда писалось: *иштезнути*, *ищезъ*, *иштитати* вмѣсто: *изчезнути*, *изчезъ*, *изсчитати*, плш: *иждивеніе*, *ицѣленіе*, *ишьственіе*, *вожделати*, вм. *изживеніе*, *исцѣленіе* и т. д., и даже просто въскричати вм. *възкричати*, и, во-вторыхъ, при такомъ же сліяніи предлога съ другимъ словомъ, для избѣжанія удвоенія звуковъ, не свойственнаго цсл. языку; такъ писали: *расъмотрити*, *расѣлати*, *расѣшити*. Въ Остром. евангеліи мы находимъ: *иіркѣе*, *ишѣдъ*, *раширажтъ*. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ русскій языкъ, на основаніи этимологій, согласной съ его произношеніемъ, возстановилъ цѣльность предлога, давъ ему въ слитномъ письмѣ, по древнему обычаю, фонетическое окончаніе *с* вмѣсто этимологическаго *з*, но не поступилъ подобно этому съ предлогами, оканчивающимися на *д* (над, под, пред) и не замѣнилъ это *д* буквою *т* передъ безголосными звуками. Такимъ же образомъ русскіе, по склонности ихъ фонетики къ усилению звука *н* между двумя гласными, во всѣхъ страдательныхъ причастіяхъ полной формы стали писать два *н*: *желанный*, *спасенный*. Такое же усиленіе звука *т* оказа-

лось въ русской формѣ неопр. накл. *итти*, который въ цел. писали съ однимъ *т*.

Всѣ частныя явленія этого рода, которыхъ вообще немного, объяснены въ руководствѣ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Можно бы, пожалуй, указать нѣсколько категорій такихъ явленій, но это такъ просто, что всякій смысленный преподаватель самъ легко сумѣетъ ихъ вывести. Двѣ изъ нихъ сейчасъ уже были упомянуты; именно, фонетическое правописаніе имѣетъ мѣсто: 1) въ силу закона уподобленія звуковъ, который иногда не сходитя съ словопроизводствомъ: измѣненію, по требованію слуха, подвергаются особенно свистящіе *з*, *с* и гортанный *к* въ предлогахъ и нарѣчіяхъ; такъ, вмѣсто: «возходъ, исполнять» пишутъ: *восходъ*, *исполнять*; вмѣсто: «сдѣсь, всдѣ» пишутъ: *здѣсь*, *вездѣ*; вмѣсто «здѣ» пишутъ *идѣ*. Мы видимъ тутъ приспособленіе предшествующей согласной къ послѣдующей въ мѣстоименныхъ корняхъ; изрѣдка встрѣчается такое измѣненіе и въ словахъ глагольнаго или вещественнаго корня, какъ-то: *мякій*, *ноздри*, *отверстіе*, вмѣсто «мяккій» и т. д.; 2) вслѣдствіе наклонности органовъ рѣчи усиливать произношеніе согласныхъ *н* и *т* между двумя гласными, какъ видно изъ приведенныхъ выше случаевъ; 3) по требованію произношенія опускаютъ одну изъ трехъ или даже четырехъ рядомъ стоящихъ согласныхъ; такъ пишутъ: *склянка*, *ссми*, *четвери*, вмѣсто: «стклянка, естмш, четверка»; 4) по требованію слуха замѣняютъ гласную, хотя и правильную по закону словопроизводства или морфологій, но въ произношеніи уступающую мѣсто другой, ясно слышимой, когда напр. пишутъ: *прямой*, *дорогой*, вмѣсто: «прямый, дорогой»; *кружокъ*, *лицо*, вмѣсто: «кружекъ, лице»; *латынь*, *псалтырь*, вмѣсто: «латинь, псалтирь»; *ребенокъ*, вмѣсто *робенокъ*; и 5) вслѣдствіе сліянія двухъ согласныхъ въ одну или превращенія ихъ въ другія двѣ согласныя, напр. въ словахъ: *Полоцкъ*, *двадцать*, *возжелънный*, вмѣсто: «Полотскъ, двадцать, возжелънный».

Правда, что для примѣненія того или другого начала письма къ данному случаю нѣтъ опредѣленнаго правила, и въ предпо-

чтеніи одного изъ нихъ встрѣчается непослѣдовательность, даже противорѣчіе, напр. пишутъ *двадцать* и въ то же время оставляютъ *с* въ мѣстоименіи *ся* послѣ *т* въ глаголахъ, напр. пишутъ *дѣлаться*, а не «дѣлатца», но въ томъ-то и дѣло, что въ правописаніи, какъ и въ самомъ языкѣ, рѣшающее значеніе окончательно принадлежитъ утвердившемуся обычаю, преданію и соглашенію. Ломоносовъ писалъ: *двадцать, тридцать*; но послѣдующая практика рѣшила по-своему: въ первой половинѣ этихъ числительныхъ именъ она сдѣлала поправку въ пользу этимологій, замѣнивъ *т* буквою *д*, а во второй удержала уступку фонетикѣ. Вообще же правило Ломоносова, узаконяющее равномерное участіе обоихъ началъ въ русскомъ письмѣ, чрезвычайно вѣрно и никогда не утратитъ своей силы: «Въ правописаніи», сказано имъ, «наблюдать надлежитъ: 1) чтобы оно не удалялось много отъ чистаго выговора, и 2) чтобы не закрылись совсѣмъ слѣды произвожденія и сложенія рѣченій». Замѣчательно, что тутъ на первомъ мѣстѣ поставлено фонетическое требованіе. Этимъ-то требованіемъ оправдывается между прочимъ наше правило писать въ род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. прилагательныхъ именъ: *простого, дорогого*, ибо чтó можетъ быть противнѣе обычному выговору какъ формы: *простого, дорогого*? На возраженіе, почему же мы въ этомъ случаѣ не проводимъ фонетическаго начала до конца и не пишемъ: «простова, дорогова», я уже объяснялъ, что звукъ *г* въ этой формѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ составляетъ ея исконную принадлежность, тогда какъ предшествующая этому звуку гласная въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ бываетъ различна (напр. въ цел. *а*, въ сербскомъ *о*, въ польскомъ *е*), и притомъ окончаніе родит. надежа на *ого* изстарѣ узаконено въ мѣстоименіяхъ, у которыхъ именит. надежъ ед. ч. муж. р. оканчивается на *ой* и которыя по формѣ своей ничѣмъ не отличаются отъ другихъ прилагательныхъ. Наконецъ, у насъ давно уже многіе и въ прилагательныхъ пишутъ *ого*, но никто не пишетъ *ова*, помня неудавшуюся въ 1830-хъ годахъ попытку Лажечникова. Замѣчаніе, будто *ого* есть исключительно мѣстоименная флексія, устра-

няется тѣмъ, что и въ мѣстоименіяхъ прилагательной формы, у которыхъ именит. падежъ ед. ч. муж. род. оканчивается не на *ой* съ удареніемъ, родительный получаетъ окончаніе *аго*: *котораго, онаго*.

Такимъ образомъ наше фонетико-этимологическое письмо образовалось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ на основаніи однихъ и тѣхъ же началъ и можетъ продолжать свое дальнѣйшее развитіе не иначе какъ тѣмъ же историческимъ путемъ. Въ обоихъ отношеніяхъ письмо наше можетъ подвергаться измѣненіямъ, какъ было и до сихъ поръ, согласно съ тѣми двумя разумными правилами, которыя такъ ясно высказаны Ломоносовымъ. Въ прошломъ мы имѣемъ тому нѣсколько примѣровъ: такъ по первому правилу, т. е. чтобы письмо не слишкомъ противорѣчило выговору, лѣтъ сорокъ тому назадъ стали писать: *кривой, другой* вм. «кривый, другій»; по второму правилу направлена напр. орфографія словъ: *въдь, мелкій, прилежный, поперекъ, истинна, январь*, которыя прежде писались: «вѣтъ, мѣлкій, прилѣжный, поперекъ, истинна, генварь».

Но никакой будущности не имѣютъ предположенія тѣхъ, которые думаютъ, что со временемъ удастся ввести у насъ вполне фонетическое правописаніе: письма, точно такъ же какъ и самаго языка, нельзя свести съ его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колеѣ. Еслибъ даже кому-нибудь вздумалось пополнить нашу азбуку недостающими буквами, то затѣмъ оставалось бы еще рѣшить вопросъ: гдѣ взять норму общаго всѣмъ русскимъ произношенія каждаго слова? Узналъ ли бы всякій въ читаемомъ имъ начертаніи то слово, которое пишущій, по обычному въ окружающей его средѣ произношенію, хотѣлъ изобразить? Явилось бы по нѣскольку мнѣній о томъ какъ писать одно и то же слово, и тутъ-то началась бы настоящая путаница въ правописаніи. Довольно примѣровъ того мы уже видѣли въ странахъ, гдѣ производятся попытки замѣнить установившееся историческое письмо фонетическимъ: у каждаго пововодителя своя система, которая и остается въ тѣсномъ кругу его послѣдователей. Да и у насъ уже не мало было безплодныхъ попы-

токъ передѣлывать русскую азбуку и писать по произношенію, какъ можно видѣть изъ очерка исторіи нашего правописанія во 2-мъ томѣ моихъ *Филологическихъ Разысканій*.

Слово должно имѣть на письмѣ такую же определенную, всѣми признанную и всѣми тотчасъ узнаваемую форму, какую оно имѣетъ въ живомъ языкѣ: тогда только письменный образъ слова вызываетъ непосредственно, безъ пособія звуковой его формы, заключающееся въ немъ понятіе: вотъ почему важно единообразное правописаніе. Но достигнуть полного единообразія, совершеннаго согласія орфографіи всѣхъ пишущихъ никогда не удастся: письмо, какъ и самый языкъ, живетъ, развивается, имѣетъ свою исторію, и нѣкоторое въ немъ колебаніе во всякій моментъ этой исторіи будетъ неизбежно. Поэтому и не должно слишкомъ смущаться кое-какими орфографическими разнорѣчіями и относиться педантически ко всякому отступленію отъ того или другого признаваемаго лучшимъ правописанія. Какъ не вспомнить тутъ замѣчательной статьи Якова Гримма: «Ueber das pedantische in der deutschen sprache», изъ которой иное можно бы примѣнить и къ нашимъ черезчуръ взыскательнымъ грамотеямъ. Можно ли, напримѣръ, ставить ученику въ ошибку, когда онъ напишетъ *жолтый* вм. *желтый* или *козакъ* вм. *казакъ* и т. п.? Остерегаться надо, между прочимъ, излишней требовательности въ отношеніи къ переносу слоговъ изъ одной строки въ другую: вотъ почему я не могу согласиться съ г. Соломоновскимъ насчетъ важности затрудненій, которыя онъ встрѣчаетъ при соблюденіи изложенныхъ въ руководствѣ правилъ по этому предмету.¹⁾

Изъ необходимости заботиться о единообразіи письма не слѣдуетъ равнымъ образомъ, что когда слово въ живомъ языкѣ имѣетъ двоякую форму, грамматикъ долженъ произвольно устанавливать на письмѣ одно болѣе правящееся ему начертаніе: онъ не только не обязанъ дѣлать это, но не имѣетъ на то никакого права.

¹⁾ См. статью И. С. Соломоновскаго: «Психологическая справка по поводу преподаванія словопроизводства» въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго 1886, вып. 1.

Отсюда видно, какъ несправедливы были упрекавшіе насъ въ томъ, напр., что мы говорили: «обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполне установилось», или когда мы признавали двѣ формы, наприм. для словъ: *кувырнуть* и *кувыркнуть*, *занавѣсъ* и *занавѣсь*, *заматерѣлый* и *замиторѣлый* и т. д. Обѣ формы этихъ и многихъ другихъ словъ въ языкѣ существуютъ, и выборъ той или другой въ данномъ случаѣ можетъ и долженъ быть предоставленъ пишущему. Были однакожъ критики, которые ставили намъ въ заслугу допущеніе двоякихъ формъ. Такъ профессоръ Варшавскаго университета А. И. Смирновъ замѣтилъ: «Прекрасную сторону указателя ак. Грота составляетъ то, что онъ часто даетъ въ немъ мѣсто двумъ формамъ, одинаково употребительнымъ на письмѣ или одинаково распространеннымъ въ выговорѣ. Этимъ устраняется недангизмъ, вольный и невольный, отъ котораго рѣдкіе изъ преподавателей могутъ быть свободны». ¹⁾ Если вѣрнѣе газетному реферату, другой критикъ (г. Стоюнинъ) въ собраніи преподавателей даже заявилъ, что допущеніе нѣкоторыхъ словъ въ двоякой формѣ составляетъ существенное достоинство нашего руководства. Это однакожъ не значитъ, что мы принимаемъ два способа *писать* слово; это только значитъ, что мы не передѣлываемъ языка, а допускаемъ и на письмѣ обѣ существующія въ немъ формы, потому что не считаемъ себя въ правѣ признавать во всѣхъ случаяхъ только одну изъ нихъ.

Часть доклада г. Стоюнина была напечатана ²⁾: несомнѣнно вѣрна его мысль, что перемѣны въ общепринятомъ правописаніи не должны быть проводимы черезъ школу. Это было еще прежде выражено и мною: по поводу предложенія одного критика ввести новое исключительно-этимологическое письмо, я замѣтилъ, что «школа должна чуждаться всякихъ опытовъ, еще сомнительныхъ въ своемъ результатѣ и можетъ-быть непримѣнимыхъ въ буду-

¹⁾ *Р. Филол. Вѣстникъ* 1885, вып. 3. Мои замѣчанія см. въ 1-мъ вып. этого журнала на 1886 г.

²⁾ Въ журналѣ *Женское Образование*, февр. 1886 г.

щемъ»¹⁾. Г. Стоюнинъ совершенно правъ, указывая на противорѣчіе, въ какое ученики будутъ поставлены, когда увидятъ, что ихъ учатъ писать многія слова не такъ, какъ пишутъ въ книгахъ и всѣ грамотные люди. На этомъ основаніи я согласенъ, что хотя мое производство слова *ветчина* отъ корня *вяд* и неоспоримо и со временемъ вѣроятно установится соотвѣтственное его начертаніе, однако пока лучше сохранить прежнюю историческую форму, въ которой это слово издавна является въ русскомъ письмѣ. Совсѣмъ иное представляетъ вопросъ: какъ поступать въ школѣ съ такими словами, которыя и въ печати пишутся двумя или тремя способами? Если каждый изъ этихъ различныхъ способовъ имѣетъ то или другое основаніе, то можно, пожалуй, согласиться съ мнѣніемъ г. Стоюнина, что «дѣло учителя въ такихъ случаяхъ сводится къ тому, чтобы, признавъ законными существующія начертанія и указавъ ихъ, выбрать одно какъ наиболѣе правильное и *предложить* своимъ ученикамъ держаться этого начертанія.» Но бываетъ и такъ, что въ печати безпрестанно являются ошибочно написанныя слова, какъ напр. *болѣнь*, *видѣнь* (вм. болень, видень), *цѣловать* (вм. цѣловать), *ушибленъ* (вм. ушибень), *хлопочатъ* (вм. хлопчуть), *сыплатъ* (вм. сыплютъ). Неужели учитель долженъ допускать такія ошибки только потому, что ученикъ видитъ ихъ въ книгахъ? Конечно, нѣтъ: явно ошибочныя начертанія должны быть исправляемы, несмотря на ихъ обычность, и устраненіе ихъ изъ литературы возможно только путемъ школы. Но и независимо отъ словъ такого рода важно все-таки, чтобы въ школѣ господствовало по возможности единообразное письмо, а этого нельзя достигнуть предоставленіемъ каждому преподавателю выбора той или другой орфографіи: многими уже было обращено вниманіе на неудобства, могущія происходить отъ такого произвола при перемѣнѣ учителя или при переходѣ изъ одного класса въ другой, изъ одного заведенія

¹⁾ См. Приложеніе къ 4-му изданію «Русскаго Правописанія»; также *Филолог. Разысканія* 3, II, 216.

въ другое. Нельзя поэтому отрицать справедливость мнѣнія, которое въ послѣднее время не разъ было выражаемо въ печати, — о необходимости обязательнаго правописанія для школы. Это поняли нѣмцы: въ Пруссіи, въ 1870-хъ годахъ, министерство просвѣщенія рѣшилось принять мѣры для введенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ одной и той же орфографіи. Созвана была коммиссія изъ филологовъ и преподавателей, и по состоявшемуся въ ней, послѣ долгихъ преній, соглашенію, издава правительствомъ книжечка подъ заглавіемъ: «Правила правописанія и списокъ словъ для употребленія въ прусскихъ школахъ»¹⁾. Передъ спискомъ сдѣлано примѣчаніе: «Прибавленное въ скобкахъ при нѣкоторыхъ словахъ написаніе не обязательно, но не должно считаться ошибочнымъ». Полкнижки (21 стр.) занято правилами, а другая половина (22—46) спискомъ словъ. То же самое сдѣлано въ Баваріи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Германіи, при чемъ однакожъ не вездѣ введены одни и тѣ же правила.

Само собою разумѣется, что и при такомъ обязательномъ письмѣ остается въ своей силѣ требованіе, чтобы учитель умѣлъ отличать важныя разпорѣчія отъ неважныхъ и чтобы предшсываемая орфографія была въ возможной степени согласна съ наиболѣе распространеннымъ въ литературѣ письмомъ.

По этой-то причинѣ мы не сочли возможнымъ вывести изъ употребленія *титлу*, которая, несмотря на толки о ея излишестве, упорно держится въ бѣльшей части книгъ и періодическихъ изданій. Ломоносовъ, хотя и изгонялъ ее изъ русской азбуки, однакожъ самъ на практикѣ употреблялъ ее.

Вообще надо быть осторожнымъ при обсужденіи нѣкоторыхъ замѣчаній руководства относительно письма иностранныхъ заимствованныхъ словъ.

У насъ пишутъ: *Кронштадтъ* и: Соединенные *штаты*;

¹⁾ Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preussischen Schulen. Подробное объясненіе основаній установленной здѣсь орфографіи явилось въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: *Kommentar zur preussischen Schulschorthographie*, von Wilmanns. Berlin 1880.

встарину писали *олтарь*, нынче же пишутъ *алтарь* (отъ лат. altare); до 1840-хъ годовъ писали: *Вестминстеръ*, *Вашингтонъ*, а съ тѣхъ поръ многіе стали писать: *Уэстминстеръ*, *Уашингтонъ*; названіе *Мехика* болѣе и болѣе вытѣсняетъ прежнее *Мексика*: не значитъ ли это, что русское правописание иностранныхъ словъ справляется съ ихъ подлиннымъ звуковымъ составомъ? Поэтому нельзя считать безусловно справедливымъ правило, противопоставляемое нашему, будто вообще «иностранныя слова нужно писать согласно съ произношеніемъ ихъ въ русскомъ говорѣ», нельзя тѣмъ болѣе, что произношеніе можетъ нерѣдко быть сомнительнымъ, напр. относительно удвоенія согласныхъ. Этотъ послѣдній вопросъ представляетъ особенную трудность. Повторю здѣсь то, что было сказано мною въ другомъ мѣстѣ ¹⁾: «Относительно удвоенія согласныхъ въ заимствованныхъ словахъ одинъ изъ нашихъ критиковъ полагаетъ, что лучшимъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ было бы во всѣхъ чужихъ словахъ отбросить вторую согласную, т. е. писать, напр., «фомисія, асесоръ». Но самъ же онъ прибавляетъ: «за немногими исключеніями (касса, масса, ванна, вилла и т. п.)». Вотъ въ этихъ-то исключеніяхъ и кроется вся бѣда, потому что отъ приведенныхъ и имъ подобныхъ словъ есть производныя; слѣдовательно придется также писать, напримѣръ: *кассиръ*, *кассовый*, *массивный*, *вилледжатура*. Отъ *колонна* пойдетъ *колоннада*, *колонновожатый*. Затѣмъ, нельзя же не только во множествѣ собственныхъ именъ, но и въ нѣкоторыхъ нарицательныхъ не удвоить согласныхъ для отличія одного имени отъ другого, напр., Мюллеръ (Müller) отъ Мюлеръ (Mühler), Келлеръ (Keller) отъ Кёллеръ (Köhler), балъ отъ балла, греческое фило (philo) отъ филло (phyllo, напримѣръ, въ словѣ phylloxēra). Оказывается, что намъ вполнѣ освободиться отъ удвоенія согласныхъ въ словахъ иностраннаго происхожденія невозможно. Нѣкоторому различію въ начертаніи ихъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ большой важно-

¹⁾ Въ газетѣ *Новости* 1885, № 326, по поводу замѣчаній г. Малоросшилова.

тси. Но зачѣмъ же мы станемъ, вопреки прозношенію и общепринятому обычаю образованныхъ народовъ, писать, напр., *преса, принцеса, Одеса, Прусія, програма* и т. д.?» Остается только согласиться, въ какихъ именно словахъ слѣдуетъ удвоить букву, и въ какихъ это не нужно, т. е. поступить такъ, какъ поступили французы, принявъ за авторитетъ словарь своей академіи.

Въ одной изъ газетъ было напечатано, что собраніе преподавателей сочувственно отнеслось къ правилу, будто бы помѣщенному въ «Русскомъ Правописаніи», о выбрасываніи слога *ир* изъ глаголовъ иностраннаго происхожденія, напр. *цитовать, формуловать*. Референтъ не раздѣляетъ этого сочувствія и приводитъ нѣсколько примѣровъ (галопировать, драпировать, лавировать, маршировать, пародировать) въ доказательство, что обычай переводить такимъ способомъ въ русскій языкъ нѣмецкіе глаголы на *iren* обратился уже въ законъ русскаго языка, отъ котораго (будто бы) никто и не думаетъ отступать.

По поводу этихъ замѣчаній я долженъ заявить: во-первыхъ, что въ цѣлой книгѣ «Русское Правописаніе» нѣтъ ни слова о глаголахъ этой формы (какъ предметъ, вовсе не относящемся къ орфографическимъ вопросамъ), а есть два-три случая, въ которыхъ при объясненіи правилъ говорится, что звуки *артикулируются*, что гласные бываютъ *йотованные* (термины, которые употреблялись уже и другими), да въ справочный указатель занесены глаголы: *импровизовать, организовать, парализовать, формуловать, цитовать*, какъ образчики попытокъ сокращать неуклюжее полунѣмецкое окончаніе, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ этому сокращенію не противится слишкомъ закоренѣлая привычка: «Такія попытки, сказано въ моихъ *Филолог. Разысканіяхъ*³ (II, 400), конечно заслуживаютъ одобренія, но не всегда бываютъ удачны». Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы оканчивать заимствованные глаголы на *ировать* сдѣлалось закономъ: недавно стали вводить въ употребленіе глаголы *скомбиновать* и *скомпоновать* (послѣдній впрочемъ взять, кажется, съ польскаго). И между менѣ новыми словами не мало иностранныхъ глаголовъ

оканчивающихся на *овать* безъ вставки *ир*; таковы напр. *аттестовать*, *конфирмовать*, *посоветовать*, *претендовать*, *рекомендовать*, *трактовать*, *ревизовать*, *линевать*, не говоря уже о тѣхъ глаголахъ, которые, независимо отъ нѣмецкой или французской формы, образованы прямо отъ пришлаго существительнаго: *критиковать*, *фабриковать*, *интересовать*, *пробовать*, *танцевать*, *титловать* и т. п. отъ именъ: *критика*, *фабрика* и проч.

Защитникамъ русскихъ глаголовъ на *ировать* не худо ознакомиться со взглядомъ самихъ нѣмцевъ на окончаніе, которое мы у нихъ такъ покладно заимствовали. Вотъ что говоритъ Яковъ Гриммъ по этому предмету: «Нѣкоторыя чуждыя нѣмецкому языку формы получили въ немъ непомѣрное развитіе. Лучшимъ тому примѣромъ могутъ служить безчисленные глаголы на *ieren*. Изъ разсмотрѣнія ихъ оказывается, что въ средне-нѣм. ихъ было около ста (теперь 160 слишкомъ) и что до второй половины XII стол. ничего подобнаго въ Германіи не было; они явились только путемъ придворной поэзіи, имѣвшей романское происхожденіе. Естественно, что при заимствованіи иностранныхъ словъ языкъ усвоиваетъ себѣ только самое слово, а отъ чуждой флексиі отказывается; но у насъ въ этихъ глаголахъ звукъ *r* — романская форма латинскаго инфинитива, которая во всякомъ другомъ наклоненіи тотчасъ исчезаетъ, — удержанъ въ цѣломъ спряженіи: надо сознаться, что нѣмцы показали самое грубое пониманіе чужой формы, введя въ свое подражаніе знакъ инфинитива и характерно сохранивъ его вездѣ, а къ этому приписавъ еще и свой собственный знакъ»¹⁾.

Относительно главы о знакахъ препинанія намъ было замѣчено, что основывать употребленіе ихъ на пріостановкахъ или паузахъ въ чтеніи неправильно, и что будто вѣрнѣйшимъ указаніемъ въ этомъ дѣлѣ служить интонація, состоящая въ повышеніи и пониженіи голоса, и т. д. Не надо забывать, что

¹⁾ J. Grimm. Ueber das pedantische in der deutschen sprache. Kl. Schriften. I. 343.

пріостановки въ чтеніи были поставлены нами въ зависимость отъ раздѣленія рѣчи на предложенія, находящіяся въ большей или меньшей связи между собою. Тѣмъ не менѣе помянутое замѣчаніе заставило насъ еще разъ пристально разсмотрѣть вопросъ о дѣйствительномъ началѣ пунктуациі, и мы пришли къ убѣжденію, что хотя большинство теоретиковъ до сихъ поръ держится взгляда, что «знаками препинанія означаются бѣльшія или меньшія паузы, соблюдаемыя въ правильно произносимой рѣчи», но въ сущности цѣль знаковъ препинанія заключается просто въ показаніи состава рѣчи, въ уясненіи взаимной связи, болѣе или менѣе тѣсныхъ отношеній между предложеніями. Эту связь предложеній намъ нужно видѣть на письмѣ не только когда мы читаемъ вслухъ, но и при чтеніи про себя: вотъ лучшее доказательство, что не въ интонаціи тутъ дѣло. Только знаки восклицательный и вопросительный указываютъ на интонацію, но и при нихъ она можетъ быть различна. Назначеніе знаковъ препинанія — облегчать разумѣніе письменной рѣчи указаніемъ границъ между предложеніями, а отчасти и между членами ихъ ¹⁾).

Разсмотрѣвъ въ предыдущемъ главныя изъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя съ разныхъ сторонъ были высказываемы по поводу «Русскаго Правописанія», я долженъ теперь остановиться на одной критической статьѣ, которая, и по обширности своей и по характеру, отличается отъ другихъ заявленій, вызванныхъ нашею книгой. Разумѣю брошюру: «Возможно ли примѣнить Русское правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ?» Авторъ ея, нѣкто г. Доброписцевъ, задался мыслию доказать, что все наше руководство, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ только рядъ недостатковъ всякаго рода. Разобрать эту статью является тѣмъ болѣе нужнымъ, что прежде напечатанія она была читана въ довольно многочисленномъ собраніи преподавателей и потому могла возбудить недоразумѣнія въ педагогическомъ мірѣ.

¹⁾ Желаящимъ въ подробности изучить вопросъ о пунктуациі укажу на соч. *Das princip der deutschen Interpunktion nebst einer übersichtlichen Darstellung ihrer Geschichte*, von Dr. Alexander Bieling. Berlin 1880.

Едва ли можно ожидать, чтобы каждый изъ прослушавшихъ критику г-на Д. имѣлъ охоту и терпѣніе слѣдить для повѣрки каждое его показаніе или толкованіе съ соответствующимъ мѣстомъ руководства.

Уже во вступительной части своей брошюры авторъ обнаруживаетъ весьма смутныя понятія о предметѣ, въ которомъ беретъ на себя роль верховнаго судьи: «У насъ, говоритъ онъ на 1-й страницѣ, до настоящаго времени не выясненъ и чуть ли затронуть вопросъ о томъ, долженъ ли *книжный языкъ*¹⁾ воспроизводить всякое звуковое видопзмѣненіе языка живаго, устнаго; долженъ ли филологъ сберечь новую нарождающуюся форму и пренебрегать старою, — или — дорожить древнею формою, охранять ее; слѣдуетъ ли на слово написанное смотрѣть, какъ на воспроизведеніе слова сказаннаго и видѣть въ немъ точную фотографію, подлинный образъ рѣчи устной, — или писать, какъ того требуетъ установившійся обычай, предоставивъ живому слову развиваться и идти своимъ путемъ, и ждать времени, когда *печатное слово*¹⁾ едва едва будетъ напоминать своимъ начертаніемъ устное слово».

Что это такое? Отдалъ ли авторъ самому себѣ ясный отчетъ въ своихъ сомнѣніяхъ? жаль, что онъ не подкрѣпилъ ихъ примѣрами. О какомъ *книжномъ языкѣ* тутъ говорится? До сихъ поръ подъ книжнымъ языкомъ разумѣли особенный складъ и тонъ рѣчи, а здѣсь этотъ терминъ долженъ означать просто письмо, которое нѣсколькими строками ниже названо еще *печатнымъ словомъ*! Въ подстрочномъ примѣчаніи г. Д. прибавляетъ, что въ моихъ «Спорныхъ вопросахъ русск. правописанія» собрано нѣсколько замѣчаній разныхъ авторовъ о фонетическомъ и этимологическомъ началѣ письма; но о поставленномъ вопросѣ рѣчи нѣтъ». Сказанное мною выше на стр. 2—6 можетъ послужить, хотя и не отвѣчающимъ на этотъ столь неумѣло поставленный вопросъ, но не бесполезнымъ прибавленіемъ къ тому, что о занимающемъ насъ предметѣ содер-

¹⁾ Въ подлинномъ нѣтъ курсива.

жится въ Спорныхъ Вопросахъ. Жалобы критика на неопредѣленность и разнорѣчія русскаго правописанія непомѣрно преувеличены. Во всѣхъ существенныхъ вопросахъ письма у насъ грамотные люди слѣдуютъ установившейся практикѣ, и только въ частныхъ случаяхъ встрѣчаются отступленія, къ которымъ, какъ уже выше было замѣчено, не должно относиться слишкомъ недангически. Если мы сравнимъ нынѣшнія разнорѣчія нашего правописанія съ тѣми, какія въ немъ господствовали въ былое время, то найдемъ въ пользу настоящаго значительную разницу. Говоря о существующихъ въ правописаніи колебаніяхъ, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что многія изъ нихъ относятся къ самому языку и потому не могутъ быть устранены орфографическою регламентаціей. Продолжая свои разсужденія, нашъ критикъ такимъ же образомъ смѣшиваетъ понятіе о разнорѣчіяхъ правописанія съ понятіемъ о различіи между *формами книжнаго языка* и *формами областными* и между *формами словеснаго языка* и *формами живой речи*, т. е. разные способы словообразованія и измѣненія словъ смѣшиваются у него со способами ихъ начертанія. Не распространяюсь подробнѣе объ этой теоретической части трактата г-на Д., такъ какъ она въ сущности къ задачѣ его не относится и разсмотрѣніе ея только напрасно утомило бы вниманіе читателей.

Переходя далѣе къ разбору руководства, авторъ постоянно приписываетъ его мнѣ одному, какъ бы не зная или не признавая въ немъ участія цѣлой академической коллегіи, на что однакоже ясно указано въ книгѣ: это незнаніе было нужно критику, чтобы придать видъ справедливости замѣчанію, что «академикъ Гротъ во многомъ отстываетъ отъ прежнихъ своихъ мнѣній и нерѣдко вводитъ начертаніе несогласное съ тѣмъ, котораго онъ держался и въ Фил. Разысканіяхъ и въ Сп. Вопросахъ». Приходится повторить здѣсь то, что было сказано мною по поводу того же упрека, сдѣланнаго мнѣ другимъ лицомъ: «Филологическія Разысканія имѣли характеръ изслѣдованія, и потому неудивительно, что я болѣе и болѣе размышляя о томъ же предметѣ, на разстояніи

нѣсколькихъ лѣтъ приходилъ къ новымъ выводамъ. Пушкинъ когда-то сказалъ, что только глунецъ не мѣняетъ своихъ мнѣній. Тутъ же дѣло шло не о какихъ-либо важныхъ истинахъ и даже не о законахъ языка, а просто о лучшемъ способѣ изображать на письмѣ то или другое слово. При третьемъ изданіи Филологическихъ Разысканій немногія отступленія отъ прежнихъ моихъ начертаній оговорены и между прочимъ замѣчено: «оставаться въ дѣлѣ науки неподвижнымъ можетъ только тотъ, кто не мыслить или не трудится. Но къ этому въ настоящемъ случаѣ присоединяется еще и другое обстоятельство: одновременно съ нынѣшнимъ изданіемъ выходитъ составленное мною, по порученію Второго отдѣленія Академіи Наукъ, краткое руководство по русскому правописанію. Обсуждая каждый вопросъ нашей орфографіи вмѣстѣ съ моими сочленами, я долженъ былъ для пользы дѣла заботиться объ общемъ соглашеніи, а этого невозможно было достигнуть безъ нѣкоторыхъ съ моей стороны уступокъ. Затѣмъ и въ *Спорныхъ Вопросахъ* (то-есть во II-й части Филологическихъ Разысканій) нельзя было не сдѣлать тѣхъ же измѣненій».

Г-ну Д. кажется, будто принятый мною порядокъ изложенія, хотя «сообщаетъ руководству единство внѣшнее, но въ тоже время представляетъ значительныя затрудненія опредѣлять, этимологическому или фонетическому началу дается предпочтеніе». Это несправедливо: вездѣ весьма опредѣленно указывается то или другое основаніе письма. Что нѣкоторыя (очень немногія) объясненія помѣщены не въ текстѣ, а въ справочномъ указателѣ — такая мелочь, которая несколько не измѣняетъ сущности дѣла и легко поправима.

Относительно существующихъ въ русскомъ письмѣ двухъ началъ критикъ упрекаетъ насъ въ томъ, будто бы «самая система примѣненія этимологическаго и фонетическаго правописанія представляется (т. е. въ руководствѣ нашемъ) неясною: никто не можетъ сказать, почему въ однихъ случаяхъ и въ какихъ предпочтается этимологическое правописаніе, а въ другихъ можно

писать согласно съ произношеніемъ». Но какимъ образомъ могли мы устанавливать *систему примѣненія* тамъ, гдѣ системы нѣтъ и быть не можетъ? Авторъ, очевидно, незнакомъ съ историческимъ ходомъ развитія правописанія: развѣ какая бы то ни было исторія вообще слагается систематически? Ссылаюсь на изложенное мною по этому предмету выше, на стр. 4—6.

Далѣе брошюра утверждаетъ, будто кромѣ началъ этимологическаго и фонетическаго «замѣтны въ Русскомъ Правописаніи и еще два; это—какъ произносится слово въ просторѣчій и удобно ли оно съ пзвѣстнымъ начертаніемъ для занесенія въ словарь». Этимъ двумъ соображеніямъ критикъ придаетъ значеніе началъ: къ первому онъ конечно относитъ напр. указаніе, какъ должно писать встрѣчающіяся въ просторѣчій имена: *Гаврила, Данила* и т. п.; но развѣ просторѣчіе можетъ быть изгнано изъ области литературы? развѣ и для встрѣчающихся въ немъ словъ не нужно единообразное письмо? То, что разумѣется подъ послѣднимъ началомъ (удобно ли слово для занесенія въ словарь), также относится только къ отдѣльному вопросу, и нельзя не признать вѣрнымъ того принятаго руководствомъ соображенія, что если напр. глаголь писать слитно съ отрицаніемъ *не*, то придется каждый глаголь помѣщать въ словарь два раза, какъ то: *знать* и *незнать*, *дѣлать* и *недѣлать* и т. д. Какая польза была бы отъ такого повторенія безчисленнаго множества словъ, и можетъ ли это соображеніе, относящееся также къ нѣкоторымъ составнымъ нарѣчіямъ, считаться общимъ орфографическимъ началомъ?

Никто не станетъ оспаривать, что для сознательнаго письма нельзя обойтись безъ знанія фонетики языка, а изученіе фонетики, въ современномъ состояніи филологіи, невозможно безъ нѣкотораго знакомства съ законами фізіологическаго образованія звуковъ. Въ этомъ убѣжденіи мы, въ своемъ руководствѣ, правиламъ орфографіи предпослали, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, очеркъ русской фонетики, въ которомъ по необходимости явилось нѣсколько новыхъ терминовъ. Эти термины показались нашему критику странными въ книгѣ, имѣющей практическое на-

значеніе. Между тѣмъ самыя законы произношенія, для объясненія которыхъ они придуманы, чрезвычайно просты, элементарны, и составляютъ, такъ сказать, азбуку всей фонетики, слѣдовательно служатъ прямо къ практическому знакомству съ предметомъ. Но г. Д. считаетъ излишними свѣдѣнія, добытыя въ наше время языкознаніемъ съ помощью физиологій. Нельзя же однако и въ педагогической литературѣ довольствоваться устарѣлыми толкованіями ради удобства или вкуса того или другого преподавателя, не желающаго знать современныхъ успѣховъ науки. Въ статьѣ «*Lesen und Lesenlernen*» академикъ Радловъ говоритъ: «По моему мнѣнію, необходимо, чтобы во всѣхъ учительскихъ семинаріяхъ, при обученіи родному языку, будущимъ учителямъ сообщалось было ясное понятіе о физиологійи звуковъ, фонетикѣ и ея отношеніи къ орфографіи»¹⁾.

Въ тѣхъ же видахъ мы нашли нужнымъ ввести въ русскую терминологію съ точнымъ значеніемъ три названія звуковыхъ группъ, служащихъ для словообразованія: *affix*, какъ общій для нихъ терминъ, *praefix* для звуковъ начальныхъ и *suffix* для звуковъ конечныхъ. Всякому ясно, что слово *приставка*, употреблявшееся до сихъ поръ для передачи термина *praefix*, собственно отвѣчаетъ общему названію *affix*, и потому мы перевели *praefix* правильно-образованнымъ словомъ *представка*²⁾. Но и это слово не понравилось г-ну Д. «Это, разсуждаетъ онъ, не только новый терминъ, но и новое слово, едва ли удачное для обозначенія понятія *praefix*; *передъ* указываетъ на положеніе впереди какого либо предмета, а представленіе о соединеніи съ предметомъ обозначается предлогомъ *при*». (Потому-то, замѣчу я, намъ и нужно было слово *представка* для отличія отъ *приставки*). «*Представка*, продолжаетъ критикъ, въ разговорномъ языкѣ употребляется иногда въ значеніи *доставка* (представка дровъ, молока,

¹⁾ Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. Leipzig 1884. I Band, 2 Heft, pag. 369.

²⁾ Суффиксъ назвали мы *наставка*. Этотъ терминъ уже употреблялся мною въ *Филол. Разысканіяхъ*, а впоследствии являлся и въ другихъ трудахъ.

япць); въ словаряхъ академическомъ и Даля этого слова нѣтъ». Такого рода логика говоритъ сама за себя. Выходитъ, что надо изгнать изъ грамматики и термины: *предлогъ* и *союзъ*, потому что они въ живомъ языкѣ ходятъ совершенно въ другомъ значеніи. Между тѣмъ въ самой же брошюрѣ на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: «неопредѣленность терминологіи — вообще большое мѣсто нашихъ грамматическихъ учебниковъ и требуетъ, какъ и правописаніе, и пересмотра и обработки».

Далѣе замѣчено: «Что называется въ руководствѣ окончаніемъ, что суффиксомъ и вообще различаются ли какъ-нибудь эти термины, — понять довольно трудно». Нашему критику не вдогадь, что окончаніе есть понятіе родовое, а суффиксъ — видовое. Суффиксы бываютъ двоякіе: словообразовательные и флективные, и потому *каждый* суффиксъ можетъ быть называемъ и *окончаніемъ*, такимъ же образомъ какъ каждый *глаголъ* или каждое *имя* могутъ быть называемы и *словомъ*. Въ примѣръ того, будто къ «окончанію» руководство относитъ иногда и часть основы, авторъ приводитъ прилагательное *коломенскій*; но въ прилагательныхъ: *чесменскій*, *пръсенскій*, *городненскій* и мн. др. развѣ окончаніе *енскій* принадлежитъ тоже къ основѣ, или составляетъ двусложный суффиксъ? Въ орфографическомъ руководствѣ нужно было рѣзко отлечь одно написаніе отъ другого, и вотъ почему двусложное окончаніе *енскій*, на какомъ бы основаніи оно ни являлось, приведено въ противоположность окончанію *инскій*; при чемъ однакожь показано, что въ цѣломъ рядѣ именъ, какъ и въ имени *Коломна*, бѣглое *e* вставляется между двумя согласными, принадлежащими къ основѣ существительнаго.

Указываемое критикомъ выраженіе: «форма многократнаго склоненія глаголовъ» въ подстрочномъ примѣчаніи къ § 38, — случайная обмолвка, въ которой слово *наклоненіе* употреблено вмѣсто: *вида*, что конечно было ясно всякому не предубѣжденному читателю. Въ другомъ мѣстѣ и явная опечатка выставляется какъ доказательство, что нами «безъ нужды передѣлываются слова». Дѣло въ томъ, что въ справочномъ указа-

телѣ перваго изданія пропущено было слово *клевъ*, а *клювъ* помѣщено съ объясненіемъ, принадлежавшимъ къ пропущенному слову. Конечно, очень жаль, что такая погрѣшность набора не была замѣчена при чтеніи корректуры, но она исчезла уже во второмъ изданіи, гдѣ оба слова напечатаны, каждое на своемъ мѣстѣ. А между тѣмъ г. Д., пишущій свою критику въ то время, когда расходится уже 4-е изданіе книги, считаетъ нужнымъ подробно остановиться на опечаткѣ 1-го изданія.

Какъ практическій способъ узнавать, когда глаголь долженъ оканчиваться на *ивать*, а не на *овать*, въ руководствѣ замѣчено, что указаніемъ правильной орфографіи служить возможность «сокращеніемъ этого окончанія извести глаголь на степень несовершеннаго или, при предложномъ глаголѣ, совершеннаго вида: такъ изъ *дѣлывать* можно вывести *дѣлать* и т. д., тогда какъ подобнаго сокращенія нельзя примѣнить напр. къ глаголу *совѣтовать*. Трудно придумать болѣе простое указаніе: ясно, что этимъ нисколько не нарушается законъ образованія многократнаго вида отъ первой видовой формы; но г. Д. серьезно поучаетъ насъ, что «все предшествующіе филологи обыкновенно первоначальною формою глагола признавали совершенный или несовершенный видъ», и что если даже составитель руководства употребилъ приведенное выраженіе, какъ пріемъ, то и какъ пріемъ оно не удобно, давая будто бы неточныя понятія о переходѣ изъ одного вида въ другой. Пусть всякій самъ судитъ о достоинствѣ подобной аргументаціи. Выше мы видѣли, что критикъ наименовалъ намъ практическое назначеніе руководства.

Смѣшеніе вопросовъ языка съ вопросами правописанія встрѣчается въ брошюрѣ безпрестанно. Въ примѣчаніи къ § 25 въ руководствѣ сказано: «Обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполне установилось. Нѣкоторые глаголы произносятся двояко: одни говорятъ: «обрабатывать, успокаивать», другіе не считаютъ позволительнымъ обращать тутъ *о* въ *а*». Несмотря на эту дѣйствительно существующую въ языкѣ неопредѣленность, брошюра замѣчаетъ: «Какъ изъ

текста Р. Пр., такъ и изъ Спр. Ук. нельзя выяснитъ, когда слѣдуетъ о усиловать въ данномъ случаѣ въ *a* и когда не слѣдуетъ». Да этого не можетъ покуда выяснитъ и грамматика: это зависить отъ употребленія въ живой рѣчи и вовсе не составляетъ задачи правописанія, которая заключается только въ томъ, чтобы правильно переложить на письмо то, что произносится. Затѣмъ авторъ пытается пополнить здѣсь то, что, по его мнѣнію, не досказано въ руководствѣ и, между прочимъ, даетъ такое правило: «Если вмѣстѣ съ усиленіемъ гласной *o* въ *a* и удареніе переходитъ на эту же гласную, то пишется *a*, напр. ходѣть, хѣжить, просѣть, прѣшивать» и т. д. То есть, другими словами: когда *a* произнесено съ удареніемъ, то *a* и пишется. Но это самое гораздо проще выражено нами въ самомъ началѣ критикуемаго § 25. Тамъ сказано: «*a* ударяемое всегда пишется тамъ, гдѣ оно слышится, между прочимъ и въ глагольной формѣ многократнаго вида, въ которой оно образуется изъ *o*: устранивать, разговаривать, допрашивать». А опредѣлить, въ какихъ случаяхъ образуется эта форма, не есть дѣло руководства къ правописанію. Затѣмъ критикъ въ двухъ слѣдующихъ пунктахъ повторяетъ своими словами то, что говорится въ § 27 руководства, съ тою только разницею, что онъ пишетъ: «рости — выростить, возвращать, выростать», тогда какъ по нашему правилу, здѣсь слѣдуетъ писать *a*, сходно съ тѣмъ, какъ этотъ глаголъ и производные отъ него писались издревле. Итакъ г. Д., взявшись поправить и дополнить въ этомъ мѣстѣ руководство, не сказалъ ровно ничего такого, чего бы у насъ не было.

Увлекаясь своимъ стараніемъ отыскивать промахи въ Р. Пр., онъ тутъ же говоритъ между прочимъ: «Отъ корня *мок*, *мокнуть*. Русское Прав. производитъ *макать* — слово довольно странное, а въ соединеніи съ приставками опять *o*: *промокать*, *размокать*». Еслибъ г. Д., прежде этого замѣчанія, заглянулъ въ словарь, то увидѣлъ бы, что показавшееся ему страннымъ начертаніе *макать* не только общеупотребительное, но и весьма древнее (Сл. Миклошича) и основано конечно на разумной потребности

отличать этотъ глаг. дѣйствительнаго залога, дающій формы: *обмакну́ть*, *обма́кивать*, отъ глаг. среднихъ: *мо́кнутъ*, *обмо́кнутъ*, *обмока́тъ*.

Въ разборѣ § 38 о глаголахъ *раскаиваться*, *отчаиваться* и т. п. критикъ позволяетъ себѣ приписывать мнѣ выводы, противорѣчащіе тексту руководства. Тамъ сказано: «Впрочемъ глг. *таятъ* и *чаятъ* допускаютъ также церк.-сл. формы *истаявать*, *отчаяваться*, которыя, слѣдую произношенію, иногда являются и съ *e* вм. *я*». Здѣсь говорится только о двухъ глаголахъ на основаніи словаря Миклошича, и при томъ на различіе въ ихъ начертаніи указано только какъ на фактъ, противъ котораго нѣсколько выше было замѣчено: «Итакъ правильны только начертанія: *раскаиваться*, *оттаивать*, *отчаиваться*, *осмѣивать*». По какому же праву г. Д. прибавляетъ: «стало бытъ, и *раскаиваться* и *осмѣивать*», а далѣе: «значитъ *истаявать*, *отчаяваться*, *раскаиваться*, *осмѣивать*, значитъ и *осіевать*? — Нѣтъ, это прямо противоположно категорически высказанному въ руководствѣ правилу, въ дополненіе къ которому еще замѣчено: «у гл. *сіять*, въ которомъ *я* принадлежитъ къ корню, этотъ звукъ не исчезаетъ въ другихъ формахъ, между прочимъ, и въ предложномъ *осіивать*». Какъ назвать подобную критику?

Относительно глаголовъ *индивѣть* и *пльсневѣть* брошюра выражаетъ сомнѣніе въ правильности этихъ формъ. Онѣ записаны въ руководствѣ согласно съ академическимъ словаремъ. *Пльсневѣть* (отъ прил. *пльсневой*, см. у Даля) не представляетъ никакого затрудненія; что касается *индивѣть*, то въ Областномъ словарѣ мы находимъ форму *иневѣть*, *зайневѣть*, а въ Дополненіи къ этому словарю: *зайнѣть*, *зайнѣться*, записанныя въ Псковской и Тверской губерніяхъ. Форма, указанная Обл. словаремъ, замѣтована и Далемъ, который, конечно на основаніи ея, далъ и общезвѣстному глаголу отъ существ. *иней* начертаніе «индевѣтъ». Иначе поступилъ г. Буслевъ (Ист. Гр. I, стр. 83): при ссылкѣ на областныя формы: *иневѣть*, *зайнѣть* онъ однакоже говоритъ: «Вставка *д* между плавнымъ и гласнымъ оказы-

вается въ глаголѣ *ин-д-ивѣть* вм. *ин-ивѣть*. Принятое здѣсь дѣленіе слоговъ указываетъ на предположеніе, что для образованія глагола суффиксъ существительнаго *ей* отброшенъ, и въ основаніе взятъ суффиксъ прилагательнаго *ивый*: подобному образованію глаголовъ есть въ языкѣ и другіе примѣры (какъ *паршивѣть* отъ *паршивый*), и едва ли такъ смотрѣть не вѣрнѣе, чѣмъ вводить въ составъ глагола часть суффикса *ей*. Вотъ почему и въ руководствѣ, согласно съ грамматикою г. Буслаева и академическимъ словаремъ, предпочтена форма *индивѣть*. Ссылаюсь на наше правило безъ явной причины не измѣнять общепринятаго правописанія. Академическій словарь былъ, естественно, въ числѣ основныхъ пособій, съ которыми я справлялся, стараясь не нарушать преемства въ трудахъ академіи и безъ особенной надобности не отступать отъ того, что сдѣлано нашими предшественниками, которые, конечно, трудились также не легкомысленно.

Въ этомъ же отдѣлѣ брошюры читаемъ: «Есть другой рядъ глаголовъ, о которыхъ не говорится въ Р. Пр. и которые отчасти по письму, отчасти по образованію, принадлежатъ къ спорнымъ. Откуда явился въ глаголахъ слогъ *ев*, не измѣняющійся въ *ю*: *затмевать*, *намъреваться*, *обуревать*? Это необходимо разяснить». Дѣйствительно, на происхожденіе этой формы еще не было обращено надлежащаго вниманія¹⁾. Взявъ за норму гл. (воз)намъриться, мы по обыкновенному способу образованія многократнаго вида получимъ (воз)намъриваться. Между тѣмъ въ обычай вошла форма *намъревіться*. Это приводитъ къ заключенію, что когда, по звуковому требованію, удареніе упадетъ на слогъ *ва*, то предшествующій ему гласный *и* измѣняется въ *е*. Другимъ примѣромъ аналогическаго явленія можетъ служить

¹⁾ Павскій только вскользь упоминаетъ объ этихъ (всегда предложныхъ) глаголахъ, приводя слѣдующіе примѣры: *затмевать*, *отомцевать*, *надмевать*, *истощевать*, *растлевать*, *намъреваться*, *обуревать*. Ошибочно причисляетъ онъ къ нимъ и гл. «сомневаться», производя его отъ *усомниться* и не сообразивъ, что въ основаніе его слѣдуетъ положить цел. гл. *мнѣти*.

двойкая форма уменьшительныхъ именъ съ суффиксомъ *ице*. Когда на него не падаетъ удареніе, то, согласно съ древнимъ составомъ этой наставки (*ице*), передъ нею является буква *и*: *маслице*, *ожерельице*, *платьице*, *имъниице*; когда же подъ удареніемъ тотъ же суффиксъ принимаетъ форму *ицо*, то предшествующее *и* уступаетъ мѣсто гласной *е*: *серебреицо*, *писменицо*, *копьеицо*.

Возвращаясь къ глаголамъ формы *ѣва*, замѣтимъ, что съ нпми не должно смѣшивать тѣхъ, которые образованы отъ имѣющихъ въ основномъ видѣ *ь* передъ *ть*, какъ напр. *сомнѣваться* отъ *мыгѣти*, *недоумѣвать* отъ *умѣть*. *Растлѣвать* отъ *растлѣть*, гл. средній, не должно смѣшивать съ *растлѣвать*, дѣйств. залога, отъ *растлѣть*.

Для правильнаго употребленія личныхъ глагольныхъ окончаній руководство въ § 34 предлагаетъ, между прочимъ, практическій пріемъ повѣрять единственное число по множественному и наоборотъ. Это подвергается также критикѣ брошюры, утверждающей, будто иногда въ обоихъ числахъ окончанія произносятся такъ неясно, что мы напр. слышимъ въ выговорѣ и встрѣчаемъ на письмѣ: «видешь, видють» и т. п. Но случай подобнаго невѣжества къ счастію рѣдкъ, и для немногихъ полуграмотныхъ не слѣдовало лишать другихъ простаго указанія, очень облегчающаго дѣло, которое, при однихъ теоретическихъ правилахъ спряженія глаголовъ, является запутаннымъ и сбивчивымъ. Притомъ, послѣ примѣровъ, приведенныхъ для отличія глаголовъ разныхъ окончаній, указаны въ руководствѣ примѣты, по которымъ узнаются глаголы, долженствующіе въ наст. времени оканчиваться на *ишь*, — *ятъ* или *атъ*, и, начиная со 2-го изданія, указаніе это для бѣльшей точности пополнено подстрочнымъ примѣчаніемъ. Въ 5-мъ изданіи оно будетъ еще распространено.

Въ первомъ же только изданіи была помѣщена, въ справочномъ указателѣ, при глаголѣ *лазитъ* форма 1 л. наст. вр. *лазю*, замѣненная въ послѣдующихъ изданіяхъ формою *лажу*. Это не мѣшаетъ г-ну Д. считать первую единственною, показанною въ руководствѣ при данномъ глаголѣ. Приравливая ее къ такимъ

нелѣпнымъ формамъ, какъ *пздію*, *лазію* и т. п. ¹⁾, онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что есть нѣсколько глаголовъ одной формы съ *лазить*, которые въ 1-мъ лицѣ наст. вр. не измѣняютъ передъ ю способной смягчаться согласной. Примѣры тому приведены у Востокова: *мерзю*, *слезю*, *тузю* (вм. тужу отъ тужить). Къ числу такихъ исключеній нѣкоторые присоединяютъ и форму *лазю*, для отличія отъ *лажу* при неопред. наклоненіи *ладитъ*. Въ извѣстномъ стихѣ ²⁾ Державинъ могъ предпочесть *лажу* для рпемы къ *прокажу*. Тѣмъ не менѣе, начиная со 2-го изданія руководства, и мы, для соглашенія съ примѣромъ изъ Державина, предпочли форму *лажу*.

При словѣ *пріобрѣвшій*, въ справочн. указателѣ, сказано: «хотя неправильно, но почти вытѣснило форму *пріобрѣтшій*». Всякій, кто внимательно слѣдитъ за современнымъ развитіемъ языка, подтвердитъ это замѣчаніе. Несмотря на то, нашему критику понадобилось заявить, будто въ руководствѣ «отъ глагола *пріобрѣсти* образована совершенно неправильная форма *пріобрѣвшій* вмѣсто правильной *пріобрѣтшій*».

Что касается страд. причастія *спеленатъ*, то оно явилось въ нашемъ указателѣ съ оговоркою: «въ народномъ языкѣ», собственно для оправданія этой формы, недавно употребленной въ повѣсти одного талантливаго писателя и возбудившей сомнѣніе въ ея существованіи. Востоковъ не счелъ излишнимъ, даже въ своей грамматикѣ, привести вторыя формы страдат. причастія *знатъ* и *братъ*, разумѣется прибавивъ, что онѣ «принадлежатъ просторѣчію.»

Въ своихъ разсужденіяхъ о начертаніи гл. *итти* критикъ очевидно не вникъ въ наши основанія. Мы объясняли, что въ правильной формѣ «пти», по особенному звуковому составу ея (зубной звукъ между двухъ *и*), органы рѣчи повнновались потреб-

¹⁾ При этомъ однакожъ критикъ самъ попадаетъ впросакъ. приводя, въ числѣ невозможныхъ образований, форму *лазаю*, которая правильна и показана какъ въ академ. словарѣ, такъ и у Даля при гл. *лазатъ*.

²⁾ «То съ ней на голубятню лажу».

ности опереться на единственную согласную и усилить ее произношеніе, чему на письмѣ соотвѣтствуетъ удвоеніе буквы; а критику кажется, что звукъ второго *т*, вызванный произношеніемъ, въ произношеніи же долженъ былъ обратиться въ *с*! и онъ спрашиваетъ: «почему тотъ же зубной звукъ *т* не сдваивается въ *плети*, *мети*, *цвѣти*, и др.? Предложные глаголы *взойти*, *войти* и пр., продолжаетъ онъ, сохранять свое начертаніе; теперь въ нихъ пропускается *д*; если же станутъ писать *итти*, то тогда тоже будутъ пропускать *т*». Во-первыхъ, почти всѣ, пишущіе *идти*, пишутъ также: *взойдти* *войдти*, *разойдтись*, что до очевидности неслѣбно, однакожъ для послѣдовательности неизбежно, а во-вторыхъ, въ предложныхъ глаголахъ удвоеніе *т* исчезаетъ по той же причинѣ, по которой оно является въ простомъ гл. *итти*, т. е. по звуковому требованію. Г. Буслаевъ, допуская обѣ формы *идти* и *итти*, въ текстѣ своей Истор. Грамматики употребляетъ и вторую. Даль хотя и ставитъ на первомъ мѣстѣ *идти*, но во всѣхъ примѣрахъ на это слово пишетъ *итти*. Павскій признаетъ исключительно послѣднюю форму¹⁾. Въ памятникѣхъ XV и XVI ст. этотъ глаголъ встрѣчается почти постоянно съ двумя *т*.

Самымъ вѣскимъ доводомъ въ пользу правописанія съ *д* могла бы служить форма страд. причастія: *найденъ*, *обойденъ*, такъ какъ эта форма обыкновенно принадлежитъ къ той же темѣ, какъ неопр. наклон. Но есть примѣры тому, что когда образованіе второго страд. причастія на *ен* отъ этой темы оказывается неудобнымъ, то такое причастіе образуется отъ основы настоящаго времени: это дѣлается во всѣхъ гл., у которыхъ коренная *д* или *т* исчезаетъ передъ примѣтою неопред. наклоненія *т*: *веденный*, *обрѣтенный*. Подобное встрѣчается и въ глаголахъ другого разряда: отъ гл. *знать* есть сущ. *сознаніе*, но есть и *знаніе*, предполагающее причастную ф. *знанъ* отъ *зню* (отъ *знать* оно было бы *знѣнъ*); отъ *тереть*, *переть* есть причастія *тертъ*, *пертъ*, но есть и существительныя *трение*, *прение*, предполагающія формы

¹⁾ Въ *Филол. Набл.* (I, 112) цѣлыя двѣ страницы посвящены этому вопросу: помѣщая выписку изъ нихъ въ особомъ прибавленіи.

тренъ и *пренъ* (отъ *тру* и *пру*). Такъ и для образованія причастій *найденъ*, *обойденъ*, въ помощь взята форма настоящаго времени *иду*, *идеши*. Наконецъ есть еще доказательство отсутствія *д* въ неопр. накл. разсматриваемаго глагола: это — существительныя: *наитіе*, *вѣнчикъ*, произведенныя отъ неупотребительной формы страд. причастія на *т*, которую мы въ правѣ здѣсь предположить и которая совершенно исключаетъ корень *ид* пзъ этой темы.

Брошюра признаетъ неправильными формы: сущ. *обрусеніе* и прич. *затменъ* на томъ основаніи, что при образованіи страд. причастій на *енъ* отъ глаголовъ 2-го спряж. съ примѣтою *и*, согласная способная смягчаться смягчается; въ примѣръ того приводятся между прочимъ слова: *прошеніе* отъ *просить*, *кормленъ* отъ *кормить*. Здѣсь критикъ опять упускаетъ изъ виду, что есть глаголы, въ которыхъ для удобства произношенія или для избѣжанія странныхъ звуковъ, допускается образованіе этого причастія безъ смягченія предшествующей суффиксу *енъ* гласной. Это тѣ самые глаголы, на которые указано выше, когда рѣчь шла объ образованіи 1-го лица ед. ч. наст. вр. и которыхъ Востоковъ (Р. Гр. § 77) насчитываетъ не менѣе 16-и. Въ числѣ ихъ находятся гл. *обезопасить* и *тлѣть*, образующіе въ наст. формы: *обезопасю* и *тлю*, а слѣдов. и прич. *обезопасенъ* и *затменъ*. Къ этому разряду долженъ быть причисленъ и неупотребительный при жизни Востокова гл. *обрусить*, отъ котораго конечно нельзя произвести формы: «обрушу, обрушенъ». Такимъ же образомъ невозможны формы: «обезсмерчу, обезсмерченный» или «обезлѣшу, обезлѣшенный» отъ гл. *обезсмертить*, *обезлѣсить*. Все это подробности, на которыхъ невозможно было останавливаться въ краткомъ руководствѣ, да не было въ томъ и надобности, потому что онѣ относятся собственно къ морфологіи, а не къ правописанію.

Объ именахъ съ суффиксомъ *це* было уже говорено выше при другомъ случаѣ. Здѣсь прибавлю только, что самое произношеніе ясно указываетъ на несостоятельность приводимыхъ брошюрою формъ именъ «пряслеце, маслеце», въ которыхъ явствен-

по слышится *и* передъ *ц*, такъ же точно, какъ при паденіи акцента на конечный слогъ, *и* столь же замѣтно измѣняется въ *е*: *письменѳ*, *копѳенѳ*. Въ своихъ Филологическихъ Разысканіяхъ я первоначально также принималъ за общую норму *це*, но исторія языка, при помощи сравнит. грамматики и словаря Миклошича, привела меня впоследствии къ иному заключенію. Въ акад. словарѣ мы находимъ также начертанія: *маслице*, *ожерельице*, *свиданѳице*.

Соглашаясь съ моими замѣчаніями о правописаніи именъ *Гаврила*, *Михайла* на основаніи ихъ склоненія съ женскими окончаніями, г. Д. считаетъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «но едва ли можно заставить писать всѣхъ: *Михайль*, *Гавриль* и т. п., когда обыкновенно пишутъ и говорятъ не *Михайлу*, *Гаврилу*, а *Михайлу*, *Гаврилу*». Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать такъ, какъ говорятъ: это вопросъ тона и отгѣнковъ рѣчи, а не правописанія; дѣло шло только о томъ, какъ употребительныя въ *просторѳичи* формы *Михайла*, *Гаврила* слѣдуетъ писать въ имен. падежѣ, такъ какъ произношеніе неударяемыхъ *а* и *о* безразлично, а женское склоненіе въ другихъ падежахъ указываетъ на *а*. То же относится къ замѣчанію о нарицательныхъ именахъ муж. р. на *ишко*, *ко* и *ло*. Конечно, авторъ брошюры правъ, что никому нельзя запретить писать *сынѳишко*, но надо сознаться, что кто пишетъ *малѳишка* и въ то же время остается при формѣ *сынѳишко*, тотъ впадаетъ въ страшное противорѣчіе съ самимъ собою. Да и кому же вообще можно запретить писать такъ, какъ ему вздумается?

Возражая на мое замѣчаніе о случаяхъ, когда въ уменьшит. окончаніи *ѳнка* буква *н* теряетъ свое умягченіе, критикъ нашъ полагаетъ, что умягченіе *н* бываетъ тогда, когда удареніе является на слогъ *ен*: *родѳнка*, *деревѳнка*, *ровѳнка*. Это правило ни на чемъ не основано, какъ показываютъ слова: *поженѳка*, *рученѳка*, *рученѳка*, *маменька*, *батенька*, *душенька* и мн. др.

Противъ моего замѣчанія: «мы говоримъ двойко: въ *забыти*

и въ *забыть*» и пр. брошюра говоритъ: «можно составить довольно длинный списокъ такихъ словъ, но дѣло отъ того мало выигрываетъ, потому что остались два окончанія и которому изъ нихъ давать предпочтеніе, приходится руководствоваться личнымъ вкусомъ и соображеніемъ». Здѣсь авторъ онять не отдаетъ себѣ отчета въ различіи между языкомъ и правописаніемъ. Если языкъ допускаетъ двѣ формы, если у одного писателя мы находимъ: въ *забыть*, а у другого: въ *забыти*, если у прозаика читаемъ: въ *весели*, а поэтъ, хоть для римы, скажетъ: въ *веселишь*, то не будетъ ли произволомъ теоретика отвергать одну изъ обѣихъ формъ? Мы не брались и не могли взяться за передѣлку живого языка, а задались только указаніемъ, какъ перелазить на буквы имѣющіяся въ языкѣ формы, и если для того же слова существуютъ двѣ, то конечно отъ говорящаго или пишущаго зависить выборъ той или другой, какъ и вообще въ выборѣ словъ, выраженій и оборотовъ каждый воленъ: та или другая форма можетъ быть въ данномъ случаѣ болѣе пригодна, смотря по оттѣнку языка и слога, по тону рѣчи и т. п.

Здѣсь же кстати будетъ остановиться на замѣчаніи, сдѣланномъ другимъ критикомъ¹⁾ относительно формы предложн. падежа ед. ч. существительныхъ именъ на *ий*: о *геніи*, о *Василии*. Было сказано мнѣніе, что такая форма не согласна ни съ общимъ окончаніемъ этого падежа на *ь* въ именахъ муж. р., ни съ господствующею практикою, и что при окончаніи *ии* часто нельзя отличить мужского имени отъ женскаго, напр. въ начертаніяхъ: *объ Анастасіи*, о *Теренціи*. — Для рѣшенія этого вопроса мы должны обратиться къ исторіи языка: въ др.-славянскомъ на *ь* въ предложномъ падежѣ оканчивались только имена съ окончаніями: *ъ*, *о* и *а*; при всѣхъ другихъ окончаніяхъ именит. падежа предложный оканчивался на *и*. Въ русскомъ большая часть именъ муж. рода съ мягкимъ окончаніемъ (т. е. оканчивающіяся на мягкую согласную или на *й* съ предыдущими гласными: *а*, *е*, *ь*, *о*, *у*, напр. *конь*, *бой*) сравнили форму своего предложнаго паде-

1) Г. Модестовымъ.

жа съ именами на *ъ*, *о* и *а* (о конь, о боть); но имена на *ій* сохранили въ этомъ падежѣ древнее окончаніе на *и* (*и*) по требованію закона уподобленія звуковъ, на основаніи котораго *ь* послѣ *і* устоять не можетъ и уступаетъ мѣсто этому же гласному. Такимъ образомъ имена всѣхъ трехъ родовъ, оканчивающіяся на *ій*, *ія*, *іе*, принимаютъ въ предложномъ падежѣ ед. ч. окончаніе *и*. Доводъ же, что при такомъ окончаніи нѣтъ признака для отличія муж. рода отъ женскаго, устраняется тѣмъ, что то же неудобство существуетъ и при окончаніи предложнаго падежа на *ь*, и притомъ не въ однихъ собственныхъ именахъ. Когда мы напр. читаемъ: объ Александрѣ, объ Антонинѣ, о рабѣ, то не видно, должно ли разумѣть Александра, или Александру и т. д.

Къ разряду недоразумѣній должно быть причислено также замѣчаніе, зачѣмъ въ первомъ изданіи руководства при словѣ *цыганъ* отмѣчены двѣ формы множ. ч. *цыганы* и *цыгане*. Онѣ приведены были потому, что обѣ употребительны. Впрочемъ, начиная со 2-го изданія, мы, по желанію нѣкоторыхъ изъ приславшихъ мнѣ свои отзывы, удержали только первую форму, употребляемую Пушкинымъ, такъ какъ дѣйствительно нѣтъ основанія оканчивать на *е* мн. число имени, не имѣющаго въ единственномъ суффикса *инъ*. Другое дѣло имена этой формы: у нихъ иногда встрѣчается несоотвѣтствіе между окончаніями ед. и множ. ч. Такъ отъ *болгаринъ* и *татаринъ* обыкновенно образуютъ во множ. *болгары* и *татары*, а не «болгаре» и «татаре». Вопросы этого рода относятся опять къ грамматикѣ, а не къ правописанію, и потому-то о нихъ въ текстѣ нашего руководства не было рѣчи.

Брошюра находитъ страннымъ, что въ прилагательныхъ *іюньскій*, *сентябрьскій* и образованныхъ отъ именъ слѣдующихъ за сентябремъ мѣсяцемъ удержано *ь* передъ суффиксомъ *скій*. Это, по мнѣнію критика, противорѣчитъ § 60, гдѣ сказано, что въ среднѣй слова *ь* опускается, когда мягкое произношеніе обусловливается слѣдующимъ мягкимъ звукомъ. Здѣсь критикъ не обратилъ вниманія на то, что слогъ *скій* не есть мягкій, потому что въ произношеніи слышится послѣ *к* не *і*, а твердый не-

опредѣленный гласный, который въ косвенныхъ падежахъ и пишется. При означенныхъ прилагательныхъ объяснено, что въ нихъ ъ удерживается для облегченія выговора. При томъ замѣчаніе мое о пропускѣ внутри словъ *еря* вопреки произношенію было превратно понято. Изъ сказаннаго по этому поводу выведено неправильное заключеніе, будто слѣдуетъ писать то *письмо*, то *о письмѣ*, тогда какъ у меня нигдѣ не упомянуто, чтобы сдѣланное мною наблюденіе надъ случаями пропуска *еря* внутри словъ относилось и къ флексіямъ одного и того же слова. Такое недоразумѣніе указываетъ конечно на необходимость изложить это наблюденіе нѣсколько иначе.

Коснувшись значенія двусложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій*, составъ и употребленіе которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ первый разъ были разъяснены мною, я не могъ, да и не имѣлъ надобности, въ краткомъ руководствѣ къ правописанію, распространяться о случаяхъ образованія прилагательныхъ съ этими суффиксами. Но вотъ какъ первоначально, еще въ 1870 г., изложено было мое изслѣдованіе о нихъ въ академическомъ Сборникѣ (т. VIII, стр. XIII): «Отъ собственныхъ именъ прилагательныя образуются: 1) лично-притяжательныя: *Петр-овъ*, *Алексъ-евъ*, *Марі-инъ*; 2) лично-относительныя: *петр-ов-скій*, *алексъ-ев-скій*, *марі-ин-скій*; 3) мѣстно-относительныя: *клин-скій*, *твер-ской*, *кам-скій*. Отсюда видно, что лично-относительныя образуются помощью двухъ приставокъ, изъ которыхъ послѣдняя *скій* присоединяется къ лично-притяжательному, — при мужскомъ окончаніи *овъ*, при женскомъ *инъ*. Такъ производятся прилагательныя и отъ иностранныхъ личныхъ именъ: *шекспировскій*, *гомеровскій*, *байроновскій*, *аннинскій* (не *анненскій*). Напротивъ, мѣстно-относительныя прилагательныя образуются при соединеніемъ окончанія *скій* прямо къ имени: *петербургскій*, *невскій*. Таковъ общій законъ образованія. Случается однакожь, что ради облегченія выговора, у лично-относительныхъ опускается слогъ *ов* или *ин*, напр. *владимир-скій*, *гофман-скій*, *софій-скій*, и наоборотъ, у мѣстно-относительныхъ слогъ *ов* или *ин* вставляется,

напр.: *днѣпр-ов-скій*, *торжск-ов-скій*, *балахн-ин-скій*. Въ первомъ случаѣ опущеніе посредствующаго слога, а во второмъ вставка его должны быть отнесены къ числу довольно рѣдкихъ явленій». Въ Р. Правописаніи я счелъ достаточнымъ указать только на составъ двусложныхъ окончаній *овскій* и *инскій*; о первомъ вовсе не могло быть вопроса для письма; нужно было только объяснить, когда въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ именъ мѣсть и урочищъ, слѣдуетъ писать *инскій* и когда *енскій*, и вотъ на основаніи сейчасъ изложеннаго мною наблюденія, сказано, что въ прилагательныхъ, произведенныхъ отъ *такихъ* именъ (т. е. именъ мѣсть и урочищъ), для удобства выговора вставляются слоги *ов* и *ин*, обыкновенно опускаемые въ прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ мѣсть и урочищъ. Послѣ помѣщенной и въ руководствѣ предварительной замѣтки всякому ясно, что это части сложныхъ суффиксовъ *овскій* и *инскій*. Нашъ критикъ вовсе не понималъ цѣли пункта 7-го въ параграфѣ 36-мъ (что ясно доказываютъ приводимые имъ примѣры однихъ лично-притяжательныхъ именъ) и считаетъ нужнымъ поставить на видъ, что слоги *ов*, *ев*, *ин* суть суффиксы, а не для удобства выговора вставляемые слоги. (См. выше, стр. 21).

«Въ словахъ иностраннаго происхожденія, произведенныхъ отъ такихъ словъ, которыя имѣютъ сочетаніе *ia* (§ 90), наше правописаніе, говоритъ г. Д., не установилось» и вслѣдствіе этого онъ предлагаетъ всегда писать *іа*, т. е. напримѣръ, «христіанскій, епархіальный, спеціальный, міазмы, діалектъ, діаметръ, патриархъ». Наше предложеніе для единообразія писать въ такихъ случаяхъ, т. е. внутри словъ, всегда *іа* отвергается критикомъ потому, что «сочетаніе *іа* одно изъ невозможныхъ въ нашемъ языкѣ и несогласныхъ съ законами образованія». Но г. Д. не сообразилъ, что если послѣ *і* въ заимствованныхъ словахъ допускаются другія твердыя гласныя; если допускаются сочетанія *іо*, *іу*, также не свойственныя русскому языку; если пишутъ: *милліонъ*, *серіозный*, *пансіонъ*, *міунъ*, *радіусъ*, то нѣтъ основанія не писать также сочетанія *іа* въ такихъ словахъ, какъ: *христіанинъ*, *спе-*

ціальный, матеріаль, азіатскій и т. п.: къ словамъ иностраннаго происхожденія не всегда можно примѣнять каждое правило своего языка. Такимъ же образомъ въ нихъ пишутся рядомъ и другія гласныя, никогда не встрѣчающіяся въ русскомъ, напр. *силуэтъ, раутъ, алоэ, боа*, или допускаются сочетанія нѣкоторыхъ согласныхъ съ мягкими гласными, невозможныя въ русскихъ словахъ, напр. въ именахъ: *брошюра, Кяхта, гяуръ, Кюмень*.

Мы уже говорили выше о противодѣйствіи, какое встрѣчаетъ со стороны многихъ наше предложеніе писать *ого* вм. *аго* въ родит. пад. ед. ч. прил. муж. и ср. рода, у которыхъ именит. падежь оканчивается на *ой*. Разумѣется, что и въ этомъ случаѣ г. Д. присоединяется къ нашимъ противникамъ; но все столь пространно изложенныя имъ доводы надаютъ предъ несообразностью писать одинаково окончанія двухъ формъ, которыя произносятся такъ различно, какъ напр. *перваго* и *второго*. Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ эта поразительная разница заставляла иногда писцовъ, для означенія ударяемаго звука *о́*, употреблять и букву *о*. Столь естественное и простое улучшеніе нашей орфографіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе проникало въ нее, и около 1860-хъ годовъ стало являться постоянно въ нѣкоторыхъ журналахъ и книгахъ. Что правило писать *ого* до сихъ поръ не встрѣчалось ни въ одной изъ нашихъ грамматикъ, ничего не доказываетъ: бывало, и окончаніе им. падежа на *ой* не признавалось ни въ грамматикахъ ни въ словаряхъ и считалось ересью, но естественно, что старая грамматика должна мало по малу дѣлать уступки требованіямъ живого языка. Въ защиту своего мнѣнія критикъ ссылается между прочимъ на Павскаго и говоритъ, что этотъ филологъ далъ образцы склоненій для всѣхъ прилагательныхъ, и склоняя *дорогой, лихой, плохой* какъ *тонкій*, прибавляетъ только: въ словѣ *большой* род. пад. *ого* и болѣе ни слова объ окончаніи *ого*. Это невѣрно: во 1-хъ, въ примѣч. къ § 112 своего перваго разсужденія Павскій говоритъ: «Ежели пишеть худой вм. худый, то почему не писать худого или худова

вм. худаго?» А во 2-хъ, Павскій, представивъ пять таблицъ склоненія именъ прилагательныхъ, въ особомъ примѣчаніи говоритъ о тѣхъ, которыя, по требованію ударенія, вмѣсто *ий*, *ій* принимаютъ окончаніе *ой*, и хотя онъ прибавляетъ, что отъ этого склоненіе прилагательныхъ не измѣнится, однакожъ въ образецъ флексій именъ: *чужой*, *большой*, *меньшой* приводитъ полное склоненіе прилаг. *большой* съ окончаніемъ *ого* въ род. п. муж. и ср. р. ед. числа¹⁾. Это не значитъ, что онъ принимаетъ окончаніе *ого* только для прил. *большой*. Что касается написанія *худова*, то я уже выше объяснилъ, почему, допуская *о* въ первомъ слогѣ окончанія, мы во второмъ слогѣ отвергаемъ *о*. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ противъ оконч. *ого* г. Д. выражаетъ опасеніе, что «обученіе правописанію въ школѣ со введеніемъ *ого* усложнится новымъ правиломъ и, нужно сказать, не особенно легкимъ, такъ что число ученическихъ ошибокъ должно сдѣлаться больше». Ужели же дѣйствительно трудно слѣдующее правило: «Когда прилагат. въ имен. пад. едн. ч. муж. р. кончается на *ой*, то въ род. падежѣ пишете *ого*, напр. прямой, прямого; другой, другого».

Изъ того, что въ закрытыхъ слогахъ извѣстнаго разряда послѣ шипящихъ (ж ш ч щ) предлагалось писать *емъ*, напр. *ключемъ*, критикъ выводитъ заключеніе, что я совѣтую также писать въ *чужемъ*. Между тѣмъ тутъ же слово *чужой* было приведено въ числѣ словъ, въ которыхъ шипящая допускается передъ дифтонгомъ *ой*; повидимому, допущеніе *о* и въ косвенныхъ падежахъ такихъ прилагат. разумѣлось само собою; но оказывается, что тутъ была недомолвка, слѣдовательно редакція должна быть исправлена въ смыслѣ большей точности. При этомъ надо согласиться, что если ударяемое *о* можетъ слѣдовать за шипящею въ творит. пад. именъ жен. р.: *душою*, *душой*; *свѣчою*, *свѣчой*, то справедливо допустить это и въ твор. пад. именъ муж. род.: *ножомъ*, *ка-*

¹⁾ Филол. Наблюденія, Разсужд. II. Отд. 2. стр. 149—150.

рандашомъ, мечомъ, п.люцомъ. Но въ предлож. падежѣ мѣстоим. *что* должно остаться *е* (въ *чемъ*) по аналогіи съ другими падежами этого мѣстоименія: *чего, чему*.

Брошюра сѣтуетъ, что въ руководствѣ не объяснено, почему пишется *полъ-имѣнія*, а не «*полымѣнія*», или «*полимѣнія*». Это, кажется, и не требовало объясненія, такъ какъ замѣна сочетанія *зи* буквою *ы* употребительна собственно только при сліяніи предлога, кончающагося на *з*, съ реченіемъ, начинающимся буквою *и*, а что касается написанія «*поллиста*» вм. *полъ-листа*, то на это согласиться нельзя, потому что «изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ согласныхъ первая уподобляется второй и первое *л* умягчалось бы подъ вліяніемъ второго», какъ напр. въ словахъ: *аллея, миллионъ* (Р. Прав., стр. 88).

Замѣчаніе г-на Д., будто *ь* въ словѣ *возьму*, равно какъ и въ глагольныхъ окончаніяхъ *ть, шь, ь* (въ повелит. накл.) не замѣняетъ мягкой гласной, такъ мудрено, что останавливаться на опроверженіи его я не считаю нужнымъ.

Вопросу о слитномъ или раздѣльномъ написаніи нѣкоторыхъ словъ придается въ брошюрѣ излишняя важность; особенно въ этомъ дѣлѣ достигнуть полнаго соглашенія ни въ какомъ языкѣ невозможно. *Подъ рядъ* и *на ряду* пишу я врозь, потому что слитно написанныя слова *подрядъ* и *наряду* суть флективные формы двухъ существительныхъ. Здѣсь встаетъ вообще коснуться вопроса о различномъ письмѣ словъ, имѣющихъ разное значеніе, но одинаково произносимыхъ. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ случаевъ такое различеніе не нужно: значеніе слова видно изъ его отношенія къ рѣчи, изъ связи его съ другими словами, чему примѣрами и служатъ приведенныя мною въ руководствѣ слова: *суда* и *суды* (въ косвенныхъ ихъ падежахъ). Но когда въ самомъ двойкомъ происхожденіи или составѣ слова заключается причина различныхъ начертаній его, то нѣтъ основанія избѣгать такого различенія: вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю правильнымъ писать двойкимъ образомъ такія слова, какъ напр. *лечу* и *лчу*, *балъ* и *балль*, *металъ* и *металль*, *колосъ* и *колоссъ*.

Ясно, что и въ этомъ пунктѣ руководство не представляетъ того противорѣчія, которое усматриваетъ нашъ критикъ. Двойное начертаніе *миръ* и *міръ* въ двухъ разныхъ значеніяхъ слова въ сущности конечно не необходимо, но оно такъ укоренилось, что стараться изгнать его было бы напраснымъ трудомъ. Такого рода орфографическія мудрованія есть во всѣхъ языкахъ. У нѣмцевъ ихъ множество (напр. *daß* и *daß*, *wider* и *wieder*). У французовъ, напротивъ,—масса такихъ словъ, которыя различать въ правописаніи непремѣнно нужно по причинѣ различнаго ихъ происхожденія и состава. Понятно, какая путаница происходила бы у нихъ на письмѣ, если бъ они стали писать одинаково, напр., всѣ разнозначаяя слова, произносимыя какъ *san* (*cent*, *sang*, *sans*, *sens*) и *sin* (*cinq*, *saint* и проч.).

Разбирать разсужденія брошюры по поводу замѣчаній объ удвоеніи согласныхъ опять отбазываюсь, видя, что пониманіе физиологій звуковъ, необходимое для оцѣнки этихъ замѣчаній, совершенно чуждо автору, какъ уже и выше легко было заключить изъ его отзыва о новыхъ терминахъ во вступительной части руководства.

Оставляя въ сторонѣ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, которыя войдутъ въ помѣщаемый ниже особый списокъ, нахожу не лишнимъ разъяснить г-ну Д. одно указываемое имъ мнимое противорѣчіе. Ему кажутся несогласными слѣдующія два положенія: «Мы должны дорожить всякимъ имѣющимся у насъ средствомъ нашей азбуки, чтобы въ возможной точности передавать начертаніе иноязычныхъ словъ» (стр. 71) и другое: «мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія» (стр. 73). Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *формѣ* словъ, во второмъ о ихъ *произношеніи*: это два совершенно разныя понятія. Возьмемъ для примѣра имя острова *Ösel* или французскаго города *Еи*: если мы по-русски напишемъ «Эзель» или «Э», то гласный звукъ подлинныхъ именъ останется невѣстнымъ, и можетъ произойти смѣшеніе ихъ съ нѣм. *Esel* (осель) и съ названіемъ принадлежащаго Франціи острова *Aix* (Э); но если

мы употребимъ введенную недавно въ московской печати букву ѣ¹⁾, то всякій сколько-нибудь знакомый съ языками нѣмецкимъ и французскимъ пойметъ, что тамъ въ составъ этихъ именъ входятъ гласныя Ö и Eu: такимъ написаніемъ мы, при недостаточности нашей азбуки, сдѣлаемъ все что можемъ, чтобы дать понятіе о *формахъ* подлинныхъ названій. Но это не обязываетъ насъ *произносить* ихъ такъ, какъ произнесетъ ихъ нѣмецъ или французъ. Въ приведенныхъ двухъ положеніяхъ я имѣлъ въ виду особенно разницу между собственными именами и нарицательными. Всего нужнѣе означать съ возможною точностью форму иностраннаго имени *собственного*, потому что иначе трудно угадать его и легко смѣшать одно имя съ другимъ. Мы пишемъ: *Бэръ, Тэнъ*, чтобы показать, что въ этихъ именахъ э не сжатое, а открытое (нѣм. ä, фр. ai); въ нарицательныхъ же именахъ *тема, меръ*. произносимыхъ такимъ же образомъ, не находимъ это нужнымъ.

Читатель, имѣвшій терпѣніе внимательно прослѣдить этотъ разборъ замѣчаній г-на Д., легко могъ убѣдиться, насколько они, за весьма немногими исключеніями, безпристрастны и справедливы.

Если невѣрны въ значительномъ большинствѣ частныя замѣчанія брошюры, то могутъ ли быть вѣрны и выводы ея, изложенные въ многословномъ «заключеніи», представляющемъ смѣсь громкихъ фразъ съ самыми сбивчивыми понятіями и явными противорѣчіями. Было показано, какіе съ виду серіозные вопросы, по мнѣнію критика никѣмъ еще не затронутые и ожидающіе рѣшенія, онъ ставилъ на 1-й страницѣ своей брошюры. Въ концѣ же самъ онъ нѣтается ихъ рѣшить, но рѣшаетъ такъ, что изъ его разсужденій трудно извлечь какую-нибудь опредѣленную мысль, кромѣ развѣ требованія какой-то строго установленной системы въ примѣненіи фонетическаго начала, — требованія, несостоятель-

1) Рациональность этой буквы вытекаетъ прямо изъ существованія ё: какъ йотованному е отвѣчаетъ нейотованное э, такъ и буква ё должна имѣть соотвѣтствующую ей нейотованную ѣ для множества иностранныхъ именъ, которыхъ мы безъ этой послѣдней не можемъ и приблизительно передать на письмѣ.

ность котораго выше была уже выяснена. Автору и тутъ все еще непонятно, что фонетическое начало беретъ верхъ надъ этимологическимъ только въ силу несогласія между словопроизводствомъ и произношеніемъ (когда иначе письмо, по словамъ Ломоносова, слишкомъ удалялось бы отъ чистаго выговора): случаи эти давно опредѣлены обычаемъ, но впредь могутъ явиться еще и другіе ¹⁾). Повидимому, самъ г. Д. сознаетъ это: «Съ давнихъ поръ», говоритъ онъ, «русская живая рѣчь широкою струею вливалась въ книжную, вытѣсняла формы рѣчи литературной... Вторженіе живой рѣчи въ книжную равно ощутительно и въ настоящее время. Вотъ новое начало, — начало живой народной общерусской рѣчи, — иначе *фонетическое*, займетъ подобающее мѣсто въ нашемъ письмѣ». Послѣ этого какъ не подвигнуться, встрѣтивъ на слѣдующей стран. такія строкки: «Но когда же и гдѣ правописаніе можетъ опраться на говоръ, на произношеніе? Въ какихъ случаяхъ оно можетъ подкрѣплять себя, ссылаясь на *фонетику*?» Въ отношеніи къ живой рѣчи народа критикъ нашъ не признаетъ существованія одного господствующаго нарѣчія, служащаго главнымъ источникомъ образованнаго или литературнаго языка: московское нарѣчіе, по его мнѣнію, не болѣе какъ областной языкъ, мѣстный говоръ; откуда же взять требуемое имъ общерусское фонетическое начало, этого онъ не объясняетъ. Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ вступленія и заключенія брошюры подтверждается замѣченное уже выше, что авторъ вовсе не отличаетъ, съ одной стороны, понятія о книжной рѣчи отъ понятія объ этимологическомъ письмѣ, а съ другой понятія о живомъ языкѣ отъ понятія о письмѣ фонетическомъ. Любопытно рекомендуемое авторомъ въ самомъ концѣ брошюры «установщикамъ правописанія»(!) средство «создать систему право-

¹⁾ Здѣсь фонетическое письмо принимается въ смыслѣ противоположномъ этимологическому. Въ сущности же множество словъ русскаго языка представляютъ на письмѣ соединеніе фонетическаго начала съ этимологическимъ: они пишутся согласно съ словопроизводствомъ и произносятся совершенно такъ, какъ пишутся.

писанія, примѣнимую для нашего времени» (вмѣсто пынѣшной, никуда не годной?). Исполненіе этой трудной задачи, по его словамъ, «значительно будетъ облегчено работами, мнѣніями, взглядами представителей науки, какъ прежнихъ, много трудившихся, такъ и нынѣ трудящихся надъ уясненіемъ формъ языка; притомъ должно быть обращено вниманіе на голосъ современной литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, между которыми есть лица высоко и научно образованныя, — наконецъ и голосъ народа — это фонетическое начало, но не областное, не мѣстное, а общерусское, долженъ быть принятъ во вниманіе». Въ своемъ усердіи отыскивать въ нашемъ трудѣ одни несовершенства г. Д. не замѣтилъ, что именно всѣ эти матеріалы для рѣшенія нашей задачи и были у насъ въ виду. Прекращеніе «орфографической распри»(?), о которомъ онъ мечтаетъ, возможно уже и теперь, если каждый пишущій не будетъ настаивать на исключительномъ превосходствѣ своего письма, если каждый преподаватель будетъ руководиться не самолюбивымъ стараніемъ охранять свое личное правописаніе, а разумнымъ желаніемъ способствовать къ установленію единообразія въ этомъ дѣлѣ.

Изъ самой формы вопроса, поставленнаго въ заглавіи брошюры г-на Д., легко угадать выводъ нашего критика. На чемъ же основывается его отрицательный выводъ?

Всякій, кто безпристрастно отнесется къ нашему руководству, можетъ засвидѣтельствовать, что въ сущности оно заключаетъ въ себѣ очень немного такого, что несогласно съ общеупотребительнымъ правописаніемъ. Слѣдовательно вопросъ о примѣнимости нашей книги къ практикѣ сводится, собственно говоря, къ другому вопросу: возможно ли на практикѣ существующее нынѣ русское правописаніе? Отвѣтомъ на это служатъ сотни и тысячи книгъ, періодическихъ изданій и дѣловыхъ бумагъ, непрерывно выходящихъ изъ-подъ пера русскихъ людей. Наше руководство не что иное какъ краткій сводъ правилъ и фактовъ современной русской орфографіи, поясняющій то, что въ ней правильно, исправляющій вкравшіяся въ нее невѣрности,

наконецъ, предлагающій весьма немногія измѣненія, которыя, какъ мы смѣемъ надѣяться, найдутъ себѣ оправданіе въ будущемъ.

Впрочемъ, я далекъ отъ мысли, чтобы въ составленномъ мною руководствѣ не было недостатковъ и слабыхъ сторонъ. Они были тѣмъ болѣе неизбежны, что русская грамматика еще далеко не окончательно разработана, и многое приходилось рѣшать въ первый разъ. Давно извѣстно, что несовершенство есть удѣлъ всякаго человѣческаго труда. Въ числѣ высказанныхъ разными лицами замѣчаній, требующихъ того или другого улучшенія въ нашей книгѣ, были конечно и весьма дѣльные заявленія, за которыя не могу не быть признательнымъ, хотя и жаль, что къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣшивалось какое-то безотчетно враждебное чувство къ академіи. Но каково бы ни было несовершенство нашего руководства, мы не можемъ отказаться отъ сознанія, что здѣсь въ первый разъ современное русское правописание рассмотрѣно съ надлежащею полнотою и отчетливостью, и что сами тѣ, которые мелочною критикою стараются умалить значеніе этого труда, ему же обязаны наведеніемъ на многіе вопросы, до сихъ поръ оставшіеся незатронутыми въ изученіи русскаго языка.

ЗАМѢЧАНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ СЛОВАХЪ.

Изъ множества замѣчаній, доставленныхъ мнѣ частнымъ образомъ или напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, даю здѣсь объясненія только по тѣмъ, которыя казались мнѣ заслуживающими болѣе вниманія. Изъ остальныхъ нѣкоторыя будутъ приняты въ соображеніе при пересмотрѣ справочнаго указателя къ руководству.

Абониментъ. Такъ въ акад. словарѣ и у Даля, сходно съ произношеніемъ, несмотря на фр. *abonnement*. На томъ же основаніи и *аккомпаниментъ*. См. выше, стр. 25.

Алфавитъ. Нашу латинскую приписку *alphabetum* неизвѣстный критикъ замѣняетъ греческою *αλφάβητον*, но, сколько извѣстно, этого названія азбуки у самихъ Грековъ не было: оно позднѣе появилось въ латинской письменности. По крайней мѣрѣ, въ греческихъ словаряхъ его нѣтъ.

Безмень. Г. Соболевскій¹⁾ полагаетъ, что *обычное* (будтобы) правописаніе «безмѣнь» волюнѣ правильно и заслуживаетъ предпочтенія. Сколько я могъ замѣтить, пишутъ большею частью согласно съ моимъ правописаніемъ: въ академическомъ словарѣ 1847 года, въ Толковомъ словарѣ Даля и во всѣхъ русскихъ словаряхъ, находящихся у меня подъ рукою, я нахожу *безмень*. Такъ какъ *е* и *ь* произносятся совершенно одинаково, то въ звуковомъ отношеніи оба начертанія безразличны, но по несомнѣнно

¹⁾ См. *Русскій Филолог. Вѣстникъ* 1885, № 3.

чужезычному происхожденію этого слова буква *ь* въ немъ неумѣстна.

Благодарствуй. Г. Малорошвиловъ замѣчаетъ, что это не повелит. форма: она сокращена изъ полной формы *изъявит. накл. благодарствуешь*,—*ете*, въ доказательство чего онъ приводитъ стихъ изъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга:

Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичь,
Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя.

Это объясненіе не уничтожаетъ сказаннаго мною, что общепотребительное выраженіе «благодарствуй, благодарствуйте» неправильно.

Болѣ, менѣ. Г. Соболевскій ошибается, считая написаніе этихъ словъ съ окончаніемъ *е* общепринятымъ, и приписываетъ имъ странное мнѣніе, будто архангелскія формы *боле*, *мене* суть формы сокращенныя изъ *болѣе*, *менѣе*. Я говорилъ о нынѣшнихъ начертаніяхъ *болѣ*, *менѣ*, которыя дѣйствительно въ пониманіи большинства пишущихъ являются сокращеніями полныхъ русскихъ формъ. «По общей формѣ сравнительной степени», сказано мною, «мы пишемъ: *болѣе*, *менѣе*, тогда какъ въ древнемъ языкѣ имѣлись только формы *боле*, *мене*; но наши новѣйшія формы окончательно утверждены употребленіемъ, и въ сокращенномъ видѣ (преимущественно въ стихахъ) пишутъ: *болѣ*, *менѣ* (*Филологическія Газетканія*³, I, 352). Это правописаніе признаетъ и г. Буслаевъ. «Мы пишемъ, говоритъ онъ, *ь* вм. *е* въ формахъ сравнит. степени: *болѣе* (и усѣченно *болѣ*), *менѣе* (и усѣченно *менѣ*) вм. ц.-сл. *болѣ*, *мѣне*» и т. д. (*Ист. Гр.* I, 35). Одинъ критикъ осуждаетъ начертаніе *болѣ* (вм. *болѣ*), но справка съ словаремъ Миклошича убѣдила бы его, что это написаніе часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ. Относительно «тяжеле» я согласенъ, что это особая форма, независимая отъ *тяжеле* (какъ *дешевле*, *шире*). Павскій пишетъ *тяжеле*; у Даля въ окончаніи этого слова то *ь*, то *е*.

Бренчать. Незвѣстный критикъ считаетъ это слово заимствованнымъ съ польскаго (*brzęczyć*) и отвергаетъ сближеніе его съ цсл. *бръцати* по той причинѣ, что носовыя гласныя у насъ утратили носовой призвукъ. Можетъ-быть, и дѣйствит. русское слово польскаго происхожденія, но цсл. форма приведена мною только какъ первообразъ нашего глагола, объясняющій происхожденіе въ немъ носового звука.

Ветчина. Написаніе «вядчина» предлагалось мною вовсе не потому, что я будто бы произвожу это слово съ польскаго, какъ утверждаетъ г. Д., а въ силу значенія общеславянскаго корня *вяд*, появляющагося, между прочимъ, и въ русскомъ словѣ *вя(д)литъ* (вяленая рыба). Дѣло шло объ исправленіи важнаго нарушенія этимологіи. Подробное изслѣдованіе мое о томъ появится въ *Archiv für slavische Philologie*; здѣсь же я замѣчу только, что производить *ветчина* отъ *ветхій* на основаніи встрѣчающихся въ *Домострой* формъ «ветчина, ветшина» несправедливо, потому, во 1-хъ, что слово это не означаетъ *старого* мяса и притомъ прилаг. *ветхій* значитъ *старый* только съ извѣстнымъ опредѣленнымъ оттѣнкомъ, который вовсе не подходитъ къ понятію о мясѣ, и во 2-хъ, что въ названіи *свѣжина*, противоположаемомъ слову *ветчина*, понятіе свѣжести разумѣется только въ томъ смыслѣ, что это не соленое и не копченое мясо.

Недавно появилось еще третье мнѣніе о производствѣ слова *ветчина*. Г. Соболевскій въ *Р. Филол. Вѣстникѣ* высказалъ догадку, что оно происходитъ отъ латыш. (впрочемъ мало достовѣрнаго) слова *weksis*, ein Halbschwein, которое даетъ ему поводъ предположить вышедшее изъ употребленія существительное *вечка* или *вечца* и изъ него образовать древнюю форму *веччина*. Такое толкованіе едва ли требуетъ серіознаго опроверженія. Производство отъ корня *вяд* не допускается г. Соболевскимъ особенно на томъ основаніи, что мы называемъ ветчиною не всякое вяленое или копченое мясо, а исключительно мясо свиного окорока; но при этомъ онъ забываетъ, что то же мы вп-

димъ и въ другихъ языкахъ: такъ нѣм. Schinken, фр. jambon и русское *окорокъ*, означающія вообще пзвѣстную часть ноги и бедра животныхъ, употребляются только въ примѣненіи къ свиной тушѣ; точно такъ же и итальянское *prosciutto*, имѣющее вообще значеніе вяленаго мяса, говорится только о свиномъ мясѣ: какъ по своему производству отъ *sciugare*, сушить, вялить, такъ и по значенію, оно вполне соотвѣтствуетъ русскому «вядчина». (См. выше стр. 10).

Взбалмошный. Такъ какъ это слово дѣйствительно далеко отступило отъ первообразнаго *баломутить* и притомъ имѣется существит. *взбалмошь*, то, согласно съ предложеніемъ г. Смирнова, есть основаніе измѣнить въ прилагательномъ *ч* на *ш*.

Вожжа. Незвѣстный критикъ опровергаетъ это правописаніе на томъ основаніи, что за *вожжи* не водятъ и что изъ *д* двойнаго *ж* не бываетъ. Въ 1-мъ изданіи руководства было написано *вожжа* въ предположеніи родства этого слова съ гл. *возить*, но я не могъ не уступить мнѣнію, сближающему это существит. съ словомъ *поводъ*, съ малор. *вижжи*, *вижки* и съ бѣлор. *вожки*. Въ Арханг. губ. *вожка* въ оленьей упряжи называется *вожь*. Переходъ *д* въ *ж* дѣло обычное, а удвоеніе этой шипящей могло быть вызвано такою же особенностью произношенія, какое въ Сѣверной Россіи слышится, напр., въ словѣ *дрож(ж)ать*.

Вотрушка. Вопросъ о происхожденіи этого слова и слѣдовательно о гласной въ первомъ слогѣ остается нерѣшеннымъ; но я положительнo отвергаю повторяемое нерѣдко толкованіе, будто слово это образовано, посредствомъ перестановки звуковъ, изъ «творожка» или «творужка». Кто произноситъ *творогъ*, тотъ такъ же легко произнеслъ бы «творожка» и не имѣлъ бы надобности въ перестановкѣ звуковъ своего родного и всѣмъ понятнаго слова. Притомъ не вездѣ въ Россіи вотрушки некутся съ творогомъ. Производство отъ серб. и морав. *ватра* (огонь, очагъ) считаю сомнительнымъ: этого слова нѣтъ въ русскихъ нарѣчійхъ, и потому трудно представить себѣ, чтобы отъ него въ уменьшительной формѣ назвалось у насъ печенье, неизвѣстное

подъ этимъ названіемъ у тѣхъ народовъ, которые имѣютъ слово *ватра*.

Вслѣдствіе. Въ теченіе, въ продолженіе. Одинъ изъ преподавателей, доставившихъ мнѣ свои замѣтки, находилъ въ этихъ двухъ различныхъ способахъ письма доказательство непоследовательности и недостатка системы. Тутъ опять забыто принятое нами правило держаться по возможности общаго или по крайней мѣрѣ наиболѣе распространеннаго обычая, когда въ немъ нѣтъ положительной неправильности. Во 2-мъ изданіи *Филол. Разысканій* я писалъ *въ слѣдствіе*, но почти нигдѣ въ печати не встрѣчалось это раздѣльное написаніе, тогда какъ видѣть слова «втеченіе, впродолженіе» слитно написанными случается очень рѣдко, и не безъ основанія: въ нихъ существительное иногда отдѣляется отъ предлога опредѣленіемъ, напр. *во все продолженіе*.

Гостинный, гостиница. По мнѣнію *Р. Фил. Вѣстника*, обычное правописаніе въ обѣихъ этихъ словахъ требуетъ удвоенія *н*. Во второмъ изъ нихъ, дѣйствительно, почти всѣ пишутъ по произношенію два *н*, но въ прилагательномъ *гостинный* рѣдко кто позволитъ себѣ это удвоеніе, которое и въ живой рѣчи далеко не всегда слышится: тутъ слишкомъ ясно чувствуется суффиксъ *инный*, служащій къ образованію прилагательныхъ отъ названій многихъ животныхъ: *орлиный, лебединый, голубиный, львиный, соловьиный* и т. п. Образованное по тому же типу слово *гостинный* является въ этой именно формѣ и въ словаряхъ нашихъ. Вотъ почему и начертаніе *гостиница* должно быть признано правильнымъ: нѣкогда писали «гестинна» (сущ. имя), но эта орфографія давно уже оставлена.

Грести. Отвергая, чтобы въ этой формѣ *с* явилось замѣнѣ *б*, неизвѣстный критикъ замѣчаетъ: «Любопытно было бы узнать, какъ академія образуетъ неопредѣл. накл. соверш. вида отъ *погребать*». Это сказано конечно въ увѣренности, что предполагаемая форма возможна только съ сохраненіемъ *б*. Между тѣмъ уже и въ др. слав. мы находимъ ее въ тройномъ видѣ: *погревьсти, по-*

грести и погрести (иногда съ буквою ѳ). Первыя двѣ формы (съ исключеніемъ *еря* послѣ *б*) занесены и въ русскіе словари. Академическій приводитъ слѣдующій примѣръ изъ *Актовъ Археогр. Экспед.* (IV, 75): «велѣлъ его митрополита погрестъ». Въ неопр. накл. гл. *скрести, скрестъ* звукъ *б* совсѣмъ не является.

Деревяжка. Г. Соболевскій полагаетъ, что слово *деревяка*, отъ котораго я (вмѣстѣ съ Павскимъ) произвожу это уменьшительное, не существуетъ; но оно есть и въ академическомъ словарѣ и у Даля, хотя въ нѣскольکو иномъ значеніи и хотя кромѣ его въ обонхъ словаряхъ находится и «деревяшка» съ буквою *ш*. Родительный падежъ множ. *деревяшекъ*, казалось мнѣ, не можетъ служить доводомъ противъ принятой мною орфографіи, потому что есть и другіе примѣры неправильнаго произношенія шипящихъ въ производныхъ словахъ: такъ отъ сущ. *армякъ* произведено прилагательное *армяжнѣй* вмѣсто «армячнѣй». Формы «деревяка» мы нигдѣ не находимъ; къ суффиксу же *жи* (*ажа*) Павскій относитъ довольно много словъ, и при имени *деревяка* ставитъ въ скобкахъ *деревяжка* (*Фил. Набл.* Разсужд. II, стр. 61).

Забіяка. По мнѣнію неизвѣстнаго критика, этого слова нельзя сблизать съ гл. *забить*: оно де взято цѣлкомъ изъ польскаго. Но въ польскомъ этому слову соответствуетъ *zawadźka*, а болѣе близкое къ нашему *zabójca* значитъ убійца. Невѣрно и другое утвержденіе критика, будто *і* передъ гласнымъ всегда переходитъ въ *ь*, какъ доказываютъ слова: *піюка, піюшца, сіяніе*, не говоря о тѣхъ, которыя употребительны только въ литературномъ языкѣ.

За границей. Повторю здѣсь то, что при другомъ случаѣ было сказано мною противъ образованія существительнаго «заграница»: «Вопросъ въ томъ, можно ли изъ адвербіальныхъ реченій: *за границу, за границей* образовать существительное *заграница*. Это все равно какъ если бы, напримѣръ, изъ реченій: *современемъ, за рѣкой, втайнѣ, снаружѣ* образовать имена: «завремя», «зарѣка» (вмѣсто «зарѣчье») и т. п. При существованіи имени «заграница» пришлось бы уже говорить: «онъ ѳдетъ въ заграницу», «онъ живетъ въ заграницѣ». Прибавлю, что оспари-

ваемое мною слово произошло вѣроятно отъ дурно понятаго выраженія *изъ-за границы*, въ которомъ вмѣсто трехъ словъ увидѣли два: предлогъ *изъ* и имя *заграница*. Точно такъ можно бы, пожалуй, изъ выраженій: *изъ-за угла*, *изъ-за стола* образовать существительныя: «зауголь, застоль»!

Изыянъ. Въ этимологическомъ словарѣ Рейфа это слово произведено отъ персидскаго *ziân*, зн. *détriment*, вредъ, ущербъ. Для объясненія словъ, заимствованныхъ изъ восточныхъ языковъ, Рейфъ пользовался указаніями тогдашнихъ ориенталистовъ нашихъ, особенно Шармуа, и въ большей части случаевъ ихъ толкованія оказываются вѣрными. Приведенное слово и по значенію и по созвучію весьма близко къ персидскому. Впрочемъ за сохраненіе въ немъ *еря* я особенно не стою.

Калачъ. Хотя мною и приведена эта форма какъ наиболѣе употребительная (чего нельзя отрицать), но при ней какъ въ текстѣ, такъ и въ указателѣ замѣчено, что по производству (отъ *коло*) слѣдовало бы писать: *колачь*. Въ главныхъ словаряхъ нашихъ вторая форма только допускается, но предпочтено правописаніе съ гласною *а*.

Капетолина. Г. Смирновъ предпочитаетъ написаніе «Капитолина», которое онъ нашелъ въ слав.-рус. святцахъ, но я держался подлинной греческой формы *Καπετωλίνα*, принятой и въ извѣстномъ мѣсяцословѣ протоіерея Вержинскаго (см. *Pape's Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig 1875, стр. 617).

Колодецъ. Почему слово *колодець* испорчено? спрашиваетъ г. Д., и приходитъ къ заключенію, «что слово колодезь, а не колодець испорчено». Это доказываетъ, что ему неизвѣстна первоначальная цел. форма *кладъзь*, о которой Миклошичъ въ своемъ словарѣ замѣчаетъ, что изъ окончанія *ъзь* видно ея иноязычное происхожденіе (*peregrinum esse arguit syllaba finalis ъзь*). Естественно, что для русскихъ этотъ суффиксъ былъ непонятенъ и что они въ такомъ общепотребительномъ словѣ замѣнили его своимъ *ецъ*, точно такъ, какъ болгары изъ *кладъзь* образовали

кладенец, а сербы *кладенац*. У насъ форма *колодець* давно уже пріобрѣла право гражданства, но она не успѣла вполне вытѣснить первоначальную (колодезь).

Кропива. Крапива? Въ акад. словарь допущены обѣ формы; но въ цсл. (Сл. Вост. и Мпкл.) *кропива*. Шимкевичъ замѣчаетъ, что въ слав. нарѣчіяхъ корень *кроп* выражаетъ два понятія: о капельномъ видѣ жидкости и о большой теплотѣ: кропива жжетъ, и отъ этого же понятія заимствовано ея латинское названіе. Ср. малор. *окропъ*, *окрипъ*, зн. горячая вода, поль. *ukrop* = кипятокъ. Павскій говоритъ: «*Кропива* значитъ жгучая трава и происходитъ отъ затеряннаго гл. *кропити* (жечь, горѣть, грѣть), какъ лат. *urtica* отъ *urō*, жгу. Съ корнемъ *кроп*, прибавляетъ онъ, ср. наши стар. *кропъ*, горячая вода, и *укропникъ*, сосудъ съ горячею водою (Филол. Набл. II, 53).

Леса. Во всѣхъ словаряхъ (какъ въ академическомъ) мы находимъ это слово или исключительно въ приведенной формѣ, или по крайней мѣрѣ оно поставлено тамъ на первомъ мѣстѣ (какъ у Даля). Не знаю, почему г. Соболевскій считаетъ его родственнымъ съ общеславянскимъ *лесъ*, когда *леса* не имѣетъ никакого отношенія къ дереву и означаетъ длинную нить у удочки. Скорѣе можно сблизить это слово съ лат. *liscium*, нѣм. *Litze* = нить, шнурокъ.

Лизанька. Въ этомъ начертаніи я послѣдовалъ Павскому (Филолог. Набл. II, 216), который такъ пишетъ въ виду того, что отъ имени *Лиза* не образуется уменьшительное первой степени (Лизя). Можно согласиться, что предлагаемая г. Соболевскимъ форма *Лизонька*, по ея аналогіи съ *березонька*, была бы правильнѣе, но прежняя (какъ и *лисанька* отъ *лиса*), имѣя за себя силу привычки, едва ли уступить ей мѣсто.

Мачеха. Здѣсь предпочитаю правильную форму обычной «мачиха» потому, что отъ *мать* послѣдняя не могла образоваться: суффиксъ *иха* служитъ только къ образованію женскихъ именъ отъ мужскихъ: *волчиха* отъ *волкъ*, *зайчиха* отъ *заяць*, *ослиха*, *слониха*, *кутиха*, *шутиха*, *щеголиха*, *подъячиха*, *повариха*, *двор-*

ничица, кузнечица, мельничиха, старостица и др. Имя *мачеха*, по образованію, подходитъ къ слову *тетеха*. Приводимые г. Смирновымъ имена: *чудиха, облычиха, обнесиха* и пр. принадлежатъ, по своему производству, къ совершенно другому порядку словъ и не идутъ въ сравненіе съ *мачеха*.

Не что иное. Въ записку начертанія *ничто иное* проф. Смирновъ приводитъ фразу, гдѣ эти слова стоятъ въ родительномъ падежѣ: «ничего иного *не* вижу». Но онъ не замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ два отрицанія. Я самъ признаю правильною форму *ничто* въ такомъ выраженіи: «Это *не* было *ничто* иное», но я противъ ея употребленія въ утвердительномъ предложеніи: «это было *ничто* иное». Тутъ, по-моему, слѣдуетъ писать: «это было *не что* иное».

Побѣдить; побѣждѹ. По увѣренію нѣкоторыхъ должно говорить *побѣжу*. Однакожъ и Павскій принимаетъ формы: *наиражду, оиражду, убрьжду*, такъ же какъ: *возвращу, запрещу, пощещу* отъ возвратить, запретить, пощѣтить. (Разсужд. III, § 82).

Псалтирь. По мнѣнію нѣкоторыхъ, жен. рода, а не муж., какъ показано мною согласно съ словарями Миклошича и академическимъ; въ послѣднемъ приведено извѣстное выраженіе 32 псалма: «во псалтири десятиструннѣмъ». Но при формѣ *псалтирь* ак. словарь означаетъ ж. р. Даль при обѣихъ этихъ формахъ ставитъ: *об.* (общаго р.), т. е. считаетъ правильнымъ употреблять слово это и въ м. и въ ж. родѣ. Трудно, дѣйствительно, указать основаніе для предпочтенія того или другого.

Поздо. Я только указалъ на фактъ неупотребительности этой формы въ литературномъ языкѣ, предпочитающемъ *поздно*; но согласенъ, что обѣ формы равно законны. Первая тѣмъ только въ менѣе выгодномъ положеніи, что не имѣетъ соотвѣтственнаго прилагательнаго, ни полнаго, ни краткаго.

Постила или **пастила.** Я самъ прежде производилъ это слово отъ глагола *стлатъ*, но впослѣдствіи такое производство показалось мнѣ неправдоподобнымъ, какъ въ филологическомъ, такъ и въ техническомъ смыслѣ. То, что это названіе встрѣчается

уже въ памятникахъ XVI столѣтія, не можетъ служить доказательствомъ противъ его иностраннаго происхожденія. Сношенія Москвы съ Италіею начались еще во второй половинѣ XV вѣка. Сходство нашего слова со стариннымъ италіанскимъ *pastiglia* (произн. *настилья* = тѣсто на фруктовомъ сокѣ) поразительно. Не даромъ акад. словарь допускаетъ и форму *настила*. Даль, принявъ также обѣ формы, сближаетъ слово это съ лат. *pasta*, *pastillum*.

Потчевать. Встрѣчающаяся издавна въ русскихъ памятникахъ форма «потчиваю» могла произойти отъ неумѣнія обращаться съ глаголомъ такого чуждаго русскому языку образованія (см. мои *Филологическія Разысканія*³, II, 504). Всякій, кто внимательно прочтетъ замѣтку Срезневскаго¹), увидитъ, что онъ приходитъ къ двойному выводу и что въ первой половинѣ своего изслѣдованія онъ совершенно согласенъ со мною, принимая форму *потчевать* и отвергая *потчиваю*.

Пѣсенникъ и пѣсельникъ. По академическому словарю и по Далю, *пѣсенникъ* употребляется въ двойномъ значеніи и сборника пѣсенъ, и лица поющаго въ хорѣ, *пѣсельникъ* же только во второмъ значеніи. Установленіе такого различія въ формѣ слова, имѣющаго двойной смыслъ, можетъ иногда быть полезнымъ для ясности рѣчи.

Реджировать. Нѣкоторые защищаютъ употребительную, но совершенно ошибочную форму «редактировать», которая никакъ не могла образоваться изъ сущ. *редакторъ*. Понятно, что изъ франц. *inspecter*, черезъ посредство нѣмецкаго *inspektieren*, могъ произойти глаголъ *инспектировать*, но чѣмъ оправдать *редактировать*? По этому образцу надобно бы говорить и «директировать» вмѣсто *дирижировать*. Не все, что вошло въ употребленіе, можно поддерживать. Петербургскіе лакеи и няньки ввели между прочимъ обычай говорить *одѣвать* (напр. пальто) вм. *надѣвать*. Неужели и это позволительно?

¹) *Извѣстія* II-го Отд. Ак. II., т. VII, вып. 3.

Снитокъ. Очень страшно, что г. Смирновъ присоединяется къ Далю въ производствѣ этого слова отъ *снѣдь*. Такъ какъ и другая рыба употребляется въ пищу, то спрашивается: почему же именно снитки получили свое названіе отъ этого признака? Напоминаю и здѣсь старинную форму *снитейный*, запесенную въ академическомъ словарѣ съ слѣдующую ссылкой: «Да на Новосѣчи противъ березы полтона снитейная, да подъ боромъ тона снговая» (*Акты Археогр. Экспеди.* III, 157). Названіе *снитки* принадлежитъ къ числу рѣдко встрѣчающихся въ литературномъ языкѣ словъ, которыхъ правописаніе потому и не установилось. Даль принимаетъ три написанія: *снетокъ*, *снѣтокъ* и *снятокъ*. Въ академическомъ словарѣ находимъ только послѣднее. Не основывается ли оно на народной этимологіи? У этой рыбки нижняя челюсть длиннѣе верхней, у которой частичка какъ будто *снята*. Но нѣм. *Stint*, лат. *stinta*, поль. *stynka* заставляютъ предполагать близкую къ этому составу форму нашего слова съ перестановкою согласныхъ и съ гласною *и*.

Тварогъ. Такъ это слово записано въ академическомъ словарѣ и у Даля, который рядомъ ставитъ *твѣрогъ*. Г. Смирновъ въ пользу *а* въ первомъ слогѣ приводитъ, что у всѣхъ западныхъ славянъ «тварогъ», но съ западными слав. нарѣчіями мы относительно гласныхъ нерѣдко бываемъ въ прямомъ противорѣчии. Въ Россіи, замѣчаетъ критикъ, больше говорятъ «тварогъ»: да развѣ въ произношеніи акающихъ есть разница между неударяемыми *а* и *о*?

Тормозъ. На основаніи приведеннаго мною же греч. *τὸρμος*, я согласенъ измѣнить принятое мною прежде правописаніе академическаго словаря съ буквою *а* во второмъ слогѣ, тѣмъ болѣе, что и въ печати обыкновенно встрѣчается написаніе *тормозъ*, *тормозить*.

Хрестоматія. Г. Смирновъ совѣтуетъ писать *хрестоматія*, т. е. держаться рейхлиновскаго произношенія, чтобы не порывать историческихъ связей съ византийскою образованностію, а напротивъ дорожить ими. На этомъ основаніи слѣдовало бы намъ, пожалуй, возвратитъ и форму *пѣнтъ* взамѣнъ общеевропейской *поэтъ*?

Примѣчаніе къ стр. 27—28.

Вотъ что писалъ Павскій въ самомъ началѣ 1840-хъ годовъ о глаголѣ *итти*:

«Есть у насъ одно неважное слово *итти*, которое приводитъ въ замѣшательство писателей и писцевъ, такъ что одни предлагаютъ писать *итти*, другіе *идти* . . . Я утверждаю, что корень слову *итти* не есть *ид*, а *и*, и слѣдовательно надлежало бы писать: *ити*, какъ и дѣйствительно пишется въ библейскихъ и церковныхъ книгахъ. Остатки стариннаго вѣрнаго правописанія есть у насъ и теперь въ словахъ: *найти*, *зайти*, *пойти* и пр. Правда, нѣкоторые изъ нынѣшнихъ мудрецовъ и правописателей налагаютъ руки и на эти немногіе остатки и пишутъ и печатаютъ: *найдти* и пр. Но большая и лучшая часть писателей стоитъ еще на вѣрной дорогѣ. Кромѣ доказательства, почерпаемаго мною изъ церковныхъ книгъ, я нахожу еще не менѣе твердое доказательство въ другихъ однородныхъ языкахъ, гдѣ существуетъ корень *и*. Напр. въ санскритскомъ *и-тум*, *ја-тумъ* (= *и-ти* отъ корня *и*); въ греч. *ἴναι*; въ лат. *i-ge*, *i-vi*, *i-tum*, повел. *i*. Ошибка, укоренившаяся въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи, безъ сомнѣнія произошла отъ педальновиднаго соображенія. Послику глаголь *и* употребляется у насъ въ одномъ только неопредѣленномъ наклоненіи, а въ другихъ наклоненіяхъ виденъ глаголь *ид*, то и представилось, что *и* есть сокращенный *ид*. Нѣтъ, это суть два глагола совершенно различныя, и только тѣмъ они сходны между собою, что имѣютъ одно значеніе и въ спряженіи служатъ дополненіемъ другъ другу. Одинъ изъ нихъ (*и*) у насъ не пошелъ далѣе неопредѣленнаго наклоненія, а другой (*ид*) взялъ на себя должность изображать настоящее время. Власть изображать прошедшее время оба они предоставили третьему *шед* (= лат. *cedo*). Отъ того и вышло составное спряженіе: *ити*, *иду*, *шелъ* . . . Въ польскомъ языкѣ корень *ид* взялъ на себя обязанность изображать и неопред. наклоненіе, предоставленное у насъ корню *и*; за то онъ и преобразовался тамъ въ *ісі* (= *иеть*), подобно какъ *вед*, *сѣд* преобразуются въ *вѣсть*, *сѣсть*. Изъ этого соображенія видно, что пишущіе *идти* поступаютъ вовсе противъ аналогіи. Другое правописаніе *итти* нѣсколько споспѣе потому, что нынѣшній языкъ и въ другихъ случаяхъ рѣшился удвоить буквы вопреки древнему правописанію».

(Филолог. Наблюденія Павскаго I, 113—114).

Г. Буелаевъ смотритъ на этотъ глаголь нѣсколько иначе: признавая также цел. *и-ти* первоначальною формою, онъ въ 3-мъ изданіи своей Историч. Грамматики оправдываетъ вошедшее въ употребленіе написаніе *идти* тѣмъ, что «русскіе грамматисты произвели неопредѣленное наклоненіе уже отъ настоящаго времени: *ид-ти*». Но спрашивается: имѣли ли русскіе грамматисты основаніе для такого производства, да и кто же они такіе? Гречъ и Павскій писали *итти*; Востоковъ говорилъ: «*Идти*, или *итти*, *иду* спрягается какъ *вѣсти*, *веду*» и т. д.; онъ прибавлялъ, что

въ неопред. накл. коренная согласная *д* не превращается въ *с*, какъ у другихъ глаголовъ этого разряда, а «остается неизмѣнною (*идти*) или же въ *т* превращается (*итти*), а въ сложныхъ глаголахъ выкидывается послѣ *й*». Итакъ для согласованія формы *идти* съ формами: *войти*, *зайти*, *найти* Востоковъ и Буслаевъ должны были прибѣгнуть къ тому неопредѣлительному толкованію, что при слияніи съ предлогами форма *идти* возвращается къ своему первоначальному виду *и-ти*: *за-й-ти*, *во-й-ти*, *у-й-ти*; къ чему г. Буслаевъ счелъ нужнымъ прибавить весьма важное, но къ сожалѣнію, нынче почти никѣмъ не соблюдаемое предостереженіе: «а не *за-йти*, *у-йти* и проч.»

(Истор. Грамм. Изд. 3-е Ч. I, § 88).

Вѣрнѣе было замѣчаніе г. Буслаева въ первыхъ изданіяхъ его грамматикъ. Тамъ сказано: «Нынѣ употребительная форма *и-д-ти* или *и-т-ти* образовалась не отъ настоящаго времени *и-ду*, а отъ усиленія древней формы *ити*, помощію удвоенія звука *т*.» Жаль только, что къ этому прибавлено: «перешедшаго, по средству, въ *д* въ формѣ *идти*». По какому закону *т* могло тутъ перейти въ *д*, когда произношеніе вовсе не требовало этого? Явно, что основаніемъ послужила ошибочная этимологія—перенесеніе корня настоящаго времени въ неопред. наклоненіе.

(Опытъ Истор. Грамм. М. 1868. Ч. I, §§ 87 и 49).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

СТР.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
7	15 св.	<i>истинна</i>	<i>истина</i>
49	12 св.	Вержинскаго	Вершинскаго

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОНОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — декабрь 1883 г.

Доложено (3 сентября) о послѣдовавшей въ недавнее время кончинѣ двухъ членовъ - корреспондентовъ Отдѣленія: А. Е. Виктора въ Пятигорскѣ и И. С. Тургенева въ Парижѣ. Въ виду ожидаемаго общаго участія ученыхъ учрежденій въ отданіи послѣдней чести знаменитому русскому писателю, котораго погребеніе должно вскорѣ послѣдовать, всѣ наличные члены Отдѣленія выразили намѣреніе присутствовать на ономъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено предложить въ Общемъ Собраніи, не будетъ ли сочтено приличнымъ, чтобы и отъ другихъ двухъ Отдѣленій были на погребеніи представители.

Читано отношеніе управляющаго Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія на имя академика Грота съ препровожденіемъ присланнаго командированнымъ за границу магистромъ Владиміромъ Качановскимъ рукописнаго сборника памятниковъ болгарскаго народнаго творчества. По порученію Отдѣленія академикъ Ягичъ принялъ на себя трудъ разсмотрѣть этотъ сборникъ.

Академикъ Сухомлиновъ читалъ составленную имъ, по порученію Отдѣленія, записку о значеніи и дѣятельности Россійской Академіи. По выслушаніи этой записки Отдѣленіе просило Михаила Ивановича прочесть ее въ публичномъ засѣданіи, имѣющемъ быть 21-го октября въ воспоминаніе дня открытія Россійской Академіи сто лѣтъ тому назадъ. При этомъ же случаѣ положено объявить заключеніе комиссіи, разсматривавшей труды представленныя на второй конкурсъ Пушкинскихъ премій, о присужденіи медалей троицъ изъ постороннихъ рецензентовъ этихъ трудовъ: гг. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и П. П. Вейнбергу.

Академикъ Гротъ доложилъ, что онъ приготовляетъ къ печати извлеченную изъ его «Филологическихъ Разысканій» справочную книгу по русскому правописанію, которую желаетъ сообщить на обсужденіе сочленовъ, съ тѣмъ чтобы по взаимномъ соглашеніи въ подробностяхъ, она могла быть издана отъ имени Отдѣленія. Положено приступитъ къ чтенію этого труда въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій.

Въ засѣданіи 27-го октября академикъ Гротъ доложилъ, что имъ отъ имени Отдѣленія разосланы благодарственныя телеграммы тѣмъ учрежденіямъ, которыя по случаю памятованія столѣтія Россійской Академіи почтили Отдѣленіе своими привѣтствіями, къ которымъ на другой день послѣ собранія присоединилась еще депеша отъ Этнографическаго и Антропологическаго Отдѣловъ московскаго Общества любителей естествознанія, подписанная ихъ предсѣдателями: Вс. Миллеромъ и Анат. Богдановымъ.

Чтано полученное изъ Ростова (Ярослав. губ.) приглашеніе особою комиссіи членамъ Отдѣленія прибыть туда на открытіе такъ называемой «Бѣлой Палаты», съ которымъ связано предположеніе учредить Музей церковныхъ древностей. Положено въ день открытія, 29-го октября, выразить комиссіи сочувствіе Отдѣленія съ пожеланіемъ успѣха предпринимаемому дѣлу.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ приготовленное имъ для печати продолженіе изслѣдованія его о русскихъ былинахъ, которое и положено напечатать въ Сборникѣ Отдѣленія.

По поводу предстоящихъ: 1) открытія въ Прагѣ 6 (18) ноября возобновленнаго народнаго театра, и 2) юбилея Миклошича въ день 8 (20) того же мѣсяца, когда ему исполнится 70 лѣтъ, положено отправить въ эти дни въ Прагу и въ Вѣну поздравительныя телеграммы отъ имени Отдѣленія.

Присутствовавшій въ засѣданіи Отдѣленія, по приглашенію онаго, академикъ А. А. Куникъ прочелъ составленную имъ записку объ изданіи краткаго алфавитнаго каталога книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣющихся въ I Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ. Отдѣленіе вполне одобрило предположеніе А. А. Куника, опредѣлило: по изготовленіи имъ означеннаго каталога напечатать оный въ Сборникѣ и отдѣльно.

ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ 21 ОКТЯБРЯ 1883 ГОДА¹⁾.

Въ пятницу, 21-го октября, въ часъ по полудни, въ больш о конференцъ-залѣ Императорской Академіи Наукъ, въ воспоминаніи дня открытія Россійской Академіи, состоялось въ присутствіи многочисленной публики торжественное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ этотъ день ротонда, у которой на нѣкоторомъ возвышеніи находятся мѣста президента, вице-президента и каедрa, — была убрана рѣдкими образцами тепличныхъ растеній. Среди этой зелени на подставкахъ красовались бѣлыя мраморныя изваянія: Петра I, Екатерины II и Александра I. Портретъ Государя Императора Александра III Александровича находится на стѣнѣ, надъ мѣстами академикомъ, съ правой стороны отъ публики. Прочія стѣны украшены портретами прежде царствовавшихъ императоровъ и императрицъ. Вся зала была занята рядами креселъ и стульевъ. Въ часъ дня она была переполнена публикою обоого пола; очень много лицъ, за неизмѣнимъ мѣсть, стояло. Между высокопоставленными лицами находились: министръ Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретарь П. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ, адмиралъ С. А. Грейгъ, баронъ Николаи, тайные совѣтники: Н. И. Стояновскій, П. Н. Батюшковъ, П. П. Корнилевъ и много другихъ знатныхъ особъ, какъ высшихъ военныхъ, такъ и гражданскихъ чиновъ.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Д. А. Толстой занялъ свое президентское кресло. По правую его руку помѣстился вице-президентъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. Я. Буняковскій, по лѣвую — пред-

¹⁾ Перепечатывается изъ *Правительственнаго Вѣстника* 22-го октября, № 232.

сѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Я. К. Гротъ. По обѣимъ сторонамъ президентскаго мѣста за столами размѣстились академики. Членъ Отдѣленія, академикъ М. П. Сухомлиновъ, взоидя на кафедру, произнесъ слѣдующую

Рѣчь о дѣятельности Россійской Академіи.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ основано учено-литературное общество, получившее знаменательное названіе *Россійской Академіи*. Учредительный актъ подписанъ императрицею Екатериною II 30-го сентября 1783 года; открытіе и первое собраніе Россійской Академіи происходило 21-го октября 1783 года. Смыслъ и дѣятельность каждаго учрежденія, имѣющаго разумное право на существованіе, опредѣляются тѣми условіями, среди которыхъ оно возникло и которыя, въ свою очередь, создаются умственною и общественною жизнію страны.

Учрежденіе Россійской Академіи не было простою случайностію. Оживленный разговоръ о русской литературѣ между двумя русскими писательницами — Екатериною II и княгинею Дашковой, былъ только ближайшимъ, внѣшнимъ поводомъ къ осуществленію того, что давно уже занимало умы образованнѣйшей части русскаго общества. Россійская Академія обязана своимъ существованіемъ возникшему у насъ стремленію къ поднятію уровня нашей образованности и къ развитію народнаго самосознанія. Въ основу Россійской Академіи положена цѣль просвѣтительная. *Просвѣщеніе*, какъ девизъ Академіи, символически изображалось въ видѣ *книги* на жетонахъ, раздаваемыхъ академикамъ послѣ каждаго засѣданія.

Понятіе *просвѣщеніе* весьма обширно, а потому и въ кругъ академическихъ занятій входили разнообразныя предметы. Въ различные періоды своей дѣятельности, Россійская Академія такимъ образомъ опредѣляла предстоящіе ей труды и задачи: обогащеніе и очищеніе русскаго языка; составленіе русскаго грамматики, риторики и логики; собраніе и изслѣдованіе русскихъ древностей; изученіе отечественныхъ лѣтописей; изданіе твореній знаменитыхъ русскихъ писателей; составленіе хрестоматіи, по которой можно бы наглядно ознакомиться съ исторіею русскаго языка; переводы на русскій языкъ классическихъ произведеній иностранныхъ писателей; критическіе разборы сочиненій русскихъ авторовъ и т. д. Та-

кое расширеніе круга академической дѣятельности находится въ связи съ тогдашнимъ уровнемъ научныхъ требованій и съ тогдашнимъ состояніемъ образованности вообще. Невольно вспоминается при этомъ, что въ восемнадцатомъ столѣтіи наша Академія Наукъ должна была исполнять обязанности и академіи наукъ въ собственномъ смыслѣ, и университета, и гимназій, и академіи художествъ, а въ иныхъ случаяхъ и Правительствующаго Сената.

При всемъ разнообразіи предметовъ, главнѣйшимъ изъ нихъ для Россійской Академіи неизмѣнно оставался отечественный языкъ. *Грамматика* признаваема была могущественнымъ орудіемъ просвѣщенія. Она изображалась, на академическихъ жетонахъ, въ видѣ ключа премудрости, повѣщеннаго на земномъ шарѣ и отверзающаго путь къ просвѣщенію.

Мысль объ особомъ, самостоятельномъ учрежденіи, посвященномъ разработкѣ *отечественнаго языка*, неоднократно возникала, въ прошломъ столѣтіи, въ немногочисленномъ кругу просвѣщенныхъ людей, дѣйствительно дорожившихъ судьбами русской литературы и образованности. Черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи Академіи Наукъ, въ стѣнахъ ея образовалось общество совершенно съ тѣми же цѣлями, какъ въ послѣдствіи Россійская Академія: оно называлось *Россійскимъ Собраніемъ*. Непосредственнымъ предшественникомъ Россійской Академіи было *Вольное Россійское Собраніе*, учрежденное при Московскомъ университетѣ вскорѣ по введеніи тамъ преподаванія на русскомъ языкѣ.

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія живѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалась потребность въ такомъ учрежденіи, какъ Россійская Академія. Эти достопамятные года ознаменованы открытіемъ цѣлаго ряда училищъ, выработкою системы народнаго образованія, просвѣтительною дѣятельностью Новикова и другими выдающимися явленіями въ исторіи русской образованности. Чувство народнаго самосознанія находило себѣ удовлетвореніе въ открытіи учено-литературнаго общества, посвященнаго отечественному языку и отечественной исторіи. По убѣжденію образованнѣйшихъ людей того времени, «первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія есть языкъ народный», и если наука будетъ говорить «не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ». Въ занятіяхъ отечественною исторіею, въ изученіи памятниковъ старины учредители академіи влѣбли

необходимое условіе для развитія въ народѣ сознательной любви къ отечеству.

Самый выборъ членовъ въ Россійскую Академію привлекалъ къ ней сочувствіе и уваженіе общества. Въ академики избраны были всѣ замѣчательнѣйшіе представители тогдашней литературы и науки: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ, Румовскій, Лепехинъ, Озерецковскій, Болтинъ, князь Щербатовъ и др. И по выбору членовъ, и по своимъ стремленіямъ Россійская Академія находилась въ тѣснѣйшей связи съ «Собесѣдникомъ любителей русскаго слова» — журналомъ, имѣющимъ такое значеніе въ исторіи нашей литературы и основаннымъ въ томъ же (1783) году, какъ и Россійская Академія. Основательницею «Собесѣдника» была княгиня Дашкова; редакторомъ — Козодавлевъ; сотрудниками — Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Херасковъ и другіе писатели, избранные въ Члены Россійской Академіи при самомъ ея учрежденіи. Писатели, участвовавшіе въ «Собесѣдникѣ», выражали надежду, что при помощи этого журнала, русскій языкъ очистится, значеніе словъ опредѣлится, русскія сочиненія размножатся и разовьется любовь къ русской народности. Тѣмъ же надеждамъ были одушевлены и члены Россійской Академіи. Столѣтіе ея совпадаетъ съ столѣтіемъ «Собесѣдника», и, чувствуя столѣтнюю годовщину Россійской Академіи, мы тѣмъ самымъ чувствуемъ память писателей, участвовавшихъ въ «Собесѣдникѣ».

Лучшею порою въ академической жизни были безспорно первые года существованія академіи. Но обстоятельства измѣнились съ тѣхъ поръ, когда у насъ — говоря словами одного изъ членовъ Россійской Академіи — стало входить въ обычай распускать зонтики сей часъ же, какъ только слышатъ, что въ Парижѣ идетъ дождь или надвигаются тучи. Во Франціи литераторы затрогивали политическіе вопросы: влѣдствіе этого и у насъ стали подозрительно смотрѣть на литературныя общества. Къ общимъ причинамъ присоединились и особенныя, по отношенію къ Россійской Академіи. Немедленно по вступленіи на престолъ преемника Екатерины II, предѣдатель академіи, княгиня Дашкова, была удалена отъ дѣлъ и сослана — за свое участіе въ юнскихъ событіяхъ 1762 года. Въ первомъ, въ царствованіе Павла I, собраніи Россійской Академіи прочитанъ указъ объ увольненіи княгини Дашковой, а во второмъ — указъ о прекращеніи отпуски суммы на содержаніе академіи. Хотя Россійская Академія и не была официально

закрыта, но она сдѣлалась учрежденіемъ опальнымъ, и дѣятельность ея остановилась на полупутѣ. Произведенія въ родѣ тѣхъ, за которыя въ былыя времена осыпали академиковъ милостями, оказались до того не въ духѣ времени, что съ авторами ихъ боялись встрѣчаться не только въ академическихъ собраніяхъ, почти непосредственныхъ, но и въ обществѣ.

Привѣтствуя воцареніе Александра I, членъ Россійской Академіи, знаменитый поэтъ, влагаетъ въ уста Екатерины слѣдующія строки, весьма любопытныя въ историческомъ отношеніи:

Давно я зло предупреждала,
 Назначивъ внука вамъ въ царя;
 Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
 Забывъ мою къ себѣ любовь,
 Напасти безъ меня терпѣли, —
 Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Императоръ Александръ I, считавшій себя истиннымъ преемникомъ Екатерины, возвратилъ Россійской Академіи ея прежнее достоинство и назначилъ ей новыя суммы частью изъ Государственнаго казначейства, частью изъ Кабинета. Внѣшнія удобства, матеріальныя средства могли быть восстановлены однимъ почеркомъ пера. Но какимъ образомъ вызвать внутреннюю силу, вложить живую душу въ учрежденіе, задержанное въ своемъ развитіи при самомъ его началѣ? Откуда было взять другую Дашкову, другого Лепехина, другого Болтина?

Предсѣдателемъ возобновленной академіи назначенъ престарѣлый Нартовъ, мирно доживавшій свой вѣкъ въ академической средѣ, удаленной отъ всякихъ житейскихъ тревогъ. По смерти Нартова бразды правленія перешли къ Шишкову, который игралъ главную роль въ академіи еще при своемъ предшественникѣ. Въ апрѣлѣ 1813 года умеръ Нартовъ, а въ маѣ 1813 года президентомъ Россійской Академіи назначенъ Шишковъ. Въ этомъ званіи онъ оставался до конца дней своихъ; со смертію его прекратилось и самое существованіе Россійской Академіи. Въ теченіе почти тридцати лѣтъ судьба академіи положительно была въ рукахъ Шишкова, принадлежавшаго безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени.

При обычной безцвѣтности нашей общественной жизни, люди, подобные Шишкову, невольно привлекаютъ къ себѣ и вниманіе, и

сочувствіе. Искренность убѣжденія соединялась въ немъ съ благородною смѣлостью не скрывать правды ни передъ кѣмъ и никогда не измѣнять суровымъ требованіямъ долга. Съ необыкновенною настойчивостью, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ защищалъ онъ справедливое дѣло, и не было силъ удержать его отъ разоблаченія истины. Такимъ борцомъ за правду являлся онъ всюду — и въ частныхъ совѣщаніяхъ съ вліятельными сановниками, и въ горячихъ преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. По этому поводу онъ самъ выразился такимъ образомъ: «я никогда не вступаю за себя — брани меня кто хочетъ; но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать».

Закаленный для борьбы съ сильными противниками, Шишковъ обращался въ деспота при столкновеніи съ лицами, которыя не рѣшались дать отпора и безпрекословно уступали при первомъ натискѣ. Если перенестись мысленно въ тогдашнія засѣданія Россійской Академіи, то легко себѣ представить, какое впечатлѣніе производили на присутствующихъ рѣзкіе, рѣшительные приговоры Шишкова въ области, особенно дорогой его сердцу, т. е. въ славяно-русской филологіи. Шишковъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что *языкъ* долженъ составлять завѣтную святыню не только для ученыхъ и писателей, но и для *каждаго человека и граждаина*. Съ одинаковымъ жаромъ онъ возставалъ и противъ невѣрныхъ выводовъ въ дѣлѣ о декабристахъ, и противъ неправильнаго употребленія глагола или дѣепричастія. Въ приливѣ негодованія онъ восклицаетъ: «нѣтъ возможности не скорѣть, видя *языкъ* искаженнымъ и *правду* попираемою ногами».

Деспотизмъ Шишкова отозвался весьма невыгодными послѣдствіями и на академической дѣятельности, и на академической жизни. Для процвѣтанія литературнаго общества необходимо привлечь въ его среду самые крупные таланты, а Россійская Академія въ лицѣ своего вождя, вступила съ ними въ открытую войну, и желая выставить имъ соперниковъ, искусственно создавала «маленькихъ-великихъ» писателей. При оцѣнкѣ учено-литературныхъ трудовъ выдвигались на первый планъ произведенія президента, при чемъ торжественно заявляемо было что самъ прусскій король называлъ ихъ знаменитыми, а профессора одного нѣмецкаго университета обѣщали руководствоваться сочиненіями Шишкова въ своихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ. Если бы нѣмецкіе филологи сдержали свое обѣщаніе, то они должны были бы слово *кабинетъ* считать передѣлкою русскаго: *какъ бы нтъ*, а слово *платишь* произ-

водить отъ глагола *пляшу*, какъ мѣсто гладкое, весьма удобное для пляски, и т. п.

Мы не скрыви темныхъ сторонъ преждевременно состарѣвшагося учрежденія. Въ чемъ же заключаются его свѣтлыя стороны?

Самое большое количество свѣта выпало на долю перваго, ска-терпинскаго, періода Россійской Академіи. Поставивъ ясно и опредѣленно главную цѣль своихъ занятій, академики дружно принялись за обширный и капитальный трудъ, — приступили къ составленію словаря русскаго языка. Выборъ источниковъ и распределеніе работъ сдѣланы были весьма разумно. Матеріалы для словаря извлекались изъ произведеній писателей и изъ живого языка народа; собиравсь слова областныя, мѣстныя, относящіяся къ народному быту, къ различнымъ промысламъ, ремесламъ и т. п. Собранное пересматривалось, провѣрялось и приводилось въ систему. Надо отдать справедливость тогдашней академіи: она умѣла соединить въ себѣ лучшихъ знатоковъ дѣла. Кто вѣрнѣе Румовскаго, Лепехина, Озерецковскаго, Котельникова могъ объяснить научныя понятія и названія, относящіяся къ области математическихъ и естественныхъ наукъ? Къ кому же было обращаться съ спорными вопросами по русской исторіи и древностямъ, какъ не къ членамъ Россійской Академіи: Болтину, князю Щербатову, Оленину, Мусину-Пушкину и т. д.? О достоинствѣ словаря необходимо судить сравнительно, т. е. принимать въ соображеніе тогдашнее состояніе филологіи не въ одной только Россіи, но и въ Европѣ вообще. И въ этомъ отношеніи словарь Россійской Академіи является трудомъ замѣчательнымъ, дѣлающимъ великую честь его составителямъ. По окончаніи главнаго своего труда Академія приступила къ работамъ по новому словарю, расположенному въ азбучномъ порядкѣ, и къ составленію русской грамматики. Предпріятія эти приведены къ окончанію въ слѣдующій періодъ.

Несмотря на всѣ невзгоды, пережитыя Академіею во второмъ періодѣ ея существованія, въ ней не исчезли окончательно лучшія преданія ея славнаго прошлаго.

Россійская академія постоянно вносила свои вклады въ нашу повременную литературу. О дѣятельности Россійской Академіи можно судить по слѣдующимъ ея изданіямъ, появившимся съ 1805 по 1840 годъ:

Сочиненія и переводы Россійской Академіи.

Извѣстія Россійской Академіи.

Повременное изданіе Россійской Академіи.

Краткія записки Россійской Академіи.

Труды Императорской Россійской Академіи.

Въ этотъ же періодъ Академія предприняла новое изданіе словаря, для котораго и было обработано академиками около пятидесяти тысячъ словъ.

Благодаря Россійской Академіи появились въ свѣтъ труды весьма важные для русской литературы и науки.

Когда, со смертію графа Румянцова, прекратилось изданіе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Россійская Академія предоставила свои средства для продолженія изданія.

Россійская Академія предприняла чрезвычайно важное по отношенію къ русской исторіи изданіе, въ русскомъ переводѣ, византійскихъ и западно-европейскихъ лѣтописцевъ, а также и исландскихъ сагъ.

Россійскою Академіею изданы: Книга большому чертежу; Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго, Карамзина, составленный Строевымъ; Илиада Гомера въ переводѣ Гнѣдича, и т. д.

При всей своей неподатливости, Шишковъ долженъ былъ уступить общественному мнѣнію, и въ члены Россійской Академіи избраны самыя крупныя величины тогдашняго литературнаго міра Карамзинъ, Жуковскій и, наконецъ, Пушкинъ. Въ тотъ же періодъ Россійской Академіи избраны въ академики Сперанскій и Уваровъ. Поворотъ къ лучшему высказался и въ томъ, что Академія присудила большія золотыя медали: Карамзину, Дмитріеву, Крылову и Жуковскому. Шишковъ, иѣкогда ожесточенный противникъ Карамзина и его послѣдователей, написалъ о Карамзинѣ сочувственную статью, которая и была прочитана въ засѣданіи Россійской Академіи. Пушкинъ, присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, говоритъ: «невозможно было безъ особеннаго чувства слышать прекренія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю».

Обращаясь къ академической жизни, замѣтимъ, что Россійская Академія въ ея первыя времена была едва ли не единственнымъ у насъ учрежденіемъ, въ основу котораго положено начало равноправности, сглаживающее и ослабляющее сословную рознь. Въ Россійской Академіи сходились братски, какъ совершенно равные другъ другу: вельможи, сановники, сильные міра и самыя бѣдныя люди, скромные труженники, занимавшіе едва замѣтныя мѣста въ служебной іерархіи. Приходскій священникъ, не смѣвшій возражать консисторскому чиновнику, сидѣлъ рядомъ съ первенствующимъ

членомъ Св. Синода п свободно высказывалъ свои мнѣнія, не боясь угрозъ п преслѣдованій въ случаѣ разногласія съ начальствомъ. Отличительною чертою академической жизни было отсутствіе бюрократическихъ тисковъ. Академія не имѣла даже формальнаго устава. Когда зашла рѣчь объ учрежденіи Россійской Академіи, Екатеринѣ предлагали приказать своимъ статсъ-секретарямъ представить планъ французской, берлинской п разныхъ другихъ академій; но Екатерина нашла это совершенно излишнимъ, подтвердила, вмѣсто всякаго устава, тѣ немногія строки, которыя Дашкова набросала въ одинъ присѣсть, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разговора съ государынею-писательницею.

Основные начала, проявившіяся въ академической жизни въ ея лучшія времена, оказывали свое благотворное вліяніе п впоследствии. Имѣя оффиціальное право раздавать награды по собственному усмотрѣнію, Шишковъ писалъ Аракчееву, что онъ «не осмѣлится» представлять государю о наградѣ писателю до тѣхъ поръ, пока труды этого писателя не будутъ оцѣнены въ Россійской Академіи: иначе — прибавляетъ Шишковъ — «награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиваніе п угожденіе». Когда лицо, занимавшее одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ министерствѣ, сдѣлало академіи замѣчаніе съ цѣлью «предварить» распространеніе заблужденій, Шишковъ счелъ это за вызовъ, брошенный академіи, п, въ качествѣ президента академіи, послалъ весьма рѣзкій отвѣтъ съ обычною примѣсью пропіи. Министерскіе чиновники — пишутъ Шишковъ — могутъ *предварять* заблужденія ученыхъ, но только въ томъ смыслѣ слова, что сами могутъ *предварительно* впадать въ заблужденія, предоставляя другимъ слѣдовать, если пожелаютъ, поданному примѣру.

Какъ основаніе Россійской Академіи, такъ п соединеніе ея съ Академіею Наукъ не зависѣло отъ причинъ болѣе или менѣе случайныхъ. Связь между двумя учрежденіями существовала издавна. п все клонилось къ тому, чтобы они слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Въ первые года своего существованія Россійская Академія находилась въ живомъ общеніи съ Академіею Наукъ. Почти всѣ русскіе ученые, бывшіе въ то время членами Академіи Наукъ, пз-

браны и въ члены Россійской Академіи. Впослѣдствіи связь между двумя, по существу своему однородными, учрежденіями ослабѣла, и это обстоятельство оказало невыгодное вліяніе на судьбу, какъ той, такъ и другой академіи. Россійская Академія черезчуръ расширила кругъ своихъ занятій къ явному ущербу ихъ научнаго достоинства. Въ Академіи Наукъ стало рѣзче обнаруживаться господство бюрократическаго начала и прискорбное для русскихъ ученыхъ отчужденіе отъ всего русскаго. Доказательствомъ этому служатъ данныя, приводимыя самими академиками въ достопамятномъ письмѣ ихъ къ императору Александру I. Соединеніе двухъ академій въ одну принесло каждой изъ нихъ своего рода пользу. Преобразованная Россійская Академія устранила отъ себя все то, что не соотвѣтствовало ученому учрежденію, и, не желая быть законодательницею въ изящной словесности, поставила главною своею задачею разработку научныхъ вопросовъ. Академія Наукъ выиграла и въ матеріальномъ, и въ научномъ отношеніи. Россійская Академія уступила Академіи Наукъ изъ своихъ собственныхъ средствъ четыреста тысячъ рублей на постройку Пулковской Обсерваторіи. Правственное приобрѣтеніе состояло въ томъ, что тѣснѣе завязывалась связь между Академіею Наукъ и умственною жизнью Россіи, и падали преграды, не позволявшія русскимъ ученымъ вступать въ академическую среду. Россійская Академія дала Академіи Наукъ въ лицѣ Востокова такую научную силу, которою по справедливости могла гордиться русская наука. Имя Востокова занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей Академіи Наукъ, подобно именамъ Эйлера, Ломоносова, Палласа, Лепехина, Бэра и ихъ достойныхъ сподвижниковъ на ученомъ поприщѣ. Припомнимъ при этомъ, что и Павскій, и Срезневскій, и Буслевъ, и даже *Соловьевъ* избраны были въ члены преобразованной Россійской Академіи, получившей названіе Отдѣленія русскаго языка и словесности или *Второго Отдѣленія Академіи Наукъ*.

Россійская Академія преобразована во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ въ 1841 году. Преобразование совершилось по волѣ императора Николая Павловича. Весьма любопытно, что императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ этого дѣла и настоятельно требовалъ, чтобы оно скорѣе приведено было къ окончанію.

Президентъ Россійской Академіи Шишковъ скончался въ ночь съ 9-го на 10 апрѣля 1841 года. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова о смерти Шихова государь написалъ:

«Представьте миѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ образовать три академіи, а именно: *Академію Наукъ* въ тѣсномъ смыслѣ (*sciences exactes*), *Академію Русской Словесности* и *Академію Исторіи и Филологіи*. Всѣ три академіи должны составлять одно цѣлое подъ названіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ ходатайствовалъ о назначеніи наследника цесаревича *канцлеромъ* Соединенныхъ Академій, подобно тому, какъ самъ императоръ Николай I, будучи великимъ княземъ, былъ нѣкоторое время *канцлеромъ* Абовскаго университета. Государь не одобрилъ проекта, представленнаго Уваровымъ, и повелѣлъ: «подъ общимъ названіемъ *Императорской Академіи Наукъ* составить три отдѣленія: *первое* — собственно Академія Наукъ (*sciences exactes*); *второе* — Отдѣленіе словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская Академія; *третье* — Отдѣленіе Исторіи и Древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую комиссію». Вслѣдствіе этого учрежденъ былъ комитетъ для составленія общаго устава Академіи Наукъ. Предсѣдателемъ комитета назначенъ вице-президентъ Академіи Наукъ князь Дондуковъ - Корсаковъ, а членами: со стороны Россійской Академіи — Востоковъ и Языковъ, а со стороны Академіи Наукъ — Френъ и Фусъ. По проекту, составленному комитетомъ, полагалось въ Словесномъ Отдѣленіи восемь *ординарныхъ академикомъ* и пятнадцать *почетныхъ академикомъ*. Изъ восьми ординарныхъ академикомъ два — для славянскихъ нарѣчій: одинъ — для болгарскаго, сербскаго, хорватскаго и хорутанскаго, другой — для польскаго, чешскаго и словацкаго. Почетные академики избираются преимущественно изъ «знаменитѣйшихъ русскихъ писателей», а отчасти также изъ иностранныхъ ученыхъ, стяжавшихъ особенную славу на поприщѣ славянской словесности и языкознанія. По поводу избранія писателей въ почетные академики комитетъ высказался слѣдующимъ образомъ: «достоинство самаго учрежденія и польза словесности требуютъ, чтобъ вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, Отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. писателей, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны Словесному Отдѣленію Академіи практическою своею опытностію въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами».

Государь находилъ, что дѣло ведется медленно, и на одной изъ докладныхъ записокъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи, я все жду». 14 октября 1841 года написаны эти слова, а 19 октября 1841 года дѣло было не только представлено государю, но и послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, на имя министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣвающій «присоединить Россійскую Академію къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго *Отдѣленія русскаго языка и словесности*». Тогда же утверждено государемъ и «Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности». Въ «положеніи» сказано, что «Академія Наукъ раздѣляется на три отдѣленія, въ числѣ коихъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности занимаетъ второе мѣсто» и что Отдѣленіе русскаго языка состоитъ изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ. При первомъ образованіи своемъ Отдѣленіе состояло почти исключительно изъ членовъ Россійской Академіи. Въ числѣ первыхъ шестнадцати академиковъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности находилось четырнадцать членовъ Россійской Академіи, а именно: митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ, Жуковскій, Крыловъ, князь Вяземскій, Арсеньевъ, Бутковъ, Каченовскій, Михайловскій, В. И. Панаевъ, Погодинъ, князь П. А. Ширинскій - Шахматовъ и Д. И. Языковъ. Сверхъ того тогда же назначены академиками: Плетневъ и И. И. Давыдовъ, и адъюнктами: Березниковъ, Розбергъ, Строевъ и Шевыревъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности приняло на себя дальнѣйшую разработку тѣхъ вопросовъ науки, которые были поставлены или только намѣчены Россійскою Академіею.

Къ числу главнѣйшихъ трудовъ и предпріятій, завѣщанныхъ Россійскою Академіею своему преемнику, принадлежатъ: составленіе словаря и грамматики, основаніе научнаго журнала или сборника, изданіе произведеній отечественныхъ писателей и т. п.

Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности составленъ и изданъ, въ 1847 году, обширный, въ четырехъ томахъ, Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Отдѣленіемъ же изданы:

Опытъ Областного великорусскаго словаря. 1852.

Дополненіе къ Областному великорусскому словарю. 1858.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. 1870.

Сербско-русскій словарь. 1870.

Составленіе грамматики, считавшееся довольно легкимъ дѣломъ въ доброе старое время, когда придумывалась *правила* для языка, потребовало чрезвычайныхъ усилій со стороны людей науки, оты-

скивающихъ *законы* языка посредствомъ наблюденій надъ безчленимымъ рядомъ данныхъ, подлежащихъ научному изслѣдованію. О томъ, что сдѣлано Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности для научной разработкы отечественнаго языка, можно судить по филологическимъ трудамъ членовъ Отдѣленія: Востокова, Срезневскаго, Буслаева, Грота, Ягича и др. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ этихъ трудовъ:

Мысли объ исторіи русскаго языка, Срезневскаго.

Филологическія Разысканія, Грота.

Историческая грамматика, Буслаева и т. д.

Живою лѣтописью трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ служатъ его повременныя изданія, а именно:

Извѣстія Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности (1852—1862). Десять томовъ, изъ шести выпусковъ каждый, съ прибавленіями:

1) Матеріалы для словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій.

2) Памятники и образцы народнаго языка и словесности.

Ученыя записки второго Отдѣленія Академіи Наукъ (1854—1863). Семь книгъ.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности (1868—1883) Тридцать одинъ томъ.

«Извѣстія» и «Ученыя Записки» выходили подъ редакціею академика И. И. Срезневскаго. «Сборникъ» выходилъ и выходитъ подъ редакціею академика Я. К. Грота.

Для историко-литературныхъ изслѣдованій необходимо изданіе писателей, удовлетворяющее научнымъ требованіямъ. Много томное изданіе сочиненій Державина останется навсегда памятникомъ литературной дѣятельности поэта и ученой пытливости издателя академика Грота. Трудъ, совершенный академикомъ Гротомъ по изданію Державина, совершенно справедливо называютъ подвигомъ, еще небывалымъ въ нашей литературѣ. Объяснительныя примѣчанія Я. К. Грота къ сочиненіямъ Державина составляютъ драгоценное приобрѣтеніе русской науки.

Въ самомъ выборѣ живыхъ силъ для академической дѣятельности можно замѣтить связь между Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности и лучшими преданіями Россійской Академіи. Къ числу такихъ преданій слѣдуетъ отнести стремленіе сблизиться съ умственною жизнью славянскаго міра и призвать въ русскую ученую среду выдающихся дѣятелей науки между западными и южными Славя-

намъ. Россійская Академія находилась въ сношеніяхъ съ славянскими литературными обществами, какъ, напримѣръ, съ Матіцею Сербскою и т. п., дала средства Караджичу для путешествія по славянскимъ землямъ; отправила Венелина въ «ученое путешествіе по Болгаріи, стравѣ классической для историковъ и филологовъ славянскихъ»; приглашала переселиться въ Россію Шафарика, Челяковского, Ганку и т. д. Мысль объ изученіи славянства по вызовѣ славянскихъ ученыхъ встрѣтила живое сочувствіе въ ученомъ, составлявшемъ славу нашей Академіи Наукъ, въ знаменитомъ Бэрѣ. Когда въ Академіи Наукъ зашла рѣчь объ учрежденіи кафедры для изученія языковъ и народовъ *не славянскаго* племени, обитающихъ въ Россіи, Бэръ доказывалъ, что сравнительное изученіе языковъ и народовъ *славянскаго* племени *еще важнѣе для Россіи*, и что приглашеніе западно-славянскаго ученаго составляетъ прямую и жизненную потребность нашей Академіи Наукъ. Завѣтной мысли Россійской Академіи суждено осуществиться только въ наше время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ избранъ въ академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности западно-славянскій ученый И. В. Ягичъ. Мы убѣждены, что самъ патріархъ славянской филологіи Востоковъ благословилъ бы нашъ выборъ, а научная высота, на которой находится избранный намъ, привлекла бы къ нему прекреннее сочувствіе незабвеннаго Бэра.

Не ограничиваясь выборомъ людей науки, Отдѣленіе русскаго языка и словесности, подобно Россійской Академіи, дорожитъ своимъ правомъ избирать въ члены академіи писателей-художниковъ, которыми по справедливости гордится современная намъ литература. Высоко цѣня литературныя дарованія и заслуги, Отдѣленіе избрало въ свои члены-корреспонденты: Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, графа Льва Толстого, Майкова Островскаго и другихъ писателей.

Связующимъ началомъ между писателями-художниками и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности да послужитъ любовь къ родному языку, доходившая до благоговѣнія и въ Пушкинѣ, и въ его ученикѣ, Тургеневѣ. Такой же взглядъ на языкъ, какъ на народную святыню и драгоцѣннѣйшій залогъ нашей народности исповѣдывали и проповѣдывали наиболѣе выдающіеся представители Россійской Академіи.

Русская научная терминологія, по различнымъ отраслямъ знаній, создана преимущественно членами Россійской Академіи. Они неуклонно стремились къ тому, чтобы наука въ Россіи говорила

по-русски, и чтобы свѣтъ ея распространялся въ русскомъ обществѣ. Нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи призываемы были къ трудамъ по народному образованію и оставили глубокіе, неизгладимые слѣды своей просвѣтительной дѣятельности. Самые смѣлые и самые разумные голоса въ защиту свободы изслѣдованія и печатнаго слова принадлежали членамъ Россійской Академіи.

Само собою разумѣется, что и въ Россійской Академіи, какъ и во всякаго рода обществахъ, были и свѣтлыя, и темныя черты, было и благо и зло, т. е. и достоинства и недостатки. Но несправедливо бѣлое называть чернымъ, отрицая прямыя и несомнѣнныя заслуги. Дѣйствительныя свѣтила Россійской Академіи были безспорно и свѣтилами современной имъ русской литературы и науки. Имъ по праву принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи русской образованности. Признавая значеніе свѣтлыя, не станемъ осуждать и ихъ скромныхъ спутниковъ, желавшихъ принести посильную пользу обществу. Не жесткимъ укоромъ, а словомъ сочувствія и благодарности помянемъ въ этотъ день всѣхъ добросовѣстно потрудившихся въ учрежденіи, посвященномъ отечественному языку и словесности:

Всѣмъ честію — предшественникамъ нашимъ —
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ Я. К. Гротъ и сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе:

«Будучи обязанъ, на основаніи правилъ объ академическихъ преміяхъ представить отчетъ о бывшемъ въ нынѣшнемъ году соисканіи премій А. С. Пушкина, не лишнимъ считаю припомнить въ немногихъ словахъ обстоятельства недавняго учрежденія этихъ премій и перваго присужденія ихъ въ минувшемъ году.

Изъ собранныхъ на сооруженіе памятника великому поэту, подпискою по всей Имперіи, 100,000 рублей, оставалось, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ на это предметъ, 20,000. Чтобы рѣшить, какое дать назначеніе этой суммѣ, комитетъ по сооруженію памятника Пушкину пригласилъ къ соучастію въ своихъ совѣщаніяхъ нѣсколько лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, изъ круга литераторовъ и ученыхъ. По внимательномъ обсужденіи разныхъ предположеній, это собраніе, происходившее въ январѣ 1881 года, пришло къ заключенію, что самымъ достойнымъ памяти знаменитаго

поэта употребленіемъ образовавшагося капитала будетъ учрежденіе при Академіи Наукъ преміи за изслѣдованія по исторіи языка и литературы, а также за сочиненія по изящной словесности, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

Вслѣдствіе того и была основана, съ Высочайшаго соизволенія, ежегодная премія въ 1,000 рублей, могущая быть раздѣляема и на двѣ половинныя, каждая въ 500 руб. На первомъ конкурсѣ, бывшемъ въ 1882 году, премією имени нашего величайшаго поэта Академіи довелось увѣнчать поэтическіе труды двухъ давно снискавшихъ блестящую извѣстность писателей: А. Н. Майкова, признавнаго за служивающимъ полной преміи за поэму «Два міра», и Я. П. Полонскаго, получившаго половинную премію за сборникъ стихотвореній, изданный имъ подъ заглавіемъ: «На закатѣ».

На бывшіи въ текущемъ году второй конкурсъ было представлено *три* сочиненія и *два* перевода замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній. Изъ числа первыхъ одно оказалось неподходящимъ подъ категорію трудовъ, допускаемыхъ на соисканіе этихъ премій, и было устранено.

Разборъ остальныхъ четырехъ трудовъ, на основаніи правилъ о Пушкинскихъ преміяхъ, приняли на себя: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, профессоръ Московскаго университета Н. И. Стороженко, докторъ исторіи всеобщей литературы Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный переводчикъ стихотворныхъ произведеній П. И. Вейнбергъ.

Къ участію въ окончательномъ обсужденіи представленныхъ трудовъ приглашены были въ засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности, 7-го сего октября, члены-корреспонденты Академіи Наукъ П. А. Гончаровъ и А. Н. Майковъ, затѣмъ В. П. Гаевскій и П. И. Вейнбергъ, какъ единственный бывший на лицо литераторъ изъ числа названныхъ гг. рецензентовъ. За болѣзнію П. А. Гончарова, коммисія по присужденію Пушкинскихъ премій такимъ образомъ составилась изъ восьми членовъ, т.-е. пяти академиковъ и трехъ постороннихъ литераторовъ.

По прочтеніи имѣвшихся въ рукахъ Отдѣленія рецензій и выслушаніи сопровождавшихъ чтеніе разсужденій и замѣчаній, приступлено было къ закрытой баллотировкѣ каждаго изъ четырехъ подлежащихъ разсмотрѣнію трудовъ отдѣльно; и въ результатѣ оказалось, что ни одинъ изъ этихъ трудовъ не соединилъ въ свою пользу требуемыхъ правилами двухъ третей всего наличнаго числа голосовъ.

Академія считаетъ пріятнымъ долгомъ публично выразить свою искреннюю признательность постороннимъ ученымъ и литераторамъ, обязательно принявшимъ участіе въ оцѣнкѣ подлежащихъ суду ея сочиненій и переводовъ, и, кромѣ того, съ особеннымъ удовольствіемъ пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, Академія, въ знакъ своей благодарности за доставленные Отдѣленію обстоятельныя рецензіи, присудила золотыя медали гг. Буличу, Веселовскому и Вейнбергу».

Послѣ этого заявленія академикъ Я. К. Гротъ пригласилъ прибывшихъ въ Академію гг. депутатовъ съ привѣтственными адресами прочесть ихъ. Первая къ президентскому столу приблизилась депутация отъ Петербургскаго университета. Во главѣ ея находился исправляющій должность ректора университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. Э. Янсонъ, который прочелъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Вспомная съ глубокою благодарностію о плодотворной, слишкомъ полувѣковой дѣятельности Россійской Академіи, Императорскій С.-Петербургскій университетъ привѣтствуетъ ея достойнаго продолжателя—II Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ.

Прославленное незабвенными трудами Востокова, Срезневскаго и нынѣшнихъ дѣйствительныхъ его членовъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности расширило кругъ занятій Россійской Академіи и обогатило славяно-русскую филологію учеными подвигами и предпріятіями, которые займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской науки и образованности».

За Петербургскимъ университетомъ слѣдовала Петербургская Духовная Академія, имѣвшая здѣсь своего представителя, профессора М. О. Кояловича. Онъ прочелъ слѣдующій адресъ Духовной Академіи:

«Милостивые государи. Нѣкогда въ этомъ святилищѣ наукъ великій русскій человѣкъ—Ломоносовъ обзрѣвалъ орлинымъ своимъ взгядомъ сокровища русскаго слова; съ свойственнымъ ему ясновидѣніемъ онъ находилъ ихъ и въ живыхъ говорахъ русскаго народа, и въ родствѣ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и въ церковныхъ книгахъ, читаемыхъ въ нашихъ православныхъ храмахъ, и съ поражающею силою указывалъ на эти сокровища иноземцу Шлецеру, какъ бы на кладъ, скрывающійся передъ его чужеземными глазами, но открытый и самъ собою дающійся русскому человѣку. С.-Петербургская Духовная Академія вспоминаетъ нынѣ объ этомъ передъ вами, милостивые государи, давно ей близкими, вѣрными храните-

лями завѣтовъ великаго Ломоносова и всѣхъ достойныхъ его преемниковъ, и сердечно привѣтствуетъ васъ въ этотъ знаменательный день вашего историческаго служенія родниѣ. Да развивается и торжествуетъ наше богатое и любезное русское слово и въ вашихъ достойныхъ трудахъ и въ другихъ трудахъ, направляющихся къ вамъ для вашей высшей оцѣнки и покровительства, и во всѣхъ отрасляхъ знаній на великомъ и многолюдномъ пространствѣ нашего Отечества».

Слѣдующая депутація была отъ Императорскаго Александровскаго лицея. Глава ея, директоръ лицея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. Н. Гартманъ прочелъ нижеслѣдующій адресъ отъ лицея:

«Императорскій Александровскій лицей привѣтствуетъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, какъ вѣковое хранилище сокровищъ родного слова. Празднованіе столѣтія Россійской Академіи не можетъ быть чуждо лицей, воспитавшему величайшаго художника русскаго слова, воспитавшему старѣйшаго члена русскаго Отдѣленія Академіи, истолкователя громкихъ пѣснопѣній Державина.

«Всею душой присоединяясь къ настоящему торжеству, лицей желаетъ Отдѣленію многихъ вѣковъ существованія для служенія святому дѣлу возвелченія русскаго слова: да растетъ и ширится русское слово, мощное и свободное!»

Этотъ адресъ, также, какъ и предыдущіе, былъ привѣтствованъ громкими рукоплесканіями.

По окончаніи чтенія адресовъ, академикъ Я. К. Гротъ прочелъ привѣтственныя телеграммы: 1) отъ Московскаго университета, 2) Варшавскаго университета, 3) Московскаго общества любителей Россійской словесности, 4) Московскаго юридическаго общества, 5) Ярославскаго Демидовскаго лицея, 6) отъ Министра Путей Сообщенія, генераль-адъютанта Посѣта, и привѣтствія другихъ лицъ.

Собраніе кончилось въ началѣ третьяго часа пополудни. Въ заключеніе академикъ Гротъ заявилъ, что въ даръ Академіи поднесена изданная художникомъ Бобровымъ брошюра съ текстомъ г. Божеянова: «Столѣтіе журнала Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова». На первомъ листѣ этой брошюры изображены портреты, вверху нынѣ царствующихъ Государя и Государыни, а подъ ними императрицы Екатерины II, княгини Данковой и Державина, и воспроизведена въ точности первая заглавная страница журнала, издававшаяся въ 1783 г. при Академіи Наукъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ XXXIII, № 1.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1883 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

М. И. СУХОМЛИНОВЫМЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1884 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1883 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи
Наукъ 29-го декабря 1883 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, сверхъ обыкновенныхъ своихъ собраній, имѣло въ этомъ году два публичныя засѣданія: одно—въ память Жуковскаго, другое—въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи.

30-го января этого года Отдѣленіе русскаго языка и словесности праздновало столѣтнюю годовщину рожденія Жуковскаго. Къ участію въ этомъ литературномъ празднествѣ были приглашены отдѣленіемъ нѣкоторые изъ писателей: профессоръ О. О. Миллеръ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій и П. И. Вейнбергъ. Засѣданіе отдѣленія почтилъ своимъ присутствіемъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владимиръ Александровичъ. По представленію Отдѣленія, по ходатайствованію г. президентомъ Академіи Наукъ 1,000 рублей на учрежденіе преміи Жуковскаго за лучшее о немъ сочиненіе, которое должно быть представлено къ 1-му мая 1885 года.

21-го октября происходило публичное засѣданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности по случаю столѣтія Россійской Академіи. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 21-го октября 1783

года, открыта была Россійская Академія, преобразованная впоследствии, въ 1841 году, во второе отдѣленіе Академіи Наукъ или въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Отдѣленіе считаетъ своимъ долгомъ выразить искреннюю признательность тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя почтили отдѣленіе своимъ привѣтомъ въ этотъ знаменательный для Академіи день.

Съ живѣйшею благодарностью вспоминаетъ отдѣленіе и о содѣйствіи, оказанномъ ему писателями, участвовавшими въ академическомъ празднествѣ въ честь Жуковскаго, и членомъ Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскимъ, которому принадлежатъ починъ въ устройствѣ чествованія памяти поэта въ Петербургѣ. Н. И. Стояновскій принялъ дѣятельное участіе и въ устройствѣ выставки портретовъ, рукописей и изданій Жуковскаго и вообще предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ его жизни и литературной дѣятельности.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило въ этомъ году Ломоносовскую премію неутомимому труженнику въ области литературной археологіи, о. архимандриту Амфилохію, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями.

Для успѣховъ русской филологіи, для полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, необходимо изданіе многихъ важныхъ памятниковъ, описаніе и обзоръ малоизвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленіе ихъ палеографическихъ особенностей, и т. п. — словомъ, необходимы труды библиографическіе и археологическіе.

Уже первый трудъ, удостоившій Ломоносовской преміи по Отдѣленію русскаго языка и словесности, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которыя, не задаваясь рѣшеніемъ какого либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаютъ необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было знаменитое «Описаніе славянскихъ рукописей синодальной бібліотеки». Два раза послѣ того приходилось Отдѣленію присуждать преміи по лексикографическимъ и одишь разъ по грамматическимъ трудамъ. Присуждая въ нынѣшнемъ

году Ломоносовскую премію, отдѣленіе воздастъ должное неутомимой дѣятельности почтеннаго труженника въ области литературной археологіи архимандрита о. Амфилохія, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ трудовъ по древне-русской письменности въ связи съ греческою. Въ особенности выдается новѣйшій его трудъ — изданіе галичскаго четвероевангелія 1144 года, въ трехъ томахъ, 1882—1883 г. Памятникъ, нынѣ изданный о. Амфилохіемъ, занимаетъ видное мѣсто въ древне-русской письменности XII вѣка. Желая прослѣдить въ древне-русской письменности черты русскихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, изслѣдователи исторіи русскаго языка останавливались главнымъ образомъ на этомъ памятникѣ, потому что нѣкоторые внѣшнія обстоятельства, въ связи съ особенностями языка, заставляли предпологать, что памятникъ этотъ можно считать родоначальникомъ письменности юго-западно-русской. Теперь, когда памятникъ изданъ, изслѣдованіе всѣхъ особенностей его должно доказать, насколько подобныя предположенія основательны. Какъ въ другихъ многотомныхъ изданіяхъ почтеннаго археолога, такъ и въ этомъ трудѣ, напечатанномъ въ трехъ обширныхъ томахъ, встрѣчаются и такіе приемы, съ которыми нельзя согласиться. Но несомнѣнная заслуга о. Амфилохія заключается какъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ памятникъ доступнымъ для изслѣдователей, такъ и въ томъ, что приводимыми изъ другихъ памятниковъ различіями далъ возможность выискнуть въ характеръ ихъ перевода, опредѣлить ихъ взаимную зависимость и ихъ отношеніе къ юго-славянскимъ подлинникамъ, въ высшей степени важнымъ въ филологическомъ отношеніи.

Трудъ почтеннаго ученаго, появившійся въ свѣтъ въ этомъ году, представляетъ новое доказательство неутомимой дѣятельности автора. Признавая неоспоримымъ, что труды его вообще вносятъ въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоценныхъ источниковъ и пособій, Отдѣленіе русскаго языка и словесности присудило о. архимандриту Амфилохію Ломоносовскую премію. Подробный отчетъ объ этомъ присужденіи, составленный акаде-

микомъ И. В. Ягичемъ, будетъ помѣщенъ въ изданіяхъ нашего отдѣленія.

Число академическихъ премій почти ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются и занятія Отдѣленія, на которое возлагается какъ составленіе правилъ для премій, такъ и разсмотрѣніе сочиненій, поступающихъ на преміи. Къ общимъ трудамъ отдѣленія, въ этомъ году, относится составленіе проекта правилъ для преміи профессора Котляревскаго, учрежденныхъ вдовою его для увѣнчанія сочиненій по славянской археологіи и филологіи, и др.

Увеличеніе числа премій, присуждаемыхъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности; сопряженная съ этимъ весьма обширная переписка; многочисленность трудовъ, помѣщаемыхъ въ изданіяхъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, и другія соображенія послужили поводомъ къ тому, что г. президентомъ Академіи Наукъ, графомъ Д. А. Толстымъ, исходатайствовано было 5,000 руб. ежегодно на усиленіе средствъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Къ числу трудовъ, возложенныхъ на Отдѣленіе русскаго языка и словесности, при ближайшемъ и непосредственномъ участіи одного изъ его членовъ, принадлежитъ изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ. Главнымъ источникомъ для этого изданія должно служить богатое собраніе рукописей, хранящихся въ такъ-называемомъ архивѣ академической канцеляріи. О значеніи этого архива, а равно и о большихъ затрудненіяхъ при пользованіи имъ можно судить по слѣдующему отзыву академика Пекарскаго, автора исторіи Академіи Наукъ: «Въ этомъ архивѣ нѣтъ описей, а потому, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ хранящихся здѣсь матеріаловъ или найти какія-либо нужныя извѣстія, необходимо долгое и кропотливое разсмотрѣніе значительнаго количества фоліанговъ, писанныхъ по большей части дурною скорописью XVIII вѣка. Академическая канцелярія есть то самое учрежденіе, на самовластіе котораго такъ часто слышались жалобы отъ старинныхъ академиковъ. Въ оной канце-

лярій—говорится въ отвѣтѣ Сенату, 1745 года—все президенты присутствовали, и къ профессорамъ ордеры, а во все подчиненныя мѣста указы посылались. И все дѣла проходили пзъ канцелярій; контракты съ профессорамъ, адъюнктамъ и съ прочими служителями» и т. д. Въ архивѣ академической канцелярій находится много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи не только просвѣщенія, но даже искусствъ и ремеслъ въ Россіи XVIII столѣтія. Занимаясь исторіею образованія въ Россіи, и пользуясь для этой цѣли рукописями Академіи Наукъ, графъ Д. А. Толстой убѣдился на опытѣ въ важномъ значеніи академическаго архива, и немедленно по вступленіи своемъ въ должность президента Академіи Наукъ обратилъ вниманіе на необходимость изданія архивныхъ матеріаловъ и прежде всего — протоколовъ академической канцелярій. Но такъ-какъ за нѣкоторые годы, относящіеся къ первому періоду Академіи, вовсе не сохранилось протоколовъ, а между тѣмъ свѣдѣнія объ этой древнѣйшей порѣ академической жизни представляютъ особенный интересъ, то предположено, по крайней мѣрѣ на первый разъ, не ограничиваться однимъ протоколами, а помѣщать и другіе документы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Академіи Наукъ и находящіеся въ академическомъ или въ другихъ какихъ-либо архивахъ. По ходатайству г. президента Академіи Наукъ, на изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ назначено по 5,000 рублей ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. Часть этой суммы опредѣлена для покрытія расходовъ по разбору и приведенію въ порядокъ массы бумагъ, хранящихся въ академическомъ архивѣ съ незапамятныхъ временъ. Подготовительныя работы по предпріятому изданію приближаются къ окончанію, и отдѣленіе надѣется вскорѣ приступить къ печатанію «Матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ».

Другой трудъ, предпріятыи отдѣленіемъ въ истекающемъ году, относится къ области отечественнаго языка. Извѣстно, сколько недоразумѣній встрѣчается въ этой области вслѣдствіе крайней неопредѣленности нашего правописанія. Чтобы содѣй-

ствовать устраненію различныхъ невѣрностей и неточностей, преимущественно въ правописаніи, отдѣленіе признало нужнымъ разъяснить нѣкоторые спорные вопросы нашей грамматики, сообразно съ современнымъ состояніемъ филологіи, и съ тѣми требованіями, которыя указываются самою исторіею нашего языка. По порученію отдѣленія, академикъ Я. К. Гротъ составилъ руководство по русской фонетикѣ и орфографіи, которое предназначается къ изданію *отъ отдѣленія*, и поэтому прочитывается и обсуживается въ засѣданіяхъ отдѣленія для общаго соглашенія во взглядѣ по всѣмъ вопросамъ этой части.

Въ истекающемъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, труды членовъ втораго отдѣленія Академіи Наукъ частію помѣщаются были въ академическихъ изданіяхъ, частію выходили отдѣльными книгами.

Академикъ Я. К. Гротъ оканчивалъ печатаніе IX-го тома академическаго изданія сочиненій Державина, и особенно занятъ былъ приготовленіемъ полнаго указателя ко всему изданію, въ высшей степени необходимаго для изслѣдователей при пользованіи многотомнымъ изданіемъ. Въ девятомъ, послѣднемъ, томѣ, сверхъ разнаго рода дополненій къ предыдущимъ томамъ и множества пояснительныхъ примѣчаній, помѣщены и нѣкоторые историческіе документы, какъ напримѣръ новые матеріалы для исторіи пугачевщины и записка академика Штеллина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III, впервые появившаяся въ печати въ своемъ полномъ видѣ. Академикъ Штелинъ былъ домашнимъ человекомъ у Императора Петра III, и находился при немъ неотлучно въ роковые для него дни—28-го и 29-го іюня 1762 года. Кромѣ того въ этотъ томъ вошелъ между прочимъ словарь къ стихотвореніямъ Державинымъ, съ общимъ разсмотрѣніемъ языка его.

Продолжая труды свои по изданію сочиненій Плетнева, академикъ Гротъ окончилъ печатаніе прозы, занявшей два съ половиною тома. Затѣмъ, собравъ всѣ стихотворенія этого писателя, разбросанныя по журналамъ и альманахамъ двадцатыхъ годовъ,

онъ напечаталъ выборъ пзъ ихъ, и приступилъ къ печатанію писемъ Плетнева. Въ настоящее время печатается переписка его съ Пушкинымъ.

Въ этомъ же году, академикъ Гротъ печаталъ третье изданіе своихъ «Филологическихъ Разысканій», пополненное многими новыми статьями. Первый томъ почти уже отпечатанъ.

Сверхъ того, преимущественно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, появились слѣдующія статьи нашего академика:

1. Замѣчанія о взаимномъ отношеніи нѣкоторыхъ славянскихъ и скандинавскихъ словъ, по поводу двухъ изслѣдованій шведскаго ученаго Тамма. Напечатаны въ Archiv für slavische Philologie и въ Филологическихъ запискахъ, издаваемыхъ въ Воронежѣ.

2. Императоръ Иосифъ II въ Россіи, по донесеніямъ шведскаго посланника Нольке, — напечат. въ «Русской Старинѣ».

3. Подробный обзоръ книги іенскаго профессора Сперса: «Основанія фонетики», съ критическими замѣчаніями, — напечат. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4. Критическая оцѣнка появившейся на датскомъ языкѣ книги профессора славянскихъ нарѣчій въ Копенгагенскомъ университетѣ Каспара Смита: «Исторія русской литературы». Замѣтка о ней напечатана въ стокгольмскомъ литературномъ журналѣ и въ Сборникъ втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

Академикъ Гротъ сотрудничалъ, по предметамъ, касающимся русской литературы, въ шведскомъ энциклопедическомъ словарѣ, издаваемомъ въ Стокгольмѣ, подъ названіемъ: Nordisk Familiebok.

По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго общества, Я. К. Гротъ приступилъ къ печатанію, на французскомъ языкѣ, новаго, значительно пополненнаго изданія сохранившихся писемъ барона Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II.

Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ VI—X главы своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», въ которыхъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли сближенія славянорусскаго и иностраннаго народно-поэтическаго матеріала и ихъ взаимнаго объясненія. Результаты подобной работы могутъ однаково послужить на

пользу той и другой изъ изучаемыхъ областей; разборъ 2-й главы Разысканій (св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ), предложенный недавно Heinzel'емъ (*Anzeiger von deutsches Alterthum und deutsche Litteratur*, IX, 3 Juli 1883), служить доказательствомъ вниманія, съ которымъ представители западной науки начинаютъ слѣдить за русскими трудами этого рода. Важны для нихъ и особенности методологическихъ воззрѣній, обусловленные не столько личными приѣмами изслѣдователя, сколько особенностями его данныхъ; и научныя изслѣдованія этихъ данныхъ, которыя, будучи поставлены въ связь съ однородными западными, нерѣдко измѣняютъ взглядъ на происхожденіе и историческое развитіе общаго имъ круга воззрѣній. Такъ славяно-русскія и греческія сказанія о «крестномъ древѣ» освѣщаютъ сложныя судьбы этой легенды на западѣ, южно-славянскія и русскія представленія объ Ильѣ пророкѣ умѣряютъ крайности взгляда, давно выраженаго и повтореннаго недавно — на тождественность народнаго Ильи съ Илиемъ-Гелиосомъ и т. п.

Изслѣдованія автора о южно-русскихъ былинахъ», продолженіе которыхъ (гл. III—X) нынѣ печатается, также относятся къ общему вопросу о генезисѣ эпоса, давно отложившагося на западѣ въ литературныхъ формахъ и забывшаго ту, болѣе простую форму народной былевой пѣсни, которую лишь славянскій изслѣдователь можетъ изучить въ полнотѣ и относительно живомъ преданіи. Рядомъ съ «южно-русскими былинами» и «Разысканіями» авторъ началъ помѣщать въ запискахъ Академіи новый рядъ своихъ научныхъ работъ подъ названіемъ: Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Явился пока первый выпускъ, въ которомъ помѣщенъ, между прочимъ, комментарий къ старой русской повѣсти о «Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли», давно извѣстной по заглавію, но лишь недавно вновь открытой въ рукописяхъ Имп. публ. библ. нашимъ сочленомъ академикомъ А. О. Бычковымъ.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-славянскій письменности, о которомъ

упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ—маріинское четвероевангеліе глаголическаго письма конца X-го или начала XI-го вѣка. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, что В. И. Григоровичъ во время путешествія своего по Турціи приобруль на Афонѣ глаголическое четвероевангеліе замѣчательной древности, представителей славянской филологіи какъ въ Россіи, такъ и за границею, не переставали настаивать на томъ, чтобы памятникъ былъ изданъ. Желанію этому суждено было осуществиться не ранѣе, какъ въ теченіи нынѣшняго года. Его опередило нѣсколькими годами изданіе такого же памятника, знаменитаго Зографскаго евангелія, которое на ряду съ Остромировымъ евангеліемъ составляетъ неоцѣнимый кладъ нашей публичной бібліотеки. Если уже изданіе Зографскаго евангелія И. В. Ягичемъ въ 1879 году въ Берлинѣ встрѣчено было критикою очень сочувственно, то еще бѣльшей признательности въ правѣ ожидать сочленъ нашъ за строго-ученое изданіе Маріинскаго евангелія, въ которомъ онъ не ограничился вѣрною передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ различій, но въ видѣ приложеній присоединилъ обширныя изслѣдованія, относящіяся къ палеографическимъ, грамматическимъ и другимъ особенностямъ издаваемаго памятника. Позволимъ еще указать на приложенный въ концѣ словарь (словоуказатель), какъ на трудъ образцовый.

Второй трудъ И. В. Ягича, о которомъ тоже упоминалось въ отчетѣ за 1882 годъ, изданіе памятниковъ древнерусской письменности, безъ котораго немислима исторія русскаго языка—теперь уже настолько подвинулся, что первый томъ, обнимающій оба древнѣйшіе памятника древнерусской письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно определенными годами 1096 и 1097, выйдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ и въ этомъ году издавать свой ученый журналъ «Архивъ», специально посвященный славянской филологіи; седьмой томъ «Архива» выйдетъ надняхъ. Сверхъ многихъ критико-бібліографическихъ статей, въ кото-

рыхъ редакторъ обозрѣваетъ широкую область славянской филологіи, по изданіямъ на различныхъ славянскихъ языкахъ, обращаютъ на себя вниманіе обширныя статьи, написанныя также самимъ редакторомъ о Синайскомъ требникѣ и молитвословѣ и о новѣйшей попыткѣ палеографическаго объясненія славянскаго письма.

Отвергая мнѣніе о происхожденіи глаголическаго письма изъ албанскаго, академикъ нашъ отстаиваетъ его греческій источникъ, полагая, что оно преимущественно, если не исключительно, образовалось изъ греческаго минускульнаго письма.

20-го іюля этого года скончался въ Пятигорскѣ членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по второму ея отдѣленію Алексѣй Егоровичъ Викторовъ.

По окончаніи, въ 1850 году, курса наукъ въ московской духовной академіи, А. Е. Викторовъ поступилъ на службу въ московскій архивъ Мѣнстерства Иностранныхъ Дѣлъ. Служба въ архивѣ пришлась какъ нельзя болѣе по душѣ Викторову: міръ рукописей сдѣлался роднымъ ему міромъ, изученію котораго онъ предался со всеѣмъ жаромъ человѣка, угадавшаго свое настоящее призваніе. Ровно черезъ десять лѣтъ, въ 1862 году, Викторовъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ московскомъ публичномъ и румянцевскомъ музеяхъ. Несомнѣннымъ доказательствомъ дѣятельности Викторова на этомъ поприщѣ служатъ слѣдующія, краснорѣчивыя данныя. До Викторова, въ отдѣленіи, которымъ онъ завѣдывалъ впоследствии, старопечатныхъ книгъ было 200 и рукописей 800; при Викторовѣ и благодаря ему, число книгъ возросло до 3.000, а число рукописей — до 5.000. И эти богатства, накопленные имъ съ необычайными успѣхами и трудностями, онъ дѣлалъ общедоступными, открывая ихъ съ самою некрепкою радостью для каждаго, желавшаго пользоваться ими съ научною цѣлью. Съ какимъ живымъ участіемъ относился онъ къ вопросамъ литературы и науки, объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать все тѣ лица, которымъ приходилось работать въ музеѣ и

бесѣдовать съ Викторовымъ. Въ душѣ ихъ сохранится навсегда его свѣтлый образъ и воспоминаніе о его неоцѣнимой готовности дѣлиться драгоценными сокровищами, собранію которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Работая неутомимо, Викторъ обогатилъ нашу научную литературу весьма цѣнными вкладами. Назовемъ хотя нѣкоторые изъ нихъ

- Очеркъ собранія рукописей Ундольскаго.
- Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Пискарева.
- Собраніе рукописей В. И. Григоровича.
- Собраніе рукописей П. И. Севастьянова.
- Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева.
- Алфавитный указатель славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки.

— Кириллъ и Меодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ.

— Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года, и мн. друг.

Послѣднее изслѣдованіе есть часть обширнаго, неизданнаго еще труда. Къ числу важнѣйшихъ рукописныхъ трудовъ Виктора принадлежитъ описаніе Макарьевскихъ четв-мшней, сплеченныхъ съ четв-мшнями другихъ русскихъ редакцій, съ указаніемъ подлинниковъ жизнеописаній въ греческихъ рукописяхъ или въ латинскихъ переводахъ въ *Acta sanctorum* и т. д.

22 августа этого года скончался членъ-корреспондентъ Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ одно время съ Тургеневымъ избраны были, въ 1860 году, въ члены-корреспонденты Академіи наукъ: И. А. Гончаровъ—по Отдѣленію русскаго языка и словесности, Эрнестъ Ренанъ и Леопольдъ Ранке—по разряду

историко-политическихъ наукъ и Клодь-Бернаръ—по біологическому разряду. Избирая Тургенева, Академія наукъ воздавала должное заслугамъ писателя, замѣчательнаго и по своему таланту и по своей образованности. Волиѣ понимая значеніе науки, онъ искренно дорожилъ успѣхами просвѣщенія въ Россіи.

Научное образованіе свое Тургеневъ началъ въ московскомъ университетѣ, продолжалъ въ петербургскомъ и окончилъ въ берлинскомъ. Тургеневъ былъ студентомъ по историко-филологическому факультету, называвшемуся также и «словеснымъ факультетомъ» и «первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета». Въ 1833 году Тургеневъ поступилъ въ московскій университетъ; пробылъ тамъ годъ, и выдержавъ экзаменъ изъ перваго курса во второй, перешелъ, въ 1834 году, въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, въ 1836 году, съ степенью дѣйствительнаго студента. По тогдашнимъ правиламъ, «степени *дѣйствительнаго студента* удостоивался только тѣ, у коихъ въ частномъ числѣ изъ факультетскихъ предметовъ болѣе 3; при удостоеніи ученой степени *кандидата*, кромѣ балловъ въ частномъ числѣ не менѣе $3\frac{2}{3}$, особенно принималось въ уваженіе достаточное знаніе греческаго языка, прилежное посѣщеніе лекцій и явное возростаніе успѣховъ въ продолженіе трехлѣтняго курса». Не довольствуясь степенью дѣйствительнаго студента и «желая болѣе усовершенствоваться въ наукахъ посѣщеніемъ университетскихъ лекцій», Тургеневъ остался въ университетѣ еще на годъ, и снова держалъ окончательный экзаменъ. Въ журналѣ засѣданія перваго отдѣленія философскаго факультета, 24 іюня 1837 года, читаемъ: «дѣйствительный студентъ Тургеневъ, вышущенный изъ университета съ сею степенью въ прошломъ году; съ разрѣшенія совѣта, посѣщавшій цѣлый годъ лекцій третьяго курса, и оказавшій на цынѣшнемъ испытаніи вездѣ отличные или очень хорошіе успѣхи, удостоивается степени кандидата».

Будучи еще студентомъ, Тургеневъ выступилъ на литературное поприще. Онъ представлялъ на судъ профессора русской

словесности П. А. Плетнева свои первые опыты, въ числѣ которыхъ была и фантастическая драма *Стеніо*, написанная въ подражаніе Байроновскому Манфреду. П. А. Плетневъ пользовался особеннымъ сочувствіемъ своихъ слушателей: въ глазахъ ихъ онъ былъ окруженъ ореоломъ, какъ другъ Пушкина, Жуковского и Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Евгенія Онегина. Тургеневъ говоритъ: кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

Души прекрасной,
 Святой исполненной мечты,
 Поэзіи живой и ясной,
 Высокихъ думъ и простоты . . .

Одинъ изъ даровитѣйшихъ товарищей Тургенева такимъ образомъ отзывался о тогдашнемъ состояніи петербургскаго университета: «Какъ ни слабъ еще былъ духъ науки, и въ преподавателяхъ и въ учащихся, университетъ нашъ давалъ воспитанникамъ своимъ, по отношенію къ умственному ихъ развитію, гораздо болѣе, чѣмъ другія, спеціальныя учебныя заведенія высшаго разряда; въ нравственномъ же отношеніи вліяніе его оказывалось въ высшей степени благотворнымъ. Изъ стѣнъ университета студенты выходили съ несравненно болѣе чистыми понятіями и гораздо благороднѣйшими стремленіями, чѣмъ тѣ, какія пріобрѣтались и внушаемы были подъ домашнимъ кровомъ,—выходили съ горячимъ чувствомъ любви къ родинѣ, съ расположеніемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, всему для нея полезному, съ вѣрою въ будущность Россіи».

По выходѣ изъ петербургскаго университета, Тургеневъ отправился «доучиваться» въ Берлинъ. Въ берлинскомъ университетѣ было тогда много горячихъ приверженцевъ Гегеля, занимавшаго тамъ кафедру философіи съ 1818 года до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1831 году. Идеи Гегеля считались высшимъ откровеніемъ философской науки и, благодаря усердію

гегелистовъ, распространяли свое вліяніе на различныя отрасли знаній. Находясь въ Берлинѣ, Тургеневъ «занялся философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля, подъ руководствомъ профессора Вердера». Тургеневъ пробылъ въ Берлинѣ около двухъ лѣтъ.

Годы ученія миновали; наступала пора самостоятельной дѣятельности. Тургеневъ сталъ раздумывать, что ему дѣлать съ собою—оставаться ли на родинѣ или искать счастья подъ чужимъ небомъ. Располагая весьма значительными матеріальными средствами, онъ могъ не стѣсняться выборомъ и дать полную волю своимъ мечтамъ и предположеніямъ. Его природныя склонности влекли его туда, гдѣ представлялось наиболѣе простора и пищи для художественнаго чувства, гдѣ жизнь могла бы устрептись хоть сколько нибудь сообразно съ тѣмъ идеаломъ, который выражается въ стихахъ поэта:

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ копъхъ не одна кружится голова . . .
Иная, лучшая нужна мнѣ свобода
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Двываясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умленья—
Вотъ счастье, вотъ права!

Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ Тургеневъ могъ свободно предаваться эстетическимъ наслажденіямъ. Но судьба зло подшутила надъ нимъ. Нежданно-негаданно онъ очутился въ обстановкѣ, вовсе неудобной для служенія музамъ, именно—въ сѣзжемъ домѣ второй адмиралтейской части. Арестованіе Тургенева произвело большое впечатлѣніе въ петербургскомъ обществѣ. Стали говорить, хотя и весьма робко, о томъ, что Тургеневъ не только писатель, но и дворянинъ, имѣющій двѣ тысячи крестьянъ, и вслѣдствіе этого ожидали какого-

либо заявленія со стороны дворянства, тѣмъ болѣе, что еще недавно самъ государь, обращаясь къ депутатамъ отъ дворянства, называлъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ. Что же касается до званія писателя, то за него некому было заступиться, и оставалось только съ горькою улыбкою повторять остроту, ходившую тогда по Петербургу: «напрасно говорятъ, что литература не пользуется у насъ уваженіемъ; напротивъ того—литература у насъ *въ частнѣ*».

Арестъ и послѣдовавшая затѣмъ ссылка имѣли, по свидѣтельству самого Тургенева, такое существенное вліяніе на его литературную дѣятельность, что мы считаемъ необходимымъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на печальномъ событіи, которое должно быть представлено въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.

Тургеневъ арестованъ за статью, написанную имъ по поводу смерти Гоголя. Жестокая потеря, понесенная русскою литературою, заставила русскихъ писателей взяться за перо для выраженія своей скорби: Некрасовъ выразилъ ее въ стихахъ, Тургеневъ—въ прозѣ. Статья или вѣрнѣе статейка Тургенева, подъ заглавіемъ: *Н. В. Гоголь*, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ роковой вѣсти: авторъ писалъ ее обливаясь слезами—«плакалъ на взрыдъ». Тургеневъ говоритъ: «Гоголь умеръ! Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право—горькое право, данное намъ смертію,—назвать великимъ писателемъ... Мы не въ силахъ теперь спокойно говорить о Гоголѣ. Самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ поконится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ,—такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ... Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» Въ приведенныхъ нами выдержкахъ заключаются дан-

ныя, на основаніи которыхъ составленъ обвинительный актъ. Но кто былъ его составителемъ, и къѣмъ возбужденъ вопросъ о преслѣдованіи Тургенева. Самъ Тургеневъ приписываетъ всю обѣду навѣтамъ М. Н. Мусина-Пушкина, бывшаго въ то время попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа и предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Вотъ подлинныя слова Тургенева: «Я несколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство; попечитель с.-петербургскаго округа, теперь уже покойный, Мусинъ-Пушкинъ представилъ, изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ, все дѣло какъ явное неповновеніе съ моей стороны. Онъ не колебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе печатать мою статью. А я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ, и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ. Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника — довѣренное лицо — въ подобномъ искаженіи истины! Но все къ лучшему. Пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновенномъ ходѣ вещей, впроятно ускользнули бы отъ моего вниманія».

Не знаемъ, откуда Тургеневъ заимствовалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія, но они не вполне подтверждаются обстоятельствами дѣла. Оказывается, что Мусинъ-Пушкинъ не самъ возбудилъ дѣло, а былъ только привлеченъ къ нему въ качествѣ свидѣтеля, и въ показаніяхъ своихъ вовсе не упоминаетъ объ умысленномъ будто-бы неповновеніи Тургенева. На вопросъ графа А. О. Орлова, была ли статья Тургенева представлена въ цензурный комитетъ, и «какое послѣдовало постановленіе относительно напечатанія» этой статьи, Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ, 25 марта 1852 года, слѣдующее: «Статья о Гоголѣ представлена мнѣ была въ корректурѣ 29-го прошедшаго февраля цензоромъ Нейкеромъ, для помѣщенія въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Прочитавъ статью, я не дозволилъ оную печатать. Мнѣ казалось неумѣстнымъ писать о Гоголѣ въ такихъ нынѣ-

ныхъ выраженіяхъ, едва-ли приличныхъ, говоря о смерти Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ другихъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и представлять смерть Гоголя какъ незамѣнимую потерю, а нераздѣляющихъ это мнѣніе — легкомысленными или близорукими. Мнѣ казалось, что все эти возгласы, какъ выраженія частнаго мнѣнія, не должно дозволить представлять какъ чувства, впечатлѣнія и воззрѣнія общія». За исключеніемъ этого письма, нѣтъ никакихъ слѣдовъ участія Муслина-Пушкина въ дѣлѣ о Тургеневѣ и о его статьѣ.

Поводомъ къ обвиненію Тургенева послужили другія причины, и прямыя и косвенныя. Нѣкоторыя изъ лицъ, читавшихъ статью Тургенева до появленія ея въ газетѣ, были нѣсколько озадачены тѣмъ, что авторъ называетъ Москву сердцемъ Россіи, а Гоголя — *великимъ* писателемъ. Въ томъ кругу нашего общества, гдѣ нѣмецкій языкъ предпочитался русскому, казалось весьма неприличнымъ сопоставить: Friedrich der grosse и Gogol der grosse. Одна высокопоставленная дама находила, что Тургеневъ наказанъ черезчуръ строго, и хотѣла ходатайствовать за него; но когда ей доложили, что онъ называетъ Гоголя *великимъ* человѣкомъ, она отказалась отъ своего намѣренія, замѣтивши, что Тургеневъ терпитъ подѣломъ.

Въ частномъ письмѣ Тургенева къ И. С. Аксакову были такія строки: «Скажу вамъ безъ преувеличенія: съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатлѣнія, какъ смерть Гоголя. Эта страшная смерть — историческое событіе, понятное не сразу; это — тайна, тяжелая грозная тайна... Ничего отраднаго не найдете въ ней тотъ, кто ее разгадаетъ. *Трагическая судьба Россіи* отражается на тѣхъ изъ русскихъ, кои ближе другихъ стоятъ къ ея пѣдрамъ... Гоголь погибъ! Мнѣ, право, кажется, что онъ умеръ потому, что рѣшился, захотѣлъ умереть... Г. Муслинъ-Пушкинъ не устыдился назвать Гоголя публично писателемъ лакейскимъ... Сидя въ грязи по горло, эти люди принялись ѣсть эту грязь, — наздоровье! Благороднымъ людямъ должно теперь крѣпче, чѣмъ ког-

да-нибудь, держаться за себя и другъ за друга. Пускай хоть эту пользу принесетъ смерть Гоголя!» Въ другомъ частномъ письмѣ, къ В. П. Боткину, Тургеневъ спрашиваетъ: «Нельзя ли попробовать напечатать то, что я написалъ о Гоголѣ (разумеется, безъ подписи) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, какъ отрывокъ изъ письма отсюда? Je voudrais sauver l'honneur des honnêtes gens qui vivent ici». Усиливающимъ вину обстоятельствомъ признано и то, что «въ нынѣшнее время литераторы являются дѣйствующими лицами во всѣхъ бѣдственныхъ для государства смутахъ» и то, что «Тургеневъ долженъ быть человѣкъ пылкій и предприимчивый». Въ официальномъ докладѣ говорится только что Муслинъ-Пушкинъ запретилъ статью, а Тургеневъ «вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву и напечаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ». На этомъ основаніи, графъ А. О. Орловъ предлагалъ: пригласить Тургенева въ третье отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи, сдѣлать Тургеневу должное внушеніе и учредить за нимъ секретный надзоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Полагаю, этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяць подъ арестъ, и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ».

Черезъ нѣсколько дней по арестованіи Тургенева, оберъ-полицеймейстеръ, по словесному требованію А. В. Дубельта, предписалъ приставу исполнительныхъ дѣлъ второй адмиралтейской части, чтобы онъ отнюдь никого не допускалъ для свиданія съ содержащимся при этой части помѣщикомъ Тургеневымъ. Находясь подъ арестомъ, Тургеневъ написалъ письмо къ наследнику-цесаревичу Александру Николаевичу, къ которому писалъ неоднократно и во время своей ссылки, но неизвѣстно, получалъ ли на свои письма, черезъ кого бы то ни было, отвѣты.

16 апрѣля 1852 года арестованъ Тургеневъ, а 18 мая того же года высланъ на родину, въ деревню, орловской губерніи. Ему запрещено было посѣщать другія его имѣнія, находящіяся въ сосѣднихъ губерніяхъ. Послѣ нѣсколькихъ

неудачныхъ просьбъ о дозволеніи участвовать въ дворянскихъ выборахъ и пріѣхать въ столицу, Тургеневъ получилъ наконецъ желаемое разрѣшеніе. Оно послѣдовало 14 ноября 1853 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказано «имѣть Тургенева подъ строжайшимъ присмотромъ». При смягченіи участи Тургенева приняты во вниманіе: его раскаяніе, его долговременная ссылка и то обстоятельство, что кромѣ статьи о смерти Гоголя «онъ ни въ чемъ неблагонамѣренномъ никогда замѣченъ не былъ». Прекращеніи ссылки Тургенева ревностно содѣйствовалъ графъ А. К. Толстой; объ этомъ съ благодарностью говоритъ самъ Тургеневъ.

По освобожденіи изъ ссылки, Тургеневъ осудилъ самъ себя на новую ссылку — на долгую, даже на вѣчную разлуку съ родной. Покидая Россію, Тургеневъ, по его собственному свидѣтельству, весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды отторженія отъ родной земли и насильственнаго разрыва всѣхъ связей и штей, прикрѣпляющихъ къ родному быту. Изъ всѣхъ обвиненій и укоровъ, падавшихъ на Тургенева, онъ самъ признавалъ несомнѣнно справедливыми тѣ, которые основывались на его удаленіи отъ родины. Но чѣмъ же объяснить его добровольное изгнаніе? Какъ на одну изъ причинъ Тургеневъ указываетъ на тогдашнее состояніе нашей общественной жизни и на то невыносимое положеніе, которое выпало въ ней на долю писателей. Онъ говоритъ: «Тяжелыя тогда стояли времена, — пусть читатель самъ посудитъ. Утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили корректуру, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную. На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его господина Греча. Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ. Литераторъ — кто бы онъ ни былъ — не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста» и т. д. Но въ этихъ словахъ заключается столько же оправданія, сколько и осужденія. Тяжело было жить въ Россіи — говоритъ

Тургеневъ; но именно въ такую-то пору лучшіе люди и не должны покидать своей родной земли. Притомъ-же Тургеневъ вѣрилъ въ неизбѣжную побѣду добраго начала надъ злымъ, просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Онъ говорилъ: «Рука Бога не перестанетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и рано или поздно свѣтъ побѣдитъ тьму». Но для того, чтобы вѣру эту осуществить на дѣлѣ — чтобы содѣйствовать приближенію благотворнаго свѣта, надо обречь себя на борьбу, а для борьбы необходима сила воли. Отсутствие этой-то силы и составляло ахиллесову пяту Тургенева. Онъ не только приносилъ повинную въ прирожденномъ своемъ грѣхѣ; но и самъ казнилъ себя, и казнилъ неумолимо — въ тѣхъ изображаемыхъ имъ вымышленныхъ лицахъ, лютое горе которыхъ заключается въ безсиліи воли. Подобно своимъ излюбленнымъ героямъ, онъ не могъ совладать съ своею судьбою. Онъ чувствовалъ ту бездну, которая находилась между нимъ, русскимъ писателемъ, и окружающею его средою; душа его рвалась въ Россію, а онъ все-таки оставался на чужбинѣ, делѣя въ себѣ грустную думу, чтобы его «тоскующія кости» перенесены были на родину. Онъ всѣмъ сердцемъ понималъ слова поэта:

И хоть безчувственному тѣлу
 Равно повсюду петлѣвать,
 Но ближе къ *милому предѣлу*
 Миѣ все-бъ хотѣлось почивать

Взглядъ Тургенева на людей и людскія дѣла становился все мрачнѣй и мрачнѣй. Напрасно обращался онъ къ матери-природѣ; она являлась уже не любящею, а разрушительною силою: «Всѣ твари мои дѣти. — говорила она — я одинаково о нихъ забочусь и одинаково истребляю ихъ. Я тебѣ дала жизнь, я ее отищу, и дамъ другимъ — червямъ или людямъ, миѣ все равно». . . . Подавляемый мыслию о ничтожествѣ чловѣка, со всѣми его мечтами и надеждами, Тургеневъ приходилъ къ тому печальному заключенію, что «самая суть жизни нищенски плоска.

Проникнувшись *этимъ* сознаньемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медь не покажется сладкимъ, — и даже высшее, сладчайшее счастье, счастье любви теряетъ все свое обаяніе. Человѣкъ полюбилъ, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, — смотришь: давнымъ давно уже нѣтъ слѣда самого того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка». . . По поводу споровъ и пререканій, вызванныхъ его сочиненіями, Тургеневъ замѣчаетъ: «Кто черезъ двадцать, тридцать лѣтъ будетъ помнить обо всѣхъ этихъ буряхъ въ стаканѣ воды и — о моемъ имени, съ тѣнью или безъ тѣни?»

По счастью для русской литературы, на этотъ послѣдній вопросъ можно дать отвѣтъ весьма опредѣленный. Имя Тургенева будутъ долго и долго и помнить и цѣнить всѣ тѣ, кому дороги будутъ судьбы родной словесности, кому дорого будетъ безсмертное имя Пушкина, ученикомъ котораго такъ искренно и такъ справедливо называлъ себя Тургеневъ. Выражая желаніе быть погребеннымъ «у ногъ Пушкина», Тургеневъ какъ бы намѣтилъ свое мѣсто и въ исторіи русской литературы: имя Пушкина будетъ стоять въ ней во главѣ того періода, въ которомъ Тургеневъ займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Тургеневъ проникнуть былъ живымъ, непоколебимымъ, благоговѣйнымъ сочувствіемъ къ своему великому учителю. Поэзія Пушкина служила путеводною звѣздою для Тургенева, и много содѣйствовала развитію его художественнаго таланта. Пушкину обязанъ Тургеневъ своимъ эстетическимъ воспитаніемъ — первыми лучами того свѣта, безъ котораго невозможно ни вѣрное пониманіе искусства, ни разумное служеніе ему. Тургеневъ совѣтуетъ каждому начинающему писателю вытвердить наизусть и помнить какъ заповѣдь безсмертный сонетъ Пушкина:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

..... Дорогою *свободной*
 Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ,
 Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
 Не требуя наградъ за подвигъ благородный. . . .

Поясняя основную мысль сонета Пушкина, Тургеневъ находитъ, что свобода творчества такъ-же необходима для поэзии, какъ свобода изслѣдованія для науки. Онъ говоритъ: «Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзии. . . . Главный грѣхъ нашей критики состоитъ въ томъ, что она несвободна. . . . Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ: баринъ этотъ бываетъ большею частію живою субъектъ, иногда какое-нибудь такъ называемое направленіе. . . . Талантъ настоящей никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея сосредоточеннымъ отраженіемъ; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу могутъ только тѣ, которые другаго, лучшаго не умѣютъ».

Придавая такое существенное значеніе свободѣ поэтического творчества, Тургеневъ не только оставался вѣренъ лучшимъ преданіямъ и русской и вообще европейской литературы, но и находился на высотѣ современнаго ему уровня философской науки, именно той ея области, въ которую входили вопросы искусства, поэзии, литературы.

Вопросъ о свободѣ художественнаго творчества поставленъ былъ съ особенною опредѣленностью Шиллеромъ въ его знаменитомъ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи человѣка. Шиллеръ занимался рѣшеніемъ этого вопроса въ эпоху французской революціи, когда животрепещущія событія устремляли мысль не къ философской, а къ политической свободѣ. Но по глубокому убѣжденію Шиллера, для того, чтобы достигнуть свободы политической, необходимо открыть ей вѣрный путь, образовать живую силу общества — человѣка. При созданьи разумнаго обще-

ственнаго устройства, свободная воля человѣка должна подчиниться закону и вмѣстѣ съ тѣмъ не потерять своей свободы, а для этого необходимо согласить влеченіе, склонность съ требованіями долга. Такое соглашеніе и должно быть цѣлю эстетическаго воспитанія. Искусство, какъ и наука, не подлежитъ произволу. Художникъ есть сынъ вѣка, но горе ему, если онъ захочетъ быть его любимцемъ. Наслажденіе художественнымъ произведеніемъ освобождаетъ духъ человѣка отъ всѣхъ оковъ, открывая его для благороднѣйшихъ впечатлѣній. Матерія, содержаніе можетъ потерять свое значеніе, а художественная форма не подлежитъ прихотямъ судьбы и людей. Римляне раболѣпно склоняли колѣна передъ цезарями, а созданія искусства—статуи стояли такъ же гордо и прямо. Человѣчество потеряло свое достоинство, искусство спасло и сохранило его, и т. д.

Взгляды, высказанные Шиллеромъ въ разсужденіи объ эстетическомъ воспитаніи, встрѣтили всеобщее сочувствіе. Ихъ признали вполне вѣрными, глубокими и разумными такіе строгіе и гениальные судьи, какъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, Кантъ и самъ Гете, осуждавшій Шиллера за его прежнія эстетическія сочиненія, въ которыхъ видѣлъ черезчуръ много идеализма. Идеи истинно великихъ мыслителей обладаютъ необыкновенною живучестью; время видоизмѣняетъ ихъ, придаетъ имъ новыя черты, но суть продуманнаго гениальнымъ умомъ остается надолго неизмѣнною.

Въ самый блестящій періодъ литературной дѣятельности Тургенева, въ научныхъ изслѣдованіяхъ первостепенныхъ ученыхъ Европы слѣдующимъ образомъ разсматривался вопросъ о художественномъ творествѣ. Свобода признавалась необходимымъ условіемъ для художника и въ выборѣ предметовъ и въ ихъ изображеніи. Писатель-художникъ не долженъ быть связанъ ни предвзятою мыслию, ни направленіемъ кружка или партіи. Свѣтъ поэзіи, какъ и свѣтъ солнца, долженъ свѣтити и на праведныхъ и на неправедныхъ. Истинный художникъ, если даже онъ и принадлежитъ къ какой-либо партіи, не дойдетъ до фана-

тической нетерпимости, и отнесется участливо хотя къ нѣкоторымъ чертамъ и событіямъ въ жизни людей враждебной ему партіи, какъ напримѣръ, къ постигающимъ ихъ бѣдствіямъ и страданіямъ. При всемъ сочувствіи къ добру и къ нравственному достоинству человѣка, писатель имѣетъ полное право изображать и темныя стороны жизни; но рисуя картину зла, онъ указываетъ тѣ тонкія, невидимыя нити, которыя связываютъ человѣка, даже и въ его паденіи, съ его утраченнымъ образомъ — съ добрыми и свѣтлыми началами человѣческой природы. Тотъ, кто отвергаетъ художественное произведеніе потому только, что оно противорѣчитъ взглядамъ его партіи, тотъ обнаруживаетъ не только свое невѣжество въ эстетическомъ отношеніи, но и свою умственную ограниченность (*als mensch bornirt ist*), и т. д.

Главная задача художника состоитъ, по мнѣнію Тургенева, въ *правдивомъ* изображеніи жизни: «всякій писатель, *немишленный таланта*, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни; *коли онъ правдивъ, значитъ онъ правъ*». Художественная правдивость составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ произведеній Тургенева: ею восхищаются друзья нашего писателя; ея не отрицаютъ и его недруги. Въ ней же, въ этой правдивости, заключается источникъ и величайшихъ радостей и самыхъ горькихъ разочарованій, испытанныхъ Тургевымъ на литературномъ поприщѣ.

Запрещая нѣкоторыя мѣста въ Запискахъ охотника, цензура руководствовалась тѣмъ соображеніемъ, что они «могутъ имѣть вредное вліяніе на бѣольшую часть нашихъ помѣщиковъ, которые, къ сожалѣнію, *походятъ во всемъ* на помѣщика, изображеннаго Тургеневымъ (Мардарія Анолоныча Стегунова). Лица, обвинившія Тургенева въ нападкахъ на молодое поколѣніе, соглашаются однако же, что краски для изображенія такъ называемыхъ nihilстовъ онъ бралъ изъ дѣйствительной жизни.

Наибольшую долю радостей принесъ Тургеневу романъ его: «Дворянское гнѣздо» — одно изъ превосходнѣйшихъ произведе-

ній нашей беллетристики вообще. Замѣчательная способность художника переноситься въ созданный имъ міръ и вполнѣ овладѣвать имъ содержаніемъ и формою произведенія — обнаруживается здѣсь во всемъ своемъ блескѣ. Прямо изъ жизни взяты дѣйствующія лица романа; жизнию же созданы и ихъ взаимныя отношенія и самая судьба ихъ, рассказанная авторомъ съ искренностью лѣтописца, съ правдивостью мыслящаго наблюдателя и съ такимъ теплымъ, человѣческимъ участіемъ, которое производитъ на душу читателя неотразимое и возвышающее ее впечатлѣніе. Въ свѣтломъ, привлекательномъ образѣ «Лизы» является, какъ живая, та великая нравственная сила, которую стоитъ міръ и поддерживается вѣра въ человѣка, и которая, обнаруживаясь на дѣлѣ — принесеніемъ личныхъ интересовъ въ жертву требованіямъ долга и совѣсти, заставляетъ самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ сказать: «не умеръ Богъ въ душѣ людей» . . .

Поразительная противоположность между «Лизою» и «Варварою Павловною» показываетъ, какое значеніе придавалъ Тургеневъ, въ создаваемыхъ имъ типахъ, нравственному достоинству человѣка. Нравственное начало служитъ основою любви, въ какомъ бы смыслѣ ни понималось это слово — въ тѣсномъ ли (любовь мужчины къ женщинѣ) или въ самомъ широкомъ (любовь къ истинѣ, къ родниѣ, къ человѣчеству). Любовь, изображаемая Тургеневымъ такими тонкими и художественными чертами, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми эротическими сюжетами, которые, по выраженію Шиллера, дѣйствуютъ на неразвитаго читателя, какъ опьяняющій напитокъ. Въ любви, какъ понималъ ее Тургеневъ, стремленіе къ личному счастью облагораживается и возвышается живымъ, искреннимъ сочувствіемъ къ несчастію другихъ. На Тургенева, какъ на ученика Пушкина, падали иногда укоры въ восторженномъ поклоненіи небесной красотѣ «любящей и ласково поющей» музы, напѣвамъ которой совѣтовали предпочитать внушенія другой, неласковой и нелюбимой музы —

Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ . . .

Но эти музы враждебны только повидимому, т. е. если смотреть на нихъ съ предвзятою мыслью; въ поэзіи же они примпряются, и примпряющимъ началомъ служатъ любовь. Позволяю себѣ привести два изображенія примпряющаго дѣйствія любви, принадлежащія писателямъ, которые считаются обыкновенно представителями двухъ противоположныхъ направленій.

Въ больницу привели съ прошибенной въ кровь головой

Стараго вора: въ острогѣ его
Буйный товарищъ изранилъ.
Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
Только грозилъ и буйнилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ — и ни слова . . .
Въ странномъ молчаньи минута прошла:
Смотрятъ одинъ на другаго . . .
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ передъ первой своей,
Давно-погибшей любовью.
Смолоду знали другъ друга они . . .
Круто старикъ измѣнился:
Началъ молиться и ночи и дни,
Передъ врачами смрплся . . .
Не было средства однако помочь . . .
Все, что имѣла, она продала —
Съ честью его схоронила . . .

Въ одной изъ повѣстей Тургенева такимъ образомъ описывается впечатлѣніе, произведенное на человѣка, тогда еще молодого, смертію женщины, прелестной и очаровательной, бывшей его первою любовью: «Я не остался глухъ на печальный го-

лось, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки. Покрытая лохмотьями, на жесткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея прошла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видала она радости, не вкушала отъ меду счастья. . . . И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду, и захотѣлось мнѣ помолиться за нее, за отца, — и за себя».

Горе и несчастія, постигающія человѣка, всегда находили сочувствіе у Тургенева, какъ писателя-художника. Самое страшное горе, самое жестокое несчастіе обрушилось на Базаровыхъ, отца и мать: они потеряли единственнаго сына. Все, что осталось у нихъ на землѣ — могила сына: «Приблизятся къ оградѣ, припадутъ, и станутъ на колѣна, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ. Помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына. . . . Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесплына? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи «равнодушной» природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной».

Подобно своему великому учителю — Пушкину, сказавшему: «нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви», Тургеневъ находилъ, что гдѣ «мало любви», тамъ «мало истины», и что «поричать имѣетъ право только тотъ, кто любить» и т. п.

Въ произведеніяхъ Тургенева слышится присутствіе того

начала, которое ведетъ къ уразумѣнію истины: негодование его не переходитъ въ ожесточенную ненависть и злобу; въ порицаніяхъ его проглядываютъ искры любви.

Въ отношеніи же къ самому Тургеневу, при оцѣнкѣ его литературной дѣятельности, сочувствіе и осужденіе высказывалось, большею частію, независимо одно отъ другаго. Изъ многочисленныхъ читателей и судей Тургенева одни искренно его любили, другіе, составлявшіе впрочемъ меньшинство, сильно и очень сильно его порицали. И хвалы и порицанія, и любовь и ненависть объясняются отчасти особенностями таланта Тургенева, отчасти содержаніемъ его произведеній. По своему взгляду на призваніе художника, по своей чуткости и отзывчивости, Тургеневъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что происходило въ средѣ самой близкой его сердцу — что совершалось въ русской жизни. Изображая яркими чертами жвотрепещущія событія и свободно анализируя ихъ, художникъ дотрогивался до самыхъ чувствительныхъ нервовъ общественнаго организма. Знаменитыя «Записки охотника» послужили уже поводомъ къ недоразумѣніямъ, не особенно впрочемъ серьезнымъ; но страшная буря разразилась надъ Тургеневымъ, какъ надъ авторомъ романа: «Отцы и дѣти».

Что касается «Записокъ охотника», то на нихъ смотрѣли преимущественно съ двухъ точекъ зрѣнія. Одни признавали ихъ прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ; другіе видѣли въ нихъ протестъ противъ крѣпостнаго права.

По поводу новаго изданія «Записокъ охотника» высказаны были, въ 1852 году, однимъ изъ цензоровъ слѣдующія соображенія: «Вникнувъ внимательно въ содержаніе этихъ записокъ, и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, невольно прійдешь къ заключенію, что при изданіи оныхъ г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно богатый, конечно не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія, но вѣроятно имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой и напечаталъ упомянутую книгу . . . Мнѣ кажется, что книга Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ

добра... Полезно-ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу, что крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опозитивировалъ, что видѣть въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ, гдѣ онъ нашелъ такихъ!), — что крестьяне эти находятся въ угнетеніи; что помѣщики ведутъ себя неприлично и противузаконно; что исправники и другія власти берутъ взятки, или, наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольиѣ, лучше» и т. д.

Самъ авторъ упорно отрицалъ, что перомъ его руководило предвзятое намѣреніе послужить дѣлу, хотя и прекрасному — освобожденію крестьянъ. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на попытку сближенія нашей литературы съ народною жизнью, какъ на одну изъ первыхъ нашихъ «деревенскихъ исторій» — *dorfgeschichten*. Существенная заслуга Тургенева заключается именно въ томъ, что онъ изображалъ крестьянскую жизнь въ ея настоящемъ видѣ, и своимъ правдивымъ изображеніемъ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ крестьянина у всѣхъ непредубѣжденных читателей. Весьма замѣчательнъ въ этомъ отношеніи отзывъ И. А. Гончарова, разсматривавшаго, по званію цензора, «Записки охотника» въ 1858 году, когда снова возникло дѣло объ ихъ изданіи. «Эта книга — говоритъ И. А. Гончаровъ — обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ ней мѣстами какъ-бы выражалось желаніе улучшенія быта крестьянъ, и второе изданіе ея до времени было приостановлено. Такъ-какъ великое дѣло улучшенія крестьянъ, по высочайшей волѣ, приводится нынѣ въ исполненіе, то книга Тургенева не только потеряла всякое сомнительное значеніе, но она скорѣе можетъ подтвердить необходимость принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. «Записки охотника» вовсе не имѣютъ жесткости въ изображеніяхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами: въ этомъ отношеніи книга эта далеко уступаетъ всему, что появлялось въ одно съ нею время и позже ея. Авторъ не возбуждаетъ ни малѣйшаго озлобленія и раздраженія двухъ классовъ между собою; напротивъ,

мягкостью и художественностью изображеній придаетъ имъ характеръ комизма и тонкой, едва уловимой ироніи. Притомъ въ «Запискахъ охотника» пѣтъ преднамѣренныхъ желчныхъ описаній отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ: авторъ говоритъ о нихъ мимоходомъ, когда они попадаютъ случайно подъ руку. Вообще же и болѣе всего онъ рисуетъ типическія лица изъ разныхъ классовъ народонаселенія, и имѣетъ въ виду только поэтически-вѣрное воспроизведеніе характеровъ, мѣстностей, пейзажей, безъ всякихъ натянутыхъ стремленій выставить одни въ дурномъ, другіе въ выгодномъ свѣтѣ. Книга его прочтена всѣми, и на всѣхъ производитъ благородное, художественное впечатлѣніе. Поэтому второе изданіе ея было бы справедливымъ возвращеніемъ ей права вновь появиться въ кругу изящной отечественной литературы и стать на ряду съ лучшимъ ея произведеніемъ».

Роковымъ событіемъ въ литературной жизни Тургенева было появленіе въ печати романа его: «Отцы и дѣти»; роковымъ словомъ въ этой книгѣ было названіе: *нигилистъ*. Слово *нигилистъ* зашло къ намъ изъ Германіи, гдѣ оно издавна и изрѣдка употреблялось, но не въ одномъ и томъ же значеніи. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей, конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка, выражали сожалѣніе, что литература, отвергая выработанныя жизнью идеи религіи и отечества, устремляется въ какую-то фантастическую высь, и теряя почву подъ ногами, витаетъ въ пустомъ пространствѣ и обращается въ ничто (*nihil*). Защитниковъ такого произвола фантазіи, вполне отрѣшенной отъ дѣйствительности и желающей все создавать изъ *ничего*, Жанъ-Поль Рихтеръ, называетъ *нигилистами* (*poetische nihilisten*). Это названіе появилось у насъ впервые во время литературныхъ споровъ между такъ-называемыми классицистами и романтиками: поборники классицизма обзывали *нигилистами* послѣдователей романтической школы. Надеждинъ въ статьѣ своей подъ заглавіемъ: *Сонмище нигилистовъ*, писанной болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, говоритъ: «Неужели для бѣдной нашей литературы

никогда не будетъ возврата съ зимы на лѣто? Неужели ей вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма*. Будетъ время, когда животворный свѣтъ мудрости озаритъ мрачный хаосъ буйнаго и всепрезирающаго невѣжества» и т. д.

Гораздо позднѣе, въ тѣ времена, когда Тургеневъ писалъ свои романы, слово *нигилизмъ* (*nihilismus*) употреблялось въ нѣмецкой литературѣ для обозначенія самаго крайняго, самаго безпощаднаго отрицанія, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, отрицающаго всѣхъ и все. Такое настроеніе объясняется горькимъ разочарованіемъ всѣхъ тѣхъ, которые вѣрили въ революцію 1848 года, ожидая отъ нея видимыхъ и невидимыхъ благъ — полнаго торжества идеи свободы, равенства, братства и т. п. Несмотря на свою политическую подкладку, нѣмецкій нигилизмъ новѣйшей формации находится въ непосредственной связи съ тѣмъ движеніемъ философской мысли, представителями котораго являются гегельсты, т. е. новая или «лѣвая» школа Гегеля. Самымъ блестящимъ успѣхомъ пользовался въ свое время сочиненія Фейербаха, бывшаго ученика Гегеля, но круто своротившаго съ проторенной, идеалистической, дороги своего учителя и думавшаго пересоздать нѣмецкую науку внесеніемъ въ нее «здоровыхъ началъ реализма». Рѣзко порицаетъ Фейербахъ современную ему нѣмецкую науку, считая воиющимъ ея недостаткомъ полнѣйшее отчужденіе ея отъ жизни, а слѣдовательно и отъ истины. Наука наша — говоритъ Фейербахъ — занимается и считаетъ себя въ правѣ заниматься только такими предметами, которые совершенно безразличны и для жизни и для человѣка. Какъ свобода нѣмецкаго плаванія простирается *jusqu'à la mer*, такъ и свобода нѣмецкой науки простирается *jusqu'à la vérité...* Корень всѣхъ человѣческихъ бѣдствій не въ умѣ и не въ сердцѣ, а въ желудкѣ. Къ несчастію, общество устроено такъ, что одни имѣютъ все для удовлетворенія самыхъ утонченныхъ требованій своего прихотливаго вкуса, другіе, напротивъ того, не имѣютъ ровно ничего, даже самаго необходимаго для ихъ тощаго желудка. Отсюда все бѣдствія и страданія, все умственные и нравствен-

ныя болѣзни человѣчества. Все, что не относится непосредственно къ распознаванію и уничтоженію этого зла, есть бесполезный хламъ, и т. д.

Такимъ бесполезнымъ хламомъ считали отрицатели и многое изъ того, передъ чѣмъ благоговѣли величайшіе умы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Идеи долга, права, свободы, закона, человѣчества, и т. п. отвергались какъ лишнее бремя, какъ устарѣлыя предразсудки. Однимъ изъ самыхъ крайнихъ отрицателей былъ Max Stirner, авторъ книги: *Der Einzige und sein Eigenthum*. Суть этой книги, когда-то надѣлавшей шума, заключается въ слѣдующемъ. Для человѣка нѣтъ и не можетъ быть никакихъ нравственныхъ правъ и никакихъ нравственныхъ обязанностей. Толковать о призваніи человѣка, о нравственномъ долгѣ и о тому подобныхъ вещахъ — просто глупо. Всякій человѣкъ въ такой же степени человѣкъ, какъ земля — планета, и требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ человѣкомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, такъ же смѣшно, какъ говорить землѣ: будь настоящею планетою. Повиноваться кому и чему бы то ни было — произволу деспота или закону — одинаково нелѣпо. На всѣ толки о правѣ можно отвѣчать словами Шпллера: цѣлый вѣкъ свой я нюхаю носомъ, кто же однако далъ мнѣ право на это? —

Jahre lang schon bedien' ich mich meiner nase zum riechen;
Hab' ich denn wirklich an sie auch erweisliches recht?

Вмѣсто идеи долга, справедливости, общаго блага, и т. п., единственнымъ руководителемъ человѣческихъ дѣйствій долженъ быть *эгоизмъ*. Все что не мое или безразлично для меня или мнѣ враждебно. Народная свобода — не моя свобода: чѣмъ свободнѣе *народъ*, тѣмъ связаннѣе *я*, отдельное лицо: аонскій народъ, во времена самаго полнаго развитія своей свободы, создалъ остракизмъ и изгонялъ безбожниковъ. Единственное право есть то, которое пріобрѣтается силою, насиліемъ — *nur deine gewalt, deine macht giebt dir das recht*. Нормальный человѣкъ долженъ быть *любомъ*, и всѣ отношенія между людьми должны опредѣляться степенью взаимной пригодности, той пользы и выгоды,

которую можетъ получить одинъ отъ другаго. Люди служатъ другъ другу пищею, и сильный пожираетъ слабаго для удовольствія своего эгоистическаго аппетита. Берн все съ бою; истребляй все, что лежитъ поперекъ дороги, и ожидай нападеній со стороны другихъ; кто побѣдитъ, тотъ и правъ. Словомъ, развертывается картина, изображенная поэтомъ:

Въ природѣ, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ — мое и ваше!
Берн, что хочешь. Все твое,
На что глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ! Вотъ вамъ и все!
А то, глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочъ пришлось! Уныли
И ходять, высунувъ языкъ. . . .»

Призывая къ новой жизни давно-забытое у насъ слово *нигилистъ*, Тургеневъ обозначалъ имъ понятіе весьма сложное, для опредѣленія котораго требовалось много наблюдательности и зоркости. Это необходимо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки писателя-художника, воплотившаго въ живомъ образѣ такія черты, которыя въ дѣйствительности еще не были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Тогда еще спорными и загадочными вопросами были и самое существо нигилизма, и его происхожденіе, и судьба, ожидающая его въ русскомъ обществѣ, и т. п. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ Тургеневъ содѣйствовалъ рѣшенію этой мудреной задачи.

Черты, разсѣяныя въ романѣ «Отцы и дѣти» и встрѣчающіяся отчасти и въ другихъ произведеніяхъ Тургенева, относятся очевидно къ различнымъ сторонамъ и видоизмѣненіямъ нигилизма, о которомъ ходили тогда еще самые смутные слухи. Для характеристики нашего писателя важно то, какія черты

бралъ онъ изъ дѣйствительности, и чѣмъ руководствовался онъ при своемъ выборѣ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія, то найдется немало данныхъ, показывающихъ: во первыхъ, что онъ отмѣчалъ такія черты, которыя наиболѣе выдавались въ то время или по своей яркости или по внутреннему смыслу; во вторыхъ, — что авторъ искренно не желалъ отступитъ отъ истины, покривить душой и написать панегирикъ или пасквиль. Самъ Тургеневъ говоритъ: «Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлю оскорбленія было употреблено мною слово: *нигилистъ*, но какъ точное и уместное выраженіе проявившагося *историческаго факта*».

Въ число признаковъ того понятія, которое называется у Тургенева *нигилизмомъ*, входитъ и умественная пыгливость, стремленіе къ изслѣдованію и работа мысли. «Нигилистъ — это человѣкъ, который ко всему относится съ критической точки зрѣнія; который не склоняется ни передъ какими авторитетами; который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ». Слова эти напоминаютъ отчасти тотъ взглядъ на одно изъ свойствъ нигилизма, который высказанъ знаменитымъ ученымъ нашимъ Н. И. Проговымъ. «Нигилизмъ — говоритъ онъ — есть не что другое, какъ выродившійся скепсисъ науки. Онъ, подъ какимъ бы видомъ ни проявлялся — научнымъ или противонаучнымъ — есть все тотъ же самый червь сомнѣнія, неочищенный скрывать въ запрещенномъ плоду райскаго дерева. Искать различія въ сущности научнаго скепсиса и современнаго нигилизма было бы тоже, что искать различія въ сущности льда отъ воды, воды отъ паровъ, здоровья отъ болѣзни. Если же эта болѣзнь науки показалась у насъ слишкомъ рано, то это значитъ, что условія, скрывать въ самой почвѣ, въ строѣ общества, во всемъ окружающемъ, способствовали ея развитію» и т. д.

Одна изъ причинъ быстраго перехода отъ сомнѣнія, скептицизма, къ отрицанію объясняется, по Тургеневу, тогдашнимъ состояніемъ нашей общественной жизни. Я тогда положу оружіе, — говоритъ Базаровъ своему противнику — «когда вы

представьте мнѣ хоть одно постановленіе въ современномъ нашемъ быту, въ семейномъ или общественномъ, которое бы не вызвало полного и беспощаднаго отрицанія». Подобное же, смягчающее обстоятельство указывали тогда и самые ревностные противники нигилизма въ нашей литературѣ. Одинъ изъ выдающихся ея представителей, въ статьѣ своей, направленной противъ нигилизма, какъ противъ вопіющаго зла, влагасть въ уста нигилиста такія рѣчи: «Если я назову бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, и это не помѣшаетъ никому получить слѣдующій чинъ, то скажите, положивъ руку на сердце, кто серьезно осердится на меня? Я вывожу силы разума изъ причинъ самыхъ обыкновенныхъ; я пишу о человѣкѣ, — отъ этого еще бѣда невелика; а какъ другіе поступаютъ съ нимъ? Укажите мнѣ идеалистовъ, которые въ первомъ нужномъ случаѣ не забываютъ, что человѣкъ не обезьяна, не лошадь, не осель?» и т. д.

Внутренняя несостоятельность нигилизма заключается, по мнѣнію Тургенева, въ безусловномъ, безцѣльномъ и огульномъ отрицаніи, не пощадившимъ ни науки, ни искусства, ни просвѣщенія. Лучшій изъ нигилистовъ говоритъ: «Я ни во что ни вѣрю, и что такое наука — наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, знанія, а наука вообще не существуетъ вовсе». Подобное отрицаніе науки находится въ несомнѣнной связи со взглядами Фейербаха, отголоски которыхъ, при сужденіи о научныхъ вопросахъ, такъ ясно слышались и въ статьяхъ, принадлежащихъ нѣкоторымъ изъ «умѣренныхъ нигилистовъ», какъ называла ихъ тогдашняя критика. Не случайно упоминаетъ Тургеневъ о томъ, что русскіе молодые люди толкуютъ о Фейербахѣ, и одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ между ними «старался дать самому себѣ отчетъ, нужно ли ему заняться Фейербахомъ или же можно обойтись безъ него».

Еще рѣзче, нежели науку, отрицали искусство съ его идеальными стремленіями. «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ» — говоритъ Базаровъ. Онъ же «выдумываетъ» о Пушкинѣ разныя «небылицы», искажаетъ его мысли и явно «клеветаетъ» на

него. Это—также своего рода историческая черта, указывающая на то глумленіе надъ Пушкинымъ, которое такъ возмущало Тургенева въ статьяхъ такъ - называемыхъ «крайнихъ инглистовъ». Вмѣстѣ съ искусствомъ отрицалось въ этихъ статьяхъ и все искусственное, и въ замѣну разрушаемыхъ кумировъ выдвигался *эгоизмъ*, о которомъ говорили съ умпленіемъ: какъ счастливы были бы люди, если бы, откинувши *искусственныя* понятія *идеала* и *дома*, сдѣлались бы *эгоистами* въ полномъ смыслѣ слова, и т. п.

Отрицаніе, возведенное въ систему, не можетъ имѣть просвѣтительнаго вліянія на умы. «Людямъ грѣшно бояться мысли, и отрицать знаніе, науку и вѣру въ нее» — говоритъ Тургеневъ: «Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете; а это часто неправда». Постоянное, всеобщее отрицаніе ведетъ къ умственной апатіи, къ лѣни, и обращаетъ человѣка, который могъ бы что-нибудь дѣлать, въ «злостнаго байбака», который «ничего не дѣлаетъ: лежитъ сытымъ брюхомъ кверху и говоритъ: такъ оно и слѣдуетъ лежать-то, потому что все, что люди не дѣлаютъ, все вздоръ и ни къ чему неведущая чепуха». Отрицаніе и разрушеніе авторитетовъ весьма часто не достигаетъ своей цѣли, и вмѣсто ожидаемой свободы приносить еще горшее рабство: «Умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ... Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ. Новый баринъ народился, стараго долой. То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ: въ ухо Якова, въ поги Сидору... Съ двумя-тремя химиками, неимѣющими отличить кислорода отъ азота, по исполненнымъ отрицаніямъ и самоуваженіямъ, да съ *великимъ* Елисейчемъ, Ситниковъ, тоже готовящійся быть *великимъ*, толчется въ Петербургѣ и, по его увѣреніямъ, продолжаетъ дѣло Базарова» и т. д.

Таковы темныя стороны инглизма, подмѣченныя Тургене-

вымъ. Чтобы судить о нихъ безпристрастно съ исторической точки зрѣнія необходимо обратиться къ такимъ источникамъ, правдивость которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія отзывъ Н. И. Прогова, имѣвшаго возможность наблюдать ингилизмъ у самой, такъ сказать, его колыбели. «Сравните — говоритъ Проговъ — новое германское поколѣніе съ нашимъ. Наше, можетъ быть, отъ природы смышленѣе и бойче; оно скорѣе живеть. Да Богъ съ ней, съ этою смышленостью, если она заставляетъ насъ скорѣе сомнѣваться и блуждать безъ убѣжденій и безъ цѣли. Что пользы намъ отъ нашей младенческой сухотки? А иногда я думаю, ужъ не афектація ли это? Не прикрывается ли нашимъ скороспѣлымъ скептицизмомъ что-то другое? Не переодѣтая ли это въ нѣмецкое платье наша родная непослѣдовательность, та же самая, съ которою мужикъ такъ наивно говоритъ: «а Богъ его знаетъ» о томъ, что онъ могъ бы очень хорошо знать, и между тѣмъ слѣпо вѣрить тому, чего вовсе не знаетъ или что знаетъ только по слухамъ? Можетъ - быть, нашъ модный ингилизмъ и есть что-то въ родѣ этого. Вѣдь онъ отвергаетъ и не хочетъ уже болѣе знать, Богъ вѣсть почему, ни Канта, ни Гегеля, а между тѣмъ очень наивно вѣрить въ авторитеты Бюхнера, Мошота и Фохта. Вѣдь это собственно не отверженіе, а просто мѣна кукушки на ястреба» и т. д.

Романъ Тургенева «Отцы и дѣти» касается такихъ живо-трепещущихъ явленій, затрогиваетъ такіе жгучіе вопросы, что появленіе его вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно много недоразумѣній. По собственному свидѣтельству Тургенева, только два человѣка: О. М. Достоевскій и В. П. Боткинъ совершенно поняли Базарова, т. е. намѣренія автора при созданіи этого типа. А до какой степени трудно было сохранить полное безпристрастіе, всего лучше доказываютъ попытки самого Тургенева истолковать ту или другую черту своего произведенія, которое уже сдѣлалось предметомъ горячихъ споровъ и рѣзкихъ порицаній. Приведемъ наглядный примѣръ. Въ романѣ

Базаровъ совѣтуетъ бросить Пушкина и читать вмѣсто него Бюхнера: *Stoff und Kraft*. И отцы и дѣти поняли это мѣсто въ одинаковомъ смыслѣ; нѣкоторымъ изъ дѣтей оно показалось оскорбительнымъ. Желая смягчить впечатлѣніе, произведенное на дѣтей, Тургеневъ разъясняетъ имъ, что «*Stoff und Kraft* Базаровъ рекомендуетъ именно какъ популярную, т. е. *пустую* книгу». Но вотъ подлинныя слова Базарова Аркадію: «Твой отецъ Пушкина читаетъ. Растолкуй ему, что это никуда негодится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. Дай ему что нибудь *дѣльное* почитать. — Чтò бы ему дать? спросилъ Аркадій. — Да я думаю Бюхнерово *Stoff und Kraft* на первый случай. — Я самъ такъ думаю, замѣтилъ одобрительно Аркадій; *Stoff und Kraft* написано популярнымъ языкомъ». Очевидно, популярность изложенія указывается здѣсь не какъ недостатокъ, а какъ одно изъ достоинствъ книги, удачно выбранной Базаровымъ. *Популярность языка* не противорѣчитъ *дѣльности* содержания. Да и какой бы смыслъ былъ въ совѣтъ Базарова — бросить *ерунду* и читать *пустошь*...

Объясненія, предложенныя авторомъ по поводу «Отцовъ и Дѣтей», хотя и заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей, недостигли главной своей цѣли. Тургеневъ - комментаторъ не въ силахъ былъ поколебать и измѣнить впечатлѣніе, производимое образами, созданными Тургеневымъ - художникомъ.

Истиннаго Тургенева надо искать въ его художественныхъ произведеніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ онъ — говоря его собственными словами — «творилъ свободно, мыслилъ образами». Давая себѣ отчетъ въ томъ или другомъ типѣ, необходимо принять въ соображеніе преобладающія свойства таланта писателя, его искренность какъ художника и его основныя воззрѣнія на свободу творчества.

Одна изъ самыхъ существенныхъ особенностей Тургенева, какъ писателя художника, заключается въ его наблюдательности. Она устремлена была къ тому, что происходило въ дѣйствитель-

ной жизни, и передъ проищательнымъ взоромъ художника являлись живыя лица, съ ихъ затаенными помыслами, съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Ясное, не отуманенное никакимъ пристрастіемъ, наблюденіе надъ живою жизнью отражается и въ самомъ тонѣ разсказа, спокойномъ, ровномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутымъ проиіею — неизбежною спутницею правдиваго изображенія дѣйствительности. Иронія — тонкая, изящная и въ тоже время чрезвычайно мѣткая проиія — составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ художественныхъ произведеній Тургенева. Нѣкоторыя изъ его проиическихъ замѣчаній, по своей мѣткости, такъ и просятся пословицы. Иронія его большею частью падаетъ на какое-либо явленіе изъ современной дѣйствительности, и бросаетъ на него яркій и вѣрный свѣтъ, при помощи котораго можно разглядѣть самую суть предмета.

Не имѣя возможности входить въ сколько-нибудь подробныя разъясненія, мы должны ограничиться указаніемъ хоть нѣсколькихъ данныхъ, которыя говорятъ сами за себя, представляя живое доказательство вѣрности и мѣткости наблюденій нашего писателя.

По замѣчанію Тургенева, — «обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но *съ апетитомъ* говоришь только о самомъ себѣ».

— Упорный «мужчина можетъ сказать, что дважды-два не четыре, а пять», упорная «женщина скажетъ, что дважды-два — стеариновая свѣчка».

— Предсѣдатель казенной палаты особенно любилъ весну потому, что въ это время года «каждая пчелочка съ каждаго цвѣточка беретъ взяточку».

— Жидъ, котораго подозрѣваютъ въ обманѣ, говоритъ: «Какъ можно! Да вы прикажите тогда мнѣ дать пятьсотъ... четыреста пятьдесятъ палокъ, прибавляетъ онъ поспѣшно».

Когда въ Петербургѣ только что получено было извѣстіе о смерти Гоголя, одинъ изъ литераторовъ, «внутренно скорбѣвшій о подобной утратѣ», не могъ побороть въ себѣ «удовольствія

быть первымъ человѣкомъ, сообщающимъ огорашивающую новость, и съ судорожною поспѣшностью перебѣгалъ отъ одного лица къ другому, сообщая каждому неожиданное пзвѣстіе».

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Тургеневъ говоритъ по поводу смерти Гоголя: «Воображаю себѣ, сколько дрянныхъ самолюбій станутъ взбираться на его могилу, и примутся кричать пѣтухами и вытягивать свои головки: — посмотрите, дескать, на насъ, люди честные, какъ мы отлично горюемъ, и какъ мы умны и чувствительны. Богъ съ нами!... Когда молнія разбиваетъ дубъ, кто думаетъ о томъ, что на его пшѣ выростутъ грибы: — намъ жаль его силы, его тѣни».

Желаніе *казаться, а не быть*, въ чемъ бы оно ни проявлялось, невыносимо и для нравственнаго и для художественнаго чувства. На какой бы пьедесталъ ни взбирался кажуціеся великаны — считаютъ ли они себя великими государственными людьми единственно потому только, что составили блестящую служебную карьеру; признаютъ ли себя великими мыслителями, хотя весь умъ ихъ заключается собственно въ «вызывающей, крикливой бойкости» — въ ихъ самодовольномъ поклоненіи своей собственной особѣ—проглядываетъ та же самая «спесь», олицетворенная поэтомъ, въ талантѣ котораго много родственныхъ чертъ съ талантомъ Тургенева:

Ходитъ Спесь, надувающесь,
 Съ боку на бокъ переваливаясь,
 Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
 Шапка-то на немъ во цѣлу сажень
 Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга,
 Повернулъ Спесь во другу сторону:
 Не пригоже-де мнѣ нагибаться!

Изображаемый Тургеневымъ «свѣтскій левъ, надутый и важный, держался величественно, точно онъ былъ не живой человѣкъ, а собственная своя статуя, воздвигнутая по общественной подпсскѣ».

Умъ—великое благо и великая сила; но нѣтъ несноснѣе «кажущихся умниковъ»; «нѣтъ хуже *деспотизма такъ-называемыхъ умныхъ людей*, которыхъ, какъ китайскаго болванчика, постоянно перевѣшиваетъ голова». Иной попадаетъ въ умники только потому, что жолчно бранить всѣхъ и каждаго. «Злюкъ, желчевикъ, но какая голова!» восклицаютъ легковѣрные, и предлагаютъ ему завѣдывать критическимъ отдѣломъ, и такимъ образомъ чело-вѣкъ, нѣкогда кричавшій противъ авторитетовъ, самъ попадаетъ въ авторитеты. А какое самое подходящее, по мнѣнію Тургенева, названіе для подобнаго умника, можно видѣть изъ заглавія, даннаго Тургеневымъ своему мастерскому очерку.

Въ нѣкоторой части нашего общества недовѣрчиво смотрѣли на преобразованія, совершавшіяся у насъ въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ одномъ изъ романовъ Тургенева, относящихся къ этому времени, высокопоставленный политикъ снисходительно допускалъ пресвѣщеніе, но съ тѣмъ, чтобы не было ни университетовъ, ни семинарій, ни народныхъ училищъ. Онъ не прочь и отъ прогресса, но чтобы не было ни гласнаго суда, ни земскаго самоуправленія, да — «дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя и госпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать».

Несчастная слабость многихъ русскихъ заключается въ томъ, что они готовы и въ огонь и въ воду для устройства чужого благополучія, но не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на свои домашнія дѣла. Одна русская барыня сдѣлалась вдругъ, неизвѣстно почему, «легитимисткой, и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ, то стоитъ только вскрыть ея тѣло, и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V». Мы никакъ не можемъ придумать порядочной «зерносушилки, которая избавила бы отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овшы какъ во времена Рюрика», а — настрочить статейку о значеніи пролетаріата во Франціи, или «поднять старшій, стоианншій башмакъ, свалившійся съ ноги Сень-Симона или Фурье, и почтительно возложить его на голову и носиться съ нимъ, — это мы въ состояніи» и т. п.

Но были предметы, до которыхъ не могла касаться иронія Тургенева и къ которымъ онъ относился съ глубокимъ и непритворнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Идеальный міръ искусствъ былъ для Тургенева обѣтованною страной. Онъ говоритъ: «Развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: право, свобода, человѣчество, искусство! Искусство, пожалуй, сплывѣ другихъ, мною упомянутыхъ словъ. Венера милосская, пожалуй, несомнѣннѣ римскаго права или принциповъ 89-го года».

Тургеневъ высоко цѣнилъ науку, и говорилъ о ней съ тѣмъ искреннимъ одушевленіемъ, которое вполне достойно просвѣщеннаго писателя: «Нужна образованность, нужно знаніе. Ученіе — не только свѣтъ, но народнои пословицѣ, оно также и свобода... Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія. Нѣтъ, будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись и учись» и т. п.

Любовь къ родинѣ присуща душѣ cadaго человѣка. Кого же и любить, какъ не родину: «что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить послѣ Бога», — говоритъ одинъ изъ героев Тургенева. Любовь къ родинѣ и вѣра въ нее проявляется различнымъ образомъ. У Тургенева, какъ у художника слова, она выразилась всего ярче въ благоговѣйной любви къ самому художественному произведенію русскаго народа — къ русскому языку. «Россія — говоритъ Тургеневъ — безъ cadaго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто думаетъ обойтись безъ нея; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится!»

Тургеневъ, и по своему чувству художественной мѣры и по своему взгляду на народность, тщательно избѣгалъ восторженныхъ отзывовъ о русскомъ народѣ, которые можно бы принять за самовосхваленіе. Тѣмъ замѣчательнѣе, что, при такой строгой сдержанности, всякій разъ, когда заходила рѣчь о русскомъ народѣ, Тургеневъ говорилъ такія вещи, которыя закупаютъ въ душу читателя, пробуждая въ ней сочувствіе къ рус-

скому народу. Беру примѣры изъ произведеній, отличающихся особенною искренностью и задумчивостію.

Когда русскія войска находилсь за границею, одинъ изъ нашихъ солдатъ погибъ ни въ чемъ неповинною жертвою тогдашнихъ строгостей. Хозяйка, у которой жилъ солдатъ, обвиняла его въ томъ, что онъ обокралъ ее. Обвиненіе было совершенно несправедливое, да и украдены всего двѣ куры но, по военному времени и по приказу главнокомандующаго, солдата велѣно повѣсить. Когда его привели къ висѣлицѣ, хозяйка, не ожидавшая такого страшнаго рѣшенія, стала горько плакать; а русскій солдатъ, котораго священникъ исповѣдалъ и причастилъ, обратился къ стоявшему подлѣ него: «Скажите ей, чтобъ она не убивалась: вѣдь я ей простилъ» Свидѣтель казни воскликнулъ: «справедникъ!» и слезы закапали по его щекамъ.

А сколько теплаго чувства, сколько истинны и любви, въ небольшомъ «стихотвореніи въ прозѣ», названномъ: *Два богача*. «Когда при мнѣ — говоритъ авторъ — превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громаднхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ, — я хвалю и умпляюсь. Но, и хвала и умпляюсь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ спроту-племянницу въ свой разоренный домшко. — Возьмемъ мы Катьку, говорила баба, послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ: нѣ на что будетъ соли добыть, похлебку посолить. — А мы ее и несоленую, отвѣтилъ мужикъ . . . Далекое Ротшильдуду до этого мужика!»

Одинъ изъ героевъ Тургенева, мучимый сомнѣніемъ, готовый отвергнуть всѣ авторитеты, склоняется передъ однимъ изъ нихъ, обращаясь къ нему съ такою мольбою: «А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ не слишкомъ безучастно, и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя».

Между этимъ, во многихъ отношеніяхъ еще «невѣдомымъ» мнромъ и русскими писателями и учеными, составляющими не-

отъемлемую и необходимую часть великаго цѣлаго, называемаго русскимъ народомъ, — существуетъ и должна существовать неразрывная связь. Этимъ связующимъ началомъ, въ которомъ исчезаетъ всякая рознь, служитъ драгоцѣннѣйшее достояніе всего русскаго народа — могучій и прекрасный русскій языкъ. Говоря и думая на родномъ языкѣ, гениальный русскій ученый или писатель видитъ въ простомъ русскомъ человѣкѣ своего роднаго брата, «своего соотчича, русскую косточку». Тургеневъ считалъ священнѣйшею обязанностью русскихъ писателей дорожить русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ сокровищемъ. «Одна, послѣдняя просьба: — говоритъ Тургеневъ, обращаясь къ писателямъ — берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ опять-таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса! Даже тѣмъ, которымъ не по вкусу «философскія отвлеченности» и «поэтическія нѣжности», людямъ практическимъ, въ глазахъ которыхъ языкъ не что иное, какъ средство къ выраженію мысли, какъ простой рычагъ, — даже имъ скажу я: уважайте, по крайней мѣрѣ, законы механики, извлекайте изъ каждой вещи всю возможную пользу. А то, право, пробѣгая шныря, вяляя, смутныя, безцельно-пространныя разглагольствованія въ журналахъ, читатель невольно долженъ думать, что именно *рычагъ*-то вы замѣняете первобытными подпорками, — что вы возвращаетесь къ младенчеству самой механики» . . .

Тургеневъ поучалъ молодыхъ русскихъ писателей не только словомъ, но и дѣломъ — своими произведеніями, представляющими превосходные образцы русскаго литературнаго языка. Какъ въ своей поэзіи, такъ и въ своемъ языкѣ — въ своемъ замѣчательномъ умѣнии пользоваться сокровищницею роднаго языка Тургеневъ является достойнымъ ученикомъ Пушкина. Подобно Пушкину, онъ чрезвычайно строго относился къ своимъ произведеніямъ, и ревностно занимался обработкою ихъ со сто-

роны языка. Увлекательная, живая, художественная рѣчь Тургенева заключаетъ въ себѣ — если внимательно вникнуть въ нее — несомнѣнные признаки работы писателя, взвѣшивающаго каждое слово, каждое выраженіе. И не видавъ черновыхъ рукописей Тургенева, можно, въ иныхъ случаяхъ, полагать, что такое-то слово замѣнено другимъ; что порядокъ словъ измѣненъ вслѣдствіе такихъ-то соображеній, вытекающихъ изъ требованій языка, и т. п.

О какомъ-бы русскомъ писателѣ ни говорилъ Тургеневъ, какую-бы русскую книгу ни читалъ онъ, отъ его пытливаго взора не укрывалась ни одна черта, заслуживающая вниманія въ отношеніи языка. Описывая литературный вечеръ у П. А. Плетнева, Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе о Плетневѣ: «Онъ вполне выразился въ своихъ малочисленныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ *языкомъ образцовымъ, хотя немного блѣднымъ*». Въ воспоминаніяхъ своихъ о Бѣлинскомъ, упомянувъ о повѣсти Д. В. Григоровича: «Деревня», Тургеневъ сейчасъ же прибавляетъ: «написана она *языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно*». Даже о лицѣ вымышленномъ, въ романѣ: «Наканунѣ», Тургеневъ говоритъ, «Берсеневъ не теряетъ даромъ времени; изъ него выйдетъ дѣльный профессоръ; ученая публика обратила вниманіе на его двѣ статьи. *Жаль только, что обѣ статьи написаны языкомъ нѣсколько тяжелымъ, и испещрены иностранными словами*», и т. п.

Независимо отъ свойствъ, которыя дороги въ русскомъ языкѣ каждому русскому писателю и ученому, Тургеневъ, во глубинѣ души своей, придавалъ русскому языку еще особенное, высокое значеніе, неподходящее подъ уровень обыкновенной любви къ нему. Для внутренняго міра Тургенева, для его ума и сердца, русскій языкъ былъ не только завѣтною святынею, но и великою нравственною силою, спасавшею его отъ колебаній и сомнѣній, отъ убійственныхъ тревогъ и отчаянія. Прямо изъ

души выжились слова Тургенева, которые можно назвать его лебединою пѣснью: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!»

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ А. Е. ВИКТОРОВЪ.

(Академика А. О. Бычкова.)

22-го іюля 1883 года скончался въ городѣ Пятигорскѣ отъ брюшнаго тифа, на рукахъ незнакомыхъ людей, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, извѣстный своими учеными трудами, между которыми изслѣдованія и описанія памятниковъ нашей древней письменности и печати занимаютъ особенно выдающееся мѣсто. А. Е. Викторовъ родился 2-го февраля 1827 года. Онъ былъ сынъ діакона с. Студенникова (Мценскаго уѣзда Орловской губ.) Георгія Захарова. На 14-мъ году возраста (въ 1841 году) его помѣстили въ Орловскую Духовную семинарію, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1846 году. Въ августѣ того же года онъ поступилъ въ Московскую Духовную академію и 13 іюня 1851 года получилъ степень кандидата (курсъ наукъ въ академіи онъ окончилъ еще въ 1850 году). Въ 1852 году по болѣзни онъ былъ уволенъ изъ духовнаго званія и 16 мая того же года опредѣленъ на службу въ Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ младшимъ архиваріусомъ. Съ этого времени слѣдуетъ считать службу А. Е. Викторова и

наукѣ. Изъ духовной академіи Алексѣй Егоровичъ, по собственнымъ его словамъ, находящимся въ письмѣ, помѣщенномъ въ концѣ статьи И. И. Срезневскаго «Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова» ¹⁾, вынесъ «логическую выpravку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области» и благодарную память о двухъ профессорахъ А. В. Горскомъ и Ѳ. А. Голубинскомъ. Въ архивѣ Викторова познакомился съ дотогѣ невѣдомою ему археографіею, полюбилъ эту весьма сухую науку, требующую большого вниманія, точности и разнообразныхъ знаній, и не покидалъ ея во всю свою жизнь, полюбилъ ее настолько, что она завладѣла всѣми его помыслами, что ей посвятилъ онъ всѣ свои силы. Одною изъ первыхъ работъ Викторова въ архивѣ было спиченіе греческаго текста хроникки Іоанна Малалы съ славянскимъ ея переводомъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ архива и въ хронографѣ Синодальной библіотеки. Во время своей службы въ архивѣ Алексѣй Егоровичъ приступилъ, какъ самъ выражается, «ощупью», къ изученію и описанію церковно-славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, и въ это же время предпринялъ громадный и въ высшей степени любопытный и важный трудъ, къ сожалѣнію неоконченный и потому не явившійся въ печати, это — описаніе Макарьевскихъ Четв-Миней. Въ этомъ трудѣ онъ намѣревался спичить Макарьевскія Четв-Миней съ Четв-Минейми другихъ русскихъ редакцій и указать для помѣщенныхъ въ нихъ жлтій святыхъ подлинники, сохранившіеся въ греческихъ рукописяхъ, или вошедшіе въ Acta Sanctorum въ переводѣ на латинскій языкъ. Шестъ лѣтъ неустанно изо дня въ день Викторова работала надъ рукопи-

¹⁾ Статья эта помѣщена въ 22 томѣ Сборника Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Въ ней обстоятельно говорится о трудахъ А. Е. Викторова, сдѣлана имъ болѣе или менѣе подробная оцѣнка и приведенъ полный ихъ перечень до 1880 года. Въ настоящемъ воспоминаніи объ А. Е. Викторовѣ при тѣхъ его трудахъ, которые напечатаны послѣ составленія этого перечня, мною выставлены въ скобкахъ годы выхода ихъ въ свѣтъ.

сями Синодальной библіотеки въ скромной келліи ея ризничаго о. Саввы, нынѣ архіепископа Тверского и Кашинскаго, и здѣсь сошелся съ профессорами Московскаго университета Шевыревымъ, Бодянскимъ и Буслаевымъ, особенно съ послѣднимъ, котораго указаніямъ и наставленіямъ онъ много былъ обязанъ успѣхами въ своихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ археографіею и палеографіею. По приглашенію Буслаева Викторовъ въ это время выступилъ также на педагогическое поприще, принявъ на себя, впрочемъ на короткое время, преподаваніе русскаго языка и исторіи литературы русской и иностранной въ Маріинско-Ермолаевскомъ женскомъ училищѣ. И эти обязанности онъ исполнялъ, какъ и всѣ другія, которыя несъ, съ полною добросовѣстностью, знаніемъ дѣла и увлеченіемъ.

Въ 1861 году Викторовъ по предложенію О. И. Буслаева былъ выбранъ помощникомъ бібліотекаря Московскаго университета, а въ 1862 году былъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ и въ этой послѣдней должности оставался до своей преждевременной кончины. Выборъ Викторова въ хранители слѣдуетъ назвать весьма удачнымъ: рѣдко можно найти человѣка столь преданнаго книжному дѣлу, какимъ былъ Алексѣй Егоровичъ. Съ этого времени началась для него кипучая дѣятельность, источникомъ которой служило желаніе и обогатить, на сколько возможно, ввѣренное ему отдѣленіе, и сообщить ему образцовый порядокъ. И дѣйствительно онъ достигъ и того, и другого. Своими просьбами, уговорамъ, хлопотами, успіями, посредствами и настоятельными ходатайствами онъ успѣлъ ввести въ составъ музея цѣлыя весьма замѣчательныя собранія рукописей и старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ и такимъ образомъ тѣсно связалъ свое имя съ учрежденіемъ, въ исторіи котораго ему будетъ безспорно отведена одна изъ самыхъ лучшихъ ея страницъ. Простыя цифры, указывающія насколько увеличилось въ музеѣ, благодаря А. Е. Викторову, число рукописей и старопечатныхъ книгъ за время завѣдыванія имъ по-

рученнымъ ему отдѣленіемъ, — а ихъ увеличилось: первыхъ съ 800 нумеровъ до 5.000, а вторыхъ съ 200 до 3.000, — могутъ служить самымъ безпристрастнымъ и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ пользы, принесенной имъ музею. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ эти собранія болѣе или менѣе подробно описаны Викторовымъ въ отчетахъ музея и въ отдѣльно изданныхъ каталогахъ, то нельзя не сознаться, что Алексѣй Егоровичъ этимъ самымъ принесъ огромную пользу и для всѣхъ занимающихся, облегчивъ имъ такимъ образомъ пользованіе богатствами музея, которыя иначе лежали бы подъ спудомъ. Перечислимъ изъ числа многихъ нѣкоторые его труды по этой части, составляющіе цѣнный вкладъ въ науку: «Собраніе славяно-русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго. Библиографическій очеркъ», присоединенный къ каталогу, имѣющему заглавіе: «Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго» и ознакомившій ученыхъ со всѣми вообще отдѣлами этого весьма важнаго собранія и въ частности съ наиболѣе замѣчательными рукописями, не описанными ихъ собирателемъ, а потому и не вошедшими въ изданный каталогъ; «Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Д. Пискарева»; «Собраніе рукописей В. И. Григоровича»; «Собраніе рукописей П. И. Севастьянова» (1881), «Собраніе рукописей И. Д. Бѣляева» (1881) и «Бумаги Н. В. Сушкова въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ».

Преданный до самозабвенія дѣлу археографіи, поскрестившій на свои средства почти всю Россію съ исключительною цѣлію обследовать рукописныя и печатныя богатства, хранящіяся въ бібліотекахъ монастырскихъ, правительственныхъ учреждений и частныхъ лицъ, Викторовъ представлялъ собою рѣдкій въ наше время образецъ человѣка, жертвующаго всѣмъ излюбленному предмету, не ожидая за это никакаго вознагражденія, даже никакихъ похвалъ. Очень часто нослъ продолжительнаго и утомительнаго переѣзда до намѣченнаго мѣста, Викторовъ немедленно приступалъ къ занятіямъ, нѣсколько часовъ сряду работалъ въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой помѣщались рукописи и

книги, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вредную и удушливую атмосферу подобныхъ книгохранилищъ, и донельзя былъ счастливъ, когда ему удавалось найти что - либо неизвѣстное или дополняющее его прежнія изысканія. Но кромѣ библиографическихъ трудовъ, несомнѣнно весьма полезныхъ, въ которыхъ разсѣяны разнаго рода замѣтки—плоды иногда долгихъ и усидчивыхъ разысканій и счастливыхъ соображеній, доставившихъ Викторovu извѣстность, какъ самаго лучшаго палеографа и библиографа, — нельзя пройти молчаніемъ и другіе его труды, обратившіе на него вниманіе ученыхъ и Академіи Наукъ. Къ числу такихъ принадлежатъ: «Алфавитный указатель славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки», одинъ изъ самыхъ раннихъ его ученыхъ трудовъ, для котораго главнымъ пособіемъ служило описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, составленное бывшимъ синодальнымъ ризничимъ, архимандритомъ Евстаѳіемъ; «Фотографическіе снимки съ миниатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ», съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ; ихъ вышло три выпуска, въ которыхъ помѣщено 82 листа снимковъ изъ четырехъ рукописей; «Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальной типографіи», сочиненіе полемическаго характера, написанное по поводу статьи Безсонова: «Типографская библіотека въ Москвѣ. Историческій очеркъ» и заключающее въ себѣ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ какъ о составѣ и судьбѣ типографской библіотеки, такъ и объ участіи Московской типографіи въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ книгъ; «Последнее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ», значительное по объему сочиненіе, заслужившее самый одобрительный отзывъ строгихъ судей и отличающееся безпристрастіемъ при разборѣ мнѣній относительно времени происхожденія глаголицы и лица, которому принадлежитъ ея изобрѣтеніе; «Кириллъ и Меодій. Новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ», критическій обзоръ данныхъ о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей, обнародованныхъ съ 1840-хъ годовъ по 1858 г.—время

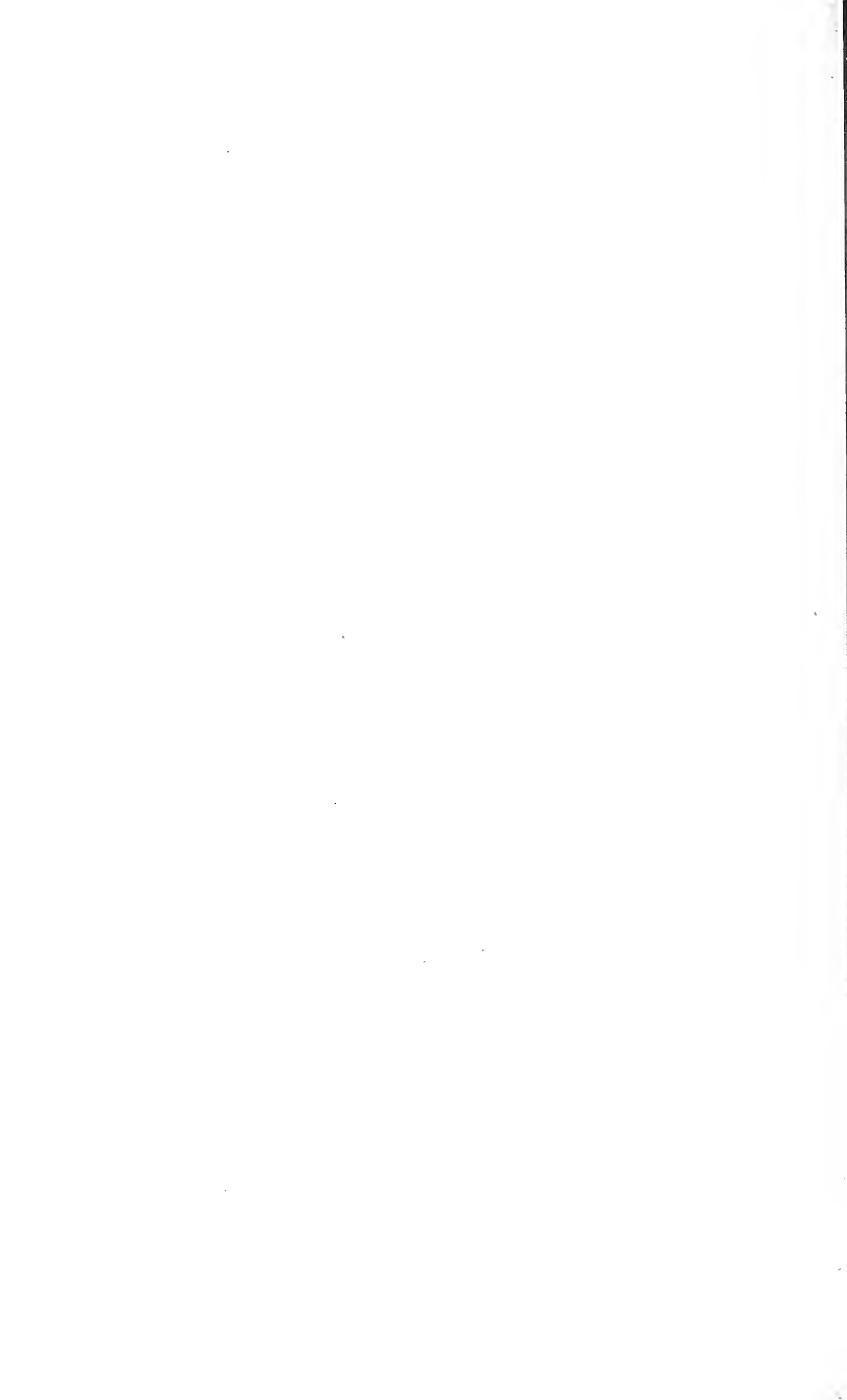
появленія въ печати этого труда; «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725 г.», два выпуска (второй выпускъ вышелъ въ 1883 году). Въ составъ перваго выпуска вошло описаніе дѣлъ и документовъ Казеннаго приказа, Государевой Мастерской палаты и Царицыной Мастерской палаты, а въ составъ втораго — описаніе дѣлъ и документовъ, касающихся Оружейной палаты, Конюшеннаго приказа, Серебряной и Золотой палаты, Приказа Большаго Дворца, приказа тайныхъ дѣлъ, Государева Кабинета и дворцовыхъ церквей. Въ концѣ труда помѣщено описаніе записныхъ книгъ постороннихъ приказовъ по городу Москвѣ и по другимъ городамъ. Это изданіе, составляющее богатый источникъ для изученія царскаго быта и обихода, драгоцѣнно по многимъ обширнымъ извлеченіямъ, которыя Викторовъ помѣстилъ въ немъ изъ записныхъ книгъ; «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ» — въ этой статьѣ сообщаются подробныя свѣдѣнія о Псалтири, первой книгѣ, напечатанной докторомъ Францискомъ Скориною 6 августа 1517 года; «Государственное древлехранилище въ теремахъ Московскаго Кремлевскаго Дворца» (1882), краткій очеркъ, въ которомъ Алексѣй Егоровичъ сообщил о находящихся въ древлехранилищѣ собраніяхъ писменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе первостепенной важности; «Стефанитъ и Ихнилатъ» (1881) — тексту этого памятника, изданному по тремъ древнѣйшимъ славянскимъ спискамъ, Викторовъ предпослалъ обзоръ редакцій и списковъ славянскаго текста и нѣсколько замѣчаній объ отношеніи его къ греческому подлиннику, и др. Въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ Алексѣй Егоровичъ помѣстилъ много документовъ весьма любопытныхъ или въ историческомъ, или въ историко-литературномъ отношеніяхъ. Мы здѣсь ихъ не коснемся, такъ какъ значеніе ихъ уже оцѣнено специалистами, а всѣ они перечислены въ упомянутой выше статьѣ Срезневскаго.

До сихъ поръ мы говорили о печатныхъ трудахъ Викторова; но извѣстно, что въ его портфеляхъ, кромѣ названнаго

выше Описанія Макарьевскихъ Чети-Миней, должны находиться частью почти оконченные, а частью только что начатые, слѣдующіе изслѣдованія и труды, которые желательно было бы видѣть изданными, по возможности въ скорѣйшемъ времени: «Краткое описаніе рукописей, хранящихся въ библіотекахъ, находящихся въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой», которое онъ предназначалъ для помѣщенія въ «Лѣтописи занятій Археографической комиссіи»; «Систематическое обзорѣніе книгъ церковно-славянской печати», въ которомъ книги каждаго разряда, напр. Азбуки, Учительныя Евангелія, Часословы и пр. должны были быть сличены между собою, съ указаніемъ разностей, встрѣчающихся въ ихъ составѣ, времени появленія этихъ разностей и т. д.; наконецъ, обширное сочиненіе, имѣющее цѣлю доказать, что книгопечатаніе существовало въ Россіи ранѣе появленія Апостола, напечатаннаго въ 1564 году Иваномъ Федоровымъ. Часть этого любопытнаго сочиненія была читана на 3-мъ Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ, возбудила общее вниманіе и появилась въ трудахъ съѣзда подъ заглавіемъ: «Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 года?»

Трудами, подобными тѣмъ, которые совершилъ и намѣревался исполнить Викторъ, постепенно, хотя и незамѣтно, расширяется кругъ знаній, и такими трудами нельзя не дорожить. Признаніе за ними извѣстной степени важности доказывается избраніемъ Викторова Академіею Наукъ въ члены-корреспонденты и многими учеными обществами — въ свои дѣйствительные члены. Въ лицѣ Викторова наука лишилась преданнаго ей всей душой, энергическаго и образованнаго работника, отсутствіе котораго будетъ ощутительно и для лицъ, занимающихся въ рукописномъ отдѣленіи Московскаго музея, и для ученыхъ, обращающихся къ нему, какъ за разрѣшеніемъ разнаго рода вопросовъ, такъ и за справками и указаніями. Удовлетворяютъ разнообразныя просьбы и посѣтителей музея, и иногородныхъ изыскателей и изслѣдователей древнихъ русскихъ письменныхъ и печатныхъ памятниковъ и сообщаютъ имъ то, что для нихъ было пужно, составляло для

Викторова истинное, неподдѣльное удовольствіе, и не было примѣра, чтобы въ этомъ отношеніи съ его стороны встрѣчался отказъ. Его письма къ лицамъ, которыя вели съ нимъ переписку, часто представляли цѣлыя разсужденія, подкрѣпленныя доводами и ссылками, взятыми изъ богатаго запаса собраныхъ имъ свѣдѣній. Эта сообщительность Викторова и готовность со всѣми дѣлиться своими знаніями; его неукоснительное исполненіе служебнаго долга; его прямой характеръ, наконецъ, его отзывчивость на вопросы, возникавшіе въ жизни и въ средѣ общества, сообщали, въ высшей степени, привлекательность его личности для всѣхъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго Алексея Егоровича, не смотря на внѣшнюю его угрюмость и сосредоточенность. Желательно, чтобы наше отечество имѣло поболѣе дѣятелей, похожихъ на него, и чтобы ряды ихъ не умалялись, а напротивъ увеличивались.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XL, № 2.

ИЗЪ ИСТОРИИ

РОМАНА И ПОВѢСТИ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ГРЕКО-ВИЗАНТІЙСКІЙ ПЕРІОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

І.

ИСТОРИЯ ИЛИ ТЕОРИЯ РОМАНА?

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ исторіи поэтическихъ родовъ есть своего рода послѣдовательность, не вездѣ одинаково выдержанная, затемненная иногда посторонними вліяніями, ускорившими или извратившими правильный ходъ развитія, но на столько прозрачная, что она производитъ впечатлѣніе законности. Какъ послѣдовательныя измѣненія быта и ростъ общественнаго и личнаго сознанія выражались въ новыхъ формахъ политическаго устройства, въ выдѣленіи научнаго міросозерцанія изъ мифическаго, философіи изъ религіи, исторіи изъ эпоса — такъ выражались они и въ поэзи, въ чередованіи ея формъ, обусловленномъ измѣненіями ея идеальнаго содержанія. Вездѣ, гдѣ мы въ состояніи наблюдать продолжительную литературную исторію, на первомъ мѣстѣ являются тѣ произведенія народной поэзи, незнающей творца, которыя мы обыкли объединять именемъ эпоса, и надо перенестись къ другому концу развитія, чтобы встрѣтить тотъ особый родъ повѣстей и рассказовъ, лишенныхъ традиціоннаго значенія и принадлежащихъ личнымъ авторамъ, которые назовутся новеллами, романами и т. д. Между ними и эпосомъ, въ опредѣленномъ выше значеніи этого слова, прошла цѣлая исторія, наполненная выдѣленіемъ — лирики и драмы. При какихъ условіяхъ совершилось это выдѣленіе?

Въ началѣ, въ исторіи поэтическаго и вообще художественнаго развитія, слѣдуетъ предположить извѣстный синкретизмъ, не смѣшеніе, а отсутствіе различія между опредѣленными поэтическими родами, поэзіей и другими искусствами: иѣчто, до сихъ поръ живущее въ поэзіи народнаго обряда, какъ въ старогреческихъ народныхъ празднествахъ въ честь Діониса: поэзія поется и пляшется, сопровождается извѣстнымъ мимическимъ дѣйствомъ, выражающимъ тѣлодвиженіями эпическую канву пѣсни. Это, въ одно и то-же время, и эпосъ, и лирика, не отдѣленная отъ музыки, и драма; то и другое и третье, — понятие формально, какъ *формы* поэтическаго выраженія, которыя, наполненныя соответствующимъ содержаніемъ, выступаютъ передъ нами послѣдовательно, какъ — эпосъ, лирика, драма. На первый разъ это — эпическій речитативъ съ лирическими порывами, обращеніями, приѣвомъ; драматическое дѣйствіе безъ драмы.

Изъ этого синкретическаго безразличія происходитъ, съ теченіемъ времени, рядъ выдѣленій. Выдѣляется, изъ связи съ пляской и драматической игрой, лирико-эпическая пѣсня, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ стараго мифа, преданія, либо навѣянная какимъ-нибудь событіемъ, взволновавшимъ народныя симпатіи. Мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе о нихъ по стилю гомерическихъ гимновъ (за вычетомъ ихъ художественной обработки), по средне-вѣковой кантиленѣ напр. о св. Фаронѣ, по сербскимъ и малорусскимъ историческимъ пѣснямъ-думамъ. Эпическій рассказъ, но глубоко захватывающій интересы, страсти пѣвца, потому патетическій. Такого рода пѣсня могла еще иѣкоторое время держаться при синкретическомъ обрядѣ, послѣ того какъ она уже выдѣлилась изъ его состава: на Фарейскихъ островахъ *плясали*, очевидно, мимически, пѣсню о пораженіи Сигурдомъ змѣя Фафнира, какъ въ Греціи — свадьбу Зевса и Геры, у Лонга — мифъ о Панѣ и Сирингѣ.

Павось держится немногими поколѣніями; затѣмъ *настроеніе* замираетъ вмѣстѣ съ непосредственностью, но остается интересъ къ *содержанію* пѣсни: изъ лирико-эпической она становится эпи-

ческою, матеріаломъ не для пѣвца, а для сказителя. Таково отношеніе малорусскихъ думъ къ великорусскимъ былинамъ: надъ былинной никто не заплачетъ, какъ гомеровскій грекъ надъ рассказомъ Фемія и Демодока, какъ малороссъ надъ своею думой.

Эпическая пѣсня обособилась, ходитъ въ народѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Близкія лирическія симпатіи исчезли, не исчезъ интересъ къ рассказу: оторванныя, отдаленныя отъ живой памяти, пѣсни повторяются, искажаются, группируются вокругъ одного лица или событія, сѣваются около Спда, либо Ильи Муромца, либо битвы на Косовомъ полѣ. Такого рода полународныя, полу-сознательныя, т. е. личные своды-сѣвки, сохранились: они-то и могли лечь *въ основу* большихъ эпопей, причемъ для насъ все равно — называются-ли эти эпопеи Илиадой и Одиссеей, либо Пѣсней о Роландѣ.

Ихъ появленіемъ заканчивается первый періодъ поэтическаго развитія: это какъ бы вѣнчаніе зданія, общій аккордъ, въ которомъ сведены всѣ мотивы, все міросозерпаніе предъявляющей, эпической эпохи.

Эпопея предполагаетъ развитую эпикку, т. е. богатство эпическихъ пѣсней, и не только богатство, но и извѣстное внутреннее единство, обусловленное единствомъ содержанія. Поютъ много и на всѣ лады лишь о томъ, что всѣхъ живо интересуешь; это что-то и есть живой центръ эпикки. Эпохи, слѣдующія за большими народными движеніями, за періодами борьбы, въ которой участвуетъ и слагается народное самосознаніе — такія эпохи даютъ обыкновенно и обильныя эпическія всходы. Эпика идетъ по слѣдамъ исторіи. Видѣть въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ — миѡы, пріуроченныя къ землѣ, въ герояхъ — боговъ, облекшихся въ человѣческой, хотя еще грандіозный образъ, — означало бы идти противъ теченія: антропоморфическій миѡъ (а о немъ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ) слагается по образцу эпоса, а не наоборотъ; Гомеръ создаетъ греческихъ боговъ. Сходство миѡическихъ, эпическихъ, наконецъ сказочныхъ схемъ

не указываетъ необходимо на генетическую связь; и «въ Македоніи есть рѣка и въ Монмоусъ также рѣка; въ Монмоусъ ей зовутъ Вайя, а какъ зовутъ другая — совѣмъ вышла изъ мой память; но это не большой обѣда; онѣ обѣ похожъ на другая, какъ два пальца на рука, и въ обѣ есть семга» (Генрихъ V, д. IV, сц. VII) — и тѣмъ не менѣе Македонія не Монмоусъ, какъ Генрихъ V не Александръ Македонскій. Сходство объясняется не генезисомъ одного мотива изъ другаго, а предположеніемъ общихъ мотивовъ, столь-же обязательныхъ для человѣческаго творчества, какъ схемы языка для выраженія мысли; творчество ограничивается сочетаніемъ данныхъ схемъ. Въ этомъ смыслѣ сказка можетъ быть на столько-же отраженіемъ мѣта, на сколько осадкомъ эпической пѣсни или — народной книги.

Характеристика такъ называемаго эпическаго міросозерцанія предложена была не разъ. Его черты извѣстны: общность умственнаго и нравственнаго кругозора, невыдѣленность личности; нѣтъ поэта, а пѣвецъ ото всѣхъ и за всѣхъ, поющій про то, что всѣмъ извѣстно и всѣхъ интересуется какъ могъ-бы сѣтъ всякій другой, а онъ лучше другихъ лишь потому, что ему болѣе другихъ дарованъ божествомъ даръ общаго слова — эпоса.

Я не развиваю въ подробности этихъ положеній, тѣмъ болѣе, что это было сдѣлано недавно Шпильгагеномъ съ картинностью романиста и односторонностью челоѣка, для котораго весь эпосъ выразился типически — въ Гомерѣ.

Сравнивая положеніе современнаго романиста съ положеніемъ эпическаго пѣвца, Шпильгагенъ¹⁾ указываетъ на одно, по его мнѣнію, неоспоримое преимущество послѣдняго передъ первымъ: на чувство общности, «которое, обусловленное одинаковостью привычекъ семейной жизни, солидарностью общественныхъ интересовъ, единствомъ духовнаго кругозора у всѣхъ и каждаго, отъ царя до пастуха, дѣйствовало въ средѣ гомеровскихъ людей, какъ чисто-стихійная сила. Если походъ подъ Трою

¹⁾ Friedrich Spielhagen, Beiträge zur Theorie und Technik des Romans Lpz. 1883, стр. 135 и слѣд.

въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто, въ чемъ теперь никто не сомнѣвается, то не надо было большаго краснорѣчія, ни велѣнія боговъ, чтобы побудить къ предпріятію греческія племена: они собрались и пошли на Трою, какъ въ осеннюю пору собираются стаи перелетныхъ птицъ, направляясь къ югу, ведомыя таинственнымъ, непреодолимымъ влеченіемъ. Если и былъ опредѣленный поводъ къ походу, то онъ имѣлъ не бѣльшее значеніе, чѣмъ для развитія давно подготовлявшагося недуга то, что медикъ зовутъ случайной причиною. Когда въ этой массѣ, одушевленной однимъ овладѣвшимъ ею чувствомъ, просынается личная воля, её ставятъ у позорнаго столба, насильно вгоняютъ её въ общую волю, какъ то было съ Тетисомъ, либо она трагически сокрушается, какъ у Ахилла. Но и объ Ахиллѣ слѣдуетъ помнить, что его гнѣвъ вызванъ отобраніемъ у него Бризеиды, принадлежавшей ему по праву почетнаго дара, что онъ считаетъ себя, или лучше, *знаетъ* себя оскорбленнымъ въ глазахъ *другихъ*, и въ сравненіи съ этимъ мотивомъ пафосъ оскорбленнаго, любящаго сердца (сл. Ил. IX, 340—3) почти не имѣетъ значенія. Позднѣе, когда, по смерти Патрокла, ему приносятъ умиловительные дары, онъ, отягченный страшнымъ горемъ, не даетъ большой или никакой цѣны этому внѣшнему возстановленію своей чести; но Агамемнонъ и другіе князья сознаютъ этотъ актъ, какъ необходимый. Но всего характернѣе сознаніе самого героя, принимающаго утрату друга, какъ косвенную болюю кару за гнѣвъ, побудившій его забыть свои прямыя обязанности передъ вождемъ войска и общественнымъ благомъ.»

Нераздѣльность индивидуальной и народной души у гомеровскаго человѣка указываетъ на особое положеніе и гомеровскаго пѣвца. Онъ по столько и пѣвецъ, по скольку принадлежитъ своему обществу. «Онъ не созерцаетъ міръ изъ прекраснаго далека и лишь въ праздничной обстановкѣ, онъ живетъ въ немъ всецѣло и каждый день ему праздникъ. У него нѣтъ своего «музея», своего кабинета: первый же шагъ на пути художнической карьеры вводитъ его въ величественную мастерскую, отовсюду

освѣщенную солнцемъ греческой жизни, вторгающейся въ окна со всѣмъ богатствомъ своихъ образовъ и красокъ. Въ этой мастерской оно застаётъ много работниковъ, мастеровъ и учениковъ, всѣхъ за одною работою, которая станетъ и его дѣломъ и не подниметъ въ немъ вопросовъ о томъ: *что* и *какъ* дѣлать, потому что на то и другое уже отвѣтило ему готовое преданіе. Оно указало ему на прошлую исторію его народа, теряющуюся къверху — въ золотыхъ облакахъ Олимпа, къ низу — въ поколѣніи современныхъ пѣвцу людей, «οἱσι νόμι εἶπεν». Что до способа выраженія, то оно дано ему въ напѣвахъ, унаслѣдованныхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ языкѣ, разработанномъ и во всѣхъ отношеніяхъ готовомъ для художественныхъ цѣлей; наконецъ, въ поэтическомъ методѣ, предуставившемъ для него: веденіе басни, соразмѣреніе и соединеніе частей въ одно цѣлое, цѣлесообразную смѣну свѣта и тѣни, красоту и необходимость контрастовъ, гармонію переходовъ и законы ретардаціи, необходимость эпизодовъ, — вообще всѣ тѣ средства, которыми эпическое творчество должно пользоваться свободно, если желаетъ достигнуть своей цѣли.

«Послѣднее и высшее, что отличаетъ гомерическихъ пѣвцовъ отъ современныхъ поэтовъ и въ чемъ послѣдніе могутъ особенно имъ позавидовать — это горделивое сознаніе, что они поютъ лишь про то, что ихъ публика желаетъ, о чемъ никогда не устанетъ слушать; радостная, постоянно наполняющая ихъ увѣренность, что всякій аккордъ, ими взятый, отзовется въ душахъ ихъ слушателей: что ихъ думы, чувствованія, впечатлѣнія не что иное, какъ думы, чувствованія, впечатлѣнія ихъ народа.

«Оттого въ ихъ устахъ воззваніе къ музѣ въ началѣ пѣсни, либо и въ серединѣ, когда богатство эпическаго матеріала ихъ одолевало. — это воззваніе — не фраза, а яркое выраженіе вѣрнаго, вытекшаго изъ фактовъ, сознанія: что они, единичные пѣвцы, черпаютъ свои пѣсни изъ рѣки, которой таинственные источники скрыты отъ ихъ глаза въ невѣдомой дали; что они передаютъ лишь то, что имъ было дано, издавна уготовлено, и

въ нихъ дѣйствуетъ сила, которой могучее дѣйствіе они не объясняли и не могли объяснить изъ личнаго дара, а относили, какъ все непонятное, на счетъ непосредственнаго воздѣйствія божества.

«Въ этомъ скромномъ отступленіи личности поэта за поэтическій геній всего народа, дѣлающій поэта лишь органомъ и глашатаемъ своего могущества, наравнѣ съ другими органами и глашатаями, и лежитъ объясненіе и возможность той идеальной, не тенденціозной объективности, въ цѣломъ и частностяхъ, которой мы удивляемся въ гомеровскихъ поэмахъ и которая на всегда недостижима для современнаго поэта.

«Говорить объ «идеѣ» гомеровскихъ поэмъ можно лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Рафаэль понималъ свою святую «идею»: тотъ прототипъ, который онъ прозрѣвалъ своимъ духовнымъ окомъ и относительно котораго образъ, начертанный имъ на полотнѣ, являлся лишь какъ несовершенное воспроизведеніе. Тотъ прототипъ, наполнявшій всѣ желанія гомероваго пѣвца, есть именно міръ, понятый, какъ цѣлое, обнимающій жизнь людей и природы, охваченный во всей ширь, отъ одного полюса къ другому, отъ выраженій героической силы до глубочайшей печали, какая только овладѣвала душою древняго человѣка: отъ вѣчнаго солнечнаго свѣта, обтекающаго высоты Олимпа — до ночи Тартара, куда никогда не проникаетъ лучъ Геліоса . . .

«Итогомъ всего сказаннаго будетъ заключеніе, что у поэта гомеровской поры нечего искать личнаго, ему принадлежащаго воззрѣнія на міръ и отношенія жизни. Онъ не столько поэтический органъ своего народа, сколько органъ своего поэтическаго народа. У него нѣтъ выбора въ сюжетѣ, потому что сюжетъ ему данъ въ матеріалѣ преданій и мифовъ, издавна выработанныхъ; у него нѣтъ выбора и относительно средствъ, которыя подсказаны ему установленнымъ поэтическимъ методомъ и обычнымъ до него пѣснопѣніемъ. Его герои — не его идеалы, а «представительные люди» его народа, въ которыхъ выразилась его сущность, какъ сущность божества въ различныхъ народныхъ богахъ. Вольно пѣвцу прибавить къ этимъ представительнымъ

образамъ ту или другую черту (что онъ, несомнѣнно, и дѣлалъ), но измѣнить ихъ до основанія онъ не могъ; доля его личнаго участія ограничивалась предпочтеніемъ, которое онъ могъ оказывать одному образу передъ другимъ, смотря по своему вкусу и поэтической наклонности. Во всемъ остальномъ его личное «я» исчезало въ объектѣ, отстраняя отъ себя всякую отвѣтственность за содержаніе и форму пѣсни, всякую критику со стороны слушателя, какъ несправедливую и непригодную, по сколько она основывалась на индивидуальной симпатіи или антипатіи. Его отношеніе къ дѣлу и къ публикѣ точно характеризуется словами Тилемаха къ матери, когда она проситъ Фемію оставить «печальную пѣсню» о «горестномъ возвращеніи изъ подъ Трон, уготованномъ Ахейцамъ Палладою Аонной»:

Какъ-же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
.Людемъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.

(Од. I, 347—350).»

Это единеніе пѣвца и народа, это царство общей пѣсни при различныхъ, такъ сказать, стихійныхъ ея исполнителяхъ, было лишь фактомъ времени. Дальнѣйшій историческій процессъ велъ необходимо къ разъединенію, къ дезинтеграціи быта и міровозрѣнія, къ выдѣленію изъ общей связи новыхъ сословныхъ и политическихъ группъ и обособленію личности въ сферѣ этихъ новыхъ формаций. Обобщая, такимъ образомъ, я, главнымъ образомъ, имѣю въ виду Грецію съ ея прозрачнымъ, менѣе прерваннымъ, чѣмъ въ другихъ средахъ, развитіемъ.

Обособленность личности означаетъ: ослабленіе чувства солидарности между общественной единицей и обществомъ, понятымъ всецѣло; иное пониманіе религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, чѣмъ ходячее въ большинствѣ; у единицы является свой особый, болѣе или менѣе ограниченный міръ, во всякомъ случаѣ не тождественный съ общимъ, иногда прямо ему противо-

положный; есть желаніе заявиться передъ этимъ общимъ, со- считаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ дороже чувство только что отвоеваннаго внутренняго міра съ его новыми откровеніями. Они просятъ исхода и находятъ его — въ личной философій, объясняющей себѣ явленія жизни и міроустройства не совсѣмъ такъ, какъ учило о томъ общее религіозное преданіе, нерѣдко въ разрѣзъ съ нимъ; въ личной поэзіи, личной не въ томъ только смыслѣ, что она исходитъ изъ единицы, впервые ощутившей себя не сказителемъ общаго, всѣмъ извѣстнаго преданія, а творцемъ-поэтомъ, но и потому, что эта поэзія уйдетъ на долгое время въ анализъ собственнаго «я», его горя и радости, его порывовъ и разочарованій.

Таковъ генезисъ лирической поэзіи, но въ то-же время и драмы. Новый, личный поэтъ не могъ относиться къ содержанію древняго эпическаго преданія также, какъ пѣвецъ гомеровской эпохи: онъ на столько отчужденъ отъ него, на сколько, отчасти по крайней мѣрѣ, разложилъ его въ своемъ сознаніи, вложилъ въ него свою собственную душу. Приученный къ самонаблюденію, къ анализу своей психики, онъ вносилъ его и въ тѣ традиціонныя, мифическія рассказы, которые составляли основныя темы эпоса. Отъ этого получалось новое освѣщеніе: главный интересъ не сосредоточивался, какъ въ былое время, на событіи, а на участіи, которое принимало въ немъ то или другое лице, на ихъ мотивахъ и побужденіяхъ, на ихъ внутренней борьбѣ, однимъ словомъ на всемъ томъ мірѣ личности, который раскрытъ былъ новымъ прогрессомъ исторіи.

Слѣдствіемъ такого взгляда было, что нныя стороны общаго всѣмъ эпоса перестали привлекать вниманіе, другія выдвинулись на первый планъ: сюжеты для драмы, которая, съ точки зрѣнія содержанія, является продуктомъ разложенія эпоса подъ вліяніемъ личной мысли. За формой дѣло не стало: мы помнимъ мимическій, театральнй элементъ народнаго обряда, изъ котораго выдѣлилась когда-то, отвѣчая зову времени, эпическая пѣсня; эта традиціонная форма пришла теперь кстатіи; въ ней Эсхиль,

Софокль и Эврипидъ выразили свое личное понимание древнихъ сюжетовъ мѣа.

Между Эсхиломъ и Эврипидомъ прошла, въ какихъ нибудь два поколѣнія, цѣлая исторія. Эсхилъ еще близокъ къ эпическому пониманію, его трилогіи обнимаютъ широкіе концы эпоса, и трагическая вина лежитъ въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, не въ отдѣльныхъ личностяхъ; преступленіе и кара посылаются божествомъ и мало обоснованы психически. Всё это мѣняется: для Эврипида все дѣло во внутренней драмѣ; не даромъ Аристотель назвалъ его наиболѣе трагическимъ изъ греческихъ трагиковъ: мотивъ мѣа является не болѣе, какъ психологической задачей; весь интересъ отданъ конфликту, происходящему въ личности, драма вырастаетъ изъ нея, не извнѣ, — по велѣнію свыше.

Религіозное значеніе мѣа оттого умалаялось, на что и указано было противниками Эврипида: въ поэтическомъ смыслѣ это былъ прогрессъ; что онъ не осуществился фактически, еще не говоритъ противъ вѣрности заключенія. Освобожденная отъ «вѣры уголыщка» поэзія могла вращаться въ мѣахъ какъ специально-поэтическомъ матерьялѣ, измѣнять ихъ въ пзвѣстной мѣрѣ, приобщить къ ходячимъ и тѣмъ, которые вначалѣ имѣли лишь значеніе мѣстнаго, не общественнаго вѣрованія (Пиндаръ); а это приучило искать поэтическое содержаніе за предѣломъ древняго, условнаго преданія: не среди боговъ и героевъ, а у простыхъ смертныхъ, гдѣ комедія почерпала несложные мотивы своего смѣха, а эллинистическіе рассказчики открывали иного рода струю: *поэзію личной жизни*, подъ вліяніемъ которой даже строгіе мѣа получили болѣе мягкое романтическое освѣщеніе.

То, что Эрдмансдёрферъ назвалъ, можетъ быть, не совсѣмъ, точно, «періодомъ греческой *новеллы*», характеризуетъ этотъ поворотъ мысли. Къ нему неудержно вели историческія обстоятельства: упадокъ общественной жизни, ослабленіе національнаго самосознанія, отсутствіе прочныхъ кругозоровъ и общихъ цѣлей для народной дѣятельности — всё это порывало связь съ прошлымъ, съ его поэтической идеализаціей, уединяя человѣка, тѣмъ

болѣе поэта, въ самого себя, въ его внутренней міръ, откуда онъ попытается возстановить на свой страхъ болѣе или менѣе цѣльную картину ви́шняго міра: свой личный эпосъ (Ich-Epos), сказалъ-бы я, примѣняя терминологию Шпильгагена.

Таковы общественно-психологическія послылки, изъ которыхъ вытекли, на крайней границѣ древне-греческаго развитія, тѣ произведенія, которыя мы называемъ новымъ именемъ романовъ, тогда какъ Греки называли ихъ «драмами», «драматическими рассказами». Мы по другую сторону бряжа, за которымъ лежатъ общій всѣмъ эпосъ, съ его традиционными сюжетами и посетителями-пѣвцами. Въ романѣ все не традиционно: поэтъ — сознательный творецъ своего сюжета, ему принадлежатъ и герои, обыкновенно влюбленные, занятые исключительно собою, своей любовью: любовь естественно становилась въ центрѣ интересовъ, ограниченныхъ личной жизнью; романисты отвѣчали лишь голосу времени. Вокругъ героевъ устроятся другія дѣйствующія лица, служащія главнымъ образомъ къ ихъ развитію и освѣщенію, притянутыя къ центру, тогда какъ герой эпоса высится надъ своимъ міромъ такъ же естественно, какъ вершина во главѣ горнаго хребта. — Обстановка, въ которую вдвинуто дѣйствіе этихъ романовъ, двоякая: либо это широкіе горизонты, иногда удаляющіеся въ фантастическую даль, большія пространства, по которымъ движутся дѣйствующія лица; либо укромный уголокъ, уединенный въ море и природу. И здѣсь романисты были на высотѣ того настроенія, которое овладѣваетъ обществомъ подъ впечатлѣніемъ односторонне развитаго личнаго идеала: я разумѣю беззавѣтное стремленіе въ даль, томительное исканіе чего-то за тридевятью землями, какъ въ Александріи Псевдокаллистоена, — либо тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ никогда ничего не искали, а теперь думаютъ обрѣсти покой и счастье: въ идилліи Лонга.

Теченія мысли, намъ хорошо извѣстныя: онѣ не разъ повторялись въ исторіи, находя себѣ идеальное выраженіе въ утопіяхъ, поэтическое въ идилліяхъ Астреи и Робинзона.

Въ этомъ смыслѣ Шлоссеръ былъ правъ, говоря, что исторію народа можно написать по его романамъ; я бы обобщилъ: по его поэтической литературѣ. Матеріаль богатый и благодарный, если умѣть воздержаться отъ излишняго недоумѣрія — и отъ крайней доумѣрчивости къ бытовой подкладкѣ поэтической идеализаціи¹⁾.

Греческій языческій романъ не досказался до конца: онъ явился слишкомъ поздно, когда изсякли живыя поэтическія силы націи. Римляне его не досказали, подражатели, какъ всегда: Апулей лишь обработалъ сюжетъ греческаго разсказа, помѣстивъ въ немъ прелестный эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, народную сказку, которую будутъ помнить и тѣ, кто поспѣшитъ забыть содержаніе романа. Онъ написанъ прозой; греческіе романы избрали эту болѣе реальную форму изложенія: ихъ проза принадлежитъ софистической школѣ, но она подъ стать сюжетамъ. Разрывъ эпоса съ исторіографіей также отмѣченъ водвореніемъ прозы — а романъ водворялъ въ литературѣ новый жанръ и интересы къ обыденному, хотя бы и опозитизированному.

III.

Византійскій романъ явился виѣшнимъ, школьнымъ подражаніемъ греческому: тѣ-же положенія и типы, тѣ-же идеалы, которые жизнь давно оставила позади себя; новаго — стихотворная форма, указывающая на забвеніе стила, да стремленіе къ простѣйшимъ сказочнымъ сюжетамъ, напр. въ эпизодахъ Ливистра и Родамы и въ Каллимахѣ и Хризорроѣ. Лишь на почвѣ христіанской легенды греческій романъ нашелъ продолженіе, отвѣтлившее идеальной сторонѣ его задачи: явленіе, мало изученное до сихъ поръ, не смотря на старую популярность и своеобразную прелесть Климентинъ.

¹⁾ См. оцѣнку этихъ противоположныхъ увлеченій въ моихъ отчетахъ о книгахъ Роде (Журн. М. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 107—112, 116—118) и Шульце (Журн. М. Нар. Пр. 1882, июнь).

Надо перенестись къ половинѣ среднихъ вѣковъ, чтобы снова встрѣтиться съ зарожденіемъ поэтическихъ разсказовъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, хотя и нѣсколько случайно назовутся романами. Говоря о средневѣковой литературѣ, слѣдуетъ поступиться той идеей цѣльности, которую мы выносимъ напр. изъ изученія литературы греческой. Новымъ людямъ пришлось во многомъ начинать съизнова, но многое привнесено было и со стороны и вліяніе классическаго преданія опредѣлило формально или и ускорило ходъ естественной эволюціи. Тѣмъ не менѣе ходъ ея ясенъ и послѣдовательность та-же. Западные люди также начали съ эпоса. остатки котораго до сихъ поръ живутъ въ народной былевой пѣснѣ и синкретическомъ обрядѣ. У насъ есть свѣдѣнія о древнихъ лирико-эпическихъ кантленахъ, и весьма вѣроятно, что эпическія пѣсни прошли черезъ народный сводъ, прежде чѣмъ подвергнуться литературной обработкѣ въ древнѣйшихъ французскихъ *Chansons de geste* и Нибелунгахъ.

И на западѣ появленіе лирики, какъ особой литературной формы, въ отличіе отъ народной, вызвано было опредѣленнымъ общественнымъ прогрессомъ, выдѣленіемъ личнаго сознанія изъ массоваго — на первый разъ на почвѣ сословно-рыцарской. Лирика явилась, когда сознана была цѣнность личнаго чувства, религіознаго или поэтическаго настроенія, личнаго поэтическаго подвига. Я указываю на трубадуровъ и миннезингеровъ: они также субъективны и сословно-тенденціозны, какъ Алкей.

Явленіе средневѣковой драмы, по сравненію съ греческой, выходитъ изъ органической связи развитія: церковь рано приняла ее подъ свой покровъ, сдѣлала литургическою мистеріей; ея дальнѣйшая разработка шла въ той же колѣѣ, опредѣленной церковнымъ преданіемъ. Для оцѣнки естественнаго роста литературы она не идетъ въ счетъ.

За то рыцарскій романъ непосредственно обусловленъ тѣми-же причинами, которыя вызвали и лирику. Онъ предполагаетъ обособленіе поэта отъ народнаго пѣвца, ослабленіе интереса къ общему эпическому преданію, исканіе новаго слова, новыхъ темъ

и формы выражения. На все это отвѣтили рыцарскіе романы. Ихъ содержаніе не народное: нѣсколько бретонскихъ разсказовъ, двѣ три мистическихъ легенды дали матеріалъ для цѣлой литературы, въ которой элементъ личнаго изобрѣтенія взялъ вскорѣ перевѣсъ надъ основной канвою подлинниковъ. Но и самое внесеніе этихъ сюжетовъ, до тѣхъ поръ таившихся въ глухомъ кельтскомъ захолустьи, въ широкіе литературный круговоротъ, охватившій изъ Франціи всю Европу, было своего рода актомъ творчества. Ланцелотъ и Gauvain, Тристанъ и Изольда и т. п. явились неожиданно посетителями личнаго рыцарскаго идеала. гдѣ на первомъ мѣстѣ красуются слова: любовь и *courtoisie*. Вокругъ этого сосредоточивается все дѣйствіе романа, копятеся подвиги и приключенія, какъ въ греческомъ романѣ любовники соединяются, помытарствовавъ и натерпѣвшись по бѣлу свѣту. Интересно сходство задачи, особое значеніе, какое дается чувству любви, незнакому въ такомъ именно смыслѣ традиціонному эпосу. Потому именно, что въ общественномъ развитіи наступила новая пора, явились тамъ и здѣсь и новыя задачи поэзіи и соотвѣтствующія формы выраженія: французскіе романы «бретонскаго» цикла и *romans d'aventures* слагаются пнымъ стихомъ, чѣмъ народныя *chansons de geste*, а одна группа бретонскихъ романовъ рано появляется и въ прозаическихъ пересказахъ.

Если припомнить, что Амадисы, которыми такъ увлекалась европейская читающая публика XVI и отчасти XVII вѣка, и по типу и по содержанію идеаловъ, лишь нѣсколько преувеличенному. являются прямымъ продолженіемъ «бретонскаго» цикла, то мы указали на одно теченіе, по которому шло въ Европѣ развитіе романа. Разрушительная критика Сервантеса не остановила движенія: тѣ-же излюбленныя темы — любви и куртуазіи, и военнаго подвига отражаются и въ придворно-героическомъ романѣ эпохи Фронды, которому суждено было наводнить Германію и, въ далекихъ отраженіяхъ, прошикнуть и къ намъ.

Другой точкой отправления для современнаго романа была итальянская новелла; вмѣсто рыцарской среды — среда итальян-

скаго города, съ ея богатой буржуазіей, развитой личностью и относительной сохранностью классическаго образовательнаго преданія. Эпоса здѣсь нѣтъ, его забыли еще до Виргилія, за то жива та *Lust zum Fabuliren*, которая характеризуется для среднихъ вѣковъ сборниками фабль и легендъ, восточныхъ рассказовъ и правоучительныхъ прикладовъ. Они и явились матеріаломъ для итальянской новеллы. Я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду создателя этого художественнаго рода — Боккаччо. Въ его пересказѣ ходячія темы преобразились въ нѣчто новое, типическіе образы прибаутки или умильной повѣсти приближаются къ характерамъ, характеры раскрываются передъ нами въ ихъ побужденіяхъ, надеждахъ, опасеніяхъ, ихъ обстановка содѣйствуетъ ихъ освѣщенію, какъ и стиль рассказа, строгій въ грустной феодальной легендѣ о Гризельдѣ, смѣющийся въ сказкѣ о веселой, беззаботной дочери царя *del Garbo*: тамъ замокъ и бѣдная деревня, здѣсь блужданіе по морямъ и доламъ, точно въ греческомъ романѣ, съ которымъ Боккаччо былъ отчасти знакомъ.

Такова итальянская новелла, одинъ изъ источниковъ новѣйшаго романа. Самъ Боккаччо сдѣлалъ къ нему приступъ въ своей *Fiammetta*'ѣ, повѣсти бѣдной дѣйствиємъ, наполненной анализомъ чувствъ любящей, оставленной женщины, колеблющейся между отчаяніемъ и надеждой, живущей воспоминаніями, жадно хватающейся за каждое слово, прислушивающейся къ каждому слуху о миломъ, чтобы снова чаять или опасаться. Въ *Fiammetta*'ѣ есть длинноты и свойственный Боккаччо приѣдающийся реторизмъ; тѣмъ не менѣе это — первая попытка психологическаго романа въ Европѣ, интересная и по своему біографическому матерьялу: авторъ рассказалъ намъ, подъ другими именами, исторію своей собственной любви, какъ въ XV в. Эней Сильвій взялъ сюжетъ своей латинской повѣсти о Лукреціи и Эвріалѣ — изъ романическихъ похожденій Гаспара Шлика съ одной сіенской горожанкой.

Послѣ Боккаччо волна новеллы течетъ неудержимо, пере-

ходя и за границы Италіи: итальянскія новеллы переводятся во Франціи и Германіи; Маргарита Наваррская имъ подражаетъ; повѣсти Грина всецѣло, «Euphues» Лилли отчасти, стоятъ подъ ихъ вліяніемъ, какъ и романы Вюкрама, въ которыхъ нѣмецкая критика тщится открыть самостоятельный зародышъ нѣмецкаго романа. — Когда съ половины XVI в. старые греческіе романы начали являться въ изданіяхъ и переводахъ на новые языки, участь этого рода въ Европѣ была уже упрочена и ему предстояло широкое развитіе: отъ «Амето» Боккаччо, «Аркадіи» Санназаро и «Діаны» Монтемайора — къ Астреѣ; отъ романовъ въ стилѣ *ricresco* къ реальному французскому роману половины XVII вѣка и Гриммельгаузену; отъ Амадисовъ къ Донъ-Кихоту, отъ салонно-героическаго *Grand Cyrus* и обратій къ тонкой психологіи *Princesse de Clèves M-me de la Fayette*. Я опустилъ изъ этой связи фантазиста Раблэ, какъ не думаю слѣдить за дальнѣйшими проявленіями этого рода въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, когда романъ становится почти общественной силой, любимой литературной формой, грозящей заслонить собою всѣ остальные, отвѣчающей на всѣ вопросы времени, но и обязанной постоять за себя передъ назойливымъ вопросомъ: въ чемъ его суть, его эстетическая законность, причина популярности?

Задача романиста — представить намъ идеальное изображеніе жизни, лучше сказать, извѣстной жизненной полосы въ образахъ и дѣйствіяхъ измышленныхъ имъ лицъ, исполненныхъ бытовой и психологической правды. Субъективный, какъ всякій человекъ нашего времени, онъ, очевидно, субъективно смотритъ и на жизнь и ея явленія: въ его герояхъ несомнѣнно присутствуютъ частицы его собственнаго «я», хотя, быть можетъ, и не въ исключительномъ смыслѣ Шпильгагена, отождествляющаго героя каждаго романа съ его авторомъ; то цѣльное пониманіе жизни, подъ тѣмъ или другимъ угломъ, которое составляетъ основу и фонъ его романа, опять-же его личное, которое другіе могутъ не раздѣлять, не принять, потому что личная художественная правда не всегда есть гарантія признанія. Поло-

женіе романиста не то, что у эпического пѣвца: герои не приходятъ къ нему сами, носимые народной симпатіей, и его міросозерцаніе не есть по необходимости общее: старая цѣльность нарушена. Шпильгагенъ горько сѣтуетъ о томъ:

«Современный человѣкъ, и то въ исключительныхъ случаяхъ, кончаетъ тѣмъ, съ чего начинаеть гомеровскій, проникаясь общимъ чувствомъ своего народа, пафосомъ своего времени; но и эта цѣль разумнаго семейнаго и общественнаго воспитанія дается лишь одному избраннику, сплнному духомъ! И какъ часто достигнувъ еѣ, онъ видитъ себя обманутымъ, видитъ или подозреваетъ, что то чувство было ложное, пафосъ не настоящій; что все это слѣдуетъ исправить, замѣнить чѣмъ нибудь другимъ; что ему самому суждена страшная доля снова вправить въ пазы вышедшій изъ нихъ міръ. — Не говорите, будто къ такимъ печальнымъ выводамъ, заключающимъ въ самихъ себѣ не кажущееся только противорѣчіе, приходятъ лишь помраченныя гамлетовскія натуры, неясныя поэтическія души. Есть и другіе люди, въ жилахъ которыхъ не течетъ ни капли меланхолической крови датскаго принца, совершенные антиподы сыновей Аполлона, съ трезвымъ пониманіемъ жизни, съ способностью къ практической дѣятельности. Между ними встрѣчаются исключительныя натуры, посвящающія, въ ясномъ сознаніи самихъ себя, все свои мысли, думы и стремленія, высокія дарованія и горделивую силу — на служеніе общему дѣлу: неустанно работая для его преуспѣянія, нерѣдко съ успѣхомъ, осуществляя на дѣлѣ давнишнія надежды и чаянія народа, онѣ вправѣ ощущать себя, какъ воплощеніе его воли. А развѣ не было замѣчено не разъ, развѣ не стало это какъ-бы общимъ правиломъ, что тѣ даровитые, роковыя люди въ концѣ блестящей карьеры жалуется на отсутствіе признанія у своихъ современниковъ? что они апеллируютъ отъ непоняшаго ихъ настоящаго къ болѣе разумному будущему, становясь лицомъ къ лицу съ задачей, напоминающей квадратуру круга: задачей — создать общее благо народа противъ желанія большей части этого народа?»

Таково положеніе современнаго героя-практика: очевидно, Лео изъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Но положеніе поэта-избранника ничѣмъ не лучше. Передъ живописцемъ сидѣлъ моделью — самъ Гёте.

«У него быстрый, пронизательный и, вмѣстѣ, спокойно-ясный взглядъ прирожденнаго наблюдателя; способность скоро и легко сочетать отдаленное съ ближайшимъ; глубокое, страстное влеченіе къ природѣ, къ жизни; неутомимая страсть разыскивать тайныя причины человѣческихъ дѣйствій въ вождельніяхъ, склонностяхъ людей; творческая фантазія, вступающая въ свои права, гдѣ кончается опытъ, и строящая идеальные выводы изъ тѣхъ нестройныхъ началъ, которыми часто всё ограничивается въ жизни». Однимъ словомъ, эпическій геній, какой рождается столѣтіями, не уступающій первому гомериду. Что онъ будетъ дѣлать? «Вѣчное море не баюкало его своимъ таинственнымъ пѣснопѣньемъ, съ берега не манила его, еще мальчика, спящая даль, грезы подвиговъ, и нѣтъ вдохновеннаго пѣвца, который повѣдалъ-бы пылливому юношѣ о дѣлахъ его народныхъ героев». У него нѣтъ ни народа, ни героев, будничная, буржуазная жизнь душитъ его, и онъ спасается отъ нея въ природу, съ Гомеромъ подъ мышкой; у него одинъ выходъ — «уйти въ себя и тамъ обрѣсти новый міръ». И онъ находитъ его и возсоздаетъ цѣною крови сердца, долгаго художническаго искуса, борьбы съ языкомъ: онъ пишетъ Вертера. И равнодушная публика проснулась противъ ожиданія, и у ней зазвучала гдѣ-то въ сердцѣ струна: автора превозносятъ, имъ зачитываются, молодые люди подражаютъ его костюму, несчастно-влюбленные дѣвушки, прежде чѣмъ броситься въ воду, прочтываютъ нѣсколько страницъ въ его романѣ. На голоса мелкихъ завистниковъ нечего обращать вниманіе: но вотъ раздается голосъ человѣка, стоящаго внѣ разчетовъ вражды и зависти, остроумнаго, знатока искуства, къ которому прибѣгаютъ въ художественныхъ вопросахъ, какъ къ высшему судѣ. А онъ говоритъ, что ни одинъ античный, т. е. настоящій, нормальный человѣкъ, не

сталь-бы чувствовать и дѣйствовать, какъ герой новаго романа; что авторъ, надо полагать, невѣрно понялъ Гомера, котораго его герой постоянно носитъ съ собою; что сентиментальный полу-свѣтъ, въ которомъ представляется его мѣръ, ничуть не напоминаетъ свѣтлое солнце Гомера, а то, что онъ называетъ мѣромъ, въ сущности — его мѣръ, который существуетъ для него одного и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не станетъ на болѣе высокую и свободную точку зрѣнія. Критика кончалась практическимъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Гёте: присоединить къ Вертеру двѣ-три новыхъ главы, новое окончаніе — и «чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше!» — Совѣтъ напоминаетъ такой-же, извѣстный, обращенный по адресу Апеллеса.

Характеристика современнаго романиста и его субъективнаго міра, въ сравненіи съ объективнымъ міромъ эпическаго пѣвца не можетъ не быть названа удачной. Причемъ только тутъ сравненіе съ Гомеромъ? Развѣ личный писатель нашего времени можетъ стать на его мѣсто, Гомеръ мыслимъ-ли въ положеніи романиста, не переставъ быть Гомеромъ? Вопросъ — для теоретиковъ романа.

III.

Первымъ сознательнымъ теоретикомъ явился Huet въ своей извѣстной книгѣ: *De l'origine des Romans* (Paris, 1670). Его обширная начитанность поставила его на историческую точку зрѣнія: исторія романа начинается съ грековъ, но въ средніе вѣка онъ сплывается для автора съ народною эпопеей — смѣшеніе, которому суждено было на долго остаться господствующимъ.

«Въ былое время, говоритъ Huet, подъ именемъ романовъ разумѣли не только прозаическіе, но и болѣе того романы, писанные стихомъ: Giraldi и его ученикъ Pigna въ своихъ трактатахъ *de Romanzi* имѣютъ въ виду лишь послѣдніе, указывая въ образецъ на Боярдо и Аріосто. Въ настоящее время преобладаетъ другое пониманіе, и мы называемъ романами фиктивными

изображенія любовныхъ приключеній, написанныя въ прозѣ и художественно, для удовольствія и поученія читателей. Я говорю о фикціяхъ, чтобы отличить ихъ отъ дѣйствительной исторіи; о любовныхъ приключеніяхъ, потому что любовь — главный сюжетъ романовъ. Они должны быть писаны прозой, чтобы согласоваться со вкусомъ нашего времени; написаны художественно и по извѣстнымъ правиламъ — иначе рассказъ будетъ нагроможденъ безъ связи и лишень красоты . . .

«Я не говорю здѣсь о стихотворныхъ романахъ, тѣмъ менѣе объ эпическихъ поэмахъ, также стихотворныхъ и существенно отличающихся отъ романовъ, хотя между ними есть и черты сходства и хотя мнѣніе Аристотеля, по которому поэтъ — болѣе поэтъ по изобрѣтенію, чѣмъ по своимъ стихамъ, позволяетъ причислить къ поэтамъ и писателей романа. Петроній считаетъ отличіемъ поэмы: широкое дѣйствіе, вмѣшательство боговъ, сильный и смѣлый слогъ, такъ что она производитъ впечатлѣніе скорѣе вѣщанія, исходящаго отъ боговъ, чѣмъ точнаго и вѣрнаго разсказа. Романы болѣе просты, менѣе возвышенны и образны въ изобрѣтеніи и выраженіи, поэмы болѣе чудесны, въ границахъ вѣроятности; въ романахъ вѣроятнаго больше, хотя встрѣчается и чудесное. Поэмы болѣе выработаны и правильны въ композиціи, въ нихъ менѣе событій и эпизодовъ; романы допускаютъ то и другое въ большемъ количествѣ, ибо, не будучи столь возвышенны и образны, они не на столько утомляютъ умъ, который получаетъ возможность наполняться бѣльшимъ количествомъ различныхъ идей. Наконецъ, сюжетомъ поэмы бываетъ военное или политическое дѣйствіе, о любви она говоритъ случайно, тогда какъ, наоборотъ, въ романахъ она — главный сюжетъ, а политика и война являются на второмъ планѣ».

Цветъ ведетъ начало романа съ востока и его извѣстной любви къ розказнямъ; но лишь въ рукахъ греческихъ писателей онъ получилъ впервые художественное значеніе. «Греки, въ такой степени усовершенствовавшіе бѣльшую часть наукъ и искусствъ, что ихъ считали ихъ изобрѣтателями, занялись и романомъ, дали

болѣе изящную форму тому, что на востокъ было грубо и безформенно, подчинивъ его правиламъ эпопей и собравъ въ одно художественное цѣлое тѣ разбросанныя, не упорядоченныя части, какія представлялъ предшествовавшій имъ романъ (?». Huet перечисляетъ его греческихъ представителей, между которыми особливо хвалитъ Геліодора; изъ позднѣйшихъ называетъ (псевдо-) Дамаскина, Евстація и Θεодора Продрома; характеризуетъ Апулея.

До первыхъ вѣковъ христіанства «искусство романа еще держалось въ нѣкоторомъ блескѣ; оно пало вмѣстѣ съ образованностью и имперіей, когда дикіе народы сѣвера привнесли свое невѣжество и варварство. До тѣхъ поръ романы писались ради удовольствія, теперь начали сочинять баснословные рассказы, потому что, не зная истины, не могли писать о дѣйствительности.» — Примѣрами у Huet являются безразлично — романы объ Артурѣ и Кругломъ столѣ и Карловинскія сказанія. Для современной Европы французы представляются обновителями романческаго рода.

Когда въ 1814 году Денлопъ (Dunlop) написалъ свою знаменитую *History of fiction*, переведенную впоследствии съ дополненіями Либрехтомъ, ему оставалось лишь наполнить схему историческаго развитія романа, начертанную его предшественникомъ; но для уясненія эстетической сущности романа и его поэтической законности за это время не было сдѣлано ни шагу впередъ. Въ томъ, что было писано по этому вопросу, замѣчается всюду тоже смѣшеніе романа съ народнымъ эпосомъ, кульминирующее въ изреченіи Смоллета (въ предисловіи къ его *Roderick Random*): «романъ, несомнѣнно, одолженъ своимъ существованіемъ невѣжеству, тщеславію и суевѣрію» (*Romance, no doubt, owes its origin to ignorance, vanity and superstition*).

Между тѣмъ факты продолжали бить въ глаза и нельзя было эстетической критикѣ не сосчитаться съ явленіемъ, которое грозило поглотить или устранить ея старыя построенія; съ романистомъ — этимъ «своднымъ братомъ поэта», какъ иронически

называлъ его еще Шиллеръ. И эстетика не заставила себя ждать: романъ, несомнѣнно, относится къ повѣствовательному роду, а во главѣ его стоитъ эпосъ съ его идеальнымъ выраженіемъ въ гомерическихъ поэмахъ или, лучше, поэмахъ Гомера, котораго Вертеръ всегда носилъ съ собою, которому Гёте хотѣлъ подражать въ своей буржуазной идилліи: Германъ и Доротея. Подражаніе вышло превосходное: тотъ же покойный горизонтъ, медленно, съ постепенными повтореніями развертывающійся рассказъ. та-же эпическая образность. В. фонъ Гумбольдтъ смѣшилъ обобщить впечатлѣнія этого новаго эпоса и гомеровскаго и даетъ намъ опредѣленіе эпопеи, до сихъ поръ продолжающее царить въ эстетикахъ, въ учебникахъ, и — у Шпильгагена, для котораго эпопея — «новѣствовательное поэтическое изображеніе человѣчества, на сколько послѣднее можетъ быть представлено извѣстнымъ народомъ въ извѣстную эпоху.» Это такъ же прозрачно, какъ скелетъ, съ котораго сорвали живое тѣло; такъ обще, что въ этомъ пустомъ пространствѣ помещаются, исчезая, и гомеровская поэма, и новелла Боккаччо, и романъ Золя. Ясно одно: что воспроизведеніе гомеровской поэзіи, какое позволилъ себѣ Гёте, возможно лишь подъ условіемъ выбора соответствующаго сюжета, простыхъ нравовъ и несложныхъ отношеній, допускающихъ и соответствующее выраженіе. Гёте совершенно цѣлесообразно выбралъ для этого деревенскую идиллію, за которой, гдѣ-то вдаль, пробѣгаетъ историческая волна; явилась она на авансценѣ, эпическій покой и объективная образность исчезли-бы, какъ призракъ. «Одинъ въ полѣ не воинъ» въ изложеніи «Германа и Доротея» также немислимъ, какъ гомеровскій образный языкъ и повторенія напр. въ Давидѣ Копперфильдѣ, идеалъ современнаго романа, по мнѣнію Шпильгагена.

Все это должно было быть яснымъ именно для него, такъ раздѣльно и характерно представившаго намъ коренное, историческое отличіе эпическаго пѣвца и современнаго поэта, цѣльнаго и — расторгеннаго міросозерцанія, безразличной объективности и страст-

наго субъективизма. — Чѣмъ объяснить послѣ этого постоянныя, обильныя ссылки на Гомера по поводу того или другаго вопроса, поднятаго теоріей романа? Тѣмъ, что самъ авторъ — субъективистъ, что правильная, историческая постановка взгляда на отношенія эпоса и романа не мѣшаетъ ему бессознательно вносить въ обсужденіе перваго критеріи, выработанные на почвѣ послѣдняго; что думая повѣрять себя вѣчнымъ Гомеромъ, онъ говоритъ о Гомерѣ — Шпильгагена. Сущность этого Гомера намъ не вполне ясна: что это — пѣвецъ или пѣвцы, пѣсни которыхъ объединились въ Илиадѣ или Одиссеѣ? Шпильгагену извѣстенъ такъ называемый «гомеровскій вопросъ», онъ говоритъ кое-гдѣ объ *интерполяціяхъ*. Для теоріи эпоса, стало быть, съ точки зрѣнія автора — и теоріи романа, это вопросъ не исключительно археологическій. Приведемъ примѣры.

У эпического пѣвца матеріалъ готовый: въ миѣѣ, въ языкѣ, въ приемахъ «сказительства», которые подсказываютъ ему и мастерство сщѣпленія одного разсказа съ другимъ, и умѣнье ввести эпизодъ. Всему этому современный поэтъ принужденъ обучиться самъ — и, надо полагать, Шпильгагенъ не укажетъ ему, какъ на типъ художественнаго эпизода, на длинный разсказъ Одиссея, вторгшійся въ поэму въ ея VII пѣснѣ (ст. 241—97) и отнявшій у ней впослѣдствіи IX-ую по XII-ую. Очевидно, муза здѣсь измѣнила пѣвцу, если не подшутила надъ нимъ — интерполяція. Разсказъ Одиссея о его приключеніяхъ Шпильгагенъ разсматриваетъ въ связи съ тѣмъ, что онъ называетъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, *Ich-roman*, т. е. ведущійся отъ лица героя. Дѣло легкое и, въ то-же время, трудное, ставящее автора въ тупикъ въ тѣхъ случаяхъ, особенно, когда герою слѣдуетъ разсказать своимъ читателямъ или слушателямъ объ обстоятельствахъ, которыхъ онъ не былъ очевидцемъ, о которыхъ не могъ и слышать. Приходится прибѣгать къ уловкамъ, въ родѣ слѣдующихъ. Одиссей разсказываетъ, что его спутники прикололи быковъ Геліоса, пока самъ онъ блуждалъ по острову или спалъ. Лампетія спѣшитъ къ Геліосу съ докладомъ; тотъ на Олимпѣ

съ жалобой безсмертнымъ богамъ и Зевсу, который обѣщаетъ отмстить оскорбленному. — Но какъ узналъ обо всемъ этомъ Одиссей, который ничего этого не видѣлъ и не слышалъ? «Все это слышалъ я отъ прекраснокудрой Калипсо, а ей повѣдалъ, говорила она, быстрый Гермій» (Од. XII, ст. 389—390). Такъ поясняетъ разскащикъ — «и съ какой, поди, серьезной миной, хитрецъ!» — замѣчаетъ Шпильгагенъ. Замѣчаніе вполнѣ понятное развѣ для какого-нибудь юмористическаго или комическаго романа, въ разсказѣ о небылицѣ въ лицахъ. Точки зрѣнія, очевидно, перепутались, потому что въ данномъ случаѣ не надо было ни напускной серьезности, ни хитроумной выдумки ни герою, ни пѣвцу эпоса, въ которомъ люди постоянно общаются съ богами. А что, если эта ссылка на Калипсо и Гермія, характеризующая будто-бы приемъ личнаго разскащика, не что иное, какъ неловкая интерполяция? Шпильгагенъ допускаетъ эту возможность.

Если постоянныя обращенія отъ романа къ Гомеру могутъ быть истолкованы, какъ уступка историческаго взгляда въ пользу личной теоріи, то мы не иначе отнесемъ къ двумъ главамъ книги Шпильгагена, трактующимъ о вопросѣ: Новелла или романъ? Романъ или новелла?

Дѣло въ томъ, что современная литература наводнена не только романами, но и «новѣстями», «разсказами», «новеллами», причемъ иная новелла — какъ будто романъ, тогда какъ другому роману лучше-бы назваться новеллой, повѣстью. Шпильгагенъ не доволенъ этой черезполосицей, принимаетъ дѣло къ сердцу, какъ будто оно идетъ о сути, а не о кличкахъ. Какъ романъ онъ мѣрилъ эпосомъ, такъ теперь находитъ нужнымъ установить особую эстетическую категорію, съ высоты которой и будутъ судиться романисты и новеллисты. Въ полку Гомера онъ ставитъ Боккаччо. его повелла будетъ образцемъ, типомъ всѣхъ послѣдующихъ. Опредѣленіе ея такое: она выводитъ на сцену уже готовые характеры, которые, столкнувшись, даютъ въ результатѣ исходъ, заранѣе опредѣленный ихъ сущностью; въ романѣ, наоборотъ, выступаютъ не готовые люди, а развивающіеся

въ той широкой жизненной обстановкѣ, которая является необходимой декорацией романа: здѣсь все дѣло въ развитіи, и конфликтъ не предусматрѣнъ, такъ какъ обусловленъ именно ходомъ развитія, можетъ видоизмѣниться подъ давленіемъ среды и т. п. — Если такъ, то почему не пооткровенничать и не назвать повеллами тотъ легіонъ французскихъ романовъ, которые въ сжатомъ введеніи рассказываютъ всю прансторію своихъ героевъ, чтобы вывести ихъ, уже готовыми для развязки, въ ту часть рассказа, которая одна, собственно, и можетъ быть названа романомъ? Шпильгагенъ предпочитаетъ бросить имъ презрительную кличку, не имѣющую стоимости этикетки: это не романы, а развѣ послѣднія главы романовъ. — Но если ужъ быть новеллѣ, какъ особо патентованному, литературному роду, то какъ помирить старинную новеллу, въ которой главный интересъ отданъ «особому сцѣпленію условій и обстоятельствъ», съ современной, обращающей вниманіе на «особенности данныхъ характеровъ»? Какъ понять примѣчаніе автора (стр. 47—8, прим.), что повелла — «основная форма всякой эпической поэзіи, снова выпадающей въ неё, какъ скоро замолкаетъ большая эпопея»?

Наши романы, повѣсти-повеллы пишутся прозой; эпосъ знаетъ лишь стихъ. «Это была драгоценная связь (Einband), безъ которой его листки разлетѣлись-бы въ теченіи его странствованій по ту и по сю сторону греческаго моря, развѣялись-бы, какъ негодная мякина. Стихъ былъ Аріадниной нитью для пѣвца, при помощи которой онъ могъ пускаться въ лабиринтъ своихъ пѣсенъ, рассчитывая выйти къ свѣту. Болѣе того: онъ сдерживалъ фантазію, принуждая её созерцать міръ и людей лишь въ свѣтѣ идеи, изображать ихъ идеально — потому что стихъ исключаетъ все прозаически-грубое и плоское, какъ чистая масса льда въ глетчерахъ не принимаетъ въ себя сора и щебня. — Гекзаметръ не допустилъ бы сказать даже о Церситѣ, что онъ схватилъ — насморкъ; мы скажемъ подобное не объ одномъ только Церситѣ, мы увидимъ нашихъ героевъ въ халатѣ и туфляхъ, не потому чтобы мы были неизлѣчимыми филистерами и прирожден-

ными камердинерами, а потому что мы — люди новаго времени. Мы иначе смотримъ на всё, чѣмъ древніе, видимъ дальше и ближе ихъ, видимъ такія ускользящія величины, которыхъ они не схватили-бы своимъ макроскопическимъ взглядомъ, если-бы онѣ и существовали въ ихъ время; а инныя изъ нихъ и не существовали вовсе. Дѣло въ томъ, что свѣтъ съ тѣхъ поръ расширился на столько, что мы болѣе не знаемъ, гдѣ стоятъ пограничныя столбы Геркулеса — или же знаемъ, что ихъ и вовсе нѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ этотъ сталъ богаче содержаніемъ, такъ богатъ, что тогдашняя точка представляется намъ теперь цѣлымъ міромъ. И не въ области одной лишь физической природы: въ насъ самихъ, въ нашемъ мозгу и сердцѣ снуется и создается цѣлый новый міръ мыслей и ощущеній, о которыхъ не чаяли гомеровскіе греки. И этотъ-ли широкій, богатый, безконечно разнообразный внѣшній и внутренній міръ возсоздать современному эпiku въ поэмѣ и пѣснѣ?»

Разумѣется — нѣтъ; не думали о томъ и греческіе романисты и средне-вѣковыя пересказчики бретонскихъ романовъ, писавшіе прозой — не потому, чтобы не вѣрили въ Геркулесовы столбы или усматривали въ каплѣ воды цѣлый міръ инфузорій, а потому, что ощутили себя чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ эпика, не разсказчиками стараго преданія, а изобразителями новаго, реального, либо того, что казалось реальнымъ. Замѣна старой формы новою обусловлена была измѣненіемъ содержанія, и новая удержалась на столько прочно, что теорія романа берется упрочить ея законность, подсказывая ей особое, трансцендентальное значеніе — въ уровень съ понятіями XIX-го вѣка.

Но она лучше сдѣлаетъ, если чаще будетъ прислушиваться къ урокамъ исторіи. Исторія поэтического рода — лучшая по-вѣрка его теорій: она сдѣлаетъ невозможными слишкомъ широкія, хотя бы и поэтическія обобщенія, укажетъ надлежащее мѣсто и тѣмъ блестящимъ, критическимъ замѣткамъ, которыми исполнена книга Шпильгагена, и удалитъ изъ «теорій романа» рѣдко, но рѣзко быющій въ глаза характеръ рецептуры. Намъ,

разумѣтся, любопытно бываетъ проникнуть вмѣстѣ съ поэтомъ, романистомъ въ тайники его мастерской, узнать напр. отъ Шпильгагена, что, приступая къ роману, онъ составляетъ вначалѣ послужные списки всѣхъ своихъ героевъ, съ ихъ паспортными примѣтами; что бѣльшая часть произведеній Тургенева навѣяна, по его собственному признанію, дѣйствительными жизненными фактами и живыми лицами, что измышленіе фабулы ему давалось не легко, почему Бѣлинскій находилъ въ немъ относительную слабость фантазіи и т. д. Всё это — матеріаль для характеристики внѣшнихъ пріемовъ того или другаго романиста; но мы никогда не узнаемъ тайну единенія автора съ его героями, заставившую напр. Тургенева плакать надъ послѣдними страницами своего «Отцы и дѣти». Процессъ личнаго творчества «покрытъ завѣсой, которой никто и никогда не поднималъ и не подниметъ.» (Шпильгагенъ); но мы можемъ ближе опредѣлить его *границы*, слѣдя за вѣковой исторіей литературныхъ теченій и стараясь уяснить ихъ внутреннюю законность, ограничивающую личный, хотя-бы и гениальный починъ.

I.

ХРИСТИАНСКІЯ ПРЕВРАЩЕНІЯ ГРЕЧЕСКАГО РОМАНА.

ЖИТІЕ КСАНТИППЫ, ПОЛИКСЕНЫ И РЕВВЕККИ.

Греческій романъ, поздній плодъ разлагавшейся языческой культуры, нашель въ христіанскую пору двойное отраженіе: чисто формальное — въ византійскомъ романѣ, идеальное въ небольшой группѣ памятниковъ, которое позволено объединить подъ названіемъ — романа христіанскаго.

Византійцы въ родѣ Эвстаѳія. Θεодора Продрома и Никиты: Евгеніана поняли своихъ предшественниковъ съ той, наименѣе существенной ихъ стороны, которой не для одного лишь Денлопа исчерпывается значеніе романа: со стороны «fiction». Они въ сотый разъ пересказывали ихъ сюжеты, разнообразя ихъ новыми именами и сочетаніями излюбленныхъ положеній. Новаго въ пониманіе жизни, что именно и составляетъ вкладъ старо-греческаго романа въ общее развитіе, они ничего не внесли: то-же изображеніе, не пониманіе любви, обставленное той-же, нѣсколько загрубѣвшей риторикой; тотъ-же общественный и религіозный кругозоръ, который христіанскіе писатели воспроизводили какъ нѣчто присталое къ ихъ сюжету, къ литературному роду, замѣ-

равшему въ ихъ подражаніяхъ. Нѣкоторое движеніе впередъ замѣчается и среди этихъ эпигоновъ романа, но оно не лежало въ сознаніи авторовъ и, можетъ быть, случайно, не имѣло будущности. Я разумѣю бѣльшій реализмъ въ изображеніи жизни, нерѣдко граничащій съ грубостью: припомнимъ у Продрома кривлянье и фокусы безстыжаго скомороха, у Евгеніана — пляску подгулявшей старухи. Въ связи съ этимъ стоитъ вторженіе народнаго стиля, конкретныхъ сравненій, любимыхъ народной пѣсней (напр. дѣвушки съ садомъ-виноградомъ и т. п.), плохо мирящихся съ напускнымъ шаржемъ другихъ частей изложенія. Одно шло изъ школы, другое изъ жизни, подсказавшей автору Каллимаха и Хрисоррою и новый сюжетъ — въ распространенной народной сказкѣ. Ничто лучше этого романа не доказываетъ, что для византійскихъ его представителей существеннымъ въ ихъ жанрѣ былъ именно внѣшній элементъ фикціи, баснословія, въ формахъ котораго укладывались старые, полупонятые идеалы. Иначе было на западѣ и именно въ эпоху, къ которой относятъ Каллимаха и Хрисоррою: является рыцарскій романъ, romans d'aventures и бретонскаго цикла, также съ сюжетами изъ народныхъ сказокъ и преданій, но съ идеальнымъ содержаніемъ, тогда-же назрѣвшимъ въ общественномъ и личномъ развитіи. Старыя сказочныя схемы одухотворились новыми вѣяніями; отсюда жизненность этого литературнаго рода, и далѣе примѣняющагося къ движеніямъ исторіи: отъ бретонскаго цикла къ Амадисамъ и далѣе къ героическимъ романамъ XVII вѣка. Византійскій романъ захирѣлъ именно вслѣдствіе архаичности своего идеальнаго содержанія, которому въ жизни отвѣчало лишь немногое. Не спасла его и стихотворная форма, въ которую онъ начинаетъ облекаться, въ противоположность къ прозѣ древняго романа: это было дѣломъ школьнаго приема, тогда какъ въ той-же формѣ рыцарскаго романа отзывался стихъ народныхъ эпическихъ *lais*.

Но обратимся къ собственно христіанскому роману и прежде всего — къ опредѣленію его понятія. Что такое — христіанскій

романъ? Chassang ¹⁾ включаетъ въ его область и апокрифы, особливо отреченныя Дѣянiя; Varing-Gould ²⁾, кромѣ того, цѣлый рядъ Жптiй. Для того и другаго изслѣдователя, стало быть, главное въ понятiи романа — *фикция*, что, само по себѣ, еще не отдѣляетъ его ни отъ эпоса, ни отъ сказки; ни тотъ ни другой не различаютъ сознательной *личной* фикции отъ традиционной и унаслѣдованной, составляющей объектъ общаго или мѣстнаго преданiя и вѣры, т. е. *моментъ эпоса*. Въ области апокрифа и христіанской, особливо мученической легенды его необходимо признать для *известной* норы развитiя; христіанскаго эпоса нельзя же искать въ Араторахъ и Ювенкахъ. Выдѣлить въ этой области *моментъ романа* — это, въ сущности, вопросъ стiля и литературныхъ приемовъ. Греческiй романъ выдвинулъ на первый планъ мотивъ *личной любви*; перепетiя любовниковъ поставили вопросъ о *судьбѣ, τύχη*, управляющей человѣческими дѣлами; перепетiя сводились къ приемамъ: *странствованiя, разлуки, похищенiя, спознанiя*. — Вопросы личной жизни и ея отношенiй къ верховному водителству поставлены были и христіанствомъ; всякiй разъ, когда въ какомъ-нибудь произведенiи христіанскаго характера эти мотивы совпадаютъ содержательно съ мотивами греческаго романа и выражаются въ его *формалъ* — позволено говорить о романческихъ приемахъ напр. Климентинъ ³⁾ — и жптiя, которымъ мы озаглавили это изслѣдованiе. Въ томъ-же смыслѣ понимаю я сближенiе «пасторали» и «робинзонады» греческаго романа — съ христіанской идеализацiей Ояѳаиды и чудесъ египетскаго отшельничества ⁴⁾.

1) Histoire du roman dans l'antiquité, стр. 234 слѣд.; сл. 263.

2) Early christian greek romances. въ Contemporary Review 1877 г., October, стр. 858 слѣд.

3) Слѣдующiя далѣе сообщенiя касаются греческаго текста Гомилiй, не поднимая вопроса объ ихъ отношенiяхъ къ Recognitiones.

4) Сл. Weingarten. Der Ursprung des Mönchthums im nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrgs. von Theod. Brieger, I B (1877), стр. 5—6, 26. 568—72

I.

Главное содержаніе старо-греческаго романа составляет любовь; любовь, плотская въ основѣ, обнимающая всё существо влюбленныхъ, все для нихъ освящающая въ мірѣ. И здѣсь всё въ правдѣ любовь, въ этомъ ея высшая законность; въ этомъ трансцендентальномъ ея пониманіи исчезаетъ плотскій мотивъ. понятіе *φιλία*: любящій — невольное орудіе какого-то всеобщаго, непререкаемаго начала.

Таковы руководящія идеи греческаго эротическаго романа, хорошо резюмированныя въ Климентинахъ отъ лица александрійскаго грамматика Аппіона. Климентъ-язычникъ томится сомнѣніями и вопросами вѣры, болѣетъ духомъ, ища истины; когда Аппіонъ спрашиваетъ его о причинахъ его недуга, онъ прикидывается влюбленнымъ безъ надежды на успѣхъ. Грамматикъ совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ помощи магіи, но его совѣтъ отвергнуть; тогда Аппіонъ обѣщаетъ написать отъ имени Климента посланіе къ его воображаемой милой, съ такими «похвалами прелюбодѣйству» (*φιλία εὐχόριον*), что ни одной женщины не устоятъ противъ нихъ.

Содержаніе посланія слѣдующее (Horn. V, гл. X—XIX). Привѣтствовавъ милую отъ имени Эроса, «древнѣйшаго между всеми младенца», влюбленный говоритъ: «Я знаю, что ты интересуешься философіей и по побужденіямъ добродѣтели стремишься подражать жизни лучшихъ мужей». — Кто-же эти лучшие, какъ не боги прежде всего, а въ людяхъ философы? Они одни знаютъ, какія изъ дѣяній добрыя или дурныя по природѣ, какія, не будучи таковыми, считаются такими по постановленію законовъ. Такъ нѣкоторые почитаютъ дурнымъ дѣломъ прелюбодѣйство, хотя оно во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее, ибо творится по велѣніямъ Эроса къ преумноженію жизни. Эротъ — древнѣйшій изъ всѣхъ боговъ; безъ Эроса нѣтъ смѣшенія и зарожденія ни стихій, ни боговъ и людей, ни неразумныхъ животныхъ, ни всего осталь-

ного. Всѣ мы — орудія Эроса; творя черезъ насъ, онъ *παντός τοῦ γεννωμένου ψυχῆς ἐπιδημῶν ἐστὶ νοῦς*. Оттого мы стремимся исполнить его волю не по своему желанію, а по его велѣнію. Желая по его волѣ и вмѣстѣ пытаюсь ограничить это желаніе въ угоду такъ называемаго воздержанія (*σωφροσύνη*) — развѣ мы не совершимъ величайшее кощунство, дѣйствуя наперекоръ старѣйшему изъ боговъ и людей? И такъ, пусть откроются передъ нимъ всѣ двери, отмѣнятся дурные законы, поставленные ревнивыми людьми Невозможно удержать Эроса, взыскивающаго души, ибо страсть любящихъ не произвольная. — Эти общія положенія поясняются разсказами о любовныхъ похожденияхъ Зевса, о богахъ, *μηδὲ τῶν ἀφρέμων τὰς μίξεις φυλάσσόμενον ὡς ἀισχυράς*; о наградахъ, которыми Зевсъ взыскалъ своихъ любовницъ и любовниковъ и ихъ ближнихъ; о мудрецахъ, подчинившихся велѣніямъ Эроса. Но къ чему терять время на новые примѣры? Довольно тебѣ, изъ боговъ, примѣра Зевса, изъ философовъ — Сократа; не огорчай любящаго тебя, ибо, совершая противное богамъ и героямъ, ты поступишь кощунственно и навлечешь на себя подобающее наказаніе; подражая богамъ, снищешь ихъ благодѣянія.

Получивъ отъ Анніона это письмо, Климентъ дѣлаетъ видъ, что отправилъ его по назначенію и получилъ отвѣтъ. — написанный имъ самимъ. Его онъ и показываетъ Анніону (Ном. V, гл. XXI—XXVI). Воображаемая милая отрицаетъ божество и главенство Эроса: если онъ вождельѣтъ по своему произволу, то самъ несетъ въ себѣ страданіе и наказаніе, и потому — не богъ; если же стремится къ соитію не по своей волѣ, то опредѣляющій его волю сильнѣе его. Любовь — не богъ, а вождельніе самаго любящаго, воспитываемое надеждою, умаляющееся отчаяніемъ (*ἀπογνώσει*); любовныя похождения боговъ придуманы людьми, чтобы прикрыть ихъ примѣромъ собственное распутство; да то и не боги, а тираны и маги, гробницы которыхъ и теперь еще видимы. И такъ Эротъ — не богъ, а животное вождельніе, внушенное творцемъ всего въ цѣляхъ продолженія жизни, дабы

человѣческій родъ не прекратился, а подѣ предлогомъ наслажденія пзъ сущности имѣющаго умереть произошелъ другой человѣкъ, и притомъ въ законномъ бракѣ, чтобы, познавъ своего отца, онъ питаль его въ старости, чего не въ состоянїи сдѣлать дѣти, рожденныя въ прелюбодѣянїи. Вотъ почему родители, озабоченные цѣломудріемъ (*σωφροσύνη*) своихъ дѣтей, должны наставлять ихъ въ немъ прежде чѣмъ наступитъ пора вождельній, сдерживая ихъ страхомъ закона и — раннимъ бракомъ.

Христіанскія воззрѣнія на любовь, проводимыя безыменной писательницей посланія, т. е. самимъ Климентомъ, развиваются далѣе въ рѣчи апостола Петра (Ном. XIII, сар. XIII слѣд.), настаивающаго на томъ, что «τὰ τέλη τῆς σωφροσύνης καλὰ, τὰ δὲ τῆς μοιχείας γαλέπᾳ». Поводомъ къ рѣчи является судьба Маттидіи, матери Климента. Братъ ея мужа воспылаль къ ней нечистою страстью; избѣгая грѣха, она говоритъ, что видѣла сонъ, повелѣвавшій ей удалиться на время изъ Рима съ двумя старшими сыновьями, Фаустомъ и Фаустиньяномъ; буря разбила ея корабль, надолго разлучила съ сыновьями, которыхъ она считаетъ погибшими, а сама она обречена влачить жалкое существованіе на одномъ рыбацкомъ островѣ. Перехваченные въ морѣ пиратами, проданные въ Кесарію какой-то Юстѣ, которая ихъ воспитываетъ, Фаустъ и Фаустиньянъ оказываются впоследствии учениками ап. Петра подѣ именами Аквилы и Никиты; мать встрѣчается съ ними нежданно, какъ передъ тѣмъ свидѣлась съ младшимъ своимъ сыномъ, Климентомъ, и еще свидѣтся съ мужемъ, который отправился еѣ разыскивать и теперь признанъ ею — въ лицѣ одного старика, работника. Вся семья, надолго раздѣленная, чудеснымъ образомъ собралась снова — любимая греческимъ романомъ ἀναγνώρισις, но съ своеобразнымъ объясненіемъ, которое даетъ ему ап. Петръ: это — плодъ и награда *σωφροσύνης*; еслибъ Маттидія поддалась паущеніямъ грѣха, ничего подобнаго не случилось-бы, ибо и добродѣтельный во всѣхъ другяихъ отношеніяхъ человѣкъ понесъ-бы подобающее наказаніе за преступленіе противъ цѣломудрія. Слѣдуетъ пространная

похвала цѣломудрой жены: она — блаженное наименованіе перваго творенія, когда единый Господь создалъ одному мужу единую жену; ея красота въ благоустроеніи души, ароматы — добрая слава, прекрасныя одежды — стыдъ; она не даетъ поводовъ нравиться кому-бы то-ни-было, кромѣ мужа, избѣгая общества юношей, сдержанная и относительно старцевъ, предпочитая честную бесѣду безпорядочному смѣху.

Μάρτυς Θεός, πολλοί νόμοι μοιχεῖα μία: таково общее заключеніе этого панегирика цѣломудрію, которое одно спасло-бы и язычника, еслибъ крещеніе не было необходимымъ условіемъ спасенія.

Μοιχεῖα и *σωφροσύνη* — такова на первыхъ порахъ противоположность языческой и христіанской любви, тамъ и здѣсь понятой какъ плотскій актъ, но ограниченный въ послѣднемъ случаѣ цѣлью — продолженія человѣческаго рода и границами библейской семьи. Дальнѣйшее развитіе, дошедшее до крайности особенно на почвѣ гнозы, будетъ — отрицаніе семьи, воздержаніе отъ половаго акта даже между супругами, какъ грѣховнаго, какъ «*ἡγοργία τοῦ θανάτου*», «*ὁ φραγμὸς ὁ σκοτεινός*», «*τὸ μεστόχυρον τῆς φθορᾶς*¹⁾»; наконецъ прославленіе дѣвственности, какъ состоянія близкаго къ святости. Образцы такого пониманія разсѣяны повсюду въ гностическихъ Дѣяніяхъ апостоловъ, особенно Дѣяніяхъ Θомы; но это — идеаль и большей части житій. Останемся лишь на одномъ изъ нихъ, потому что, если вѣрить мнѣнію Baring-Gould'a, оно представило-бы примѣръ особаго, въ своемъ родѣ исключительнаго взаимодѣйствія греческаго романа — и аскетическаго житія. Ахиллъ Тацій, жившій уже въ пору христіанства, разсказалъ намъ о приключеніяхъ Клитофонта и Левкиппы, въ обычномъ стилѣ языческаго романа, съ тѣмъ-же реальнымъ пониманіемъ любви, увѣнчанной послѣ долгихъ приключеній — бракомъ. Клитофонтъ и Левкиппа живутъ въ Финикии, въ Тирѣ;

¹⁾ Сл. отреченныя дѣянія ап. Филиппа у Tischendorf'a, Apocal. apocryph., Additamenta, p. 143; сл. его-же Acta apostolorum apocrypha, p. 80.

житіе свв. Галактіона и Эпистиміи ¹⁾ переселяетъ ихъ въ Эдессу и досказываетъ ихъ исторію: у нихъ нѣтъ дѣтей и они горюють о томъ; однажды пустынникъ Онуфрій, заставъ Левкиппу плачущей, спрашиваетъ её о причинѣ ея горя: мужъ недоволенъ ея бездѣтностью. Онуфрій обѣщаетъ ей потомство подъ условіемъ, чтобъ она крестилась; та соглашается и, когда оказалась беременной, обо всемъ извѣщаетъ мужа, который и самъ принимаетъ христіанство ²⁾. У нихъ родился сынъ, названный Галактіономъ по причинѣ бѣлоснѣжнаго цвѣта кожи. Когда ему минуло 24 года, отецъ женить его на красавицѣ Эпистиміи, именитой и богатой, но Галактіонъ рѣшилъ самъ съ собою — воздержаться отъ исполненія брачнаго долга, что и дѣлаетъ, не смотря на протесты и соблазны Эпистиміи, которая, убѣжденная имъ, въ свою очередь становится христіанкой и, вмѣстѣ съ мужемъ, мученицей. — Такъ на разстояніи одного поколѣнія идеаль *μουζία* смѣнился идеаломъ дѣвственнаго воздержанія.

Самъ по себѣ въ романическую тему онъ укладывался плохо; но онъ вызывалъ протесты, которые и выражались нерѣдко — въ приемахъ стараго романа. Дѣвственницъ, цѣломудренныхъ обыкновенно преслѣдуютъ представители языческой *μουζία*; Каллимахъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Іоанна доходитъ въ своей невоздержной страстности до посягательства на — тѣло бездыханной Друзіаны; всего обычнѣе похищенія и увозы, любимыя формулы стараго романа, и въ связи съ тѣмъ — переодѣванія, маскирующія роль красавицы. Такъ Поликсену увлекаетъ отвергнутый ею любовникъ, позднѣе энархъ; какіе-то дикіе люди посягаютъ на неё; ей дважды совѣтуютъ облечься въ мужское платье. Фекла (въ Дѣяніяхъ ея и ап. Павла) готова остричь себѣ волосы, чтобы свободнѣе слѣдовать за своимъ наставникомъ, какъ Маріамна, переодѣтая мужчиной, за своимъ братомъ ап. Фя-

¹⁾ Симеонъ Метафрастъ у Сурія, *Vitae Sanctorum*, 5 Novembris; сл. Baring-Gould, I. c. p. 871—2.

²⁾ Сл. въ Дѣяніяхъ ап. Іоанна, приписанныхъ Прохору, подобный-же эпизодъ о трибунѣ Василии и его неплодной женѣ Харигѣ, только что починъ обращенія принадлежитъ мужу.

липомъ (отреченныя Дѣянія Филиппа), какъ въ житіяхъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ подвижницъ и мученицъ, скрывающихъ свой полъ: свв. Евфросину и Анну, Сусанну, Марію и Евгению.

Новымъ мотивомъ можетъ показаться, что, въ сущности является лишь христіанской метаморфозой стараго.

Домогающійся или отверженный любовникъ обращался съ мольбою и приношеніями къ Эроту и Афродитѣ; но языческіе боги представлялись христіанину не только въ эвгемеристическомъ освѣщеніи Климентова посланія, а и чаще того — демонами, властвующими надъ человѣкомъ плоти, побуждающими его къ грѣху, къ *μοικεία*; къ нимъ и обращался любовникъ, отвергнутый христіанской дѣвственницей; магія — огрубѣвшій, въ формахъ народнаго фетишизма, языческій культъ. Аппіонъ совѣтуетъ мнимо-влюбленному Клименту прибѣгнуть къ магіи, ставя въ примѣръ самого себя: будучи еще юношей и безнадежно влюбленнымъ, онъ обратился къ египетскому магу, который научилъ его своимъ заклинаніямъ (*ἐπασιδῆν*); съ ихъ помощью онъ достигъ своей цѣли. Въ житіи св. Памкратія ¹⁾ язычникъ Элидъ воспылялъ страстью къ христіанкѣ Сергін; какой-то монтанъ даетъ ему «τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρῶσεων», «βιβλίον ἐπιρρομένων δαιμονικῶς ἔρωτος», по которой они вызываютъ демоновъ соблазна, оказывающихся на этотъ разъ беспильными. Такими оказываются они и въ легендѣ о магѣ Кипріанѣ, насылающемъ демоновъ на христіанку Юстину², и въ житіи св. Маріи Антиохійской и магѣ Μέγας²⁾; въ житіи Ксантиссы, Поликсены и Реввекки похититель Поликсены увлекаетъ её также при помощи демоновъ — въ Вавилонъ; но молитва дѣвственницы услышана: Петру, направлявшемуся тогда въ Римъ, было откровеніе о встрѣчномъ кораблѣ и томящейся на немъ душѣ; онъ молится, а демоны говорятъ магамъ, бывшимъ на суднѣ похитителя, что они не въ силахъ противустоятъ Петру и необходимо переменить

¹⁾ См. слѣдующую главу.

²⁾ Zahn, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage, p. 22 слѣд.; 129—130.

направленіе пути. Корабль пристаёт не къ Вавилону, а къ берегамъ Эллады.

Дѣвственница всюду торжествуетъ, охраняемая своей чистотой и силою ангеловъ; лишь въ эпизодѣ отреченнаго житія св. Василя Великаго, приписаннаго Амфилохію Иконійскому, помощь мага приводитъ къ браку, но и въ его формахъ преступное торжество *μουζεία* требуетъ очищенія и достигаетъ его — покаяніемъ ¹⁾.

Пониманіе любви радикально измѣнилось, а вмѣстѣ съ нимъ и понятіе красоты, столь существенное въ старо-эллинскомъ міросозерцаніи. наполняющее и древній романъ цѣлыми страницами восторженныхъ, иногда банальныхъ описаній. Чудеса классическаго искусства такъ глубоко обусловлены религіей, что это — явленія не дѣлимья; оттого останки художественной старины представляются демоническими, жилищемъ демоновъ ²⁾; не вызывая восторговъ, они еще только служатъ предметомъ какого-то страннаго любопытства: въ Климентинахъ (Ном. XII, гл. XII) спутники апостола Петра просятъ его посѣтить вмѣстѣ съ ними островъ Арадъ и посмотрѣть тамъ на двѣ стволы: два громаднѣйшія величныя виноградныхъ ствола и — какое-то произведеніе Фидіа (*ἐκβάντες δὲ τοῦ σκάφους εἰσῆλθον ἐνθα οἱ ἀμπέλινοι στῦλοι ἦσαν, ὁμοῦς ἅμα αὐτοῖς ἄλλος ἄλλο τι τῶν Φειδίου ἔργων ἐθεώρει*). — Физическая красота не только потеряла всякую цѣнность, но и заподозрѣна, какъ вызывающая нечистые помыслы; Христосъ былъ некрасивъ собою, доказывалъ Тертуліанъ (*De carne Christi*, сар. 9), а апостоль Павелъ такъ описывается въ отреченныхъ Дѣяніяхъ его и Феоклы ³⁾: онъ небольшого роста, плѣшивъ, съ кривыми ногами, крѣпкаго сложенія, съ сросшимися бровями и большимъ носомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полонъ благодати (*χάριτος*): Онисифору онъ представляется то человѣкомъ, то ангеломъ. — Ксаантина болѣетъ душой, но едва увидѣла незнакомаго ей

¹⁾ Zahn, l. c., p. 131—2.

²⁾ Сл. мои Разысканія II, стр. 31 (изъ житія св. Феодора Синаита).

³⁾ Сл. Tischendorf. Acta apostolorum apocrypha, стр. 41 слѣд.

Павла, какъ ея сердце забилося: у него тихая поступь человека, всегда готоваго включить въ свои объятія гонимаго; благоволеніе разлито въ лицѣ, обѣщающемъ уврачевать немощнаго; онъ такъ мило стиво озирается туда и сюда, какъ будто предлагаетъ помощь всѣмъ, бѣгущимъ отъ пасти змѣя. Онъ — врачъ души, единственный, который могъ-бы помочь больному рабу Проба.

«Павлу-же вступившу въ домъ Онисифора, рассказывается далѣе въ Дѣянїяхъ его и Феоклы, бысть великая радость и колѣнопреклоненіе и преломленіе хлѣба и Божіе слово о воздержанїи и воскресенїи, Павлу глаголющу: Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога; блаженны соблюдающіе тѣло въ чистотѣ, ибо съ ними будетъ бесѣдовать Господь; блаженны отрещіеся отъ міра, ибо они праведными нарекутся; блаженны имущіе женъ не въ жены мѣсто, ибо они избрали въ удѣлъ себѣ Господа; блаженны имущіе страхъ Божїи, ибо они будутъ какъ ангелы Божїе; блаженны блюдушіе крещеніе, ибо они успокоятся у Отца и Сына; блаженны милостивые, ибо они будутъ помилованы и не узрятъ дня страшнаго суда; блаженны тѣла дѣвственныхъ, ибо они угодны Богу и не утратятъ награду своей непорочности, ибо по слову Отца это дѣло будетъ имъ — дѣломъ спасенїя во дни его Сына, и они успокоятся во вѣки вѣковъ». Этимъ неслыханнымъ, откровеннымъ рѣчамъ внимала денно и ночью, не отходя отъ сосѣдняго окна, Феокла, дочь Феокліи и невѣста Тампрїя, и лѣкая отдавалась вѣрѣ, желая лицезрѣть ап. Павла, котораго до тѣхъ поръ она лишь слышала, но не видѣла. Замѣтивъ, что въ теченїи трехъ сутокъ дочь не отходитъ отъ окна, не ѣстъ и не пьетъ и, потерявъ всякій стыдъ, всё только слушаетъ лживыя, обманчивыя рѣчи пришельца, мать посылаетъ за женихомъ Феоклы и говоритъ ему: «Этотъ человекъ возмущаетъ всю Иконїю — и твою Феоклу; жены и юноши ходятъ къ нему и научаются страху Божїю и непорочной жизни; вотъ и дочь моя, точно паукъ, привязанный къ окну словами Павла, одолеваемая страннымъ желанїемъ и чудеснымъ влеченїемъ, вся

отдалась его рѣчамъ и подпала ихъ власти. Пойди къ ней и поговори: она вѣдь тебѣ обручена». Оамирисъ и мать идутъ къ ней, допрашиваютъ любовно о причинахъ ея страннаго поведенія, плачутъ; она даже не повернулась къ нимъ: она слушаетъ Павла.

Эта сцена у «окна» понравилась: въ легендѣ о Киприанѣ св. Юстина также заслушивается, сидя у окна, проповѣди дьякона Прапрія и горитъ желаніемъ свидѣться съ нимъ лично¹⁾; въ житіи Ксантиппы и сверстницъ Ксантиппа смотритъ изъ окна, томимая тайнымъ горемъ, когда видитъ шествующаго по стогнамъ города ап. Павла.

Не только измѣнился понятія любви и красоты, но переставилась и роли домагающагося и дарующаго. Клеандръ въ романѣ Никиты Евгеніана поетъ подъ окномъ Каллигоны вызывающую пѣснь реальной любви; въ христіанской легендѣ сама дѣвушка, женщина заслушивается изъ своего терема рѣчей, вѣщающихъ о дѣвственности и чистотѣ, отдается имъ всецѣло и готова слѣдовать за человѣкомъ, открывшимъ ей невѣдомый дотола миръ красоты, красоты убѣжденнаго слова, влекомая, какъ Оекла, *ἐπιθυμία καὶ καὶ πᾶσι δέουσα*.

Этого неяснаго и вмѣстѣ страстнаго чаянія, Sehnsucht куда-то и къ чему-то, переполняющей душу и вмѣстѣ съ тѣмъ не эгоистической, древній романъ не знаетъ. Стремленіе въ невѣдомую, баснословную даль находило выраженіе въ географическихъ романахъ и сказкахъ; но это далеко не то побужденіе, которое заставляетъ томиться и странствовать Климента и Киприана — въ поискахъ за истиной.

Климентины открываются признаніемъ: «Я, Климентъ, римскій гражданинъ, первую молодость провелъ добродѣтельно, такъ какъ съ дѣтства мои мысли обращались отъ похоти къ горю и печали. Миѣ присуща была дума, не знаю, откуда взявшая свое начало, что послѣ смерти меня не будетъ и никто меня не помянетъ, ибо безконечное время предастъ забвенію все и вся; что я не буду болѣе существовать, не зная сущихъ и не знаемый

¹⁾ Zahn, l. c., p. 21—2.

ими; что меня когда-то не было — и не будетъ. Созданъ-ли былъ міръ и что было до него? Если онъ былъ всегда, всегда и будетъ, если былъ созданъ, то пройдетъ. А за его гибелью что наступитъ — если не тишина и забвеніе? А можетъ быть, и будетъ что, о чемъ теперь невозможно и помыслить». — Это тоже состояніе «испытующаго», какъ у Василія Великаго, тревожимаго вопросомъ о томъ, что правитъ міромъ, *τιτι* или *ἀνάγκη*, и ищущаго разрѣшенія; и какъ онъ отправился въ Спрію и Александрію въ поискахъ за своимъ учителемъ и другомъ, философомъ Эвстаціемъ, такъ и Климентъ ищетъ отвѣта на свои сомнѣнія въ противорѣчіяхъ философскихъ школъ, готовъ даже поѣхать въ Египетъ и обратиться тамъ къ какому-нибудь магу, вызывателю душъ; его томитъ страшный вопросъ о безсмертіи душъ. Всѣ исканія напрасны, — когда распространяются слухи о Спасителѣ, его благовѣстїи и чудесахъ; о томъ всѣ толкуютъ, самъ Климентъ слышитъ въ Римѣ чью-то проповѣдь о немъ. Онъ рѣшается отправиться въ Іудею, но противный вѣтеръ заноситъ его въ Александрію, гдѣ онъ знакомится съ ученикомъ Спасителя, ап. Варнавой, слышитъ его рассказы о Христѣ и защищаетъ его отъ насмѣшекъ философовъ, или скорѣе, филологовъ (*ἐπιείκῃ φιλολογοὶ ἔστε καὶ οὐ φιλάληθεῖς φιλόσοφοι*). Онъ хотѣлъ-было уѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Іудею, но его задержали дѣла; черезъ нѣсколько дней онъ отправляется одинъ въ Кесарію, гдѣ, предупрежденный Варнавой, ап. Петръ принимаетъ его дружественно и приглашаетъ сопутствовать ему въ его проповѣдномъ хожденіи по городамъ и весямъ (Ном. I).

Признанія Кипріана¹⁾ представляютъ такой-же рядъ исканій и блужденій, приводящихъ нѣсколько инымъ путемъ къ той-же цѣли. Еще ребенкомъ посвященный Аполлону, онъ на седьмомъ году допущенъ былъ къ таинствамъ Митры; явившись въ Аѳины, гдѣ родители записали его гражданиномъ, онъ, еще десятилѣтній, несъ факель Деметры, сѣтоваль, облеченный въ бѣлыя одежды,

¹⁾ Zahn, l. c., p. 30 слѣд.

но Персефонѣ и прислуживалъ въ храмѣ Паллады. «Быль я и н Олимпѣ, который они называютъ жилищемъ боговъ, и былъ посвященъ въ звуки торжественныхъ рѣчей и высокопарнаго разсказа. Видѣлъ я тамъ деревья чарующаго свойства и злаки, дѣйствовавшіе, казалось, по наптію боговъ; позналъ смѣну времени года въ зависимости отъ смѣны вѣтровъ, и различіе дней подъ вліяніемъ противоположныхъ силъ. Видѣлъ я тамъ хоры демоновъ: одни пѣли, другіе воевали, третья строили ковы, чиня обманъ и смущеніе; видѣлъ я бранную силу cadaго бога и богини, пребывая сорокъ дней въ мѣстѣ, откуда, какъ бы изъ царской твердыни, высылаются на землю духи — творить каждый свое дѣло въ народахъ. Я питался лишь древесными плодами по заходѣ солнца; когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, семь гіерофантовъ познакомили меня съ дѣйствіемъ cadaго изъ нихъ, ибо родители мои сильно радѣли о томъ, чтобъ я позналъ все сущее на землѣ, въ воздухѣ и морѣ, и не только природное зарожденіе и погибаніе злаковъ, деревьевъ и тѣлъ, но и силы, которыя вселили въ нихъ, въ противоположность къ творенію Божію, князь сего міра».

Приведенный образчикъ можетъ служить характеристикой религіознаго синкретизма автора Кипріановой исповѣди, который и далѣе ведетъ святого отъ одной степени знанія къ другой, болѣе высокой и таинственной: съ Олимпа къ Аргосъ и Элиду, отъ Фригійцевъ и варваровъ къ таинствамъ Египтянъ и Халдѣевъ; вся доступная язычнику мудрость раскрылась передъ Кипріаномъ, самъ князь сего міра, дьяволъ, предсталъ ему во очію и принимаетъ его въ услуженіе. Силой его онъ творитъ чудеса, обѣщаетъ Агланду помочь ему овладѣть Юстиной, въ которую и самъ влюбляется; но крѣпость христіанской дѣвственницы обнаруживаетъ тщету его усилій — и того, что ему казалось знаніемъ. Полное знаніе раскрывается ему въ христіанствѣ.

Климентъ и Кипріанъ странствуютъ, влекомые жаждой истины; странствуютъ за своими наставниками святыя дѣвственницы, испытывая лишения, подвергаясь опасностямъ оскорбленія

и увоза. Къ мотиву странствованія, любимому древнимъ романомъ, присоединяется нерѣдко и столь-же популярный мотивъ признанія, *recognitio* людей близкихъ, на долго рѣзлученныхъ и сходящихся снова противъ чаянія. Такъ кончаются Климентины и житіе Ксантиппы, Поликсены и Ревекки. Въ той чертѣ, что Ксантиппа, избѣгая преслѣдованій деверя, ссылается, какъ на поводъ къ своему отъѣзду, на вѣщій сонъ, также сохранился романическій приемъ: блужданіе, несчастіе, но и будущія *recognitiones* героевъ часто предрекаются видѣніемъ, темнымъ пророчествомъ. Похищенная Поликсена сѣтуетъ, вспоминая, какъ Ксантиппа велѣла купить въ Римѣ за дорогую цѣну книги и вечеромъ, гадая по нимъ о судьбѣ сестры, вычитала то, что съ ней приключилось на дѣлѣ; вѣщяя была мать моя, назвавъ меня Поликсеной-многоскитальной, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, играя словами, какъ Геліодоръ именемъ Хариклеса = *χάρις* и *κλέος*. Вѣщее пророчество, сонъ, неизмѣнно опредѣляющій будущее — всё это сводится къ понятію судьбы, *τύχη*, существенной для міросозерцанія стараго романа; въ Климентинахъ она выражается словомъ *γένεσις*, лат. *genitura*, црквнослав. родъ, въ смыслѣ прирожденной человѣку доли, отъ которой нкуда не уйти (сл. Ном. XIV и XV).

Ап. Петръ креститъ въ морѣ мать Климента. Маттидію; всё возвращаются домой, лишь ап. Петра что-то задержало на пути. Вернувшись, онъ рассказываетъ, въ чемъ дѣло: какой-то старикъ-работникъ наблюдалъ за ними изподтишка, пока они совершали таинство; когда всё было кончено, онъ рѣшился выйти и подать свое наставленіе людямъ, которыхъ онъ видѣлъ совершающими погруженіе и моленіе, т. е. заблуждающимися; ибо «нѣтъ ни Бога, ни провидѣнія, но всё подвержено судьбѣ» (*οὐτε γὰρ Θεὸς ἔστιν, οὐτε πρόνοια. ἀλλὰ γένεσις τὰ πάντα ὑποκείται*); молишься-ли ты, или нѣтъ, ты все-же испытаешь долю, на роду тебѣ написанную (*εἴτε γὰρ εὐτυχῆ, εἴτε μὴ, τὰ ἐκ τῆς γενέσεως πάσχειν ἀνάγκην ἔχεις*), какъ испыталъ и я: я былъ богатъ, благочестивъ и милосердъ, а отъ судьбы (*τῆν πεπρωμένην*) не

ушелъ — и онъ рассказываетъ въ третьемъ лицѣ свою собственную исторію, которую Петръ уже знаетъ: это исторія Маттидіи, старикъ — ея мужъ, Фаустъ. Когда впоследствии признаніе совершилось и семья соединилась вновь, Петръ спрашиваетъ Фауста: что-же твоя вѣра въ родъ, въ долю? (*οὐκ οὖν ἔρω φέπεισαι νόν, ὅτι οὐ συνέστηκεν τὰ κατὰ τὴν γένεσιν*). Ей онъ противопоставляетъ вѣру въ божественное провидѣніе, *πρόνοια*: оно опредѣлило участь его семьи; еслибъ она оставалась при немъ, можетъ быть, ихъ слуха не коснулись-бы божественные глаголы; вотъ почему понадобилось и странствованіе, и кораблекрушеніе, и продажа въ рабство, и подозрѣніе въ смерти. Всѣ это нежданное сочетаніе событій въ виду высшей цѣли обнаруживаетъ руку *προмысла* (сл. Ном. IV, гл. XII; Ном. XII, гл. XXIV); въ скитаніяхъ и страданіи Поликсены ап. Павелъ усматриваетъ идею очищающаго *испытанія*: надо страдать, дитя мое, дабы познать Спасителя нашего Иисуса Христа. (сл. Ном. XV, гл. IX).

Новое, дотолѣ невѣдомое понятіе любви вступало въ права стараго; вѣра въ *τύχη, γένησις* расширилось въ представленіе промысла; осталась старая канва: странствованій, похищеній, вѣщихъ сновъ и нежданныхъ спознаній, остались традиціонныя приемы романа, на сколько они были совместиы съ новыми темами. Нигдѣ въ древнемъ романѣ не встрѣтишь такъ изящно построенной сцены признанія, съ такой сознательно проведенной *retardatio*, какъ въ Климентинахъ (Ном. XII): расчетъ на эффектъ, не переходящій въ сентиментальность, какъ въ сценѣ въ саду, въ житіи Ксаитины, напоминающей своимъ колоритомъ поэтическій эпизодъ первоэвангелія Іакова.

Ап. Петръ и его спутники посѣщаютъ островъ Арадъ; на пути встрѣча съ нищей, сидѣвшей на порогѣ дома. Почему ты не работаешь? спрашиваетъ апостоль. — Рукъ нѣтъ у меня, одинъ лишь образъ рукъ; я искусила ихъ съ тоски — и она рассказываетъ о себѣ. Вышла она замужъ за именитаго человѣка, у ней было трое дѣтей, но въ нее влюбился деверь; подъ предлогомъ вѣщаго сна

она удалилась на время съ двумя старшими сыновьями, буря настигла ихъ въ морѣ, и она одна осталась въ живыхъ, выброшенная на этотъ островъ. Она ищетъ тѣла своихъ дѣтей: женщины утѣшаютъ её разказами о своемъ собственномъ горѣ — но она не на столько зла, чтобъ утѣшаться чужей бѣдой. Одна бѣдная старуха, еще въ юности потерявшая мужа-моряка, приняла её къ себѣ въ домъ; она заболѣла, а у меня отнялись руки — я и прошу милостыни. — Петръ догадывается, что передъ нимъ мать Климента, только что рассказавшаго ему, что ему самому было извѣстно о судьбѣ его семьи. Въ это время подходитъ Климентъ: Я вездѣ искалъ тебя, говоритъ онъ Петру; что теперь станемъ дѣлать? — Тотъ велитъ ему пойти напередъ къ лодкѣ, а самъ спрашиваетъ нищую: пусть назоветъ себя и сыновей. Она даетъ ложныя указанія: будто она изъ Эфеса, ея мужъ изъ Сициліи. — Петръ недоумѣваетъ: Хотѣлъ было я порадовать тебя, думалъ, что ты та самая женщина, о которой я недавно слышалъ. — Она проситъ его досказаться: Неужели есть кто несчастнѣе ея? Петръ говоритъ, что у него есть ученикъ, сообщившій ему нѣчто подобное ея приключеніямъ. Услышавъ о томъ, нищая упала въ обморокъ; Петръ её поддерживаеетъ, успокоиваетъ; что съ нею? спрашиваетъ онъ её. Она вся опустилась, точно ошьянѣлая, но смутное чаяніе чего-то хорошаго возвращаетъ ей бодрость. Она третъ себѣ лицо, спрашиваетъ, гдѣ тотъ юноша?— Скажи мнѣ напередъ его имя. — Климентъ. — Это тотъ, кто не задолго говорилъ со мною. — Она бросается къ ногамъ Петра, проситъ его посидѣть къ лодкѣ. Онъ говоритъ: Когда увидишь его, будь спокойна, пока не покинешь острова. — Онъ ведетъ её за руку; увидѣвъ это, Климентъ улыбается, но изъ почтенія къ учителю, и самъ беретъ её за руку. Только что коснулся ея, какъ она вскрикнула и бросилась къ нему въ объятія, называя его сыномъ, осыная поцѣлуями. Климентъ не знаетъ въ чемъ дѣло, хочетъ оттолкнуть безумную, но удержался — ради Петра. — Что ты это дѣлаешь, сынъ мой Климентъ? говоритъ апостоль: вѣдь ты отталкиваешь — мать свою!

Напомню в заключеніи сходную сцену признанія въ житіи св. Ксенофонта¹⁾, напоминающемъ отчасти очертанія Климентинъ.

Въ Царьградѣ при дворѣ Константина Великаго жилъ набожный сенаторъ Ксенофонтъ; у него и жены его Марія было два сына, Иоаннъ и Аркадій, которыхъ они любили, какъ зѣницу ока. Когда они окончили свое воспитаніе дома, родители послали ихъ для усовершенствованія въ Беритѣ, знаменитый въ то время своей юридической школой²⁾. Сыновья отправились, простившись съ больнымъ отцомъ; черезъ нѣсколько дней буря разбила ихъ корабль, братья обнялись и поцѣловались, прощаясь на всегда. Волны разпесли ихъ: Иоанна выбросили неподалеку отъ одного монастыря, гдѣ принятый дружелюбно, онъ становится монахомъ; Аркадій, также приставшій къ берегу, идетъ въ Іерусалимъ, бѣдный, безъ средствъ для продолженія занятій; старый игумень побуждаетъ и его вступить на путь иночества. — Между тѣмъ, безпокоясь объ участи сыновей, родители послали въ Беритъ раба для поисковъ; онъ приноситъ вѣсть о гибели судна. Марія была дома одна: Господь далъ, Господь и отнялъ, да будетъ благословенно его имя! говоритъ она. Вечеромъ вернулся мужъ въ сопровожденіи слугъ, несшихъ факелы; ужинъ былъ накрытъ и онъ сѣлъ за столъ; видитъ, что жена опечалена, глаза полны слезъ. Онъ спрашиваетъ её, что съ нею; она перемѣнила предметъ разговора и черезъ нѣкоторое время, желая приготовить мужа исподоволь къ страшной вѣсти, говоритъ, что посланный ими рабъ находится уже на обратномъ пути. Ксенофонтъ вскочилъ изъ за стола въ сильномъ волненіи: Гдѣ-же посланный? спрашиваетъ онъ — Откуда-ты знаешь, что онъ уже здѣсь? Развѣ болѣзнь не могла задержать его на дорогѣ? — Но гдѣ-же ишьма? — Ты успеешь прочесть ихъ и завтра; а теперь поужи-

¹⁾ AASS. Jan. 26, Jan. III, p. 338—345.

²⁾ Объ юридической школѣ въ Беритѣ см. примѣчаніе К. Мюллера къ *Liber junioris philosophi in quo continetur totius orbis descriptio*, къ § 25. Сл. *Geographi graeci minores* v. II, p. 517 (= *Geographi latini minores* ed. Riese, p. 109).

най себѣ спокойно — А у самой слезы катились по лицу. Ксенофонтъ пристально посмотрѣлъ на неё и спросилъ глухимъ голосомъ: Здоровы-ли дѣти? — Она все рассказала. «Хвала Господу, даровавшему мнѣ столь разумную и сдержанную жену!» сказалъ онъ, подошелъ къ ней, поцѣловалъ и принялся утѣшать; у нея слезы полились теперь градомъ; сдерживать себѣ было не зачѣмъ. — Черезъ нѣкоторое время Ксенофонтъ и Марія рѣшаются отправиться въ Палестину, чтобы разузнать объ участи сыновей; въ Иерусалимѣ они встрѣчаютъ слугу, состоявшаго при нихъ и подтверждающаго вѣсть о кораблекрушеніи. Прошло три года въ поискахъ, когда неутѣшные родители зашли однажды въ монастырь, гдѣ пребывалъ Аркадій. Игумень догадывается изъ ихъ разказа, что одинъ изъ ихъ сыновей находится при немъ, а вѣсти, недавно до него дошедшія, позволяютъ ему заключить, что и другой обрѣтается въ другой обители. Ободривъ родителей, онъ велитъ имъ прибыть къ нему на Голгоѳу въ извѣстный день; пока онъ соберетъ необходимыя свѣдѣнія. — Случилось такъ, что Іоаннъ былъ въ то время въ Иерусалимѣ; пославъ за нимъ и побесѣдовавъ, игумень утверждаетъ въ своемъ подозрѣніи. Во время бесѣды вошелъ Аркадій. «Расскажи мнѣ о себѣ еще разъ, да по порядку», говоритъ игумень Іоанну; онъ рассказываетъ снова; услышавъ его повѣсть, Аркадій задрожалъ, протянулъ руки и упалъ къ ногамъ игумена со словами: Это — братъ мой! Іоаннъ призналъ его по голосу; по лицу они и не признали-бы другъ-друга, такъ измѣнила ихъ постычская жизнь. Братья въ умиленіи обнимаютъ другъ друга, а игумень совѣтуетъ имъ воздержаться: сейчасъ явятся ихъ родители, не повредила-бы имъ внезапная радость! Они пришли, подрыхлѣвшіе съ горя; ихъ глаза устремлены были на игумена: что-то онъ откроетъ имъ? На монаховъ они не обратили вниманія. Возрадуйтесь, дѣти мои, и восхвалите Бога! говоритъ старикамъ игумень: ваши дѣти нашлись: теперь отправьтесь домой и устройте пиръ, на который и я приду съ этими моими учениками, а послѣ обѣда приведу вамъ и вашихъ сыновей. — За столомъ сыновья едва сдерживаютъ свое волне-

ніе; разговоръ сводится къ восхваленію святой жизни иноковъ въ лаврахъ Палестины. Ксенофонтъ хвалитъ ихъ мирное житіе: счастливъ былъ-бы я, еслибъ мои сыновья взыскали эти юдоли спасенія и покоя въ тиши зеленыхъ луговъ. — Но вѣдь это лишило-бы тебя ихъ общества? замѣчаетъ игумень. — Это всё равно; я былъ-бы счастливъ, еслибъ хотя еще разъ увидѣлъ ихъ. — Коли такъ, то пусть скажетъ свое слово одинъ изъ этихъ монаховъ и повѣдаетъ намъ, почему онъ избралъ шоческій жребій. — Аркадій началъ дрожащимъ голосомъ: Я и братъ мой, здѣсь присутствующій, рождены были въ Византіи отъ добрыхъ христіанскихъ родителей; имя одному было Ксенофонтъ, другому Марія.... Признаніе, на долго задержанное, наконецъ совершается, заключааясь молитвой къ Господу, снова собравшему вкупѣ разлученныхъ.

II.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы старались охарактеризовать нѣкоторые изъ тѣхъ формулъ и приемовъ, развитыхъ на почвѣ греческаго романа, которые христіанскій писатель, прошедшій извѣстную школу и увлекаемый внѣшнимъ сходствомъ сюжета и положеній, безсознательно находилъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ. Въ этомъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ говорить о романическихъ чертахъ и въ житіи Ксантппы, Поликсены и Ревбеки, которое передаемъ въ извлеченіяхъ и краткомъ пересказѣ.

Βίος και πολιτεία τῶν ἁγίων καὶ ὁσίων γυναικῶν Ξανθίππης, Πολυξένης καὶ Ρεββέκκας, συγγραφῆς παρὰ Ὀνησίμου ἀποστόλου μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Παύλου.

Τοῦ μακαρίου Παύλου ὄντος ἐν τῇ Ρώμῃ διὰ τὸν λόγον τοῦ Κυρίου, ἔτυχεν τινα δούλον ἀνδρὸς βασιλικοῦ τῆς Σπανίας καταντῆσαι ἐν τῇ Ρώμῃ διὰ γράμματα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ καὶ ἀκοῦσαι τὸν λόγον τοῦ θεοῦ παρὰ Παύλου τῆς χρυσῆς ὄντος καὶ καλῆς ἀηδόνος. Κατανυγέντος δὲ σφόδρα τοῦ δούλου ἐκεينوῦ καὶ μὴ δυναμένου

προσπαραμείναι καὶ κορεσθῆναι τοῦ θείου λόγου δια τὸ ἐπειγασθαι αὐτὸν ὑπὸ τῶν γραμμάτων, μετὰ λύπης μεγάλης ὑπέστρεψεν εἰς τὴν Σπανίαν, καὶ μὴ δυνάμενος ἐκράναι τινὶ τὴν ἐπιθυμίαν αὐτοῦ δια τὸ εἶναι τὸν κύριον αὐτοῦ εἰδωλολάτρηγ. ἦν κατόδυνος ἀεὶ τῆ ψυχῇ καὶ στενάζων πάνυ· οὗτος δὲ ὁ δοῦλος ἦν ἐντιμος καὶ πιστὸς τοῖς κυρίοις αὐτοῦ. Χρόνου δὲ διηπτεύσαντος, ἤσθηναι ὁ παῖς καὶ ἐλεπύνετο τῆ σαρκί. καὶ προσεσχηκῶς αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ εἶπεν πρὸς αὐτόν· τί σοι γέγονεν, ὅτι οὕτως συμπέπτωκας τῷ προσώπῳ; Λέγει αὐτῷ ὁ παῖς· πόνος μέγας τυγχάνει, δέσποτα, ἐν τῇ καρδίᾳ μου, καὶ οὐδ' ὄλως δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι]. Λέγει αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ τίς ἐστὶν ὁ πόνος ὃς οὐ δύναται ὑπὸ τοῦ ἐμοῦ ἀρχιατροῦ θεραπείας τυχεῖν; Ἔφη ὁ παῖς· ἔτι μου ὄντος ἐν τῇ Ρώμῃ ὑπέμνησέν με ὁ πόνος οὗτος καὶ ἀνακλητικῆ αὐτοῦ συμφορᾶ. Λέγει ὁ κύριος αὐτοῦ· καὶ οὐκ ἔγνωσ τινὰς τούτῳ τῷ πένθει παραπεσόντας καὶ θεραπείας τυχόντας; Λέγει ὁ παῖς· ναί. Ἀλλὰ ποῦ ἐστὶν ὁ ἰατρὸς ἐκεῖνος; Ἐν τῇ Ρώμῃ κατέλιπον αὐτόν· ὅσοι τοίνυν ὑπὸ τοῦ ἰατροῦ περιωδεύθησαν καὶ διὰ τοῦ ὕδατος ὑπ' ἐκείνου διήλθον, ἔτυχον καὶ θεραπείας παραχρηῖμα. Ὁ δὲ κύριος αὐτοῦ εἶπεν· οὐκ ὀκνητέον μοι καὶ πάλιν πέμψαι σε εἰς Ρώμην, ὅπως ἰάσεως τύχης. Καὶ ἐν τῷ λέγειν αὐτοὺς ταῦτα, ἰδοὺ καὶ ἡ κυρία αὐτοῦ ὀνόματι Ξανθίππη, ἐπακροασαμένη τῶν λόγων τούτων καὶ μαθοῦσα τὴν περὶ τοῦ Παύλου διδασκαλίαν, λέγει· τί τὸ ὄνομα τοῦ ἰατροῦ ἐκείνου ἢ τί αὐτοῦ ἢ πρὸς ἄμυναν τοῦ τοιούτου πάθους θεραπεία; Λέγει ὁ παῖς πρὸς αὐτήν· Ἐπίκλησις ὀνόματος καινοῦ καὶ χρίσις ἐλαίου καὶ λουτρόν ὕδατος· ταῦτη οὖν ἐπιμελεία ἐγὼ ἑώρακα πολλοὺς ἀνιάτους ἔχοντας πόνους θεραπείας τυχόντας. Ταῦτα δὲ αὐτοῦ λέγοντος τὰ ἕξάνα τῶν εἰδώλων τὰ ἐν τῇ οἰκείᾳ ἰστάμενα ἤρξαντο ταραττέσθαι καὶ καταπίπτειν. Διενεύσατο δὲ αὐτῷ ἡ κυρία αὐτοῦ λέγουσα· Ὁρᾶς, ἀδελφέ, τὰ ἕξάνα τῶν εἰδώλων ταραττόμενα, πῶς οὐ φέρουσι τοῦ λόγου τὴν δύναμιν; — Ἀνέστη δὲ ὁ κύριος αὐτοῦ ὀνόματι Πρόβος ἀπὸ τοῦ μεσημβρίου ὕπνου, σκυθρωπὸς πάνυ· ὁ γὰρ διάβολος ἐτάραξεν αὐτόν σφόδρα τῆς γνώσεως τοῦ θεοῦ ἐλθούσης ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ· καὶ ἠρώτα τὸν παῖδα καθεξῆς πάντα. Καὶ ὁ μὲν παῖς προνοία θεοῦ ἀρρωστίᾳ συλληφθεὶς κατέλυσε τὸν ἀνθρώπινον βίον· Ἡ δὲ Ξανθίππη

ἀνιάτως πάνυ εἶχεν τὴν ψυχὴν περὶ ταύτης τῆς διδασχῆς, ὁμοίως δὲ καὶ Πρόβος ἐλυπεῖτο περὶ τῆς Ξανθίππης ὅτι ἦν κατατήκουσα ἑαυτὴν ἔκτοτε τῆ ἀγρυπνία καὶ ἐγκρατεία καὶ τῆ λαιπῆ σκληραγωγία. Ἀπελθούσα δὲ ἡ Ξανθίππη πρὸς τὴν κλίνην ἑαυτῆς καὶ ἀναστενάξασα εἶπεν· Οἴμοι τῆ ἀθλία, τῆ ἐν σκότει κατακειμένη, ὅτι οὐκ ἔμαθον τὸ ὄνομα τοῦ καινοῦ διδασκάλου ἵνα ἐπεκαλέσάμην αὐτοῦ τὴν εὐχὴν· καὶ τί εἶπω οὐκ οἶδα· ἐπικαλέσομαι τῷ ὀνόματι τοῦ θεοῦ αὐτοῦ· ἀλλ' οὐκ οἶδα τοῦ εἰπεῖν. Ὁ ὑπὸ τοῦ δαίμονος κηρυσσόμενος θεός, ὁμοίως σὺν ἐν ὑπονοίᾳ λέξω, ὁ τοὺς ἐν ἀόγῃ φωτίσας θεός καὶ τοὺς ἐν σκότει παιδαγωγήσας, ὁ ἐλευθέρων καὶ βασιλέων κύριος καὶ ὑπὸ δούλων ἀξίων κηρυσσόμενος ἐν ὄλω τῷ κόσμῳ, ὁ ὑπὸ ἀνθρώπων ἀμαρτωλῶν φωνούμενος ὡς ἀδελφός καὶ τάχιστα ὑπακούων, ᾧ οὐδὲ ἀρχάγγελοι ὕμνους ἀξίους ἀναπέμψαι ἰσχύουσιν, ὁ καὶ μὲ τὴν ταπεινὴν καὶ ἀναξίαν δειξάς τὸν σπόρον τὸν ἀεὶ ζῶντα καὶ μένοντα. λαβεῖν δὲ με αὐτὸν ἡ ἀγνωσία οὐ παραχωρεῖ· τάχιυον καὶ τα περὶ ἐμέ, δέσποτα, ὅτι σῶ θελήματι ἀκουστόν μοι σεαυτὸν ἐποίησας, καὶ τῆ σῆ εὐσπλαγγνία δειξόν μοι ἐμφανισμόν τοῦ κήρυκος σου πρὸς τὸ μαθεῖν με παρ' αὐτοῦ τὰ σοὶ εὐάρεστα. ναὶ δέομαί σου, ἐπίθε ἐπὶ τὴν ἀνοιάν μου ὁ θεός, καὶ φωτίσον με τῷ φωτί τοῦ προσώπου σου, ὁ μηδέποτε τινα παρορῶν τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλούμενων σε. — Λέγει πρὸς αὐτὴν Πρόβος ὁ ἀνὴρ αὐτῆς· Τί σκύλλεις σεαυτὴν, κυρία, ἐπὶ τοσοῦτον, καὶ οὐδ' ὄλωις γίνῃ πρὸς τὸ ἀναπαυθῆναι; Ἐφρη ἡ Ξανθίππη· Οὐ δύναμαι ἀναπαύ[εσθαι], ὅτι πόνος ἀνιάτος τυγχάνει ἐν ἐμοί. Ὁ δὲ Πρόβος εἶπεν πρὸς αὐτὴν· Καὶ τίς σοι ἐστὶν ὁ πόνος ἢ ἡ λύπη, ᾧ κυρία, ὅτι οὐ καταρκῶ ἐγὼ εἰς παραμυθίαν σου; πάντα γὰρ ὅσα περ ἡ βούλου μέχρι τῆς σήμερον ὑπούργησά σοι, καὶ νῦν τί ἐστὶν ὃ ἔχεις καὶ οὐκ ἀναγγέλλεις μοι; Λέγει αὐτῷ ἡ Ξανθίππη· Τοῦτο σε μόνον παρακαλῶ, κύριέ μου, ἄνεξ μοι μικρόν καὶ τὸ σήμερον μόνον καταμύνας σε καθευδῆσαι».

Провъ соглашается, лишь-бы унялась ея печаль, а она удалилась къ себѣ и продолжаетъ сѣтовать и печаловаться вслухъ. Слышнть это Провъ и, увидѣвъ еѣ на другое утро съ глазами, воспаленными отъ слезъ, снова проситъ еѣ высказать ему причину ея печали. Она успокоиваетъ его, «οτι οὐ μὴ σε βλάβῃ ἢ ἐμῇ

ἀδελμονία, ἀλλ' εἰ εὖρον χάριν ἐνώπιον σου, προσέλθε νῦν εἰς τὸν ἀσπασμὸν καὶ ἐάσον ἑαυτὴν πληροφροῦσθαι ὡς βούλομαι. . . . Καὶ ὑπακούσας αὐτῇ προῆλθε παρευθὺ τοὺς ἀσπασμοὺς ὑποδέξασθαι τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως· αὐτὸς γὰρ ἦν ὁ παρ' αὐτοῖς μέγας, ἦν δὲ καὶ γνωστὸς Νέρωνι τῷ βασιλεῖ. Καὶ καθίσας ἐν τῷ προσώπῳ αὐτοῦ λύπη πολλῇ ἐφαίνετο· ὅς, ἐρωτώμενος τὴν αἰτίαν τῆς λύπης παρὰ τῶν ἐξόχων τῆς πόλεως, ἔλεγεν αὐτοῖς εἰς πολλὰς καὶ ἀνυποστάτους αἰτίας ἐμπεπτωκέναι. Προῆλθεν δὲ καὶ ἡ Ξανθίππη ἐπὶ παράδεισον τοῦ ἐγκύψασαν αὐτὴν μετεωρισθῆναι πρὸς πληροφροίαν τοῦ ἀνδρός, καὶ ὄρα τὴν τέρψιν τῶν δένδρων καὶ τὸν διάφορον κελαδισμὸν τῶν ορνέων, καὶ στενάξασα λέγει· ὦ εὐπρέπεια κόσμου, ὃν γὰρ ἕως τοῦ νῦν ἐνομιζόμεν αὐτοματισμὸν εἶναι, νῦν ἐγνώκαμεν ὅτι ὑπὸ τοῦ εὐπρεποῦς εὐπρεπῶς ἐδημιουργήθη τὰ πάντα. ὦ ἐξουσία καὶ ἐξαιρέσις σοφίας, ὅτι οὐ μόνον ἐν ἀνθρώποις μυρίας γλῶσσας ἐνέθηκεν, ἀλλὰ καὶ ἐν ὀρνέοις διαφοροὺς ὠρίσε φωνὰς, ὡς ἐξ ἀντιφώνων καὶ ὑπηρεσιῶν ἡδυσθησάτους καὶ καταλυκτικοὺς ὑπὸ τῶν ἰδίων ἔργων ὑποδέχεσθαι ὕμνους. ὦ τερπνότης ἀέρων τὸν ποιητὴν ἀνεικαστὸν ὑποδεικνύουσα. 1) τίς μου τὸ πένθος εἰς εὐφροσύνην μετατρέψει; Καὶ πάλιν εἶπεν· Ὁ ὑπο πάντων ἀνυμνούμενος θεός, ὅς μοι ἀνάπαυσιν καὶ παραμυθίαν. Τούτων δὲ λεγομένων ὑπ' αὐτῆς, ἐπανῆλθεν καὶ ὁ Προβος ἀπὸ τῆς πλατείας εἰς τὸ ἄριστον, καὶ ὡς εἶδεν τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἡλλοιωμένον ἀπὸ τῶν δακρύων, ἤρξατο ἐκτίλλειν τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ, εἰπεῖν δὲ αὐτῇ τέως τι οὐκ ἐτολμήσεν δια τὸ μὴ ἐπικερασθῆναι ἐν τῇ θλίψει αὐτῆς ἑτέραν θλίψιν. Πορευθεὶς δὲ ἀνέπεσεν ἐπὶ τῆς κλινῆς αὐτοῦ καὶ στενάξας εἶπεν· Οἴμοι ὅτι οὔτε κἀν τέκνον παραμυθίαν ἔσχον ἐξ αὐτῆς, ἀλλ' ὀδύνην μόνον ἐπ' ὀδύνην κερδαίνω. οὐ πλήρεις εἰσὶ ὄσο ἐνιαυτοὶ ἀφ' οὗ συνεζεύχθη αὐτῇ, καὶ ἦδη ἀποστασίαν μέλετο. Ἦν δὲ πάντοτε ἡ Ξανθίππη ἀποσκοπεύουσα διὰ τῶν θυριδῶν εἰς τὰς πλατείας τῆς πόλεως· ὁ δὲ μακάριος Παῦλος, ὁ κήρυξ καὶ διδάσκαλος καὶ φωστὴρ τῆς οἰκουμένης, ἐξελθὼν τῆς Ρώμης κατήνησεν καὶ ἐν τῇ Σπανίᾳ κατὰ προνοίαν θεοῦ, καὶ ἐγγίσας τὰ προθυρα τῆς πόλεως, στὰς προσηύξατο καὶ σφραγίσας ἑαυτὸν εἰσήει εἰς τὴν

1) Сл. съ этимъ отрывкомъ Clem. Rom. III, гл. XXXIV.

πόλιν· Ἡ δὲ Ξανθίππη ὡς εἶδε τὸν μακάριον Παῦλον πρόως καὶ ὀμάλως βαδίζοντα καὶ πατρὶ ἀρετῆ καὶ συνέσει κεκοσμημένον, ἐτέρρθη πάνυ ἐν αὐτῷ καὶ ἐπαλλεν συνεχῶς ἡ καρδία αὐτῆς καὶ ὡσπερ ἐξ ἀπροσδοκίτου χαρᾶς συλληφθεῖσα λέγει ἐν ἑαυτῇ· Τί ὅτι πολυσταλεύτως πάλλαι μου ἡ καρδία ἐπὶ τῇ ὁράσει τοῦ ἀνδρός ἐκείνου; τί πρόως αὐτοῦ καὶ ὀμάλως ὁ περίπατος ὡς εἴ τις ἐκδέχεται διωκόμενον ἐναγκασθῆσαι; τί εὐμενὲς αὐτοῦ το προσώπων, ὡς εἴ τις θεραπευεὶ ἀσθενεῖς; τί εὐμορρῶς περισκοπεῖ ὧδε κάκεισε ὡς εἴ τις θέλει βοηθῆσαι τοῖς φυγεῖν βουλομένοις ἐκ στοματός ὀρακόντων; τίς δέ μοι καὶ ἀναγγελεῖ ὅτι τυγχάνει οὗτος ἐκ τῆς ποιμένης τῶν κηρύκων; εἴ ἦν μοι δυνατὸν, ἦθελον ἀψασθῆαι τοῦ κρασπέδου τῶν ἱματίων αὐτοῦ ἵνα ἴδω τὴν εὐμένειαν καὶ προσδεξίν αὐτοῦ καὶ εὐωδίαν. Ἐλεγεν γὰρ αὐτῇ καὶ τοῦτο ὁ παῖς ὅτι καὶ τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων αὐτῶν μύρων πολυτίμων εὐωδίαν ἔχουσιν. Ἦκουσεν δὲ ὁ Πρόβος τῶν ῥημάτων αὐτῆς καὶ εὐθέως ἐξεπήδησεν δι' ἑαυτοῦ ἐπὶ τὸ ἀμρόδιον, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς τοῦ Παύλου εἶπεν αὐτῷ· Ἄνθρωπε, ὅστις εἴ οὐκ οἶδα, πλὴν καταξίωσον ἐν τῇ οἰκίᾳ μου εἰσελθεῖν. Ἴσως γένηταί μοι πρόφασις σωτηρίας. Ὁ δὲ Παῦλος πρὸς αὐτὸν εἶπεν· Εὖ σοι ἔσται, τέκνον, ἐπὶ τῇ αἰτήσει σου· καὶ ἀπήλθον ἅμα πρὸς Ξανθίππην· ὡς οὖν εἶδεν ἡ Ξανθίππη τὸν μέγαν Παῦλον, ἀπεκαλύφθησαν αὐτῆς οἱ νοεροὶ τῆς καρδίας ὀρθάλλμοι καὶ ἀνέγνω ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ ταῦτα ἔχοντι ὡσπερ σφραγίδας χρυσᾶς· Παῦλος ὁ τοῦ θεοῦ κήρυξ. Τότε ἐξαλλομένη καὶ χαίρουσα ἔρριψεν ἑαυτὴν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ καὶ περιπλέξασα τὰς χεῖρας αὐτῆς κατεφίλει τὰς βάσεις τῶν ποδῶν αὐτοῦ καὶ ἔλεγεν· Καλῶς ἐλήλυθας ὧδε, τοῦ θεοῦ ἄνθρωπε, πρὸς ἡμᾶς τοὺς ταπεινοὺς, τοὺς μετὰ εἰδώλων εἰς εἰδῶλα ἀναστρεφόμενους

и т. д. — Павелъ великъ ей встать, говоритъ, что пришелъ сюда, посланный Христомъ: лишь силой заставилъ онъ ея подняться, а она сѣвшигъ принести ему золоченое кресло. Пробѣ ничего не пощмаеть, лишь удивляется ихъ бесѣдѣ: Павелъ успокоиваетъ ея страстную поспѣшность; Богъ все устроитъ со временемъ, говоритъ онъ ей: дьяволъ возбуждаетъ своихъ приверженцевъ противъ проповѣдниковъ слова Божія. Увѣренности Ксантиспы, что его молитва надъ Пробомъ прогонитъ отъ него злого духа, онъ

противопоставляетъ свой опытъ: узы и побои, которымъ онъ подвергался τῆ ὑποβολῇ αὐτοῦ καὶ ἐνεργείᾳ.

Между тѣмъ о прибытіи Павла узнали въ городѣ, и многіе изъ видѣвшихъ въ Римѣ его чудеса стекаются посмотрѣть на него. Проба это не нравится: его домъ — не гостинница; а Ксантиппа сѣтуетъ, что Павелъ удалится отъ нихъ καὶ ἡ ἐκκλησία ἀλλαχοῦ μέλει γενέσθαι. Εἶτα ταῦτα διανοομένη ἡ Ξανθίππη ἔθηκεν τὴν χεῖρα αὐτῆς εἰς τὸν πόδα Παύλου καὶ λαβοῦσα χροῖν, μετακαλεσαμένη τὸν Πρόβον, ἔθηκε τὴν χεῖρα αὐτῆς ἐπὶ τὸ στήθος αὐτοῦ καὶ εἶπεν Κύριε ὁ θεος μου, τὰ συμφέροντα ἐνθεοῦ ἐν τῇ καρδίᾳ ταύτῃ καὶ ὁ ἐμὲ τὴν ταπεινὴν ἐπιζητήσας ἀγνοῦσαν σε. Αἰσθανθεῖς δὲ ὁ Παῦλος τῆς προσευχῆς αὐτῆς καὶ αὐτὸς ἐσφράγισεν. Καὶ ἐπὶ ἡμέρας πλείους ἀκολούτως εἰσέρει ὁ λαός. — Пропадаютъ нещеленія, а Ксантиппа проситъ Павла окрестить еѣ, когда дьяволъ снова воздвигнулъ Проба, который Павла изгоняетъ изъ дома, а жену запираетъ ἐν κουβουκλείῳ.

Одинъ изъ именитыхъ мужей города, Филоθεѣй, приглашаетъ апостола въ свой домъ; какъ-бы Пробъ не учинилъ тебѣ какого-нибудь безпокойства изъ-за меня, говоритъ ему Павелъ. Καὶ ὁ Θεόθεος πρὸς αὐτὸν ἔφη Οὐχι, πάτερ, οὐδ' ὀλίως ὑποπίπτω αὐτόν, οὐ γὰρ ἐν ἄλλῳ τινὶ μεῖζων μου τυγχάνει, εἰ μὴ ἐν ἀξιώματι, καὶ τοῦτο τῶν γονέων τῆς Ξανθίππης ὑπὲρ ἐμὲ ὄντων. εἰ δὲ ἤξῃ ὁ Πρόβος πρὸς με, καὶ ἐν πλούτῳ καὶ ἐν πολέμῳ ὑπὲρ ἐκεῖνον τυγχάνω. — Павелъ переселяется къ нему; услышавъ о томъ, Ксантиппа радуется: Филоθεѣй убѣдигъ и ея мужа принять христіанство. Ночью, когда Пробъ заснулъ, отягченный виномъ, она, подкушавъ своихъ стражей, идетъ къ Павлу, принимаетъ отъ него крещеніе и успѣваетъ возвратиться, прежде чѣмъ Пробъ проснулся. Черезъ нѣсколько дней самъ Христосъ явился къ ней — въ образѣ Павла.

Между тѣмъ Пробъ видѣлъ страшный сонъ, велитъ поскорѣе позвать τοὺς σοφοὺς Βαιρανδὸν (далѣе: Βάρανδος) καὶ Γνωστέα; объявляя ему его видѣніе διεσάφησαν αὐτῷ ἐκεῖνοι περὶ τῆς βασιλείας τοῦ Χριστοῦ καὶ τοῦ σταυροῦ καὶ τοῦ βαπτίσματος καὶ τῆς ἀποστολῆς τῶν δούλων αὐτοῦ τῶν κηρυκτωντων αὐτόν, καὶ συνεβου-

λεύσαντο αὐτῷ πιστεῦσαι καὶ δεῦξασθαι τὸ τοῦ Παύλου βάπτισμα, καθὼς καὶ τῇ νυκτὶ ἐώρακεν. — Онъ посылаетъ ихъ посмотрѣть — жива-ли Ксанτίппа: вотъ уже двадцать девять дней, какъ она не принимала пищи. Они застаютъ ея славословящей Господа и бросаются ей въ ноги: пусть помолится и о нихъ, дабы и они приобщились къ Христову стаду. Ксанτίппа отсылаетъ ихъ къ Павлу; они идутъ, съ ними Ксанτίппа и Пробъ, и застаютъ Павла проповѣдующимъ. — На другой день Пробъ снова отправляется къ апостолу, который и креститъ его. На радостяхъ Ксанτίппа устраиваетъ у себя дома пиръ: всеъ веселятся и благодарятъ Бога.

Μετὰ δὲ τὸν πολυτέλευτον δεῖπνον ἐκεῖνον ἀναστάντες ἀπὸ τῆς τραπέζης ἀμρότεροι, ὁ μὲν Πρόβος ἀπῆλθεν πρὸς τὴν ἀκρόασιν τοῦ λόγου, ἡ δὲ Ξανθίππη ἀνεγίνωσκε τοὺς προφήτας ἐν τῷ κοιτῶνι αὐτῆς, ἀνακειμένης τῆς ἀδελφῆς αὐτῆς Πολυξένης. Ἠγάπα γὰρ ἡ Ξανθίππη τὴν Πολυξένην πολλὰ, ὅτι ἦν νεωτέρα ὑπὲρ αὐτὴν καὶ ὠραία τῇ ὄψει καὶ ὁ Πρόβος δὲ ἠγάπα αὐτὴν πάνυ. Ἀπελθούσης δὲ Ξανθίππης πρὸς τὸν Παῦλον, ἔμεινεν μόνη ἡ Πολυξένη ἐν τῷ κοιτῶνι διὰ τὸ τὴν τροφὸν αὐτῆς ἀπελθεῖν πρὸς Παῦλον μετὰ Ξανθίππης. Καὶ περὶ τὸ μεσονύκτιον ἀνὴρ τις δυνατός ἐν χρήμασι καὶ βοηθεία, εὐρών ἀνεωγμένας τὰς θύρας, εἰσελθὼν ἀρήρπασε τὴν Πολυξένην αὐτὴ δὲ μὴ εὐρίσκουσα πῶς διαφύγῃ, ἔλεγεν· Οἴμοι τῇ παραδεδομένη τῷ λοιμῶνι τούτῳ ἤκουσεν γὰρ παρὰ τινος ὅτι κατὰ τοῦ μνηστῆρος αὐτῆς ἐποίησεν μάχην, καὶ εἰς ἄμυναν καὶ λύπην αὐτοῦ σκοπήσας καιρὸν εὐθετον, ἔλαβεν αὐτὴν ἦν γὰρ ἀνὴρ ἀποστερητῆς καὶ ἀνήμερος πάνυ καὶ ἐξησχημένος εἰς τὸ κακὸν ποιεῖν. Λαβόντες δὲ αὐτὴν ἐξῆλθον ἔξω τῆς πόλεως, ἔλκοντες ἐπὶ τὴν θάλασσαν· αὐτῆς δὲ περιβλεπομένης ἔνθεν κάκειθεν, οὐκ ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτὴν. Καὶ στενάζουσα ἔλεγεν· Οἴμοι ἀδελφῆ μου Ξανθίππη, ἑπτακοσίους πλήρεις χρυσίνους ἐπεμψας εἰς Ρώμην καὶ βιβλίους ἐκομίσω ἵνα τὰ ἐμὰ δι' αὐτῶν προφητεύσης· ἐσπερας γὰρ ἀνεγίνωσκας· «κατενοσον εἰς τὰ δεξιά καὶ ἐπέβλεπον καὶ οὐκ ἦν ὁ ἐπιγινώσκων με· ἀπόλετο φυγὴ ἀπ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἐκζητῶν τὴν ψυχὴν μου». Καὶ ἰδοὺ συνήνητησάν μοι τῇ ἀθλίᾳ τα τῆς προφητείας σου λόγια. — Καὶ ὡς ταῦτα

ἔλεγεν, ἔφθασαν τὸν αἰγιαλὸν καὶ μισθωσάμενοι πλοῖον ὥρμουν ἐπὶ τὴν Βαβυλῶνα· εἶχεν γὰρ ἀδελφὸν τοπάρχην ἐκεῖσε ὁ ταύτην καθαρχίας. Ἀντέπνευσεν ἄνεμος ἐναντίος τοῦ μὴ πορευθῆναι αὐτοὺς δι' ἐκείνης· κωπηλατούντων δὲ αὐτῶν ἐν τῇ θαλάσῃ, ἰδοὺ καὶ ὁ ἀπόστολος Πέτρος ἦν παράγων ἐν πλοίῳ ἐπειγόμενος ὑπὸ ὄραματος γενέσθαι εἰς Ρώμην, διὰ τὸ ἐξελθόντος Παύλου ἐπὶ τὴν Σπανίαν εἰσελθεῖν ἐν τῇ Ρώμῃ πλάνον τινὰ καὶ μάγον ὀνόματι Σίμωνα καὶ λῦσαι τὴν ἐκκλησίαν, ἣν συνεστήσατο ὁ Παῦλος. Καὶ ἰδοὺ πορευομένου αὐτοῦ ἤκουσεν φωνῆς λεγούσης αὐτῷ οὐρανόθεν Πέτρε, αὐριον συναντήσῃ σοι πλοῖον ἐρχόμενον ἀπὸ τῆς Σπανίας, ἀναστὰς συνπρόσευξαι ὑπὲρ τῆς τεθλιμμένης ἐν αὐτῷ ψυχῆς. — Петръ молится, а демоны говорятъ магамъ, что были на кораблѣ, что имъ не подь силу бороться съ Петромъ и надо перемѣнить направление плаванія. Корабль пристаетъ, среди бури, къ Эладѣ, гдѣ въ то время находился апостоль Филиппъ. Велѣдствіе бывшаго ему откровенія онъ выходитъ съ народомъ на морской берегъ: судно пристало, всѣ бывшіе на немъ, измученные бурей, попадали на землю замертво; Филиппъ сдаетъ Поликсену на руки одному изъ своихъ учениковъ, а самъ идетъ, славя Бога. Между ученикомъ и похитителемъ Поликсены, оправившимся отъ морской болѣзни, заводится споръ: послѣдній находитъ поддержку въ одномъ родственникѣ, мѣстномъ Комитѣ (εὐρών ἐκεῖσε συγγενέα αὐτοῦ κόμητα) готовится дѣйствовать сплῶй (συναρχῶν χιλιάδας ὀκτώ); тотъ, кто пріютилъ у себя дѣвушку, хочетъ выйти навстрѣчу одинъ, λαβὼν τὸν ἐπευδύτην Φιλίππου, когда его извѣщаютъ, что она скрылась ночью. Онъ предается горю — что-то онъ отвѣтитъ апостолу? А между тѣмъ рабы говорятъ ему, что его домъ уже окруженъ большою толпою, καὶ οὕτε ἡ πόλις αὐτοὺς φέρει. Онъ хочетъ умереть: ἴσως καὶ ἐν τούτῳ πληροφρηθῆ ὁ δούλος τοῦ Χριστοῦ Φιλίππος, ἐπεὶ εὐρεθήσονται ὡς καταφρονήσας τῆς αὐτοῦ ἐντολῆς. Рабы готовятся бѣжать, покинувъ своего господина; опомнившись, они въ числѣ тридцати челоѣкъ выходятъ противъ враговъ со знаменіемъ креста и одеждой Филиппа: 5000 челоѣкъ избѣли, остальныхъ обратили въ бѣгство. Возвратившись

домой съ побѣднымъ славословіемъ, они находятъ хозяина по прежнему въ слезахъ и ободряютъ его.

Между тѣмъ Поликсена забрела εἰς ἐρήμους τόπους ὄρεων, εἴβλα и принялась сѣтовать; затѣмъ, снова пустившись въ путь και διελθοῦσα αὐχένιον μικρὸν ἐνέπεσεν εἰς ὕλην, σφόδρα θαλαίαν και μεγάλην; вошла въ пещеру львицы, ушедшей на ту пору за добычей. — Новыя жалобы Поликсены: ὦ μήτηρ ἐμή, πῶς προιδούσά μου τὴν ξενιτείαν Πολυξένην με ὠνόμασας; ἄρα τίς ἄλλος ἐνέπεσεν εἰς τοσαῦτας θλίψεις και συμφοράς; περι ἐμοῦ, ἀδελφὴ μου Ξανθίππη, ἀνεγίνωσκες λέγουσα: «εἰταλαιπώρησα και κατεκάμωθην ἕως τέλους», ἀλλὰ ταῦτα σοῦ ὀδυνομένης ἐρθέγγου, ἐγὼ δὲ ἐπὶ στρομνῆς ἀνεκείμην μηδ' ὄλωσ μεριμνῶσα περὶ τῶν κακῶν μου». — Настало утро и явилась львица; Поликсена заклинаетъ еѣ Богомъ ап. Павла не трогаеть еѣ, еще не удостоившуюся крещенія, и львица останавливается вдали, смотря на Поликсену, которая идетъ далѣе — на востокъ. Львица выводитъ еѣ изъ лѣсу; Поликсена молится о ней, чтобы она никогда не попадалась въ руки охотника — и та возвращается въ свое логовище.

Поликсена выходитъ на большую дорогу и плачетъ, не зная, куда ей идти; многіе проходятъ мимо, она ни къ кому не обращается; можетъ быть вспомнеть меня Богъ Павла, говоритъ она, рѣшаясь обратиться къ тому, кто почувствуетъ къ ней жалость. «Και ἰδοῦ παρῆγεν ὁ τοῦ Θεοῦ ἀπόστολος Ἀνδρέας πορευόμενος ἐκεῖνον τὸν τόπον, και ὡς ἤγγισεν τῇ Πολυξένη, εὐθὺς ἔδραμεν πρὸς αὐτόν. Και λέγει ὁ Ἀνδρέας: Μὴ ἐγγίσῃς μοι, τέκνον, ἀλλ' εἰπέ μοι, τίς εἶ και πόθεν; Και εἶπεν αὐτῷ ἡ Πολυξένη: Ἐγὼ μὲν, Κύριέ μου, ξένη εἶμι τῶν ἐνταῦθα, ὁρῶ δὲ τὸ πρόσωπόν σου χαρίεν και τὰ λόγια σου ὡς λόγια Παύλου, και ὑπολαμβάνω τοῦ αὐτοῦ σε Θεοῦ εἶναι. Ὁ δὲ Ἀνδρέας συνῆκεν ὅτι περὶ τοῦ ἀποστόλου λέγει και φησιν: Και ποῦ σὺ ἐπίστασαι τὸν Παῦλον; Ἡ δὲ εἶπεν: Ἐἰς τὴν πατρίδα μου εἰς Σπανίαν. Ὁ δὲ Ἀνδρέας λέγει πρὸς αὐτήν: Και πῶς σὺ ἐνταῦθα τυγχάνεις τῆς γῶρας πολὺ ἀφροστηκότης; Ἡ δὲ λέγει: Διὰ τὸ κακῶς αἰεὶ προσκεῖσθαι μου ἐν ταῖς ὑμῶν διδασκαλίαις. — Она проситъ апостола окрестить еѣ; они находятъ воду, и въ то

время какъ ап. Андрей молится надъ источникомъ, ἰδοὺ τις παρθένος ὀνόματι Ρεββέκα ἐκ φυλῆς Ἰσραὴλ αἰχμαλώτος ἀρχαῖσα ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ ἦλθεν τοῦ ὑδρεύσασθαι. По виду она заключаетъ, что Андрей изъ числа апостоловъ, преклоняется передъ нимъ и также просить окрестить τὴν αἰχμαλωτισμένην καὶ τρίτον πεπραμένην, τὴν ποτε ὑπὸ προφητῶν τιμωμένην, νυνὶ δὲ ὑπὸ εἰδωλοκρατῶν ἐνουβρίζομένην. — Апостоль, совершивъ надъ ними таинство, велитъ имъ не разлучаться; они хотѣли бы послѣдовать за нимъ, но онъ не допускаетъ того и идетъ своею дорогою. — Куда имъ направиться? Ревекка боится, чтобы ея не хватилась ея госпожа, Полксена совѣтуетъ идти въ горы — къ львицѣ. Καὶ ἤρξαντο ὀδεύειν· καὶ ἰδοὺ κατ' οἰκονομίαν Θεοῦ συναντῶσιν κτηνίτην, ὃς ἰδὼν αὐτάς λέγει· Ὑμεῖς οὐκ ἐστὲ τῆς χώρας ταύτης καὶ ὡς ὄρω οὐδὲν γήινων ἐπιφέρεισθαι. Κελεύσατε οὖν ἐκ τοῦ παιδὸς ἡμῶν ἄρτον φαγεῖν καὶ ἐν ἀργύριον λαβεῖν πρὸς τὸ μνημονεῦειν τοῦ παιδὸς ὑμῶν, ὅποτεν ἀγοράζετε ἄρτον. Καὶ σπεύσας καθείλεν τοὺς μαρσίπους ἀπὸ τῶν ὀνῶν, καὶ στρώσας ἐπὶ τῆς γῆς, ἀνέκλινεν τὰς παρθένους καὶ λέγει αὐταῖς· Ἐπειδὴ ὁ οἶνος ὃν βαστάζει ὁ παῖς ἡμῶν ὑπὸ Ἑλλήνων συνήχθη, εἰπατέ μοι ποίας πίστεως ἐστέ, ἵνα οὕτως καὶ ἀπολαύσωμεν. Ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἡμεῖς, ἀδελφέ, οἶνον οὐκ ἀπολαύομεν, ἐσμὲν δὲ τοῦ Θεοῦ Παύλου. Καὶ ὁ κτηνίτης λέγει· Ἐπὶ γῆς ἐστὶν ὁ Θεὸς οὗτος; Ἡ δὲ Πολυξένη ἔφη πρὸς αὐτόν· Ὁ Θεὸς πανταχοῦ ἐστίν, καὶ ἐν οὐρανῷ καὶ ἐπὶ γῆς. Ὁ δὲ κτηνίτης ἀκριβῶς θέλων μαθεῖν εἶπεν· Ἄρα καὶ αὐτὸς ὁ Παῦλος τοῦτον ἔχει τὸν Θεόν, τὸν ὑπὸ τοῦ Φιλίππου κηρυσσόμενον; Ἡ δὲ Πολυξένη ἐπιηνοῦσα ὅτι χριστιανὸς ἐστίν, λέγει· Ναί, ἀδελφέ, οὗτος ἐστὶν πάντων Θεός, ὃν κηρύσσουσιν Παῦλος καὶ Φίλιππος. Ὁ δὲ κτηνίτης ταῦτα ἀκούσας συνεχῶς ἐδάκρυεν· ἡ δὲ Πολυξένη εἶπεν· Ἄρα μὴ καὶ σὲ κατείληφεν ἡ προνοία τοῦ Θεοῦ, ὅτι οὕτως ἐδάκρυσας; Ἐφη ὁ κτηνίτης· Εἰ θέλεις μαθεῖν ὅτι ἐδάκρυσα, ἀκουσον τάληθῆ, οὐ γὰρ χρὴ ἀποκνηῆσαι τὰ περὶ Χριστοῦ ἐξαγγέλλειν· ἐγὼ ἐμαθητεύθην ὑπὸ Φιλίππου τοῦ ἀποστόλου Χριστοῦ καὶ ἰδὼν πῶς ἡ μέριμνα αὐτοῦ πᾶσα ἦν εἰς τοὺς πτωχοὺς, ἔλαβον εἴ τι εἶχον καὶ διεπώλησα, καὶ λαβὼν τὸ τίμημα ἠγοράζον ἄρτους καὶ οἶνον καὶ διεδίδουν αὐτὰ εἰς τὰς πόλεις τοῖς

θεομένοις. Ὡς οὖν ἐποίουν τοῦ[το] ἐπὶ ἰκανόν χρόνον ἐν τῇ πλησίον πόλει, εἰς τις λελωβήμενος ἔκραξεν λέγων· Οὐκ αὐτός δὲ ἐλάλει, ἀλλ' ὁ Σατανᾶς διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ· οὐδὲν θέλω, οὐ λαμβάνω τι παρὰ σοῦ, ὅτι χριστιανός εἶ. Καὶ ἐπανάστη μοι ὅλη ἡ πόλις καὶ ἐζήτουν με κρατῆσαι. Ἐτρεχον δὲ ἄλλος ἀλλαχοῦ, μέσον αὐτῶν πορευομένου μου, καὶ μηδενὸς ὀρώντος με. Ἐξελθὼν δὲ τῆς πόλεως ἔδωκα αἶνον καὶ δοξάν τῷ Θεῷ ὅτι οὕτως μου ἀντεποιήθη· ἠὲξάμην δὲ τῷ Θεῷ μου ἵνα συναντήσω τινὶ γινώσκοντι τὸ πανάγιον αὐτοῦ ὄνομα. ὅπως ταῦτα διηγησάμενος ἀνέσεως τύχω· οἱ γὰρ τῆς γῶρας ταύτης οὐδόλως βούλονται ἀκούειν τὰ περὶ Χριστοῦ, πλήρεις ὄντες ἀσεβεῖς καὶ ἀνάμειστοι κακίας. Παρακαλῶ οὖν ὑμᾶς, λάβετε καὶ ὑμεῖς ἐν νόμισμα παρ' ἐμοῦ, εἰ δὲ δοκεῖ, καὶ εἰς τοὺς ὄνους ἐπαναπά[υ]ητε. — Поликсена просить его проводить ихъ до морскаго берега, откуда онѣ могли-бы перебраться въ Испанію; пастухъ совѣтуетъ Поликсенѣ облечься въ мужское платье, чтобы кто-нибудь, прельстившись ея красотой, не похитилъ еѣ. Остановившись въ гостинницѣ, они на другой день продолжаютъ путь; καὶ ἰδοὺ παρήρχετο τις ἔπαρχος ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα πορευόμενος, ὃς ἰδὼν τὰς παρθένους ἐκέλευσεν ἀρπαγῆναι τὴν Πολυξένην ἐπὶ τὸ ἄρμα αὐτοῦ. Πастухὸς βῆκίτην за нимъ съ вошлями, но его отгоняютъ побоями; опечаленный, онъ идетъ къ апостолу Филиппу, которому всеъ рассказываетъ. Тотъ утѣшаетъ его: Поликсену онъ знаетъ, онъ отдалъ еѣ на попеченіе τινὶ ἀδελφῷ, который также былъ огорченъ ея исчезновениемъ, но онъ и его утѣшилъ: ничего съ Поликсеной не сдѣлается, διὰ γὰρ τῆς θλίψεως αὐτῆς καὶ ξενιτείας πολλοὶ ἐπιγνώσκονται τὸν Θεόν.

Между тѣмъ энархъ увелъ Поликсену въ городъ и заперъ еѣ ἐν κουβουκλείῳ, а Реввекку похитилъ одинъ изъ воиновъ, но она тайкомъ убѣжала εἰς τινὸς πρεσβύτιδος οἶκον ἧτις εὐμενῶς δεξαμένη τὴν παρθένον εὐ ἐποίησεν μετ' αὐτῆς: она успокоиваетъ сѣтующую Реввекку, которая рассказываетъ ей о себѣ и о Поликсенѣ. А та также печалится: οὖν ἔργων ἀκριβῶς πῶς φθονεῖ ὁ διάβολος τὴν παρθένον, и молится объ ея сохраненіи. Καὶ ἐπὶ αὐτῆς εὐχομένης, ἦλθον οἱ ὑπηρεταὶ τοῦ ἀπαρχαγεῖν αὐτὴν πρὸς τὴν κοίτην τοῦ ἐπάρχου.

χου; она уβѣждаетъ ихъ не трогать еѣ; вернувшись къ эпарху они докладываютъ, ὅτι ἡ παρθένος ἀπὸ τοῦ ροβου συνεσχέθη πυρετῶ λάβρω. Эпархъ велитъ оставить еѣ въ покоѣ; ночью Поликсену посѣщаетъ его сынъ; не страшись, говоритъ онъ ей, «οἶδα γὰρ ἀπὸ τῆς προσευχῆς σου ὅτι τοῦ οὐρανοῦ θεοῦ τυγχάνεις νύμφη· ἐγὼ γὰρ οἶδα τοῦτον τὸν θεόν, ὃς ὑπὸ οὐδενός νικάται ποτέ· ἀνὴρ γὰρ τις ἐνδοξὸς τῶ προσώπῳ ἐν Ἀντιοχείᾳ πρὸ χρόνων τινῶν ἐκήρυττεν τοῦτον τὸν θεόν. ὧ και παρθένος τις πιστεύσασα ἠκολούθει αὐτῶ και ἐκινδύνευσεν διὰ τὴν εὐμορφίαν αὐτῆς, ἧ ὄνομα Θέκλα, περὶ ἧς ἤκουσα πρὸς θηρία κατακριθεῖσαν. Ἐγὼ οὖν συνεχῶς ἠπέμιλλον πρὸς τὸν ἀνδρα, αὐτὸς δὲ ἐπιστημειωσάμενος εἶπεν μοι: Προσχεῖ σοι ὁ θεός, τέκνον. Ἐκτοτε οὖν χάριτι Χριστοῦ οὐκ ἀπῆειν εἰς τὰς θυσίας τῶν εἰδώλων, ἀλλὰ ποτέ μὲν ἀρρωστίαν προσποιούμενος, ποτέ δὲ και εἰς ἀσχυλίαις τινὰς ἑαυτὸν παρίστων. Ἐλεγέν μοι ὁ πατήρ μου: ὅτι ἐπειδὴ οὐ σπεύδεις εἰς τὴν θυσίαν τῶν θεῶν, διὰ τοῦτο οὐδὲ εὐρωστεῖς, μὴ ὦν ἅγιος τῶν θεῶν. Ἐγὼ δὲ ἔχαρον ἀκούων μὴ εἶναι ἅγιος τῶν θυσιῶν τῶν εἰδώλων. — (Того мужа онъ называетъ Павломъ). — Онъ велитъ Поликсенѣ облечься въ его одежду и послѣшить къ морю, куда и онъ придетъ, λαβὼν χρέματα. — Подслушавъ этотъ планъ одинъ изъ рабовъ и доноситъ эпарху; разгнѣванный, онъ приказываетъ бросить виновныхъ на пожраніе звѣрямъ; но выпущенная на нихъ львица припадаетъ къ ногамъ Поликсены и лижетъ ихъ. — Это чудо побуждаетъ эпарха и горожанъ увѣровать въ Бога Поликсены, которая говоритъ, что векорѣ явится къ нимъ ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος и наставить ихъ въ вѣрѣ. — Поликсена торопится отплыть въ Испанію; ἐμοῦ δὲ Ὀνησίμου πλέοντος ἐπι τὴν Σπανίαν πρὸς τὸν Παῦλον, ἐδέξαμην παρὰ Κυρίου ἀποκάλυψιν λέγουσάν μοι: Ὀνήσιμε, τὸ πλοῖον ἐν ᾧ συ εἶ νῦν, μέλλει καταπτῆν εἰς τὰ μέρη τῆς Ἑλλάδος, εὐρήσεις δὲ εἰς τὸν αἰγιαλὸν τοῦ λιμένος παρθένους δύο μετὰ και νεανίσκου ἑνός. Ὑπὸ ῥῆγῃσιν αὐτοῖς και διάσωσον πρὸς τὸν Παῦλον. — Онисимъ встрѣчаетъ на берегу Поликсену и Ревекку и эпархова сына, пекавщикъ судна. Они готовятся отплыть, но по волѣ Божіей ихъ задержала на недѣлю буря, а въ это время Лукій,

ученикъ ап. Павла, бывший съ Онисимомъ, проповѣдуетъ слово Божіе, вслѣдствіе чего увѣровали 20000 человекъ. — Когда настала удобная къ отплытію погода, эпархъ снова удержалъ насъ на недѣлю, говоритъ Онисимъ, пока не обратились къ истинной вѣрѣ все тамъ бывшіе. Πλευσάντων δὲ ἡμῶν ἡμέρας εἴκοσι πάνυ ἐκοπιάσεν ἡ Πολυξένη καὶ παρεβάλομεν εἰς νῆσον τινὰ χάριν ἀναπαύσεως. Καὶ ἰδοὺ ἄνδρες τινὲς ἄγριοι καὶ πεπ(ο)ρωμένοι καταβάντες πρὸς ἡμᾶς καὶ ἰδόντες τὴν Πολυξένην, παρεσκευάζαντο εἰς πόλεμον, χάριτι δὲ Χριστοῦ οἱ ἡμέτεροι ἀντιποιοῦμενοι τῆς Πολυξένης ἐνίκησαν αὐτούς· ἦσαν δὲ οἱ ἀλλόφυλοι ἄνδρες πλείονες καὶ δυνατώτεροι. Ἦ οὖν Πολυξένη φοβουμένη μὴ πάλιν αἰχμαλώτος γενηταί, ἔριψεν ἑαυτὴν εἰς τὴν θάλασσαν, ὃ δὲ κύβερνος ἤρπασεν αὐτὴν μηδὲν κακὸν παθοῦσαν. Ἐμβάντων δὲ ἡμῶν ἐν τῷ πλοίῳ ἐρύγομεν, ἦσαν γὰρ οἱ τόποι τραχυνοί (ркп. τραχεισῶν) καὶ κάθυλοι, καὶ ἐφοβήθημεν προσμεῖναι. — Черезъ 12 дней они прибыли въ Испанію; Павелъ ихъ привѣтствуетъ, Поликсена обвиняетъ его и говоритъ: εἰ μὴ ὅτι προέκαιτό μοι ἡ θλίψις αὕτη, ἐπεὶ ἐβλασφημησα ἂν σε· νῦν δὲ θέομαι καὶ ἰκετεύω μὴ παραδοθῆναι με ἔτι εἰς τιαύτας θλίψεις καὶ συμφοράς. Ὁ δὲ Παῦλος δακρύσας εἶπεν. Οὕτως ἡμᾶς θλιβῆναι δεῖ, τέκνον, ἵνα τὸν ἀντιλήπτορα ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐπιγνώμεν. Ἡμῶν δὲ τὰ γράμματα τῶν ἀδελφῶν ἀποδιδόντων τῷ Παύλῳ ὄραμῶν τις ἀπήγγειλεν τῇ Ξανθίππῃ τὴν παρουσίαν τῆς Πολυξένης. При видѣ сестры Кеантинна падаетъ въ обморокъ; прійдя въ себя, говоритъ, что въ теченіи 40 дней не выходила изъ дома и все молилась, чтобъ Господь сохранилъ дѣвственность Поликсены, которой похититель и женихъ принимаютъ крещеніе. Общая радость. По смерти Проба и удаленіи Павла въ Римъ три святыя жены ведутъ добродѣтельную жизнь, многихъ обращая на путь истинной вѣры, по кончинѣ прославленные чудесами.

III.

Житіе — Ксантиппы, Поликсены и Ревбеки пересказано нами по ркп. Московской Синодальной бібліотеки № CLXII (л. 259 recto слѣд. ¹⁾); см. о немъ Florez, España sagrada. III. Append. № 8 и Acta Sanctorum Sept. VI, a. d. 23 (въ числѣ praetermissi). Легенда объ обращеніи ап. Павломъ Ксантиппы и Проба, извѣстная автору житія ап. Петра и Павла, приписаннаго Симеону Метафрасту (Acta SS. Jun. t. V, p. 416 слѣд.), Митологію Василия (подъ 23 Сентября), Михаилу Глѣкъ (ed. Bonn, стр. 441) и, какъ мѣстное преданіе, въ Laminium и Libisosa, является единственнымъ въ Испаніи отзвукомъ повѣрья объ испанской проповѣди ап. Павла. О ней говоритъ Климентъ Римскій и фрагментъ Муратори, но уже Посланіе Иннокентія I къ Деценцію приписываетъ проповѣдь христіанства въ Италіи, Галліи, Испаніи, Африкѣ и Сициліи — исключительно ученикамъ ап. Петра и его наслѣдниковъ, а дѣянія втораго римскаго собора при Геласіи I утверждаютъ, что посѣщеніе Испаніи, предположенное ап. Павломъ, никогда не состоялось. Тогда какъ Григорій Великій (Moralia, l. XXXI въ концѣ) и статья, приписанная Исидору, De vita et obitu Sanctorum, говорятъ о немъ, другіе памятники о немъ умалчиваютъ, какъ то Breviarium apostolorum, laterculus apostolorum и Мартирологіи Геронима; лишь у Адона встрѣчается упоминаніе о путешествіи ап. Павла въ Испанію, но съ замѣткой: creditur. — Съ VII-го вѣка, когда водворяется представленіе объ ап. Іаковѣ, какъ просвѣтителѣ Испаніи, преданіе о такой-же роли ап. Павла было забыто. Можетъ-ли это служить къ хронологическому опредѣленію нашего житія, гдѣ это преданіе является еще въ силѣ? Метафрастъ, Митологіи

¹⁾ Мы пользовались спискомъ, сдѣланнымъ для проф. В. Г. Васильевскаго, приготовляющаго полное изданіе житія

и Глика могли почерпнуть свои свѣдѣнія изъ болѣе древняго легендарнаго источника ¹⁾).

Зависимость писателя житія, скрывшагося за именемъ Павлова ученика Онисима, отъ литературы отреченныхъ апостольскихъ Дѣяній, сказывается цѣлымъ рядомъ подробностей, но есть и прямое указаніе на Дѣянія ап. Павла и Токлы (см. выше стр. 59). Токла, прислушивающаяся у окна къ проповѣди апостола, напомнила намъ сходную сцену съ Ксантиппой. Ксантиппа — не дѣвственница, но ея отношенія къ мужу разработаны по типу сходныхъ положеній, излюбленныхъ гностическими актами, проповѣдующими воздержаніе супруговъ: какъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Тимоти Мигдонія отдалается отъ своего мужа Харизія, а въ житіи ап. Андрея у псевдо-Авдія Максимилла отъ Эгеата, такъ говоритъ Пробу Ксантиппа: *ἄνεξ μοι μισθόν και τὸ στήθερόν μου καταμόνας σε καθευδῆσαι*. — Явленіе Ксантиппѣ Христа въ образѣ ап. Павла — подробность стольже любимая гностической легендой, отвѣчаетъ такому-же видѣнію Токлы; въ отреченныхъ Дѣяніяхъ ап. Тимоти и Филиппа (въ Гіераполѣ) Христосъ не рѣдко является въ образѣ того и другаго апостола. — Львица, не трогающая Поликсены, напоминаетъ подобную-же сцену въ Дѣяніяхъ Токлы.

Компиляторскіе приемы автора житія лучше всего выразились въ попыткѣ ввести въ свой рассказъ, помимо ап. Павла, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ легенды, еще и ани. Петра, Филиппа и Андрея. О Петрѣ сказано только, что онъ направлялся въ Римъ, оставленный ап. Павломъ, и направлялся туда — съ цѣлью борьбы съ Симономъ. — Лукія, ученика ап. Павла, знаютъ *περίοδοι Βαρνάβα*. — Филиппа Поликсена видитъ въ Эладѣ; но кромѣ этого географическаго термина въ рассказѣ о немъ нѣтъ ничего общаго съ Отреченными Дѣяніями апостола именно въ Эладѣ. — Далѣе Поликсена идетъ *πρὸς*

¹⁾ Cf. Lipsius, Petrussage, p. 162; его-же: Die Apocryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden, II, n, p. 216—18.

ἀνατολάς и встрѣчается съ апостоломъ Андреемъ, шедшимъ въ «ту мѣстность». Какая мѣстность разумѣется — не ясно, какъ не ясно было, вѣроятно, и писателю житія: на Черномъ морѣ, — или въ Ахайѣ? ¹⁾ — Хорошенькій эпизодъ о милостивомъ κτηνίτης, конкретно понявшимъ заповѣдь милостины, снова указываетъ на кругъ гностическихъ Дѣяній, постоянно её проповѣдующихъ. Въ Прохоровскомъ житіи ап. Іоанна говорится о встрѣчѣ апостола съ какимъ-то калѣкой, предлагавшимъ прохожимъ раздѣлить съ нимъ его трапезу; онъ говоритъ о себѣ, что онъ здѣсь — чужой, искупаетъ страданіями свои и родительскіе грѣхи, и что ему доставляетъ удовольствіе оказывать помощь странникамъ. — Замѣтимъ въ бесѣдѣ κτηνίτης съ Поликсеной вопросъ, долженствовавшій обнаружить ея христіанство: предлагая ей вина, онъ съ умысломъ говоритъ, что добыто оно руками эллиновъ-язычниковъ, а Поликсена отвѣчаетъ, что ни она, ни Ревекка его не пьютъ — потому-ли, что оно эллинское, или по другой причинѣ, по которой воздерживались отъ него напр. и Энкратиты?

Но подробный разборъ житія Ксантинны, Поликсены и Ревекки со стороны его источника и исторической стоимости не лежитъ въ моей задачѣ, и не въ моихъ силахъ. Избравъ его предметомъ сообщенія, я хотѣлъ-лишь обратить вниманіе на струю романа, обусловившую инныя литературныя обработки житійныхъ сюжетовъ. Эта *литературная* сторона дѣла, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало обращала на себя вниманія при научной работкѣ житій. Они привлекали историка, особливо историка церкви, вызывая вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ текстовъ, ихъ сохранившихъ, о большей или меньшей достовѣрности данныхъ, ими представляемыхъ, или, наоборотъ, объ ея отсутствіи и богатствѣ народно-миѳологическаго содержанія, напр. въ легендѣ о св. Пелагій (Usener) и т. п. Но легенда не только историческій.

¹⁾ По Миѳологію Василия Поликсена наставлена въ истинной вѣрѣ ап. Павломъ; по удаленіи его изъ Испаніи, она отправляется ἐν Πατρῆσι τῆς Ἀχαΐας къ ап. Андрею, который и окрестилъ её.

а, для известной поры развитія, и *литературный фактъ*: она слагалась по известному образцу, допускала *реторическое развитіе*, обогащаясь общими мѣстами *житійнаго стиля*, привлекая къ себѣ изъ круга любимыхъ *чудесъ и видѣній* тѣ, которыя наиболѣе отвѣчали образу восхваляемаго святого или подвижницы. Такъ развивался, изойдя изъ простѣйшей пѣсни народно-историческаго характера, и свѣтскій феодальный эпосъ, параллельно съ величественнымъ эпосомъ христіанской легенды, такъ удачно охарактеризованнымъ Ренаномъ. Тамъ и здѣсь первичный фактъ принадлежитъ исторіи и непосредственному вѣрованію, но его идеализація совершалась въ области литературныхъ теченій. по приѣмамъ, которые полезно было-бы изучить совмѣстно.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНИ ВЪ АПОКРИФНОМЪ ЖИТИИ СВ. ПАНКРАТІЯ.

Память св. Панкратія тавроменійскаго значится въ римскомъ мартирологіи подь 3-мъ Апрѣля, подь какимъ числомъ болландисты собрали и разобрали тѣ данныя его біографіи, которыя представляются имъ достовѣрными. Въ греческихъ мнѣняхъ св. Панкратіи памятуется подь 9-мъ Іюля, и подь тѣмъ-же числомъ отреченное его житіе помѣщено въ сборникѣ 1023 года, которымъ мы пользуемся для слѣдующихъ сообщеній; въ вѣнскомъ списокѣ — подь 28-мъ Февраля. Житіе это извѣстно было Каэтану ¹⁾ и даже переведено для него Яковомъ Сирмондомъ, но онъ не пожелалъ его напечатать, какъ баснословное; въ бумагахъ Каэтана нашелъ этотъ переводъ Франческо Скорсо, издатель гомилій Теофана Керамея, и мы можемъ заключить изъ его краткихъ указаній, что бывшій у него въ рукахъ греческій текстъ житія, приписаннаго ученику и наслѣднику св. Панкратія, Эвагрию ²⁾, въ общемъ былъ сходенъ съ разбираемымъ далѣе. «Igitur narratur, Taurum quemdam nomine, Chananaeum, a Syris captum et mercatori Romano venditum in Calabria, ductum ad Renaldum (въ нашемъ текстѣ: Ρέμινδος) toparcham, cui uxor erat Maenaea Macedonissa; sed cum Renaldus in eo bello quod gessit

¹⁾ Онъ пользовался имъ въ своей Isagoge ad historiam sacram siculam, у Graevius, Thesaurus Antiquitatum et Historiarum Siciliae etc. Lugduni Batavorum. 1723, v. II, стр. 1 слѣд.

²⁾ Τῶν δὲ μικρῶν ἀποστόλων οὐδείς βίους ἀνεγράψατο κείως· ἔδοξε καὶ μοι . . . ἐρευνῆσαι καὶ ἐκλέξασθαι παρὰ αὐτοπτῶν καὶ θεοφόρων ἀνδρῶν τὰ περὶ τούτων. ἀπό τε Κλήμεντος Ῥώμης καὶ Εὐαγγρίου Σικελοῦ καὶ Ἐπιφανίου τῆς Κύπρου (монахъ Епифаній въ житіи ап. Андрея, сл. Eriphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 45).

contra Aquilinum, in Calabria regem, caesus esset, Maenaea Tauro nupsit. Mox Aquilinus rex copias contra Taurum eduxit; isque cum Maenaea conjuge in Siciliam profugit, ubi Tauromenium a conjugibus Tauro et Maenaea conditum est»¹⁾. Изъ двухъ авторовъ гомиліи, соединяемыхъ подъ именемъ Θεοφανα Κεραμεя²⁾, первый, жившій въ половинѣ IX вѣка³⁾, имѣлъ передъ собою ту-же редакцію житія, судя по упоминанію — Тавра и Μενειν, имена которыхъ онъ толкуетъ иносказательно. 'Ο ιερός ποιόνυ Παγκράτιος, καθώς ὁ τὰ κατ' αὐτόν ιστορήσας Εὐάγριος ἠκριβώσατο, ἀναπολήθην ὀρμώμενος, καί ὑπὸ τῶν ἱεροτελεστικῶν χειρῶν τοῦ κορυφαίου τῶν μαθητῶν ἀρχιερεὺς γεγονώς, ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ταύτῃ νήσῳ ἐκπέμπεται, καί πρὸς ταύτην τὴν πόλιν Ταύρου καὶ Μενείας περσιτηκῶς, πρότερον μὲν τὰ τῶν δαιμονίων ἐκκαθαίρει βδελύγματα, καὶ τὰ βέβηλα συντρίβει ἀγάλματα, ὧν ἐξόχως ἐτιμῶντο Φάλικων, καὶ Λύσσων, καὶ Σκάμανδρος. Εἶτα μετὰγει πρὸς τὴν εὐσέβειαν τὸν ἠγεμόνα τῆς πόλεως Βονιράτιον, θεῖους τε ναοὺς καὶ ἱερά δειμάμενος καταγώγια, καὶ πολλοὺς πρὸς τὴν ἀληθῆ πίστιν μεταγαγών, ἐπιστραγίζει μαρτυρίῳ τὸ τέλος.—Говоря далѣе о грѣховномъ мирѣ, онъ видитъ въ немъ πολλὰ μὲν τῆς πονηρίας τὰ πνεύματα, πυκνὰ δὲ τῆς ἀμαρτίας τὰ κύματα, ἀλλεπάλληλα τῶν πειρασμῶν τὰ βέυματα, ἅπερ καθ' ἡμῶν ἐγείρει ὁ νοητὸς ἄγριος ταῦρος, ὁ τὴν μανίαν σύνοικον ἔχων, καὶ πόλιν κτίζων ὑπὸ πονηρῶν ἐπιτηδευμάτων συνφκισμένην.... 'Ορᾶς τοῦ νοητοῦ ταύρου καὶ τῆς μανίας τὴν πόλιν, ἣν οἶκεῖν κατεκρίθημεν;⁴⁾.

1) Migne, Patrol. graec. t. CXXXII: Theophanis archiepiscopi Tauromenii in Sicilia cognomento Ceramei Homiliae etc. стр. 62.— Въ концѣ греческаго житія, переведеннаго для Каэтана, находилась приписка, въ которой кто-то, можетъ быть, переписчикъ, резюмировалъ имена языческихъ божествъ, встрѣчающихся въ житіи: Φάλικων ἐν τῇ παραλίῳ, Λύσσων ἐν τῷ τετραίππῳ, Διὸς ἐν τῇ οἰκίῳ 'Ελίδου σὺν τῷ εἰδώλῳ Σκάμανδρῳ. Ἡ θεὰ Ἄρτεμις Ἡρώνας θυγάτηρ πλησίον τῆς καταβάσεως τῶν ὑδάτων. Сл. I. с. p. 1001, прим. 17.

2) Сл. Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia I, p. 487 слѣд.

3) Иные относятъ его къ X-му вѣку, въ которомъ (послѣ 965 года) прекращается существованіе и греческой тавроменійской каедры. Сл. статью Архим. Арсенія: Θεοφάνης Κεραμεως, ἀρχιεπισκοπῆς Ταυρομενικῆς, Странникъ 1884 г., Май, стр. 3.

4) Migne, l. c. p. 1000—1.

Атагі¹⁾ относитъ проповѣдь, изъ которой мы заимствовали приведенный отрывокъ, ко времени Михаила II (820—829), и именно къ возстанію Евонмія (827); житіе Панкратія, которое имѣетъ въ виду проповѣдникъ и которое я считаю тождественнымъ съ Каэтановымъ и разбираемымъ далѣе, относится, стало быть, къ болѣе раннему времени, что подтверждается съ другой стороны и отсутствіемъ какихъ либо указаній въ немъ на сарацинскій погромъ (съ 827 года)²⁾. Что оно составлено было въ Сициліи и именно въ эпоху иконоборства — тому свидѣтельствомъ служить интересъ автора къ мѣстнымъ сициліанскимъ и южно-итальянскимъ отношеніямъ и особое, можно сказать чрезвычайное вниманіе, обращенное на почитаніе иконъ и смежныя съ нимъ вопросы. Интересно при этомъ замѣтить, что выставляя ихъ на первый планъ, авторъ житія ни словомъ не намекаетъ на какіе-нибудь вызванные ими протесты или преслѣдованія; можетъ быть, это молчаніе позволено истолковать какъ хронологическій признакъ: что житіе составлено въ періодъ преобладанія православія между двумя эпохами иконоборства, между 780 и 813 годами; либо въ самомъ началѣ иконоборческой эпохи, приблизительно до 730-хъ годовъ. За послѣднее предположеніе говорить, кажется, и тотъ фактъ, что главными противниками Панкратіевой проповѣди являются въ житіи — іудеи и монтаны, въ которыхъ, очевидно, нельзя видѣть «жителей горъ», какъ толковали другіе³⁾, а извѣстныхъ еретиковъ, противъ которыхъ, равно какъ и противъ евреевъ, обращены были первыя мѣры Льва Исаврянина: *τούτω τῷ ἔτει (α. Μ. 6214) ἠνάγκασεν ὁ βασιλεὺς τοὺς Ἑβραίους καὶ τοὺς Μοντανοὺς βαπτίζεσθαι. οἱ δὲ Ἰουδαῖοι ἀπροαιρέτως βαπτίζομενοι ἀπελούοντο τὸ βάπτισμα καὶ ἐσθίωντες μετελάμβανον τὴν ἁγίαν δωρεάν καὶ ἔχρανον τὴν πίστιν. οἱ δὲ Μοντανοὶ διαμαντεύσαντες ἑαυτοὺς καὶ ὀρίσαντες ἡμέραν εἰς ἧλθον*

1) I. c. I, p. 493—4.

2) Сл. Атагі, I. c. I, стр. 266.

3) Между прочимъ, еп. Порфирія, Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, ч. II, отд. I (1877), стр. 86.

eis tous orismenous oikous tēs plānēs autōn kai katēkaustan ēautous (Theophranis Chronographia, ed. de Boor, I, p. 401).

Для болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія послужить, вѣроятно, небольшой эпизодъ объ аvaraхъ, встрѣчающійся въ житіи. Сообщая въ краткомъ очеркѣ содержаніе послѣдняго, я укажу и на мѣсто, занимаемое этимъ эпизодомъ, разборомъ котораго думаетъ заняться проф. Васильевскій. Упоминаніе аваровъ указываетъ во всякомъ случаѣ, что ихъ имя еще не было забыто; они живутъ у Диррахія и Аопинъ: такъ показываютъ въ житіи авары, взятые въ плѣнъ Вонифатіемъ. Куда былъ направленъ его походъ — не видно; но когда въ другомъ мѣстѣ житія говорится о частыхъ бояхъ Тавроменитовъ у Диррахія, весьма вѣроятно, что и здѣсь подъ врагами слѣдуетъ разумѣть аваровъ. Монемавасійская хроника знаетъ ихъ въ Пелопоннезѣ между 580 и 805 годами; вставка въ лѣтопись, которую Ламвръ относитъ ко времени позже XIII вѣка, говоритъ, что ихъ опустошенія вызвали выселеніе грековъ изъ Пелопоннеза, между прочимъ въ Калабрію и Сицилію, и именно въ Val di Demona, т. е. въ мѣстность, откуда направился походъ тавроменитовъ противъ аваровъ язычниковъ ¹⁾.

Обращу еще вниманіе на географическій терминъ Калабріа, обозначавшій въ прежнее время область между Отранто и Бриндизи и лишь впоследствии перенесенный съ юговосточнаго полуострова Италиі на югозападный. Это второе обозначеніе, собственное нашему тексту, могло-бы служить къ его хронологіи, если возводить его употребленіе, какъ-то обыкновенно дѣлается, къ началу X-го вѣка; но уже въ посланіи римскаго синода 680 года къ VI-му вселенскому собору встрѣчаются подписи епископовъ Тавріаны (*Γεώργιος ἐλάχιστος ἐπίσκοπος τῆς ἀγίας*

¹⁾ См. Монемавасійскую хронику у Ламвра, *Ἱστορικὰ μελετήματα* (1884) стр. 97 слѣд.; сл. стр. 100: *καὶ ἡ μὲν τῶν Πατρῶν πόλις κατακίσθη ἐν τῇ τῶν Καλαβρῶν χώρα τοῦ Ῥηγίου . . . τότε καὶ οἱ Λάκωνες τὸ πατρῶν ἔδαφος καταλιπόντες ἐν τῇ Σικελίᾳ ἐξέπλευσαν κατακίδοντας ἐν τόπῳ καλουμένῳ Δέμενα καὶ ἀπὸ Λακεδαιμονίων Δερκινίται κατανορίζονται.* — О Демевѣ и Val Demone см. Amari, I. c. I, стр. 167 слѣд.

ἐκκλησίας Ταυριανῆς ἐπαρχίας Καλαβρίας), Vibo-Valentia' u (Βίβωνος) и Тропеп, какъ калабрійскихъ — въ указанномъ выше географическомъ смыслѣ ¹⁾).

Греческое житіе св. Панкратія еще не было издано по древнимъ спискамъ; объ одномъ вѣнскомъ говоритъ Ламбеціи (Comment. libr. VIII, p. 199 слѣд.); слѣдующія извлеченія и пересказъ сдѣланы по рукописи московской Синодальной библіотеки, № 15 in fol., 1023 года (л. 122 об. — 227 лиц.), причемъ привлечень былъ къ сравненію и вѣнскій списокъ, Cod. Ms. Hist. Graec. № III, ol. 11 ²⁾). Крпиферратскимъ текстомъ, особливо важнымъ по своей древности ³⁾, я пока могъ воспользоваться лишь отрывочно ⁴⁾, но и въ границахъ доступнаго мнѣ сравненія убѣдился, что онъ представляетъ, вмѣстѣ съ вѣнскимъ и описаннымъ далѣе славянскимъ, нѣсколько отличную *стилистически* рецензію, тѣмъ не менѣе восходящую къ одному, съ синодальнымъ

¹⁾ Сл. Rodotà, Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia, v. I, p. 29—31; Mansi, Conc. t. XVI, p. 139 слѣд.; Muratori, Rer. Ital. Script. t. X: De tabula chorographica medii aevi commentaria, sectio XXV, § 143, p. CCCV—VIII.

²⁾ Рукопись содержитъ минологіи за Февраль; житіе св. Панкратія начинается съ л. 267 recto, ab. Inc.: Βίος καὶ πολιτεία καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ ἱερομάρτυρος Πανκράτιου. Ἐγένετο μετὰ τὸ ἀνακληθῆναι τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦ εἰς τοὺς οὐρανοὺς καὶ καθεσθῆναι ἐν δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς ὅθεν οὐκ ἐχωρίσθη, ἦλθον οἱ ἄπόστολοι οἱ αὐτοῦ μαθηταὶ ἀπὸ τοῦ ἔθους τοῦ καλουμένου Ἑλλαῖνος εἰς Ἱερουσαλὴμ. — Вѣнскій списокъ цитруется далѣе какъ W. — На другія рукописи греческаго житія: крпиферратскую (о ней см. въ текстѣ), ватиканскую и мессинскую (S. Salvatoris Messanae) указываетъ Di Giovanni, Codex diplomaticus Siciliae, t. I (1743 г.), стр. 358 и въ приложенной къ изданію Dissertatio I De primaria institutione Ecclesiae Siculae.

³⁾ Въ недавно вышедшемъ описаніи рукописей Grotta Ferrata'ы рукопись отнесена къ X—IX вѣкамъ (Сл. Codices Cryptenses, seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano, digesti et illustrati cura et studio D. Antonii Rocchi, Romae, 1884, p. 145—6, series tertia, cod. quintus: B, β. γ'); въ письмѣ ко мнѣ о Рокки опредѣляетъ ее X-мъ.

⁴⁾ Благодаря любезному посредничеству А. М. Гезена и благосклонности его Высокопреосвященства кардинала Питрѣ, я получилъ отъ о. Рокки, нынѣ блюстителя Гроттаферратскаго аббатства, отрывокъ интересовавшаго меня текста, приблизительно отвѣчающій половинѣ напечатаннаго мною эпизода о Таврѣ и Мевіи. Я надѣюсь въ ближайшемъ будущемъ издать соответствующій отдѣлъ житія по гроттаферратскому списку.

спискомъ, оригиналу. — Изъ греческихъ текстовъ мнѣ еще извѣстенъ помѣщенный въ Βιβλος καλουμένη Καλοκαιρινή ἐν ᾗ εἰσι γεγραμμένοι μερικοὶ βίοι ἁγίων τινῶν οἱ ὠραιότεροι τοῦ Καλοκαιρίου... παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ (Евлетієтин 1801, 1818, 1851) ¹⁾: житіе пересказано въ сокращенномъ видѣ, съ инымъ порядкомъ подробностей и значительно смягченнымъ мѣстно-сицилійскимъ колоритомъ. — О древнемъ славянскомъ переводѣ сохранились свѣдѣнія въ двухъ записяхъ: въ ркп. Ундольскаго № 231 помѣщенъ переводъ житія Антонія Великаго, написаннаго Аонасіемъ Александрійскимъ; въ концѣ (л. 309 об.) переводчикъ говоритъ, что это житіе, а также житіе Петрова ученика Панкратія, переведены на славянскій языкъ по порученію «строителя церковнаго Іоанна, господина архіепископа болгарскія земли, яко не сущимъ преложенымъ николиже предъ нами». Проф. Голубинскій ²⁾ полагаетъ, что разумѣется Іоаннъ, поставленный архіепископомъ въ 1019 году. — Подобную-же приписку къ переводу Антоніева житія встрѣтилъ Сахаровъ въ одномъ сборникѣ XVII вѣка: «не на свой же разумъ надѣющіися, ни собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико сущи, но принуждени отъ строителя церковнаго Іоанна Болгарскія земли. Не точію Антонія Великаго житіе повелѣни быхомъ преложити, но и пречуднаго Петрова ученика Панкратія, яко не сущимъ преложенымъ никимъ же прже насъ» ³⁾. Шафарикъ видѣлъ въ Іоаннѣ — Іоанна Экзарха. — Наконецъ тоже житіе Антонія находится въ сербскомъ торжественникѣ XIV вѣка ⁴⁾, переводчикъ называетъ себя Іоанномъ пресвитеромъ, но въ послѣсловіи есть отличія и недоразумѣнія: «мы же мѣнце црков'нааго ѿца ѿ гѣаа архыеѣкпа ѿже бѣ натрѣархъ боугарьсцѣй земли, нѣ се тѣк'мо житиѣ великого ѿношиа, нѣ и пречѣднааго чудот'ворца нѣпотаѣнаго

¹⁾ Сл. Παπαδόπουλος Βρετός, Νεοελληνική φιλολογία I, № 370, стр. 137.

²⁾ Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарскою, сербскою и румынскою (М. 1871), стр. 708—9; сл. его-же: Исторію русск. церкви, I, стр. 747.

³⁾ А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. Н. Хлудова, I, стр. 393—4

⁴⁾ I. с. стр. 393 слѣд.

житія, ꙗко же не соуѣщемъ прѣложеномъ ииѣимы же прѣ нами, того дѣла приноудише нашуоу грубость» и т. д. — Очень вѣроятно, что и въ послѣдней припискѣ разумѣется Панкратій: непотаенный не то-ли, что: не апокрифическій? — Несомнѣнно, что Панкратіево житіе переведено было совмѣстно съ Антоніевымъ; интересно, что ни одна изъ трехъ рукописей не присоединила къ послѣднему и перваго, сохранившагося въ сербскомъ спискѣ XIII—XIV вѣка, недавно поступившемъ въ собственность императорской публичной библіотеки изъ собранія еп. Порфирія¹⁾. Начало житія, разобраннаго и отчасти пересказаннаго еп. Порфиріемъ²⁾, утрачена, и въ среднѣ его есть недочеты, которые пополняетъ сообщаемый далѣе пересказъ греческаго оригинала. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ переводчикъ пользовался имъ въ текстѣ болѣе близкомъ къ вѣнскому, чѣмъ къ синодальному, и передавалъ его на столько дословно и механически, что во многихъ случаяхъ уразумѣть переводъ безъ помощи подлинника не представляется возможности. Такъ выраженіе греч. текста: διὰ Ρηγίου τόπου κρωόδουξ передано такъ: Ригилюмъ мѣстомъ кроуцдосъ; ὁ μὲν Ῥέμιδος τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ = родомъ страны ксантовы; но: Ῥέμιδος ὁ ξανθός = Ремадъ роусыи. Это необходимо имѣть въ виду при разборѣ дѣйствительно интереснаго словаря переводчика, въ которомъ еп. Порфирій открылъ «много древне-славянскихъ словъ и изрѣченій, коихъ мы не употребляемъ»³⁾. Укажу на нѣкоторыя изъ нихъ: въ *ακροινιου* игемоньскую (ркп. проуменьскоую) и въ *κοτμου* упатьскую = *γλαυίδα ἡγεμονίας καὶ ἰμάτιον ὑπατικόν*; *своритыи*⁴⁾ погъсь . . .

1) Сл. Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшаго преосв. епископу Порфирию, а нынѣ хранящагося въ Имп. Публ. библ. СПб. 1885, стр. 5. По указанію г. Шляпкина житіе св. Панкратія Тавроменійскаго находится еще въ ркп. Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, № 124: Житіе и чудеса св. Панкратія, бывшаго епископа Тавроменіи, описанное Евагриемъ, въ 6. день Іюля (скорописью XVII вѣка на 386 листахъ).

2) Первое путешествіе и т. д., стр. 39 слѣд.

3) I. с. стр. 96—7.

4) Mich. Lex. сѣвора = fibula; сл. Ducange, Gloss. med. et inf. Graec. a. v. σοληνωτός.

щитъ кѣго *въльр'митыи* и копнѣ кѣго *магеутское* = τὴν σωληνωτὴν ζώνην . . . τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μαγευτόν; зачело *въльр'ма* = ἀφορμὴ τῆς χειμεύσεως (вар. χωνεύσεως)¹⁾; радуице *сълоучею* корабльныи = χαίρε τύχη τοῦ πλοίου; акы *щоудовинь* = δίκην γίγαντος; *моуть* = ἀνάκλασις τοῦ σαλοῦ, *моуть* = τριχυρία; николн же *моуть* се примѣси = οὐδέποτε ἀφροδισία συνεμίγη и т. д. Признавая «современность, подлинность и вѣрность» житія, приписаннаго Евагрію, и лишь въ нѣкоторыхъ догматическихъ и символическихъ подробностяхъ усматривая вставки IV—VI вѣковъ, еп. Порфирій²⁾ простираетъ свою оцѣнку подлинности и на эпизодъ о Таврѣ и Мениі, относя войны пеласго-эллина Ремальда (греч. Ρέμινδος) и латинянина Аквилла къ 1690 г. до Р. X.³⁾

Что до времени, когда сдѣланъ былъ славянскій переводъ житія, то изслѣдователь, не принимая въ расчетъ указанныхъ выше (стр. 70—71) рукописныхъ свидѣтельствъ, опредѣляетъ его terminus ad quem 1075—83 годами и, ближе, время его составленія—906 годомъ или около⁴⁾. Дальнѣйшія соображенія⁵⁾ автора отличаются нѣкоторою фантастичностью: будто греческое житіе св. Панкратія *издано* было Кирилломъ епископомъ катанскимъ и, по благословенію его, сдѣланъ переводъ для далматинскихъ сербовъ и харватовъ, специально для сицилійскихъ матросовъ—славянъ, заинтересованныхъ тою подробностью житія, что первыми хрстіанами въ Сициліи были морскіе гребцы, и привезшихъ его переводъ въ Далмацію. Оттуда оно занесено было на Аеошъ; списокъ еп. Порфирія принадлежалъ хиландарскому монастырю.

Не разбирая этихъ соображеній, замѣчу, мимоходомъ, что въ этомъ списокѣ нѣтъ эпизодическаго упоминанія о древнемъ славянскомъ становницѣ подъ Спракузамп, о которыхъ говоритъ греческій текстъ.

1) У Миклошича Lex. *въльр'митъ* = vermiculatus, vermilius, vermelatus, ergo ruber, coccineus? 2) I. с. стр. 88, 91. 3) стр. 85—6. 4) I. с. стр. 94, 96. 5) I. с. стр. 96, 110.

I.

Надписаніе житія (л. 122 об. с. 1): Εὐαγγρίου ἐπισκόπου εἰς τὸν βίον καὶ τὰ θαύματα τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Παγκρατίου ἀρχιεπισκόπου Ταυρομενίας¹⁾.—Когда Господь нашъ Исусъ Христосъ еще пребывалъ среди людей, отецъ св. Панкратія ἐν τοῖς ἐπέκεινα Ἀντιοχείας ὁρίοις οἰκῶν ὑπὸ θείας ἐλλαμφθεῖς χάριτος λαβῶν τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα καὶ²⁾ Παγκράτιον τὸν μονογενῆ αὐτοῦ υἱὸν ὤχετο εἰς Ἱεροσόλυμα. καὶ εἰσελθὼν εἰς μίαν τῶν πόλεων τῆς Ἰουδαίας, ὅρα τὸν Κύριον ἡμῶν διδάσκοντα τὰ περὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν (л. 122 об., с. 2). Пришельцы увѣровали въ Христово благовѣстіе; вернувшись назадъ, Панкратіиі безпокоится: πῶς τὰ ἱερὰ μάθω γράμματα καὶ ἀκολουθήσω τῇ πίστει μὴ ἔχων τὸν ποιμαίνοντά με καὶ ὀδηγοῦντα διδάσκαλον; ποῖος χριστιανὸς ὀδηγήσει³⁾ με καὶ ποιήσω τὸ θέλημα τοῦ Χριστοῦ μου; (л. 123 лиц., с. 2). Родители Панкратія умираютъ; самъ-же онъ ἦν ἐν τῷ λεγομένῳ Πυργίσκῳ θείᾳ μελέτῃ ἀεὶ ἐξασκούμενος (ib.). Сюда, «ἐπὶ τὰ μέρη τοῦ Πόντου» (ib.), приходитъ ап. Петръ, рукополагаетъ епископомъ Максимина, которому преподаетъ правила церковнаго устройства, и ставитъ у Пиргиска церковь. По просьбѣ Панкратія Петръ креститъ его ближнихъ; имъ и нищимъ Панкратіиі раздаетъ свое имѣніе, а апостоль зоветь зографа Ιοσηφά и велитъ ему написать τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου⁴⁾ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα ἰδόντες οἱ λαοὶ ἐπὶ πλεῖον πιστεύσωσιν ὁρῶντες τὸν τύπον τοῦ σταυροῦ⁵⁾ καὶ ὑπόμνησιν λάβωσι τῶν παρ' ἡμῶν πρὸς⁶⁾ αὐτοὺς κηρυχθέντων (л. 125 лиц. с. 2 — об. с. 1). Петръ велитъ также списать свой собственный ликъ и Панкратіевъ, на память приходящимъ, которые въ немъ признаютъ апостола, а о Панкратіи скажутъ: οὗτός ἐστιν

1) За исправленія слѣдующихъ далѣе отрывковъ греческаго текста приношу мою искреннюю благодарность проф. Г. С. Дестунису.

2) W, f. 267 r. b: καὶ τὸν μονογενῆ υἱὸν αὐτῶν Παγκράτιον τριετῆ ἄγοντα τὴν ἡλικίαν ὤχετο.

3) W, f. 267 v. a: ὀδηγήσει με τὸν λόγον καὶ.

4) W, f. 268 r. a: μου.

5) W, f. 268 r. a: τὸν τύπον τῆς μορφῆς.

6) W, f. 268 r. a: λαμβάνωσιν τῶν παρ' ἡμῶν εἰς.

ὁ οἰκοδομήσας τὸν πύργον τοῦ σκευοφυλακίου. Ὁ οὖν παῖς ὁ ζωγράφος καὶ ταύτας ἀπέτέλεσεν, ἐπιγράψας ἐκάστη εἰκόνι¹⁾ τὸ ἴδιον ὄνομα· οὕτως γὰρ²⁾ ἐποιοῦν οἱ³⁾ ἀπόστολοι ἐν ταῖς πόλεσι καὶ κώμασι ἀπὸ Ἱεροσολύμων ἕως Ἀντιοχείας. ἀναλογισάμενος δὲ Πέτρος ἐποίησε⁴⁾ τὴν ἱστορίαν πᾶσαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ⁵⁾, ἀφ' οὗ ὁ ἄγγελος τὸ Χαίρει κέκραγε τῇ παρθένῳ μέχρις οὗ⁶⁾ ἀνελήφθη ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός, καὶ ἐκέλευσε κοσμεῖσθαι πᾶς ἐκκλησίας διὰ τῆς ἱστορίας ταύτης (λ. 125 ὀβ. σ. 1). Панкратиї говоритъ Петру, что у него есть крестъ, ὃν ὁ μακάριος πατήρ μου παρά τινων πραγματευτῶν ἱεροσολυμιτῶν ὠνήσατο. δοὺς αὐτοῖς πεντακόσια νομισματα.... ἦν γὰρ ὄλος ἐκ χρυσοῦ καθαροῦ καὶ λίθων πολυτελῶν συνηρμένος. οὗτος γὰρ ἦν κατ' οἰκονομίαν θεοῦ ἀποσταλαίς πρὸς τὸν μακάριον πατέρα Παγκρατίου διὰ τὸ αὐτοπροαίρετον εἰς ἀγαθὸν τοῦ ἀνδρός. ὃν ἰδὼν ὁ⁷⁾ ἀπόστολος καὶ γινούς τῷ πνεύματι τὴν εἰς αὐτὸν οἰκονομίαν παραυτὰ λαβὼν ξύλον κέδρινον ἐνεκόλαψε⁸⁾ καὶ ποιήσας θήκην ἑνσυρτον κατέκλειτε⁹⁾ αὐτὸν ἐκεῖ καὶ παρέδωκε¹⁰⁾ τῷ ἐπισκόπῳ εἰρηκῶς¹¹⁾ ᾧ ὄβῳ προσέρχεται καὶ προσκυνεῖν αὐτὸν¹²⁾ (λ. 125 ὀβ. σ. 2). Собрываясь покинуть своѣй кровъ, Панкратиї молится предъ образомъ Спасителя и животворящимъ крестомъ, плачетъ и причитаетъ надъ гробницами родителей и, простившись со своими домашними, беретъ съ собою одного Евагрія, снхателя его житія. Вмѣстѣ съ ап. Петромъ они переправляются на кораблѣ въ Антиохію, гдѣ апостоль проповѣдуетъ и креститъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ (л. 126 ὀβ. σ. 1: ἦν δὲ τις ἀποσταλαίς ἀπὸ Ἱεροσολύμων

1) W, f. 268 r. a: ἐκάστην εἰκόνι.

2) W, ib. οὕτως.

3) W, ib. οἱ ἅγιοι ἄ.

4) W, ib. πεποίηκεν.

5) W, f. 268 r. a: Ἰησοῦ Χριστοῦ καθὼς τὴν ἐκκλησίαν (b) διεκοσμοῦσαν ἀπ' ἀρχῆς, ὅτε ὁ ἄγγελος.

6) W, f. 268 r. b: μέχρις οὗτου καί.

7) W, f. 268 v. a: ὁ μακάριος ἄ.

8) W, ib. ἐνεκόψεν.

9) W, ib. ἐνέβηλεν.

10) W, ib. παρέδωκεν αὐτόν.

11) W, ib. εἰρηκῶς = λελαληκῶς

12) W, ib. — ᾧ.

ἐκ¹⁾ τῶν ἀποστόλων τῶν τὰ δευτέρα φερόντων ἐξ αὐτῆς ὑπαρχῶν τῆς πόλεως τῷ γένει); то-же онъ дѣлаеть и далѣе, по городамъ и вѣсямъ, творя чудеса надъ большими и бѣсноватыми. Услышавъ о томъ, что онъ въ Кипрѣ, апостоль Павелъ (л. 127 лиц. с. 1) ἐλθὼν ἀνέστη²⁾ κατὰ πρόσωπον Πέτρου καὶ τῶν λοιπῶν ἀποστόλων τῶν ἐκ τοῦ γοροῦ τῶν δώδεκα καὶ φησι πρὸς αὐτούς: ἕως πότε οὐ χειροτονεῖτε ἐπισκόπους ἐκ τῶν μαθητῶν τῶν ἀκολουθούντων ὑμῖν καὶ ἐκπέμπετε εἰς τὰ ἐσπέρια μέρη; Совѣтъ Павла понравился апостоламъ и онъ, по указанію Св. Духа, избирають мужей и посылають ихъ (ib.) κατὰ τὰ μέρη Ἰταλίας καὶ Ἀφρικῆς. Петръ отправляетъ Маркіана и Панкратія (ученикъ Павла, Κρίσκης, уже отбыль въ Галлію, л. 127 лиц. с. 2), которые находятъ у морскаго берега два судна, готовые къ отплытію: одно изъ Сиракузъ, съ капитаномъ Ромиломъ, другое изъ Тавроменіи: его хозяинъ — Ликаонидъ, котораго ап. Петръ назвалъ въ крещеніи Епифаніемъ. Предупрежденные о томъ, апостолы снѣшатъ къ морю, гдѣ крестятъ моряковъ, производятъ чудесныя исцѣленія и совершаютъ литургію; Петръ говоритъ новообращеннымъ: τὰς δὲ ἀτάκτους φωνὰς Ἰουδαίων τε τῶν ἀσεβῶν καὶ τῶν μικρῶν³⁾ Μοντανῶν καὶ τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων ἀποστρέψετε (л. 128 лиц. с. 1). Проповѣдь апостола обнимаетъ всю священную исторію (сотвореніе міра, грѣхопаденіе, убійство Авеля; диаволь научаетъ мужеложству и идолопоклонству; потопъ; Авраамъ, Исаакъ и т. д.) и переходитъ къ нравственнымъ наставленіямъ; Маркіану и Панкратію онъ вручаетъ (л. 131 обор. с. 2) πᾶσαν ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν⁴⁾ εὐαγγέλια δύο, ἀποστόλους δύο, οὓς⁵⁾ συνέταξεν ὁ θεὸς ἀπόστολος Παῦλος, δισκοποτήρια δύο ἀργυρά, σταυροὺς δύο ἔχοντας βράβδους κεδρίνας⁶⁾, τόμους δύο τῶν θείων ἱστοριῶν ἔχοντας τὴν διακόσμησιν

1) W, f. 269 r. b: ὑπὸ τῶν ἁγίων ἀποστόλων ἐκ τῶν μαθητῶν τὰ δευτέρα ἔχοντων.

2) W, f. 269 v. b: ἦλθεν καὶ ἀνέστη.

3) W, f. 270 v. b: καὶ ἀκαθάρτων Μοντανῶν τὰ μυθικὰ Ἑλλήνων παιδῶν

4) W, f. 274 r. b: τόμους δύο τῶν θείων μυστηρίων, εὐαγγέλια δύο.

5) W, ib. ἐκήρυξεν ὁ μακάριος Παῦλος.

6) W, ib. κεδρίνους τὴν διακόσμησιν τῆς ἐκκλησίας ἤγουν (v. a) τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὴν παλαιάν τε καὶ νέαν διαθήκην, ἃ ἐγένοντο.

τῆς ἐκκλησίας ἤγουν τὴν εἰκονικὴν ἱστορίαν τῆς παλαιᾶς τε καὶ νέας διαθήκης οἱ ἐγένοντο κατὰ κέλευσιν τῶν ἀγίων ἀποστόλων (f. 132, ὀβ. σ. 1) καὶ πάλιν ἔλεγεν αὐτοῖς: θέλω δὲ ὑμᾶς ἐκκλησιῶν οἰκοδομὰς ποιοῦντας διακοσμεῖν αὐτὰς οὕτως: καὶ λαβῶν¹⁾ τοὺς πίνακας οὓς ἦν ἱστορήσας ὁ Ἰωσήφ καὶ ἀναπτύξας, ὑπεδείκνυσεν²⁾ αὐτοῖς λέγων: ³⁾ θεὸς πρῶτον τὸν εὐαγγελισμόν, τὴν γέννησιν, τὸ πῶς ἐβαπτίσθη ὑπὸ τοῦ Προδρόμου, τοὺς μαθητάς, τὰς ἰάσεις, τὴν προδοσίαν, τὴν σταύρωσιν, τὴν ταφὴν, τὴν ἐκ τοῦ ᾄδου ἔγερσιν καὶ τὴν ἀνάληψιν. ταῦτα⁴⁾ ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ διακοσμεῖτε, ἵνα ὀρῶντα τὰ πλήρη τῶν εἰσιόντων⁵⁾ τοῦ χαρακτῆρος τοῦ τύπου, καὶ ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου λαμβάνοντα ἀναζωπυροῦνται καὶ θερμότεραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

Маркіанъ отправляется на кораблѣ Роміла, Панкратіи на суднѣ Ликаоніда. Вѣтеръ, въ началѣ попутный, раздѣлилъ внослѣдствіи путниковъ, и корабль Панкратія пристаетъ «ἐν τόπῳ ἐπιλεγομένῳ Φάλκων»⁶⁾. Въ первыи разъ мы встрѣчаемся съ упоминачіемъ *Тавра и Меніа*, f. 133 r. c. 1.

(I) οὐ μέντοι ἦν λιμὴν ἐν τῷ τόπῳ, ἀλλ' ἑρμισία τις. ἦν γὰρ ὁ τόπος κατειδωλὸς ὑπὸ δαιμόνων κατεχόμενος, καὶ δαιμόνων πλῆθος ἦν ἐν αὐτῷ. ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος κῆπος λαχάνων ὑπῆρχε Φαλκωνίλλης⁷⁾, μητρὸς Φάλκωνος, ἀπογόνου Μενίας τῆς Ταύρου γυναικός. αὕτη οὖν ἡ Φαλκωνίλλα σοφὴ ἦν καὶ φαιδρά (f. 133 r. c. 2) τῷ προσώπῳ εἰς ὑπερβολήν, ὡς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικοῖς, ὥστε διὰ τὴν πολλὴν αὐτῆς σοφίαν καὶ φαιδρότητα δῶρα πολύτιμα προσέφε-

1) W, f. 275 r. b: ὁ μακάριος.

2) W, ib. ὑπέδειξεν.

3) W, ib. θεῖσαι μὲν πρῶτον.

4) W, ib. τ. πάντα.

5) W, ib. ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ εἰς ὑπόμνησιν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἔρχονται καὶ ἀναζωπυροῦνται ὀρῶντες πρῶτον τὸν τύπον (f. 275 v. a) τοῦ χαρακτῆρος ὡς προσείρηκα ὑπόμνησιν λαμβάνουσιν καὶ θερμότεραν τὴν πίστιν ἐνδύονται.

6) Cf. Falcone nella provincia, diocesi, tribunale correzionale, corte di appello e circolo delle assise di Messina, circondario di Castoreale, mandamento di Novara di Sicilia, collegio elettorale di Patti e corte di cassazione di Palermo. — Moltedo, Dizionario dei comuni del Regno d'Italia, 2da ed. (Napoli, 1881).

7) W, f. 275 v. b: διότι ἦν αὐτὸς ὁ τόπος κῆπος λαχάνων Φαλκωνίλλας.

ρον αὐτῇ χάριν τοῦ ὄραϊν καὶ θαυμάζειν τὴν ὠραιότητα τοῦ κάλλους¹⁾ αὐτῆς. αὐτὴ γεννᾷ υἱὸν καὶ ἐκάλεισε τὸ ὄνομα αὐτοῦ Φάλκιωνα κατὰ τὸ αὐτῆς ὄνομα. ἦν δὲ ὁ παῖς εὐφυῆς καὶ φαιδρὸς πάνυ· καὶ κατελθὼν περὶθῆναι ἐν τῷ κήπῳ ἐξέψυξεν ἄφνω καὶ ἀπέθανεν, καὶ ἐτάφη ἐν αὐτῷ τῷ κήπῳ. ποιήσαντες οὖν ναὸν πάνυ περὶπνόν τῆς πατρῴας αὐτῶν κατακοσμήσεως, ἔστησαν ἐπάνω τοῦ τάφου ἀνδριάντα λίθινον λαξευτόν, ὃν καὶ ὠνόμασαν θεὸν Φάλκιωνα. εἶτα ἐνέγκαντες παῖδα ἔφηβον προσήνεγκαν αὐτῷ θυσίαν καὶ ἀπόστατο· ἐτι οὖν προσθέντες προσήνεγκαν αὐτῷ τρεῖς ἐρήβους παῖδας καὶ ἐβδομήκοντα τρία μωσχάρια ἄρρενα καὶ καλὰ, καὶ ἐδέξατο (f. 133 v. c. 1), καὶ σφάζαντες τοὺς τρεῖς παῖδας καὶ τὰ ἐβδομήκοντα (W, f. 276 r. a: τρία) μωσχάρια ἐπετέλεσαν τὴν μιαν θυσίαν. — Жертвы эти приносились въ теченіи 360 лѣтъ. Какъ только Панкратіи вступилъ на берегъ и ударилъ о-земь древкомъ креста, демоны завопили, но умолкають по молитвѣ святого, который, остановившись въ домѣ Ликаонида, самъ идетъ съ нимъ и Евагріемъ въ храмъ Фалькона, взявъ съ собою (f. 134 r. c. 2) τὸν τίμιον καὶ ζωοποιὸν σταυρὸν καὶ τὰ ἅγια εὐαγγέλια καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ τὴν τοῦ ἀποστόλου Πέτρου καὶ τῆς καθολικῆς αὐτοῦ δύο ἐπιστολάς²⁾. По повелѣнію Панкратія демоны бросаютъ храмъ и идолъ Фалькона за тридцать стадіи въ море, гдѣ они и сами обречены пребывать до суднаго дня: (f. 135 r. c. 2) καὶ εὐθέως σὺν τῷ λόγῳ Παγκρατίου γέγονεν ἦχος σφοδρὸς ὡς περ ἀνέμου καὶ ἐράνησαν ὡσεὶ πλῆθος κοράκων καὶ γυπῶν; таковъ видъ демоновъ; шумъ отъ паденія Фальконова капища такой, какъ будто рухнула гора.

На другой день Ликаонидъ проситъ Панкратія дозволить ему сходить въ городъ, повидать Вонифатія игемона и Аврелиана полптарха; возвращаясь изъ путешествія онъ обыкновенно навѣщаетъ ихъ и приносить посильные дары; на этотъ разъ онъ

¹⁾ W, ib. (вмѣсто χάριν — κάλλους) ὡς καὶ θαυμάσαι τὴν ἀγαθότητα τῆς ψυχῆς.

²⁾ W, f. 276 v. b: τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰϋ Χϋ καὶ τοῦ μακαρίου Πέτρου τοῦ ἀποστόλου τῆς καθολικῆς καὶ τὴν ἱστορίαν τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰϋ Χϋ ἃ καὶ ποιήσας ἐν πίναξί· χειρῶσις σὺν τῆς τοῦ ἀποστόλου εἰκόνας, καὶ ταύτας τῆς δύο εἰκόνας σὺν τῷ σταυρῷ διακατέχων προσήλθεν. . . .

береть съ собою (f. 135 v. c. 1) ἀμφιτάπητα ἕξ πάνυ καλὰ (с. 2) ἑντεσπνα ἀσιανὰ καὶ τριάκοντα κεράμια ἐλαίου καὶ ἕτερα τριάκοντα κεράμια οἴνου Νυσσαίου. Вонифатія онъ застаеть въ преторіи, столующимъ съ тремя друзьями, и привѣтствуетъ его: χαίρεις..., Κύριε ἡγεμόν, ἀξίως τὸ λαμπρὸν περιβεβλημένος, δι' οὗ καὶ τοποκτίστης ἐκλήθης (ibid.); поднявшисъ изъ за стола игемонъ идетъ на вышку съ однимъ пріятелемъ трибуномъ п. Лпкаонидомъ, котораго спрашиваетъ объ Азій, Лакедемонѣ и восточныхъ странахъ. Всѣ они пребываютъ въ мѣрѣ, отвѣчаетъ Лпкаонидъ, (f. 136 r. c. 1) διότι εἰρήνη μεγάλου θεοῦ ἐπεσκίασεν αὐτοὺς καὶ σώζει τοὺς αὐτῶ προσπελάζοντας καὶ πᾶσαν ἀκαταστασίαν κατεπράυνεν ὡς θεὸς ἀληθινός. Вонифатіи пораженъ отвѣтомъ, а Лпкаонидъ пользуется этимъ и принимается поучать его, кто такой Христосъ, когда игемона вызываетъ толпа жрецовъ, пришедшихъ ему повѣдать объ исчезновеніи Фалькона (сл. f. 137 r. c. 1—2: οὐχὶ σὺ ἐπίστασαι τὸν ροῦβρον καὶ καθαρὸν Φάλκωνα υἱὸν Φάλκωνίλλης;). Можетъ быть, онъ удался въ другой городъ, презрѣвъ ваши животныя жертвы, говоритъ Вонифатіи, велитъ имъ разойтисъ и успокоитисъ, пока онъ не произведетъ слѣдствія, а самъ возвращается къ Лпкаониду. Тотъ спѣшитъ раскрыть передъ нимъ тщету язычества и петину христіанства (f. 137 v. c. 2: οὐκέτι οὖν, ὡς ἔφη, Φάλκωνι καὶ τῇ Ἥρωος¹⁾ θυγατρὶ καὶ τοῖς λοιποῖς ἀκαθάρτοις θύομεν θεοῖς), рассказываетъ о своемъ путешествіи, встрѣчѣ съ Панкратіемъ и далѣе, до чуда надъ Фалькономъ. Игемонъ пораженъ, спрашиваетъ, почему Лпкаонидъ не привелъ съ собою и Панкратія; Лпкаонидъ обѣщаетъ устроить свиданіе съ нимъ и указываетъ, какъ поступить: пусть игемонъ соберетъ изъ энархій войско и выведетъ его, для смотра (ἀδνούριον), по сосѣдству съ мѣстомъ, гдѣ укрывался святой. Вонифатіи такъ и дѣлаетъ; восторженные клики воиновъ, привѣтствовавшихъ игемона, остановили Аврелиана полштарха, готовившагося вооружитисъ противъ Вонифатія по наущенію жрецовъ, недовольныхъ имъ и Лпкаонидомъ, о которомъ узнали, что онъ привезъ Панкратія, проповѣдника Христа.

¹⁾ W, f. 280 r. b: Ἥρωος.

Игемонъ выводитъ собравшееся войско за городъ и, сдѣлавъ ему смотръ и распустивъ, хочетъ увидать святого, когда снова является толпа жрецовъ и горожанъ, прося разслѣдованія по дѣлу Фалькона. Они не унимаются, когда люди Вонифатія говорятъ имъ, что теперь, вечеромъ, не время для розысковъ, пусть подождутъ до завтра; не дѣйствуетъ на нихъ и увѣщаніе, которое велитъ имъ передать игемонъ; они принимаются голосить f. 144 r. c. 1: ποῦ ἡ εὐπρέπεια σου, καθαρῶτατε Φάλκον; ποῦ ἡ μορφή τοῦ μεγίστου ἀνδριάντος σου; πῶς ἀφανῆς ἐγένου ἐκ τῶν σῶν ἐραστῶν, φείβε καὶ καθαρῶτατε Φάλκον; Они упрекаютъ Вонифатія въ безпечности и равнодушіи (с. 2): ὦ θεοὶ Δύσσαν καὶ Ζεῦ¹⁾ καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Ἑρώνας θυγάτηρ καὶ Ἄρτεμις ἐν ἰκανότητι πολλῇ ὑπάρχοντες καὶ οἱ λοιποὶ θεοί. μὴ ἀρεστὸν ἐνώπιον ὑμῶν φανείη, ἀήρητοι καὶ μέγιστοι, περὶ Φάλκωνος τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ συνεστίου ὑμῶν, ἀλλ' ἐκζητήσατε τὴν τούτου ἀπόλειαν. Они идутъ къ Аврелиану, но тотъ, пораженный внезапной немочью и безгласный, не въ состояніи ничего предпринять и лишь киваетъ головою.

Поздно вечеромъ Вонифатіи отправляется къ Панкратію, который, предупрежденный Ликаонидомъ, принимаетъ его въ епископскомъ облаченіи, сидя на престолѣ, съ крестомъ въ рукахъ и иконами Спасителя и ап. Петра. Вонифатію кажется, что святой окруженъ пламенемъ, и онъ бросается передъ нимъ на колѣни, не рѣшаясь сѣсть возлѣ него; чудо исчезаетъ, какъ только Панкратіи разоблачился. Святой осѣняетъ Вонифатія знаменіемъ креста, принимаетъ участіе въ его трапезѣ; за трапезой слѣдуетъ молитвословіе, во время котораго молнія внезапно освѣщаетъ покой, а вокругъ Панкратія Вонифатію по прежнему видится огненный ореолъ. Тогда святой велитъ Евагрію принести ему τὸ εὐαγγέλιον καὶ τὰς ἐν ἱστορίᾳ μεμβράνας καὶ τὰς δύο εἰκόνας αἱ ἦσαν ἐνώπιον ἡμῶν, ὅτε τὸν πάννουχον ἐπετελοῦμεν αἶνον, σὺν τῷ σταυρῷ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (f. 146 r. c. 2). По приказанію святого Евагріи читаетъ евангеліе отъ Матоея,

¹⁾ W, f. 286 v. b: Δία καὶ ἡ μεγάλη θεὰ ἡ Ἑρώνας θυγάτηρ καὶ Ἄρτεμις ἀπ' ἀδελφῶν ξένη δὲ (sic) ἀλλ' ἐν ἰκανότητι πολλῇ ὑπάρχων καὶ οἱ λοιποὶ θεοί.

а Панкратій объясняетъ игемену и Ликаониду евангельскую исторію — по изображеніямъ и въ пространномъ поученіи пересказываетъ Ветхій и Новый Завѣтъ, избраніе апостоловъ и свое собственное крещеніе — до страданія Спасителя. — Воиифатій увѣровалъ и, отправляясь на слѣдующее утро въ городъ, приглашаетъ туда и Панкратія. Ликаонидъ совѣтуетъ святому подождать ночи, какъ-бы не учинили чего демоны въ предчувствіи своего пораженія. Святой даетъ ему рукописаніе, которое Ликаонидъ, вернувшись въ Тавроменію, кладетъ тайкомъ у подола Лиссона, въ Тетрапписіи (f. 153 r. c. 1: τὸ Τετραπίππειον; W, f. 301 v. r: Τετραπίππειον) — и демоны принуждены прекратить свои воли, когда Панкратій и Ликаонидъ, руководимые звѣздою, ночью вступаютъ въ городъ, гдѣ въ теченіи сорока дней пребываютъ въ преторіи игемона.

Между тѣмъ нечистые языческіе іереи съ нестройной толпою приходятъ въ преторію, назойливо напоминая Воиифатію, что предстоитъ празднество Лиссона и жалуясь, что съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ Ликаонидъ, ихъ боги умолкли; обвиняя самого игемона въ равнодушіи къ нимъ. Воиифатій обращаетъ обвиненіе на нихъ самихъ: они сами небрежны и косны; сорокъ дней прошло со времени смотра, а они не искали своего Фалькона, да и теперь пришли лишь потому, что наступаетъ празднество Лиссона, а они ладки до жертвенныхъ приношеній. Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ имъ присутствовать на праздникѣ, и Панкратію, которому онъ сообщаетъ о своихъ бесѣдахъ съ жрецами, поддерживаетъ колеблющагося и проситъ его, въ свою очередь, построить для него церковь. Онъ самъ указываетъ мѣсто вблизи городскихъ стѣнъ, обращенное къ востоку и морю, а Ликаонидъ, идетъ (f. 155. r. c. 2 = W, f. 304 v. a) къ *κεραμιστᾶς, φησὶν αὐτοῖς ἐκέλευσεν ὁ ἡγεμὼν πλινθεῦσαι πλίνθους καὶ ὀπτῆσαι πυρὶ, [χ]ριστορικὸν γὰρ οἶκον βούλεται οἰκοδομηθῆσαι. οἱ δὲ εὐθὺς εἶχοντο τοῦ ἔργου. ἀπέστειλεν δὲ καὶ ὁ Βονιφάτιος τοὺς παῖδας αὐτοῦ καὶ συνέλεξαν βουλκανικούς λίθους καυσωθέντας διὰ τὸ γενέσθαι τὸ καταπέτασμα τοῦ εὐκτηρίου ἐλαφρόδομον.* Въ тридцать дней зданіе было готово,

и Панкратіи совершаетъ въ немъ службу; одинъ Вонифатій, къ своему огорченію, еще не удостоился причастія. Чудо въ церкви (f. 155 v. c. 2): *ὅτι ἀφοῦ περ τὸν θεῖον ἀπήρξατο ὕμνον, οὐ διέλιπε πῦρ περιαστράπτων τὴν ἐκκλησίαν πάνυ φοβερὸν, ὡς δοκεῖν καταφλεχθῆναι πάντας ἡμᾶς. Ὅτε δὲ τὴν ἡδυτάτην σάλπιγγα καὶ μελίρρυτον φωνὴν ὁ ἅγιος ἀνέπεμψε Παγκράτιος, τηλικαῦτα πάντες οἱ πέριξ γυψόπλαστοι καὶ ὑέλινοι θεοὶ ἐν τοῖς χρυσοκολλήτοις καὶ ¹⁾ διαχρύσοις [θρόνοις] κείμενοι ἐδαρισθέντες συνετρίβησαν, κονιορτὸς γενόμενοι καὶ χνοῦς, ὡς ἀπὸ ἄλλωνος θερυνῆς. Жрецовъ въ то время въ храмахъ не было, они готовились къ празднеству .Иссона и радовалась сооружеиію Вонифатія, полагая, что новый храмъ воздвигнутъ Аполлону, еще не имѣвшему въ Тавроменіи своего ἄγαλμα. Они благодарятъ его (f. 156 v. c. 1): *οἶδεν γὰρ ἡ πρόνοια Λύσσωνος καὶ ἡ μεγάλη (W, f. 306 r. a: δύναιμις) Διὸς καὶ ἡ σύγχη τῆς ἡμετέρας θεᾶς ²⁾ Ἀρτέμιδος Ἡρώνος θυγατρὸς, ὅτι πολὺς ἐστὶ ἡμῖν ἄγων περὶ Φάλκωνος. Между тѣмъ какъ .Искаонидъ относитъ и кладетъ у идола .Иссона второе посланіе къ нему Панкратія, жрецы сами сбѣраются въ храмъ, думая кетати посмотрѣть на новый, сооруженный игеомомъ (с. 2), ἐν τῷ παραλίῳ γὰρ Διοσκορίδους ³⁾ ἡτοιμαζον τὰ τῆς θυσίας ἔργα. ὡς δὲ ἀνήλθοσαν κατὰ τὸ εἰωθὸς λαχμὸν ποιῆσαι εἰς (f. 157 r. c. 1) ποῖον θεὸν θυμιᾶσιν πρῶτον, οὐ χρησιμὸς ἐδήλου τῆς κληρόνος ἐν τῷ Δί. οὐ τὴν κεφαλὴν κατέχουσιν οἱ ἱστοριογράφοι κεφαλαῖωδη τινὰ τοῦτον ἀνιστοροῦντες. Въ храмѣ Дія (acc. sing. τὸν Δίαν) они находятъ всѣхъ идиоловъ упавшими и разбившимися, то-же и въ другихъ; они предаются плачу и**

1) W, f. 305 r. a: διακλίθοις θρόνοις ἐγκείμενοι.

2) W, f. 306 r. a: Ἡρώνος θυγατρὸς. Каэтанъ (Isagoge, стр. 8) исправляетъ: Ἀρτέμιδος Ἡρᾶς θυγατρὸς; «Diana, Herae filia. Hera autem dicta est Ceres. Causam refert Pausanias (in Arcadicis). Dianam vero haud quidem Latonae, sed Cereris filiam fuisse Aeschylus docet, quod ab Aegyptiis accepit idem Pausanias».

3) Какъ видно изъ контекста, храмъ, куда направляются жрецы, находился вблизи церкви св. Панкратія, по соседству съ которой дѣйствительно сохранились слѣды какого-то языческаго храма. Сл. Aug. J. C. Hare, Cities of Southern Italy and Sicily. London 1883, стр. 401.

εἴστανιαιμъ (с. 2): τίς ἀναγγελεῖ ταῖς περὶ Μάγαρ¹⁾ καὶ Λουγδῆνον (v. с. 1) καὶ ταῖς λοιπαῖς ἐπαρχίαις αἷς πολλάκις ἐν πολέμοις συμβαλλόντες αἰχμαλώτους συνέσχομεν πάντας τοὺς ἐν αὐταῖς; — Народная толпа идетъ къ преторіи и бранитъ Вонифатія — второе упоминаніе *Таера* и *Μενίου*:

(II) f. 157 v. с. 2: не боги-ли дали тебѣ золото и серебро, оὐ πᾶσαν μεταλλικὴν τέγγην Ταύρου καὶ Μενίας σοὶ δέδωκαν, ὥστε καὶ τὰ [χ]ριστορικὰ σου περραγμένα²⁾ τυγγάνειν ἐσθῆτος λαμπρᾶς, βύσσου τε καὶ πορφύρας καὶ κοκκίνου ἀνεικάστου; — Вонифатіи препирается съ ними (f. 158 г. с. 1): πόλεμον ἐπὶ πόλεμον ἀντεισάγετε. Οἱ δὲ πάλιν ἐν πολλῷ θυμῷ ἔλεγον· ἀνάξει τῆς ἡγεμονίας, καὶ ποῖον πόλεμον ἀντεισάξεις³⁾ τῷ πολλοστῷ λαῷ τούτῳ; Καὶ ὁ Βонифάτιος· Οἷον ἢ χάρις τῆς θείας προνοίας ὀρέξει. Οἱ δὲ πρὸς αὐτόν· Ἀλλ'εἰπέ ἡμῖν, εἰ φίλος εἶ τῶν μεγίστων θεῶν, ποῖαν θεὰν καὶ χάριν εἶπες πόλεμον ἡμῖν ἐπενεγκεῖν; τὴν θεὰν Ἡρώνας ἢ Ἀφροδίτην Ἀθηναίων; Καὶ ὁ ἡγεμὼν ἀπεκρίνατο· Προσέχετε τῷ ῥήματι τούτῳ· οὐκ ἐμνημόνευσα θεᾶς Ἡρώνας θυγατρὸς οὐδὲ πάλιν Ἀφροδίτης, ἀλλὰ θείας χάριτος καὶ δυνάμεως. — Противъ игемона поднимаются гнѣвные крики, но они умолкаютъ послѣ его предложенія: поставить въ храмахъ мудрыхъ мужей, свѣдущихъ въ отеческихъ преданіяхъ: пусть удостовѣрятся, что приключилось съ ихъ богами. — Панкратія, находившагося тѣмъ временемъ въ церкви, охранялъ св. Духъ: никто не видѣлъ новаго зданія. — Поставивъ по два мужа въ каждомъ изъ капищъ, народъ отправляется къ храму .Инсона, неся въ рукахъ вѣтки мирта и лавра, (f. 158 v. с. 2), αἱ δὲ νεάνιδες⁴⁾ φωνὰς ἄδουσαι ἀφροδητικὰς ἔλεγον τῷ Λύσσωνι· χάρις σοι, χάρις σοι, μέγιστε θεὲ Λύссον, ὅτι ἢ σὴ εὐάρεστος πρόνοια τὴν ἐτήσιον πολιτικὴν εὐωχίαν ἀπήρτισεν ἡμῖν. Въ началѣ онъ отказывается отъ отвѣта, но его продол-

¹⁾ Такъ въ W, f. 307 г. а; въ синод. сп. Μάγδον. Сл. Macara = Heraelea Minoa, недалеко отъ Агригента, у Cluverius, Sicilia antiqua, l. I, с. XVII (сл. ib. l. II, с. X: ο Μαχαρά).

²⁾ W, f. 307 v. а: εἰσὶν ἀίσθητων λαμπρῶν.

³⁾ W, f. 307 v. b: ἀντεισάξεις.

⁴⁾ W. f. 308 v. b: ἐν κομβάλοις.

жають молитъ (f. 159 r. c. 1): ты оказывался ἐν πλοῦτῳ περιφανέστατος ὡς καὶ ¹⁾ τύχην καλεῖσθαί σε ἐν πάσι μεταλλικοῖς εἶδεσι; онъ указываетъ на другого, болѣе мощнаго бога, который побѣдилъ Фалькона, Дія и его самого; его-то ученика привезъ сюда Лискаонидъ; наконецъ онъ отвѣчаетъ (f. 159 v. c. 2 = W, f. 309 v. b — 310 r. a): κληρόνα ἀσφαλῆ λαβόντες πορεύεσθε. τότε ἐνέγκαντες φιάλην χρυσῆν ἐν ἣ τούς κληρόνας ἐπέβαλλον, ἐπλησαν αὐτὴν ὕδατος ἀσκήπτου, καὶ προσεγγίσαντες τῷ ἀνδριάντι ἐπεκαλοῦντο ἕκαστος κληρόνα λαβεῖν. ἐπέβαλλον δὲ ἐν τῷ ὕδατι τὰ ἑαυτῶν δακτύλια ²⁾ καὶ προσελθὼν εἰς ἕξ αὐτῶν ³⁾ πάνυ τὴν τραγωδίαν πεπειραμένος, ἔλεγε κατὰ τὴν ἑκάστου τύχην. καὶ τὸ πάρεδρον ⁴⁾ ἐδίδου τὴν φωνὴν αὐτοῦ λέγων Λάβε. ἐπιβαλόντος οὖν τὴν χεῖρα κατὰ τὸ ἔθος, ἀνηλθεν ὁ χρησμὸς τῆς θυσίας καὶ ἤρτήσατο Βονιφάτιον λαβεῖν εἰς θυσίαν ⁵⁾. Это рѣшеніе объявляютъ Вонифатію, а онъ идетъ объявить его святому, находившемуся въ церкви. Тотъ велитъ ему мужаться: онъ самъ пойдетъ съ нимъ и посрамитъ демона.

Между тѣмъ мужи, оставленные въ храмахъ, докладываютъ жрецамъ, что въ девятомъ часу (когда Панкратіи пѣлъ утренній канонъ) ихъ пдолы снова пали — и это чудо повторяется въ присутствіи жрецовъ, которые направляются къ церкви Панкратія, но ея не видятъ, слышатъ только пѣніе; лишь только гимнъ кончился и святой совершилъ знаменіе креста, мракъ, окружавшій церковь, разошелся, и жрецы его узрѣли. Они закликаютъ его сказать имъ, кто онъ: μή ὁ μέγας θεὸς Ἀπόλλων εἶ ὁ τῶν Ἀθηνῶν; (f. 161 r. c. 2); онъ говоритъ имъ о себѣ, о Богѣ христіанъ, о томъ, что онъ сокрушитъ Лиссона, — а они вѣрятъ

¹⁾ W, f. 309 r. a: τύχη καλὴ ἔπασιν ἐν μεταλλικοῖς ἕδεσιν.

²⁾ Такъ въ W, f. 310 r. a. и слав. переводѣ; въ синод. δακτύλους.

³⁾ W, ib. εἰς τὴν τραγωδίαν πάνυ.

⁴⁾ Сл. Just. Mart. Apolog. II, p. 65: Νεκρομαντεῖαι μὲν γὰρ καὶ αἱ ἀδιαφθόρων παιδῶν ἐποπτεύσεις, καὶ ψυχῶν ἀνθρωπίνων κλήσεις, καὶ οἱ λεγόμενοι παρὰ τοῖς μάγοις ὀνειροπομποὶ καὶ πάρεδροι, καὶ τὰ γινόμενα ὑπὸ τῶν ταῦτα εἰδόντων, πεισίστωσαν ὡμῶς ὅτι καὶ μετὰ θάνατον ἐν αἰσθήσει εἰσὶν αἱ ψυχαί. — Сл. Clementina, Hom. II, c. XXX: παρεδρίαι.

⁵⁾ О бросаніи sortes въ воду сл. Plaut. Cas. II, 4, 6; Suet. Tib. 14.

ему и бесѣдуютъ о томъ на обратномъ пути; (f. 162 r. c. 2) εἰς δὲ τις ἀρχιεπίσκοπος, ὅστις καὶ τὰς βιβλίους πασῶν τῶν ἱατρικῶν ὑποθέσεων¹⁾ πεπιστευμένος ἦν, τοῦνομα Ξάνθιππος, τῇ χειρὶ κατασείσας εἶπεν πρὸς τὸν λαόν· Ἄνδρες, σιγήσατε μικρόν, καὶ ἐρῶ ὑμῖν τὴν δύναμιν τοῦ πράγματος. ὑμεῖς προσβάλλετε με ἀρχεῖν ἐν τῇ πόλει πάντων τῶν ἱατρικῶν πραγμάτων²⁾, πρὸ δὲ ολίγων μηνῶν τοῦ χρονικοῦ τούτου κύκλου τίς ἦν οὐκ οἶδα (f. 162 v. c. 1) ἀνὴρ ἄξιος τῷ εἶδει ἦλθε πρὸς με καὶ ἐπιδέδωκέ μοι βιβλίον λέγων Λάβε, Ξάνθιππε, βιβλίον ἱατρικόν ἐκ τῆς ἄνωθεν δυνάμεως³⁾, ὅπερ ἐγὼ δεξάμενος εἶπον πρὸς τὸν ἄνδρα· Τίμιε ἄνερ, λάβε καὶ σὺ χρήματα. ὁ δὲ φθαρτὸν καὶ βδελυκτὸν ἀποκαλέσας τὸν χρυσὸν ἀραγῆς γέγονεν. ἐγὼ δὲ τὴν βίβλον ἐπὶ χειρὸς λαβὼν καὶ μικρὸν ἀναγνούς, εὔρον ἄνδρα τέσσαρας μίαν φωνὴν φθεγγομένους καὶ τὴν διήγησιν ἀνέφερον εἰς Χριστὸν τινὰ υἱὸν θεοῦ ἀληθινοῦ. ἔχει με⁴⁾ οὖν, ὦ ἄνδρες, ὅτι οὗτος ὁ ἄνθρωπος τοῦτον ἦλθε κηρύξαι ἡμῖν. Онъ рассказываетъ далѣе, что какъ только внесъ ту книгу въ домъ свой, онъ освѣтился чуднымъ свѣтомъ и произошли исцѣленія. — Услышавъ этотъ рассказъ, они хотѣли было вернуться къ Панкратію, либо пойти посмотрѣть на чудесную книгу Ксантинна (оказывающуюся впоследствии евангеліемъ), но діаволь помѣшалаъ этому — и вотъ они идутъ къ тетраинію, сзываютъ къ жертвѣ народъ, приводятъ и Вонифатія; его разоблачили, связали назадъ руки; онъ озирается — не видать-ли Панкратія. Какъ только явился святой въ сопровожденіи Евагрія и одного изъ моряковъ, крещенныхъ апост. Петромъ, съ крестомъ и иконами, съ Вонифатія спали путы, а пораженный народъ опускается на колѣни. По повелѣнію святого демонъ ввергается въ море съ страшнымъ крикомъ и вихремъ; змѣю, жившему въ ямѣ при храмѣ Иессона и питавшемуся кровью жертвъ, Панкратію приказываетъ выгнати, накинувъ ему на шею ремесъ; f. 164 r. c. 1: καὶ εὐθὺς σπαραξάν ἑαυτο τὸ θηρίον συ-

1) W, f. 312 v. b. θεσπισμάτων.

2) W, ib. ὡς καὶ πολλὰν ἐπιμέλειαν πεποιήκειν, πρὸ δὲ.

3) W, f. 312 v. b: στήθεν τῆς δυνάμεως πολλοστῆ ἱατροῦσιν τὰ νοσήματα ἐδεξάμενος οὖν ἐγὼ τὸ βιβλίον ἐν ταῖς χερσίν μου καὶ εἶπον.

4) W, f. 313 r. a. μοι.

ρισμὸν μέγαν καὶ ἰσχυρὸν ἀπετέλεσεν, ὥστε φανῆναι τὴν γλῶσσαν αὐτοῦ ὡς ἐσχάραν πυρός. ἀνελθὼν δὲ ἐκ τοῦ λάκκου διεσπάραγῃ ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω; его ввергаютъ въ море; въ одной его кости 60 литръ!

Ὑβῤορωαυσὶί народъ возвращается вмѣстѣ съ Панкратиѣмъ въ городъ, жрецы издѣваются надъ своими идолами, а больной Аврелианъ, узнавъ о случившемся, умираетъ. Только демоны не успокоились, кружатся вокругъ Панкратія въ видѣ вороновъ, желая напугать его; по его молитвѣ они падаютъ на землю и очутились — свиньями, которыхъ святой загоняетъ въ одну пещеру и запечатлѣваетъ знаменіемъ креста: они пробудутъ тамъ до скончанія дней. Въ городѣ остались невѣρрующими лишь монτανοι и ἰουδαί; идолы первыхъ рушатся, когда Панкратіи благословилъ городъ на всѣ четыре страны свѣта. — На другоῖи день крестятся толпы народа, приходятъ изъ сосѣднихъ округовъ, изъ-подъ Ἐθны; на вопросъ Βονιφатія, почему οἱ не удостоены крещенія, Панкратіи велитъ ему не тороπиться, а Εὐαγρίου объясняетъ, что игемонъ будетъ крещенъ наследникомъ его, Панкратія, на тавρομενίης епискоπiи.

(III) Въ одинъ изъ дней Βονιφатіи ведетъ святого и Εὐαγρία въ преториiи и (f. 166 r. c. 1) ἐν τινι οἰκίῳ μικρῷ τοῦ πραιτωρίου ἕδειξεν ἡμῖν πάντας τοὺς θησαυροὺς τῆς ἡγεμονίας αὐτοῦ, χρυσίον πολὺν καὶ ἀνείκαστον καταμύνας, ὡς γάρ ἐπὶ ἄλλωτος σίτου ἢ ἀποθήκης κριθῆς ¹⁾, οὔτως ἦσαν πεπλησμένα τὰ κοιαιστορικῶ ²⁾ ταμιεῖα τοῦ χρυσοῦ. ἐμφέρεται γάρ ἐν τοῖς ιστορικῶς Ταύρου καὶ Μενίας ὡς ὅτι ἦν αὐτῇ ἡ Μενία ἐκ γένους Ἀλεξάνδρου τοῦ ³⁾ τῶν Μακεδόνων, ὅθεν καὶ Μακεδόνισσα ἐλέγετο. ἦτις Μενία ἀπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρῃ πολλῇ, καὶ τὰ μαζικῶ στίλβουσα ⁴⁾ ἀόκνως, τὴν πόλιν αὐτῆς ἐπέπλησε χρυσοῦ καὶ ἀργυροῦ καὶ ποσοῦτον (c. 2) ὡς τε μή τινα εὑρίσκεσθαι ἐν τῇ πόλει ἐν

¹⁾ W, f. 316 v. b: σιτικῆς ἢ ἀποθήκων κριθῆς.

²⁾ Ркп. ιστορικῶ.

³⁾ W, ib. βασιλέως.

⁴⁾ Такъ въ W, ib.; въ синод. στιλβώσασα.

ἐνδεία ὑπάρχοντα. πολλοὶ γὰρ τῶν περίε ἐπαρχικῶν ἐργόμενοι¹⁾ ἐνεμπιπλῶντο. Что дѣлать съ этимъ богатствомъ? спрашиваетъ Воинфатій — Раздать бѣднымъ — Но пхъ пѣтъ, — п святой рѣшаетъ, улыбаясь: ἔστω τὰ τῆς ἡγεμονίας εἰς τὴν ἡγεμονίαν καὶ τὰ τοῦ πραιτωρίου εἰς τὸ πραιτώριον (ib.).

Слѣдуетъ нѣсколько исцѣлений п обращеній: Хриза, жрица Ἦρωνος, страдавшая проказой, приходитъ искусить Панкратія п, исцѣленная имъ, отказывается увѣровать; святой насылаетъ на неѣ ту-же болѣзнь еще въ большей мѣрѣ, но сжалившись надъ ея просьбами, вновь исцѣляетъ, креститъ подъ именемъ Бенедикты п ставитъ діакоиссой при церкви. Вмѣстѣ съ Панкратіемъ п другими она идетъ въ храмъ Ἦρωνος, свергаетъ п доловъ п указываетъ святому на грудь золота. Что съ нимъ дѣлать, когда нѣтъ бѣдныхъ? Панкратію, въ отвѣтъ ей, говоритъ о грѣховности «Филаргприн». Впослѣдствіи онъ поручаетъ Бенедиктѣ двухъ сестеръ — спроть, пзъ которыхъ старшую хиротонисуетъ въ діакоиссы; младшая, Сергія, будетъ жить съ нею въ кельѣ при храмѣ. — Ксантинъ получаетъ въ крещеніи имя Эпафродита.

Воинфатію проситъ святого благословить его на брань, f. 171 лиц. с. 1: ἔθος ἡμῶν ἐστὶ τοῖς ἐναντιούμενοις ἡμῶν τὰς²⁾ ἡμῶν ἐπιδείκνυσθαι ἀνδραγαθίας; на должность политарха избранъ, съ согласія святого, сынъ Авреліана, Эндъ, отказавшійся креститься, пока не окрещенъ Воинфатію; а Панкратію медлитъ этимъ, пбо тотъ еще суровъ п человекъ крови: такъ говоритъ святой Евагрію, котораго посылаетъ сопровождать войску.

Войско собралось (f. 172 v. с. 1) ἀπό τε τῶν Μολικῶν³⁾ καὶ Ἐπνακίων καὶ τῆς παραλίου Τίτου καὶ τοῦ σὺν αὐτῷ περιμονος κατὰ

1) W, ib. (вмѣсто ἐργόμενοι) χάριν πλοῦτου ἤρχοντο καὶ.

2) W, f. 322 v. b: ἀνδραγαθίας ἡμῶν ἐμποιεῖσθαι καὶ τοῦτους τροποῦσθαι.

3) W, f. 324 v. b: Μολικῶν. Разумѣется, вѣроятно, крѣпостна La Mola, на утесѣ, господствующемъ надъ Тавроменіей—Таорминной. См. далѣе: τοῦ Μολικῶδ χάσματος; Fazellus, l. с. I, стр. 100; Pare, l. с. стр. 402; Guido Giordani, Indice generale dei Comuni del Regno d'Italia ecc. (Milano, 1883): Castel Mola (già Mola), circondario Castoreale-Messina, pretura Taormina, sezione elettorale Messina-Taormina ecc.

μεσημβρίαν τοῦ ἄγοντος τόπου. Множеству сошедшихся мужей нечего удивляться, f. 174 r. c. 2:

(IV) ἐπειδὴ πασῶν τῶν περὶ Σικελίαν καὶ Καλαβρίαν πόλεων ἡ Ταύρου καὶ Μενίας πόλις ἐντιμωτέρα ἦν καὶ ὑπερέχουσα, ἐν τε χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ ἐσθῆτι καὶ λοιποῖς μεταλλικοῖς εἶδεσιν, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ἐν πολέμοις ¹⁾ ἐπιτήδειος. καὶ γὰρ πολλάκις ἐν τῷ Δυρραχίῳ πολέμους κροτήσαντες πλείους ἢ τετρακοσίας ἀνεῖλον χιλιάδας, ὡς τε γενέσθαι αὐτοὺς ὀνομαστούς. ἐκόμισαν δὲ καὶ αἰγυλωσίαν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου χιλιάδας ὀγδοήκοντα χωρὶς γυναικῶν καὶ παιδίων. Οἱ δὲ Μακεδόνιοι ἀκούσαντες ἀνδραγαθίας αὐτῶν συνήντησαν αὐτοῖς ἐν Τερεντῷ εἰς τὸ πεδῖον καὶ συνήψαντες πόλεμον μετ' αὐτῶν (v. c. 1) θρασυνόμενοι ἐν ὀργῇ οὐκ ἴσχυσαν ἀντιστήναι τοῖς περὶ Ταύρον, ἀλλ' ἠττηθέντες ἔφυγον ἀπὸ προσώπου αὐτῶν. ἀπεβάλοντο δὲ τοῦ ἰδίου λαοῦ πλείους ἢ ἐξήκοντα χιλιάδας. οἱ δὲ λοιποὶ θεασάμενοι τὴν ἰκανότητα καὶ αὐστηρίαν τῶν Ταυρομενιτῶν, κατέλιπον τὸν ἴδιον ἄρχοντα καὶ τὸν βασιλέα ἑαυτῶν ²⁾ καὶ ἦλθον ἐν τῇ πόλει ταύτῃ. καὶ ἐξ ἑτέρων δὲ πόλεων πολλοὶ ἤρχοντο ἐνταῦθα διὰ πλοῦτον καὶ λοιπὴν ἰκανότητα.

Воѣско удаляется, напутствуемое благословеніемъ Панкратія. Между тѣмъ Элдѣ, или, вѣриѣ, "Ονειδος, говоритъ, играя созвучіемъ, спсатель жптія, оказался врагомъ христіанъ: поставивъ тайкомъ въ своемъ домѣ идола Скамандра онъ (f. 176 v. c. 1) παραγίνεται πρὸς τινα γόητα τῶν λεγομένων Μοντανιστῶν καὶ ἤρξατο συνδιασκοπεῖν αὐτῷ περὶ ἐρωτικῶν καὶ μυθικῶν ὑποθέσεων τῆς αὐτῶν ματαίας πλάνης. Ὁ δὲ πλάνος ἐκεῖνος Μοντανός τοῖς πολλοῖς αὐτοῦ καὶ ἀπατηλοῖς λόγοις τελείως τὸν ἄθλιον ἀπεπλάνησεν. Оказывается, что Элдѣ воспымалъ страстью къ младшей изъ двухъ сестеръ - спротъ, которыхъ Панкратіи пристроилъ при церкви; и вотъ, призвавъ къ себѣ старшую, діаконессу, онъ даетъ ей понять свою власть и указываетъ, что его связь съ сестрой, Сергіей, побудитъ и его принять христіанство. Опечаленная этимъ откровеніемъ діаконесса оповѣщаетъ Панкратія,

¹⁾ Такъ въ W, f. 326 v. b; въ синод. πολεμισταῖς.

²⁾ W, f. 327 r. a: τὴν ἰδίαν βασιλείαν.

сестру и Бенедикту, а Элидъ зоветъ къ себѣ на пирѣ главенствующихъ изъ монτανовъ и юдеевъ; (f. 177 v. c. 1) εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἐν τῷ λουτρῷ τῷ διπαγίνῳ, ἀνέπεσον εἰς τὸ μισρὸν συμπόσιον εὐωχούμενοι ὡσαύτως καὶ αἱ τούτων ἄσεμναι θήλειαι εἰς τὸ ἕτερον τοῦ λουτροῦ μέρος, ὡς πρὸς εὐφρασίαν πλείονα καὶ διέγερσιν τῶν αὐτῶν ἀνδρῶν ἐκεκλήκει ὁ ἀνόσιος. Εὐφρανθέντες οὖν ὑπὲρ κόρον, ἤρξαντο συντυχίας ἐρωτικᾶς¹⁾ πρὸς ἀλλήλους ποιεῖσθαι. βουλόμενοι γὰρ οἱ Ἰουδαῖοι τὴν ἀρέσκειαν τοῦ μισροῦ πολιτάρχου εἰς πέρας ἄγειν, μᾶλλον αὐτὴν τὴν διαβολικὴν προεβάλλοντο χρῆσιν. οἷτε Μοντανοὶ παρενέγκαντες (c. 2) εἰς μέσον βιβλίον τῆς πορνικῆς μαγίας τοὺς ἐραστάς ἐπεκαλοῦντο δαίμονας. — Элидъ говоритъ о своеѣ любви и рѣшеніи: либо дѣвушка отдастся ему, либо онъ забьетъ еѣ на смерть; тѣ оправдываютъ его. Когда всѣ вышли, одинъ монтанъ говоритъ Элиду (ib): ἄρα γε, πολιτάρχα, ἀνέγνως τὸ βιβλίον τῶν ἐρωτικῶν ἐκπυρώσεων; Ὁ δὲ πρὸς αὐτόν· πολλάκις ἠθέλησα τοιοῦτοις²⁾ ἐντυχεῖν καὶ ποιήματα στοιβισμάτων καταμαθεῖν, ἀλλ' ἡ συμφορὰ τῶν πραγμάτων (f. 178 r. c. 1) τῆς πόλεως καὶ ἡ τοῦ πατρός μου τελευτὴ οὐκ εἴασάν με εἰς τοῦτο ἐλθεῖν· ὁμῶς καὶ ἀπὸ τοῦ νῦν παρενεχθήτω πρὸς με ἡ τῶν βιβλίων τούτων³⁾ συντυχία καὶ καταμάθω αὐτήν. Ὁ δὲ πονηρὸς ἐκεῖνος διδάσκαλος⁴⁾ παρέσχεν αὐτῷ βιβλίον ἐπιφερόμενον⁵⁾ δαιμονικοὺς ἔρωτας. εὐθύς οὖν ἐπικαλεσάμενοι δαίμονας ὄξετε εἰς ὑπακοὴν παρέστησαν αὐθωρὸν τὸ ὕψος τοῦ πράγματος. ὡς γὰρ ἔλεγεν ὁ ἀπευκταῖος Μοντανός, νῦν δὲ πιστός καὶ εὐπειθής, ὅτι ὡς περ Αἰθίοπες τόξα κατέχοντες καὶ βέλη οὕτως ἐφάνησαν οἱ δαίμονες, οὗστινας ὁ ἄθλιος Ἐλιδὸς πρὸς τὰς ἀγίας παρθένους ἐξέπεμψεν. — Но демоны ничего не въ сплахъ сдѣлать дѣвственницамъ: ангель, вооруженный мечемъ, отгоняетъ ихъ— и они идутъ жаловаться къ Элиду на свое безеніе, а тотъ жалуется своимъ на мага Панкратія, увлекшаго въ христіанство любимую имъ дѣвушку. — Панкратіи, .Искаонидъ и Ксантинъ

1) W, f. 330 v. b: κατὰ Ἀφροδίτην.

2) W, f. 331 r. b: τοιοῦτον.

3) W, f. ib. v. a: τοῦ βιβλίου τούτου.

4) W, f. ib.: καὶ δεινότατος Μοντανός.

5) W, ib.: καλούμενον.

стоятъ ночью на молитвѣ; утромъ святой рукополагаетъ Ксантиппа діакономъ; вскорѣ являются и посланные отъ Элида, уводящіе связанными обѣихъ сестеръ, діакоинессу и Сергію. Сергій Элидъ говоритъ, что хочетъ на ней жениться и требуетъ, чтобы, отрекшись отъ Христа, она воскурила опііамъ Скамандру. Она отказывается. Тогда онъ проситъ старшую сестру убѣдить Сергію — но она поддерживааетъ ея рѣшимость: обѣ обезглавлены, и Панкратіи съ христіанами хоронитъ ихъ (f. 181 r. c. 1) *εἰς τόπον λεγόμενον Βαράγγου τείχος* ¹⁾, гдѣ онѣ совершаютъ чудеса. — Когда святой объявляетъ вѣрующимъ въ церкви о случившемся, они изъявляютъ въ одинъ голосъ готовность съечь (f. 181 v. c. 2) *τὰς τε οἰκίας καὶ τὰς προγλοδυσίας τῶν μιαρῶν αὐτῶν καὶ ἀκαθάρτων θεῶν* ²⁾. Панкратіи удерживаетъ ихъ: въ его присутствіи злоумышлявшіе противъ него іудеи и монтаны препираются съ христіанами, которые грозятъ имъ возвращеніемъ Вонифатія, говоря, что еслибы не вечеръ, они заперли-бы ихъ въ тюрьмы. Это наводитъ на нихъ такой страхъ, что на другое утро, забравъ женъ и дѣтей и имущество, (f. 183 r. c. 2) *εἰσῆλθον διὰ τοῦ Φιλιππηκοῦ εἰς τὰς σκάφεις αὐτῶν πρὸς Συρακοῦσαν ἀπαίρειν βουλόμενοι* ³⁾. Трижды посылаетъ Панкратіи увѣрить ихъ въ своихъ мпрныхъ намѣреніяхъ, увѣщая остаться; возвращается лишь монтанъ — магъ, давшій Элиду волховскую книгу и становящійся христіаниномъ; Панкратіи же (f. 183 v. c. 1 = W, f. 338 r. a) *κατελθὼν διὰ τοῦ Μελικοῦ χάσματος εἰς τὸν τοῦ τείχους περίπατον, καὶ ἀνελθὼν ἐν τῷ βουνῷ*, молится: поднялась буря и всѣ отплывшіе погибаютъ въ морѣ. — Элидъ опечаленъ, но не хочетъ слышать увѣщаній святого, который однажды говоритъ своимъ: Радуйтесь, черезъ два дня явится съ побѣдой Вонифатіи. Онъ самъ встрѣчаетъ его на берегу благословеніемъ; дѣло Элида отложено

1) W, f. 334 v. b: *ἐν τόπῳ ἐπιλεγμένῳ Βαράγγου τείχους.*

2) W, f. 336 r. a: *τὰς οἰκίας αὐτῶν καὶ τὰς προγλοδυσίας αὐτῶν* (т. е. Юдеевъ и Монтановъ).

3) W, f. 337 v. a: *κατελθὼν διὰ τοῦ Φιλικοῦ τόπου εἰς τὰς σκάφεις αὐτῶν ἐμπληθέντες ἅπασαν περιουσίαν αὐτῶν σὺν γυναίξιν καὶ παίδων καὶ τέκνοις καὶ (b) παιδίσκιων, βουλόμενοι διαπλεῦσαι ἐν Συρακούσῃ.*

до распушенія войска. Совершивъ въ станѣ литургію, Панкратіи спрашиваетъ игемона, къ какой національности принадлежатъ его плѣнники: оказывается, что это — авары ¹⁾, ἔθνος ²⁾ μικρόν, μηδὲλως γλώσσης ἑλληνίδος ³⁾ μετέχον· παράκειται δὲ ⁴⁾ παρὰ τὰς τοῦ Δορραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίας. Спрошенные черезъ толмача, они говорятъ: ἡμεῖς ἔθνος ἐσμὲν Ἀβαρικόν καὶ θεοὺς σεβόμεθα παντοίων ἐρπετῶν καὶ τετραπόδων ὁμοιώματα. Σὺν τούτοις ἄψασι τῷ τε πυρὶ καὶ ὕδατι καὶ ταῖς μαχαίραις ἡμῶν σπένδομεν· ἰδόντες οὖν ἡμεῖς ἐν τῷ πολέμῳ τὰ ὅπλα ὑμῶν ἀστράπτοντα ἐν ταῖς χερσὶν ὑμῶν ὡς φῶτα λαμπάδων, ἐξέστημεν καὶ νομίσαντες ὅτι οἱ θεοὶ ὑμῶν εἰσὶ. πέμψαντες εἰς τοὺς ναοὺς ἠγάγομεν καὶ ἡμεῖς τοὺς ἐπιστημοτέρους ἡμῶν θεοὺς ⁵⁾ καὶ ἐστήσαμεν κατέναντι ὑμῶν· οἵτινες ἠνίκα ἐθεάστοντο ἔμπροσθεν ὑμῶν τὸ πῦρ προπορευόμενον, ὡσπερ κηρὸς διελύθησαν (f. 185 r. c. 2 — v. c. 1). Панкратіи креститъ плѣнниковъ, ставитъ священниковъ и діаконѡвъ, которые расходятся по ἐπαρχіямъ вмѣстѣ съ отрядами войска; въ числѣ другихъ идетъ и списатель житія, Евагріи. Когда онъ вернулся, Вонифатіи сзываетъ на площади народъ для суда надъ Элдомъ (Вонифатіи возсѣдаетъ на престолѣ Тавра), который ничего не отрицаетъ и желаетъ умереть язычникомъ. Онъ казненъ.

¹⁾ Въ печатномъ текстѣ житія у Агапія (сл. выше, стр. 69) объ аварахъ сказано только: ἤφεραν δὲ καὶ σκλάβους πολλοὺς Ἀβάρους ἀπὸ τὸν πόλεμον. Извлекаемъ изъ древнеславянскаго перевода житія св. Панкратія мѣста, относящіяся къ аварамъ. Л. 73 лиц. вси аварескъ ѡзыкы зѣло скврньнь николіже прибликающе се ѡчьска и ѡлиньска ѡзыка. прилежеть же драчевьскыихъ аонѣискыихъ ѡбласти; л. 74 об. мыи аваревьска чедь ѡсмы и по(ч)томъ ѡбѣ подобны веѣхъ четврѣногыихъ, ѡгнь и водоу и мьче наше. видѣхомъ же въ васъ и все ѡже на брани акы свѣтъ блъстещесе и оужасохомьсе, и пославше въ цркѣвица бѣи нашихъ, възехомъ ѡже имѣхомъ мыи бѣи искоусѣише, рекьше да с нами бороуть, и прѣдь поставихомъ. видѣвышен ти чинь браньныи и свѣтильныкы свѣтлыиѣ прѣдыдоущее и свѣтецесе прѣдь бранію, абиѣ разидошесе и быше ни въ что же акы воскъ ѡбонявъ ѡгнь и акы бръниѣ въ водѣ.

²⁾ W, f. 340 v. a: πᾶν.

³⁾ I. c. τῆς πατρικῆς γλώσσης.

⁴⁾ I. c. ταῖς τοῦ Δορραχίου καὶ Ἀθηνῶν ἐπαρχίαις.

⁵⁾ W, f. 341 r. a: τοῦ συμμάχησαι ἡμῶν καὶ προστήσαντες αὐτοὺς ἐφορκότες καὶ αὐτοὶ τὴν τάξιν τοῦ πολέμου καὶ τοὺς φοστῆρας τοὺς φαίδρους τοὺς προβάλλοντας καὶ διαλάμποντας ἔμπροσθεν τοῦ πολέ(β)μου, εὐθέως διελύθησαν καὶ ἐγένοντο ὡσεὶ κηρὸς ὁσφραγθεῖς πυρός.

Черезъ два года являются изъ епархіи священники, прося Панкратія прибыть къ нимъ и освятить церкви — что онъ и дѣлаетъ. Голосъ свыше трижды велитъ ему поставить въ пресвитеры діакона Эпафродита (= Ксантиппа) и послать одного (f. 190 r. c. 2 = W, f. 347 v. a) τοῖς μέρεσι Ταρακινέας ¹⁾. Гдѣ это — Эпафродитъ не знаетъ, но предоставивъ себя волѣ Божіей, ѣдетъ на мулъ. Далѣе спасатель житія рассказываетъ будто-бы со словъ Эпафродита. Первую ночь онъ провелъ тамъ, гдѣ остановился мулъ; вторую у иѣкой воды (f. 190 v. c. 2): ταῦτα δὲ τα ὕδατα διὰ τοῦ χειμάρρου πλησίον κατέρχονται τῆς πόλεως Συρακούσης, (f. 191 r. c. 1) ὁ δὲ τόπος ἐκεῖνος Κερνήδιλος ὑπὸ τῶν σοριστῶν ὠνόμαστο ²⁾. На третій день онъ прибылъ на назначенное ему мѣсто, а узналъ онъ это потому, что мулъ отказывался идти далѣе; то мѣсто было (с. 2) πετρώδης. καθεσθεις οὖν ἐν ἐνὶ τῶν πλακωμάτων καὶ ἐξενέγκας ὅπερ ἦν αὐτῶ ὁ μακάριος Πανκράτιος θεδωκῶς ἅγιον εὐαγγέλιον, ἀνεγίνωσκε ³⁾ στήσας ἔμπροσθεν αὐτοῦ τὸν τίμιον σταυρόν. Въ той мѣстности властвовалъ топархъ Μελαφών (далѣе: Μελαφῶρ) ⁴⁾; святого увидѣла впервые женщина, ἧς ὁ ἀνὴρ ἦν γεηπονῶν καὶ ἔχων δεριστάς ἐν τόπῳ λεγομένῳ Κλοζόνιν ⁵⁾. Нагрузивъ осла хлѣбами и виномъ, она направлялась къ работникамъ, когда увидѣла Эпафродита сидящаго и читающаго, остановилась и заглядѣлась. Завязывается бесѣда: онъ говоритъ ей о Богѣ, Творцѣ всего, о значеніи креста и евангелія;

¹⁾ Въ слав. переводѣ: въ страны таракыньскыя земли; у Агасія: εἰς τὰ μέρη Ταρακινίας. Можетъ быть, Ταρακίνα: Стефана Византийскаго? Сл. Fazellus. De rebus siculis (ed. Amico e Statella), v. I, p. 456, прим. 10; Holm, Geschichte Siciliens im Alterthum I, p. 368, прим. къ стр. 73. Сл. Vito Amico, Dizionario topografico della Sicilia, tradotto dal latino ed annotato da G. Dimarzo (Palermo, 1855), I, 628.

²⁾ W, f. 348 v. a: αὐτὰ οὖν τὰ ὕδατα κατέρχουσα ἐκπορεύονται εἰς χειμάρρου ὄνομα πλησίον τῆς Συρακούσιων πόλεως, ὅς ὀνομάζεται Κερνήδιλος ὑπὸ τῶν σοριστῶν (Проф. Дестунисъ предлагаетъ читать: οἰκιστῶν).

³⁾ W, f. 348 v. b: ἐξενέγκας τὸ ἅγιον εὐαγγέλιον ὅπερ ἦν ὁσкас αὐτῶ ὁ μακάριος Πανκράτιος μάλλον δὲ ὅ ἦν δεξιόμενος ὑπὸ ἀγγέλου πρὶν ἡμῶς κατελθεῖν κηρύξει τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ, ἀνεγίνωσκεν.

⁴⁾ I. c. ἦν δὲ Μελάμφωρος(ς) τοπάρχης τῶν ἐκεῖσε χωρίων.

⁵⁾ I. c. Κλοζώνοις.

та считаетъ его самого богомъ; я такой-же человѣкъ, какъ и ты, говоритъ онъ и проситъ, въ доказательство того, дать ему хлѣба и вина: вотъ уже второй день, какъ онъ ничего не ѣлъ. Когда женщина явилась къ своимъ, мужъ упрекаетъ её, почему она такъ заноздала: работницы едва не ушли съ работы. Та говоритъ о видѣнномъ: незнаемый мужъ, передъ нимъ (f. 191 v. c. 2) *στύλος ὡς ἀστραπή* (f. 192 r. c. 1) *καὶ ἐν ταῖς ἀγκάλαις αὐτοῦ πῦρ κατέχει, καὶ ἐκ τοῦ πυρός ἐκείνου λόγους ἀποφθέγγεται* (=W, f. 349 v. a); она видѣла его ἐν τῷ πλάκωματι Μελαφόρου ¹⁾ πλησίον ²⁾ τοῦ ὕδατος (ib.). Мужъ самъ отправляется къ Эпафродиту, пораженъ чудомъ, его окружающимъ, считаетъ его богомъ; тотъ говоритъ ему о Христѣ. Оказывается, что крестьянинъ слышалъ о Немъ: одинъ изъ Его учениковъ (Маркіянъ) прибылъ въ Сиракузы, рассказываетъ онъ — и самъ желаетъ услышать благовѣстіе и принять крещеніе. Эпафродитъ соглашается: принеси только (f. 192 v. c. 1 = W, f. 350 r. b) *ἄμφια καινά*. Доставъ ихъ въ соседнемъ селеннѣ, онъ возвращается къ Эпафродиту, который креститъ его въ потокѣ, водрузивъ противъ него крестъ и икону Спасителя: *ἐγὼ γὰρ Εὐάγγελος πελέκει τὸ ξύλον εὐρών ἐποίησα τὴν εἰκόνα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐν ³⁾ αὐτῷ καθὼς ἦν ἐκτείνας τὰς ἀγκράντους αὐτοῦ χεῖρας· εἶχε δὲ μῆκος τὸ ξύλον ὡσεὶ πήχυν ἕνα (с. 2), πλάτος δὲ σπιθαμὴν μίαν. τὸ δὲ ξύλον ὑπῆρχε κυπάρισσος· ὡς οὖν ἔστη καὶ ἡγίασεν.*—Крещаемому представилось, что икона возложила руку на его голову; онъ идетъ оповѣстить своихъ работниковъ, которые, увидя его, разбѣжались: одежда неопита, въ которую онъ былъ облеченъ, оказалась имъ огненной. Онъ говоритъ имъ о видѣнномъ и что сталъ христіаниномъ, и тѣ стремятся къ святому, который креститъ ихъ (почное явленіе діавола, пытающагося ихъ застрашать), жену крестьянина и его троихъ дѣтей. Новообращенныхъ онъ посы-

¹⁾ W, f. 349 v. b: Μελαμόφορου.

²⁾ I. c. χειμάρρου.

³⁾ W, f. 350 v. a: εἰς αὐτὸ ὀρθόστατον κατὰ κέλευσιν Παγκρατίου. ἦν δὲ τὸ ξύλον ὡσεὶ μίαις ἡμισὺ πήχης τὸ μῆκος καὶ πλάτος αὐτοῦ ὡσεὶ σπιθαμῆς καὶ ἀναγόντα χεῖρας· τὸ δὲ ξύλον ἦν κυπάρισσος· ὡς δὲ ἔστη καὶ ἡγίασεν.

лаеть проповѣдывать слово Божіе въ энархіяхъ; они совершаютъ чудесныя исцѣленія, о чемъ слухъ идетъ окрестъ (f. 196 г. с. 1) ἀπὸ Μελαφόρου ἕως Πετρονίκης Παλαδίου τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ ὡς κατέρχεται ἡ ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου¹⁾. Откуда вы? спрашиваетъ народъ у посланныхъ Энафродита, и тѣ отсылають ихъ къ нему; онъ креститъ ихъ, между ними все эллины, нѣтъ ни монтана, ни іудея. Услышавъ о томъ сошлись и увѣрвали во Христа (f. 196 v. с. 1=W, f. 355 v. a) οἱ τοπάρχαι τῶν Μαζικῶν μερῶν καὶ Λιβυτῶν²⁾; лишь топархъ Мелафоръ (Μελαφόρ; W, f. 355 v. a: Μελάνφορος) былъ въ то время на островѣ Мелитѣ; вернувшись и онъ крестился. — Слухи о проповѣди Энафродита, посланнаго Панкратіемъ, доходятъ до епископа Спракузь, Маркіана; онъ удивляется такому вторженію въ чужую энархію и въ этомъ смыслѣ пишетъ Панкратію письмо. Отвѣчая, Панкратіи указываетъ на повелѣніе, бывшее ему свыше, и съ этимъ письмомъ посылаетъ Евагрія. Маркіанъ былъ въ ту пору (f. 199 v. с. 1) ἔξω ἐν ταῖς ὄυσι πόλεσι τῆς παραλίου οἰκῶν ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ ἐν ταῖς τρωγλοδουσίαις τῶν Μοντανῶν πλησίον³⁾ τῆς συναγωγῆς τῶν Ἰουδαίων. Маркіану было откровеніе касательно посланничества Энафродита, и онъ говоритъ Евагрію, что скорбитъ теперь о своемъ письмѣ къ Панкратію, и что оказалъ уже Энафродиту нѣкую поддержку. Онъ жалуется на іудеевъ и монтановъ, f. 200 г. с. 2 ἀλλὰ καὶ

1) Нынѣ Platani, древній Lykos или Halykos? Сл. Holm, l. с. I, стр. 31—2. Сл. соответствующее мѣсто въ W, f. 354 г. b: ἀπὸ Μελαφόρου ἕως Πετρονίκης πολλὰ δὲ τοῦ τῆς τρυφερᾶς παραλίου καὶ (v. a) κατέρχομένης τῆς ἀλσότης Πλατάμου τοῦ χειμάρρου; слав. пер., л. 89 об.: ѿ Мелефора мѣстьянааго старѣишины до Петроникиѣ Паладиѣвы размлажѣнааго приморіѣ исходѣцаа до альса платамьскааго потока.

2) Разумѣется, быть можетъ, provincia *Lilybetana* = val di *Mazara*? Сл. Fazellus, l. с. p. 402, 405, 467; Amari, Storia dei Musulmani in Sicilia, I, p. 467. Или слѣдуетъ оставить Λιβυτῶν въ связи съ Μαζικες, Μαζικαι, Mazaces = названіемъ народа въ Mauretania Caesariensis? Сл. Pape, Wörterbuch d. griech. Eigennamen ad. v. Μαζικες и Verba Seniorum y Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 803, 1010 и прим. на стр. 813.

3) W, f. 358 v. a: τῶν Ἰουδαίων τῆς βοῆς.

οἱ μαγικοί φαρμακοὶ τὰς μαγικάς¹⁾ αὐτῶν φαντασίας τοῖς λαοῖς ἐμφανίζοντες ἐπὶ τοὺς μύθους αὐτῶν ἔστρεπον²⁾. Ἔτι δὲ κατελθόντων ἡμῶν ὑπὸ δουρικῆς τισὶ πρῶγλαις, ἔφη πρὸς μεῖ ταῦτα, τέκνον, τὰ δαιμονοστάσια ἅπερ ἔραξ, ἢ τῶν πονηρῶν Μοντανῶν πεποίηκε συναγωγή, ἐν οἷς ὄκουσιν λεγεῶνες δαιμόνων. Но Господь проявилъ надъ ними свою чудесную силу, и весь городъ крестился; лишь немногіе остались, которыхъ діаволь побудилъ (f. 200 v. c. 1) ὅπως ἀπελθόν(с. 2)τες ὠρύξωσιν ἐνθα τὰ τῶν Σκλάβων κεῖνται σκηνώματα περὶ ὧν οἱ παλαιοὶ συγγραφεῖς ἱστοροῦσι, καὶ ἀνεγείρωσι ναὸν τε καὶ θυσιαστήριον καὶ πόλιν οἰκοδομήσωσιν ἐν μέσῳ τῶν τάφων, ὃ καὶ ποιῆσαι ἐπεχείρησαν· ἐμοὶ δὲ τῷ ταπεινῷ γέγονέ τις ἔμπνευσις τοῦ ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον καὶ τοὺς ἀκαθάρτους δαίμονας καθειρῆσαι ἐν τοῖς ἐκεῖσε ἀδούτοις, ὃ καὶ πεποίηκα τῇ χάριτι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ³⁾. — По порученію Панкратія Евагріи посѣщаетъ Эпафродита, а затѣмъ вмѣстѣ съ Маркіаномъ отправляется въ Тавроменію. Панкратіи отвѣчаетъ тѣмъ-же и вмѣстѣ съ Маркіаномъ ѣдетъ въ Сиракузы (архонты Гордіи и Селевкѣ f. 203 v. c. 2; сл. W, f. 359 v. a, и passim), гдѣ ему было прозрѣніе о калабрііскомъ властителѣ Аклинѣ, замышлявшемъ разрушить Тавроменію (f. 204 r. c. 2 = W, f. 368 v. b),

(V) περὶ Ἀκυλίνου βασιλέως τῆς χώρας Καλαβρίας, ἀπογόνου τοῦ ἐτέρου Ἀκυλίνου τοῦ λεγομένου Ἄνθου· οὕτως γὰρ ἦν ἡ προσωμία αὐτοῦ, ἐπειδὴ πάντες οἱ ἐκεῖσε βασιλεῖς τὴν αὐτὴν ἐπεφέροντο προσηγορίαν⁴⁾.

Не сказавъ никому ни слова, не посѣтивъ даже Эпафродита, котораго вызываетъ въ Сиракузы, передавъ его паству въ вѣ-

1) W, f. 359 v. a: καὶ διαβολικάς.

2) W, f. 359 v. a: ἐκτρέπουσιν, καὶ ἔτι ὀλίγον κατῆλθον ἡμεῖς τῷ μακαρίῳ ὑπὸ δουρικῆς τρισὶν πρῶγλαις, ὃ δὲ μακάριος πρὸς μεῖ.

3) W, f. 364 v. a: ἔτι δὲ ὀλίγον ἦν ἐμπνέων ὁ διάβολος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ πόμηνος, καὶ λαβὼν ὀλιγοστός ἐκ τῶν Ἰουδαίων καὶ Μοντανῶν, ἀπελθόντες ἔθαψαν ὄπου καὶ τὰ τῶν Σκλάβων ἔκειντο σκηνώματα, ἃ καὶ ἀνεγράψαντο οἱ ἱστοριογράφοι. Καὶ ἀπελθόντες ἐποίησαν θυσίαν πονηρὰν ἐν τοῖς τάφοις, οἷς καὶ ἤθελον πόλιν καὶ ναὸν ἀνοικοδομήσαι· σκεψάμενοι οὖν τοῦ ἐγχεῖρσαι, ἦλθεν μου ἐκ θεῆας ἀποκαλύψεως τοῦ ἀπελθεῖν ἐκεῖσε η τ. δ.

4) W, f. 368 v. b: διὸ πάντες οἱ τῶν ἐκεῖσε βασιλεῖς Ἀκυλίνου ὄνομα περιήγον.

дѣніе Маркіана, Панкратіи спѣшитъ въ Тавроменію. Вонифатіи былъ на охотѣ; за нимъ посылаютъ верхомъ гонца; на другоїи день, собравъ народъ и причастивъ его, Панкратіи готовитея объявить пока лишь одному игемону о предстоящей опасности.

VI f. 205 v. c. 2 — 212 r. c. 1. На поляхъ внизу подъ вторымъ столбцомъ л. 205 об. написано: Περὶ Ταύρου καὶ Μενίας καὶ τῆς τῆς πόλεως γενέσεως ¹⁾. «Φέρε οὖν μοι τὸν βίον Ταύρου, ὅνπερ μοι πολλάκις ἀνέγνως ἐν ᾧ ἐμφέρεται περὶ τοῦ Ῥεμίνδου καὶ Μενίας ^{1*)} καὶ Ἀκυλίνου βασιλέως Καλαβρίας, καὶ πῶς ἡ πόλις γέγονε, πῶς τε ὁ Ταῦρος σὺν τῇ Μενίᾳ ἐνταῦθα παραγένετο καὶ πῶς ὑπῆρχον τὰ σύνορα ²⁾ αὐτῶν, καὶ ἐρῶ σοι ἐκ τῆς ἀναγνώσεως ταύτης πῶς καὶ ποίου πολέμου ἀφορμὴν λαβὼν ³⁾ ὁ ἀπόγονος Ἀκυλίνου ἐνταῦθα παραγίνεται. ζητῆσαι γὰρ βούλεται τοῦ ἀρχαίου πολέμου τὴν ἐκδίκησιν». Ὁ δὲ Βονιφάτιος ἀποστείλας ἤνεγκε ⁴⁾ τὸ βιβλίον, ὅπερ λαβόντες εἰσήλθομεν ἑμοῦ εἰς τὸ εὐκτῆριον, ὃ τε μακάριος Παγκράτιος καὶ Βονιφάτιος καὶ γὰρ σὺν αὐτοῖς, καὶ εὐθέως προστρέψαντό ⁵⁾ με ἀναγνῶναι, ὡς δὲ ἀνέγνων λόγους διαφόρους ⁶⁾ καὶ πρόπαια πολεμικά, λέγει πρὸς με ὁ μακάριος: περὶ Ταύρου καὶ Ἀκυλίνου καὶ τοῦ μεγάλου αὐτῶν πολέμου ἀνάγνωθι, τέκνον (f. 206 r. c. 1). Τότε ἀναπτύξας εὗρον τὸ κεφάλαιον περὶ τῶν περμόνων Ἀκυλίνου καὶ Ῥεμίνδου καὶ ὁποίους ἕκαστος αὐτῶν κατεῖχον τόπους καὶ ποίους πολέμους κατώρθωσαν ⁷⁾. καὶ φησιν

Ῥεμίνδος καὶ Ἀκυλῖνος οἱ βασιλεῖς ἦσαν ἐν Ἰνδικτιῶνι τῆς ἐτῶν ⁸⁾

1) W, f. 370 r. b — 376 r. b. Inc. Τέκνον, ἔνεγκά μοι τὸν βίον Ταύρου; Crypt. Ferr. f. 140 a: ἔνεγκέ μοι.

1*) Crypt. Ferr. f. 140 a: περὶ Ῥεμίνδου καὶ Μενίας; такъ и далѣе.

2) W, f. 370 r. b: κατεῖχον τὰ σύνορα; Crypt. Ferr. f. 140 a id.

3) W, l. c. ποίῳ πολέμῳ ἀφορμὴν λαβὼν θέλει παραγενέσθαι ἐνταῦθα; Crypt. Ferr. f. 140 a: ποίῳ τρόπῳ ὁ πολέμιος ἀφορμὴν λαβὼν θέλει παραγενέσθαι.

4) W, ibid. τάχιστα οὖν ἐκπέμφξας ὁ Β. παρηνέχθη ἡ βίβλος; Crypt. Ferr. f. 140 a: то-же (πέμφξας).

5) W, l. c. προστρέψαντο, Crypt. Ferr. f. 140, b. id.; синод. προσετρέψαντο.

6) W, f. 370 r. b: διαφόρους λόγους καὶ πολεμικά, λόγους μὲν (f. 370 v. a) μυθικοὺς, πολέμους δὲ ἀμυθήτους, λέγει; Crypt. Ferr. f. 140 b: διαφόρους πολέμους καὶ πολεμικά πολλά, λόγους μὲν и т. д.

7) W, l. c. ποίους πολέμους κατ'ἀλλήλων ἐκρότουν; Crypt. Ferr. f. 140 b ἐκρότουν.

8) Снн. αὐτῶν; W, l. c. ἐδίκητο, ἐκυτῶν; Crypt. Ferr. f. 140 b: ἐν Ἰνδικτῳ τῆς τῶν ἐτῶν ἀρχῆς.

ἀρχῆς οὕτως διακατέχοντες· ἀπὸ πελάγους ¹⁾ τῆς παραλίας Καλαβρίας ²⁾ καὶ ὡς κατέρχεται ³⁾ διὰ Ῥιγίου τόπου κρυώδους οὕτω καλούμενου καὶ Πελοῦρου τὸ ἀνανεῦον ⁴⁾, καὶ Κάστρου ⁵⁾ τοῦ Παλαιοῦ ⁶⁾ καὶ Τραφικῆς καὶ Τουρικοῦ ⁷⁾ ὕδατος Ἐπταδέλφου δὲ Κάρου ⁸⁾ τὰς ὑψηλάς, καὶ ἕως τῆς ⁹⁾ παραλίας τῶν Σαλινῶν ¹⁰⁾ πάντα ταῦτα κατεῖχεν ὁ Ῥεμίνδος. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν καὶ αὐτὸς κατέχων τόπον πολὺν καὶ λαὸν καὶ πόλεις ἰσχυράς ἀπὸ τῆς αὐτῆς παραλίας ἕως Πριωνικῶν ὀρέων καὶ Σιλανικῶν ¹¹⁾ καὶ ἕως πόλεως Ταραντοῦ καὶ ὡς κατέρχεται μέχρι Κογχύλου ποταμοῦ ¹²⁾. Ὁ μὲντοι Ῥεμίνδος ὀλιγοστός ἦν πρὸς Ἀκυλῖνον ὥστε καὶ φόρους αὐτῷ τελεῖν. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος μὴ προσχὼν τοῖς φόροις ¹³⁾ Ῥεμίνδου καὶ τοὺς τόπους καθαρπάζειν ἐβούλετο ¹⁴⁾ καὶ τὸν πλοῦτον καὶ τοὺς ἀνδράς ¹⁵⁾ σὺν Μενία τῇ σοφῇ καὶ

1) W, l. c. πελάγους.

2) Принято чтение W, l. c.; в синодальномъ: Ἀδρία.

3) W, Crypt. Ferr.: синод. κατέρχεται.

4) W, l. c. Crypt. Ferr.; синод.: καὶ ὄρος οὕτω καλούμενον Πελοῦρον τῶν ἀνέων (?).

5) Такъ въ W, l. c. и Crypt. Ferr.: в синодальномъ: Καστόρου.

6) M. δ. Palecastrum?

7) Сив. W. του ραικοῦ; Crypt. Ferr. f. 140 b: турикоῦ; слав. турьскыѣ воды.

8) W, l. c. Κάρου.

9) W, l. c. τῆς αὐτῆς.

10) W, l. c. Σαλινῶν, καὶ ἅπαντα διακατεῖχεν ὁ ποτὲ P. ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμηκῆς καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ A. ἦν καὶ αὐτὸς.

11) W, 370 v. b, Crypt. Ferr. f. 140 b: Σιλανικῶν, синод. Σολανικῶν. Разумѣтея, вѣроятнo, горный хребетъ Sila.

12) W, l. c. ἕως Τηροπόλεως καὶ χειμάρρου Κογχύλου. В оригиналѣ оба города могли бытъ упомянуты рядомъ, какъ даѣе: ἕως χειμάρρου Κογχύλου καὶ Ταραντοῦ καὶ τῶν ὀρίων Τηροπόλεως. = Tiriolo? Привожу весь этотъ географическiй эпизодъ по ркп. Crypt. Ferr. f. 140 b: ἀπὸ Σαλινῶν καὶ ἄνωτέρω τῆς Καλαυρίας καὶ κατέρχεται διὰ Ριγίου τόπου κρυώδους οὕτω καλούμενου καὶ Πελοῦρου τὸ ἀνανεῦον καὶ Κάστρου τοῦ Παλαιοῦ καὶ Τραφικῆς καὶ Τουρικοῦ ὕδατος Ἐπταδέλφου δὲ Κάρου τὰς ὑψηλάς, καὶ ἕως τῆς αὐτῆς παραλίας τῶν Σαλινῶν ἅπαντα ταῦτα διακατεῖχεν ὁ ποτὲ Ῥεμίνδος· ἦν δὲ τὸ γένος ἔθνους ξανθοῦ, εὐμηκῆς καὶ πάνυ δυνάστης. Ὁ δὲ Ἀκυλῖνος ἦν καὶ αὐτὸς πάνυ πλῆθος τόπων καὶ λαῶν διακατέχων καὶ πόλεις ἰσχυράς, ἀπὸ δὲ τῆς Καλαυρίας ἕως Πριωνικῶν ὀρέων καὶ Σιλανικῶν καὶ ἕως Τηροπόλεως χειμάρρου καὶ Κογχύλου. Сл. соотвѣтствующее мѣсто въ славянскомъ переводѣ, Приложение, стр. 69—70.

13) W, l. c. τῶν φόρων; Crypt. Ferr. f. 140 b: id.

14) W, l. c. ἤθελεν; Crypt. Ferr. l. c. ἔθελεν.

15) W, l. c. αὐτοῦ σὺν Μενία τῇ μεγάλῃ τῇ φιδρᾷ (σιнод. σοφῇ) τε καὶ σοφῇ. Ἦν δὲ καὶ αὐτὴ Μακεδόνισσα. Crypt. Ferr. l. c. id.

μεγάλη καὶ φαίδρα. (c. 2). Ἦσαν δὲ ὁ μὲν Ῥέμινδος τῷ γένει ἔθνους
 Ξανθοῦ εὐμήκης τε καὶ σφόδρα δυνάστης· ἡ δὲ Μενία Μακεδόνισσα μὲν
 τῷ γένει τὴν δὲ ἄνω πρόνοιαν τεβομένη, καὶ εἰς βοήθειαν ἐπικαλουμένη.
 Συγχοτέρους τοιγαροῦν πολέμους πρὸς ἀλλήλους συνέβαλον ὁ τε Ἀκυ-
 λῆνος καὶ Ῥέμινδος. — Ἡ δὲ τοῦ Ταῦρου γένεσις τοιαύτη τις ἐστίν·
 Ταῦρος οὖν οὗτος ὁ πολὺς ἐν σαρκικῇ δυνάμει Χανναεὺς ἦν τῷ γένει καὶ
 ἐν τοῖς αὐτοῖς ὁρίοις ἐπέχθη τοῦ Χάμ, ἀπογονος δὲ τοῦ Νεβρώδ ἐκείνου,
 λέγω τοῦ Νεβρώδ τοῦ ἐν τῇ Γενέσει ἐμφορομένου. Οἱ οὖν ἱστορικοὶ
 δεκάτην¹⁾ γενεάν εἶναι τοῦ Νεβρώδ τὸν Ταῦρον ἱστοροῦσιν· Ἀνελθόντες
 δὲ οἱ μονόζωνοι Συρίας, ἐπολιόρησαν μίαν τῶν πολεων Χάμ καὶ
 κατελάβοντο αὐτήν²⁾ καὶ λαβόντες τὴν αἰχμαλωσίαν ἤγαγον εἰς Συ-
 ρίαν. ἦν δὲ καὶ ὁ Ταῦρος σὺν τῇ ἑαυτοῦ μητρὶ ἐν τῇ αἰχμαλωσίᾳ
 ὧν ὡσεὶ ἐτῶν πεντεκαίδεκα.³⁾ ὅτε οὖν ἤλθεν ἡ προνομή εἰς διαμερι-
 σμὸν καὶ προνομήν τοῖς ἄρχουσιν, ἤχθη καὶ ὁ Ταῦρος εἰς μέσον
 (f. 206 v. c. 1). ὁ δὲ διανομεὺς τοῦ ἐξισασμοῦ ἰδὼν τὸ παιδάριον
 πάνυ ὠραῖον, ἔλαβεν αὐτὸ σὺν τῇ μητρὶ λαθραίως καὶ τοῖς ἰδίοις
 δούλοις συνέταξεν. γνοὺς δὲ ὁ ἄρχων⁴⁾ τὸ γεγονός ἀηδῶς πρὸς αὐτὸν
 εἶχεν ὡς πίστιν μὴ φυλάξαντα. Ναύκληρος δὲ τις ἐκ τῆς μεγαλοπό-
 λεως Ῥώμης ὑπάρχων καὶ ἐν τῇ Συρίᾳ τότε τὰς ἰδίας ποιούμενος
 πραγματείας, ἐρωτήσας τὸν ἄρχοντα εἰ ἔξεστιν δόντα τὴν τιμὴν
 ὠνήσασθαι τὸν Ταῦρον, ἐπέτρεψεν ὁ ἄρχων τοῦτο γενέσθαι. καὶ δε-
 δωκῶς ὁ ναύκληρος τριάκοντα χρυσίνους ζαχρευτοὺς⁵⁾ ὠνήσατο τὸν
 Ταῦρον σὺν τῇ μητρὶ. καὶ ποιήσας τὰς λοιπὰς αὐτοῦ πραγματείας,
 ἐξέπλευσεν ἀπὸ Συρίας ἐλθεῖν ἐν Ῥώμῃ. πνεύσαντος δὲ λιβὸς ἀνέμου,
 οὐκ ἴσχυσε κατὰ τοὺς Ἰταλικοὺς διαπλεῦσαι κόλπους, ὅθεν ἐξ ἀνάγκης
 κατήχθη εἰς Ῥήγιον⁶⁾, ἵνα διὰ τοῦ στενωποῦ Φάρου ἐκπλεύσῃ. τῶν

1) W, f. 370 v. b: ὅν οἱ ἱστοριόγραφοι ὑπεγράψαντο αὐτὸν εἶναι δεκάτην; сл. Crypt. Ferr. f. 141 a.

2) W, l. c.; синод. — αὐτόν.

3) W, l. c. ὅτε οὖν ἐξῆλθεν ἡ προνομή δισπαρήναι· ἐν τοῖς ἄρχουσιν, ἤλθεν καὶ Ταῦρος εἰς μέσον· ὁ δὲ μονοδότης τοῦ ἰσασμοῦ ἰδὼς; Crypt. Ferr. l. c. id.

4) W, l. c. ἀρχιάρχων; Crypt. Ferr. l. c.: Ἀρχὴ ὁ ἄρχων; слав. т. (сл. приложе- ния стр. 70): архирѣ кнезь.

5) W, f. 371 r. b: ζαχρευτοὺς; синод. γαζευτοὺς, Crypt. Ferr. l. c. γαζευτοὺς.

6) W, l. c. ἐν Ῥηγίῳ; Crypt. Ferr. f. 141 b.: ἐν Ρυγίῳ.

δύο γὰρ πελάγων τὸ μαγικὸν ἐν αὐτῷ¹⁾ ἐστὶν ὅπερ οἱ γεωμέτραι στενωπον (c. 2) κεκλήκασιν. ὅταν γὰρ ἀνάκλασις τοῦ σάλου αὐτοῦ γένηται, τίς ὑποστήσεται τὰς τρικυμίας αὐτοῦ; κατὰξας²⁾ ποιγαροῦν ὁ ναύκληρος³⁾ ὠράθη ὑπὸ τῶν Ῥεμίνδου ὑπασπιστῶν. οἱ καὶ ἐθαύμασαν ἰδόντες τὸ κύτος τῆς νηὸς, καὶ πέμψαντες πρὸς Ῥεμίνδον ταχυδρόμους ἐδήλωσαν αὐτῷ περὶ τοῦ πλοίου. ὁ δὲ ἐλθὼν καὶ προσεγγισας τῇ σκάφῃ λέγει· Χαῖρε τύχη τοῦ πλοίου, καλὸς σου ὁ φόρτος. Καὶ ὁ ναύκληρος σὺν τοῖς ναυτικοῖς ἀπεκρίνατο· Χαίροις καὶ αὐτός, τοπάρχα, καλῶς τὰ κατὰ σέ διοικοῦνται, ἢ πρόνοια τῶν θεῶν διαφυλάξει σε. Καὶ ὁ Ῥεμίνδος ἔφη· Τίς ὁ φόρτος τῆς νηὸς; Οἱ δὲ ναῦται λέγουσιν· Εἴ τι δ' ἂν βούλη, πάντα γὰρ ἀγαθὰ ἔχομεν. ἦν δὲ ὁ Ταῦρος ζαγρῶς περιπατῶν ἐν τῷ περιστρώμῳ τοῦ πλοίου, ὃν θεασάμενος ὁ Ῥεμίνδος ἔφη πρὸς τὸν ναύκληρον· Τίς ἐστὶν ὁ νεανίας οὗτος; Καὶ ὁ ναύκληρος· Ὁ δοῦλος σου, ὠνησάμην αὐτόν. Καὶ ὁ Ῥεμίνδος (f. 207 r. c. 1)· Δός μοι τὸ παιδάριον. Καὶ εὐθέως δεδωκώς ἐξήκοντα χρυσίνους ὠνήσατο τὸν Ταῦρον σὺν τῇ ἰδίᾳ μητρὶ· φιλοτιμήσας δὲ αὐτοὺς οἶνω καλλίστῳ καὶ παντοίαις διατροφαῖς ἔφη· Ὀπηνίκα εὐθετος ὁ πλοῦς τοῦ στενωποῦ γένηται, ἐκπλεύσατε ὑγιαίνοντες. ἦν γὰρ πονηρὸς ὁ διάπλους ἀπὸ τῆς πολυκυμίας στοιχιζόμενος. γενομένου δὲ αἰσίου τοῦ πλοῦς διέπλευσεν ἡ ναῦς. Ὁ δὲ Ῥεμίνδος λαβὼν τὸν Ταῦρον σὺν τῇ μητρὶ ἀπεκόμισεν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ Σαλινῶν εἰς τὰ ἴδια. ἡ οὖν γυνὴ αὐτοῦ θεασαμένη τὸν Ταῦρον εἶπεν· Οἶδεν ἢ ἄνω πρόνοια ὅτι καλὸν τὸ παιδάριον ὅπερ ὠνήσω, κύριέ μου ἄνερ. ἡ δὲ Μενία ἦν ὡσεὶ ἑπτῶν ὀκτωκαίδεκα⁴⁾, φρόνιμος δὲ λίαν καὶ σοφὴ. ὡς δὲ εἶδεν τὴν μητέρα Ταύρου, ζηλοτυπήσασα μήπως Ῥεμίνδος ἠδονὴν τινα ἐργάζηται ἐν αὐτῇ, δοῦσα αὐτῇ φάρμακον ἀνείλεν αὐτήν. ἑωρακώς οὖν ὁ Ταῦρος τὴν τελευταίην (c. 2) τῆς ἑαυτοῦ μητρὸς, γολωθεὶς νοσήματι περιπέπτωκεν, ὡς λέγειν πάντας ὅτι ὁ παῖς ὁ Χανανεύς τελευταῖα. Καὶ Ῥεμίνδος τέθλιπται δι' αὐτόν. ἡ δὲ Μενία λαβοῦσα κλίνην καὶ στρωμνὴν ἀπαλήν, ἀνήνεγκε τὸν Ταῦρον ἐν τινὶ ὑπερώῳ

1) W, l. c. τῷ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

2) W, l. c.; εἰσοδ. κατὰξας.

3) W, l. c. ὁ ναύκληρος ἐν ἐπισήμῳ τόπῳ; Crypt. Ferr. l. c. id.

4) W, f. 371 v. b: πάνυ δὲ παλαιὰ τὸ φρονήματι καὶ σοφῇ; Crypt. Ferr. f. 142 a, id.

ἔχουσα μεθ' ἑαυτῆς δύο παιδίσκας. Καὶ λαβούσα τὴν κεφαλὴν τοῦ παιδὸς καὶ ἐπὶ τὸν ἴδιον ἀναβιβάσασα κολπον περιεπτύσσετο λέγουσα· Μὴ οὕτως, παιδάριον, ἀθύρει καὶ λυποῦ. εἰ γὰρ καὶ ἡ μήτηρ σου κεκοίμηται, ¹⁾ ἀλλ' ἐγὼ νέα καὶ σὺ παιδάριον. Ῥέμινδος δὲ προβαίνει ἡμᾶς. ταῦτα καὶ ἕτερα ἅπαντα πρὸς αὐτὸν ἡ Μενία λαλήσασα, ἤρθη ἡ μνήμη τῆς μητρὸς Ταύρου ἐκ τῆς καρδίας αὐτοῦ καὶ προσεκολλήθη τῇ Μενίᾳ καὶ εὐθέως ἠπήσατο φαγεῖν ²⁾. ἡ δὲ Μενία, καρύκεισμα ἐκ τρυφεροῦ ἐρίφου ποιήσασα, ἐπέδωκεν αὐτῷ, καὶ ³⁾ ἐνίσχυσε καὶ ἀνέστη ἀπὸ τῆς ἀρρωστίας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ῥέμινδος ἔρῳν τὸν παῖδα σχῆμα ἀνδρείας περικείμενον ⁴⁾, ἀπέδοτο αὐτὸν ἐν ταῖς στρατεύμασι (f. 207 v. c. 1) διδάσκεισθαι μεταποιεῖν τὰς καθέδρας τῶν ἵππων· καὶ ἐπὶ πέντε ἑτέροις χρόνοις ἐγένετο ὁ Ταῦρος ἀνὴρ εὐμήκης καὶ εὐρωστος τῇ ἡλικίᾳ. ποικίλα ⁵⁾ ἤρθη καὶ πράξεις ποιούμενος. ἐν τε πολεμικοῖς τόξεύμασι καὶ λίθων βολαῖς καὶ ἐν ἄλλοις τισὶν ἀνδραγαθήμασιν, ὡς λέγειν Ῥέμινδον ἀναψυχῆν ⁶⁾ εὐρηκέναι τὸν παῖδα τοῦτον ὑπὲρ πάντας τοὺς παῖδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ Ἀκυλῆνος γνοὺς τὴν ἀνδρείαν αὐτοῦ τὴν ἐν πολέμοις ἐπειρᾶτο μαθεῖν παρὰ τινῶν καὶ φησιν· Πόθεν ὁ παῖς ὁ εὐφυῆς ὁ προπορευόμενος Ῥεμίνδῳ, ὃς δίκην γίγαντος τόξον τείνει καὶ λίθον βολίδι βάλλει; Οἱ δὲ εἶπον· Ἐκ Συρίας ὠνήσατο αὐτόν. Οὕτως μὲν οὖν ὁ Ταῦρος παρὰ πάντων ἐθαυμάζετο ⁷⁾ διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ ἰσχύν. τὸ γὰρ τόξον αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδύνατο τείνει, τὰ δὲ βαστάγματα ἅπερ μετὰ κόπου ἕτεροι ἐπὶ τῶν ὤμων ἐπεφέροντο, αὐτὸς θαδίως ἐν μιᾷ χειρὶ ἐβάσταζεν· οὐ μόνον δὲ τὴν ἰσχύν εἶχεν, ἀλλὰ καὶ σοφὸς ἦν καὶ τροπαιοῦχος (c. 2)· πολλάκις γὰρ τῶν ἄλλων εἰς τὰ συμπόσια τῶν ἑαυτῶν θεῶν συναθροισμένων καὶ τισὶ παραβολαῖς καὶ δυσλήπτοις νοήμασι πρὸς ἀλλήλους κεχρημένων, οὐχ' εὐρίσκετο ὅμοιος Ταύρου ἐν τε ἰσχύϊ καὶ παραβολαῖς μυθικαῖς. συνήλθον

1) W, l. c. ἐγὼ ἀντὶ μητρὸς σοι γενήσομαι, καὶ γὰρ νέα καὶ σὺ παῖς; c. l. Crypt. Ferr. f. 142 a.

2) W, f. 372 r. a: καὶ πιεῖν; Crypt. Ferr. l. c. id.

3) W, l. c. λαβὼν ἔφαγεν καὶ; Crypt. Ferr. l. c. id.

4) W, l. c. σχήματα ἀνδρείας περιβεβλημένον; Crypt. Ferr. l. c. id.

5) W, l. c. (βλ. ποικίλα) πάντο δὲ; Crypt. Ferr. f. 142 b. id.

6) W, l. c. ἀναψυχῆν, Crypt. Ferr. l. c. id.; c. n. o. ἀναψυχῆ.

7) W, f. 372 r. a: παρὰ πάντων ἐθαυμάζετο; Crypt. Ferr. l. c. id.

ποίνων ἐν μιᾷ πλήθει βοῶν ἐν τῷ λεγομένῳ Σαλινικῷ ὕδατι ἐν οἷς ὑπῆρχον ταῦροι δωδεκαετείς ἀγριοί τε καὶ ἀνήμεροι, οἷς πῶποτε οὐκ ἐτόλμα τις προσεγγίσει. διεγερθεὶς δὲ ὁ Ταῦρος ἔμπροσθεν πάντων, ἐκράτησε τὸν ὑπερμεγέθη καὶ ἀγριώτερον πάντων καὶ ὄησας σχοινίῳ ἐκρέμασεν ἐν τῇ μιᾷ αὐτοῦ χειρὶ. ὥστε καὶ ἐκ τούτου ὀνομαστὸν γενέσθαι τὸν Ταῦρον καὶ οἶον ἕτερον οὐκ ἦν ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις εὑρεῖν. αὕτη οὖν ἡ φήμη τῆς ἀνδρίας Ταύρου. τοιοῦτος δὲ ὢν οὐδέποτε ἀφροδισίᾳ συνεμίγη, οὐδὲ ἠπτήσατο κοίτην γυναικός· τῆς γὰρ ἐαυτοῦ ἰσχύος ὁ σοφός¹⁾ τὴν λαογραφίαν ἐν ταῖς γραφικαῖς ἱστορίαις εὐρισκεν ἐπίβουλον.

Ἐν δὲ ταῖς ἡμέραις ἐκείναις παραγίνεται Ἀκυλῖνος ἐκπορθῆσαι τοὺς περὶ Ῥεμινδόν (f. 208 r. c. 1), καὶ ἦν ἀγὼν πολὺς ἐν αὐτοῖς τὸ πῶς Ἀκυλῖνῳ ἀπαντήσωσιν. ἡ δὲ σοφὴ Μενία λαβοῦσα τὴν ἐαυτῆς περιουσίαν ἀπέκρυψεν ἐαυτὴν ἐν τινι τόπῳ. Ῥεμινδὸς δὲ λαβὼν τὸν ἐαυτοῦ λαὸν ὀλιγοστὸν ὄντα πάνυ πρὸς τὸ τοῦ Ἀκυλῖνου πλήθος, ἐξῆλθεν εἰς συνάντησιν αὐτοῦ ἔχων καὶ τὸν Ταῦρον μεθ' ἐαυτοῦ. Ὅτε οὖν συνῆψαν τὸν πόλεμον, στραφεὶς ὁ Ταῦρος ἀπὸ Ῥεμινδου τοῦ πληῆξαι τινὰ τῶν ὑπεναντιῶν, πέπτωκεν ὁ Ῥεμινδὸς καὶ τεθνήκεν. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐπιστραφεὶς καὶ τὸν ἐαυτοῦ κύριον πεπτωκότα καὶ πεπληγμένον θεασάμενος, κύψας ἔλαβε τὸ δακτύλιον τῆς χειρὸς αὐτοῦ καὶ ἐπιβάς ἵππῳ ταχυτάτῳ ἔφρευγεν. Οἱ δὲ ὑπενάντιοι κατεδίωκον ὀπισθεν αὐτοῦ, αὐτὸς δὲ ὑποστρέψας ἀνέβλεν ἐξ αὐτῶν ὡσεὶ τριάκοντα ἀνδρας, καὶ οὕτως οἱ λοιποὶ προσηθέντες ἀρῆκαν πορεύεσθαι. Ὁ δὲ ἐλθὼν ἐνθα ἦν ἡ Μενία κρυπτομένη, ἀνήγγειλεν αὐτῇ ὅτι «Ῥεμινδὸς ὁ κύριός μου πληγείς ἐν τῷ πολέμῳ ἐπελεύτησεν». ταῦτα ἀκούσασα διέρρηξε τὸν ἐαυτῆς χιτῶνα (c. 2) ἀπὸ ἀνωθεν ἕως κάτω καὶ [ἐπι]τὴν κεφαλὴν κόνιν καταπάσασα, ἐκάθητο πενθοῦσα, προσελθὼν δὲ ὁ Ταῦρος ἤρξατο λέγειν ὦ κυρία μου σοφὴ Μενία, διὰ τί οὕτως ὀδύρη καὶ τὴν καρδίαν σου ἡ λύπη πεπλήρωκεν; οὐχὶ ἡ σὴ παράκλησις τοῦ ἱεροχόλου με ἀνέστησε καὶ μνήμην μητρὸς μου ἀπήλειψεν; οὐχὶ σὺ εἶρηκᾶς μοι ὅτι «κἀγὼ νεα καὶ σὺ παιδάριον, καὶ Ῥεμινδὸς προβεβηκώς»; ἡ δὲ Μενία ὑπόμνησιν λαβοῦσα τῶν παρ' αὐτῆς πάλαι ρηθέντων κατεστᾶλη ἐκ τῆς προλαβούσης ὀδύνης καὶ φησιν· Οὕτως ἔχει.

¹⁾ W, l. c., Crypt. Ferr. f. 113 a. id.: ὡς σοφός

παιδάριον, καὶ γὰρ προβεβηκῶς ἦν Ῥεμίνδος. Τότε ὁ Ταῦρος πρὸς τὴν ἑαυτοῦ κυρίαν ἔφη: Δός μοι τὴν σωληνωτὴν ζώνην τοῦ κυρίου μου καὶ τὴν ἀπλήν μάχαιραν καὶ τὴν ἀσπίδα τὴν χειμευτὴν καὶ τὸ δόρυ αὐτοῦ τὸ μαγευτόν. ἢ δὲ ἐξενέγκασα δίδωσιν αὐτῷ πάντα, καὶ λέγει Ταῦρος: Ἀσπασαί με, κυρία μου Μενία, ὅτι τὸ αἷμα Ῥεμίνδου τὸ ἐκχυθὲν σήμερον ἐπὶ τὴν γῆν ἐκδικῆσαι πορεύομαι (f. 208 v. c. 1) εἰς Ἀκυλῆιον τὸν κῶνα, καὶ συντρίψω αὐτὸν ἐν λιθοβολίᾳ. ἢ δὲ ἀσπασαμένη αὐτὸν λέγει: Ἀπέλθε, ἢ ἄνω πρόνοια συμμαχήτω σοι. σκοπῷ δὲ τὸν πόλεμον κρότησον, μήπως καὶ σὲ Ἀκυλῆιος ἀποκτείνῃ. τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος φίλημα γυναικῶς ἐν τῷ ἑαυτοῦ στόματι¹⁾. συναθροίσας δὲ τοὺς περιλειφθέντας ἐκ τοῦ πολέμου ἄνδρας ὡς ἑξάκις χιλίους, λέγει αὐτοῖς: Ἀπέλθωμεν πρὸς Ἀκυλῆιον.²⁾ οἱ δὲ ἀπεκρίναντο: Καὶ τί ποιήσομεν ἑξακισχίλιοι ἄνδρες πρὸς ὀγδοήκοντα χιλιάδας; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη: Τοῦτο πάντως κάκεινοι λογιζονται ὅτι τε ὀλιγοστός ἐστὶν ὁ λαὸς ἡμῶν καὶ ὅτι³⁾ ἀπέθανε Ῥεμίνδος καὶ οὐ μὴ παραγένωνται πρὸς ἡμᾶς ἐν ἀμεριμνίᾳ ὄντες. εὐρήσομεν οὖν αὐτοὺς ἀναπεσόντας ἐν ἐνὶ τόπῳ⁴⁾ καὶ ποιήσομεν εἰς αὐτοὺς εἴ τι δ' ἂν βουληθῶμεν. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον (c. 2): Καλῶς εἶρηκας, Ταῦρε, ἀλλὰ τίς ἡμῶν ἄρξει καὶ τὰ πολεμικὰ τῆς τύχης ἐμβάλλει; Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη: Πάντες ὑμεῖς πολέμου πείραν ἔχετε, εἰ δὲ βούλεσθε, ἄρχομαι ὑμῶν ἐγὼ καὶ τὴν τύχην τοῦ πολέμου ἐπιδίδωμι. Καὶ οἱ ἄνδρες εἶπον: Σὺ μὲν, ὦ Ταῦρε, εἰ καὶ τὴν ἰσχύν περικείσαι,⁵⁾ ἀλλ' οὖν ἄπειρος εἶ πολέμου καὶ τύχην δοῦναι οὐκ ἐπίστασαι. Καὶ ὁ Ταῦρος ἔφη: Πειράσατέ με, καὶ γὰρ πρόθυμος γενήσομαι ἐν τῷ πολέμῳ⁶⁾ πλήν ὡς ἂν διαστήσω ὑμᾶς: καὶ

1) W, f. 373 r. a: φίλιαν γυναικῶς ὡς μόνον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν; Crypt. Ferr. f. 143 b: φίλημα γυναικῶς ὡς μόνον ἐν τῷ στόματι ἤγγισεν.

2) W, l. c. Οἱ δὲ ἄνδρες πρὸς αὐτόν: Καὶ τί ποιήσομεν; Ὁ δὲ T. πρὸς αὐτούς: Πολεμήσομεν. Καὶ οἱ ἄνδρες πρὸς αὐτόν: Καὶ τί ποιήσομεν ἑξάκις χίλιοι. Crypt. Ferr. l. c. id.

3) W, f. 373 r. b: Μάλιστα ὅτι ἀπέθανεν R. καὶ ἔφυγεν ὁ λαὸς καὶ οὐ μὴ; Crypt. Ferr. l. c. id. (этимъ ограничиваются доставленные мнѣ выписки изъ криптоферратскаго текста).

4) W, l. c. ἐν ἐνὶ τῶν ποικίλων τόπων.

5) W, l. c. ἐπεὶ παιδάριον εἶ, πείραν πολέμου καὶ τύχην μὴ ἐπιστάμενος δοῦναι.

6) W, l. c. καὶ ὡς διαστήσω ὑμᾶς, οὕτως ποιήσατε, ὁ καὶ εὐρήσετε νίκην ἐκφέρων.

εὕρησθε νικῆν, εὐ οἶδα. Τότε ἐξῆλθον οἱ ἄνδρες σὺν αὐτῷ καὶ ἦλθον ὡς ἀπὸ σταδίου ἑνὸς οὗ ἦν Ἀκυλῆνος. Λέγει οὖν ὁ Ταῦρος τοῖς ἀνδράσιν· Χωρίσατε ἑαυτοὺς δεξιὰ τρισχίλιοι, καὶ ἀριστερὰ τρισχίλιοι, καὶ οἱ μὲν τὴν ὄρεινὴν διακρατήσατε, οἱ δὲ τὴν παραλίαν, ἐγὼ δὲ μονώτατος διασκοπήσω τί διαπράττονται οἱ περὶ Ἀκυλῆνον. Καὶ ἐπορεύθη ὁ Ταῦρος μόνος, γενόμενος δὲ πλησιέστερον (f. 209 r. c. 1), ὄρᾳ πηγῆν καὶ ἀνδρας ἐξ φυλάσσοντας τὴν βᾶσιν τοῦ πολέμου. Καὶ ἐπιπεσὼν αὐτοῖς λαθραίως (ἀ)σπασάμενος τὴν ἑαυτοῦ μάχαιραν τοὺς μὲν τρεῖς ἀπέκτεινεν, τοὺς δὲ ἄλλους ὄησας ἤνεγκε πρὸς τοὺς ἐξάκις χιλίους ἄνδρας. Οἱ καὶ ἐθαρσοποιήθησαν ἐκ τούτου, εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἐγεγόνει, οὐκ ἐπέειθοντο τῷ Ταύρῳ. Οἱ οὖν κρατηθέντες τρεῖς ἄνδρες πᾶσαν τὴν δύναμιν Ἀκυλῆνου ἐξεῖπον τοῖς περὶ τὸν Ταῦρον, ὅτι περ καὶ πολλῷ οἴνῳ βαρυυθέντες εἰσὶ καὶ ὅτι φύλακας ἐπέρους οὐκ ἔχουσιν. Τότε θάρσος λαβόντες οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, τοὺς μὲν ἄνδρας τούτους ἀπέκτειναν, ἀναξέβξαντες δὲ τὰ ἄρματα ἑαυτῶν, ὁ μὲν Ταῦρος μέσθην ὁδὸν ἔβαινεν, οἱ δὲ ἄνδρες αὐτοῦ δεξιὰ καὶ ἀριστερὰ ἐπορεύοντο. ὅτε οὖν ἐπῆλθον τοῖς περὶ Ἀκυλῆνον, ἔρρηξε φωνὴν ὁ Ταῦρος ὥστε σκότος γενέσθαι ἐπ' αὐτούς (f. 209 r. c. 2)· ἦν γὰρ παρεικάσαι τὴν φωνὴν αὐτοῦ εἰς φωνὴν λέοντος. Ἐπιπεσόντες αὐτοῖς οἱ ἐξάκις χίλιοι ἄνδρες τοῦ Ταύρου ἀπέκτειναν ὡσεὶ πεντήκοντα χιλιάδας ἐκ τῶν περὶ Ἀκυλῆνον. Ὁ δὲ Ἀκυλῆνος οὐκ ἔτυχε πεσεῖν, φυγὼν δὲ μετὰ τῶν καταλειφθέντων εἰςῆλθεν ἐν τῇ Μεσοδοπόλει¹⁾. οἱ δὲ περὶ τοῦ Ταύρου ὑπέστρεψαν χαίροντες ἐκ τῆς παρατάξεως τοῦ πολέμου, εὐφρημοῦντες τὸν Ταῦρον ὡς ἄξιον τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς· καὶ ἐλθόντες πρὸς Μενίαν ἔλεγον· Κυρία ἡμῶν Μενία, πάντες ἡμεῖς δοῦλοι ἐσμεν Ταύρου τοῦ ἄρχοντος ἡμῶν, ὃς ἔδωκεν ἡμῖν τύχην μεγάλην οἴαν ποτὲ ἢ καθ' ἡμᾶς ἐπαρχία οὐκ ἔσχεν. δῶμεν οὖν καὶ ἡμεῖς αὐτῷ πάντες φιλοτιμίαν. θέλησον λοιπὸν, κυρία, καὶ σὺ προσομιλήσαι αὐτῷ καὶ γενέσθαι²⁾ εἰς σὲ τὸν κύριον ἡμῶν Ταῦρον. Καὶ λαβόντες αὐτὴν καὶ πάντα³⁾ τὰ αὐτῆς, ἦλθον ἐν τῇ πόλει αὐτῶν καὶ ἐνέγκαντες τὸν Ταῦ-

¹⁾ W, f. 378 v. b: Μελοδοπολει.

²⁾ W, l. c. γενέσθω εἰς σὲ ὁ κύριος ἡμῶν (f. 374 r. a) Ταῦρος καὶ σὺ πρὸς αὐτόν.

³⁾ W, l. c. ἡ ἦν αὐτῇ μετασταθέντα ἐν τῷ τόπῳ τῷ κρυπτῷ, ἦλθον ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς καὶ ἀνενέγκαντες αὐτὴν ἐν κλίνῃ συνελάβοντο καὶ Ταῦρον καὶ συνέμισαν αὐτούς.

ρον (f. 209 v. c. 1) καὶ τὴν Μενίαν ἤνωσαν ἀλλήλοισι. Καὶ τότε ἔγνω ὁ Ταῦρος κοίτην γυναικὸς ἀρεσθεὶς μόνῃ τῇ Μενίᾳ καὶ ἄλλῃ γυναικὶ μὴ προσομιλήσας ἕνεκεν ἡρόνησος σαρκός. οὕτω τοιγαροῦν γέγονεν ἡ Ταύρου καὶ Μενίας μίξις καὶ ἐν λήθῃ ἐγένετο Ῥέμινδος ὁ ξανθός.

Ὁ δὲ Ἀκυλῆνος ἦν θυμομαχῶν καὶ διανοούμενος τί ἂν ποιήσῃ περὶ τὸν Ταῦρον. ἀπελθὼν οὖν καὶ στρατολογήσας ἐκ πασῶν τῶν πόλεων Καλαβρίας ὡσεὶ χιλιάδας ἑξακοσίας, συνήχθη ἐν τινι τόπῳ καὶ λαβῶν¹⁾ ζώνην μαντικὴν εὔρε τὸν Ταῦρον νικῶν, καὶ παρετηρεῖτο ἡμέραν εὔρεϊν ὅπως ἀποκτείνῃ τὸν Ταῦρον. Κατανοήσαντες δὲ οἱ περὶ τὸν Ταῦρον τὸ πλῆθος Ἀκυλῆνου καὶ μαθόντες εἶναι ἑξακοσίας χιλιάδας, παρελύθησαν καὶ εἶπον πρὸς Ταῦρον· Φύγωμεν ἀπὸ προσώπου Ἀκυλῆνου, ὅτι οὐ μὴ ὀνηθῶμεν ἀντιστήναι αὐτῷ. ἀρεσθεὶς οὖν ὁ Ταῦρος τῇ συμβουλίᾳ αὐτῶν, λαβῶν νύκτωρ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτοῦ, ἐνέβαλεν ἐν πλοίοις σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις (c. 2). ἀπελθὼν δὲ ὁ σοφὸς ἀντικρὺ Ἀκυλῆνου, ἤψε πλῆθος πυρὸς πρὸς ἀπάτην τῶν ἐναντίων, ἀφανίσας δὲ καὶ τὰ ἔργη τῶν ποδῶν τοῦ λαοῦ πρὸς τὸ μὴ γνωσθῆναι ταχέως τῷ Ἀκυλῆνῳ τὰ περὶ αὐτοῦ, εἰσῆλθεν εἰς τὰς ἰδίας σκάφεις καὶ διεπέρασεν ἐνθα νῦν ἐστὶν ἡ πόλις αὐτοῦ. εὐρών δὲ τὸν τόπον εὐρύχωρον ἐποίησεν ἀσφάλειαν καὶ ὑδραγωγούς καὶ δεξαμενάς παμμεγέθεις²⁾, καὶ ὠχύρωσεν ἑαυτόν. ἀκούσασαι δὲ αἱ πέριξ ἐπαρχίαι, συνυπούργησαν αὐτῷ καὶ ἔχρισαν αὐτὸν ἡγεμόνα τοῦ ἄρχειν αὐτοῖς. τότε ἀριθμήσας τὸν ἅπαντα λαόν, εὔρεν ὡσεὶ ἑβδομηκοντα χιλιάδας. Καὶ λαβῶν χρήματα εἰς πλῆθος διέδωκεν αὐτοῖς. Οἱ δὲ ἐπαρχιώται ἐνέγκαντες σῖτον³⁾, ἐνέπλησαν τὴν πόλιν.

Ὁ μέντοι Ἀκυλῆνος ἐλογίζετο ἐν ἑαυτῷ ὁποῖαν ἐνέδραν ποιήσας δράξεται Ταύρου καὶ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ. Παραγενόμενος δὲ εἰς τοὺς οἴκους αὐτοῦ οὐχ' εὔρεν οὐδέν· νομίσας δὲ ὅτι ἐν ἐνὶ τῶν κατὰ λισσῶν ὄρεων ἐστὶν ὁ Ταῦρος, ἐξῆλθεν (f. 210 r. c. 1) ἐρευνῶν πάντα

1) W, f. 374 r. a: ἐμβελῶν.

2) До сихъ поръ сохранились остатки знаменитыхъ тавроменійскихъ водопроводовъ и пяти водоемовъ. Описание этихъ остатковъ, равно какъ греческаго театра и навмахіи, см. въ Nuova Raccolta di Opuscoli IV, стр. 3 слѣд.; также Opuscoli XVIII, стр. 202 слѣд.

3) W, f. 374 v. a: καὶ σῖτον.

τοπον τῆς Καλαβρίας, ἀναζήτων μέχρι μηνός, ἀπὸ παραλίου Σαλινῶν ¹⁾ ἕως χειμάρρου Κογγύλου καὶ Ταραντοῦ ²⁾ καὶ τῶν ὀρίων Τηροπόλεως ³⁾ καὶ ἕως τῆς μικρᾶς καὶ ἀλιμενεύτου θαλάσσης· καὶ μὴ εὐρών αὐτὸν ὑπέστρεψε πάνυ κοπιάσας καὶ πολλοὺς ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ ἀπορρίψας. Ἡ δὲ πάνσορος Μενία ἢ Μακεδόνισσα τὸν μάντιν αὐτῆς καλέσασα ⁴⁾ ἔφη· ὦ μάντεον ⁵⁾, πῶς ⁶⁾ τὰ μεταλλικὰ ⁷⁾ εὐρωμεν; Ὁ δὲ λέγει· ἢ ἄνω πρόνοια συνεργήσει· καὶ ἀναζητήσας εὐρεν αὐτά, ἅτινα καὶ αὐτῇ μόνῃ ὑπέδειξεν ⁸⁾. ἐπικαλεσαμένη δὲ τὴν ἄνω πρόνοιαν ⁹⁾ ἐποίησε χρυσοῦ καθαροῦ πλῆθος πολὺ καὶ ἄργυρον ¹⁰⁾ καὶ γαλκὸν καὶ σίδηρον, μόνον τε καὶ κασσίτερον, ¹¹⁾ ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός· καὶ οὕτω λοιπὸν πεπλούτικε τὴν πόλιν ἑαυτῆς ὥστε καὶ τὴν ἀφορμὴν τῆς χωνεύσεως ¹²⁾ ὑποδείξει· πᾶσιν.

Ἡνίκα δὲ ἅπαντα τὰ κατὰ τὴν χρεῖαν (c. 2) τῆς πόλεως ἀπῆρτισται, ἤκουσεν Ἀκυλῆνος ὅτι Ταῦρος πεπερακῶς ἐποίησε πόλιν ἰσχυράν ¹³⁾ καὶ τὰ συντείνοντα αὐτῇ ¹⁴⁾ ἠτοίμασεν ἅπαντα καὶ ἄνδρας ἐκτίησας πολεμιστὰς εἰς βοήθειαν αὐτοῦ, καὶ πλοῦτος πολὺς ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ εὐρεῖται, καὶ ὅτι τὸ χειμευτικὸν γήρδιον ¹⁵⁾ εὐρέθη ἐν τῇ πόλει αὐτοῦ, καὶ ἐκ τούτου πεποίηκε πλοῦτον πολύν. ταῦτα μαθὼν καὶ τρωθεὶς τὴν καρδίαν διὰ τὸν πλοῦτον τὸν περὶ τὸν Ταῦρον, ἔσπευδε ¹⁶⁾

1) W, l. c. Σαλίνων.

2) W, l. c. Ταραντοῦ.

3) W, l. c. Τηροπόλεως.

4) W, l. c. ἐνέγκασα τὸν μαντεῶνα αὐτῆς.

5) W, l. c. μαντεῶν μου.

6) W, l. c. πῶς.

7) W, l. c. εἶδη εὐρωμεν.

8) Синод.: ἀναζητήσασα... αὐτῇ μόνῃ (исправление проф. Дестуниса); W, l. c.: ὁ δὲ ἀπελθὼν εὐρεν πάντα, ἅτινα καὶ αὐτῇ μόνῃ ὑπέδειξεν.

9) W, f. 374 v. b: τὸν τῆς ἄνω πρόνοιας θεόν.

10) W, l. c. εἰς πλησμονήν.

11) W, l. c. μόνον οὐχ εὐρον ποιῆσαι. οὕτως λοιπόν.

12) W, f. 374 v. b: χωνεύσεως.

13) W, l. c. ἰσχυρὰν καὶ τὰ ἐχειρίζοντα ἅπαντα καὶ ἄνδρας.

14) Исправление принадлежит проф. Дестунису; ркп. синод.: κατὰ συντείνον τὰ αὐτῇ.

15) W, l. c. γήρδιον τοῦ μεταλλικοῦ.

16) W, l. c. ἔσπευσεν δὲ Ἄ. ποιῆσαι πόλεμον καὶ προκαταλαβέσθαι τὴν πόλιν του, ἀποκατεῖναι Ταῦρον καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν μαχητὰς, οἱστρωθεὶς δι' ἃ ἤκουσεν μεταλλικὰ εἶναι ἐν τῷ τόπῳ αὐτοῦ, καὶ τοῦ συλλαβέσθαι καὶ τὴν σοφὴν Μενίαν.

πόλεμον ποιῆσαι καὶ ἀποκτεῖναι μὲν Ταῦρον, τὴν Μενίαν δὲ συλλαβέσθαι διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα. Καθοπλίσας τοίνυν τὸ περὶ αὐτὸν ἄθροισμα τοῦ λαοῦ, διεπέρασεν ἐν νυκτὶ καὶ ἐσκήνωσεν εἰς τὸ πεδῖον καὶ ἀθρόον ἐκάλυψε πᾶσαν τὴν γῆν καὶ ἠλάλαξεν ἰσχυρῶς τὰ στρατεύματα. Ὡς δὲ ἤκουσαν τὴν βοήν καὶ τὸν ἀλαλαγμὸν οἱ περὶ τὸν Ταῦρον, ἐξέστησαν καὶ ἔλεγον· Τίς ἡ βοή αὕτη; Γνοῦς δὲ ὁ Ταῦρος ὅτι Ἀκυλῆνος διεπέρασεν (f. 210 v. c. 1) προσκαλεσάμενος τοὺς περὶ αὐτὸν ἄνδρας ἔφη· Ἀνδρίζεσθε ὑμεῖς, Ἀκυλῆνου γὰρ ἡ φωνή. Οἱ δὲ ἀκούσαντες ἐφοβήθησαν, καὶ ὁ Ταῦρος εἶπεν· Μὴ δειλανδρίσητε, ὦ ἄνδρες, ἰδοὺ γὰρ κἀγὼ μόνος ἀλαλάξω. οἶδεν γὰρ ἡ ἄνω πρόνοια, οὐ μὴ ἠττηθῶμεν ὑπ' αὐτοῦ. καὶ εὐθέως ἀνελθὼν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου μονώτατος ἔκραξε φωνήν ὡσεὶ ἀνδρῶν πολλῶν· ὧδε εἰμὶ Ταῦρος, ὧδε εἰμὶ, καὶ οὐ φοβήσομαι ἀπὸ προσώπου Ἀκυλῆνου. τῇ δὲ ἔωθεν ἐπέστη ὁ καιρὸς τοῦ πολέμου, καὶ λέγουσι πρὸς ἀλλήλους οἱ ἄνδρες Ταύρου· Οὐ μὴ ἀντιπαραταξόμεθα ἡμεῖς πρὸς Ἀκυλῆνον, ἐπειδὴ πλῆθος πολὺ ἐστίν· καὶ ἐβουλεύσαντο ἀποκτεῖναι τὸν Ταῦρον ¹⁾ καὶ πρὸς Ἀκυλῆνον δουῆναι, προδοῦναι τε τὴν σοφὴν Μενίαν καὶ πάντα τὸν πλοῦτον αὐτῆς, ἵνα, φησί, γένηται ἐν βασιλείῳ Καλαβρία καὶ Σικελία. Γνοῦς δὲ ὁ Ταῦρος (c. 2) τὴν ἐπιβουλὴν τῶν ἀνδρῶν καὶ σοβαρῶ ὄμματι ἐμβλέψας αὐτοῖς εἶπεν· ὦ ἄνδρες, τί τὸ βούλευμα ὑμῶν; τί διαλογίζεσθε περὶ τοῦ πολέμου; ταῦτα εἰπὼν διεσκέδασε ²⁾ τὴν βουλὴν αὐτῶν. καὶ ἀποκριθέντες εἶπον αὐτῷ· ὡς ἡ βουλή σου ἔχει. Τότε λέγει αὐτοῖς ὁ Ταῦρος· ἀναζεύξατε ³⁾ ἕκαστος τὰ ἄρματα ὑμῶν τὰ πολεμικὰ καὶ κατέλθωμεν εἰς τὸ πεδῖον, καὶ εἰ οὐκ ἀνδραγαθήσω εἰς τύχην πολέμου, τὸ βουλευόμενον παρ' ὑμῶν γενήσεται ⁴⁾. Καὶ ἤρρεσεν αὐτοῖς ὁ λόγος Ταύρου. κατέλθόντες δὲ εἰς τὸ πεδῖον, ἔστησαν κατέναντι Ἀκυλῆνου. καὶ διεπέμψατο ὁ Ταῦρος πρὸς Ἀκυλῆνον λέγων· σὺ εἶ Ἀκυλῆνος ὁ πολὺς ἐν ἀνδρίᾳ, κἀγὼ Ταῦρος, ὁ μικρὸς καὶ ἀδόκιμος ἐν πείρᾳ πολεμικῇ, ὅς δ' ἡ καὶ παιδάριον λογίζομαι. τί ὅτι ἤλθες ἀποκτεῖναι ἀνθρώπους, πρόθεσιν ἔχοντας δουλεύειν

¹⁾ W, f. 375 r. b: καὶ προνομὴν ἐν φυλακῇ ποιῆσαι καὶ πρὸς.

²⁾ W, l. c. μετεποίησεν.

³⁾ W, l. c. ἀναζευξάτω.

⁴⁾ W, f. 375 r. b: βεβουλευμένον . . . πληρωθήσεται.

σοι, ἵνα πάντα τὰ ἐμὰ σὰ ἔσονται, καὶ ποιήσον ¹⁾ (f. 211 r. c. 1) εἰρήνην καὶ μὴ ἐκπορθήσης πόλιν μου καὶ λαόν μου ἀποκτείνης ἐν ῥομφαίᾳ. Θέλησον οὖν ἐν ἐμοί ²⁾, τῷ μικρῷ Ταύρῳ, σὺ, ὁ παμμεγέθης Ἀκυλῆνος, τὴν ἀνδρίαν σου ἐπιδείξασθαι καὶ ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον, ἐγὼ τε καὶ σὺ μονώτατοι, καὶ ἀπόκτεινόν με, καὶ λαμβάνεις τὰ ἐμὰ πάντα σὺν τῇ Μενίᾳ εὐθέως τὰ κατὰ σέ εὐρηκώς. Καὶ ὁ Ἀκυλῆνος ἀντεδήλωσε λέγων· Ἄκουσον, Ταῦρε παιδάριον Ῥεμίνδου, οὔτινος τοὺς φόρους ἠπαίτησα ³⁾ ὡς δυνατὸς Ἀκυλῆνος· οἶδεν ἡ πρόνοια ⁴⁾ τῶν μεγίστων θεῶν ⁵⁾ (οὐ γὰρ ἄμυμι σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπασιδὸς Μενία ἢ ῥυπαρά), ὅτι ἐὰν ἐξέλθωμεν εἰς τὸ πεδίον μονώτατοι καὶ κατισχύσης μου ⁶⁾, κάτεχε τὴν βασιλείαν μου καὶ πάντα τὰ κατ' ἐμέ. Καὶ ἤρρεσεν ὁ λόγος ἐνώπιον ἀμφοτέρων. ἐξελθόντων δὲ αὐτῶν (c. 2) εἰς παράταξιν ⁷⁾ πολεμικὴν, ὁ γενναῖος Ταῦρος ἀποθέμενος ἅπαντα φόρον ⁸⁾ καὶ λαβὼν ἐν τῇ λιθοβολίδι αὐτοῦ λίθον ἕνα ὡς εἰκοσιτεσσάρων λιτρῶν τῷ βάρει καὶ σφενδονήσας εὐστόχως, δέδωκεν Ἀκυλίνῳ ἐπὶ τὸ στῆθος καὶ συνέτριψεν αὐτὸν πάντοθεν. ἰδόντες δὲ οἱ περὶ Ἀκυλῆνον τὴν πτώσιν αὐτοῦ, παρελύθησαν καὶ ἔμειναν τρέμοντες ἀπὸ προσώπου Ταύρου. Ἀνέκραξε δὲ Ταῦρος τοῖς ἑαυτοῦ ἀνδράσι λέγων· Σφάζατε φονεῖς ἄνδρας, σήμερον γὰρ μεγάλης προνοίας τύχην εὕρομεν ⁹⁾, καὶ πάντας τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν ἡ ἄνω πρόνοια εἰς χεῖρας ἡμῶν συνέκλεισεν. Ἐξελθοῦσαι δὲ αἱ ἐβδομήκοντα γιλιάδες Ταύρου ἀπέκτειναν Ἀκυλίνου γιλιάδας πεντήκοντα καὶ πεντάκις γιλίας. οἱ μὲν γὰρ ἐν τῇ θαλάσῃ πίπτοντες ἀπεπνίγοντο, οἱ δὲ λοιποὶ περὶ τὸ Ἐτναῖον ὄρος (f. 211 v. c. 1) πεφευγότες γνωριζόμενοι ὑπὸ τῶν ἐπαρχιῶν, ὡς ἄνδρες φόνιοι καὶ αἱμοχῦται, ἀνηροῦντο. Τότε ὁ Ταῦρος περικρατῆς ἐν ἅπασι γέγονε καὶ

1) W, f. 375 v. a.; синод. ποιήσης.

2) синод. οὖν ἐμοί; W, l. c. δὲ ἐν ἐμοί.

3) M. ὁ.: ἀπήτησα (Дестунисъ). или παρήτησα (Ернштедтъ); W, f. 375 v. a: ἠπαίτησα.

4) W, l. c. ἡ πρόνοια; синод. ἡ ἄνω πρόνοια.

5) W, l. c. ἡ πολλὰς ἡμῶν νίκας παρισχύουσα.

6) W, l. c. με.

7) W, f. 375 v. b: ἀπάντησιν.

8) W, l. c. φόρον ἄρματος καὶ.

9) W, l. c. εὐρήκαμεν ὡς πάντα.

οἱ ὄγλοι περιέθησαν αὐτῷ γλιανίδα ἡγεμονίας καὶ ἱμάτιον ὑπατικόν. καὶ ἔλεγον φωνῇ ἰσχυρᾷ· ζῆθι, Ταῦρε τοποκτίστα, ζῆθι ἡγεμόν καὶ ἀνδρεῖε ὑπατε! τοιοῦτους καὶ τινας ἐτέρους πλείονας ἐπαίνους ἐπεφώνουν αὐτῷ· αὐτὸς δὲ διαπεράσας ἐπόρθησε τὸν οἶκον Ἀκυλίνου καὶ¹⁾ πάντας [τάς] πόλεις, ἄσπερ κατεῖχεν, οἱ περὶ τὸν Ταῦρον ἄνδρες ἡγήμωσαν. Ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ καὶ πολύσημος ὁ Ταῦρος κατὰ τὴν ὁμοιότητα Νεβρώδ καὶ τῷ εἶδει καὶ τῷ ἦθει φοβερώτατος, εὐμήκης τὸ ἀνάνευμα²⁾, τὸ στέλεχος πολὺς, ἀνδρομερής, βραχίσιον ἰσχύων ὡσεὶ λέων, κοῦρος δὲ τοῖς ποσὶν ὡσεὶ ὀρομικὴ ὄροκάς. Κτίζει οὖν ἐν Καλαβρία πόλιν λεγομένην Ταυριάνας τὰς μικράς καὶ (c. 2) λιθοπλοῦσας τὰς σκάφεις Ἀκυλίνου ἐκόμισεν ἐκεῖ.³⁾ ὡς δὲ προεῖπον, ὁ Ταῦρος δέκατος ἐστὶν ἀπὸ Νεβρώδ καθὼς ἐμφέρεται ἐν ταῖς ἱστορικαῖς βίβλοις τῶν σοφῶν. Τὸ τόξον δὲ αὐτοῦ κεῖται ἐν τῷ πραιτωρίῳ, ὅπερ τεῖναι οὐδεὶς ποτε ἴσχυσεν· ἦν δὲ καὶ τὸ ξύλον τοῦ ὄροατος αὐτοῦ ὡσεὶ⁴⁾ ὄροκός οἴκου, ἡ δὲ ἀσπίς αὐτοῦ εἶχεν κύκλον ὡσεὶ ὀργυῶν τεσσάρων, τὴν δὲ ζώνην αὐτοῦ οὐδεὶς ἠδυνήθη βραδίως ἐπ' ὤμων ἄραι. οὗτος οὖν ὁ πολὺς Ταῦρος ἐγένετο πολεμιστὴς καὶ ἀνδρεῖος καὶ οὐκ ἀντέστη αὐτῷ ἔθνος ἢ βασιλεία πώποτε. πλοῦτος τε πολὺς τῆ πόλει αὐτοῦ παρηκολούθησεν. Οἱ οὖν σοφοὶ συμμίξαντες τὰς δύο ὀνομασίας ὠνόμασαν τὴν πόλιν αὐτοῦ Ταυρομένιον⁵⁾, καὶ ἦν περ ἐν Σαλίνας ὠκοδόμησε πόλιν ὁ Ταῦρος μετὰ τὴν ἀναίρεσιν Ἀκυλίνου. ἐκάλεσε Ταυριανὰς τὰς μικράς. Ἐποίησε δὲ Ταῦρος τοῖς μεγιστάσιν αὐτοῦ οἴκους εὐπρεπεῖς, λουτρά (f. 212 r. c. 1) καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα⁶⁾ καὶ φιλοτιμίας πλείονας. Ἡ δὲ Μενία ἐποίησε τῷ Ταύρῳ θρόνον ἐκ χρυσοῦ καθαροῦ ὄλον διαυγῆ καὶ διάλιθον. πᾶσαι δὲ αἱ ἐπαρχίαι ἐρχόμεναι ἐδίδουν ἑαυτὰς καὶ ὑπετάσσοντο τῷ Ταύρῳ διὰ τῶν οἰκειῶν οἰκητόρων· αὐτὸς δὲ ὑπεδέχετο πάντας εὐμενῶς καὶ πρεπόντως.

1) W, f. 376 r. a: τὰς πόλεις ἡγήμωσαν ἢς διεκατεῖχεν· ἐγένετο δὲ μονοκράτωρ.

2) Чит. ἀνάστημα (Дестуннеѣ); W, f. 376 r. a: ἀμηκής τὸ ἀνάνευμα.

3) W, l. c. ὡς προεῖπον, καθὼς ἐμφέρεται ἐν τοῖς ἱστορικαῖς βίβλοις τῶν σοφῶν, δεκάτη γενεὴ φθάζει Ταῦρος τοῦ Νεβρώδ.

4) W, f. 376 r. b: ὡσεὶ οἴκου ἢ ὡς ἀντίου ὑφάνοντος μεσοδόμου. ἦν δὲ καὶ ἡ ἀσπίς.

5) W, l. c. — χν.

6) W, l. c. καὶ ὕδατα ἀγωγιμαῖα; синод. λουτρά τε ἀγωγιμαῖα.

Ἐνταῦθα μὲν οὖν πληροῦται ὁ περὶ Ταύρου λόγος, μέχρι τούτων ἐσχηκώς ¹⁾ τὴν διήγησιν ²⁾).

Таковъ послѣдній и самый пространный эпизодъ, посвященный Тавру и Меніи въ житіи Панкратія, которое мы доскажемъ въ немногихъ словахъ.

Переправившись ночью, Акилинъ съ 600-тысячнымъ войскомъ (f. 212 r. c. 2) ἦλθον ἐν τῷ Φιλιππικῷ, εὐθέως δὲ ἀνελθόντες κατεκράτησαν τὰς ἀρχὰς τῶν ὑδάτων καὶ τὴν πόλιν περιεκύκλωσαν ³⁾). Въ городѣ вооруженныхъ людей всего 40 тысячъ, жителей обуяль страхъ, и они готовы обвинить мага — Панкратія, побудившаго ихъ отринуть старыхъ боговъ; они затѣваютъ предать смерти его и Воишатія, а городъ врагу, но Панкратіи убѣждаетъ ихъ положиться на помощь Божию и на содѣйствіе епархій, а игемонъ по порученію святого трижды обращается къ народу, прося его разойтись по домамъ и не заботиться: Господь будетъ сражаться за нихъ. Дѣйствительно: Панкратіи съ Евагриемъ и новопоставленнымъ діакономъ Татіаномъ выходятъ на городскую стѣну съ крестомъ и иконами, но молитвѣ святого наступаетъ мракъ, и непріатели начинаютъ побивать другъ друга. Оставшіеся въ живыхъ 4000 человѣкъ крестятся; они говорятъ, что крестъ и иконы на городской стѣнѣ показались имъ — солницами f. 215 r. c. 1: τρεῖς ἡλίους ἐθεωροῦμεν ἐν τῷ τείχει τῆς πόλεως ὑπὲρ τὸν ἥλιον τῆς ἡμέρας λάμποντας, ὧν τὴν λαμπηδόνα μὴ φέροντες, σκοτούς γεγόναμεν ἑμπλοῖσι (сл. W, f. 378 v. a). Изъ числа новообращенныхъ Панкратіи рукополагаетъ нѣсколько священниковъ, которыхъ посылаетъ въ Калабрію, гдѣ распространяетъ благовѣстіе Христова, пока ап. Петръ, на пути въ Римъ черезъ Равенну, не поставилъ въ Регіумѣ епископомъ св. Стефана.

¹⁾ W, l. c. ὅρον.

²⁾ Для сравненія съ повѣстью древняго житія сообщаемъ въ приложеніи № 2 соответствующій эпизодъ древнеславянскаго перевода по рукописи еп. Порфирія и краткое его изложеніе по тексту печатныхъ греческихъ Миней (сл. выше, стр. 70).

³⁾ W, f. 376 v. b: ἔστησαν ἐν τῷ Φιλικῷ τοπίσκῳ καὶ ἀνῆλθον καὶ κατεκράτησαν; слав. пер. на Филипченѣмъ мѣстѣ.

Еще разъ Евагріи ѣдетъ къ Маркіану по порученію Панкратія, къ которому неожиданно являются новые гости. Оставивъ родину, онъ роздалъ свое достояніе и рабовъ бѣднымъ, а частью и церкви, епископомъ которой поставленъ былъ Максимъ (W: Максимъ). Узнавъ, что Панкратіи въ Сициліи, Максимъ (f. 216 r. c. 1; сл. W, f. 380 r. a) πλήσας δύο σάκρη ἐλαίου κρητικῶ καὶ διαφόρων θυμιαμάτων καὶ στολᾶς ἱερᾶς τῶν Ἀρμενίας ὑφαντῶν καὶ ἐμβλῶν εἰς τοὺς σάκρεις τοὺς παῖδας Παγκρατίου. ἀπέστειλεν ἐν Σικελίᾳ. Панкратіи отвѣчаетъ Максимъ такимъ-же даромъ, и эти сношенія продолжаются нѣсколько лѣтъ; вернувшись ἐν τῷ κόλπῳ τοῦ Πόντου (f. 216 r. c. 2; W, f. 380 v. a: ἐν τῇ μάλῃ τοῦ Πόντου), рабы Панкратія рассказываютъ, что видѣли его.

Однажды святой говоритъ Евагрію, что по своей смерти желаетъ его имѣть своимъ преемникомъ: пусть, по его кончинѣ, отправится вмѣстѣ съ Вонифатіемъ въ Римъ, гдѣ ап. Петръ рукоположитъ его во епископа, а онъ самъ, вернувшись, окреститъ Вонифатія. — Пока онъ посылаетъ Евагрія въ одну изъ незанятыхъ епархій; игемонъ также выѣзжаетъ по дѣламъ изъ города, гдѣ остается Артагаръ, родомъ хананей, братъ Аврелиана и дядя Элида, такой-же язычникъ, какъ они. Рѣшившись воспользоваться случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ Панкратія, онъ, посоветовавшись съ своими, зазываетъ его въ преторіи, подъ предлогомъ совершенія литургіи, и здѣсь продолжаетъ пировать, пить и плясать въ его присутствіи и поклоняться идолу Скамандру. Святой останавливаетъ его; по его молитвѣ идолъ падаетъ; тогда они набрасываются на Панкратія, истязаютъ его и, убивъ, прячутъ тѣло (f. 219 v. c. 1) εἰς μίαν ῥαγάδα τῆς γῆς μήκοθεν τοῦ πραιτωρίου. Видѣлъ всё это христіанскій мальчикъ, спасшійся отъ преслѣдованія тѣмъ, что бросился съ стремнины; ангель сноситъ его бережно (с. 2) εἰς τὸν αἰγιαλὸν τὸν λεγόμενον διαθάλασσον ὡς ἐπὶ βορρᾶ μήκοθεν τοῦ κρημνοῦ. На другой день, когда явились Евагріи и Вонифатіи и не находятъ святаго, молніеподобный свѣтъ надъ мѣстомъ, гдѣ было скрыто его тѣло, служитъ имъ указаніемъ; мальчикъ обнаруживаетъ убійцу, и онъ

казнены. — Тѣло святого вначалѣ погребено втайнѣ отъ народа: впослѣдствіи его мощи перенесены торжественно въ другое мѣсто. Исполняя его завѣтъ Евагріи и Воиифатіи отправляются въ Римъ; ап. Петръ встрѣчаетъ ихъ, Евагрія ставитъ епископомъ Тавроменіи, а тотъ вернувшись, креститъ Воиифатія, который и остается жить при епископѣ, остригши волосы и передавъ другому игемонию. Оба строятъ церковь въ честь святого, которую Евагріи велитъ расписать изображеніями изъ Ветхаго и Новаго Завѣта; въ ней икона Панкратія, f. 226 v. c. 1. *καὶ ὅταν βλέπω αὐτὸν ἐν τῇ εἰκόνι, δοκῶ ὅτι ἐν (с. 2) σαρκί ἐστι καὶ ἐν πυχάνῳ αὐτῷ* (= W, f. 390 r. a). Евагріи ставитъ Татіана священникомъ, Тикаоніа діакonomъ; оба остаются служителями при св. мощахъ, совершающихъ чудеса.

II.

Извлеченія изъ житія вышли гораздо подробнѣе, чѣмъ того требовалъ эпизодъ о Таврѣ и Меніи, но я желалъ подѣлиться и другими свѣдѣніями историческаго, географическаго и культурнаго характера, которыми богато житіе. Я въ особенности старался не опустить ни одного указанія на мѣстности Сициліи и южной Италіи, среди которыхъ разыгрывается романъ о Таврѣ и Меніи, предоставляя другимъ дополнить мой, къ сожалѣнію, слишкомъ скудный географическій комментарий ¹⁾. — На аваровъ у Аопнѣ и Диррахія я уже указалъ, какъ на интересный хронологическій терминъ; послужитъ-ли подобной цѣли упоминаніе какихъ-то древнихъ славянъ у Сиракузъ — пусть рѣшатъ историки, если эти славяне не фантастичнѣе типическихъ Escler старофранцузскаго эпоса. — Археологи обратятъ вниманіе на *τρογλοδοσίαι* = сицил. *ddicci*, во множествѣ встрѣчающіеся въ Сициліи ²⁾; сн-

¹⁾ По мѣстной археологіи Тавроменіи, для которой наше житіе дастъ нѣсколько фактовъ, см. литературу, указанную Полѣмъ, I. с. II, стр. 438.

²⁾ Полѣм, I. с., I. 101 слѣд. и прим.

сатель житія, очевидно, считалъ ихъ жилищами. Замѣчательный упадокъ классическихъ воспоминаній представляютъ имена языческихъ божествъ, (Лиссона ¹⁾, Скамандра ²⁾, Фалькона, наконецъ Ирона или Ироны (?); въ очеркѣ аварскихъ вѣрованій, едва-ли не преобладаютъ общія мѣста, въ какихъ представлялось древнему христіанину всякое неизвѣстное ему, грубое язычество.

Съ *οἱ μονόζωνοι Συρία* (VI), къ которымъ попадетъ въ плѣнь Тавръ, я сравниваю параллельное выраженіе въ пзданной мною греческой повѣсти о св. Θεодорѣ: царь видитъ во снѣ *ἄνδρῶ-πῶν ἄζωστος* (слав. переводъ: опоясався), котораго велитъ разыскать; св. Θεодоръ находитъ его въ Сиріи ³⁾.

Что касается до разсказа о Таврѣ и Меніи, введеннаго въ легенду, то его появленіе не случайное, а предусмотрѣнное составителемъ житія, приготовившимъ его исподоволь, рядомъ напоминаній и намековъ, разсѣянныхъ въ текстѣ, и лишь въ концѣ изложившимъ его подробно ⁴⁾. Самый разсказъ принадлежитъ къ роду тѣхъ *légendes des origines*, которыми полны старыя итальянскія хроникки, видѣвшія, напр., въ названіи Флоренціи, Fiorenza, сплоченіе двухъ именъ: Fiorino и Renzo, какъ въ Тавроменіи сошлись, будто-бы, имена Тавра и Меніи. Легенды эти, обыкновенно, школьнаго происхожденія, но за нѣкоторыми изъ нихъ позволено предположить существованіе болѣе древняго на-

¹⁾ По Каэтану (Isagoge, стр. 26—7) либо Юпитеръ, либо Вакхъ, оба съ эпитетомъ *Ἄβσων*. Проф. Дестунисъ указываетъ мнѣ на *Ἄβσσις Λεοκίππου*, Inscript. 2, 3221, и на *Ἀβσάρης* новогреческой былинны. Сл. Дестунисъ, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода, стр. 72.

²⁾ Сл. въ числѣ языческихъ божествъ (Аполлона, Зевса, Посейдона) Скамандра (Sakamandros) въ эіопской (Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, стр. 18) и коптской легендѣ о св. Георгии (Zoega, Catalogus Codicum Copticozum и т. д., стр. 241: Apollo, Mercurius, Jupiter, Scamander, Faustus et Hercules). По Каэтану (l. c. стр. 7): Scamander fluvius in Sicilia prope Segestam fuit . . . ab iisdem (sc. Segestanis) consecratus, eadem superstitione, qua ceteri Siciliae amnes fontesque . . . Deus . . . a Segestanis ad Tauromenitas transmissus.

³⁾ Разысканія I, стр. 15—16.

⁴⁾ Эпизоды житія, касающіеся разсказа о Таврѣ и Меніи, отмѣчены нами послѣдовательно N-ами отъ I до VI, на которые и сдѣланы далѣе ссылки.

роднаго сказанія, либо его элементовъ, послужившихъ основой для ученой саги. Изъ того, что эта сага, на перекоръ исторіи, пыталась объяснить названіе Тавроменіи изъ именъ ея основателей, Тавра и Меніи, еще не слѣдуетъ, чтобы очертанія разсказа не могли быть мѣстными и народными, хотя, быть можетъ, имена были и не тѣ, какія сохранилъ нашъ пересказъ житія. Говоря о возможной народности древнѣйшаго содержанія, я отличаю её отъ народности — изложенія: небольшое, напоминающее стиль народнаго эпоса, напр. въ характеристикѣ Тавра, легко представить себѣ — не отзвукомъ старой пѣсни, а стилистическими воспоминаніями составителя легенды. Я указываю напр. на львиный голосъ Тавра¹⁾, на его кичливое, дважды повторенное: Я здѣсь! въ виду непріятели: на типическую черту народной былинны, что самъ богатырь ѣдетъ «въ середку матицу», тогда какъ его войско заходитъ справа и слѣва и т. д.

Составитель житія ссылается по поводу Тавра и Меніи на какія то историческія книги (I: о Фалькониллѣ; III, VI; сл. подобную же ссылку при эпизодическомъ упоминаніи славянъ). Другимъ источникомъ могли быть мѣстные преданія и разсказы, напр. о гигантскомъ лукѣ, хранившемся въ преторіи Тавроменіи (VI), которыми могли, впрочемъ, воспользоваться, уже составители утраченной «исторіи». — Если она когда либо существовала, то была романомъ на темы мѣстнаго преданія²⁾. Стиль романа

¹⁾ Сл. въ *Διήγησις Ἀχιλλέως* ed. Wagner, v. 1303 слѣд. (объ Ахиллѣ): ὡς λέων ἐβρουχίστην, — καὶ πάντες ἐδειλίχσαν ἐκ τῆς φωνῆς τοῦ μόνου.

²⁾ Авторъ приписки (рукою XIV вѣка) къ показанію Вибіи Секвестра: *Tauromeniis* (рѣка) *inter Syracusas et Messanam, a quo oppidum Tauromenium; quod oppidum εὐσεβῶν χώρᾳ dicitur* (Vibii Sequestris, *De fluminibus, fontibus, lacubus, nemoribus, paludibus, montibus, gentibus per litteras, y Riese, Geogr. lat. minores*, стр. 151), могъ имѣть въ виду поэтическую легенду о двухъ добродѣтельныхъ братьяхъ, *εὐσεβεῖς*, чудеснымъ образомъ спасшихся, спасая отца и мать при изверженіи Этны. Легенда эта обыкновенно локализуется у Катаніи (сл. Polm, l. c., p. 25 и прим.); если *εὐσεβῶν χώρᾳ* очутилась у Тавроменіи, то напомнимъ у Едризѣ, вблизи того-же города, гору *Târ* «celebre pei miracoli e noto per tanti esercizi di pietà». Сл. *L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero. compilato da Edrisi, ed. M. Amari e C. Schiapparelli. Roma, 1883, p. 31.*

отзывается кое-гдѣ и въ пересказѣ житія; я обращаю вниманіе напр. на первыя отношенія Менія и Тавра.

Роль македонянъ въ романѣ объясняется, быть можетъ, литературными воспоминаніями. Какъ Псевдокаллисоенъ заводилъ Александра Македонскаго въ Италію и Сицилію, такъ въ нашемъ текстѣ тавромениты бьются съ македонянами, которыхъ побѣждаютъ. Интересна подробность, что битва происходитъ «ἐν Τερυντῶ εἰς τὸ πεδῖον»; можно предположить, что разумѣется здѣсь Отранто: сл. κάτρον Τερυντοῦ въ одномъ документѣ X-го вѣка и современное обозначеніе Отранто у мѣстныхъ грековъ: Dergentó¹⁾. Вѣроятноже однако, что дѣло идетъ о Тарентѣ; въ вѣнской Александріи Дарій пишетъ Александру: недовольный своими предъидущими захватами ты «ἤλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδα» (= Ἀγρίδα) καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες». Оставшіеся въ живыхъ македоняне поселяются въ Тавроменіи. Если это было уже при Таврѣ (сл. τοῖς περὶ Ταῦρον, IV), то какъ помирить хронологически это обстоятельство съ тѣмъ, что еще до основанія города юноша Тавръ женится на македонянкѣ Меніи, женѣ Ремнида?

Менія не только македонянка (VI), но и изъ Александрова рода (III); ея эпитеты: σοφὴ καὶ μεγάλη καὶ φαιδρά (VI); особливо σοφὴ, πάνσοφος, мудрая, вѣщая; въ противоположность къ Акиллину, противнику ея перваго и втораго мужа, она поклоняется «вышнему промыслу», τὴν ἄνω πρόνοιαν (VI), какъ Александръ у Псевдокаллисоена (I, 26: πέπεισμα τῆ διδασχῆ τῆς ἄνω προνοίας) и въ источникѣ сербской Александріи; передъ поединкомъ съ Тавромъ Акиллинъ говоритъ объ ἄνω πρόνοιᾳ τῶν μεγίστων θεῶν и замѣчаетъ: οὐ γὰρ ὀμνυμί σοι τὴν ἄνω πρόνοιαν ὡς ἡ ἐπασιδός Μενία ἢ ρυπαρά (VI). Это противоположеніе единобожія и язычества повторяются далѣе въ житіи — въ формахъ язычества и христіанства. Язычниками явятся: Акилинъ Аноонъ — противникъ Тавра, и второй Акилинъ, пошедшій войною на Таврова

¹⁾ Morozí, Studi sui dialetti della Terra d'Otranto, стр. 192 и прим. 1; сл. стр. 38, прим.

преемника Воиифатія; христіанство послѣдняго какъ-бы предва-
ряется отвлеченнымъ вѣроученіемъ Меніи. Изъ ея рода оказы-
вается Фалькопила, мудрая и столь прекрасная, что ей приносили
дары, лишь-бы поглядѣть на неѣ и полюбоваться на ея красоту;
ея юный, прекрасный сынъ Фальконъ, внезапно унесенный
смертью въ саду, гдѣ онъ гулялъ, и тамъ-же погребенный, сочтенъ
впослѣдствіи богомъ, и первое чудо Панкратія обращено противъ
него. (1) — Позднѣе въ городѣ Тавра и Меніи (и Фалькопилы)
мы встрѣчаемъ игеономъ Воиифатія: онъ возсѣдаетъ на престолѣ
Тавра, .Искаонидъ величаетъ его наименованіемъ топоктиста —
какимъ величаютъ Тавра и его воины, послѣ побѣды надъ Аки-
линомъ (VI); къ нему перешли всѣ сокровища Тавра и Меніи (II,
III), столь великія, что въ Тавроменіи нѣтъ бѣдняковъ (III, IV, VI).

Происхожденіе этихъ сокровищъ связано съ вѣдовствомъ
Меніи. Акилинъ также вѣдунъ; ища случая убить Тавра, онъ
обращается къ *ζώνην μαυτικήν* (VI); но знанія Меніи особаго,
нѣсколько загадочнаго рода: она знаетъ всякое рудное дѣло,
ἀπάσης μεταλλικῆς τέχνης ὑπῆρχεν ἐν πείρᾳ πολλῇ (III); какъ
узнать руды (*πῶς τὰ μεταλλικὰ εὐρωμεν*), спрашиваетъ она своего
волхва и съ помощью вышняго промысла нашла ихъ и сотворила
несчетное количество чистаго золота и серебра, мѣди и желѣза,
свинца и олова, всѣхъ впервые научивъ плавильному дѣлу — ибо
въ самомъ городѣ нашла руда, *χειμαυτικὸν γήδιον*, т. е. вѣ-
роятно, *χειμαυτικὸν* (*χρύμα*): годный къ плавкѣ. Сл. *χειμαυτής* — ал-
химикъ; *χειμαυτικός*, относящійся къ *χειμαυτής*; когда Тавръ (VI)
проситъ Менію дать ему *τὴν ἀσπίδα τὴν χειμαυτὴν* ея мужа —
не означаетъ-ли это: литой щитъ, и не въ томъ-ли смыслѣ слѣ-
дуетъ истолковать тотъ-же эпитетъ у Porph. Seg. 99, 14, непстол-
кованный въ средне-греческомъ словарѣ Софокла: *ἰππέυει δὲ
ἐκεῖσε ὁ βασιλεὺς ἐφ' ἵππου ἐστρωμένον ἀπὸ σελλογαλίνου χρυσοῦ
διαλίθου χειμαυτοῦ, ἡμφισμένου ἀπὸ μαργάρων*? Сл. въ поэмѣ
о Дигенесѣ, изд. Мильяраки (*Βασιλεὺς Διγενῆς Ακρίτας . . . ὑπὸ
Ἄντ. Μηλιαράκη. Ἐν Ἀθήναις 1881*), vv. 2190 — 1: *Δώδεκα σελ-
λογάλινα . . . τὰ δύο ἦσαν χειμαυτὰ μετὰ λιθομαργάρων*, и также

vv. 1215, 1553, 2262, съ замѣчаніемъ издателя, что его текстъ (съ острова Андра) нерѣдко замѣняетъ соотвѣтствующее выраженіе трапезунтскаго (изд. Саоої и .Теграномъ) такими какъ *πλουμιστός, ἀκριβός, τρυφερός*; «ἐσήμανε δὲ βεβαίως τὴν διὰ χυμικῆς συνθέσεως ἢ χωνεύσεως πολυτίμων μετάλλων διακόσμησιν διαφόρων πραγμάτων» (р. 163). См. еще *Δήγησις τοῦ Ἀχιλλέως* (Wagner, *Trois poèmes grecs du moyen âge inédits*, p. 25, 34) v. 809: *χυμευτὰ βραχιόλια*; v. 1120: *περυστήρια χυμευτὰ*, и выше, стр. 104: *W, ἀρρομήν τῆς χωνεύσεως* (синод. ркп. *χωνεύσεως*) и стр. 97: *ζαχευτός* (вм. *ζαχυτός?*).

Менія, стало быть, изобрѣдательница руднаго, плавильнаго дѣла, а это изобрѣтеніе представлялось какимъ-то волшебствомъ. Акилинъ не даромъ затѣваетъ — убить Тавра, а Менію половить, *διὰ τὰ μεταλλικὰ ἔργα* (VI).

Имя Меніи отвлечено отъ Тавроменіи; но я припомню еще древнее *Μέναι*, нынѣ *Mineo*, въ четырехъ миляхъ отъ вулканическаго озера и святилища Паликовъ, сицилійскихъ божественныхъ братьевъ, которые представляются сыновьями то Зевса и нимфы *Θалии*, то Гефеста или тождественнаго съ нимъ *Адрана* — и *Этны*, у которой стоялъ храмъ *Адрана* (гдѣ нынѣ *Adernó*, древній *Nadranon*), съ вѣчнымъ огнемъ и статуей бога, вооруженной копьемъ¹⁾. Несомнѣнны отношенія Паликовъ къ вулканическимъ явленіямъ или источникамъ — но, можетъ быть, и къ ремеслу Гефеста и *μεταλλικὰ ἔργα*. Въ послѣднемъ именно смыслѣ интересно сосѣдство Паликовъ и *Μέναι*, которыя я не прочь сблизить съ созвучной Меніей. Современное повѣрье зоветъ озеро Паликовъ — озеромъ *donna'ы Fetia'и*; замѣтимъ еще въ двухъ миляхъ или около того отъ *Mineo* = *Menai* пещеру, о которой въ XVI вѣкѣ (1557 г.) рассказывали «*esser nata una bellissima donna chiamata Lamia, gran meretrice e fattucchiera, dove anch'oggi vi è un luogo detto Lamia dalle operazioni di questa*

¹⁾ Holm, l. c. I, p. 69, 75—7, 94 и прим. къ стр. 69 на стр. 364.

donna». Демоны, обитавшіе въ пещерѣ, удалились изъ нея, когда тамъ положено было тѣло св. Агриппины ¹⁾.

Если Μένχι, (Ταυρος)μενίχ — не восточнаго происхожденія, подобно Адрану и Паликамъ, то указанная отношенія могли-бы повести къ соответствующей этимологiи, въ связи съ скр. manī: драгоценное украшеніе, носимое на шеѣ, ожерелье, амулетъ; греч. χρυσάκις, μάνος, μόνος: золотая повязка на шеѣ; лат. monile; старосакс. menī, англос. mene, сѣв. men, староверхненѣм. mennī: ожерелье; сѣв. собственное имя Menglöd = блистающая ожерельемъ. Можетъ быть, общее значеніе было: *подълька* изъ драгоценнаго металла, золота; старосѣв. men въ множ. ч. означаетъ вообще: драгоценности; въ Grottasöngr служанки короля Frodi мелютъ для него на волшебной мельницѣ *золото* и миръ, gull ok fríð ²⁾; имена дѣвушекъ Fenja и Menja (сл. тотъ-же рассказъ въ Skáldskaparmál с. XLIII), почему золото зовется *мукою Менни*, heit Menju góð (Sigurdarkv. III 50). — Напомню еще ожерелье Френ Brísinga men = Brisingsorum monile, вѣроятно скованное или отлитое въ огнѣ (brising) ³⁾—и Фрею, покровительницу лангобардовъ ⁴⁾, въ древней исторiи которыхъ мы встрѣтимъ и имя нашей *Менни*: она мать Audoin'a, жена «regis Pissae» ⁵⁾.

Легенды о происхожденiи искусства τῆς χρυμέστως естественно приурочивались къ природнымъ вулканическимъ горнымъ ламъ, какъ Мены неподалеку отъ озера Паликовъ, замѣненныхъ какой-то феей; Менія въ сосѣдствѣ съ Этной, въ Тавроменiи, вблизи которой, по свидѣтельству Эдризи, находился золотой рудникъ ⁶⁾. Очень вѣроятно, что слѣды этихъ и подобныхъ представленiй

¹⁾ Pitrè, Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, v. XII, p. 285—6.

²⁾ Объ этомъ мотивѣ сл. сопоставленія Liebrecht'a. Zur Volkskunde p. 302; Rolland, Rec. des chansons populaires, t. I, p. 272.

³⁾ J. Grimm, D. Myth., 4-e Ausg., стр. 254—5 и 518.

⁴⁾ Въ известномъ разсказѣ Origo gentis Longobardorum с. I и у Павла Дiakона, l. I, с. 8.

⁵⁾ Hist. Longobardor. Cod. Gothani, с. 5.

⁶⁾ Сл. L'Italia descritta nel libro del Re Ruggero, etc. p. 32.

сохранились кое-гдѣ въ современныхъ повѣрьяхъ и мѣстныхъ сагахъ, можетъ быть, отчасти подъ прикрытіемъ — чуждыхъ именъ. Меня напр. всегда интересовалъ вопросъ о популярности Артура и Фей Морганы именно въ Сициліи и не хотѣлось вѣрить, чтобы она могла быть объяснена одною популярностью романовъ бретонскаго цикла, откуда образъ Фей-красавицы («è la Gri-ciota'na fata Morgana»; «la Fatuzza Mariana tu mi pari») проникъ въ народную пѣсню и названіе извѣстнаго миража, видимое съ Мессинскаго побережья¹⁾; король Артуръ — въ баснословные рассказы сицилійскихъ поселянъ XII вѣка. Естественнѣе предположить народную, мѣстную подкладку, облегчившую уподобленіе пришлаго образа²⁾. О мѣстномъ демонѣ *Адранъ*, у подошвы Этны, Нимфодоръ говоритъ, ἔπος ἐμφανὲς ἐστὶ καὶ ἐς τὸ τῶν δεσμεύων προχέειρος ἐμφανὲς τε ἄμα καὶ ἴλεως; посвященные ему псы выводятъ на настоящій путь заблудившихся странниковъ (Aelian. Hist. Anim. 11, 20). Въ XII вѣкѣ Гервасію Тильберійскому рассказывали (narrant indigenae), что въ Mongibel = Этнѣ заключенъ король Артуръ, во дворець котораго забрелъ однажды конюхъ епископа катанскаго, отыскивая заблудившагося коня. Эту легенду повтерилъ съ варьянтами Цесарій Гейстербахскій; старо-французская поэма о Florian et Florete помѣщаетъ въ Этнѣ и чудесныя палаты Фей Морганы: тамъ она воспитываетъ Фло-

¹⁾ Сл. Placido Reyna (XVII вѣка) у Graf, Appunti per la storia del ciclo brettone in Italia (Giornale storico della letteratura italiana, fasc. 13—14, стр. 98): «Haec vero de sirenibus fabula aliam vulgi de saga quadam cui nomen Morgana, narrationem aequae fabulosam in memoriam mihi revocat, quoniam et haec ad delicias tractus Peloritani declarandas inventa videtur. Formosissimam hanc esse sagam narrant, quae terram nostram incolat ac saepe numero, qua potentia praedita sit, admirabili ratione demonstrat». — Въ Mazzara'ѣ подобное-же явленіе носитъ названіе: Città di frà Lucchino. Сл. R. Castelli, Credenze ed usi popolari siciliani (Palermo 1880), p. 21.

²⁾ Подобное слѣдуетъ предположить и для народныхъ, мѣстныхъ отраженій каролингскаго эпоса въ Италиі. Сл. A. D'Ancona ed E. Monaci, Una leggenda araldica e l'eropea carolingia nell' Umbria (Imola, 1880); F. Torraca, Una leggenda napoletana e l'eropea carolingia, въ Studi di Storia letteraria napoletana, p. 153—164 (Livorno, 1884); Pitrè, Le tradizioni cavalleresche popolari in Sicilia, Romania № 50—51, p. 380, 391—2. Сл. также мою замѣтку: Die Rolandsage in Ragusa, въ Archiv für slav. Philologie, V, 1.

риана, сына палермитанскаго короля, который впоследствии освобождаетъ, при помощи Артура, свою мать, осажденную въ Монреале, совершаетъ подвиги — и затѣмъ снова увезенъ феей въ Mongibel, гдѣ живетъ въ безмятежномъ счастьи съ Флоретой¹⁾. За предѣлами бретонскаго романа у Морганы своя исторія, въ которой трудно отличить долю личнаго вымысла отъ мѣстныхъ или литературныхъ воспоминаній. Въ *Huon de Bordeaux* она — мать Ауберон'а, котораго прижала отъ Цесарія, отца Юлія Цесаря²⁾; у *Berri* (*Orl. Inn.* с. XXXVI слѣд.) она царитъ на днѣ рѣки; у нея несмѣтныя сокровища, какъ и у нашей Меніи, такой-же мудрой и вѣщей, и отчасти — волшебницѣ, *ἐπαχιδός*, какъ бретонская фея — или *magara* калабрійско-спилійскихъ повѣрій, богатыхъ разказами о кладахъ, тамъ или здѣсь зачарованныхъ какой нибудь феей.

Первый мужъ Меніи, *Реминдо* (VI) названъ τῷ γένει ἔθνους ξανθοῦ — что напоминаетъ обычное опредѣленіе для западныхъ народовъ въ хризмахъ и видѣніяхъ, касающихся судебъ Константинополя: τὰ ξανθὰ γένη, ξανθὸν γένος³⁾. *Рѣминдос*, (*Рѣβινдос* у Агапія) очевидно, не латинское и не греческое имя, можетъ быть, лангобардское: *Raginmund*, *Раймундъ*, какъ *Renaldus* въ Каэтановомъ спискѣ житія = **Raginwald*, *Rainaud*, если это не опека вмѣсто *Рѣμ.αλδός* криптоферратскаго, *Ремалда* старославянскаго текста, — можетъ быть, *Romuald*, (**Hromwald* или **Romwald*)? Вспомнимъ Менію лангобардскихъ генеалогій.

1) G. Paris, *La Sicile dans la littérature française du moyen âge*, *Romania* № 17, p. 108—113. Въ *Maugis d'Aigremont* герой воспитывается въ Спиліи феей *Oriande*.

2) Въ прозаическихъ романахъ, вытекшихъ изъ старо-французской поэмы, отцемъ Оберона является Юлій Цесарь, матерью — владительница Тайнаго острова или Кефалонія, а самъ онъ роднится съ Александромъ Македонскимъ, отъ котораго, мы видѣли, произошла и наша Менія. Сл. Graf, *I complementi della Chanson d'Huon de Bordeaux*, p. XII—XIII. *Aimé de Varennes* въ своемъ *Florimont* дѣлаетъ владительницею Тайнаго или Незримаго острова (*île Céléé*) любовницею *Флоримона*, дѣла Александра Македонскаго.

3) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, 1, стр. 54, 61 и прим. 1

Другая родословная ставится для *Тавра*. Онъ — хананей; хананеями является и вся семья Аврелиана (Аврелианъ, Элидъ. Артагаръ, сл. VI). По Аппиану въ сѣверовосточной части Сициліи дѣйствительно жили палестиняне (*Παλαιστίνων γῆ*); старое сициліанское преданіе утверждало, что первоначально весь островъ былъ заселенъ изъ Ханаана, а въ XVI вѣкѣ въ Палермо показывали башню *Bauch*, будто-бы построенную Исавомъ¹⁾. Несомнѣнны восточные, и именно семитическіе элементы въ этническомъ составѣ, мифологій и ономастикѣ древнѣйшей Сициліи. Гольмъ полагаетъ²⁾, что Оріонъ, которому приписываютъ большія сооруженія на сѣверо-востокѣ острова, принадлежитъ этому восточному теченію, и подкрѣпляетъ свою догадку объясненіемъ названія Небродовъ — кряжа горъ, тянущихся отъ Пелорскаго мыса къ западу вдоль сѣвернаго побережья Сициліи. Въ Небродахъ онъ подозрѣваетъ Немврода, такого-же героя-охотника, какъ Оріонъ, и во многомъ съ нимъ тождественнаго. — Тавръ нашей повѣсти не только хананей, но и въ десятомъ колѣнѣ потомокъ — Немврода. — О пришествіи Немврода = Сатурна въ Италію говоритъ *Graphia aureae urbis Romae*; за нимъ явился туда-же и *Italus* съ спиракузцами; одна латинская хроника, указанная Графомъ³⁾, дѣлаетъ его сыномъ Немврода (*postea dicta fuit Italia ab Italo Jullio rege Siciliae qui fuit filius supradicti Nenroth, et fuit terciogenitus et regnavit in Italia*), какъ у равенскаго анонима онъ — сынъ Камбиза (*Itania ab Itano tertio Seth filio . . . Tercio vocata est Italia ab Italo duce sapientissimo filio Cambissis*). — О царѣ *Italus* знали уже древніе: Фукидидъ дѣлаетъ его царемъ жившихъ на итальянскомъ материкѣ спкуловъ, Антиохъ Сиракузскій — энотрійцемъ, вводителемъ земледѣлія и культуры; ему и Миносу приписываютъ изобрѣтеніе сиссипій; самниту *Itanus* (= *Italus*?)

¹⁾ Holm, l. c. I p. 91 и прим.

²⁾ L. c. I p. 95; см. p. 13.

³⁾ Graf, *Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo*, I, p. 85 прим.

у Климента Александрийскаго — изобрѣтеніе особаго рода щитовъ. — Italus = Taurus? «Τυρῆηνοὶ γὰρ ἰταλὸν τὸν ταῦρον ἐκάλεσαν» (Apollocl. Bibl. II, 5. 10)¹⁾.

Онъ является въ Италію и, на первыхъ порахъ, въ Регіумъ, еще мальчикомъ, но мальчикомъ необычайной силы, которую онъ тотчасъ и проявляетъ въ войнѣ Реминда и Акилина: никто не можетъ натянуть его лука, съ трудомъ несетъ шной на плечахъ тяжесть, которую онъ легко вращаетъ; «ἐν ταῖς γραφικαῖς ἱστορίαις» его ранняя мощь объясняется его дѣвственностью; — какъ у Давида и Самсона²⁾; дикаго быка онъ связалъ веревкой и повѣсилъ на рукѣ³⁾ — откуда, будто бы, и прозвище героя. Когда по смерти Реминда онъ впервые снаряжается въ бой противъ Акилина, Менія даетъ ему доспѣхи своего покойнаго мужа, между прочимъ, какой-то поясъ — и волшебное копьѣ. Въ концѣ разсказа древко Таврова копьѣ сравнивается съ стропиломъ дома, а щитъ имѣлъ въ окружности четыре сажени; Акилина онъ поражаетъ въ грудь изъ пращи камнемъ, въ которомъ вѣсу было 24 либра⁴⁾.

Мѣстность первыхъ подвиговъ Тавра — южная Италія, ближе — область, отвѣчающая позднѣйшей византійской темѣ Калабріи⁵⁾. Не вдаваясь въ разборъ очевидно испорченныхъ географическихъ обозначеній нашей повѣсти, замѣтимъ только, что царство Реминда простирается отъ калабрійскаго побережья черезъ Регіумъ ἕως τῆς παραλίας τῶν Σαλινῶν; по гроттоферратскому тексту точкой отправления и конечнымъ пунктомъ гра-

¹⁾ Сл. Heisterbergk, Ueber den Namen Italien (Freib. u. Tübingen, 1881), стр. 147—8 и passim; Lenormant, La Grande Grèce, I, стр. 249 слѣд.

²⁾ Въ контекстныхъ поученіяхъ о преимуществахъ дѣвственности (Zoega I. c. p. 580 и 584) образцами ея являются: Авель, Иезекииль, Даниилъ, Иеремія, Исусъ Навинъ, Илья, Елисей, Иоаннъ Креститель; «Samsonem autem et Davidem tunc temporis leones ursasque superasse quo nondum cognoverant mulieres».

³⁾ Βοῦν ἄγριον ἐν χώρᾳ νεμόμενον ἐκράτησα τῶν κεράτων, καὶ ἐν κύκλῳ συσσεισας καὶ σκοτήσας, ῥίψας ἀνέβηλον αὐτόν (Διαθήκη Ἰουδα, γ). Сл. Διαθήκη Γὰδ, α.

⁴⁾ Τὸν Ἀχὼρ βασιλέα, ἄνδρα γιγάντων, βάλλοντα τόξῳ ἔμπροσθεν καὶ ὀπίσθεν, ἐφ' ἵππου ἀνελόμενος, λίθον ἐξήκοντα λιτρῶν ἀκοντίσας, δέδωκα τῷ ἵππῳ καὶ ἀπέκτεινα αὐτόν (Διαθ. Ἰουδα, ib.).

⁵⁾ Сл. выше стр. 68—69.

ницы являются тѣ-же Салпны; въ Регіумѣ Ремпидѣ впервые видятъ Тавра, но пребываетъ онъ ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ τῶν Σαλινῶν. Для опредѣленія этой мѣстности есть указаніе, что по смерти Акилина Тавръ строить «ἐν Σαλίναϊς», «ἐν Καλαβρίᾳ» городъ своего имени: Ταυριανὰς τὰς μικράς (μικράς по отношенію къ Тавромениі?). Разумѣется, быть можетъ, Taurianum, Tauriana, Ταυριανή, которую Помпоній Мела помѣщаетъ между Скиллою и Метавромъ, а новые географы¹⁾ ищутъ либо въ нынѣшнемъ Torretto, въ 23 миляхъ къ юговостоку отъ Vibo и на востокъ отъ Никотеры, либо у Gioja, при устьѣ рѣки Метавра. Последнюю мы могли-бы въ такомъ случаѣ сблизить съ «салнійскою рѣкою» (?), гдѣ Тавръ совершаетъ свой подвигъ съ дикимъ быкомъ, тавромъ. — Границы салнійской области остаются тѣмъ не менѣе смутными для меня; названіе Салпнъ одно изъ распространенныхъ въ Италіи: напомнимъ лишь сосѣднюю съ Реджіо Val delle Saline въ южныхъ отрогахъ Апеннинъ, у Capo delle Armi.

Царство Акилина-Аноона, противника Ремпида, а впоследствии Тавра, лежитъ, судя по контексту, къ сѣверу отъ указанной области: отъ салнійскаго (западнаго-калабрійскаго) побережья до хребта Силы и Тарента.

Какъ Акилинъ-Аноонъ сраженъ юнымъ Тавромъ, такъ его преемникъ и родичъ, тоже Акилинъ, царь Калабрійи и такой-же язычникъ, идетъ войной противъ Таврова преемника, христіанина Вонифатія, и погибаетъ съ войскомъ, потому что пконы и крестъ, вынесенные на городскую стѣну Панкратіемъ, Евагриемъ и Татіаномъ, кажутся врагамъ тремя солнцами и, внезапно ослѣвленные, они обращаютъ оружіе другъ противъ друга. — Выше я указалъ на этотъ параллелизмъ двухъ Акилиновъ; если онъ не созданъ писателемъ житія, и мы имѣемъ дѣло не съ раздвоеніемъ одного и того-же типа, то сблизеніе или отождествленіе легко могло состояться по аналогіи именъ и отношеній. Могли рассказывать

⁵⁾ Cl. Cluverii It. Ant. II, 1271 и 1293; Forbiger, Handbuch der alten Geographie, a. v. Taurianum; Pauli, Realencyclopädie d. class. Alterth. a. v. Metaurus и Tauriana.

о войнѣ стараго властителя (Ремпида) съ могучимъ языческимъ королемъ Калабріи (Акилинъ); о явленіи юнаго богатыря (Тавра) на помощь первому; о бранныхъ подвигахъ юноши и чудесной помощи свѣше, ниспосланной христіанамъ. Замѣните въ этой схемѣ Ремпида — Карломъ Великимъ, *Акилина* — *Аюланомъ* (Agulanz, Agolanz, Aigolandus, Agulandus), Тавра — Роландомъ; оставьте то-же мѣсто дѣйствія (Калабрія; Aspramonte — южная отрасль Апенинъ, около Реджіо), усильте противоположность между христіанами и язычниками-сарацинами — и вы получите схему старо-французской поэмы *Aspremont*, содержаніе которой извѣстно было уже въ первой половинѣ XII-го столѣтія, и въ основѣ которой предполагаютъ обыкновенно память объ итальянскомъ походѣ Карла Великаго въ 773 году. — Содержаніе поэмы вкратцѣ слѣдующее ¹⁾:

Карлъ Великій столуеть съ своими французами въ Духовъ день, когда является сарацинъ, Balanz, посланникъ царя Agolant'a, и обращается къ Карлу съ дерзкимъ вызовомъ: три земли, три части свѣта ему извѣстны; Азія, Европа и Африка; большей изъ нихъ владѣеть его повелитель, но онъ хочетъ подчинить себѣ и остальные; онъ — непобѣдимъ, Карлу лучше покориться, иначе

Tant te querrons que te porrons trover,
Ne te garra bois ne terre ne mer,
Se ne en pues come oiselez voler.

Разгнѣванный императоръ, котораго Naimes удерживаетъ отъ насильственныхъ дѣйствій противъ посла, объявляетъ ему, что черезъ четыре мѣсяца его увидятъ подъ *Aspremont*, куда возвращается и посоль:

Par ses journées a Balanz tant erré
Qu'il vint à Rome. s'a trois jours sejorné;

¹⁾ L. Gautier, *Les épopées françaises*, 2-e éd., t. III, p. 70—81; Nyrop, *Den oldfranske Heltedigtning*, p. 83—91. Цитаты заимствованы изъ перваго сочиненія; нѣкоторыя взяты у Becker'a. *Fierabras* p. LIII—LXVI. Я имѣлъ также въ виду изложеніе въ *Hist. littér. de la France*, t. XXII, p. 300—318.

Au quart s'en torne, n'i a plus demoré.
 Puille trespasse, en Calabre est entrez,
 Au quart jor est en Aspremont montez.

Войско Французовъ направляется къ краю Aspremont, за которымъ расположились полчища Agolant'a и его сына, молодого Beaumont (сѣв. Iasmundr). Развѣдчикомъ идетъ вначалѣ Richier, но въ горахъ его лошадь пожрана грифомъ, скорпионъ сорвалъ съ одной ноги его шпору — и онъ возвращается вспять. Тогда отправляется Naumes: въ горахъ холодно и снѣжно, ему приходится переправляться верхомъ черезъ потокъ среди льдинъ; старый, двухсотлѣтній змѣй гнѣздилися тамъ, пожирая всякаго звѣря, приходившаго на водоной: Naumes сноситъ ему голову, которая падая, издаетъ пламя; камень-самосвѣтъ, найденный въ ней, онъ прячетъ въ сумку, равно какъ и лану убитаго имъ грифа. Ночь прошла подъ открытымъ небомъ, на морозѣ, въ схваткахъ съ медвѣдями и леопардомъ, котораго убиваетъ конь витязя. Лишь послѣ всѣхъ этихъ приключеній Naumon'у удается перебраться по ту сторону Aspremont'a; онъ видитъ станъ и шатеръ Agolant'a

659 Et voit ou Far maint nef et maint dromunt.

Et en Calabre et maint pui et maint mont. (Bekker)

Между тѣмъ лазутчикъ-сарацинъ докладываетъ о движеніи Карлова войска Agolant'у, находившемуся въ Реджіо (à Rise l'amirable cité. Bekker). Посланный имъ на развѣдку Gorhan, сынъ Balan'a, встрѣчается на пути съ Naimon'омъ, и послѣ боевой схватки, въ которой Naimes старается щадить противника, оба ѣдутъ къ Аголану, гдѣ, послѣ вызова королю, посланцу Карла пришлось-бы плохо, еслибы не Balanz: онъ узналъ его и, въ отплату за пріемъ, оказанный ему самому во Франціи, говоритъ, что это — не Naimes, а одинъ изъ простыхъ Карловыхъ людей. Аголанъ его отпускаетъ: черезъ три дня быть битвѣ подъ Аспремономъ. И битва разгорѣлась: Карлъ едва не погибъ подъ ударами Beaumont'a, Аголанова сына, но на выручку поспѣлъ

его племянникъ, юноша Роландъ. Передъ началомъ похода его вмѣстѣ съ четырьмя товарищами заперли изъ боязни, чтобъ они какъ нибудь не увлеклись и не ушли съ войскомъ; но они вырвались изъ заключенія и на лошадахъ, отбитыхъ у какихъ-то бретонцевъ, нагнали своихъ.—Поединокъ съ Eumont—первый богатырскій подвигъ Роланда: онъ сражаетъ противника, завладеваетъ его конемъ Viellantif и знаменитымъ мечемъ Durendal; такъ и въ Chans. de Roland С. 36 v., 18—37 r., 6:

He Durandal de bonne congneue,

 En Aspremont fustez Eumont tolué

Далѣе на помощь христіанамъ является чудо: Турпинъ несетъ древо честнаго креста:

Torpins porta la sainte croix le jor,
 En nule terre n'ot nule si grant tor,
 Come la croiz dont cele resplendor.
 Par cele croiz sanble Aufriquanz le jor
 Que li solauz am perde sa luor

La sainte croiz dona clartet si grant,
 Que la valée an va resplendissant,
 Et cil d'Aufrique s'en vont moult esmaiant,
 Nen i ot nul, tant orgueillox proisant,
 De la peor ne remut son talent (Gautier III 91)

Aufricans prenent entr'aus à conseiller:
 «Mahomes doinst celui mal encombrier
 Qui de cel prestre a fait confanonier!
 Son confanon voi au ciel atouchier,
 Vez une nue par desus apoier;
 Nel veés vos reluire et flamboier
 Que li solaus en laisse son rayer! (H. l. de la France l. c. 313).

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ горы одинъ за другимъ спускаются на виду у цѣлаго войска три чудесныхъ всадника. Какъ тебя звать? спрашиваетъ одного изъ нихъ Ожье. Я св. Георгій,

Si ai partout le premier cor dou champ,

Mais je l'ai ci doné à cest enfant (Gautier III 91),

говоритъ онъ, указывая на Роланда; его спутники: св. Димитрій (Domitre Hist. litt. 313; у Gautier 91: Domnin) и Маврикій: они сражаются въ ряду французовъ. Agolant погибаетъ подъ ударами племянника Girard'a de Fraite, Claire'a, котораго преданіе считало основателемъ клермонскаго замка (Hist. litt. 306); побѣдители вступаютъ въ Реджіо (Rise), крестятъ всѣхъ, въ числѣ другихъ и вдову Аголана, которую выдаютъ за сына венгерскаго короля, Florent. Онъ провозглашенъ королемъ Апуліи и Калабрій.

Таковы общія очертанія поэмы объ Aspremont или Аголанѣ — и мы хотимъ попытаться ближе обосновать сблженія съ легендой о Таврѣ и Менип, предложенныя выше. *Agulant*, можетъ быть, перегласовка имени Аквилина, Ἀκυλίηνος = Aquilinus, часто смѣшивавшагося (въ житіяхъ) съ *Aquilanus*. Aquilinus, -а дали-бы въ старофранц. языкѣ Aiglin, -e, или Aquilin -e¹), въ южноитальянскихъ говорахъ Aculino (Agulino), -а; сл. въ сказкѣ изъ Абруццъ *fata Culina* или *Culinda* (= Aquilina)²). — Aculino (Aculano) = Agulant? Я не касаюсь здѣсь вопроса: не является ли имя Аквилина, подъ стать Реминду, классической перегласовкой какого-нибудь германскаго, или ближе, лангобардскаго, которое объяснило бы намъ за одно и — Аголана. Укажу въ лангобард-

¹) Сл. *Aiglina* въ одномъ стихотвореніи Guillem de la Tor у Suchier, Denkmäler provenz. Literatur. u. Sprache, v. 22; *Aquiline* въ *Aquilon* de Bavière, изданномъ въ извлеченіи Thomas'омъ, Romania № 44, p. 550; сарацина Aquilant въ Bastard de Buillon, и т. п.

²) De Nino, Usi e costumi abruzzesi, vol. 3°, p. 343, прим. 1. Сл. Gennaro Finamore въ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari III, 1, p. 35 (fata Donna Culina, хранительница клада). Въ итальянскихъ и латинскихъ сказкахъ ея имя является съ такими варьянтами: Aquilina, Culina, Culinda, Colina, Chelina, Chilina. Сл. R. Köhler у Warnke, Die Lais der Marie de France, стр. LXXXV, прим. 1.

скомъ ономастикѣ имена отъ \sqrt{ag} (agi, agin, agil) и въ *Origo gentis Longobardorum* (ок. 668 г.) — «*regem nomine Agilmund, filium Aioni*» (P. Diac.: *Agelmund filius Aionis*). Agilmund = Eaumont?; Aquilinus = *Agiling? — Agio = староверхненѣм. Ессо, средневерхненѣм. Еске. Еске — герой извѣстной нѣмецкой поэмы, гдѣ онъ борется съ Дитрихомъ Бернскимъ, отбивающимъ у него извѣстный мечъ *Eckesahs*. Сл. *Dugandal* въ рукахъ Аголана и Омона ¹⁾).

Наслѣдникъ Аголана *Florent*, сынъ венгерскаго короля, напоминаетъ венгерскаго короля *Flore* въ *Berte au grand pié* — и прозвище Аквилла: Ἄγρω — можетъ быть, вмѣсто $\alpha\gamma\rho\omega$ = *Florens*? Въ романѣ объ *Aquilon de Bavière*, отрывки котораго недавно были изданы Томасомъ, есть генеалогія Роляндова меча *Dugandal*, гдѣ передъ именами его послѣднихъ владѣльцевъ, Аголана и Омона (*Eaumont*), встрѣчаются другія, заимствованныя отъ *flos*; имена взяты отовсюду, но знаменателенъ самый фактъ накопленія. Роляндъ обращается къ своему мечу: *Ai! brand che tant por ta bontés es renomés e tant noble baron ont por toi tant onor e fame aquistés! Que poit dir Juda Machabeu, che toi porta primermant; che poit dir li fil del roi Priame, ce fu Ector che por toi conquis cil Hercules de cui se parle tant; che poit dir Fioramont da Duraz che toi porta e por toi conquista tant onor quand la pulzele da l'Ixole celee li dona toi por grand amistés; che poit dir li roi Alexandre; che poit dir Fi(o)ravant, li fil a li roi Fiorel; che poit dir Tavian, son fil; che poit dir li roi Braibant; che poit dir ly [fil a ly] rois Agolant, ce fu Haimont che toi fist tant onor? ²⁾*. — Роляндъ поражаетъ не Аголана, какъ можно

¹⁾ Иное объясненіе имени Agolant у Gravell'я, *Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede* p. 131 (прим. 37).

²⁾ *Romania* I. c., p. 567; сл. подобное-же обращеніе на стр. 565, гдѣ имена слѣдующія: *Juda Machabeu; Hector, li fil al roi Priam de Trogie; Alexandre; Fioramont da Duraz; Fioramont (= Fioravant) li ardis; Braibant; Helmont*. — *Fioravant* и *Fiorel* извѣстны изъ *Reali di Francia*; *Fioramont*, въ сосѣдствѣ съ Александромъ, = *Florimont Aimon'a de Varenne* (Сл. p. 550 прим. 2 и извле-

было-бы ожидать по аналогіи съ Тавромъ, а его сына, по Аголанъ сраженъ такимъ-же юношей, Клеромъ, давшимъ имя Клермону, какъ Тавръ — Тавроменин. Я обращаю еще вниманіе на интересное сходство чудесъ, сопровождающихъ ту и другую битву: блескъ, пуща солнечнаго, исходящій изъ креста. Въ связи съ другими чертами сходства получаетъ значеніе и этотъ мотивъ, отзывающійся общимъ мѣстомъ легенды.

Старофранцузская поэма не приурочила-ли къ Карлу Великому, къ его италіанскимъ походамъ и типической борьбѣ съ Сарацинами — южноиталіанское, византійско-лангобардское сказаніе, которое норманны могли застать еще въ относительной свѣжести и перенести пѣсколько его именъ и положеній во французскій эпосъ, какъ на сѣверѣ переносили въ свои романы — бретонскія сказки? Можно сомнѣваться, чтобъ свв. Георгій, Дмитрій и Мавркій, чудесные помощники, принадлежали специально французской обработкѣ: издавна популярны въ греческой церкви народныя тропайофоры должны были быть извѣстны на италіанско-византійскомъ югѣ, гдѣ сложилась и Панкратіева легенда — и стоитъ статуя святаго, между Таорминою и Саро Schiso, тамъ, гдѣ когда-то халкидійцы воздвигли изображение Аполлона Архагета, направившаго ихъ къ этой мѣстности. Интересно, что старонѣмецкія поэмы, въ которыхъ удержалась память и имя Панкратія, указываютъ на восточно-византійскія отношенія. Такъ въ *Wolfdietrich B*, 349 Эльза = *Sigeminne* даетъ Вольфдитриху *ein palmâtsidîn hemde*,

*sant Pangràzien heiltuom dar inne versigelt was
von zwein und sibenzic vachen: dar inne er vil dicke genas*

(сл. *ib.* строфы 688 и 729: *Sant Pangràzien heiltuom* въ рукояти Вольфдитрихова меча *Rose*; *Wolfdietrich D*, VI, строфа 160). То-же въ *Orendel'ŕ*, 1656: *sê ein guot swert in dîn hant und halt es*

ченія на стр. 563—4). Для генеалогіи мечей сл. *Chanson d'Antioche II*, 12 (мечъ *Requite* перешелъ изъ рукъ Александра Великаго къ Птолемею, Юдѣ Маккавею, Веспасіану и друг.) и т. п.

wol mit sinne, da ist sant Pancrâzien. Варианты къ послѣднему мѣсту даютъ: *Branckirtzegeu*, *Brandans*, что указываетъ, быть можетъ, на вульгарную форму имени: *Brancatus* = *Pancratius* ¹⁾).

Я ограничился въ предъидущемъ очеркѣ лишь постановкой нѣкоторыхъ вопросовъ, заслуживающихъ, какъ мнѣ кажется, особаго вниманія. Переживание греческаго преданія въ современныхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ южной Италіи не подлежитъ сомнѣнію; въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть поднятъ вопросъ: возводитъ-ли ихъ къ древнему эллинскому элементу Великой Греціи, къ позднѣйшему ли періоду греческой колонизаціи послѣ турецкаго погрома — или къ VIII—XI вѣкамъ, когда подъ властью византійскихъ императоровъ южная Италія, уже успѣвшая ороманиться, эллинизуетъ на ново, и отъ Тарента до Реджіо (крайнихъ географическихъ пунктовъ нашей повѣсти) возникаетъ новая Италія, греческая по языку, нравамъ, церкви и національному чувству, Греція, которую еще застали норманскіе завоеватели ²⁾). Съ точки зрѣнія этой-то Греціи насъ и интересуетъ параллель, предлагаемая греко-итальянской легендой къ одному изъ сюжетовъ карловинскаго эпоса — какъ въ разсказѣ салернскаго монаха о Хожденіи Карла Великаго къ лангобардскому герцогу Арихису мы увидѣли такую-же, только болѣе яркую параллель къ старофранцузской поэмѣ о наломничествѣ Карла въ Константинополь ³⁾).

¹⁾ Deutsches Heldenbuch III; IV, стр. 290; AASS. Aprilis I, 235.

²⁾ Lenormant, l. c. I, Préface, p. VII; II, p. 390 слѣд. См. P. Meyer, Les premières compilations françaises d'histoire ancienne, въ Romania № 53 стр. 70, прим. 5 (изъ старофранц. прозаическаго roman de Troie): «Et par toute Calabre li paisant ne parlent se grizois non. Encore en Puille, en maint leuz, ont il le service Nostre Seigneur es mostiers a la maniere de Grece et en grizois lengage».

³⁾ См. мои Южно-русскія былины, гл. VI, стр. 235—237.

III.

КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ

СЕРВСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

Романъ объ Александрѣ Македонскомъ существуетъ въ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказахъ: одинъ изъ нихъ — сохранившійся въ спискѣ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и вошедшій, съ отмѣнами, въ составъ Элпн-скаго лѣтописца, представляется переводомъ Псевдо-Каллисоена, типа ВС, съ интерполяціями изъ Іосифа Флавія, Епифанія и др.; другой, распространенный преимущественно въ сербскихъ спискахъ и дважды изданный¹⁾, восходитъ къ особому греческому оригиналу, представителями котораго являются, съ одной стороны, вѣнская рукопись XV—XVI вв., вывезенная изъ Константинополя Бусбекомъ, изданная въ отрывкахъ Каппомъ²⁾,

¹⁾ Starine III (1871 г.): Jagić, Život Aleksandra Velikoga, стр. 203—331 (цитируется: Jag.); Новаковић, Приповетка о Александру Великом. У Београду, 1878 (цитируется: Нов.).

²⁾ Капп, Mittheilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage im Mittelalter, въ Programm des k. k. Real- und Obergymnasiums im IX Gemeindebezirke in Wien. Wien, 1872, стр. 38 слѣд. Кроме Александрии, въ сборникѣ помѣщены еще: Исторія Аполлонія Тирскаго, поэмы о Петрѣ Прованскомъ и прекрасной Магелонѣ, о Флорѣ и Платцафлорѣ, о Троянской войнѣ: всѣ въ политическихъ стихахъ и, какъ видно изъ заглавій и изданій, съ содержаніемъ, заимствованнымъ по большей части изъ западныхъ источниковъ. Подробное описаніе рукописи см. у Wagner, Carmina graeca medii aevi, Lips. 1874, p. IX, слѣд.

и нынѣ впервые напечатанная въ приложеніи къ этому труду ¹⁾; съ другой — ново-греческая народная книга объ Александровыхъ дѣяніяхъ и ея сербскій и болгарскій переводы ²⁾. Текстъ Бусбека, не представляющій видимыхъ пропусковъ, очевидно списанъ былъ съ рукописи, изобиловавшей ими, въ чемъ убѣждаютъ частые перерывы въ связи разсказа и сравненіе съ другими его редакціями. Такъ эпизодъ о Куманахъ и смежный съ нимъ о Филиппѣ и Анаксархѣ, пытавшемся похитить Олимпиаду (Нов. кн. I, гл. 15—16; греч. нар. кн. стр. 23—28), страннымъ образомъ сведены въ одинъ (сл. W, стр. 15, прим. 1); тогда какъ сербская Александрія (Нов. кн. II, гл. 16 слѣд.; греч. нар. кн. стр. 107 слѣд.) помѣщаетъ между смертью Дарія и войной противъ Пора подробный разсказъ о посѣщеніи Александромъ невѣдомыхъ странъ, брахмановъ-пагомудрецовъ у земнаго рая, — вѣнскій текстъ (W, стр. 43 слѣд. и прим. на стр. 43) опускаетъ весь этотъ эпизодъ. Между тѣмъ, напутствуя Александра, Иеремія говоритъ ему: *κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγένη, καὶ ἐκεῖ θέλεις εὖρη ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἓνα νησὶν φυλακωμένους, ὅπου εἶναι τὸ φαί τους καὶ ἡ ζωὴ τους ἀπὸ ὀπώρα, οὐχὶ ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδυμασίᾳ τους εἶναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαλλί τους σκεπασμένη καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάχαροι ἀπὸ τὸν θεόν* (W, стр. 46; сл. греч. нар. кн. стр. 71; Новак. II, гл. I, стр. 49). Позднѣе (W, стр. 63) Александръ на смертномъ одрѣ держитъ такую рѣчь: *ἠπήραμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καὶ τὴν ἔρημον εἶδαμεν καὶ ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζῆσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καὶ ἕως τὴν ἄκρην τῆς γῆς ὑπήγαμεν καὶ τὴν ὕψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καὶ εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐπέβηκα*. Сл. греч. нар. кн. стр. 182:

¹⁾ Цитруется: W, съ ссылкой на страницы нашего изданія.

²⁾ Я пользовался слѣдующими изданіями: *Ἱστορία τοῦ μεγάλου Αλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα*. Βίος, πόλεμοι καὶ θάνατος αὐτοῦ. Венеція, 1852 (цитруется: *греч. нар. книга*); *Ἱστορία на великій Александра Македонца*, преведе отъ Грѣцки Протопоновичъ. Вѣль-градъ, 1844 (цитруется: *бол. нар. книга*). — О сербской народной книгѣ см. Новаковичъ, I, с., стр. XXV.

ἐγυρίσαμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην, κοντὰ εἰς τὸν παράδεισον ἐπήγαμεν, καὶ εἰς τὴν ἄκραν τῆς γῆς ἀκόμη εἰς τὴν θάλασσαν ἐμβήκαμεν, ὅλα τὰ εἶδαμεν; Нов. III, гл. 31, стр. 149: в'соу вьселен'ноу прѣдѣхъ и до рая доидохъ, идѣже Адамъ прѣдѣдъ нашъ жилъ бѣше, и в'се [m: крае земле видехомъ, и вписноу небесноу оузнахомъ, и гльбинуу мора разоумехомъ (сл. Jagić, l. c., стр. 328). — О хожденіи къ раю говорятъ подробно и сербскій текстъ и греческая народная книга; несомнѣнно, о немъ говорилось и въ оригиналѣ вѣнскаго списка. Иначе слѣдуетъ отнести къ другимъ указаніямъ Александровой рѣчи: объ испытаніи небесной высоты и морской глубины — эпизодамъ, извѣстнымъ изъ Псевдокаллистоена¹). О первомъ согласно молчатъ и сербскій текстъ, и греческая народная книга; вѣроятно, о нихъ ничего не говорилось и въ опущенномъ эпизодѣ рукописи Бусбека; лишь въ греческой народной книгѣ (стр. 166—167) помѣщенъ рассказъ о посѣщеніи Александромъ морской глубины — не задолго до его кончины. Тѣмъ страннѣе воспоминаніе Александра, удержавшееся во всѣхъ рецензіяхъ: о подвигахъ, вовсе имъ не совершенныхъ — судя по тексту. Слѣдуетъ ли предположить такое же отношеніе уже для оригинала *x*, при чемъ память объ извѣстныхъ приключеніяхъ Александра, не рассказанныхъ авторомъ, могла явиться у него случайно, когда онъ писалъ прощальную рѣчь своего героя? Или же въ *x* эти приключенія были рассказаны, и опущены лишь въ *y*, непосредственномъ подлинникѣ существующихъ греческихъ и славянскихъ рецензій Александрии, а греч. нар. книга воспроизвела одно изъ нихъ (испытаніе морской глубины), слѣдуя какому нибудь другому источнику?

Въ сербскомъ текстѣ (Нов. II, гл. 2—4) и греч. нар. книгѣ (стр. 72—77) Александръ, посѣтивъ Іерусалимъ, идетъ на Египетъ; въ вѣнской рукописи этотъ эпизодъ выпалъ, хотя Іеремія и говоритъ: ἐσὺ, Ἀλέξανδρε, ὕπαγε εἰς τὴν Αἴγυπτον (W, стр. 46).

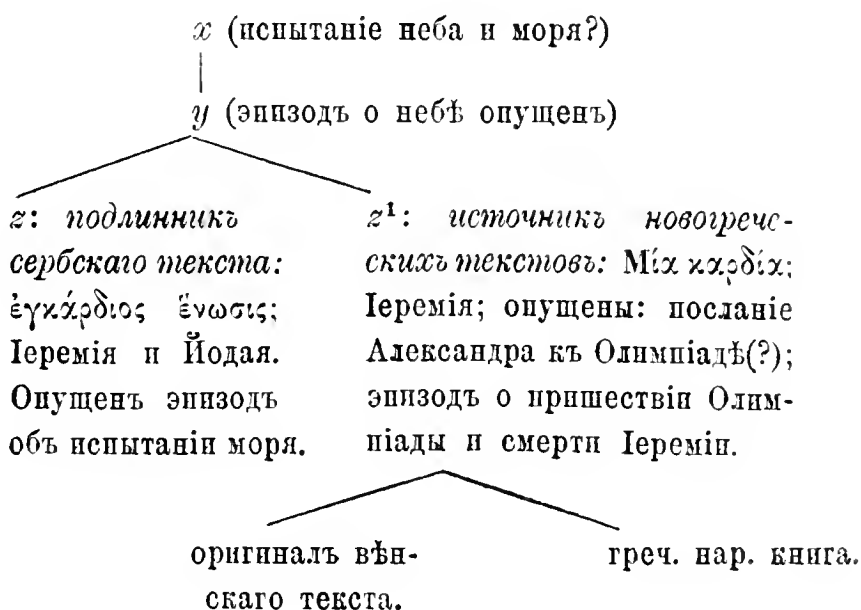
¹) Къ литературѣ этого сказанія сл. O. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems. (1885), стр. 5, прим. 2.

Укажемъ, кромѣ отмѣченнаго въ нашемъ оттискѣ W, стр. 50, прим. 1, еще на одинъ большой пропускъ вѣнскаго текста: опущено все, что легенда заставляла совершать Александра между смертью Пора и его собственнымъ отравленіемъ (сл. W, стр. 60; Нов. III гл. 6—29, стр. 107—145; греч. нар. книга, со стр. 140 до 175 приблизительно), то-есть, эпизоды объ Амазонкахъ и Кандакѣ; выпали: имя брата Вріонуса, его соучастника въ отравленіи, упоминаніе ихъ матери, рассказъ о смерти пророка Іереміи. Такъ какъ послѣдняго эпизода (смерть пророка Іереміи) нѣтъ и въ греческой народной книгѣ, сходной во всемъ остальномъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ сербскаго текста, то мы получимъ еще генеалогическое указаніе: что въ непосредственномъ источникѣ вѣнской рецензіи и греческой народной книги (*z*¹) этой подробности уже не существовало. Этому источнику свойственно было и особое названіе для города, построеннаго Александромъ: *μία καρδία*, тогда какъ въ оригиналѣ сербскаго перевода (*z*) стояло соотвѣтствующее *ἐγκάρδιος ἕνωσις* (сл. далѣе гл. I и X); и появленіе въ Іерусалимѣ одного Іереміи, тогда какъ сербскій текстъ называетъ, рядомъ съ нимъ, и Йодаю-Іюду; и отсутствіе рассказа о пришествіи Олимпіады въ Вавилонъ (Нов. III, гл. 26), хотя на этотъ рассказъ есть указанія — и Александръ, умирая, *τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του... ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι* (W, стр. 62). Греческая народная книга сократила и кое-гдѣ измѣнила изложеніе своего подлинника, не трогая его плана, кое-гдѣ обнаруживая воздѣйствіе другаго источника, быть можетъ какого-нибудь пересказа Псевдокаллистоена; списокъ Бусбека, вѣроятно, сохранилъ бы намъ болѣе полное отраженіе оригинала, еслибъ не страдалъ чисто-внѣшними матеріальными опущеніями, къ числу которыхъ относится, вѣроятно, и неупоминаніе имени Лаомедонта въ эпизодѣ о Римѣ (W, стр. 32; сл. Нов. I, гл. 22, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 54) и др.

Особо стоитъ слѣдующее: въ эпизодѣ о войнѣ съ Поромъ (Нов. III, гл. 2) сербскій текстъ приводитъ письмо Александра къ Олимпіадѣ, въ которомъ онъ извѣщаетъ её о своихъ приключеніяхъ.

ченіяхъ со времени смерти Дарія, но въ иномъ, болѣе древнемъ порядкѣ, чѣмъ это изложено въ самомъ разсказѣ о подвигахъ (сл. далѣе, гл. II). Ни въ W, ни въ греч. нар. книгѣ этого посланія нѣтъ; находилось-ли оно въ *y*, и лишь опущено въ *z*¹?

Предлагаемая здѣсь родословная текстовъ не что иное, какъ первый опытъ сравненій, которому предстоитъ измѣниться въ частностяхъ по мѣрѣ раскрытія новаго матеріала, славянскаго и греческаго.

О близости *z* и *z*¹ можно заключать изъ сравненія сербскаго перевода съ текстомъ Бусбека. Беру на выдержку нѣсколько строкъ изъ начала (Нов. I, гл. 1, стр. 1—2; W, стр. 1—2):

... въ петотысоуштное же лѣто сего стоѣнія, и царствоуштоу великаго Рима Таркинню царю, начелствоуштоу иשראלтѣськымъ людемъ, еувренскому господьствоу, Йодае архіереоу и Иеремію пророкоу, господствоуштоу же вѣсточнымъ странамъ Дарію сыноу Куроусовоу, об'дръжештоу Индію тогда Пороу, великому царю, и Егуптомъ же великымъ обладаюштоу Никтоनावоу

Επί ἔτους ε̅ β̅ βασιλευσεν εἰς τὴν παλαιάν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτελοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ ἦτον αὐθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερემίας ἀρχιερεύς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρὸς καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος (далѣе Νεκτέναβος),

вльхвоу соуштоу и царю, тогда фридинскимъ же странамъ и македонскои земли и еладскимъ островомъ обладаюштоу Філіппоу Грькоу и Еллиноу, роди же се тогда емоу сынъ, и нарече име емоу Александръ ¹⁾, по гръчьскомоу ѳзыкоу глаголетъ се избранъ мужъ, избранъ же нъз млада гвлѣаше се и добльствѣнъ, красѣнъ же и благооб'разнъ къ всѣмъ зрѣштимъ его бѣ. Се же не бѣ емоу отъ тѣлеснаго рожденіа ни отъ чловѣчьскаго оустроєніа, по (рѣч. ни) отъ великаго божіа промысла... Глаголюшти бо ѳго быти сына цара Филипа лъжоуть, нъ сы сынъ ѳсть цара егупѣтскаго Анехтенава, великаго вльхва.

ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μὲ τὴν γῆν τῶν Ἀλατῆγων καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἕλληνας ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μὲ τοὺς Φιλίππους καὶ μὲ τὴν Φιλίπποπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσαι· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς τὰς ἡμέρας Ἀλέξανδρον ρωμαϊκῶς· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἡνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουσι ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔστι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔστι ψευδός, τὸ ἀληθές ἔστι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβρου τοῦ ποιητοῦ καὶ ἀστρονόμου.

Румынская Александрія, переведенная съ сербскои и не представляющая самостоятельнаго источника, была принята во вниманіе, на сколько она доступна была автору ²⁾. Если онъ позволилъ себѣ объединить греческіе, славянскіе и румынскіе тексты Александріи подъ названіемъ «сербскои», то поводомъ къ тому было особое распространеніе этой рецензіи стараго романа на славянскомъ югѣ и популярность ея сербскаго перевода. Предлагаемый далѣе разборъ источниковъ Александріи, изъ котораго уже сдѣлано было сообщеніе въ двухъ статьяхъ Журнала

¹⁾ Сл. соотвѣтствующій отрывокъ нашей Александріи въ хронографѣ 1-й редакціи у А. Попова, Хронографы, вып. I, стр. 121.

²⁾ См. M. Gaster, *Literatura populara română* (1883), p. 7—31. Старога изданія румынскои Александріи (1797) я не видѣлъ (см. Dimitrie Jargu, *Bibliografia chronologica romana sau Catalog general de cartile romane imprimate de la adoptarea imprimeriei... si pana astăzi*. Bucuresci. 1873, стр. 18), но могъ пользоваться изданіемъ 1862 г. (Исторія лѣт Александрс чел маре; далѣе цитруется: рум. нар. книга), эпизодомъ Александріи по рукописи конца XVIII вѣка, въ спискѣ П. А. Сырку, и рукописной румынскои Александріей (XVIII в.), принадлежащей археологическому музею при Кіевскои Духовнои Академіи, № 372 (текстъ съ значительными пробѣлами); цитруется: рум. К.

Министерства Народнаго Просвѣщенія (1884, Июль и Сентябрь), не притязаетъ на всестороннее рѣшеніе вопросовъ, поднимаемыхъ этимъ интереснымъ памятникомъ. Пополненіе труда поневолѣ приходится поставить въ зависимость отъ знакомства автора съ нѣкоторыми источниками, либо недоступными ему (нѣкоторыя южно-славянскія ркп.), либо имѣющими появиться въ свѣтъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Я имѣю въ виду давно ожидаемое изданіе Поля Мейера ¹⁾. — и *desideratum* всякаго, занимающагося судьбами европейской Александрии: критическій текстъ *Historia de preliis* ²⁾. Авторъ полагаетъ однако, что и при тѣхъ матеріалахъ, которыми онъ могъ располагать, получились нѣкоторыя общія точки зрѣнія, которыя полезно было подвергнуть обсужденію специалистовъ.

¹⁾ См. пока его *Études sur les manuscrits du Roman d'Alexandre, Romania*, № 42—3, p. 213—332.

²⁾ Сл. пока текстъ *Historia*, изданный Zingerle, l. c. стр. 129 слѣд. Дальнѣйшія ссылки на *Hist. de prel.*, гдѣ нѣтъ особаго указанія, разумѣютъ текстъ Zingerle.

I.

ЮНОСТЬ И ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ АЛЕКСАНДРА ДО ПРИШЕСТВІЯ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

(Новаковичъ кн. I, Pseudocallisthenes C, I, cap. 1—33.)

Введеніе въ текстъ сербской Александріи, приведенное нами выше, не находитъ себѣ соотвѣтствія ни въ различныхъ редакціяхъ Псевдокаллистоена, ни у Юлія Валерія, ни въ *Historia de preliis* ¹⁾. Минуя подробность о леканомантическихъ продѣлкахъ Нектанеба (Pseudocall. I, 1), необходимую для уразумѣнія послѣдующаго (I. c. I, 3), рассказъ прямо переходитъ къ нашествію враговъ на Египетъ. У Псевдокаллистоена I, 2 оно ничѣмъ не мотивировано: какой-то не названный соглядатай доноситъ о нашествіи безчисленныхъ варварскихъ народовъ, которые и перечисляются; о Даріи нѣтъ рѣчи; Нектанебъ хвалитъ въ стражѣ его бдительность, но порицаетъ отсутствіе мужества: οὐ γὰρ ἐν ὄχλῳ ἢ δυνάμει, ἀλλ' ἐν προθυμίᾳ ὁ πόλεμος· καὶ γὰρ εἰς λέων πολλὰς ἐλάφους ἐθηρεύσατο (C ἐχειρώσατο), καὶ εἰς λύκος πολλὰς ἀγέλας προβάτων (C ποιμνίων) ἐσκύλευσεν. Ὅστε οὖν πορευθεὶς ἅμα τῷ ὑπὸ σοι στρατοπέδῳ τὴν ἰδίαν παράταξιν φύλαττε· λόγῳ γὰρ ἐνὶ τῶν βαρβάρων ἀναρίθμητον πλῆθος πελάγει ἐπικαλύψω.

Въ сербской Александріи и ея греческомъ источникѣ война противъ Египта мотивирована желаніемъ «окольныхъ» царей

¹⁾ Сл. Pseudocallisthenes ed. C. Müller, стр. 1; Zacher, Pseudocallisthenes, р. 7 слѣд.; Kinzel, Zwei Recensionen der Vita Alexandri Magni interprete Leone archipresbytero Neapolitano (Berlin 1884), р. 1 слѣд.; Zingerle, I. c. стр. 129.

избавиться отъ лукаваго мужа, побѣждавшаго ихъ своимъ волшебствомъ. «Ἐβαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του· καὶ ἐποίησαν βουλήν μετὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας (= Ἰβηρίας) καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι «Ἄς ἐξέλθωμεν μετὰ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον». Καὶ ἐσύναξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναρίθμητα· ἦτον δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἓνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσσην τοὺς Αἴγυπτον, ὀνόματι Βερκαρίαν· ἰδόντας ὁ συνορίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὅπου ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἰγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆγεν εἰς αὐτὸν καὶ ὠμολόγησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ πόσαις γιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου: «ὅτι νὰ ἠξεύρης, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὅπου τὸν ἐμαυτὸν του ὀνομάζει ἴσος μετὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μετὰ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναρίθμητα καὶ μετὰ ἄλλους βασιλεῖς ἐτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀρχερίσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἠμπορεῖ ἀριθμῆσαι αὐτὰ, εἰ μὴ εἰς θεός· πόσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτέναβος ἐγάλασεν καὶ εἶπεν: «σῦρε ὀπίσω εἰς τὸ βασιλείόν σου καὶ κατανόει καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην» (W, стр. 2).

Въ греч. нар. книгѣ (стр. 8—9) эпизодъ этотъ передается сокращенно; цари тѣ-же: Даріи персидскіи, ὁ Βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ τῆς Ἰβηρίας καὶ ἄλλοι πολλοὶ; имя стража Βερβέρης. Согласіе двухъ греческихъ текстовъ противъ славянскаго и его греческаго прототипа сказывается при сравненіи съ Новак. I, гл. 2: противъ «Нехтенава» совѣщаются «языци: Персци, *Ивери, Кіане, Арани, ІѢтноѡіа, ІѢлагы*, и ини вѣсточ'ниіи языци мнози. Сл. Jagić, I. с., р. 220 и прим.; въ варьянтахъ отмѣтимъ еще: *Ассиани* (Іязиѡни); въ Рум. ркн. № 175 (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304):... Аксіане, Віѡни и Елани. Сл. Pseudocall. I, гл. 2 (и разночтенія, приведенныя Миллеромъ): *Ἰβηρες, Καύκωνες, Ἀραθρες* (Ἄραβες). — Далѣе «крапшт'никъ Вер'вехъ» или Верверпхъ (Рум. ркн. № 175, Пыпинъ, Очеркъ, стр. 304:

Вѣрвѣрихъ, Верверухъ)¹⁾ говоритъ: «вѣдомо да ти ксть, цароу, како смъртію животь пзмѣноукиши дньсь: Даріе, пер'скыи царь, на мегю землѣ твоѣ доиде, иже тѣкмить се богомъ, съ в'сѣми восточ'ними цари». Въ отвѣтѣ Нектанеба текстъ Ягпча (р. 221) снова поминаетъ Дарія, но Нов. стр. 4 говоритъ «о нашествіи **Езрьксена** кралѣ на **Егуп'тъ** и восточ'ныхъ царь». **Езрьксень**— можетъ быть = Artaxerxes (*Artaxerxes*?) въ Hist. de preliis: «quadam autem die, dum nuntiatum fuisset ei, quia Artaxerses rex Persarum . . . veniret super eum»; «venit super te Artaxerses rex Persarum»; «propter Artaxersen regem Persarum²⁾»; сл. у Кедрина (ed. Bonn. t. I, стр. 264): ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου Νεκτανάβω μὴ φέρων τὴν ἐφοδὸν τοῦ Ἀρταξέρξεω, παραλαβόντος τότε τὴν Αἰγύπτον . . . κατέλαβε τὴν Πέλλην. Сл. для имени Нов. II, гл. 9: «**Ексер'сена** (вар. Асексен, Езерьксень и др.; Jag., стр. 266) Пер'скыи царь зѣло прѣввзнесъ се, отъ Даф'неа смѣрень бысть» = новогр. нар. кн., р. 89: ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας Ξέρξης ἀπὸ τὴν ὑπερηφάνιαν του τὴν πολλὴν ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοὺς ἀνθρώπους, καὶ ἐχάθη; Нов. I, гл. 22: Ексеексень (вар. Езарксень, **Езерьжень** и др.; сл. Jag., стр. 240) перьсидски царь = W, стр. 24: ὁ Ἐξερξέν, новогр. нар. кн., р. 41: ὁ Ξέρξης; Нов. II, гл. 7: Сексена цара (вар. Ексер'ксена) = W, стр. 50: τοῦ Ἐξερξένου, новогр. нар. кн., стр. 84: τοῦ Ξέρξεω.

Отпустивъ «краишника» Нектанебъ пишетъ по всѣмъ градамъ и странамъ египетскимъ, чтобъ они готовились на брань. «Самъ же въ полатоу царскоу вышелъ вльшьбноую леканомать начеть творити, златоу роукомню воды налиивъ и двѣ войске отъ воска сътворивъ, соупротив'ноу и свою, и сиомъ хитростію бити се на водѣ. Видѣ свою войскоу одъ Персь побиваемоу, и видѣ (богы египетскіе) крьмеште кораб'лѣ вар'вар'скыи, ввводеште войскоу въ **Егуп'тъ**. И въ недооумѣниѣ выпаде и

¹⁾ Сл. въ среднегр. романѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (изд. у Wagner, Trois roèmes grecs) египетскаго царя Βερδερῆχος.

²⁾ Zingerle, l. c. стр. 129, 130, 131; Kinzel, l. c. стр. 7; id.: Lamprechts Alexander (Halle, 1885), стр. 3 прим., стр. 4 прим.

всплакавъ се рече: О горе тебе, **Югупте**, на многа лѣта слави се съ царемъ своимъ, и въ едино лѣто погибѣ и съ царемъ своимъ...» Не будучи въ силахъ противиться врагамъ, Нектанебъ остригаетъ голову и бороду, въ полночь выходитъ изъ дворца и бѣжитъ въ Македонію, въ Филиппы («въ Филипоустъ», «Пиллипустъ»); «сѣдь-же тоу въ единомъ мѣстѣ скров'нѣ, врача себе оуказоваше быти и манстора хытра отъ звѣздочьтъць **Югуп'тскихъ**». Между тѣмъ, не найдя царя, египтяне предаются печали; «писаниѣ же обрѣтоше на одрѣ его глаголюште сице: Любими мои **Югуп'тене**, зла вашего не могохъ зрѣти и въ иноу страну зем'лѣ отидохъ, и по .л.-тихъ лѣтѣхъ младъ припдоу къ вамъ. Сиѣ же писаниѣ обрѣт'ше **Югуп'тенѣ**, въ златѣ Нехтенава изъвааше на висоцѣ стлпѣ, по срѣдѣ **Югуп'та** поставише, и въ роукоу его писаниѣ оно, и на главоу его писанъ вѣн'ць златъ положише, сами же къ Писадону (вар. въ текстахъ Ягича, Рум. 175 и Кприллобѣлозерскомъ № 1088, XV вѣка: Пасидону) притекше богуо своему о Нехтенавѣ молѣште се въпрашахоу. Онъ-же, въ сиѣ гвлѣ се пмъ рече: по .л.-хъ лѣтѣхъ къ вамъ иматъ прити, и м'чь неоуломниа деснице перспдскіе пмать затоупити, и враги ваше Персиа подь ноги ваше пмать покорити». (Нов. I, гл. 3 = Jag., I. c., p. 222—3).

Въ W (стр. 2—4) и соотвѣтствующемъ отдѣлѣ новогр. нар. книги (стр. 9—10) леканомантическія продѣлки Нектанеба переданы сокращенно. W: египетскій богъ Аполлонъ держитъ сторону Дарія ¹⁾; Нектанебъ удаляется въ Филиппы (въ греч. нар. кн.: εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλιππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα); иѣтъ сирова у оракула, а въ посланіи Нектанеба есть новая черта: онъ завѣщаетъ Египтянамъ: *να μοῦ ἱστορήσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στυλόν καὶ να μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας καὶ εἴ τις ἔλθῃ καὶ σταθῇ εἰς τὸν στυλόν καὶ πέσῃ τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἄνθρωπον να τον προσκυνήσετε ὅτι αὐτὸς ἔστιν ὁ υἱὸς μου.*—То-же въ греч.

¹⁾ Сл. Mizraim, бога-покровителя Египта, у Wünsche Bibl. rabb. f. XV, 167, XVI, 15.

нар. кн., р. 10: подробность перенесенная сюда изъ Pseudocall. С II, гл. 27. — Ближе всего къ контексту этого эпизода Pseudocall. I, гл. 3, ред. А (п L) = Hist. de prel., Zing. стр. 130—1: Нектанебъ удаляется черезъ Пилусію въ Пеллы; Египтяне спрашиваютъ о немъ τὸν προπάτορα τῶν Ἰσραηλιτῶν, который отсылаетъ ихъ διὰ χρησιμότητος πρὸς τὸν ἀβραάμ τῷ Σινοπίου (С: ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σεραπίω θεός; Hist. de prel., стр. 131: ad Serapin). Не оттуда-ли, вслѣдствія описки, Пасидонъ, Писадонъ сербскихъ текстовъ? Пророчество, бывшее имъ, Египтяне изображаютъ на пьедесталѣ Нектанебовой статуи.

Въ Македоніи Нектанебъ вскорѣ снискалъ славу великаго врача и волхва. Олимпіада, жена Филиппа, была неплодна, и это охладило его любовь къ ней. Однажды, уходя на войну, онъ говоритъ женѣ: «аште до вращенія моего не боуде ти отрочета, не къ томоу очіи мои видиши». Олимпіада опечалена; рабыня указываетъ ей на мудраго Египтянина, который поможетъ ей въ бѣдѣ. Призвавъ Нектанеба, она проситъ его «хытростию своєю неплодныѣ оутробы моеѣ съоузъ раздрѣшити и силномоу цароу Филипоу срьдце оутврьдити къ моеѣй люб'ви». Нектанебъ, прельстившійся красотой царицы, говоритъ ей: «виждуо богы, хотештекъ съ тобою быти, Амона и Финеса и Юркоуріа великаго (вар. у Ягича р. 224: Амон и Пеннес и Еркулис; Амонъ и Финеса и Екроулап; Кир. Бѣл. ркп.: Амона и Пинеса и Екроуліа; Рум. 175: Амона и Финеса); да аште сямъ въходъ сътвориши къ себѣ, то великоу цароу мати боудешп». Далѣе одинъ лишь Аммонъ является къ Олимпіадѣ; Еркурій, можетъ быть, Меркурій = Гермій, въ образѣ котораго позднѣе является Аммонъ (Pseudocall. II, 13); или-же слѣдуетъ читать Еркулій = Иракль, одно изъ выраженій трипостаснаго Аммона, ὁ τρίμορφος θεός Ἄμμων; другимъ былъ Діонисъ (I. с. А, I, гл. 6, 7) — можетъ быть Пинесъ, Финесъ нашего текста? Сл. Pseudocall. А, I, 6: θυραόχομον Διούσου; 7: Διούσου παυθεοῦ — Нектанебъ остается жить въ небольшомъ покоѣ при дворцѣ и вскорѣ является къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона: «глава

орьлова и на ней рози василискови и ока си (вар. оѣас; опашь) аспидова и ного львове, крплогупи же грыпсьсови, злати и чръни: сицовъ образъ бѣ Амоновъ». Такъ прельстилъ онъ царицу; уходя, онъ говоритъ ей, что она зачала царя вселенной, и велитъ позвать себя, когда настанутъ роды. Когда-же приспѣлъ часъ рожденія, онъ ободряетъ её: «Подръжи себе, о царице, не родити дондеже благораствореніи часъ придетъ; аште въ сѣи часъ родиши, раба и непотребна чловѣка родиши, коло бо круга небеснаго въ лоуне стоитъ; съги пождавши мало, дондеже небесние планите на оустави стануютъ и стихне прѣстоупаніе ¹⁾, цара царемъ родиши и велеоумна чловѣка. — Пождьвши же роди великаго Александра мѣсеца Марта (вар. Маг) въ .vi. днь въ часъ .ѡ.; рождьшоу се отрочетоу и излезьшомоу на светъ проплакавъ рече: въ .m.-но лѣто паки возвращтоу се тебѣ, мати. Олимпіада же въз'мыши отроче къ Дафнеоноу Аполоноу въ цркъвь принесе, и отъ того отрочиштоу благосовити се молаше и отъ книгочіи Аполоновехъ и вльховъ искаше оувидети каково сѣе отроче хоштеть быти. Вльшьб'ною же хитростію моудрьцемъ гзвлъ се Аполонъ писмени къ нимъ прорицаше о Александ'роу имоуште сице: гко отроче сѣе в'сон подслньч'нои царь боудеть, благочьстіемъ и моудростію и разоумомъ великъ гзвлъ се; отьца же своего оубивъ по .m. лѣтоу къ матери зем'ли отидеть». (Нов. I, гл. 4—6, Jagić, p. 223—225).

Вѣнскій текстъ (W, стр. 4—7) въ пересказанномъ нами эпизодѣ близко отвѣчаетъ славянскому. Тамъ и здѣсь Филиппъ, отправляясь на войну (въ W стр. 4 Дарій вызываетъ его къ себѣ съ вспомогательнымъ войскомъ), говоритъ женѣ, что если къ его возвращенію она не родитъ ему потомка, ея глаза его больше не увидятъ. Нектанебъ вѣщаетъ Олимпіадѣ, что её посѣтятъ

¹⁾ Сл. варианты: докле небеске планите на уставу стану не тих преступани; на оуставоу стануютъ и стихе пристоупаніе; докле се прелети небески на уставу стану тихие приступа (Jag. стр. 225 и прим.); Кириллобѣлозерскій сп., л. 23 об.: ѣбѣи планити стануютъ оустѣхвѣ и стихнетъ (sic); Рум. № 175: дондеже ѣбснѣ планиты на уставу стануть и стихіе преступленіе створеть. — Сл. далѣе, Нов. I, 8 = Jag. стр. 226 и прим., эпизодъ того-же содержания и въ столь-же испорченномъ текстѣ.

ὁ Ἀμῶν ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκούτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας, послѣ чего самъ является къ ней въ образѣ Аммона; сл. такую-же тройственность въ славянскихъ текстахъ: Амонъ, Фшщесь (= Φιλογένης?), Еркурій (Ἀρκούτζης?). — Нектанебъ присутствуетъ при рожденіи Александра, *καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἢ νύκτα καὶ ἐδυνάμωσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆν γῆς. καὶ εἶπεν καὶ ἄρχικην τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδί. Οὐμπίαδα πεσὲτ ῥεбенка, εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνιώνα τὸν Ἀπολλῶνα*: ночью въ пророческомъ сновидѣніи жрецъ Аполлона видитъ славу, ожидающую ея сына.

Греч. нар. книга (стр. 10—14) обличаетъ въ соответствующемъ разсказѣ вліяніе Псевдокаллистоена: Нектанебъ обѣщаетъ Олимпіадѣ, что она родитъ отъ бога Аммона, который явится ей ночью *во снѣ* и пребудетъ съ нею. Благодаря волховскимъ продѣлкамъ Нектанеба Олимпіада дѣйствительно видитъ бога, *ὅταν ἓνα πρᾶγον μεγαλοκέρατον*, и на другое утро извѣщаетъ о томъ мага: *ἀπόψε εἶδα τὸν θεὸν ἐκείνον εἰς τὸν ὕπνον μου, καὶ ἐπιθυμῶ πολλὰ νὰ μείνω μὲ αὐτόν*. Нектанебъ обѣщаетъ это подъ условіемъ, что онъ самъ останется во дворцѣ *διὰ νὰ κάμω συντροφίαν τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀμμῶνος*. Нарядившись въ шкуру и съ рогами козла, онъ каждую ночь посѣщаетъ Олимпіаду, которая, зачавъ отъ воображаемаго Аммона, боится тѣмъ не менѣе, что скажетъ на это Филиппъ. Нектанебъ обѣщается все уладить. — Въ отличіе отъ вѣнскаго текста и славянскихъ пересказовъ, и опять же въ распорядкѣ Псевдокаллистоена, греч. нар. книга заставляеть Александра родиться уже по возвращеніи Филиппа, котораго Нектанебъ напередъ приготовилъ своими чарами къ увѣренности, что сынъ, зачатый въ его отсутствіи, дѣйствительно божественнаго происхожденія. О рожденіи чудеснаго ребенка лишь разсказывается, что оно сопровождалось знаменіями грозы, бури и вихря (р. 16).

Какъ уже сказано выше, этотъ распорядокъ греч. нар. книги поддерживается Псевдокаллистоеномъ, гдѣ рожденіе Александра также совершается по возвращеніи Филиппа. Выберемъ изъ

текстовъ Псевдокаллистоена соотвѣтствія съ пересказанными выше эпизодами. Наказъ Филиппа неплодной Олимпιάδѣ является лишь въ С, I, гл. 4: Τοῦ οὖν Φιλίππου βασιλέως ἀπέκνου μετὰ τῆς Ὀλυμπιάδος τυγχάνοντος, καὶ μέλλων χρονίαν ἀποδημίαν ποιήσασθαι ἐν πολέμῳ, προσκαλεσάμενος τὴν ἑαυτοῦ γυναῖκα Ὀλυμπιάδα καὶ γινόμενος μετ' αὐτῆς, ἔφη: «ὦ γύναι, τοῦτο γίνωσκε, ὅτι ἐὰν μὴ μοι τέξῃς τέκνον, ἐπανιόντος μου ἐκ τοῦ πολέμου, οὐκ ἔτι τοῖς κόλποις μου προσπελάσεις». Διαφραυσάσης οὖν τῆς ἡμέρας, ἤρξατο ὁ Φίλιππος ἐπὶ τὸν πόλεμον σὺν παντὶ τῷ στρατῷ αὐτοῦ. Служанка докладываетъ опечаленной Олимпιάдѣ о Нектанебѣ, за которымъ она и посылаетъ. Слѣдующая во всѣхъ рецензіяхъ Псевдокаллистоена сцена, въ которой Нектанебѣ гадаеть по своей астрологической табличкѣ о судьбѣ (γένεσιν) Олимпιάды, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ данномъ эпизодѣ нашихъ текстовъ; мы встрѣтимъ его позже. — Далѣе говорится (согласно съ греч. нар. книгою) о свидѣніи Олимпιάды, будто Аммонъ сочетается съ нею (Pseudocal. С, I, гл. 5); она желаетъ видѣть его на яву, и Нектанебѣ обѣщаетъ ей это подъ условіемъ, чтобъ ему отведенъ былъ покой во дворцѣ (I. c. гл. 6) и самъ является къ ней въ видѣ бога Аммона: ἤτοιμασεν ἑαυτῷ πόσον κριοῦ ἀπαλώτατον σὺν ταῖς κέρασι τῶν κροτάρων αὐτοῦ, καὶ ταῦτα χρυσῷ παραπλήσια, καὶ σκῆπτρον ἐβέλινον, καὶ ἡμάτιον λευκόν, καὶ τρίβωνα καθαρῶτατον κατέχων τῆ χειρὶ αὐτοῦ δρακοντιοῦντα (sic). Соединившись съ Олимпιάдой онъ пророчитъ ей: Διάμενον, γύναι, κατὰ γαστρός ἔχεις ἄρρενα παῖδα ἐκδικόν σου γινόμενον καὶ πάσης τῆς οἰκουμένης κοσμοκράτορα βασιλέα. — Олимпιάда сообщаетъ Нектанебу о посѣщеніи Аммона; она жаждетъ его посѣщеніи и соглашается на требованія мага: παράσχου μοι τὸν τόπον ταῦτον εἰς τὸ κοιμᾶσθαι ἀπαρενόγητον, ἵνα τὸν συνήδη αὐτῷ καθαρισμόν ποιήσω, καὶ ἐλεύσεται πρὸς σε, ὅταν βούλη. Олимпιάду, безпokoящуюся о томъ, какъ отнесется мужъ къ ея беременности, онъ усноковываетъ будущей помощью Аммона (I. c. С, I, гл. 7). — Рожденіе Александра отнесено, какъ мы сказали, ко времени по возвращеніи Филиппа, именно къ 12-й главѣ: когда настало время рожденія, Нектанебѣ,

καταμετρήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους ἐψυχαιώσκει αὐτὴν τοῦ μὴ σπεῦσαι ἐπὶ τῷ τοκετῷ, καὶ συγκλονήσας τὰ κοσμικὰ στοιχεῖα τῆ μαγικῆ τέχνῃ χρώμενος ἐμάνθανε τὰ ἐνεστώτα καὶ λέγει αὐτῇ Γύναι, ἐπίσχεε σαυτῆν, ἐάν γάρ νῦν ἀποκυήσῃς, ὑπόδουλον καὶ αἰγμάλωτον τέξεις ἢ μέγαν τέρατα. И во второй разъ онъ велитъ ей мужаться: Καρτέρησον, ἔφη, ὀλίγον, γύναι ἐάν γάρ νῦν ἀποκυήσῃς, γάλλος ἔσται καὶ ἀπρόκοπος ὁ γεννώμενος Πάλιν οὖν κατανοήσας τοὺς οὐρανίους δρόμους τῶν κοσμικῶν στοιχείων ἐπέγνω τὸν σύμπαντα κόσμον μεσουρανοῦντα, καὶ λαμπηρόνα τινα εἰς οὐρανοῦ ἐθεάσατο ὡς τοῦ ἡλίου μεσουρανοῦντος, καὶ ἔφη πρὸς τὴν Ὀλυμπιάδα: «Δίδου νῦν πρὸς γέννησιν φωνήν». Καὶ αὐτὸς δὲ ἐπένευσεν αὐτῆς τὸν τοκετὸν, καὶ εἶπεν αὐτῇ: «Βασιλέα ἔσσι τέξεις κοσμοκράτορα». При рожденіи Александра былъ такой громъ и молнія, ὡστε τὸν σύμπαντα κόσμον κινεῖσθαι (сл. нар. греч. книгу).

Возвратимся къ послѣдовательности славянскихъ и вѣнскаго текстовъ: Александръ родится, когда Филиппъ былъ еще на войнѣ и извѣстился о рожденіи сына — явленіемъ во снѣ бога Аммона (въ одномъ варьянтѣ, Jag. стр. 225 прим: Еремилы пророчкь), въ образѣ льва, съ золотыми рогами; онъ несетъ Александра и вѣщаетъ царю: «радоуи се и весели се, цароу Филиппе, яко соуностави свои нобѣди, сына родивъ Алексендра, велика и нарочита цара». Филиппъ разспрашиваетъ объ этомъ видѣніи македонскихъ философовъ, Менаандра и Аристотеля, когда орелъ, пролетѣвъ сквозь шатеръ царевъ, опустилъ на Филиппа яйцо. Тотъ вскочилъ съ одра, яйцо разбилося упавъ на землю, и изъ него вылезла змѣя, которая, обойдя его и желая снова пробратъся въ отверстіе, издохла у входа въ него. Истинный сонъ видѣлъ ты въ эту ночь, говоритъ царю Аристотель, тогда какъ вѣстники Олимпιάды приносятъ вѣсть о рожденіи сына. Филиппъ спѣшитъ домой (въ градъ Филипоустъ, Филипус) и любитъся наслѣдникомъ («вторыи прѣкрасныи Іосифѣ, вторыи храбре Ацилешоу»), котораго отдаетъ на руки Аристотелю: пусть научитъ его философской премудрости и «омпрекимъ племенамъ» (Нов. I, гл. 7—8 = Jag. 1. с., р. 225—6).

Въ W, стр. 7—8 этому эпизоду отвѣчаетъ: явленіе во снѣ бога Аммона съ Александромъ на рукахъ; Филиппъ обращается за толкованіемъ къ одному Аристотелю; слѣдуютъ подробности объ орлѣ, роняющемъ яйцо на плечо Филиппа (слав. т.: на крыло), яйцѣ и змѣѣ и — пришествіе пословъ отъ Олимпіады; Александра Филиппъ находитъ ἐμορρρον ὡσάν τόν Ἰωστήρ τόν πάγκαλον. — Греч. нар. книга (р. 14—16) опускаетъ рассказъ объ орлѣ, находящійся уже у Псевдокаллистоена, но въ остальномъ ближе къ нему: Ἐπῆρεν ὁ Νεκτανάβος, καί ἐπῆρεν ἕνα πουλίον λεγόμενον κουκουβάγχια, καί ἔκαμε μέ αὐτό παῖς μαγίαις του, διὰ τὰ ἰδῆ ἐνύπνιον ὁ Φίλιππος τήν ἐργαστήριον τῆς Ὀλυμπιάδος. Во снѣ онъ увидѣлъ Аммона съ Олимпіадой, который говоритъ ей, что она родитъ сына, будущаго властителя міра. Спрошенный Филиппомъ, какой-то магъ объясняетъ ему, что боги взыскали его жену за ея красоту. Въ этомъ смыслѣ Филиппъ успокоиваетъ смущенную Олимпіаду: вѣдь боги μᾶς κάνουν ὅ τι θέλουσιν; но въ немъ еще осталось сомнѣніе и онъ хочетъ допросить жену. Узнавъ о томъ, Нектанебъ принимаетъ образъ, уже встрѣтившійся намъ въ славянскихъ пересказахъ (Нов. I, гл. 5): ἦτον τὸ κεφάλι του ὡσάν ἀετοῦ, τὰ πτερὰ του ὡσάν τοῦ βασιλίσκου, οἱ πόδες του ὡσάν τοῦ πάρδου. На виду у всѣхъ онъ ἐπῆρξε τὰ ἀγκυλιάστῃ τήν Ὀλυμπιάδα, καί τήν ἐφίλησε, καί ἔπειτα, μεταμορφωθείς εἰς εἶδος γεραιίου, ἐπέταξεν. На вопросъ испуганнаго царя Олимпіада отвѣчаетъ, что это — Аммонъ, и Филиппъ успокоивается.

Греч. нар. книга, очевидно, понимаетъ дѣло такъ, что Нектанебъ творитъ какія-то чары надъ κουκουβάγχια (сова), чтобы вызвать во снѣ Филиппа видѣніе Аммона. У Pseudocall. C, I, гл. 8 Нектанебъ λαβὼν θαλάσσιον . . . ἱέρακα, τοῦτον ἐμαγέυσεν, καί ὅσα ἐβούλετο εἰπεῖν τόν ἱέρακα ἐν ὄνειροις τῷ Φίλιππῳ. ὁ ἱεράξ ἔλεγε αὐτῷ, μαγικαῖς κακοτεχνίαις παρασκευασας αὐτόν ὑπτασθαι, καί ἐλάλησε τῷ Φίλιππῳ ἐν ὄνειρῳ, καθὼς προσεταχθη παρὰ τοῦ Νεκτανάβου. — Птица какъ-бы наговариваетъ сповидѣніе; ἱεράξ — священная птица Аммона — и Филиппу дѣйствительно видится во снѣ Аммонъ, соединяющійся съ его женою и вѣщающій:

Γύναι, συνέλαβες παῖδα ἄρρενα, ὃς καὶ θάνατον τοῦ πατρὸς ἐκδικήσει. Снотолкователи объясняютъ это видѣнiе въ томъ смыслѣ, что Олимпiада зачала отъ Аммона, послѣ чего Филиппъ, вернувшись, утѣшаетъ жену: она не виновна, εἰς πάντα γὰρ δυνάμεθα οἱ βασιλεῖς, πρὸς δὲ τοὺς θεοὺς οὐ δυνάμεθα (С, I, 9). Черезъ нѣсколько дней онъ однако снова выражаетъ подозрѣнiе и обѣщаетъ наказать любовника; тогда Нектанебъ прибѣгаетъ къ чарамъ, явившись въ образѣ дракона, увивающагося вокругъ Олимпiады, лобзающаго еѣ и исчезающаго въ образѣ орла. Филиппъ увѣровалъ въ присутствiе божества: ἔδειξε δὲ ἡμῖν καὶ θεοῦ Ἀμμωνος μορφήν καὶ Ἀπόλλωνος καὶ Ἀσκληπιοῦ (С, I, 10)¹⁾. Уже за тѣмъ (С, I, 11) слѣдуетъ чудо съ птицею, свесившею яйцо на лонѣ царя, и вышедшемъ изъ яйца μικρὸν δράκόντιον. Чудо передается въ знакомыхъ намъ чертахъ; толкователь знаменiя (въ редакцiи А: Антифонть) даетъ ему тоже толкованiе: «Βασιλεῦ, ἔσται σου υἱός, ὃς περιελεύσεται ὅλον τὸν κόσμον πάντας τῆ ἰδία δυνάμει ὑποτάσσων, ὑποστρέφων δὲ εἰς τὰ ἴδια βασιλεία ὀλιγοχρόνιος τελευτήσει. ὁ γὰρ δράκων βασιλικὸν ζῷον ἔστι· τὸ δὲ ὄν παραπλήσιον τῷ κόσμῳ, ὅθεν ὁ δράκων ἐξῆλθεν. Κυκλεύσας οὖν τὸν κόσμον καὶ βουλομενός ὅθεν ἐξῆλθεν εἰσελεύσει οὐκ ἔρθασεν, ἀλλ' ἐτελεύτησεν.

Переходя къ обученiю Александра славянскiе тексты рассказываютъ, что въ одинъ годъ онъ изучилъ у Аристотеля Илиаду и Одиссею, и «Органъ великыи за годиною наоучи». За это ненавидятъ его сверстники и говорятъ ему: «тыко аште бы къ Нехтенавоу влѣх'воу шель, о Алексен'дре, онъ те бѣ наоучилъ небеснааго круга хожденiю и часовниѣ хытлости и прѣстоупаниѣ (вар. небеснааго круга хожденiю, и часовъ лоушнихъ и стихие прѣстоупаниѣ; и часовныхъ и стихие прѣстоупаниѣ; небеснааго круга хотенне и часове луе; небеснааго круга хожденiю и часовъ лоушнихъ и стихие прѣстоупаниѣ и др.). Александръ говоритъ о томъ матери, которая, призвавъ Нектанеба, поручаетъ ему сына. Нектанебъ научаетъ его египетскою и «вирги-

¹⁾ Сл. выше, стр. 143 и 144—5. сказанное о триниостасномъ Аммонѣ.

лійскої» хитрости ¹⁾; Филиппъ не парадуется. — Однажды Аристотель «р. (вар. .д. ста) дѣтии събра, соувръстьныхъ Алексен'дроу, хотен испитати нарокъ ѿго, и прѣдъ ѿдичиѣми Алексен'дра постави воеводу, прѣдъ друзема же Потоломѣа нѣкоего юношоу сына Ар'факсадова вонводѣ Филипова, и сихъ нареди бити се въ сынгритѣ Филипове (вар. у двору Филипову). Дѣти же възѣм'ше стапи, ими же рать творахоу; ѿгоже кровав'лихоу, ть ѿко побѣждень изъ бога исхождааше. Алексен'дроу же паче всѣхъ прѣспѣваюштоу соупротив'нымъ одолѣ, и отъ всѣхъ дѣтии ѿко царь прослав'лени бысть; и зрѣше чуд'ныи Аристотель, дидаскаль ѿго, и див'ляше се глаголю: благочѣстивому мужоу и бози и врази помагають, и злочѣстивому ни прпени ѿго помагають. Къ шемоу же рече Аристоель: Фер'ипре (вар. фрешире) Алексен'дре, аште царь на земли наречеши се, ч'то добро дидаскалоу сътвориши? Воз'глагола же къ шемоу Алексен'дръ: Велѣоумноу мужоу не подобакъ прѣжде даніа обѣштавати, нь аште азъ възнесоу се, и ты съ мною великъ боудени зѣло; лоза бо не прилѣп'ляеть се дал'ныхъ дрѣвѣхъ аште и висока соуть, нь ближнимъ, аште и мала соуть. Тако и царь великыи оубо чтеть по достоиншию, присѣниѣ же своѣ любить векѣ».

У Александра былъ обычай ходить до обѣда къ Аристотелю, вечеромъ-же къ Нектанебу, отъ котораго онъ научился «хожденіа небеснаа, .vi. живот'ныхъ небесныхъ и .з. планить спл же на ксеседь (вар. кенъдосе; дьсе; таблицы) оуписан'на бѣхоу по подобію». Названія планетъ испорчены; вотъ варианты: «*ельноу, лоуноу и лоуноу, извъсто акинось, сикронось, афродитиѣръ под'лоумъ пра*»; «*ельна же и лоуноу, завестъ и акин'тиеть, кроноеть, ариеть, афоровитъ, ер'мись, пра*»; «*и завестъ и акин'теть, кронось, ариеть (рки. дрись), афровись, ермись, пра*»; «*макинство кроносу, ариеть, преновидъ, премись*». Разумѣется такая-же таблица, *πρωξιδισ*, съ астрологическими знаками, по какой

¹⁾ О значеніи этого термина сл. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. II, 437—81: Die südslavischen Volkssagen von dem Grabaneijaš dyak und ihre Erklärung; сл. особенно стр. 466 и дополнительное примѣчаніе на стр. 743.

у Pseudocall. С, I, гл. 4 Нектанебѣ волхвуетъ Олимпіадѣ: ἔχρον δὲ ἀστέρας ἑπτὰ καὶ ὠρασκῶπον, ἥλιον καὶ σελήνην καὶ ὁ μὲν ἥλιος κρυστάλλινος, ἡ δὲ σελήνη ἀδάμαντινη. ὁ δὲ λεγόμενος Ζεὺς ἀέρινος, ὁ δὲ Κρόνος ὀρίτης, ἡ δὲ Ἀφροδίτη σαπυρίνος, ὁ δὲ Ἑρμῆς σμαράγδινος. У Юлія Валерія перечень такой: Зевсѣ, Солнце, Луна, *Μαρς*, Меркуріи, Венера. Сатурниѣ. Я не сомнѣваюсь, что въ основѣ непонятнаго: *известо акинось*. завестъ и акинтпестъ, завестъ и акінопестъ лежить что-нибудь въ родѣ Ζεὺς ἀέρινος (Pseudocall. l. c., A и L: τὸν Δία αἰθερίτου λίθου) вм. ὀακίνθινος; что. можетъ быть, нѣкоторыя изъ странныхъ именъ не что иное, какъ искаженіе эпитетовъ; арисѣ, арисе могло стоять вм. Аресѣ = Марсѣ Юлія Валерія. Сл. W, стр. 9: ἀπ' αὐτὸν (т. е. Нектанева) ἔμαθεν (Александръ) τῶν πρεχόμενων ζώδιων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἑπτὰ πλανήτας ἀρχή Κρόνος, Ἄρης, Ἀφροδίτη, Ἑρμῆς, Ἥρα, Δίας, Ἥλιος. Καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον (сл. слав. т.: кседесть). — Въ греч. нар. кн. стр. 17 этихъ подробностейъ нѣтъ. Сл. Cosmas Hierosol. Ad Carth. S. Gregorii Theol., о зодіакѣ: ἄλλοι δὲ ζώνας ὀνομάζοντες τοὺς ἑπτὰ οὕτως ἀριθμοῦνται Κρόνος, Ζεὺς, Ἥλιος, Ἄρης, Ἀφροδίτη, Ἑρμῆς, Σελήνη¹⁾, и славянскую статью «о небеси»: «естъ же на семь долнемъ небеси *Лкна*, и на вторѣмъ по сеп *Ермисѣ*, на третіемъ естъ *Афродитѣ*, на четвѣртомъ небеси *Слънце*, на пятѣмъ *Арисѣ*, на шестѣмъ *Зевсѣ*, на седмомъ *Гронѣ*»²⁾.

Однажды Александръ спросилъ Нектанеба: «Взвѣсти мнѣ, оучителю, како великаго божіаго промысла тваремъ знахорѣ еси, и како обываши снѣ чловѣкомъ земельнымъ? Опъ-же къ немому рече: Божіи великыи недовѣдомыи и непостижимыи промыслъ сы недовѣдомо како мнѣ быеть, ими же соудѣбами вѣсть чловѣчскомуу обываи родоу, ꙗко да съдѣтель отъ твари своей познаеть се». —

¹⁾ Migne Patrol. gr. t. 38 p. 461—462; въ Hist. de prel. Нектанебѣ говоритъ Александру, что звѣзды Hercules, Mercurii и Jovis вѣщаютъ ему близкую смерть. Сл. Zingerle, стр. 139.

²⁾ Пам. старинн. русск. литер. III, стр. 156.

А знаешь-ли ты, какая будетъ тебѣ смерть? — Нектанебѣ говорить, что онъ будетъ убитъ своимъ собственнымъ сыномъ; въ опроверженіе его словъ, Александръ свергаетъ его «съ високаго регетоньскаго (вар. реготоского) камене близъ судишта царьскаго» (W, стр. 10: ἀπὸ τοῦ σπήλαιον . . . ἔμπροσθεν τῆν βασιλικῆν κρίσιν; греч. нар. кн. стр. 18: ἀπὸ τὸν πύργον). Умирая, Нектанебѣ открываетъ ему, что онъ и есть его сынъ; о томъ знаетъ одна Олимпіада; «азь-же, сыноу мой Алексендре, отхождоу въ адъ въ нижныхъ, идѣже прѣдани соутъ вси еллисциіи богы отъ великаго Саваотъ-бога». Тѣло убитаго Александръ приноситъ къ матери, которая все рассказала ему по петинѣ.

Между тѣмъ къ Филиппу является начальникъ его конюховъ и говоритъ: «да знашь, цароу, яко въ *lakimíax* (вар. свиренцах; Кир. Бѣл. стадохъ; W, стр. 10: εἰς τῆν λακινίαν σου; греч. нар. кн. стр. 19: εἰς τῆν λακινίαν της βασιλείας του) твоихъ конь чуднѣ роди се, чуднѣи отъ всехъ конь: волоуки глава на десной бѣдри (п?) розы съ (вар. за, между) оушима злати тавили се бинше». — Сл. W, стр. 10: «ἔχει εἰς τῆν δεξιάν του μαρίαν εἰς τὸ μαρὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ ἀντίκ' ἕνα πῆγην»; «ἐδάουμασαν» . . . τὸ σημάδιον εἰς τὸ μαρὶ»; греч. нар. кн. стр. 19: μὲ ἕνα σημάδι εἰς τὸ δεξιόν του ποδάρι, ἔχοντα τὸ κεφάλι εἰς εἶδος βοῦδιου, μὲ κέρατα μεγάλα ἕως μίαν πῆγην; сл. Hist. de prel. Zing. 140: dicebatur Bucefalas propter aspectus torvitatem seu ab insignis, quod taurinum caput in armo habebat ustum, seu quod de fronte eius quedam mine corniculorum protuberabant.— Когда привели чудеснаго коня (въ надписаніи главы онъ названъ «доучиналомъ»), царь велитъ сдѣлать ему «гвоздяную конюшню»; передъ шимъ метали осужденныхъ на смерть, и никто не смѣлъ приступить къ нему кромѣ Александра, завидѣвъ котораго онъ «отметаше шрость, тихо хрешеташе къ шмоу, повншвеніе къ цароу своему показоук. Юдною же Алексендръ за оухо кго похвати прозоромъ, онъ-же съ тихостію послѣдоваше кмоу, яко юньць мр'мникъ. И се повншвеніе коня Алексендръ видѣвъ, ключе отъ клетки въз'мь, къ коню вышде и сего осѣдлавъ, всеѣде на нь и на кон'ско оуристовашне

пойде». Филиппъ, смотрѣвшій тогда изъ своей палаты на ристаніе македонскихъ витязей, дивится сыну; витязи, спѣшившись, поклонились ему какъ царю. Александръ всѣхъ опередилъ и едва остановилъ «твердоустаго» коня «на четырехъ звѣровид'нскихъ (вар. на честныхъ изворехъ, чьстьныхъ изворихъ, честими извори), градъ же създа тоу и нарече име кмоу Драмъ, по срьб'скомь кзыкоу Потечниште» (W, стр. 11: *βρύσαις ἢ πολλαῖς . . . Δραμὴ Κελή*). Филиппъ предвидитъ будущія побѣды Александра: «О горе приближающтѣмъ се македонскимъ прѣдѣломъ, тко въ остры мьчъ Алексен'дровъ падоутъ и кон'ми македонскимъ поира'ни боудоутъ. И къ Македонномъ посменъвъ се рече: тко въ подобіи Иракліа витеза теталпскога видехъ Александра дньсь моего, текоушта на вологлавомъ коноу». Онъ даетъ ему тысячу сверстниковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними упражняться въ охотѣ и воинскомъ дѣлѣ.

Содержанію приведенныхъ главъ (Нов. I, гл. 8—10, Jag. I. c., p. 226—230) отвѣчаетъ W, стр. 8—11. за вычетомъ одного эпизода, очевидно опущеннаго, хотя на него я не указалъ въ моемъ отпскѣ текста: пропускъ приходится на стр. 8, строкѣ 10—11-й сверху: *καὶ ὁ βασιλεὺς — ἔμασεν*, отвѣчая Нов. стр. 10, строка 6 сверху (*царь Филиппъ призва*), до стр. 11, строка 9 сверху (*Аристотель . . . собра*). Такимъ образомъ мы не знаемъ, что отвѣчало въ W «вергилійской мудрости» Нов. стр. 11; Птолемея (въ описаніи военныхъ игръ) нѣтъ; на нѣкоторыя частныя согласія обонхъ текстовъ указано было выше. — Греч. нар. кн. стр. 16—21 разсказываетъ, что четырехлѣтній Александръ отданъ былъ въ обученіе Аристотелю (грамматикѣ, риторикѣ, философіи); сверстники завидуютъ ему; онъ самъ просится у матери пойти въ науку къ Нектанебу (*τὰ ἀστρονομικὰ καὶ μαγικὰ*); *ἀπὸ δὲ τὸ ταχὺ ἕως τὸ γέφυμα ἐπήγαγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Ἀριστοτέλη, καὶ ἐσπούδαξε, καὶ ἀπὸ τὸ γέφυμα ἕως τὸ βράδου πάλιν ἐπήγαγεν εἰς τὸν πονηρὸν Νεκτανάβον*. Слѣдуетъ разсказъ о военной игрѣ мальчиковъ, устроенной Аристотелемъ: однимъ отрядомъ предводительствовалъ Александръ, другимъ Птолемей.

Александръ всегда побѣждаетъ, а Аристотель спрашивается: Ἀλέξανδρε, ἀνίστως γένης βασιλεύς, καὶ ὀρίστης τὸν κόσμον ὅλον, τί καλὸν θέλεις τοῦ κάμῃ; Ὁ Ἀλέξανδρος ἀπεκρίθη καὶ τοῦ εἶπε: Διδάσκαλε, ἀνίστως γένῃ αὐτὸ ὅπου λέγεις, καὶ γίνω Ἀυτοκράτωρ τοῦ κόσμου ὅλου, ἐσένα θέλω σὲ κάμῃ μέγαν ἄνθρωπον, νὰ εἶσαι πάντα μετ' ἐμένα. Καὶ ὁ Ἀριστοτέλης τοῦ εἶπε: Χαῖρε λοιπὸν, Ἀλέξανδρε Ἀυτοκράτωρ, ὅτι εἰς ἐσένα θέλει ἔλθῃ τὸ βασίλειον νὰ ἐξουσιάσῃς ὅλον τὸν κόσμον.—Нектанебъ поучаетъ Александра распознавать звѣзды; астрологической таблицы пѣтъ: Александръ спрашиваетъ волхва, знаетъ-ли онъ, какая ему приключится смерть; получивъ извѣстный намъ отвѣтъ, сбрасываетъ его съ башни и узнаетъ отъ него и отъ матери тайну своего рожденія. — Тогда Филиппу приносятъ вѣсть о Вукефалѣ; Филиппъ дивится ему и велитъ занереть εἰς ἓνα σταδίων ζεχωριστόν, гдѣ никто не осмѣливается подойти къ нему; но къ Александру онъ ласкается и лижетъ ему руки. Ὁ Φίλιππος εἶχε συνήθειαν, καὶ μίαν φορὰν τὴν ἐβδομάδα εἶδε θέλημα νὰ κάμῃ ἵπποδρόμιον οἱ ἄρχοντές του μετὰ τοὺς πρώτους καθαλαραίους του, καὶ τρέχοντας τὰ ἄλογα, αὐτὸς ἐκάθητο καὶ τοὺς ἐκύτταζεν. Когда Александръ выѣхалъ на ипподромъ на Вукефалѣ, всѣ поклонились ему, какъ царскому сыну. Слѣдующая за тѣмъ подробность сложилась, быть можетъ, подъ влияніемъ эпизода объ «олимпійскихъ играхъ», въ которомъ Гестіонъ Псевдокаллистоена, какъ спутникъ Александра, уступилъ мѣсто Птолемею во всѣхъ отраженіяхъ разбираемаго нами текста. Александръ проситъ Птолемея διὰ νὰ τρέξουν μαζί, и опереживаетъ его ἕως ἑνὸς τοῦ βολι, καὶ ὅλοι ἐθαύμασαν, διὰτὶ ὁ Πτολεμαῖος ἦτον ὁ πρώτος εἰς τὸ τρέξιμον. Филиппъ радуется и говоритъ: Οὐρανὸς, ἦλιε καὶ σελήνη, σήμερον νὰ ἤξεύρετε, ὅτι τὸ σπαθί τοῦ Ἀλεξάνδρου μετὰ τοὺς Μακεδόνας θέλουσιν συντρίψαι τὰ σπαθία ὅλα τοῦ κόσμου. Онъ даетъ Александру сверстниковъ, съ которыми тотъ предается военнымъ упражненіямъ.

Весь этотъ отдѣлъ «юности Александра» представляется въ значительно иномъ видѣ, чѣмъ у Псевдокаллистоена. Филиппъ не хотѣлъ было воспитать Александра, ибо онъ не его сынъ,

но рѣшается на это, такъ какъ онъ божественнаго рода — и въ память покойнаго своего сына отъ первой жены. Описывается наружность Александра, перечисляются учителя: между прочимъ, учитель грамматики Полипкъ, реторики Анаксименъ, философъ Арпстотель. Александръ не только самъ обучаетъ своихъ сверстниковъ, но, собравъ, упражняетъ ихъ въ военныхъ играхъ; *ὁπότε δὲ ἐώρακε μέρος ἡττώμενον ὑπὸ τοῦ ἑτέρου, εἰς τὸ ἡττώμενον μέρος μετέβαινε, καὶ ἐβοήθει καὶ πάλιν ἐνίκη, ὡς φανερόν ἦν ὅτι αὐτός ἢ νίκη.* Въ это время приводятъ къ Филиппу «ἐκ τῶν ἱπποφορβίων αὐτοῦ», чудеснаго коня челоуѣкоядца; *θεασάμενος δὲ αὐτοῦ τὸ μέγεθος Φιλιππος ὁ βασιλεὺς, καὶ ὅτι βοὸς κεφαλὴν ἔχει ἐκτετυπωμένην ἐν τῷ δεξιῷ μηρῷ καὶ κέρας ἐν τῇ κεφαλῇ, ἐθαύμασε.* Онъ велитъ его запереть въ *σιδηροῦν κάγκελλον* и бросать ему преступниковъ (Pseudocall. C, I, гл. 13). Редакція А говоритъ, что Вукѣфала привели *οἱ τῆς Καππαδοκίας ἄρχοντες*; Hist. de Prel. quidam principes Capadoces, или princeps Capadocie ¹⁾. О знаменіяхъ коня говоритъ ред. С еще I, гл. 15, на этотъ разъ согласно съ А и В.

Тогда какъ сербская Александрія, W, нар. греч. кн. п. согласно съ ними, Hist. de prel. (Zingerle, стр. 138 слѣд.) рассказываютъ о Вукѣфалѣ уже по смерти Нектанеба, Псевдокаллистоенъ С, I, гл. 14, помѣщаетъ еѣ между приводомъ чудеснаго коня и первымъ выѣздомъ на немъ Александра. Филиппъ радуется усиѣхамъ юнаго героя, но сѣтуетъ, что онъ не похожъ на него. Обезпокоенная этимъ Олимпіада проситъ Нектанеба прочесть въ звѣздахъ, что имѣетъ противъ нея Филиппъ; присутствовавшій при томъ Александръ спрашиваетъ, можетъ-ли и онъ это сдѣлать. Нектанебъ обѣщаетъ научить его и вечеромъ идетъ съ нимъ въ пустынное мѣсто за городомъ, гдѣ Александръ свергаетъ его съ стремнины: твоя вина, говоритъ онъ ему, что стремясь познать небо, ты не зналъ, что совершится на землѣ. Но онъ зналъ это, потому что ему вѣдома была смерть отъ руки

¹⁾ Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 9; Zingerle. l. c. стр. 140.

сына. Онъ открываетъ Александру, что онъ отецъ его, и мать подтверждаетъ это, когда Александръ принесъ ей трупъ убитаго. — Филиппъ спрашиваетъ Дельфійскій оракуль, кто будетъ послѣ него царемъ; отвѣтъ: тотъ, кто пройдетъ по городу верхомъ на Вукефалѣ (С, I, гл. 15). — Аристотель обращается къ своимъ ученикамъ, между которыми были и царскія дѣти, съ вопросомъ: что они сдѣлаютъ для него, когда воцарятся; отвѣтъ Александра близокъ по содержанию къ такому-же отвѣту въ сербской Александрии: *περὶ τῶν μελλόντων μοι πραγμάτων ἄρτι μὴ πυνθάνη τῆς αὔριον ἐνέγγυρον μὴ ἔχων, τότε δώσω σοι τοῦ καρποῦ καὶ τῆς ὄρας ἐλευσομένης*. Нар. греч. кн., можетъ быть перенесла на Александра, одну изъ общихъ отповѣдей (Аристотелю) Александровыхъ сверстниковъ: «*ἔσῃ παρ' ἐμοὶ συνδίαυτος καὶ ἐνδοξόν σε παρὰ πάντας ποιήσω*»; «*διοικητὴν σε ποιήσω, καὶ τῶν ὑπ' ἐμοῦ κρινομένων πάντων σύμβουλόν σε καταστήσω*» (I. с., гл. 16). Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ, равно какъ и предъидущій, могли находиться въ первоисточникѣ нашего текста — если нар. греч. кн. и здѣсь не подновлена изъ Псевдокаллистоена. — Александру было пятнадцать лѣтъ, когда проходя однажды мимо конюшни Вукефала, онъ слышитъ его страшное рычаніе; стратархъ Птолемей говоритъ ему, что тутъ запертъ конь челоуѣкоядецъ. Услышавъ голосъ Александра онъ ласково заржалъ, и когда тотъ подошелъ къ клеткѣ, налъ на переднія ноги и вытянулъ языкъ (какъ бы готовясь облобызать своего господина). Отстранивъ сторожей, Александръ входитъ къ Вукефалу, кругомъ котораго лежали остатки пожраныхъ имъ людей, и вскочивъ на него, ѣдетъ по Пеллѣ. Когда докладываютъ о томъ Филиппу онъ восклицаетъ: *Χαίρεις, Ἀλέξανδρε κοσμοκράτορ* (I. с. гл. 17).

Продолжая наше сравненіе текстовъ мы пришли къ разсказу объ олимпійскомъ состязаніи Александра.

«Въ олимпійскихъ-же странахъ двѣ коле сѣтворене бѣхоу близоу соуитихъ Дафенеона Аполлона, а на техъ же колехъ въсходеште витези отъ земли хитростию елпнською некоею оухиштреник, кобъ себе и парокъ питахоу, .д. въ коупе и осьмь тор-

наюштимъ се». Александръ хочетъ туда отправиться; Филиппъ сначала останавливаетъ пятнадцатилѣтняго юношу, но потомъ отправляетъ съ Птолемеемъ и другими вѣтязми, снабдивъ его конями и всѣмъ, что подобало царевичу. Состязаніе представлено какимъ-то боемъ: «Тоу-же Александръ пришьдъ съ пеглиторьскимма (Кир. Бѣл. сп.: еглиторьскимма) витезома борити се вѣроучи, Лаомедушемъ (вар. Лаомендушю) и Калистеноушемъ, онъ же съ воеводою своимъ Потоломесемъ. И тоу оубо заврътевьшимма се обема колома, четыре се стекъше витези, оударивъшимъ-же се пмъ, Александръ же Калестеноуша оуби, Потоломѣи же Лаомедуша оурва». Всѣ дивятся красотѣ Александра, а нѣкій философъ Ураніи говоритъ: «Моудрость и храбрость не многолѣтнимъ почтен'на ксть, нь тврдыми и добрымъ срьдци». Узнавъ отъ Александра, кто онъ, онъ продолжаетъ: «Слышахъ отъ оучителней глаголюштихъ, яко встати имать отъ Македонна отъ Филипова града царь, и поразитъ все к'неше западнне и съброушитъ в'се царе в'сточнык, да аште ты кси, Алексен'дръ, милостивъ боуди градоу нашему. — О сихъ же Алексен'дръ наемшавъ се рече: Не мопмъ промышленнемъ, о философе, нь вышнзаго промысла произвольюштоу и дѣюштоу» (Нов. I, гл. 11—12 = Jag. I. с. р. 230—1).

Въ вѣскомъ текстѣ (W, стр. 11—13) Александръ идетъ въ Олимпію (*ἀνὰ κωνηροῦν εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα*, «εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος») съ Птолемеемъ, состязается *μὲ δύο ἀδελφοὺς ἀπὸ τὴν Ἑγκλητέρα* . . . *τὸν Λαόνμετρον* (далѣ *Λαομετρούστην*) *καὶ τὸν Καλλιστεροῦστη*; философъ не названъ, но лишь вѣдствіе небольшого пропусса, на который указано въ моемъ отпскѣ W, стр. 12 прим. 2. Отвѣчая философу Александръ говоритъ: *ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι. ἀμὴ ἀπὸ τὸν θεῶν ἢ χάρις καὶ ἢ ἐλεημοσύνη γὰ γένη*. Греч. нар. кн. (р. 21—3) ничего не знаетъ о Лаомедонтѣ и Калисоенѣ и держится ближе къ Псевдокаллисоену. Каждый пять лѣтъ совершаютъ Элліны олимпійскія игры въ Мореѣ, куда со всѣхъ концовъ земли соби- рались цари, игемоны, архонты и всякіе люди: одни боролсь

голые, другіе дѣгали въ запуски пѣшкомъ или верхомъ или на колесницахъ, тѣ метали камни и т. д. Побѣдителей награждали и ихъ слава распространялась повсюду. Отець снаряжаетъ туда Александра вмѣстѣ съ Птолемеемъ, *καὶ μετ' ὀλίγον καιρὸν ἔρθασεν εἰς τὴν Ἐπαρχίαν τοῦ Γαστρονισοῦ* ¹⁾, *εἰς χώραν λεγομένην Πήσαν*, εἰς τὴν ὁποίαν ἐγίνοντο οἱ Ὀλυμπιακοὶ Ἀγῶνες. Εἰς αὐτὴν ἦτον ἐκεῖνος ὁ θαυμαστός ναὸς τοῦ Ὀλυμπίου Διός. Эдѣсь онъ встрѣчается съ сыномъ Дарія, Николаемъ, который не отвѣчаетъ на его поклонъ и выслушиваетъ отъ него такую рѣчь: *ὄντως υἱὸς εἶσαι τοῦ ὑπερηφάνου Δαρείου, ὅπου ὀνομάζει τοῦ λόγου σου θεὸν ὅμως τόσον ἐσὺ ὡσάν καὶ αὐτὸς ἀπὸ τὴν πολλὴν σεαῦ ὑπερηφάνειαν ὀγλήγορα θέλετε πέσει κάτω*. Онъ вызываетъ его на другої день на бою. *Τὴν ἐρχομένην ἡμέραν εὐγῆκαν καὶ οἱ δύο καβαλλοῦχοι ὡσάν δύο ἀετοὶ ἐπάνω εἰς τὰ ἄλογα, καὶ ἀρχίσαν διὰ τὰ πρέγουν*. Εἰς τὸ πρῶτον πρέξιμον μὲ ἐπιτηδειότητα ὁ Ἀλέξανδρος ἔκαμε καὶ ἐσκόνταψε τὸ ἄλογον τοῦ Νικολάου, ὁ ὁποῖος ἔπεσε κάτω νεκρὸς, *διὰ τὸ τὰ πόν ἐπλάκωσεν ἡ σέλα*. Александра побѣдителя всѣ славятъ и величаютъ.

Pseudocall. C, I, гл. 18—19 даютъ-ли поводъ предположить, что въ прототипѣ греч. нар. книги, вѣнской рукописи и слав. текстовъ въ числѣ соперниковъ Александра находились и Николай — и Лаомедонтъ и Каллисоевъ, только въ нѣсколько иной роли? Или и въ этомъ случаѣ отличія нар. греч. книги слѣдуетъ объяснить позднѣйшимъ подновленіемъ?

Однажды когда Александръ бесѣдовалъ съ своими сверстниками, зашла рѣчь о томъ ὡς ὅτε εἰς Πήσαν ἀρματηλατοῦσιν οἱ δοκιμώτεροι τῶν βασιλέων παῖδες, καὶ τῶ νικήσαντι ἄθλα δίδουσιν ἀπὸ τοῦ Ὀλυμπίου Διός· ἔς' δ' ἂν ἡττηθεῖς, παρὰ τῶν νικησάντων θανατοῦται. Пятнадцатилѣтній Александръ просится у отца и, снарядившись какъ слѣдуетъ, отправляется вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гефестіономъ. Въ Пизѣ онъ встрѣчается съ Николаемъ,

¹⁾ Древнему округу Плиды, Пизатидѣ, соответствуетъ приблизительно новый округъ Гастуни. Пыльшій городокъ Гастуни сѣверяѣ мѣстности, гдѣ былъ городъ Пѣса, и ближе къ морю.

сыномъ акарнаискаго царя Ардея (Αρδέου C, Αρείου B; въ Hist. de Prelis, Zingerle, l. c. p. 142: rex Arideorum, Aridorum; въ греч. нар. книгѣ — Дарія), слышимъ и рослымъ, который, привѣтствуя Александра, называетъ его *μειράκιον* и не хочетъ вѣрить, чтобъ онъ явился сюда не простымъ зрителемъ, а борцемъ. Александръ, уличивъ его въ высокомеріи, говоритъ, что хочетъ состязаться съ нимъ самимъ въ бѣгѣ на колесницахъ, и не только побѣдитъ его, но и убьетъ (C, I, гл. 18). Насталъ день ристанія: послѣ четвертаго круга нѣкоторые изъ состязающихся обезсилѣли; остаются Николай, Кимонъ; *μετὰ δὲ τούτους Λαομέδων ὁ Δύβριος ἦν τρίτος*: третьимъ, стало быть, былъ Александръ? Народъ кричитъ Лаомедонту: *Τί τὴν ψυχὴν συμπάσχεις, ὦ Λαομέδων, καὶ σὺν μισακίῳ ἤλθεσ μαχέσασθαι; μὴ κατάνευε ἄρματῆλατῶν*. Ὁ δὲ Λαομέδων φησὶ πρὸς αὐτούς: «Ἑμεῖς οἱ τοῦ Ὀλυμπίου ἄπιτε ἀπ' ἐμοῦ κάγω παρὰ τοῦ μισακίου ἐκδέχομαι στεφάνους ἐκ τοῦ μισακίου Διός». Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος φησὶ πρὸς αὐτόν: «Ναί, οὕτως ἔχει ἀπὸ γὰρ τοῦδε τοῦ ἀγῶνος καὶ ἡ τοῦ πατρὸς πραγματεύεται μου βασιλεία». Καὶ ταῦτα εἰπὼν, καὶ κρατήσας τῆς χειρὸς αὐτοῦ κατεφίλησεν αὐτόν, λέγων: Ἴδε καὶ νέος Οὐνόμαος. — Въ слѣдующемъ далѣе бѣгѣ Александръ выѣзжаетъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями: съ правой руки Букефаль, съ лѣвой Пегасъ; ἐξῆλθον δὲ ἅμα Νικόλαος καὶ Καλλισθένης μέσον τὸν Ἀλέξανδρον ἔχοντες, ὡς ἀκείσε περισκοποῦντες τὸ πῶς αὐτόν θανατώσουσιν. . . . Καὶ ὁ μὲν Καλλισθένης πλαγίως ἐκ δεξιῶν, ὀπισθεν δὲ αὐτοῦ ἦν Νικόλαος, οὐχ οὕτως ἔχων τὸ νικῆσαι ὡς τὸ ἀναιρῆσαι τὸν Ἀλέξανδρον: ἦν γὰρ ὁ πατήρ τοῦ Νικόλαου ὑπὸ Φιλίππου ἐν τῷ πολέμῳ ἀναιρεθείς ποτε. ὡς δὲ τὸν ἐπὶ τῇ σφενδόνῃ κατέλαβον τόπον, ἐνδίδωσι τὰς ἡνίας Ἀλέξανδρος: καὶ ὁ Βουκέφαλος περικυλίει τοὺς ἵππους καὶ τὸν μὲν Καλλισθένην περιδραμῶν τῇ σφενδόνῃ ἀπερριψάτο: τὸν δὲ Νικόλαον συνεχώρησε προαπελθεῖν αὐτόν: ὁ δὲ Νικόλαος ἀγνοῶν τὴν ἐνέδραν διέβη, ἔχων τὴν δόξαν τοῦ νικηθῆναι: καὶ λοιπὸν ἤλαυνε πρῶτος, μετὰ δὲ ταῦτα σκονδύλιζαι ὁ δεξιὸς ἵππος τοῦ Νικόλαου ὁ ἐπὶ τῷ ῥυμῷ τοῦ ἄρματος (сл. у Müller'a, въ разночтеніяхъ: ргп. C ἐπὶ τῷ πρώτῳ ἄρματι), καὶ συμπεσόντων

των ἵππων καταπίπτει ὁ Νικόλαος. Ὁ οὖν Ἀλέξανδρος ἐπιβαίνει τῇ ὄρμῃ τῶν ἵππων ἑαυτοῦ, καὶ παρερχόμενος ἐπιλαμβάνεται τῶν ἄξόνων (рки. С τῶ ἄξονι) τῶν ὀπισθίων τοῦ Νικόλαου καὶ σὺν τῶ ἡμίονῳ καὶ τοῖς ἵπποις τελευτᾷ ὁ Νικόλαος. — Александра вѣнчаютъ; оракуль вѣщаетъ будущія побѣды побѣдителю — Николая (С, I, 19); вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ Македонію и Лаомедонтъ, ὁ συναρματηλατήσας αὐτῶ· οὐκ ἐβούλετο γὰρ καταλεῖψαι αὐτὸν (I. c. гл. 20). — Подлинникъ сербской Александрии удержалъ память о Лаомедонтѣ С, но изъ соперника Александра сдѣлалъ врага, поставивъ его рядомъ съ Каллисеепомъ.

Разсказъ о несостоявшемся второмъ бракѣ Филиппа на Клеопатрѣ, Pseudocall. С, I, гл. 20—2, крайне сокращенъ въ текстахъ нашей Александрии: нѣтъ имени Клеопатры, нѣтъ и подробностей о примиреніи Филиппа и Олимпиады при содѣйствіи Александра. Близость къ редакціи С сказывается въ мелочи: войдя въ палаты отца Александръ «παρ' αὐτοῦ τῆ τραπέζῃ ἐκελεύθη καθεσθῆναι (С, I, 20); тоже у Нов. I, 13, W, стр. 13, греч. нар. кн., р. 23. — Лизіи ободряетъ Филиппа къ новому браку, отъ котораго произойдутъ законныя дѣти; оскорбленный этою рѣчью Александръ убиваетъ его ударомъ кубка (Hist. de prel., Zing., I. c. 143: basculo) и нестовствуетъ противъ остальныхъ свадебныхъ гостей, изъ которыхъ многіе ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Сл. Нов. I, 13: «Настав'льше же κγο (т. е. Филиппа) Олимпиадоу поустити, пристоунив'ше рече: Весели се, цароу Филиппе, κκο бол'шоу царцоу (вар. женоу) възель κси, прьваа блонд'шца бѣ, а си цѣломоудрына κсть». Разгнѣванный Александръ «столь малъ възель трехъ сихъ сътворышихъ оуби, друзи же, и не хотеште, низъ полатоу скакахоу» — послѣ чего (гл. 14) Филиппъ велитъ вернутъ Олимпиаду, а вторую жену отослать. — Въ W, стр. 13 (по опискѣ или вѣдѣтвіе пропусека) самой Олимпиадѣ приведены слова подумавшаго: она посылаетъ Филиппу кубокъ съ виномъ и говоритъ: пей и весельсь, о царь, нбо ты взялъ за себя лучшую жену, ὅτι ἡ πρώτη σου ἡ γυναῖκα ἦτον ποῦτάνη. Въ греч. нар. книгѣ (р. 23) гнѣвъ Александра вызванъ жалобой

Олимпиады, послѣ чего онъ ἐπῆρεν ἕνα σκαμνίον (W, σκαμνοπούλον) μὲ τὸ ὁποῖον ἐρόνευσε τρεῖς ἄρχοντας ἀπὸ ἐκείνουσ ἀποῦ εἶχαν κάμη, αὐτὴν τὴν προξενίαν (W, τρεῖς εἰς αὐτουνούσ ἀποῦ ἔκαμαν τὴν δουλεία). οἱ δὲ λοιποὶ ἔφυγαν, καὶ ἐγλύτωσαν ἀπὸ τὸν θάνατον.

Послѣ этого эпизода тексты Pseudocall. В и А продолжают такимъ образомъ: Филиппъ отправляетъ Александра противъ возставшей Меоны; усмиривъ её, Александръ возвращается и встрѣчаетъ у отца пословъ Дарія, явившихся съ требованіемъ дани; они отосланы со срамомъ; слѣдуетъ еще посылка Александра противъ какого-то оракійскаго города, чѣмъ и пользуется нѣкій Павзаній, чтобы похитить Олимпиаду и смертельно ранить ея мужа. — Редакція С относитъ посольство Дарія ко времени по смерти Филиппа (гл. 26)¹⁾, а за походомъ на Меону помѣщаетъ рассказъ о скипсской войнѣ, гл. 23: Филиппъ слышитъ о томъ, что Скипы готовятся напасть на него съ 400-тысячнымъ войскомъ, совѣтуется съ своими мегистанами, что предпринять, и по указанію Аристотеля назначаетъ вождемъ своихъ сплъ Александра. Взявъ съ собою тридцать тысячъ юныхъ воиновъ и осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, онъ велитъ ночью зажечь вокругъ него огни, и въ одномъ мѣстѣ устроить засаду. Скипы, заключивъ по огнямъ о численности Македонянъ, думаютъ спастись бѣгствомъ, но направляются — къ засадѣ, гдѣ не было огня и, предполагалось, не было и войска; а Александръ слѣдуетъ за ними по пятамъ, Македоняне нападаютъ на нихъ спереди и сзади и началась сѣча, которую прекращаетъ Александръ, говоря побѣжденнымъ: Ἰδοτε ὡς ἡ πρόνοια παρέδωκεν ὑμᾶς εἰς χεῖρας τῶν Μακεδόνων, καὶ οὐκ ἠδυνήθητε ἀντιστῆναι τὰ ἔργα τῶν ποδῶν ἡμῶν. Скипы признаютъ себя его рабами, и онъ ведетъ ихъ, снявъ съ нихъ цѣли, въ Филиппополь, а позднѣе отпускаетъ подъ условіемъ ежегодной дани

¹⁾ Такъ можно заключить изъ варьянтовъ Миллеровскаго изданія, стр. 27 (сл. Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 116—117); но уже въ разночтеніяхъ къ гл. 23 В, стр. 23, встрѣчается, въ рассказѣ о послахъ Дарія, цитата изъ С. Нѣтъ-ли въ С двойнаго рассказа о посольствѣ? При компилятивномъ характерѣ С это не представляется невѣроятнымъ.

и военной помощи (I, С, гл. 23; сл. гл. 24). — Между тѣмъ о нашествіи Скифовъ узналъ иѣкій «*Ἀνάξαρχος ὁ καὶ Παυσανίας* (перваго имени А и В не знаютъ), ὁ τῶν Θεσσαλονικέων τύραννος», бывавшій въ гостяхъ у Филиппа и воспылавшій страстью къ его женѣ. Взявъ съ собою двѣнадцать тысячъ войска онъ отправляется, будто-бы въ помощь Александру, но въ сущности съ намѣреніемъ похитить Олимпіаду. Услышавъ о возвращеніи сына, Филиппъ ѣдетъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ женою; этимъ пользуется Анаксархъ, чтобъ увлечь её, смертельно ранивъ преслѣдовавшаго мужа. Когда узналъ о томъ Александръ, пустился съ немногими всадниками въ погоню за похитителемъ и приводитъ его передъ умирающаго Филиппа, которому даетъ въ руки мечъ, говоря: «ὦ πάτερ μου, ἀνάστηθι καὶ ἀμύνοῦ τὸν ἐχθρὸν σου ἐν τῇ χειρὶ σου». Филиппъ убиваетъ его собственноручно: такъ пусть будетъ со всякимъ противникомъ Александра! Его вмѣстѣ съ Олимпіадою онъ назначаетъ своимъ преемникомъ, а ему говоритъ: Вѣрно сказалъ Аммонъ твоей матери, что ея сынъ будетъ мстителемъ за своего отца. — Тѣло умершаго несутъ ἐπὶ χρυσοῦ κρηβάτου и хоронятъ въ Пеллѣ (С, I, гл. 24).

Тексты сербскои Александрии замѣняютъ въ скпоскомъ эпизодѣ С — Скифовъ Куманами, *Κουμάνοι* новогр. нар. кн.; въ вѣнскомъ спискѣ, стр. 13, одна глава надписана: *περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος, ὅτι ἦλθαν οἱ Κομάνοι καὶ Ἀλαμίται*; далѣе послѣдніе названы *Ἀλαμάνοι* и упоминается еще народъ *Σακουλάτοι*; въ эпизодѣ о взятіи Аѳинъ (W, стр. 24, 25, 26) Куманы названы подъ рядъ съ Аламанами, либо: *οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας*; Александръ посылаетъ въ городъ *ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικὸν ἀπὸ τοῦ Κομάνου καὶ Ἀλαμάνου, ὀνόματι Ἀρράδαξον*. Мы уже выше (стр. 132; сл. W, стр. 15, прим. 1) замѣтили, что въ этомъ отдѣлѣ вѣнская рукопись указываетъ на пробѣлъ въ своемъ подлинникѣ, смѣнивая два разсказа: походъ на Кумановъ = Скифовъ и разсказъ объ Анаксархѣ = Павзаніи, вѣдѣствіе чего Филиппъ убиваетъ не послѣдняго, а кого-то изъ Куманскихъ вождей. — Куманское нашествіе случилось во время Филипповой

болѣзни; такъ и у Новаковича: Филиппъ впалъ въ великую немощь, о чемъ слышатъ «сѣвѣрныя странѣ Кумане» и готовятся пойти на него съ 500-тысячнымъ войскомъ. Призвавъ сына, царь говоритъ ему: «Любимый сыноу мой, Алексен'дре, се дньсь тебѣ пришло ксть бити се за свое отъчство, възь воискоу на бои понди». Онъ отправляется съ 30 (или 400)-тысячнымъ войскомъ, видитъ Куманъ стоящихъ «шеуред'но», «въ ношть тоу съ своими вои пришьдъ, ог'ниє многыє около повелѣ паложити, и трубамъ многогласнымъ и накаратамъ и праскавицамъ около повелѣ бити». Отъ страха Куманы обращаются въ бѣгство; въ послѣдующемъ боѣ «оубиш'но бысть .н. тисоушть, и отъ Македонцинь .в. тисоушти, тера же ихъ Алексен'дръ .г. дьни и .г. ношти и оуби отъ нихъ .рн. тисоушть», а десять тысячъ отводитъ въ плѣнъ. Онъ говоритъ имъ: «Видѣсте-ли, о друзп, како божиа промысль прѣдасть васъ въ роуки македон'скыя, и мьчъ вашъ, наостривы се на Македонциани, дньсь притоупи се отъ нихъ роукъ; цара вашего Ат'лампша (вар. Алтампша; Кпр. Бѣл. Ωг'ламыша) оубивъ и васъ живѣхъ оухватихъ, да аште хоштете животь вашъ коупити, зем'лю вашоу къ мои земли приложите и въ кдино съ Македонциани боудете». Они просятъ отпуститъ ихъ домой и дать имъ царя; Александръ ставитъ имъ «братоучеда своего прьваго, Ланцатоура (вар. Ван'цатоура; въ русск. спискахъ: Тура, сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 49; наоборотъ, въ румынск. нар. кн. стр. 14, въ соотвѣтствіи съ первой частью имени: Алеѣандрѹ ле дѣте дома пре вѣрул съѢ Франца) именемъ, мала оубо тѣломъ, велика же храбрствомъ». — Тѣмъ временемъ пелагонскій (вар. пелагонитъски) царь Анаксархъ (вар. Анасархось, Асанархось, Асархоз, Анархоз; Наваходдосуръ; Кпр. Бѣл. сп. Анакорносъ) полюбилъ Олимпіаду когда гостилъ у Филиппа; «Соломонъ прѣмоудрїи рече: Не боуди оугазв'лєнь добротою чоуждеє жены, како да не видиши свою оугазв'лєн'ноу». Съ двѣнадцати-тысячнымъ войскомъ онъ является какъ бы на помощь Филиппоу и увлекаетъ Олимпіаду, когда она вышла за городъ на встрѣчу сыну, а Филиппа ранитъ. Александръ настигаетъ Анаксарха «на мѣстѣ нарицае-

момъ Змикси» (вар. Изъмьки, Измікин; кѡ се зѡве змипньскѡ) и приводитъ къ отцу: «встани, рече, о Филипе, врагоу своему стани ногомъ за грѣло, и освѣти се кѡмоу роукою своєю». Филиппъ убиваетъ его, а сына благословляетъ: «Сыноу мой Алексендре, роуки всѣхъ на тебе, и твоѣ на всѣхъ». Тѣло Филиппа несутъ въ городъ на золотомъ одрѣ (Новак. I, гл. 15—16 = Jag. I. c., p. 231—233).

Въ W стр. 13—16 рассказъ, въ сущности, тотъ-же; имя Куманскаго царя *Ἀπλαμύσης*; въ опущенномъ эпизодѣ должны были находиться имена его наслѣдника (= Ванцатуръ) и Анаксарха. — Въ греч. народн. кн. (сл. р. 23—8) нападеніе Кумановъ (въ числѣ 150 тысячъ) также совершается во время болѣзни Филиппа; замѣтимъ, что далѣе, въ эпизодѣ о разгромѣ Аѡпшъ, упоминается о Куманахъ и — Аламанахъ, гдѣ славянскіе тексты удерживаютъ лишь первыхъ: *ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τοὺς Κομάνους, τοὺς Ἀλαμάνους* (40—1); Арфадій (Куманинъ въ слав. текстахъ) *ἀπὸ τῆν Ἀλαμανίαν* (42—3); наконецъ: *οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας* (44). — Александръ выходитъ противъ нихъ съ 30-тысячами войска; о хитрости Александра (огни) не упоминается вовсе: онъ нападаетъ на враговъ врасплохъ, ночью, когда они готовились уйти, преслѣдуетъ 3 дня и 3 ночи и убиваетъ ихъ сорокъ тысячъ, въ числѣ другихъ и царя *Ἀπλαμέσης*. Обратившись ко своимъ Александръ говоритъ: *ἴδετε, συντρόφοι μοι καὶ ἠγαπημένοι μου φίλοι, πῶς μὲ τῆν δύναμιν καὶ εὐεργεσίαν τοῦ Θεοῦ ἐνίκησαμεν τοὺς Κομάνους. . . . Τότε πάλιν εἶπε πρὸς τοὺς Κομάνους: βλέπετε, ἄρχοντες Κομάνοι, πῶς σᾶς παρέδωκεν ὁ Θεὸς εἰς τὰ χέρια τῶν Μακεδόνων, ἐπειδὴ τὰ σπαθία σας ἐπζακίσθησαν, τὰ δὲ τῶν Μακεδόνων σπαθία ἀκονίσθησαν ἀπὸ ἐσᾶς, καὶ ἀπὸ τὸν βασιλέα σας τὸν Ἀπλαμέση. — По ихъ просьбѣ онъ отпускаетъ ихъ во-своѡси, ставитъ царемъ «τὸν ἐξάδελφόν του, ὅποι ἦτον πρῶτος κυνηγός» (имени небытъ). — Анаксархъ названъ царемъ *τῆς Πελαγωνίας*; онъ прежде бывалъ у Филиппа на пути εἰς τῆν Персіαν, а теперь явился во главѣ 12-тысячнаго войска, влекомый любовью къ Олимпіадѣ; не зналъ, несчастный, изреченія Соломона: *ἄνθρωπε,**

ὅς εἶσαι εὐχαριστημένος καὶ ἀναπαυμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναι-
κός σου καθὼς σοῦ ἔτυχε, καὶ μὴ εἰς ξένην γελασθῆς, ἵνα μὴ πάθῃς
πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὅπου πράξεις, χάνωντας τὴν ζωὴν σου, ὁμοῦ μὲ
τὸν πλοῦτόν σου. — Александръ настагаетъ его εἰς τὸν ποταμὸν
τὸν λεγόμενον Μεστόν, и приводитъ къ Филиппу, которыйи уби-
ваетъ его, попрекнувъ его прежней дружбойи и дарами; слѣ-
дующія (стр. 28) слова его напоминаютъ слова Александра къ
своему убийцѣ (I. с., р. 183; сл. W, стр. 63): τὸ ποτῆριον ὅπου
ἐκέρασες, νὰ τὸ γευθῆς καὶ ἐσύ, тогда какъ въ рѣчи Филиппа
къ сыну отзываются слова умирающаго Дарія: ἡ πίκρα μου
ὄλη ἐγύρισεν ὀλίγον εἰς χαράν (Нов. II, 14: жалость моя на ра-
дость прѣврати се; сл. W, стр. 56, греч. нар. кн. стр. 105)...
ὑπάγε, υἱέ μου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὄλα νὰ σὲ προσκυνήσουν
καὶ το χέρι τὸ ἐδικόν σου νὰ εἶναι ἐπάνωθεν ὄλου τοῦ κόσμου.
(греч. нар. кн. стр. 28; сл. W, стр. 16: то-же). — Покойнаго
несутъ εἰς ὀλόχρυσον κρεββάτι (W, I. с. διάχρυσον ἀμάξι καὶ κρεβ-
βάτιν).

Замѣтимъ въ текстахъ сербскоѣ Александрии и греч. нар. книгѣ
замѣну при Анаксархѣ эпитета: онъ не Солунскій, какъ у Псевдо-
каллисоена, а Пелагонскій царь; далѣе у Pseudocall. C. I, 26
является Солунскій тираннъ Поликратъ, сынъ Анаксарха; у него
сынъ Харимедъ; въ соотвѣтствующихъ эпизодахъ сербскаго ро-
мана и параллельныхъ греческихъ текстовъ вмѣсто Поликрата
названъ *Ἀρχιδονούσης*, Кархидонъ, у него сынъ Поликратъ; отно-
шенія къ Анаксарху забыты, но Кархидонъ царитъ—въ Солуни.
Замѣна Солуни — Пелагонией, можетъ быть, обусловлена забве-
ніемъ родственной связи между Поликратомъ-Кархидономъ и
Анаксархомъ, хотя вѣроятнѣе, что эта связь принадлежитъ фан-
тазии редактора С и географическая перестановка совершилась
въ обратномъ направленіи. — Что до замѣны Скивовъ Куманами,
то на хронологическое ея значеніе обратилъ вниманіе уже Нова-
ковичъ (I. с., р. XXVI): по его миѣнію Куманы могли попасть
въ нашъ текстъ лишь въ XIII вѣкѣ, когда удалившись изъ Ва-
лахіи и Молдавіи передъ напоромъ Татаръ, они поселились въ за-

падной Болгаріи и сѣверовосточной Македоніи. Новаковичъ имѣлъ въ виду лишь славянскій пересказъ Александриі, не ея греческій подлинникъ, по отношенію къ которому его соображенія теряютъ свою силу, тѣмъ болѣе, что Куманы = Половцы нашего романа живутъ не на Балканскомъ полуостровѣ, а въ «сѣверной странѣ», откуда являются съ несмѣтными полчищами. Въ 1065 г. они дѣйствительно перешли Дунай въ числѣ 60000 человекъ и распространились по Болгаріи до Элады; по болѣе части они погибли въ борьбѣ съ Болгарами и Печенѣгами; остальные поселены были въ Македоніи. Подъ 1078 г. они упоминаются снова какъ союзники Печенѣговъ въ набѣгѣ, доведшемъ ихъ подъ стѣны Адрианополя (Attaliota, ed. Bonn, p. 298, 300—301; Scylitza, ed. Bonn, v. II, 739, 741); въ 1087 году венгерскій король Соломошъ увлекъ ихъ и Печенѣговъ къ новому вторженію въ Македонію, остановленному битвой при Кулъ; въ слѣдующемъ году, опоздавъ на помощь къ Печенѣгамъ, усиѣвшимся поразить императорское войско при Дерстрѣ, они потребовали отъ нихъ доли добычи, и получивъ отказъ, разбили ихъ на голову. Императоры пользуются враждой двухъ одноплеменныхъ ордъ: Половцы становятся ихъ союзниками противъ Печенѣговъ; ихъ ханы, извѣстные въ русской исторіи Тугорканъ (Тоғорганъ, Тоғорганъ) и Бонякъ, участвовали главнымъ образомъ въ пораженіи печенѣжскихъ полчищъ при Хиринѣ въ 1091 году (у Левуніона при устьѣ Маршцы) — но они-же помогли (въ 1094 г.) самозванцу, выдававшему себя за Константина, сына бывшаго императора Романа Діогена, убѣжать изъ своего заключенія въ Корсуніи и вторгнуться въ предѣлы Романіи. Походъ кончился несчастливо какъ для претендента, такъ и для Половцевъ, остатки которыхъ были въ 1095 году разбиты при Малой Никеѣ подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина: 7000 человекъ были убиты, 3000 взяты въ плѣнъ, а въ Адрианополь явилось половецкое посольство, пзъявляя готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору ¹⁾).

¹⁾ Васильевскій, Византія и Печенѣги, Ж. М. Нар. Просв. 1875, Ноябрь, р. 147, 157—8; 161 слѣд.; Декабрь, стр. 279 слѣд., 289 слѣд., 296; Пречекъ,

Мы попытаемся впоследствии воспользоваться этими данными для хронологіи нашего памятника, а пока предложимъ еще нѣсколько замѣтокъ въ объясненіе его Куманскаго эпизода.

Византійцы употребляютъ въ XI вѣкѣ для Печенѣговъ, въ XII для Кумановъ-Половцевъ классическое обозначеніе — Скивоовъ. Подъ Скиоами, въ эпизодѣ С, разумѣется, вѣроятно, одна изъ этихъ народностей; сербская Александрія говоритъ прямо о Куманыхъ—и Аламаныхъ, Аламитахъ. Аламаны, можетъ быть, вмѣсто Valani = Куманы у Ruysbroek'a (сл. варьянтъ: Alani — Alamani въ Gesta Reg. Franc. с. 2, Voucu. II, 542); одна половецкая орда называлась Уланами и таково-же было имя ея хана: царице Уланице нашихъ былинъ. Но не вѣроятнѣе-ли, что Аламаны отвлечены отъ Ἀλαμανία (сл. W и новогр. нар. кн.) = *Ал-Каманія*, какъ зовутъ страну Кумановъ Эдриси и другіе арабскіе географы?

Имя Куманскаго царя: *Атламышъ*, *Ἀτλαμύσης*, рум. нар. кн. стр. 13: Алталмш и т. д. Если предпочесть чтеніе *Атламышъ*, то у Курція (l. VII, с. VII и слѣд.) и Плутарха (Alexander, с. XLV, XLVI) говорится о походѣ Александра противъ Скивоовъ, царя которыхъ побѣдилъ отецъ его Филиппъ; имя этого царя—*Ateas*¹). Сл. Justin., 9, 2, § 1 слѣд.; Orosii, Historiar. adv. paganos III, 13, § 4 слѣд.: Филиппъ «ad Scythiam quoque cum Alexandro filio praedandi intentione pertransit. Scythis tunc *Atheas* regnabat: qui cum Histrianorum bello premeretur, auxilium a Philippo per Apollonienses petiit, sed continuo Histrianorum rege mortuo et belli metu et auxiliorum necessitate liberatus pactionem foederis cum Philippo habitam dissoluit. Philippus dimissa obsidione Byzantii Scythicum bellum totis viribus adgreditur commissoque proelio, cum Scythae et numero et virtute praestarent, Philippi fraude vincuntur. In ea pugna XX milia puerorum ac feminarum Scythicae gentis capta, pecorum magna

Ист. Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 272, 274—5, 289 слѣд., 296. Сл. еще W. Tomaschek, Die Gothen in Taurien, 40, 49—50.

¹) Droysen, Gesch. Alexanders des Grossen (2 изд. 1877 г.), p. 124, прим. 1.

coria abducta, auri atque argenti nihil repertum: nam et ea res primo fidem inopiae Scythicae dedit. Viginti milia nobilium equarum sufficiencyo generi in Macedoniam missa (слѣдуетъ, послѣ упоминанія о войнѣ съ Трибаллами, побѣда Филиппа надъ *Аоинянами*).

Замѣтимъ мимоходомъ, въ связи съ народной румынской книгой, замѣпившей Кумановъ—Татарами, что племя Атламыша отвѣтилъ бы, въ половинѣ XIV вѣка, татарскій ханъ *Athlamos*, разбитый трансильванскимъ воеводой Андреемъ Лацкимъ. (Сл. Schwandtner, Script. rer. Hungar. I, 177).

Арфакадъ, Ἀρφαδάξος, Ἀρφαδίος производитъ впечатлѣніе персидскаго имени; что до *Сакулатовъ*, то это, быть можетъ Сколоты, т. е. черноморскіе, «царскіе» Скифы. Разумѣется, это сближеніе чисто предположительное: въ старослав. Вопросахъ и отвѣтахъ Аламаникъ, поставленный рядомъ съ Фругомъ, несомнѣнно, иѣмецъ: «*Аламаникъ* орель есть»; позже слѣдуютъ такіа опредѣленія: «*Куманинъ* пар'дусъ есть»; «*Аламанинъ* зебрь есть» — между Угриномъ и Зыхомъ; «*Сакулатинъ* биволь есть» — между Цакоцемъ и Персомъ (Тихонравовъ, Пам. II, стр. 441). Въ другомъ спискѣ Сакулатинъ отсутствуетъ, а вмѣсто Аламанна повторенъ Аламаникъ съ такимъ опредѣленіемъ: несъ есть (ib. p. 447), тогда какъ въ первомъ, при перечисленіи полувѣрныхъ народовъ, пошедшихъ отъ Яфета, стоятъ рядомъ: *Скулатѣ* *Зыхи* (p. 441; сл. Буслевъ, Очерки, II, 499), т. е. въ томъ же сосѣдствѣ, какъ выше Аламаннъ и Зыхъ. Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи объ Ἀλαμανοί = иѣмцы византийскихъ писателей и не къ нимъ слѣдуетъ привязать названіе Аламанчо = Турокъ, встрѣчающееся въ жаргонѣ каменщиковъ на Балканскомъ полуостровѣ ¹⁾).

По смерти отца Александръ сзываетъ въ Филиппы Македо-

¹⁾ Сл. Arch. f. slav. Philol. VIII, 1, p. 101 и мою замѣтку I. с., стр. 334—5. Сл. еще Miklosich, Die türkischen Elemente, стр. 9 (alaman=Räuber); арабск. аламан — грабежъ; монг. — убійство; въ киргизскомъ: толпа, отрядъ всадниковъ, добыча, набѣгъ (сообщенія барона Розена и акад. Радлова).

нянъ и Пелагопянъ, Еладянъ (Ιελαγηνιῶν, Ιελαδηνιῶν, Еладином; сл. W, стр. 16: τοὺς Μακεδόνους καὶ τοὺς Πελαγονίτας καὶ τοὺς Ἑλαδομίους μικροὺς τε καὶ μεγάλους; греч. нар. кн. 29: Μακεδονῖται, Πελαγονῖται, Ἑλλαδῖται) и Кумановъ, и извѣщаетъ ихъ о смерти Филиппа: онъ всемъ правиль «по достоинству, мнѣ же господ'ствовати како повелѣвате?». Отвѣчаютъ въ слав. текстахъ Филонъ, Селевкъ, Антиохъ, Антигонъ и Птоломей (Нов. I, гл. 17 = Jag. I. с., р. 233—5); въ вѣнскомъ спискѣ (W, стр. 17): Филонъ, Селевкъ (ὁ Λευκούσης) Антиохъ, Антигонъ и Птолемей; тѣ-же имена въ греч. нар. кн., р. 29—31 (Φιλόνης, Λευκούσης, Ἀντίοχος, Ἀντίγονος и Πτολεμαῖος).—Отвѣтъ Филона въ слав. текстахъ не совсѣмъ ясенъ: «О кралоу Алексен'дре, в'сакихъ възрасть чловѣчь въ [своемъ] чшоу потрѣб'нь ксть. Алексен'дръ рече: Старость ксть чьстнаа, нь не многолѣт'наа (W, стр. 17: Ὁ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἀνθρώπου πρέπει νέους τοῦ ταξιδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντὰ του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως. Ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὀλιγόχρονοι; сходно въ греч. нар. книгѣ, стр. 29—30). Селевкъ указываетъ Александру, ссылаясь на Соломона, на необходимость царю имѣть хорошихъ совѣтниковъ; Антиохъ: «Царемъ ч'теник домов'нок(?)трѣбоукть; старя же чловѣци покоп трѣбоуютъ, младимъ же царемъ воєвати подобакть, яко да въ младости потроудив'ше се, на старость покоп обрѣштоутъ (Нов. стр. 20; Jag. стр. 234: старим царем течене покопно е, младим царем трибуе воєвати, ере у младости своей помуче се, да у старости покоп имшо; новогр. нар. кн. стр. 30: τοὺς γέροντας πρέπει νὰ στέκουν εἰς τὴν πολιτείαν μετὰ τὸν βασιλέα, καὶ νὰ μὴ λείπουν παντελῶς ἀπὸ κοντὰ του· οἱ δὲ νέοι νὰ στρατεύωνται, ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητά τους καὶ δύναμιν· ὅταν δὲ γηράσουν νὰ εἶναι ἀναπαυμένοι. Сходно въ W, стр. 17). — Антигонъ совѣтуетъ тотчасъ-же напасть врасплохъ на сосѣднихъ царей, чтобы такимъ образомъ отвлечь ихъ вниманіе отъ македонскихъ дѣлъ; Птоломей: «подобакть намъ воєскоу прѣмѣнити въ свѣт'лаа ороужія и белегъ твои на шитѣхъ поставити, яко да знаютъ, комоу цароу

воюють, да не рекоуть соусѣди наши, тако оумрѣхомъ ед'ньги съ Филиномъ царемъ. Сіε Алексен'дроу ουгод'но γαυи се, и посла по все коваче и по в'се штитаре въ земли своєи въ Филипоустъ брати се. И шлѣмови начеше ковати, и на штитѣхъ белегъ свои ставити волюю (вар. *львову*) главою, на хел'мѣхъ же рози василіска съ аспидовѣми крылути, и на всакъ дньъ оружахоу ковачи четири ста вптязъ въ цѣлю оружіи, оклопи-же на львовехъ кожахъ прѣстав'лєн'ни бѣхоу и хакизма нарижемъ (вар. «фарижем») отъ кор'кодилловехъ кожъ чинєна бѣхоу». Тоже въ греч. текстахъ: W, стр. 18: ὤρισεν σουσάνια καὶ μπαρμπούταις νὰ ποιήσουν· εἰς τὰ σκουτάρια ὤρισεν νὰ γράψουν κεφάλιν τοῦ λέοντος καὶ εἰς ταῖς μπαρμπούταις νὰ κάμουν τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα μὲ τῆς ἀσπίδος ταῖς ἐλάταις σμικτὰ νὰ ἦναι· καὶ ὤρισεν τοὺς μαστόρους τὴν καθ'ἑν ἡμέραν νὰ ἀρματώσουν ὕ' ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερινιστηράτους τῶν πρωτοκαβαλαραίων, ὤρισεν νὰ τοὺς κάμουν ἀρματωσία τῶν ἀλόγων ἀπὸ τὸν κορκόνδειλον καὶ αὐτουνοῶν σουσάνια λαμπρὰ περιχρυσωμένα; греч. нар. кн. 31: ἐπρόσταξεν νὰ δουλεύσουν σουσάνια, ἤγουν σιδηροποκάμισα μὲ περικεφαλαίας, καὶ εἰς τὰ σκουτάρια τοὺς νὰ γράψουν κεφαλὴν λέοντος, εἰς δὲ τὴν περικεφαλαίαν νὰ κάμουν βασιλίσκου κερατόπουλα, καὶ τῆς ἀσπίδος αἱ κορυφαὶς νὰ εἶναι σμικταῖς. ὤρισε τοὺς μαστόρους νὰ ἀρματώσουν τὴν ἡμέραν τετρακοσίους ἀνθρώπους χωρὶς τοὺς χρυσοπτερινιστηράτους, κάνωντας καὶ τῶν ἀλόγων ἀρματώσιν ἀπὸ τὸν κορκόδουλον μὲ σουσάνια περιχρυσωμένα. — *Коркодилова, коркондилова* (греч.) кожа встрѣтится намъ не разъ въ описаніи вооруженія: разумѣется, вѣроятно, не крокодилъ, а носорогъ, персид. *kerkodon*, арабск. *karkadán* ¹⁾). Шиты изъ кожи слона и носорога до сихъ поръ въ употребленіи у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ.

Вся эта сцена: совѣщанія и вооруженія Александра развита своеобразно изъ Pseudocall. C, I, 25: Александръ «ἐκτίθεται κατὰ πᾶσαν πόλιν διατάγματα βασιλικά. Συναθροισθέντες δὲ ἐκ πασῶν τῶν χωρῶν παρεγένοντο εἰς Μακεδονίαν αὐθαίρετοι πάντες

¹⁾ Сл. Zacher, Pseudocall. p. 158.

ὡς ὑπὸ θεοπνεύστου φωνῆς μετακληθέντες. Παραγγέλλει δὲ προστάσσει ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐν οἴῳ δῆποτε τεχνουργοὺς ἐγκειρισμένους, ἐν τε σιδήρῳ καὶ χαλκῷ καὶ ξύλοις. Καὶ τοῖς μὲν χαλκεῦσι προστάσσει θώρακας καὶ περικεραλαίας καὶ ζώνη καὶ ὄρατα ποιεῖν. τοῖς δὲ ξυλουργοῖς ἀσπίδας καὶ τόξα καὶ ὀράτων ἀστράς. Ἀνοίξας δὲ Ἀλέξανδρος τὰς τοῦ πατρὸς ὀπλοθήκας μετέδωκε τοῖς νέοις τῆν πανοπλίαν. Онъ проситъ ветерановъ отца послужить и ему; тѣ отказываются — за старостью; Александръ убождаетъ ихъ — указаніемъ на нѣкоторыя преимущества ихъ возраста. — Это и составляетъ тему совѣтовъ, которые въ нашемъ тексте даютъ царю Филонъ, Селевкъ и Антиохъ.

Услышавъ о смерти Филиппа, Даріи шлетъ въ Македонію Кандарха (Κανδάρκουσ, Кандаркус) съ посланіемъ: «Даріи царь персскій, тѣкъмъ земльнымъ богомъ, въ коуиѣ слынцемъ снѣкъ отъ встока и до запада, и всѣмъ земльнымъ царемъ царь и властемъ владоуштимъ господинь, къ обрѣтаюштинъ се въ Македоніи пишоу». Слышалъ я, что Филиппъ умеръ, оставивъ по себѣ сына отрока; пришлите его миѣ для воспитанія при моемъ дворѣ вмѣстѣ съ другими царевичами, которыхъ у меня болѣе сорока; если-бы онъ оказался недостойнымъ власти, я пришлю вамъ другаго царя, а пока пусть править вами Кандархъ. — Когда посоль явился въ Македонію, его привели къ Птоломею, а тотъ доставилъ его въ Филиппы, гдѣ Антиохъ принуждаетъ его подъ страхомъ смерти поклониться Александрову копью. Царя онъ видитъ возсѣдающимъ на престолѣ, украшенномъ «зѣло искоуснимъ златомъ и зелнимъ каменіемъ и слоновемъ кости»; на немъ вѣнецъ «отъ амѣфира (вар. самфира) камена и отъ великаго бисера съ мѣрсіловемъ сылетанъ листіемъ, обѣ десноюю кго и о левоюю много м'ножьство вноезъ въ венце стопахоу». Селевкъ читаетъ посланіе Даріа, которое разгнѣванный Александръ разодралъ со словами: «не подобаше цароу вашему Дарію главою зреште къ ногама беседовати; не тако бо Македоніа безглавна ксть, такоже Дарію мнить се бити». Въ отвѣтномъ писъмѣ онъ говоритъ, что «млекоу сьсоуштимъ отрокомъ питати въ полатѣ царскоу

не подобаетъ бити, нъ дебелехъ месь гдоуштимъ»; пусть Дарій подождетъ не много, и онъ самъ явится къ нему и водворится со своимъ Македонянами. Кандарха Александръ отпускаетъ, подаривъ ему македонское вооруженіе (и шлемъ), который пусть надѣнетъ, когда будетъ сражаться противъ него: его не убьютъ. — Дарій смѣется надъ Александровымъ письмомъ, но Кандархъ останавливаетъ его: въ юношѣ онъ видѣлъ «многолѣтнюю старость; да аште болешта зуоба не пстрыгнеши, много страдати имаши отъ ннго; Финика (вар. кифариса, гепариза) бо млада не пстрыгъ, о стара не коушаш се (вар. остаревшомоу не троуди се). — Снова посылаетъ Дарію къ Александру: Кливоу (Клитовоуша, Клетовоуш, Клитоуш), чтобы покусилъ умъ юнаго царя, которому шлетъ подарки: «строуг'лоу и коло (вар. коло дрѣвено) и [два ковчеге велпка праздна и] велицѣ двѣ врекѣ мака». Въ посланіи своемъ онъ объясняетъ ребячествомъ Александра — презрѣніе, съ которымъ онъ отнесся къ его первому письму; вотъ почему онъ посылаетъ ему «строуглоу, тако да синю заврѣтаѣ играшши, и коло, имъ же младен'ци играють»; ковчегу пусть наполнитъ данью за три года, макъ пусть пересчитаетъ — столько войска у Дарія, грозившаго, въ заключеніи, велѣтъ привести къ себѣ Александра связаннымъ. — Александръ качаетъ головой, услышавъ содержаніе Даріева письма: о «непзъчтен'нокъ гръдынкъ твоюго високоумны, Дарік, нко богу небесному подобыши се, и не знаюшти и чловѣкомъ можеш ли подоб'нь быти! До небесъ възнесе се, и до ада сьнидеши». Онъ начинаетъ жевать макъ, велитъ разбить ковчегу, а Дарію отвѣчаетъ по поводу его подарковъ: «да вѣсп, нко кроугъ кола сего вьсекъ зем'ле кроугъ приети ми подобаетъ, и на те оустрѣмти се, и вртѣти се имаши прѣдъ мною нко строугла, макъ же твои вьсь сьж'вахъ, и тако силн твоѣ побѣдивъ сьтроу. Ков'чеге же твоѣ мѣсто дара приехъ; доволюи вьсточ'ними странами [т.: между подобными тебе Перси попоуе страшливеми соуште и невопн'ствьнеми, запада же остани се, нко да въ немъ не надеши се, и довольнъ боуди оброки своимъ. — И даровавъ Клитовоуша отпоусти, вьдавъ

εμοу кѡблъ нѡпра: «Въ место твое мѡчьниче вонске оудахъ тебѣ кѡблъ нѡпра. И сего съжвавъ храбрость мое вонске оузнаеши.» (Нов. I, гл. 18—20 = Jag. I. c. p. 235—238).

Тѣ-же подробности въ W, стр. 18—22 = греч. нар. кн. р. 31—38; имена посланниковъ: *Κανταρκούσης, Κλητερούσης* (W); *Κανταρκούσης, Κλητερούσης* (греч. нар. кн.); въ первомъ посланіи Дарія по вѣнскому списку сорокъ царевичей воспитываются при персидскомъ дворѣ (W, 18; въ греч. нар. кн. этого нѣтъ); посланникъ видитъ Александра возсѣдающимъ εις σέλλον ὑψηλόν..., ὄλον μὲ τὸ χρυσάριον καὶ μὲ λιθοροπούλα.... καὶ εἶχεν εἰς τὸ κεφάλιν τοῦ στέμματος ἀπὸ λιθοροπούλον ζαφείραν μὲ ρεβιδάτον μαργαριτάρια καὶ μὲ τῆς μυσσίνης τὰ φύλλα πλεμένον καὶ ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστειλαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλαραῖοι οἱ μὲ τὰ στεφάνια τὰ χρυσά εἰς τὰ κεφάλια (W; сл. греч. нар. кн. стр. 33; подробности о витязяхъ нѣтъ). Кандарху Александръ даритъ шлемъ съ своимъ знаменіемъ (W, *σημάδι*) или именемъ (гр. нар. книга); въ отвѣтѣ Александра Дарію W, 20 представляетъ лишнюю подробность (ὡσπερ τὸ ἵππωνρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια...); въ рѣчи Кандарха одно изъ сравненій заимствовано отъ кппарпса, какъ въ варьянтахъ славянскаго текста. — Подарки Дарія: *γουργουρίτζα ξυλίνη* (W; греч. нар. кн. *γουργουρα*) καὶ *βίτζανα* (W; греч. нар. кн. *βέργα*, но далѣе *βύτζα*), *σεντούκια εὐκαιρα δύο καὶ συναπόσπορον δύο σάκκια γεμάτα* (W; сл. греч. нар. кн. 35). — Объясненіе подарковъ Александромъ то-же; привожу текстъ нар. греч. книги (37): ὡσάν γυρίσει ἢ γουργουρα, ἔτζη θέλω γυρίσει τὸν κόσμον ὄλον, καὶ θέλω τὸν κυριεύσει, ἐρχόμενος καὶ εἰς ἐσένα. ὡσάν ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον, καὶ τὸν ἔπτυσσα, οὕτω τὰ φουσάτα σου θέλω τζακίσει μὲ τὸ θέλημα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τοῦ Κυρίου Σαβαώθ. Τὰ σεντούκια ἐδέχθηκα ὡς μέγα δῶρον, ὡσάν τὰ κάστρα, ὅπου θέλω πάρη. Σώνει σου ἡ Ἄνατολή μὲ τὸ Перσικὸν μέρος τὸ σκιάζαρικον νὰ ὀρίζης, καὶ ἀπὸ τὴν Δύσιν νὰ ἀπέγης. Интересно отличіе W, 22, въ объясненіи ковчеговъ: τὰ σεντούκια... ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον. καὶ ὅπως ἐτζακίσά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὄλα

καὶ θέλω τὰ καλάσει. — Александръ посылаетъ Дарію ἓνα μὲν διππέρην (W; греч. нар. кн.) съ извѣстнымъ наставленіемъ.

Pseudocall. C, I, 26 упоминаетъ о первомъ посланіи Дарія въ послѣдовательности нашихъ текстовъ, противъ АВ, I, 23, которые говорятъ о немъ еще до смерти Филиппа. Посланникъ не названъ, послы преклоняются передъ копьемъ по вызову Антиоха; требованіе Дарія иное: прислать ему обычныхъ сто золотыхъ яницъ по двадцати литръ вѣсомъ. — Второго посланія нѣтъ: о немъ говорится лишь позже, C, I, 36—38, послѣ цѣлаго ряда Александровыхъ подвиговъ; тѣмъ страннѣе представляются подарки Дарія мальчику: ἑπεμψά σοι σκυτος καὶ σφαῖραν καὶ κιβώτιον χρυσοῦ, ἵνα αἰρίση ὁπότερον βούλει, τὸ μὲν σκυτος μηνύσον σοι ὅτι ἐπι παιδεύεσθαι ὀρεῖσαι, τὴν δὲ σφαῖραν, ἵνα μετὰ τῶν συνηλικιώτων σου παίξης καὶ μὴ ἀγερώχων ἡλικίαν τοσοῦτων νέων ἐκπείθης, ὥσπερ ἀρχιληστής μετὰ σεαυτοῦ φέρεις καὶ οὕτω παράσσεις. Персидское могущество неодолимо, τασαῦτα γάρ μοί ἐστι πλήθη στρατοπέδων ὅσα οὐδὲ ψάμμον ἐξαριθμησαί τις δύναται. . . . Ἐπεμψά σοι καὶ κιβώτιον χρυσοῦ μεστόν, ἵνα ἐάν μὴ ἔχῃς προσφάς δοῦναι τοῖς συλλησταῖς σου, δώσεις αὐτοῖς τὴν χρεῖαν, ὅπως ἕκαστος αὐτῶν δυναθῆ εἰς τὴν ἰδίαν πατρίδα ἐπανακάμψαι. καὶ μετὰ ταῦτα εἰςβαλὼν ἐν αὐτῇ τοὺς ἐτησίους φόρους ταχέως μοι ἀπόστειλον (C, I, 36). Сочетаніе странное: Дарій посылаетъ Александру ларець полный золота съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ, чѣмъ содержать своихъ товарищей по ремеслу, а затѣмъ наполнилъ бы снова слѣдуемой Персамъ данью! Послѣдняя черта принадлежитъ исключительно редакціи C; АВ знаютъ только о присылкѣ ларца съ золотомъ; авторъ C могъ имѣть передъ собою, кромѣ этихъ редакцій, и иную, сходную съ прототипомъ сербскаго текста = C¹, гдѣ ковчегъ (ихъ два) присланъ — пустой. Замѣтимъ впрочемъ въ приведенной выше выпискѣ изъ W, 22, что Александръ получилъ ковчегъ не пустые, а μὲ τὰ καλά; славянскіе тексты и греч. нар. книга о томъ не знаютъ. — Александръ отвѣчаетъ: τὸν μὲν γάρ σκυτον ἔλαβον, ἵνα τοῖς ἐμαῖς λόγχοις καὶ ὀπλοῖς δαίρω τοὺς βαρβάρους καὶ τοῖς ἐμαῖς χερσὶν εἰς δουλείαν καθυποτάξω τῇ δὲ

σφαίρα ἐσήμανάς μοι ὡς τοῦ κόσμου ἐπικρατήσω· σφαιροειδῆς γὰρ καὶ στρογγύλος ὁ κόσμος τυγχάνει· τὸ δὲ κιβώτιον τοῦ χρυσοῦ μέγα σημεῖον ἔπεμφάς μοι· ὑποταγὴν γὰρ ἑαυτοῦ ἐμήνυσάς μοι· νικηθεὶς γὰρ ὑπ' ἐμοῦ φόρους μοι τελέσεις (С, I, 38).

Какъ во всѣхъ редакціяхъ Псевдокаллистоена, такъ и въ нашемъ текстѣ, первые походы Александра направлены не противъ Дарія. Собравъ свое войско на полѣ подъ Филиппами и оставивъ изъ 500 (вар. 600) тысячъ 300 на охрану Македоніи, остальные же взявъ съ собою, Александръ идетъ на Солунскаго царя Кархидона, который, узнавъ о его приближеніи, шлетъ ему много золота «и конь .р. избранихъ и колесницею златоу оукрашеноу и сына своего Полоукратоуша». Въ посланіи своемъ къ Александру онъ писалъ: «Радость тебе приношоу имети парокъ и чѣсть дан'шоу тебѣ отъ бога. Мнѣ всен слушахомъ и о спхъ благодаривъше боги великие къ дрѣжаве царствню твоемоу приложити се изволихомъ соупротивити се тебѣ не могуште, ноуждоу лубочьстіа сътворихомъ, сына своего Поликратоуша слоужити тебе на чѣсть послахомъ, и съ многоценни дарьми въ царствн твоємъ да обретаемъ се (Jag. стр. 239: С многоциниими дарми, ки у царствн нашемъ находе се. Мнѣ, ако угодно теби е, у царствн нашемъ да находимо се), и тебе елика по силе нашей дани и воискоу да давамо, и милостивъ боуди намъ, Филиповъ сыне, вса бо подроучна тебе промисль вишини сътворити иматъ, и аште оугодно гвптъ се спе наше малое моление и посланне, къ царствоу ти да придемо». Александръ любовно принимаетъ Поликрата, а Кархидона благодаритъ не столько за дары, сколько за «приклонныя» и любезныя рѣчи. «Глаголю тебе прич'тоу, яко ирѣклоноу главоу ни мчь не сечеть. Сынъ бо твой съ мною есть, ти же въ царствн сѣди, мнѣ же на помошть .ви. тисоуштъ воиске посланъ, на годиште .т. талантъ злата посланъ» (Нов. I, гл. 21 = Jag. I. с. р. 238—9).

Въ вѣнскомъ спискѣ солунскіе властители названы: *Ἀρχιδονούσης* и *Πολυκρατούσης* (сл. W, стр. 22—3); въ греч. нар. книгѣ: *Ἀρχιδονούσης* и *Πολυκρατούσης*. Оба текста рассказываютъ вообще согласно съ славянскимъ, но въ посланіи Кархидона есть нѣко-

торыя отличія; Полкрату Александръ говоритъ, W: *διὰ τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρὸς σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός* (греч. нар. кн. ἀγαπημένος); въ отвѣтѣ Кархидону выражено тоже настроеніе; сл. греч. нар. кн. стр. 39—40: *εὐχαριστοῦμέν σε εἰς τὴν ἐπιστολὴν ὅπου μᾶς ἔστειλες, ὅχι διὰ τὰ δῶρα ὅπου μᾶς ἔστειλες μὲ τὸν υἱόν σου, ἀλλὰ διὰ τὰ γλυκὰ σου λόγια, καὶ διὰ τὴν ἀγάπην, μὲ τὴν ὁποίαν μᾶς προσεδέχθης. Τὸ κεφάλι ὅπου προσκυνᾷ, σπαθί ἀκονισμένον δὲν τὸ κόπτει* (сл. W, 23). Онъ проситъ царя прислать ему 12 тысячъ вспомогательнаго войска (W; греч. нар. кн.: и ежегодно платитъ 80 талантовъ).

Выше мы сказали, что въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ Псевдокаллистоена С солунскій царь названъ не Кархидономъ, а Полкратомъ, у него сынъ—не Полкратъ, а Харимедъ. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ перестановкой собственныхъ именъ и искаженіемъ одного изъ нихъ: Харимедъ—Кархидонъ? Варьянтъ Pseudocall. A I, 29: *Χαλκηδονίαις* вм. *Καρχηδονίαις* наводитъ насъ на другія соображенія. Сербская рецензія ведетъ Александра, согласно съ Pseudocall. C, послѣ Солунскаго эпизода—въ Аѳины и Римъ; Historia de preliis упоминаетъ Аѳины лишь позже ¹⁾, а передъ походомъ на Римъ говоритъ о какихъ-то враждебныхъ отношеніяхъ—къ Халкидону. Изложеніе страшно запутано: VM: *Et post hec congregata multitudine (B hostium) cepit ire Romam. principes vero milicie mandaverunt ei sex milia talenta auri et coronas centum novem milia, deprecantes illum, ut concederet illam Calcedoniis (B illis pugnam Calcedonis?). post hoc autem ingressus est Italiam, et inde sulcato pelago perrexit Africam. principes milicie Africe rogaverant Alexandrum, ut auferret ab illis Romanorum principatum. Veruntamen apprehendit Calcedonem et dixit: vobis dico, Calcedonenses, aut pugnate viriliter aut subjugamini sub potestate pugnantium, et exiit a Calcedonia et precepit*

¹⁾ Zingerle, l. c., стр. 147. 166 слѣд.; сл. ib. стр. 29 и прим. 2; Kinzel, Zwei Recensionen, стр. 11, 14. Привожу тексты по Кинзелю, удерживая его сиглы. Изданіемъ: Historia Alexandri Magni. Argentine, 1494, я пользовался по экземпляру Имп. Публ. библіотеки.

militibus suis, ut ingrederentur cum eo naves et exirent in Saranitidam (В Faranitidam) insulam, atque recepit ibi divinationem a deo Amone. Нѣсколько иначе въ D-Be: post aliquos dies congregato exercitu et multitudine preparata cepit Italiam navigare et veniens (ad) Calcedoniam expugnavit (Utr. cepit expugnare) eam. Calcedones autem supra muros civitatis ascendentes (stantes), ei fortiter resistebant. quibus Alexander ait: vobis dico, Calcedones, aut pugnate viriliter aut potestati subjugamini pugnatorum. verum tamen Calcedoniam apprehendit. — (D) Exiens inde et navigando (Be navigato) pelago ingressus est Italiam (Utr. cepit ire Romam) volens Romanorum superbiam refrenare. Consules vero Romanorum adventum Alexandri audientes valido sunt timore perterriti et congregato populo auri talenta LX milia et coronas aureas centum direxerunt Alexandro, supplicantes illi ut eos nullatenus expugnaret. Alexander vero recepto a Romanis tributo et a cunctis Italiam habitantibus usque ad mare occidentis, quorum regio vocatur Europa, reliquit eos in pace. Et exinde sulcato pelago Africam properavit, in qua paucos rebelles invenit, [et] eam suo imperio subiugavit. Exiens autem de Africa precepit militibus suis, ut ingrederentur secum naves, et venit ad Pharāradem (Be Pharatutinem, Utr. Faranididam) insulam ad deum Hamonem consulendum.

Во всемъ этомъ запутанномъ отрывкѣ Халкидонъ, Χαλκηδών, несомнѣнно, не что иное, какъ Καρχηδών — Карфагенъ ¹⁾; сирійскій переводъ Псевдокаллистоена ²⁾ представляетъ ту же за-

¹⁾ Сл. подобную замѣну Халкидона Карфагеномъ у Павла Діакона I. 18, Hist. Misc. c. 6 и Кедрина, Heracl. VI въ разсказѣ объ осадѣ Халкидона Персами. То же въ житіи св. Анастасія Персіянина: Charcedonia вм. Chalcedon. Сл. Acta SS. n. ed. Jan. III ad. d. XXII, p. 40 и 36. Сл. еще ркп. Синод. библ. № 86 (XVI вѣка: Александрія Псевдокаллистоеновскаго типа), въ описаніи камней, украшавшихъ ефудъ первосвященника: ἀνερχῆς εἴλο чермень есть образомъ, бываетъ в Халкидонъ лувисцемъ, иже нарицается Африкѣи.

²⁾ Сл. Woolsey, Notice of a life of Alexander the great, translated from the syriac by Rev. Dr. J. Perkins, въ Journ. of the American Oriental society, IV v. (1854), p. 369 и 388. — Сирійскій текстъ Александрии готовится къ изданію Беджемъ.

мѣну имень (Χαλκιδονѣ вм. Καρχιδона) въ эпизодѣ Pseudocall. C, I, 30, который я приведу для сравненія: подчинивъ себѣ Римлянъ и взявъ съ нихъ дань и войско (Α, I, 29: ἔλεγον δὲ καὶ πλείονας αὐτῷ δώσειν στρατιώτας εἰ μὴ τὸν πόλεμον συνῆπτον τοῖς Χαλκιδόνιαις = Καρχιδόνιαις?), Александръ переправился въ Африку; οἱ δὲ τῶν Ἀφρῶν στρατηγοὶ ὑπήντησαν αὐτῷ καὶ ἰκέτευσον αὐτὸν ἀποστῆναι ἀπὸ τῆς πόλεως αὐτῶν Καρθαγένης (Миллеръ предлагаетъ читать, согласно съ Валеріемъ II, прибавимъ, съ Hist. de preliis: ἀποστῆναι Ῥωμαίους τῆς πόλεως)· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος τὴν ἀδράνεια αὐτῶν καταγνοῦς εἶπε πρὸς αὐτοὺς· «Ἦ κρείττονες γίνεσθε ἢ τοῖς κρείττοσιν ὑμῶν φόρους τελεῖτε». Καὶ ἔλαβε παρ' αὐτῶν φόρους. Κάκειθεν ἀναξεύξας πᾶσαν τὴν Λιβύην ὑπερθέμενος εἰς τὴν Ἀμμωνιακὴν παραγίνεται· καὶ ἐμβαλλόμενος τὰ πλείστα πλήθη τῶν στρατοπέδων εἰς τὰς ναῦς κελεύει αὐτοὺς ἀποπλεῖν καὶ περιμένειν (αὐτὸν ред. Α) εἰς τὴν Πρωτηίδα νῆσον; ред. Α: εἰς τὴν Φαριτιδα νῆσον — ближе къ текстамъ Hist. de preliis.

Во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ рецензіяхъ Псевдокаллистоена эпизодъ о Кароагенѣ и вообще дѣянія Александра въ Африкѣ разсказаны послѣ того, какъ онъ побывалъ уже въ Римѣ. Какъ объяснить, что въ Hist. de prel. послѣдовательность является обратная? Можно-бы предположить, что передъ авторомъ находился текстъ, сходный съ подлинникомъ сербской Александрии, и что, встрѣтя въ немъ передъ римскимъ эпизодомъ какого-то Кархидона = Χαλκιδона (= Поликрата Псевдокаллистоена), онъ увлекся созвучіемъ его имени съ Кароагеномъ = Καρχιδονомъ и перенесъ къ болѣе раннему времени, что у Псевдокаллистоена приводилось лишь въ I, 30, опустивъ при томъ — содержаніе разсказа о Кархидонѣ = Поликратѣ. Труднѣе допустить другую возможность — существованіе какого-нибудь текста Псевдокаллистоена съ послѣдовательностью: Поликратъ, Кароагенъ, Римъ, которая исказилась-бы впоследствии въ двухъ направленіяхъ: подлинникъ сербской Александрии опустилъ Кароагенъ = Καρχιδονъ, перенесъ его имя на Поликрата: Καρχιδонъ; авторъ Hist. de prel., наоборотъ, забылъ Поликрата и Кароагенъ назвалъ — Χαλκιδονомъ.

Обратимся къ эпизоду о Полукратѣ у Pseudocall. C, I, 26: Александръ считаетъ свое войско; συναριθμήσας δὲ πάντας τοὺς παρόντας αὐτῷ, οὓς εἶχεν ἀπὸ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Φιλίππου, εὗρε χιλιάδας ἑβδομήκοντα ἑπτὰ καὶ τοξότας ἑξακισχιλίους πεντακοσίους. Ἀπέστειλε δὲ καὶ πρὸς Σκύθας ἄγγελον, ὡσάν, εἰ βούλοιντο, ἐλεύσονται πρὸς αὐτὸν εἰς συμμαχίαν. Они присылаютъ ему 70 тысячъ конныхъ стрѣльцевъ. Съ этимъ войскомъ Александръ отправляется на Солунь, тиранія которой, Полукратъ шлетъ ему золото и серебро и сына Харимеда съ письмомъ, въ которомъ значилось, между прочимъ, слѣдующее: «ἐπειδὴ περ τῆ προνοίᾳ ἀδυνατοῦ οὐδὲν, πάντα [δὲ] τῆ τύχῃ ὑποτάσσασθαι χρέος ἐστὶ, καὶ σὲ τὸν θειότατον ἡμῶν βασιλέα ἀκριβῶς εἰδότες ἐκ θείας προνοίας γεγονότα, καὶ ὡς τὰ δοκοῦντά σοι εὐχερῶς ἢ τύχῃ πέποιήκειν δουλικῶς καὶ μὴ θέλωσιν οἱ τὴν ὑπ' οὐρανὸν ἅπαντες κατοικοῦντες τῷ κράτει σου τὸ σέβας ἀπονεμέτωσαν. Ὅθεν καὶ γὰρ ἀκριβῶς ἐπίσταμαι τὰ σὰ εὐτυχῆ πλεονεκτήματα, καὶ τὴν πρὸς σέ μου δουλεύειν διὰ τοῦδε τοῦ εὐτελοῦς γραμματίου μου ἀνήγαγον. Ἐν ἀκριβείᾳ δὲ πιστῶσαι βουλόμενος τῷ κράτει σου, πέπομφά σοι καὶ ἔν μοι ἡ τύχῃ μονογενῆ παῖδα ἐχαρίσατο, σὺν οἰκτροτάτοις δώροις. — Въ отвѣтномъ письмѣ Александръ говоритъ Полукрату: τὴν ὑπ' Ἀναξάρχου τοῦ πατρὸς σου ἐξουθεῖσαν ὀργὴν κατέσβεσας, οὐ τοῖς ἀποσταλθεῖσιν ἡμῖν δώροις σου, ἀλλὰ τῆ παρακλήσει τοῦ γραμματός καὶ τῆ τοῦ υἱοῦ σου ἀποστολῆ. — Сербская Александрія не знаетъ о родственныхъ отношеніяхъ Полукрата къ Анаксарху и слѣдующаго за тѣмъ похода Александра «ἐπὶ τοῖς ἄνω Σκύθαις», которые отвращаютъ войну обѣщаніемъ выслать Александру, готовящемуся идти прѣдъ Лаккеδαιμονίαν, вспомогательное войско. — Это двойное упоминаніе Скиѳовъ (въ виду ихъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ противъ Аѳинъ) едва-ли представляется нужнымъ: еще съ перваго похода противъ нихъ (= Куманъ сербск. Александриѣ) они обѣщали Александру военную помощь.

Александръ идетъ на Аѳины; «Аѳиненскыи градъ великъ бѣше и в'сакыимъ оукрашенимъ земельнымъ оукрашенъ и мьчтанимъ; .vi. риторъ (вар. филозофѳ) обладаше имъ и всюу зем'лю еллин-

скоу окръмляше господствомъ и соудомъ правимъ». Аѳиняне рѣшають не пускати къ себѣ Александра, хотя философъ Софокль (вар. Софок'лип, Сопокли, Софоклинь) и говоритъ, что трудно будетъ противустоятъ побѣдителю Кумановъ, Анаксарха и Кархидона. «Други же философъ (Антистенъ, Антистен) рече: отъ нелиже Аѳина зачала се ксть, и нединъ царь не прѣнеть ю, отъ нелиже великыи царь Фока (вар. Дипонспе, Дипонжип) на Аѳиноу прииде и рѣва сию много, ничто не оуспевъ празднь отиде, и Ексексенъ (вар. Езарксен, Южерженъ и др.) перьсидски царь на ни пришьдъ некогда съ силою великою, не тѣчю ничто оуспевъ и отъ насъ разбиень, бѣжа, и въ кдиномъ отоцѣ (вар. рици) македон'скомъ оутону; да не подобаетъ намъ, тако сил'немъ, Филиновоу сыноу дати се». Далѣе выступаетъ сторонникъ Александра, Діогенъ: онъ видѣлъ Александра въ Олимпіи, слышалъ, какъ отозвался о немъ, пророча ему славную будущность, философъ Ураній, и теперъ совѣтуетъ встрѣтити Александра съ честію: онъ благъ, и не сразившись съ нами, послѣдуетъ далѣе — въ Римъ. Не понравилось это Аѳинянамъ: «оу всякомъ моудрци до воле лодости», говорятъ они, тогда какъ Діогенъ удаляется къ Александру, который, ставъ подъ Аѳинами, посылаетъ туда куманина Арфаксада (Ар'факса, Арпастада, Апразата, Арьфаза) съ требованіемъ покорности. Съ трудомъ нашли въ городѣ драгомана, понимавшаго куманскую рѣчь; когда уразумѣли ея содержаніе, драгомана убиваютъ, а Александру велятъ сказать, что ему не подобаетъ зватися Аѳинскимъ царемъ: «мнози бо тебе подобни царне подроуч'ни соуть въ Аѳине, и мнози больши витези и филосопи въ Аѳине вдварають се. Да довольнъ боуди въ Македоніи царствовати, ꙗкоже бо хоте вышьль еси zde, и ꙗкоже хоштеши, и не изидеши отъ соудоу». — Разгнѣвался Александръ: «Горе земли, сюже обладають мнози!» Онъ велитъ съ четырехъ сторонъ палечь на городъ; «беше видение стрѣль летештее въ градъ ꙗко облакъ»; но горожане дѣлають вылазку пзъ воротъ, убили десять тысячъ Кумановъ, съ другой стороны — четыреста конниковъ положили «банестрами» (вар. баллистри; чаграмі), «и оухпштрешемъ

некоемъ огнь изъ града врыгоше оу Александровоу заставоу, въ малѣ его не опалише». Вечеромъ, отойдя въ станъ и поставивъ стражей вокругъ войска, Александръ совѣтуется съ своими властями: какъ быть? Діогенъ говоритъ, что взять Аоны невозможно: въ немъ болѣе двухъ сотъ тысячъ ратниковъ; лучше выманить ихъ въ поле и, побѣдивъ неискусныхъ въ бою, завладѣть городомъ. Александръ прибѣгаетъ къ хитрости Грековъ подь Троей: отойдя на двѣнадцать поприщъ, оставляетъ всю добычу, овецъ и воловъ, при такомъ посланіи: Не вѣдалъ я силу боговъ вашихъ; они явились мнѣ, страшные, во снѣ и велѣли вернуться венять; взявши воловъ, принесите ихъ въ жертву богамъ вашимъ и помолитесь обо мнѣ, да помилуютъ меня.—На другое утро, увидѣвъ, что непріятель удалился, и повѣривъ писанію Александра, граждане заключили: «отъ страха побѣже сынъ Филиповъ» и бросились преслѣдовать его, несмотря на предупрежденіе аонскаго философа Промаха: онъ видѣлъ во снѣ «яко великаго бога Аполона храмъ наде се, и пирьгове (вар. прагове, тргове) вси Аоныи оборише се, и врата великаа Аріева леда¹⁾ падоше се. И Алексендра видѣхъ на льву (вар. волоуп глави) въ градъ Аоінеоу вьходешта, и видѣхъ Македоняни срыни носеште, и класиѣ пшенично, израстьше въ шпринахъ града нашего, пожинахоу и зелено и зрѣло». Александръ ожидалъ Аонянъ на «Костоломѣнскомъ (вар. Кастилицемъ, Каталнском, Каталннцемъ, Каталонском) лоузе»; на «Виталійскомъ» (вар. Витальскомъ, Витанскомъ) полѣ происходитъ ихъ встрѣча съ Александромъ, у котораго двѣсти тысячъ пѣхоты и 100 тысячъ всадниковъ (вар. 100 тысячъ пѣхоты и столько-же конниковъ). Увидѣвъ войско, услышавъ «гласъ тробамъ и накарадамъ и праскавицамъ», они догадались объ обманѣ и, не будучи въ состояніи убѣжать, поневолѣ пошли на бой. Македоняне привялись ихъ сѣчь и гнать черезъ всё Виталійское поле, до самого города, куда вошли вмѣстѣ съ Аонянами. «Бѣше же видѣти

¹⁾ *Аріева леда* можетъ быть — Ἄρειος πύλος по догадкѣ проф. Дестуниса.

жалостно видѣвши, дѣти же и жены къ своимъ текоущимъ на срътеніе, и обои оубивахоу се, жени и дѣти, и вы'лю до небесе досежоущоу, обои замѣснше се по сръдѣ града и крѣви пролѣвахоу се». Александръ ѣздитъ посреди на вологлавомъ конѣ и проситъ прекратити сѣчу; молятъ его о томъ и аонскія жены. «Онъ-же не могли оуставити сѣчь, повелѣ градъ заналпти. Людне и жены оу коулоу (вар. турне) оутекоше и спасоше се отъ ог'ня. Тогда глаголюмыи ихъ великыи и див'ныи храмъ богъ аоннепскыи съ всѣми боги наде се и из'горе. — Се слышавъ Алексен'дръ рече: Аште быше се бози были, самя отъ ог'ня спасли се быше. Паки же Алексен'дръ гурость и жалость смѣснвъ рече: Дньсь макдон'скаа ороужіа крѣвию аоннепскомъ окрѣвавише се, и не пропзволеннѣмъ момъ, нъ нихъ неоум'ннѣмъ. Дногнъ философъ рече: О горе неприемлюштнхъ моудрнхъ сѣвѣта; добрѣ речен'ности: моудра накажи моужа и въз'любитъ те, безоум'на же, и въз'ненавидитъ те; даи прѣмоудроу виноу, и прѣмоудреп боудеть. И вьсплака же градъ аон'скыи (вар. Афина вса и Тива), и съ нѣю сметоше се в'си отоци вьселен'сцип, жалѣхоу аоннепска паденія (вар. слышавъше сие царне сиклидци жалеште великаго аоннепскаго града велико паденне) царнѣ вьселен'сцип велицип. Сіа же слышавъ Алек'сендръ, рече: Главоу не разбпвь, не можь моз'га испити (Нов. I, гл. 22 = Jag. I. с., р. 239—243).

Изъ соотвѣтствующаго эпизода вѣнской рукописи (W, стр. 23—9) отмѣтимъ слѣдующее: изъ Солуни Александръ идетъ *εις τήν Ἀθήναι*¹⁾, гдѣ правили тогда двѣнадцать «риторовъ»; *εις ὄλους τοὺς Ἑλληνας ἦτον διδασκάλειον· καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὄλο μὲ τὸ δίκαιον*; имена говорящихъ про и contra: Софоніи (sic), Діогенъ и Аптистенъ; въ рѣчи послѣдняго упомянуты: персидскіе цари Діонсіи и Ксерксъ (Ἐξερξέν); рѣчь Діогена, нѣсколько подробиѣ развитая, чѣмъ въ слав. переводѣ (съ ссылкой на философа Уранія), встрѣчена насмѣшкой: *εις πᾶσα*

¹⁾ О формѣ Ἀθήναι (въ греч. нар. кн. Ἀθήναι) сл. Деступиетъ, О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ аттической Аоніѣ (СПБ. 1881), р. I.

ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουλῖα πολλή, говорятъ Аѳиняне. Арфадаксъ, князь Кумановъ и Аламановъ, не разумѣеть γλῶσσαν ῥωμαϊκὴν, почему потребовался драгоманъ; стрѣлы (σαγίται) Кумановъ ἔπερταν εἰς τὸ κάστρον ὡσπερ σύγνερα ὁπόταν βρέχη; Кумановъ убило 10 тысячъ, у Македонянъ 500 пѣшихъ и 1500 конниковъ. Александръ спрашиваетъ, что ему сдѣлать «εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους»; въ городѣ, по словамъ Діогена, десять тысячъ вооруженныхъ. Александръ оставляетъ «ἀγελᾶδια καὶ ταυρία παχέια ἄφ' ἑὸν καὶ πρόβατα διαλεκτὰ ὄν»: онъ проситъ Аѳинянъ принести ихъ въ жертву богу Аполлону. Отъ преслѣдованія Александра ихъ пытаются удержать какой-то Промакъ: ему видѣлось во снѣ ὅτι τοῦ Ἀπολλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐγάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἢ μαρμαρέναις τοῦ Δαρείου ἐγάλασαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταῖς ρούγαις τοῦ κάστρου: καὶ εἶχεν ἐξεβῆ εἰς τὸ κάστρον μαζ σιτάρι οὖριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιώταις τοῦ Ἀλέξανδρον τὸ ἐθέριζαν. Этотъ образъ удержанъ и далѣе, въ описаніи взятія Аѳинъ: Македоняне «ἐτζάκισάν τους (т. е. Аѳинянъ) καὶ ἔκοπταν τοὺς ὡσάν καλλιεργάταις εἰς ὄασὺν χοράφιν». Александръ поджидаетъ враговъ εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας и встрѣчается съ ними εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας. Въ городѣ онъ вѣзжаетъ на Вукефалѣ; «ἢ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναὸν τους τὸν Ἀπολλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώσουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἰστίας ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζονται. Τότε καὶ ὁ ναὸς ὁ μέγας τοῦ Ἀπολλωνος ὁ ὡραίος ἐκεῖνος, ὁποῦ ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάηκε μὲ ὄλους τοὺς θεοὺς. надъ безспіемъ которыхъ смѣется побѣдитель. — «Ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· Ἐὰν οὐδὲν πάθη ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἢμπορεῖ νὰ μάθη, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος: τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφάλι, καὶ τότε νὰ πείθεται. ὅμως καλὰ λέγει ὁ Σολωμῶν· δίδου σοφοῦ ἀφορμὴ, καὶ σοφώτερος ἔσται: τότε ἢ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἢ Θήβα ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησῖα ὄλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασιλεία τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς

λογισμὸν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ πᾶσις, τὸν ἀμυαλὸν οὐδὲν ἤμπορεῖς νὰ τὸν φάγῃς.

Ὁδὲ Ἀθηναῖχ' γρηκ. παρ. κνιγα (см. р. 40—48) говоритъ: Ἦτον αἱ Ἀθῆναι κάστρον μέγα μὲ κάθε πρᾶγμα στολισμένον, ὅπου δὲν εὐρίσκετο παρόμοιον εἰς τὸν κόσμον, καὶ εἶχε μέσα δώδεκα ῥήτορας (далѣе: οἱ φιλόσοφοι), ὅπου τὸ ἐκυβερνοῦσαν, φρονιμωτέρους ἀπὸ ὅλους τοὺς Ἑλληνας. Εὐρίσκοντο ἐκεῖ διδασκαλεῖα, καὶ πᾶσα φρονησις τῶν Ἑλλήνων, καὶ μὲ δικαιοσύνην ἐκυβερνοῦσαν τοὺς Ἑλληνας — Имена философѡвъ, преподающихя другъ съ другомъ: Σοφονίας, Ἀντισθένης ἢ Διογένης; содержание рѣчей то-же, что въ слав. текстахъ. Сѣ тѣхъ поръ, какъ стоятъ Аѡны, никто не подынялъ ихъ себѣ, говоритъ Антистенъ: Δαρεῖος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθε καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ ἐπολεμησέ την, ἀλλὰ τίποτε δὲν ἐδυνήθη νὰ κάμῃ, μόνον εὐκαιρὸς ἐδιέβη καὶ ἐντροπιασμένος. Ἄλλος βασιλεὺς τῆς Περσίας ὁ Ξέρξης ἦλθεν εἰς τὰς Ἀθῆνας μὲ δύναμιν πολλήν, ὅμως οὔτε αὐτὸς τίποτε δὲν ἔκαμε, μόνον νικημένος ἐδιέβη ἀπὸ τοὺς Ἀθηναίους, ἐπειδὴ εἰς ἕνα ποτάμι τῆς Μακεδονίας, ὀλίγον ἔλειψεν ὅπου δὲν ἐπνίγη αὐτόν, καὶ τὰ φουσάτα του (W, стр. 24, ο Κсерксѣ: εἰς ἕναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν). — Диогенъ также ссылается на изреченіе Уранія ἢ совѣтуетъ учествовать Александра дарамп, ἐπειδὴ αὐτὸς θέλει μᾶς ἀρήσει ζακόνια καλὰ νὰ ἔχωμεν εἰς τὸν τόπου μας, καὶ ἀπ' ἐδῶ θέλει σηκωθῆ νὰ ὑπάγῃ εἰς τὴν Ῥώμην. — Диогена не слушаютъ: εἰς κάθε ἀνθρωπον φρόνιμον καὶ μεγάλη λογάδα εὐρίσκεται ¹⁾; онъ переходитъ къ Александру, который посылаетъ въ Аѡны аламанскаго архонта Арράδιον, объявляющагося черезъ драгомана: αὐτὸς γλῶσσαν Ἑλληνικήν δὲν ἤξευρε νὰ συντύγῃ. Αθηναῖοι велютъ отвѣтити Александру, ὅτι αἱ Ἀθῆναι δὲν τὸν προσκυνοῦν. Ὡς ἤξευρε ὅτι ἄλλοι καλλίτεροι βασιλεῖς ἀπὸ αὐτόν ἦλθαν εἰς τὰς Ἀθῆνας, καὶ δὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν, ἐπειδὴ εἰς ὅλον τὸν κόσμον καλλίτεροι φιλόσοφοι καὶ πρωτοκαβαλαραῖοι δὲν εἶναι ²⁾. Σῶνει τὸν ἢ Μακεδονία νὰ

¹⁾ Въ сербск. текстѣ: до воле логдосту; λογάδα отъ новогр. λογός = глупый, какъ отъ πρελλός — πρελλάδα ἢ πρέλλα.

²⁾ Иначе въ W, стр. 25, въ отвѣтѣ Аѡнянъ: ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλίτεροι

βασιλεύη, καὶ ἄς εὐγῆ ἀπὸ τὸν τόπον μας ὡσάν δὲν θέλει. Драго-
мана убивають; Александръ напáдаетъ на городъ съ четырехъ
сторонъ; οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐτόξευαν μὲ σαίταις ὡσάν νέφος
μελισσῶν; Аѳиняне убивають пхъ 10 тысячъ, да три тысячи
Македонянъ, сами же, потерявъ всего десять человекъ, ἐρριζαν
στῆσαν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ὀλίγον ἔλειψε γὰ καύσουν καὶ τὸν Ἀλέ-
ξανδρον. Слѣдуетъ отступленіе Александра, совѣщаніе съ мегп-
станами и пзвѣстный намъ совѣтъ Діогена (въ Аѳинахъ 10 тысячъ
храбрыхъ); въ ипсѣмъ къ Аѳинянамъ, какъ и въ W, ничего не
говорится о сновидѣніи Александра, а лишь о гнѣвѣ на него
Аполлона, которому пусть и принесутъ въ жертву оставленныя
имъ γελαδοπρόβατα, дабы онъ смилосался надъ Александромъ;
Аѳиняне находятъ въ его станѣ τὰ χίλια ἀγελάδια, τὰς τέσσαρας
χιλιάδας πρόβατα и говорятъ: βέβαια ἀπὸ τὸν φόβον τοῦ ἐφυγεν
ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου. Какой-то архонтъ, именемъ Τυρόμαχος
пытается удержать Аѳинянъ отъ преслѣдованія, рассказавъ имъ
свой сонъ: онъ видѣлъ ὅτι τοῦ Ἀπολλωνος ὁ ναὸς ἔπεσε, τοῦ
κάστρου οἱ πύργοι ἐχάλασαν, ἢ πόρταις ἢ μαρμαρέναις ἔπεσαν, καὶ
ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέβη καβαλάρης, περιπατῶντας εἰς τὰς βούγας, καὶ
τὸ κάστρον ἐγέμισε σιτάρι δασυ ὄριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρα-
τιῶται τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν ¹⁾. — Александръ поджидаетъ

ἦλθαν καταπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν ὅτι κάλλιον κάστρον καὶ
δυναμώτερον φουάτο οὐδὲν ηὔρισκεται πούποτες.

Сл. у Достуниса, I. с., v. 30 слѣд., плачь Аѳинъ:

Οὐκί μοι τὴν κατονείδιστον περὶ τὰς πόλεις ὄλας,
Ἐκπαλαί τὴν πικρούμιστην περὶ τὰς πόλεις ὄλας,
Οὐδέποτε τὴν κύψασαν ποσῶς εἰς δουλοσύνην,
Τὴν ἀνδρεωμένην πάντοτε περὶ τὸν κόσμον ὄλον,
Τὴν φρόνιμον, τὴν πάνσοφον περὶ τὰς πόλεις ὄλας,
Τὴν γεμισμένην τῶν λαῶν ὡς πλῆθος τῆς μελίσης.

¹⁾ Въ слав. текстѣ образъ жатвы = битвы выраженъ яснѣе. Сл. Διήγησις
τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois poèmes grecs, p. 18):

572 καὶ ὡσπερ γὰ κόπτουν θεριστὰ χωράφιν δασωμένον,
καλοὶ, ἰσχυροὶ καὶ δυνατοὶ, καὶ χορτασίαν μὴ ἔχουν,
οὕτως τοὺς ἐκατέκοπταν καὶ χορτασίαν οὐκ εἶχον.

Сл. v. 1310.

неприятелей εἰς τὸν λόγγον τῆς Κασταλίας, καὶ διέταξε τὰ φρουράτα του εἰς τρία μερτικὰ, τὸ κάθε ἓνα κατὰ τὴν τάξιν του. Εἰς τὸν κάμπον τῆς Βαταλίας (вѣроятнo: battaglia; не оттуда-ли Виталийское поле слав. пересказовъ?) οἱ Ἀθηναῖοι ἔφθασαν τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ ὁποῖος παρευθὺς ὤρισεν καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα καὶ ἐξέβησαν τὰ φρουράτα ἀπὸ τὸν λόγγον ὅπου ἦσαν κρυμμένα. Устрашенные Λοπνιαне принуждены вступить въ битву, Александръ верхомъ на Вукефалѣ пытается удержать своихъ отъ сѣчи (мольбы женъ и дѣтей); не успѣвъ въ этомъ ὤρισε νὰ βάλουν στίαν εἰς τὸ κάστρον. Αἱ γυναῖκες καὶ τὰ παιδία ἀνέβαινον εἰς τοὺς πύργους νὰ γλυτώσουν, ὁμως ἀπὸ τὴν φωτίαν ἐγκρεμίζονταν κάτω καὶ ἐσκοτώνονταν. Ἄλλοι ἔτρεχον εἰς τὸν ναὸν τοῦ Ἀπόλλωνος διὰ νὰ γλυτώσουν, ἀμὴ καὶ ἐκεῖνος ἐκάη μὲ ὄλους τοὺς θεοὺς τῶν Ἑλλήνων. Τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασε καὶ εἶπεν· ἐάν ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων θεοὶ ἀληθινοὶ, ἤθελον διαφεντευθῆ ἀπὸ τὴν φωτίαν νὰ μὴ καοῦν. Ἐλυπήθη ὁμως τὸν λαὸν καὶ ἔλεγε· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἄρματα ἠκονίσθησαν ἀπὸ τὸ αἷμα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλὰ δὲν εἶναι τὸ πταίσιμον ἀπὸ ἐμένα, ἀμὴ ἀπὸ αὐτοὺς διὰ τὴν ἀγνωσίαν τους. — Τότε ὁ Διογένης ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ὁ ἄνθρωπος ἂν δὲν πάθῃ, δὲν μαθαίνει καλά, ἐπειδὴ λέγει ὁ λόγος· τζάκισαι τὸ κεφάλι τοῦ ἐχθροῦ σου, διὰ νὰ σὲ πείθεται, καὶ νὰ σὲ φοβᾶται. Ἐγὼ τὸ προσεῖπα τῶν Ἀθηναίων, ἀλλ' αὐτοὶ τὸν λόγον μου δὲν ἠθέλησαν ποτὲ νὰ ἀκούσουν. Αἱ Ἀθηναὶ καὶ αἱ Θῆβαι τῶρα κλαίουσιν πικρῶς, καθὼς καὶ τὰ βασίλεια τῆς Δύσης, Σικελίας καὶ Λακεδαιμονίας ἐφρίξαν, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς πικρὸν λογισμόν.

Упоминание во всѣхъ текстахъ сѣтующихъ Оивѣ является общимъ мѣстомъ, подобно плачу Занада, Сицилїи и Лакедемонїи, если не предположить, что въ оригиналѣ сербскої Александрип говорилось — и о разрушенїи этого города. Обратимся для разрѣшенїя этого вопроса къ Pseudocall. С, I, 27: послѣ эпизода съ Полкратомъ Александръ идетъ на Ἐллиновъ, экзархи которыхъ, слыша о его нашествїи, собираются для совѣщанїя въ Λοπνїи: ἐκεῖσε γὰρ ἦν αὐτῶν ἡ ἀρχή. Δώδεκα δὲ ῥήτορες πῶ τότε καιρῶ διεῖπον πᾶσαν ἀρχήν Ἑλλάδος. Антиоень и Парменидъ стоятъ

за сопротивление: "Ἐχομεν λόγους ἐκ προγόνων, ὅποταν τῇ πόλει ἡμῶν ἐπιήλθε Διόνυσος (Дионисій слав. текстовъ), ὁ πᾶσαν ὑποτάξας γῆν· ἀλλὰ ἀντεῖπον αὐτῷ Ἀθηναῖοι, καὶ μέγιστα κατ' αὐτοῦ ἦσαν πρόπαια, καὶ ἀχρεῖον αὐτὸν ἀποστρέφουσιν ὡσεὶ ἀδράνειον». — А кто въ то время начальствовалъ Аонянами, спрашиваетъ Диогенъ? — Атрей и Оилей, первый царь Македонскій. «Καὶ ὁ Διογένης ἐπὶ τούτῳ γελῶν ἔφη· «Καὶ ὡς φωρᾶς ὕλην ἐξ αὐτῶν παραστήσατε μόνον, καὶ ἐρῶ ὑμῖν Ἀλέξανδρον ἀντιπαρατάξασθαι. Εἰ δὲ μὴ τούτο ποιήσετε, οὐ μόνον Ἀλέξανδρον οὐ μαχέσεσθε, ἀλλὰ καὶ τὴν Θῆβαν ἐδαφίσετε.» Диогена не слушаютъ и нечестно отсылаютъ Александровыхъ пословъ, пришедшихъ съ мирными предложеніями. Александръ отступаетъ на 12 миль отъ города, поджидая Скивоновъ, говоря объ Аонянахъ: Καὶ, ὦ ὑμεῖς, ἐξ ἐσχύατου μετανοήσαντες οὐδὲν ὠφελήσετε». Когда укрѣпленіе подоспѣло, Александръ дѣлаетъ приступъ; καὶ οὐκ ἦν ἀριθμὸς τῶν τοξοτῶν· ἀπὸ γὰρ τῆς βολῆς ὁ ἥλιος οὐκ ἐφαίνετο. — Велѣдъ за этимъ эпизодомъ С передаетъ нѣкоторыя подробности, которыми В, начинающій походы Александра со взятія Оивъ, открываетъ свой рассказъ (В, I, 26): распространился слухъ о смерти Александра; Оиванцы перебиваютъ поставленный Филиппомъ гарнизонъ; *Александръ идетъ на Оивы, προσέπεσε ταῖς Θηβαίαις*, гибель которыхъ вѣщаютъ страшныя знаменія: *Σημεῖα δὲ ταῖς Θηβαίαις τῶν μελλόντων κακῶν ἐγένετο· τὸ γὰρ τῆς Δήμητρος ἱερὸν ἀράχνη περιεκάλυψε, τὸ τε τῆς Δίρκης καλούμενον ὕδωρ αἱματώδες ἐγένετο.* Послѣ этого В тотчасъ-же говоритъ о взятіи города; С продолжаетъ самостоятельно: Καὶ ἦν ἰδεῖν θαῦμα μέγιστον ἐν Αθήναις. Οἱ γὰρ ἐν ταῖς τείχεσι χάριν τοῦ πολέμου ἰστάμενοι δίκην φύλλων ἐκ τοῦ τείχους κατήρχοντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ ἀνθιστάμενος Ἀλέξανδρῳ. Παραλαβὼν δὲ ταύτην ὁ βασιλεὺς κατέσκαψε πᾶσαν τὴν πόλιν. — Слѣдуетъ известная бесѣда Александра съ Диогеномъ, просящимъ царя не затмить ему солнца — и затѣмъ уже *ποходὸς противὸς Οἰβοῦ*, переданный сходно, хотя и пространнѣе, съ изложеніемъ А, который помѣщаетъ его гораздо позже (I, 46).

Пересказанный нами отдѣлъ С указываетъ на смѣшанный

характеръ этой рецензiи, въ которомъ мы уже убѣждались и убѣдимся на другихъ примѣрахъ. Упоминанiе Оппъ во время осады Аоннъ мотивировано вѣншимъ образомъ, нарушающимъ послѣдовательность; однимъ изъ источниковъ редактора могъ быть текстъ сходный съ источникомъ сербской Александрии, ограничивающейся разсказомъ о паденiи Аоннъ. Съ сѣтованiемъ Оппъ сл. въ текстѣ, специальномъ для С, угрозу Диогена Аоннианамъ: *καὶ τῆν Θήβαν ἐδαφίσεται*.

Если въ Аоннскомъ эпизодѣ сербской Александрии мы могли видѣть значительное отличiе отъ соотвѣтствующаго отдѣла въ С, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ то замѣтить относительно разсказа объ Александровомъ походѣ на Римъ. Что въ С лишь намѣчено, здѣсь развито подробно, общими мѣстами и описанiями, напоминающими таковыя-же въ слѣдующихъ далѣе разсказахъ — о пришествiи Александра въ Трою и Иерусалимъ.

Изъ Аоннъ онъ направляется къ Риму¹⁾ съ 1400-ами витязями; «тогда срѣтоше его царь тракиескыи и поул'скыи и дамал'скыи и готь'скыи и тривал'скыи²⁾, и принесоше ему дары многи

¹⁾ Римскiй эпизодъ нашей Александрии, внесенный въ хронографъ 1-й редакцiи см. у А. Попова, Хронографы вып. I, стр. 119—120.

²⁾ Вар. кнези и цари тракиескии и македонскии и сиѳелиескии и муринскии и пулинскии и гонитанскии и тривалиескии; кнези тракисции и лакедемоньесции и моуренесци и дальмаиесци и трилиесци и поульесци; кнези тарьсицккии и маѣдврисици и мурениескии и дальматиньескии и гонитанесци. — Готскiе витязи упоминаются въ одномъ спискѣ Александрии (Jagić, l. c., p. 260, прим. 10), въ эпизодѣ о Мимандѣ: «*γωτινῆσσι витези*»; Готы и Далматинцы въ войскѣ Александра — въ отрывкахъ греческой Александрии: «*die Grossherren der Thracier und die Fürsten der Aethiicer und die vornehmsten der Athener und die Könige der Thessalier und die äolischen Grosskönige und die Heere aus dem Lande Moesia, und die tüchtigste Schaar, die je von einem Könige gewonnen wurde, nämlich die Gothen und Dalmaten und Dardaner, und Istrien und Rhätien und Pannonien*. (См. Kuno Meyer, Eine irische Version der Alexandersage. Lpz. 1884, p. 22). У Орозiа, которымъ пользовался авторъ греческаго пересказа, этихъ подробностей нѣтъ, но Готы дважды упоминаются въ связи съ Александромъ: I, 16, 2: *Gothi, quos Alexander evitandos pronuntiavit*; VII, 34, 5: *maximas illas Scythicas gentes formidatasque cunctis maioribus, Alexandro quoque illo Magno..... evitatas,.... hoc est Alanos, Hunos et Gothos*. — У Иорнанда, смѣшивающаго Готовъ съ Скивами и Гетами, Филиппъ Македонскiй женится на дочери гот-

безчисельный, стѣмн царьскыи многоцѣпные и даани .vi.-мь лѣтомь, и именъ царьскыихъ лишше се, сатраномъ повелѣ звати се имь». Римляне, управлявшіеся въ то время общиною, какъ и Аоняне, (вар.: и слышавшіе, какъ они пострадали) рѣшаютъ на совѣтѣ: впустить Александра въ городъ «съ почѣстми мнози и съ дарми, отложше се на отъчскихъ оуставѣхъ, милостию непоколѣбимою на законѣхъ быти. Къ Богу же своему Амоноу въ црковь притекоше и могахоу се кмоу възвѣстити имъ кже о Алексендрѣ. Сы же въ снѣ пвлъ се рече имъ: Мужіе великаго града Рыма, не боите се Алексендра, сынъ мой ксть. Нѣкогда ходившоу ми по нѣкои потрѣбѣ въ Македонію, быхъ съ матерію кго Олимбиадоу, и семоу бывшоу роди се Алексендрѣ». По совѣту бога Александра встрѣчаютъ съ честью: четыре (вар. 12) тысячи вitezей въ вѣщахъ и двѣ тысячи дѣвиць, все на бѣлыхъ коняхъ, «и крѣзма црвена и везена съ златомъ, и прочіихъ люди тисоушта и четири ста (вар. 14 тысячъ), сн же в'си ношахоу дафиново вѣтвыи въ роукахъ съ златомъ». Двѣ тысячи іереевъ пдольскихъ, съ свѣчами въ рукахъ, вынесли ему «крѣзмо великаго цара Соломона црвено (вар. велико и многоцино), кже бѣ възель Навходоносоръ царь, кгда плѣни Иеросалимъ. И пнесоше блюдо самотворныхъ тисоуштоу и двѣ стѣ (вар.

скаго (=гетскаго) царя Гудилы, «ut tali affinitate Macedonum regna firmaret». Далѣе говорится о его попыткѣ разграбить подвластный Готамъ Одиссъ — и рассказывается нѣчто, напоминающее пришествіе Александра въ Иерусалимъ у Иосифа Флавія и др.: «unde et sacerdotes Gothorum illi qui pii vocabantur subito patefactis portis cum citharis et vestibus candidis obviam egressi patriis diis, ut sibi propitii Macedonas repellerent, voce supplicii modulantes. Quos Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentur armati nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant, non tantum ab urbis excidio abstinerunt, verum etiam et quos foris fuerant jure belli adepti, reddiderunt, foedereque inito ad sua reversi sunt». Jordanis *Getica*, ed. Mommsen, p. 73. Сл. Скнѣовъ = Готовъ въ Александрии Псевдокаллистоеновскаго типа, въ описаніи камней на ефудѣ первосвященника: «аоукинѣъ акн оучермленъ есть, обрѣтаетжеса по оутреніи варвари и Соуріиисцѣи и *Скуфю же Готфти давни*; да тж оубо вноутрь великыа *Скѣфіа* въ поустыни есть дѣбрь велика зѣло» и т. д. Ркп. Синод. библ. № 86 (XVI в.). Въ Архивскомъ спискѣ этого эпизода нѣтъ.

.ві. блоудь самотворьнихъ отъ .ві. камень многоцѣныхъ), еже бѣ поставилъ Соломонъ царь въ храмѣ господни въ светаа светыхъ, съ каменикъ многоцѣныхъ, и вѣнць Соломоновъ, въ немъ же бѣхоу .г. каменн, имоуште .ві. дѣлств'внъ псѣлѣнїа (вар. прибавляетъ: и .ві. имень сыновъ Израилевъ бехоу); и изнесоше кмоу стемоу цар'скоу Сивилѣ (вар. юш'ке Сивиле, царице южаске Сивиле) царице, имоуште дѣлствїа многовльшб'наа; и парижа изведоше подь кѣпаз'момъ (вар. епазмом, хакизмом, халкизмом) кор'кодповемъ, оседлана сед'ломъ отъ камена адаман'та; и изнесоше емоу ороужикъ Агамикоуша (вар. Агемононъ, Адаменуш, Агамеиоушь) кралн, иже възеше въ Тронъ Алексан'дрово, Парижа, сына тропскога кралн Прѣмоуша (вар. Приѣмуша, Прѣльмоужа); изнесоше кмоу копикъ лифан'диново (вар. алефандиново, елефантово) съ бисеромъ обпизано и каменикъ многоцѣныхъ Алк'ша Телемоникн и прочїихъ копн .і. (вар. прибавляетъ: и стемъ прочпхъ .з.); и изнесоше емоу штитъ попеть аспидовомъ кожомъ Таркинїа рим'скога цара»¹⁾. — Александръ ѣдетъ на Вукѣфалѣ, въ вѣнць египетской царицы Клеопатры съ двѣнадцатю драгоцѣнными камнями, «конк же повод'нне и троб'ннк гласн паредн по подобїю.... Близъ же бѣв'шемъ имъ, витези и дѣвице рим'скык съ конь

¹⁾ Сл. нар. рум. кн. стр. 27—8 (дары Римлянъ): «ші ↑траръ ↑ четате, шї мѣрсеръ ла Бісѣрика лї Соломон че о фѣкъръ Савела (рум. К. Савила) ↑пърѣтѣса сора лї Соломон че съ зіче Сѣжнта Сѣнтелор, шї съ ↑кїнаръ шї шезъ Алеѣандръ ↑ скашнл (рум. К. четатѣ) Ржмллї, шї ↑чепсрѣ а скоате ларсрї, о мїе де блїде де аср (рум. К. еї де блїде де асрѣ кс шїетре скумпе ↑подобите каре фуеї алл Соломон ↑пъратъ шї маї скоа корона лї Соломон ↑пърат нешїст прецл еї; шї маї скоа ѡ стема а Савелеї ↑мпърѣтесїн), шї скоасеръ планка шї емрлскл лї Соломон, тот кс окї де шарне, шї ера ↑тржнелл треї шїетрїї де авл 12 токмѣле шї тоате боалеле вїндека, шї скоасеръ стема ↑мпърѣтѣсеї Савелїї чѣ де мѣлт прец... шї скоасеръ сабіа лї Аремлесе Країш дела Троада (рум. К.: сабіе де анкїтѣ хїерѣ аллї Праклїе ↑мпърат че ѡ лѣва дела Троада четате), шї скоасеръ елїца лї, де ос де елефант, тот кс мѣрѣрїтаре, шї скоасеръ навеза лї Патрїкїе (рум. К. Таркенїе) ↑мпъратул, ↑вллїтѣ кс шїале де аспїдъ (рум. К. прибавлено: шї маї скоа шн шнел ал Спрамїдеї ↑мпърѣтесїн шї ↑нтрс ачел шнел ерл фѣкст часорнїк шї съ веде черїол кс тоате стелїле шї стрѣлшчїе ка шн лѣчафѣрѣ, нешїст прецул луї).

съѣд'ше (вар. на фаріжехъ поклонише се Александрю, съ конь же не съседоше; иначе: с кони саседше) поклонише се Алексен'дрю и рекоше: многа лѣта Алексен'дру сегаи свѣтѣ царю. И сіи рекше отстоупише на страну, и друзи, но нихъ пришьдыше, прославише юго. И попове (вар. іереп), пришьдыше съ свѣштами и кадил'ницами, покадише юго вонгми различ'ными и прославише юго въ коупѣ веселеште се. Въшьдъ же въ градъ Римъ, приве- доше юго въ храмъ Аполоновъ (вар. прибавляетъ: поклонише се), іереп же Аполонови срѣт'ше покадише юго, и поклонише юмоу злато и ливанъ и змир'ноу, сіа оубо царьскаа дарованіа соуть, и пнесоме юмоу писаник, юмоуште спце: «Въ петитисоушт'ноу (вар. три, шест тисуѣно) лѣто вьстати имать отъ Македоніи едино- рогъ коз'ль и поженеть в'се пар'доусе запад'ниѣ (вар. прибавляетъ: грѣдѣливиѣ превъзнесеште се) и по томъ къ вьстокоу оустрьмптъ (вар. възвративъ) се, идеже великыи ов'нь двоцрогыи, юмоуже рози до облакъ (вар. отъ юга на северь досежоуть). Сего едино- рогыи оударить рогомъ въ срьдце, оубиеть, и потресоуть се Миди и Финици и вьсточ'ныи вьси кзыци, и острыѣ мьча пер'скаго притоупитъ (вар. добавляетъ: и въ Римъ пришьдъ царь съврьшенъ прославить се; и семоу белегъ въ Римъ пришьствіа боудеть, яко съ мпромъ поклонити се емоу вьсь Римъ безъ вьсакпе рати)». — Философъ (вар. философы) толкуеть Александрю это пророчество Данила: пардусы — западные царь, двурогий овець — восточныя царства Персїи, Мидїи и Финикїи; единогогий козель — Алек- сандръ, который говоритъ: «яко промыслоу божью волн'късть, тако да боудеть, сил'ни бо падоше и немощ'нии прѣпопсаше се силою. И тоу веселештоу се юмоу съ Римляны и Македонгми, придоше къ юмоу вьса царьствіа запад'наа, и принесоме юмоу дари мно- гоцѣн'ни, молеште се емоу не ратовати ихъ. Алексен'дръ о семь оумпливъ се, даанъ и вопскоу .vi. лѣтомъ даше юмоу, Лаомедоуша (вар. Лаомедона, Лаумедона) свога приснога и любимога въ Римѣ цара постави, и в'сѣмъ западнимъ царемъ.

«Злато же много и вопскоу въз'мъ на оучеш'коу землю (вар. юш'ке стране) оустрьми се, тамо же шьствіе творе, царства

многа и крѣпка порази и всю вселенную прѣшьдь, даже до Окіана рѣкы дошьдь и трехъ рѣкъ иже в'соу землю обьтпчють. Звѣри обрѣте тамо чловѣкообразныѣ и двоклавы, змевн ногы имоуште (вар. и двоеглави змие), съ ними рать сътвори великоу, и тѣхъ побѣди, звѣри бо, оружіа не имоуште, въ скорѣ падоше. И на желѣзную иѣкую гороу вышьдь, жены дивнѣ на Алексен'дра вьсташе, и рать великоу съ ними сътвори, въ кдинь часъ тисоушту (вар. .р., петдесет) одь воиске кго оубише. В'се жены тпн крила имѣхоу. и пок'ти кко сръпи крѣпки бѣхоу зѣло, тѣло-же ихъ одьн'но бѣше власы, и прѣлетаюште, изьдирахоу воишь очн (вар. и лпца раздирахоу). Сіа же слышавъ Алексен'дръ повелѣ трьстїа запалити. Жены же не вѣдѣште ог'ненное кет'ство въ пламень вылетахоу, и тѣмъ крила пз'гарахоу, и на землю падахоу. Сік же вои прскачоуште оубивахоу и тѣхъ оубише венкѣ .к. (вар. десет) тисоушть.

«И Окіана рѣкы дошьдь, въ вселенную врати се» (Нов. I, гл. 22, стр. 32—6 = Jag. I. c., p. 243—6).

W (стр. 29—33) передаетъ in extenso эпизодъ о пришествіи Александра въ Римъ. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ особенностяхъ и отличїяхъ. На пути въ Римъ Александра встрѣчаютъ *ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ἑλῶν) καὶ τῆς Πουλίας ὅλον τὸ βῆγγάρον καὶ οἱ Γότθοι ὅλοι*; они приносятъ ему, между прочимъ, *λίξάτον τριῶν ἡρῶν*. Римскіе архонты (о римской «общинѣ» ничего не говорится), слышавшіе о паденіи Аѳинъ, совѣщаются и рѣшаются принять Александра съ честью: *θέλει ἀφῆκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας*. Они обращаются въ своемъ затрудненіи къ богу Аполлону (далѣе: Аммону) и получаютъ пзвѣстный намъ отвѣтъ. Римляне посылаютъ: *τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντόπουλα μὲ χρυσὰ στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορρα, εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ δύο χιλιάδες κορίτζια ἐκλεκτὰ ὅλα μὲ στεφάνια χρυσὰ καὶ εἰς φαρία καλὰ καὶ τὰ ἄλλογά τους σκεπασμένα μὲ ὀλόχρυσα σκεπάσματα ἔμορρα καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἄνθρωποι ὅλοι μὲ δάρνες εἰς τὰ χερῖα τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι*

πλαμένα με τὸ χρυσάφιν· καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων με δύο χιλιάδες γέροντες καὶ τὸρπίαις ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χέρια τους. Они приносятъ ему τὸ μέγα ἀπανωφόρι τοῦ Σολομῶντος, ὅπου εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τῆν Ἱερουσαλήμ, καὶ δώδεκα σταγόνια ¹⁾ πολυτίμητα λιθαρόπουλα, ὅπου τὰ εἶχεν βάλη ὁ Σολομῶν εἰς τῆν ἁγίαν Σιών εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολομῶντος με λιθάρια τρία, ὅπου ἔφεγκαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτου εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα, ὅπου ἦσαν οἱ μῆνες γραμμένοι εἰς αὐτὰ, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀχαντήγη καὶ ἡ ἀντιγραφή εἰς τὰ λιθαρόπουλα. ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασιλίσσας τῆς Σοβιλίας, ὅπου ἦτον τέτοιαν τέχνη, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· ἤφεράν του καὶ γρίβιν ²⁾ φαρὶν ἔμορρον με τοῦ κορκοδεῖλου τὸ σκέπασμα με τὰ πολυτίμητα λιθαρόπουλα· ἤφεράν του καὶ τὰ ἄρματα τοῦ Πριάμου, ὅπου ἦσαν βασιλικά, καὶ εἶχαν τα ἐπάρη εἰς τὴν Τρωάδα· ἡφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτα. ἤφεράν του σκουτάριν τοῦ Ταρκιανοῦ τοῦ βασιλέως, ὅπου ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ῥώμης. — Александръ вѣзжаеть на Вукефалѣ, съ вѣнцомъ Клеопатры на головѣ, украшенномъ двѣнадцатю драгоцѣнными камнями, при звукахъ накръ и трубъ (ἀνακαράδες καὶ τρομπέταις). Сначала привѣтствуютъ его οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ῥώμης, возгласяя ему: πολλὰ τὰ ἔτη; затѣмъ τὰ κορίτζια, наконецъ ἱερεὶς μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος. Они идутъ въ храмъ Аполлона, καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Απόλλωνος σύμβρον καν λιβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά. — Слѣдуетъ чтение и объяснение Даниилова пророчества: ἐπὶ ἔτους ε, ἐξεβῆ θελεὶ πράγος μονοκέρατος καὶ θελεὶ διώξῃ τοὺς πάροους τῆς δύσης ὅλης, ὅπου μάχονται εἰς με τὸν ἄλλον, ὅπου πολλὰ ὑψώνονται.

¹⁾ σταγόνια: такъ и въ греч. нар. книгѣ; въ слав. (= рум.) т. блюда. Σταγὼν означаетъ, между прочимъ, легкоплавкий металлъ: stannum, ит. stagno? (Дестунисъ).

²⁾ Новогреч. γρίβας, γρίβανός — fuscus, ex nigro albicans (Passow, Carmina popul., въ Index'ѣ); cheval gris (Digenis Akritas, ed. Sathas et Legrand. Glossaire) (Дестунисъ).

καὶ πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξῃ τοὺς λέον-
τας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνῃ εἰς τὴν ἀνατολὴν καὶ θέλει εὕρῃ τὸν
κρίον τὸν θαυμαστόν, ὅπου ἔχει κέρατα μακροῖά, τὸ ἐν καθέν κέρατον
ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾷ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ
θέλει τὸν ἐκτυπήσῃ ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει
τὸν σφάξῃ· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει προμάξῃ ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ
τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλώσσαις ὅλαις, καὶ θέλει
τῆξάκισαι τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ῥώμην
τὴν μεγάλη καὶ θέλει ὀνομαστῆ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης
ὅλης. — Объяснение филосогами пророчества (львы — западные
цари, баранъ — цари Востока, Мидянъ и Финикійцевъ; козелъ —
Александръ) нѣсколько спутано: нѣтъ пардусовъ, тогда какъ
слав. пересказы опустили львовъ; сл. далѣе нар. греч. книгу;
отвѣтъ Александра тотъ-же. — Цари запада приходятъ къ нему
съ покорностью; онъ подчиняетъ ихъ, вмѣстѣ съ Римомъ, одному
изъ своихъ (ὁ κάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακε-
δονίαν ἐποίησεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην; за Макеδониαν скрылось,
можетъ быть, созвучное — Лаомедонтъ) и, продолжая путь среди
завоеваній, доходитъ εἰς τὸν Ἰκίανόν ποταμόν, гдѣ встрѣчаетъ
въ пустынѣ разныя чудовища: двуглавыхъ змѣногихъ звѣрей,
съ челоуѣкоподобными лицами, желѣзную гору, крылатыхъ женъ,
терзавшихъ воиновъ когтями и прогнанныхъ огнемъ. — Отъ
рѣки Океана Александръ возвращается εἰς τὸν κόσμον.

Укажу на нѣкоторые варианты въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ
греч. нар. книги (стр. 48—55). Цари, встрѣчающіе Александра:
οἱ αὐθεντάδες τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ὅλον τὸ Ῥιακόν,
καὶ οἱ Γότθη (пан. Γόλθη)¹⁾ ὅλης; они приносятъ χαράττιον χρόνων
δώδεκα. Римляне совѣщаются (объ «общинѣ» нѣтъ рѣчи: это,
быть можетъ, глосса славянскаго переводчика), обращаются къ
Аполлону. Описание встрѣчи и даровъ то-же, что въ вѣнскомъ
текстѣ; тотъ-же перечень и та-же численность. Изъ отличій
отмѣтимъ: τῆς βασιλίσσης τῆς Σιβύλλας; ἄλογον ἄσπερον (W, γριβίν

¹⁾ Сл. въ рки. Иорнанда написаніе Gothescytha и др. вм. Golthescytha.

φαρίν); щитъ (такъ, вмѣсто κοντάρι) Тарквинія ἦτον σκεπασμένον με τῆς ἀσπίδος τὸ τομάρι, согласно съ слав. текстомъ, которому специально принадлежитъ упоминаніе Аякса — не подъ впечатлѣніемъ-ли троянскаго эпизода?—Александръ вѣзжаетъ при звукѣ трубъ (τρουμπέταις) и органовъ (με κάθε λογῆς ὄργανον), раздѣливъ свое войско на двѣнадцать отрядовъ; его встрѣчаютъ οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι, за тѣмъ τὰ κοράσια, οἱ γέροντες, наконецъ іереи. Въ толкованіи Данилова пророчества пардусы — цари Запада, львы — Сѣвера, двурогіе бараны — цари Востока, Мидяне и Финикійцы; однорогій козелъ — Александръ ¹⁾—Оставивъ властителемъ Рима и запада Лаомедонта (κάποιον φίλον του Ταλαμεδόν) онъ идетъ на сѣверъ и доходитъ до Океана, ὅπου πρέχει ὀλόγυρα τῆς οἰκουμένης; εἰσέβη εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους, εὗρε ἕνα ζῶα θαυμαστά, με πρόσωπον ἀνθρώπινον, δικέφαλα, ποδάρια ὡσάν ἀσπίδα ἔχοντα. Ἐπόλεμησε με αὐτά, και ἐνίκησέ τα, διότι τὰ ζῶα ἐκεῖνα ἄρματα δὲν εἶχαν, και ἔπεφταν ὀγλίγωρα. Ἀπ' αὐτά ἐδιέβη εἰς βουνόν πετρωτόν, ὡσπερ σιδηρένιον, ἀπὸ τὸ ὅποσον εὐγῆκαν γυναῖκες κατεπάνω τοῦ Ἀλεξάνδρου και ἔκαμαν πόλεμον μέγαν με τὰ φουσάτα, σκοτώνοντας αὐτὴν τὴν ἡμέραν ἀπὸ τοὺς στρατιώτας του ἑκατὸν χιλιάδες. Αὐταῖς αἱ γυναῖκες εἶχαν πτερὰ ὡς ἀετοί, και νύχια

¹⁾ Животная символика народовъ въ этомъ толкованіи едва-ли имѣеть въ виду народы, покоренные Александромъ — по разсказу Александрии. Иначе можно-бы указать на слав. Вопросы и отвѣты (Тихонравовъ, Памятники Отр. русск. лит. II, 447), по которымъ «куманинъ *pardos* есть». Сл. въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «По русской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо». — У Иоанна Златоуста, въ толкованіи Данилова пророчества, Александръ отвѣчаетъ то козлу (Adversus Judaeos V, Migne, Patrol. gr., t. 48, p. 893—4: κριὸν μὲν καλῶν τὸν τῶν Περσῶν βασιλέα τὸν Δαρεῖον, τράγον δὲ τὸν τῶν Ἑλλήνων βασιλέα, Ἀλέξανδρον λέγω τὸν Μακεδόνα), то парду (In Epist. I ad Thessal. cap. I Hom. II, у Migne, Patr. gr., t. 62, p. 399). — Въ толкованіи бл. Ипполита на видѣнія Данила с. I (Migne, Patr. gr. t. 10, p. 641—3) львица съ орлиными крыльями = Вавилонъ, медвѣдь = Персы, пардъ = Еллингъ Александръ, что согласно съ талмудическимъ комментариемъ у Wünsche, Bibl. Rabb., вып. IX, p. 3—4, XXII, p. 88—9. — Припомнимъ въ связи и «двурогого» (Dûl-karnaim) Корана и арабскихъ легендъ, котораго приравнивали то къ Кипру, то къ Александру Македонскому (Donath, Die Alexandersage im Talmud und Midrasch. Fulda 1873), p. 16 слѣд.

ὡσάν ὀρέπανον. Ἦτον δυναταῖς κατὰ πολλὰ, ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τοῦ φρουράτου, καὶ ἐκτυποῦσαν τῶν στρατιωτῶν εἰς τὰ πρόσωπα. Ὡσάν εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐκείνων τὰ καμώματα, εὐθύς ὤρισε καὶ ἔδωκεν φωτίαν εἰς τὰ καλάμια, ἐπειδὴ ὁ τόπος ἐκεῖνος ἦτον καλαμώδης. Αὐταῖς ὡσάν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας ἐκαίονταν αἱ πτεροῦγές τους, καὶ ἔπερταν κάτω, καὶ ἔσφραξάν ταις τὰ φρουράτα, τὰ ὅποια ἐσκότωσαν ἀπ' αὐταῖς ἕως εἴκοσι χιλιάδες. — Александръ возвращается вѣнать.

Приведемъ пзъ Pseudocall. C, I, 27 эпизоды, отвѣчающіе походу на Римъ и къ окраинамъ Океана.

Послѣ взятія Аопиѣ (и Θивѣ. Сл. выше, стр. 186—7) Александръ идетъ на Римъ; ему на встрѣчу выходятъ прѣсβεις ἐκ πάντων τῶν ἐθνῶν, καὶ προσκυνοῦσιν ἔμπροσθεν αὐτοῦ ἄγοντες δῶρα αὐτῷ χρυσόν καὶ ἄργυρον ὅσον οὐκ ἦν ἀριθμὸς. Συνέρχονται δὲ αὐτῷ πάντες εἰς συμμαχίαν. Καὶ δὴ καταλαμβάνει τὴν Ῥώμην καὶ προὔπαντῶσιν αὐτῷ οἱ Ῥωμαῖοι μετὰ γερῶν καὶ τυμπάνων, κλάδους δάφνης ἔχοντες ἐν ταῖς χερσίν αὐτῶν, καὶ τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἐπισειδόντες, βασιλέα κοσμοκράτορα τοῦτον ἀναγορεύουσιν. Εἰσελθὼν δὲ ἐν τῇ πόλει ἄπεισιν ἐν τῷ Καπετωλίῳ Διός. Καὶ ὁ ἱερεὺς τοῦ Διὸς δέχεται αὐτόν, καὶ ξενίζεται παρ' αὐτοῦ. Διατριψάντων οὖν ἐν τῇ Ῥώμῃ, ἰδοὺ καὶ ὁ Λαομέδων ὁ συναρματηλατήσας αὐτῷ σὺν χιλιάσι πεντήκοντα ἦκεν εἰς συμμαχίαν Ἀλεξάνδρου, ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ δῶρα ἐν τε χρυσίῳ καὶ λίθοις, καὶ μαργάραις. Δέχεται δὲ τοῦτον Ἀλέξανδρος καὶ γνησίως αὐτόν κατασπάξεται καὶ «ὦ γενναῖε, εἶπεν, ἦκάς μοι καὶ μετὰ Δαρείου μαχομένῳ σύμμαχος εἶναι».

Ἀπάραις οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὤρμησε κατὰ δυσμῶν καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνθιστάμενος. Καὶ προὔπαντῶσιν αὐτῷ πάσαι αἱ βασιλεῖαι τῶν δυσμῶν. Καὶ δῶροις ἐκμειλίσσονται αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτόν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ὄροις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνθυποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων κύριον τὸν Λαομέδοντα, συνταξάμενος φόρους αὐτῷ τελεῖν μέχρι καὶ χρόνων δώδεκα. Ἐκείθεν δὲ τοῖς τοῦ νοτου πέρασιν ἐπιβαίνει καὶ ὑπέταξεν ἔθνη πολλὰ καὶ ποικίλα καὶ διήλθε τὴν οἰκουμένην, καὶ εἰσῆλθεν τὴν ἀρίστητον γῆν, καὶ διώδευσε μέχρι τοῦ ὠκεανοῦ ποταμοῦ. Καὶ εὗρεν ἐν τοῖς τόποις ἐκεῖ-

νοίς ἀνθρώπουσ δικεφάλουσ, καί ἐπολέμησε μετ' αὐτῶν, καί ἤττησεν αὐτοὺσ κατακράτωσ, καί ἔφυγον ἀπ' αὐτοῦ. Ἐκεῖθεν οὖν διελθῶν εὔρε γυναῖκασ θυσθεωρήτουσ καί λίαν μεγίστασ καί πάντων ὧν διήλθον θυσμαχωτέρασ. Αὐταί δὲ ἐν τῷ τρέχειν τοὺσ μασθοὺσ αὐτῶν ἐν τοῖσ ὤμοισ τιθέασιν. Ἐνδύμα δὲ αὐταῖσ ἦ τῶν τριχῶν θασύτησ. Αὐταί δὲ ἐπελθοῦσαι πτεροῖσ εἶχον πετόμεναί. Εἰσ παντελή δὲ ἀπορίαν ἦλθον οἱ Μακεδόνεσ ταύτασ ὡσ ἐθεάσαντο πετομένασ καί πρόσ αὐτοὺσ μαχομένασ. Ἀλέξανδρου δὲ ταύτασ ὡσ εἶδεν, ἐκέλευσε πῦρ ἀνάπτεσθαι καί ὑπεράνωθεν μαχεῖν. Αἵτινεσ τὴν φύσιν τοῦ πυρὸσ ἀγνοήσασαι ἀσκόπωσ κατέπεσον ἐπ' αὐτοὺσ καί τῶν πτερῶν καέντων οὐκέτι ἀνασχεσθαι ἴσχυσαν· πεπτωκυῖαι δὲ ἀνηρέθησαν ὑπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῖσ ξίφεσιν. Ἀνεῖλον δὲ αὐταί τοῖσ ὄνυξι στρατιώτασ ἑκατόν. Τοιῶδε τῷ πρόπῳ χρησάμενοι μέλισ διήλθον αὐτάσ. Τῶν ἐκεῖσε δὲ οὐκέτι διελθεῖν ἔχοντεσ, τοῦ Ὀκεανοῦ ποταμοῦ κωλύοντοσ τῆσ εἰσόδου, τὴν ἀριστεράν παράλιον πιάσαντεσ τοῦ Ὀκεανοῦ καί τὰ πρόσ βορρᾶν περιπατήσαντεσ τὴν οἰκουμένην κατέλαβον.

Начпная съ слѣдующей главы (I, 28) Псевдокаллистоенъ С не отвѣчаетъ болѣе, въ распорядкѣ содержанія, тексту нашей Александрии. Отъ предѣловъ Океана онъ заставляеть Александра вернуться въ Македонію, затѣмъ переправиться въ Азію, гдѣ при Граникѣ онъ побѣждаетъ Даріевыхъ сатраповъ. Онъ проходитъ Іонію, Карію, Лидію, *Фригію* и Ликию и изъ Памфиліи (I, 28) переправляется въ Сицилію и — снова въ Римъ (I, 29). Далѣе путь идетъ въ Африку: Кароагенъ принужденъ платить дань (I, 30); слѣдуетъ пространный эпизодъ объ основаніи Александрии (I, 31—33), походъ въ Египетъ (I, 34) и Сирію и взятіе Тира; тѣс δὲ τρεῖσ κῶμασ τὰσ συμμαχησασμένασ αὐτῷ εἰσ μέτρον πόλεωσ μιᾶσ ἀνεγράψατο καί Τρίπολιν αὐτὴν ὠνόμασεν (C, I, 35)... Καί ἀντικρὺσ αὐτῆσ (Τира) Σέλευκοσ ὁ στρατάρχησ αὐτοῦ πόλιν οἰκοδομεῖ, ἣτιε ἐκλήθη Νικατορία· καί Ἀντίοχοσ τὴν κατ' Ἀσίαν κτίζει Ἀντιοχεῖαν. Ἐν τούτοισ Ἀλέξανδρου θυμομαχήσασ εἶπεν αὐταῖσ: Οὐκοῦν καταλιπόντεσ Μακεδονίαν διήλθομεν τὸν σύμπαντα κόσμον καί ἐν Ἀσίᾳ καταλαβόντεσ κτίσασ Μακεδόνασ μαθεῖν καταναγκάζομεν τὸ στρατιωτικὸν ἀποβαλόμενοι φρόνημα (I, 36). Слѣ-

дуетъ война противъ Дарія и лишь позже (I, 42) — вторичное посвященіе Фригій: ἐλθὼν εἰς τὸν Σκάμανδρον ποταμὸν, ὅπου ἤλλατο Ἀχιλλεύς. ἐνήλλατο καὶ αὐτός. Θεασάμενος δὲ τὸ ἐπταβόειον Ἀλέξανδρος οὐ πάνυ μέγα, οὐδὲ οὕτω θαυμαστόν καθὼς συνέγραψεν Ὅμηρος, εἶπε· «Μακάριοι ὑμεῖς οἱ ἐντυχόντες τοιούτου κύρηκος, τοῦ Ὁμήρου, οἵτινες ἐν μὲν τοῖς ἐκείνου ποιήμασι μεγάλοι γεγονάτε, ἐν δὲ τοῖς ὀρωμένοις οὐκ ἄξιοι τῶν ὑπ' ἐκείνου γεγραμμένων». Καὶ προσελθὼν αὐτῷ ποιητῆς τις εἶπεν· «Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, κρειπτόνως ἡμεῖς γράψομεν τὰς πράξεις Ὁμήρου». Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος εἶπε· «Βούλομαι παρ' Ὁμήρῳ Θερσίτης εἶναι ἢ παρα σοὶ Ἀγαμέμνων». — У Юлія Валерія Александръ приноситьъ жертвы Гектору, Ахиллу и другимъ героямъ, особливо Ахиллу: haec enim a sese, non ut ab externo ac superstitioso, verum ut consanguineo ac religioso dedicari. Въ стихотворной молитвѣ Александръ связываетъ свой родъ съ родомъ Эака, Пелея, Ахилла, и наконецъ, Харопса.

Hic Molossorum

Regni potitus auctor exstitit stirpis nostrae:

Sicque justum inclitum matris [genus]

E qua subortus vestro sanguini adnector.

Quaesoque nomen adseras tuum nobis,

Bellisque praestes gloriasque subtexas и т. д.

Haec praecatus in istum Alexander modum, ibidem flumen Scamandrum cum videret, clypeumque Achilli templo Herculis consecratum, nec alvei illius latitudinem demiratus, nec magnificentiam clypei pondusve famosum, «O te beatum Achillem, fertur saepe dixisse, qui Homero praedicatore celebraris». Сл. Plutarchi, Alexander, с. II: Ἀλέξανδρος τῷ γενεῖ πρὸς πατρός μὲν ἦν Ἡρακλείδης ἀπὸ Καράνου, πρὸς δὲ μητρός Λιακίδης ἀπὸ Νεοπολέμου; такъ у Кедрина (ed. Bonn. I, p. 264 съ ссылкою на Діодора) и Малавы (ed. Bonn., p. 193).— Слѣдуетъ то-же предложеніе— воспеѣть подвиги Александра, и тотъ-же отвѣтъ (сл. Müller, p. 48).

Иной распоряжокъ представляютъ тексты сербской Александрии: возвращаясь отъ Оксана во вселенную, Александръ

прибыль «въ Неглитор'ви» (вар. Глитероу, Инглитеру, Иньгри-тероу), гдѣ велитъ войску отдохнуть и за тѣмъ, снарядивъ 12 тысячъ галеръ (вар. тисуѣ и двѣ стѣ), по тысячѣ (вар. 600) чело-вѣкъ въ каждой, отправиться на востокъ, «по великой поучине мор'ской поити и по вар'вар'сцѣхъ кзыщѣхъ» (вар. по великой Барбарии). Передъ собою онъ посылаетъ Птолемея и Филона, пусть забираютъ города и земли и берутъ съ нихъ дань, а съ нимъ съѣдутся въ Египтѣ. Самъ онъ отправляется съ тремя тысячами (вар. 300) галеръ, надъ которыми поставилъ начальникомъ Антиоха; надъ другими тремя тысячами Селевка, на третьими Византа. «Алексен'дръ же приплѣ въ Егуптѣ и тоу паде волска, и начеше градъ зидати, и нарече кго въ свое име Алексен'дріа» (вар. Александръ же въ Егуптѣ приплевъ съ своими галиами, идеже златотечени Ниль въ море пристаеть, и градъ създа въ име свое великъ и краснь зѣло). Этимъ немногимъ ограничиваютъ свой рассказъ объ основаніи Александрии сербскіе тексты; что Псевдокаллисоенъ сообщаетъ непосредственно объ Египтѣ, упоминается отчасти далѣе, въ порядкѣ, обусловленнымъ другимъ источникомъ нашей рецензіи, о которомъ позже. — Селевкъ, приставъ въ Киликіи, становится основателемъ Селевкии, Антиохъ—Антиохіи, Византъ приплывъ «въ тесноту тракіискаго (вар. трацискаго) мора» — Византію¹⁾. «О семь-же Алексен'дръ много оскрѣбивъ се, не знае, кои где присталь нсть, и по .л. днѣи оузна о всѣхъ, г'де кои приста и градъ създа. И по малѣ състаше се в'си и градъ

¹⁾ Въ Славянской Александрии другаго типа, представляемаго Архивскимъ спискомъ, Византія также является въ соединеніи съ своимъ эпонимомъ — Визомъ, но въ рассказѣ другаго рода: Александръ идетъ «на царя Вжза въ градъ Воузантію европския страны; всѣдеже въ лодіахъ и приде въ (В)оузантію, и бывши брани велицѣ, и побѣди Александръ. И посла къ нему Вжзъ изъ града дары многы, проса оу него мира, и да емъ помощь моужа храбры и сильны». По смерти Александра, Олимпіада отправляется къ отцу своему, царю Фолу, «въ мурьскую землю»; Вузъ женится на ней и «вда ей за вѣно Римъ» (Синод. библ. № 86, XVI в.). Всего этого эпизода нѣтъ въ Архивскомъ спискѣ; источникомъ второй его половины были откровения Псевдо-Мессодія. Сл. Тихонравова, Пам. Отреч. русск. литературы II, стр. 217—218 и мою замѣтку: *Phol als aethiopischer König* въ *Archiv für slav. Philologie* II, стр. 84—6.

създаше, и нарекоше име его Осикнось (вар. кнъкардьнось еноспль, енгардпос носпса, еликардїѡсь еносїль, еньградїѡсь енѡспсь; въ болгарской рецензїи нашей Александрии у Jagić, Opisi i izvodi I, стр. 22: енкардїѡсь енѡспсь; Кир. Бѣл. сп. л. 62 л.: едно еносисъ), иже глаголетъ се сръбьскыи: єдиносръдїи състан'къ (вар. вьсесръдїи станаць, все едїини стапак, вьсесръдїи стапакъ; Jagić, Opisi, l. c. I, стр. 23: вьсесръдїи станокъ; Кир. Бѣл. сп.: сстанокъ)». Здѣсь они остаются шесть мѣсяцевъ, дожидая конницу; являются Птоломей и Филонъ и говорятъ о своихъ бояхъ съ царями «варварскими» (вар. од царев барбарских и етнопских), которыхъ приводятъ связанными. Отпустивъ ихъ подъ условїемъ — посылать ему въ теченїи двѣнадцати лѣтъ по сту тысячъ войска (вар. дань въ теченїи 3-хъ лѣтъ и 50 тысячъ войска), Александръ направляется въ Азію, гдѣ создаетъ городъ Тринополь (вар. Триполь). Когда его приближенные хотятъ построить еще и другой городъ, онъ говоритъ: «не подобантъ намъ воишество оставити, да градове зпгѣмо, нѣсть бо въ нихъ тврѣгѣ (вар. ни крепости, нь въ воище и въ храбрехъ витезехъ). Мало ли градовъ тврѣдїхъ и крѣп'кыи хъ мы разорис'мо храбростїю и воишествомъ?» (Нов. I, гл. 22—23 = Jag. l. c., p. 246—8).

Сл. пересказъ вѣнскаго текста (W, стр. 33—35): Александръ доходитъ до κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας; Селевкъ (Σελεύκιος), Антиохъ и Византъ — основатели городовъ: Антиохъ «εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαύρης θαλάσσης, τῆς Θρακίας»; Византъ «ἦλθεν εἰς τῆς Θρακίας τὸ στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἰέρκου, καὶ ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαμὸν, τῆς Σκουτάρης κοντᾶ, καὶ ἔκτισεν καὶ αὐτὸς κάστρον καὶ ἐπωνόμασέν τε καὶ αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικὸν τοῦ Βυζάντια». Подъ στένωμα слѣдуетъ разумѣть, вѣроятно, στενὸν, какъ назывались берега Босфора Тракійскаго либо и одинъ европейскїй берегъ отъ св. Мамы до Чернаго моря. — Непонятное: τοῦ Ἰέρκου, можетъ быть, = τοῦ Ἰεροῦ? — Филону и Птолемею поручено сдѣлать набѣгъ на Βαρβαρία и Θεοπία. — Самъ Александръ основываетъ городъ своего имени: ἔρθησεν εἰς τὴν Ἀιγυπτὸν μὲ τὰ καράβια ὄλα, ὅπου ὁ χρυσοπρεχάμενος ποταμὸς πρέχει,

καὶ αὐτοῦ ὠρίσεν καὶ ἔκτισεν κάστρον, καὶ ἐπωνόμασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία. — Городъ, основанный всѣми вождями вмѣстѣ называется Μία Καρδία; позднѣе основанъ Τρίπολι Πενταπόλεον (sic). Отъ дальнѣйшихъ построеній Александръ удерживаетъ своихъ.

Отличія новогреч. нар. кн. (р. 55—58): Ἰγκλητέρα; число галеръ (κάπεργα χοντρά) и войска то-же, что въ слав. текстахъ и W; Александръ посылаетъ Филона и Птолемея съ конницею εἰς τὴν Μπαρμπαρίαν. «Ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸς του εἰσέβη εἰς τὴν κόνην (? ; W, стр. 33: κόνα), καὶ ἔρριξαν τὰ κάπεργα ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν»; Антиохъ, Селевкъ (Σελεύκιος), Византъ (Βυζάντιος—и Βύζας) и Александръ отправляются каждый съ тремя тысячами галеръ. По прошествии 30 дней и ночей Александръ прибылъ въ Египетъ, ἐκεῖ ὅπου πρέχει ὁ χρυσοῦρος ποταμός и основываетъ Александрию; подобное дѣлаетъ Слевкъ, Антиохъ (ἦλθεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Μαύρης θαλάσσης τῆς Θράκης) и Византъ (ἦλθεν εἰς τὸ στένωμα τῆς θαλάσσης κάτωθεν εἰς τὸ λαμὸν τοῦ Σκουταριῦ). Между тѣмъ Александръ, находившійся въ Александрии, беспокоится διὰ τοὺς Βοιβοντάδες του καὶ διὰ τὴν ἀρμάδα του. Но вотъ однажды, въ полдень (ὥραν μεσημερίου; W, 34: τὸ μεσημέριον), является Антиохъ, за нимъ Селевкъ и Византъ и рассказываютъ о своихъ сооруженіяхъ; общій городъ названъ Μία Καρδία. — Гонцы приходятъ сказать, что къ вечеру придутъ Птоломей и Филонъ, которые повѣствуютъ о своихъ войнахъ εἰς τῆς Μπαρμπαρίας τὰ μέρη καὶ εἰς τὰ βασιλεια τῆς Αἰθιοπίας и т. д. — Слѣдуетъ основаніе Триполя, но нѣтъ попытки воеводъ основать новый городъ, и вызваннаго ею изреченія Александра. — Замѣтимъ по поводу Варваріи, упоминаемой рядомъ съ Эііоніей, что у Моисея Хоренскаго одна изъ трехъ частей Эііоніи носитъ названіе Варваріи¹⁾. Что до Ἰγκλητέρα, κάστρον τῆς Ἰγκλητέρας (W), то въ объясненіе этой подробности у меня нѣтъ ничего, кромѣ нѣкоторыхъ

¹⁾ Saint Martin, Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris, 1881, t. II, p. 344.

соображеній. Въ «олимпійскомъ эпизодѣ» нашей Александрии о Лаомедонтѣ говорится, что онъ родомъ изъ — Англии; позже Александръ дѣлаетъ его властителемъ Рима и всего Запада. Въ среднегреческихъ поэмахъ о Велисаріи ¹⁾ воспѣвается, главнымъ образомъ, его походъ противъ Ἐγκλητέρα, Ἀγκλητέρα (γῆ, νησί, κάστρον τῆς Ἐγκλητέρας):

τὸ δὲ νησὶν ὀπούρριψε ζυγὸν τὸ τῶν Ῥωμαίων,
ὁποῖον ἐδιαυθέντευεν ὁ ῥῆξ τῆς Ἐγκλητέρας,
ὁ ἀποπτύσας χαλινὸν τῆς Κωνσταντίνου πόλης ²⁾.

Въ Ῥιμάδα περὶ Βελισαρίου ³⁾ онъ сравнивается, въ эпизодѣ о покореніи Англии — съ Александромъ Македонскимъ (προστάττει Βελισάριος, Ἀλέξανδρος ὁ μέγας): не воспоминаніе-ли это о нашей Александрии? Такъ или иначе, но въ краткой передачѣ романа объ Александрѣ у Кедрина (ed. Bonn. I, 267) вслѣдъ за приключеніемъ съ Кандакѳою разсказывается: ἐκεῖθεν δὲ πρὸς Ἄρασιν καὶ Γάδαιρα καὶ τὰ Βρεττανήσια ἔθνη γενόμενος (sc. ὁ Ἀλέξανδρος), γιγίας τε ὀγκάδας κατασκευασάμενος, αὐτὸς μὲν τὸ δεξιὸν τοῦ Ἰνδικοῦ ποταμοῦ διέπλει μέρος, Ἡραιοτίωνι δὲ τὸ ἕτερον ἐγχειρίσας ἐπὶ τὸν Ὠκεανὸν ἀνῆλθε· τῷ δὲ βασιλεὶ Ξανδάμῃ (sic) πολεμήσας καὶ τούτον προπωσάμενος, πρὸς τοὺς Βραχυμῆνας ἀρίχεται.

Слѣдующій непосредственно эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Трои развитъ вышшимъ образомъ изъ данныхъ Псевдокаллисоена и Юлія Валерія — краткимъ пересказомъ троянской войны и описаніемъ вооруженія и убранства древнихъ героевъ и героинь. Нѣкоторыми данными этого описанія мы воспользуемся далѣе, какъ моментомъ для хронологическаго опредѣленія разбираемаго нами памятника.

Покоривъ всю Азію, Александръ приходитъ во Фригію (къ странѣ придіеком, вар. фаридской), «въ царство нѣкоѳ (вар.

¹⁾ Wagner, Carmina Graeca medii aevi, p. 304—321, 322—347 (Эммануила Георгицеллы), 348—378.

²⁾ l. c., p. 329, v. 236 слѣд.

³⁾ l. c., p. 356, v. 259.

въ Трою), иже въ нѣкаа времена Ел'лины прѣем'ше разорише жены ради нѣкыи Юл'ноуше (вар. Елене) краля лакедон'скаго (вар. лацедемонскога) Мелеоуша (вар. Менелауша). [Ову бо] краля африк'искаго (вар. придиискога) Прѣльмоужа (вар. Приамуша, Прѣльмоужа) [сынъ], именовъ Алексейдръ Парижь, на вѣрѣ възьмь, въ Трою градъ приведе, [не] благодар'нь (вар. неверан) гавль се своемуу господину. Менелаушь же краля селев'кипскыи и пелагон'скыи и оеталипскыи (вар. либииске и нилииске и теталииске; ливиске и килииске и елиске и прилагонит'таске и теталииске; ливиске и килииске) царе и витези на помощть призвавъ, жены ради свои Юленоуше, на Трою град оустрьми се, и всю африк'искоюю (вар. фридискою, придииску) зем'лю острію мьча прѣдавъ, .лп. лѣтъ Трою, великыи градъ, рваше и прѣмше, и весь моужьскъ полъ огню и мьчу прѣдаше (вар. прибавляетъ: десет лит и седам мисеци град троиски рваше и приѣше хитростю Урикшешову), гкоже Омирь въ своихъ к'нигахъ пишеть. Тоу бо тогда мнози витези падоше въ острі мьча отъ Юллинь (вар. приб. И од Елен такое не изреченни — изрочити — витези падоше). Отъ исконы бо града того обпчан оузаконише се, коликымъ великымъ повин'ны соуть злымъ (вар. од почела женам од злога обичаѣ узакони се злим обпчаем и чпненем кривим бити; отъ исконы женами отъ грьдаго обпчан оугрьди се намъ великымъ и лоукавимъ зломъ повинимъ бити), пръвѣи бо Адамъ женою прельштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Сам'псонъ женою погибе, и прѣмоудрыи въ чловѣцѣхъ Соломонъ жены ради адъ наслѣди (вар. ада наследи). И въ Трои градоу мнози храбри витези и царіе за кдиноу женоу погибоше».

Александра принимаютъ съ драгоцѣнными дарами ¹⁾: «пзнесоше кмоу ороужіе Ацилеша, Пер'леоуша (вар. Прѣльша, Перлша) краля сына, на львове кожи прѣсталено, и штить Агк'ша Теламоникя (Игкша Тельмоноста, Аѣкеша Телемонина) и прьстенъ

¹⁾ Соответствующій отрывокъ нашей Александрии въ хронографѣ 1-й редакціи см. у Попова, Хронографы, вып. I, стр. 120.

егуптьскыѣ кралице (вар. Югоупе, тройске царице) отъ камена ан'дракса, имѣюшть силоу таковою, иже въ великоу немошть (вар. въ лоун'ноу; гдо би од мисеца немоѣан) выпады, п на нь възпрак, исцѣлеваше. — Изнесоше ѣмоу на иконе написань образъ Минерве кралице (вар. госпоге Минерьве), на нь възпраюшти тропскаго краля дышти (вар. приб. Кашандра) вьса кляка о Трои градѣ прилоуч'ша се разоумѣваше (вар. прорече). И изнесоше ѣмоу крѣзно Поликсеніѣ (вар. Поликсене) госпогѣ, дыштере краля Прѣмоуша (вар. Прѣльмоужа, Приамуша), юже прѣстеновалъ бѣше Ацлешъ Пер'леоушевиѣ, кгда одъ Грькѣ отврѣже се, и къ Трои пристоупи, кго-же оубише братіа въ полатѣ на вечери лоукав'ствомъ (вар. и тоу его оубише братіа ее съ лоукав'ствомъ на вери въ храмѣ Аполона трѣнога дельфил'скога, оуби же его Александръ и Дивоушь; ту га убише братѣ не Париж и Дивоуш с влхавством у цркви Аполона Пебуша, на вери Приамуша краля). Алексен'дръ же видѣвъ крѣзно чюдодѣиств'но (вар. приб. почуди ее. ере тако зламене пише:) кгда облачаше се въ нь Поликсеніа (вар. Поликсена) госпога, четыремъ различнѣмъ подоблѣше се, и четири образѣ оуказоваше различ'ни отъ различнаго каменіа. Кгда на зелено каменіѣ възпраще, прибываше се зѣлено каменіѣ бѣломоу кѣ лицу, и подоб'нь бѣше образъ кѣ лоуне небесной и паоуновоу позлат'номоу перію; кгда ли на црвено каменіѣ възпраще, бѣлоѣ лице кѣ перан'жаномоу видѣнню прибываше се; кгда ли на плавет'но каменіѣ възпраще, прибываше се плаветъ кѣ бѣломоу лицу кѣ, и небесной плавети образъ кѣ подоблѣше се (вар. приб. када на жуто камне призираше, к белости лица нее приликоваше и образ нее данци сютра истекшой противлаше се); кгда-ли въ шѣи пехождаше, различнаа блѣстаніа блѣсташе отъ камен'ныихъ видовъ, кже отъ крѣзна того пехождахоу. То крѣзно Алексен'дръ видѣвъ и подиви се жепѣ тои паче вѣхъ жень, и ешо похваливъ не только за див'ноу оноу свитоу, колко за вѣроу и любовь, юже къ Ацлешоу показа. Ацлешоу бо оумьр'ноу, шномоу моужоу не хоте назвати се жена, глаголаше бо къ себѣ: ѣмоу же вьсь мпръ не бѣ подоб'нь витежѣст'воу и храб-

рости и красотѣ его, како его запаметити имамъ, или иному нарешти се жена? Ни въ поработаникъ себе не въсхоте дати Трою разбив'шомоу цароу, нь изволи паче смръть и Ацилешевъ гробъ, него жива поработити се въ пелагон'скоу землю. И се mouже-оумникъ жены, кже по mouжи своѣмъ любовь и чьсть съблюдоше, двоимъ имъ есть мзда, отъ Бога мзда и отъ чловѣкъ похвала; «болѣ ми есть, рече, съ mouжемъ моимъ оумрети, нежели срам'но жити». — И изнесоше емоу вѣи'ць ктриве господкѣ (вар. тежде госпожде; теѣере госпце; те господое кѣере): кгда кѣто на главоу постав'леше, невидимъ бываше въ дне, въ ношти же кко ог'нь свѣтѣше се. И изнесоше кмоу бележьць ороуж'ныи (вар. хѣм) прѣмогаго (вар. моѣнога) Юктора, съ бисеромъ и съ каменнемъ оукрашень и съкор'фипнеи (вар. скор'пннми, скорпнннми) зозуби и аспидовени кости (вар. нокѣти), и кѣпазмо (вар. хакиз'мо, хаизмо) отъ рибіе коже. И принесоше кмоу к'ниги нѣкоего философа Омира (вар. отъ Рима), кою бѣше съписаль о троискомъ разореніи отъ исконы до скон'чаніа. И сію Алексен'дръ прочеть, и тоу подвигъ великыиъ витезъ слышавъ, радости и жалости испльнивъ се, рече: О колпци сил'ныи падоше се жены ради мръзкыиъ и лоукавкѣ! Алексен'дръ же въ градъ троискыи въшьдь, и Трогане же въпрашаше глаголе: Где витеземъ гробове соуть? Они-же ведоше его на гробы ихъ. И възьмъ ливанъ и змир'но, покади ихъ гробы, и въсплакавъ рече: О дв'ни въ чловецѣхъ храбри витези и львоуе, Ацилешоу, Гак'шате (вар. Гикоушоу, Аѣкешу) и Юкьторе (вар. приб.: и Несторе), аште быхъ васъ живѣхъ видѣль, азъ по достоинню чьсть въздалъ быхъ вамъ (вар. приб.: и господинъ светоу назваль се бихъ съ вами), да кгда оумрѣли есте, жрѣт'воу вамъ, кко живемъ, ливанъ твороу и въздаю, нь поминаемъ (вар. блажени) есте и по смръти своей, понеже великоу и див'ноу спсателоу въ повестехъ прилоучисте се Омроу Се же слышав'ше философи (вар. приб. Менандръ и Аристоклеп; Менандаръ и Ариштотил) и къ Алексен'дроу рекоше: «Великыи цароу Алексен'дре, Ацилеша, Пер'леоуша сынъ, по отьци брать ти есть, отъ Амона бо бога и Федиде (вар. Петиде, Тетиде)

жени родилъ се кестъ, и ти, Алексен'дре цароу, отъ Амона бога и Олимп'ιάδι царице родилъ се кесп, и по прилице ꙗко ѳдиноу отъца кеста. Да аште сѣмръть прилоучитъ ти се, о' цароу, бол'шими похвалами и подвигы царство твое напшемъ и похвалямъ, нежели Омпръ фриг'инскии (вар. фригидскии) [п] κελ'лин'скипхъ царъ (вар. царев)». Алексен'дръ же къ шмъ рече: Бол'ше ми кестъ въ Омпрѡвѣхъ писанипхъ царъ конюхоу звати се, нежели отъ вашпхъ писанип ѳдинои (вар. всои) зем'ли царъ звати се».

Вѣнскіи списокъ (W, стр. 35—38) называетъ Фригію — Франгіей (Φραγγία, но и Φαρυγγία, Φρυγγία); Александръ приходитъ εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα, который Емлины осаждали 12 лѣтъ и разрушили διὰ μίας γυναῖκος, τὴν ὠραιότητα, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦσαν γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὴν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βασιλεὺς ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φαρυγγίας καὶ εἶχε υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριον· καὶ ἠπῆργεν εἰς τὸν θεὸν τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσῃ· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὠραιότητα καὶ πάντερον Ἑλένη, ἔδραξέν τὴν καὶ ἤφερέν τὴν εἰς τὴν Τρωάδα, καὶ οὔτε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον, οὔτε τοὺς Τρωάδταις ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἄρπαξιν τῆς Ἑλένης, καὶ ἀνευχάριστον ἐδέκτηκαν τὸν Πάριον. Менелай идетъ на Трою съ царями τῶν Ἑλλήνων τῆς Κιλικίας καὶ τῆς Λαττωνίας (пелагонскимп?) καὶ τῆς Ἀταλίας (Θεσσαλίη? Сл. слав. т.)... τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἑλληνας διὰ μίαν γυναῖκα μαγαρισμένη. ὁ προπάπους μας Ἀδάμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμφὼν ὁ θαυμαστός καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολωμὼν ὁ θαυμαστός καὶ παμφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφρούμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μίαν γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν ὀσπερὰν καὶ ἠπῆραν τὸ κάστρον τὴν Τρωάδα, ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος. — Александру приносятъ дары: ἤφεράν του καὶ τοῦ υἱοῦ [Пелеева] τοῦ Ἀγγιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πετξομένο μὲ τὸ πετξὶ τοῦ λέοντος καὶ ἦτον

στορισμένον (στολισμένον?).... — Затѣмъ въ подлинникѣ вѣнской рукописи кое что опущено: слав. тексты говорятъ о Поликсенѣ, между прочимъ: «подоб'нь бѣше образъ ке лоуне небесной и паоу-новоу позлат'номуу перію = въ вѣнск. списокѣ (непосредственно за предъидущимъ): τὸ πρόσωπόν του (sic), ὡσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν, καὶ ὡσπερ τοῦ παγονίου τὰ πτερὰ. Затѣмъ новый пропускъ, вѣроятно, отвѣчающій слѣдующему мѣсту слав. текста (о Поликсенѣ): «различнаа блпстаніа блпсташе отъ камен'ныхъ видовъ.... То крѣзно Алексен'дръ видѣвъ и подиви се» = ὅπου εἶναι χρυσὰ καὶ πράσινα καὶ κόκκινα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπολλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν. — Слѣдующая далѣе подробность не находитъ себѣ соотвѣтствія въ славянскихъ текстахъ и, очевидно, не у мѣста, хотя ничто не мѣшаетъ предположить, что она находилась и въ подлинникѣ, хотя въ иной связи и большей сохранности: ἤφεραν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο ¹⁾ ὅλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὅπου εἶχεν· ὅπου ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρὸς. — Послѣ того мы снова возвращаемся къ Ахиллу, къ разсказу о томъ, какъ его убили διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναόν τους, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, αἰχμαλωτίσθη ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, καὶ ἐσφαζέ τὴν ὁ υἱὸς του ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρὸς του τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν. καὶ ἐπαίνεσέ τὴν πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν, καὶ ἐκαύγησε τὴν τιμὴν τῆς τῆς γυναῖκος ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμὴν τῆς, ὅπου ἄλλην γυναῖκα τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησεν. καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ἤρεν τοὺς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστη ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὅπου οὐκ ἠθέλησεν νὰ πάρη ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἀχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη· ἀκόμη ἐβγάλαν τῆς βασιλίσσας ἐκείνης (слав. кетриве?

¹⁾ μαντέλο = ит. mantello.

тежде?) τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβαλεν εἰς τὸ κεφάλι του, τότε ἄφαντος ἐγένετο ἀπὸ ὄλους τοὺς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπε ὡς λαμπάδα. ἀκόμη τῆς ἔβαλεν ἀπανωκλίβανον¹⁾, ὅπου τὸ ἔβαλεν ἀπανωθέν τῶν ἀρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένον μὲ πολυτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον, καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετζί· ἠφεράν του καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὅπου εἶχεν γράψῃ ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τοὺς πολέμους καὶ τὸν χαλασμόν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἀρχισεν νὰ τὸ ἀναγνώθῃ· καὶ αὐτοῦ κῆρεν τοὺς πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων. Онъ умиляется и радуется и сѣтуетъ о вптязяхъ, погибшихъ ради одной γυναῖκα μαγαρισμένη. По его просьбѣ ему показываютъ гробницы (ркп. ὀνόματα вμ. μνήματα) павшихъ; онъ воскуряетъ смирну и ливанъ, взывая къ Ахиллу и Гектору: еслѣбъ они были въ живыхъ, онъ одарилъ бы ихъ и возвысилъ, νὰ χαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς. Φιλοσοφί, ὁ Μενέλαος καὶ ὁ Ἀριστότελης εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ Ἀχιλλέας καὶ ἡ βασιλεῖα σου εἰστέν ἐνοῦ πατρός παιδία τῶν Ἑλλήνων, τὸν θεόν τους τὸν Ἄμῶν εἰστέν υἱοί· καὶ ἐμεῖς οἱ ὄλο τιμητικώτερα θέλομεν γράψῃ τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὅμηρον τῆς Φραγγίας. Отвѣта Александра нѣтъ.

Греч. нар. кн. (р. 58—60) сильно сократила весь этотъ эпизодъ. Главныя отмѣны и совпаденія: Александръ приходитъ εἰς τῆς Φρυγίας τὸ μέρος; Μενελαῖ царитъ въ Μορεѣ и идетъ на Τροю съ царями Ἐλλиновъ. Что говорилось о Πολυксенѣ, ошибочно перенесено на Елену: много Ἐллиновъ и Τροянцевъ пало; εἰς αὐτὸ ἐπαινέθη ἡ Ἑλένη, νὰ μὴ θελήσῃ νὰ γένη ἄλλου ἀνδρός γυνή, καὶ εἶπε· κάλλιον θάνατος μὲ τιμὴν παρὰ ζωὴ ἄτιμος. — Александрῷ подносятъ: «τὸ στεφάνι τῆς βασιλίσσας ἐκείνης» (Елены!); «τὸ κλίβανον τοῦ ἀνδρειωμένου Ἑκτορος»; остальные дары опущены;

¹⁾ Новогреч. нар. кн. κλίβανον Гектора = слав. бележень оруж'ныи; сл. Пов. II, гл. 9: възъмь бѣлежыи на оружіе = новогреч. нар. кн. стр. 86: ἔβαλεν ἀπάνω κλίβανον σημάδι: въ Δηγησια Αχιλλέως у Wagner'a, Trois roèmes grecs, p. 5, v. 126: ἀπανωκλίβανον.

нѣтъ и философъ и Александровой отповѣди. — Съ (Менандромъ) и Аристоклеемъ (Аристотелемъ) слав. текстовъ, (Менелаемъ) и Аристотелемъ вѣнскаго сл. въ Hist. de Prel.: *Clitomidis, Cleto-medus* (Kinzel, Zwei Recens. стр. 13; Zingerle, l. c. стр. 160).

Лишь теперь (послѣ .зі. либо .гі. лѣтъ) Александръ возвращается въ Македонію; Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ его на рѣкѣ Скамандрѣ и всѣ направляются въ Филиппополь. Черезъ три мѣсяца, когда войско его отдохнуло по домамъ и снарядилось наново, Александръ устремляется на востокъ съ стотысячной (вар. 50) ратью: у всѣхъ одно и тоже оружіе и «белези, и единаци хелмове и рогове (вар. с рогови; хенпи и пера) на нихъ, на всѣхъ щитовехъ львове главѣ и на всѣхъ фарижехъ еднака кѣпазма (вар. хакизма) кор'кодилова, и тако повелѣ всѣмъ шаторѣ около царева шатора ставити, а иномоу никомоу тоу вѣмѣшати се. И въ македон'скоу войску постави благообразныхъ женъ двѣ тисоушти, и тѣмъ повелѣ колес'нице и шаторе одредити, терыгха (вар. етерігхар'ха, етіар'ха) нѣкоко надъ ними постави, вѣса о тѣхъ же на разумно оуправ'ляти, и когда кто женоу трѣбоваше, къ терыгхоу (вар. етеріархоу, етеріароу) шѣдь и златицоу давь, женоу възимаше, и колико пошти сію дръжаше, толико златиць дагаше ѣи. И в'сакаа воююшти съ Алексен'дромъ по подобію и оуставоу нареждаше се; .р. (вар. 50) тисоушти Македонганы конь себѣ наредилъ бѣше, ꙗко когда Алексен'дръ на конь вѣсѣдаше, еднемъ часомъ в'си на конихъ обрѣтахоу се; и когда Алексен'дръ на обѣдь сѣсти хотеше, и тогда в'си они на трапезѣ обрѣтахоу се, и в'си съ нимъ заед'но бѣхоу, и некотори бо отъ нихъ хоужд'ши бѣше, нь в'си на еднацѣхъ конихъ и свитамы и оружіемъ». Воеводой поставленъ Птоломей; убитыхъ изъ Македонской дружины Александръ замѣщаль другими, избранными мужами, дабы число ихъ не умалялось (Нов. I, гл. 25 = Jag. I. c., p. 251—2).

Сл. соотвѣтствующій отрывокъ вѣнск. текста W, стр. 38—9: рѣка Скамандръ; Александръ былъ въ отлучкѣ три года; показаніе срока, на который онъ распускаетъ свое войско, очевидно,

испорчено; ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι ὅμοια καὶ τὰ ἄρματα τοὺς ὅμοια, μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα ἢ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμένας, καὶ εἰς τὰ σκουτάριά τοὺς ἦσαν στορισμένοι λέοντες μὲ τὰ πτερὰ πλεγμένα τῆς ἀσπίδας· καὶ τὰ ἄλογά τοὺς ἦσαν κουβερτισσόμενα ὅλα ἀπὸ πετρεῖ κορκοδείλου. — Теріарху (этеріарху) отвѣчаетъ далѣе ἑταιριάρχης; златицѣ=ἓνα χρυσοῦ φλωρί. — «καὶ πάντα οἱ ῥ' τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι τὸ γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὐρίσκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὀμίλειν. Птоломея Александръ ставигъ воеводой надо всѣми. — Изъ греч. нар. кн. (р. 60—62) отмѣтимъ: Олимпіада и Аристотель встрѣчаютъ Александра, отсутствовавшего три года, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Κασάνδρας; онъ отпускаетъ войско по домамъ на шесть мѣсяцевъ; войска сто тысячъ: «ἐφοροῦσαν ὅλοι οἱ Μακεδόνες μίαν φορεσίαν, τὰ ἄρματά τοὺς ὅλα μὲ τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα, τὰ κοντάριά τοὺς καὶ ἢ περικεφαλαίαις τοὺς εἶχαν εἰς ταῖς κορυφαῖς λέοντας ιστορισμένους μὲ πτερὰ τῆς ἀσπίδος πλεγμένα ἀπὸ πετρεῖ κορκοδέλου». — ἑταιριάρχης, χρυσοῦ φλωρί. — «πάντοτε αἱ ἑκατὸν χιλιάδες τῶν Μακεδόνων ἦτον κοντά του, καὶ εἶχαν πολλὰ χάρισματα ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον. Μὲ αὐτοὺς ὀμίλει κάθε ἡμέραν, γινόμενος μικρότερος παρὰ ὅλους. — Воевода Птоломей; та-же забота о пополненіи Македонской дружины, какъ въ слав. текстѣ и W.

Всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ у Псевдокаллистоена.

Александръ идетъ на востокъ «и κλιци волкою къ нѣмому приидоше, сѣи чысть и проштение отъ него приимше; κλιци же против'лахоу се, симъ грады раз'биваше и тѣхъ острию мьча прѣдаваше. И о семь страхъ и трепеть в'се асінскыя страны прикм'ше, и цари палестин'скыи і κеврепско господст'во и весь Югуи'ть». Подручные Дарию, они пзвѣщаютъ его о македонскомъ нашествіи, и тотъ шлетъ къ Александру пословъ съ такою эпистолией: до меня дошла вѣсть, «яко в'соу Юладоу обытъ и до Рима дошдь и в'се запад'ныя царе и стране помель κси, и Окіана рѣкы дошдь κси и не тычно симъ довол'нь κси, нь и юж'ныя вар'вар'скыя и κοιον'скыя и в'се запады (вар. стране, граде западеке), под'роч'ныя моему царствоу, поколѣбаль κси, и

многаа отъ нихъ богатства прикъль къси, и еште недовол'нь къси, нь и на Аф'рикію (вар. на Асію и на Придію), соуштоу мою зем'лю, настоупилъ къси съ подоб'ними тебе гоусари Макіѣдоніани, въ заб'веніѣ подроученіѣ наше полож'ше, кже къ царствоу ми имѣсте съ в'сѣми инѣми цари». Онъ велить ему ограничиться одной Элладой и готовъ освободить его отъ дани; въ случаѣ неповиновенія, вся вселенная не укроетъ его отъ персидской силы. — Прочтя посланіе, Александръ раздираетъ его въ гнѣвѣ и хочетъ повѣсить (вар. на дриви... распети) поклицарей; Македоняне говорятъ ему, что это не въ царскомъ обычаѣ; да вѣдь они посланы не къ царю, а къ разбойнику, отвѣчаетъ Александръ, но даруетъ жизнь посламъ, замѣчающимъ ему, что убивъ ихъ, онъ именно уподобится разбойнику, и обѣщающимъ прославить въ Персіи его имя. Въ отвѣтъ Дарію Александръ говоритъ, что въ его посланіи нѣтъ «царска оустава подобіѣ (вар. оустава и подобія; царскога имена). Ты прѣтиши намъ, како запад'наа царства прѣѣхомъ и разорихомъ. Вѣдомо да ксть царствоу ти, како всакъ чловѣкъ иштеть отъ ниж'нихъ на выш'наа постоупити. И мы се разоумѣв'ше, западь прѣѣм'ше на востокъ идемъ. Ты прѣтиши намъ, говоре, како не може насъ вса вьселен'наа оукрити прѣдь очима твоима. Вѣдомо да ти ксть, како вса вьселен'наа плна ксть моѣго имене и Макіѣдоніанъ, ихъ же ты хоусаре наричешъ. Ты велишь насъ терать, а мы сами къ царствоу ти идемо. Ако насъ и нещѣхъ и младѣхъ велишь быти, нь паче камена адаман'та острѣиши тебѣ гвимъ се и паче пьпренѣхъ зрнь люгѣиши, и господинъ свемоу твомоу наречемъ се. На выш'ныи промысль надѣемъ се, кмоуже ты противѣши се (вар. кому ти такмиш се). Тъкьмъ битъ не оузди се оу Пер'сиди противоу насъ изыти. Жене соуть съ тобою оукрашен'ны, Макіѣдопане же соуть львове неоукротими; волюю своєю смръть за животь коупоуютъ. — Дарие же къпистолю прочть и шрости и гнѣва испльнивъ се рече поклицаромъ: Коѣго въз'раста ксть Алексендръ, каква ли оума, коѣго ли лѣта рождениемъ, колико ли вопске оу нѣго ксть? Они же отвѣштав'ше рекоше: Лѣти оубо л.-лѣтнь

късть, оумь же старь късть оу нѣго; краснь, храбрь зѣло п соудь правь ямать (вар. приб. роука же податлива, езикъ непотвор'нь до коньца), прѣмоудрость же нго въ посланихъ познакши, о цароу; воиске же съ нимъ видѣхомъ .е. съть тисоушть. Прѣмоудрыи же Соломонь въ к'нигахъ своихъ пишеть: Посмѣяниѣ оусть п погледь очию п постоупь ногама въз'вѣштаеть нже о мужи. Даріѣ же сіѣ въ оумь въсприѣмь, рече: Въ истиноу сіа соуть великихъ царь бѣлеси, нь не м'ню истына семоу быти». Онъ велить своему войску собраться на Сенаарскомъ полѣ, гдѣ когда-то «языки» создали столпъ (вар. пир'гъ, туран), боясь «вътораго потоц'наго нашъствіа», п совершилось смѣшеніе языковъ; а самъ пишеть въ Египеть п Іерусалимъ: пусть не предаются Александру п ждуть помощи отъ него (Нов. I, гл. 25—7 = Jag. 1. с., р. 252—254).

Разсказъ W, стр. 39—43, сходень съ славянскимъ; только въ началѣ Даріевой эпистоли элементъ самовосхваленія болѣе развитъ п въ перечисленіи странъ, завоеванныхъ Александромъ, есть отлчія. Сл. «еште недовол'нь късп, нь п на Аф'рикю (вар. на Асию п на Придию = Фригію?), соуштоу мою зем'лю, настоупилъ късп съ подоб'ними тебе гоусари Македонции» = «καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκόπησες καὶ ἠπῆρες μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἤλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδαυ καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥωμαίους τοὺς Μακεδόνας»; сл. греч. нар. кн. 64: εἰς τὴν Ἀσίαν κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου, πατῶντάς τον μὲ τοὺς ἀρπαγας τοὺς Μακεδόνας. Въ подлинникѣ могло стоять: εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Φρυγίαν, которую греч. нар. кн. опустила, славянскіе тексты передѣлали въ Придию п — Африкію, W въ Ἀγρίδαυ, т. е. Ἀγρίδαυ; Тарентъ присоединился не столько по сосѣдству, сколько по какому-то преданію, сохраненному, какъ мы видѣли, повѣстью о Таврѣ п Мениі, п перенесшему на Александра Македонскаго историческія воспоминанія объ Александрѣ Эпирскомъ ¹⁾. — Въ отлчіе отъ

¹⁾ Сл. въ приложеніи эскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

слав. перевода и греч. нар. кн. (стр. 64) иѣтъ черты, что Александръ хочетъ повѣстѣть пословъ Дарія, о письмѣ котораго говорить: *ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξι* (греч. нар. кн. 65: *δὲν γράφεις βασιλικά*). Греч. нар. книга сокращаетъ, въ отвѣтѣ Александра, подробности о перцѣ и алмаптѣ, и характеристику Александра въ рѣчахъ Даріевыхъ пословъ; W отвѣчаетъ здѣсь славянскому тексту, и въ слѣдующемъ отрывкѣ становится понятнымъ лишь при сравненіи съ нимъ: *ἔχει (ὁ Ἀλέξανδρος) τὸ χέρι του νὰ δωρῆ τὴν ἅπασαν ἡμέρα . . . ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτῖα του ἔλεγεν τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημα του ἔχει βασιλικὸν ὁ Ἀλέξανδρος (sic)*. — Даріи сзываетъ войско *ὅπου ὀκάποτε ἡ γλῶσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίξουν τὴν πυργοποιάν*; греч. нар. кн. 66: *εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Πυργοποιίας* = Сенаарское поле славянскихъ текстовъ. Сл. греч. нар. кн. стр. 62—67.

Письма Дарія и Александра отвѣчаютъ, въ бѣльшей своей части, Pseudocall. C, I, гл. 36—8, за исключеніемъ тѣхъ подробностей (подарки Дарія Александру и ихъ символическое толкованіе Pseudocall. C, I, 36 и 38), которыми нашъ текстъ воспользовался въ иномъ мѣстѣ (Нов. I, гл. 19—20; сл. выше, стр. 172—5). Конкорданція съ текстомъ C, прерванная, какъ мы видѣли, вторженіемъ троянскаго эпизода и разговоромъ о военныхъ приготовленіяхъ Александра, снова возстановляется. Эпизоду объ основаніи Селевкии, Антиохіи и т. д. отвѣтилъ въ текстѣ C, I, 36 такой-же о построеніи Никаторіи и Антиохіи; затѣмъ онъ продолжаетъ согласно съ нашимъ: *Καὶ καταλαβὼν (Александръ) τὴν ὀδοιπορίαν κατὰ ἀνατολὰς ποιῆται. Καὶ ὅσοι μὲν προυπήντων αὐτῷ, συγγνώμης ἤξιούτο, ὅσοι δὲ τὸ σύνολον ἀντιλέγειν ἐτόλμων, τὰς πόλεις αὐτῶν ἐκ βάρων κατέσκαπτε καὶ ἡ βουφραία αὐτοῦ διήρχετο ἐπ' αὐτοὺς, καὶ δὴ φόβος καὶ τρόμος πᾶσαν τὴν ἔδωκ' ἀπέτρεχεν, ὡς καταλυμπάνειν τὰς πόλεις αὐτῶν καὶ φεύγειν*. Слухъ о томъ доходитъ и до Дарія, который шлетъ Александру (извѣстные намъ дары) и эпистолю, изъ текста которой видѣлимъ черты, специально принадлежащія редакціи C: *Ἀκήρεια γὰρ ὡς πᾶσαν παραδραμῶν γῆν Ἑλλάδος, τελείως αὐτὴν κατηράρησας*

καὶ μέχρι Ῥώμης καὶ ταῖς ἐνδοτέραις βασιλείαις τῶν δυσμῶν ἐπέβης, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ μέχρι Ὠκεανοῦ τῆς κατὰ νότου ἄκρας ὠδεύσας, καὶ πολὺν σεαυτῷ συνήθροισας πλοῦτον. Τούτοις δὲ πᾶσι μὴ ἀρκεσθεῖς, ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης. Καὶ ταῦτα μὲν πεπραγῶς κατεφρονήθης παρ' ἡμῶν, ὡς μὴ φροντίδα περὶ Ἑλλάδος ἔχειν ἡμᾶς. Σὺ δὲ ἐπὶ πλεῖον θρασυνθεὶς κατετόλμησας ὄλωσ καὶ τῇ ἐώᾳ ἐπιβῆναι, καὶ ληστρικῶς περιῶν λεηλατεῖς τὰς πόλεις ἐπιλαθόμενος τῆς δουλικῆς τύχης, καὶ ὅτι τῷ Περσικῷ κράτει πάντες δουλεύουσι, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων. Λοιπὸν τοὺς τῇ σῇ μωρίᾳ ὑπαγθέντας Μακεδόνας ἀντίστρεψε καὶ τῆς Ἑλλάδος ἄρχειν ἀρκέσθητι. (C, I, 36).— Слѣдуетъ извѣстная намъ сцена съ послами Дарія (C, I, 37) и въ отвѣтѣ Александра (ib. 38) такія выраженія: «Καὶ ὅτι ἔγραψας τὰ περὶ τῆς Ἑλλάδος, μὴ φρόντιζε, ἀλλ' οὐδὲ τῶν κατὰ δυσμῶν βασιλέων. Ταῦτα καὶ ἡμεῖς ἀκριβῶς ἐπιστάμεθα. Πᾶς γὰρ ὁ τὰ κρείττονα ἔχων, τὰ χειρόνων οὐκ ἐρίεται. Ὁ δὲ τῶν χειρόνων περιγενόμενος σπουδάζει καταλαβεῖν καὶ τὰ κρείττονα. Τὰ τοιαῦτα οὖν καὶ ἐν ἡμῖν παρηκολούθησε· τὰ γὰρ χειρόνα καταλαβόμενος καὶ τῶν κρείτόνων περιγενέσθαι σπουδάζομεν. Ἄλλ' εἰ καὶ ὡς ἀνηλίκους ἡμᾶς καταφρονεῖς, ὑπὲρ τὸν ἀδάμαντά σοι λίθον ἐπελεύσομαι. Καὶ μηδαμῶς σοι περὶ τούτου φροντίς, θάρρῶν γὰρ τῇ προνοίᾳ ἐλεύσομαι ἐπὶ σε, καὶ κύριος γενήσομαι τῶν σῶν, καὶ μὴ δοκῆ σοι, καὶ οὐχ ὑποστήσῃ τὰ ἔχνη τῶν ποδῶν μου, καὶ ἔμπροσθεν παίδων Μακεδόνων ἐξουθενωθήσῃ.

На этомъ мы остановимъ пока разборъ сербскоѣ Александрии сравнительно съ Псевдокаллистоеномъ и попытаемся обобщить нѣкоторые изъ полученныхъ въ разбродѣ результатовъ. Пока мы выяснили лишь фактъ особой близости сербскоѣ рецензии къ Псевдокаллистоену С, который представляется миѣ довольно не ловкимъ сводомъ вульгаты В съ тѣмъ особымъ текстомъ романа, — назовемъ его С¹ — который, съ другоѣ стороны, легъ въ основу пересказовъ, объединенныхъ нами подъ названіемъ «сербскоѣ Александрии».

Слѣдующая таблица поможетъ уяснить наше положеніе:

Pseudocal. B.

Pseudocal. C.

Серб. Ал.

1. Лаомедонтъ въ Олимпин (I, 19, 20)
2. Война съ Селеамн (I, 23)
3. Первое посольство Дарія (I, 26, 36, 37)
4. Поликратъ Солунскій (I, 26)
5. Походъ на Аонны (и Оны I, 27)
6. Пришествіе въ Римъ. — Лаомедонтъ (I, 27)
7. Александръ доходитъ до Океана (I, 27)

1. Лаомедонтъ въ Олимпин.
2. Война съ Буманамн.
3. Первое посольство Дарія.
4. Солунскій царь Кархидонтъ.
5. Походъ на Аонны.
6. Пришествіе въ Римъ; Лаомедонтъ.
7. Александръ доходитъ до Океана.

(Взявъ Оны I, 27)

- a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)
- b. Переходитъ въ *Азію*: побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)
- c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)
- d. *Каррагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ въ *Египетъ* (I, 30—34)
- e. Взятіе Тира (I, 35)

- a. Александръ возвращается въ *Македонію* (I, 28)
- b. Въ *Азіи*, побѣда при *Граникѣ*. — Фригія (I, 28)
- c. (Изъ Памфиліи) въ Сицилію и *Римъ* (I, 29)
- d. *Каррагенъ*, основаніе *Александріи*; походъ въ *Египетъ* (I, 30—34)
- e. Взятіе Тира (I, 35)

8. Основаніе Пшкаторин (Селевкомъ) и Антиохин (I, 36)
9. Второе посольство Дарія (I, 36—8)

8. Основаніе Селевкин и Антиохин (Троянскій походъ. — Александръ снаряжается къ войнѣ).
9. Второе посольство Дарія.

Миллеръ (Pseudocall. прим. къ I, 27) предполагаетъ что №№ 5—7 нашей схемы для С почерпнуты редакторомъ этого текста изъ той-же рецензій романа, откуда онъ заимствовалъ и № 1. Сравненіе съ сербской Александріей убѣждаетъ насъ, что 1) этой рецензій принадлежали все №№ 1—9, общіе С и нашимъ текстамъ; 2) что редакторъ С въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне не искусно спаялъ ему рецензію съ текстомъ В, не страшась противорѣчій и наивностей. Въ С¹ говорилось по поводу перваго посольства Дарія (сл. выше, № 3), что онъ послалъ Александру ковчеги, дабы онъ наполнилъ ихъ данью (сл. сербск. Александрію); въ В — ковчегъ съ золотомъ — для его товарищей; въ С эти черты вошли въ странное сочетаніе другъ съ другомъ: посылается ковчегъ съ золотомъ, и этотъ-же ковчегъ слѣдовало наполнить данью! (сл. однако выше, стр. 174). — Тому-же редактору принадлежитъ, вѣроятно, идея — сдѣлать Поликрата = Кархидона сыномъ Анаксарха = Павзанія (сл. нашъ № 4), что-бы такимъ образомъ тѣснѣе сплотить рассказъ С¹ (о Поликратѣ = Кархидонѣ) съ эпизодомъ о Павзаніи, стоявшемъ уже въ В (сл. выше стр. 165). — Принадлежалъ-ли эпизодъ о Фивахъ (сл. нашъ № 5) къ старому составу С¹, или внесенъ изъ В, — это я ставлю пока вопросомъ. — С¹ доводилъ Александра *отъ Рима до Океана* (сл. нашъ № 7) — и затѣмъ, вѣроятно, въ *Египетъ* (сл. № 7* нашей схемы для сербск. Александріи); въ эти границы редакторъ С включилъ цѣлый эпизодъ изъ В, заставивъ Александра побывать въ Македоніи, Азійи и *снова въ Римъ*, и затѣмъ уже въ *Египетъ*. Здѣсь С¹ и В снова сошлись: но тогда какъ въ первомъ (сл. сербск. текстъ, № 7*) дѣло шло лишь объ основаніи Александріи, С, слѣдуя В, помещаемъ цѣликомъ весь египетскій эпизодъ романа (основаніе Александріи, статуи Некта-неба въ Мемфисѣ и т. д.), говоритъ о взятіи Тира — и, снова обращаясь къ С¹, сообщаетъ, согласно съ сербской Александріей, объ основаніи новыхъ городовъ (Икаторіи = Селевкии и Антиохіи). — Послѣ этого ряда совпаденій С и сербской Александріи, вмѣнимыхъ С¹, сербскій пересказъ представляетъ два лишнихъ

эпизода: о Троѣ и о военныхъ приготовленіяхъ Александра. Первый риторически развиваетъ, что въ текстахъ Псевдокаллистоена рассказано лишь позднѣе; имѣемъ-ли мы право, при разногласіи С и серб. сп., вмѣнить это приуроченіе тексту С¹? Замѣчу во всякомъ случаѣ, что въ слѣдующемъ далѣе (сл. нашъ № 9) второмъ посланіи Дарія, онъ говоритъ Александру: С, I, 36: ἐπὶ τὴν Ἀσίαν καὶ Φρυγίαν ἐπέβης, сербск. сп.: на Асию и на *Придию* (вар. АФ'рикію); Александръ, стало-быть, уже былъ во Фригіи? Можно было-бы разумѣть Фригію въ С, I, 28 — но это упоминаніе относится къ вставкѣ пзъ В (сл. нашъ № 6), и въ ней Фригія — просто упоминается, между тѣмъ какъ посланіе Дарія особливо на него налегаетъ: Азія и — Фригія. — Можетъ быть, это даетъ поводъ заключить что и въ С¹ эпизодъ о Фригіи и Троѣ стоялъ на томъ-же мѣстѣ, какое онъ занимаетъ въ сербск. Александріи, хотя, вѣроятно, не въ томъ-же текстѣ.

Что автору Hist. de preliis могъ быть знакомъ какой-нибудь текстъ С¹ — это мы предположили выше по поводу его Халкедона = сербск. Кархидона (см. стр. 176 слѣд.). Присоединю къ этому и еще одно указаніе: въ сербск. романѣ Александръ строитъ Александрию, пока его сподвижники основываютъ въ Сириіи другіе города; дождавшись ихъ и войска Птолемея и Филона, онъ переправляется съ ними въ Азію. Сл. Kinzel, l. c., p. 11: Александръ строитъ Александрию; et dedit comitatum militibus suis ut irent ad Scalonam (вар. Ascalonam) et expectarent eum; — Подчинивъ Египетъ онъ «accepta milicia perrexit Siriam». См. Zingerle, l. c., стр. 148.

Слѣдующій отдѣлъ сербской Александріи (Нов. кн. II, стр. 46 слѣд. = Jag. стр. 254 слѣд.) вводитъ насъ въ рассказъ о войнахъ Александра противъ Дарія. Прежде чѣмъ перейти къ сравнительному разбору этой части текста, что потребуетъ подробныхъ сближеній, мы изложимъ въ общихъ чертахъ ея планъ и послѣдовательность и опредѣлимъ ея специальный источникъ.

II.

ПСЕВДОКАЛЛИСӨЕНЪ С, II, 23 И СЛѢД. И ПЛАНЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

Такимъ оригиналомъ представляется мнѣ какая-то редакція посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, отвѣчающая Pseudocall. С, II, гл. 23 и слѣд., только лишенная эпистолярной формы. Послѣдовательность въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Псевдокаллисөена такая:

1. *Пораженіе и смерть Дарія*; женитьба Александра на Роксанѣ. Онъ велитъ *Селевку* собрать персидское войско и, соединивъ его съ македонскимъ, идетъ на Египетъ (гл. 23).

2. Мирное вшествіе Александра въ *Иерусалимъ* (гл. 24).

3. Александръ въ *Египтъ* (гл. 25—28).

4. Покоривъ знаемый міръ, онъ отправляется въ *незнаемыя страны*. Его встрѣчи:

а) Исполнскія волосатыя жены и гигантскіе муравьи (гл. 29).

б) Рѣка, три дня текущая водой, три дня пескомъ (гл. 30). Александръ называетъ ее *Ἀρόρρορος*; это — Самбатіонъ талмудическихъ легендъ; мы встрѣтимъ ее у Эльдада (сл. далѣе нашу гл. V); древняя редакція эпистолии Пресвитера Іоанна помѣщаетъ въ Индію «fluvium . . . lapidum», за которой обитаютъ «X tribus Judaeorum».

в) За песчаною рѣкой Александръ «κόσμον ἄλλον κατέλαβε». — Встрѣча съ малорослымъ мирнымъ народцемъ, ростомъ [ὄψι

ἀλλὰ] πῆλυν τε καὶ ἥμισυ. — Озеро со статуей Сезонхоса космократора и надписью на ней, что досюда доходилъ Сезонхосъ, но не могъ проникнуть далѣе (гл. 31).

д) Александръ идетъ далѣе, направляясь *κατὰ τὴν ἀμᾶξαν τοῦ πόντου*. Въ лѣсу *Ἀνάραυτος* живутъ великаны, въ 24 аршина ростомъ. — Македоняне нападаютъ на нихъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ и прогоняютъ, при взаимныхъ потеряхъ (гл. 32). — Позднѣе встрѣчаются голые, черные, волосатые люди, спавшіе на камняхъ. Къ одному изъ нихъ подводятъ красивую дѣвушку; онъ принимается пожирать ее, и когда ее у него отняли, убѣгаетъ съ лаемъ. Его товарищи, напавшіе на войско съ камнями и дреколѣемъ, прогнаны огнемъ. Македоняне просятъ Александра вернуться; онъ говоритъ: *οὐκ ἐμὸν τὸ ἀντιστρέφειναι, ἀλλὰ τῆ τύχῃ δεσπὸν* (гл. 33).

е) Статуи Геракла и Семирамиды и запустѣлый дворецъ послѣдней. — Встрѣча съ шестирукими и шестиногими людьми и кинокефалами. — Громадный ракъ, вышедшій изъ моря, уноситъ палую лошадь; ночью Македоняне защищаютъ свой лагерь отъ морскихъ чудовищъ, разведя огни (гл. 34).

5. Александръ приходитъ къ морю; въ шести стадіяхъ отъ берега лежитъ *островъ брахмановъ* или Оксидраковъ. Сначала отправляется туда Филонъ, потомъ Александръ (гл. 35). — Редакція С рассказываетъ здѣсь о посѣщеніи Александромъ брахмановъ и его бесѣдѣ съ Дандаміемъ, чтò другіе пересказы относятъ къ слѣдующей книгѣ III, гл. 5 и слѣд.

6. Вернувшись отъ брахмановъ, Александръ идетъ далѣе, къ чудесной рѣкѣ, на берегу которой выросли съ восходомъ солнца деревья, растя до шестаго часу, и затѣмъ, убавляясь постепенно, печезали (сл. далѣе, въ гл. V-й, чудесно вырастающія деревья въ Хожденіи Зосимы). — Въ рѣкѣ находились черные камни; кто ихъ касался, чернѣлъ; были тамъ змѣи и рыбы, варившіяся не въ кипятокѣ, а въ холодной водѣ; птицы, изъ которыхъ выходило пламя, когда къ нимъ прикасались (гл. 36). — На дальнѣйшемъ пути дневной свѣтъ постоянно уменьшается: встрѣ-

чаются двиковинные звѣри о шести ногахъ, о трехъ и пяти глазахъ, величиною въ десять локтей; другіе, похожіе на опагровъ, величиною въ двадцать локтей, съ шестью глазами, изъ которыхъ лишь два были зрячіе; кинокефалы и морскія чудовища (гл. 37).

7. Войско идетъ по безлюдной пустынѣ, гдѣ не видать ничего, кромѣ неба и земли, въ полной темнотѣ. Остановившись у морскаго берега, Александръ хочетъ переправиться на островъ, откуда слышна греческая рѣчь. но людей не видно (Лейденская рукопись Псевдокаллистоена: слышится стихотворное привѣтствіе сыну Филвина, произошедшему отъ египетскаго сѣмени, исполнившему предзнаменованіе, лежавшее въ его имени). Воины, пытавшіеся перебраться на островъ вилавъ, унесены раками; устрешенный Александръ возвращается вспять [Слѣдуетъ разсказъ о попыткѣ Александра извѣдать морскую глубину] (гл. 38)¹⁾.

8. Александръ велитъ перекинуть мостъ черезъ одну лошину (ράραγξ) съ надписью: ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἤγειρεν ἀψίδα, ἐν ἣ πανστρατὶ διαβάς, ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῆ προνοίᾳ ἔδοξε. Они приходятъ въ страну, гдѣ не свѣтитъ солнце: ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη μακάρων χώρα. Съ немногими спутниками онъ идетъ развѣдать страну, взявъ съ собою, по совѣту одного старика, кобылицъ (В ослицъ; въ Лейденскомъ текстѣ Pseudocall. соединены оба варьянта: ἵππους θηλίους, καὶ ἐν ἑτέρῳ λόγῳ ὄνους θηλίας), жеребята которыхъ остались въ лагерѣ. — Идя въ темнотѣ εἶδον τινὰ τόπον, καὶ ἦν ἐν αὐτῷ πηγὴ διαυγής, ἧς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἀήρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος. Александръ хочетъ ѣсть: его поваръ Андрей, собираясь готовить, намѣревается омыть сушеную рыбу въ свѣтломъ источникѣ, но рыба, оживъ, ускользаетъ отъ него. Онъ никому не говоритъ объ этомъ чудѣ, а воды набралъ съ собою въ сосудъ (гл. 39). Въ теченіе нѣкотораго времени не видать ни солнца, ни луны, ни звѣздъ. Двѣ птицы съ человѣческими лицами

1) Что поставлено въ скобкахъ относится къ эпизодамъ, не находящимся въ соотвѣтствующей части сербской Александрии.

вѣщаютъ Александру: Ἡ γῶρα ἦν παταῖς, Ἀλέξανδρε, τοῦ θεοῦ μόνον ἐστίν. ἀνάστρεφε δεῖλαι· μακάρων γῶραν παταῖν οὐ δύνησῃ. Ανάστρεψον οὖν, ἄνθρωπε, καὶ τὴν δεδομένην σου γῆν πάται, καὶ μὴ κόπους πάρεχε σεαυτῷ. . . . Ἐκκαλεῖ σε ἡ ἀνατολή, Ἀλέξανδρε, καὶ ἡ Πύρου βασιλεία νίκη ὑποταχθήσεται σου.

Слѣдую совѣту старика и Александра, воины берутъ съ собою все, что находятъ на землѣ: камни, куски земли. По нѣкоторомъ времени они выходятъ изъ области тьмы, руководясь ржаніемъ жеребятъ, оставшихся въ станѣ и отвѣчавшихъ кобылицамъ (гл. 40). — Кто захватилъ что-либо съ собою, увидѣлъ, что его находка была чистое золото¹⁾. [Поваръ говоритъ о видѣнномъ имъ чудѣ, но не о захваченной имъ съ собою живою водѣ, которую онъ даетъ Калѣ, побочной дочери Александра отъ Уны. Узнавъ о томъ, Александръ завидуетъ ихъ безсмертію, дочь изгоняетъ, а Андрея велитъ бросить въ море, навязавъ на шею камень. Она становится нерендой, онъ — морскимъ демономъ. — Ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ὑπέλαβε διὰ τῶν σημείων τούτων ἐκεῖσε εἶναι τὰ ἄκρα τῆς γῆς· ὡς δὲ ἔρθασαν εἰς τὴν ἀψίδα ἣν ἐκτίσεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψεν ἄλλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος· «Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν μακάρων γῶρα, δεξιᾷ παρεύεσθωσαν». — Слѣдуетъ рассказъ о попыткѣ Александра извѣдать небесную высоту; птица, съ человѣкоподобнымъ лицомъ, велитъ ему вернуться на землю; двѣ другихъ птицы говорятъ, что кто пойдетъ на право, увидитъ много чудеснаго. Такъ Александръ и сдѣлалъ] (гл. 41).

¹⁾ Въ армянской статьѣ о драгоцѣнныхъ камняхъ рассказывается, что «когда Александръ отправился въ Темную страну, то у подошвы одной горы подкова его лошади стукнула обо что-то. Онъ спросилъ: «Что это такое?» Мудрецы, бывшіе при немъ, сказали: «Это алмазь, который происходитъ отъ росы небесной. . . . за этою горой есть песчаная равнина, полная алмазовъ, но не населенная никѣмъ, кромѣ птицъ». Способъ ихъ добычи, указанный мудрецами, тотъ же, что у Марко Поло III, с. 19 (о добычѣ алмазовъ въ царствѣ Мутфили), въ 1001 ночи (77 ночь: рассказъ Синдбада); у Геродота (III, СХI) тѣмъ же способомъ добывается Арабами корица, въ русскомъ Азбуковникѣ — іакинфъ. Сл. Паткановъ, Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ (СПБ. 1873), стр. 2—3 и 8, прим. 7.

9. Онъ приходитъ къ озеру, въ которомъ вода была сладка, какъ медъ; въ рыбѣ, выскочившей изъ воды, находятъ — камень-самосвѣтъ, который Александръ велитъ оправить въ золото; по ночамъ онъ служитъ ему вмѣсто свѣточа ¹⁾. — Ночью изъ озера выходятъ женщины, которыя сладко поютъ. — Встрѣча и борьба съ гиппокентаврами. — Послѣ шестидесятидневнаго пути войско Александра τὴν οἰκουμένην κατέλαβεν (гл. 42). — [въ гл. 43 помѣщено письмо Александра къ Олимпіадѣ, вкратцѣ повторяющее гл. 23—42].

10. Александръ отправляется въ походъ противъ Пора. Въ странѣ и городѣ Геліоса оракуль Аполлона, подъ священными деревьями, вѣщаетъ ему о его близкой смерти. — Встрѣча съ малорослыми людьми, одноногими, съ овечьими хвостами; нѣкоторые изъ нихъ пойманы и отпущены на свободу. Издали они начинаютъ издѣваться надъ Александромъ, что такой неразумный человѣкъ не достоинъ сражаться съ ними и не въ силахъ ихъ побѣдить. Александръ посмѣялся этой выходкѣ, въ первый разъ послѣ того, какъ ему было пророчество о его смерти (гл. 44). — Компилятивный характеръ С и здѣсь сказался дублетомъ: въ третьей книгѣ Псевдокаллистоена редакція АВВ помѣщаетъ послѣ смерти Пора эпизодъ о брахманахъ (гл. 5—16), а AV, непосредственно за тѣмъ, Посланіе Александра къ Аристотелю о чудесахъ Индіи. Текстъ С, говорившій о брахманахъ въ другомъ мѣстѣ (С, II, за 35 главой), опускаетъ и Посланіе, но прихватилъ послѣдній его эпизодъ (сл. изданіе Müller'a, стр. 123): о деревьяхъ солнца и луны, вѣщающихъ Александрову кончину. Такимъ образомъ С представляетъ такую комбинацію: передъ походомъ противъ Пора оракуль Аполлона подъ священными деревьями вѣщаетъ смерть Александру (С, гл. 44 = С¹); слѣ-

¹⁾ Въ поэмѣ о Ротерѣ (ед. Ruckert, v. 4952 и слѣд.) описывается такой-же камень-самоцвѣтъ, принесенный Александромъ изъ чужой земли (von fremde lande), куда ни прежде, ни послѣ его не заходила ни одна христіанская душа. Названіе тому камню: Claugestian. См. Zacher, Zur Basler Alexanderhandschrift, въ Zs. für deutsche Philol. X, стр. 109—110.

дуетъ походъ и поражение Пора — и новое вѣщаніе *деревьевъ* (= АВ III, 17).

Содержаніе всего этого эпизода воспроизведено въ сербской Александріи, съ двумя главными отмѣнами. Одна изъ нихъ касается эпизода о брахманахъ, который будетъ разсмотрѣнъ нами особо (сл. гл. IV); другая — маршрута Александра: тогда какъ Pseudocall. С ведетъ его послѣ смерти Дарія въ Иерусалимъ и Египетъ, сербскій текстъ заставляеть его начать свой путь съ Иерусалима и Египта и затѣмъ уже сражаться съ Даріемъ и Крезомъ. Значеніе этого плана выяснится намъ впослѣдствіи; но я укажу теперь же на одну интересную непослѣдовательность сербскаго текста, раскрывающую намъ, что въ одномъ изъ его источниковъ распорядокъ представлялся именно такой, какой является у Pseudocall. С. Въ кн. III, гл. 2 (Новаковичъ) Александръ пишетъ матери о своихъ подвигахъ, содержаніе которыхъ было рассказано передъ тѣмъ подробно: тамъ Александръ началъ свое побѣдное шествіе съ Иерусалима, здѣсь — съ побѣды надъ Даріемъ. Привожу текстъ посланія, для того, чтобы облегчить его сравненіе съ слѣдующимъ подробнымъ разборомъ соответствующаго отдѣла романа, напомнивъ предварительно (сл. выше стр. 134—5), что этого посланія нѣтъ ни въ вѣнской Александріи, ни въ греческой народной книгѣ.

«Вѣсте бо ꙗкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣяхомъ и цара ихъ Дария оубихомъ, и дштерь ѿго себѣ женоу оузехомъ, и въ коуиѣ Македонію съ Пер'си съединихъ. И тако сихъ вьсѣхъ съединихъ, и въ Иеросалимъ придохъ. Люди же града того бога великаго нѣкогго имѣюште; и обрѣтохъ сего азъ силнѣиша паче богъ нашихъ. Видѣхъ и поклонихъ се ѿмоу, и вѣровахъ въ нь. Име ѿмоу ксть светъ Господь Саваоѡъ, невидимъ же ксть съ чловѣчьскыма очима, нь оумомъ оубо тѣчию виднемъ едва доведомъ ксть. [И отъ тоудоу вьстахъ, въ Егупть придохъ; и тоу цара егуптьскаго стльнѣ обретохъ, ꙗже царство свое оставивъ, и въ чоуждоу отбегъ беше землоу (= Нектенавъ); имѣе разоумъ, да разоуметь. И тоу вьселѣньске боге похолопвъ,

и серафими славимаго прославихъ Саваооа бога, сего помощию ороужавъ се на вѣсточноу краи земле оустрьмихъ се. И мѣста многа прѣшьдь ноуждна и оусильна, горп непроходше и пола непрѣзрима, и до дивихъ чловѣкъ доидохъ, иже некогда Сьньхоса раз'бише, цара великаго и сильнаго. И тоу образъ Сьньхоса царя обретохъ на стльпе впсоце, оу злате пзъваанъ беше. На томъ стльпе о раз'бси его оунисано беше, како его раз'бише дивн чловеци]. И отъ тоудоу вѣставъ съ воп своими и лоугове тьмне прѣидохъ, и блата великаа прѣидохъ и рѣкоу великоу прѣшьдь, кѣже ширина дьль хода, и тако до царства Иракліина и Се(ми)-рамиде царице. И образъ ихъ на стльпѣ висоцѣ отъ злата сьтворень бѣше. И отъ тоудоу къ вѣстокоу шьствіе творе, чловѣкы многоразликыѣ раз'ликоуѣ, обрѣтохъ шестороуке и шестоногыѣ и звѣры и жени, ихъже писати не възмогахъ къ вамъ. Тако къ макарон'скимъ отокомъ прїидохъ, и въ нихъ вьшьдь, богы наше тамо искахъ видѣти. И много выпрашахъ и ницдиного отъ нихъ обрѣтохъ; нъ наче макарон'ский царь въз'вѣсти мнѣ съ клетвою глаголю: яко кѣлліи'сци бози въ дол'ишиихъ свезан'ни соутъ отъ в'сѣхъ бога Саваооа. И отоке ихъ прѣшьдь, и мѣсто нѣкоѣ оугледахъ, идеже прѣботьць нашъ Адамъ жилъ бѣше, иже нарпчетъ се Іедѣмъ, въ нѣмъ же богъ рап насади на вѣстоцѣ. Тоу мене два чловѣкообраз'на птикы срѣтоста, и къ мнѣ рекоше: Алексен'дре цароу, не къ томоу къ раю иди; не пмаши бо кѣго видѣти, пламен'но бо ороужіѣ стрѣжетъ кѣго, и опалити те пмать. И се слышавъ, въ вьселен'ноу въз'вратихъ се, и не оумѣюште онетъ въ вьселен'ноу пти, и рѣкамъ послѣдовахъ .д.—имъ, иже отъ раи въ вьселен'ноюу текоутъ, и на десноу страну шьствіѣ творе, за годиште въ вьселен'ноу пзыдохъ, и на землю ин'дїпскога цара Пора доидохъ, и рать съ нимъ сьтворити пмамо, яко скороѣ сьтворитъ се божіѣ повелѣніѣ».

Сообщенная нами эпистолия сохранила, очевидно, въ краткихъ чертахъ, содержаніе и *распорядокъ* того древняго текста, которымъ воспользовался редакторъ сербской рецензіи для разсказа о подвигахъ Александра. Передавая въ извлеченіи этотъ

разказъ, непосредственно примыкающій къ содержанию, пересказанному въ предъидущей главѣ, я удерживаю, для удобства сравненія, распределеніе, принятое мною при передачѣ соответствующаго эпизода Псевдокаллистоена С.

1. Мирное вшествіе Александра въ Іерусалимъ (Новаковичъ, II, гл. 1); сл. § 2 въ моей схемѣ Псевдокаллистоена и далѣе VII-ю главу.

2. Александръ въ Египтѣ (Новаковичъ, II, гл. 2—4); сл. § 3 моей схемы.

3. Война съ Даріемъ, его пораженіе и смерть; женитьба Александра на Роксанѣ; оставивъ въ Персіи Селевка (Нов. II, гл. 5—16) онъ «самъ на лидон'скога цара на Крпса поиде», котораго и побѣждаетъ, а сокровища его раздаетъ войску (Нов. II, гл. 17). Сл. § 1-й моей схемы. Объ этомъ и предъидущемъ параграфѣ сл. далѣе гл. III.

4. «И тако на десноу страну вьстока поиде, и в'се кзыке прикмь до крап землѣ доиде». Его встрѣчи:

а) Косматыя исполинскія жены (Нов. II, гл. 17) и чудовищныя муравьи (Нов. II, гл. 18). Сл. тотъ-же § схемы; греч. нар. кн. стр. 108.

б) «И отъ тоудоу на рѣкоу дошьдь, кѣже ширина бѣше яко дьпъ хода. И тоу Алексен'дръ въ недоумѣнїи выпаде, мостове на рѣцѣ тои сътворити повеле» (Нов. II, гл. 18); сл. тотъ-же § моей схемы; греч. нар. кн. тамъ-же.

в) «Люднѣ колпко лакъть велици птицы же парпнахоу се». Озеро, статуя Сезонхоза и надпись: «Чловѣче, аште к'то хоштеть на вьстокъ поити, до здѣ дошьдь, опеть се врати, [не къ томоу и оноуге имаши поити]. Азь бо ксьмь Сьн'хось, пже свѣмоу свѣтоу быхъ царь. И крап землѣ вьсхотѣхъ видѣти, и съ воинскою великою на снѣ полѣ допдохъ. И вьсташе на ме дивп чловѣци, и всю мою воинскоу раз'бише, и мене на семь полю оубише». Нов. II, гл. 19, сл. III, гл. 12. Сл. тотъ-же § схемы и Pseudocall. III, С, гл. 21; греч. нар. кн. стр. 108—110. Рум. нар. кн. стр. 62, въ отличіе отъ слав. и греч. текстовъ,

заставляетъ птицѣвъ жаловаться Александру: «авем певое де кокорї, къ він ла ної шї не мѣнѣнкъ поамеле, храна поастръ, шї не батем кѹ еї, чї ѹне оара не бат еї, алте орї фї батем ної»: вліяніе разказа о битвахъ нигмеевъ съ журавлями¹⁾. — Начпная съ эпизода о статуѣ Сезонхоса мы можемъ пользоваться для сравненія румынской Александріей, по списку 1620 года, отрывки которой напечатаны были Віани²⁾. Надпись Сезонхоса здѣсь гласитъ: «еѢ СанхоѢ фѣраѢ лѣѹю лоуме тотъ. ши *врѣю съ възъ ши райѡ*.... ши чине ва вре... съ маргъ *ла райѡ* ши пнь апча съ вишь, лръ де пча съ съ фторкъ фнапоп, къ ва перї» (стр. 445—6; сл. рум. нар. кн. стр. 62). Слав. текстъ говоритъ въ первомъ случаѣ о «краи землѣ», во второмъ: «Чловеце, аште к'то хоштеть на *въстокъ* пойти, до здѣ дошьдь, опеть се врати»; греч. нар. кн. τῆν ἄκραν τῆς γῆς; εἰ τις ἔλθῃ εἰς ἐδῶ, πλέον ἐμπρός τῆς μῆτις ὑπάγῃ.

д) «Люди . . . страшни видѣнїемъ, п два сеж'нїа оубо длъзи, кос'мати же в'си». Они не нападаютъ на Македонянь, «лоукаво на войскоу погледоуште. И оуболавъ се Алексен'дръ, рече: Сїп соуть люднѣ, иже Сынхоса иѣкогда разбише». Къ одному изъ нихъ подводятъ жену; онъ начпнаеть ее пожирать, ее отнимаютъ; «онъ же гласомъ велнѣмъ вресноувъ, женоу поустї. Гласъ же кго оуслышав'ше дивїп мужнѣ, толико ихъ налѣха много множество на войскоу, кѣлико числа не бѣше; дрѣвшнѣмъ бо п каменнѣмъ воиннкы бнѣхоу». Македоняне просятъ Александра: «до волѣ намъ всю зем'лю прикѣм'ше, починоути дап мало». Александръ успокоиваетъ ихъ: «не къ томоу вы маломошт'ни боудете, вьсь бо

¹⁾ Въ русскихъ спискахъ Александрїи эти *птици* обратились въ *птицѣ* и изображаются съ птичьими головами. Сл. Буеласвъ. Очерки, II, стр. 371 и соответствующее изображение; ркп. Хлудовскаго сборника, № 249 (XVII в.). л. 163.

²⁾ Сл. Columna lui Traian, Noua serie. anulū IV (1884), стр. 445 слѣд. — Въ дополненіе къ сказанному выше стр. 136, прим. 2 замѣтимъ, что первое печатное изданіе румынской Александрїи относится не къ 1797, а 1796 году и вышло въ Могилевѣ. Сл. Pop, Disertație despre tipografiile românești în Transilvania, Sibiu, 1828, p. 90 (у Picot, Rev. crit. 1885 г. № 34, стр. 144).

свѣтъ приѣм'ше, и на кон'ць идемъ, и приспѣсмо; скоро въ зем'лю нашу въз'вратити се имамо» (Нов. II, гл. 20; такъ, съ отмѣнами, и въ соответствующемъ § моей схемы). Сл. греч. нар. кн. стр. 110—12; Вiани, I. с. стр. 446—8.

е) Статуй Ираклія и Семирамиды; «дворове поусте Ираклеве»; шестирукіе и шестиногіе люди; несоглавые; чудовищныя раки (Нов. II, гл. 21; сл. тотъ-же § схемы). Греч. нар. кн. стр. 112—113: статуи τοῦ Ἰρακλέους и τῆς Σεβίρας; Вiани. 448: Араклие, Сьрамида. Текстъ Вiани и рум. нар. кн. 64 опустили здѣсь всѣ остальные встрѣчи Александра до «нагомудрецовъ», вторая совсѣмъ, первый перенесъ ихъ (по ошибкѣ) непосредственно послѣ эпизода о нагомудрецахъ (шестирукіе и шестиногіе люди; несоглавые, чудовищныя раки). Сл. Вiани, I. с. стр. 451—2.

5. (Нагомудрецы), 6 (чудныя встрѣчи), 7 (блаженные) Нов. II, гл. 22—27 — отвѣчаютъ, приблизительно, содержанію соответствующихъ №№ моей схемы. Обо всемъ этомъ эпизодѣ см. IV-ю главу.

8. Возвращаясь отъ блаженныхъ, Александръ «въ вселен'ноу идоше, на десноу страну съ востока оустрыпи се, и прѣшдыше .I. дъни, прѣровъ дльбокъ на поли томъ обрѣте. И сего прѣити не могли, камароу на нѣмъ зиданоу сътвори, и тоу воискоу свою прѣведь в'соу», велить написать на мосту: «Алексен'дръ царь на край земли дошды, и по спѣи камаре высокои прѣиде съ в'соу воискою своєю, и тоу .I. д. дъни ходивъ, до тьм'не земли донде» (Нов. II, гл. 28). — «И тоу оубо съ избран'ними Македонии на кобилахъ въсѣд'ше. имѣюште ждрѣб'це, и ждрѣб'це ихъ на становехъ оставше, они же въ тьм'ноу землю вышдоше». Кто вынесъ оттуда земли, камень или дерево — все то очутилось золотомъ, жемчугомъ, драгоценнымъ камнемъ (гл. 29). Двѣ птицы съ человѣкообразными лицами говорятъ Александру: «Алексен'дре цароу, по что божія гнѣва коспоути се хоштеши, и въ поустихъ късниши земляхъ? Нъ походи, не крьсмап; чека бо те Индіа и Форово велико господ'ство, кже пришды, раздроушити имаши.

И див'нейшаа прѣвпхъ оузриши. И .s. днь прѣшьдь, ѳзеро нѣкогго допдоше, и тоу станомъ своимъ ста, и псти начеше пскати. Магиръ же Алексен'дровъ рибн соухи въ блатѣ томъ омяти понесе. кгда же ихъ ок'васп, тог'да они ожпвеше п[оу] ѳзеро оутекоше. Алексен'дръ же, синѣ слышавъ, подпви се, и вопсѣ в'соп окоупати се рече. И конѣ и в'сп окоунав'ше се, з'драви и крѣп'ци бпше» (гл. 30). Сл. греч. нар. кн. стр. 121—3 и № 8 схемы.

Отличія сербскаго текста отъ Pseudocall. С, въ эпизодѣ о водѣ безсмертія, поддерживаются отчасти другими источниками. Во французскомъ романѣ (ed. Michelant, стр. 332 слѣд.) какіе-то старцы говорятъ Александру о трехъ чудесныхъ источникахъ: кто купается въ одномъ — помолодѣеть (fontaine de jeunesse), кто въ другомъ, видимомъ лишь однажды въ году, получитъ безсмертіе (источникъ безсмертія); сила третьяго источника такова, что если покойникъ пролежитъ четыре дня возлѣ него и его тѣло будетъ вспыснута его водою, онъ воскреснетъ (источникъ съ «живой» водою). Въ первомъ купается Александра дружина и молодѣеть (стр. 348 слѣд.); источникъ безсмертія находитъ какой-то Македонянинъ Енос и, не предунредивъ Александра, самъ погружается въ него; въ наказаніе за это Александръ велитъ замуровать его въ столбъ, гдѣ ему приходится до конца дней оплакивать свое безсмертіе (р. 335). Что до источника съ живой водою, то о немъ разсказывается (р. 334) пзвѣстная легенда о поварѣ и рыбахъ. Передавая еѣ, оригиналь сербскаго текста очевидно забылъ его специальное назначеніе: оживлять, перенеся на него дѣйствіе какой-то fontaine de jeunesse, которую румынскій текстъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, помѣстилъ въ странѣ нагомудрецовъ. Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Pseudocall. С (сл. выше, стр. 222) можно предположить подобное-же смѣшеніе: рыбы, погруженные въ воду, *оживаютъ*, а поваръ Александра и его побочная дочь, Кала, отвѣдавъ ея, становятся *безсмертными*. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ разсказѣ, напечатанномъ мною (Archiv f. slav.

Phil. I, 608—11) Калѣ отвѣчаетъ безыменная дочь Александра, въ народномъ болгарскомъ преданіи у Миладиновыхъ — его сестра (I. с. стр. 608); въ словинской легендѣ нѣчто подобное рассказывается о сестрѣ Соломона, Sěmbilja'ѣ = Сивиллѣ, только источникъ безсмертія сталъ источникомъ вѣщаго знанія: «Vog je pravil enkrat Solomonu, da naj gre, ako hoče biti najmodrejši, na oni vrt k studencu ter naj pije in se naj umije s studenčnico. Sěmbilja pa je to skrivaj slisala, in sató je prehitela svojega brata ter se napila in umila s studenčnico; zatorej je bila modrejša od Solomona»¹⁾. — Отмѣтимъ, наконецъ, соотвѣтствующій эпизодъ въ восточныхъ Александріяхъ: у Фирдуси Александръ отправляется вмѣстѣ съ Хисромъ (Ильей) за область мрака, къ источнику безсмертія; достигнувъ его, Хисръ погружается въ его воды, купаетъ коня, и возблагодаривъ Бога, подаетъ чашу воды и Александру, но невидимый голосъ предупреждаетъ его не пить и указываетъ на бѣдствія старости, неустрашимыя при безсмертіи. Александръ отказывается отъ напитка. Такъ и у Низами, съ тою разницею, что Хисръ и его конь успѣли выкупаться и напиться воды въ источникѣ, который исчезаетъ изъ глазъ, когда подходитъ Александръ. Вслѣдъ за этой легендой Низами сообщаетъ намъ ея греческую и арабскую версію: по первой Илья и Хисръ находятъ источникъ, въ которомъ оживаетъ опущенная туда соленая рыба, и искупавшись въ немъ, становятся безсмертными; по второй источникъ найденъ Ильей и Хисромъ, а Александръ пьетъ его въ теченіи сорока дней, пока Серошъ не предупреждаетъ его о тщетѣ его поспѣшковъ; онъ подаетъ ему небольшой камень: пусть пощетъ въ Каабѣ что-нибудь равное ему по вѣсу. — Это извѣстный рассказъ о *каминѣ* (= черепѣ — ненасытномъ глазѣ), съ которымъ мы познакомимся далѣе изъ *Iter ad Paradisum*. Интересно встрѣтить въ *Pseudocall. C*, вслѣдъ за эпизодомъ

¹⁾ Сл. Kres, 1882 г., стр. 577: Narodno blagó s Tolminskega, pričóbil J. Fonovsky: Sv. Sěmbilja. Сл. мою замѣтку въ Archiv f. slav. Philol. VIII, 330: Sěmbilja = Sibylla.

о водѣ безсмертія (II, 41), упоминаніе «камня самосвѣта» (II, 42) ¹⁾.

9. Александръ подходитъ къ озеру, въ которомъ вода «сладка бѣ, яко сахаръ»; камень-самосвѣтъ, найденный въ рыбѣ; его носятъ передъ войскомъ на копѣѣ (εις τὸ φλάμπουρον τοῦ) «мѣсто лouchева фаноса» (ὡστὶν φανάρι); жены, выходящія изъ озера и поющія дивными голосами (ὡς φαίνεται ἐκεῖνα ἦτον αἱ Νηρείδες, ὅπου ἀκούομεν τώρα εἰς τὰς ἱστορίας) ²⁾; встрѣча съ исполинами: «одъ помыса горѣ чловѣкъ, а одъ поуи́ка же долоу конь». Нѣкоторые изъ нихъ попадаютъ въ плѣнъ хитростью; «толико бо они брѣзи бѣхоу, якоже имъ ништо на зем'ли не оутецаше, и такови они стрѣлци бѣхоу, яко ништо роуками своими не грѣшахоу. И сямъ Алексендръ ороужіа сътвори, и стрѣле, и м'чеве наоучи ихъ носити, и много кмоу на р'ваніяхъ поработаше. Да кгда ихъ въ вселен'ноу изведе, и вѣтроу стоуденоу на нихъ дѣх'ноув'шоу, и тако в'си помрѣше. Алексендръ же .р. дѣни прѣшьдѣ, къ прѣдѣломъ вселен'скимъ приближисе» (Нов. II, гл. 31; греч. нар. кн. стр. 123—4; сл. № 9 схемы).

10. «И тоу въ слънч'ный градъ приде, и въ слънч'нѣмъ градоу поклони се. Писанія же тоу обрѣте, таже о смърти кго

¹⁾ Grion, I Fatti di Alessandro Magno, p. XCVII—XCIX; Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (Fulda, 1873), стр. 34 слѣд. Сл. Spiegel, Die Alexandersage bei den Orientalen, стр. 29.

²⁾ Въ русскихъ спискахъ этому эпизоду отвѣчаетъ, быть можетъ, встрѣча Александра съ Горгоніей (сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 48; Буслевъ, Очерки II, 371 и тамъ-же соответствующее изображеніе) «имущи же лице и перси и руки человѣчески, а нози и хвостъ имѣеть аки у коня; на главѣ же ея за власть мѣсто змѣи имѣеть и выросташе всякими лица». Образъ, вѣроятно, наполовину навѣянный слѣдующей въ нашемъ текстѣ встрѣчей съ кентаврами, тогда какъ о Горгонѣ самой говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ и животных и людей. — Замѣчу, впрочемъ, въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zinglerle, p. 63 и 218 прим.) встрѣчу Александра съ mulieres, que dicuntur lamie, pulcras valde, capillos usque ad talos, pedes habentes equorum. То-же во французскомъ прозаическомъ романѣ объ Александрѣ, пересказанномъ Weissmann'омъ (Alexander, Gedicht des zwölften Jahrhundert, vom Pfaffen Lamprecht etc. Frankf. a. M. 1850, v. II, p. 397): *женщины о лошадиныхъ ногахъ*. Въ старопечатномъ текстѣ 1506 г. онѣ названы *iantres*.

възвѣштахоу». Встрѣча съ единопогими людьми, объ, «овчихъ опашахъ». Схваченные и отпущенные на свободу, они издали надсмѣхаются надъ Александромъ: «о безоум'ныи Алексен'дре, како всѣхъ чловѣкъ прѣмоудрѣи исп, а ми те прѣмоудрисию! Како насъ поусти? Месо наше слаге ксть паче всѣхъ месь, коже же наше толико тврди соуть, тако ниедино гвоздикъ пробити ихъ не можетъ; благо же оу насъ толико ксть, бисера и многоцѣн'нога каменіа, кмоуже нѣсть числа (τὸ κοῦράρι μας γέμαι πολύτιμα λίθαρ'πουλα καὶ χρυτρὸν μαργαριτάρι, καὶ τὸ πετζί μας σίδηρον δὲν τὸ ἀπεργά). Сик же Алексен'дръ слышавъ и радостень бывъ, насмѣывъ се рече: По петниѣ в'сака сои (ἄνθρωπος) отъ языка своего погибаетъ. И се рекъ, воицѣ оружати се повеле, и тако, оноу гороу обышдъ, и двѣ тисоушти отъ нихъ оухвативъ (εὐθύς ὤρισε, καὶ ἀρματώθησαν διακόσιας χιλιάδες καβαλλάρει με λαγωνικά, πάρδους καὶ ζαγάρια. Ἐτριγύρισαν ὄλον τὸ βουνόν, ἀπέκυσαν τὰ ζαγάρια, τοὺς πάρδους καὶ τὰ λαγωνικά, καὶ οὕτως ἐπίσταν τοὺς...), и въ станове ихъ приведе, коже имъ одирати повеле. И толико имъ месо слад'ко бѣше, тако ниедино месо таково. Месо же ихъ Пер'сомъ и Иегун'теномъ ксти повелѣ, въ ложништехъ ихъ толикои зеленога каменіа обрѣтоше, кмоуже числа не бѣше. И тако .s. днии прѣшньдышоу на ин'динске прѣдѣлѣ приешѣше. Тоу Алексен'дръ много смѣывъ се: .s. бо мѣсець имѣше не насмѣывъ се; отъ нелиже смръть кмоу проповѣдаше, отъ толе всег'да жалостень бѣше, и всакъ бо чловѣкъ прооувѣдакъ смръть свою жалостію радость замѣняетъ» (Нов. II, гл. 32; греч. нар. кн. стр. 124—5; сл. соотвѣтствующій § схемы).

Таково распределеніе повѣствовательнаго матеріала въ доступныхъ миѣ текстахъ сербской Александріи. Такъ было, вѣроятно, и въ ея подлинникѣ, и въ другомъ ея отраженіи, представляемомъ ново-греческою народною книгой и ея сербскимъ и болгарскимъ переводами. — Только въ пештскомъ текстѣ сербской Александріи (Новак. I. с. р. X) эпизодъ о брахманахъ помѣщенъ послѣ борьбы съ Поромъ, стало быть какъ у Pseudo-callisthenes A и B; вмѣсто Исфанта, Ифанта, Ἐβαλήουθης, Еваниноу,

какъ названъ начальникъ нагомудрецовъ въ сербскомъ текстѣ и новогреческой и болгарской народной книгѣ — является, согласно съ Псевдокаллипсономъ (= Палладіемъ), имя Дандамія. — Все это указываетъ либо на болѣе древнюю форму сербской (= греческой) редакціи (Новаковичъ, стр. XI), либо на позднѣйшее воздѣйствіе какого нибудь текста Псевдокаллисоена А В.

Для генеалогіи сербской Александріи интересно замѣтить, въ какихъ другихъ пересказахъ стараго романа встрѣчаются особенности ея плана, поставившаго эпизодъ Иерусалима передъ смертью Дарія. Въ старо-славянскомъ переводѣ Псевдокаллисоена по архивскому списку послѣдовательность такая: *Египетъ* (Тиръ, Газа и т. д.), *Иерусалимъ* (Иосифъ Флавій); *пораженіе Дарія*: посланіе Александра къ Олимпиадѣ, въ томъ-же текстѣ, начинается упоминаніемъ о смерти Дарія и далѣе ведетъ Александра въ невѣдомыя страны. — Въ Эллинскомъ лѣтописцѣ, воспринявшемъ тотъ-же переводъ, порядокъ измѣненъ: *Иерусалимъ*, *Египетъ*, *пораженіе Дарія*: стало быть, какъ въ сербскомъ изводѣ, при полной независимости этого текста отъ предыдущаго. — Европейскія обработки Александровой саги восходятъ къ латинской передѣлкѣ Псевдокаллисоена, *Historia de Preliis* (X вѣка), и именно къ ея *пространной* редакціи ¹⁾, уже давшею нѣсколько важныхъ параллелей къ нашему тексту — въ имени Артаксеркса, какъ противника Нектанеба (сл. выше, стр. 141) ²⁾, въ приуроченіи эпизода о Вукефалѣ (сл. выше, стр. 155) ³⁾, въ помѣщеніи Халкидона (= Кархидона) передъ Римомъ (сл. выше, стр. 176—178) ⁴⁾, наконецъ — въ введеніи Иерусалима въ такую послѣдовательность Александровыхъ походовъ: *Египетъ*, *Сирія*, *Иерусалимъ*, *Дарій* ⁵⁾. — Josippon ⁶⁾, пользовавшійся текстомъ *Historia*'н,

¹⁾ О ней сл. Zingerle, l. c., p. 22 слѣд.

²⁾ l. c. ib. прим. 1.

³⁾ l. c. стр. 28.

⁴⁾ l. c. стр. 29.

⁵⁾ l. c. стр. 23.

⁶⁾ Josippon, sive Josephi Ben Gorionis Historiae Judaicae libri sex. Ex Hebraeo latine vertit Gagnier. Oxonii, 1706.

разсказываетъ въ lib. I, с. 5 о вступленіи Александра въ *Иерусалимъ*, подвластный Дарію; далѣе (lib. II, гл. 9), слѣдя *Historia*'и, о походѣ въ Италію и *Африку* (Ливію, Варварію) и окончательномъ *пораженіи Дарія*; въ lib. II, с. 10 о попыткѣ Александра проникнуть черезъ область чудовищныхъ народовъ и животныхъ, къ *Рехавитамъ* (= рахманамъ) въ страну мрака; лишь въ слѣдующей главѣ (lib. II, с. 11) повѣсть переходитъ къ *Пору*. — Это почти послѣдовательность сербской Александриі: *Иерусалимъ*, *Египетъ*, *смерть Дарія*, *нагомудрецы*, *Поръ*.

Все это указываетъ на особую обработку Псевдокаллистоена, типа $C = C^1$, чѣмъ и объяснилось бы согласіе плана въ независимыхъ другъ отъ друга передѣлкахъ романа.

III.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТЪ. ВОЙНА СЪ ДАРИЕМЪ.

Мы видѣли, что сербская Александрія измѣнила послѣдовательности, въ которой посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю по Pseudocall. С рассказывало объ Александровомъ походѣ на Дарія, и измѣнила въ такомъ порядкѣ: 1) *Іерусалимъ* — 2) *Египетъ* — 3) *Дарій* — 4) *Невѣдомыя страны*. Помѣщеніе Іерусалима «во главѣ угла», точкой отправленія дальнѣйшихъ подвиговъ, обусловлено всѣмъ міросозерцаніемъ нашего текста, почему я и предпочитаю разобрать этотъ эпизодъ позднѣе, по разсмотрѣніи другихъ частныхъ. Начну съ — Египта и Дарія.

(Изъ Іерусалима) Александръ идетъ на Египетъ; Египтяне готовятся къ бою; «Алексендръ же вопскамъ рече рвати градъ крѣпко». Въ жаркую пору онъ кушается въ холодномъ озерѣ и впадаетъ въ тяжкую болѣзнь. Его войско въ страхѣ и жалости. а Египтяне пишутъ врачу его Филиппу письмо: если онъ отравитъ Александра, то будетъ имъ царь. Получивъ это письмо. Филиппъ насмѣялся надъ нимъ и разорвалъ, а въ отвѣтъ написалъ такъ: «О безоумни и несмысленны ослы Іегуптене! Аште царствію вашему похотель быхъ, въ скорѣ мой господинъ Алексендръ даль би ми пнаа, болшаа вашего, царствіа, ихъ-же мьчемъ своимъ прѣкътъ. Азь-же вса сіа прѣзрѣхъ, Алексендра же паче

изволихъ имѣти, паче всѣхъ царствіи земельныхъ, весь бо мръ достоинъ естъ единого власа, падающа отъ главы его. Вѣдомо да естъ вамъ, яко Алексендръ здравъ естъ, нь оухыштреник нѣкоу творить, яко да искоуситъ ваше невѣр'ствіе, заоутра же хоштете видѣти его на великомъ коно гздѣшта, здрава и весела». Испуганные этимъ Египтяне пишуть Александру, будто самъ Филиппъ намѣренъ отравить его; это письмо попадаетъ въ руки Антиоха и Александра, который еще держитъ его въ рукахъ, когда входитъ Филиппъ, неся въ рукахъ чашу съ лечебнымъ зельемъ, которое и предлагаетъ больному выпить. «Алексендръ же вставъ и потръ въ роуцѣ прикъмъ и просльзивъ се рече: Любимыи мои Филиппе, тежко ми естъ сіе пити. Филиппъ же рече: Царю, ни, не боя се; по льст'но ти къ бити. — Царь же рече: На ползу ли сіе миѣ дакъши, любими мои? Филиппъ же врачъ, цареву соумненникъ разоумѣвъ, възмъ потръ отъ роукоу цареву и половиною испить». Послѣ него пьетъ и Александръ, а Филиппу показываеъ подметное посланіе Египтянъ. «О великыи царю Алексендре, говоритъ врачъ, «о твои главѣ всѣхъ царь земельныхъ главы висеть; да аште сіе въсхотѣль быхъ сътворити, едне твои главе паденикъмъ вьса въселен'наа поколѣбала се би. И весь мръ нѣсть достоинъ единому власоу падающоу отъ главы твои. И тебе оубивъ, которомуу господиноу рабъ назваль се бихъ? Нь болше естъ миѣ живоу въ зем'лю выити, нежели твоимъ животомъ весь мръ поколѣбати». Проснавъ весь день Александръ просынаеъ здоровымъ, вечеромъ веселитъ съ своими Македонянами, а на утро подступаеъ подъ городъ. «И около града .р. пракъ постави, и много люди избѣи въ градуу. И бѣ видѣти стрѣли въ градъ летеште, яко облакы; Египтѣне же прѣзь днь (вар. прѣзь здь, прико града) не можахоу гледати, и възоупише великъмъ гласомъ глаголюште: Помилуи насъ, царю Алексендре, цара нашего Нехтенава сыне, старь бо отъ насъ ошьль кси, и накы младь къ намъ пришьль кси». Александръ велитъ остановить сѣчу, а Египтянъ спрашиваеъ, что они разумѣютъ подъ тѣми словами. Они рассказываютъ ему о Нектанебѣ и объ оставленномъ имъ

писаніи: «Отъ васъ отхождоу старь, и пакъ приидоу къ вамъ младь, и сикови белегъ боудеть моего пришествія: кгда къ образу моему приидоу и поклоню се ему, кже на стлнѣ стоитъ срьдѣ града **Югуп'та**, тогда вѣнѣць отъ роуки его на главою мою пад'нетъ». Чудо это совершается надъ Александромъ. «И тоу рече царь четири стлнии създати великѣ, и на единомъ стлнѣ себѣ въ златѣ сътворити повелѣ, на в'торомъ Потоломѣа воєводуу, на третнемъ Антиоха, на четвртьтомъ Филона храбраго, и вси къ востоку зрѣти; и на свои стлнѣ Алексен'дръ възышдѣ, бѣ бо високо зѣло, и по **Югуп'тоу** погледавъ, повеле его разбити всюде. Филипа-же врача господина **Югуп'тоу** сътворити, самъ же въ **Югуп'те** наиде скровишта прьвѣшихъ царь (Нов. П. гл. 2—4 = Jag. I. c., p. 257—9).

Въ вѣнской рукописи весь этотъ эпизодъ выпалъ, хотя онъ несомнѣнно находился въ ея подлинникѣ (сл. выше стр. 133). — Отличія нар. греч. кн. (р. 72—76): Египтяне одновременно пишутъ Филиппу, прося его отравитъ Александра, и Александру съ доносомъ на Филиппа. Въ отвѣтномъ посланіи Филиппъ говоритъ Египтянамъ: *ἐστὲ εἰστέ κλέπται, γαίδαροι καὶ ἄγροικοὶ ὄντων τὰ ζῶα*; вышивъ зелье, Александръ показываетъ врачу посланіе, имъ полученное, а тотъ предъявляетъ ему письмо, съ которымъ обратились къ нему Египтяне. — Эпистолия Нектанеба говоритъ, что онъ вернется черезъ тридцать лѣтъ, и что на кого унадетъ вѣнецъ, тотъ будетъ — сынъ его: подробность, которую греч. нар. кн. = W рассказала и раньше (сл. выше стр. 142—3). — Поставивъ Филиппа властителемъ Египта Александръ «εἰρε πόλις βλασιδία (новогр. βλασιδι. у Евстаѳія βλασιδι. м. ж. вв. βρέσιδι = χρήματα κρυμμένα), καὶ ἄλλα τὰ ἐπιείραται εἰς τὰ στρατεύματα του».

Весь рассказъ объ египетскомъ походѣ Александра довольно близко воспроизводитъ подробности соответствующаго отдѣла Александрова посланія къ Олимпіадѣ и Аристотелю, С II, гл. 25—28. Какъ и въ сербскихъ текстахъ Египеть, осаждаемый Македонянами, представляется городомъ = Мемфисъ (сл. С I, 34 = B): тамъ стоятъ палаты Нектанеба и его статуя; на ея

груди начертаны слова: 'Ὅς ἂν τοῖς ἐμοῖς ἐφέρπει δόμοις, [καὶ ᾧ] τόδε τὸ στέρος θήσομαι τῇ αὐτοῦ κεφαλῇ, τοῦτον παῖδα ἐμὸν πάντες εἶναι νοεῖτε· τὴν δὲ ἅπασαν αὐτὸς νοστήσει γαῖαν· τοῦδε τοῦνομα δοθῆῃ πόλει τῆδε» (С II, 27). Какому *этому* городу? Александръ вѣдь находится въ *городѣ* Египтѣ, — не въ мѣстности, гдѣ имъ основанъ городъ его имени — Александріи. Слѣдующая глава (С II, 28) начинается такъ: «*Διατρίψας οὖν ἐκεῖσε* (т. е. въ городѣ Египтѣ = Мемфисѣ) Ἀλέξανδρος χρόνον τινα, πόλιν οἰκοδομεῖν ἐγχειρίζεται κίσι τε πλείστοις αὐτὴν κατακοσμήσας καὶ τὰ τεῖχη πύργοις ἐυμήκεσι καὶ μεταρσίοις κατοχυρώσας. ἐν δὲ τῇ κατὰ ἀνατολὴν πύλῃ μεταρσιώτατον πάντων ἓνα πύργον οἰκοδομήσας, ἐν αὐτῷ τὴν ἑαυτοῦ στήλην ποιήσας ἰδρύσει. περὶ αὐτὸν δὲ Σελεύκου (вм. Птолемея сербск. Алекс.) καὶ Αντιόχου καὶ Φιλίππου τοῦ ἰατροῦ», который и поставленъ властителемъ Египта, тогда какъ Селевку удѣлена Персія, о чемъ славянскіи текстъ ничего не говоритъ въ нашемъ эпизодѣ. — О томъ, что упомянутый городъ — Александрія — нигдѣ не сказано, согласно съ известными намъ текстами сербскаго романа, раньше рассказавшаго объ основаніи этого города. Такъ могло быть и въ С¹: а) Александръ, возвращаясь отъ окраинъ Западнаго океана, заходитъ въ Египетъ и здѣсь строитъ Александрію; б) лишь позже рассказывалось о походѣ въ Египетъ, осадѣ города = Мемфиса, статуѣ Нектанеба и воздвигнутыхъ Александромъ столпахъ. Редакторъ С воспользовался, какъ мы видѣли, для перваго отдѣла = *a* всѣмъ, что нашель въ В, и сообщилъ подъ рядъ — и объ основаніи Александрии и о статуѣ и оракулѣ Нектанеба (С I, гл. 31—34; сл. стр. 199 и 216 и таблицу на стр. 215); во 2-мъ = *b* онъ ограничился (въ посланіи къ Олимпіадѣ и Аристотелю) воспроизведеніемъ С¹, отчего получился дублетъ — и вторичное появленіе Нектанеба и его пророчанія, въ которомъ упоминаніе города, названномъ Александромъ по своему имени, относится къ совершившемуся факту: Александрія уже построена, но Нектанебъ предвидѣлъ это раньше — какъ предвидѣлъ и пришествіе Александра. Слѣдующія постройки Александра, очевидно,

относятся не къ *Александріи*, какъ-то предполагалъ Zacher (*Pseudocallisthenes*, p. 135, § 28).

Обратимся къ разсказу о войнѣ съ Даріемъ.

а) *Бой у Евфрата. Мимандъ*. Вѣстники сообщаютъ Александру, что Дарій съ своимъ войскомъ подошелъ къ Евфрату (*Юфратъ*, *Еспрат*); туда-же идетъ и Александръ. Онъ велитъ переписать свое войско: у него 600 (вар. 300) тысячъ конницы и 400 тысячъ пѣшихъ; у Дарія тысяча тысячъ (вар. 50 тыс. тыс.) конниковъ и столько-же (вар. десять тыс. тыс.) пѣхоты — о чемъ говорятъ, подъ страхомъ повѣшенія, схваченные персидскіе лазутчики. Александръ приказываетъ продержать ихъ до ночи, и поведя ихъ на возвышеніе, показываетъ безчисленные огни, зажженные по его приказанію: пусть судятъ о числѣ его войска. Отпуская ихъ онъ говоритъ: «Законъ есть Македонскомъ, кто же на бою оухватаютъ, главою отсѣцаютъ, никого жива не поуштаютъ; да аште съ Даріемъ съразимъ се, ви оу бои не идете, болѣ бо есть чловѣкоу свои животъ, неже свега свѣта богатство. Царю же вашему Дарію р'цѣте: царю съ царемъ не подобають бити се; да когда нач'немъ бити се, иштите ме на златой колес'ниці мегю львовемъ белези (вар. главами). Где видите позлак'не хел'мѣ и тпанѣ фариже, тоу есть македон'скыи плькъ». — Обо всемъ ими видѣнномъ и слышанномъ лазутчики докладываютъ Дарію, который велитъ отрѣзать имъ языки, дабы не повѣдали они того Персамъ. На совѣтѣ рѣшено — самому Дарію — царю не вступать въ бой съ разбойникомъ Александромъ; призвавъ «вожводуу великаго, Миман'доу (вар. Мпнанта) именемъ», онъ велитъ ему: «шесть [сть] тисоуштѣ въз'мѣ изъбран'ныхъ Пер'съ и двѣ стѣ тисоуштѣ Мид'нѣ, [и .в. тисоуште Етпюнь] и .д. ста тисоуштѣ пешьць стрѣльць, и Тиг'рь (ошиб. вм. Евфратъ; сл. новогр. нар. кн. р. 78 = W) рѣкоу прѣшьдь, Алексен'дра, сына Филипова, къ мнѣ приведете. Аште же побегнетъ, а ты терап, не остави га се кого нигде, [и оу мои нарокъ походи], боги пер'скыи оукрѣпл'ланемъ». Александръ съ своей стороны ободряетъ Македонянь (вар. Македоници консци и пелагонитьсци

вitezи и лакемедоньсци вitezи; македониски боиници и пелагонитасци; пелагодиньсци вitezови и готиньсци вitezи) помощью «Бога Саваоѳа», напоминаямъ Рима, Иерусалима и Египта; коли мы побѣдимъ Дарія, «господа в'семоу нговоу боудемъ. Аште ли онъ насъ раз'бикътъ, то в'са вьселен'наа не можетъ насъ оукрити прѣдъ образомъ нго. Болѣесть намъ на бою оумрѣти, неже ли прѣдъ Пер'си бѣжати; в'сакомоу бо велеоумноу моужоу болѣе поч'тена смърть, неже срамотьнъ животъ. Вѣдомо да есть вамъ, нко раз'бити ихъ хоштемъ, понеже цара ихъ нѣсть съ нимп, вьсака бо войска безъ цара своего безглав'на есть. Видите ихъ неоуправ'но на бои пдоуштихъ, вь скорѣ бѣжати нач'ноутъ, безглав'ни бо соутъ; ви же знаете, нко Пер'си ов'це наричоутъ се, Македониски же вльци, и прѣдъ ндинемъ влькомъ многе ов'це бегають. Пер'си бо на бои погнани соутъ, ви же свою волю и съ царемъ своимъ идете. Нъ молю вьсѣхъ васъ храбро на бои съ поити, паче инѣхъ боевь; нгда бо войска на войску пдетъ брьзо, остроу [войске] оноу [храбростию своею] оубивакътъ». Раздѣливъ свое войско на три полка, онъ поручаетъ два изъ нихъ Антиоуху и Птоломею, а самъ остается съ Македонскимъ. «И тако брьзо поиз'див'ше, коніа оуломше, [и мьчеве трыгоше], пакы же соузоубъ мьчеви оудрише се». Персы бѣгутъ, преслѣдуя ихъ Александръ «къ Дарисовоу околоу приспѣше»; Даріи успакалъ на конѣ; павшихъ Александръ велитъ погresti, оставшихся вь живыхъ отпустилъ съ честию, сказавъ: «р'цѣте цароу вашему Дарію: Довол'но боуди об'роки своимп». Мимандъ убить; Александръ, перейдя Евфратъ, разрушаетъ мосты.

в) *Вторая битва. Вавилонъ.* Между тѣмъ Даріи приказалъ своему войску собраться къ Вавилону, на Сенаарское поле; собралось двѣсти тысячъ (вар. . в. ете тисоуните тисоунтъ), съ ними онъ пдетъ на Александра, который внутренно страшится, но снова ободряетъ своихъ: «О либимп мои, да вѣсте, нко в'сакъ бѣгакъ брьжи есть тераюштаго. Многе воуч'ке мѣд'веда терають, нь малѣ оукдають; и ндномоу львоу рик'ноув'шоу, мнози звѣриис оумирають» и т. д. У Александра тысяча тысячъ (вар. 30 т.)

ратниковъ; «и повелѣ въ воисцѣ личити (вар. клицати), яко аште к'то нач'нетъ прѣгнѣ раз'бикнѣ драти, безъ расоужденѣ да оумреть яко рат'никъ» (sic). — Ночью пророкъ Іеремія, явившись ему во снѣ, обѣщаетъ ему въ брани помощь Бога Саваооа; ободренный этимъ Александръ вступаетъ въ бой при трубныхъ звукахъ. «И бѣше видѣти вып'ль конь и чловѣкъ и клопотъ ороужѣа, яко зем'ли топ достоужити се, сѣчоу бив'шоу отъ оутра до плад'не». Три дня и три ночи Македоняне преслѣдуютъ Персовъ, потерявшихъ 400 (вар. 200) тысячъ убитыми и двѣсти плѣнными, которыхъ Александръ отпускаетъ во свояси, веля имъ болѣе на бой не выходить.

Пока Дарій съ сотней конниковъ бѣжитъ въ стольный градъ «Пер'сиполь», Александръ идетъ на Вавилонъ; «граждане же на .р. пьприштѣ (вар. 15 миль) не далхоу кмоу [къ градуу] прити, толика бѣ сила ихъ (вар. только бише Бабилон велик колико рика Еспрат посреди нега течаше), яко рѣка Юфратъ вьхождаше въ нь непрѣходимаа» (вар. яко реце Ефратоу вьтецаюштоу въ нь, непрѣходне соушти и велице, идеже изъ ралл истецаше). Александръ велитъ повыше города копать «водоваждоу» и разъ ночью, когда вавилоняне были въ храмѣ Аполлона, отводитъ воду въ поле и по сухому руслу проникаетъ въ городъ, который велитъ зажечь. По просьбѣ горожанъ, онъ велитъ прекратить пожаръ; его величаютъ царемъ и приносятъ дары: «изнесоше кмоу злато Даріево. иже бѣ тоу, .в. тисоукѣ таланть (вар. .в. сте тисоуштѣ злата таланть; двѣ тисуѣни таланат) и тисоуштоу (вар. 500) конь зоб'ныхъ Даріевехъ из'ведоше, и .р. львовъ въ златихъ веригахъ, и тисоуштоу пар'доусъ лов'ныхъ, и сто фарпжъ (вар. парижь) аравіискихъ, иже соуть изрочити отъ всѣхъ конь. И изнесоше кмоу двѣ тисоушти блюдь (вар. здил) самотвор'ныхъ Даріевехъ, и двѣ тисоушти роговъ слонов'ныхъ, златомъ окован'ныхъ, и великий бисерь на нихъ, и каменнѣ многоцѣн'но, тисоуштоу (вар. .л. тисоуштѣ) ороужѣа цѣла съ златомъ и бисеромъ, и тисоуштоу потиръ изваган'хъ отъ раз'лич'ныхъ каменъ и многоцѣн'ныхъ. И десеть

тисоуштъ къпазмъ (вар. хакиз'мъ; сахакузмъ конскихъ), иже бѣхоу отъ рибіѣ коже, пхъ-же железо похватити не можетъ. И крѣзно Сексена (вар. Ексер'кена, Стерстена, Езерьѣена) цара пер'скаго, иже бѣ сътворен'но отъ зміѣвѣхъ очію, съ многоцѣн'нымъ каменіемъ, и вѣнаць Сын'хоса вселен'скаго цара, и трапезоу отъ сам'фира камена Даріѣвоу; кгда на нѣп идеше, никдѣ злосрѣдъ не бываше». (вар. приб. И тоу Александръ сътвори въ Вавилоне 50 дѣни; либо: 50 дней).

Услышавъ о взятіи Вавилона, Даріи сѣтуеть: мнилъ онъ себя сильнѣе Бога небеснаго, а нынѣ одинъ отъ малыхъ царей разрушилъ его силу. «О оказн'наа чести моя, въ прьво къ миѣ посмѣа се, и напоконъ гор'ко къ миѣ озре се. По истинѣ рекль ксть рекыи: Сѣи и съ радостію неправед'но, съ плачемъ и жалостію пожнетъ. Прѣмоудрїи Соломонъ въ писанпхъ своихъ рекль ксть: Иже чоуждаа съ радостію възехъ и своихъ съ жалостію лишихъ се». Его утѣшаютъ, говоря: «О великыи цароу Даріѣ, великымъ корабомъ великаа паденіа соуть, и велиции вѣтри велика дрѣва полам'ляють (вар. приб. мала слаба находѣни поминую). И царство множествомъ людїи състоитъ се, такоже море великыми вълнами и плавашистымъ стран'но гавлають се». Вчера разбилъ насъ Александръ, завтра мы его побѣдимъ.

с) *Ависъ*. «Нѣкы прис'ныи и любимъ милостникъ властеличкы Даріѣвъ», именемъ Ависъ (вар. Амвисъ, Амьвисъ, Ан'висъ, Имамвисъ, Амивиз), приходитъ къ Дарію и, напомнимъ ему о благодаренїяхъ, которыми осыпалъ его царь, говоритъ о своей готовности положить за него жизнь — убивъ Александра. Если ты сотвориши это, отвѣчаетъ Даріи, то освободиши Персію и «смерть твою въ мѣсто живота вмѣнитъ се, и миѣ цар'ство отъ роукы твоѣ дасть се, и ты великъ отъ Пер'съ наречеши се. — И сїи рекъ Даріѣ; Ан'висъ же въз'мъ бѣлежыць (вар. приб. Мацедонскїи) на оружіѣ своѣ въ Алексен'дровоу воискоу вмѣси се. Алексен'дроу же оружіюу издѣшитоу и свою прѣписоуюшитоу воискоу, Анвисоу же близоу него призах'шоу, мьчъ свои трьгъ, хотеше Алексен'дра по очію оудрити, и грѣшивъ, врѣхоу хел'ма

оудари его [ш. и весь връхъ отсече, и косме кго кко бритвою мьчемъ остроугавъ. Александръ же мнѣвъ, кко отъ своихъ емоу бысть невера, рече: Не оудари ме роука перьсидиска, нь ме оудари роука Македониска. И Амвисоу же повѣторити не даше, нь мьчь емоу възмьше и хльмъ его весь сьньмьше, къ Александроу приведоше». На вопросъ Александра онъ объявилъ чистосердечно, что намѣревался убить его изъ любви къ своему господну; ты заслуживаешь смерти, говоритъ ему Александръ, «нь поненже за господина своего поболель еси, и главоу свою положилъ еси, кко отъ Македонцнхъ сьтворилъ се еси, се тебе отъ роуки мое животъ тебе дароую, поненже дело сьтворилъ еси, еже никтоже нигдѣже не сьтвори. И здравъ къ цароу своему походи, и тако емоу р'ци: Его-же богъ хранить, того чловѣкъ не оубиваетъ; кгоже богъ не хранить, того все роуки чловѣчьскыи оублоусти не могууть; да прѣломи неоуломное свое срьдце и отложи прѣвъзносноую свою грьдню, и царствию моему поклони се], и дани мнѣ дай и съ подроучными цари почивай». — Вернувшись назадъ, Амвись обо всемъ докладываетъ Дарію и прибавляетъ: «тебе дньсь в'соу работу мою платихъ мьчемъ, и животъ мой отъ роуки Алексен'дрови възехъ дньсь. Вьса добра, клика сьтвори ми, дньсь животомъ моимъ платихъ ти; азъ бо дньсь мрт'въ ксьмъ тобою, а Алексен'дромъ живъ ксьмъ. **Ю**лика могахъ, сьтворихъ; богъ, кго-же любилъше, съхрани. Да поклонимъ се тебе, цароу Дарію, работати хоштоу, иже ми животъ дароваль ксть». — Дарій опечаленъ: «емоу же бози соупротив'ляють се, томоу чьсть на безъчьстіе (вар. сриѣна на несриѣну) прѣм'бноукъ се, и того и прис'ни и любиміи друзи оставлѣють; добрѣ-бо рече рекинъ: Въз'ношеніе годшт'на кола и низ'ношеніе имать ниско; и в'сакъ въз'носеи се, смѣрантъ се, а смѣрани се, възноситъ се». Одаривъ и отпустивъ Ависа, Дарій поручаетъ ему сказать Александру: «Не прѣвъзносеи се зѣло, вьсакъ бо възносеи се, вь скорѣ смѣрять се. Сьн'хось царь зѣло прѣвъзнесь се, отъ двихъ людий смѣрень бысть; **Ю**ксер'сена (вар. Асексен, Езерьсень, **Ю**зерьксень) пер'скыи царь зѣло прѣвъзнесь се, отъ Даф'неа

смѣрень бысть (вар. ѡдь Антинань, Антиани, Антиѣна = Аэп-нянь); и азъ оубо прѣвъзнесохъ се, и отъ своихъ смѣрень быихъ, и ты оубо аште прѣвъз'несеши, смѣриши се». Коли можно, пусть удовольствуется «оброки своими»; ему же лучше смерть, чѣмъ уступка: «царь царю не кланяеть се николиже». Пусть готовится на брань: черезъ пятьдесятъ дней онъ выступаетъ противъ него съ Персами и Индійцами, или побѣдитъ, либо умретъ съ честью на родной землѣ. — Выслушавъ Ависа, Александръ, покачавъ головою, сказалъ: «О царствѣ нѣсть мира ни съ кымъ, царство бо велика гора кѣтъ и висока зѣло, водами и воштіями различными оукрашен'на, кже вѣр'нымъ красна и слад'ка гв'лжеть се, невѣр'нымъ же непристоуп'на и притран'на (вар. страшна). И на сію чловѣкъ вышьдь, и на красотоу кѣ възракъ. не мнить се слести когда, аште разоумомъ окрм'лжеть се».

d) *Александръ поклицарь*. Въ ту ночь явился Александру во снѣ пророкъ Іереміа «съ философомъ Іеросалимьскимъ» (вар. с Пиникем архiereем ерусалимским; съ Финеемъ; са аспи архiereми ерузалемьскимъ) и велитъ ему идти къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посланника. Напрасно удерживаютъ его Антиохъ и Птоломей (вар. и Филиппъ), которымъ онъ поручаетъ, въ случаѣ своей смерти, все царства раздѣлить между собою, македонскій же полкъ соблюсти добрѣ. — Облекшись въ персидскую одежду («облѣкло», вар. свиту), финкійскій плащъ и македонскую шляпоу «съ аспидовѣми рози и златѣми печат'ми», онъ несетъ свое собственное посланіе Дарію, который, желая удивить Александрова посла, «парастась великъ сътвори»: онъ сидитъ на високомъ престолѣ, «около него яко лица аггелскаа сътворен'на бѣхоу. Вся же палата отъ злата свѣт'ла сътворен'на бѣше, и яко лица аггел'скаа томоу яко богу прѣдстоахоу. Стълнове злати каменнемъ многоцѣ'нымъ оукрашен'ны бѣхоу; четири же камены на четири оугле тоу полати бѣхоу, кже въ ношти яко ог'нь въ мѣсто свѣшти (вар. лоча) свѣтехоу». Все дивятся наряду Александра, а одинъ персіянинъ читаетъ его посланіе къ Дарію: Помнишь-ли ты, какъ ты хотѣлъ меня, еще

юнаго, лишить престола — а теперь Господь сотворилъ меня «господина отъчѣствоу моему и всѣмоу свѣтоу»; ты велѣлъ привести меня къ себѣ — а вотъ я самъ пришелъ и хочу назваться господиномъ всему твоему. Но я не немилостивъ: если ты смиришься и дашь мнѣ дань, то господствуй по прежнему; «аште-ли ти се негодно ксть, то Пер'сомъ ты пиз'матарь (вар. неприател) кси, и симъ заклати се радъ кси отъ Македонискога мѣча. Боуди готовъ съ в'сѣми своими на бой .еі. днь (вар. 16), на Ар'сопор'скоп (вар. Арьсиненце, Арспноскоп) рѣцѣ. — Писание же Даріе слышавъ, къ своимъ си рече: Надѣяше ли се к'то таковен подвижи и таковен крости отъ Македоніе изыти? Алексен'дръ же, стоѣ прѣдъ нимъ, рече: Не чюдо, аште Македонгане свѣтомъ обладають. Даріе же рече: По ч'то? Алексен'дръ рече: По ч'то соуть вси кдиносрѣди и храбри безъ кон'ца и моудри же и любими. — Пер'сенинъ же нѣкто рече: По ч'то тако великому цароу глаголюши? Онъ-же рече: Сил'на господина вол'нь поклисарь».

Позванный на трапезу къ Дарію, сидя противъ него на поклисарскомъ мѣстѣ, онъ прячетъ за пазухоу первую и вторую золотую чашу, имъ вышитую. Объ этомъ говорятъ Дарію, а одинъ вельможа замѣчаетъ Александру, что за царскимъ столомъ такъ не дѣлають; онъ отвѣчаетъ: «Оу господина мога Алексен'дра пръвоу и в'тороу чашоу всакьи поклисарь себѣ оузимать». — Кандархъ (Кан'дар'коусъ, Кандаркус), ходившій когда-то посломъ въ Македонію, призналъ Александра и говоритъ о томъ Дарію: «Дньсь в'соу волю твою бози сътворише». Даріи радуется: «Честъ (вар. срића) тихомъ лицемъ къ мнѣ обратати се начеть», говоритъ онъ, но у него еще есть сомнѣніе: «Всѣхъ главъ глава не обѣшантъ се, нь кон'ци (вар. на единомъ коньцоу)». Кандархъ ручается головой, что это Александръ; тотъ между тѣмъ замѣтилъ, что о немъ говорятъ, и «пръстенъ въ тобол'ци врьхов'ный (вар. влховни) възеть (вар. у тѣбѣцу, мошни), иже бѣ въ Трои възль Клеопатре егупт'ске царице: кгда ть пръстенъ на роукоу став'ляше, отъ всѣхъ невидимъ бываше. И въ роукоу кго въз'мь, хоте искоусити

Даріево малодоушіе. Даріе же къ нѣмоу рече: Прилична ми те къ Александроу кажоуть. Онъ-же рече: Прилики ради любить ме господишь мой, приличнь бо нѣмоу нѣсмь, п мнози мнѣ поклонише се, мнѣв'ше ме Александра». Дарій выходитъ изъ-за трапезы въ ложницу, гдѣ совѣщается, какъ схватить Александра; съ царемъ вынесли свѣточп, а Александръ пользуется темнотою, чтобы снять съ себя «многоцен'но крѣзно п [македонски] клобоукъ»; возложилъ на руку волховской перстень п вышелъ изъ палаты. У первыхъ городскихъ воротъ онъ даетъ привратнику золотую чашу: возми её п храни, говоритъ онъ, царь Дарій послалъ меня нарядить стражу. Его пропускають; такъ было п у вторыхъ воротъ, гдѣ онъ заявляетъ, что посланъ царемъ за воеводами, «да страже оутврьдетъ». Тогда онъ садится на коня п къ разсвѣтоу былъ на Спнорской (далѣе: асор'скаа, асирскаа; вар. Арьспнейска; на Сираску риеку) рѣкѣ, которую нашелъ замерзшей; на той сторонѣ его ждали Антиохъ, Филонъ п Антигонъ. — Между тѣмъ Дарій поручилъ «Кандар'коусоу п Клидоуксоу» (вар. Крисоу, Клису лидонскому царю) схватить Александра; его ищутъ въ палатѣ п не находятъ; спрошенные вратари повѣдали всю истину; Кандархъ съ тремя стами конниковъ гонится за нимъ, но добравшись до рѣки къ восходу солнца, находитъ её отмерзшей, а Александра на томъ берегу. «По ч'то терате вѣтра, нго-же не можете оухватити? говоритъ онъ имъ; онъ будетъ ждать Дарія на аспрской рѣкѣ, которая «всакоу поштъ замрѣзаше, прѣзь днь же, размразив'ши се, течаше съ каменикъ п наромъ замѣспив'ши се». Узнавъ о неудачной погонѣ, Дарій сѣтуеть: «О невѣрнаа п неоустав'наа чести (вар. несрѣне), како чловѣкомъ пс-прѣва слад'ка пвлѣкши се, п на послѣдкь гор'шии нда обрѣташи се!».

Замѣтимъ по поводу волшебнаго перстня *египетской* царицы *Клеопатры*, взятаго Александромъ въ *Трою*, что новогр. нар. кн. р. 95 также говоритъ о немъ — едва-ли не въ слѣдствіе древняго смѣшенія, совершившагося уже въ прототипѣ обовхъ текстовъ. Мы видѣли, что въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои (Нов. I, 24; сл. выше, стр. 203—4) ему приносятъ пер-

стенъ «*Юноне*, тронске царице», имѣвшій цѣлебную силу; варьянтъ говоритъ о перстнѣ «*кипртскихъ кралице*»; особыя свойства перстня — дѣлать человѣка незримымъ — могли быть подсказаны слѣдующею далѣе чертою: о вѣнцѣ *другой царицы* (Поликсены), дѣлавшій надѣвшаго его невидимымъ (сл. выше, стр. 205); въ вѣнцѣ египетской царицы *Клеопатры* Александръ въѣзжалъ въ Римъ — раньше посѣщенія Трои (сл. выше, стр. 190 и 193). Этимъ путемъ имя Клеопатры перенесено было въ Трою, чему способствовало созвучіе: Гекаба=Гекуба, Египеть, и мы получаемъ увѣренность, что въ оригиналѣ греч. нар. кн., знающей перстенъ Клеопатры и ничего не говорящей (въ эпизодѣ о Троѣ) о перстнѣ Гекубы — послѣдняя подробность имѣла мѣсто.

е) *Посланіе къ Фору и бой на Арсинойской рѣкѣ*. Дарій пишетъ Фору, сколько бѣдъ претерпѣлъ онъ отъ Македонскаго отрока; дважды побѣжденный имъ, онъ готовится на третій, послѣдній бой, и проситъ Форовой помощи: твои войска непобѣдимы, «ты же тыкъмъ богомъ еси». Прочтя посланіе Форъ говоритъ, качая головою: «Нѣсть радость, ни же не примѣшаютъ се жалость; и Даріе бо нѣкогда тыкъмъ богомъ бѣше, нынѣ же отъ Македонянь гонимъ естъ». Онъ велитъ своимъ вельможамъ пойти къ Дарію, взявъ «д. тисоуште тисоуштъ воиске», а Александра привести къ нему; онъ желаетъ его видѣть, «моудра бо ми его и съмыслна казують». — Дарій обрадованъ помощію; у него самого войска — тысяча тысячъ. — Между тѣмъ индійскіе воеводы послали къ Александру своихъ лазутчиковъ, которые схвачены; поставивъ ихъ на высокомъ мѣстѣ, Александръ пропускаетъ мимо ихъ всю свою рать, и одаривъ, отсылаетъ обратно: они рассказываютъ о мужественномъ видѣ и численности Македонянь. «Състав'шима же се двѣма воискама, слынце оубо отъ праха помръче; страхъ же и Индіане и Македоняне обькть. Въ коупѣ же замесив'ше се, едини отъ друузѣхъ не познавахоу се. Вѣтроу-же боур'ноу въ едино дьх'ноув'шоу, и прахъ отъ нихъ откъм'шоу, и тако сѣшти начеше се. Вьсь днь сѣчоу бив'шоу, Алексен'дръ трьпѣти сего не могьи, нь съ заставою своєю съ

тисоуштоу тисоуштѣ избран'ныхъ витезѣ но срѣде ихъ вьниде, и самъ мегю ними на златой колес'нищи по срѣде ихъ вьниде». — Индійцы и Персы обращаются въ бѣгство.

f) *Отъ смерти Дарія до хожденія Александра въ «невѣдомыя страны»*. Самъ Дарій бѣжитъ къ «Пер'сиполю», когда двое близкихъ къ нему вельможъ, «Кар'даньвоушь и Арпз'вар'нь (вар. Кан'дарьвоусь, Кандракус, Ар'зиваржь, Арпзван, Арьзиварнь) настпгають его, и пронзивъ его мечами и стащивъ съ коня, оставляють полуживымъ. — Между тѣмъ Александръ посылаетъ Фипика (вар. Филона) сказать Персамъ, что Дарій убитъ; къ Индійцамъ его-же (вар. Филона) съ увѣщаніемъ, что онъ отпуститъ ихъ съ честію; если-же тѣ и другіе обратятся въ бѣгство, ихъ ожидаетъ смерть; вмѣстѣ съ тѣмъ Селевкъ велитъ Индійцамъ, по порученію Александра, сдать оружіе и коней. «Филонъ къ нимъ пристоупивъ повелѣниѣ Алексен'дрово рече; они же на землю падше, поклонише се, стегове же в'се Форове и великкѣ накараде и великкѣ троубы и конѣ в'се и ороужіа Филоноу прѣдаше». Отпуская ихъ Филонъ велитъ сказать Пору: «Боуди доволюк индїнскимъ царствомъ, и оу своой оу храброй земли, и роукоу помощи къ чюждимъ на Макдонп'ане не нослап. Вѣдомо да ксть тебе, Форе, пидіескый цароу, ѣко на Филонъ, по мплости Алексен'дрове, Пер'сомъ господишъ назвахъ се, и соусѣдъ тебѣ бити имамъ. Перси же слышав'ше, отъ Индіанъ отдѣлише се и къ Филоноу пристоупише, и семоу мѣсто Алексен'дра поклонише се». — Согласно съ этимъ позднѣе въ распредѣленіи своего наслѣдія Александръ даетъ Филону «пер'ско господст'во», Селевкию же даде «рым'ско господство, Лаомедоушоу же даде Неглитор'ско (вар. енглитерско) госнод'ство» (Нов. III, гл. 16). Но мы знаемъ изъ эпизода о Римѣ, что его властителемъ, а вмѣстѣ и всего Запада (и «неглиторскимъ») поставленъ былъ Лаомедонтъ (сл. выше, стр. 191); на Селевка — Римъ перенесенъ, очевидно, по ошибкѣ. У Нов. II, 16 Александръ, покоривъ Персію и снаряжаясь въ походъ противъ Криза, «Селев'кіа въ Пер'сидѣ остави»; Филонъ сопровождаетъ Алек-

сандра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ (Нов. II, гл. 22), отъ предѣловъ Индіи посланъ имъ въ Персію (Нов. III, гл. 1), откуда онъ позднѣе и является съ войскомъ на помощь Александру, воевавшему съ Поромъ (Нов. III, 4; сл. гл. 5). Новогр. нар. кн. стр. 130, 132 говоритъ въ этомъ случаѣ о Селевкѣ и Филонѣ, какъ правившихъ въ Персіи; въ завѣщаніи своемъ (ibid. p. 181) Александръ распредѣляетъ: τοῦ Σελεύκου τὴν Περσίαν καὶ Βαβυλῶνα, . . . τοῦ Φίλωνος τὴν Μηδίαν. Сл. Pseudo-callisthenes C II, гл. 28 (см. выше, стр. 238) и III, 33: Σέλευκον μὲν Πέρσαις καὶ Ἰνδοῖς βασιλεύειν, . . . Φίλιωνα δὲ τὸν καὶ Βύζαντα τὴν Μακεδονικὴν διέπειν ἀρχὴν, τὰ περὶ Ὀλυμπιάδος πλείστα παραινέσας αὐτῷ (Hist. de prel. p. 263: Seleucus . . . Babyloniam gentesque vicinas obtineat). — Смѣшеніе Филона и Селевка въ разбираемомъ нами эпизодѣ находилось, вѣроятно, уже въ подлинникѣ сербскихъ текстовъ и новогр. нар. книги.

Не доѣзжая до Персеполя Александръ находитъ умирающаго Дарія, который, подозвавъ его къ себѣ, говоритъ: «Азь ксьмь Даріе царь, кго-же коль годишт'нок до небесъ въз'виси, и честь неостав'наа до ада с'низн». Онъ проситъ Александра не дать ему умереть подъ конскими копытами; «не тако бо, какоже Пер'си, немилостивъ кси, нь вѣмъ те благодар'на и благоутроб'на бити и благодар'на къ своимъ злоторомъ, тако бо всѣмъ велеоумшмь подобаетъ. Добрѣ бо рече рекын: Не въз'дан зла за зло, како да и богъ отъ зла избавить те!». Сойдя съ коня и покрывъ Дарія своимъ плащемъ, Александръ велитъ положить его на золотую колесницу; «носи'но дрѣво въз'мъ на рамо положи, и въз'мъ постоупи .г.-штъ самъ царь». — Дарія приносятъ въ городъ, на царскій дворъ, гдѣ кладутъ на золотомъ одрѣ; «Алексен'дръ же въ многоцѣн'но крзно и одѣло облькъ се, и вѣн'ць цара Соломона на главоу свою положи, и жьзьль злати въ роукоу свою въз'мъ, на прѣстолѣ велицѣмъ цара Дарія сѣде». Персы и Македоняне величаютъ его, когда приводятъ персидскую царицу и дочь ея Роксанду. Увидѣвъ еѣ Дарій умиляется и говоритъ ей: «Се тебѣ мужа ненадѣина приведохъ отъ Македоніе не моимъ хо-

тепшѣмъ, нѣ божіимъ изволѣніемъ. Сего бо богъ сътвори Персомъ цара, и в'семоу нашему господ'ствоу и имѣнію. Не тако бо напрас'но хотѣхъ бракъ твой, ꙗкоже прилоучи се дньсь быти, нѣ все подслѣньчныѣ царе и к'незе мыш'ляхъ събрати на веселость брака твоѣго, и радость твою съ мнозѣмъ веселиемъ сътворити хотѣхъ. Въ мѣсто бракъ твоихъ крас'ныхъ (вар. мѣсто господи и господичаи великих) многіѣ дньсь пролиша се крѣви на брацѣ (вар. пирю) твоѣмъ, македон'скыѣ и пер'скыѣ». Онъ велитъ ей любить Александра, а его проситъ принять её: «ѣко рабоу прими себѣ, ꙗште годе ти есть, и женоу себе повми: красна бо есть и моудра зѣло». Трижды поцѣловавъ её, онъ подводитъ её къ Александру, который «Роксандоу за роукоу приемъ и в'сесердно сию полюбивъ и сладко целовавъ, съ собою на престоле посадивъ, и вен'ць съ главы своеѣ сънѣмъ, на главоу еѣ постави, и прѣстень съ роуки своеѣ сънѣмъ, на роукоу еѣ постави». Она будетъ царствовать со мною до своей смерти, говоритъ онъ Дарію, а тотъ поручаетъ ему свою жену — «сѣ мати тебе въ мѣсто Олимпіаде есть» — и своихъ Персовъ: «Любѣ Першане, верьни бо господиню своему соутъ; и жалость мога на радость прѣврати се».

Убийца Дарія, Каньдарвоуша и Аризварна, Александръ велитъ повѣсѣть: «проклетъ бо кѣсть, иже господьскога оубицоу хранишь и градьскога издавчю хранишь». Вступивъ въ городъ, онъ вѣичается съ Роксандою и пишетъ Олимпиадѣ и Аристотелю письмо: семь лѣтъ не писалъ онъ имъ, отвлеченный войною съ Даріемъ, который, трижды побѣжденный, «дштерь свою Роксандоу въ мѣсто дара мнѣ принесѣ. Азь же, без'мѣрною красотоу лица ꙗкѣ видѣвъ, женоу себѣ покхъ. И вѣдомо да кѣсть вамъ, ꙗко до н'деже жен'скаа любовь срьдце моѣ не обыкла бѣше, никако мене мысль нахогаше о васъ и о домаш'нихъ; да отъ пелиже жен'скаа любовь въ срьдце оустрѣли мене, отъ толе и о мрскихъ мыслиги начехъ; ни бо вѣмѣнахъ, гдѣ оубити ме хотеть, где ли оубити хошгоу». Онъ остается въ Персеполѣ, одѣлъ Македонянь въ персендекую одежду, Персовъ по македонски,

Даріеву казну роздалъ войску, а коней велитъ хранишь. «Стльнь же великъ по срѣдѣ Пер'сидѣ сѣтворити повелѣ, и на нѣмъ себе оу златѣ изванти повеле. На ть стльнь възьшьдѣ, велегласно всѣмъ слишештимъ рече: Вѣдомо да кѣсть вамъ, Пер'си и Ин'діане (вар. вси Македоняне), яко азъ ваша многобожия идол'скаа проклиная, и на серафимѣхъ почиванѣмому богу поклоняю се, небо и зем'лю създав'шомоу, отъ хероувимъ славимомоу невидимомоу и необзримомоу и неизъчтен'номуу трисветымъ гласи славимомоу. И се рекъ: Богъ богомъ и всѣмъ видимымъ тваремъ твор'цѣ помошт'никъ ми боуди в'семрз'киѣ потрѣбити идоли скврн'ныѣ». — Даріева злата нашлось «.vi. пстернь (вар. би-стернь, стернь, густеран) плньхъ и .к. (вар. 14) коукъ плнехъ искоусна злата, и .vi. нир'говъ многоцѣн'на каменіа и бисера, кѣмоу же не бѣ числа, и тисоуштоу тисоуштъ конь зоб'ныхъ; львовъ же и пар'доусъ лов'ныхъ и соколь и грипсь (вар. грипсь-сось, грипсов) оузвод'ныхъ (вар. изводныхъ), имъ же числа испитати не могохъ». Войска, переписаннаго на «персидскомъ полѣ» оказалось «.д. ста тисоуште тисоуштъ конниковъ» (вар. тыс. тысячъ).

По прошествіи года, оставивъ въ Персидѣ Селевка (сл. выше стр. 248), Александръ идетъ на «лидон'скаго цара на Крпса», который не хочетъ поклониться Александру, но схваченъ его людьми; «и толико богатства оу него обрѣтоше, кѣлико око не видѣ и оухо не слыша. — И се Алексен'дръ воицѣ раздѣли (вар. воиски разда), и тако на десноу страну вьстока поиде и в'се кзыки приѣмъ до краи землѣ доиде» и т. д. (Новак. II, 5—17 = Jag. I. с. стр. 259—277.)

Для эпизода о Даріи, который я сообщилъ цѣликомъ по сербскимъ текстамъ, вѣнскій (W, стр. 46—57) представляетъ лишь неполную параллель, такъ какъ нѣкоторые эпизоды его выпали, почему въ основу слѣдующаго сравнительнаго обзорѣнія, расположеннаго по отдѣламъ славянскаго пересказа, положена греч. нар. книга, стр. 76—107.

а) Стража (βίγλα; W то-же) Александрова схватываетъ

Даріевыхъ *καταπατριτάδες* (W то-же). — У Александра 600 тыс. конницы, 100 тыс. пѣхоты; у Дарія тыс. тысячъ одного и столько-же другого (въ W нѣтъ этой подробности). — Лазутчикамъ Персамъ Александръ велитъ сказать Дарію, *ὅτι πρέπει βασιλεὺς μὲ βασιλέα νὰ πολεμήσῃ οἱ δύο ὁμοῦ*; самимъ имъ онъ совѣтуетъ не выходить на бой — что согласно съ славянскимъ текстомъ, почему слѣдующая непосредственно подробность перенесена сюда изъ другого мѣста (изъ эпизода объ индійскихъ лазутчикахъ, сл. далѣе, стр. 255), либо искажена: Александръ даетъ плѣннымъ Македонское вооруженіе, дабы въ битвѣ ихъ щадили Македоняне. — Славянскіе тексты не знаютъ этой черты ни въ *a* ни въ *e*. — Все это опущено въ W. — Дарію велитъ лазутчикамъ вырѣзать языки; ему не прилично ратиться съ разбойникомъ (*ἄρπαγος*; W, *ρμπᾶς*), вмѣсто себя онъ посылаетъ воеводу Миманта (греч. нар. кн. *Μίγας*, — *αυτος*; W *Μιμαντος*), съ 200 тыс. Мидянь, 200 тыс. Эоіоновъ и 100 тыс. пѣшихъ стрѣльцовъ; въ W другія цифры, тѣ-же народности и *δῆμους* несомнѣнно вм. *Μήδους*. — Мимантъ долженъ перейти Евфратъ (греч. нар. кн.; W). — Рѣчь Александра передъ боемъ (къ *Μακεδόνες, Παμφυλαγόνες καὶ Λακεδαιμόνιοι*; W: *Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμόνιτες*) также, что въ сербск. текстѣ, но съ отличіями; только въ W Александръ является верхомъ на Вукефалѣ (Нов. II, 5: на великаго коня всѣдъ); преслѣдуя бѣгущихъ Персовъ, онъ *ἦλθεν ἕως εἰς τὸ κονάκι τοῦ Δαρείου* (W: *πέσιμον*). Сл. W, стр. 46—8.

b) Дарію велитъ своему войску собраться къ Вавилону; у него два милліона, у Александра тысяча тысячъ. Александръ ободряетъ своихъ: *ἀπὸ τῶν λεοντων τὴν φωνὴν πολλὰ ζῶα φοροῦν, ἐπὶ καὶ οἱ ἐχθροὶ μας, μόνον νὰ ἀκούσῃν, ὅτι ὑπάρχομεν κατεπάνω τους, ἀπὸ τον φόβον τους ἀποθαίνουν*. — Отсюда W совпадаетъ съ греч. нар. кн.: явленіе Іереміи; вступая въ битву Александръ *ᾤρισε νὰ λαλήσῃ τὰ μουσικὰ ὄργανα ἀπὸ τὰ δύο μέρη, καὶ τὰ φουσάτα του τὰ ἐμοίρασεν εἰς τρία*. 'Ο Δαρεῖος ὡσάν εἶδε τὸν Ἀλέξανδρον, διαίρεσεν εὐθύς καὶ αὐτὸς τὰ ἐδικὰ του εἰς τρία μέρη (нѣтъ

въ слав. т.; въ W иначе: Александръ ὄρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταῖς δύο μεραῖς; далѣе: ἀπὸ τὰ δύο μέρη — о македонскомъ и персидскомъ войскѣ). — Во время битвы «τόσον κόψιμον καὶ αἱματοχυσία ἔγειναν αὐτὴν τὴν ἡμέραν, ἀπὸ τὸ ταχὺ ἕως τὸ βράδυ, ὥστε ἐτρόμαξεν ἡ γῆ, ἐπειδὴ τὸ αἶμα ἔτρεχεν ὡσάν ποταμός» (въ W нѣтъ). — Македонянь убито 5 (W: 20) тысячъ, Персовъ 104, а 200 (W, id.) взяты въ плѣнъ и отпущены, съ тѣмъ, чтобъ не являться на бой. Дарій бѣжитъ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας, а Александръ беретъ Вавилонъ извѣстной намъ хитростью; W о ней ничего не знаетъ. — Дары Вавилонянь по греч. нар. кн. для сравненія съ W и славянскимъ текстомъ: ἐξέβαλαν τὸ χρυσάφι τοῦ Δαρείου, τάλαντα δύο χιλιάδες, ἄλογα τοῦ σταῦλου χίλια, λέοντας ἑκατὸν μὲ ἄλυτες ἀργυραῖς, πάροους τοῦ κυνηγίου χιλίους, ἄτια (W φάρια) ἀράπικα πεντακόσια καταπολλὰ ὀγκλίγωρα, κλοντύρια (W σταγόνια¹⁾) χρυσὰ δύο χιλιάδες, κόμπαις χίλιας, ἄλογα ἀρματομένη χιλιάδες τρεῖς μὲ τῶν ὀψαρίων τὰ πετζία, ὁποῦ δὲν τὰ περὶ σίδηρον, τὸ ἐπανωφόρι τοῦ Ξέρξου (W Εξερξένου) τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας, ὁποῦ ἦτον μὲ τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια, ἐγκοσμημένον μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα, τὸ στέμμα τοῦ Σεσόνχου τοῦ βασιλέως. ὁποῦ ἔγεινε καὶ αὐτὸς τοῦ κόσμου ὅλου βασιλεὺς (въ W о Сезонхосѣ ничего нѣтъ), τὴν τράπεζαν (W τὰβλα) τοῦ βασιλέως Δαρείου, ὁποῦ ἦτον καμωμένη ἀπὸ ζαφύρια. πράγμα πολύτιμον. τὸ ὁποῖον εἶχε πρὸς τούτοις καὶ τόσον θαυμαστὴν ἐνέργειαν ὁποῦ ὅταν ἔτρωγεν ἐπάνω εἰς αὐτὴν, ποτὲ κακὴν καρδίαν δὲν εἶχεν. — Въ Вавилонѣ Александръ остается 30 дней; сѣтованія Дарія короче, чѣмъ въ слав. текстѣ; его утѣшаютъ: το καράβι τὸ μεγάλο. ὅταν τὸ πολεμῆ πολὺς ἄνεμος, κινδυνεύει ἕως νὰ ὑπάγγη εἰς τὸν λιμένα. Сравнительно съ слав. текстомъ это изреченіе, недостающее въ W, очевидно, испорчено. Сл. W, стр. 48—50.

с) Эпизодъ объ Ависѣ = Ἀβυσσός, выпавшій въ W (сл. стр. 50 прим. 1), рассказанъ существенно также, какъ въ слав. текстѣ. Когда Ависъ обнаруживаетъ желаніе удалиться къ Александру,

¹⁾ Сл. выше, стр. 193, прим. 1.

Дарііι восклицаетъ: τοῦ καλοῦροῖζικου ἀνθρώπου οἱ Θεοὶ καὶ οἱ ἄνθρωποι τοῦ βοηθοῦν, τοῦ δὲ κακοῦροῖζικου καὶ οἱ ἄρχοντές του ἀφίνουν τον, ὅτι ὅποιος ὑψώνεται πολλὰ, ὀγλίγωρα πέφτει κάτω. Онъ велитъ напомнить Александру примѣры Сезонхоса, Ксеркса и свой собственныи; Ксеркса, который ἐσκοτώθη ἀπὸ τοῦ Δαφναίονος τοῦ ἀνθρώπου, въ слав. текстѣ: отъ Даф'неа, т. е., вѣроятно, Дафнійскаго Аполлона Λωβινιῶν, которыхъ, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 243) слѣдуетъ подразумѣвать въ варьянтахъ слав. текстовъ: Антишанъ, Антишани, Антифна. — Общее размышление Александра о власти сильно искажено: τὸ βασιλείον εἶναι γλυκὺ πρᾶγμα διὰ τὸ ὅποιον πρέπει κάθε βασιλεὺς νὰ μάχεται καθὼς ἔμπορεῖ (!).

d) Иеремія является во снѣ Александру, ἐνεδουμένος ἀρχιερρατικὴν στολήν; говоритъ: пусть пойдетъ посломъ къ Дарію, καταπάτησαι τον, ὁμοῦ μὲ τὰ στρατεύματα τῆς Ἰνδίας, ὅπου ἔρχονται καταπάνω σου (такъ и въ W, противъ слав. текстовъ). Александръ, котораго удерживаютъ отъ хождения Птоломей, Филонъ и Антиохъ, ἐνεδύθη Περσικὴν φορεσίαν, εἰς τὸ κεφάλι του ἔβαλε γλαμοῦτζαν (W γλαμοῦτζαν) μὲ χρυσομάργαρον, ὁμοῦ μὲ λιθάρουλα ἐγκοσμημένον, ἐπάνω εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλε τάρπαριν (W ταпάρин φοινικιότικον) μὲ τῆς ἀσπίδος τὰ κερατόπουλα, καὶ μὲ χρυσαῖς φύλαις μεγάλαις. . . . Ὁ Дареῖος ἐκάθητο εἰς ἓνα θρόνον ὑψηλὸν βήματα τέσσαρα (W ὑψηλὸν πολλὰ), καὶ τριγύρω του ἦσαν ὡσάν ἀγγελικὰ πρόσωπα, μὲ λαμπάδες τὸ παλάτιον ἦτον ὅλον περιχρυσωμένον, καὶ ἐστολισμένον ὠραιότατα, ἔχοντας τέσσαρας στύλους εἰς τὴν μέσην, ὁμοῦ μὲ τέσσαρα λιθάρια, τὰ ὅποια ἔφεγγαν τὴν νύκτα ὡσάν λαμπάδες εἰς ὅλον τὸν παλάτιον (W καὶ εἰς ταῖς τέσσαρας κόγχαις ἔφεγγεν ὅλον τὸ παλάτιον ὡσάν λαμπάδες). — Въ посланіи Александръ назначаетъ Дарію бои черезъ 15 дней εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας, W τῆς Ἀρσενίας. — Кантаркούς (W Καταρκούσης) догадывается, что посоль и есть — самъ Александръ, докладываетъ о томъ Дарію, который говоритъ: Ἴσως ἐγύρισεν ἡ τύχη μου πάλιν εἰς ἐμένα (въ W πῆγъ). — О перстнѣ Клеопатры сказано было выше (стр. 246—7). — Привратникамъ

Александръ говоритъ, что посланъ νά διατάξω τὰς βίβλας τοῦ φουράτου; въ другой разъ νά κράξω τοὺς Βαίβοντάδες νά ἔλθουν μέσα εἰς τὴν βουλὴν τοῦ βασιλέως (W id.). — За Александромъ гонятся съ тремя-стами конниковъ ὁ Καταρκούσης μὲ τὸν Κρίσην τὸν βασιλέα (W. Καταρκούσης, Κρίσης); въ слав. вариантахъ: Крису, Клису лидон'скому царю — всюду подь вліяніемъ слѣдующаго далѣе Криса, царя индійскаго, съ которымъ воюетъ Александръ; у Новак. Клдоуксъ, что ближе къ настоящей формѣ имени: Александра узналъ Кандархъ, когда-то ходившій въ Македонію; могъ признать и другой посоль туда-же: Κλητερούσης, Клитовоуш, Клив (сл. выше, стр. 172); Кливъ сталъ Клисомъ — и Крисомъ уже по одному созвучію. — Переправившись черезъ рѣку, замерзавшею ночью, Александръ глумится надъ своими преслѣдователями: Ἄνεμον διώχνετε, ἀμὴ τὸν ἄνεμον τινὰς δὲν τὸν φθάνει; Βλέπετε μὲ τὰ ὀμμάτιά σας, ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα δὲν τὰ κρατοῦν οὐδὲ βουνὰ οὐδὲ ποτάμια, τί ἀκολουθεῖτε εἰς μάτην (W. id.). Сл. W, стр. 50—55.

е) Въ отдѣлѣ о Порѣ новогреч. нар. кн. рассказываетъ въ эпизодѣ объ индійскихъ лазутчикахъ уже извѣстное намъ (сл. стр. 252): о томъ, что Александръ велѣлъ снабдить ихъ Македонскимъ вооруженіемъ, прибавляя черту (вырѣзываніе языковъ), также встрѣчавшуюся раньше (сл. выше стр. 252: бой на Евфратѣ), и нѣсколько новыхъ подробностей въ описаніи битвы: всѣ смѣшались, не узнаютъ другъ друга въ сѣчѣ; «ἔσυραν τὰ σπαθία τους οἱ Μακεδόνες ὡσάν οἱ καλοὶ θερισταὶ εἰς τὸν καιρὸν τοῦ θέρους εἰς θάσέα χωράρια, κατασφάζωντας πολλοὺς ἐκείνην τὴν ἡμέραν. ὡσάν ἐνύκτωσεν, ἐφοβήθησαν οἱ Ἰνδοὶ καὶ οἱ Πέρσαι, καὶ ἄρχισαν νά φεύγουν· τὴν αὐγὴν ὁμῶς πάλιν ἦλθαν εἰς τὸν πόλεμον. Ὅταν τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, δὲν ἠμπόρεσε νά βαστάξῃ, μόνον ὀρμώντας εἰς τὸ στρατεύμα τῆς Ἰνδίας μὲ τὸ τάγμα του ἑκατὸν χιλιάδες, ὅπου ἦσαν ὅλοι διαλεκτοὶ, ἔκαμε μεγάλους φόνους καὶ πολλοὺς. — W (сл. стр. 55 и прим. 1) опускаетъ этотъ эпизодъ, изъ котораго сохранилось лишь нѣсколько фразъ въ описаніи боя на Евфратѣ: ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη (сл. Нов. II.

гл. 13, стр. 69—70: сльнце оубо отъ праха помръче).... τῆ αὐτῆ τῆ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατός καὶ ἐχάλασεν ὁ κονιορτός.

f) W непосредственно продолжаетъ: τῆ αὐτῆ τῆ ὥρα δύο ἡγαπημένοι του (sc. Δαρείου) μεγιστάνοι, ὁ Καταρκούσης καὶ ὁ Ἀρισβανούσης, πολλὰ ἐγκαρδίακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτύπησάν τον — и приводитъ къ нему Александра. — Греч. нар. книга помогаетъ намъ восполнить пропущенное: Даріиῳ δῆξαιτῃ εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας; εἰς τὸν οὐκ ἐκτελέσας: ὁ Καταρκούσης καὶ ὁ Ἀρισβαρούσης; Александрὸς ἀποστέλλει μερικοὺς στρατιώτας εἰπεῖν Περσίαις, ὅτι Δаріиῳ ἐκτελέσας; Φιλονα — къ Индіицамъ (Селевка нѣтъ; сл. выше, стр. 248—9). — Бесѣда Александра съ Даріемъ; раненаго Дарія ἐβάστα ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν μίαν μερῶν ἕως ἑνα τοξόβολον. — Сцена Дарія съ Роксаной (Роξάνδρα) и Александромъ сильно сокращена: нѣтъ ни одной изъ тѣхъ поэтическихъ фразъ, которыми такъ богатъ соотвѣтствующій отдѣлъ славянскаго текста, нѣтъ и проповѣди Александра въ пользу единобожія. — Сокровища Дарія: δώδεκα στέρνας (W id. = новогреч. στέρνα: cisterna; сл. слав. пестерь, бистерь и т. п.) ὄλον χρυσάφι ἀγνόν, εἴκοσι ὀσπήτια γεμάτα ἀσῆμι, καὶ δώδεκα πύργους φλωρία. Εὐρήκαν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα τοῦ σταύλου θρεμμένα, τριακόσιας χιλιάδες στρατιωτικά (W вмѣсто того: χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακινίαν¹) χωρὶς ταῖς φοράδες), πενήντα καὶ γρόπες τοῦ κυνηγίου χιλίους, λέοντας τοῦ κυνηγίου μαθημένους πεντακοσίους. — Пробывъ въ Персіи годъ (о Селевкѣ нѣтъ рѣчи, сл. выше, стр. 248—9), Александръ идетъ на лидійскаго царя Крпса (Κρίσην). — W кончаетъ этотъ эпизодъ иначе: καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἠπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ χρυσάφια ἡγούσας εἰς τὸν βασιλέα (sc. Πῶρον), ὀβλιχά τῆμῃ новѣй пропускъ въ своемъ текстѣ (сл. стр. 55 прим. 1).

Трудно опредѣлить отношенія разобраннаго нами эпизода о Даріи къ соотвѣтствующему отдѣлу Александровой эпистоли Pseudocall. II, C 23 слѣд., плану которой слѣдуетъ съ немно-

¹) Ο λακινία см. выше, стр. 152

гимн отмѣнами, сербская рецензія романа, начиная съ разказа о посѣщеніи Александромъ Іерусалима. Войнѣ съ Даріемъ въ эпистолии отведена всего одна, коротенькая глава, с. 23: Александръ пишетъ: услышавъ что Даріи стоятъ со многими царями и сатрапами *περὶ τὸν Ἰσσιακὸν κόλπον*, я, собравъ много козъ, возжегъ ночью свѣточн на ихъ рогахъ; увидѣвъ ихъ непріатели испугались численности нашего войска и обратились въ бѣгство. На мѣстѣ побѣды онъ строитъ городъ *Διγὰς*, и «ἐν τῷ Ἰσσιακῷ κόλπῳ . . . πόλιν Ἀλεξάνδρειαν τὴν κατὰ Ἰσσόν. Καθεῖθεν πάλιν ὠδεύσαμεν μέχρι τῆς ὁδοῦ τῆς τῶν Ἀρμενίων χώρας, οὗ ἐστὶ τοῦ Εὐφράτου καὶ Τίγριδος ποταμοῦ ἢ πηγῆ». Здѣсь онъ находитъ Дарія, смертельно раненаго Бессомъ и Аріобарзаномъ (*ὑπὸ Βήσσου καὶ Ἀριβαρζάνου*), но еще дышущаго; покрываетъ его своимъ плащемъ и хоронитъ почетно. Женувшись на Роксанѣ, онъ велитъ *Σελεύχῳ τῷ ἀρχοντι ἅπαν τοῦ Περσικῶν ἐπισυναξαί στρατεύματι*, и соединивъ его съ Македонскимъ, идетъ на Египетъ.

Селевкъ, собирающій персидскія силы, даль, вѣроятно, поводъ къ тому смѣшенію, которое мы вмѣнили прототипу сербской рецензіи: правителемъ Персіи являлся то Филонъ — то Селевкъ.

Война противъ Дарія начпнается, по *эпистолии*, съ битвы при Иссѣ; такъ и въ *разказъ* объ этой войнѣ у Pseudocall. I, 41 (битва на Граникѣ С, I, 28 = В. сл. выше, стр. 215) — но въ этомъ разказѣ ничего не говорится о военной уловкѣ Александра (огни на рогахъ козъ), о которой сообщается лишь значительно позже С, II, 13: приблизившись къ Персеполю Александръ велитъ вести позади войска скотъ, къ спинамъ и хвостамъ котораго привязаны вѣтви, поднимавшія страшную пыль; Персы заключаютъ изъ этого о численности Александрова войска; ночью — другая уловка: огни, зажженные на рогахъ скота. — Эпистолия соединила, стало быть, въ разказѣ объ одной битвѣ, Pseudocall. I, 41 и II, 13, опустила слѣдующее хождение за тѣмъ Александра - посла къ Дарію, его переправу черезъ рѣку Странгу (II, 14), которую Hist. de prel. краткаго типа называетъ Stragan, распространенный текстъ: Granicus (или *Tigris*), qui Persica

lingua Stragana appellatur¹⁾, редакция С Арсиной (С II, 15: ἐπὶ τὸν Στράγγαν τὸν καλούμενον καὶ Ἀρσινόην); битву на этой рѣкѣ (ib. гл. 16) — и прямо переходитъ къ убіенію Дарія Бессомъ и Ариобарзаномъ — въ *Арменіи*, гдѣ *истокъ Тигра* и Евфрата. По Pseudocall. С II, 20 Александръ находитъ умирающаго Дарія, переправившись съ Македонянами черезъ τὸν Ἀρσινόην τὸν καὶ Στράγγαν λεγόμενον ποταμὸν — въ которой мы узнаемъ *арсинойскую* рѣку нашей Александриі; вар. новогреч. нар. кн.: εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρμενίας, можетъ быть, не искаженіе Арспнои: Армению въ рассказѣ о смерти Дарія, называетъ, мы видѣли, и эпистолиа; въ *Арменіи* дѣйствительно находилось озеро Ἀρσινόη, протекаемое *Тигромъ* (Zacher, Pseudocall., p. 130, къ Pseudocall. II, 14): арсинойская рѣка и ποταμὸς τῆς Ἀρμενίας.

Краткое изложеніе всего этого эпизода въ Эпистолиі даетъ лишь немного матеріаловъ для сравненія съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ нашей Александриі. Попытаемся сблизить ея съ тѣмъ, что о Даріи рассказывается въ самомъ текстѣ Псевдокаллистоена.

а) Первый бой у Евфрата отвѣчаетъ, вѣроятно, бою на Иссеѣ (Pseudocall. С, I, 41), передъ которымъ (С, I, 39) говорится о посланіи Дарія къ сатрапамъ Гидаспу и Спинопру (= Jul. Val.). Персы бѣгутъ; ἦν δὲ μετ' αὐτῶν Ἀρμόντας Ἀντιοχεύς, ὃς περαιτήκει πρὸς Δαρείον, ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις Μακεδόνων ὧν τύραννος. Въ началѣ главы редак. А (= Val.) объ Александрѣ говорится: ὄρμησεν ἐπὶ τὸν πόλεμον διὰ τῆς Ἀραβίας. — Въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ Hist. de prel. (Zingerle, стр. 156—9; Kinzel. Zwei Recens. стр. 13) Дарій пишетъ сатрапамъ Prinus (Primus) и Antiochus; слѣдуетъ бою на рѣкѣ Straga (въ одной ркн. распространенной редакціи: Granicus), Амнтѣ отвѣчаетъ Aminta (Amonta, Admonta): Potentissimus vir scilicet princeps milicie Darii regis sedebat tunc in illo tempore cum valida manu hostium super Arabiam. Что дѣло идетъ о боѣ на Иссеѣ

¹⁾ Zingerle, стр. 26. 186.

доказываетъ между прочимъ слѣдующее сближеніе: Hist. de prel. et tam forte extitit ipsa pugna donec obtenebratus est sol compatiendo super tale homicidium nolendo videre tantum sanguinem = Pseudocall. I, 41: και αὐτός δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινόμενοις και μὴ κρίνας θεωρεῖν τὰ ποσαῦτα μιάσματα συνεστῆν ἐγένετο. — Названіе рѣки Страгоῖи = Странгоῖи — Гранкомъ могло бы дать поводъ къ предположенію, что разумѣется битва на Граникѣ (Pseudocall. C, I, 28). Отвѣтъ на это даетъ Лампрехтъ (ed. Kinzel, стр. 138 слѣд.) или его французскій оригиналъ (l. c. стр. 144; сл. v. 1220: alsus hört ich maister Alberichen sagen, по ркп. Vogan), въ рассказѣ котораго событія на Иссы и Граникѣ не только соединены, но и перенесены въ окрестности — Евфрата: Даріи оновѣщаетъ письмомъ двухъ своихъ вельможъ, Marios unde Tyrotos, чтобъ они не пускали Александра uber das wasser Eufrates (l. c. v. 1165). Zingerle (l. c. стр. 31 прим.) и Kinzel (l. c. стр. 138 прим.) сближаютъ эти имена съ именами сатраповъ, упомянутыхъ выше наканунѣ Иссы, а между тѣмъ дѣло идетъ о битвѣ на Граникѣ, рассказъ о которой Лампрехтъ-Альберихъ основали на историческомъ преданіи (Arrian. I, 15; Plutarchi 16; Diodor. XVII, 19. Сл. Kinzel, l. c. p. XLVIII и прим. на стр. 143—7), удержавъ его главныя черты. Новымъ является лишь имя Даріева воеводы *Mennes* (Kinzel, l. c. p. 142; Vor. hs. v. 1198), которому Дарій поручаетъ начальство надъ войсками; Александръ едва не погибъ подъ его ударами, но спасенный Клитомъ (Vor. hs. v. 1276: Daslum), въ свою очередь поражаетъ противника (l. c. v. 1380). — *Mennes* напоминаетъ Kinzel'ю (l. c. p. XLVIII и 147 прим.: сл. Zingerle, стр. 119—121) *Мемнона*, упоминаемаго Аррианомъ и Діодоромъ въ числѣ Даріевыхъ полководцевъ. Можетъ быть, это *Мимантъ* нашей Александрин? — Если первоначально разумѣлась битва на Граникѣ (сл. Hist. de Prel.: Straga-Granicus), то она несомнѣнно перенесена на мѣсто Иссы и приурочена къ Евфрату, какъ въ нашихъ текстахъ, гдѣ непосредственно за битвой говорится о переходѣ Александра черезъ эту рѣку

и разрушенных на ней мостах — что Pseudocall. C, II, 9 рассказывает лишь позже. Огни, разложенные по повелѣнію Александра, отвѣчаютъ-ли извѣстному намъ эпизоду Pseudocallisthenes C, II, 13: о свѣточахъ на рогахъ козъ, или это повтореніе общаго мѣста, извѣстнаго намъ изъ разказа о нашествіи Склоовъ-Кумановъ?

bc) За переходомъ черезъ Евфратъ слѣдуетъ у Pseudocall. C, II, 9 (Hist. de Prel. стр. 176—8) битва на рѣкѣ Тигрѣ, во время которой какой-то не-названный Персъ, переодѣтый Македоняниномъ, пытается убить Александра, прельщенный обѣщаніемъ Дарія: сдѣлать его царемъ и дать ему руку дочери. Александръ похваляетъ и отпускаетъ его. — Сербск. Александрія обратила битву на Тигрѣ въ бои подъ Вавилономъ и вставила разказъ о взятіи этого города, неизвѣстный по текстамъ Псевдокаллистоена. Анонимный Персъ названъ Ависомъ, эпизодъ о немъ развитъ новыми мотивами. Замѣтимъ только, что наставленіе Дарія о высокомѣріи, которое Ависъ долженъ передать Александру, напоминаетъ посланіе Дарія къ Александру Pseudocall. C, II, 17: *Καὶ γὰρ καὶ Ξέρξης ὁ τὸ πρῶς μοι δείξας ὑπερφρονήσας μέγαν ἔρωτα ἔσχευεν εἰς τὴν Ἑλλάδα στρατεύεσθαι, ἀπληστος χρυσίου γενόμενος καὶ τῆς ἄλλης εὐδαιμονίας τῆς ὑπαρχούσης ἡμῶν ἐκ πατέρων. Ἀπεθανεν οὖν τὸ πολὺ χρυσίου καὶ τὸ ἀργύριον καὶ πολλὰς σκηνὰς ἀπολέσας ὑπὲρ Κροῖσον τὸν Λυδὸν πλουτήσας, καὶ τὸν ἐνεστώτα θάνατον οὐκ ἐξέφυγε.* Не изъ этого-ли упоминанія слѣдуетъ объяснить появленіе *иудейскаго Крива*, въ сербской Александріи, гдѣ онъ принужденъ покориться — Александру? Сл. въ Hist. de prel. письмо Дарія послѣ битвы на Странгѣ (Арспнойской рѣкѣ): *Xerxes . . . habuit turpitudinem in Ellada* (Zing. p. 190).

d) Pseudocall. C, II, гл. 10—12 (Hist. de prel. p. 179—83) наполнены письмами, не двигающими дѣйствія далѣе; письмомъ Дарія къ Пору (гл. 11: сл. Hist. de prel. стр. 182 и 192) нашъ текстъ пользуется позднѣе, а пока совпадаетъ, въ разказѣ о посольствѣ Александра, съ Pseudocall. C, II, гл. 13—15 (пер-

вая часть 13-й главы говорить о продѣлкѣ Александра съ козами и свѣточами; сл. Hist. de prel. стр. 183): Аммонъ, явившись Александру въ образѣ Гермія, велитъ ему идти посломъ къ Дарію: его спутникъ Эвмилъ; «ἐκαθέζετο δὲ Δαρεῖος ἐπὶ τινος ὑψηλοτάτου δίσκου, διάδημα φορῶν ἐκ λίθων πολυτίμων, ἐσθῆτά τε σηρικὴν Βαβυλωνίαις ὑφάσμασι καὶ χρυσοσήμασιν ὑφασμένην καὶ πορφύραν βασιλικὴν χρύσεά τε ὑποδήματα διὰ λίθων κεκοσμημένα μέχρι τῶν κνημῶν αὐτοῦ. χρύσεα δὲ ἀγγελίδια ἐπάνωθεν αὐτοῦ ἤπτοντο, ἕτερα δὲ περὶ τοῖς ποσίν αὐτοῦ καὶ κύκλω αὐτοῦ περιέστραπτον λυχνία· σκῆπτρα δὲ ἐκατέρωθεν, στίφη δὲ μυριάδων περίε αὐτοῦ». — Александръ прячетъ за пазуху испиваемыя имъ чаши, число ихъ не показано (Hist. de Prel.: три. Сл. Kinzel, l. c., p. 16; Zing. p. 186), да и вообще онѣ далѣе оказываются ненужными (какъ въ сербск. Александриѣ), потому что Александръ ускользаетъ отъ стража, схвативъ у него факель и ударивъ имъ по лицу. — Узнаетъ его на пиру у царя какой-то Παράγης (вар. Πασαργῆς, Ασαργάς и др.; Hist. de Prel., Kinzel, l. c. p. 18: Anepolis, Anepolus, Anapolus; сл. Zing. Hist. de prel. p. 186).

е) Письмомъ Дарія къ Пору, съ просьбой о помощи, помѣщенномъ у Pseudocall. C, II, гл. 11, нашъ текстъ пользуется лишь теперь, передъ описаніемъ битвы на Арсинойскоѣ рѣкѣ = C, II, гл. 16. Письмо въ славянскомъ пересказѣ очень близко къ Псевдокаллистоену; въ описаніи битвы есть общія мѣста, снова напоминающія бой на Иссѣ Pseudocall. C, I, 41: καὶ οὐκέτι ἦν διακρίναι οὔτε Πέρσην, οὔτε Μακεδόνα οὔτε συμμάχους οὔτε σατράπας οὔτε ἰππέας οὔτε πεζοὺς ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κονιορτοῦ. οὔτε γὰρ ὁ ἀῆρ ἐφαίνετο, οὔτε ἡ γῆ ἐθεωρεῖτο ὑπὸ τῶν πολλῶν λύθρων καὶ σομάτων καὶ ἀρμάτων ἐρριμμένων χαμαί. Καὶ αὐτὸς δὲ ὁ ἥλιος συμπαθήσας τοῖς γινομένοις καὶ μὲ κρίνας θεωρεῖν τὰ τοσαῦτα μιάσματα συνέφης ἐγένετο. — Hist. de prel. p. 188—189 здѣсь ближе къ Pseudocallisthenes C, II, 16, но когда въ одномъ текстѣ пространнаго типа (Zing. p. 189 прим.) Дарій бѣжитъ къ Персиполю, мы получаемъ новое соотвѣтствіе съ слав. текстомъ (сл. выше, стр. 248).

f) Отъ Pseudocall. C, II, 16 сербская Александрия прямо переходит къ убійству Дарія Бессомъ и Ариобарзаномъ, которые наказаны; къ бесѣдѣ Дарія и Александра, которому умирающій царь предлагаетъ въ супруги дочь свою Роксану = Pseudocallisthenes C, II, 20—21. — Всѣ остальное принадлежитъ специально нашему тексту: такъ переговоры съ Персами и Индѣйцами при посредствѣ Филона, (Финика) и Селевка; описаніе Даріевыхъ сокровищъ; война противъ Криза. — C, II, 20 особливо развѣиваетъ предсмертную рѣчь Дарія: «Ὁ σύμπασαν δοκῶν κυριεύειν γαῖαν, νυνὶ, ὡς ὄρας, γυμνός εἰς γαῖαν ἔρριμμαι, ὃ ποτε ὑπὸ μυριάδων δορυφορούμενος καὶ οἷα θεὸς θαλάζομενος, ἀπροστάτευτος, μόνος καταλέλειμμαι. Μνήσθητι, Ἀλέξανδρε, οἷας δόξης ἄφρω ἐξέπεσα, σὺ αὐτόπτης γενόμενος. Καὶ μὴ ἐάσης ὄλως ἐν ταύτῃ τῇ ταλαιπορίᾳ τελευτῆσαί με. ἐπίσταμαι γὰρ σπλάγγνα ἔχειν σε. Ἑλληγὴν γὰρ εἶ σὺ, καὶ οὐκ ὤμος Πέρσης ὡς οἱ παρ' ἡμῶν». Προστάσει σὺν Ἀλέξανδρος, καὶ φέρουσι τὴν μητέρα Δαρείου καὶ τὴν γυναῖκα καὶ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Ῥωξάνην. Ὡς δὲ εἶδεν αὐτὰς Δαρεῖος εὐθύς ἀπόλωλεν καὶ ἀφασία συσχεθεὶς καὶ δακρύων πληρωθεὶς ὄλως καὶ σφόδρα τὴν καρδίαν πονήσας, καὶ τὴν ψυχὴν λίαν λυπηθεὶς ὑπὲρ τὸ ὄσον ἐν πολλῇ ταπεινώσει, καὶ ἀπενίσας ὀφθαλμοὺς δακρύων πλήρεις, μόλις κινηθεὶς λόγον ἐφθέγγετο πρὸς Ἀλέξανδρον· Εὐχαριστῶ σοι, ὦ βασιλεῦ Ἀλέξανδρε . . . Καὶ ἀναψυχὴν λαβὼν Δαρεῖος καὶ καρδίας θεραπείαν, καὶ ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ καὶ τὴν θυγατέρα κρατῆσας, εἶπε· Ταύτην, Ἀλέξανδρε βασιλεῦ, δέχου ὡς δῶρον. ἔσται δέ σοι δούλη σὺν τῇ μητρὶ· μία γενέσθω ἢ συγγενεῖα π τ. δ. — Съ сербск. Александрией (Александръ возсѣдаетъ на престолѣ, въ вѣницѣ Соломона) сл. Hist. de Prel. (Kinzel, l. c. p. 20; Zing. p. 196): sedit Alexander in throno aureo, quem Cyrus rex Persarum quondam construxerat.

Ματερίалъ Псевдокаллистоена, разработанной въ отдѣлѣ нашего текста, посвященномъ отношеніямъ Александра и Дарія, представляется приблизительно слѣдующій: Pseudocall. C, I, 41 (сл. Hist. de Prel.); II, 9 (и 17); 13—15; 11; 16; 20—21. Кое-гдѣ обнаруживается сходство изложенія, но оно скрадывается

въ сербской рецензїи обиліемъ общихъ мѣстъ, риторическихъ описаній и особливо ваставительныхъ изреченій. На нихъ не скупится ни Дарій, ни Поръ, ни Александръ: подвижникъ меча, онъ на столько-же, по крайней мѣрѣ, гномикъ, не забывшій Гомера, но съ бѣльшей любовью цитующій Библию. Такое освѣщеніе его, лежащее въ общемъ планѣ нашей Александрии, обнаружится при разборѣ нѣкоторыхъ ея подробностей, которыя до сихъ поръ мы нарочно обходили.

IV.

ЭПИЗОДЪ О НАГОМУДРЕЦАХЪ (БРАХМАНАХЪ).

Къ разсказу о пораженіи Дарія примыкаетъ въ разбираемомъ нами романѣ хожденіе Александра въ невѣдомыя страны. Выше (стр. 226 слѣд. и 219 слѣд.) мы разобрали его планъ сравнительно съ Pseudocall. C, предоставивъ себѣ (стр. 224) подробнѣе рассмотреть эпизодъ о брахманахъ-нагомудрецахъ нашей Александриі, приблизительно отвѣчающій §§ 5—7 установленной нами схемѣ Псевдокаллисоена С (сл. выше, стр. 228).

1. Побѣдивъ Дарія и Креза, Александръ «на десную страну вьстока поиде» (Новак. II, гл. 17) — и доходитъ по нѣкоторомъ времени до нагомудрецовъ (гл. 22 и слѣд.), на островѣ, куда переправляется сначала Филонъ, за нимъ Александръ. Нагомудрецы говорятъ по гречески и рассказываютъ о себѣ (Новиковичъ II, гл. 23): «Име твоѣ прежде многыихъ лѣтъ провѣзвѣсти намъ Ирак'линъ царь, наше же пришествіе да взвѣстимъ тебѣ. Ираклинъ витезь съ Семпрамидою Еллиномъ царь бѣше, Тракіи и всей земли царствоваше, яко отъ васъ наричетъ се Македоніа. Неправде же мнозѣ и оубиствоу и крвомѣствоу и клетвопрѣстоупленію настав'шоу, сіа Ирак'линъ видѣвъ, языкъ нашествіе на зем'лю тоу, рече: «Моужоу велеоумноу въ поустингахъ избра себѣ житіе, и прѣмудрыи въ чловѣцѣхъ Соломонъ глаголетъ: болѣ естъ чловѣкоу отъ великиѣ немощи страдати,

нежелп чловѣчьска стоуда трыбѣти». И се рекъ Ирак'ліа, п тп-соуштоу голіи сътвори, п правнѣ п чьст'нынѣ землѣ допде, съ же-намп п съ децама свопма, въ голнѣ ихъ поставивъ. п самъ съ царп-цею свокою, неправ'ди радп п безаконіа, отъ въселен'ннѣ побѣже, п цѣло годиште плоувъ п до землѣ сіѣ, п допде, пдеже ты, Алексен'дре, стльпове ихъ п образѣ оу златѣ изватанѣ видѣль кси, п оубо многаа лѣта царствоваше слад'ко п добрѣ Иракліа царь съ Семпрампдою царпцею. И оба легъ, оумрѣста. Нась же без'глав'нѣхъ въ землп топ оставпше, дрѣва в'са запаляв'ше, іако да опеть въ неправед'ноу зем'лю не отпдемо. Мп же пръв'нѣмоу зломъ обычаю послѣдовав'ше, п тако богъ раз'гнѣва се на насъ за безаконнѣ наша, п дивнѣ люди, пхъ же ты видѣль кси, на насъ напоусти, п царствіѣ наше раз'дроушпше, п многнѣ отъ насъ оубыше. Мы же, не оумѣюште коуде въ въселен'ноюу излести, въ царствп же своѣмъ отъ дивнпхъ люди не могоушти жптп, п въ сп отокъ въселихомъ се».

Въ W весь эпизодъ о «хожденіи» выпалъ п мы принуждены ограничиться соотвѣтствующими мѣстами новогреческой народной книги (р. 114—115): блаженные говорятъ Александру: ἡμεῖς ἀπὸ πολλοῦ χρόνου τὸ ἠξέυρομεν, ὅτι ἤθελες νὰ ἔλθης ἐδῶ νὰ μᾶς ἰδῆς, καὶ νὰ σὲ ἰδοῦμεν, ἐπειδὴ μᾶς τὸ εἶπεν ὁ βασιλεὺς Ἡράκλῆς μὲ τὴν Σεβίραν τὴν βασιλισσαν, ὅπου ἦτον βασιλεὺς τῶν Ἑλλήνων εἰς τὴν Μακεδονίαν, καὶ ὕστερα ἀρ' οὗ ἀρχισαν νὰ κάμουν οἱ Ἕλλη-νες τὰς ἀσελγείας των, εἶδε τὴν ἀκαθαρσίαν τους, ἔκαμε κάτεργα χροτρὰ πεντακόσια, ἐσύναξεν ὅλους τοὺς φρονίμους ἀπὸ τὸ βασιλείον του καὶ ἐξέβη ἀπὸ τὸν παράνομον τόπον. Ἦλθε λοιπὸν αὐτοῦ ὅπου εἶδες τοὺς στύλους καὶ ἐκεῖ ἔζησαν καὶ οἱ δύο χρόνους πολλοὺς καὶ ἀπέθανον. Ὁ Ἡράκλῆς ὁ βασιλεὺς ἐπροφήτευσε καὶ εἶπέ μας τὸ ὄνομά σου καὶ πῶς θέλεις ἔλθῃ ἐδῶ. εἰς τὸν θάνατόν του ἔκαυσε τὰ καράβια ὅλα, διὰ νὰ μὴ γυρίσωμεν ὀπίσω εἰς τὸν ἀμαρτωλὸν κόσμον. ἀλλ' ἀρχίσταμεν νὰ κάνωμεν παρανομίας ὡσάν ἡμασθεν μαθημένοι τὸν πρῶτον καιρὸν. ὅθεν βλέποντας ὁ Θεὸς τὰς παρανομίας μας, ὠργίσθηκέ μας καὶ ἔστειλε τοὺς ἀγρίους ἀνθρώπους, καὶ ἐσκότοσαν μας. Ὅσον ἐγλυτώσαμεν, κατεφύγαμεν εἰς τὸ νησί τοῦτο.

Нагомудрецы указываютъ Александру на острова блаженныхъ въ Океанѣ: тамъ обитали, по изгнаніи изъ рая, прародители, родились Каинъ и Авель, совершилось первое братоубійство и рождень праведный Спѣвъ. Господь извелъ Адама и Евву изъ острова во вселенную, а Спѣа съ чадами оставилъ; «и тии соуть нагомудръци, родивше же се отъ Спѣа, Адамоу оубо вьноуци суть». Такъ у Новаковича, II, гл. 24 и въ новогреческой народной книгѣ (стр. 115—116): ὁ Ἀδάμ. καὶ ἡ Εὐα εἶχαν ἐντολήν διὰ τὸ ξύλον, ὅπου ἦτον μέσα εἰς τὸν παράδεισον νὰ μὴ φάγουν. ἀλλὰ παρήκουσαν τὸν λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ ἔφαγαν, ὅθεν ἐξωρίσθησαν ἀπὸ τὸν παράδεισον. Ἦλθον εἰς τὸν τόπον αὐτόν, ὅπου διέτριψαν χρόνους ἑκατὸν, ἔχοντες πάντοτε τὸ βλέμμα τους πρὸς τὸν παράδεισον, καὶ ἔκλαιαν πικρά. Ἐγέννησαν δύο υἱούς, τὸν Κάιν καὶ τὸν Ἄβελ. Ὁ διάβολος ἔβαλε τὸν Κάιν καὶ ἐσκότωσε τὸν Ἄβελ τὸν ἀδελφόν του. Ἐθρηνοῦσαν πολλὰ ὁ Ἀδάμ. καὶ ἡ Εὐα διὰ τὸν φόνον τοῦ Ἄβελ. Εἶδεν ὁ Θεὸς τὸν πόλυν καὶ ἀπαρηγόρητον θρηῆνόν τους, καὶ ἔστειλεν Ἄγγελον καὶ εἶπε διὰ τί κάνετε τόσον θρηῆνον καὶ ἐβαρέθη ὁ Θεὸς ἀπὸ ἐσᾶς; Ὁ Θεὸς ἀπὸ τῆν γῆν τὸν ἐπλασε, καὶ πάλιν εἰς τῆν γῆν τὸν ἀπέστειλεν, εἰς τῆν ὁποίαν ὄλοι καταντοῦν ὅσαι ἐγεννήθησαν καὶ γεννηθοῦν. Ὁ Θεὸς θέλει σᾶς δώσει ἄλλον υἱὸν τὸν Σῆθ, ἀντὶς τοῦ Ἄβελ: πλὴν εὐγῆτε ἀπὸ τὸν τόπον τοῦτον, καὶ πηγαίνετε νὰ κατοικήσετε ὅλην τῆν οἰκουμένην. Ἀφ' οὗ τελειωθοῦν πέντε χιλιάδες καὶ πεντακόσιοι χρόνοι, πάραυτα θέλετε ἰδοῦν πάλιν τὸν Παράδεισον. Μετὰ καιρὸν ἐγεννήθη ὁ Σῆθ, ἀνετάρχη, καὶ ἐτεκνοποίησεν εἰς τὸ νησί αὐτὸ τῶν Μακάρων, οἱ ὅποιοι Μάχαρες εἶναι ἀπὸ τῆν γενεάν τοῦ Σῆθ. — Сл. болгар. нар. кн. стр. 97 слѣд.; рум. нар. кн. стр. 64 слѣд. (на островъ переправляется сначала Птолемей); Вiанц, I. с. стр. 448 слѣд. (на островъ переправляется Антиохъ).

2. Покинувъ мудрецовъ Александръ отправляется далѣе и доходитъ до високаго острова (греч. болг. нар. кн.: горы), съ котораго видить вдали острова блаженныхъ. Поставивъ на горѣ свою статую изъ золота, съ мечемъ въ рукѣ, показывавшей на острова, онъ снова пускается въ путь и добирается до високой горы:

«За тоуи же гороу привезанъ бѣше чловѣкъ веригами гвоздѣ-
неми; тисоуштоу же сѣжанъ высокъ бѣше и двѣ сте сѣжнь
дебель. И сего же Алексен'дръ видѣвъ съ Макѣдоннани, подивисе.
И къ семоу же не смѣюште пристоупити, поминоуше. Плачоуш-
тоу же чловѣкоу, гласъ ѣго. .д. дѣни слишахоу. Къ горѣ велицѣи
пришьдѣше, женоу великоу обрѣтоше веригами къ горѣ тои при-
везаноу, тисоуштоу сѣжанъ дългоу и двѣ сте дебелоу; зми же
великъ о ногоу ѣкъ свпль се бѣше, и за оуста ю дръже, не даваше
ѣи глаголати. И .н. дѣни хода прѣшьдѣше, ѣчаніе нѣкоѣ ноуждно
слышахоу и ѣзера великаа и пльна зми видѣвше. И тоу моукамъ
мню бити, въ нихъ же чловѣци грѣш'нии моучити се имоуть.
До окіана рѣкы допдоше и макарон'скы отоу видѣв'ше; .к. бо
нппришти отъ зем'ле отстоахоу. И тоу Алексен'дръ съ вои своимп
станомъ ста, и Алексен'дръ голнѣ сѣтворити повелѣ» (Нов. II,
гл. 25; греч. нар. кн. 116—117; болгар. нар. кн. 99). Рим.
нар. кн. стр. 66 знаетъ лишь первую, текстъ Віани, стр. 452—3
первую и вторую встрѣчи, при чемъ философы объясняютъ
Александру, что тѣ мужина и женщина — Адамъ и Ева.

3. Начало слѣдующей 26-й главы въ изданіи Новаковича
представляетъ пропускъ: далѣе я сообщаю содержаніе по Кп-
рило-Бѣлозерской рукописи № 1088, XV вѣка (= Jag.
стр. 283—4), кстати, какъ образчикъ ея текста.

«И вше^ѣ в голыю Птоломѣа (Jag. Филона) с собою поимъ ко
ѣстроуоу бѣажены^х принде. Бѣ же во ѣстровѣ томъ трава висока
и красна сѣло и ѣвоциемъ оукрашена. една оубо созрѣвахоу, а
другаи процвѣтахоу, третіа же прозлбахоу, плодѣ^ѣ ихъ множество
по земли лежахоу. Птици же красны по древію сѣдаще различныа
и красны нѣсни поахоу, источници слѣкыа воды ѣ кореніа древъ
тѣхъ течахоу. вноутрь же вше^ѣ Александръ, единъ ѣ ни^х срѣтъ
его рѣ: Александре, миръ тебе, брате! ѣниже к нему рѣ: вса
радость да боудет. Александре же хотѣ к нему повѣствовати,
ѣниже рѣ: поиди въ ноутреноую и приведу теа ко старѣйшему
нашему Ивантоу, ѣниже вса скажетъ тебѣ ѣ животѣ твоѣ и
ѣ смрти твоеи, и ѣ прочи^х всѣхъ провозвѣсть ти во истину.

Алексаѣрже впоутрь вше, шествіе творше, мноства много людей тѣхъ срѣтахоу и в лице его целовахоу. Алексаѣрже видѣвъ ихъ оудивиса, бгы бо ихъ номышлше быти а не члвкы. И ведоша его ко црю своему Ивантоу. Иваѣ же бѣ по древо по нѣкоимъ краснѣи лежа и вода бли его течаше, простерже бѣ на немъ покровъ ѿ листовъ дрвѣ тѣхъ. Алексаѣръже рѣ к нему: Радоуиса, Иванте рахманскы оучѣтлю. Ивантъ же ѿвѣща рѣ к нему: многа лѣта Алексаѣроу црю неоставнаго свѣта! что к намъ прїиде, црю перстна мира его ради гради ммоутса и кровь изливаеца? И прїимъ его за роукоу бли себѣ посади и обьемъ главоу Алексаѣрову своими роуками и сію облобызыва рѣ: Радуиса всѣхъ главъ глава, егда бо во мир прїимеши и к томоу ѿчѣства своего не оузриши, егда вса земьскаѣ прѣобрашца, тогда и *ада настѣдшии*. Сѣ же Алексаѣръ слышѣ, сжалисѣ зѣло, Ивантоу рѣ: Почто сіе слово рѣ ми? Иванже рѣ емоу: Велеоумному не побаетъ толковати. Алексаѣръ же рѣ к нему: Аще повелиши да принесемъ ти что ѿ потребнѣи наши е не обрѣгаеца в земли вашей. Они же вси яко единѣмъ оусты рекоша: Даи же намъ, црю Алексаѣре, бесмертіе; помираемъ бо. Алексаѣръ же к нѣ рѣ: яко не бесмертенъ азъ есмь, каково бесмертіе вамъ подамъ? И Птоломѣю (Нов. Филону) рѣ. хлѣбъ чистъ и вино принести повелѣ. Ивантъ же сіе видѣ ничто не прїемъ рѣ: Не намъ пища сѣ, но вамъ, мнѣ же пища сѣ ѿ дрва сего есть, питіе же ѿ источника сего есть, земнорѣдно бо ми есть тѣло, ѿ мѣри земли питаеца, одѣніе же ми есть лствіе, а оумъ нашъ есть на нбсе. не печемся ни ѿ чемъ земнѣи сироста: а житіе наше бестрашно есть. а на многа лѣта продлѣемса. егда ѿ житіа сего тлѣннѣ отходимъ, въ другое нетлѣнное приходимъ пдѣже оумъ нашъ всегда. — И ѿ сѣ Алексаѣръ подивѣ прослезивса рѣ: Во истинноу сѣи члвци бжтвенное житіе живоуще, Ивантоу рѣ: ѿкоудоу zde вселестеса? Онже к нему рѣ: Адамы оубо вноуци есма, тако и вы есте. Адамоу бо ѿсоудоу бжѣимъ повелѣніемъ ѿшѣшоу, мы ѿстахомса zde. снѣве Спфвы есма сѣа Адамова. его вмѣсто дарова Бѣ Авела. Рѣ же Ивантъ ко Алексаѣроу: Вы

оубо пестрыа (рки. перстыа) ризы носите и различныа пища едете и ратоующѣ ратоуеми, бьющѣ и бьеми, закалающѣ (закалаеми) подобни себѣ члѣвци и ѿ нѣ закалаеми. и цртѣа и величества ищете. и тако^ж оубози члѣвци оумираете и помышляете всегда ѿ пленовѣ и ѿ ратѣ и ѿ кровопролитіи. егда^ж вѣ не лочител рать, тогда на дивіе свѣри находяще оубиваете ихъ, и тако тѣло свое съ дшѣми прелщаете и напрасно оумираете. Елицѣхже ѿ вѣ стѣи мнител сѣ в макаревскѣи (рки. маририскѣи) ѿтоцѣ глѣють быти и жити. да ѿколе ты во блѣнѣи во ѿстрѣвѣ вшелъ еси? (Нов. II, гл. 26, стр. 87: ако ли елицехъ отъ васъ светыхъ мните, и сяхъ въ Макарон'скыхъ отоцѣхъ мните быти и жити глаголете, да отъ коле ты въ Макарон'скыи отокъ дошель еси, аште отъ праведникъ вашихъ кого познаваеши ли, ишти еда кого найдеши здѣ). Алексѣйже к нему рѣ: Вся глѣмат тобою слава ми гвѣща, но скажи ми како вы ражаетел, понеже [же]ньска полоу в вѣ не вижоу? Ивантъ же рѣ: Оу нѣ есть жены, но не соу зде, но во пноѣ ѿстровѣ противоу намъ соут, на гѣ единою сѣмо приходѣ к нѣ. .л. дѣтъ, пакы възвращаютел во свои ѿстровѣ (Нов. I. с. р. 87: на годиною же къ нимъ приходимо едиоуштѣ, и съ нимъ прѣбыв'ше .л. дѣнїи, пакы възвратимъ се въ отокъ съ). егда^ж кои ро^лтел дѣтищѣ, не к тому ѿць его с женою сочтаетел, аще моу^ж сѣъ поро^лтел, трехъ лѣтъ взимаемъ его, аще^ж женскы^я полъ ро^лтел, с женами пребываю^т. Алексѣйже к нему рѣ: Хотѣл бы ѿстровѣ той видѣти, аще вѣ оугѣно есть. Ивантъ^ж рѣ к нему: ѿстрѣва того доидеши, вноутрь^ж ничто^ж имаши видѣти, до него^ж доиде вноутрь не погладаи. не имат бо члѣкѣ живѣ быти вноутрь погладавъ. Алексѣйже спми словесы оувѣри во ѿстровѣ поиде ѿспѣ. Сл. Нов. II, гл. 26; греч. нар. книга, стр. 117—119 = болг. нар. кн. стр. 99—102. Укажемъ на нѣкоторыя отличїя греческаго текста. Въ описанїи острова блаженныхъ есть новыя подробности: *Εἶχε τὸ νησί ἐκεῖνο πορικὰ πᾶλλα καὶ ἀναρίθμητα. Ἦτον τὸ νησί ἱστορισμένον μὲ εἰκόνας καὶ ἄλλα θαυμαστά πράγματα, τὰ ὅποια δὲν τὰ εἶδεν ὀφθαλμὸς ἀνθρώπου. Ὁ καρπὸς ἐκείτετο εἰς τὴν γῆν πολὺς, καὶ εἰς τοὺς λόγκους*

των δένδρων ἐκάθοντο πούλια περισσὰ πολλῶν λογίων, ὅπου ἐλά-
 λουσαν εὐμορρα, τῶν ὁποίων ὁ κελαδισμός ἦτον χαρᾶς καὶ λύπης
 ἀνταμωμένος. Въ разговорѣ съ Эвантомъ нѣтъ вторичнаго ука-
 занія, что блаженные — потомки Спѳа, и нѣтъ характерной
 просьбы: дать имъ безсмертіе. Хлѣбъ и вино приносятъ не Пто-
 ломей и не Филонъ а Антиохъ; у Віани, l. c. стр. 454 Птоломей
 и Антиохъ являются спутниками Александра у Эванта.—Румын-
 ская Александрія (рум. нар. кн. 68; рум. К. ³⁹/₄₃; Віани 455—6)
 представляетъ въ нашемъ эпизодѣ нѣсколько лишнихъ подроб-
 ностей, не встрѣченныхъ нами въ славянскихъ текстахъ: Эвантъ
 сидитъ на золотомъ престолѣ и въ золотомъ вѣнцѣ; у него погъ
 песточникъ; зачерпнувъ въ немъ воды, онъ подаетъ кубокъ
 Александру: то вода юности; когда состарѣется человекъ
 и пскупается въ ней, будетъ снова, какъ тридцатилѣтній. Алек-
 сандръ говоритъ, что воспользуется этимъ даромъ впоследствии,
 а кубокъ съ водою запечаталъ и велитъ хранить ¹⁾).

4. (Александръ отправляется на островъ) «и столпъ высокъ
 во ѿстровѣ то ѿбрѣте ѿко гра̃ (Новак.: зды мѣдень видѣвъ въ
 отоцѣ томъ), и ѿколо сего шѣ вноутрь возрѣти не смѣ. Бѳу
 одному возможно бѣ, а члѣкоу не возможн°. Столпъ же во ѿ-
 островѣ то постави высокъ сѣло, и себа на немъ въ златѣ сѣ-
 творити повелѣ, словеса̃ греческа на немъ писавъ глѳюща спце:
 Алексан̃ръ (царь) црѣмъ весь свѣт̃ приать и ѿстрова сего
 приспѣ, и блѣженѣи

¹⁾ Віани, l. c., p. 455--6: «ши-ї̃ лоуѳ̃ Еван'тъ (т. е. кубокъ). ши-ї̃ ↑пл̃с де
 апъ де сѣитъ пичорей̃ л̃ши динъ фынтьвъ ши-ї̃ деде л̃с Александрс: «цине поклої̃
 де ла мине цие». Александрс зисе: «де че еѣте б̃снь ачаѣта»? еї̃ зис̃: «квнї̃
 ↑бьтрьнеще ѳм̃сї̃ ши де съ ва скьї̃да, ель ва ↑тинери ши фи-ва ка де л̃. де
 ани». Ши сокоти Александрс къ: «дека вою бьтрьни, ку ачаѣта мь вою скьї̃да
 ши ѳрь вою фї̃ тиньрь ши н̃с вою маи м̃ри». Ши асѣшь койдирюї̃ бине
 ши-ї̃ печетл̃ши ши-ї̃ деде ла ѣн̃ апрод̃ сь-ль тої̃ пьзаскъ пьвъ ва фи еї̃.»
 Шмидтъ сообщаетъ то-же преданіе, какъ народное (l. c., p. 28—9), съ такими
 подробностями: будто служители Александра тайкомъ выпили эту живую
 воду и стали безсмертными и вѣдающими будущее: нарѣчницами, судицами
 или рожаницами (ursitoare), по другому повѣрью (у Шоттовъ) феями (măiestrele),
 что сидятъ обыкновенно на стрѣхахъ домовъ. — Въ основѣ этого сказанія
 о живой водѣ лежитъ эпизодъ Псевдокаллиссена объ Андрѣ и Калѣ.

островы видѣвъ и тоу бѣи еллинсти бѣо^м не обрѣ^т. еллинсти бѣи в долнѣши^х ада в тартаръ геены моучими со^у съ діаволо^м повеліемъ бѣа Саваоа. Да аще кто другій по мнѣ прїиде во островъ сей, на вса гладан, вноутрѣ не гладан. бѣоу бо единомуу воз^ожно. И въ макары островы воз(в)ративса ко Ивантоу пристоупивъ Алексайръ рѣ: Возвѣсти ми ѿ нагомѣрецѣхъ, что напреді есть. Он же к нему рѣ: Море сіе, в немже острови мнози наши со^у^т, ѿкіанъ наричетса и всю землю ѿбтыч^т и всѣ рѣки в него теко^у^т. по ѿнои же странѣ гороу юже зриши ѿвоціами различными оукрашеноу, то есть Едипъ ѿ вѣ нарицаетса, пдѣже Гѣ Бѣ Саваооъ в зачало лѣто^м рай насади и на востоцѣ во Едемѣ. и тоу Адама прас^тца нашѣ вселилъ баше. Онже завистію діаволею ѿ^тпаде, оувы мнѣ, заповѣдь бѣію престоупи изъ рай изгнанъ бѣи. Алексайрке к нему рѣ: Могоу ли рай видѣти? (Новак.: Гефанть же къ нему рече: не имать душа въ плти соуштіа райа видѣти. гороу бо . . .) гороу великою мѣвеною ѿбложеноу а на- |д|верми его шестокрилатіе Серафими с пламаннїи оружіемъ стоать. но поиди, Алексайре, ѿ^тноудоу^ж прише^т еси, послѣдоуи четьре рѣка^м (Новак.: рѣкама, отъ райа текоуштіма, и въ все- лскїноую походи; шнако бо видѣти не можешн. Рѣкамъ бо имена со^уть сіа) им же со^у^т имена Гионъ, Фисонъ, Тигръ, Ефратъ. Алексайръ же хота изо острова изыти, и вси его сла^ко ѿбло- бызахоутъ. Алеѣайрке к нї рѣ: Аще бы ми не скорбъ за Маки- донанъ, шко да в чюжн^х земля^х не погнбнотъ, здѣ оубо с вами ѿсталъ бѣи и агѣльское житіе съ вами пожил бѣи (Новаковичъ: и въ в'торокъ божїе пришествїе близоу райа на зем'ли обрѣлъ се быхъ) и второе пришествїе близоу райа ѿбрѣлъ бы са. Ивантъ же рѣ к нему: Поиди съ мнѣ, Алеѣандре, всю прїемъ землю, послѣдъ и самъ въ ню поидешн» (л. 121 лиц. — 126 лиц.). — Сл. Новак. II, гл. 26—30. — Въ греч. нар. кн. стр. 120—122 (= болг. нар. кн. стр. 102—104) Александръ услышавъ о томъ, что жены блажен- ныхъ обрѣтаются на одномъ островѣ, хочетъ посѣтитъ τὸ νησί ἐκεῖνο. Эвантъ отвѣчаетъ: τὸ νησί θέλεις τὸ ἰδοῦν, ἀλλ' ἢ μέσα τίποτε δὲν θέλεις ἰδοῦν; εἰς τὸ κτίσμα γαλκῶν θέλεις ὑπάγειν, ἀλλ' ἢ μέσα μὴ

βουληθῆς να κυτπάξῃς, ότι πλέον ζωὴν δὲν ἔχεις. Ὁ Ἀλέξανδρος δὲν ἐπίστευσε τοὺς λόγους του καὶ ἐδιέβη εἰς τὸ νησί· ἀλλὰ τίποτε δὲν εἶδε μέσα. Ἐδιέβη καὶ εἰς τὸ κτισμα το γαλκῶν, τὸ ἐπεριπάτισεν ὀλογοῦρα, καὶ δὲν ἐπολιμήσε νὰ τηρήσῃ μέσα εἰς τὸ ὅποιον μόνον ὁ Θεὸς ἤξεύρει τί ἦτον. — Надписи Александра нѣтъ; слѣдуетъ возвращеніе къ Эванту и вопросъ о раѣ. — Иначе въ нар. рум. книгѣ, стр. 69—71: Александръ хочетъ видѣть островъ женщинъ и спрашиваетъ о немъ Эванта; тотъ отвѣчаетъ, что — *рай* окруженъ водою, обведенъ мѣдной стѣной и т. д., и никто не можетъ его видѣть: пусть лучше Александръ вернется на свѣтъ, гдѣ его ожидаетъ Порово господство. Вмѣсто того онъ отправляется съ войскомъ на островъ женщинъ, проходитъ мимо города, не взглянувъ въ него: далѣе — до земнаго рая, гдѣ два ангела останавливаютъ его (его ждетъ Порово господство), говорятъ о четырехъ рѣкахъ, истекающихъ изъ Эдема; пусть послѣдуетъ теченію Евфрата. Выйдя на свѣтъ, Александръ ставитъ столбъ съ надписью, что онъ доходилъ до рая и вернулся вспять, остановленный ангелами.

Разборъ сообщеннаго нами эпизода сербской Александрии можетъ привести къ нѣкоторымъ выводамъ относительно его источниковъ. Прежде всего бросается въ глаза, что нагомудрецы нашего 1-го и 3-го параграфовъ являются какъ-бы дублетомъ. Одни пришли на острова съ царемъ Иракліемъ: они отвлечены, вѣроятно, отъ статуи Иракла (п Семiramиды), встрѣченныхъ Александромъ на пути къ брахманамъ-оксидракамъ, какъ у Pseudocall. С, III. с. 34, либо непосредственно за оксидраками-гимнософистами, какъ въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. I. с., стр. 214—216). У Орозія, Histor. adv. pag. III, 19 (= Justin. XII, 7, 12) говорится: «peragrata perdomitaque Alexander India cum ad saxum mirae asperitatis et altitudinis, in quod multi populi confugerant, perveniret, cognoscit Herculem ab expugnatione ejusdem saxi terrae motu prohibitum». Такъ дословно въ нѣкоторыхъ текстахъ Historia de prel. пространнаго типа (Zing. стр. 216, прим.), называющихъ Иракла —

Hercules, тогда какъ краткая версія, помѣстившая эпизодъ о статуяхъ въ другомъ мѣстѣ, употребляетъ форму Ergastius (Zing. стр. 38, прим. 2; Kinzel, Zw. Recens., стр. 30). Въ Roman d'Alexandre (ed. Michelant) не разъ говорится о границахъ, статуяхъ, гротѣ Иракла и Либера, при чемъ обращаютъ на себя вниманіе варьянты именъ: *Arcus*, *Ergastius* (p. 312), *bornes Arcu* (p. 316), *Libis et Arcus* (p. 317), *Ergastius, Liber* (p. 336, сл. 337), *Hercul et Liber*. Къ формѣ *Arcus* восходитъ несомнѣнно Ἀρχοῦτζης вѣнской Александріи = Еркуліи славянскихъ текстовъ, тамъ и здѣсь сосѣдныя съ именами божества, въ которомъ мы признали Діониса = *Liber* (сл. выше, стр. 143 и 145).

Всѣ эти представленія, равно какъ и рассказъ о городѣ, не покоренномъ Иракломъ, далеки отъ нашей легенды о народѣ Ираклія, удалившемся «неправды ради и беззаконія». Очевидно, при одномъ и томъ-же имени измѣнилось содержаніе рассказовъ. Царь греческій Ираклій, предвозвѣстившій своему народу будущее пришествіе Александра (сл. выше, стр. 265—266), напоминаетъ византійское представленіе объ императорѣ Иракліи-звѣздохетѣ, которому славянскія¹⁾ и румынскія²⁾ рукописи, несомнѣнно восходящія къ греческому оригиналу, приписываютъ составленіе Громника съ цѣлымъ рядомъ астрологическихъ предсказаній, вродѣ слѣдующихъ: «аще въ число близънече погръмить, то подвигъ ѿ недугъ въ члѣвцехъ ѿ пшеницамъ тлѣ, плавающи^м мльва..., аравитенѣ погібель..., и гвлени[e] некоторому свѣну»; либо: «болгарѣ^м ѿ грамъ ѿ црѣмъ погібель и въ ѣгвѣнтъскей странѣ мльва»; «бѣда по вселенней члѣвкѣ, оу Црѣиграду гла^д ѿ пагуба, последикиѣ встанеть другъ на друга»; «кнеземъ метежь ѿ войскаамъ погібель ѿ на места гла^д ѿ прѣселеніѣ».

Вторые «нагомудрецы» называются потомками Сяоа — представленіе, связанное, несомнѣнно, съ древнимъ преданіемъ,

¹⁾ Тихомировъ, Пам. отреч. русск. лит. II, стр. 361—72 (два текста); сл. Jagić, Opisi, IV, стр. 41 слѣд.: Сказаніе о громовици (безъ имени Ираклія) и тамъ-же (стр. 43—44) греческій текстъ; Gaster, Literatura, стр. 509.

²⁾ Тихомировъ, I. с. II, стр. 363, 364, 366, 366—7.

помѣщавшимъ ихъ вблизи земнаго рая. Въ эоіонской книгѣ Адама разсказывается, что по смерти прародителя Сноѣ отдѣлилъ свой родъ отъ Каинова, удалившагося на западъ, а самъ остался на сѣверной сторонѣ, на горѣ у пещеры сокровищъ, гдѣ схоронено было тѣло Адамово. Сноѣ и его потомки жили въ чистотѣ, праведности и благочестіи, не зная ни зависти, ни вражды, ни коварства, за что получили названіе дѣтей Божиихъ; земныя дѣла ихъ не занимали: они не сѣяли, не собирали жатвы, а питались плодами деревьевъ; ихъ мысли обращены были къ небу, они постоянно славословили Госнода, и пѣснопѣіе ангеловъ доносилось до нихъ: они могли ихъ видѣть и слышать, потому что рай находился на небольшомъ разстояніи подъ ними и вѣтеръ приносилъ къ нимъ его благоуханія¹⁾. — Откровенія псевдо-Меодія имѣютъ въ виду ту же легенду, когда говорятъ: «тогда же (по кончинѣ Адама) сължчсѣл п Сноѣвъ рѣ ѿ Каинова и възвѣдошж сѣрѣство свое на горѣ нѣкъжж сѣщжж прѣмо раю»²⁾.

У Эвтихія Александрійскаго, повторяющаго разсказъ эоіонскаго апокрифа, гора, на которой похороненъ Адамъ и поселяются сыновья Сноа (Вані Елоhim = Сыны Божіи), находится въ Индіи³⁾. Позднѣе ихъ перенесли на Гермонъ, гдѣ по отреченной книгѣ Эноха⁴⁾ состоялось совѣщаніе ангеловъ, *сыновъ*

1) Migne, Dict. des apocryphes, t. I, p. 342—343.

2) Тихонравовъ, I. с. II, стр. 213—214. Сл. въ славянскихъ Вопросахъ и отвѣтахъ (I. с. II, 441) ту же легенду (о сынахъ Сноа и Каина), перенесенную въ другое поколѣніе: когда Господь проклялъ Хама, Симъ и Яфеть «Хама отрекошеса: да не прикоснется чеда наша къ чеда Хамови, понеже будетъ проклето семѣ его, нѣ да помѣ комуѣо свое чеда. Симъ имаше .ii. сѣновъ и .ii. дщери и бѣви ихъ, и оусимови сѣове рекоше: не прикоснимѣ сестримѣ своимъ, понеже потопъ бысть и въ свѣтъ погибнетъ. И сътворише .v. храмине. братіа въ одну седеху, а сестри въ дрѣ; тѣлю на сѣнедь събирахусе. и бише тако .сѣ. лѣтъ. И виде бѣ трыпеніе и и посла агѣла своего, ѿ очію плодохусе (въ другомъ спискѣ стр. 446: бесплотно со шчима плодохуѣ), и ѿ техъ изыдоме .сѣ. езикъ правовѣрнѣ». Сл. Буелаевъ, Очерки II, 499.

3) Migne., Patrol. gr. t. CXI: Eutychii Alexandrini Patriarchae Annales. p. 910—13.

4) Migne. Dictionnaire des apocryphes. II. p. 428—30. ch. VII.

Божіи, смѣшавшихся съ дочерями человѣческими (Быт. VI, 1). Эти сыны Божіи отождествлены были съ сынами Сива, впервые у Юлія Африкана ¹⁾, и о послѣднихъ стали рассказывать слѣдующее: зная отъ Адама о благѣ, которое онъ вкушалъ въ земномъ раю, они удалились на гору Гермонъ, гдѣ и проводили жизнь въ цѣломудрїи и страхѣ Божіемъ, отчего ихъ и прозвали сынами Божїими. Отъ нихъ ведетъ свое начало монашество; поздиѣе, впавъ въ искушеніе, они соединились съ дочерями потомства Каина и съ тѣхъ поръ сльвуть нечестивыми ²⁾.

Ясно, что народъ Ираклія и потомки Сива принадлежатъ двумъ различнымъ представленіямъ сербской Александріи, обнаруживающей въ нашемъ эпизодѣ еще и другія воспоминанія, плохо помпренныя между собою и потому легко возстановимыя. Такъ напримѣръ, рассказъ о Сивовыхъ нагомудрецахъ и ихъ царѣ Эвантѣ, несомнѣнно, разработанъ по типу гимнософистовъ Псевдокаллисоена и Палладіевой статьи: ихъ игумень или начальникъ Дандамїи повторился въ Эвантѣ; просьба о безсмертіи встрѣчается и у Псевдокаллисоена (AUV III, 6 = C, II, за 35 главой: *Αιτήσασθέ με τί θέλετε και δώσω υμῖν. — Οἱ δὲ ἐξεβόησαν πάντες λέγοντες: Δός ἡμῖν ἀθανασίαν*) ³⁾; какъ нагомудрецы сербской Александріи однажды въ году общаются съ своими женами, живущими на другомъ островѣ, такъ и брахманы Палладія — съ женами,

¹⁾ Migne, Patrol. gr. t. X. p. 66.

²⁾ D'Herbelot. Bibliothèque orientale II, 117. Сл. у Вениамина Тудельскаго (Bergeron. Voyages t. I. p. 16) о сосѣднихъ съ Сидонявами языческихъ Dogzün: у нихъ нѣтъ ни религїи, ни власти; они живутъ дикарями въ горахъ и пещерахъ. Leur país a trois journées d'étendue jusques à la Montagne d'Hermon. Abominables par leurs incestes, les Pères se marient à leur filles. Ils célèbrent tous les ans une fête où tant les hommes que les femmes assistent à un banquet commun. où ils changent entre eux de femmes. Leur sentiment est que, lorsque l'âme d'un homme de bien est séparée de son corps, elle entre dans celui de quelque enfant qui est dans le moment même engendré; que si c'est un méchant homme, la sienne passe dans le corps d'un chien ou d'une autre bête.

³⁾ Сл. Bocados de Oro, ed. Knust въ Mittheilungen aus dem Escorial (Stuttg. literar. Verein, 141-e Public.). p. 294 (бесѣда Александра съ berhemios = брахманами) и прим. а, b; сл. ib. p. 454—5.

находящимися по ту сторону Ганга. — Этотъ эпизодъ нашего текста особенно намъ интересенъ, потому что яснѣе всего обнаруживаетъ слѣды внѣшняго сная. Эвантъ сообщаетъ Александру, что у нихъ жены на иномъ островѣ, противу нихъ; когда Александръ обнаруживаетъ желаніе посѣтить то мѣсто, ему говорятъ, что, дойдя до него, онъ не долженъ пытаться посмотрѣть внутрь его: «не иматъ бо члѣкъ живъ быти вноутрь погладавъ». Добравшись до острова, Александръ видитъ высокую мѣдную стѣну, точно городъ, но не смѣетъ взглянуть внутрь ея — ибо это возможно одному Богу! — Очевидно, все это идетъ не къ мѣстопребыванію женъ нагомудрецовъ, не дававшихъ повода къ заявленію такой святой таинственности, а скорѣе всего къ описанію земнаго рая, которое и даетъ далѣе Эвантъ: онъ лежитъ по ту сторону Океана на горѣ, обведенъ мѣдною стѣною, и туда нельзя проникнуть смертному. Въ славянскомъ текстѣ и греч. нар. книгѣ Александръ успокоивается на этомъ указаніи, но въ румынской нар. книгѣ онъ въ самомъ дѣлѣ доходитъ до Эдема. — Несомнѣнно, здѣсь произошло смѣшеніе: въ одномъ изъ источниковъ сербской Александріи говорилось а) о нагомудрецахъ (сынахъ Сива), которыхъ посѣтилъ Александръ, и б) о его неудачномъ хожденіи къ земному раю, обведенному мѣдною стѣною, недоступному людямъ. Подъ вліяніемъ Палладіева сказанія у нагомудрецовъ явились жены, живущія на другомъ, отдаленномъ отъ нихъ островѣ; введя эту подробность въ составъ предыдущаго источника, редакторъ не сумѣлъ распорядиться съ скопированнымъ у него матеріаломъ и заставилъ Александра отправиться къ брахманскимъ женамъ, окруживъ ихъ непонятной тайной и неприступною заповѣдностью земнаго рая.

Результатомъ этого сопоставленія является, что между источниками сербскаго романа находился и рассказъ о хожденіи Александра къ земному раю, въ родѣ извѣстнаго, талмудическаго по происхожденію, встрѣчающагося у Низами, въ латинской обработкѣ XII вѣка, въ *Roman d'Alexandre* и его интерполяціи и въ нѣмецкомъ отраженіи старофранцузской Александріи, приписывае-

мои Aubry de Besançon ¹⁾). Въ латинскомъ текстѣ повѣсти говорится, что Александръ дошелъ до рѣки Ганга, «qui et Phÿson, cujus origo est Paradisus voluptatis»; послѣ продолжительнаго плаванія онъ видитъ «quasi edificium civitatis mire altitudinis et longitudinis. Quo cum nimia difficultate pervenientes, flumine suos impetus quodammodo propter littora cohibente sonitusque fragorem mitius producente. littoris angustia tellusque lutea secus maceriam iter pedestre vetabat. quapropter urbis latus, quod absque termino porrigebatur ab aquilone in austrum, pene triduo non absque tedio navigavere, explorantes sicubi forte pateret aditus ad ingrediendum. Macerie illius magna erat equalitas, nullis turribus seu propugnaculis in giro surgentibus, cujus tota superficies adeo veteri musco erat obducta, ut lapidum nulla appareret compositio vel junctura». — Александру не удается проникнуть внутрь, только пзъ одного окошка ему подають чудесный камень, перевѣшивающій всѣ тяжести и показывающійся въ послѣдствіи символомъ ненасытнаго человѣческаго глаза ²⁾). Такъ толкуетъ Александру старикъ еврей, объясняющій, что городъ, имъ видѣнный, былъ земной рай: quod vidisti, o bone rex, urbs nec dici debet, nec est. sed maceria solida, et *impenetrabilis omni carni*, quam in terminum ulterius progrediendi statuit universonum conditor justorum spiritibus carne solutis et ibidem corporis

¹⁾ Alexandri Magni Iter ad Paradisum, ed. J. Zacher 1869; сл. Heinemann Vogelstein. Adnotationes quaedam ex litteris orientalibus petitaе ad fabulas, quae de Alexandro magno circumferuntur (1863), p. 12—26; Donath. Die Alexandersage in Talmud und Midrasch (1873), стр. 34 слѣд.; Is. Lévy, *Revue des études juives* I. 293—300 (1881); Roman d'Alexandre (ed. Michelant), стр. 493—8; своеобразный пересказъ легенды, вслѣдъ за которымъ вныя рукописи романа вставляютъ её еще разъ, въ редакціи болѣе близкой къ латинскому тексту (сл. P. Meyer, *Études*, I. c., p. 228 слѣд.); Lamprechts Alexander, ed. Kinzel, v. 6614 слѣд. Sl. Grion, I. c., стр. CXLIII—V (эпизодъ изъ Fatti di Cesare).

²⁾ Въ roman d'Alexandre (ed. Michelant) онъ видитъ «soit une pierre l'uel d'un home gisant» (I. c. стр. 493), неизмѣримои тяжести котораго дивится; въ рассказѣ, интерполированномъ въ романъ, райскій камень замѣнило райское яблоко (Meyer, I. c.).

resurrectionem prestolantibus. fruuntur autem ibi quiete opaca, quam deus illis disposuit, sed non perhenni. quoniam post iudicium recepta carne cum creatore suo regnabunt in eternum ¹⁾.

Для хронологіи легенды о хожденіи Александра къ земному раю интересны слѣдующія соображенія Моисея Баръ-Кефы, сирійскаго епископа половины X-го вѣка: рай находится вѣдъ доступной людямъ земной области: одни полагають его гдѣ-то въ океанѣ, на островѣ. на недоступныхъ горныхъ стремнинахъ, другіе по ту сторону океана. обтекающаго землю. Это вѣроятно: «*nemo enim unquam regulorum eo profectus paradisum conspexit: qui si intra eam mundi partem quae ab hominibus habitatur positus esset. procul dubio reges qui id facere potuissent visum eum ivissent: a qua re tamen omnes adhuc.... abstinere. At enim, qui in hac sunt sententia, aiunt mare illud quod inter hanc nostram et illam terram interfluit. innavigabile esse. ideoque neminem regum illuc trajecisse* ²⁾).

Имя старѣйшины («царя») Силовыхъ сыновъ я не берусь объяснить: *Юфантъ*, *Иуфантъ*, *Ивантъ*, *Евантъ* (сербск. Александрія), *Εὐχάρης* (греч. нар. кн.), *Евантъ* (болг. нар. кн.), *Евантъ* (Віану), *Ивант* (рум. нар. кн.).

¹⁾ Za cher, l. c., p. 21, 29.

²⁾ Mosis Bar-Sepha, episcopi syri Commentaria de paradiso. y Migne. Patrol. gr. t. CXI, p. 496 (part. I, c. XII).

V.

СТРАНА БЛАЖЕННЫХЪ ВЪ АЛЕКСАНДРІИ И РАХМАНЫ—РЕХАВИТЫ ВЪ ХОЖДЕНІИ ЗОСИМЫ.

Сыновъ Своа, сосѣдящихъ съ обителю Эдема, Эвтихій Александрійскій помѣстилъ гдѣ-то въ Индіи. Страну блаженныхъ естественно было представить себѣ гдѣ-нибудь далеко, у крайнихъ предѣловъ обитаемаго міра; матеріаломъ для изображенія ихъ святого житія могли быть идеализованныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеніяхъ въ средѣ того или другого народа; въ христіанскую пору эта идеализація получила опредѣленный колоритъ: блаженные живутъ вблизи земнаго рая.

Точкой отправления для его индійской локализациі могли быть представленія о буддистскихъ сраманахъ. Мегасѳенъ (у Страбона XV, стр. 711 слѣд.) различаетъ среди индійскихъ философовъ поклонниковъ Діониса и Пракла и, далѣе, Брахмановъ и Сармановъ. «Τοὺς δὲ Σαρμάνας, τοὺς μὲν ἐντιμωτάτους ὑλοβίους φησὶν ὀνομάζεσθαι, ζῶντας ἐν ταῖς ὕλαις ὑπὸ φύλλων καὶ καρπῶν ἀγρίων, ἐσθῆτας δ' ἔχειν ἀπὸ φλοιῶν δένδρεϊων, ἀφροδισίων χωρὶς καὶ οἴνου. τοῖς δὲ βασιλεῦσι συνεῖναι, δι' ἀγγέλων πυνθανομένοις περὶ τῶν αἰτίων, καὶ δι' ἐκείνων θεραπεύουσι καὶ λιτανεύουσι τὸ θεῖον ¹⁾».

¹⁾ Са. С. Müller, Fragmenta Histor. Graec. v. II, p. 435—9 и прим. издателя.

Этихъ Сармановъ, не имѣющихъ ни городовъ, ни сель, питающихся и одѣвающихся отъ деревьевъ, пьющихъ лишь воду прпгоршней и не знающихъ брака. — Климентъ Александрійскій сравнивалъ съ Энкратитами¹⁾. Позднѣе идеализація пошла и далѣе, если въ Камаринахъ, сосѣднихъ съ Брахманами, позволено усмотрѣть древнихъ Сармановъ-Срамановъ. Въ *Expositio totius mundi et gentium*, переводѣ греческаго трактата IV-го вѣка, передѣланномъ, преимущественно со стороны стиля, какимъ-то писателемъ поры Фульгенція (= текстъ С), рассказывается о Камаринахъ, которыхъ ищутъ у индійской *Κάρινα*, *Κάρινα* Птолемея²⁾:

«Gentes aiunt esse Camarinorum in partibus orientis, cuius terram Moyses Eden nominando descripsit; unde et fluvius maximus exire dicitur et dividi in quattuor flumina, quorum nomina haec sunt: Geon, Phison, Tigris et Euphrates. Isti autem homines, qui praedictam terram inhabitant, sunt valde pii et boni, apud quos nulla malitia invenitur neque corporis neque animi. Si autem vis aliquid certius discere: dicunt eos quod neque pane hoc nostro communi utuntur neque aliquo simili cibo neque igne, quo nos utimur. sed panem quidem eis plui per singulos dies asserunt. et bibere de agresti melle et pipere. Ignis autem eorum solis esse perhibetur flagrantiae tantae, ut statim quod e caelo in terram diffunditur, potuissent omnes exuri, nisi se cito in fluvium mitterent, in quo tamdiu volvuntur, donec idem ignis in locum suum demum revertatur».

Къ этому эпизоду, находящемуся лишь въ позднѣйшей речевзій текстѣ (= С), примыкаетъ начало древняго (= G), который и сообщаемъ далѣе, безъ указаній всѣхъ стилистическихъ отличій С.

«Sunt autem et sine imperio, se regentes videlicet. Escam vero non utuntur omnibus communem. Scilicet quod neque mali-

¹⁾ Strom. I, 15. 71, ed. Dindorf.

²⁾ Сл. Riese, *Geographi latini minores*, p. 105—7; са. Prolegom. p. XXX и XXXII и С. Müller, l. c., v. II, p. 513—515.

tiam corporis nostri habent; neque enim pulex neque pediculus nec cimex aut lendes apud eos invenitur, aut in corpore aliquid infirmum. Neque enim vestimenta utuntur omnibus communia: sed ita inlibata est vestis eorum, quae neque insordidari potest; et si hoc contingat, per ignis gladium loturam expectant, ardens enim melior fit ¹⁾). Neque seminant neque metunt. Sunt enim species excellentes variae et preciosae, veluti lapides pretiosi, hoc est smaragdi, margaritas, iacinti et carbunculus et saphirus in montibus, et inde omnes exeunt sic, secundum hunc modum. Fluvius exiens exit in montibus, per singulos dies ac noctes manans, magis vero adsidet (C: decurrens enim fluvius diebus et noctibus montem abscindit et illius crusta aquarum impetum trahit), in multitudine aquae trahitur. Proximae gentis astutia invenit artem, per quam quae exinde exeunt invenire possit; facientes retias in angusta loca fluvii suscipiunt ventura ²⁾). Cum

¹⁾ Сл. примѣчаніе Миллера. I. сл. къ § 5 (Steph. Byz. a. v. Βαγγυρῶνες, съ ссылкой на Hierocles Syrus ἐν τοῖς Φιλίστοροις; Plin. 19, 4. 19) и Marco Polo: «Ibi sunt montes, ubi sunt bonae venae de acçαιο et andanico, et in ista montanea est una alia vena unde fit salamandra. Salamandra autem non est bestia sicut dicitur quae vivat in igne, sed dicam vobis quomodo fit salamandra. Слѣдуетъ описаніе приготовленія асбеста; et fit inde pannus sive tovaliae... et quodcumque sunt succidae, ponuntur in igne et non comburuntur nec laeduntur, sed fiunt albae sicut nix, et istae sunt salamandrae, et aliae sunt fabulae quod sit bestia» (Recueil de Voy. t. I, p. 343, 344; сл. Yule, The book of ser Marco Polo I, стр. 194—5). Въ посланіи Пресвитера (сл. слѣд. прим.) salamandrae = vermes: сл. Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 54 (beste): въ Baudouin de Sebourg, p. 54—5. въ роли саламандры очевидно является фениксъ.

²⁾ Съ приведенными извлеченіями изъ Expositio сл. слѣдующія изъ посланія Пресвитера Іоанна (ed. Zarncke): въ его странѣ нѣтъ ядовитыхъ звѣрей; inter paganos per quandam provinciam nostram transit *fluvius*, qui vocatur *Ydonus*. Fluvius iste *de Paradiso procedens*, expandit sinus suos per universam provinciam illam diversis meatibus, et ibi inveniuntur naturales lapides, smaragdi, saphiri, carbunculi и т. д. (§§ 21, 22); ... nemus situm est ad radicem montis Olympi, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens... dierum trium non longe a *paradyso*, unde Adam expulsus est (§ 27). Слѣдуетъ описаніе «harenosum mare sine aqua» (§ 31) и «fluvius lapidum» (§ 32, за которымъ живутъ «X tribus Judaeorum» § 41); «juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit rivulus quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Et quicquid de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae, quia

tanta vero felicitate neque laborant neque aegrotant, solum autem moriuntur scientes et diem mortis suae: moriuntur enim omnium centum decem et octo et centum viginti annorum. Et maior minoris mortem non videt, nec parentes filiorum. Scientes singuli diem mortis suae sibi faciunt sarcofagum de aromatibus varium, quoniam ad eos omnia aromata abundant. et ponens se ibi expectat expetentem animam; ventura autem hora omnes salutans et omnibus valedicens sic debitum reddit. et est multa securitas. Et hoc quidem huius gentis bona ex parte diximus; multa enim habentes dicere praetermisimus. Habitatio autem terrae eorum est mansionum septuaginta». — За нами слѣдуютъ «occidentes Brachmani», сосѣдящіе съ Кармарой и у Птолема¹⁾; далѣе regio Eviltarum, библ. Evilat, которую географъ Равенскій и Елифаній помѣщаютъ рядомъ съ Брахманами²⁾; «altera gens quae vocatur Emer»: «post hœs regio quae appellatur Nebusa, qua invenitur tyrannorum initium». Отсюда уже начинается область людскаго гряда: «hinc seminatio et messio. Praedictae autem gentes sive Camarinas vivunt pomis et piper et mella; Camarini panem enim caelestem cotidianum accipiunt. Inter eos omnis nec irascitur, nec iudicium appetunt, neque rixa neque cupiditas neque dolum vel aliquid mali est».

harena et sabulum nihil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitudinis, in quod homines terrae nostrae intrant et *maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt* (§§ 38—9). In alia quadam provincia juxta torridam zonam sunt *vermes*, qui lingua nostra dicuntur *salamandrae*. Isti vermes non possunt vivere nisi in igne et faciunt pelliculam quandum circa se, sicut alii vermes, qui faciunt sericum. Haec pellicula a dominabus palatii nostri studiose apparatus, et inde habemus pannos et vestes ad omnem usum excellentiae nostrae. *Isti panni non nisi in igne fortiter accenso lavantur* (§§ 42—3). — Fur nec praedo invenitur apud nos, nec adulator habet ibi locum nec avaricia. Nulla divisio est apud nos (§ 46).

¹⁾ Müller, l. c. прим. къ § 4.

²⁾ l. c. прим. § 9. По замѣчанію издателя «in libris Generationum ex Evilat originem ducunt gymnosophistae, vel. secundum Syncellum, Γαγγυνοί, Gangis aecolae». Толкуя Быт. II, 10 Моисей Баръ Кефа говоритъ, что одна изъ райскихъ рѣкъ, Физонъ, «totam Indorum ditionem alluit (haec enim Pavilae nomine significatur); въ ея пескѣ и на берегахъ много золота и драгоценныхъ камней. Сл. Migne, Patrol. gr. t. CXI. part. I, c. XXI (p. 512) и XXVIII (p. 528).

Иную локализацию страны «блаженныхъ» представляютъ отреченныя дѣянія ап. Матвѣя ¹⁾. Въ Коптскомъ текстѣ разсказывается, что онъ явился для проповѣди въ градъ Ргокишепос, т. е. веселія, либо, по арабскому синаксарю, въ страну *Блаженныхъ*, съ которыми всегда общается Господь. Апостоль видитъ Его, спустившагося на свѣтломъ облакѣ, видитъ арханг. Гавріила, приведшаго съ собою 144 тысячи младенцевъ, избитыхъ Иродомъ; весь народъ вторитъ ихъ словословію. Въ этой странѣ не ощущаютъ потребности въ золотѣ и серебрѣ, не ѣдятъ мяса и не пьютъ вина; пицей служатъ медъ, питьею — роса съ древесныхъ листьевъ. На женъ своихъ эти люди не взираютъ съ плотскою похотью, первородныхъ дѣтей посвящаютъ Богу на трехлѣтнее служеніе; не носятъ одеждъ, сдѣланныхъ рукой человѣка и не знаютъ лжи. Юноша у нихъ не говоритъ передъ лицомъ старца, жены не соблазняютъ мужей и не соблазняются ими; когда вѣтеръ вѣтеръ, онъ приноситъ имъ благоуханіе (райскихъ?) садовъ. Нѣтъ тамъ ни змы, ни лѣта, ни инея, а дуновение жизни. — Греческая редакція тѣхъ-же дѣяній предполагаетъ подобный-же эпизодъ: мальчика, въ образѣ котораго предсталъ Христосъ, апостоль принимаетъ за одного изъ внолеемскихъ младенцевъ, видѣнныхъ имъ въ *раю*: коптскій апокрифъ имѣетъ, очевидно, въ виду этотъ *земной рай*; его изображеніе напоминаетъ и гимнософистовъ Палладія и сыновъ Сива, къ которымъ вѣтеръ также доноситъ райское благоуханіе. Интересно при этомъ, что непосредственно за посѣщеніемъ страны блаженныхъ или веселія ап. Матвѣй по коптскому тексту идетъ въ *Kahanat*, страну языческихъ прорицателей или жрецовъ, въ которыхъ Lipsius видитъ вавилонскихъ маговъ, тогда какъ греческія дѣянія заставляютъ его отправиться въ Мирну, *Μυρμηκίων* таврическаго Херсонеса, по мнѣнію Гудшмидта, а англосаксонская поэма объ ап. Андреѣ помѣщаетъ свою *Mermedonia* — въ Эоіоніи.

¹⁾ Lipsius, Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden II, n. стр. 108 и далѣе; сл. стр. 119 и I, стр. 603—4.

Это открываетъ намъ новую область, къ которой приурочивали страну блаженныхъ. Псевдокаллистоень С несомнѣнно помѣщалъ еѣ гдѣ-то въ Африкѣ: туда-же приводятъ Александра и талмудическія легенды, которыя мы разсмотримъ въ болѣе общей связи.

Въ IV-й (апокрифической) книгѣ Эздры XIII рассказывается о десяти колѣнахъ израильскихъ, что Салманассаръ, царь ассирійскій, μετέθηκεν αὐτοὺς πέραν τοῦ ποταμοῦ, καὶ μετετέθησαν εἰς γῆν ἄλλην· αὐτοὶ δὲ ἑαυτοῖς ἐβουλεύσαντο τοῦτο, ἵνα ἐγκαταλίποιεν τὸ πλῆθος τῶν ἐθνῶν καὶ πορευθεῖεν εἰς πορρωτέραν χώραν, ὅπου οὐπόποτε κατώκησε γένος ἀνθρώπινον, ἵνα ἐκεῖ γε τηροῖεν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ἃ οὐκ ἦσαν τηροῦντες ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν. διείσοδον δὲ στενῶν τοῦ Εὐφράτου ποταμοῦ εἰσήλθον. ἐποίησε γὰρ αὐτοῖς τότε ὁ ὕψιστος σημεῖα καὶ ἔστησε τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἕως ἂν διέλθωσι. δι' αὐτῆς δὲ τῆς χώρας ἦν ὁδοπορία πολλή, ἔτους ἑνὸς καὶ ἡμισέως, ἣ δὲ χώρα ἐκείνη καλεῖται Ἀρζαρέθ (въ лат. текетѣ: Arzareth; въ сир. Arzaph, finis mundi; въ арабск. Aesarâri et Ararawin). τότε κατώκησαν ἐκεῖ ἕως τοῦ ἐσχάτου καιροῦ, καὶ νῦν, πάλιν ἀρξομένων ἐλθεῖν, πάλιν ὁ ὕψιστος στησει τὰς κρήνας τοῦ ποταμοῦ, ἵνα δύνωνται διελθεῖν»¹⁾.

Указанія апокрифа на загадочный Ἀρζαρέθ вызывало попытки объясненія — и вотъ десять израильскихъ колѣнъ принялись искать повсюду: во Фригίи, въ Мидіи до Кавказа, въ Африкѣ, въ горахъ Seloug, наконецъ у баснословной рѣки Самбатіонъ, которую находятъ у Ливана, въ Африкѣ, Курдистанѣ и т. п. либо отождествляютъ съ Гангомъ: шесть дней она течетъ, на седьмой, субботній, ея воды останавливаются²⁾. Рассказывали

¹⁾ Сл. А. Hilgenfeld, Messias Judaeorum (1869), стр. 101 и тамъ-же соответствующіе эпизоды латинскаго (стр. 176—7), сирійскаго (стр. 256), эоипскаго (стр. 316—7) и арабскаго (стр. 372—3) текстовъ. Латинскій текстъ у Fritzsche, Libri apocryphi veteris Testamenti graece (1871), стр. 634—5.

²⁾ Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—34, 299, 372, 386; сл. 40° слѣд. О Самбатіонѣ см. Grünbaum. Nachträge zu den Bemerkungen über die Samaritaner. въ Zeitschr. d. deutsch. morgenl. Gesellschaft, B. XXIII, стр. 627—630; ergo-же: Jüdisch-deutsche Chrestomathie (1882), стр. 497—8; Midrasch Bereschit Rabba y Wünsche. I. c. Lief. II, стр. 48.

о десяти колѣнахъ, что они изгнаны за «горы мрака»; Guedalia ibn Yahia говоритъ о «Каспійскихъ горахъ»¹⁾, что сближали съ известными подробностями Псевдокаллистоена С III. 26: Александръ запираетъ за двумя горами, сошедшимся по его молитвѣ, нечистые народы: Гога, Магога и др.; то мѣсто онъ называлъ *каспійскими воротами*, горы стоятъ ἐν τῷ ἀφανεῖ κόσμῳ. Тотъ же рассказъ повторяется и въ III, 29 (A, C): горы «ὑπερβάλλουσι γὰρ εἰς ὕψος τὰς τοῦ οὐρανοῦ νεφέλας, καὶ οὕτως ἐκτεταμένα εἰσὶ τὰ ὄρη ὡς τεῖχη δύο ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ ἐναντιῶν πρὸς βορρᾶν ἕως τῆς μεγάλης θαλάσσης τῆς ὑπὸ ἄνσον (sic) καὶ τὸν σκοτεινὸν τόπον». Распространенное въ средніе вѣка отождествленіе нечистыхъ народовъ Александра съ десятью колѣнами израильскими опредѣлило приуроченіе послѣднихъ за Каспійей²⁾ и «горамы мрака», гдѣ властвуетъ и царь *Cassiu* талмудической легенды о немъ и объ Александрѣ Великомъ; если, какъ полагаютъ³⁾, *Cassia* (сознательное) искаженіе *Caspia*, то оно обратило бы насъ еще разъ къ памяти о каспійскихъ горахъ Александрии.

Легенда о царѣ *Cassiu*, въ послѣдствіи примѣненная къ Давиду и Соломону⁴⁾, распространена была въ нѣсколькихъ пересказахъ и въ средніе вѣка известна въ переводахъ съ арабскаго. Въ древнѣйшей редакціи (*Bereschit Rabba*) ея содержаніе слѣдующее⁵⁾: Александръ пошелъ къ царю *Cassiu*, за горы мрака; тотъ встрѣтилъ его, неся золотые хлѣбы (кашу?) на золотомъ

¹⁾ Israël Levi, *La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch*, *Rev. des études Juives* № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 86. Сл. Grünbaum, Nachträge. I. c., стр. 629, прим. 1 (колѣна Иуды и Симона за *горамы мрака*).

²⁾ Сл. библиографическую замѣтку въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, вып. II, стр. 178—9, прим. 1; Zingerle, I. c., стр. 67, 95, 101, 124. Если Рудольфъ Эмскій говоритъ объ этихъ Евреяхъ, что они окружены горами и вѣчно *волнующимся песчанымъ моремъ*, то это—образъ рѣки Самбатіонъ и Эпистоліи Пресвитера Іоанна (сл. выше, стр. 219).

³⁾ Levi, I. c., стр. 86.

⁴⁾ I. c., стр. 92; сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. стр. 97 и прим. 2—3; *Vocados de Oro* ed. Knust, I. c., p. 296—297: Cay=Cassia.

⁵⁾ Israël Levi, I. c., стр. 84 слѣд.; Wünsche, *Bibl. rabbinica* IV, стр. 143.

блюды. «Развѣ мнѣ нужны твои богатства?» спросилъ Александръ. «А развѣ тебѣ нечѣмъ было кормиться, что ты пришелъ сюда?» — «Я пришелъ, чтобы посмотреть, какъ вы судите». Въ это время явился къ царю два человѣка; одинъ жалуется на другого: «Вотъ онъ продалъ мнѣ поле, а я нашелъ въ немъ кладъ, котораго не имѣлъ въ виду купить». — Отвѣтчикъ: «Я продалъ ему поле со всеѣмъ, что въ немъ было». Царь спросилъ одного изъ нихъ: «Есть ли у тебя сынъ?» «Есть». «А нѣтъ ли у тебя дочери?» спрашиваетъ онъ другого. «Есть». «Такъ пожените ихъ, и пусть кладъ будетъ ихъ собственностью», рѣшаетъ царь. Замѣтивъ удивленіе Александра, онъ самъ удивляется: «Развѣ я несправедливо разсудилъ?» «Справедливо». «Какъ бы у васъ рѣшили это дѣло?» «Мы предали бы смерти пестца и отвѣтчика, а ихъ достояніе захватили бы». «Идетъ ли у васъ дождь?» «Идетъ». «Свѣтитъ ли солнце?» «Да». «Есть ли у васъ малыя животныя?» «Есть». «Такъ ради нихъ, а не для васъ идетъ дождь и свѣтитъ солнце, ибо сказано: Человѣка и звѣря спасаешь ты, Предвѣчный» ¹⁾).

Въ 1083 году аббатъ Ламбертъ разсказалъ ту же повѣсть какому-то прелату: вмѣсто царя Кассинъ является начальникъ брахмановъ Ди(н)димъ, съ которымъ Александръ бесѣдуетъ у Палладія и Псевдокаллистоена. Содержаніе суда то-же, нѣтъ только предложенія покончить споръ миромъ. Узнавъ отъ Александра, что въ его странѣ природа расточаетъ свои благодѣянія человѣку, Ди(н)димъ замѣчаетъ: *Haec quidem dona Creatoris licet alendis ibi pervenirent creaturis. scirent profecto homines tantae injustitiae et cupiditatis illa non suis modo debita meritis, sed in eadem subsistentibus vel volatilibus vel bestiis.* Съ этими измѣненіями легенда о судѣ вошла, какъ увидимъ, въ *Roman d'Alexandre* ²⁾).

¹⁾ См. въ моихъ Разысканіяхъ VIII, стр. 315, прим. 1. болгарскую легенду объ Ильѣ: хлѣбъ оставленъ людямъ не ради нихъ, а — для собаки. Легенда эта встрѣчается и въ другихъ народныхъ пересказахъ.

²⁾ I. Lévi, I. c., стр. 92 и 93, прим. 1.

По талмудическимъ повѣрьямъ за «горами мрака» живутъ и Амазонки. Въ Pesikta Rab Kahana Александръ идетъ къ царю Кассиу, за горы мрака, но далѣе — царь забытъ, и говорится о городѣ Кароагенѣ, населенномъ женщинами, которыя увѣщаютъ завоевателя, что ему одинаково не будетъ почета, побѣдить ли онъ ихъ или будетъ ими побѣжденъ. Александръ удаляется, смущенный мудростью женщинъ, идетъ въ городъ, который зовется *Африкой*, — и здѣсь-то ему подносятъ золотыя яблоки, гранаты и хлѣбы, какъ выше въ разсказѣ о царѣ Кассиу. Развѣ у васъ ѣдятъ золото? спрашиваетъ Александръ. — Развѣ у васъ не то-же, что ты къ намъ явился? — Я пришелъ не для вашего богатства, а чтобъ узнать ваше правосудіе — и онъ знакомится съ нимъ въ слѣдующемъ далѣе разбирательствѣ въ присутствіи царя ¹⁾. — Въ Вавилонскомъ Талмудѣ (Thamid 31 b) Александръ бесѣдуетъ на своемъ пути къ югу съ мудрецами (десять вопросовъ) и спрашиваетъ, какимъ образомъ ему проникнуть въ *Африку*. Тѣ отвѣчаютъ, что онъ будетъ остановленъ «горами мрака», и совѣтуютъ взять съ собою ливійскихъ мулицъ, привычныхъ къ темнотѣ. — Съ эпизодомъ о мулицахъ мы уже встрѣтились у Псевдокаллистоена С (сл. выше, стр. 221) ²⁾. —

¹⁾ I. Lévi, l. c., p. 89; то-же у Wünsche, Bibl. rabbin. XXX Lief., p. 93—4 (Pesikta des Rab Kahana) и XXII, p. 184 (Midrasch Wajikra Rabba). Сл. разсказъ изъ Ваикра Раба у Оршанскаго, Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, кн. I, вып. 1, стр. 12—14; Vocados de Oro, ed. Knust, l. c., p. 315 и прим. а.

²⁾ Эпизодъ о мулицахъ или кобылахъ, характерный для Псевдокаллистоена и его отраженій, встрѣчается и отдѣльно въ связи съ «страною мрака». Марко Поло помѣщаетъ еѣ въ Сибири: еѣ посѣщаютъ Татары ради добычи, ѣдутъ на кобылахъ, жеребятъ которыхъ оставляютъ у входа въ область вѣчной тьмы, и выбираются изъ нея лишь благодаря инстинкту кобыль, чующихъ жеребятъ издали. Подобную легенду разсказываетъ Rashiduddin о походѣ на сѣверъ, въ *страну мрака* (Karâ Hulun), мифическаго прародителя Турковъ и Татаръ, Ughuz'a: онъ велѣлъ *оставить на пути всѣхъ стариковъ*, но одинъ изъ нихъ, мудрый Bushi Khwaja, убѣдилъ своего сына взять его съ собою — въ сундукъ, ибо предвидѣлъ, что его совѣтъ пригодится. Совѣтъ — уже извѣстный намъ изъ Псевдокаллистоена (сл. Yule, The book of ser Marco Polo, v. II, стр. 414—415). Въ румынской сказкѣ у Шоттовъ (Walachische Märchen стр. 12—13) разсказывается про страну, гдѣ существовалъ обычай

Слѣдуетъ разсказъ о царствѣ женщинъ, также стыдящихся завоевателя и подносящихъ ему золотой хлѣбъ, вмѣсто обыкновеннаго, котораго онъ просилъ: «Еслибы ты хотѣлъ обыкновеннаго, тебѣ слѣдовало-бы оставаться въ твоей странѣ!». Далѣе Александръ приходитъ къ благоуханному источнику, въ которомъ оживаютъ опущенныя въ него соленыя рыбы (= Pseudocall. С; сл. выше, стр. 221); омывши его водою свое лицо, онъ доходитъ вверхъ по его теченію до вратъ Эдема, гдѣ ему подають черепъ (камень?), символъ ненасытнаго человѣческаго глаза: положенный на вѣсы онъ перевѣсилъ всѣ несмѣтныя царскія сокровища (сл. выше, стр. 277—9). Къ этому эпизоду примыкаетъ, за горами мрака, извѣстный уже намъ судъ у Африканскаго царя ¹⁾.

Съ этой версіей Вавилонскаго Талмуда интересно сличить французскій романъ объ Александрѣ (ed. Michelant, p. 493 слѣд.), въ эпизодѣ, который мы отнесли (сл. выше, стр. 277—8, прим. 1) къ своеобразнымъ пересказамъ легенды о «хожденіи къ земному раю». Александръ ищетъ прѣсной воды для своего войска; какой-то крестьянинъ указываетъ ему на рѣку, окружающую гору, на которой висится городъ, обведенный стѣною.

убивать стариковъ; одинъ юноша пожалѣлъ своего отца и спряталъ его въ погребѣ въ пустой бочкѣ. Ту страну опустошало чудовище, гнѣздившееся въ *темной пещерѣ* съ такимъ множествомъ ходовъ, что изъ нея невозможно было выбраться, еслибъ и удалось убить чудовище. Когда жители отправились противъ него, старикъ совѣтуетъ сыну взять *кобылу съ жеребенкомъ*, жеребенка убить и закопать у входа въ пещеру, а кобылу вести съ собою. Бой былъ удачный, но побѣдители потерялись-бы въ темномъ лабиринтѣ, еслибъ кобыла не принялась ржать, ища жеребенка, и не указала-бы пути къ мѣсту, гдѣ онъ былъ закопанъ. — Gaster, *Liter. pop. rom.* стр. 29 указалъ на отношеніе этой сказки къ соответствующему эпизоду Псевдокаллисоена. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся на стр. 271 прим. 1: въ строкѣ 8-й ссылка на стр. 28—9 имѣетъ ввиду указанную книгу Гастера; въ строкѣ 9 чит.: служительницы вм. служители; въ строкѣ 11 указаніе на Шоттовъ должно быть уничтожено. Сл. Gaster, l. c.

¹⁾ Neubauer, l. c., p. 403—4; Donath, l. c., стр. 26—9; Ehrmann, *Aus Palästina und Babylon.* p. 27—31, № 23; Giuseppe Levi, *Parabole, leggende e pensieri, raccolti dai libri talmudici,* p. 218—222; Isr. Lévy, *La légende d'Alexandre dans le Talmud,* въ *Rec. des études juives,* t. I, p. 294—5, 297, 298; Орманскій. l. c., стр. 8—11.

Вода той рѣки такова, что отъ нея безопасно могутъ отвѣдать лишь люди не знающіе стяжанія, жадности и предательства; названіе этой «священной» рѣки — «Мудрость» (Sapience), она служитъ обороной городу, котораго не взять и Александру; тамъ властвуетъ мудрый Gimmel, замѣнившій въ слѣдующемъ далѣе судѣ — талмудическаго царя Кассіи. Онъ предлагаетъ Александру рѣшить извѣстный намъ споръ о кладѣ, и когда тотъ говоритъ, что завладѣль бы имъ самъ, еслибъ дѣло было представлено его рѣшенію, гнѣвно порицаетъ его: «той воды тебѣ не отвѣдать!». И въ самомъ дѣлѣ изъ свѣтлой и прозрачной она стала красной и ядовитой. Александръ принужденъ увести свое войско и первая его встрѣча — камень съ лежащимъ на немъ человѣческимъ глазомъ.

Африку Талмуда, съ ея горами мрака, псакали въ Африкѣ и на Кавказѣ (Africa = Iberica), Кассію сближали съ страной Киссіевъ (Κίσσιαι), съ Кавказомъ, съ Casium въ Египтѣ, съ Kisnia'ей въ горахъ Тавра ¹⁾ и Каспійскими вратами, куда Guedalia ibn Yahia помѣстилъ, какъ мы видѣли, и десять исчезнувшихъ израильскихъ колѣнъ, — тогда какъ Eldad ben Mahli, авантюристъ IX вѣка (около 880 и до 890 г.) говорилъ о пребываніи четырехъ изъ нихъ (колѣна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ) въ *Эіопіи* и *южной Аравіи* (Kusch, Chavila): они ведутъ кочевую жизнь, но умѣютъ владѣть и оружіемъ, чтобъ отражать нападенія язычниковъ; знаютъ Библію, не зная Талмуда и Мишны и постояннаго календаря. О колѣнѣ Дана Элдадъ рассказывалъ, что оно выселилось въ Эіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Іеровоамѣ, дабы не принять участія въ братоубійственной распрѣ между Іудой и Израилемъ; впоследствии, послѣ ассирійскаго завоеванія и паденія Самаріи, къ нимъ присоединились и три другія колѣна. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Саббатіонъ или Самбатіонъ, живутъ Bene Mosche, то-есть, сыновья Моисея: потомки тѣхъ Левитовъ, которые повѣсили свои гусли

¹⁾ Jer. Lévy, l. c. (1883 г.) р. 55—57 и прим. 2 на стр. 85.

на ивахъ Евфрата и не захотѣли пѣть Сіонскія пѣсни на неосвѣщенной землѣ. Когда Халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну Chavila. Рѣка окружила селеніе любимцевъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшною быстротою и шумомъ катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіе шести дней, въ субботу-же покоящійся и окутанный густымъ туманомъ: никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальные колѣна сносятся съ Bene Mosche лишь издали, не имѣя возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя ¹⁾).

Въ пересказѣ Псевдокаллистоена у Иосифона II, 10 (ed. Gagnier, стр. 71—72) сынамъ Моисея отвѣчаютъ рехавиты. Александръ достигъ «горъ мрака», гдѣ солнце не свѣтитъ, и хотѣлъ дойти до сыновей Ионадава, сына Рехавова, и до колѣнъ, обитающихъ за горами мрака. Съ избранными воинами онъ идетъ въ темнотѣ, взявъ съ собою ослицу, жеребенка которой оставилъ у входа въ то мѣсто. — Это эпизодъ о ливійскихъ мулицахъ въ приведенной выше талмудической легендѣ. — Птицы съ человѣкоподобными лицами говорятъ Александру, что ему не вступить

¹⁾ Graetz, Geschichte der Juden, V. B. стр. 288—94 и прим. 19; сл. русскій переводъ (СНБ. 1883), стр. 225—30 и прим. 19; Carnoly, Relation d'Eldad le Danite. Paris. 1838, даетъ нѣсколько иной текстъ сказанія, отличающійся отъ пересказа Гретца. См. Гаркави, Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ и т. д., стр. 11 слѣд. — Разсказъ Эльдада о колѣнѣ Дана въ Эііопіи и о Bene Mosche подтверждается въ извѣстной мѣрѣ свѣдѣніями о современныхъ абиссинскихъ Falascha, исповѣдующихъ еврейство. Они по преимуществу земледѣльцы, но знакомы и съ ремеслами и нерѣдко поступаютъ добровольно въ абиссинское войско. Точно исполняя правила очищенія и соблюдая *субботный день* строже другихъ евреевъ, они не придаютъ большого значенія праздникамъ и жертвоприношеніямъ и не имѣютъ никакого понятія ни о Мессіи, ни о Талмудѣ. Ихъ этническое названіе *Falascha* означаетъ: *пришельцы*; другіе *Kaila* = *не переходя, т. е. черезъ рѣку*, чего они никогда не дѣлаютъ въ субботній день: искаженіе — или источникъ повѣрья о рѣкѣ Самбатіонъ? См. Richard Andree, Zur Volkskunde der Juden. Bielefeld und Leipzig. 1881, стр. 81—88.

въ землю рабовъ Божіихъ, на острова, въ которыхъ обитаютъ Божіе святыя, сѣмя Авраамова. Пусть идетъ на Пору индѣйскаго, котораго побѣдитъ. — Вернувшись венять, Александръ ставитъ у входа памятникъ, на которомъ въ надписи изображаетъ все видѣнное имъ.

Рехавиты (Ραχζβείν, Αρζζβείν, Αλζζβείν) являются въ Библии типомъ *праведниковъ*: Иеремія, 35, ставитъ въ примѣръ Иудейскому народу послушаніе, съ которымъ они исполняли завѣтъ отца своего Ионадава: «Не пейте вина, ни вы, ни дѣти ваши, во вѣки. И домовъ не строите, и сѣмень не сѣйте, и виноградниковъ не разводите, и не имѣйте ихъ, но живите въ шатрахъ во всѣ дни жизни вашей, чтобы вамъ долго прожить на той землѣ, гдѣ вы странниками». И Иеремія говоритъ имъ: «За то, что вы послушались завѣщанія Ионадава, отца вашего, и храните всѣ заповѣди его, поступаете, какъ онъ завѣщалъ вамъ, за то такъ говоритъ Госнодь Саваооъ Богъ Израилевъ: не отнимется у Ионадава, сына Рехавова, мужъ, предстоящій предъ лицомъ моимъ во всѣ дни».

Потомками этого Ионадава представлялись въ IV вѣкѣ (Нилъ † около 430 г.) Ессеи, кенитскій народецъ, жившій на западъ отъ Мертваго моря и сохранившій чистыя преданія древняго Моисеева закона лишь въ слабой связи съ Иерусалимскимъ храмомъ¹⁾. Филовъ, сравнивающій Ессеевъ съ гимнософистами, говоритъ, что они живутъ въ деревняхъ, занимаясь земледѣліемъ и мирными ремеслами, ἀγροῦματα καὶ ἀκτῆμονες, не ведя торговли, не выдѣлывая оружія и не зная рабства, соблюдая «τῆν παρ' ἑλόν τον βίον συνέχῃ καὶ ἐπάλληλον ἀγυμίαν» и воздерживаясь отъ клятвы. Прославляя ихъ добродѣтельное житіе, Филовъ особливо указываетъ на τῆν παντός λόγου κρείττονα κοινότητα: они живутъ общиною; заработокъ cadaго отдѣльнаго лица шелъ на общую пользу; нигдѣ, какъ у нихъ, не выразился идеаль коммунисти-

¹⁾ Это сближеніе поддерживаетъ нынѣ Hilgenfeld, Die Ketzergeschichte des Urchristenthums, Lpz. 1884, стр. 87 слѣд., книгой которою я и пользуюсь далѣе.

ческаго патриархальнаго строя: τὸ ὁμορρόφιον ἢ ὁμοδίαιτον ἢ ὁμο-
 τράπεζον. — Въ псевдофилоновской ὑπὲρ Ἰουδαίων ἀπολογία вся
 эта характеристика является съ чертами христіанскаго шаржа,
 обращающаго воздержность Ессеевъ въ принципиальное воздер-
 жаніе отъ брака, о которомъ говорить и Іосифъ Флавіи, замѣ-
 чая впрочемъ (Bell. iudaic. II, 8, 13): ἔστι δὲ καὶ ἕτερον Ἐσσηνῶν
 τάγμα, διαίταν μὲν καὶ ἔθνη καὶ νόμιμα τοῖς ἄλλοις ὁμοφρονοῦν,
 διαστὸς δὲ τῇ κατὰ γάμον ὁδῷ. μέγιστον γὰρ ἀποκόπτειν οἴονται
 τοῦ βίου μέρος, τὴν διαδοχὴν, τοὺς μὴ γαμοῦντες, μᾶλλον δὲ, εἰ
 πάντες τὸ αὐτὸ φρονήσειαν, ἐκλιπεῖν ἅπαν τὸ γένος τάχιστα.
 δοκιμάζοντες μὲντοι τριετία πάς γαμετάς, ἐπὶ τρις
 καθαρῶσιν εἰς πεῖραν τοῦ δυνάσθαι τίχτειν, οὕτως ἄγων-
 ται. Какъ особенности Ессеевъ Іосифъ отмѣчаетъ: бѣлыя
 одежды, воздержаніе отъ умащенія елеемъ, любовь къ правдѣ
 и преслѣдованіе всякой лжи, соблюденіе субботы и субботняго
 покоя еще болѣе строгое, чѣмъ у остальныхъ Евреевъ; смерт-
 ную казнь, постигавшую всякаго хулителя Моисея. — У Плинія,
 Hist. Nat. V, 17 (15) Ессен живутъ на западъ отъ Мертваго
 моря, «gens sola et in toto orbe praeter ceteras mira, sine ulla
 femina, omni venere abdicata, sine pecunia, socia palmarum. in
 diem ex aequo convenarum turba renascitur, large frequen-
 tantibus, quos vita fessos ad mores eorum fortunae fluctibus
 agitat. Ita per seculorum millia (incredibile dictu) gens aeterna
 est, in qua nemo nascitur. tam fecunda illis aliorum vitae poeni-
 tentia est». — Выше было сказано, что Нилъ видѣлъ въ нихъ
 потомковъ Іонадава, De monastica exercitatione c. 3: Ἰουδαίων
 δὲ ὅσοι τοῦτον ἐπίμησαν τὸν βίον εἰσὶ μὲν τοῦ Ἰωναδάβ ἀπόγονοι,
 πάντας δὲ τοὺς ὡσαύτως βιοῦν ἐθέλοντας προσιέμενοι εἰς τὴν αὐτὴν
 ἐνάγουσι πολιτείαν ἐν σκηναῖς κατοικοῦντες διὰ παντός οἴνου τε καὶ
 πάντων τῶν πρὸς τὸ ἄβροδίαιτον ἀπεχόμενοι καὶ διαίταν ἔχοντες
 εὐτελεῖ καὶ τῇ γαίᾳ συμμετρημένην τοῦ σώματος. σφόδρα μὲν οὖν
 ἐπιμελοῦνται τῆς ἡθικῆς ἕξεως, τῇ θεωρίᾳ δὲ τὰ πολλὰ παραμέ-
 νουσιν, ὅθεν καὶ Ἰεσσαῖοι καλοῦνται, αὐτοὺς λογίους δηλοῦντος τοῦ
 ὀνόματος. Καὶ ἀπλῶς ἐστὶ αὐτοῖς πάντοθεν κατωρθωμένος ὁ τῆς

φιλοσοφίας σκοπος, οὐδαμοῦ τῶν πραγμάτων διαμαχόμενον τῷ ἐπαγγέλματι. Cf. De voluntaria paupertate ad Magnam c. 39: Καὶ Ἰουδαίων μὲν τινες μὴ ἀπαιτούμενοι ἀκτημοσύνην παρὰ τοῦ νομοῦ ἐκουσίως ταύτην ἠσπάσαντο, ἀμεριμνῶς τὸ θεῖον θρησκείην βουλόμενοι ἐν σκηναῖς κατοικήσαντες καὶ παντὸς ἀποσχόμενοι τοῦ περισπᾶν τῶν κρείττωνων δυναμένου τὸν νοῦν, ὥς φασιν αὐτοὶ τοῖς ἐπερωτῶσιν ἐκείνους καὶ μαθεῖν τὴν καινίζουσαν σπουδάζουσαν ἀγωγὴν τοῦ βίου. «Ἀμπελῶν καὶ ἀγρῶς καὶ οἴκος οὐκ ἐγένετο ἡμῶν» (Jer. 35, 9), τὴν ἐπιμέλειαν τούτων εἰδοτες ἐμποδίζεν τῇ πρὸς τὴν εὐσέβειαν ἐργασίᾳ.

Преслѣдуя свое обличеніе Ессеевъ съ Рехавитами Hilgenfeld возводитъ начало первыхъ къ древней порѣ, до сооруженія Иерусалимскаго храма. Когда впослѣдствіи онъ уже сталъ центромъ еврейскаго культа, Ессеевъ продолжали сохранять своихъ собственныхъ священниковъ и свои обряды. Ихъ представителемъ явился Ионадавъ, прінявшій около 884 года до Р. Х. участіе въ сверженіи царскаго дома, оказавшагося невѣрнымъ заповѣдямъ Іеговы (2 Цар. 10, 15, 23 слѣд.). Заповѣдуя своему роду воздерживаться отъ вина, не строить домовъ, не устраивать полей и виноградниковъ и жить въ шатрахъ, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать паденію нравовъ и распущенности жизни, водворившихся въ Палестинѣ, преимущественно въ городахъ, подъ вліяніемъ финкійской царицы, вступившей въ царскій домъ. Когда въ 558 году Навуходоносоръ шелъ на Іерусалимъ, бѣглые Ессеевъ-Рехавиты могли искать защиты въ городѣ, и здѣсь-то видѣлъ ихъ Іеремія. И позже они являются въ Іерусалимѣ, но большинство оставалось на старыхъ мѣстахъ, въ прежнемъ патриархально-общинномъ быту, подвергавшемся вліяніямъ времени. Воздержаніе Ессеевъ отъ брака, о которомъ говоритъ Іосифъ Флавій, незнакомое древнимъ Ессеемъ, могло водвориться у нихъ впослѣдствіи, съ появленіемъ людей, искавшихъ уединенія отъ міра въ тишинѣ деревенской религіозной коммуны.

Въ XII вѣкѣ Веніаминъ Тудельскій помѣщаетъ Рехавитовъ къ сѣверу отъ пустыннаго Senaar'a. Ихъ страна, простираю-

щаяся на 15 дней пути, лежитъ между горами сѣвера; въ ней много хорошихъ, укрѣпленныхъ городовъ; жители занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, отдавая десятину своимъ духовнымъ руководителямъ, постоянно преданнымъ наукѣ и проповѣди, оплакивающимъ Сіонъ и Іерусалимъ, пребывавъ въ пещерахъ и хижинахъ, ходя въ лохмотьяхъ, воздерживаясь отъ вина и мяса и прерывая постъ лишь въ субботніе дни. Вениаминъ перечисляетъ ихъ города (Théma или Thenai, Téliмаas или Tilмаas, Chabar), прибавляя, что, по преданію, они построены были колѣнами Рувима, Гада и полу-колѣномъ Манассія, высланными сюда Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ. Отъ Chabar'a начинается — Индія (Voyage de Benjamin, fils de Jonas, у Bergeron, Voyages, t. I. p. 41—42).

Этихъ-то праведныхъ потомковъ Рехавъ помѣщаетъ за горы мрака легенда у Иосифона, и тамъ-то посѣтилъ ихъ, по старославянскому хожденію, пустынный Зосима; но то, что онъ рассказываетъ о нихъ, объ ихъ чудесномъ выселеніи, облачной рѣкѣ, пезнаніи лѣтосчисленія и т. п., воспроизводитъ извѣстныя намъ очертанія легенды о «сынахъ Моисея».

Хожденіе Зосимы напечатано профессоромъ Тихонравовымъ по двумъ спискамъ: въ древнѣйшемъ (XIV вѣка) недостаетъ, къ сожалѣнію, въ среднѣ трехъ листовъ, и вообще есть пропуски, восполняемые второю рукописью.

Зосима живетъ въ пустынѣ, постясь и молясь Богу, «дабы видѣлъ жизнь божественныхъ члѣвкѣ». Ангелъ вѣщаетъ ему, что его молитва услышана, «яко ити и маши ко бѣжшымъ, нъ не пребуди с ними, ни да възнесетсѣ срѣце твоѣ, рекыи тако .м. дѣиши хлѣба не въкусн, слово бжѣ выше хлѣба ксть и дхъ стѣи выше вина ксть». Сорокъ дней идетъ Зосима пустыней; верблюдъ, преклонивъ передъ нимъ колѣна, принимаетъ его на себя, несетъ дальше и кладетъ «на мѣстѣ страшнѣ. и блпне ту множество звѣрии лютыхъ рыкающи. и видивъ смѣрть и оубоихсѣ и мѣтву сотвори хъ къ бжѣ. И бжѣ на мѣстѣ томъ трусь великъ со глѣмъ и възвеса буре велика и взатъ ма ѿ земля и вземши ма на крыло свое»

и несе ма; и бѣхъ молаи бѣ во вѣтрѣ томъ и не вѣдахъ камо ида, и постави ма на мѣстѣ реки именемъ коумыа (нов. ркп. Еумеаси, Еумелни) и сию хотахъ препти. И възни река глѣющи: Зосимо, члѣче бѣи, не можеше пропти сквозѣ ма, немощно бо члѣку пропти водѣ мопхъ, нѣ виже воды до ѿбсе. И азъ възрѣвъ и видѣхъ стену облачну ꙗ земля до ѿбси и рѣ ми облакъ: «Зосима, члѣче бѣи, сквозѣ ма не проходитъ ни птица ꙗ мира сего, ни духъ вѣтрень ни сѣнце ни превабитель дызволь; ꙗ суетного мира никто же можетъ пропти сквозѣ ма». Это — «горы мрака» талмудическихъ преданій, непроглядное облако, окутавшее рѣку Самбатіонъ. По молитвѣ Зосимы два дерева вырастаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ возможность путнику перебраться на тотъ берегъ: «мѣсто то исполнено вона добры, ни холма, нѣ баше земля равна чвѣты вѣнца и оукрашена». Зосима встрѣчаетъ нагого, сидящаго мужа, который видитъ въ немъ человѣка божія — иначе ему не перейти бы черезъ рѣку и облако ¹⁾, — и говоритъ ему: «Азъ единъ отъ блаженныхъ человѣкъ; поиди, брате, да тя веду ко старцемъ нашимъ». Увидя пришельца «отъ суетнаго мира», старцы хотятъ помолиться Господу Богу, «да явитъ намъ тапну сию, цы уже будетъ кончина приспѣла». Ангелы спускаются съ неба и говорятъ, что Зосима посланъ къ нимъ Богомъ, чтобы пребыть съ ними семь дней и испсать ихъ «житіе». Зосиму поручаютъ слугѣ, «и веде мя въ хижу свою и бѣховѣ подѣ дровомъ пребывая отъ 6-го часа до 9-го. Тогда вкушаховѣ, псхожаше вода отъ коренна древу, слажъшее меду, пяховѣ дондежъ насыщахомся, и пакы возвращашесе вода въ мѣсто свое». Услышавъ о прибытіи Зосимы, многіе начинаютъ приходить, чтобы посмотриѣть на него и разспросить его; желая отдохнуть, оупъ просятъ «человѣка божія» говорить приходящимъ, что его, Зосимы, нѣтъ. Это приглашеніе ко лжи возмущаетъ старцевъ, они велятъ Зо-

¹⁾ Отсюда начинается пропускъ въ ркп. XIV вѣка; дальнѣйшее разсказано по новому списку.

симѣ удалиться отъ нихъ, но склоняются къ его слезной просьбѣ и даютъ ему, начертанное на доскахъ, житіе свое.

«Услышите, услышите, сынове человѣчьстин, человѣкъ нашихъ житіе, нарицаемыхъ блаженныхъ, яко отъ тѣхъ же есмы блаженныхъ человѣкъ, но егда проповѣдаяше Еремѣа пророкъ, яко градъ нашъ преданъ будетъ въ рудѣ иноплеменникъ, и сверже с себѣ ризы своя и облече в сякно тѣло свое и посына пещеломъ главу свою и перстыю посына одръ свои и заповѣда людемъ, да възвратятся отъ дѣлъ своихъ безаконныхъ, — услышав и то отецъ нашъ Рехомъ (далѣе Рехамъ), сынъ сыновъ Адамль, и рече къ намъ: «Слушайте, сынове и дщери, Рехома, отца вашего: съвлецѣте ризы съ тѣлъ вашихъ; хлѣба отъ огня да не ясте и вина ни олу не пите и меду да не вкуси[те], донелѣж услышитъ Господь молитву нашу». Они послушались, ихъ постъ и молитва отвратили гнѣвъ Господень отъ Иерусалима. «Потомъ-же умре царь града Иерусалима и бысть царь инъ. Собрашажеся людие къ нему и повѣдаша о насъ и рѣша: Суть, царю, здѣ людие твои, съ женами не смѣшаются». Призваные царемъ они ссылаются на завѣтъ Рехома, который не хотятъ преступить, почему и ввержены въ темницу. Ночью ангелы, раскрывъ верхъ темницы, выносятъ ихъ за волосы «на облакы и принесе ны къ рѣцѣ. И рѣша къ намъ ангели: Аможе идетъ вода, идѣте и вы. — И идехомъ су ангелы. Тогда приведоша ны на землю сию, и тогда погыбе вода рѣкы сея и разсѣдѣся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сию. И прииде облакъ и ста отъ воды до небеси, и тако разсѣя ны Господь по всей земли сей и предаль ны ея жизнь мѣста сего».

Далѣе блаженные говорятъ уже о своемъ житіи: они безъ грѣха, хотя и не безсмертны; питаются земными плодами и водою отъ корня дерева, сладчайшей меду: то ихъ брашно и пиво¹⁾; молятся денно и пощно; нѣтъ у насъ ни винограда «ни съеуда желѣзна, ни дому, ни житна, ни огна, ни ножа, ни иного желѣза

¹⁾ Отсюда снова начинается древній текстъ, который и приводимъ.

на дѣло, ни сребра, ни злата, ни тѣжка ни легока оу насъ николиже. А иже поймають жену собѣ, дондеже будѣта оу нею двѣ чадѣ, и по двою дѣтей разлучають другъ ѿ друга и пребываюта оба въ чѣтоѣ не вѣдущи была ли коли въ сокупленьи, по ѣкоже исперва чѣтоту хранящи, и еднѣнъ кю сочтается или жену или мужъ, а другок пребываетъ. И нѣ оу нѣ числа лѣтъ ни годомъ ни мѣцемъ ни денемъ, нѣ ѣкоже еднѣнъ днѣ тако вси суть. В пещерахъ же нашихъ лежать лиственкѣ плоско велико нетлѣнно древнокѣ, на томъ почивають подъ дресесы; и есмы назнѣ ѣкоже вы глѣте и имѣють одежу правѣдну, не стѣмся другъ друга. Въ .Г. чѣ вкушають по всѣ днѣ, исходить бо плодъ въ .Г. чѣ и есмы и пиють ѿ него дондеже насыщеся».

Сравненіе обохъ текстовъ г. Тихонравова указываетъ въ этомъ мѣстѣ еще на большой пропускъ въ древнѣйшемъ изъ нихъ, не показанный въ рукописи. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пропускомъ, а не съ позднѣйшею вставкой новаго списка, показываетъ слѣченіе: блаженные говорятъ, что ангелы вѣщаютъ имъ о дѣлахъ людей, и что они молятся о нихъ; что постомъ деревья перестаютъ приносить плоды, взаменъ ихъ падаетъ съ неба манна, а въ день Воскресенія Христова деревья снова даютъ плодъ: такъ они узнаютъ смѣну времени года. Время своей смерти они проводятъ и подробно говорятъ о ней: Господь прѣмлетъ души блаженныхъ, ангелы поютъ на небесахъ, и мы слышимъ ихъ. Здѣсь снова вступаетъ древнѣйшій текстъ: «Мы поемъ, ангѣли слышатъ глѣ нашъ на нѣохъ, и тако межн нами и ангѣлы восходитъ слава нѣина. И егда дѣна поклонитса Гви, тѣгда падемъ ниць, егда же въздвигнетъ ю, тѣгда (рки. егда) и мы востанемъ ѿ земли. егда дѣна поидетъ на мѣсто покоя. тѣгда мы ходяще въ цркъвь сконцаѣ мѣтва Гѣ Бѣ».

Принявъ отъ старцевъ ихъ «житіе», Зосима идетъ назадъ: снова преклонились передъ нимъ деревья и верблюды понесли святого, который, вернувшись въ свою пещеру, побѣдоносно выдерживаетъ нападеніе дьявола.

Таково Хожденіе Зосимы къ блаженнымъ *Рагавинъ*. Въ древ-

немъ текстѣ они не названы; позднѣйшій говоритъ, въ надписанной статьи, о хожденіи Зосимы «в Рахманн»: въ другихъ спискахъ: «О Рахманѣхъ Зосимохожденіе». Это сблѣженіе библейскихъ Рахавишъ съ Рахманами (какъ въ разсказѣ Ламберта замѣна царя Кассія Дандаміемъ), принадлежавшее, несомнѣнно, подлиннику Хожденія, выразилось всего ярче въ изображеніи быта блаженныхъ людей, указывающемъ на вліяніе Псевдокаллистоена и Брахмановъ Палладія. Библейскіе Рехавиты воздерживаются отъ вина; блаженные Зосимы — отъ вина и елея; сл. Pseudocall. AVB III, с. 6 = С. II, за 35 главой: Александръ предлагаетъ начальнику брахмановъ, Дандамію, сокровища и одежды, *вино и елея*, Дандамію отъ всего отказывается, беретъ только елея — но лишь затѣмъ, чтобъ вылить его въ присутствіи Александра на костеръ. Вспомнимъ, впрочемъ, что и Рехавиты-Ессени воздерживались отъ вина и елея — и брака, съ исключеніями и предварительнымъ трехлѣтнимъ испытаніемъ женъ. Въ Хожденіи брачное воздержаніе Рехавитовъ, заявленное въ началѣ, далѣе смягчается: каждый изъ блаженныхъ «попмаетъ жену себѣ, донелѣже будетъ у него двое чадъ», а затѣмъ оба пребываютъ въ чистотѣ. Такъ и брахманы Псевдокаллистоена III, 6: *ἕχουμεν δὲ ἕκαστος τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καὶ κατὰ τελέτης γένουαυ πορεύεται ἕκαστος εἰς τὴν ἰδίαν γυναῖκα, καὶ πλησιάζει αὐτῇ ἕως οὗ τέκη δύο παιδιά, καὶ λογιζόμεθα τὸν μὲν ἕνα ἀντὶ τοῦ πατρὸς, τὸν δὲ ἄλλον ἀντὶ τῆς μητρὸς.* Палладіи (Müller, Pseudocall. стр. 105, гл. 9: вставлено уже въ редакціи A) повторяетъ этотъ разсказъ съ бѣльшими подробностями: жены брахмановъ живутъ отдѣльно отъ нихъ, по ту сторону Ганга, непроходимаго (*δυσπεράσιωτον*, I, с. с. 10), кромѣ двухъ мѣсяцевъ въ году, когда мужья переправляются къ своимъ женамъ, чтобы пробить съ ними сорокъ дней. — То-же повѣствуется позднѣе, Pseudocall. AVB III, с. 25, объ Амазонкахъ: онѣ живутъ на островѣ, сходясь съ своими мужьями, пребывающими по ту сторону рѣки, лишь однажды въ году, въ теченіе тридцатидневнаго срока. — Брахманы и Амазонки помѣщены именно въ этой, не непосредственной послѣдо-

вательности, въ редакціи АВ. за разсказомъ о пораженіи Пора; съ Амазонками Александръ списывается лишь послѣ ряда другихъ приключеній, посѣтивъ, между прочимъ, царство Кандаки, владительницы Мероэ: между тѣмъ, въ посланіи, которымъ онъ извѣщалъ ихъ о своемъ прибытіи (Pseudocall. III, с. 25), онъ говоритъ, что побѣдилъ Дарія, индійскихъ вождей, посѣтилъ брахмановъ — и теперь хочетъ разыскать ихъ. Гдѣ представлялъ себѣ редакторъ А жилище Амазонокъ? Въ посланіи къ Олимпіадѣ III 27 (= Val.) Александръ приходитъ къ нимъ отъ статуи Иракла, среди непроглядной тьмы; такъ и въ Hist. de prel. краткой редакціи¹⁾: «movimus inde (отъ статуи Иракла) et ingressi sumus desertum, invenimus loca frigida atque obscura. ut paene non agnosceremus nos». Въ томъ-же текстѣ пространнаго типа (Zing. стр. 214—216) путь Александра такой: Оксидраки-*тмносифисты* — статуи Иракла и — *Амазонки* (mulieres . . . neque viri erant inter eas). Наконецъ и въ Pseudocall. C, III, 26 Амазонки помѣщены въ сосѣдствѣ съ страной мрака и горами, за которыми заключены нечистые народы.

Возвратимся къ нашему Хожденію. Его Рехавиты-Рахманы не только напоминаютъ Бене-Моше Эльдада, но по легендѣ и тождественны съ ними: то-же выселеніе изъ Іерусалима, чтобы не поступиться своимъ обѣтомъ или убѣжденіемъ; однихъ выносить облако, другихъ ангель; тамъ и здѣсь чудесная рѣка, окутанная облакомъ-туманомъ; кочевая жизнь и отсутствіе жилищъ; Рехавиты не знаютъ счета времени. Бене-Моше — календаря. Разница лишь въ историческомъ приуроченіи, не выходящемъ изъ области библейскихъ воспоминаній.

Съ другой стороны, Рехавитовъ-Рахмановъ Зосимы нельзя отдѣлить отъ потомковъ Рехавы, за «горами мрака», въ разсказѣ

¹⁾ Лишь при корректурѣ этой главы я могъ воспользоваться древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ текстовъ краткой редакціи Hist. de preliis, изданной Ландграфомъ. Сл. Die Vita Alexandri Magni des Archipresbyters Leo (Historia de preliis). Nach der Bamberger und ältesten Münchener Hs. hrsg. von Dr. G. Landgraf (Erlangen 1885). Сл. p. 130.

Юсиппона; и какъ послѣдніе вдвинуты въ географію Александріи, такъ и блаженные Зосимы вторгаются въ нее чертами, напоминающими брахмановъ Псевдокаллистоена и Палладія.

Гдѣ представить себѣ рехавитовъ-рахмановъ Хожденія — на это отвѣтить тѣмъ труднѣе, что мы колеблемся, къ какому изъ извѣстныхъ церковному преданію святыхъ Зосимъ прислонить ихъ апокрифическаго соименника. Можно выбирать между Зосимой Киликійцемъ, епископомъ Капра-Вавилона и впоследствии египетскимъ отшельникомъ¹⁾, и Зосимой житія св. Маріи Египетской. Онъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такою святостью жизни, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самомиѣніе: Ἄραγε ἔστιν ἐν τῇ γῆ μοναχός, ὁ δυνάμενος ξένον τι παραδοῦναι μοι. ἢ ὠφελῆσαι με ἰσχύων, ὅπερ οὐκ οἶδα, οὐδὲ πέπραχα, εἶδος ἀσκήσεως; ἄρα εὐρίσκεται τῶν ἐν ἐρήμῳ φιλοσοφούντων ἀνὴρ ὃς κατὰ πράξιν ἢ θεωρίαν πρωτεύει μου; Ταῦτα δὲ λογιζομένου τοῦ γέροντος, ἐφίσταται τις αὐτῷ καὶ φησι πρὸς αὐτόν· ὦ Ζωσιμᾶ, καλῶς μὲν καὶ ὡς ἦν δυνατὸν ἀνθρώπῳ ἠγωνίσαι, καλῶς δὲ καὶ τὸν ἀσκητικὸν δρόμον διήνυσας πλὴν οὐδεὶς τῶν ἐν ἀνθρώποις ἐστὶν ἔχων τὸ τέλειον, ἀλλὰ μείζων ἐστὶν ὁ ἀγὼν ὁ προκείμενος τοῦ παρωχηκότος ἤδη, καὶ ὑμεῖς οὐ γινώσκετε. Ἵνα γινῶς καὶ αὐτὸς οὖν, πόσαι εἰσι καὶ ἄλλαι πρὸς σωτηρίαν ὁδοί, ἐξέλθε ἐκ τῆς γῆς συγγενείας σου, καὶ ἐκ τοῦ οἴκου τοῦ πατρὸς, καθάπερ Ἀβραάμ. ἐκεῖνος ὁ ἐν πατριαρχαίς αἰδέσιμος (Gen. XII), καὶ δεῦρο εἰς τόδε τὸ μοναστήριον, τὸ πλησίον Ἰορδάνου τοῦ ποταμοῦ διακειμένον. Чудесный мужъ ведетъ его къ вратамъ монастыря, лежавшаго такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства вовсе и не знали о его существованіи; не безъ намѣренія привелъ туда Господь Зосиму. Инокъ ведетъ святую жизнь: εἶδε δὲ γέροντας πράξει καὶ θεωρίᾳ ἐκλάμποντας καὶ τῷ πνεύματι ζέοντας, καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύοντας. Φαλμοδία γὰρ ἦν ἀκατάπαυστος, στασιν ἔχουσα παννύχιον καὶ ἐν χερσὶν εἶχον αἰεὶ τὸ ἐργόχειρον, καὶ οἱ Φάλμοι ἐπὶ στοματός. Λόγος γὰρ ἀργός

¹⁾ Дух. вѣстн. Гурь. Іоанна Москва, па. СХХІІІ—ІV.

οὐκ ἐπολιτεύετο, φροντίς πραγμάτων παρ' ἐκείναις οὐκ ἐχρημάτιζε, πρόσδοί τε δι' ἔτους ἀριθμούμεναι τε καὶ συναγόμεναι καὶ μέριμναι βιωτικοῖς μόχθοις ἀρμόζουσαι, οὐδὲ ὀνόματι παρ' αὐτοῖς ἐγνωρίζοντο. . . . Ταῦτα Ζωσιμάς, ὡς εἶπεν, θεώμενος ὠκοδομεῖτο λίαν ἐπεκτεινόμενος πρὸς τὰ ἔμπροσθεν, αἰεὶ τε συναύξων τὸν δρόμον τὸν ἴδιον, καὶ συνεργάτας εὐρών καλῶς τὸν θεῖον νεοσυργούντας παράδεισον. Великіи постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти иноки справляли такъ, что, перебравшись на ту сторону Иордана, расходилсь каждый по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаясь нерѣдко однимъ злакомъ. Вмѣстѣ съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню, εἰς ἐπιθυμίαν δὲ ἦλθεν, ὡς ἔλεγε, γενέσθαι κατὰ τὴν ἐνδότερον ἔρημον ἐλπίσας. . . . εὐρεῖν τινα πατέρα κατ' αὐτὴν διατρίβοντα, δυνάμενον αὐτὸν συμβάλεσθαι πρὸς τὸ παθεύμενον ¹⁾. Здѣсь онъ встрѣчается съ св. Маріей *Египетской*.

Между сообщенною выдержкой изъ житія и Хожденіемъ есть несомнѣнное сходство очертаній, а отчасти и замысла.

¹⁾ Migne. Patrol. graec. t. LXXXVII, стр. 3700, 3701, 3704

VI.

СВ. МАКАРІЙ и сі Маѣхрес.

Предъидущая глава назначена была выяснить, что сыны Сива сербской Александріи, сосѣдящіе съ земнымъ раемъ, недоступнымъ смертнымъ, стоятъ не одиноко въ группѣ памятниковъ, приспособившихъ къ христіанскимъ представленіямъ древнія утопіи о святомъ, блаженнымъ житіи¹⁾.

Тотъ же образъ земнаго рая, неприступнаго, обведеннаго желѣзною и мѣдною стѣною, извѣстенъ намъ еще изъ другаго памятника, важнаго для вопроса объ источникахъ сербской Александріи, и именно для нашего эпизода: о нагомудрецахъ-Рахманахъ. Мы выдѣлили въ немъ (стр. 265 слѣд.) № 1 (нагомудрецы Ираклія), какъ принадлежавшій особому сказанію; но въ какихъ отношеніяхъ находятся другъ къ другу слѣдующія статьи: прохожденіе Александра по юдоли мытарствъ (№ 2), посѣщеніе нагомудрецовъ, сыновъ Сива (№ 3), и хожденіе къ земному раю (№ 4)? Оказывается, что эта связь не случайная: она встрѣчается въ отреченномъ сказаніи о трехъ пнокахъ, обрѣтшихъ св. Макарія. Въ греческой мннеѣ (подъ 23-мъ Октября) житіе

¹⁾ Объ этихъ утопіяхъ сл. Riese, *Idealisirung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur* (1875); сл. франц. переводъ F. Gache et Sully Piquet, *L'idéal de justice et de bonheur et la vie primitive des peuple du Nord dans la littérature grecque et latine* (Paris, 1885).

св. Макарія отдѣлено отъ хожденія къ нему иноковъ; но вѣроятно, что первоначально второе служило введеніемъ къ первому ¹⁾, какъ въ старославянскомъ текстѣ, пзвѣстномъ въ спискѣ XIV вѣка ²⁾ и въ томъ-же столѣтніи знакомомъ на Руси, судя по ссылкѣ на него архіепископа Новгородскаго Василя.

Сообщаемъ содержаніе легенды, на сколько она касается нашего вопроса.

Три инока, Сергіи, Теофилъ и Оугинъ (Торж. Евгений, лат. *Huginus*) отправляются въ монастырь Аскліпія (лат. *Asclepion*), что въ Месопотаміи сирской: они хотятъ странствовать всю жизнь, лишь бы дойти до мѣста, «гдѣ прилежѣ нѣбо къ земли». Посѣтивъ Іерусалимъ и поклонившись его святынямъ, они обращаются «на вѣсто сѣнца», переходятъ Тигръ и вступаютъ въ Персію, «на пола чѣта, іманемъ Асиа, идѣ^х оубиі стѣи Меркурей Оульана парвата (πρρρβρρρς)». Въ Ктезифонѣ они поклонились тѣламъ трехъ св. отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, и всту-

¹⁾ См латинскій текстъ житія въ *Acta SS. Oct. X, a. d. 23 Oct.*, p. 566—71 и у *Migne, Patrol. lat. t. LXXIII*, p. 415—26 (сл. *ibid.* прим. къ житію Макарія, 1 и 4). — Идеѣ о хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію отвѣчаетъ отчасти содержаніе старониталианской легенды о хожденіи трехъ монаховъ при-евфратскаго монастыря въ земной рай. См. *Miscellanea di opuscoli inediti o rari dei secoli XIV e XV*. Torino, 1861, p. 165; *Leggende del secolo XIV* (Firenze, 1863, v. II, p. 489 слѣд.) и *Scelta di curiosità letterarie* № 106. — Отрывокъ, помѣщенный въ такъ называемой записной книжкѣ (*Zibaldone*) Антоніо Пуччи, относится, очевидно, не къ этой легендѣ, какъ полагалъ *Graf* (*Giornale Storico della letteratura italiana. vol. I, fase. 2. p. 285*), а скорѣе къ какому-нибудь житію Макарія, судя по *Piscinachi* (= *Pichiti, Pugnaci*), малорослому народу, встрѣченному иноками.

²⁾ Изд. Тихонравовымъ, I. с. II, стр. 59—77 (два текста). Далѣе приводится текстъ Паницевскаго сборника (XIV в.), Тихонравовъ, стр. 59—66 (сл. *Пам. старинной русск. литер. III, стр. 135 слѣд.*); пропускъ (стр. 65) восполняется текстомъ XVII в., *ib.* стр. 66—77, и сербскимъ торжественникомъ XIV вѣка (у А. Попова, *Описаніе рукописей и т. д. Хлудова*, стр. 396—404). См. собраніе ркп. II. Д. Бѣляева оп. А. Викторовымъ, № 54, XIV вѣка: редакція отличная отъ напечатанныхъ. — Извѣстны два румынскихъ перевода житія: одинъ (слъ греческаго?) въ числѣ житій, изданныхъ митрополитомъ Досиоеемъ (*Jasi, 1682*), другой (слъ славянскаго), недавно напечатанный по рукописи *Gaster*'омъ (*Revista pentru Istoriă, Arheol. și Filol., An. III, v. V, стр. 89 слѣд.*), параллельно съ Досиоеевскимъ.

пилъ въ Индію. Здѣсь они зашли въ одну пустую хижину, хозяева которой застаютъ пришельцевъ и, считая ихъ соглядателями (исходатаи, Торж. сходатаи), собираютъ противъ нихъ толпу. Иноковъ хотятъ сжечь въ домѣ, затѣмъ запираютъ ихъ, намѣреваясь уморить голодомъ и жаждой; но когда, по прошествіи десяти дней, застаютъ ихъ въ живыхъ, выгоняютъ ихъ прутьями изъ своей страны. По дорогѣ они питаются древесными плодами. Далѣе идетъ уже страна чудесъ: путники вступаютъ въ землю *песныхъ главъ* (лат. *terram Chananaeogum ingressi sumus, qui ab aliis Synocerphali dicuntur*; рум. легенда у Досноея: цара Къпкжнилор)¹⁾, которые ихъ не тронули: «по всѣмъ мѣстамъ собѣ живутъ, межъ камень гнѣзда сносивше». (Торж. къждо на камени нази, гнѣзда створише). Далѣе на востокъ страна «трепастокъ» (лат. *Pichiti, Pugnacii*)²⁾, которые, завидѣвъ странниковъ, бѣгутъ отъ нихъ; затѣмъ высокая гора, «идѣже ни слѣнце сплететь, ни древа есть, ни трава ростеть, развѣ гадъ и змѣямъ свистающимъ и съкрегующимъ зубы, аспиды, ехидны и оували и василисты. и видѣхомъ иныи змѣи многи имъ имани не вѣдѣхомъ». Заткнувъ уши воскомъ, чтобы не слышать нестерпимаго змѣйнаго свиста, и спустившись съ горы, иноки вступаютъ «въ землю пусты и велику» и область темной мглы, откуда выходятъ, руководимые сначала оленемъ, потомъ голубемъ.

«Идохомъ по голуби томъ и обрѣтохомъ столпъ и комару и баше написано шкртъ еа: си столпъ поставилъ есть Александро цръ Макидоньскій іа ѿ Халкидона³⁾ и побѣдивъ

1) Сл. *сѣтсѣуні* (*сѣрсѣуні*) въ румынской Александріи у Gaster, Lit. por. rom. p. 27, прим. 2, замѣтку Р. Meyer'a о старофранц. *Chenelius, Canineus* въ *Romania* № 27, p. 441—444 и въ концѣ нашего изслѣдованія экскурсъ: «Хананей-Кинокефалы Александріи и иконографическія изображенія св. Христофора».

2) Съ вариантомъ: *Pytici* сл. *Pithikus* Иосиппона въ эпизодѣ, отвѣчающемъ *Pseudocall.* II, c. 32 (сл. *Gagnier*, I. c. II, c. 10, стр. 69) и рум. текстъ у Досноея: цара Пиночилор; во слич. далѣе латинскій текстъ *Хожденія*: *ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram unius cubiti habebat.*

3) Халкидонъ загадоченъ на столько-же, на сколько въ *Hist. de prel.*; сл. выше, стр. 177—178. Румынск. легенда у Досноея сходится здѣсь съ латин-

Персы, воевалъ есть до сего мѣста, се сѧ наре^ѣтма. Да
 аще хоцетъ кто мину^ѣ се мѣсто, то на лѣво ѣдет, всѧ бо воды
 мира сего ѿ лѣвое страны приходѣ; да иже сѧ тѣхъ водъ
 надержитъ, то ѣде на свѣтъ, а на десную страну сѣ горы велики^ѧ
 і ѣзеро полно змиі (лат. Absidam istam fecit Alexander Philippi
 Macedo imperator, quando persecutus est Darium regem Persarum.
 Qui terram hanc ingredi voluerit, ad manum sinistram vadat;
 ad dextram enim terra invia et rupibus et angustiis est plena).
 То баше написѧ на столпѣ Александровѣ». Путники идутъ въ
 лѣвую (?) сторону (рум. Дос. стѣнга), среди смрада (п тьмы?);
 «і прихожаше ны гла^ѣ яко і кони ржуще (рум. Дос. ші
 веніа хрѣмътъ мѧре, ка де некезѣтѣрї дѣ кѧй мѣлц), і приближи-
 хомѣ на гла^ѣ тѣ, і видѣхѣ озеро полно змии, яко^ѣ баше не
 видѣѣ воды нѣ ним (Торж. нѣ змыами) і слышахомъ плачь и
 стенанье пото. і баше ѣзеро то полно члѣвкѣ. і преде ншъ
 (Торж. прииде ны) гла^ѣ съ нѣсѣ глѧ: си суть лѣде ѡсузениі, ти бо
 сѧ лѣде бѧ ѿвергоша. да мы [с] страхомъ і трепетомъ минухомъ
 ѡзеро то ѡсуженоѣ. і пошѣ мало дшн п оузрѣхѣ горѣ .в. мужа
 (Торж. видѣхѣ двѣ горѣ висоцѣ п тоу видѣхомъ мужа; лат. т.:
 venimus inter *duos montes altissimos*, et in medio ipsorum ar-
 paruit nobis homo longa statura) велика в' высоту р'. локоть.
 і баше привазанъ верпгамн медаиы по всему тѣлу, і пла-
 манъ палашиѣ все тѣло его, і вопиаше глѣмъ великш. ісхожаше
 гла^ѣ мужа того до .л. поиршиъ. і оувидѣвши ны мужетъ нача
 плакати, прикланяса к землѣ, і баше ѡспалено все тѣло его.
 Мы^ѣ ѿ страха покрывше лице своѣ минухомъ гору ту, ідохѣ
 дшн .б. слышанце гла^ѣ его. і припрохомъ стремиѣ мѣсте и глу-
 боцѣ і видѣхѣ ту жену стоищу простовласу (лат. т.:
 capilli autem hujus mulieris ad terram usque descendebant; рум.

ской, приведенной въ нашемъ текстѣ: «ачѣсть стлѣнъ аѣ радикатъ Алеѣандрѣ
 Филіпратѣлѣ Мачедонидор. кѧмдѣ аѣ гонитъ пре Дѧріѣ Перѣсѣлѣ; чине ва врѣ
 съ съндерентѣзе дѧчиѣа, съ ѧн а стѣнга дин' кѣтр-о вин ѧпеле; ші чине
 наѣблѧ, съ ѧ сѣветеле ѧпелоръ ші ва еши лѧ лѣминѣ. кѣн а дирѣбита сѣнт
 мѣнцѣ ші рѣшѣ, ші ѧзере мѧре пѧнне де шѣршѣ».

Доспо.: десплетитъ) на край глубины і змѣи баше великъ обилъса около ея ѿ ногу і до главы, і хотѣ рещи слово едино, і не даша ея, і заімаше ея оуста хоботѣ і бышеть ю по оустомъ хоботѣ да не глѣтъ ничто^ж. инѣже гла҃си ісхожаху іс пропасти глубокои народа многа ізъ глубины вопиюще: помплун ны г҃и, помплуі ны с҃іе ба҃ въшнѣ. Мы^ж ѿ страха того (ідохѣ) рекохѣ: г҃и шпрости жи[во]г҃ь нашъ, ꙗко видѣста ѿчп наши чюдеса спсѣ, и трѣ^х (Торж. соудъ; рум. Доспо.: ѿсѣнде) на земли сеі. і пакы поідохѣ ѿ мѣста того плачуще и ѿбрѣтохѣ мѣсто другое і древа баху смоковнымъ ѿобразѣ на мѣсте томъ, і на древехъ гѣхъ множество народа птицъ (Торж. множество птицъ небѣиныхъ) тмы тмами баше, і рѣ^х ихъ баше ꙗко члѣча, і вси единимъ глѣмъ вопиэхѣ г҃ище: ѿстави ны вѣко і помплуі ны г҃и, мы бо согрѣшихѣ на҃ всесѣ твари. Мы^ж оубо҃зиі та чюдеса слышавше і видѣвше і поклонихомѣ г҃ви г҃ище: г҃и ави на҃ чюдеса сия, ꙗже есмѣ видѣли і слышѣ. і молящимѣ намъ бѣ і расту-пса земля прѣ нами, ізѣ гла҃ глѣмъ: ни есть вы дано видѣ дѣлѣ гѣхъ, но ідѣте путѣ свои. Мы же мнухомъ на мѣсто іное страшно і ту видѣхѣ мужп .І. ре ѿбрана же ихъ нѣ сказа, і баше же прѣ стѣми тѣми мужп ѿружье ѿстро і стрегуще твердо, змеве со ехиднѣ ѿбстолхуть ѿколо (рум. Доспо.: ші найнта лор дәрде аскѣдѣте де лѣчѣ, ші фѣкъ маре фѣръ сѣмѣ, шп смѣалѣ ші ірѣѣ пѣчѣасѣ, змѣй шп ехидне шп келѣй). А се .І. мужп вѣнца носѣща на глава^х красны і в рукахъ своіхъ пмуца палца злата ¹⁾. Да мы оубо҃зиі падохомъ на земли ниць і воспи-хомъ: помплуіте, мужп нѣиі, да быша не прикоснули са на҃ (Торж.: да бп се на҃.... не прикосноуле) ѿружья та. і ѿвѣща (Торж.—ше) намъ г҃ище: Въсташа (Торж. въставше) ідѣте пу-

¹⁾ Лат. текстъ: devenimus ad locum honorabiliorem ac speciosissimum, in quo quatuor viri stabant, habentes figuras venerabiles, tamquam mira pulchritudine decoras, ut credi aut fari omnino facile vix possit: isti siquidem coronas aureas, gemmis et lapidibus honorifice compositas, in capitibus habebant, et in manibus palmas aureas gestabant; ignis vero maximus ac terribilis ante illos, et spathas acutissimas ante se tenebant. Nos vero ista cernentes, ac valido percussi timore, exclamavimus etc.

темъ своимъ, а може вы ведѣ (Торж. Гѣ; рум. Дос. Дѣмнезъ); не боите ничтоже. не владѣть бо ва ѿзлюбѣ ѿроужье се, мы бо і блюде до днѣ суднаго. Да мы то слышавше прекрѣтившеса і поклонихомъ і прославихомъ Ба і мнухѣ іако дѣа не пмуще. ідохомъ днѣі .м. і в напраснѣ п гла слышахѣ народа многа зѣ і насытихомъ блгооуханѣа многа і ѿ гла поющѣ блгооуханѣо многа (Торж. п ідохѣ .м днѣи въ напраснѣ гласѣ п приде поющѣ нарѣ м'ногѣ, п блгооуханѣа п тѣмѣна многа зѣло насытихомъсе ѿ мпра п ѿ гла поущихѣ). сонѣ ны ѿбумори, да мы оуспохѣ і въстахѣ, ѿли сппатѣ оустомъ нашѣі ѿ блгости пѣ меду їста. і въставше і видѣхомъ црѣвь і баше п[ко] ледана (лат. т.: quae .tota quasi crystallina videbatur; рум. Доспѣ.: бесѣрикѣ мѣре де кристалъ) і велика, посрѣже црѣви тоа ѿлтарь знаманованѣ, посрѣдѣ ѿлтара тоа псточнѣі знамананѣ водитѣи бѣлѣ, іако млеко (лат. т.: et de altari aqua egrediebatur, quae lactis candidissimi colorem habebat); і видѣхѣ ту мужи страшнѣи зѣ ѿкрѣтъ воды стояща і полахутѣ агльскѣи пѣ. і видѣвше то мы трепещуще іако мрѣтви, да единѣ ѿ нпѣ красенѣ зѣ, да тот ны рѣ приступѣ: се есть псточнѣі бесѣртнѣ, ѿждаѣа праведныхъ насладитѣ. Мы то слышахѣ і прославихомъ ба і мнухѣ мѣсто то со страхѣ, і в радости величѣи быхѣ, іако бѣ въсть, но баху оустнѣ наша ѿслажени ѿ воды тоа, до .г. го днѣ сппахуса оустнѣ наша іако ѿ меду. і доідохомъ рѣки великѣа зѣло і насытихомъ блгости і прославихомъ ба. і къ .б. тому часу сущо і сѣдохѣ на брезѣ оу рѣки тоа, размѣшляюще, что створи рецѣ сен. і баше по рецѣ тои свѣтъ седмрицею сего свѣта свѣтлѣ. і помолчихомъ на .д. страны земля. И баху вѣтри в земли тои інаци тварью: западнѣи вѣтрѣ зеленѣ тварью, а ѿ вѣстока сѣнцо ѿ раа рѣкѣ вѣтрѣ іако і желтѣ, а ѿ полуноци вѣтрѣ іако кровь чѣа, а ѿ полуднѣиѣа страны вѣтрѣ бѣлѣ, іако свѣгѣ. сѣнце тенлѣе сего .з. мѣды, і древа болши сѣхѣ і краше і частѣиши і [едино] плодовито, а другое немуще плѣ, і горы выше сѣхѣ і земля .в. лицѣ імущи, червлена і бѣла, і птици всѣми лицѣи».

Румынскій текстъ (у Досноея) во всемъ этомъ описаніи сходенъ, если не тождественъ съ славянскимъ; латинскій значительно разнится: послѣ видѣнія мужей, пѣвшихъ ангельскую пѣснь (*voces cherubim*), онъ продолжаетъ такимъ образомъ: *Nos autem haec intuentes, timuimus valde. Ipsa vero ecclesia a parte meridiana similitudinem habebat lapidis prasini pretiosi, a parte australi colorem sanguinis mundissimi praetendebat, a parte autem occidentali tota erat alba instar lactis et nivis candidissimae; stellae super ipsam ecclesiam plus quam hujus mundi sidera lucebant, sol ibi septempliciter lucebat et calebat, quam in hujus terrae regione; alpes et arbores omnes plus altae, et folia ac fructus plures ac dulciores, quam istius mundi arbores habebant; sed et aves coeli aliter resonabant, quam aves terrae istius: omnis autem terra ipsa duplices habebat colores, id est, una facies alba erat ut nix, et alia rubicundissimis coloribus erat. Nos igitur stupentes et in eodem loco adorantes, ac ipsos viros salutantes, cum timore egressi, coeptum iter arripere festinavimus* ¹⁾.

Путники испытываютъ далѣе нападѣніе какихъ-то *малорослыхъ людей* (бѣхоу ннзци зѣло; лат. текстъ: *non autem inter illos longiorem praeterquam unius cubiti staturam vidimus*) и идутъ (латин. текстъ, выше ничего не говорившій о рѣкѣ, прибавляетъ теперь: *transeuntes flumen*), питающъ лядной, «ни с локѣ ѿ земля в высоту; да тѣ грызуще проідохомъ землю ту, ꙗ больше лядина та бѣла, но паче меду пста (такъ и въ рум. Дос.; лат. текстъ: *herbas candidas et albas, sicut lac, dulces velut mel, altas vero usque ad unum cubitum*) ²⁾; да ту лядену грызуще измѣнихомъ си лица своа». Трѣа приводитъ ихъ къ пещерѣ, отдохнувъ въ которой, они видятъ пдущаго къ нимъ старца, страшнаго видомъ,

¹⁾ Рукописный румынскій текстъ Хожденія, изданный Гастеромъ (I. с. стр. 11), сходенъ съ латинскимъ въ нашемъ эпизодѣ: подобно ему онъ не знаетъ образа вѣтровъ, различныхъ «тварью», и такъ описываетъ церковь: «*Şi partē mănăstirii despre apus era verde, şî de ceealaltă era roşie ca sângele*» и т. д.

²⁾ См. во франц. Хожденіи Александра къ земному раю, Meyer, *Études*, I. с., p. 233: *Si blanche i voit l'erbe com se il fust negie*.

покрытаго съ ногъ до головы бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, служившими ему вмѣсто одежды. Это—*св. Макарій*, который, узнавъ о намѣреніи иноковъ увидѣть, гдѣ «прилежить ꙗко къ земли», такъ поучаетъ ихъ: «чѣмоу милаго, не можетъ члѣвкъ плотанъ ꙗко женьска грѣха родивса того мѣста видѣти, ни тѣхъ чюсъ ни силъ Гѣ бѣ нашего Іса Хѣ. Аз бо грѣшныи мноꙗ скушахса ꙗ плакахса къ бꙗ да бѣ видѣлъ чюда тѣ, ꙗ рече ми англь: Не прогнѣва гѣ бѣ своего, создавшѣ та, ни хтоже можетъ того мѣста дойти. Да ꙗ азъ рекохъ: почто гѣ мои? ꙗ рѣ ми: ꙗко сего мѣста есть поприць .к. ꙗдѣже еста .в. града, единъ желѣзе ꙗ други мѣданъ, да за тѣма градома ран бѣи, ꙗдѣже бѣ .а. е Адамъ съ Евгою на вѣстокъ слѣца за раемъ, да ту ꙗко прилежѣи (рум. Дос. раюль спре рѣсърѣтъ, оунде судихнаште черюль), ꙗ вѣ раа поставилъ естѣ Бѣ хиравами ꙗ сирафими, оружье пламанно в рукаꙗ ꙗмущи стрещи раа ꙗ древа животна. сѣ же та хирави ꙗко ногу до пуна члѣвца, ꙗ перси лвовы, ꙗ глава ꙗною тварью (рум. Дос. капль де змѣ), ꙗ рѣцѣ ꙗко ледани, ꙗ оружье пламанно в рукаꙗ ихъ, вѣ стѣнь градни, да не можетъ ту вѣйти никтоꙗ. сѣ бо ту силы страшныа мнози зѣло ꙗ лкове англьстѣи ту пребѣваю, ꙗ помен ꙗкопи ту сѣ ꙗдѣже почиваетъ ꙗко. Сл. лат. текстъ: De isto, inquit, loco viginti sunt miliaria usque ad paradysum, ubi Adam et Eva in deliciis erant. Posuit denique Dominus ante eundem paradysum cherubim cum ignea rhomphea atque volubili, ad custodiendum vitae lignum; et habet a pedibus usque ad umbilicum similitudinem hominis, pectus sicut pectus leonis, manum sicut crystallum, habens gladium ut servet Paradysum, ne aliquis illuc proximare valeat.

Св. Макарій рассказываетъ инокамъ о томъ, какъ онъ тайно покинулъ жену, съ которой сочетали его родители; какъ пришелъ въ пустыню, руководимый ангеломъ, дикимъ мужемъ, оленемъ и змѣемъ; объ искушеніи, въ которое былъ введенъ коварствомъ дьявола, ꙗ о покаянномъ искусѣ, который онъ положилъ на себя. Побесѣдовавъ съ святымъ, странники собираются въ

обратный путь; два льва, прислуживавшіе св. Макарію, доводятъ ихъ «до темнѣи мѣсть. бѣимъ повелѣньемъ дошедше ѡбрѣтохомъ столпъ и комару александрову». Здѣсь львы покидаютъ ихъ, и они, вступивъ въ Персію и, перейдя Тигръ, находятъ христіанъ.

Такъ кончается легенда, локализованная гдѣ-то въ пустынѣ за Иорданомъ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ римскимъ находится и земной рай, куда онъ напрасно пытался проникнуть. Епифаній Агіополитъ ¹⁾, очевидно, имѣетъ въ виду тѣ-же отношенія, но помѣщаетъ дѣйствіе — въ Африку, на югъ отъ Александріи, разумѣя Макарія египетскаго: *πρὸς νότον τῆς Ἀλεξανδρείας ἡμερῶν ἕξ κείται ὁ ἅγιος Μακάριος ὁ μέγας, ὁ πλησιάσας τὸν παράδεισον.* Въ коптскомъ житіи этого Макарія ²⁾ также рассказывается, что онъ тайкомъ покинулъ жену, съ которой сочтали его родители, и удалился въ пустыню. Далѣе слѣдуетъ такой эпизодъ: среди озера онъ увидѣлъ островъ, переправившись на который встрѣтилъ нагихъ мужей, съ черной и грубой кожей, отросшими волосами и ногтями, такого страшнаго вида, что онъ счелъ ихъ за привидѣнія и молча созерцалъ. Они говорятъ ему, что живутъ въ пустынѣ, не зная ни обители, ни одежды, подобной той, какую видятъ на немъ. Много лѣтъ тому назадъ они пришли сюда, и съ тѣхъ поръ ни одного человѣка, кромѣ него, не видали; видали въ горахъ разныхъ звѣрей и дикихъ людей, которые, однакожь, благодаря Бога, имъ не дѣлаютъ зла. Они всегда ходятъ нагіе, имъ не вредитъ ни лѣтній зной, ни холодъ зимою. Макарій принимаетъ ихъ благословеніе и возвращается вспять.

Тѣ-же образы встрѣтились мнѣ въ коптскомъ рассказѣ о Хожденіи Пафнутія къ пустынножителемъ Египта, IV вѣка ³⁾:

¹⁾ Allatii Συμμιχτι, Colon. Agrippinae 1653, l. I, p. 55.

²⁾ Zoega, Catalogus Codicum Copticorum etc. qui in Museo Borgiano asservantur. Romae 1810, p. 48 слѣд.

³⁾ Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie Égyptiennes et assyriennes, publ. sous la direction de G. Maspero, v. VI, lib. 3—4: Amélineau, Voyage d'un moine Égyptien dans le désert, p. 166 слѣд. (указаніе О. Э. Лемма).

отшельники прикрываютъ свою наготу волосами, свускающимися на тѣло точно грива парда, либо пальмовыми листьями; питаются злаками; ангелы сослужаютъ имъ. Пафнутій остановился отдохнуть у источника и двигается множеству пальмъ, гранатовыхъ, фиговыхъ и другихъ деревьевъ, плоды которыхъ были слаще меда, тогда какъ мирты издавали прелестный запахъ. Кто насадилъ ихъ здѣсь? Пафнутію всё это кажется божьимъ раемъ. Четыре прекрасныхъ юноши, съ овчиной шкурой у пояса, называютъ его по имени, радуются его приходу, рассказываютъ о томъ, какъ они поселились здѣсь. Семь дней пробылъ у нихъ Пафнутій; настала суббота, и юноши велятъ ему приготовиться, ибо ангелъ Господень является къ нимъ совершать литургію (σύναξις), и кто причастится изъ его рукъ, очищенъ будетъ отъ всякія скверны. Пока они говорятъ, разлилось несказанное благоуханіе; всѣ встали и воспѣли славословіе Господу нашему Іисусу Христу; ангелъ является, совершаетъ литургію на хлѣбѣ и винѣ и, благословивъ всѣхъ, паритъ на небо въ лучезарномъ сіяніи. На другой день повторяется то-же, и ангелъ велитъ Пафнутію вернуться назадъ въ Египетъ и повѣдать всѣмъ любящимъ Бога, какъ подобаешь служить ему.

Едва-ли можно усумниться, что сообщенныя намъ легенды о Макаріи Римскомъ и Макаріи Египетскомъ представляютъ лишь двойственное приуроченіе одного и того-же содержанія, подобно тому какъ въ романѣ объ Александрѣ страна чудесъ, имъ посѣщенная, помѣщается то въ Индіи, то въ пустыняхъ Египта.

Что до чудесъ, описанныхъ въ Хожденіи трехъ пиюковъ, то они привнесены въ него изъ Александріи, но получили новую христіанскую и, быть можетъ, ранѣе того, библейско-талмудическую окраску, что притянуло въ составъ разсказа и новыя подробности — по аналогіи.

Сличеніе нашей легенды съ писемомъ Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю у Псевдокаллистопа, LBC, II, с. 31—41 докажетъ это положеніе:

Вступивъ въ Индію, иноки Хожденія встрѣчаютъ прежде всего «*Πεσυ μασυ*»; они живутъ «*μεжу камень гнѣзда сновивше*»; далѣе: *τρειαστοκ*», лат. *Pichiti, Pygmei*. Сл. Pseudo-callisthenes II, с. 31: διελθὼν δὲ τὸν Ἀμόρρου ποταμὸν Ἀλέξανδρος, κόσμον ἄλλον κατέλαβε. Ἄνθρωποι μὲν εὗρεν εὐτελεῖς καὶ λίαν σμικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχυν τε καὶ ἡμισυ (= Pychiti); с. 32: ἄνθρωποι παμμεγέθει; с. 33: ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι; с. 34: μετὰ οὖν ὁδὸν ἡμέρων τριῶν ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; с. 37: κακεῖθεν ἀναχωρήσας Ἀλέξανδρος ἦλθεν εἰς τινα τόπον, ἔνθα ἦσαν ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι.

Иноки вступаютъ въ область *млы*, гдѣ не сіяетъ солнце, водятся страшныя змѣи и гдѣ имъ служатъ руководителями — олень и голубь. Это руководство развито, быть можетъ, изъ болѣе древняго мотива, полузабытаго въ нашемъ текстѣ, какъ увидимъ далѣе¹⁾. Сл. Pseudocall. II, с. 38: τὸν δὲ ἥλιον οὐκέτι ἐθεώρου, ἀλλὰ μαῦρον τὸν ἀέρα ἐπὶ ἡμέρας δέκα.

Голубь выводитъ путниковъ къ *столпу* и *камаръ* съ надписью, что ихъ поставилъ здѣсь *Александръ*, пдя отъ *Халкедона* и побѣдивъ *Персовъ*: «*воевалъ естъ до сего мѣста, се сѣ нарѣтма*»; кто хочетъ выйти на свѣтъ, пусть направится влѣво, а на право будутъ великія горы и озеро, полное змѣй. Иноки идутъ *вправо* (въ нашихъ текстахъ, очевидно, ошибочно: на лѣвую страну): ихъ первая встрѣча — озеро съ змѣями. Таинственный міръ лежитъ по ту сторону Александрова столпа; посѣтивъ его, они снова возвращаются къ нему, къ «темнымъ мѣстамъ». Сл. Pseudocall. II, с. 39 (C): ἐκεῖθεν οὖν πάλιν ὠδευσεν Ἀλέξανδρος μετὰ τοῦ στρατοῦ αὐτοῦ καὶ ἀναχωρήσαντες εἰς τόπον τινα ἐπίπεδον μέσον δὲ τῆς πεδιάδος φάραγξ ἦν διαχωρίζουσα. Ἐκείνην οὖν Ἀλέξανδρος γεφυρώσας ἔγραψεν ἐν αὐτῇ γράμματα Ἑλληνικά καὶ Перσικά καὶ Αἰγυπτιακά: αἱ δὲ γραφαὶ διηγόρευον ταῦτα: «ἐνθάδε Ἀλέξανδρος εἰσελθὼν ἠγειρεν ἀψίδα, ἐν ἣ πανστρατὶ διαβάς,

¹⁾ Сл., впрочемъ, у Плутарха, Alexander с. XXVII, 2 вороновъ, вожатаевъ Александрова войска, сбившагося съ пути (со ссылкой на Каллисена).

ἄκρας θέλων γαίας καταλαβεῖν, ὡς τῆ προνοίᾳ ἔδοξε». Καὶ διὰ τριῶν ἡμερῶν ἦλθεν εἰς τόπους ὅπου ὁ ἥλιος οὐκ ἔλαμπεν. Ἐκεῖ οὖν ἐστὶν ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα». Побывавъ въ странѣ блаженныхъ, Александръ возвращается, Pseudocall. II, гл. 41 (LC): «ὡς δὲ ἔφθασαν εἰς τὴν ἀψίδα τὴν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος, ἔγραψε πάλιν ἐν αὐτῇ οὕτω διὰ γλυφίδος: Οἱ βουλόμενοι εἰσελθεῖν ἐν τῇ τῶν Μακάρων χώρᾳ δεξιᾷ πορευέσθωσαν». Ближе къ фразѣ хожденія надпись въ печатныхъ текстахъ Historia de preliis (пространной редакціи): посѣтивъ палаты солнца и услышавъ вѣщанія солнечнаго и луннаго деревьевъ, Александръ велитъ поставить два мраморныхъ столба и написать на нихъ: «Ego Alexander Philippi Macedonis hanc absidam erexi post confusionem Darii regis Persarum et Pori regis Indorum. Quicumque vult ulterius pertransire, manu sinistra tendat. Qui autem manu dextra processerit, multa inveniet obstacula, que impedient gressum suum»¹⁾.

Слѣдующая далѣе подробность Хожденія, что путники идутъ среди *смада* и къ нимъ доносится «*αἰᾶ*» тако *ἰ* кони *ρῆσιν*» — непонятна безъ сопоставленія съ извѣстнымъ намъ эпизодомъ Pseudocall. C, II, с. 39—40: Александръ вступилъ въ страну блаженныхъ и, не находя пути среди темноты, слѣдуетъ совѣту одного старика: отправиться далѣе, взявъ съ собою кобылицъ либо ослицъ, оставивъ ихъ жеребятъ въ лагерѣ. Это дастъ ему возможность впослѣдствіи выбраться изъ мрака, потому что ржанію кобылицъ отвѣчало такое же ржаніе жеребятъ, опредѣлявшее направленіе обратнаго пути: ἐξῆλθε (Александръ) πρὸς τὴν φωνὴν τῶν θηλείων ἱππων (В. τῶν πώλων καὶ τῶν μητέρων αὐτῶν). Καὶ οὕτως τῆς παννυχίου ἐκείνης ἐξήρσαν γῆς (сл. выше, стр. 221—2, 289—290 прим., 292).

За приключеніемъ съ кобылицами помѣщенъ въ Псевдокаллисоевѣ эпизодъ о безсмертной водѣ. Между тѣмъ и другимъ мы встрѣчаемъ въ Хожденіи нѣсколько новыхъ образовъ, имѣющихъ

¹⁾ Kinzel, Zwei Recensionen etc., стр. 26.

характеръ мытарствъ и интересныхъ для вопроса объ источникахъ сербской Александрии.

Прежде всего — озеро, полное змѣй, терзающихъ грѣшниковъ, въ него вверженныхъ; *велпканъ*, прикованный цѣпями къ горѣ и обвѣтый пламенемъ: жена, стоящая на краю стремнины и обвѣтая змѣей: все это встрѣтилось на пути Александра, лишь въ нѣсколько другомъ порядкѣ (велпканъ, жена, озеро) — въ известномъ намъ эпизодѣ сербской Александрии. Сл. выше стр. 267—8, § 2.

Далѣе путники Хожденія видятъ множество *птицъ* на деревьяхъ, вошявшихъ: «Помилуй насъ Господи, ибо мы согрѣшили паче всей твари». Я полагаю, что такая же подробность находилась и въ подлинникѣ сербской Александрии, судя по греческой (= болгарской) народной книгѣ, отнесшей эту черту позднѣе, въ описаніе острова блаженныхъ: на деревьяхъ сидятъ множество красивыхъ птицъ, которыхъ пѣніе представляло смѣшеніе ликованія и печали. Очевидно, этотъ образъ не идетъ къ острову блаженныхъ, но понятенъ въ связи съ соответствующимъ мѣстомъ Хожденія. Представленіе души птицей известно было древнему Египту, гдѣ обычно ея изображеніе въ видѣ копчика съ человѣческой головой, бородагой или нѣтъ, смотря по полу. То-же представленіе встрѣчается и у Гностиковъ¹⁾, и мы вправѣ спросить себя, не въ томъ-ли же смыслѣ слѣдуетъ понимать у Псевдокаллисоена птицъ съ человѣческими лицами, останавливающихъ Александра на границѣ страны блаженныхъ (сл. выше, стр. 222)? Въ легендѣ Макарія (и соответствующемъ эпизодѣ сербской Александрии) птицы являются именно въ этомъ значеніи, часто встрѣчающимся въ христіанской символикѣ. Укажу лишь на видѣніе св. Антонія Великаго (Migne, Patrol. lat. t. 73, p. 1044 и 1126); Петръ Даміани говоритъ о душахъ,

¹⁾ Leemans, Horapollinis Niloi Hieroglyphica, lib. I, c. VII, p. 8—9 и прим. на стр. 150; Lauth, Horapollon, въ Sitzungsber. d. philos. philol. u. hist. Cl. der K. b. Akad. d. Wiss. zu München, 1876, p. 78; Lepsius, Die Chronologie der Aegypter, стр. 183.

освободившихся отъ чистилищныхъ мукъ и летавшихъ птицамп; св. Патрика онѣ сопровождаютъ стаями, черныя и бѣлыя; въ путешествіи св. Брандана райскія птицы — ангелы, продолжавшіе повиноваться Люциферу, когда онъ отпалъ отъ Господа; не погрѣшившіе гордыней, но и не безгрѣшные, почему они и наказаны менѣе другихъ.

Бранданъ пристаесть къ берегу, на которомъ высплось дерево

491. Itant blanche come marbre,
E les fuiles mult sunt ledes,
De ruge blanc taceledes.
De haltece par vedue
Muntout le arbre sur la nue;
Des le sumet desque en terre
La brancheie mult la serre
E ledement s'estent par l'air,
Umbrajet luin e tolt le clair,
Tute asise de blancs oiseus:
Unches nul hom ne vit tant beus.

На вопросъ Брандана одна изъ птицъ отвѣчаетъ:

520. Angele sumes,
E enz en ceil jadis fumes,
E chaïmes de halt si bas
Od l'orguillus e od le las,
Par superbe que relvelat;
Vers sun seigneur mal s'eslevat.
Cil fut sur nus mis à meistre
De vertuz Deu nus dut paistre;
Purce que fut de grand saveir,
Si nus estout à meistre aveir.
Cil fud mult fels e superbe,
En desdein prist la Deu verbe.
Puis que out ço fait, lui servimes
E cum anceis obedimes:
Pur ço sumes descritet
De cel regne de veritet;
Mais quant iço par nus ne fud,
Tant en avum par nus vertud:

N'avum peine si cum cil
 Qui manerent orguil cum il.
 Mal n'en avum fors sul itant
 La Majested sumes perdant,
 La presence de la glorie
 E devant Deu la baldorie.
 Le nun del leu que tu quesis,
 C'est as oiseus li Parais.

Подъ вечеръ птицы поютъ:

558. Od dulces voices mult halt erient
 E enz en le cant Deu mercient ¹⁾.

Я полагаю, что птицы Хождения не имѣютъ иного значенія, какъ то, какое даетъ имъ легенда о св. Бранданѣ, представляющая и другія интересныя параллели къ разбираемому нами памятнику. Таковы: адскій островъ, полный смрада и пламени и стоновъ грѣшниковъ, откуда демонъ бросаетъ въ путниковъ схваченную имъ въ кузнѣ раскаленную полосу (v. 1198 слѣд.); мученіе Іюды Искаріотскаго (v. 1212 слѣд.; сл. въ Хоженіи, въ описаніи области мытарствъ, прикованнаго ко скалѣ грѣшника); образъ пустынника Павла, напоминающаго Макарія (v. 1538 слѣд.); облако мрака (v. 1648 слѣд.), черезъ которое приходится держать путь къ земному раю, обведенному высокою, возвышающеюся до небесъ стѣною (v. 1670 слѣд.); райскіе камни (v. 1800), которые подаетъ Брандану ангелъ: мотивъ изъ *Iter ad Paradisum*.

Старофранцузскій романъ о Baudouin de Sebourg воспроизвелъ всѣ эти подробности Брандановой легенды, съ мученіемъ Іюды и адскимъ островомъ ²⁾, но въ эпизодѣ о раѣ представляетъ

¹⁾ Fr. Michel, *Les voyages merveilleux de St. Brandan*. Paris 1878. Ст. еще vv. 578—579, 850 и слѣд., 1624 и слѣд.

²⁾ Эпизодъ объ Іюдѣ встрѣчается еще въ продолженіи Huon de Bordeaux; представленіе адскаго острова — въ легендѣ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Антонія, гдѣ цѣлый рядъ подробностей напоминаетъ мотивы Макарьевской. Посланные идутъ, руководимые звѣздою; «*inde vero profecti sunt per aspera et devia montium in plano Ioseu, in quo herbas et poma incredibilis saporis et odoris invenerunt, ac de ipsis accipientes comederunt et Deo*

нѣкоторыя отличія: у его входа сидятъ Энохъ и Илья, которые вводятъ путниковъ, Baudouin и Polibant, въ вертоградъ, полный вѣчно зеленыхъ деревьевъ; между ними одно, черное, какъ уголь: это то, плодомъ котораго согрѣшилъ Адамъ. Илья подаетъ пришельцамъ яблоко: кто отвѣдаетъ его, перейдя 30-лѣтній возрастъ, помолодѣетъ до этихъ лѣтъ, перешедшіе эту пору станутъ дряхлыми стариками. Есть тамъ и птицы, мелодически поющія и другія, въ которыхъ смѣшались представленія о Фениксѣ и Саламандрѣ: въ ткань, сотканную изъ ихъ перьевъ, Папа завертываетъ нерукотворенный образъ Господень. — Птицы — несомнѣнно тѣ-же кающіяся души, яблоко отвѣчаетъ райскому камню, какъ

laudes reddiderunt. Postea iter arripientes devenerunt inter montes altissimos et terribiles ubi non intrat sol nec arbor vel herbae crescunt, sed serpentes, dracones innumerabiles, leones, tigrides, pardos, sorices sicut volpes, aspidos, basiliscos et unicornes invenerunt infinitos et alias innumerabiles feras, quarum nomina sive naturas penitus ignorabant». Путниковъ они не трогаютъ. «Post vero decem et novem dies ipsis euntibus pervenit ad nares eorum pessimus et intolerabilis foetor, de quo sicut mortui proni in terram oraverunt ad Dominum ne tolleret animas eorum. Post haec autem surgentes viderunt lacum magnum et multitudinem serpentum ignitorum. Et ex ipso lacu exivit ululatus et plautus non modicus et vox desuper prorupit dicens: Locus poenarum est iste et iudicii, in quo cruciantur omnes qui Christum perjurando et debitam fidem non servando negaverunt et mandata ejus non custodierunt». — Далѣ посланцы приходятъ къ мѣсту, наполненному деревьями; звѣзда, небесный голосъ, наконецъ чудесная птица указываютъ ихъ, гдѣ похоронены мощи святого: «ecce quaedam avis alba sicut nix rubeam habens rostrum apparuit, stetitque super quamdam arborem, quae facta erat in modum tentorii; et ibi manabat fons irriguus, omnem saporem in se retinens et suavissimus tanquam nectar; et coepit sonare alas suas sicut tintinnabula, quasi diceret et demonstraret ut ibi foderent». — Позднѣе, когда мощи перевозятъ въ Константинополь, путники «viderunt a longe quamdam insulam magnam terribilem et saxosam per totum; et paucas ibi arbores viderunt, et erat plena officinis fabriorum». Слышны были какъ-бы раскаты грома, и весь островъ содрогался отъ грохота молотовъ о наковальни. «Ecce duodecim ex habitatoribus illius insulae veniebant foras ad aliquod opus faciendum. Erant magni decem pedum in altitudine et tenebrosi et ignei». Усмотрѣвъ проѣзжихъ, они зовутъ товарищей, и искорѣ является цѣлая толпа «forcipes portantes in manibus et furcas ferreas cum clavis igneis». Они готовятся съечь путниковъ, но ангель Господень поразилъ ихъ и погрузилъ въ море, такъ что «tota pene aqua combusta est usque ad profundum. Et per totam diem navigantes semper ululatum nimium audiebant» (Analecta Bollandiana, v. II, p. 347 слѣд.).

въ Хожденіи къ земному раю, интерполированному въ нѣкоторые тексты французской Александрии¹⁾, и въ старо-италианскомъ романѣ объ Ugo d'Alvernia²⁾, гдѣ мы встрѣтимъ и эпизодъ о райскихъ птицахъ — падшихъ ангелахъ — и новую иллюстрацію источниковъ сербскаго романа.

Уго приходитъ къ морю, загороженному съ трехъ сторонъ горами; и горы и море въ пламени, изъ смрадныхъ водъ поднимаются страшные вопли и показываются мучимыя души. Это не адъ — туда другой путь, а юдоль мытарствъ: *si è un ramo d'inferno, ma non è di quel fondo, ma è d'una sembianza che n'è in tutto il mondo, massimamente in Sicilia, in verso Bolsena e in altri diversi luoghi*; è questo lato che tu vedi, con molti altri che ne sono, fatti *per dispetto di quegli che piovono dal cielo*. E sappi che una parte di loro n'andarcno in abisso, nel cietro della terra, altri ne rimasono in terra, altri in aria si stanno. — Услышавъ эти объясненія отъ посланца Божія, Уго переносится съ помощью двухъ грифовъ на ту сторону моря, видитъ дьяво-

1) P. Meyer (Études, I. c., p. 217, 234, 246) полагаетъ, что замѣна *глаза* = талмудическій камень) *яблокомъ* принадлежитъ интерполятору, нашедшему первый въ своемъ текстѣ и — въ разсказѣ о Хожденіи, въ которомъ, ради разнообразія, замѣнилъ одинъ образъ другимъ. Но всей вѣроятности онъ руководился при этой замѣнѣ такими-же соображеніями, какъ и авторъ Vauclouin de Sebouge по отношенію къ легендѣ о Бранданѣ; въ легендѣ о св. Евфросинѣ (Прологъ 11 Сентября) разсказывается, что онъ былъ въ раю и принесъ оттуда три яблока. — Мотивъ о ненасытномъ глазѣ — черепѣ, своеобразно разработанный, встрѣчается въ одной болгарской сказкѣ у Шапкарева, Български народни приказки и вѣрованія (Пловдивъ 1885), № 21, стр. 18.

2) Эпизодъ о посѣщеніи ада изъ Storia di Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino былъ списанъ для меня въ 1866—1867 годахъ по рукописямъ Magliab. Palch. II, № 58 и 59, по которымъ весь романъ изданъ недавно трудами Zambrini и Vaschi della Lega (Scelta di Curiosità letterarie, disp. 188 и 190, Bologna, 1882, 2 vv.). Существуютъ двѣ франко-венеціанскія версіи этого памятника; подробный анализъ одной, по рукописи Падуанской семинаріи, сдѣлалъ Crescini (Propugnatore, v. XIII, parte II, p. 44—69); туринскій текстъ разобранъ былъ Графомъ (Giornale di Filologia romanza I, стр. 92 слѣд.) и изданъ недавно Renier въ Scelta di Curiosità letterarie № 194 (Bologna, 1883). Обращаемъ читателя къ подробному предисловію проф. Renier. Слѣдующія въ текстѣ цитаты сдѣланы по изданію Zambrini и Vaschi della Lega, v. II, p. 11—12, 32—34, 36: мой списокъ представляетъ нѣкоторыя разночтенія

ловъ, мучающихъ души Хама, Фараона, Саула и Ирода—и далѣе находитъ трехъ пустышниковъ, изъ которыхъ одинъ оказывается его двоюроднымъ братомъ. Еще юношей онъ покинулъ тайкомъ отеческій домъ, чтобы посѣтить святыя мѣста Рима, Кампостельи и Иерусалима, а затѣмъ поселился съ товарищами въ пещерѣ на горѣ, гдѣ присталъ Ноевъ ковчегъ. Уго и пустышники взбираются на вершину горы и видятъ здѣсь множество звѣрей, сошедшихся мирно на поклоненіе ковчегу: дѣло было въ пятницу — день освященный воспоминаніями о прекращеніи потопа, рожденіи и страданіи Господа. — Разставшись съ пустышниками, Уго идетъ по теченію райской рѣки (Нилъ), проходитъ долины, населенныя львами и слонами, которые его не трогаютъ, и наконецъ встрѣчаетъ долину птицъ: онѣ сидятъ на деревѣ такъ густо, что не видно листвы, покрыли весь лугъ, черныя какъ галки (*mulacchie*); e facevano tra loro sì dolce canto, che era cosa maravigliosa a udire, e dicevano quel Salmo: *Ecce quam bonum et quam jucundum fratres in unum*. Изумленный Уго молить Господа открыть ему тайну этого зрѣлища; одна изъ птицъ объясняетъ ему: *sappi che noi siamo di quelli spiriti che piovenno dal cielo; ma noi non fumo di quella intenzione che sono queglii, che furono condannati da Dio in inferne: chè quando venne il punto della grande ruina, il cielo tutto tremò; allora tutti gli angeli e arcangeli, dominazioni, cherubini, serafini, potestate furono ripieni di paura, quando udirono la voce di Dio; e tutti traboccarono, molti ve ne rimasero nell'aria, molti in terra, gli altri andarono nel profondo, e noi, che siamo qui, fumo di quelli che rimanemo in terra, e non faciano bene nè male; ma pure è nostra intenzione di riavere con Dio qualche accordo del peccato; e per questo ci tiene a questo modo: così in terra e in mare ci stiamo, come l'onde ci menano così andiamo; tutto di peschiamo, e nulla possiamo prendere, e a questo modo portiamo pena del nostro peccato. Bene è vero che un dì della settimana noi restiamo di fatiche, e questo è la domenica, e non abbiamo [travaglio] quando usciamo dal mare in questo luogo, ed è para-*

diso nostro. E così staremo qui oggi e stanotte, e domane, quando il giorno schiarirà, ci partiremo e sosterremo quello che è a noi destinato; e allora si raddoppiano le pene nostre, come è laude di Dio.

Птицы провожаютъ нѣкоторое время Уго, передъ которымъ Нилъ вскорѣ закрылся темнымъ облакомъ: trovò una nuvola come tenebre scura. ed era come un muro, e alta e tagliata insino all'aria, e divideva la luce. Qui Ugo vidde dappresso uno pilastro di muro, dov'erano lettere intagliate, che dicevono: Uomo, che vai per questa parte, non passare davante, se tu non sei pieno di fede e dirittura e fuori di peccato; e se altro fai, caro ti costerà. — Приготовивъ себя молитвой и покаяніемъ, Уго пускается въ путь, и послѣ трехдневнаго блужданія во мракѣ выѣзжаетъ на прелестный, цвѣтущій лугъ: обѣтованную землю (terra santa di promessa), гдѣ жилъ Адамъ до грѣхопаденія. Путь идетъ снова вдоль по Нилу, на гору, гдѣ Уго, напившись воды и поѣвши злаковъ, засыпаетъ; проснувшись, онъ чувствуетъ себя здоровымъ, легкимъ, какъ перушко, и видитъ передъ собою двухъ цвѣтущихъ старцевъ: Илью и Эноха, которые даютъ ему три драгоценныхъ райскихъ плода и указываютъ дальнѣйшій путь, слять-же черезъ область мрака, окружающаго земной рай.

Въ Хожденіи нашихъ иноковъ, за эпизодомъ о птицахъ, слѣдуетъ также встрѣча съ четырьмя вооруженными вѣнчанными мужами, по ихъ значеніе другое: они не обитатели рая, а стоятъ стражами на границѣ, гдѣ кончается юдоль мученій и открывается путь въ другую: онъ идетъ среди пѣнія и благоуханій, которыя наводятъ на путниковъ сонъ; очнувшись, они видятъ большую, точно хрустальную церковь, изъ которой струится источникъ, въ немъ вода бѣлая «*такъ молоко*»; вокругъ стоятъ мужи, поющіе ангельскую пѣснь: «*се есть источникъ безсмертенъ*»; отъ той воды уста путниковъ слышатся точно отъ меду, такъ она сладка.

Послѣ долгаго эпизода, удалившаго насъ отъ маршрута Александріи, мы снова возвращаемся къ нему — и къ той же

главѣ романа — потому что безсмертный петочникъ Хождения представляется миѣ лишь христіанскою перелицевкой другаго: *πηγή διαφυγῆς, ἣς τὸ ὕδωρ ἤστραπτεν ὡς ἀστραπή· ἦν δὲ ὁ ἄψρ ἐκεῖνος εὐώδης καὶ πάνυ γλυκύτατος*; мертвая рыба, опущенная въ него, оживаетъ (Pseudocall. II, LBC, с. 39), поваръ Александра и Кала, побочная дочь царя, напившись той воды, становятся *безсмертными*: она — перендой, онъ — морскимъ демономъ (I. с. LC, с. 41). Сладость воды напоминаетъ и гл. 42: *τὸ δὲ ὕδωρ ἐκεῖνος (озера) μέλιτος ἀνθρώμου ἦν*.

Слѣдующее затѣмъ описаніе великой рѣки, необычнаго свѣта, надъ нею разлѣтаго, солнца болѣе теплаго, горъ и деревьевъ болѣе высокихъ, чѣмъ на землѣ и т. д. — отзывается общими мѣстами, служащими къ поэтическому описанію Эдема. Станный образъ разноцвѣтныхъ вѣтровъ встрѣчается и въ житіи Андрея Юродиваго, въ описаніи рая, представившагося во снѣ святому. На эту параллель указывали уже другіе¹⁾: подулъ благоуханный вѣтеръ, какъ бы отъ кадцла, которымъ ангелы кадятъ на небеси передъ престоломъ Божиимъ; послѣ этого подулъ другой духъ, дыханіе его было какъ дымъ. видъ же его бѣлъ какъ снѣгъ.... Потомъ возсталъ отъ сѣвера еще вѣтеръ, «болій и чермень видѣніемъ, а зарями якоже солнцу зашедшую»; деревья начали колебаться тихо, какъ волны, испуская благоуханіе.... Пересталъ этотъ третій духъ, и настала великая тишина.... внезапно началъ отъ узкія (оульска) страны краснообразнаго онаго лика дыхати духъ, издавая ирекрасное благоуханіе. Садъ колебался и испускалъ благоуханіе мосхоса.... Умолчалъ четвертый духъ, и сады не двигались. — Въ латинскомъ текстѣ Хождения тѣ же цвѣта при-мѣнены не къ вѣтрамъ, а къ чудесной церкви.

До сихъ поръ интересъ разсказа возрасталъ, хотя и не равномерно, въ одномъ направленіи: чувствовалось приближеніе къ земному раю. Паденіе какихъ-то малорослыхъ людей на путниковъ является въ этой связи страннымъ диссонансомъ, тѣмъ

¹⁾ Сахаровъ, Декалогическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 221, 225 и стр. 223 прим. 1.

болѣе, что тогдашъ послѣ того они обрѣтають — *Макарія*, то-есть, *блаженнаго, нагого*, одѣтаго лишь своими волосами, то-есть, *нагомудреца*¹⁾. Отъ него *земной рай* всего въ 20-ти поприщахъ: онъ за *железной и мѣдной оградой* (въ лат. текстѣ этой подробности нѣтъ), охраняется херувимами и серафимами, и ни одинъ смертный не можетъ его видѣть. — Мы все еще на почвѣ Александрии, по ту сторону надписи, которую поставилъ Александръ: въ *странѣ блаженныхъ, ἡ καλουμένη Μακάρων χώρα*.

Предложенный разборъ даетъ намъ право на нѣсколько выводовъ.

1. Авторъ Хожденія трехъ иноковъ, Сергiя, Теофила и Игния воспользовался какимъ нибудь христіанизованнымъ пересказомъ Посланiя Александра къ Олимпiадѣ и Аристотелю (Pseudocall. II, гл. 31 — 41), и именно разсказомъ о Хожденiи въ страну блаженныхъ, τῶν Μακάρων, съ которыми сблизилъ по тѣпу и имени пустынножителя св. Макарія.

2. Редакторъ сербской Александрии (и ея греческаго поддпнника) воспользовался для своего эпизода о нагомудрецахъ:

а) сказанiемъ о нагомудрецахъ, какъ народѣ царя Ираклiя;

б) какимъ нибудь сказанiемъ, сходнымъ по тѣпу съ тѣмъ, которое было въ рукахъ и у автора Хожденiя, судя по слѣдующему совпадению плана:

¹⁾ *Малорослы* люди въ сосѣдствѣ съ Макаріемъ, одѣтымъ *одними лишь волосами*, напоминаютъ индiйскихъ пигмеевъ у Ктезиа, въ отрывкѣ Συλλογή τῆς περὶ ζῳίων ιστορίας, собранной по порученiю Константина Багрянороднаго. Пигмен (οἱ δὲ πλείστοι πήχεος ἑνὸς καὶ ἡμίσεος) ἕως μὲν οὖν ἂν ᾧσι καὶ δεσ μικροί, ζύλινα ἱμάτια φοροῦσι, выросши, одѣваются своими волосами: κόμην ἔχουσι μικροτάτην μέχρι ἐπὶ τὰ γόνατα καὶ ἔτι κατωτέρω καὶ πόγωνα μέγιστον πάντων ἀνθρώπων, ὥστε ἔλκεσθαί φασιν αὐτοὺς πρὸς τοῖς ποσίν, ὡς μικρῶν ὄντων, τοὺς πόγωνας, ἐξόπισθεν δὲ τὴν κόμην εἶναι πολὺ κάτωθεν τῶν γονάτων. ἐπειδὴν γοῦν τὸν πόγωνα μέγαν φύσωσιν, οὐκέτι ἀμφιέννυνται οὐδὲν ἱμάτιον, ἀλλὰ τὰς τρίχας τὰς μὲν τῆς κεφαλῆς ὀπισθεν καθιένται, τὰς δὲ ἐκ τοῦ πόγωνος ἔμπροσθεν: ἔπειτα περιτυχασάμενοι τὰς τρίχας περὶ πᾶν τὸ σῶμα ζώννυνται, καὶ οὕτως ἀνδ' ἱματίου ταῖς θριξίν ἀπέχονται. Сл. у Ламвра, Ἱστορικὰ μελετήματα (1884), стр. 63—4.

Сербск. Александрія.

Хожденіе.

α) великанъ, прикованный къ горѣ	α) озеро съ змѣями
β) женщина, прикованная къ горѣ	β) великанъ, прикованный къ горѣ
γ) озеро съ змѣями	γ) женщина, привязанная на краю
стремнины
δ) (райскія птицы)	δ) птицы, какъ образъ мытарствъ
ε) нагомудрецы, потомки Снеа	ε) нагомудрецъ Макарій
ζ) земной рай, обведенный непри-
ступной стѣпою.	ζ) земной рай, неприступный за
желѣзной и мѣдной оградой.

с) эпизодомъ Псевдокаллистоена, либо Палладіевою статьей о брахманахъ, ихъ начальникъ Дандамин и женахъ на другомъ островѣ. Этотъ эпизодъ былъ, какъ мы видѣли, неловко введенъ въ составъ Вэ, что произвело издавна запутанность въ изложеніи, встрѣчающуюся какъ въ старыхъ текстахъ сербской Александріи, такъ и въ новогреческой народной книгѣ (сл. выше, стр. 271 — 3).

Интересна въ разобранномъ эпизодѣ сербской Александріи и Макаріева житія послѣдовательность *мытарствъ и земнаго рая*: это послѣдовательность Данте, помѣщающаго земной рай на вершинѣ горы честилица. У Псевдокаллистоена, въ *посланіи Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю*, которое мы не разъ привлекали къ сравненію (сл. выше, стр. 219 слѣд.), путь идетъ сначала среди чудовищъ и диковинныхъ народовъ — къ странѣ блаженныхъ съ ея источникомъ безсмертія, пока вѣщія птицы съ человѣкоподобными лицами не останавливаютъ завоевателя (С, II, с. 40; сл. Новаковичъ, кн. II, гл. 30). Въ *письмѣ къ Олимпіадѣ* (Pseudocallisthenes III, с. 27—29), представляющемся мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ дублетомъ къ предъидущему, Александръ сообщаетъ о томъ, что посѣтивъ страну кинкефаловъ, безголовыхъ, шестипукихъ и т. п. людей и чудныхъ звѣрей, онъ присталъ къ острову «солнечнаго града»: *πύργοι δὲ ἦσαν δώδεκα χρυσίῳ καὶ σμαράγδῳ φερόμενοι. Καὶ τὸ τεῖχος τῆς πόλεως ἦν ἐκ λίθων Ἰνδικῶν. ἦς καὶ τὸ περίμετρον ἦν ὡσεὶ σταδίων ἑκατὸν εἴκοσι*; среди драгоцѣнный жертвенникъ съ изображеніемъ колесницы и возницы; *ἰδεῖν δὲ αὐτὰ οὐκ*

ἦν ῥάδιον διὰ τὴν ὁμίχλην. — Эѳіопскій жрецъ солнца велитъ путникамъ удалиться отъ того мѣста; они идутъ далѣе во мракѣ и приходятъ къ Низейской полянѣ (по эмендаціи Цахера вм. Λύσου λιμένα), гдѣ на высокой горѣ «εἶδον οἰκίας καλὰς χρυσοῦ καὶ ἀργύρου γεμούσας· εἶδον δὲ καὶ περίβολον μέγαν ἐκ λίθου σαπφείρου, ἔχοντα ἀναβαθμοὺς ῥύ καὶ ἄνωθεν ἱερὸν στρογγύλον ἔχον στύλους ζ' σαπφείρου καὶ ἀναβαθμοὺς ῥ'»; посреди храма на золотомъ ложѣ лежитъ мужъ въ шелковомъ одѣяніи, съ закрытымъ лицомъ; чудесный камень самосвѣтъ разливаеъ повсюду сіяніе; изъ золотой клѣтки птица вѣщаеъ человѣческимъ голосомъ: «Ἀλέξανδρε, παῦσαι λοιπὸν τῷ θεῷ ἀντιτασσόμενος, καὶ ὑπόστρεφε εἰς τὰ ἴδια μέλαθρα καὶ μὴ προπετεύου ἀναβαίνειν εἰς οὐρανίους ἑδούς».

Historia de preliis краткаго состава ¹⁾ воспроизводитъ встрѣчи Александра изъ посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Pseudocall. C, II, с. 32—3, 36, 38): homines agrestes, homo pilosus, деревья, растущія съ солнцемъ, птицы, испускающія огонь (сл. выше, стр. 220—1); затѣмъ «arbor, quae non habebat fructum neque folia et sedebat super avis, quae habebat super caput suum lucentes radios sicut sol, quae vocabatur Phenix» ²⁾. Слѣдуетъ, согласно съ письмомъ къ Олимпіадѣ, Pseudocall. C, III, 28, видѣніе чудеснаго дворца съ лежащимъ въ немъ таинственнымъ мужемъ. — Тексты *Hist. de preliis* пространной редакціи присоединяютъ къ этому и вѣщаніе деревьевъ солнца и луны (Pseudocall. AB, III, 17; C у Müller'a, стр. 123; сл. выше, стр. 223—4), слѣдуя «*Epistola Alexandri Magni Macedonis ad Aristotelem magistrum suum*». Въ этой статьѣ,

¹⁾ Landgraf, p. 110 слѣд.

²⁾ Это сухое дерево перешло изъ *Hist. de preliis* въ европейскія Александріи и подъ ихъ вліяніемъ локализовано у Марко Поло въ мѣстности, гдѣ по рассказамъ произошла нѣкогда битва Александра съ Даріемъ. См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 323 слѣд.; сл. стр. 323—4, прим. 2. — О птицѣ на вершинѣ сухого райскаго дерева см. Разысканія, IV, стр. 63 слѣд.

распространенной въ рукописяхъ съ IX-го вѣка ¹⁾), эпизодъ о деревьяхъ солнца и луны развитъ особыми подробностями ²⁾): путь къ нимъ идетъ среди змѣй и дикихъ звѣрей; индійцы, мужчины и женщины, которыхъ видитъ Александръ и его спутники, одѣты въ шкуры, ихъ жрецъ «habebat nigrum corpus, dentes caninos, aures illius perforate erant et pendebant ibi gemme.... Cepimus perambulare ipsam silvam, que erat inclusa intra maius edificium parietum, vidimus largissime currere opobalsamum de ramusculis arborum». Александръ дивится высотѣ деревьевъ, а жрецъ объясняетъ ему, quod nunquam in ipsa loca plueret, sed neque fera neque avis, neque serpens in ipsos terminos intrant, quia antiquitus a maioribus indorum locus ipse consecratus esset soli et lune. Volui ibi immolare victimas, sed non dimisit me ipse sacerdos, dicens non licere in ipso loco aut incensum de libano facere, aut quaecumque animal occidere». Самого его Александръ видитъ въ такомъ положеніи: involutus pellibus jacebat, et erat ante illum posita magna gleba de libano in tabula ebena que illi de cena remanserat, et ibi positus culter, nam ere et ferro et plumbo et argento et auro abundat. Opobalsamum et libanum manducant et bibunt aquam que de vicino monte exit».

Это напоминаетъ Дандамія Палладіевої статьи, Эванта у сыновъ Сноа и блаженныхъ Рехавитовъ.

Я съ умысломъ остановился на этихъ подробностяхъ, интересныхъ для исторіи христіанскихъ передѣлокъ Александріи, въ которыхъ чудовищные народы и звѣри обращались въ фантазмагорію мытарствъ, страна блаженныхъ приготовляла видѣнія рая и па-ново примѣнялись — вѣщія птицы, видѣнія солнечнаго града и драгоценныя палаты Низейской поляны.

Въ связи съ этимъ стоитъ мое предложенное выше (стр. 228, § 5; сл. стр. 265) сравненіе эпизода о пагомудрецахъ сербской Александріи съ §§ 5—7 нашей схемы Pseudocall. C: брахманы (II, 35), въ соедѣствѣ со статуями Геракла (с. 34), очутились

¹⁾ Zacher, Pseudocallisthenes, p. 106.

²⁾ Zingerle, l. c., p. 42—4.

нагомудрецами Иракля, приключенія с. 36—7 далѣе матеріалъ для чистилищныхъ видѣній; таинственный островъ, съ котораго слышатся какіе-то голоса (с. 38), отвѣтилъ-бы обители потомковъ Сяоа: за ними начинается страна блаженства (с. 39) — Эдемъ. — Въ пространной редакціи Hist. de Prel. Александръ посѣщаетъ Оксидраковъ или *Гимносифитовъ* (Zing. 214), направляется отъ нихъ къ статуямъ Иракля (ib. 216) и лишь послѣ ряда приключеній приходитъ къ брахманамъ (ib. 220); далѣе (ib. 236) примыкаютъ описанныя выше встрѣчи и хожденіе къ деревьямъ солнца и луны. — Краткая редакція относитъ статуи Иракля въ другое мѣсто (= Pseudocall. AV, III, 27) и не знаетъ дублета Оксидраковъ и Брахмановъ. И на этотъ разъ пространнѣйшій текстъ далъ намъ параллели къ особенностямъ сербскаго романа: Оксидраки вблизи статуй Иракля — народъ Иракля, Брахманы съ Дандамомъ отвѣчаютъ сынамъ Сяоа и Эванту — эпизоду, разработанному, какъ мы видѣли (сл. выше, стр. 276—7), по плану Палладіевой повѣсти.

VII.

ГЕРМІЙ — ІЕРЕМІЯ ВЪ СЕРБСКОЙ АЛЕКСАНДРИИ.

Говоря выше о христіанскихъ передѣлкахъ Александрова романа, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Александрію сербскую. Какъ совершались эти передѣлки, приурочивавшія старыя имена и отношенія къ новому пониманію, — это покажетъ для нашего памятника эпизодъ объ Іереміи, который мы нарочно выдѣлили изъ общей связи разсказа, чтобы сосредоточить на немъ особое вниманіе.

Имя Іереміи было популярно въ переводной литературѣ апокрифовъ, на примѣръ, изъ Повѣсти о Плѣненіи Іерусалма¹⁾, въ талмудическихъ источникахъ которой я не встрѣчалъ до сихъ поръ поэтическаго эпизода о семидесятилѣтнемъ снѣ Варуха и Авимелеха²⁾: легенды, становящейся въ рядъ многихъ другихъ разсказовъ о вѣковомъ усненіи³⁾. Сказаніе объ Іереміи, о Реха-

¹⁾ Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. лит., I, стр. 273 и слѣд.; А. Поповъ, Описаніе рукописей и т. д. А. Н. Хлудова, стр. 406 слѣд. (по торжественнику XIV вѣка); отрывки болѣе древняго текста у Срезневскаго, Пам. юсоваго письма, стр. 185—186, подъ ошибочнымъ заглавіемъ: «Сказаніе Іоанна Богослова».

²⁾ Къ легендамъ о вѣковомъ усненіи сл. мой отчетъ о книгѣ Koch'a, Die Siebenzschläferlegende, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883, Ноябрь, стр. 152 слѣд.

³⁾ Sl. Wünsche, Bibl. rabb. Lief. XIX, стр. 158 и слѣд.; XIII, стр. 21 и слѣд.; XIV, стр. 106; Ehrmann, l. c., стр. 19—20, № 16; Gaster, Literatura

вптахъ-рахманахъ могло сблизить имя Іереміи съ содержаніемъ Александріи: этимъ скорѣе, чѣмъ замѣной созвучныхъ именъ, можно было бы объяснить себѣ пророка Іеремію, играющаго такую роль въ ея сербской рецензій и, вѣроятно, въ ея подлинникѣ.

Имя Іеремія есть, такъ-сказать, показатель этой рецензій; въ немъ образно выразились библейско-христіанскія идеи, пропн-

populara romană, стр. 340 и слѣд.: *Deramarea Ierusalimului și legenda prorocului Ieremia*; его-же: *Beiträge zur vergleichenden Sagen- und Märchenkunde* (Bukarest, 1883), с. XI, р. 79 и слѣд. Въ славянскомъ текстѣ (по Хлудовскому списку), рассказывается, что предвидя взятіе Іерусалима, Іеремія молилъ Господа объ Авимелехѣ: «не хочу да вѣтъ и́счезновенны грѣ и́ запоустѣниѣ ѿго. нѣ да помлюжши и́ да не скръбѣтъ. И́ рече гь і́ереміи. послѣ и́ въ виноградѣ агришповѣ. и́ покрыо и́ азъ стѣнемъ гѣры. дондѣже възрацоу люѣ въ грѣ». Такъ Іеремія и поступаетъ: войдя съ Варухомъ въ алтарь оный, по повелѣнію Господа, предаетъ землѣ сосуды служебныя, «и́ а́биѣ пожрѣтъ ѿ земли»; а на утро посылаетъ Авимелеха въ село Агришпово принести смоквъ недужнымъ людямъ. Халдѣи уводятъ Іеремію въ Вавилонъ вмѣстѣ съ другими плѣнниками; Варухъ-же «и́зыде и́зъ грѣ плачесе . . . и́ прѣбѣ въ грѣбѣ. аггѣломъ приходещимъ и́ повѣдающимъ ѿмоу ѿ всеѣ ѿже възвѣсти ѿмоу и́ми. Авимелехъ же и́зъ принесе смоквы въ зной. и́ доиѣ дрѣва елиного. сѣде подѣ сѣниѣ ѿго почити мало. и́ прѣклонь главоу свою подѣ кошемъ смоквъѣ оуспе. и́ сотвори снѣ ѿзъ лѣтъ. . . . И́ посемъ въставь ѿ сѣна . . . и́ ѿкрывъ коны смоквъѣ, ѿбрѣте ѿ смоквъѣ млѣко каплюще» (Хлуд. стр. 408; Тихонравовъ, I. с., стр. 277 и слѣд.). Мусульманскіе писатели рассказываютъ нѣчто подобное о Іереміи, котораго отождествляютъ съ Эздрой — *Ozaïr*: будто бы, отведенный въ Вавилонъ Навуходносоромъ и чудеснымъ образомъ освобожденный изъ плѣна, онъ остановился не вдалекѣ отъ разрушеннаго тогда Іерусалима, въ деревнѣ *Diar-ânaïv* (мѣсто виноградника), гдѣ нашелъ смоквицы и лозы, отягченныя плодами, которыхъ набралъ. Изъ этой мѣстности ему видны были развалины города и храма; сѣтуя объ ихъ участи, онъ часто помышлялъ, что имъ никогда не подняться. Тогда Господь навелъ на него вѣковой сонъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя по смерти Навуходносора, Персидскій царь *Пошекъ* велѣлъ возстановить Іерусалимъ и его храмъ, и когда это было исполнено по прошествіи тридцати лѣтъ, Господь воскресилъ и Эздру, которому сто лѣтъ показались однимъ днемъ. — Замѣтимъ, что мусульманское преданіе, согласно съ нашимъ апокрифомъ, заставляетъ Іеремію умереть въ Іерусалимѣ. Сл. *D'Herbelot, Bibliothèque orientale*, а. v. *Irmia* и *Ozaïr*. Осодосій указываетъ на «*lucum filiorum Ammon, ubi dormivit Abimelech annis quadraginta sex*». Т. *Tobler et J. Molinier, Itinera Hierosolymitana*, р. 67; сл. еще нашего Зосиму (Чтен. въ Об. Ист. и Древн. 1871, кн. I, стр. 27), *Хожденіе архимандрита Гречесня* (Русск. Филолог. Вѣсти. 1885, № I, стр. 27 и прим. 3) и др.

кающія какъ западные пересказы стараго романа, такъ въ особенности нашъ текстъ, съ его частыми ссылками на Соломона, упоминаніемъ Бога-Саваооа и апокалипсическимъ (или народнымъ?) образомъ воиновъ-косцевъ (Апок. XIV, 14 слѣд.; сл. выше, стр. 181 и 185). Если я не ошибаюсь именно этотъ синкретизмъ и дѣлаетъ для насъ такъ привлекательнымъ типъ средневѣковаго Александра: типъ героя въ цвѣтѣ силъ и стремлений, не знающаго границъ тому и другому, тогда какъ рядомъ неустанно слышится одна и та-же грустная нота, звучащая и въ размышленіяхъ мудрецовъ, сошедшихся надъ гробницей Александра ¹⁾, и въ вступленіи Альбериховой Александриі: что все въ жизни суета суетъ.

Dit Salomon al premier pas
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Прослѣдимъ появленіе Іереміа въ нашемъ текстѣ.

Мы видѣли, что сербская рецензія, опирающаяся на редакцію Псевдокаллистоена особаго тина, помѣстила эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (и Египта) до пораженія Дарія (сл. выше стр. 224, 233—4). Этотъ распорядокъ, свойственный не одному лишь сербскому изводу, обусловленъ, быть можетъ, библейскимъ освѣщеніемъ старой легенды, которое редакторъ усилилъ, представивъ Іереміа роковую роль въ своемъ романѣ.

Онъ начинается такимъ образомъ: «Бысть великои божіеи прѣмудрости създавши храмъ себѣ и седмими сего оутврьдивши стълпы, въ петотысоуштное же лѣто сего стоунія, и царствоуюштоу великаго Рима Таркинню царю, начелствоуюштоу же иשראלъскымъ людемъ, еувренскому господьствоу, *Годае архіереоу*

¹⁾ Сл. Нравственныя изреченія философовъ Нонеиа бенъ Ішак'а († около 873 г.) у Stern'a, Zur Alexander-Sage (Wien, 1861), стр. 25—8, ихъ старопенанскій переводъ (El libro de los buenos proverbios) у Knust'a, Mittheilungen aus dem Eskurial, стр. 56—58 и тамъ-же Vocados de Oro. стр. 301—3. съ прим. о на стр. 303—5.

(далее: Иуда) и *Иеремію пророкою*, господствующему же в восточнымъ странамъ Дарію сыноу Куроусовоу» и т. д. (сл. выше, стр. 135). Въ вѣнскомъ текстѣ упоминается въ Иерусалимѣ лишь *κθθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεὺς* (W, стр. 1).

Филлиппъ былъ на войнѣ, когда родился Александръ. Объ этомъ событіи онъ извѣщенъ во снѣ явленіемъ бога Аммона; въ одномъ вариантѣ сербскаго текста вмѣсто него названъ «Еремія пророкъ» (сл. выше, стр. 147).

О мирномъ пришествіи Александра въ Иерусалимъ и его бесѣдахъ съ іереями коротко говоритъ Pseudocall. С, II, с. 24. Иначе сербскій текстъ: въ Иерусалимѣ обладаютъ еврейскими сомищами пророкъ *Иеремія* и іерей именемъ Иуда, вар. Иода (Нов. стр. 46); у Jag. I. с. стр. 254 одинъ Иеремія; въ одной болгарской рецензіи нашего текста, описанной Ягичемъ (Opisi i izvodi I, стр. 24): Иода; въ вѣнскомъ текстѣ (W, стр. 43) и греческой народной книгѣ р. 67: *ὁ προφήτης Ἱερεμίας*: болгарская народная книга: Архіепскоу пророкъ Иереміи, р. 54; рум. нар. кн., стр. 33: то-же. — Вѣстники Евреевъ говорятъ Александру, что они подручны Дарію, и ему не войдти въ городъ, пока онъ не побѣдитъ ихъ властителя; Александръ отвѣчаетъ, что не пойдетъ на него, не поклонившись великому въ Иерусалимѣ, и обѣщаетъ освобожденіе отъ персидскаго яга. Иеремія также указываетъ своимъ на Александра, какъ на грядущаго освободителя и, явившись ему во снѣ въ одеждѣ Аарона, побуждаетъ его: «иди въ Иеросалимъ, и тоу, поклонивъ се великому Богу Саваооу, на Даріа иди, и сего побѣдивъ, Персомъ господишь наречешь се» (Нов. стр. 48; сл. W, стр. 44 и греч. нар. кн., стр. 69: *ὄναρον Ἀλεξάνδρου*). Вступивъ въ Иерусалимъ и исповѣдавъ великаго Бога, Александръ отправляется въ Египетъ; Иеремія провожаетъ его до полудня, открываетъ ему пророчества Данила и говоритъ: «помощь Бога Саваооа призваи, и силу пер'скоу побѣдши, и вративъ се, Иегун'тъ приимъши и Фора великаго оубиши . . . , и всемоу отъ востока и до запада царь наречешь се,

и кгда сіа вса съвршыши, тогда близоу рата доидеши, и тоу чловѣкы найдеши, пже не живоуть дебелостноу пльтьскою обрѣменѣни, такоже мыи, нь мир'но нѣкако живоуть, близъ бо аггельскаго житіа соуть. Сіа блажени нарекоуть се отъ Бога» (Нов. стр. 49; сл. W, стр. 45—6; греч. нар. кн., стр. 71). Іеремія просить Александра принять дары отъ Іерусалимлянъ: «и повелѣ Іеремія принести камень лих'нитарь, на немъ же бѣ писан'но име Господа Бога Саваоѳа, кгоже на хел'мѣ ношаше Ісоусъ Наввовъ, кгда на бои исхождааше на иноплемен'ники, и повеле принести мечь Голиата иноплемен'ника, кгоже оуби на рати Давидъ, царь іеврѣиский, и повелѣ принести хел'мъ крѣп'каго Сам'соона съ змѣквп ноут'и, и копіе Сам'соново адаман'тово, кмоуже не стошаше ни кдино ороужіе, и принесоше кмоу щитъ отъ акін'та гвоздіа. кмоуже не можетъ коснути се ни кдино железо, коп бѣше билъ Анаѳана, сына Саоулова» (Нов. II, стр. 49—50; сл. W, стр. 46, греч. нар. кн. 71—72). Прпведу по вѣнскоіи рукописи перечень подарковъ, поднесенныхъ Александру: ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμένον τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτὸ το λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα τοῦ ὁ υἱὸς τοῦ Ναυῆ (греч. нар. кн. ὁ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ), ὅταν ὑπάγαине νὰ πολемίσση με ἀλλόφυλα ἔθνη ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθὶ τοῦ Γολιάθ τοῦ Ἑλλήνος¹⁾, ὅπου τὸν ἐτρόπωσεν ὁ Δαβὶδ τῶν Ἑβραίων. ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διχαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμφῶν με τὸν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κολλημένη (греч. нар. кн.: με τῶν ὀφιδίων τὰ ὀνύχια κοσμημένη; сл. 164: με τῆς ἀσπίδος τὸ πετρεῖ κολλημέναις); ἤφεραν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμφῶ, ἀδαμάντινον το ξίφος, ὅπου κανένα σίδηρο οὐδὲν ἤμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσῃ: καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερέϊνον ἀπὸ ἀνικον («отъ акін'та?»), ὅπου ἄλλον σίδηρον οὐδὲν τὸ ἐπέрна, ὅπου εἶχεν γένη τοῦ Γίωπανθάνου τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαούλ τοῦ βασιλέως.

¹⁾ Болг. нар. кн. р. 58: Голіаѳъ эллинскій — буквальный переводъ съ новогреческаго, гдѣ Эллинъ означаетъ вообще богатыря и въ этомъ смыслѣ является въ одной трапезунтскоіи пѣснѣ эпитетомъ царя Константина. Сл. мол Южно-русскія былины, вып. 2-й, стр. 261—264.

Таковы первыя упоминанія Іереміи въ Сербской Александріи: онъ вступилъ въ права первосвященника Іаддуа у Іосифа Флавія (XI, 8)¹⁾, разсказъ котораго о посѣщеніи Іерусалима Александромъ несомнѣнно послужилъ источникомъ для соотвѣтствующаго эпизода нашего текста, какъ и для другаго пересказа Псевдокаллисоена въ архивскомъ спискѣ и эллинскомъ лѣтописцѣ. — Сербскій текстъ несомнѣнно сохранилъ память о Іаддуа — въ іереѣ Іодаѣ-Іодѣ-Іюдѣ, являющемся рядомъ съ Іереміей; *Historia de preliis* пространной редакціи (Zing. стр. 151) удержала имя Iaddus; Адоусъ, Авдоусъ въ старослав. переводѣ Амартола (А. Поповъ, Хронографы, I, стр. 39). — Какъ Евреи не хотятъ впустить Александра въ Іерусалимъ изъ боязни Дарія, такъ у Pseudocall. I, 43 Абдериты, а въ Vocados de ого жптели Quila²⁾.

Въ книгѣ II гл. 6 сербскаго текста Іеремія является во снѣ Александру и ободряетъ его къ битвѣ противъ Дарія: носи на головѣ камень съ именемъ великаго Бога Саваоа, который я далъ тебѣ въ Іерусалимѣ, и призывая Господне имя, иди въ бой: ты побѣдишь. Нов. стр. 57; сл. W, стр. 50, греческ. нар. кн. стр. 81—82 = болг. нар. кн. стр. 67 и выше стр. 241, 252.

Соотвѣтствія этому эпизоду у Псевдокаллисоена я не встрѣтилъ, но для II, с. 13 оно есть, и чрезвычайно характерное: у Псевдокаллисоена Аммонъ, явившись Александру во снѣ въ образѣ *Гермія* (ἐν σὺννεματι Ἑρμῆος; въ Hist. de prel. краткой ред.: in forma Hermi, Landgraf, стр. 87; въ пространномъ текстѣ у Zing. стр. 183: in figura Mercurii), велитъ ему самому отправиться къ Дарію въ качествѣ своего собственнаго посла; Александръ идетъ, взявъ съ собою сатрапа. именемъ Эвмила или *Эрмила*. Въ сербскомъ текстѣ (Нов. стр. 63; сл. выше,

¹⁾ Другіе разсказы о посѣщеніи Александромъ Іерусалима (въ вавилонскомъ Талмудѣ, у Іосифона и Абульфараджа) см. у Henrichsen, Das Verhältniss der Juden zu Alexander dem Grossen, Theolog. Studien und Kritiken. 1871. стр. 473—478.

²⁾ Сл. Knust, l. c. p. 286. 438—439.

стр. 244 и 254) это передано такъ: «*Alexandroу же въ тоу ноитъ пви се пророкъ кермія съ философомъ Иеросалимскимъ*»; вар.: с Пиникем, Финсеемъ; рум. сп. 175: съ Финсеесомъ архiereемъ перлімскимъ. Сл. W, стр. 50, греческ. нар. книга, стр. 90—91 = болг. нар. кн. стр. 76 (одниъ Иеремія), и выше Иеремію, какъ вариантъ къ Аммону.

Въ III-й книгѣ, послѣ эпизода съ Кандакой, гл. 14 (сл. Pseudocall. III, 24, C), Александръ возвращается въ «Персидоу» и оттуда въ Вавилонъ; снова является ему въ сновидѣніи пророкъ Иеремія и въ пространной рѣчи готовитъ его къ близкой смерти (гл. 17). Сл. Нов. стр. 126—7, греч. нар. кн. стр. 167—168; болг. нар. кн. стр. 144.

Въ III гл. 29 (Нов. стр. 144), въ день, когда отравленъ былъ Александръ, іереп изъ Іерусалима принесли ему «шаторъ великъ зѣло» и вѣсть о смерти Иереміи, сильно опечалившую царя. Въ то же время ему докладываютъ, что въ Александріи невозможно жить отъ великихъ змѣй, псходящихъ изъ Нила и уязвляющихъ людей. Александръ говоритъ: «идете въ Іеросалимъ и кости кверейскога пророка Иереміе възм'ше и на крестъ спих оу градъ оузигіете (оу зьдъ), того бо молитва кдъ змиинь пецѣлаетъ. И отъ толѣ и до дньсь оу Алексан'дріи змиа чловѣка оуханажти не можетъ». Этой подробности нѣтъ ни въ вѣнскомъ текстѣ, ни въ новогреческой народной книгѣ и ея болгарскомъ (и сербскомъ?) переводѣ; румынская Александрія её знаетъ (рум. нар. кн. стр. 107—8; рум. К. ⁵⁶/₇₃ об.).

Разумѣется, мы не въ правѣ заключить изъ этого обстоятельства, что ея не было и въ томъ болѣе подробномъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ древній переводъ Александріи сербскаго извода, поддерживаемый, въ данномъ случаѣ, и старымъ румынскимъ пересказомъ. Я полагаю, напротивъ, что эпизодъ этотъ существовалъ уже въ оригиналѣ: онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ его общимъ планомъ, съ характеромъ его особыхъ источниковъ. Мы видѣли, что роль въ немъ Иереміи опредѣлилась вліяніемъ апокрифической литературы; тѣмъ яснѣе это вліяніе

для интересующей насъ подробности. Приведемъ доказатель-
ства.

У Ефрема Сирина въ толкованіи на Іеремію о немъ говорится:
«Hieremia Propheta ex Anathoth in Pharo(?) Aegypti lapidibus
obrutus a populo, sepultus fuit in sepulcro Pharaonis. eo quod
Aegyptii in summo eum honore haberent propter accepta ab eo
beneficia. Ossa ejus ab Alexandro Rege Alexandriam translata
et ingenti cum pompa ibidem condita fuerunt»¹⁾.

Въ Пасхальной хроникѣ²⁾ помѣщена статья о пророкахъ,
приписываемая то Доробею, то Енифанію, епископу Кшпрскому,
восходящая, вѣроятно, ко второй половинѣ V вѣка, воспринятая
въ лѣтопись Симеона Логооста и въ наши прологи³⁾. Статья

¹⁾ Assemani, Bibl. Orient. t. I, p. 72 a.

²⁾ Ed. Dindorf, Bonn, I, стр. 274 и слѣд., II прим. къ стр. 274 и слѣд.

³⁾ Профессоръ Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго
печатнаго пролога, стр. 19, говоритъ, что въ проложной біографіи пророка
Іереміи вставлена замѣтка объ Александрѣ Македонскомъ, вѣроятно, заим-
ствованная изъ «Слова еказательна о велицѣмъ Іереміи пророцѣ, о кончинѣ
его и о принесеніи мощей его царемъ Александромъ Македонскимъ отъ
Египта въ Александрію» (Опис. ркн. Толстова I, № 34, стр. 20). Но это
слово — переводъ сообщаемой Енифаніевой статьи, извѣстной и составителю
Святославова Сборника 1073 года (л. 257 об.—258 об.). Приведу начало его пере-
вода для сличенія съ греч. текстомъ. «Иереміасъ сѣхъ Хел'киа сѣителя бжаше
отъ ѳѳанаома и въ Тафинѣхъ ѳгун'тскыихъ каменнѣмъ побыенъ отъ людий
оум'ре. лежитъ же близъ домоу Фараона, яко ѳгун'танс въславиша и блгодѣтъ
имъ принимше: поли бо сѣ и аспиды ихъ останаеса и водныи звѣрше иже
нарече Югун'тѣне Менефоо, Юлине же крокодилъ, имъ же бѣахоу ѳ оумаражнита.
и помоливъшася пророкоу възбраненъ бы штъ земля томъ родѣ аспидскыи
отъ рѣкъ такоже врѣдъ звѣрскыи и велико же ѳ вѣршикъ бжійи до нынѣ
молать сѣ на мѣстѣ томъ идеже лежитъ и въземлюште прѣсть мѣста того оуха-
наниа аспидина исцѣляють, и звѣра водныиа прогонять. Мы же слышали
ѳмъ отъ робъ Антигоновъ и Птолеменъ старыцъ вѣкыихъ яко Ольѳандръ
Македонъ пришѣдъ надъ гробъ пр'рочъ и разоумѣвъ сѣштаа надъ нимъ
тангы, въ Алеѳандриѣ прѣнесе ѳго монти опратавъ ѳ славнѣ, и възбраненъ
бы отъ земля томъ родѣ аспидскъ и отъ рѣкы такоже звѣрши» и т. д.—Крат-
кій пересказъ этой легенды вставленъ въ славянскую Александрію Псевдо-
каллистоновекаго типа: Александръ приходитъ въ Мемфисъ, видитъ статую
Пектанеба, котораго признаетъ своимъ отцемъ, дивится, какимъ образомъ
жители столь укрѣпленнаго города могли уступить варварскому насилию, и
требуетъ отъ нихъ дани. Передъ этимъ требованіемъ Син. ркн. № 86 (XVI в.)
вставляетъ, совѣмъ не у мѣста, слѣдующее: «Александръ видѣ гробъ Іереміа

Епифанія была не разъ издана; Минь ¹⁾ воспроизвелъ текстъ Петавія и напечаталъ статью еще по двумъ спискамъ Коаленевоѣ библіотеки, №№ СХХ и ССХХІV, десятаго вѣка. Слѣдующій эпизодъ жизнеописанія Іереміи сообщается по первой рукописи:

Ἰερεμίας ἦν ἐξ Ἀναθώθ, καὶ ἐν Τάφναις τῆς Αἰγύπτου λίθοις βληθεὶς ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἀποθνήσκει. Καί ται δὲ πλησίον τῆς οἰκίας Φαραώ, ὅτι οἱ Αἰγύπτιοι ἐδοξασαν αὐτὸν εὐεργετηθέντες δι' αὐτοῦ: ἤρξατο γάρ, καὶ αἱ ἀσπίδες αὐτοῦς ἔασαν καὶ τῶν ὑδάτων οἱ θῆρες, οὓς καλοῦσι οἱ Αἰγύπτιοι μενερώθ, Ἑλληνας δὲ κροκοδείλους, οἱ ἦσαν αὐτοῦς θανατοῦντες: καὶ εὐξαμένου τοῦ προφήτου ἐκολύθησαν ἐκ τῆς γῆς ἐκείνης τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ ὡσαύτως τὸ ἐνεδρον τῶν θηρίων. Καὶ ὅσοι εἰσὶν πιστοὶ Θεοῦ, ἕως τοῦ νῦν εὐχονται ἐν τῷ τόπῳ ὅπου καί ται, καὶ λαμβάνοντες τοῦ γόδου τοῦ τόπου, δῆγματα ἀσπίδων θεραπεύουσιν, καὶ τὰ θηρία τοῦ ὕδατος ρυγαδεύουσιν. Ἡμεῖς δὲ ἠκούσαμεν ἐκ τῶν παίδων Ἀντιγόνου καὶ Πτολεμαίου γερόντων τινῶν, ὅτι Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδὼν ἐπιστάς τῳ τάφῳ τοῦ προφήτου καὶ ἐπιγνοὺς τὰ εἰς αὐτὸν μυστήρια, εἰς Ἀλεξάνδρειαν μετέστησεν αὐτοῦ τὰ λείψανα, περιστείλας αὐτὰ ἐνδόξως (ркп. ССХХІV, согласно съ текстомъ Пасхальной Хроники и Симеономъ Логоветомъ: περιθεὶς αὐτὰ ἐνδόξως κύκλῳ) καὶ ἐκολύθη ἐκ τῆς γῆς τὸ γένος τῶν ἀσπίδων καὶ ἐκ τοῦ ποταμοῦ τὰ θηρία.

Рукопись ССХХІV прибавляетъ вельдъ за этимъ такую подробность: καὶ τότε ἐνέβαλε (Ιερεμίας) τοὺς ὄφεις τοὺς λεγομένους ἀργολαίους, ὃ ἐστὶν ὄφιομάχους, οὓς ἤνεγκαν ἐκ τοῦ Ἄργου τοῦ Πελασγικοῦ, ὅθεν καὶ ἀργολαῖα καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργους ἀριστεροί: λαῖον γάρ λέγουσι πᾶν εὐώνυμον. Согласно съ этимъ въ

пророка бли³ дому Фараона, и разкѣвъ бывающа[и] таиннымъ. во Александрию принесе (ркп.—оша) моци его, славоу сотвори и чѣт имъ. И погыбе ѡтъ землѣ тѣа рѡдѣ аспидескѣ и ѡтъ рѣкѣ коркодилѣ». На подобную вставку въ Hist. de prel. пространнаго типа мы укажемъ далѣе.

¹⁾ Migne, Patrol. gr. v. XLIII. p. 393 слѣд. Сл. Fabricii Cod. pseudepigr. V. Testam. p. 1110 sqq.

выпискахъ у Свиды (Ἀργόλαι οὖν ἐκ τοῦ Ἄργουσι λαιοί; τοῦ Πελασγοῦ) и Симеона (οὗτος τοὺς λεγομένους Ἀργόλας, ὁ ἐστὶν ὀφιομάχους, εἰς τὴν γῆν Αἰγύπτου, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργουσι τοῦ Πελασγικοῦ· ὅθεν καὶ Ἀργόλαι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργουσι εὐωνύμου· λαιὸν γὰρ πᾶν τὸ εὐώνυμον, τὸ δὲ Ἄργος ἐστὶν ἀνατολικόν). Иначе въ текстѣ Пасхальной Хроникѣ: καὶ οὕτως ἐνέβαλεν τοὺς ὄρει τοὺς λεγομένους ἀργολάους, ὁ ἐστὶν ὀφιομάχους, οὓς ἤνεγκεν ἐκ τοῦ Ἄργουσι τοῦ Πελοποννησιακοῦ, ὅθεν καὶ ἀργόλαι καλοῦνται, τουτέστιν Ἄργουσι δεξιό· λαλιάν δὲ ἔχουσιν ἠδρυτάτην καὶ πανευώνυμον (?).

Текстъ рукописи СХХ продолжается: Οὗτος ὁ προφήτης σημεῖον δέδωκε τοῖς ἱερεῦσιν Αἰγύπτου, ὅτι δεῖ σεισθῆναι τὰ εἰδῶλα αὐτῶν καὶ συμπεσεῖν τὰ χειροποίητα αὐτῶν, ὅταν ἐπιβῇ ἐν Αἰγύπτῳ παρθένος λοχεύουσα βρέφος θεοειδές (см. Иерем. гл. 43, стр. 12, 13). Διὸ καὶ ἕως νῦν τιμῶσιν παρθένον λοχεῦν (sic) καὶ βρέφος ἐν φάτνῃ τιθέντες προσκυνοῦσιν. Καὶ Πτολεμαίῳ τῷ βασιλεῖ πυθιανομένῳ τὴν αἰτίαν ἔλεγον, ὅτι Πατροπαράδοτον ἡμῖν ἐστὶν μυστήριον, ὑπὸ ὁσίου προφήτου τοῖς πατράσιν ἡμῶν παραδοθέν, καὶ ἐκδεχόμεθα τὸ πέρασ τοῦ μυστηρίου ἡμῶν.

Οὗτος δὲ πρὸ τῆς ἀλώσεως τοῦ ναοῦ ἤρπασεν τὴν κιβωτὸν τοῦ νόμου καὶ τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ ἐποίησεν αὐτὰ καταποθῆναι ἐν πέτρᾳ, λέγων τοῖς παρεστῶσιν· Ἀπεδήμησεν Κύριος ἐκ Σιών εἰς οὐρανόν, καὶ πάλιν ἐλεύσεται ἐν δυνάμει. Καὶ σημεῖον ὑμῖν ἔστω τῆς παρουσίας αὐτοῦ, ὅτε ξύλον πάντα τὰ ἔθνη προσκυνήσωσιν. Τὴν δὲ κιβωτὸν ταύτην οὐδεὶς ἐκβάλλει εἰ μὴ Ἀαρὼν· καὶ τὰς ἐν αὐτῇ πλάκας οὐδεὶς ἀναπτύσσει ἱερέων ἢ προφητῶν εἰ μὴ Μωσῆς ὁ ἐκλεκτός τοῦ Θεοῦ. Καὶ ἐν τῇ ἀναστάσει πρῶτον ἡ κιβωτός τοῦ Θεοῦ ἀναστήσεται καὶ ἐξελεύσεται ἐκ τῆς πέτρας, καὶ τεθήσεται ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ τότε πάντες οἱ ἅγιοι συναχθήσονται ἐκεῖ ἐκδεχόμενοι τὸν Χριστόν. Ἐν δὲ τῇ πέτρᾳ ἐσφράγισεν τῷ δακτύλῳ αὐτοῦ τὸ ὄνομα τοῦ Θεοῦ, καὶ γέγονεν ὁ τύπος ὡς γλυφὴ σιδήρου, καὶ νεφέλη ἐσκέπασεν τὸ ὄνομα, καὶ οὐδεὶς νοεῖ τὸν τόπον ἕως τῆς συντελείας. Καὶ ἐστὶν ἡ πέτρα ἐν τῇ ἐρήμῳ ὅπου πρῶτον ἡ κιβωτός γέγονεν μεταξύ τῶν δύο ὄρειων ἐν οἷς κεῖται Μωσῆς καὶ Ἀαρὼν· καὶ ἐν νυκτὶ νεφέλη ὡς πῦρ γίνεται κατὰ τὸν τύπον τὸν ἀρχαῖον, ὅτι οὐ μὴ παύσεται ἡ δόξα τοῦ Θεοῦ

ἐκ τοῦ νόμου αὐτοῦ. Καὶ ἔδωκεν ὁ Θεὸς τῷ Ἱερεμίᾳ χάριν, ἵνα τὸ τέλος τοῦ μυστηρίου αὐτοῦ αὐτὸς ποιήσῃ, ὅπως γένηται κοινωνὸς Μωϋσέως ¹⁾.

Нѣкоторыя подробности Епифаніевой легенды повторены, съ любопытными отмѣнами и развитіями, въ отреченной повѣсти «о плачѣ и о рыданіи пророка Іереміи и о запустѣніи Іерусалима», извѣстной мнѣ по русскимъ спискамъ ²⁾ и Всеобщей исторіи Дорошея, митрополита Монемвасіискаго ³⁾.

¹⁾ Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, напечатанной съ именемъ Дорошея Тирскаго въ приложеніи VIII къ Пасхальной Хроникѣ (ed. Dindorf, II, стр. 120 и слѣд.), встрѣчаются подробности объ Іереміи, напоминающія Епифаніевскую статью. Сл. стр. 138: Εὐρομεν καὶ ταῦτα ἐν τοῖς ἱστορικοῖς συγγραμμάσι τοῦ λεχθέντος θείου ἀνδρὸς Δωροθέου . . . ὅτιπερ ὁ Ἱερεμίας ἱερεὺς ὢν καὶ προφήτης θεῖω Πνεύματι προθεωρήσας καὶ τὴν τῆς Ἱερουσαλήμ αἰχμαλωσίαν, μετὰ τὴν τελευταίην Ἰωσίου τοῦ Βασιλέως Ἰουδαίας, ἄρας τὴν σκηνὴν τὴν Μωσαϊκὴν, καὶ τὴν κιβωτὸν τῆς διαθήκης, καὶ πάντα τὰ ἅγια τὰ ἐν αὐτῇ καὶ πάντα τὰ σκεύη ἃ Μωσῆς κατασκεύασεν, ἐλθὼν εἰς τὸ ὄρος Ναββού ἐνθα ὁ Μωσῆς αὐτὸς ἐτάφη, εὗρεν σπήλαιον, καὶκεῖ πάντα ἀπέθετο, καὶ κρύψατο εὐχὴν, ὥστε μὴ φανερωθῆναι αὐτὰ ἕως συντελείας τοῦ αἰῶνος. Καὶ ἔκτοτε ὁ τόπος ἀγνωρίστος ἐγένετο καὶ αὐτοῖς τοῖς ἱερεῦσιν ἅμα τῷ Ἱερεμίᾳ ἀποδαμένοις αὐτὰ. Слѣдуетъ непосредственно (стр. 138—140) преданіе объ Продіадѣ, о которомъ мнѣ пришлось говорить въ Разысканіяхъ VII, стр. 221—222 и 429—430; къ свидѣтельству Никифора Каллиста слѣдуетъ присоединить теперь и слѣдующее: (Σὺν οἷς καὶ ταῦτα εὐρήκαμεν) ἐπὶ ὑπατείᾳ Γάλλου καὶ Σύλλα, ἐπὶ τούτῳ τῷ ὑπάτῳ ὑπὸ κρύους παγωθείσης τῆς λίμνης Γενησαρέτ, ἡ θυγάτηρ τῆς Ἰρωδιᾶδος κατὰ τέρψιν ἐπὶ τοῦ πάγου ἀπέβαιναν. Τοῦ δὲ πάγου διατρυβέντος, τὸ σῶμα αὐτῆς καταπόθη ὑπὸ τοῦ πάγου ἄνωθεν ἐμφυέντος. Ἡ δὲ Ἰρωδιὰς ἐπὶ τῶν γονάτων αὐτῆς ἀποδαμένη τὴν κεφαλὴν τῆς θυγατρὸς, κλείουσα, ὁμολόγει διὰ τοῦ αἰτήσασθαι αὐτὴν τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ τοῦτο ὑπέμεινε. Продъ и Продіада и ихъ четыре сына умирають, объѣденные червями; нѣтъ рѣчи о фантастической пляскѣ отрѣзанной головы, о которой говоритъ Каллистъ. Къ этимъ и подобнымъ «ивановскимъ» легендамъ я пытался привязать нѣкоторыя повѣрья и обряды на Ивановъ день. Сл. теперь Pitrè, *Archivio* I, 2, стр. 327: Nella notte di S. Giovanni i contadini del Napoletano mettevano fuori una secchia ripiena d'acqua per vedervi passare Erodiade e sua madre, che si rinfacciavano a vicende l'uccisione del Battista.

²⁾ Сл. выше, стр. 331, прим. 1. Далѣе цитуется Хлудовскій текстъ съ указаніями разночтеній по тексту, напечатанному И. И. Срезневскимъ.

³⁾ Βιβλίον ἱστορικὸν περιέχον ἐν συνόψει διαφόρους καὶ ἀξιοκρίστους ἱστορίας . . . συλλεχθὲν . . . παρὰ τοῦ ἱερωτάτου Μητροπολίτου Μονεμβασίας κυρίου Δωροθέου и т. д. Ἐνετίησι, ΔΨξγ. Соотвѣтствующій эпизодъ пересказанъ у Gaster, *Beiträge zu vergleichenden Sagen- und Märchenkunde*, p. 81 слѣд., указавшаго на существованіе той-же легенды въ одной румынской хроникѣ начала XVII в.

Передъ плѣненіемъ Іерусалима Іеремія молитъ Бога: «си ииѣ разоумѣхъ, ꙗко прѣдайши гра^д свои въ роуцѣ врагомъ ѿго, и ѡтведоути лю^{ди} въ Ваву^ллонь. ꙗко хощеши, ꙗмо ти ѿ сѣсоуды слоужьбныѣ дѣти. и рече ѿмоу г^б. взми и прѣдаждь ѿ земли. и р^ци, слыши земле г^б съз^давшаго те въ ѿствни во^ддѣ. и запечатлѣвы те седмю печатп седмию врѣмень. и потомъ приимеши красотоу свою. съхрани сѣсоуды слоужьбныѣ до пришествиѣ възлюбленаго». Іеремія отправляется въ Вавилонъ съ плѣнными Израильтянами, которыхъ по прошествіи семидесяти лѣтъ снова выводитъ въ Іерусалимъ. Здѣсь однажды во время молитвы онъ обмираетъ (Тпхонр.: «взата бѣ дша ѿго иъзѡстави тѣло мртво въ жер^твенницѣ»). Варухъ и Авнемелехъ, стоявшіе вмѣстѣ съ нимъ въ алтарѣ, начинаютъ горько плакать о смерти пророка, но голосъ съ неба вѣщаетъ, что онъ живъ, и не велитъ погребать его. Черезъ три дня онъ очнулся и начинаетъ пророчествовать о Христѣ: «Будеть бо по врѣменехъ сіихъ... и придетъ (Срезн. на земля) дрѣво животоу. саж^деноѣ посрѣ^д ра^д. и сѣтворитъ да в^си дрѣва не плѡнаѣ створетъ плѡдъ. и възрастоутъ и прозѣбноутъ. и прозѣбшаѣ и величающаѣсе. и г^лющаѣ: выдохомъ плѡ^д свои, на весноу створитъ ꙗ и ісхноутъ высотою вѣтвѣихъ (Срезн. да ісхнхтъ съ высотою вѣтвѣи ихъ). и сѣтворитъ (Срезн. — е) дрѣво оутврѣженноѣ сюженоу быти (Срезн. ѡ сж^дению быти). и брѡщъ ꙗко (Срезн. ѡ брѡщъ ꙗко и) в^лна бѣль боудеть. и снѣгъ ѡчр^нит^се (Срезн. ѡчрвл^нитъ се) великимъ свѣтомъ веселнѣ бѣж^н. и б^лвитъ ѡтоки да створетъ плѡ^д словомъ оустъ ѿго. Самъ выидеть и иъидеть, и иъбереть сѣбѣ вѣ ииѣ. да б^лветъ и в^си ізыци (Срезн. блговѣститъ въ азѣцѣхъ). ꙗгоже азъ видѣхъ оукрашена въ в^семъ мнрѣ. на горѣ елѣоньсцѣи...

Интересна замѣтка Гастера (р. 82—90), что тотъ-же разсказъ находится въ греческихъ печатныхъ Минеехъ и въ ихъ румынскомъ переводѣ, подъ 4-мъ Ноября. Проф. Дестунисъ сообщаетъ мнѣ, что въ греческихъ Минеехъ Аонскаго изданія Іеремія помѣщенъ лишь подъ 1-мъ Мая, но что въ старинномъ изданіи Житій Святыхъ (Венеція, 1685 г.) о немъ говорится и подъ 4-мъ Ноября (ветхозавѣтная исторія) и подъ 1-мъ Мая (по легендѣ Епифанія).

Разгнѣвашесе в'си люде и рѣкоше, сѣи ѿже соуть пакы глѣы, речены ꙗсаѣемь, сѣиомь амѣсовомь. глѣе, ꙗко видѣхь бѣа и сѣа бж҃иѣ. придѣте оубо не оубошѣмь ѿго смр҃тню ѿного. ꙗ каменіемь побнѣмь ѿ». Іеремія велитъ Варуху и Авимелеху принести большой камень и молится: «Свѣте великъ, створи камень да боудеть въ мой ѡбразъ. дондѣже таины ѿже видѣхь повѣствоую в'ароуху и авимелеху. тогда камень, повелѣннѣмь бж҃инѣмь въсприѣтъ ѡбразъ іереміинь. и каменнѣмь бнѣаху камень, мнѣце іеремію. іереміѣ же прѣдасть таины ѿже видѣ в'ароуху и авимелеху. и потомъ приде и стѣа посрѣдѣ людѣи, хѣте скончати свое смотреніе. Възоуи же камень глѣе, ѡ боуи сѣове илѣви. что ме каменнѣмь бнѣте мнѣце, ꙗко іереміа ѣсмь. сѣ іереміа стоить посрѣдѣ вась. ѿгда же видѣше ѿ абнѣе такоже нань. съ мнѣгомь каменнѣмь, и скончаше (Срезн.—ж) смотрѣннѣ ѿго. и пришьѣша в'ароухъ и авимелехъ, погребоста ѿго. и приѣмѣша камень положиста на грѣбѣ ѿго. напшавше. сѣ іе камень помощнѣкъ іереміинь и в'са сѣла написана сѣи рѣ въ іепистолий в'ароуховѣ». Текстъ Тихонравова (по рки. XV в.) продолжаетъ: «сѣцен'ныѣ же съсуды, иже положи іереміа по повелѣннѣю бж҃иѣю въ камени и запечатли пер'стомъ своимъ ꙗмѣ бж҃иѣе и ꙗко желѣзнымъ ꙗзва'ншемь бы мѣсто ѡблаку присѣннѣмощю камень, знаѣму ради тому быти. естъже камень в'пустыни. идѣже первѣе ковчегъ со ꙗнѣми положила. и сѣе рѣ іереміа: на нѣса гѣ ѡ спѣна взиде, но пакый прѣидеть посѣтити сѣна. пришествіа хѣва боудеть знаменіе. ѿгда вси ꙗзыцы древу поклонхтсѣ. славаце и блѣваце бѣ. ꙗко тому слава въ вѣкы ѡмннѣ».

Преданіе о сокрытіи Іереміей Іерусалимскихъ святынь, встрѣченное нами и у Епифанія, основано, несомнѣнно, на Маккав. II, гл. 2, ст. 4—8 ¹⁾; что-же касается легенды, упоминаемой уже

¹⁾ «Было также въ писаніи, что сей пророкъ, по бывшему ему божественному откровенію, повелѣлъ скинии и ковчегу слѣдовать за нимъ, когда онъ восходилъ на гору, съ которой Моисей, восшедши, видѣлъ настѣдіе Божіе. Пришедъ туда, Іеремія нашель жилище въ пещерѣ и внесъ туда скинню и ковчегъ и жертвенникъ кадильный, и заградилъ входъ. Когда потомъ

блаж. Иеронимомъ (Ad Jovin. II, 37: Ieremias captivitatem nuntians lapidatus a populo), Тертуллианомъ (Adversus gnosticos 8: Ieremias lapidatur), Грегенциемъ (Migne, Patrol. gr. t. LXXXVI, p. 636) и друг.: о побіеніи пророка камнями, то она слажилось, по всей вѣроятности, на основаніи слѣдующаго мѣста его пророчествъ, гл. 43, стр. 8—13: И было слово Господне къ Иереміи въ Тафнисѣ: *Возьми въ руки свои большіе камни, и скрой ихъ въ смятой глинѣ при входѣ въ домъ Фараона въ Тафнисъ, предъ глазами Иудеевъ, и скажи имъ: такъ говоритъ Господь Саваоѡъ, Богъ Израилевъ: вотъ, Я пошлю и возьму Навуходносора, царя Вавилонскаго, раба Моего, и поставлю престолъ его на этиаъ камняхъ, скрытыхъ Мною, и раскинетъ онъ надъ нимъ великолѣпный шатеръ свой; и прійдетъ и поразитъ землю Египетскую: кто обреченъ на смерть, тотъ преданъ будетъ смерти; и кто въ плѣнъ, пойдетъ въ плѣнъ; и кто подъ мечъ, подъ мечъ. И зажгу огонь въ капищахъ боговъ Египтянъ; и онъ сожжетъ оныя, а ихъ плѣннѣхъ, и одѣнется въ землю Египетскую, какъ пастухъ надѣваетъ на себя одежду свою, и выйдетъ оттуда спокойно. И сокрушитъ статуи въ Беосамисѣ, что въ землѣ Египетской, и капища боговъ Египетскихъ сожжетъ огнемъ.*

Библейское пророчество, бывшее въ *Тафнѣ*, указываетъ и на поводъ къ приуроченію смерти Иереміи въ этой мѣстности не только въ статьѣ Епифанія, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Такъ у Исидора ¹⁾ и Спикелла ²⁾ и въ Минологіи императора Василія ³⁾, повторяющемъ извѣстный намъ рассказъ

пришли и некоторые изъ сопутствовавшихъ, чтобы замѣтить входъ, то не могли найти его. Когда-же Иеремія узналъ о семъ, то, упрекая ихъ, сказалъ, что это мѣсто останется неизвѣстнымъ, доколѣ Богъ, умилосердившись, не соберетъ сонма народа. И тогда Господь покажетъ его, и явится слава Господня и облако, какъ явилось при Моисеѣ» и т. д. Объ этой горѣ говоритъ, между прочимъ, Титмаръ, Thietmari Peregrinatio ed. Laurent, p. 36, и друг.

¹⁾ Сл. Migne, Patr. lat. t. LXXXIII, p. 142—143; сл. p. 1278.

²⁾ ed. Bonn., vol. I, p. 426, 435.

³⁾ Migne, Patrol. graec. t. CXVII, p. 432.

о сокрытіи Іереміеи скнии завѣта, его пришествіи въ Египетъ, его пророчествахъ о Дѣвѣ и младенцѣ въ ясляхъ, побіеніи въ Тафнахъ и погребеніи вблизи Фараонова дворца. О перенесеніи его останковъ Александромъ шедѣ нѣтъ рѣчи, но въ .Lvijѣ Духовномъ Іоанна Мосха это преданіе снова поминается: Іоаннъ и Софроніи идутъ къ дому философа Стефана: ἔμενεν δὲ εἰς τὴν ἁγίαν Θεοτόκον, ἣν ὠκοδόμησεν ὁ μακάριος πάπας Εὐλόγιος, τὴν ἐπονομαζομένην τῆς Δωροθέας. Они находятъ его спящимъ, а Іоаннъ говоритъ Софронію: Ἀγομεν ἐν τῷ Τετραπόλῳ, κακεῖ μένωμεν. Ἔστιν δὲ ὁ τόπος τοῦ Τετραπόλου πάνυ σεβάσμιος παρὰ τοῖς Ἀλεξανδροῦσι λέγουσι γάρ, ὅτι τὰ λείψανα Ἱερεμίου τοῦ προφήτου ἀπὸ Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος ὁ κτίστης τῆς πόλεως ἐκεῖ αὐτὰ κατέθετο. На Тетрапиль указывается въ дѣяніяхъ седьмаго собора (act. 4) по поводу чудесъ Іоанна и Кира: εἰσελθε γοῦν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ἐν τῷ μεγάλῳ Τετραπόλῳ νήστης καθεύδησον ¹).

Ту-же Александровскую легенду встрѣчаемъ позднѣе у Евтихія Александрійскаго ²): «Jeremia autem propheta in Aegypto lapidatione e medio sublatus est, lapidibus petitus usque dum moreretur, [ibique] sepultus. Ferunt Alexandrum, cum Aegyptum ingressus esset, Ieremiae prophetae corpus Alexandriam translatum ibi sepeliisse». Такъ и у АбульФараджа: «deinde profectus est (sc. Ieremias) Aegyptum, ubi quidam e Iudaeis prehensum puteo incluserunt, deinde eductum lapidibus obruerunt, ita ut moreretur; sepultusque est in Aegypto, unde cum urnam ejus Alexander tempore suo in Alexandriam transtulisset, ibi sepultus est» ³).

Тафна (Τάφνη, Τάφνησι въ переводѣ 70-п. Сл. Іерем. 2, 16; 46, 14; 43, 7 слѣд.; 44, 1; Іезек. 30, 18; египт. Tachpanhes, копт. Taphnas), къ которой легенда Ешифанія и слѣдующія за нею приурочиваютъ мученіе Іереміи, была пограничная крѣпость,

¹) Migne, Patrol. graec. t. LXXXVII, pars. III, p. 2929—32 (c. LXXXVII); Patrol. lat., t. LXXIV, p. 156; сл. p. 241, прим. 18 и Spicilegium romanum, t. III, p. 407—8.

²) Migne, Patrol. graec. t. CXI, p. 965.

³) Hist. compendiosa Dynastiarum autore Gregorio Abul-Pharajio, arabice edita et latine versa ab Eduardo Pocockio. Oxoniae, 1663, p. 46.

расположенная по обѣ стороны канала, соединявшаго Пелузійскій рукавъ Нила съ озеромъ Menzalêh. Итнераріи Антонина полагаетъ её въ 16-и миляхъ отъ Пелузія, а Бругшъ отождествляетъ её съ нынѣшнимъ Tell-Defenneh, лежащимъ между тѣмъ городомъ и Танисомъ. Здѣсь, по свидѣтельству Іереміи (43, 7 слѣд.), жили выселившіеся изъ своей родины Евреи; здѣсь-же находился дворецъ Фараона и печь для обжиганія кирпичей ¹⁾.

Танисъ ²⁾, упомянутый выше, евр. Цоанъ (Zôan), нынѣ рыбацкая деревня Şân на южномъ берегу озера Menzaleh, былъ, до обмелѣнія его гавани и Танискаго рукава Нила и основанія Александріи, самымъ значительнымъ торговымъ портомъ Египта, въ прекрасной, плодородной мѣстности, названіе которой (sechet Tān = поле Цоанъ) еще знакомо Псалмопѣвцу (Псалм. 78, 12). О древнемъ значеніи и процвѣтаніи города даютъ понятіе археологическія находки ³⁾; особливо онъ поднялся при Фараонахъ 19-й династіи: Рамзесъ II и его сынъ Мегептахъ (Menephtes) жили въ немъ, и тамъ-же, вѣроятно, происходили переговоры послѣдняго съ Евреями Гесема и ихъ вождемъ Моисеемъ.

Эти библейскія воспоминанія и близость Тафны могутъ объяснить, какимъ образомъ легенда объ Іереміи перенесена была изъ Тафны именно въ Танисъ. Такъ у западныхъ историковъ пятаго крестоваго похода. Взятіе Таниса (Thanis, Tharhis, Tamris, Themise, Thenis, Taus, Campotaneos; у Жуанвилля: Tenis; Tenez въ провансальскомъ разсказѣ о взятіи Даміетты, изданномъ Р. Меусг'омъ) крестоносцами въ 1218 году подробно описано въ продолженіи къ письмамъ Оливерія Схоластика ⁴⁾:

¹⁾ Brugsch, Dictionnaire géographique de l'ancienne Égypte, p. 931 слѣд. и p. 643; Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums a. v. Tachpanhes.

²⁾ Сл. Riehm, l. c., a. v. Zôan и Ramses.

³⁾ О новѣйшихъ сл. Academy 1884 г., №№ за Мартъ I, 15. Апрельъ 5, Май 3, 31, Июнь 14, Июль 12, 26 и т. д. Въ послѣднее время тамъ найдены были части колоссальной статуи Рамзеса II.

⁴⁾ Объ исторіи текста Оливерія см. Zarneke, Ueber Oliver's Historia Damiatina und das sogenannte dritte Buch der Historia Orientalis des Jacob von Vitry, въ *Sitzungsberichte der k. sächs. Gesellschaft d. Wiss., philos. hist. Cl.*

Non minori miraculo, immo maiori, donavit Dominus Christianis castrum Thanis mense Novembri in festo Clementis qui habet habitaculum suum in mari. Nam missi sunt exploratores numero quasi mille viri in naviculis per parvum fluvium, qui fluvius Thanis appellatus est, ut de casalibus tollerent sibi victualia, et situm loci praedicti diligenter explorarent. Saraceni qui erant in praesidio castri, visis christianis, putantes totum exercitum adventare, seratis portis fugierunt. Nostri vero solum Christum capitaneum ibidem habentes, erumpentes claustra intraverunt castrum. Testati sunt nobis redeuntes se nunquam in plano fortius vidisse castrum. Septem turres habet firmissimas testudinatas, insuper per gyrum duplici fossato et utroque murato cingitur, habens antemurale. Lacus se diffundit in latum per circuitum in tantum, ut aditus equitibus hieme sit impossibilis, aestate difficilis adeo, ut per nostrum exercitum obsidione nunquam caperetur. Lacus piscosus est valde, de cujus piscariis soldano Babilonis solvebantur annuatim quatuor milia marcarum argenti, sicut a senioribus indicatum est nobis; avibus insuper et salinis habundat; casalia multa per circuitum serviebant ei. Civitas ante castrum maior Damiata, olim famosa, nunc autem ruinoso, magnitudinem testatur aedificiorum. Haec est Tanis cujus campi meminit propheta: Coram pat(ribus) e(or)um f(ecit) m(iracula ¹), et Ysaïas: stulti principes Taneos, sapientes consilarii Pharaonis consilium insipiens dederunt ²). Haec est Thanis

1875, p. 138—48. Разсказъ о взятіи Таниса, воспроизведенный нами по изданію Eckhard (Corpus Historiae medii aevi, Lips. 1823, 2-й томъ), внесенъ (съ пропусками) въ компиляцію Винценція изъ Бовэ (Specul. Hist. I. XXXI. cap. XCI: De captione Thanis et opulencia ipsius ac fortitudine) и въ хроники Wendower'a и Матвѣя Парижскаго. Сл. Matthaei Parisiensis, Monachi Sancti Albani Chronica majora, ed. Luard, v. III, Preface, p. VIII—IX и стр. 55—56, ad. a. 1219.

¹) Псал. 77, 12: Онъ предъ глазами отцовъ ихъ сотворилъ чудеса въ землѣ Египетской, *на поль Цоанъ*; 43: сотворилъ въ Египтѣ знаменія свои и чудеса свои *на поль Цоанъ*.

²) Ис. XIX, 13: Обезъумѣли князя *Цоанскіе*, обманулись князя Мемфисскіе, и совратили Египеть съ пути главы племень его.

in qua lapidatus asseritur Ieremias. Destructa enim Ierosolyma a Babiloniis et Gotholia ab Hismahele interfecto, reliquiae populi contra consilium Ieremiae profectae sunt in Aegyptum Ieremiam secum ducentes, qui mansit cum eis in Thanis. Et factus est sermo Domini ad Ieremiam in Thanis: Sume lapides grandes et absconde eos in cripta quae est sub muro latericio Domus Pharaonis etc. Postmodum locutus est eis Ieremias: Hoc dicit Dominus: Ego iuravi in nomine meo magno, quia omnes viri Iuda, qui sunt in terra Aegypti, gladio et fame peribunt, donec penitus consumentur. Et insurrexerunt populi adversus Ieremiam et lapidaverunt cum lapidibus quos absconderat sub muro latericio. Aegyptii vero honoraverunt prophetam, sepelientes eum juxta tumulum regum, memores beneficiorum quae praestiterat Aegypto. Oratione enim sua fugaverat bestias aquarum, quas Graeci cocodrillos appellant. Alexander autem Macedo, veniens ad sepulchrum prophetae, cognoscens loci mysterium, transtulit ipsum in Alexandriam et sepelivit gloriose. — Сл. въ Liber bellorum... Domini: «quingentesimus nonus articulus... habet quatuor conclusiones: prima de captione Thannis cum lacu habundante piscibus, avibus et palmis (?), in quo fuit lapidatus et sepultus Ieremias, et post ab Alexandro in Alexandriam translatus; et de natura cocodrilorum» ¹⁾).

О церкви пророка Иеремии на островѣ передъ Даміатоіи говоритъ Яковъ de Vitry: insula ante Damiatam. quae sita est inter Nilum fluvium et mare prope ecclesiam S. Jeremiae prophetae qui defunctus est in Aegypto (Epist. II, p. 290); въ 3-мъ своемъ посланіи онъ называетъ этотъ островъ: Campus Tancos (p. 295).

Иныя воспоминанія привязываетъ къ этому острову (inter mare et fluvium Paradisi, qui dicitur Gion) Memoriale potestatum Reggensium: «in qua insula propheta Jeremias natus fuit; et quod hoc sit verum et credibile, potest cognosci, quia domus ejus

¹⁾ Archives de l'Orient latin, t. I (Paris, 1881), p. 304.

usque in presentem diem apparet, quae Jeremiae prophetae domus est dicta ¹⁾).

Чудо, напророченное Іереміеі въ легендѣ у Елифанія — объ идолахъ, имѣющихъ сокрушиться въ *Еиптъ* съ прішествіемъ Богоматери и Божественнаго Младенца, — разсказывается, какъ совершившееся въ той-же мѣстности, въ отреченномъ евангеліи псевдо-Матвея ²⁾: *gaudentes et exultantes* (то-есть, святое семейство) *devenērunt in finibus Hermopolis et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrienen (Sotinen, Sihenen) dicitur ingressi sunt; et quoniam in ea nullus erat notus apud quem potuissent hospitari, templum ingressi sunt, quod capitolium Egypti vocabatur. In quo templo trecenta sexaginta quinque idola posita erant, quibus singulis diebus honor deitatis in sacrilegiis perhibebatur. Factum est autem, cum beatissima Maria cum infantulo templum fuisset ingressa, universa idola prostrata sunt in terram, ita ut omnia convulsa iacerent penitus et confracta in faciem suam; et sic se nihil esse evidenter docuerunt. Tunc adimpletum est quod dictum est per prophetam Isaiam: Ecce dominus veniet super nubem levem et ingredietur Egyptum, et movebuntur a facie eius omnia manufacta Egyptiorum (Esaiiae 19, 1).*

Эта апокрифическая легенда попала позднѣе къ путешественникамъ, между прочимъ, въ романъ-путешествіе Іоанна Witte de Hese (1389 г.), называющаго Гермополь — «*capitalis civitas Aegypti, ubi beata virgo septem annis morabatur cum filio suo, domino nostro*». Онъ описываетъ крылатыхъ рыбъ и змѣй Чермнаго моря; изъ нихъ послѣднія ядовиты, «*contra quos habetur cinis de palma combusta, crescens ibidem et in terra sancta, et etiam quaedam herba, Coral nuncupata, crescens in mari rubro in loco, per quem Moyses perduxit populum Israheliticum.*

¹⁾ Muratori, *Script. Rer. Ital.* VIII, 1085; сл. Iohannes de Tulbia въ *Publications de l'Orient latin. Série historique, II: Quinti belli sacri scriptores minores*, ed. Röhricht, p. 119.

²⁾ Tischendorf, *Evangelia apocrypha*, p. 85—86, c. XXII—XXIII; Schade, *Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris* (1869), p. 40. Текстъ по послѣд-нему изданію.

Et ille locus seu via agnoscitur per quatuor magnos lapides nigros stantes in ripa maris, duo ab una parte maris et duo ab alia parte. — Et in civitate Hermopolensi praedicta est ortus, in quo morabatur beata virgo Eciam in civitate praedicta est una ecclesia mirae magnitudinis. constructa in honore sanctae Trinitatis et gloriosae virginis, quae prius fuit templum ydolorum, in quod cum beata virgo primo venit ex metu Herodis in Aegyptum fugiendo, daemones fugierunt, et ceciderunt ydola in templo¹⁾. — Палладіи (въ житіи св. Аполлонія, въ AASS. n. ed. Jan. III, a. d. XXV, p. 237) помѣщаетъ этотъ Гермополь въ Опвапдѣ, говоря о пришествіи туда Св. семейства и паденіи идоловъ согласно съ пророчествомъ Исаіи. Созоменъ (Hist. eccles. V, 21) удерживаетъ ту-же локализацию: *καὶ δένδρον δὲ τῆς καλουμένης Ηερσίδος ἐν Ἐρμούπολει τῆς Θηβαίδος φασὶ πολλῶν ἀπελάσαν τὰς νόσους, κάρφος ἢ φύλλον ἢ τοῦ φλοιοῦ μικρὸν τι κάμνουσι προσαπτόμενον. Λέγεται γὰρ παρ Ἀιγυπτίοις, ἥνίκα διὰ τὸν Ἡρώδη ἐφυγεν ὁ Ἰωσήφ, παραλαβὼν τὸν Χριστὸν καὶ Μαρίαν τὴν ἁγίαν Θεοτόκον ἐλθεῖν εἰς τὴν Ἐρμούπολιν. Ἄμα δὲ εἰσιόντι παρὰ τὴν πόλιν μὴ ἐνεγκὸν τοῦτο τὸ δένδρον μέγιστον ἐν τοῦ Χριστοῦ τὴν ἐπιδημίαν. ἐπὶ τὸ ἔδαφος κλῖναι καὶ προσκυνῆσαι.*

Подъ Гермополемъ въ иллинеѣ Опвапдѣ, перѣдко встрѣчающимся въ житіяхъ²⁾, разумѣется Hermopolis Magna, египт. Ḥmuni, арабск. Aschmun, градъ восьми боговъ, съ храмомъ Тоты—Гермеса³⁾. Но едва-ли здѣсь не произошло смѣшеніе одного Гермо-

¹⁾ Zarncke, Der Priester Johannes, 2-е Abhandlung, p. 162—163. О змѣяхъ Чермнаго моря см. Herod. II, 75—6. Сл. аллегорическое толкованіе сѣбнои летучей змѣи, окупающейя въ Черномъ морѣ, въ Grand St. Graal, ed.ucher. v. II, p. 521 и слѣд.

²⁾ Такъ, напр., въ житіи Онуфрія (Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, p. 213 и 220, прим. 8), св. Асклы (AASS. n. ed. Jan. III, a. d. 23, p. 69); у Палладія, въ житіи Хризостома. онъ названъ, по имени епископа, градомъ Діоскора.

³⁾ Сл. Maspero. Geschichte der morgenländischen Völker, übers. v. Pietschmann, Reg. a. v. Hermopolis (и тамъ-же карту Египта); Kiepert. Lehrbuch der alten Geographie, p. 201; Brugsch, Geschichte Egyptens unter den Pharaonen (Lpz. 1877). Namen-Register a. v. Achmun-Hermopolis и Hermopolis magna.

поля съ другимъ. Средневѣковой путешественникъ Филиппъ ¹⁾, рассказывая эпизодъ о преклонившейся пальмѣ, называетъ *Гермополь*, но разумѣеть, очевидно, *Гелиополь*, егип. Анну, библ. Оп, въ 1½—2 часахъ пути къ сѣверо-востоку отъ Каира, въ сосѣдствѣ съ нынѣшней деревней Materieh = Matarea арабскаго евангелія о дѣтствѣ Христовѣ (гл. 24), Матарія нашего Гогары ²⁾. Гелиополь, собственно, — городъ Гора, который чествовался подъ именемъ Ногмаси (Nagmasi; Nougmasis, Nagmachis; Nagmaïs); стало быть: Ὁρμούπολις? Такъ исправляетъ и Псевдо-каллисоевъ, говоря о *маломъ Гермополь*: οὗ καλεῖται δὲ Ἐρμούπολις, ἀλλὰ Ὁρμούπολις; отбросивъ этимологию автора (отъ греч. ὄρμος), мы придемъ и здѣсь къ значенію: города Гора, какъ дѣйствительно и звался малый Гермополь: demāi-en-Ḥur, копт. Timenhor, Timi-en-hor = градъ Гора, т. е. юнаго солнца, нынѣ Damanhour, къ югу отъ канобскаго (нынѣ розетскаго) рукава Нила, на желѣзной дорогѣ въ Александрію, въ 25 километрахъ на западъ отъ древняго Сауса; у Грековъ: Малый Гермополь, Hermonopolis parva; въ одной коптской рун. парижской библиотекѣ: *Ermukaton* вм. Timenhor. — Другое названіе для города было Behud; оба: Behud и demāi-(t)-enti-se-Ḥur служили также древнимъ обозначеніемъ для Эдфу. у грековъ Apollinopolis magna, что понятно изъ отождествленія Гора = Аполлона. — Замѣчу кстатѣ, что егип. Анна = Гелиополь (Гермополь Филиппа) было обозначеніемъ и другаго города въ Оивандѣ = греч. Hermonthis ³⁾.

¹⁾ Philippi Descriptio Terrae Sanctae (Wien, 1872), p. 71.

²⁾ Сахаровъ, Сказанія русск. нар., кн. VIII, стр. 115.

³⁾ Сл. Brugsch. Dictionnaire géographique de l'Ancienne Égypte, p. 86 и слѣд. (auri-āa), 521 (demāi-en-Ḥur), 540 слѣд. (Behud), 1269 (Behud-t); Félix Robiou, Géographie comparée du Delta. Étude sur l'identification des noms égyptiens des provinces et des districts avec les noms gréco-romains, coptes et arabes, въ Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne, t. III, p. 107; Brugsch, Gesch. Egyptens, Namen-Register, a. v. Heliopolis, Annu, Hermonthis; Dümichen, Gesch. des alten Aegyptens p. 251; Tattam, Lexicon Aegyptiaco-Latinum, p. 828.— За указанія на интересовавшую меня литературу по египтологіи приношу мою благодарность консерватору азіатскаго музея Имп. Акад. Наукъ, О. Э. Лемму.

Въ первой обработкѣ этой главы¹⁾ я позволялъ себѣ вопросъ: не отвѣчаетъ-ли Sihenen «in finibus Hermopolis» отреченнаго Евангелія — нижнеегипетскому ному Sezem (греч. Προσωπίτης, къ западу отъ капобскаго рукава Нила), области Гора, «власти-теля Sezem'a»?²⁾ Беру эту догадку назадъ ввиду болѣе авторитетнаго мнѣнія г. Лемма, сообщеннаго мнѣ письменно. Г. Леммъ предпочитаетъ чтеніе Sotrinen вм. Sihenen, отождествляя его съ VIII-мъ номомъ нижняго Египта: Sethroïtes, и понимаетъ текстъ (devenerunt in finibus Hermopolis et in unam ex civitatibus Egypti quae Sotrinen dicitur ingressi sunt) такимъ образомъ, что Sotrinen не лежалъ in finibus Hermopolis, а дѣло идетъ о двухъ различныхъ частяхъ нижняго Египта. «Если Вы взглянете на карту, Вы увидите, что рядомъ съ VIII номомъ Sethroïtes находится XV номъ Hermopolites, съ главнымъ городомъ Hermopolis (безо всякаго обозначенія: magna или parva). По египетски онъ назывался Pi-Dhuti, т. е. домъ, жилище, городъ Тота, т. е. Гермеса = Hermopolis»³⁾.

Отмѣченное нами выше смѣшеніе Гора и Тота въ названіяхъ мѣстностей могло совершиться на почвѣ ихъ греческаго обозначенія (Гормополь и Гермополь), вѣроятно, не безъ вліянія легендарной связи Тота-Гермеса съ Горомъ-Солицемъ. Я имѣю въ виду легенду о борьбѣ послѣдняго съ псчадьемъ Сета-Тифона, обыкновенно являющима въ образѣ крокодиловъ и змѣй, естественнымъ врагомъ которыхъ былъ ибисъ, символъ Тота. По свидѣтельству Плутарха, самъ Тифонъ убѣжалъ отъ Гора, пріявля личину крокодила, почему жители Аполлинополя = Эдфу потребляютъ и поѣдаютъ крокодиловъ, что подтверждается и показаніемъ

¹⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 30—1.

²⁾ Сл. Brugsch, Eine geographische Studie, въ Zs. f. ägyptische Sprache. XVII Jahrg. (1879), стр. 23 слѣд.

³⁾ Онъ назывался также Bāhu и упоминается у Евсевія, Graec. evang. p. 433, ed. Colon. 1688. Сл. Vocabularium Coptico-latinum et Latino-copticum e Peyroni et Tattami lexicis concinnavit G. Parthey (Berolini 1844), Appendix III: Index Aegypti geographicus Latino-copticus, p. 527: Hermopolis, Ἐρμῶ πόλις, a Moyse conditum.

Страбона. Надпись въ храмѣ Эдфу рассказываетъ намъ о борьбѣ Гора съ вражьи́мъ отродьемъ: онъ сражается съ ними, обратившимися въ крокодиловъ и гинопотамовъ, и побиваетъ ихъ въ виду города. Тотъ радуется побѣдѣ: «Ликуйте, боги неба и земли! Юный Горъ вернулся въ мнръ, совершивъ необычайное въ своемъ походѣ, какъ сказано въ книгѣ о побѣдѣ надъ гинопотамомъ» (= Тифономъ). Въ заключеніи Горъ обращается въ солнечный, крылатый дискъ, приобщивъ къ себѣ «богинь юга и сѣвера, въ образѣ двухъ змѣй, дабы онѣ (своимъ огненнымъ дыханіемъ) сжигали живьемъ враговъ», обратившихся въ крокодиловъ и гинопотамовъ ¹⁾.

Въ другихъ памятникахъ, за которыми Шабасъ ²⁾ призналъ значеніе талисмановъ или амулетовъ противъ ядовитыхъ гадовъ и вредныхъ животныхъ, Тотъ является дѣйствительнымъ помощникомъ Гора въ его побѣдоносной борьбѣ. Изображеніе представляетъ юнаго бога Гора, перѣдко стоящаго на крокодилѣ; въ рукахъ онъ держитъ змѣй, скорпионовъ, льва или гинопотама, либо газель — представительницу рогатыхъ звѣрей. Одна изъ молитвъ-заклинаній, сопровождающихъ изображеніе, обращается къ Гору и богу Тоту. Сообщаю отрывки ея содержанія по тексту такъ-называемой «Меттерниховской стелы» ³⁾. Онъ открывается

¹⁾ Brugsch, Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe. Göttingen, 1870. Другую надпись изъ Эдфу, съ легендой о рожденіи Гора и его борьбѣ съ Сетомъ, сообщилъ недавно Бругшиъ въ Thesaurus inscriptionum Aegyptiacarum, III Abtheilung: Geographische Inschriften altaegyptischer Denkmäler (Lpz. 1884. стр. 607 слѣд.; переводъ стр. 611—618). См. еще Revillout, Un fragment de la légende osiriaque въ Rev. Égyptologique, 2-е année (1882), стр. 11—12, прим. 1.

²⁾ Chabas, Horus sur les Crocodiles, въ *Zs. für aegyptische Sprache* etc. VI. Jahrg. (1868), p. 99—106. См. ib. стр. 135 замѣтку Pierret, и XVIII (1880), стр. 54—56, замѣтку Эберса. Изображеніе Гора на крокодилахъ перешло впоследствии, въ христіанскую пору, въ изображенія св. Мины. См. Wiedemann, Die Darstellung auf den Eulogien des heil. Menas, въ Actes du VI-e congrès international des orientalistes, tenu en 1883 à Leide, IV-e partie, Sect. 3: Africaine, p. 159 слѣд. — и въ Rev. Archéologique 1878 г. замѣтку Le Blant, p. 299 слѣд., и въ концѣ тома Pl. X.

³⁾ Die Metternichstele in der Originalgrösse, zum ersten Mal hrsg. von W. Golenischeff, Lpz., стр. 6—7.

типическимъ воззваніемъ къ солнцу, вѣчно юному и древнему. «О старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ, обращающійся въ юношу! Да придетъ Dhuti (Тотъ) на мой зовъ и отвратитъ отъ меня чудовище Neḥahir (вѣроятно, эпитетъ, Апописа; иногда переводится въ значеніи змѣя, либо крокодила, съ головою, обращенною къ хвосту) . . . Прочь отсюда, водные жители! . . . Ра да запретъ вашу пасть, Sett да запретъ глотку, Dhuti пусть отрѣжетъ вамъ языкъ, Нека ослѣпитъ глаза».

Изъ другихъ надписей Меттерниховской стелы остановимся на легендѣ, географическая сторона которой мастерски объяснена Бругшемъ¹⁾. Сетъ убилъ Озириса, а Изиду заперъ; Тотъ даетъ ей совѣтъ удалиться и тѣмъ спасти и себя, и своего сына Гора, которымъ она была беременна: когда онъ возмужаетъ и окрѣпнетъ, онъ вернется, возсядетъ на престолъ отца и воцарится надъ верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Она выходитъ вечеромъ: семь скорпионовъ (Tefen, Befen, Mestet, Mastetef, Petet, Setet, Matet) провожаютъ ее и показываютъ путь въ нижній Египетъ. Бругшъ опредѣлилъ мѣстности, куда направилась богиня: онѣ лежали между западнымъ, канобскимъ рукавомъ Нила и западными берегами озера Буто, нынѣ Brulos, въ области, гдѣ преобладалъ культъ крокодила и его божества Sebek. Изида принята недружелюбно: въ городѣ Deb жена правителя, завидѣвъ ее приближавшуюся, испугалась ея спутниковъ-скорпионовъ и затворила передъ нею двери своего дома. Бѣдная женщина пріютила у себя богиню, а скорпионы порѣшили отмстить за нанесенное ей оскорбленіе; одинъ изъ нихъ, Tefen, пробравшись въ домъ строительной жены, смертельно укусъ ея сына. Мать въ отчаяніи, безуспѣшно блуждаетъ по городу, ища помощи; но Изида жалась надъ нею и, возложивъ руки на бездыханнаго, произноситъ заклятіе (обращенное къ каждому изъ скорпионовъ въ отдельности), и мальчикъ оживаетъ. Вскорѣ богиня родила Гора на одномъ островѣ болотистаго озера и спрятала его, изъ боязни,

¹⁾ Brugsch, Eine geographische Studie. *Zs. f. ägypt. Sprache*, XVII, Jahrg. 1879, стр. 8 слѣд.

чтобъ онъ не былъ укушенъ; но въ ея отсутствіе случилось то, чего она опасалась. Изида предается горю, окрестные жители приходятъ съ выраженіемъ своего сочувствія, но помочь не могутъ. Она молится. Солнце останавливается въ своей ладѣ, является Тотъ и говоритъ: «Никакого зла не приключится дитяти Гору, ибо его благо зависитъ отъ ладьи Ра (солнца). Я сегодня прибылъ въ челнѣ солнца съ того мѣста, гдѣ оно вчера стояло. Если и царствуетъ тьма, свѣтъ побѣдитъ, чтобъ излѣчить Гора для его матерн Изиды»¹⁾).

Легенда эта интересна своею локализациею: какъ Изида, приидя въ окрестности озера Буто, родитъ здѣсь Гора на островѣ и прячетъ его отъ возможныхъ напастей, такъ классическіе писатели рассказывали о Латонѣ, что она воспитывала Аполлона, укрывая его отъ преслѣдованія враговъ, на островѣ, въ болотахъ, въ окрестностяхъ именно Буто. Къ этой параллели, указанной Бругшемъ, я присоединю и отреченное евангеліе псевдо-Матѣя, давшее намъ поводъ къ этому отступленію и снова возвращающее насъ къ Гермополю: Дѣва Марія также удаляется въ Египетъ, скрывая божественнаго младенца отъ преслѣдованій Ирода; драконы преклоняются передъ Иисусомъ, львы и леопарды указываютъ путь Святому семейству (гл. XVIII—XIX), какъ скорпіоны странствующей Изидѣ; есть и чудо съ змѣей, хотя оно совершается за предѣлами Египта: мальчикъ Христосъ исцѣляетъ брата Іакова, укушеннаго ехидной (гл. XXI); арабское Евангеліе Дѣтства Христова присоединяетъ къ этому чуду (гл. XLIII) и другое, подобное (гл. XLII). Послѣ этого возможенъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли искать Гермополя апокрифической повѣсти въ той-же мѣстности, гдѣ издавна приурочено было дѣтство Гора-Аполлона? Страбонъ, I. XVI, с. 1, § 18, говоря

¹⁾ См. ту-же легенду, пересказанную по одному демотическому папирусу у Revillout, Rev. Égyptologique, 2-e année (1882): Un fragment de la légende Osiriaque, p. 11—13: юнаго Гора укусила насланная Сетомъ змѣя; Изида научаетъ его, какъ излѣчить рану — и этотъ мнѣ даетъ содержаніе для заговора отъ укушенія змѣй.

о Бутѣ, прибавляетъ: περί δὲ τὴν Βοῦτον καὶ Ἑρμοῦ πόλις ἐν νήσῳ κειμένη· ἐν δὲ τῇ Βούτῳ Λητοῦς ἐστὶ μαντεῖον. Еще, стало быть, мѣстность, освященная памятью Гора, пѣкоторымъ образомъ его городъ, посвящій имя *Гермія*; новый Гермополь = Гермополь? ¹⁾.

Меттерниховская стела, найденная въ Александріи, восходитъ къ 378—360 гг. до Р. Х., ко времени перваго царя послѣдней (XXX-й) египетской династїи: Next-Hor-geb'a = греч. Νεκτανέβης. Самъ онъ изображенъ на лицевой сторонѣ памятника въ актѣ поклоненія солнечному диску, тогда какъ по другую сторону стоитъ Тотъ-Гермій. Послѣднимъ царемъ той-же династїи былъ Nachtnebef, греч. Νεκτανέβης, Νεκτάναβις ²⁾, Νεκτανεβῶ Псевдокаллистоена, дѣлающаго его отцомъ Александра Македонскаго. Онъ удаляется изъ Египта въ виду вражескаго нашествїи; ὁ δ' ἐν τῷ ἀδύτῳ τοῦ Σαραπίου θεός αὐτῶν (то-есть, Египтянъ) λεγόμενος ἐχρησιμοδότησεν αὐτοῖς εἰπὼν: «οὗτος ὁ φυγὼν βασιλεὺς ἔξει πάλιν ἐν Αἰγύπτῳ, οὐ γηράσκων, ἀλλὰ νεάζων, καὶ τοὺς ἐχθροὺς ἡμῶν Πέρσας ὑποτάξει (Pseudocall. I, 3). Онъ дѣйствительно возвращается не старымъ, а молодымъ, въ видѣ сына своего Александра — какъ солнце «старецъ, обновляющійся въ свое время, старикъ обращающійся въ юношу»; какъ Горъ онъ водворяется въ отцовскомъ наслѣдїи; у Гора помощникъ Тотъ-Гермій; Александру является, наставляя его, Аммонъ, принявшій образъ Гермія. Александрійская легенда объ Александрѣ была послѣднимъ выраженіемъ древняго мѣта.

Мы вернулись къ Псевдокаллистоену и остановимся еще разъ на первой его книгѣ — на рассказѣ объ основанїи Александріи.

Въ кн. I, гл. 31 читаемъ: ἀπὸ οὖν τῆς Πανδύσεως μέχρι τοῦ καλουμένου Πρακλεωτικῆς στόματος τὸ μῆκος τῆς πόλεως Ἀλέξαν-

¹⁾ По мнѣнію г. Лемма, приведенному выше (стр. 352), Гермополь евангелїя псевдо-Матвея былъ бы дѣйствительно городомъ Гермеса—Тота (= Ρι Τηυτι), и путь св. семейства, указанный нашимъ апокрифомъ, вѣроятно, чѣмъ намѣченные у Созомена и въ арабскомъ евангелїи о дѣтствѣ Христовѣ.

²⁾ Maspero, I. c., p. 562.

δρος ἐχωρογράφησε· τὸ δὲ πλάτος ἀπὸ τοῦ Βενδιδαίου μέχρι τῆς μικρᾶς Ἑρμοπούλεως· οὐ καλεῖται δὲ Ἑρμοπούλις, ἀλλὰ Ὀρμούπολις, ὅτι πᾶς ὁ κατερχόμενος ἐκ τῆς Αἰγύπτου καὶ ἀνερχόμενος ἐκεῖ προσορμεῖ. — Pseudocall. A (π Julius Valerius) πριδавлиють: ἀπὸ δὲ τῆς γῆς ἐπὶ τῆς θαλάσσης νῆσον τινα ἐθεάσατο (Александръ) καὶ πυνθάνετο τίς καλεῖ τὴν νῆσον. Οἱ δὲ ἐγγώριοι εἶπον· Φάρον Προτεύς· αὕτη δὴ κατοίκησις τὸ μνημα τοῦ Προτεύως ἐστὶν τὸ παρ' ἡμῖν θρησκευόμενον· ἐπὶ τινος ὑψηλοτάτου θρόνου ἤνεγκαν αὐτὸν εἰς τὸ νῦν καλούμενον ἠρώφον καὶ ἐπέδειξαν τὴν λάρνακα· Θύσας δὲ τῷ ἠρώφῳ ἐποπτεύει, καὶ ἰδὼν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ (στύλου?) καταπεπτοχὸς τὸ μνημα ἐκέλευσε αὐτὸ ταχέως ἀνορθῶσαι. — ВЪ ГЛ. 32 редакція A (π Julius Valerius) продолкають: "Πρῆξαντο δὲ οἰκοδομεῖν τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἀπὸ μέσου παιδίου, καὶ ἔσχε ὁ τόπος τὴν προσωνομίαν ἄχρι νῦν διὰ τὸ ἀπ' ἐκεῖθεν ἀρξασθαι τὴν τῆς πόλεως οἰκοδομήν. Τὴν δὲ περὶ αὐτὸν τρεπομένην ὀράκων σύνηθος (ἐσίνετο ὅς;) παραγενόμενος ἐξεφόβει τοὺς ἐργαζομένους· Καὶ ἐκκοπήν ἐποιούντο τοῦ ἔργου διὰ τὴν τοῦ ζώου ἐπέλευσιν. Μετεδόθη δὲ τῷ Ἀλεξάνδρῳ τοῦτο. Ὁ δὲ ἐκέλευσε τῇ ἐπερχομένῃ ἡμέρᾳ ὅπου ἂν καταληφθῆ χειρώσασθαι, ἐνὸς εἰργάζοντο (sic). Καὶ δὴ λαβόντες ἐπιτροπήν παραγενομένου τοῦ θηρός κατὰ τῆς νῦν καλουμένης Στοᾶς, τούτον περιεγένοντο καὶ ἀνεῖλον. Ἐκέλευσε δὲ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκεῖ τὸ τέμενος γενέσθαι, καὶ θάψας κατέθετο. Καὶ πλησίον ἐκέλευσε στεφάνους στέφεσθαι εἰς μνήμην τοῦ ὀφθέντος ἀγαθοῦ δαίμονος. Ἐκέλευσε δὲ μηδαμοῦ ἀλλαγοῦ βάλλεσθαι τὴν ὀρυγὴν τῶν θεμελιῶν εἰ μὴ εἰς ἓνα τόπον· καὶ ἐστὶν ἔως ἄρτι ὅρος μεταφαινόμενος, ὃ καλεῖται Κοπρία.

Далѣе тексты сходятся: Θεμελιώσας δὲ τὸ πλεῖστον μέρος τῆς πόλεως Ἀλέξανδρος καὶ χωρογράφησας, ἐπέγραψε γράμματα πέντε Α. Β. Γ. Δ. Ε. τὸ μὲν Α Ἀλέξανδρος, τὸ δὲ Β βασιλεὺς, τὸ δὲ Γ γένος, τὸ δὲ Δ Διός, τὸ δὲ Ε ἔκτισε πόλιν αἰμίμηστον. . . ἰδρυμένου δὲ τοῦ Πυλῶνος τοῦ ἱεροῦ (Α: τοῦ ἠρώφου), ἐξαίρνης πλάξ μεγίστη ἐξέπεσεν ἀρχαιοτάτῃ πλήρης γραμμάτων, ἐξ ἧς ἐξῆλθον ὄφεις πολλοί, καὶ ἐρπύζοντες εἰσῆλθον εἰς τὰς ὁδοὺς τῶν ἡδὴ τεθεμελιωμένων οἰκιῶν. . . ὅθεν τούτους τοὺς ὄφεις σέβονται οἱ θυρωροὶ ὡς ἀγαθοῦς δαίμονας εἰσιόντας εἰς τὰς οἰκίας· οὐ γὰρ εἰσιν ἰσβολὰ ζῶα; Α πρι-

бавляетъ: ἀλλὰ καὶ τὰ δοκοῦντα εἶναι ἰσβόλα ἀπελαύνουσι καὶ θυσία τελεῖται αὐτῷ τῷ ἥρῳι. Мюллеръ предлагаетъ читать: αὐτοῖς ἐν τῷ ἥρῳι.

Соберемъ нѣкоторыя подробности разсказа: городская черта Александріи начинается отъ *малаго Гермополя*, то-есть, города Гермія (и Гора), къ сторонѣ Египта; при началѣ постройки показывается *драконъ*; мѣсто, гдѣ его убили и похоронили, считается священнымъ (πέμενος) и послѣ называлось Стоа; когда сооружаютъ храмъ *герою* (ἥρώον), являются *змеи*, расползаясь по домамъ: жители чествуютъ ихъ, какъ безвредныхъ, онѣ прогоняютъ *ядовитыхъ*; а *герою* (въ храмѣ) *приносятъ жертвы*.

Передъ нами основныя черты легенды Енифанія: объ *Иереміи* и *змѣяхъ-арголахъ*, которыя переводятся словомъ ἔρμουάχαι; вѣроятно, и арголы ничего иного не означаютъ, какъ именно: отгоняющіе (ἐλάττω) змѣй (ἀργαῖς Нирросг.: родъ змѣй), какъ Et. Magn. толкуетъ ἀργειρόντης при Аполлонѣ въ значеніи убійцы змѣй; ἀργειρόντης и διάκτορος (прогоняющій, преслѣдующій) — извѣстныя эпитеты *Гермія*. Гробницѣ Иереміи отвѣчаетъ у Псевдокаллистоена ἥρῳον, имя *Иереміи* связано съ городомъ *Гермія*, то-есть, Гермія-Тота староегипетскихъ заклинаній, отгоняющаго ядовитыхъ гадовъ, помогающаго Гору въ борьбѣ съ имп, тогда какъ богини сѣвера и юга, въ образѣ двухъ змѣй (арголовъ Иереміиной легенды) палить ихъ огнемъ. Съ гробницей Иереміи я не прочь сблизить позднѣйшія арабскія свидѣтельства о гробницѣ Гермія въ одной изъ пирамидъ Гизэ, либо въ зданіи Каира, посвященъ названію Abu-Hermes¹⁾. Если авторъ Климентіновскихъ Гомилій (Ном. V, с. 23), доказывая, что языческіе боги были простые смертныя, тираны, ссылается на существованіе ихъ гробницъ: Сатурна, на Кавказѣ и т. д., Ἐρμού δὲ ἐν Ἐρμουπόλει, то онъ,

¹⁾ Hermes Trismegistos nach ägyptischen, griechischen und orientalischen Ueberlieferungen dargestellt von D-r. R. Pietschmann (Leipz. 1875), p. 49, 54. Cf. Fabricii, Codex Pseudepigraphus II, p. 1111, прим.: Sepulchrum Ieremia in Aegypto tradi non procul Cairo magna urbe refert Paulus Lucas t. I. itinerarii sui, p. 37.

очевидно, имѣлъ ввиду то особое синкретическое представленіе Гермеса-Тота, сплоченное изъ египетскихъ и греческихъ элементовъ, отвлеченное и вмѣстѣ человѣческое, которое, сложившись въ александрійской средѣ, становится обычнымъ у классиковъ и получаетъ своеобразный колоритъ въ образѣ Гермеса Трисмегиста христіанской патристики. Одинъ изъ пяти Гермесовъ, принимаемыхъ Цицерономъ (*De Natura Deorum* III, 22, 56), — чествуемый Фенеатами, былъ убійцей Аргуса, вслѣдствіе чего бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ преподавалъ законы и науки Египтянамъ, назвавшемъ его Тотомъ. Лактанцій (*ed. Fritsche* I, p. 13) присоединяетъ къ этому, что онъ былъ основателемъ Гермополя. Въ такъ называемыхъ герметическихъ трактатахъ онъ характеризуется, какъ «*βουλῆς ὁ πατήρ πάντων καὶ καθηγῆτης*», «*πάντων ἔργων ὑπομνηματογράφος*», а св. Кириллъ Иерусалимскій цитуетъ отрывокъ герметическаго-же діалога Асклпій въ доказательство, что Гермесъ вѣрнулъ въ Троицу: толкованіе, перешедшее къ Свидѣ (*εἰπὼν ἐν Τριάδι μίαν εἶναι θεότητα*) и въ Пасхальную хронику, къ Иоанну Малалѣ и Антиохійскому и Кедрину. Нашъ Еллинскій Лѣтописецъ называетъ «Ермія тревеликаго» сыномъ Дія, бѣжавшимъ отъ преслѣдованія братьевъ изъ Италіи въ Египетъ, гдѣ его приняли съ великою честью; онъ былъ «мужъ хитръ и оумоуочень, иже изобрѣте роудоу златоую, первѣе и ковати злато»; за его дивную мудрость Египтяне прозвали его Тревеликимъ; не вѣдая будущаго, онъ «Троицю едносунцу исповѣда»¹⁾.

Въ этой стадіи развитія Гермеса-Тота могло совершиться то сближеніе Ермія съ Іереміей, которое встрѣчалось намъ вразъ, бросая свѣтъ на сложеніе нашей Александріи. Но намъ предстоитъ остановиться еще на одномъ чередованіи этихъ именъ, хотя на первыхъ порахъ оно отвлечетъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ²⁾.

¹⁾ Pietschmann l. c. p. 39, 36—7; сл. А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. I, стр. 16 (сл. Malala *ed. Bonn.*, p. 26—7; Ioann. Antioch., *Fragmenta*, въ *Fragmenta Historic. graecor.* *ed. Müller*, v. IV, p. 542).

²⁾ Для слѣдующаго далѣе см. Weingarten, *Der Ursprung des Mönchtums im*

Извѣстно, что особый характеръ христіанскаго монашества въ Египтѣ стоитъ въ связи съ мѣстнымъ развитіемъ болѣе древняго созерцательнаго аскетизма, выработавшаго въ культѣ Сераписа и формы ипческаго житія. Серапей, стоявшій на возвышеніи у Мемфиса въ сосѣдствѣ съ храмомъ Эскулапа и бывшій главнымъ святилищемъ Сераписа въ періодъ Птолемеевъ и императоровъ, сталъ обителью отшельниковъ (*κάτοικοι, ἐγκάτοικοι*), удалившихся отъ свѣта и семьи, чтобы жить исключительно идеей Бога, стремленіемъ къ внутренней чистотѣ и *ἀπάθεια*, среди грезъ и видѣній и борьбы съ демонической силой. Они обитали въ кельяхъ (*καταλύματα, παστοφόριον*), общаясь съ мірянами лишь черезъ окно (*διὰ τοῦ θυρίδιου*), называя другъ друга «братьями» или «отцами»; одѣвались въ черное (*μελανηφόροι*), но не брегли ни одеждой, ни чистотой, отпуская длинные волосы; соблюдали celibatъ и жили бѣдно, питаясь преимущественно, подаяніемъ. — Это, совершенно, образъ позднѣйшаго христіанскаго отшельничества; тѣмъ незамѣтнѣе совершился къ нему переходъ. Когда въ пору горячей религіозной борьбы, появившейся IV—VI вѣка, поклонники древней религіи принуждены были покинуть свои храмы и обители, на ихъ мѣсто явился христіане: древнихъ языческихъ отшельниковъ замѣнили Сарабайты (Remuoth?) и Макарійцы, послѣдователи двухъ свѣточей египетскаго монашества, Макарія Египетскаго и Макарія Александрійскаго: Фивскія Мемноніи быстро преобразились въ христіанскіе монастыри;

nachconstantinischen Zeitalter, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte hrsg. von Theod. Brieger, I B. (1877), стр. 1—35, 545—574. — Указаніемъ на слѣдующія сочиненія я обязанъ обычной любезности О. Д. Лемма: Silvestre de Sacy, Mémoire sur quelques Papyrus écrits en arabe et récemment découverts en Égypte, въ Journal des Savans 1825 г., стр. 462 слѣд.; E. Révillout, Huit papyrus Coptes du musée Égyptien du Louvre, provenant du monastère de St. Jérémie de Memphis, въ Congrès international des Orientalistes. Compte-rendu de la première session. Paris 1873, tome 2-e (Paris, 1876), p. 471 sqq. — Подробную надпись изъ монастыря св. Іеремія см. у Stern'a, Sahidische Inschriften, въ Zs. f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde, hrsg. v. Lepsius. XVI Jhrg., (1878), стр. 26—7, прим. I. Въ нѣкоторыхъ коптскихъ папирусахъ упоминаются: «Игуменъ монастыря св. Іеремія на Мемфійской горѣ»; «Святой монастырь Отца Іеремія горы Мемфійской».

св. Пахомій жилъ въ Серапеѣ Хиновоскія (Χηνοβόσκισυ), прежде чѣмъ организовалъ иноческое житіе въ верхней Эпваидѣ, въ сосѣдствѣ съ Филами и храмомъ Изиды, гдѣ культъ Озириса и Сераписа держится до временъ Юстиньяна; въ Александріи кварталъ Серапея сталъ τόπος св. Иоанна Крестителя; мѣсто рожденія св. Антонія лежитъ у Гераклеополя, по близости Мемфисскаго Серапея, и уже въ концѣ IV вѣка Руфинъ говоритъ о множествѣ монаховъ въ окрестностяхъ Мемфиса, гдѣ сосѣдній Серапей превратился — въ монастырь св. Іереміи. Монастырь этотъ, существованіе котораго можно прослѣдить до 133 года гиждры, развалился на счетъ Мемфиса, уже при Юстиніанѣ являющагося деревушкой; въ арабскую пору отъ нея остался однѣ развалины. Но и обитель св. Іереміи вскорѣ исчезаетъ изъ исторіи: ее занесло песками и Авои-Schal не упоминаетъ ее въ своемъ описаніи церквей и обителей Египта. Въ XV вѣкѣ Calcaschandi († 821 гиждры) говоритъ объ одномъ изъ древнихъ египетскихъ царей, Реісар бен Нам бен Нѣн, что онъ соорудилъ одну изъ пирамидъ у Daschūt и самъ, достигши глубокой старости, былъ похороненъ въ большой пирамидѣ на западъ отъ монастыря Abu-Негмес = св. Іереміи; что до другой, ступенчатой, стоящей у того-же монастыря, то это гробница Кагѣаš'a, египетскаго витязя, который одинъ равнялся тысячѣ другихъ и былъ оплаканъ своимъ царемъ, велѣвшемъ похоронить его въ памятникѣ, нарочно для того сооруженномъ ¹⁾).

Названіе монастыря по имени пророка *Іереміи* я объясняю въ связи—съ храмомъ *Тота-Герміа*, находившемся въ Мемфисскомъ Серапеѣ, имѣвшемъ цѣлый штатъ жрецовъ, настофоровъ и священныхъ пѣсцовъ ²⁾).

Обитель св. Іереміи имѣла, несомнѣнно, свои дни блеска и процвѣтанія, передъ которыми умлился-бы Руфинъ. Описывая

¹⁾ Calcaschandi's Geographie und Verwaltung von Aegypten. Aus dem Arabischen von F. Wüstenfeld (Abhandl. der Kön. Gesellsch. der Wiss. zu Göttingen, B. XXV, 1879, p. 3—225), стр. 47 и 118.

²⁾ Revue Égyptologique, 2-e année (1881), №№ II et III: Révillout, La requête d'un taricheute d'ibis à l'administrateur du Sérapeum, p. 76.

райскую прелесть Оиванды (*Historia monachorum* 17), онъ говоритъ: «*intrinsicus putei plures, horti irrigui, omnium quoque pomorum arborumque paradisi*»; тамъ живутъ иноки «*animi virtutibus pollentes, ut omnes signa faciant: et quod vere omnium mirificum signum est, nullus eorum aegritudinem cujusquam infirmitatis incurrit, sed cum unicuique vitae finis affuerit, omnimodis praenoscens et indicans ceteris fratribus suis de suo exitu atque omnibus vale dicens, ad hoc ipsum recubans, spiritum laetus emittit*». Это — общее мѣсто въ изображеніи блаженнаго скитскаго житія. Такъ живутъ въ цвѣтущей природѣ блаженные «макарійцы» нашей Александріи, къ которымъ *Іеремія* напутствуетъ Александра изъ Іерусалима: «не живутъ дебелостию плотьскою обрѣменшии, якоже мыи, нѣ мирно нѣ како живутъ, близъ бо аггельскаго житія соутъ»; такъ и Іереміины Рехавиты Зосимова Хожденія провидятъ время своей смерти. Макарійцевъ Псевдокаллисоенъ С помѣщаетъ гдѣ-то въ Африкѣ, и невольно подсказывается сближеніе съ другими дѣйствительными Макарійцами, многочисленными послѣдователями св. Макарія египетскаго въ обителяхъ Нитріи (*Abu-Makâr*)¹⁾.

И Макарійцы и Іеремія въ постановкѣ нашей Александріи указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой сложилась канва нашего романа, на интересъ къ мѣстнымъ, христіанско-аскетическимъ преданіямъ, давшій ему его особую окраску. Этими преданіями анонимный авторъ воспользовался своеобразно. Взявъ въ основу тотъ пересказъ Псевдокаллисоена, тина С, который выдвинулъ на первый планъ эпизодъ Іерусалима, онъ сдѣлалъ Іеремію современникомъ Александра, пророчащимъ *не о немъ*, а ему самому, при первой встрѣчѣ въ городѣ, гдѣ первосвященникъ Яддуа Іосифа Флавія сократился въ іерея Іоду, а на первое мѣсто выступилъ ветхозавѣтный пророкъ. Напутствуемый имъ Александръ отправляется на войну съ Даріемъ; во снѣ и на яву Іеремія продолжаетъ наставлять Александра, при чемъ для одного

¹⁾ О нихъ см. Butler, *Ancient Coptic churches of Egypt* (1884), I, p. 286 слѣд.

эпизода редакторъ пользуется созвучіемъ именъ Гермія = Іеремія, чтобы ввести въ рассказъ любимое имя. Іеремія умираетъ въ Іерусалимѣ, и Александръ велитъ перенести его прахъ въ Александрію, чтобы быть ей защитникомъ отъ змѣй и крокодиловъ.

Тѣсное сплоченіе Александровой и Іереміиной легендъ въ сербскомъ романѣ дѣлаетъ затруднительнымъ рѣшеніе вопроса объ источникахъ, знакомыхъ редактору ея оригинала. Смерть Іереміи въ Іерусалимѣ принадлежитъ-ли такому источнику, въ родѣ, напримѣръ, нашего апокрифа, или же являлась самостоятельно, какъ результатъ новаго внутренняго плана, по которому расположилось содержаніе Александріи? Обращу вниманіе лишь на одну черту: Александру приносятъ изъ Іерусалима «шаторъ великъ зѣло». Это не шатеръ-ли библейскаго пророчества: «и раскинетъ онъ (Навуходоносоръ) надъ нимъ (надъ престоломъ, поставленнымъ на камняхъ Іереміи) великолѣпный шатеръ свой?»

VIII.

ІЕРЕМІЯ АЛЕКСАНДРІИ И НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ ОБЪ АЛЕКСАНДРЪ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбахъ александрійской легенды объ Іереміи на почвѣ народнаго, спеціально восточно-европейскаго повѣрья. Въ этой легендѣ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать источника южно-славянскихъ вѣрованій на 1-е Мая: о Іереміи, какъ гонителѣ змѣй. На тожество относящихся сюда нѣсенъ и обрядовъ съ соответствующимъ эпизодомъ Александріи указаль уже Новаковичъ (I. с., стр. XXXI—II); я расхожусь съ нимъ лишь въ ихъ объясненіи.

«У Грбљу онај који је рад да му онога љета змије не досађују, на Јереміјев дан (1-го Мая) у јутру луцајући око куће у просуљу говори:

Јереміје у поље
А све змије у море».

(Караџић), Рјечн. а-в. Јереміјев дан). Мпличевичъ говоритъ о существованіи того-же обычая въ восточныхъ областяхъ: Сѣницѣ, Зайчарѣ, Подибрѣ, Копаоникѣ: сельская молодежь, собравшись около какого-нибудь дома въ срединѣ деревни, начинаетъ справа обходъ жилищъ и полей, при чемъ бьютъ въ тазы и котлы, звонятъ въ колокольчики и поютъ слѣдующую нѣсню:

Јереміје из поље,
Бежте змије у море!
Коя змија остала,

Очи своје избола
 На два трна глогова,
 На четири шпивоа.

(Гласник, XXII, 96; XXVII, 117—118).

Въ западной Болгаріи кладуть огонь на ръжено-тъ (родъ кочерги съ круглой лопаткой на концѣ), а въ огонь подсынають сѣру, ударяють щипцами по ръжено-тъ и приговаривають:

Бѣгай, бѣгай, Еремия,
 И то ти ѣ гандуря,
 Ке ти мотать черева-та
 Сосъ желѣзна мотовила.

Дѣлается-же это для того, чтобы въ домѣ не было змѣй. Въ другихъ мѣстахъ приговаривають иначе:

Бѣгай, бѣгай, поганя
 Ето ти го Еремия
 Съ свѣтаго Николая....

(Каравеловъ, Памятники, стр. 221; то-же у Качановскаго, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень, стр. 11; описаніе обряда изъ двухъ мѣстностей у Милadiniновыхъ, Бжлг. нар. пѣсни, стр. 522 и 524). Такъ и въ рукописномъ сборникѣ Пульевскаго: «спроти Еремия деца свекое во лвева рока къя земеть саанче, а въ десна кључь железень, та къя метаеть возъ шивѣ, градинѣ и львагѣ, та на суштитхъ саанчинья со кључотъ, чукаешти емъ викаешти слѣдуюштитхъ зборови велъать говоратъ:

Бегай, бегай, поганьо,
 Ете ти го Еремия
 Со святаго Танаеня
 Подъ потъ къртъ,
 Надъ потъ къртъ,
 У горе къртъ,
 У долу къртъ.

—
 Бегай, бегай, гадорня,
 Ете ти го Еремия,
 Со коньшите крастаю,

Со сабыште неабено,
 Къя те сачать, къя те колыгать,
 Да не рнешь лывагыѣ, градишѣ и нивѣ,
 Да не сушишь тревѣ ¹⁾.

Представленіе о Іереміи, отгоняющемъ змѣй и гадовъ, могло проникнуть въ южно-славянскую обрядность изъ проложнаго житія (Епифанія), но легко допустить и посредничество Александріи сербскаго типа. Ея популярность на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣснѣ ²⁾; почему бы и не въ севѣрной примѣтѣ? Хорошимъ доказательствомъ этой популярности можетъ служить слѣдующая проповѣдь на Іереміинъ день, являющаяся пересказомъ Александріи. Она пропнесена была македонскимъ священникомъ и заимствована нами изъ рукописнаго сборника Пульевскаго:

«Братие мряни! Денешенъ день помянитъ е за това, оту уште отъ по потопотъ послѣ као што сакаль Господъ и Богъ нашъ. Мне какво сме се находиле отъ Ное та и отъ неговихъ синови, та черезъ греотъ нашъ Господъ по потопотъ послѣ 700 години языците ни и раздѣлы на неколку строки како би еденъ со други да се не разбираме. Та као што не зборуваме еденъ нъозпкахъ за да се разбираме мегъу себе. Таке наши дедовци и председовци со друго язичници ни то еденъ Богъ не верувалье, току сѣкой язикъ за себе Богъ си ималь и верувалье.

«Мне овое найблизу до наша Македония иноязичници сме ималье Ельемени, та нашите верувалье Бога Амона, а Ельемените верувалье Бога Аполона; спроти реченихъ богови познаваме (се), оту со Ельемените несме еденъ народъ. Евреи и суштихъ се иноязичници, току Евреи уште отъ старо време тие верувалье Бога Израилева, Бога Аврамова, Бога Исакова. Току Евреи живувалье на юговосточнихъ страи въ Азия, далеку отъ насъ.

¹⁾ Пѣсни на Іеремію сл. еще у Милоевича, Песне и обычаи укупног народа сербског (у Београду, 1869), стр. 171—173.

²⁾ Сл. Новаковичъ, I. с., стр. XXVII и слѣд.; Dozon, Rapports sur une mission littéraire en Macédoine (Paris, 1873), стр. 38, и въ концѣ настоящаго изслѣдованія экскурсъ: Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ.

«Околу 348 лето предъ Христа, во время великаго царя нашего Александра, спроти као што ни казуватъ сказанья, по краля Филипа и Демостена, као наследникъ, заступи надъ Македония великий Александръ да повельать; та царъ Александръ нашъ со едно одельенне войска го испрати Византа на Босфоръ, Буюгъ-дере, да чувать да не би напагьялье Персияни овамо. Византъ штомъ отиде со войската да чувать Босфоръ, тамо основа градъ Византия, денешенъ Константинополъ или Стамболъ. А самъ царъ Александръ со другихъ воиводи и со войската науми да нападетъ на Римъ за да го повладатъ. Штомъ Александръ приближи конъ Римъ, та Римяни въ место да му се противать суштнихъ со найголемъ честъ го пречкае и му се предаде подъ негови повельба. Великий Александръ штомъ повладаль Римъ, го суредилъ, истокмилъ и наместилъ западень край Ильирски. Потомъ образува войска. Оту до Александрово и во Александрово врѣмя только имаше во Македония и въ полъостровъ Балкански само три различни язци: перви языкъ горянски, втори языкъ готски, трети языкъ ельеменски, а комуни живувае Брашово, Буковинъ, Ердель.

«Александръ штомъ западни край суредцемъ управи, потомъ се заврѣте та първинъ нападна на Ельемените, ги повлада емъ ги суреди, оту и тие се делье на три дела: Шарта, Атина и Кандия.

«Велики Александръ штомъ ги повлада Ельемените, потомъ премина въ Египетъ. Току Египтяни отъ многу боеви со Персияни, оту бее отъ Персияните растроени, лесно ги повлада.

«Штомъ нашъ царъ Александръ Египтянихъ повладаль та потомъ на вчасъ тьргна со сета войска за Юдея въ престолни юдейски градъ Ерусальимъ. Во время оно бивши патриархъ юдейски пророкъ Еремия безъ никакво противльенне, уште не доиде къ велики Александръ, му испратне апостоли, оту безъ никакво противсловие кья се поклонатъ и предадатъ.

«Штомъ великий Александръ со войската се приближи бльизу Ерусальимъ, а патриархъ Еремия со све множество

священническо ги ковчеже позлатено го изнесоє та со свѣта свѣтостъ го пречекає и му се поклонне и предадоє безъ никакво противльенне.

«Штомъ вельики Александръ ступи въ Ерусальимъ, бивши патриархъ Юдейски пророкъ Еремия Александру изяви му за Бога Аврамова, Исакова емъ Израилева со свихъ чудотворенни спроти стари завѣтъ, као што е писано. Та вельики Александръ и сета войска македонска, као што имъ исповѣда пророкъ Еремия, сви завѣруває Бога Саваота.

«Та за това денешенъ день пророка Еремия праздуваме, оту сушти *пророкъ нашему царю* и нашимъ во врѣмя оношнихъ живущихъ дедовцамъ казалъ, та заверувальє Бога Творца неба и земли».

Вся Александрия прошла передъ нами въ этой страшной проповѣди, въ широкыхъ очеркахъ и въ освященіи македонско-болгарскаго патриотизма. Забытъ лишь послѣдній эпизодъ: о Иеремии и змѣяхъ; здѣсь на смѣну проповѣди явился знакомый намъ народный обрядъ, котораго я не нашелъ ни у Румынъ, ни у Грековъ¹⁾, между тѣмъ какъ его слѣды въ русскихъ повѣрьяхъ еще довольно ясны.

Обычно у насъ представленіе пророка «запрягальникомъ» или «запашникомъ», такъ какъ обыкновенно около дня его памяти начинается посѣвъ и пахота. Можетъ быть, побочнымъ поводомъ къ такому представленію послужило созвучіе имени *Иеремии* — съ *яромомъ* и отчасти то обстоятельство, что онъ, по повелѣнію Божию, во дни своихъ пророчествъ носилъ на своей выѣ *узлы деревянные и клады*²⁾. Важнѣе для насъ присловье, относящееся къ началу и концу посѣва: «Еремѣя подыми сѣтево» (1-го Мая) и «Еремѣя опусти сѣтево» (31-го Мая)³⁾. Во второмъ случаѣ

1) На мои вопросы о существованіи Иереміина повѣрья въ новой Греции отвѣтили отрицательно профессоръ Дестунисъ и Легранъ (послѣдній письмомъ отъ 8-го Марта н. ст., 1884 г.).

2) Калининскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 399.

3) Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ, подъ 1-мъ Мая, стр. 45.

разумѣется Еремѣй «распрягальникъ», т. е. мученикъ *Ермій* или апостоль (изъ числа 70-ти) *Ерма*, памятуемые 31-го Мая, вмѣсто которыхъ древніе синаксари помѣщаютъ пророка *Іеремію*, тогда какъ, наоборотъ, другіе упоминаютъ мученика Ермія 29-го Апрѣля, можетъ быть, также по смѣшенію съ Іереміей весеннимъ, 1-го Мая. Интересно при этомъ другое смѣшеніе, встрѣчающееся въ синаксарахъ подъ 31-мъ Мая: Ермія съ Исаакіемъ (30-го Мая) ¹⁾ — въ связи съ русскимъ повѣрьемъ, что на память св. Исаакія бываетъ *змѣиный празникъ*: змѣи скопляются, пдутъ поѣздомъ на змѣиную свадьбу, ходятъ по лѣсамъ станицею ²⁾. Я склоненъ отнести это повѣрье на счетъ отождествленія Ермія съ Іереміей, отразившемся, быть можетъ, въ *Ерусалнъ* Лазаревичѣ малорусскаго заговора ³⁾: ему подвластны всѣ ядовитыя змѣи; отъ него ожидаютъ, что онъ будетъ «изъ жовтої кости зуба винимати», какъ въ другихъ заклинаніяхъ отъ «змѣи-скорпѣи» требуютъ, чтобъ она нашла ту змѣю, что укусила раба Божьяго ⁴⁾, а по малорусскому повѣрью въ вирей принимаютъ лишь змѣи, никого не укусившихъ за лѣто. Это напоминаетъ арголовъ Іереміиной легенды. Изъ вирья вся тварь, а съ ними и гадюки, выходятъ весною, «на Варуха, якъ земля руха», и исчезаютъ на «Хреста», т. е. 14-го Сентября ⁵⁾. Варухъ извѣстенъ намъ въ сопоставленіи съ Іереміей; была-ли ему народная память весною? Церковь поминаетъ его 28-го Сентября и 15-го Ноября ⁶⁾; 4-го и 5-го Ноября греческая церковь памятуетъ апостола *Ермія*; не потому-ли въ старыхъ греческихъ

¹⁾ Сл. Martinov, Annus Ecclesiasticus Graecorum, подъ 29-го Апрѣля, 1-го и 31-го Мая. Сл. тамъ-же подъ 8-го Марта (Hermas), Acta Sanctorum подъ 8-го Апрѣля (Hermas) и 31-го Марта (Ερμείας) и Nilles, Kalendarium Manuale (Oeniponti, 1879) подъ 31 Мая, 8 Апрѣля и 4 Ноября.

²⁾ Петрушевичъ, I. с., стр. 49.

³⁾ Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, I. с., стр. 30; сл. Ягичъ, Archiv, VII, стр. 512.

⁴⁾ Майковъ, Великорусскія заклинанія, ММ 178, 182, 186.

⁵⁾ Драгомановъ, I. с., стр. 11; Петрушевичъ, I. с., стр. 70, подъ 12 и 14 Сентября (на Артамона змѣи уходятъ въ лѣса и вертены).

⁶⁾ Martinov, I. с., a. d.

сборникахъ житій святыхъ статья объ *Иереміи* помѣщается по сосѣдству, т. е. 4-го Ноября ¹⁾?

Я полагаю, что рядъ приведенныхъ мною календарныхъ совпаденій достаточно указываетъ на существованіе и въ русскихъ повѣрьяхъ представленія о Иереміи, гонителѣ змѣи. Воспоминаніе-ли это христіанизованной Александріи, вліяніе проложнаго житія, или отраженіе южно-славянскаго повѣрья — я не знаю.

Къ сходнымъ песточникамъ восходятъ, во всякомъ случаѣ, южно-русскіе рассказы о «рахманахъ».

Рахманы — *христіане*, живутъ гдѣ-то далеко, за далекими морями, подъ землею; они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца. Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, «крашанокъ», которыя доплываютъ къ Рахманамъ на Преполовленіе, и Рахманы тогда только празднуютъ пасху, «рахманьскій великдень» ²⁾. Въ этотъ день церковь соединяетъ воспоминаніе объ освященіи ангеломъ купели Силоамской съ воспоминаніемъ ученія Иисуса Христа о водѣ живою (Іоанн. 7, 38), при чемъ молится Господу о напоеніи всѣхъ жаждущихъ спасенія водами благочестія. На Руси освящаютъ воду на рѣкахъ и колодцахъ и существуетъ присловіе: «въ Преполовленіе Богородица Волгу переплыла» ³⁾.

¹⁾ У Коптовъ память Иереміи совершается 30-го Апрѣля и 5-го Сентября; въ эіопскомъ календарѣ 21-го Января. Сл. Ludolphus, Commentarius ad historiam Aethiopicam. Francofurti a/M, 1681, стр. 415, 432 (Annotatio XXII).

²⁾ Малороссы рассказываютъ, что гдѣ-то за-моремъ живетъ блаженный народъ *навы*; чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, они бросаютъ въ рѣку скорлупы крашенныхъ яицъ, которыя приплываютъ къ навамъ въ зеленый четвергъ = Навскій великъ день (Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 578).

³⁾ Чубинскій, Труды этнограф.-стат. экспед. въ западн. Русскій край. Юго-западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 220; III, стр. 24 и 29; Купчанко, Пѣсни Буковинскаго народа, стр. 356; Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія II, 141; III, 278; Калининскій, I. с., стр. 467—468; Петрушевичъ, I. с., стр. 48.

Въ Хожденіи трехъ иноковъ къ Макарію (сл. выше стр. 308) надпись Александра гласитъ: *всѣ воды мира приходятъ съ лѣвой стороны*; кто хочетъ выйти на свѣтъ, пусть пойдетъ на лѣво, т. е. вверхъ по теченію; *на право*, стало быть, *идя внизъ по теченію*, доберешься до страны блаженныхъ, къ пещерѣ Макарія. Крашанки, пущенныя въ воду, приплывутъ необходимо къ Рахманамъ. Замѣтимъ, что Рахманы Зосимы идутъ, слѣдуя указанію ангела, къ странѣ, гдѣ они и селятся; *идутъ по теченію рѣки*: «а може цдетъ вода, цдѣте и вы». Это—тотъ-же образъ; Рахманы Зосимы не «знаютъ числа лѣтамъ, ни годамъ, ни мѣсяцамъ, ни днямъ, по якоже единъ день, тако вси суть»; о наступленіи поста они узнаютъ потому, что деревья перестаютъ давать плодъ и съ неба падаетъ манна на пищу блаженнымъ; *когда же деревья снова принесутъ добровонный плодъ, они разумють, что наступило «новое лѣто» и приблизился день Воскресенія Господня* (сл. выше стр. 296—299).

Въ современномъ южно-русскомъ вѣрованіи и обрядѣ легко выдѣлить образы, навѣянные не народнымъ, а древнимъ литературнымъ преданіемъ.

У Молдованъ въ Бессарабіи 1-ое Мая посвящено памяти пророка Іереміи: *Armindin* или *Арминдяшъ*, собственно, *Ирминъ* день (южноболгарск.), т. е. день Іереміи; въ этотъ день не работаютъ, и ласточки не вьютъ гнѣздъ¹⁾. Иначе: *Armindenii* — название не только 1-го (Іереміи), но и 31-го Мая: дня св. Гермія, котораго *Tocilescu* приравниваетъ къ *Меркурію-Гермію*; именно Меркурію Римляне посвятили мѣсяцъ Май²⁾. Сближеніе можетъ быть удержано, но на почвѣ другого: Гермія = Іереміи, имя котораго могло вторгнуться въ готовый народный обрядъ безо всякаго отношенія къ легендѣ, отдавшей ему одно лишь имя. Перваго Мая румыны празднуютъ въ честь родимой звѣзды, вѣ-

¹⁾ Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости 1881 г., Отд. неофициальный, стр. 23; Сырку въ Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, 1884, № 10, стр. 36.

²⁾ Сл. Foia societatii Romanismulu, An. I (1870), Sept., № 6: Tocilescu, Poesia populara a romaniloru, p. 258.

шають на окнахъ и дверяхъ дома вѣтки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Подъ вечеръ, когда начинаютъ показываться звѣзды, накрываютъ въ саду или рощѣ столъ бѣлымъ убрусомъ, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ и вино и призываютъ одного нищаго для угощенія. На столѣ противъ прибора, между двумя восковыми свѣчами, полагаютъ икону Патрона. Слѣдующая румынская пѣсня, упоминающая Арминдяна въ связи съ звѣздами, едва-ли не одолжена своимъ происхожденіемъ внѣшнему сочетанію обряда и имени:

Armindénu, Armindénu,
S'au suitu pe carucénu,
Pe carucénu de sórele,
Drept se duce la zodiile.
Hai! hai! Armindénu,
Nu me fa sirimanu,
Vaileu stéoa nascerei
Fara ochiul Armindénului! ¹⁾.

(«Арминдянь, Арминдянь! сѣлъ на колесницу, на солнечную колесницу, и отправился прямо къ звѣздамъ. Ахъ! ахъ! Арминдянь, не оставляй меня спротою! Что мнѣ по родимой звѣздѣ безъ глаза Арминдянова!»).

Рядомъ съ этимъ образнымъ, почти мистическимъ пониманіемъ Арминдяна отмѣтимъ другое его значеніе: зеленой вѣтки, которую въ день 1-го Мая втыкаютъ передъ домами, итальянскаго *maggio*. Происхожденіе этого обычая румынская легенда объясняетъ такимъ образомъ: когда Евреи усѣкли ап. Иакова, замыслили такъ поступить и съ ап. Филиппомъ и съ этой цѣлью отмѣтили его домъ, посадивъ передъ нимъ деревце; на другой день такія-же деревца очутились передъ всѣми домами Иерусалима ²⁾. Свв. апостолы Иаковъ и Филиппъ памятуются западною церковью

¹⁾ Александръ де Хиждеу, Румынскія народныя пѣсни, Телескопъ, кн. XIV (1833 г.), стр. 503—4. Указаніе П. А. Сырку.

²⁾ Mannhardt, Wald- und Feldkulte, II, p. 216 прим. на стр. 215—216. Сл. такую-же нѣмецкую легенду у него-же, Mythologische Forschungen, стр. 13, прим. 1.

1-го и 2-го Мая; не лишне будетъ замѣтить, въ связи съ майскими повѣрьями о Іереміи, что отреченныя дѣянія ап. Филиппа въ Гіерополѣ наполнены его чудесами надъ змѣями и особливо надъ ехидною, которой поклонялись жители Офіорпмы. Совпаденіе этой легендарной подробности и времени чествованія Іереміи и — ап. Іакова и Филиппа ¹⁾ давало нѣкоторое право ожидать, что въ обрядности, приуроченной съ календарному празднованію апостоловъ, мы встрѣтимъ параллели къ знакомой намъ южнославянской, Іереміевской. Ожиданія эти не оправдались. Въ Сициліи, въ день перваго Мая, когда по повѣрью черти выходятъ изъ своихъ логовищъ, возбуждая бурю и непогоду, противъ нихъ обращаются къ помощи ап. Якова и Филиппа:

Santu Fulippu e Japicu biati,
Apostoli putenti e putintati
Agnisdei, Agnisdei, Agnisdei,
L'ariu binidiciti ed amittati.

Сл. еще сициліанскую пѣсенку, которую поютъ въ день 1-го Мая при собираніи златоцвѣта (*chrysanthemum*), отгоняющаго отъ жилья дьяволовъ, но полезнаго и противъ клоповъ:

Ciuri di maju cògghiu
Cimici a la me'casa nu'nni vògghiu;
Ciuri di maju cògghiu a la campia,
Fora li cimici di la casa mia ²⁾.

На западѣ повѣрій и заклинаній, сходныхъ съ южно-славянскими майскими, и притомъ съ пменемъ *Іереміи*, я не встрѣчалъ ³⁾,

¹⁾ Съ чередованіемъ Іереміи и ап. Филиппа и Іакова въ памятяхъ 1—2 Мая слѣдуетъ сравнить подобное-же чередованіе въ мѣстной Александрійской легендѣ: рядомъ съ Іереміей является другой палладіумъ города, гробница св. Марка, охраняющая его, по словамъ Прокопія Хартофилакса, отъ всякихъ бѣдъ, эпидемій и варварскаго разгрома.

²⁾ Pi trè, Archivio, II, 3, стр. 422—4; IV, стр. 100—1.

³⁾ Сходная обрядность встрѣчается въ Германіи и Франціи, но съ другимъ календарнымъ приуроченіемъ. «In der untern Ortenau (Grossherz. Baden) besteht noch folgender... Brauch: Am Vorabend von Petri Stuhlfeier (22 Febr.)... gehen die Knaben mit einer Schelle oder... mit einem andern klingenden Gegenstande versehen von Haus zu Haus mit dem Gesuche, die *Schlangen und*

но сохранился слѣдующій суевѣрный рецептъ, восходящій къ XII вѣку, съ именемъ Александра и водными змѣями, что невольно относитъ насъ къ воспоминаніямъ Іереміиной легенды. Вотъ текстъ заговора ¹⁾:

«*Probatio Alexandri Magni ad matrem suam Olimpiam.* Apprehende serpentem pluvialem sive aquaticum et vivum, suspende in tecto ligneo in tuto loco per caudam cum fune longo, capite insuper habenti, per dies VII, et ingredieris ad eum hora V noctis cum lucerna et stans a longe dic: Ego sum pro[to]plastus Adam in paradyso, da mihi lapidem, quem habes in ventre tuo». Змѣя извергнетъ камень, который окажется цѣлительнымъ — отъ водяной. Это указаніе заключается слѣдующими словами: «In multis enim medicinalibus libris alia et alia inveniuntur, nihil tamen mirabile probavi, nec tam enatum, quam istud. Aliq. multi (sic) scripta legunt incredentes, sed nihil certius credas, quam quod Alexander rex manu sua scripsit».

Слѣдуетъ пожалѣть, что не записаны (или не сохранились?) греческія повѣрья объ Іереміи и вообще не собраны свѣдѣнія о жизни Александровой легенды на почвѣ греко-византійскаго вѣрованія. Они пролили-бы много свѣта какъ на исторію этой легенды вообще, такъ и на вопросы ея международнаго обращенія

Kröten jagen zu dürfen. Nach gegebener Erlaubniss.... springen dieselben dreimal um das bezüglichliche Haus herum unter stetem Rufen: «*Schlangen und Kröten zum Tor hinaus!*»... Für diese Mühewaltung erhalten die Knaben vom Eigenthümer ein kleines Stück Geld oder auch eine Gabe Brod (Bauer, Schlangen- und Krötenjagen, въ Zs. f. deutsche Philol. IV, стр. 70—1). Сл. Wuttke, Der deutsche Volksaberglaube, стр. 22, 79; сл. еще 118 и Scheffler, Die franz. Volksdichtung u. Sage, I, стр. 284 слѣд.: о святкахъ дѣти ходятъ съ зажженными пучками соломы или хвороста, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсенки:

Taupes et mulots,
Sors de mon clos,
Ou je te mets le feu sur le dos.

—
Barbassionne,
Si tu viens dans mon clos,
Je te brûle la barbe et les os.

¹⁾ Zingerle, Recepte aus dem XII Jahrhundert, въ Germania XII, стр. 468.

и локализации. Иные изъ относящихся сюда рассказовъ и суевѣрїи могутъ восходить къ древнему времени, до воздѣйствїя на народную фантазію Александрова романа, въ той либо другой его формѣ; другіе несомнѣнно стоятъ въ чертѣ или на границѣ его вліянія. Къ первымъ относится, вѣроятно, загадочный для насъ намекъ Климентинъ (Ном. VI, 22), что жители Родоса поклонялись Александру (τὸν Μακεδόνα Ἀλέξανδρον Ῥόδιοι, т. е. προσκυνούσιν), и сообщеніе Златоуста, что въ его время суевѣрные люди привязывали къ головѣ и ногамъ мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго, приписывая имъ, очевидно, какую-то цѣлебную силу: «Τί ἄν τις εἶποι περὶ τῶν ἐπωδάϊς καὶ περιάπτοις κεχρημένων, καὶ νομίσματα χαλκᾶ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα τὰς κεφαλαῖς καὶ τοῖς ποσὶ περιδεσμούντων; Αὐταὶ αἱ ἐλπίδες ἡμῶν, εἰπέ μοι, ἵνα μετὰ σταυρὸν καὶ θάνατον Δεσποτικὸν εἰς Ἑλληνος βασιλέως εἰκόνα τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἔχωμεν; . . . Οὐ περιάπτα δὲ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐπωδάς σουτῶ περιάγεις, γραΐδια μεθύοντα καὶ παραπαίοντα εἰς τὴν οἰκίαν σου εἰσάγων; καὶ οὐκ αἰσχύνῃ οὐδὲ ἐρυθριᾷς μετὰ τσσαύτην φιλοσοφίαν πρὸς ταῦτα ἐπτοήμενος; Καὶ τὸ χαλεπώτερον τῆς ἀπάτης· ὅταν γὰρ παραινῶμεν ταῦτα καὶ ἀπάγωμεν, δοκοῦντες ἀπολογεῖσθαι φασιν, ὅτι Χριστιανὴ ἐστὶν ἡ γυνὴ ἢ ταῦτα ἐπάδουσα, καὶ οὐδὲν ἕτερον φθέγγεται, ἢ τὸ τοῦ Θεοῦ ὄνομα. Διὰ τοῦτο μὲν οὖν αὐτὴν μάλιστα μισῶ καὶ ἀποστρέφωμαι, ὅτι τῶ ὀνόματι τοῦ Θεοῦ πρὸς ὕβριν κατακέχρηται, ὅτι λέγουσα χριστιανὴ εἶναι, τὰ τῶν Ἑλλήνων ἐπιδείκνυται» ¹⁾).

¹⁾ Сл. Migne, Patrol. gr. t. XLIX, стр. 240. Такимъ-же суевѣрнымъ почетомъ, какъ встарь монеты Александра, пользуются нынѣ въ греческомъ простонароднѣи золотыя Константина Великаго (Κωνσταντῖνάτο): οἱ ἀπλοῖ τὰ σέβονται ὡς θαυματουργὰ, καὶ ἀγοράζουν ὡς τοιαῦτα ὄχι μόνον τὰ τοῦ Κωνσταντῖνου, ἀλλ' ὅλων τῶν ὁμωνύμων τοῦ αὐτοκράτορον τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Ὁ Πτωχοπρόδρομος ἀναφέρει καὶ Μανουηλάτον τὸ ἐπὶ τῆς βῆσιλείας Μανωνῆλ τοῦ Κομνηνοῦ νομιζόμενον. Сл. Буζантіу, Λέξικον τῆς καθ' ἡμᾶς Ἑλληνικῆς διαλέκτου, ed. 3, a. v. Κωνσταντῖνάτο. Про казну царя Константина, мѣсто нахождения которой знаетъ лишь самый старыи въ свѣтѣ орелъ, рассказываетъ болгарская сказка у Шанкарева, Български народни присказки и вѣрвания, № 21; въ Сербїи его день чествуется цехомъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (Караџић, Живот, стр. 85).

Относительно другихъ Александровскихъ преданій трудно рѣшить, какимъ теченіемъ они опредѣлились: литературнымъ, или народнымъ, безсознательно переносившемъ на Александра все чудесное, грандіозныя постройки и замыслы, въ родѣ волшебнаго зеркала на александрійскомъ маякѣ (Масуди), или подземнаго прокопа между Чернымъ и Сѣвернымъ морями (Даниль) ¹⁾. Литературнымъ источникомъ, т. е. знакомствомъ къ какой нибудь версіей Александра романа, объясняются, наоборотъ, такъ называемыя сказки объ Александрѣ, въ родѣ греческой, записанной у пастуховъ на Парнасѣ ²⁾, либо русской: о нечистыхъ народахъ ³⁾, или болгарской: о сестрѣ Александра. На отношеніе послѣдней и соотвѣтствующаго румынскаго преданія къ одному эпизоду Псевдокаллистоена я указывалъ перазъ ⁴⁾; къ этимъ параллелямъ я присоединю теперь и новогреческія. На Закинѣ рассказываютъ, что влaстительница перенды была сестрою Александра Македонскаго ⁵⁾, и обращаются къ нимъ съ такимъ заклинаніемъ: «Χαίραμεναις, καλόκαρδαις! Μέλι και γάλα ἔς τοῦ βασιλέα τὴν τάβλα! Ἔσ τη ψυχῇ τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου, κακὸ μὴ μοῦ κάμετε». Въ Македоніи, когда поднимается сильная буря, причиняемая, по повѣрью, перендами, причитаютъ: «Μέλι και γάλα (трижды) κάπ' ἀπ' ἐδῶ πέρασεν ὁ βασιλεὺς Ἀλεξάνδρος: ζῆ και βασιλεύει (трижды)» ⁶⁾. Въ Черномъ морѣ въ той-же роли являются горгоны или и одна Горгона: чудовищная полу-женщина, полурыба, останавливающая корабль, вопрошая пловцовъ: Живъ-ли царь Александръ? (Ζῆ ὁ βασιλεὺς Ἀλεξάνδρος?) Если тѣ отвѣтятъ, что да (Ζῆ και βασιλεύει, либо: Ζῆ και βασι-

¹⁾ Сл. мои Мелкія замѣтки къ былиннамъ въ Ж. М. Нар. Просв. 1885, Дек., стр. 188—9; и тамъ-же, Май. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, стр. 171—2.

²⁾ Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen etc.: Sagen, № 14.

³⁾ Афанасьевъ, Нар. русскія сказки, № 183.

⁴⁾ Сл. выше, стр. 221—222, 228—231, 271 и прим. 1; прим. 2 на стр. 289—290.

⁵⁾ Bernhard Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen I, p. 107; сл. p. 125.

⁶⁾ Πολίτης, Δημόδαις μεταφορολογικὸι μῦθοι, p. 42.

λέγει καὶ τὸν κόσμον εἰρημεύει, ппн: Ζῆ καὶ βασιλεύει καὶ ζῶν ἄγχετε καὶ σεῖς), она исполняется радости, оборачивается красавицей, затагиваетъ подь звуки лиры сладкозвучную пѣсню и утишаетъ море; если отвѣтятъ, что умерь, приходитъ въ страшный гнѣвъ и высоко швыряетъ корабль, такъ что всѣ погибаютъ. Иначе говорятъ, что услышавъ печальный отвѣтъ, горгоны удаляются съ плачемъ, а ихъ слезы производятъ бурю, отъ которой кораблю нѣтъ спасенія.—Въ одной сказкѣ изъ Пароса Горгона — красавица съ бѣлокурыми волосами, показывавшаяся изъ моря и требовавшая себѣ челоѳческой дани съ проходившихъ судовъ; «сынъ старухи», герой сказки, ослепилъ еѣ и заставилъ навсегда отказаться отъ своихъ требованій. Она клянется — матерью-морею и — отцомъ Александромъ (ὀρκίζομαι εἰς τὴ μάνα μου τὴ θάλασσα καὶ τὸν πατέρα μου τὸν Ἀλέξανδρον) ¹⁾.

Во всемъ этомъ отразился, несомнѣнно, одинъ и тотъ-же образъ Псевдокаллипсоеновской Калы, перенды, но образъ, не остановившійся на стадіи сказки, а проникшій въ вѣрованія, какъ у румынъ онъ отложился въ представленія судицы, паречницы, феи. Естественно ставится вопросъ: совершился-ли этотъ переходъ самостоятельно — въ Греціи и Румыніи, или процессъ былъ односторонній, передавшійся въ готовыхъ формахъ изъ одной области въ другую? Развитие Іереміиной легенды вызываетъ такія-же соображенія; хотя за отсутствіемъ греческихъ параллелей здѣсь меньше матеріаловъ для постановки вопроса, самое названіе 1-го Мая: Армпидянь доказательно: *Ирминъ-день* можетъ принадлежать лишь славянской средѣ.

Чередованіе въ новогреческихъ повѣрьяхъ именъ Горгоны и перенды, того и другого съ именемъ Александра, можетъ быть доказательно по другому вопросу. Въ русскихъ спискахъ Александринъ мы отмѣтили (сл. выше, стр. 231 прим. 2) эпизодъ, не встрѣтившійся намъ ни въ южнославянскихъ, ни въ греческихъ текстахъ: о встрѣчѣ Александра съ Горгоной. Я попытался

¹⁾ Πολίτης, Μελέτη I, стр. 62—3 и его-же: 'Ο παρὶ τῶν Γοργόνων μῦθος, стр. 2 и 11—12 отдельнаго оттиска, любезно доставленнаго мнѣ авторомъ.

истолковать его изъ смѣшенія и искаженія текста, но самое имя Горгоніи осталось необъясненнымъ. Не было-ли этого эпизода уже въ какомъ-нибудь южнославянскомъ, стало быть, и греческомъ спискѣ? Интересно, во всякомъ случаѣ, что какъ Горгонѣ новогреческое повѣрье приписываетъ сладко-звучную пѣснь, такъ и о Горгоніи въ русской Александріи говорится, что она, подобно Сиренѣ, привлекала къ себѣ животныхъ и людей.

IX.

ВОЙНА СЪ ПОРОМЪ. — АМАЗОНКИ И БАНДАБА.

Эпизодъ о Иереміи, существенный для всего плана сербской Александрии, отвлекъ насъ отъ послѣдовательнаго разбора ея содержанія, къ которому мы и возвращаемся — а именно къ войнѣ Александра съ Поромъ, непосредственно слѣдующей въ нашемъ текстѣ за походомъ въ невѣдомыя страны (сл. выше гл. II, стр. 223—4, 232).

Поръ или *Форъ*? Обѣ формы одинаково употребляются въ славянскомъ текстѣ; слѣдуетъ-ли объяснить это особенностью языка, свойственной одной группѣ памятниковъ, въ которыхъ *ѣ* въ именахъ собственныхъ и нарицательныхъ часто смѣняется въ *и*? Сл. въ нашемъ текстѣ: Фригія—Придія, финикъ—пиникъ, Фарижъ (φάρισον) — нарижь, Вукефалъ — Дучиналъ, Клеофила — Клеопила; въ Троянской притчѣ: Прижіа (Phrygia), придежъскъ (phrygius)¹⁾; въ бѣлорусскихъ Тристанѣ и Бовѣ и, вѣроятно, въ ихъ южно-славянскомъ оригиналѣ: Пелпшъ (Felis), Перемонтъ (Ferramonte), Лукаперъ (Luciferro). Троянская притча знаетъ и обратный переходъ, *и* въ *ѣ*: Фарижъ (Paris), Фелешъ (Peleus), рядомъ съ Пелешъ, какъ въ нашемъ памятникѣ Форъ рядомъ съ Поромъ — можетъ быть *Für* восточныхъ Александрій? Интересно при этомъ, что въ старыхъ славян-

¹⁾ Сл. сопоставленія въ мошхъ Южно-русскихъ былинахъ, II, стр. 79—80.

скихъ повѣстяхъ объ увозѣ Соломоновой жены похититель зовется *Поромъ*, въ нѣмецкой поэмѣ о Соломонѣ и Морольфѣ — *Rhago* = *Форъ*? Въ вѣнской рукописи и новогреческой народной книгѣ *Πέρσος* — *Πῶρος* Псевдокаллистоена.

Въ сравненіи съ рассказомъ послѣдняго (С, III, 1—4) сербская Александрія представляетъ, помимо нѣкоторыхъ измѣненій послѣдовательности, новую роль Филона и письмо Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю, содержаніе котораго приведено было нами отчасти уже выше (сл. гл. II, стр. 224—5).

У Pseudocall. С, III, 3, Филонъ названъ лишь однажды, по случаю измѣны, готовившейся въ войскѣ, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. Сербск. текстъ Новак. III, 3 = Ягичъ, I. с. стр. 290 и новогр. нар. кн., стр. 128, называютъ въ этомъ эпизодѣ вмѣсто Филона — Птолемея; Александръ держитъ рѣчь, послѣ которой Македоняне каются, сваливая замыселъ предательства на невѣрныхъ и трусливыхъ Персовъ, которыхъ Александръ наказываетъ своеобразно: «въ жен'ске свитѣ облѣпти ихъ повелѣ и плат'на жен'скаа на главахъ носити повелѣ» (сл. Ягичъ, I. с., стр. 291; сл. новогр. нар. кн. р. 130: *ἐνδύσαν τοὺς γυναῖκια ῥοῦχα, τυλίγωντας τὰ κεφάλια τοὺς μὲ κόκκινα μανδύλια, τὰ ὅποια φοροῦσιν ἕως τὴν σήμερον οἱ Πέρσαι*).

Это черта лишняя противъ Псевдокаллистоена, какъ и вся роль Филона (сл. выше стр. 248—249). Онъ сопровождалъ Александра въ его хожденіи по невѣдомымъ странамъ; дойдя до предѣловъ Индіи Александръ посылаетъ его въ Персію (Нов. III, 1, Ягичъ, I. с., р. 287), властителемъ которой онъ былъ ранѣе того назначенъ, и туда уже пишетъ ему (въ новогр. нар. кн., стр. 130: ему и Селевку) письмо, вызывая его къ себѣ на помощь съ войскомъ, съ которымъ онъ (новогр. нар. кн.: и Селевкѣ) и является, бѣдетъ съ Поромъ на рѣкѣ Алфіонѣ (новогр. нар. кн., стр. 132: *Ἀλφειός*) и идетъ къ нему поклонсаремъ, съ посланіемъ Александра и вызовомъ на единоборство (Нов. III, 4—5, Ягичъ, I. с., стр. 291—295). Сл. W, стр. 59 и прим. 1; новогр. нар. кн., стр. 130 и слѣд.

Что касается посланія Александра къ Олимпіадѣ и Аристотелю (Нов. III, 2 = Ягичъ, 1. с., стр. 288—290; шѣтъ въ W и въ новогр. нар. кн.), то, какъ мы видѣли выше, оно отвѣчаетъ по плану такому-же посланію Pseudocall. C, II, 23 и слѣд., содержаніе котораго, лишенное своей эпистолярной формы и нѣсколько измѣненное, приняло въ сербской Александріи форму разсказа (сл. выше гл. II). Приведу здѣсь начало посланія для характеристики сентиментальности, свойственной нашему роману и особливо крѣпнущей, чѣмъ ближе мы подвигаемся къ развязкѣ. Вотъ уже четыре года, пишетъ Александръ матери и учителю, «отъ нелже вашему не възвѣстисмо срьдолюбьствоу, и о семь вась много жалити м'ню, и многимъ за вась обѣдрьжими есмо скръб'ми. И вѣ доушею болите много, м'ню, и мыслими мнозѣми обоуреваемѣ есте; ꙗкоже и корабь нѣкимъ вълнами обоуреваемъ, тако и срьдца ваша потоплена соуть жалостію за насъ. Многашти бо въ с'нѣ вась видѣхъ и къ вамъ срьдчними очима влѣкомъ бѣхъ, и жалост'нѣхъ вась и радост'нѣхъ видѣхъ. Оумъ въ с'нѣ многаа обѣтечеть зрѣти и далеч'наа мѣста. И тако отъ сна вьстанѣ и лъжно мычтаніе поустивъ, и жалостьнѣ бывахъ о семь, ꙗкоже въ нѣвѣ растаѣ се съ вами мне. Се тебѣ страдати мати! Многашти бо въ с'нѣ зриши ме, и съ мною веселити се радост'на еси, и, ꙗкы отъ сна вьстав'ши, прѣльст'наа оузнав'ши, не мало скръбиши. Тако бо и в'си страждоуть, ꙗже срьдчноую любовь имѣють. Вѣмъ бо те, мати, неизречен'ноюю любовь имѣти къ еднородномуу сыноу, а въ дал'нихъ земляхъ соуштоу; тако бо и всемъ матеремъ подобаѣтъ за сынове свои болети. И твою любовь, юже къ мнѣ, монѣ извѣствоуютъ срьдце; срьдце бо срьдцоу жалость и радость оуказуютъ. Да о в'сѣмъ овемъ съгрѣшенію мплостива боуди и съгрѣшеніе намъ прости; не бо отъ нелюб'ве вамъ писати съгрѣшихомъ, нѣ пропоуштати къ вамъ к'нигы не могохомъ; съ вьстока бо доидохомъ и въ Ин'діе есмо. Ин'діа насъ вмѣсти, да, ꙗлка намъ прилучише се, в'са епистолиа вамъ тазѣ възвѣститъ и вса, ꙗже о насъ, кажетъ. Вѣсте бо, ꙗкоже прѣжде писасмо, како Пер'сид'ско царство прѣбехомъ» и т. д. (сл. II-ю главу,

стр. 224—5 и посланіе къ Олимпіадѣ и Арпстотелю у Новаковича II, 16).

За вычетомъ этой эпистоли и всего эпизода о Филонѣ, соотвѣтствіе съ Псевдокаллисеномъ, не дословное, а содержательное, представляется для нашего отдѣла въ слѣдующемъ:

1. *Посланіе Фора къ Александру и отвѣтъ послѣдняго* (Новак. III, 1 = Ягичъ, I. с., стр. 287—8, W, стр. 57—8: сокращено; греч. нар. книга, стр. 126—8; рум. нар. кн. стр. 74—5) = Pseudocall. C, III, 2. Сл. конецъ Александровой эпистоли: онъ пишетъ Пору: Παρ' ἐμοῦ κατασχεθεὶς τοῖς ἐν σοὶ ἐξουθενωθήσῃ καὶ παραπεμψθήσῃ θεοῖς, οὐκ ἐν μακάρων χώρᾳ, ἀλλ' ἐν Ἰδῶν συνεῖναι Πλούτωνι καὶ Περσεφόνη = сербск. текстъ: не въ макарон'ски отокъ послати те пмавъ, идеже боги твои мниши быти, нъ въ адъ дол'ни съ земляними мочити се, тамо бо суть они въ геене, ꙗкоже миѣ Юфан'тъ макарон'ски царь сказа (Нов. I. с., стр. 95); греч. нар. книга, стр. 128: θέλεις ὑπάγει μὲ τοὺς θεοὺς σου ἀπ' ἅμα νὰ κολλάξῃσαι εἰς τὰ καταχθόνα τοῦ ᾄδου.

[2. Посланіе Александра къ Олимпіадѣ и Арпстотелю, Нов. III, 2 = Ягичъ, I. с., стр. 288—290; о немъ см. выше, стр. 224—5 и 381 и рум. нар. кн. стр. 75—6: сокращенно].

3. *Поръ собираетъ войско*, «и обрѣте .л. тисоушть и .л. тисоушть львовъ, ꙗже бѣхоу на брань наоучени» (вар.: войска «осам тисућ тисућ и десет тисућ лавов). Въ войскѣ Александра готовится *измѣна*, о которой Александръ узнаетъ черезъ Птолемея. [Затѣяли ее Персы, находившіеся въ войскѣ Александра, который подвергаетъ ихъ унижительному наказанію, а самъ считаетъ свои силы: «.с. тисоушть тисоушть», и пишетъ Филону въ Персію, съ требованіемъ помощи]. *Бой съ Поромъ*: «Поръ .л. тисоушть напрѣдъ поустн львовъ. Алексен'дръ же прѣмо ихъ тисоуштоу биволь посла неоученехъ; львоуе же съ ними съразише се, и опеть вратише се оу свою войску». И Поръ и Александръ дѣлять свои рати на три части; у перваго убитыхъ «.о. (вар. .в.) тисоушть люди, а отъ Алексен'дровехъ .ле. тисоушть, и отъ Македонцанъ

.е. сътъ». Во второй разъ Поръ высылаетъ въ дѣло «.р. тисоушть ѳлефан'тъ», «пир'гове на нихъ дрѣвѣне сътвори, на коемъ ждо пир'гоу .к. ороуж'никъ постави, п тако на бои на Алексен'дра поусти. Алексен'дръ прѣма пхъ на бои пошьдъ, воѳ же .с. тисоушть поведе пешьць, п в'семь прапор'це (вар. прибавляетъ: на коне поставити) носити рече, и ноги слоновомъ подсѣцати, слонове же, прапорьць звекъ не видѣвше, оуплашив'ше се побѣгоше. И тоу одъ Поровехъ Алексен'дръ оуби тисоуштоу п четири ста п .н. (вар. тис. тисоушть; четира ста тисуh), а одъ Алексен'дровехъ тисоушта п .с. (вар. тисоушть .с.) моужь». Нов. III, 3—4 = Ягпчъ, I. с., стр. 290—292. Сл. W, стр. 58—9 (сокращено п многое опущено); греч. нар. кн. стр. 128—132: войска у Пора 50 милліоновъ, львовъ десять хиліадъ; измѣнники персы наказаны; войска у Александра шесть милліоновъ; онъ пишетъ въ Персію Филону п Селевку; противъ десяти хиліадъ львовъ онъ напускаетъ τέσσαρες χιλιάδες βουβάλια καὶ βοῖδια ἀμάθητα. Ἐσμίχθησαν οἱ λέοντες μὲ τὰ βουβάλια καὶ βοῖδια καὶ ἐπνίγονταν. — То-же дѣленіе войска на три части, съ той п другой стороны; «ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοῦ Πόρου τὸ φουσάτον διακόσιαις χιλιάδες, καὶ ἀπὸ τοῦ Ἀλεξάνδρου χιλιάδες ἕξ ἡμισυ». Слѣдуетъ та-же подробность о слонахъ съ башенками; Александръ велитъ κάθε καβαλλάρην νὰ βάλῃ κουδούνια εἰς τὸ ἄλογόν του. Εἶχε καὶ πεζοὺς ἀρματωμένους διακόσιαις χιλιάδες, τοὺς ὁποίους ἐπρόσταξε νὰ κόψουν τὰ ποδάρια τῶν ἐλεφάντων, которые, устрашенные звономъ колоколицевъ, пускаются бѣжать. Изъ войска Порова убито χιλιάδες τριάντα, изъ Александрова всего двѣнадцать. Сл. рум. нар. кн. стр. 76—78.

За исключеніемъ подробности о персахъ измѣнникахъ п Филонѣ (помѣщенной нами въ скобкахъ), все остальное встрѣчается, съ вариантами п въ нѣсколько иномъ порядкѣ, въ Pseudocall. C, III, 3: Поръ собираетъ войско, множество слоновъ п иныхъ звѣрей (лишнее: Александръ идетъ лазутчикомъ въ станъ Пора); бой съ Поромъ: его звѣрямъ Александръ противопоставляетъ мѣдныя, раскаленные статуи; тогда индійцы выводятъ слоновъ, съ башенками п вооруженными людьми на нихъ. Македоняне устрашены,

у нихъ является замысль *измѣны*; Филонъ докладываетъ объ этомъ Александру, который держитъ къ войску рѣчь, а на другой день, когда показались слопы, велитъ своимъ гоплитамъ *ἐμπροσθεν αὐτῶν ἀκοντίσαι σφιχρότατα ὑρίων βρέρη*, крика которыхъ слопы пугаются и бѣгутъ.

Замѣтимъ, къ генеалогіи редакціи С: Вукефаль погибаетъ въ битвѣ — согласно съ текстомъ В; а далѣе, въ той-же главѣ онъ же выноситъ Александра изъ сѣчи и умираетъ лишь при смерти своего хозяина, какъ въ сербскомъ изводѣ. Редакція С свела вѣдшимъ образомъ показанія В и того другого текста (С¹), который и былъ источникомъ разбираемой нами рецензіи.

4. [Форъ удаляется за рѣку «Ал'фюнь»; между тѣмъ Филонъ привелъ изъ Персіи вспомогательное войско и принесъ Александру «діадимю многоцѣн'ноу и стѣмоу многоцѣн'ноу одъ Роксан'де царице, и тисоуштоу товаръ злата *κλ'содоу спен'зе*» (вар. ездоу и спензоу; ек'содоу и спензы, ек'содоу спен'зе; въ текстѣ Ягича: тисуш' товаровъ злата *стра'шеню*; сл. новогр. нар. кнѣгу, стр. 133: *τρίαντα ὑλιάδες καμήλια φορτωμένα χρυσάρι δια ἔξοδον*. Спенза = итальянск. *spesa*?). Онъ проситъ Александра — «Великыи хон'киаре и анасаре (вар. хокниаре и насаре) Алексен'дре!» — дозволить ему вступить въ бой съ Поромъ; на его замѣчаніе, что рѣка Ал'фюнь непроходима, онъ говоритъ: «макѣдоніпскимъ конемъ ни ѣдина рѣка не стоить нарокомъ твоимъ, Алексен'дре, ни гори не стоить, ни рѣкы, ни лоугове». Кошица переправляется черезъ Ал'фюнь, каждый всадникъ взялъ съ собою по нѣхотинцу; нападеніе было сдѣлано въ распахъ, когда войско Пора обѣдало; слѣдуетъ сѣча и бѣгство Пора, который изъ Индиполя шлетъ посланіе «къ окол'пимъ кзыкомъ», прося ихъ помощи. «Се же кзыци слышав'ше, вьспѣже на север'ной странѣ, вьспѣ къ Фороу на помощъ прїидоше». Нов. III, 4 = Ягичъ, I. с., стр. 292—294; новогр. нар. кн., стр. 132—135: Филонъ и Селевкъ; рѣка Ал'фей; Поръ удаляется въ Геліополь. Въ W всего этого эпизода нѣтъ (сл. стр. 59 прим. 1); сл. рум. нар. кн., стр. 78—80: Филонъ; рѣка Евфратъ; Поръ бѣжитъ въ Индію].

[5. Войска Пора и Александра стоятъ другъ противъ друга; Александръ шлетъ Филона къ Пору съ посланіемъ, въ которомъ предлагаетъ ему рѣшить битву поединкомъ. Какъ эпистолія, такъ и бесѣда Пора съ Филономъ полны общихъ мѣсто. Поръ предлагаетъ Филону четвертую часть Индіи и руку дочери, если онъ откажется отъ Александра; Филонъ отвѣчаетъ смѣло и на упрекъ Индійцевъ говоритъ: «сил'на господина вол'нь поклисарь и вѣр'нь слоуга соум'нѣ не имать»; также почти отвѣчаетъ персидскимъ вельможамъ самъ Александръ, пробравшійся подъ видомъ посла ко двору Дарія (сл. выше стр. 245). — Когда Филонъ вернулся, Александръ спрашиваетъ его: «Каковъ юнакъ есть Форъ? Онъ же къ нѣмоу глаголаше тако: Тела оубо велика нсть и дебела, тко оубо зело, нъ гнила» (вар. тила велика е, висок шест лакот, и дебела ника да гнила; Pseudocall. C, III, 4: ἦν γὰρ Πῶρος πηχέων πέντε). Сл. Pseudocall. C, III, 3, въ эпизодѣ, не воспроизведенномъ въ нашемъ текстѣ: объ Александрѣ — лазутчикѣ въ бесѣдѣ съ Поромъ, къ которому его привели: Πῶς ἔχει Ἀλέξανδρος; ὁ δὲ εἶπεν· ζῆ καὶ ὑγιαίνει, καὶ ἐπιθυμεῖ ἰδεῖν τὸν τοιοῦτον βασιλέα Πῶρον]. — Нов. III, 5 = Ягичъ, I. с., стр. 294—295; W, стр. 59 (кратко), греч. нар. книга, стр. 135—137; рум. нар. кн. стр. 80—81. Замѣтимъ начало эпистоліи въ W: Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγυιάρης (греч. нар. кн.: ἀθρόντης τῶν βασιλέων) = слав. Алексен'дръ насарь и великыи хон'киарь. Варианты послѣдняго слова даютъ формы: хон'каръ, хонакар, хокпгарь, хунаръ, хонарь, что акад. Ягичъ сближаетъ съ персидскимъ hupag = юнакъ ¹⁾).

Всему этому эпизоду отвѣчаетъ у Псевдокаллистоена C, III, 4 лишь небольшое посланіе Александра къ Пору съ предложеніемъ единоборства.

6. *Единоборство Александра и Пора*, Нов. III, 5 = Ягичъ, I. с., стр. 295; W, стр. 59—60; греч. нар. книга, стр. 137

¹⁾ Jag. I. с. p. 215. Другой эпитетъ Александра: насарь (вар. анасарь, сл. выше, стр. 386) = W βασιλεὺς сближается съ арабск. nasr = защитникъ, покровитель. Сл. I. с. ib.

и слѣд., рум. нар. кн. стр. 81—3 — только болѣе развито противъ Pseudocall. C, III, 4. Въ греч. нар. кн. εἰς τὸ Πόρου τὸ φουστότον γίνεται θόρυβος (Pseudocall. I. c. θόρυβος οὐ γίνεται ἄρνω εἰς τὸ τοῦ Πόρου στρατόπεδον), онъ оборачивается, а Александръ пользуется этимъ, чтобъ нанести ему ударъ. Это, очевидно, подновленіе изъ Псевдокаллистоена, подобное другимъ, уже встрѣчавшимся намъ въ этомъ текстѣ. Въ сербск. Александрии Александръ обманно спрашиваетъ Пору: «такова-ли вера твоя есть, Поре, воиска бо твоя на помощи ти идетъ?», что и заставляетъ обернуться противника. Такъ и въ W и въ рум. нар. книгѣ. — Въ единоборствѣ участвуетъ и Вукефаль: «Доучипаль же кона Порова зобпи за вратъ похвативъ, къ земли притиште» (= новогр. нар. кн., W, рум. нар. кн.).

Александръ ἐκέλευσε τὸν βασιλέα Πόρον θάπτεισθαι βασιλικῶς, ὡς καὶ τὸν Δαρείον . . . ὡς δὲ τοῖς βασιλείοις Πόρου ὁ Ἀλέξανδρος εἰσέδω, τὰ τίμια πάντα τοῦ παλατίου αὐτοῦ παρέλαβε (Pseudocall. C, III, 5). Это указаніе такъ развито въ нашей Александрии: «Тѣло-же Форово възъмь, на златѣ одрѣ положи, и въ столъный градъ въ Индиюль принесе. Царьца-же кго Клитмиштра (вар. Клетимишта), власп до земли распоуствѣши и крзюно многоцѣнпою на себе раздрѣши, и съ десеть тисоуштами индѣйскихъ владыкъ, съ плачемъ велицѣмъ и риданцѣмъ тѣло Форово срѣтоше и жалостно оплакаше. Алексендръ же ноставити его на поли (ноставити) повеле на златомъ одроу, и стемоу великоу на главоу кго; и тако съ в'сомъ воискомъ оплакавъ кго, и тако съ чьстною оукопати кго повеле. И тоу .лв. дыш прѣстолавъ, Алексендръ же въ Индиюль отиде. Введоше кго въ царствіа Форова, и толика тоу вьноутрь видѣ, кже око не видѣ и оухо не слыша. Полата кго бѣ велика на .д. стрѣльнѣ дълга (вар. прибавляетъ: и широка), златѣ кн стѣшѣ бѣхоу, и покровъ златъ вьсь, и стѣпове в'сп злати, съ бисеромъ и каменцѣмъ многоцѣннимъ оукрашенны бѣхоу, .лв. мѣсець оу чловѣчехъ образѣхъ, кждо по свокому подобію, оу злаатоу свѣтеше се изваши бѣхоу; вѣхъ-же великихъ царь бокаве и .лв. добродѣтели чловѣчьскихъ (вар. прибавляетъ: жен-

скими) образи оу златѣ изваѣни бѣхоу, и всако по своѣмоу подобію; часовныкъ месечны и имена лоун'наа (вар. мина луна) връхъ полате теѣ». Слѣдуетъ описаніе другихъ Поровыхъ драгоценностей, напоминающее сходныя, не разъ встрѣчающіяся въ нашемъ текстѣ. — Нов. III, гл. 5 = Ягичъ, I. с., стр. 295—296. Сл. греч. нар. книгу, стр. 138—139: тѣло Пора доставлено въ Геліополь; его оплакиваетъ жена его *Κλυτεμνήστρα . . . με δέκα χιλιάδες ἀρχοντίσσαις τῆς Ἰνδίας*; изъ описанія дворца: *εἶχεν ιστορισμένους εἰς τὸ παλάτι τοὺς πολέμους τῶν βασιλέων ὀλονῶν, τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἀνθρώπινα εὐμορρα κατὰ τάξιν*. 'Εστῆκαν ὀλόγυρα τοῦ παλατίου μανουάλια ἑκατὸν ὀλόγυρα καὶ πάντοτε ἀναμμένα. W включаетъ, послѣ упоминанія мѣсяцевъ, и еще одну подробность, сходно съ слав. текстомъ: *καὶ ταῖς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς πρέχει τοῦ καθενὸς μηνός*.

Описание Порова дворца встрѣчается а) въ *Epistola Alexandri*; б) въ *Historia de preliis* пространнаго типа ¹⁾; слѣдующей выпиской изъ старопиталианскаго перевода *Historia*'и (*Venezia*, 1477), по экземпляру Британскаго музея, я обязанъ любезности бывшаго моего слушателя, Р. О. Ланге.

Alexander vero castra metatus est ibi et fecit diis suis victimas precepitque sepeliri tam Indos, qui in ipso prelio interfecti sunt, quam et suos. Altera autem die expugnavit ipsam civitatem Pori apprehendensque eam ingressus est palatium eius et invenit ibi que incredibilia humanis mentibus videbantur, id est quadringente colonne auree cum capitellis aureis, et vinea pendebat inter ipsas columnas, que habebat folia aurea, et rami illius erant alii de cristallo,

Alexandro messe li el suo campo e fece che li suoi feno sacrificii ali dei, e comandò che li Indi e Medi e Persi fosseno sepelidi. E l'altro zorno combate la zita de Porro e si la prese. Intrò in el palazzo de Poro e trovò cose che no parave credere li sentimenti humani, cioè quatrocento colonne d'oro cum tutti suoi capitelli et intra queste columpne una vigna d'oro con tutte le sue foglie d'oro, e li graspi erano altri de cristallo, altri de smeraldi, altri de margarite

¹⁾ Kinzel, *Zwei Recensionen*, p. 22; Zingerle, I. с. стр. 32, стр. 205—6, текстъ котораго и приводится далѣе; другой, по доступнымъ ему текстамъ *Historia*, даетъ Kinzel въ *Zeitschr. f. deutsche Philologie*, XVII B., стр. 98 слѣд.: *Zur Historia de Preliis*.

alii de margaritis et unionibus, alii de smaragdis et onichitis. Et erant parietes illius palatii investiti de laminis aureis, quas incidebant Macedones, et inveniebantur grosse ad instar digiti hominis de manu, erantque ipsi parietes ornati ex margaritis et unionibus et carbunculis et e smaragdis et amethystis. Porte vero predicti palatii erant eburnee et lacunaria ebena et camere eius de lignis cipressinis, et in aula ipsius palatii erant posite statue auree et inter ipsas stabant platani aurei, in quorum ramis erant multa genera avium, et (invenit) unamquamque avem tinctam secundum suum colorem habebantque ungulas et rostra inaurata, et in auribus earum pendebant margarite et uniones et, quando volebat Porus rex, per musicam omnes melodificabant secundum suam naturam. Et invenit in ipso palatio multa vasa aurea et argentea, gemmea [seu] et cristallina ex omni genere facta, ad obsequium hominum pertinentia.—Deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspicas et castra metatus est ibi.

e diverse prede preciose. E la parete de quel palazzo erano coperte cum lame d'oro si che tagliade parevano che fosseno grosse un dedo. Et erano le ditte parete ornade da prede preciose cioè de margerite, de carboncoli, de smaraldi et ametisti. E le porte del ditto palazzo erano de avolio, le camere de ligni de cipresso. E nela sala de quel palazzo era statue d'oro fate, intro le quale era platani d'oro, in li rami de le quale erano ucelli de molte generacione. E zashadun de quelli ucelli era depento secundo el suo natural color, li bechi e le unge si erano tutte d'oro finissimo. E quelle ucelle dognora che voleva Porro cantavano dolcemente per arte musica, e caschadun faceva el verso secundo la sua natura. E trovò en el dito palazzo vasi d'oro innumerabili e geme cristalline de ogni generatione fatte, pochi ne appareva de argento. E mosso lo suo exercito venne alle porte Caspie.

Ekkehardus Uraugiensis (начала XII вѣка) въ своей хроникѣ пересказалъ содержание Historia de preliis и описаніе Порово дворца въ сходномъ съ нею текстѣ, но въ иной связи, а именно— въ посланіи Александра къ Аристотелю, вѣроятно подъ вліяніемъ Epistola'ы, откуда этотъ эпизодъ попалъ и въ пространную редакцію Historia'и. Рядомъ съ выдержкой изъ Эккгарда¹⁾ я сообщаю тождественный отрывокъ изъ Посланія пресвптера Іоанна, по редакціи D²⁾, съ цѣлью указать на одинъ изъ ея источниковъ.

¹⁾ Monumenta Germaniae historica, t. VIII, Script. t. VI, p. 70.

²⁾ Zarncke, De epistola quae sub nomine presbyteri Iohannis fertur, p. 46.

Elkehardus Uraugiensis.

Apprehendit enim (sc. Alexander) civitatem ipsius Pori et domum ejus magnificam, in qua fuerunt quadringenta columnae aureae cum capitellis aureis, et parietes domus erant vestiti laminis aureis, quae erant grossae in spissitudine sicut est digitus hominis, vinea quoque aurea et racemi crystallini, quibus interpositae erant gemmae ignitae et smaragdinae. Omnes etiam mansiones quae inerant ei, ornatae erant de margaritis et unionibus et carbunculis et januae habebant de ebore albo, et laquearia subfixa de ligno quod dicitur ebenum et est nigrum, nasciturque in India et Ethyopia, et camerae erant factae de cypressis. Foris autem extra domum erant statuae de auro positae et platani aureae et inter illas erant multa genera aucellarum varii coloris et habebant unguulas et rostra inaurata, et in auriculis pendebant margaritae et uniones. Multa quoque vasa gemmea et crystallina et aurea invenit ibi, argentea vero pauca.

Epistola.

(Habemus aliud pallacium, quod fuit Pori, regis Indorum...). Ibi sunt columpnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columpnas, habentes folia aurea et ramos alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis, et parietes ejus sunt vitreae laminis aureis ligatae, quae sunt grossae quemadmodum humani digiti, qui parietes ejus sunt ornati ex margaritis et omni lapide precioso. Fores enim pallacii sunt eburneae et laminis aureis ligatae undique. Camerae nostrae sunt de lignis echim et omni opere, quod unquam potest fieri in auro et argento, et omni lapide precioso ornatae. In aula huius pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter.

Описание Порова дворца въ сербской Александрии значительно разнится отъ сообщеннаго: я обращаю вниманіе на аллегорическія изображенія добродѣтелей и мѣсяцевъ, напоминающія таковыя-же въ средне-греческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамиѣ¹⁾:

801. Καὶ εἰς τὸ πλευρὸν τὸ ἀριστερὸν τὸ πρὸς τὴν πόρταν μέρος
εἶδα τὰς δώδεκα ἀρετὰς ἐκεῖ λατομημένας.
τὸ ἕναν χεῖριν τοῦ καθενὸς χαρτὶν μετὰ γραμμῶτων,
καὶ ὅλαις τοὺς ἦτον εἰς τὸ σχῆμαν τῆς καθεμιᾶς φερούλας.

¹⁾ W. Wagner, Trois poèmes grecs du moyen âge inédits, p. 264—5, 267.

879. Καὶ εἰς τὸ ἄλλον πάλε τὸ πλευρὸν τῆς πόρτας τὸ ἀπέκει
 τοὺς δώδεκα καὶ ἴστανται μῆνας λατομημένους,
 χαρτῖα καὶ ἐκείνοι γὰ κρατοῦν ὅλοι μετὰ γραμμάτων.

Сл. еще изображенія мѣсяцевъ въ описаніи Александрова шатра во французской Александрин (ed. Michelant, стр. 55) и особливо въ испанской поэмѣ de Alejandro Magno ¹⁾.

Поръ-Форъ убитъ, но съ его призракомъ Александръ еще встрѣтится въ эпизодѣ о Кадакѣ, сынъ которой, женатый на дочери индійскаго царя, напрасно пытается отмстить на Александрѣ смерть своего тестя. Я попытался связать съ этимъ объясненіе одного старофранцузскаго выраженія: *vengier Forré*, или *la mort Forré*, *Fourré*, *Fouré*. Вездѣ оно означаетъ нѣчто несбыточное, неисполнимое, что выражалось также оборотомъ: *vengier Artu*. Такъ издѣваются горожане надъ бѣдно одѣтымъ и плохо вооруженнымъ *Aiol*:

959. Vous vengerez Foure, quant tant en iert.

2518. Chis vengera anqui le mor Foure.

2607. Vos parens est Fores, queque nus die,
 Devant Paris fu mors par estouchie ²⁾.

Сл. еще Octavian (ed. Vollmöller), v. 2277; въ Gaydon старикъ *Riol*, обращаясь къ Карлу, такъ смѣется надъ его недостойнымъ любимцемъ, *Thibaut*, побѣжденномъ въ судебномъ поединкѣ: Вонъ лежитъ твой пріятель и защитникъ, приголубь-же его.

Vostre oriflambe portera en esté
 Quant vos irez vengier la mort Forré.

¹⁾ Объ этомъ сюжетѣ сл. статью D'Ancona, I Dodici mesi dell'anno nella tradizione popolare, у Pitrè, Archivio, II 3, стр. 261 слѣд., и тамже IV, 3, стр. 436 слѣд. (Finamore). Къ собраннымъ тамъ параллелямъ можно присоединить и русскій текстъ, воспроизводящій какой-нибудь южно-славянскій оригиналь, въ Нам. стар. русск. лит., III, стр. 156—7.

²⁾ *Aiol et Mirabel* ed. W. Foerster, въ примѣчаніяхъ къ тексту, а также въ введеніи стр. XXVI. Слѣдующіе далѣ примѣры въ замѣткѣ Tobler'a, Gött. Gelehrte Anz. 1875, p. 1081.

Тоблеръ указываетъ то-же выраженіе въ *Vengeance de Raugidel*, v. 4074, и въ *Hist. des Ducs de Normandie* p. 32 (цит. у Michel, Ch. Sax. II, 204), полагая, что въ основѣ его лежатъ разсказъ, сохраненный въ *Karlamagnussaga* и у David Aubert: о Fourgé, царѣ Nobles'я или Noples'я, котораго Карль хотѣлъ взять въ плѣнъ живымъ, но Роландъ убилъ его противъ воли императора, за что и получилъ пощечину отъ дяди. Въ хроникѣ Турпина с. XVII (и согласно съ ней у Phil. Mousket) Forré — princeps Navarrorum, пораженный ad montem Garizim; по Gui de Bourgogne (p. 1) и Chanson des Saxons Боделя (II, 81) самъ Карль, взявъ Nobles, убилъ царя Forré. — Но при чемъ тутъ выраженіе: vengier Fourgé? Fourgé Карловингскаго эпоса не проливаетъ на него никакого свѣта, съ чѣмъ принужденъ согласиться отчасти и Тоблеръ. Я пытаюсь сблизить *Fouré*, *Foré* (прям. пад. Fourges, Foges) съ *Форомъ* (= восточн. Fûr, Pharo Соломона и Морольфа) Александровой саги, убитымъ Александромъ — и не отомщеннымъ, хотя мечь казалась и легкою, и возможною — какъ то представляется въ эпизодѣ о сынѣ Кандаки. Vengier la mort Foré означало-бы въ такомъ случаѣ: самоувѣренно обѣщать что-нибудь, разчитывая на несомнѣнную удачу — и неожиданно обсчитаться ¹⁾.

Отдѣлъ Псевдокаллистоена С, слѣдующій за разсказомъ о смерти Пора, обнимаетъ: 1) небольшой отрывокъ изъ *писема Александра къ Аристотелю* о чудесахъ Индіи, III, 17 (вѣщающія деревья солнца и луны), который является дублетомъ къ С, II, 44; въ первомъ случаѣ С согласенъ съ AVB, во второмъ съ подлинникомъ сербской Александріи = С¹ (сл. выше стр. 223—4); 2) *эпизодъ о Кандакѣ* (С, III, 18—24) и 3) *объ Амазонкахъ*,

¹⁾ Я выставляю это какъ гипотезу, противъ которой не говоритъ и отрывокъ изъ *Doon de Nanteuil*, изданный недавно Р. Меуер'омъ (*Romania*, № 49) — упоминаніемъ о Porus и о Forré, какъ о двухъ отдѣльныхъ лицахъ. Такое различіе можетъ принадлежать позднѣйшему забвенію и дифференціаціи; замѣчу кстатц, что Forré поставленъ, очевидно, ввѣ круга карловингскихъ воспоминаній: de *Porus* . . . Et del roi Alexandre et del preu Tholomé . . . Ou de Morgan la feé, d'Artur et de *Forré*.

Евримитръ и заключеніи нечистыхъ народовъ (С, III, 25—26); 4) часть *письма Александра къ Олимпиадѣ* (С, III, 27—29), вѣроятно, не находившагося въ С¹, слѣдствіемъ чего явилось въ гл. 29 повтореніе рассказаннаго въ § 3: о заключеніи нечистыхъ народовъ. — Тексты сербской Александрии не знаютъ §§ 1 и 4 и обусловленныхъ тѣмъ дублетовъ, а §§ 2 и 3 представляютъ въ обратномъ порядкѣ: Амазонки и — Кандака. Нѣчто подобное даетъ пространный текстъ *Historia de Preliis*, при чемъ необходимо имѣть въ виду особенности его рассказа о войнѣ съ Поромъ. Въ краткой рецензій этого памятника Александръ и Поръ встрѣчаются лишь однажды, и война кончается ихъ единоборствомъ и смертью Пора ¹⁾. Въ *Epistola Alexandri Magni* Поръ, разбитый Александромъ, бѣжитъ (описание его дворца и сокровищъ); Александръ направляется къ *portae Caspiae*; слѣдуетъ позже вторичное пораженіе Пора, который показываетъ Александру свою казну и, щедро одаривъ его и его войско, сопровождаетъ его въ его хожденіи по чудесамъ Индіи ²⁾. Вліяніемъ этого текста на предъидущій объясняется такая послѣдовательность пространной редакціи *Hist. de prel.*: Пораженіе и бѣгство Пора; Александръ велитъ похоронить павшихъ и на другой день вступаетъ въ столицу Пора, что у Псевдокаллистоена и въ сербск. Александрии онъ дѣлаетъ лишь послѣ его смерти. *Ingressus est (sc. Alexander) palatium eius*: приводится извѣстное намъ описание дворца; *deinde amoto exercitu venit ad Portas Caspiae et castra metatus est ibi Inde scripsit epistolam ad Talistridam (var. Thalistria) reginam Amazonum*. Слѣдуетъ второй походъ Александра на Пору ³⁾, поединокъ съ нимъ и его смерть; затѣмъ: посѣщеніе оксидраковъ, статуи Иракла — и Амазонки; лишь далѣе,

¹⁾ Landgraf, l. c. стр. 106—7 = Pseudocall. III, c. 4.

²⁾ Zacher, Pseudocallisthenes, стр. 151—2, 160.

³⁾ Kinzel, Lamprechts Alexander р. XXVI, объясняя двойной походъ Александра на Пору вліяніемъ *Epistola* на пространный текстъ *Historia*'н, замѣчаетъ однакожь, что та-же двойственность встрѣчается и въ одной ркп. Юлія Валерія (Zacher, Epitome, стр. 54 прим.).

послѣ разныхъ встрѣчъ и эпизода о брахманахъ — *Кандака* ¹⁾. Мы приходимъ къ такой-же, хотя не непосредственной послѣдовательности, какую представляетъ и нашъ текстъ: *Амазонки* — *Кандака*.

Сообщаю содержаніе двухъ послѣднихъ эпизодовъ по Псевдокаллисѳеу С.

а) *Кандака*. Александръ намѣревается отправиться ἐπὶ τῆς Σεμιράμεως βασιλεία, въ *Веро́н*, гдѣ царилъ прекрасная *Кандака*. Его письмо къ ней; дружественный отвѣтъ и подарки *Кандаки* (III, 18). Она посылаетъ греческаго живописца тайно снять портретъ съ Александра, у котораго сынъ *Кандаки*, *Кандавлъ*, проситъ помощи противъ *Эвагрида*, царя *Бебриковъ*, похитившаго его жену. Александръ велитъ *Птолемею* назваться его именемъ, а самъ, явившись подъ именемъ *Антигона*, получаетъ отъ мнимаго царя приказаніе пойти войной противъ *Эвагрида* (III, 19). Война противъ *Эвагрида*; разбитый, онъ убиваетъ себя. *Кандавлъ*, исполненный благодарности къ *Антигону-Александру*, проситъ Александра-Птолемея отпустить съ нимъ къ матери того, кому онъ обязанъ освобожденіемъ своей жены. На пути къ *Кандакѣ* *Кандавлъ* указываетъ *Антигону-Александру* на θεῶν μοναί (гл. 20). Войдя туда Александръ «ὄρᾳ ὁμίχλην ἀστεροφειγγῆ καὶ στίλβουσαν καὶ φαντασίαν εἰδώλων . . . ὄρᾳ δὲ ἐστίαν καὶ τινὰς ἄνδρας ἀνακειμένους ἀπαστράπτοντας ἐκ τῶν ὀφθαλμῶν ὡς λυγροφειγγεῖς». Одинъ изъ нихъ называетъ себя *Сезонхозомъ*: «βασιλεὺς ὁ κοσμοκράτωρ, ὃς τῆ παρ' ἐμοὶ δυνάμει ἐπαρθεὶς θεὸν ἐμαυτὸν ὠνόμασα, καὶ τῷ οὐρανῷ ἐπιβῆναι σπουδάζας τὴν τούτου ἐξήτουν ἀκρώρειαν. ἔλθων δὲ εἰς χώραν ἀγρίων ἀνθρώπων, ἐπανίσταντο ἐπ' ἐμὲ πλήθει πολλὰ, καὶ κατεδίωξαν μέχρις ὅπου φέγγος οὐκ ἦν ἡμέρας, καὶ πολλὰ πλήθη τοῦ σὺν ἐμοὶ ἀνεῖλον στρατοῦ. Μόλις δὲ τούτους διεκφυγὼν τὴν λίμνην ἣν ἐώρακας κατέλαβον, καὶ τῆ ἀθυμίᾳ συσχεθεὶς, θανασίμῳ περιέπεσον νόσῳ, καὶ τοῦ ζῆν ἄκων ἐστερήθην.

¹⁾ См. изложение у Zingerle, l. c. стр. 32—45 и стр. 205 слѣд.; см. выше, стр. 301.

Ἐνταῦθα δὲ παραπέμφθη δέσμιος, τοῖς ἐρήμοις πλανᾶσθαι τόποις ὧδε γάρ εἰσι πάντες οἱ θεοὺς ἑαυτοὺς ὀνομάσαντες, τὴν ἡτοιμασμένην ἀπεδεχόμενοι παρὰ θεοῦ δίκην». «Твое имя безсмертно» — говоритъ далѣ Сезонхозъ — «ты покоришь весь міръ, κτίσας τὴν περιπόδητον ἐν Αἰγύπτῳ Ἀλεξάνδρειαν πόλιν. ἀλλ' εἴσελθε ἔνδον, ἵνα θεάσῃ τὸν προστάτην ἡμῶν». Александръ видитъ далѣ Сераписа, который даетъ ему уклончивый отвѣтъ относительно его судьбы и пророчитъ славу Александриѣ. Кандавлъ радостно встрѣчаетъ вернушагося Антигона-Александра; оба идутъ далѣ въ Амастриду, гдѣ Кандавлъ велитъ матери любовно принять его спасителя (гл. 21). — Описаніе роскошныхъ палатъ Кандаки, которая узнала Александра по портрету, но обѣщаетъ сохранить его тайну, дабы ея второй сынъ, женатый на дочери Пора, не причинилъ зла его убійцѣ (гл. 22). Кандака предлагаетъ Кандавлу и его женѣ (Ἄρπυσσα) наградить Антигона-Александра, но другой сынъ Кандаки, Дорифъ (πρὸς Δορήν τὸν καὶ Θεάντα καὶ Φύρμαν καλούμενον), хочетъ убить его, въ отместку за Пору, сраженнаго Александромъ. Братья вступаютъ другъ съ другомъ въ споръ, готовы сразиться, но Антигонъ-Александръ миритъ ихъ: имъ нѣтъ пользы въ его смерти, и онъ предлагаетъ привлечь къ нимъ самага Александра. Кандака, удивленная его мудрою находчивостью, отпускаетъ его съ дарами (гл. 23).

б) *Амазонки*. Вернувшись къ войску, Александръ идетъ къ Амазонкамъ, извѣщая ихъ напередъ о мирныхъ цѣляхъ своего пришествія. Въ своемъ отвѣтномъ посланіи онѣ описываютъ ему свой образъ жизни: ἐάν δὲ πολέμιον κρατήσωμεν ἢ πάλιν φύγωσιν, αἰσχυρὸν αὐτοῖς καταλείπεται εἰς ἅπαντα τὸν χρόνον ὄνειδος· ἐάν δὲ ἡμᾶς νικήσωσιν, ἔσονται γυναικῶν νενικηκότεσ (с. 25). Во второмъ письмѣ къ Амазонкамъ Александръ требуетъ отъ нихъ дани, какую онѣ положатъ, и ежегодно извѣстное количество вооруженныхъ всадниковъ. Второе отвѣтное посланіе Амазонокъ: онѣ обѣщаютъ ежегодно платить сто талантовъ золотомъ и посылать пятьсотъ всадницъ: побѣдителю мужей не подобаетъ обогрѣться кровью женщинъ; ἀδίκη τὰ τῆς τύχης συναντήματα, καὶ μήπω

τὸ περιβόητον τῶν ἀνδραγαθημάτων σου ἐν γυναικείᾳ ἀπολέσειας μάχῃ. Онѣ просятъ Александра прислать имъ свое изображеніе. Онѣ дивятся ихъ красотѣ и силѣ и посылаетъ имъ свое копье: ἔστω ὑμῖν τοῦτο αὐτὸ Ἀλεξάνδρου. — Война противъ Евримитра, царя Бебриковъ или Бельсировъ; Александръ преслѣдуетъ пораженныхъ «μέχρις ὀρέων δύο τῶν μεγάλων ἐν τῷ ἀφαναῖ κόσμῳ, ἃ προσηγόρευον Μαζοῦς τοῦ Βορρά». По молитвѣ Александра онѣ сходятся и запираютъ за собою нечистые народы (с. 26) [сс. 27—29: письмо Александра къ Олимпіадѣ о своихъ подвигахъ: отъ хожденія къ Амазонкамъ — до эпизода о нечистыхъ народахъ; но въ этихъ границахъ, отвѣчающихъ сс. 25—26, содержаніе другое: *Амазонки*, страна чудовищъ, городъ солица, Низейская поляна, дворець Кира и Ксеркса — и *горы свѣра*].

Главное отличіе соответствующаго отрывка сербской Александрии отъ редакціи Pseudocall. С заключается въ перестановкѣ а и в: къ Амазонкамъ Александръ попадаетъ раньше, чѣмъ къ Кандакѣ. Такъ и въ новогреч. народн. книгѣ (стр. 140 и слѣд.; сл. рум. нар. кн. стр. 83 слѣд.).

а) *Амазонки* называются «амастронскими женами», несомнѣнно подъ вліяніемъ сосѣдней съ ними «Амастронской царицы» Кандаки, властвующей въ Βερόη = Μερόη (сл. выше, стр. 395), но живущей — въ Амастридѣ (Pseudocall. III, с. 21). Оставивъ Антиоха въ Индіи, Александръ идетъ войной на Амазонокъ; ихъ эпистолиа къ Александру: «Вестъ пѣкаа въ оуши наши приде, о миродръж'че, великы цароу Алексен'дре, тко весь приѣмъ свѣтъ и съ жен'скимымъ плькомъ бити се хоштеши. Да снѣ намъ невѣр'но мнить се, тебе толко моудра знаюште. Не подобаетъ тебе съ нами бити се; не вѣсп бо ч'то прилочить ти се. Аште бо насъ разбнѣши, малоу чьсть обрѣштеши; аште ли ми тебѣ разбнѣмъ, то велика срамота тебѣ боудеть. Да молимо се тебѣ, мол'бе наше не прѣзри, нь образъ свой оуписавь къ намъ допусти, тко да намъ мѣсто тебе царствоуѣтъ». Онѣ посылаютъ ему дары, вѣнецъ свой царицы Галистриды (вар. Клитерва, Плин'тер'ва, Плитерева) и «дѣвиць р. прѣкрас'ныхь», красотѣ которыхъ дивится Алек-

сандръ. Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ: «Да не подабаше вамъ жень благообраз'ныхъ къ нама послати. Мы бо все моуже земельскыѣ побѣдихомъ, како отъ жень побѣдити се хотѣхомъ? Дахъ копикъ моѣ вамъ, ꙗко да мегю вами царствунуть мѣсто мене, и .л. тисоушь жень мене на помощь пош'лите, ямамъ бо ити на мер'сил'скога цара Евромитра (вар. Евримитра), мопмъ не хотешта повпноути се властемь.—Потоломен же тоу стоѣ воквода, глоуме се къ Алексен'дρου рече: цароу Алексен'дре, даи ми женами онеми царствовати; аште ли ми царство ихъ не даси, даи ми, да и овехи р., да ихъ въ царство ихъ провою! Алексен'дръ же, насміавъ се, рече кмоу: аште и воквода силѣ моѣи кси, кдина отъ нихъ одолѣти ти имать. Потоломѣи же къ Алексен'дρου рече: ты векѣ оубоилъ се кси, него ли азъ, кре ихъ цѣлехъ домоу поустилъ кси» (Новак. III, гл. 6—7). Слѣдуетъ война противъ Евримитра (ib. III, гл. 8); «кзыци же северныѣ страны слышав'ше, оубоилше се и къ сѣвер'нои побѣгоше странѣ», гдѣ Александръ запираеть ихъ за «сѣверными холмами» (Нов., ib. гл. 9). — У Псевдокаллисоена царица Амазонокъ не названа; у Клитарха fr. 9 и его отраженіяхъ ея имя Thalestria, Thalestris (Cedren. ed. Bonn. I, p. 267: Θαλευτήν τήν Ἀμαζόνων σύμμαχον ἐδὲξαστο); въ Hist. de prel. пространной редакціи: Talistrida, Thalistris; оттуда во французскомъ романѣ (ed. Michelant) и у Fazio degli Uberti, Dittamondo l. IV c. 2: Talestri; въ источникѣ Intelligenza, строфа 225: Altalistre; въ Libro de Alejandro, строфа 1701: Calectrix; въ италянскои Александріи (ed. Grion, p. 113): Calistra. Греч. нар. книга не даетъ имени; въ рум. нар. книгѣ: Талистрада = Thalestria; варьянтовъ, представляемыхъ славянскими текстами (Клитерва и т. д.) я объяснить не умѣю.

б) *Кандака* (Нов., гл. 10—14; греч. нар. книга, стр. 146 и слѣд.; рум. нар. кн. стр. 88 слѣд.). Царица амастропская (она царитъ въ Мастридѣ-Амастридѣ) посылаетъ изографа списать портретъ съ Александра: «Алексен'дрово бо оухиштрениѣ разоумѣла бѣше, како самъ еве градове сходитъ и землѣ, поклисарь творе се, обьхождаше». У Pseudocall. C, царица названа

Кандакой, т. е. просто титуломъ¹⁾; въ сербской редакціи: *Кандакія Клеофила* (Клеопила); греч. нар. кн. *Κανδάκη*; рум. нар. кн.: Клеофила (рум. К., л. ⁴⁵/₆₁ обор.: Кандакія Клеофила); въ Hist. de prel. краткой редакціи Candacis (Landgraf, стр. 114 слѣд.), но въ нѣкоторыхъ текстахъ пространной: *Cleophilis Candacis* (сл. Zingerle стр. 241, въ варьянтахъ; такъ и въ текстѣ у Gagnier, въ изданіи Юсиона); въ итальянскомъ романѣ у Griou (и, вѣроятно, въ его французскомъ подлинникѣ): *Cleophile Candacia*. — Клеофила въ связи съ Александромъ находится уже у Орозія (Adv. Pag. 3, 19, 1): *regnum Cleophilis reginae exprognavit (scil. Alexander), quae cum se dedisset concubitu regnum redemit*²⁾. Сл. Malala, ed. Bonn., стр. 195 (*ἦτις Κανδάκη.... δέδωκεν ἐαυτήν*).

Имя одного сына Кандаки, согласно съ С, Кандавлъ (Кандавлъсь; Hist. de prel. Candaulis, Candaulus; греч. нар. кн. *Κανταυλούσης*; рум. нар. кн. Кандусал), другого, женатаго на дочери Пора: *Дорифъ* (вар. Дорифоръ; греч. нар. кн.: *Δορυφόρος*; рум. нар. книга: Дорю) и *Караторъ*, какъ въ Historia de Preliis (Carator) и ея европейскихъ отраженіяхъ³⁾. — Въ общемъ эпизодъ о Кандакии рассказанъ согласно съ Pseudocall. С; мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторыя частныя отличія. Въ С Евагриды

¹⁾ О такомъ значеніи «Кандаки», т. е. «царицы-матери» въ Эііопіи, сл. Wiedemann, l'Éthiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace, въ Muséon, t. III, № 1, p. 117 и слѣд.; сл. Ed. Drouin, Deux chroniques éthiopiennes, ibid. t. III, № 2 (1884 г.), стр. 254. Въ Дѣянїяхъ апостольскихъ, 8, 27 и слѣд., апостоль Филиппъ креститъ *εὐνοῦχος δυνάστης*, казначея царицы Кандаки; въ греческихъ Минеяхъ подъ 14-мъ Ноября Кандака обратилась въ πόλεις τῶν Κανδάκων!

²⁾ Christensen, Beiträge zur Alexandersage (1883), p. 37. Сл. ibid. указаніе на рассказъ Курція и Юстина (восходящій къ Клитарху) о Clephis, царицѣ Ассаковъ. См. Favre, Recherches sur les histoires fabuleuses d'Alexandre le Grand, въ Mélanges d'histoire littéraire, II, p. 75 прим.; Zingerle, l. c. стр. 64.

³⁾ Сл. Griou l. c. стр. 152; Lamprecht, ed. Kinzel, v. 6229 слѣд. — Въ Hist. de prel. пространной редакціи (Zing. стр. 241) у Кандаки три сына: Candaulus, Marsippus и Carator. Marsippus, вѣроятно, искажено изъ Margissa (Pseudocall.: Μαρτίρσζ, Ἄρτυσζ; Jul. Val. Margie), какъ зовется невѣстка Кандаки въ Hist. de prel. краткой редакціи (Landgraf, стр. 119).

нападаетъ на Кандавля въ то время, когда тотъ съ женой и небольшой свитой отпралялся *ἐνιαύσιον μυστήριον τελέσαι παρὰ τὰς Ἀμαζόνων* (III, 19); въ сербскомъ текстѣ «Агримьски царь, Кандакпе царице сынъ, Кандавльсь именемъ, . . . отъ царствія своего побегъ, съ женою и съ матерью ее, *отъ Александрова страха* къ матери своей Клеонии Кандаки оу Мастридуу бегаше»; въ это время и попалъ на него Эвагрпдъ (сл. греч. нар. кн., стр. 146; рум. нар. кн., стр. 88). Избѣгая одного зла, онъ, такимъ образомъ, нечаянно попалъ въ другое и, отвѣчая Антигону-Александру, можетъ примѣнить къ себѣ притчу, наиболее извѣстную по пересказамъ романа о Варлаамѣ и Иосафѣ—о чловѣкѣ, спасшемся на дерево отъ льва и увидѣвшемъ надъ собою зіяющаго змѣя ¹⁾. — Разсказъ о посѣщеніи Александромъ пещеры боговъ наполненъ христіанскими мотивами, согласно съ характеромъ нашего текста:

«Въшьдышоу же смоу въпоутрь, мьчтаніа нека зверообразна срѣтоше его. Онъ же име бога Саваооа призвавъ, безъ страха бивъ, чоудна же и нека и див'на въ пештери тое видѣ: чловѣкообразниѣ звери и чловѣки многи свезани онако роукама видѣ. Тоу Араклию и Аполона позна, и Крона и Ерміа, пхъ же Елнии боге пмахоу. Спхъ Александръ видевъ, свезанни бо бехоу всел

¹⁾ Текстъ этой притчи сербской Александрии и нѣсколько объясненій къ нему см. въ моей замѣткѣ: О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Иосафа, Зап. Имп. Ак. Наукъ 1879. т. XXXIV, II. — Греч. нар. книга, стр. 148 (Сл. рум. нар. кн. стр. 89) поддерживаеъ, противъ кириллоблзоверскаго списка, редакцію аполога, представляемую текстами Ягича и Новаковича: ἔπειθα ὅταν ἐκεῖνος ὁ ἄνθρωπος, ὁ ὁποῖος φεύγωντας ἀπὸ τὸν λέοντα, νὰ μὴ τὸν φάγη, εὗρηκε δένδρον ὑψηλόν, καὶ ἐνέβη ἐπάνω, καὶ ὁ λέων ἐστράθη εἰς τὴν ρίζαν τοῦ δένδρου, τὸ ὁποῖον εἶχεν εἰς τὴν ἄκραν λίμνην. Ἀπὸ τὸν φόβον τοῦ λέοντος νὰ μὴ τὸν βλέπη, ἐκύτταξεν ἐπάνω εἰς τὴν κορυφὴν τοῦ δένδρου καὶ εἶδεν ὄφιν μέγαν, ὁποῦ ἤρχετο ἐπάνω του. Ἐτρόμαξε καὶ ἐστράφη νὰ ἰδῆ εἰς τὴν λίμνην, καὶ εἶδεν εἰς τὴν ἄκραν τῆς λίμνης κροκόδειλον, ὁποῦ ἔχασκε τότε νὰ κατέβη κάτω νὰ τὸν καταπίη. Τότε εἶπε μὲ τὸν λογισμόν του· τί νὰ κάμω ὁ ἄτυχος; Ἐὰν κατέβω εἰς τὴν γῆν, ὁ λέων θέλει μὲ καταφάγει ζωντανόν, ἐὰν σταθῶ εἰς τὸ δένδρον, ὁ ὄφис μὲ θέλει καταπίει ἀπὸ ὀλίγον ὀλίγον. Κάλλιον νὰ πηδήσω εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἄς με καταπίη ὁ κροκόδειλος διὰ μίαν, παρὰ νὰ βασανίζωμαι ζωντανός. Τότε ἐπήδησεν εἰς τὴν λίμνην, καὶ ἐφαγώθη ἀπὸ τὸν κροκόδειλον.

веригами. Александръ же къ единомуу отъ нихъ пристоупль, о чюднихъ онехъ виденихъ оупрашаше его. Свезани же царь они къ нему рече: Александре царю, царие сие, ихъ же ти зриши, тии бехоу въ вселенной царпе, ꙗкоже ти дньсь, и за гръдиноу великоу и поноस्थ्यство богоу небесномуу оуподобише се, и на сихъ богъ разгневи се, свезаньнихъ въ пештероу сию рече привести; zde доуше ихъ моучити се имоуть до сконьчаніа вѣка. Сконьчавышимъ се седмимъ вѣкомъ, въ тарьтарскоую гееноу имоуть поити, и тамо въ бесконьчии вѣкъ моучити се имоуть. Александръ же къ нему рече: Мноу, ꙗко негдѣ видехъ те. Онъ же къ нему рече: Аште на дивнѣ чловѣки ходилъ еси, тоу на стльне образъ моп видель еси. Александръ же къ нему рече: И како име тебѣ есть? Онъ же къ нему рече: Азь есмь Сьньхось индискіи царь, иже некогда весь приехъ светъ, и гръдпнею прѣвъзнесохъ се, и на встокъ на край земле въсхотехъ поити; и вьсташе на ме диви чловѣци, и воинскоу мою вьсоу оубише, и мене тоу погоубише. Ангели же дошдьше, и доушоу мою свезаше, и въ сию ме пештероу приведоше. И здѣ моучити се имамъ, ꙗко за мое безоумное прѣвъзнесеніе; да пази и ти, Александре, ꙗко да не прѣвъзнесь се, и ти zde приведенъ боудеши». Далѣе Александръ узнаеть Дарія, который говоритъ ему между прочимъ: «о прѣмоудри въ чловѣцехъ Александре, отъ коле богомъ годе бѣти, ꙗко да вьса незнаема оузнаеши, почекаи мало, и скажоу ти дивна нека и чюдна, ꙗже прилоучитъ ти се хотеть на поити. Вѣдомо да есть тебе, ꙗко Кандакіа Клеофила амастридоньска царица образъ твой прѣписала есть, и тако познати те имать, ноу походи, не соумьни се; богъ бо, въ него же вероуеши, отъ роукоу ее избавити те имать, и крѣсмати же ты немой». Онъ разпрашиваетъ Александра о Персіи, о Роксанѣ, указываетъ на Фора, находящагося далѣе въ той-же пещерѣ. «О великы индискіи Форе», обращается къ нему Александръ, «како некогда богомъ подобляше се, нынѣ же ꙗко єдинъ отъ хоудихъ чловѣкъ моучиши се! Форъ же къ нему рече: Тако страдати имоуть в'єсп, иже превъзнесоше се зем'ьскою славою; нѣ блюди и ты, Александре, ꙗко

да не и ты, прѣвзнесь се, свезань здѣ приведенъ боудешь. И спнѣ поменоувъ, чьсть жене монѣ Клитемиштре съблюди. Алексендръ же къ нѣмоу рече: Боуди печалоунѣ мртвѣвипи, а о живыпхъ не пыци се». Жилище боговъ обратилось въ обитель наказанія за земную гордыню (сл. греч. нар. кп., стр. 153—156; рум. нар. кп., стр. 90—2: тамъ и здѣсь нѣтъ упоминашя Клитеместры. Сл. выше, стр. 388—9) ¹⁾.

Александръ спасается отъ угрозъ второго сына Кандаки такою же хитростью, какъ и въ Pseudocall. С. Кандавлъ и Караторъ провожаютъ его до ожидавшей его стражи, гдѣ онъ объявляетъ имъ, что онъ и есть — Александръ. Если такъ, «то мы оумрыли нѣмо», говорятъ они, но онъ успокоиваетъ ихъ и отпускаетъ съ почетомъ.

Кстати замѣтка къ текстамъ Псевдокаллистоена: въ III 26 С Александръ, воюя съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ-Бельспировъ, доходитъ до сѣверныхъ горъ, за которыми заключаетъ нечистые народы; мы видѣли (стр. 397), что письмо къ Олимпіадѣ (ib. гл. 27—9) также кончается эпизодомъ о горахъ; В присоединяетъ: *Διελώρησα δὲ ἀνὰ μέσον Τούρκων καὶ Ἀρμενίων . . . , καὶ ἀπέκτεινα ἐν βρομραία ἅπαντας αὐτῶν καὶ τὸν αὐτῶν βασιλέα, καὶ ἐσκύλευσα τὰ μέλαθρα αὐτοῦ, τοῦ καλουμένου Κάνου, καὶ ἐπέβη εἰς τὰ αὐτοῦ βασίλεια*, гдѣ освобождаетъ плѣненныхъ — Кандавла и его жену! Кандавлъ рассказываетъ: *Πρὸς θήραν ἐξῆλθον, εὐθρανθήναι βουλόμενος σὺν τῇ ἐμῇ γυναικὶ ἐπὶ χώρας ὀδεύοντες, ἔχων μετ'ἑαυτοῦ πεντακοσίους παῖδας μετὰ λεοντοπάροδων καὶ κυνῶν καὶ ἰεράκων*; здѣсь онъ и былъ схваченъ. — Я полагаю въ этомъ эпизодѣ рядъ смѣшеній: Турковъ съ нечистыми народами за горами сѣвера, ихъ хана — съ Евримитромъ, царемъ Бебриковъ, войско котораго, преслѣдуемое Македонянами, заходитъ именно за эти горы; наконецъ Евримитра (= Хана) съ Евагридомъ,

¹⁾ Популярная на славянскомъ югѣ Александрія дала сюжетъ для одной фрески въ монастырѣ св. Георгія, близъ Широта: въ числѣ мучимыхъ въ аду являются *Дарій, Поръ*, но и — *Александръ*. Сл. Поваковичъ, I. с., стр. XXX—XXXI.

также царемъ Бебриковъ, похитившимъ, какъ мы видѣли, жену Кандавла. Въ итальянскомъ романѣ, въ эпизодѣ о Кандакѣ, Кандавлъ говоритъ, что его жена похищена царемъ Бебриковъ (Brebici; var. Atibeci), когда онъ «uscì fuori della città colla moglie e con alquanti di suoi fidel cavallieri per andarsi *dipor- tando coi falconi* per la contrada (Grion, p. 146). Сл. Hist. de Prel. пространнаго типа: Candaulus exivit cum uxore sua et paucis fidelibus exercendi causa (Zing. стр. 242); въ одномъ вариантѣ: ut eorum animi gratularentur ¹⁾).

¹⁾ Hanczyk, Zs. für deutsche Philologie, IV, p. 169—170.

X.

Λόγοι Ἀλεξάνδρου.

Въ Pseudocall. С, III, 30, говорится, что, по возвращеніи Александра въ Вавилонъ¹⁾, рожденіе чудовищнаго ребенка было истолковано, какъ знаменіе скорой смерти Александра и судьбъ, предстоящихъ его царству. Непосредственно затѣмъ разсказывается объ его отравленіи.

¹⁾ По поводу Вавилона, нѣсколько стусебаннаго въ нашей Александрии, замѣчу во французскомъ романѣ (ed. Michelant) намекъ на вавилонскую легенду, о которой я писалъ въ послѣдній разъ въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, стр. 326—330. Александръ говоритъ Пору (стр. 315):

prendrai Babilone, se ma gens le conseille,

Que avoir voel la tor qui vers le ciel toreille,

S'ocirai le serpent c'on dist, qui tous jors veille.

Побѣдители вступаютъ въ Вавилонъ (стр. 500):

Sous les piés des cevas fremist tiere et résonne;

Al dragon est li roi qui le mont emprisonne.

.....

Une aighe trespasèrent c'on apeloit Dordone,

En Babilone entrèrent entre vespres et nonne.

Вмѣсто Dordone варьянты даютъ: Bissone, Buconne (P. Meyer въ Romania, №№ 42—43, стр. 228) — вѣроятно Фисонъ, одна изъ четырехъ райскихъ рѣкъ, можетъ быть, отождествленная здѣсь съ Тигромъ, какъ въ другомъ случаѣ это имя стоитъ вмѣсто Нила (Епифаній, въ Allatii Σοφιστικῶν l. I, p. 55). Представленіе громаднаго змѣя, обвиншаго Вавилонъ (qui le mont emprisonne) и не усыпающаго, кромѣ извѣстнаго времени (entre vespres et nonne), хорошо знакомо изъ нашей повѣсти о вавилонскомъ царствѣ.

Сербская Александрія представляетъ здѣсь совсѣмъ особое развитіе. Сл. греч. нар. кн., стр. 165 и слѣд.; рум. нар. кн., стр. 97 слѣд.

Вельможи Александра встрѣчаютъ его радостно по его возвращеніи отъ Кандаки, просятъ вернуться въ Персію, и тамъ раздѣлить «господство» — «по достоинству и по подобію» (Нов. III, гл. 15). Возвращеніе въ Персиду (на пути греч. нар. книга, стр. 166—167, рассказываетъ объ испытаніи Александромъ морской глубины, чего нѣтъ ни въ слав. текстахъ, ни въ рум. нар. книгѣ) и раздѣлъ власти (последняго эпизода нѣтъ въ греч. нар. книгѣ), послѣ чего Александръ въ теченіе года пробылъ съ Роксаною «съ великою веселостию и радостию» (гл. 16). Онъ идетъ въ Вавилонъ; явленіе во снѣ Іереміи, который вѣщаетъ ему о близкой смерти; смущеніе Александра, котораго напрасно пытаются утѣшить и развлечь его вельможи (Новак. гл. 17—19; греч. нар. кн., стр. 167—168; рум. нар. кн., стр. 98—100). На пути къ Вавилону, онъ приходитъ на поле, «нарицаемою Синарь, и въ землю, зовомуу Ав'сидіа, идеже праведный Іовъ богатіи жилъ бѣше, и тоу станомъ своимъ ста, и сил'никъ его воишке по томъ полю падоше. Велмоужикъ же Алексен'дрови, Алексен'дра скръб'на зрѣште и жалости его измѣнити хотеште, и на гороу его високоу възведоше и, сръдце его обвеселити хотеште, воицѣ оруужати се повелеше и на единомъ мѣстѣ на поли ономъ събрати се рекоше, и сихъ позрѣв'ше къ Алексен'дру рекоше: Алексен'дре цароу, сил'ный господине, видиши ли? По ч'то скръбію сръдце свое потаплиаши? Зриши ли колицемъ людемъ дньсь сътвори те богъ цара, да подобно ксть тебе веселити се и радовати зѣло? Алексен'дръ же, просльзивъ се и главою покимавъ, рече: Зрите ли сихъ всѣхъ, и по .н. лѣтѣхъ вси подь землю заидоуть!» (греч. нар. кн., стр. 168—169; рум. нар. кн., стр. 100). Власти и князи съ востока и запада, сѣвера и юга приходятъ къ Александру съ многоцѣнными дарами (гл. 20), приходятъ съ посланіемъ отъ Олимпіады и Аристотель. Александръ принимаетъ его съ честію, спрашиваетъ о матери, о македонской

землѣ (гл. 21). На торжественномъ шрѣ Аристотель подноситъ Александру и Роксанѣ подарки, присланные Олимпіадою, и ея письмо, въ которомъ она проситъ сына дать ей повидать себя, либо самому вернуться въ Македонію, либо дозволить ей придти къ нему (гл. 22). Сл. греч. нар. кн., стр. 169—171; рум. нар. книгу, стр. 100—102.

Прочтя эпистолю, Аристотель садится на свое мѣсто, Александръ возсѣдаетъ на высокомъ престолѣ Фора, и начинается тотъ отдѣлъ, который далъ намъ поводъ назвать весь слѣдующій эпизодъ текста: Λόγοι Ἀλεξάνδρου. Дѣло идетъ, очевидно, о мудрыхъ изреченіяхъ — судахъ Александра (Нов. III, гл. 23 = Jag. 1. с., стр. 319—321; греч. нар. книга, стр. 171—174; рум. нар. кн., стр. 102—106).

1. «Въ ть днь чловѣкъ нѣкъи оукраде ромен'чоу златоу (греч. нар. кн. стр. 171: ἓνα κανάτι χρυσόν; рум. нар. кн. стр. 103: пѣхар). Алексен'дръ снѣ слышавъ, рече: Кто либо ромен'чоу украде, где годе боудеть, Алексен'дрова се къ звати, а не оукрадшаго».

2. «И тогда Аристоѳель Алексен'дра выпрашаше, глаголю: како въз'може толикаа сътворити, кѣлика ниѣдинь чловѣкъ сътворити можетъ? Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: трип друзи на снѣ сълоспѣш'ници быше мнѣ: роука подат'лива и вѣра непотвор'на и соудъ правъ» (Нов.). Иначе Jag.: «четыри приѣтели на ово помогоше ми: прво податливство, друго непотворно на ѣзику, трето помпловане, четрто прав суд» (греч. нар. кн., стр. 171—172: τέσσαρα καλὰ ἦσαν εἰς ἐμένα. πρῶτον, καλὸν χαιρέτημα· δεύτερον, ἀλήθεια. τρίτον, ἀπὸ τὸν λόγον μου νὰ μὴν εὐγαίνω· τέταρτον, ἡ κρίσις μου νὰ εἶναι δικαία, καὶ νὰ πιστεύω τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὅπου ἔπλασε τὰ πάντα; рум. нар. кн., стр. 103: авѣтам патрѣ ажѣсторї къ міне: ѣнѣл къвѣнтѣл дѣлче, алтѣл мѣна ѣтїнсѣ, алтѣл жѣдеката дрѣптѣ, алтѣл ертарѣ ла грешїці).

3. «Тогда кѣмоу сповѣдати начеть в'са, кѣлика по зем'лѣ видѣлъ бѣше, и како сил'ныхъ царь господства раздроуши. Сїа

слышавъ Аристоель, дивляше се, и къ Алексен'дру глаголаше, оупрашаѣ: Где соуть великаа скровишта, ꙗже по земляхъ събраа? Алексен'дръ на властеле позрѣвъ, рече: Любими мои друзи, си соуть мои скровишта, царска бо скровишта въ чловечьскыихъ живоуть срьдцыхъ (греч. нар. книга, стр. 172; рум. нар. книга, стр. 103).

4. «Аристоель же къ нѣмоу рече: Потышти се, Алексен'дре, чедо сътворить, ꙗко да Македонѣномъ по смърти паметь оставиши! Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Не ямамъ вамъ оставити сына, нь остав'лю вамъ великыѣ мои подвигы и добраа мои дѣла (сл. греч. и рум. нар. кн. 1. с.).

5. «Тогда пристоупи къ Алексен'дру нѣк'то отъ любимыхъ и рече: Добро естъ цароу царство обогатити. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Крѣса лидон'скога цара ничто не пол'зова сребро и злато, много бо злата събралъ бѣше, нь друзи того кър'досаше. Онь же къ Алексен'дру рече: Пользно е цароу веки даани отъ зем'ли възимати. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Ни врьтара не люб'лю не корѣне зелиѣ истръзаюшта (нѣтъ въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 103 нѣтъ второй части Александрова изреченія).

6. «И тоу Алексен'дръ Пер'сенина нѣкоѣго стара оузрѣвъ, ꙗже брадоу вап'саль бѣше, ꙗко да младъ чловѣкомъ оузираѣтъ се. Видѣвъ же коу Алексен'дръ рече: О любими мои Меликы'спре (вар. Меликасиръ), аште пол'за отъ вап'сала хоштеть бити, колене ногоу своєю вап'саи, да оукрѣнетъ се; аште ли вап'саломъ старости оукрѣпити не можеши, не вап'саи себе, ꙗко да вап'сало тебѣ не прѣварить и, мне себе млада, въ старости напрасно оумреши. И о семь властеле смѣяше се много (греч. нар. книга, стр. 172: ὁ ἡγαπημένε μου Μελικασύρε; рум. нар. книга, стр. 103—4: Меркис).

7. «Другы же мужь великъ, нѣмоуже и томоу име бѣше Алексен'дръ, страшивъ же бѣше сынъ зѣло и съ в'сакого бога бѣгаше, Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Чловѣче, или име из'мѣни,

или дѣло; моѣ бо имѣ тобою срамотно есть (греч. нар. книга, стр. 172—3 ¹⁾); рум. нар. кн. стр. 104).

8. «И въ тѣ днь къ Алексен'дроу приведоше тисоуштоу гоусарь, и рекоше къ нѣмоу властеле обѣсити ихъ. Онъ же къ нимъ рече: Отъ коле лице моѣ видѣли соуть, не имать ниѣдинь отъ нихъ оумрѣти; соудіамъ бо дан'но нѣсть оубивати, цароу же дан'но нѣсть миловати. И сотвори ихъ Алексен'дръ лов'це себѣ» (греч. нар. книга, стр. 173: κλέπτεις; рум. нар. кн. стр. 104).

9. «И въ тѣ днь приведоше къ Алексен'дроу чловѣка Ин'діанина, стрѣл'ца нго глаголахоу в'сегда бити [нко скрозе прѣстень в'сегда стрелоу прометати емоу]. Алексен'дръ стрѣлити нмоу повеле. Онъ же не вѣсхоте стрѣлити. [И наки емоу повеле. Онъ же не вѣсхоте. И вѣси нго ноудише много, да стрелитъ. Онъ же не вѣсхоте]. Алексен'дръ же главоу нмоу повеле отсѣшти. Ведомоу же, и нѣкомуу рек'шоу нмоу: По ч'то, о чловѣче, за ндино стрѣлениѣ животь свой отдаде? Онъ же къ нѣмоу рече: .1. днии имамъ лоука не похвативъ и оубоихъ се, нко да прѣдъ царемъ не погрѣшивъ, прѣв'нѣга мога гласа не изгоуб'лю. Се же Алексен'дръ слишавъ, и захвали нмоу много и съ чѣстною нго отпоусти (греч. нар. кн. стр. 173; въ рум. нар. кн. нѣтъ).

10. «И тоу Алексен'дроу нѣкын одъ воиникъ (греч. нар. кн., стр. 173—174: πτωχός, рум. нар. кн. стр. 104: Si om), пристоупивъ, рече: Великын цароу Алексен'дре, дыштеръ ндинородноу пмамъ и дньсь омоужити ю хоштоу, помози ми прикіомъ. Алексен'дръ же тисоуштоу таланть повеле дати нмоу злата; онъ же къ нѣмоу рече: Много ми нѣсть, цароу. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: Царскаа даанъ многа трѣбоуѣтъ се».

Одаривъ Аристотеля и поставивъ его «василопатеромъ», онъ отправляетъ его въ Македонію съ порученіемъ привести «Олим'

¹⁾ Сл. стихотворную греческую Александрію, изд. Wagner'омъ (Trois poèmes grecs, v. 6058—60):

ἴδων γὰρ συναμόνυμον ἄνδρα πρὸς νεανίσκον
τινὰ δαίτῳσ μαχόμενον, εἶπε πρὸς ταῦτον τάχος·
«ὦ σὺ τὴν τύχην ἄλλαξον ἢ τὴν ἐμὴν τὴν κλῆσιν.»

біадоу царицоу на стан'бъ ѣмоу, въ *Iegun'ti* великыи въ Палестин'скои зем'ли (въ рум. нар. книгѣ этпхъ опредѣленій нѣтъ); самъ же тоу оста» (гл. 24), здѣсь позже (гл. 31) и умираеть.

Гл. 25 рассказываетъ о нахожденіи какимъ-то человѣкомъ сокровища у рѣки Тигра, о чемъ онъ и докладываетъ Александру. «Возьми себѣ; не мнѣ, а тебѣ дано оно Богомъ», говоритъ Александръ. «Я взялъ, что мнѣ на потребу, возьми себѣ остатокъ». Александръ находитъ громадное сокровище. «Не отъ Даріева ли?» спрашиваетъ онъ себя. Все войско беретъ себѣ волю, «Алексен'друю же сто коли отъ нѣго оста» (греч. нар. кн., стр. 174—175; въ рум. нар. кн., стр. 105 кладъ найденъ на берегахъ Евфрата въ «коморіле лѣѣ Іов богатѣл!). — Слѣдуетъ (гл. 26) описаніе торжественной встрѣчи Олимпиады, празднествъ и пирищъ. Въ греческой народной книгѣ ничего не говорится ни о порученіи Александра Аристотелю привезти мать, ни о пришествіи послѣдней.

Румынская народная книга (стр. 105—106) присоединяетъ къ этому анекдотъ объ Александрѣ и разбойникѣ, рассказанный Цпцериномъ и блаж. Августиномъ, причисляя и его къ числу его *λόγοι* ¹⁾.

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ Александрій не представляетъ въ сообщенномъ эпизодѣ романа подробностей, знакомыхъ нашему тексту: ни одна не знаетъ о прибытіи Олимпиады и Аристотеля, являющагося какъ-бы затѣмъ, чтобы своимъ присутствіемъ оттѣнить мудрость Александра. Нѣкоторыя изъ изреченій, которыя ему приписаны и въ которыхъ, очевидно, лежитъ

¹⁾ Дѣпъ ачѣа адсערъ си тѣлхаріѣ ла Алеѣандрѣ, ші грѣи Алеѣандрѣ: Омѣле. кѣчѣ тѣлхѣрещѣ? Омѣл зисе: Де сѣрѣчѣе тѣлхѣресек еѣ, де сѣчѣ кѣте си ом, ші сѣнт сѣнѣр, ші оаменѣѣ фм зѣк тѣлхаріѣ, ѣрѣ сѣ мѣ ерѣѣ фѣрѣте, кѣ тѣ ешѣ маѣ маре тѣлхаріѣ декѣт мѣне, кѣ тѣ учѣзі кѣте зѣче мѣѣ де оаменѣѣ ші таѣ пре тоѣѣ. ші ѣѣ нѣѣѣ зѣк оаменѣѣ тѣлхаріѣ, кѣчѣ кѣ аѣ оаменѣѣ мѣлѣѣ чѣ фѣѣ зѣк фѣрѣте, ѣрѣ де ашѣ авѣ ші еѣ кѣм аѣ тѣ, ашѣ фѣ ші еѣ ка ші тѣне. Алеѣандрѣ зисе: Дрент грѣещѣ. шѣл ерѣтѣ, шѣл фѣрѣвѣкѣ, шѣл нѣсѣ кѣпѣтан прѣсте о мѣе де оаменѣѣ маѣ маре.

главный интересъ всего этого эпизода, встрѣчаются и въ другихъ источникахъ, съ его именемъ и неизбѣжными разночтеніями. Разсѣянные у древнихъ писателей, у Цицерона и Валерія Максима, Плутарха и Арріана, Діогена Лаэртія и др., они дали матеріалъ для тѣхъ сборниковъ апофтегмъ, любимыхъ въ средніе вѣка, въ которыхъ, очевидно, и нашель ихъ анонимный редакторъ нашего романа.

Начну съ афоризмовъ Александра у Стобея, *Ἀνθολόγιον* (ed. Meineke):

I. I, 116: Ἀλέξανδρος προτραπομένων τινῶν αὐτὸν ἰδεῖν τὰς Δαρείου θυγατέρας καὶ τὴν κάλλι διαφέρουσαν εἰς γυναῖκα λαβεῖν, «αἰσχρόν, ἔφη, τοὺς ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἠττάσθαι». Сл. Plutarchi Alexander, c. XXI, 3.

I. I, 170: Ἐν Ἰλίῳ θύοντι τῷ Ἀλεξάνδρῳ ἔφη ὁ ἱερεὺς δεῖξαι τὴν Πάριδος λύραν· ὁ δὲ «τὴν Ἀχιλλέως», εἶπεν, «εἰ ἔχεις, δεῖξον, καὶ πρό γε τῆς λύρας τὴν μελίαν».

I. I, 318: Ἀλέξανδρος νοσήσας μακρὰν νόσον, ὡς ἀνέρρωσεν, οὐδέν, ἔφη, διαπεθῆναι χεῖρον· «ὑπέμνησε γὰρ ἡμᾶς ἡ νόσος μὴ μέγα φρονεῖν, ὡς θνητοὺς ὄντας».

I. II, 328: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ὑπὸ τινος, πῶς ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ τῆς οἰκουμένης ἐκυρίευσεν, εἶπε·

Βουλῆ καὶ μύθοισι καὶ ὑπεροπηθῆτι τέχνῃ

(Сл. нашъ № 2?).

I. IV, 272: Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς, ἐν τίνι ἔχει τοὺς θησαυρούς, δεῖξας τοὺς φίλους εἶπεν, «ἐν τούτοις» (сл. нашъ № 3).

У св. Максима, *Loci communes* ¹⁾, изреченій Александра больше и являются новыя точки соприкосновенія съ нашими:

I. Ἀλέξανδρος αἰχμαλώτους λαβὼν τὰς Δαρείου θυγατέρας, ἐπειδὴ συνεβούλευον αὐτῷ οἱ φίλοι, εὐειδέσιν οὖσαις αὐταῖς συγγενέσθαι· Αἰσχρόν, ἔφη, ἐστὶν ἄνδρας νικήσαντας ὑπὸ γυναικῶν ἠττη-

¹⁾ Migne, Patrol. gr. t. XCI, p. 741, 745, 747, 773, 833, 895.

θῆναι (сл. выше Стобея I. I, 116 и Василия Великаго Περί σωφροσύνης, у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1345) ¹⁾).

2. Ὁ αὐτὸς εἰς Ἰλλυριοὺς παραγενόμενος, ἐν τῷ τοῦ Διὸς βωμῷ κατιδὼν γυναῖκα κάλλει διαφέρουσαν, ἐκπλαγεὶς αὐτῆς τὴν εὐμορφίαν, πολὺν χρόνον ἐθεᾶτο· τοῦ δὲ Ἡρακλείωνος εἰπόντος, ὅτι εἰκὸς ἐστὶ παραλαβεῖν αὐτὴν ἐρωμένην, ἔφη: «Καὶ πῶς οὐ δεινόν, εἰ οἱ ἄλλων ἀκρασίας κολᾷξεν βουλόμενοι, δουλεύοντες ἀκρασίαις ὑπὸ τῶν ἐκτὸς ἀνθρώπων φωραθῶμεν».

3. Οὗτος παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίοις, εἶπεν· Οὐ βασιλικόν ἐστὶ κλέπτειν τὴν νίκην. Сходно у Плутарха, Alexander, XXXI, 4, 5; согласно, съ разночтеніями, у Boissonade, Anecdota graeca: Γνωμικά τινα, t. III, p. 468: οὐ βασιλικόν τὸ κλέπτειν νίκην ²⁾).

4. Θεασάμενος δὲ τινα ὁμώνυμον αὐτοῦ δειλὸν ὄντα, ἔφη· Νεανίσκε, ἢ τὸ ὄνομα ἀλλάξον, ἢ τὸν τρόπον. Сл. Plutarchi, Alexander LVIII, 3 и нашъ № 7 ³⁾).

5. Παρακαλούμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων τεκνοποιῆσαι, ἔφη· Μὴ ἀγωνιάτε· καταλείπω γὰρ ὑμῖν τέκνα, τὰς ἐκ τῶν ἀγώνων νίκας. Сл. нашъ № 4 ⁴⁾).

6. Τοῦ αὐτοῦ ἐξίόντος ἐπὶ τὸν πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· Περιμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας, καὶ τότε πολέμει. Ὁ δὲ, Φεβοῦμαι, εἶπε, μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος πολέμην ἀπολέσω ⁵⁾).

¹⁾ Сл. въ древне-русской Пчелѣ (изд. Безсонова) то-же изреченіе Александра: въ числѣ его плѣнныхъ находится дочь Дарія, «и дружина велихуть ему совокупитися съ нею изряднымъ красоты ради. И рече Александръ: Срамъ есть намъ одолѣвшу мужемъ многимъ, а ныне отъ женѣ побѣжену быти (стр. 23—24).

²⁾ Пчела I. с. стр. 29: Сеи молимъ сѣи отъ дружины поцію папасти на сопостаты и рече: Не царскимъ есть крѣпости побѣда.

³⁾ Пчела I. с. стр. 29: Сеи видѣвъ нѣкоего тезоименита странлива суца и рече: Уноше, или имъ или права измени.

⁴⁾ Пчела I. с. стр. 29: Сеи молимъ отъ дружины прижити чада и рече: Не скорбите, вставлю бо вамъ чада побѣды ихъже добыхъ трудомъ своимъ.

⁵⁾ Пчела I. с. стр. 29: Сему идущу на рать Аристотель рече: Дожди свершена возраста и тогда воюи. Онъ же рече: Боюся егда когда же свершена возраста и упустную крѣпость непущу.

7. Ξενοκράτει τῷ φιλοσόφῳ πεντήκοντα τάλαντα πέμψας. ὡς οὐκ ἐδέξατο, μὴ δεῖσθαι φήσας, ἐρώτησεν, εἰ μὴδὲ φίλον ἔχει Ξενοκράτης· ἐμοὶ γάρ, ἔφη, μόλις ὁ Δαρείου πλοῦτος εἰς τοὺς φίλους ἤρχεσεν (нѣскольکو иначе у Диогена Лаэртія, Vitae Philosophorum, ed. Cobet, l. IV, c. 2, 5).

8. Τινὸς δὲ τῶν αὐτοῦ φίλων αἰτήσαντος αὐτὸν εἰς προῖκα τῆς θυγατρὸς, ἐκέλευσε πεντήκοντα τάλαντα λαβεῖν· αὐτοῦ δὲ φήσαντος, ἱκανὰ εἶναι δέκα, Σοὶ μὲν, ἔφη, λαβεῖν, ἐμοὶ δὲ οὐχ ἱκανὰ εἶναι δέκα δοῦναι. Сл. нашъ № 10.

9. Ὁ αὐτὸς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα. ἐπεμψε Διογένει τῷ Κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβὼν, εἶπεν· Κυνικὸν μὲν τὸ βρώμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον.

10. Ὁ αὐτὸς εἶπεν, τῆς αὐτῆς ἀμαρτίας εἶναι, τὸ διδόναι οἷς μὴ δεῖ, καὶ τὸ μὴ διδόναι οἷς δεῖ.

11. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίδαφ, ἔφη· ὦ πίδα μεστὲ φρενῶν· ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς ἔφη· ὦ βασιλεῦ μέγιστε,

Θέλω τύχης σταλαγμὸν. ἢ φρενῶν πίδαφ.

Ἔη μὴ παρούσης, δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.

Πρὸς ὃν τις ἀντέφησε τῶν φιλοφρόνων·

Ἐάνης φρενῶν μοι μᾶλλον, ἢ βυθὸς τύχης.

Ἔη μὴ παρούσης, δυστυχοῦσιν αἱ φρένες.

12. = Stobaei Anthol. l. I, 318 (сл. выше, стр. 411).

Другія соотвѣтствія предлагаеть сборникъ Антонія Мелиссы ¹⁾:

1. Ἀλέξανδρος ἀκούσας ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «εἷς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα».

2. Ὁ αὐτὸς, κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ, πλείους εἶναι τοὺς Δαρείου, ἔφη· «καὶ τὰ πρόβατα, πλείονα ὄντα, ὑφ' ἐνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται». Сл. Нов. II, 5: ви же знаете како пер'си ов'це наричють се, македонцине же вльци, и прѣдъ еднимъ влькомъ

¹⁾ Antonii Melissae Loci Communes y Migne, Patrol. gr. t. CXXXVI, pars I, sermo XXXVII, LIII; pars II, sermo I, XI, LXXIV.

многе ов'це бѣгають; 6: многе κουχ'ке мед'вѣда терають, нь малѣ оуκдають.

3. Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν κατὰ τοῦ ἰατροῦ δεξάμενος, ὡς ἐπιβουλεύοντος, ἐπειδὴν ἔτυχεν ἐν αὐτῷ καιρῷ φάρμακον ὥστε πιεῖν, προσοῦτον ἀπέσχε πιστεῦσαι τῷ διαβάλλοντι, ὥστε ὁμοῦ τε ἐπιστολὴν ἀνεγίνωσκε, καὶ τὸ φάρμακον ἔπινεν (Сл. Василия Великаго у Migne, Patrol. gr. t. XXXII, p. 1008).

4. Τὸν αὐτὸν φρασι διαβαλλομένου τινὸς τῶν συνήθων, τὴν μὲν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἐπιμελῶς ἐπιφράξασθαι τῇ χειρὶ, ἀκεραίαν δὴλον-σσι ταύτην διασώζοντα τῷ μὴ παρόντι (Сл. Василия Великаго у Migne, l. c. p. 297: τὴν ἑτέραν τῶν ἀκοῶν ἀκεραίαν ταμειυσόμεθα τῷ διαβαλλομένῳ).

5. Ἀλέξανδρος τοῦ οἰνοχόου αὐτοῦ ἀπολέσαντος φιάλην χρυσῆν, καὶ διὰ τοῦτο δυσθυμοῦντος, μαθὼν τοῦτο προσκαλεσάμενος αὐτὸν εἶπε: «Θάρσει, ὦ παῖ· ὅπου γὰρ ἂν εἴη, ἡμετέρα ἐστὶ». Сл. нашъ № 1.

6. Ἀλέξανδρος ἐρωτηθεὶς ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη: «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς δι' εὐεργεσίαν φιλοποιούμενος» (сл. нашъ № 2?).

7. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς, ἐρωτηθεὶς, τίνα μᾶλλον ποθεῖ, τὸν πατέρα Φίλιππον ἢ Ἀριστοτέλην· Τὸν διδάσκαλον, ἔφη· ὁ μὲν γὰρ τοῦ γενέσθαι, ὁ δὲ τοῦ καλῶς γενέσθαι αἴτιος.

8. Ὁ αὐτὸς βαρὺ τι ἐπιταπτούσης αὐτῷ τῆς μητρὸς Ὀλυμπιάδος, ἔφη: ὦ μήτηρ, πικρὸν με ἐνοίκιον τῆς ἐννεαμηναίου ἀπαιτεῖς.

9. = № 11 у св. Максима (см. выше, стр. 413).

Изъ анонимныхъ сборниковъ апофтегмъ, заключающихъ и Александровы, остановимся прежде всего на текстѣ, недавно изданномъ Е. Миллеромъ ¹⁾, не измѣняя нумераціи изданія:

11. Παῖξας (вар. σφαιρίσας) δὲ μετὰ τινος νεανίσκου ἐδώρησατο αὐτῷ τάλαντον. Τῶν δὲ φίλων λεγόντων ὅτι πλέον τοῦ θέοντος ἔδωκεν, «Οὐχ ὅσον ἐκεῖνος ἄξιός ἐστι λαβεῖν δεῖ σκοπεῖν, ἀλλ' ὅσον ἐγὼ

¹⁾ Въ Mélanges orientaux, textes et traductions, publ. par les professeurs de l'école spéciale des langues orientales vivantes, à l'occasion du 6e congrès international des orientalistes réuni à Leyde. Paris, 1883. p. 217 слѣд.

δοῦναι». Сл. Plutarchi, Alexander, с. XXXIX, 3; S. Max. № 8 и нашъ № 10.

26 (= Melissa № 8).

49. Ὁ αὐτὸς εἰπὼντος αὐτῷ τινας, ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονάς σοι παρέχειν προσόδους, ἔφη: «Καὶ κηπουρον μισθῶ, τον ἐκ ριζῶν τέμνοντα τὰ λάχανα». Сл. нашъ № 5.

50. Ὁ αὐτὸς εἰπὼντος Ἀναξίμενους: «Ἐάν πάσι πολλὰ δίδως, οὐκ ἔξεις τοῦτο ποιῆσαι διαπάντος», ἔφη: «Οὐδέ γε, ἐάν παύωμαι, μόνος πάντα ἔχειν δυνήσομαι πολὺν χρόνον».

51. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων χρήματα συνάγειν, ἔφη: «Οὐδὲν ὠφέλησεν οὐδὲ Κροῖσον πολὺχρυσον γεγονότα καὶ δέσμιον ἀπαχθέντα» (сл. нашъ № 5).

57. Ὁ αὐτὸς μέλλων εἰς τὴν Ἀσίαν διαβαίνειν, πυνθανομένου Φωκίωνος αὐτὸν ποίους χρήμασι πεπιστευκῶς ἐπὶ μέγαν καὶ πλούσιον βασιλέα Δαρεῖον μέλλει στρατεύειν, ὑποδείξας τοὺς φίλους ἔφη: «Ἐν τούτοις». Сл. Stobaei, Anthol. I. IV, 272 и нашъ № 3; Миллеръ указываетъ на то-же, но болѣе краткое изреченіе въ сборникѣ Арсенія, ed. Walz, p. 74.

58. Ὁ αὐτὸς ἐν παρατάξει Πισίδας ζωγράφους τρισχιλίους, [ὡς] ἤξiouн ои Макеδόνες ἀποκτεῖναι πάντας διὰ τὸ πολλὰ κακὰ πεπονθέναι ὑπ' αὐτῶν πολλάκις: «Οὐ ποιήσω τοῦτο, οὐ γὰρ βούλομαι δήμιος ἀντι βασιλέως καλεῖσθαι» (сл. нашъ № 8).

59. Ὁ αὐτὸς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων συνάγειν χρήματα, εἶπεν: «Οὐδὲν ὀνήσω».

60. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας ἀπελθεῖν καὶ στρατεύσασθαι, «Νικᾶν με γυναῖκας αἰσχροῦν, [ἔφη], νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχροτέρων». Сл. Нов. III, гл. 6 въ посланіи Амазонокъ къ Александру: аште бо насъ разбѣши, малоу чьсть обрѣштеш; аште ли мы тебя разбѣнемъ, то велика срамота тебѣ боудеть. Ближе къ версіи Стобея I. I, 116 (= Plutarchi Alexander, с. XXI, 3), св. Василия и св. Максима (сл. выше № 1) слѣдующая за тѣмъ далѣе апофтеγμα подъ № 69. Сл. Boissonade I. с.

61. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν Δαρεῖον ἐπὶ παρατάξεως πεσόντα καὶ τὸ σῶμα γυμνωθέντα, ἄρας τὴν ἑαυτοῦ γλαμύδα ἐσκέπα-

σεν αὐτόν, ἐρωτώμενος δὲ ὑπὸ τῶν φίλων, «Τί τοῦτο ἐποίησας», εἶπεν· «Ἄνδρες φίλοι. οὐ τὸν νεκρὸν καλύπτω, ἀλλὰ τὴν ψυχὴν περιστέλλω».

62. = Melissa № 2.

63. Ὁ αὐτὸς ἐρωτηθεὶς ὅτι «Πῶς τοσοῦτον ἔθνῶν ἐν ὀλίγοις ἔτεσιν ἐκράτησας;» ἔφη· «Μηδὲν εἰς τὴν αὔριον ἀναβαλλόμενος».

67. Ἀλέξανδρος Δαρείου προπέμφαντος αὐτῷ τόξον καὶ βέλη καὶ χρυσοῦν στέφανον, ἔφη· «Δέδεγμαί τὸν πόλεμον καὶ τὴν ἀπὸ τοῦ πολέμου νίκην».

68. Ἀλέξανδρος Δαρείου πρεσβευσαμένου πρὸς αὐτόν δώσειν αὐτῷ τὴν θυγατέρα αὐτοῦ πρὸς γάμον, καὶ ἵνα δῶ (f. ἐπιδώσειν) χίλια τάλαντα, ἔφη· «Παυσάσθω Δαρείος τὰ ἐμὰ ἐμοὶ χαριζόμενος».

Нѣсколько Александровыхъ изреченій находится въ анонимномъ Florilegium мюнхенской библіотеки, напечатанномъ Meineke въ изданіи Стобея (v. II). Съ № 73 сл. № 57 Мюллеровскаго анонима; № 155 = S. Max. № 9; № 156 = S. Max. № 5; № 157: Ὁ αὐτὸς, ἐπεὶ Ἀντίπατρος αὐτῷ πολλὰ κατὰ τῆς μητρὸς ἔγραψεν, «ἀγνοεῖς ἔφη, Ἀντίπατρε, ὅτι μητρὸς ἐν δάκρυον πολλὰς διαβολῶν ἐπιστολάς ἀπαλείφει». — №№ 158 п 159, очевидно, принадлежатъ къ одной апофтегмѣ, какъ позволено судить изъ приводимаго далѣе текста: № 158: Ὁ αὐτὸς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι «Ἐάν δύνῃ ὀδεῦσαι. μὴ πλεύσῃς»; № 159: Καθ'ἐκάστην ἡμέραν διατίθου γυναικὶ ἀπόρρητα. — № 160: Ὁ αὐτὸς θεασάμενος γέροντα τὰς τρίχας βάπτοντα, ἔφη· «Μὴ τὰς τρίχας ἀλλὰ τὰ γόνατα βάπτει» = нашъ № 6.

Въ греческой рукописи Моск. Синодальной библіотеки № 298 (по Маттеи № 285), въ которой проф. Васильевскій открылъ Записки византійскаго боярина, номѣщенъ списокъ Псевдокаллистонова романа, а съ листа 109 об. и слѣд.: Ἀποφθέγματα καὶ γινῶμαι διαφόρων φιλοσόφων συν Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ. Приводимъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя приписаны Александру (л. 109 v.—110 v.) Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς πληρώσας ποτὲ ὀστέων πίνακα ἐπέμψεν Διογένη τῷ κυνικῷ φιλοσόφῳ· ὁ δὲ λαβὼν εἶπεν·

«Κυνικὸν μὲν τὸ βρώμα, οὐ βασιλικὸν δὲ τὸ δῶρον». Cl. S. Max. № 9, Floril. mon. № 155.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν τὸν αὐτὸν Διογένην κοιμώμενον ἐν πίδαῳ, εἶπεν· «ὦ πίδαε μεστὲ φρενῶν!» Ὁ δὲ φιλόσοφος ἀναστὰς εἶπεν· «ὦ βασιλεῦ μέγιστε, θέλω τύχης σταλαγμὸν ἢ φρενῶν πίδαον, ἧς μὴ παρούσης οὐστυχοῦσιν αἱ φρένες». Cl. S. Max. № 11 (Замѣтимъ, по поводу этого и предыдущаго изреченія, особую роль Диогена въ аѳинскомъ эпизодѣ сербскоѣ Александриі).

Ἀλέξανδρῳ τῷ βασιλεῖ ἀξίοντι ποτὲ ἐπὶ πόλεμον, Ἀριστοτέλης ἔφη· «Περίμεινον τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας εἰς αὐξήσιν τοῦ σώματος, καὶ τότε πολέμει· ὁ δὲ Ἀλέξανδρος ἔφη· «Φοβοῦμαι μὴ περιμένων τὸ τέλειον τῆς ἡλικίας τὴν τῆς νεότητος πόλμαν ἀπολέσω». Cl. S. Max. № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ὑπὸ τῶν φίλων νυκτὸς ἐπιθέσθαι τοῖς πολεμίαις, ἔφη· «Οὐ βασιλικὸν ἔστιν κλέψαι τὴν νίκην». Cl. S. Max. № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς παρακαλούμενος ἐπὶ τὰς Ἀμαζόνας στρατεύσασθαι εἶπεν· «Νικᾶν γυναικας αἰσχροῦ, νικᾶσθαι δὲ ὑπὸ γυναικῶν αἰσχροτέρων». Cl. anon. Muelleri, № 60.

Ἀλέξανδρῳ τῷ βασιλεῖ εἰπόντος τινὸς ὅτι Δαρεῖος τριάκοντα μυριάδας ἀνδρῶν εἰς παράταξιν ἄγει, ἔφη· «Εἰς μάγειρος οὐ φοβεῖται πολλὰ πρόβατα». Cl. Melissa, № 1.

Ἀλέξανδρῳ τῷ βασιλεῖ τοῦ κατασκόπου λέγοντος αὐτῷ πλείονας εἶναι τοῦ Δαρείου, εἶπεν· «Καὶ τὰ πρόβατα πλείονα ὄντα ὑφ' ἑνὸς ἢ δευτέρου λύκου χειροῦνται». Cl. Melissa, № 2.

Ἀλέξανδρῳ τῷ τῶν Μακεδόνων εἰπόντος αὐτῷ τινος ὅτι δύνανται αἱ πόλεις σου πλείονας παρέχειν προσόδους, ἔφη· «Καὶ κηπουρὸν μισῶ τὸν ἐκ ριζῶν ἐκτέμνοντα λάχανα». Cl. anon. Muelleri, № 49.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθεὶς, ποῖος βασιλεὺς ἄριστος, ἔφη· «Ὁ τοὺς φίλους δωρεαῖς συνέχων, τοὺς δὲ ἐχθροὺς διὰ τῶν εὐεργεσιῶν φιλοποιούμενος». Cl. Melissa, № 6.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθεὶς, ποῦ οἱ θησαυροὶ αὐτοῦ εἰσιν, ἐπιδείξας τοὺς φίλους ἔφη· «Ἐν τούτοις». Cl. Stobaei Anthol. IV, 272: anon. Muell. № 57; anon. monac. № 73 и нашъ № 3.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἰδὼν ποτὲ ἐν τῷ πολέμῳ ἐμόνυμον αὐτοῦ στρατιώτην ὁμάλῳς καὶ παρακμαστικῳς¹⁾ μαχόμενον, εἶπεν «Νεανίσκη, ἢ τοὺς τρόπους ἄλλάξον, ἢ τὸ ὄνομα». Сл. S. Max. № 4 п нашъ № 7.

Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς ἐρωτηθεὶς, πῶς τοσούτων ἐθνῶν ἐν ὀλίγοις χρόνοις ἐκράτησεν, ἔφη: «Μηδὲν εἰς αὐριον ἀναβαλλόμενος». Сл. anon. Muell. № 63.

(л. 112 v.). Ἀλέξανδρος ὁ τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς παράγγελμα ἔλαβεν ὅτι: «Ἐὰν ὀύνη ὁδεῦσαι, μὴ πλεύσης καθ' ἐκάστην ἡμέραν διατίθου γυναικί ἀπόρρητα μὴ θαρρήσης καὶ ἐὰν ὀργισθῆς κατὰ τινος, μὴ ποιήσης ἐπεξέ(λευσιν)²⁾ πρὶν ἀπαγγεῖλῃς τὰ κδ' στοιχεῖα τοῦ ἀλφάβητου». Сл. №№ 158 п 159 anon. monac.

Предложенное обозрѣніе Александровой апофтегмы раскрыло намъ греческія параллели къ 9 пзъ 10 пзреченіи, сопоставленныхъ въ нашемъ романѣ (къ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10). На восточныя параллели я укажу лишь вскользь. Нѣкоторыя пзъ ихъ собраны у D'Herbelot³⁾; въ сборникѣ пзреченіи несторіанца Honein ben Ishak († 873), извѣстномъ въ еврейскомъ, армянскомъ п испанскомъ переложеніяхъ (El libro de los buenos proverbios), цѣлый отдѣлъ посвященъ Александру п особая глава его мудрости⁴⁾. Памятникомъ этимъ пользовался въ концѣ XI плп началѣ XII вѣка арабскій врачъ п философъ Abu'l Wafa Mobaschir Ibn Fatik, составившій сборникъ апофтегмъ, распространенный въ латинскомъ, старопспанскомъ п цѣломъ рядѣ другихъ переводовъ⁵⁾. Авторомъ перваго названъ въ одной рукописи Іоаннъ изъ Прочиды, чтò отнесло бы насъ въ Палермо, ко времени Фридриха II. Къ XIII-же вѣку относится испанскій пересказъ того-же памятника, извѣстные Vocados de Oro. Приведемъ пзъ него нѣсколько

1) Ркп. πρῆξις; поправка Дестуниса.

2) Дополнено В. К. Ернштедтомъ.

3) Выбраны оттуда Weissmann'омъ, Alexander, II, стр. 518—522, въ соответствии съ нашими №№ 2, 4, 8; Mel. 7; S. Max. 3.

4) Knust, Mittheilungen aus dem Eskurial (141-ste Publication d. lit. Vereins in Stuttgart), стр. 1 слѣд.; особенно стр. 36 слѣд.; сл. стр. 524 слѣд.

5) Сл. Knust, l. c., p. 560 слѣд., 576.

изреченіи Александра ¹⁾, чтобъ указать на сходство ихъ типа съ изреченіями сербской Александрин.

Et circumstantes dixerunt ei: «In exercitu Darii sunt trecenta milia hominum». Quibus respondit Alexander: «Bonus cocus multis gregibus non terretur».—Et intrantes ad eum quidam sui patriarche dixerunt ei: «Ex quo vos Deus ampliavit in regnis ad hoc quod filios habeatis plures adquiratis uxores». Quibus respondit: «Non decet a mulieribus vinci qui homines superavit». — Et introivit quidam cum ruptis vestibus ad eum bene loquens et ad interrogata bene respondens. Cui dixit Alexander: «Si sicut tua ratiocinatio sic tuus esset vestitus, quod juris esset, in ornamentis tuo corpori impendisses sicut anime quod meruit de sciencia contulisti». Cui respondit: «O domine rex, ratiocinationem adipisci valeo ex me ipso, vos tamen potestis vestimenta concedere». Et precepit dare ei aliquid ad vestitum. — Introduxerunt coram eo quendam latronem quem suspendi precepit, ad quem latro: «Me dolente quod egi commisi». Ad quem Alexander: «Te propterea te dolente suspendent». Et introivit ad eum quidam dicens: «O rex, [jubeatis] michi dari decem milia morabatinorum». Cui respondit: «Non meritus es». Dixit ei: «Si meritus non sum habere, vos dare meremini» Et dixit ei patriarcha: «Plures habemos captivos, tuos servos». Respondit: «Nolo servorum dominus esse qui dominus liberorum existo» Et quesiverunt ab eo quare sic juvenis existens tante (fuit) potencie. Respondit: «Quia conatus sum semper multos habere amicos et inimicis conferre, et taliter dominando factus sum potens» Et dixerunt Nichomacho: «Quomodo tam celeriter facti sunt homines obedientes Alexandro?» Respondit (eis): «Propter id quod vigit in eo justicie et bone conversacionis et regiminis vite excellentis» Et dixerunt (quidam ex suis): «Quomodo in etate tam tenera potuisti tot regna perquirere?» Respondit: «Quia reconcilians inimicos amicos feci et amicis beneficiis satisfeci».

¹⁾ Knust, l. c., p. 307 слѣд., p. 480 слѣд.

Въ Vocados de Ogo, какъ и въ латинской редакціи Изреченій, особая глава отведена мудрымъ изреченіямъ Гермеса ¹⁾; въ текстѣ, откуда взяты приведенные выше отрывки, весь отдѣлъ объ Александрѣ приписанъ тому-же Гермесу: «De rege Alexandro et ejus origine, ex libro Hermeri de dictis philosophorum descripta; Dicta Alexandri ex libro ejusdem Hermeri ²⁾. Это, быть можетъ, Гермесь Трисмегистъ; въ сосѣдствѣ Александра онъ невольно напоминаетъ мнѣ Гермеса-Иеремію нашей Александрии — и Гермеса, прадѣда Александра въ коптской генеалогіи послѣдняго ³⁾.

Назидательный характеръ нашего памятника достаточно выяснился изъ предъидущаго изложенія; онъ сознательно любитъ апофтегму: ею щеголяетъ и Дарій, и Поръ, но особливо Александръ, сложившійся уже у Плутарха въ типическій образъ царя-философа, бесѣдующаго съ брахманами-гимнософистами (Плутархъ, Псевдокаллисѳенъ, Палладій), съ мудрецами (Талмудъ), философами, не даромъ сходящимся у его гроба, чтобы задуматься надъ бренностью земнаго величія (Hist. de Prel., Buenos proverbios, Vocados de ogo) ⁴⁾. Въ то время какъ средневѣковые жонглѣры увлекались представленіемъ блестящаго, щедраго царя ⁵⁾, старая

¹⁾ Сл. Knust, p. 87 и слѣд.

²⁾ ib. 569—570.

³⁾ Сл. Pietschmann, Hermes Trismegistos, стр. 55.

⁴⁾ Сл. Knust, l. c., стр. 45 слѣд., 301 слѣд.; сл. ib. прим. а на стр. 303—5 и Oesterley, Gesta Romanorum, прим. къ гл. 31.

⁵⁾ «Податливая рука» Александра (Нов. стр. 45, прим. 2), основная тема похвалъ, расточаемыхъ ему средневѣковыми поэтами, восходитъ къ Плутарху (Alexander, XXXIX, 1: *μεγαλόδοτος*). Сл. у Юлія Валерія и въ армянскомъ переводѣ Псевдокаллисѳена переписку Зевкенса, Аристотеля, Филиппа, Олимпиады и Александра объ излишней расточительности послѣдняго; наконецъ, Cic. de Off. 2, 15, 53: Praeclare in epistula quadam Alexandrum filium Philippus accusat, quod largitione benevolentiam Macedonum consecetur (Zacher, Pseudocall. p. 115, гл. 16 и p. 92—3; сл. Val. Max. l. VII, c. II, ext. 10). Къ характеристикѣ легендарной щедрости Александра въ средневѣковой поэзіи сл. Zingerle, l. c., стр. 3—5 и прим.; Birch-Hirschfeld. Ueber die den provenz. Troubadours des XII—XIII Jhrhs. bekannten epischen Stoffe, p. 18 слѣд. (passim); французскую Александрию (ed. Michelant) passim, стр. 1, 3, 5, 9, 13, 16, 18, 128, 129, 184, 190, 221, 250, 261—2, 264, 313. 314—315, 358, 391, 413, 414, 460, 471, 489—90, 491, 501, 523, 530, 532, 537. 538. 539, 540, 541, 542, 543, 547. 549,

и новая новелла любила ставить его въ положенія, вызывавшія общіе вопросы и философскія сомнѣнія. Сл. рассказъ Цицерона (Tuscul. 5, 32) и Валерія Максима (IV, III, ext. 4) объ Александрѣ и Діогенѣ ¹⁾; Цицерона (De gerubl. 3) и бл. Августина (De civit. Dei, 4, 4): о немъ-же и морскомъ разбойникѣ ²⁾; объ одномъ рыцарѣ Александра и жонглёрѣ ³⁾; о Евреѣ и язычникѣ на пути между Каиромъ и Вавилономъ: притча на тему «Правды и Кривды», которую Аристотель рассказываетъ Александру у Gower'a ⁴⁾, тогда какъ *Вуенос proverbios* ⁵⁾ выводятъ самого Александра въ бесѣдѣ съ наслѣдникомъ древнихъ царей, отказавшимся отъ власти и проводящимъ все время — въ склепѣ, гдѣ онъ перебираетъ кости, стараясь узнать, какія изъ нихъ принадлежали царямъ, какія рабамъ — и не находя между ними никакой разницы ⁶⁾.

Этотъ идеализованный образъ Александра полюбился отцамъ церкви: Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ приводятъ примѣры его мудрости, справедливости, воздержанія и милосердія, и цитуютъ его изреченія. Его слабости и порочныя увлеченія не забыты, но не всегда ведутъ къ отрицательной характеристикѣ, какъ у Евсевія и Орозія ⁷⁾: чаще онѣ упоминаются какъ-бы затѣмъ, чтобы отгнѣнить положительныя стороны идеала: и такого-то героя, мудреца одолѣлъ порокъ, скосила смерть!

Καὶ σὲ Δρακοντιῶδι, μένος ἄσχετα, ὄλεσεν ὄϊνος,

550. Сл. еще Kuno Meyer, *Irische version der Alexandersage* (изъ сборника Dean of Lismore), стр. 5:

Alexander, der freigebige, grosse,
Er spendete Silber und Gold.

¹⁾ Сл. Oesterley, *Gesta Rom.*, прим. къ № 183 и прим. D'Ancona'ы къ № LXVI *Cento novelle antiche*.

²⁾ Сл. Oesterley, l. c. № 146.

³⁾ *Li romanz d'Alexandre*, ed. Michelant, p. 222 = *Cento novelle antiche* № IV.

⁴⁾ *Confessio Amantis*, ed. Pauli, b. VII, стр. 193 слѣд.

⁵⁾ Knust, l. c., стр. 39—40 = *Vocados de oro*, ib. стр. 307—8.

⁶⁾ Сл. еще Oesterley, l. c. № 9, 11, 96, 203 и друг. и тамже прим.

⁷⁾ Orosii, *Hist. adv. pag.* III, 7, 5: *gurges miseriarum atque atrocissimus turbo totius Orientis!*

поеть о немъ Григоріи Назіанзинъ, а Косьма Іерусалимскіи поясняетъ это такимъ образомъ ¹⁾: «Δρακοντιάδης ἐστὶν ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ γὰρ Ζεὺς ὄρει ἐξομοιωθεὶς τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν Φιλίππου γυναῖκα ἐμοίχευσεν. Ὁ οὖν Ἀλέξανδρος ἐπιτηδεύοντα πολλὴν ἐκ φύσεως κερτημένος καὶ φρόνησιν, πάσης σχεδὸν τῆς οἰκουμένης ἐκράτησεν· ἦν δὲ καὶ σώφρων, ἀλλ' ὅμως οἰνόφλυξ. Οὗτος οὖν τοῦ ζῆν κακῶς ἀπηλλάγη, τῇ μέθῃ διαφθαρεῖς· τινὲς δὲ φασιν, ὅτι καὶ τὸ σῶμα λελώβητο ὑπὸ τῆς πρηνῆς. Ὁ τοίνυν τοιοῦτος καὶ τοσοῦτος, φησὶν ὁ θεὸς Γρηγόριος, καὶ πάσης κρατήσας τῆς γῆς, οἰκτρῶ τέλει τὸν βίον κατέστρεψεν». — Это почти та-же идея, что въ нашемъ Преніи живота и смерти: «Александръ Македонскіи и оудалой и храбръ и всеи подсолнечной царь и государь былъ, да и того азъ взяла!», похваляется смерть ²⁾.

Это представлѣніе чего-то роковаго усиливалось, въ пной связи, тѣмъ мѣстомъ, какое выпало на долю Александра въ талмудическихъ и христіанскихъ толкованіяхъ Даніиловыхъ пророчествъ. Вся его историческая роль явилась въ фаталистическомъ освѣщеніи: побѣдитель персовъ, создавшій всемірное господство македонянъ, онъ пришелъ какъ-бы за тѣмъ, чтобы уготовить такое-же господство римскаго имени. Римляне славны уже тѣмъ однимъ, что переяли власть македонянъ, говоритъ Златоустъ въ одномъ мѣстѣ ³⁾, которое мы приводимъ, какъ особенно характерное для репутаціи Александра именно въ христіанской средѣ: «Ἄ γὰρ ὁ Μακεδόνων βασιλεὺς εἰργάσατο, πάντα ὑπερέβαινε λόγον, ἀπὸ μικρᾶς μὲν ὀρμηθεὶς πόλεως, τὴν δὲ οἰκουμένην καταλαβών. Διὰ τοῦτο καὶ πτηνὴν πάρδαλιν αὐτὸν ὄρα ὁ προφήτης τὸ τάχος καὶ τὸ σφοδρὸν καὶ τὸ πυρῶδες καὶ τὸ ἄρνω που διαπτῆναι τὴν οἰκουμένην μετὰ τροπαίων καὶ νίκης δηλῶν. Λέγουσι δὲ, ὅτι καὶ φιλοσόφου τινὸς ἀκούσας λέγοντος, ὅτι ἄπειροι κόσμοι εἰσὶ. πικρὸν ἐστὲν ἄξεν,

¹⁾ Cosmae Hierosol. Comment. in S. Gregorii Nazianzeni carmina, y Migne, Patrol. gr. t. XXXVIII, стр. 431—5.

²⁾ Пам. стар. русск. литер. II, стр. 439.

³⁾ In Epist. I ad Thessal. c. I, homil. II, y Migne, Patrol. gr. t. LXII, стр. 399.

εἰ γε ἀπείρων ὄντων, μηδὲ ἑνός του κεκράτηκεν ¹⁾). Οὕτως ἦν μεγαλόφρων καὶ μεγαλόψυχος, καὶ πανταχοῦ τῆς οἰκουμένης ἤδετο. Τῇ γοῦν τοῦ βασιλέως φήμη συνανήει καὶ ἡ τοῦ ἔθνους ὀδύξαι. Ἀλέξανδρος γὰρ ὁ Μακεδῶν ἐλέγετο ὥστε διαβρωμένου ἐκείνου, εἰκότως καὶ τὰ ἐκεῖ γενόμενα πανταχοῦ ἀδεσθαι· τῶν γὰρ ἐπιστήμων οὐδὲν δύναται λαθεῖν».

Всё это указываетъ въ христіанскомъ обществѣ на своеобразный интересъ къ Александровой легендѣ, отрывочныя упоминанія которой у церковныхъ писателей даютъ матеріалъ для исторіи ея позднѣйшихъ версій. Такъ показаніе Златоуста ²⁾: Ἀλέξανδρον τρισκαιδέκατον ἐνόμισεν εἶναι θεόν ἢ σύγκλητος Ῥωμαίων — относятъ насъ всего скорѣе къ римскому эпизоду нашей Александріи (= С¹), тогда какъ прикладъ Григорія Назіанзіна о великодушномъ поступкѣ Александра съ Поромъ ³⁾ указываетъ на точку зрѣнія Epistola и ея источниковъ.

Въ такой средѣ становится понятно сложеніе «христіанизованныхъ» Александрій, вродѣ нашей и включенной эпизодомъ въ житіе Макарія римскаго; понятна своеобразная историко-политическая идея Псевдо-Меѳодіевыхъ откровеній ⁴⁾, дѣлающая Олимпиаду-Хусиоу матерью не только Александра, но и Византіи, сыновья которой властвуютъ въ Римѣ, Царьградѣ и Александріи, — какъ съ другой стороны насъ не поразятъ ни церковныя изображенія легенды о полетѣ Александра на грифахъ,

1) Сл. Val. Max. l. VIII, c. XIV, ext. 2.

2) In Epist. II ad Cor., Hom. XXVI, у Migne, Patrol. gr. t. LXI, p. 580.

3) Contra Iulianum I, c. XLI (Migne, Patrol. gr. t. XXXV, p. 565): «Καὶ ἅμα τὸ θαρρεῖν εἶχε, εἰ δεῖ τὸ μείζον εἰπεῖν, οὐ τοσοῦτον ἐκ τῆς ἐκείνου πίστεως, ὅσον ἐκ τῆς ἰδίᾳς δυνάμεως· ἡ μοι δοκεῖ καὶ Ἀλέξανδρος θαρρήσας ὁ πάνυ δοῦναι μὴ μόνον τὸ ζῆν ἡττημένῳ Πόρῳ, καὶ ταῦτα νεανικῶς οὕτως ἡγωνισμένῳ περὶ τῆς βασιλείας, ἀλλὰ καὶ τὴν βασιλείαν αὐθις Ἰνδῶν ὡς τὸ μεγαλόψυχον οὐκ ἄλλως ἢ οὕτως ἐπιδειξόμενος, ᾧ κρατηθῆναι χειρὸν ἐνόμιζεν Ἀλέξανδρος ὢν ἢ τοῖς ὅπλοις τοῦ δὲ εἰ κακὸν λάβοι, χειρώσασθαι πάλιν ἐπ' αὐτῷ τυγχάνοντος. Καὶ ἦν αὐτῷ ἡ περιουσία τοῦ θαρρεῖν τὸ φιλάνθρωπον». Сл. Plutarchi Alex. LX, 5; Justin. 12, 8; Oros. Hist. adv. pag. III, 19, 4; Malala ed. Bonn. 194; Cedren. ed. Bonn. I, 266.

4) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, 1, 303.

примѣнительно къ Исайѣ гл. XIV ¹⁾, ни помѣщеніе одного изъ чудесныхъ эпизодовъ Александріи въ цвѣтникѣ XVI в., среди чудесъ, совершившихся въ Печерской обители, съ заглавіемъ: А се иное чудо Александра.

Александръ христіанизовался, хотя и не настолько, на сколько его совопросникъ въ романѣ: Герміи — Іеремія.

¹⁾ Извѣстны такія изображенія въ соборѣ св. Марка (Венеція), Дмитровскомъ — и въ монастырѣ Дохіарѣ. Сл. мон. Славянскія сказавія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213—214, прим. 2; Сырку, Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. Окт., стр. 85; Meissner, Bildliche Darstellungen der Alexandersage in Kirchen des Mittelalters, въ Arch. f. das Studium d. neueren Sprachen, B. 68 (1882), стр. 181 слѣд.

XI.

ΚΟΝΧΙΝΑ ΑΛΕΞΑΝΔΡΑ.

Pseudocall. III, 31: τοῦ δὲ Ἀντιπάτρου ἐπαναστάντος Ὀλυμπιάδι τῇ μητρὶ Ἀλεξάνδρου, ἐποίησεν εἰς αὐτὴν ὅπερ ἐβούλετο. Καὶ τῆς μητρὸς Ἀλεξάνδρου πλεονάκις γραφούσης αὐτῷ περὶ τοῦ Ἀντιπάτρου (ἤχθετο γὰρ ὡς μήτηρ περὶ Ἀλεξάνδρου) καὶ βουλομένης αὐτῆς διελθεῖν εἰς τὴν Ἥπειρον, διεκώλυσεν αὐτὴν ὁ Ἀντίπατρος. Александръ узнаетъ объ этомъ изъ писемъ матери, а Антипатръ, боясь отвѣтственности, рѣшается отравить царя и посылаетъ съ своимъ сыномъ ядъ Александрову чашнику Иоллу (Ἰόλλας, Ἰούλλος), котораго тотъ незадолго передъ тѣмъ обидѣлъ, ударивъ его жезломъ по головѣ. Иоллъ сговариваεται съ другимъ обиженнымъ, Μιδιέμъ (Μήδιος), который приглашаетъ Александра къ себѣ на пиръ, гдѣ Иоллъ подаетъ ему чашу съ отравой.

c. 32 (C) «καὶ εὐθύς ὁ ἀγὼρ ἐμελανοῦτο, καὶ οἱ ἀστέρες τὸ πραχθέν μὴ φέροντες βλέπειν τὴν ἑαυτῶν ἡμβλυαν λαμπρότητα. Ἐγνωκῶς δὲ Ἀλέξανδρος τὸ εἰς αὐτὸν πραχθέν, οἰμώξας σὺν δάκρυσιν ἔφη τοῖς συνανακειμένοις: «Ἀνάστητε, λέγων, ὦ φίλοι μου, λοιπὸν τοῦ καθεύδειν· οὐκέτι Ἀλέξανδρος μεθ' ὑμῶν, οὐκέτι τῆς φωνῆς μου ἀκούσετε, οὐκέτι λοιπὸν σὺν ἐμοὶ ἔσεσθε. Οἶμοι, πρὸς ἄδην κατεπεύγομαι φθάσαι. Καὶ, ὦ Ρωξάνη, ἔφη, μικρὸν ἐμοὶ χάρισαι σεαυτήν». Καὶ ὑπ' αὐτῆς κατεχόμενος κατεκλίθη εἰς τὸ παλάτιον αὐτοῦ. Ταῦτα

Μακεδόνες ὡς ἤκουσαν, τοῦ δείπνου εὐθύς ἐξάνισταντο, καὶ τὸν θρήνον ἐκ πολλοῦ πόνου ἐλευίνως ἐποίουν, καὶ «ὦ οἶόν τι γέγονεν, ἔλεγον, καὶ τίς ἡμῶν ἔσβεσε τῆς ἡμέρας τὸν λύγνον; Τίς τὴν τῶν Μακεδόνων καταλαβεῖν ἠθέλησε δύναμιν; Τίς δὲ καὶ τὴν ἡμῶν γαράν εἰς πένθος μετέστρεψε; Διὰ τί δὲ καὶ ἡ ἑσπέρα ταύτη γέγονεν ἢ παγκρακίστη, ἢ φρονεῦτρια: Διὰ τί δὲ ὁ ταῦτα καταπολήσας παραχρῆμα ἀνάρπαστος οὐκ ἐγεγόνει. ἀλλὰ τελευτήσαντος Ἀλεξάνδρου. αὐτὸς τοῖς ζῶσι συνεῖ;» Плачь македонянь; на другой день Александръ велитъ призвать къ себѣ Пердикку, Птолемея и Лисимаха; все македоняне проходятъ мимо ложа, поставленнаго на возвышеніи; одинъ изъ нихъ обращается къ царю съ хвалебною рѣчью; Александръ подаетъ ему руку.

с. 33 (С) Καὶ ταῦτα εἰπόντος τοῦ Ἀλεξάνδρου ὁ Βουκέφαλος ἵππος μέσον πάντων ὁρμαῖος εἰσῆλθε καὶ πλησίον Ἀλεξάνδρου ἐπιστάς ἤρξατο τοῖς δάκρυσι καταλούειν τὴν κλίνην.—Послание Александра къ Олимпιάδѣ (повторяющее вкратцѣ предыдущія) и раздѣлъ власти: Птолемею-Филлипу онъ назначаетъ Египетъ, Филону-Визу Македонію; ему-же онъ поручаетъ отвести Роксану и ея мать къ его матери Олимпιάдѣ. — Александръ прощается со всеми македонянами; молодой Хармидъ, сынъ Поликрата, бросается къ нему на шею съ плачемъ. Распорядившись, чтобы тѣло его перенесено было въ Александрію, Александръ обращается съ прощальною рѣчью и къ Вукефалу, который, схвативъ прибѣжавшаго въ то время Іолла, убиваетъ его на глазахъ хозяина и самъ надаетъ мертвыи. Слѣдуютъ чудесныя знаменія, появленіе большой звѣзды и т. п.; когда она скрылась, Александръ испустилъ духъ свой.

с. 34. Персы и македоняне спорятъ о томъ, гдѣ схоронить тѣло Александра; оракуль вавилонскаго Зевса велитъ отвезти его въ Мемфисъ, откуда первосвященникъ мемфисскаго храма направляетъ его въ городъ, имъ созданный. Εὐθέως οὖν ὁ Πτολεμαῖος ἄγει αὐτόν εἰς Ἀλεξάνδρειαν καὶ ποιεῖ τάρον ἐν τῷ ἱερῷ τῷ καλουμένῳ Σῶμα [=Σῆμα] Ἀλεξάνδρου, κακεῖ τὸ σῶμα ἦτοι τὸ λείψανον Ἀλεξάνδρου καθίδρυσεν. — с. 35 говоритъ о числѣ годовъ

жизни и царствованія Александра, о народахъ, имъ покоренныхъ. Александріяхъ, имъ созданныхъ, о днѣ рожденія и смерти.

У Юлія Валерія разсказъ объ отравленіи Александра сокращенъ; причина непріязни Антипатра передается иначе: «*occasio moriendi talis fuit. Mater ejus ad eum scripserat super Antipatri et Divinopatri (?) simultatibus, petebatque ut ob id ipsum ad Epirum ire contenderet. Sed enim Alexander cum ad virorum jurgium deduci vellet, statuit Antipatrum ad sese venire ex Macedonia*» и т. д. (Müller, Pseudocall. p. 144—145). Французскій романъ (ed. Michelant, стр. 501) удерживаетъ имена обоеихъ измѣнниковъ, злоумышлявшихъ противъ Александра и вызванныхъ имъ вслѣдствіе извѣщенія матери. Въ интерполяціи французскаго текста, вслѣдъ за Хожденіемъ въ рай, разсказывается: Александръ обѣщаетъ подарить Граціану два города, по его выбору. Онъ указываетъ на Тиръ и Сидонъ, которыми владѣли измѣнники, Divinuspater и Antipater. Александръ предлагаетъ имъ въ обмѣнъ всю Халдею; они просятъ сроку на размышленіе, но въ тайнѣ негодуютъ и затѣваютъ отравить царя, который, вернувшись въ Вавилонъ, получаетъ посланіе Олимпіады ¹⁾. — По Плутарху (Alexander LXXIV, LXXVII) у Антипатра сыновья Ἰόλας и Κάσσανδρος; шесть лѣтъ спустя по смерти сына Олимпіада велитъ разметать прахъ Іола по подозрѣнію въ отравленіи Александра, которое Іоль совершилъ, а затѣялъ Антипатръ по наущенію Аристотеля. У Юстина (I. XX, 14) Антипатръ посылаетъ ядъ съ своимъ сыномъ Кассандромъ, qui cum fratribus, Philippo et Iolla, ministrare regi solebat. Въ Hist. de prel. (Langraf, стр. 126—7; Zing., стр. 258—9) Олимпіада предупреждаетъ сына объ измѣнническихъ замыслахъ Антипатра въ Македоніи, послѣ чего онъ посылаетъ къ Александру сына Кассандра съ ядомъ, при помощи котораго онъ и его братъ Іоль (Zing. ut loqueretur Nyolo fratri suo, qui vocabatur Iobas), уже находившіеся въ услуженіи царя, должны отравить его.

¹⁾ P. Meyer, Études, p. 24—25.

Эта версия рассказа и эта двойственность именъ, перешедшія въ нѣкоторыя европейскія передѣлки Александрія¹⁾ и болѣе согласныя съ историческимъ преданіемъ²⁾, чѣмъ рассказъ Псевдокаллисоена, приближаютъ насъ къ сербской рецензій, также говорящей о двухъ братьяхъ, но ихъ имена другія; Антипатра нѣтъ, причиной Александровой смерти является женщина, мать Левкадуша и Вринеуша. Откуда взялись эти имена — я не знаю, преданіе могло колебаться относительно ихъ. Въ отрывкахъ одного латинскаго стихотворенія объ Александрѣ, напечатаннаго по веронской рукописи и относимаго къ IX вѣку³⁾, читаемъ:

*Fere morte dolus magnus—luctusque miserabilis,
at Spanus et Ginneus inierunt consilium
grifus prendidit altum ascensum, viditque mirabilia.*

Цахеръ такъ предлагаетъ возстановить испорченный текстъ:

*Fertur modo dolus magnus ludusque mirabilis;
iniit consilium, ut in sporta juncea
gryphis prendat altum ascensum: vidit mirabilia.*

Опытъ исправленія, очевидно, мотивированъ тѣмъ, что слѣдующая строфа (*Nic in altum subiit*) говоритъ о попыткѣ Александра вознестись на небо; но уже Царнке замѣтилъ, что въ строфѣ Н говорится объ одномъ грифѣ, а не о многихъ, какъ въ F; кромѣ того, между строфами F и Н выпала средняя—G (стихотвореніе принадлежитъ къ роду абецедаріевъ-акростиховъ). Въ виду этого полезнѣе воздержаться отъ излишней ломки текста, можетъ быть, сохранившаго въ своихъ испорченыхъ стихахъ случайные отрывки забытаго преданія. Въ самомъ дѣлѣ, первые

¹⁾ Сл. базельскую передѣлку поэмы Лампрехта, ed. Werner (Stuttg. litt. Verein t. CLIV, v. 4390 слѣд.); Grion, l. c., p. 168 слѣд.; франц. прозаическій романъ у Weissmann, Alexander, II, стр. 401.

²⁾ Q. Curtius, 10, 10, 17; сл. Droysen, Alexander der Grosse, 88. Въ сирійскомъ переводѣ Псевдокаллисоена (Woolsey, l. c. p. 369) Александръ отравленъ Антипатромъ и Кассандромъ.

³⁾ Zarneke, Ueber das Fragment eines lateinischen Alexanderliedes in Verona, въ Berichte über die Verhandlungen d. k. sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol.-hist. Classe, 1877, I—II, p. 56—69; сл. p. 67.

два стиха строфы F, очевидно, говорятъ о злоумышленіи противъ Александра; Spanus и Ginneus напоминаютъ братьевъ сербской Александрии.

Двое братьевъ-македонянь, Левкадушъ и Вринеушъ, смолоду воспитывались у Александра: первый былъ «конюш'ки чел'никъ», второй служилъ у него въ чашникахъ. Много лѣтъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ не видали они своей матери Минервы²⁾, которая часто вызывала ихъ въ Македонію; «они-же любви Алексен'дрове отгрыг'нуоти се не можахоу». И вотъ она «дѣло чюд'но сътвори и достойно: отров'ныи ѣдъ съ оухишт'реннѣмъ оу гликиз'мо примѣси, ѣже наричетъ се реф'не», и послала сыновьямъ; въ письмѣ къ нимъ она писала: «вѣдомо да ѣсть вама, сына мои, ꙗко всако богатство и слава въ своихъ слад'ко, въ чуждыхъ же вамъ соуштимъ злато ваше мрътво лежитъ. Да клетвою заклинаю васъ въ млеко, иже въздохъ васъ, ꙗко да придѣте видѣти ме. Аште ли Алексен'дръ не поуститъ васъ, гликизмо вамъ рефне оудахъ; и отъ сего Алексен'дроу выкоусити дапте, и въ ть часъ васъ поуститъ». Получивъ посланіе, Вринеоушъ, не слушая отговоровъ брата, сохранилъ ядовитое зелье; былъ онъ «лоукавъ и невѣр'нь на сердци своемъ Алексен'дроу цароу. Просилъ бѣше Алексен'дрова отъчства Македонію многашти. Алексен'дръ же къ нѣмоу рече: в'соу въселѣн'ноу раздѣлити ꙗмаъ, Македонію же никому не дамъ; до смърти мои ꙗмаъ владати самъ: по смърти же мои да владать помъ, комоу да богъ Алексен'дровъ нарокъ и крѣп'коу десницоу и оstri мьчь». Шестъ лѣтъ онъ таитъ про себя свою злобу, но красота Александра удерживала

¹⁾ W, стр. 61 (сл. прим. 1 на стр. 60) представляетъ здѣсь пропускъ и потому не зваецъ Левкадуша; Βρουνούσης — ὁ πικέρνης τοῦ Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. книгу, стр. 175: ὁ Λευκαδούσης ἦτον παρυστάτορας τῶν ἀλόγων τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὁ Βρουνούσης ἦτον κερνάτορας, ὅπου ἐχέρων μετὰ τὸ χεῖρι τοῦ τόν Ἀλεξάνδρου. Мать не названа. Въ рукописной румынской Александрии (отрывокъ въ спискѣ П. А. Сырку), согласно съ сербскимъ текстомъ: Intr' asea vreme era la Macedonia o muiere pre nume *Venerca*, si era ré forte, si avia doii fecioră, unuă pre nume Vreonus, si Levcadus. Сл. рум. нар. кн., стр. 108: Минерва. Вреонус, Левкадус.

его отъ совершенія преступленія. Левкадушъ убѣждалъ брата, но донести на него не рѣшился (гл. 27). Такъ «едина отъ лоукавыхъ женъ велико оубиство стъвори, ꙗкоже и древле рапскии пиште Иев'ви ради оулишикомъ се» (приводятся примѣры Соломона, Самсона, Иосифа)¹⁾. — Однажды на пиру Вринеушь по неосторожности разбилъ дорогую чашу «самотвор'ноу отъ ан'драк'са камена», за что Александръ покаралъ его немного и тѣмъ еще сильнѣе возбудилъ его злобу; еслибы не Левкадушъ, онъ тотчасъ бы отравилъ Александра. «Тако бо ся лоукавь и грѣдѣливъ бѣше и алазоникъ Вринеоушь, ꙗко помш'лаше въ себе глаголю: ꙗко аште Алексен'дра отроую, царь в'семоу свѣтоу быти ямамъ» (гл. 28). — Въ греческой народной книгѣ (стр. 175 слѣд.) весь этотъ разказъ сильно сокращенъ: мать вызываетъ къ себѣ обоихъ сыновей, но мысль объ отравленіи является не у ней, а у Вринуса, оскорбленнаго тѣмъ, что Александръ его ударилъ; о томъ, что Вринусъ просилъ у него Македонію, нѣтъ и рѣчи; этотъ мотивъ извѣстенъ вѣнскому тексту (W, 61): пмъ открывается, послѣ большого пропуска, разказъ о смерти Александра. Въ славянскомъ переводѣ Вринеушь дважды обращается къ царю съ одной и той же просьбой, и лишь по вторичномъ отказѣ рѣшается на преступленіе. Легко предположить, что соответствующій эпизодъ вѣнской рукописи относится ко второму отказу. — Греч. нар. кн., стр. 177, вводитъ въ разказъ объ отравленіи, согласно съ Псевдокаллистономъ, и нѣкоего Μήδης (= Μήδιος Pseudocall.).

Изъ Іерусалима приносятъ въ это время вѣсть о смерти Іереміи, котораго Александръ велитъ погребсти въ Александріи (нѣтъ ни въ вѣнской рукописи, ни въ греческой народной книгѣ;

¹⁾ Сл. Пам. старинн. русск. литер. II, 461 (Поученіе отца къ сыну): въ числѣ мужей, пострадавшихъ отъ «злой жены», упомянуть и Александръ «Слыши, сыне мой, про царя Александра, ꙗко храбръ бѣ, отъ палестинския страны отъ востока солнечнаго вся царствія мира сего своею храбростию къ себѣ приклониша, и отъ жены отравленъ бысть земемъ травнымъ і скончася». Очевидно, воспоминаніе изъ сербской Александріи.

рум. нар. кн. стр. 107—8 упоминаетъ этотъ эпизодъ въ другой послѣдовательности, тотчасъ по разсказѣ о торжественномъ приѣмѣ Олимпіады). Сл. выше стр. 337.

Въ тотъ-же день какая-то жена приходитъ къ Александру съ жалобой на мужа за то, что караетъ ее много. «Алексендръ рече: всаконъ жене глава ксть мужь, мене нѣсть дано жене соудити прѣдь мужемъ. А она же сп мужа на оубиство поноудити хотеше, рече: о цароу, мене бнеть, тебѣ же невѣрнѣ ксть. Алексендръ же рече: нѣсть ти дано мужоу соудити; въ царствѣ бо мѣмъ жены мужемъ не соудеть, горе бо, рече, земли, въ нѣп же жена обладаеть, жена бо на кдиноу потрѣбу [отъ Бога сѣтвори се дѣтородства ради], мужу потрѣбна ксть и подручна. И се рекъ Алексендръ кзика кп оурезати повеле». (Нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 за эпизодомъ объ Іереміи).

Въ тотъ-же день приступилъ къ Александру «двородръжица кговь Дандароушь» и говоритъ, что ему подобало бы отпустить своихъ владѣтелей домой, гдѣ они не были въ теченіе долгихъ лѣтъ. Александръ отпускаетъ ихъ съ честью и подарками (гл. 29; нѣтъ ни въ вѣнск. рукописи, ни въ греч. нар. книгѣ; въ рум. нар. кн. стр. 108 вслѣдъ за предыдущимъ эпизодомъ, за которымъ впервые и начинается разсказъ о Вринеушѣ и Левкадушѣ).

Тогда же пришелъ къ Александру и Вринеушь съ прежней просьбой: дать ему въ господство Македонію. Тотъ отказываетъ, предлагая ему въ замѣнъ того другія владѣнія: «нѣ възми себѣ Ливнію и Кіликію в'соу и великоу Антіохію» (id. W, стр. 61). Вринеушь рѣшается дѣйствовать и, растворивъ ядъ, даетъ его Александру. Почувствовавъ вліяніе яда, Александръ обращается къ помощи врача Филиппа, тогда какъ Левкадушь, услышавъ о злодѣяніи брата, бросается на свой мечъ (о смерти Левкадуша греч. нар. книга ничего не знаетъ, тогда какъ румынская, стр. 109—110, 112, называетъ вмѣсто Вринеуса — Левкадуса). Филиппъ не въ силахъ помочь Александру, онъ въ состояніи сдѣлать лишь одно, «яко да .г. дѣни живѣ боудеши, дондеже вса

царствіа оуредиши». Горькія сѣтованія Александра, размышленія о суетности человѣческой славы, обращеніе къ македонянамъ: «аште възмож'но ви ксть сьмрѣти отети се дньсь, да сь вами в'сегда боудоу, за мене дньсь [сь] сьмрѣтію бите се, похитити бо ме оть вась пришла ксть». Это возможно одному лишь Богу, отвѣчаютъ они: «нѣ ты на земли добрѣ пожилъ кси, и сьмрѣть твоѣ поч'тена ксть. Бол'ша ксть негли пному животу. Походи оубо, Алексен'дре, походи на оуготован'нокъ тебѣ оть бога мѣсто, на зем'ли бо добрѣ царствоваль кси и тамо рага наслѣдити имашь» (гл. 30).

Филиппъ продляетъ жизнь Александра, посадивъ его въ разсѣченную имъ «мьскоу» (сл. W, стр. 62, греч. нар. книга 180; рум. нар. кн. стр. 111). Александръ дѣлаетъ послѣднія распоряженія, поручая Олимпіаду и Роксану Птолемею и Филону (такъ и въ W, стр. 62; въ греч. нар. книгѣ, стр. 181: Пердикка; рум. нар. кн. стр. 111: Птолемеи, Филонъ и Антиохъ) и повелѣвая похоронить себя въ Александріи. «Вѣдомо да естѣ вамъ, говоритъ онъ, ꙗко на послѣдникъ лето мь перьшане македоняни обладати поумуть, ꙗкоже и ми Перьсидомъ обладамо дньсь»¹⁾. Прощаніе съ Роксаной. Александръ велитъ привести Дучипала, который, увидѣвъ умирающаго своего господина, «многожел'но повпшта [и много порьзавъ], погама зем'лю копанъ, Алексен'дровъ облобизаше од'ръ». Обращеніе къ Вринеушу: «о любими моп Вринеоушоу, не вѣсли, колика благаа сьтворихъ тебѣ? По что [зло за добро въз'далъ ми кси, по что] отрав'нога ꙗда напоиль ме кси? Нѣ проклетъ да ксть господарь, кои храни господскога оубинцоу и блондника господске коукѣ; проклетъ да ксть, к'то храни градонздавчию. Нѣ зла оубин, да се зло прѣкрати». Дучипаль убиваетъ пзмѣнника, а Александръ говоритъ: «попи, брате Вринеоушоу, чашоу, юже ми нослужиль кси. Птоломеи же п'сомъ рас'сешти ꙗго по-

¹⁾ Сл. W, стр. 62: то-же; въ греч. нар. книгѣ этой подробности нѣтъ; сл. рум. нар. кн., стр. 111 и румынскій текстъ Сырку: *era sciti, fratilorii, sa in vecul de apoi vorii luoa Turcii Macedonia si vorii fi Macidonenii robii Turcilorii.*

веле» (сл. W, стр. 62—63; греч. нар. кн., стр. 183—184; рум. нар. кн., стр. 112: Левкадусъ). Простившись съ своими вельможамъ, Александръ умираетъ: «оумрѣ въ земли нарицаеме *Герсемъ*, въ странѣ *халдѣисци*, близоу *Елутта*, въ земли *Мѣгюртѣи* *сирѣи*, на рѣцѣ *Ниль*, на мѣсте, пдѣже *Иосифъ* прѣбрасни .з. житниць *Фараону* царю сътворишь бѣше». Греческая народная книга ничего не говоритъ объ Египтѣ въ этой связи; но что разумѣется именно эта мѣстность, намеки на то встрѣтились намъ и раньше: Александръ поручалъ Аристотелю привезти къ нему Олимпиаду «въ *Иерунѣ* великыи въ палестинской землѣ» (Нов. III, гл. 24). Вѣнскій текстъ сходится здѣсь съ славянскимъ: ἐξέφυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γέπ Σεμ εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντὰ εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας, ὅπου ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος¹⁾, αὐτοῦ, ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὀρισμὸν τοῦ Φαραῶ Ἰωσήφ ὁ πάγκαλος ὠρία τοῦ Φαραῶ διὰ γένημα (W, стр. 63); сл. рум. нар. кн. стр. 113: † цара *Иерусалимѣлѣи*, апроане де Египт, ѡнде аѣ зидѣт *Иосифъ* чел прѣбраснос чѣле шапте жжитице але лѣи *Фараон* мѣратѣл. — *Герсемъ*, Γέπ Σεμ = *Гесем* Ягичева текста (стр. 328), библ. Goshen (въ греч. текстѣ: Γεσέν и Γεσέμ): область Египта, гдѣ поселился *Иаковъ* съ своимъ родомъ (Книга Бытїя, гл. 45, ст. 10; гл. 46, ст. 28 слѣд. и далѣе). О *Гесемѣ* сл. *Иудеѣ* I, 8—10: до *арпки емпетской* и *Тавны* и *Рамессы* и во всей землѣ *иссемской*, до входа въ верхній *Танисъ* и *Мемфисъ*. *Terram Gessen et campos Taneos* упоминаетъ *Peregrinatio Sanctae Paulae* (T. Tobler et Aug. Molinier, *Itinera Hierosolymitana*, Genevae, 1879, p. 39); позднѣе (въ концѣ XIII вѣка) *Буркгардъ* говоритъ о *Даміатѣ*: hec est terra *Jesse*, in qua olim filii Israel morabantur *Pharaoni* in luto et latere servientes. *In hac etiam postea lapidatus est Ieremias* (Laurent, *Peregrinatores*, p. 94). Александръ умираетъ,

¹⁾ Сл. выше стр. 199—201: златотечени *Ниль*, χρυσοτρεχόμενος, χρυσορρόος. Сл. *Chrysoroan fluvium* въ *Verba Seniorum* у *Migne*, *Patrol. lat. t. LXXIII*, p. 100; *Chrysoroas* (oppidum) на *Ниль* въ космографіи *Юлія Гонорія* (*Riese*, I. c., стр. 50, 51).

такимъ образомъ, въ той самой мѣстности, которую легенда связала съ памятью о смерти Иеремин: южную границу Гесема составлялъ каналъ, восходящій ко времени Сета I и, вѣроятно, назначенный соединить Нилъ съ Чернымъ моремъ; на востокѣ защитой служили озера Суэцкаго перешейка и стоявшія между ними крѣпостцы; къ сѣверу болота, отвѣчающія нынѣ озеру Menzaleh; на западъ танитскіи рукавъ Нила; въ этихъ границахъ извѣстны города: Tanis=Zoan=Ramses; Pithom; по коптамъ и 70-и толковникамъ еще и On = Heliopolis, Гермополь Филиппа ¹⁾.

Подъ Египтомъ, въ сосѣдствѣ съ которымъ приурочивается кончина Александра, несомнѣнно разумѣется египетскіи Вавилонъ, персидская крѣпостца, построенная будто-бы Камбизомъ, получившая особое развитіе со времени римлянъ и лишь позже поступившая своимъ значеніемъ передъ арабскимъ Капромъ ²⁾. По ту сторону Нила, нѣсколько южнѣе Вавилона, стоятъ пирамиды Гизэ—житницы Иосифа старыхъ путешественниковъ, между прочимъ и русскихъ. Такъ въ одной рецензій (В) космографіи Юлія Гонорія (V—VI в.): *inde pyramides quae «horrea Ioseph» dicuntur et palatium regis Thetharcis, id est Pharaonis* ³⁾; у Бернарда (с. 870): «VII horrea adhuc manentia» ⁴⁾; у Епифанія: *ἀπὸ τοῦ ἁγίου Μακαρίου, ὡς ἀπὸ ἡμέρων τεσσάρων, εἰσὶν αἱ ἀποθήκαι τοῦ Ἰωσήφ αἱ τριάκοντα ἕξ· καὶ ἐκ τῶν ἐκεῖσε περὶ τὸν ποταμὸν τὸν Φισῶν εἰς γέφυραν βασταζομένην ὑπὸ ὀγδοήκοντα καράβων· καὶ ἐκεῖθεν εἰσέρχεται τὴν μεγάλην Βαβυλῶνα, εἰς τὸ βασιλεῖον τοῦ Φαραώ* ⁵⁾; у Дикунла: «*deinde in Nilo longe navigando septem horrea secundum numerum annorum habundantiae, quae sanctus Ioseph fecerat, de longinquo admirantes, tam quam montes videntur, quattuor in uno loco ac tria in altero*» ⁶⁾; у Вениамина Ту-

¹⁾ Ebers y Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, a. v. Gosen.

²⁾ Butler, The ancient Coptic churches of Egypt (1884), I, стр. 171 слѣд.

³⁾ Riese, Geographi latini minores, стр. 51.

⁴⁾ Itinera Hierosolymitana etc. ed. Tobler et Molinier, I, 312.

⁵⁾ Allatii, Σύμμεικτα I, I, p. 55.

⁶⁾ Dicuilii liber de mensura orbis terrae, ed. Parthey, p. 26.

дельскаго ¹⁾: la nouvelle Misraim (Капръ) est éloignée de deux lieues de l'ancienne Misraim (Вавилонъ) qui n'est plus qu'un désert. Il y reste cependant encore plusieurs vestiges d'anciennes murailles, aussi bien que de maisons, avec beaucoup de monuments, des greniers batis par Joseph, qui sont encore sur pié. Митрополитъ Эфесскій Данилъ, упоминая о «житницахъ Иосифа», указываетъ и на настоящее значеніе пирамидъ: «по ту сторону Нила, напротивъ такъ называемаго стараго Египта, . . . миль на семь къ югу, стоятъ и такъ называемыя пирамиды, то-есть житницы древняго Иосифа, сына Иакова; но онѣ, какъ я думаю, построены были сначала не для этой потребности, чтобъ служить житницами, но были большими и дорого стоящими гробницами ²⁾».

У Псевдокаллистоена Александръ умираетъ въ Вавилонѣ; оракуль вавилонскаго Зевса велитъ похоронить его въ Мемфисѣ, но мемфисскій первосвященникъ приказываетъ перенести его прахъ въ Александрію. — Въ нашемъ текстѣ Александръ умираетъ также возлѣ Вавилона — но Вавилона египетскаго: послѣднее изъ тѣхъ мѣстныхъ приуроченій, которыми такъ богатъ нашъ романъ. — Тѣло царя переносятъ въ Александрію, εἰς τὴν Ἀλεξάνδρῖαν (W, стр. 62; такъ и въ греч. нар. кн., стр. 182), либо: εἰς τὴν Παλαιστίνην, εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξάνδρῖαν (W, стр. 63—4), что отвѣчаетъ приблизительно опредѣленію славянскаго текста: «въ *Тегун'тѣ* великыи въ *Палестин'скои зем'ли*. Надъ нимъ плачетъ Олимпіада, причитаетъ Роксана и, «шарамахерь (W, стр. 64, греч. нар. кн. 186: παραμάχαιρον) Алексен'дровъ възъм'ши и на нь налег'ши, врхъ Алексен'дра оубоде се». Птоломей и Филонъ положили ихъ тѣла въ золотомъ ковчегѣ, въ великомъ столбѣ, который сооружаютъ посреди Александриі, «идеже и до дньсь тоу стоитъ». Въ Александриі воцаряется Птоломей — «по смърти же Алексен'дрове на четири ста царствіа

¹⁾ Bergeron, Voyages, t. I, p. 60.

²⁾ Разсказъ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ Данила, митрополита эфесскаго, изд., перев. и объяснилъ Г. Дестунисъ (изд. Православн. Палестинск. Общ., вып. 8-й, СПБ. 1884), стр. 28.

раздѣлише се и зем'ля. И никому, о человеке, сы свѣтъ не боуди оу вѣкъ, да блюди се да не замѣнишь за покой тroudь!» (Нов. III, гл. 31).

Нельзя не признать въ послѣдней части сербской Александрии, то-есть, въ разсказѣ о смерти Александра, сознательной стройности плана. Александръ отказывается отъ борьбы съ Амазонками: побѣдитель мужей не желаетъ быть побѣжденнымъ женщинами — а въ бесѣдѣ съ Птолемеемъ говоритъ ему, что одна изъ нихъ въ состояніи его одолѣть (II, гл. 7). И женщина является въ послѣдствіи причиной гибели македонскаго героя. Замѣтимъ въ концѣ романа искусное накопленіе знаменательныхъ эпизодовъ въ одинъ и тотъ же день: Вринеушь замышляетъ убійство; приходитъ вѣсть о кончинѣ Гереміи, духовнаго руководителя Александра; эпизодъ о женѣ снова даетъ Александру поводъ высказаться о «женской злобѣ»; Дандарушь и Вринеушь какъ бы нарочно сопоставлены передъ сценой отравленія.

Я попытался указать на художественныя стороны лишь одного небольшого отрывка сербскаго текста; но я полагаю, что и взятый въ цѣломъ, онъ смѣло можетъ стать на ряду съ прославленными Александріями запада, съ поэмой Лампрехта и *Libro de Alejandro*.

ХП.

НѢСКОЛЬКО ВЫВОДОВЪ.

Эти достоинства плана должны быть, разумѣется, вмѣнены подлиннику сербскаго текста. Что этотъ подлинникъ былъ греческій, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнiе сближенiе съ греческими, дошедшими до насъ пересказами Александрии того-же типа. Къ подобному выводу уже раньше пришелъ г. Ягичъ, опираясь на грецизмы славянскаго перевода. Нѣкоторыя изъ его объясненiй упрочиваются либо видоизмѣняется и число примѣровъ можетъ быть умножено. Сл. у Ягича, I. с., стр. 214: *терьмага* нѣкогда надъ ними постави *a*, етiарха *b*, етериар'ха *m* — «i to je grčka riječ *ἐπαριάρχης?*»; у Новаковича, стр. 42 вариантъ *m*: етериархоу; W, стр. 39: *ἑπαριάρχην* (bis); греч. нар. книга, стр. 62: *ἐπαριάρχης* (сл. выше стр. 210) — Jagić, I. с., объясняя темное выраженiе: *подъ кеназ'момъ кор'кодиловомъ* (вар. хакпзомомъ, хакiзмомомъ, кеназмомомъ, кеназмомомъ; Jagić, Opisi I, 24, 25, 26: халкпзмомомъ, хакузмъ, хакпзмы, хапзмы; Нов. 33: вар. халкпзмомомъ) — указываетъ на греч. *χαλκισμός*; сл. W, стр. 30: *μὲ τοῦ κορκονδείλου τὸ σκέπασμα*, и тамъ-же: *ἄλογα... σκεπασμένα, μὲ δλόχρυσα σκεπάσματα ἕμορφα*¹⁾. — *О енкардисъ енуисисъ* (*ἐγκάρδιος ἔνωσις*) = W, *μία καρδία* сл. Jagić, I. с. и выше стр. 134 и 199 — 201. — Можетъ быть, недоразумѣнiемъ славян-

¹⁾ О коркодиловой, *коркондиловой* кожѣ сл. выше стр. 170.

скаго текста слѣдуетъ объяснить непонятное названіе камня *regetonскою*, *regetоскою*, съ котораго Александръ свергаетъ Нектанеба (сл. выше стр. 152). То-же слово встрѣчается еще разъ въ варьянтахъ къ эпизоду о хожденіи Александра къ блаженнымъ (сл. текстъ Ягича, стр. 282): «отока никога доидоше висока, велика», вар.: «доидоше к ннекому виску *риганту*» (греч. нар. кн. стр. 116: εἰς ἕνα βουνὸν ὑψηλόν): греч. ῥηγμίν, ῥηγμός — или ῥαγός? — *Стерна* (Jagić, Opisi I, 25: стернь), истерна = греч. στέρνα (сл. выше стр. 256). — Ексодъ = ἔξοδος (сл. выше стр. 386). — Дучипаль вм. Вукефаль = Βουκέφαλος (Нов. стр. 33, 105, 148; но стр. 14, 31: вологлавыи конь, 56, 67: великий). — Странное названіе для города: *Филипуць* (Jagić, стр. 234; Рум. 175: къ Филипуцу граду), Филипоуць (Нов., стр. 21) не что иное какъ Асс. Plug. Φιλίππου: W, стр. 16 εἰς τοὺς Φιλίππους; сл. стр. 1 μετὰ τοὺς Φιλίππους καὶ μετὰ τὴν Φιλίπποπόλιν, какъ **IG**ѣрѣнь = Artaxerxen (сл. выше стр. 141). — Вѣнская рукопись позволяетъ намъ удалить изъ обращенія вкравшееся въ славянскіи тексты собственное имя: Нов., стр. 40: «п пзнесоше кѣмоу вѣиць кѣтриве гопнои»; варианты вмѣсто кѣтриве» кѣере, тежде, теhere (сл. Jag. 250); можетъ быть: кѣтере? W: βασιλίσσης ἐκείνης (сл. выше стр. 207—8).

Въ словарѣ вѣнскаго текста попадаются, рядомъ съ реченіями восточнаго (сл. γογγύαρης, выше, стр. 387 и прим. 1) и славянскаго происхожденія (προβοδῆζω, стр. 18, 45=Нов. 21 послю, 49: проводи вм. провиди; ζαχόνια, стр. 29, 30=Нов. 32 законы; βοηβόντας, стр. 34=Нов. 36: воеводу и passim), средневѣковыя латинскія (πρωτοκαβαλλαραῖοι 12 = Нов. 15 вitezи; φουσάτο 17 и passim = Нов. 20 вопско; σκουτάρια 17 = Нов. 20 штиты; κάστρον passim; τοῦ παγονίου τὰ πτερὰ 36 = pavonis, Нов. 39 паоуновоу ... перію, Jag. 249 id.) и, несомнѣнно, италіанскія либо романскія: W, 13: πρωτάνα = Нов. 16: блондѣница; μπαρμπουτῆ p. 18 (barbuta)=Нов. 21 шлемови; τόρτζα 30 (torcia)=Нов. 33 свѣште; κουβερτισμένα 38 = Нов. 42 кнсазма = σκέπασμα; τέντα 39 = Нов. 42 шаторъ; φλορι 39 = Нов. 42:

златица; *τάβλα* 39 = Нов. 42 трапеза, Jag., 251 столъ; *φαλτίζια* 43 = *falsia*; *ζούστρα* 59 = *giostra* и т. п. — Эти романизмы и италианизмы не совпадаютъ ни въ греческихъ текстахъ между собою (W, 4: *βαγίτζιαις* = греч. нар. кн., 11 *σκλάβαις*; W, 13 *τάβλα* = греч. нар. кн. 23: *τράπεζα*; W, 18: *σουσάνια καὶ μπαρμπούταις* = греч. нар. кн. 31: *σουσάνια ἤγουν σιδηροποκάμισα μὲ περικεραλαίαις*; W, 18: *λιζάτον* = греч. нар. кн. 32: *λιζάτον ἤγουν χαράτζι*; сл. W, 21 = греч. нар. кн. 36; W, 19: *πιπτάκιν* = греч. нар. кн. 33: *ἐπιστολήν*; W, 20: *βίτζιανα* = греч. нар. кн. 35 *βέργα* и т. п.), ни съ встрѣчающимися въ текстахъ сербскои Александрии, расходящихся въ свою очередь: таблица, мештръ (Jag. 228; Нов. р. 12: на кседесь, вар. кеньдосе, дьсце¹); дидаскаль), мештар (Jag., 222; Нов. 5: майстор; сл. Нов. 21: ковачи, вар. масторіе, W, 18: *μάστορες*, греч. нар. кн. 31 id.), турнати се (Jag., р. 230, Нов. 15; сл. W, 11); выраженія для башни: Jag., р. 242 у турне = Нов. р. 31 оу коулоу; Jag., 292 турне = Нов. р. 100 пир'гове; Jag. стр. 254: туран = Нов. 45: пир'гъ, стльпъ. — Балштра (Jag. 241; вар. банестра, чага; сл. Нов. 29; К. Бѣл. л. 49 об. венетра; Jag. Ор., I, 24 бенестра), вертуды (Jag., 244, Нов. 33 дѣйствія), баруни (Jag., 268; ib., 270 = Нов. 67 властели), штентати (Jag., 306, Нов. 119 крьс'мати), шпия (Jag., 312 = Нов. 135 на сходу), шкапина (Jag., 319 = Нов. 135 степень); спенза = страѣне (сл. выше стр. 386); тарулев вар. блюдо (Jag., стр. 296); магеръ (Jag. Orisi, I, стр. 26) = шафар (Jag., въ изд. текста, стр. 286) и друг. — Италианизмы рудницкаго текста, изданнаго г. Ягпчемъ, должны быть отдѣлены отъ того-же явленія, замѣченнаго нами въ греческомъ подлинникѣ, какъ фактъ болѣе поздній и мѣстный.

Особыя соображенія вызываетъ географическій и личный словарь греческой повѣсти по отношенію къ ея славянскому переводу.

¹) Сл. выше стр. 150—1 и варьянтъ Рум. ркп. 175: слице и дуну узна накинтин ськрасонь, Арись, Азродить, Ермись и вьса сія на дасце ношаше.

Ἀπὸ τῆν Ἑγκλιτέρων, W, стр. 12 = неглиторскій Нов., стр. 15; τῆς Ἑγκλιτέρας стр. 33 (новогреч. нар. книга, стр. 55 εἰς τῆν Ἑγκλιτέρων) = Нов., стр. 36 въ Неглитор'ви, Jag., 246: у Инглитеру (сл. выше стр. 201—2).—О загадочной «лакимию» (такъ въ лакиміяхъ твоихъ конь чуд'нъ роди се, Нов. 13; Jag., стр. 229: у свирепцахъ твоихъ, сл. Jag., стр. 213), въ которой Каппъ (I. с. стр. 54) усматривалъ названіе мѣстности, см. выше, стр. 152.—*Сивила* Нов. 33, Jag., 244 (у Ягпча: южская царица) = W, стр. 30: τῆς βασιλισσας τῆς Σοβιλίας (сл. Marsobilia = Сивилла италіанской народной поэмы ¹⁾).—Когда Александръ является въ Римъ, его встрѣчаютъ властители τῆς Ταρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ἄλων) καὶ τῆς Πουλίας ἄλων τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γότθοι ἄλοι (W, стр. 29); греч. нар. кн. 48: τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Πουλίας, ἄλων τὸ Ῥιακὸν (?=ῥηγάτον) καὶ ἡ Γότθη (sic) ἄλη (сл. выше стр. 188 и прим. 2; стр. 192, 194 и прим. 1). *Морейскіе, ѳракіѳскіе* (тракисци) и *далматинскіе* цари напоминаютъ нашу повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ: Тевризь вавилонскій *Морестровичъ*, цари *траклинскіе* и *долматинскіе* ²⁾. Интересно, что Менелай, названный въ славянскихъ текстахъ царемъ лакедемонскимъ (Нов. 38, Jag. 248), является въ греческихъ съ опредѣленіемъ ἐκ τῆν Μωρέων (W, стр. 35; греч. нар. кн. стр. 58). Сл. выше: τοῦ Μωρέως = моурейски, мурийски. Въ особомъ пересказѣ троянской притчи, напечатанной Сырку, царь Сіонъ = Менелай, мужъ Егилуды, царитъ въ Амориі, Амореѣ, Мореѣ, гдѣ властвуетъ и его братъ Югъ ³⁾; Морея греческой Александріи осложнилась воспоминаніемъ о библейской Амореѣ.—*Фригія*: Φραγγία, Φρυγγία, Φαρυγγία; πρὸς τῆς Φραγγίας стр. 35—6 W = Нов. 37—38 къ стране придійской (= Jag., стр. 248), краля *африкіискаго* (Jag. I. с. *придиискаго*),

¹⁾ См. мой Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды II, 1, стр. 249; Sobilia въ Rinaldo da Montalbano.

²⁾ Сл. мой Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, въ Слав. сборникѣ, II (1876 г.), стр. 129—130; сл. стр. 151.

³⁾ Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, стр. 76—77.

африкѣискою землю (вар. *фриридискою*; Jag. I. с. *придииску*). Сл. мою замѣтку въ Южно-русскихъ былинахъ, V, р. 80—1 и выше стр. 248: Пипику достается нѣмецкая земля «и *нажадско* господство» (Jag. стр. 312), вар. *франическо* (I. с. прим.), *парижское* (Нов. стр. 126 прим.), *парижеское* (Jag. Opisi I, 26), *фарижеское* (Кир. Бѣл. сл., съ перенесеніемъ на Лаомедонта). Стало быть: *Фругіа* (Африкія, Придія) = *Фрхγгіа*, можетъ быть, какъ отзвукъ преданія о троянскомъ (фригійскомъ) происхожденіи Франковъ? ¹⁾ Фредегаръ рассказываетъ намъ о царѣ Фригѣ, при которомъ часть Троянъ переселилась въ Европу, отвѣчая призыву *македонскаго* царя, тѣснимаго сосѣдями. Въ благодарность за оказанныя услуги, они получили осѣдность въ *Македоніи*, и еще подвиги *Филиппа* и *Александра Великаго* продолжали служить свидѣтельствомъ о древнихъ доблестяхъ *троянъ*, смѣшавшихся съ македонянами. Между тѣмъ, главная часть троянскаго народа, назвавшаяся, по имени короля, *фригійцами*, потянулась по Азіи и сѣла, наконецъ, на берегу Дуная. Здѣсь они снова раздѣлились. Одна часть пошла подъ предводительствомъ *Francio* и назвалась *франками*; другая осталась на берегахъ Дуная между *Тракіей* и *Океаномъ* и получила, отъ имени царя *Turchot* или *Torquot*, названіе *Turci* или *Torqui*. — Источникъ этой легенды Фредегара усматриваютъ въ хроникѣ бл. Иеронима, куда рассказъ о происхожденіи франковъ внесенъ былъ ея Франкскимъ эксцерпторомъ. Уже въ этой болѣе древней версіи фригійцы, франки и македоняне — отрывки одного и того-же народа ²⁾; если имя *Torquotus* (*Torcouth*), эпонима турковъ, выведено изъ *Торквата*, упоминаемаго въ другомъ мѣстѣ хроники Иеронима, и вставлено не у мѣста, то едва-ли имена *Филиппа* и *Александра* у Фредегара слѣдуетъ объяснить такимъ-же

¹⁾ Сл. Новый взглядъ на Слово по Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 297 и слѣд.

²⁾ Сл. Liber Generationis (до 320 года): Filii Jafeth... Cethin, unde Troiani, Frigii et Macedones. Сл. Riese, Geographi latini minores, p. 161 и XXXII.

внѣшнимъ смѣшеніемъ, какъ-то дѣлаетъ Krusch ¹⁾; они могли припомниться какъ показателя македонскаго народа.

Имена старой троянской саги, пересказанной въ эпизодѣ Александрии (въ греч. текстѣ): Ἐλένη, Μενέλαος, Πριάμος, Ἀχιλλεύς и др. — сохранены въ обычной греческой формѣ, какъ и цѣлый рядъ другихъ. Но рядомъ съ этимъ являются странныя написанія: Καταρκούσης (W, 18; новогреч. нар. кн. Καταρκούσης стр. 32) = Нов. стр. 21 Кан'дар'хоушь, 70 Карданьвоушь, Jag. 235 Кандаркус, 272 Кандракус; W Ἀρχηδονούσης, стр. 22, греч. нар. кн. 38 id. = Нов. стр. 25 Кархидонъ, Jag. 238; Πολυκρατούσης W, l. c.; греч. нар. кн. l. c. Πολυκρατούσης = Нов. стр. 25 Полоукратоушь, Jag. 238; Καλιστερονούσης W, стр. 12 = Нов. стр. 15 Калистеноушь, Jag. 230; Ἀρισβανούσης W, стр. 55, нар. греч. кн. 102: Ἀρισβαρζάνης = Нов. р. 70 Арпз'вар'нь, Jag. 272; Βριονούσης W, 61, греч. нар. кн. 175: Βριονούσης = Врине-ноушь, Вринеоушь, Врионушь Нов. стр. 148, Jag. 326; Селевкоушь (Нов. 20), Селевкоуша (ib. 22) = W, 17: Λευκούσης, греч. нар. кн. стр. 30 id. — Сугус: род. надежь τῷ Κυρίῳ (W, стр. 1): сыноу Куроусовоу (Нов. стр. 1). — Я не иначе объясняю себѣ эти формы, какъ латинскимъ, либо романскимъ прототипомъ греческаго подлинника, либо, что пока вѣроятнѣе, *наштанностью* пересказчика въ области, откуда онъ могъ заимствовать и такія имена, какъ Караторъ (Hist. de prel.), Мпнерва, и такія, какъ: *Candarchus, *Polycratus, *Callisthenus, *Brionus (?). Сл. Febusso e Breusso въ старо-италианской поэмѣ того-же имени; собственные имена въ Intelligenza: Bucifalasso, Erculesse, Accilles и Accillesse, Oetes и Oettesse, Ulissesse, Elinusso и др.; W, Ἀρκούτης = Arcus (сл. выше стр. 274). Греческому переводчику принадлежатъ окончанія на ης: Candarchus—ης, Polycratus—ης и т. п., что сохранила греч. народная книга: Βριονούσης, Λευκιδούσης, тогда какъ славянскій текстъ представляетъ: Вринеушь,

¹⁾ Die Chronicae des sogenannten Fredegar. von Dr. Br. Krusch, въ Neues Archiv der Gesellschaft f. ält. deutsche Geschichtskunde, VII (1882), стр. 474; сл. стр. 439—41. 473—5.

Врисноушь, Левкадоушь, какъ Менелаоушь (Нов. 62, Jag. 248)—Menelaus, Μελέλαος, W, стр. 36; Прѣльмоужь, Прѣмоушь, Приамушь (Нов. 38, 39; Jag. 249)—Priamus, Πριάμος, W, стр. 36; *Candarchus = Кандархоушь; *Poligratus = Поликратоушь и др.: лат. конечное s передается черезъ c, m (Поликратоушь; Ацилешъ Нов. 38, Jag. 249 = Ἀχιλλεύς, W, стр. 36) и ж (Парижъ Нов. 38, Jag. 248 = Πάρις, W, стр. 36); по аналогіи (?): Юлѣноуша Нов. стр. 38, Елена Jag. 248 = Ἑλένη, W, стр. 36, какъ бы отъ Helenus? Сл. Кашантуша (Xanthus), Веноуша (Venus), Тетиша (Thetis) въ Троянской притчѣ, стоящей на одномъ уровнѣ съ сербской Александріей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику. Ср. арматосати, фарвжь, хоро, — и тента, кастель, габилота; — us, — es, — is, — as: Прѣльмоужь. Менелаоушь, Тебоушь (и Тебоухъ); Нептенабоушь = Neptunus, при чемъ повліяла, вѣроятно, память о Νεκτέναβοςъ Александриѣ, въ сербск. текстѣ: Нектенавъ; Анцидешъ, Ацилешъ; Парижъ, Калкашъ и друг. — Г. Ягичъ указалъ мнѣ въ южнославянскомъ переводѣ Григорія Двоеслова (рмп. XIII вѣка Имп. Публ. Библ.) форму: адвокатоушь = advocatus; сл. въ старо(бѣло)русскомъ Тристанѣ: Артиушь (Artus), Паламидежъ (Palamides), Блерижъ (Briobris), Лондрешъ (Londres); въ Римскихъ Дѣянїяхъ: Виргилиушь, Макробіушь, Плаквдушь.

Заключу указаніемъ на одно загадочное для меня выраженіе, освѣщающее отчасти исторію славянскихъ переводовъ Александриѣ. Въ эпизодѣ о посѣщенїи Александромъ Трои вѣнскій текстъ (не поддержанный въ данномъ случаѣ греч. народн. книгой) переходитъ отъ гибели столькихъ героевъ изъ за одной жены къ общимъ воспоминанїямъ (W, стр. 36): ὁ προπάπους μας Ἀδὰμ διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαυφὼν ὁ θαυμαστός καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐχάθη, ὁ Σολομὼν ὁ θαυμαστός καὶ πανφρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσε. Какому это Адану послѣдовалъ Соломонъ? Преданїя о послѣднемъ не отвѣчаютъ на вопросъ. Тотъ же царь Аданъ или Ан-

данъ, на этотъ разъ безъ связи съ Соломономъ, встрѣчается въ греч. народн. книгѣ, въ эпизодѣ, недостающемъ въ вѣнскомъ текстѣ. Въ бесѣдѣ съ Александромъ Эвантъ говоритъ ему (стр. 118): Ἀλέξανδρε ὄλονθ' ἢ κεφαλῆ, ὅταν θέλεις πάρεῖ τὸν κόσμον ὄλον, θέλεις ἀκολουθήσει τὸν Ἀντάνην, что болгарская нар. книга передаетъ дословно: *ще наслѣдитъ Андана*. Старый сербскій текстъ переводитъ въ первомъ случаѣ: прѣвѣк бо Адамъ женою прѣльштень бысть и паде, великыи и крѣп'кыи Самп'сонъ женою погнѣе, и прѣмоудрыи въ чловѣцѣхъ *Соломонъ жены ради ада наслѣди* (Нов. стр. 48, Jag. 249); во второмъ: радуи се въсѣхъ главъ главо! кгда бо въсь примеши мпръ, и своѣго къ томоу не видиши отъчъства; нъ кгда землянаа въса приобрѣштеши, тогда и *ада наслѣдиши* (Нов. 86, Jag. 283). Ἀκολουθεῖν τὸν Ἀνδάνην переведено: *ада на - слѣдити*; созвучіе несомнѣнно; но съ какой стороны было недоразумѣніе — вотъ вопросъ.

Въ предыдущемъ разборѣ источниковъ того типа Александрип, который я продолжаю называть сербскимъ, я не разъ обращался къ Псевдокаллистоу С, какъ къ такому тексту, къ которому всего ближе примыкаетъ интересующая насъ редація (= С¹). Мнѣ кажется, теперь можно точнѣе опредѣлить исторію и пути ея развитія. Греческій источникъ сербской рецензіи, очевидно, не непосредственно выработался на греко-византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллистоена С; послѣдовательное употребленіе романизмомъ и латинскій обликъ собственныхъ именъ указываютъ на знакомство редактора съ литературой западной романтики, если не на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ *Historia de preliis*¹⁾, пространнѣй текстъ которой не разъ служилъ намъ комментариемъ къ нашему роману (сл. выше стр. 233). Какъ

¹⁾ Еслибы въ латинскомъ или романскомъ текстѣ авторъ сказалъ намъ, что Александръ — имя греческое и такого-то значенія, мы нашли бы это вполне естественнымъ; въ написанномъ первоначально по гречески такое толкованіе невольно поражаетъ. Сл. W, 1: ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα... Ἀλέξανδρον ἑοικέναι, Нов. стр. 2: и нарече име емоу Александръ, по гръчьскому языку глаголетъ се избранъ мужъ.

пересказана была по гречески, по одной изъ позднѣйшихъ европейскихъ передѣлокъ, византійская повѣсть о Floire и Blanceflor, утраченная въ подлинникѣ, но сохранившаяся въ старо-французской поэмѣ, такъ вообще старыя греческія и византійскія мотивы и рассказы, унесенные на Западъ, возвращались на родину въ новомъ освѣщеніи. Взятіе латинянами Константинополя (1203 г.), открывшее пути западному литературному вліянію, взятіе Даміатты (1220 г.), обновившее память мѣстныхъ преданій о пророкѣ Іереміи, играющемъ столь видную роль въ сербской Александріи — таковы terminus a quo сложенія и ея греческаго подлинника. Другую хронологическую грань представляютъ списки старо-славянскаго перевода, восходящіе къ XV вѣку; въ XIV—XV вв. могъ быть сдѣланъ и самый переводъ, что отнесло бы время составленія греческаго подлинника къ XIII—XIV столѣтіямъ.

Нѣкоторыя подробности могли бы дать поводъ къ ближайшему хронологическому опредѣленію. Я разумѣю эпизодъ о куманыхъ, война противъ которыхъ составляетъ одинъ изъ первыхъ бранныхъ подвиговъ Александра. Объ этомъ эпизодѣ подробно говорено выше (стр. 165 слѣд.). Извѣстны враждебныя отношенія кумановъ къ Византіи, окончившіяся ихъ окончательнымъ пораженіемъ въ 1095 году при Малой Никей подъ личнымъ начальствомъ Алексѣя Комнина, послѣ чего они изъявили готовность жить въ мирѣ съ имперіей и служить императору — какъ куманы, пораженные Александромъ, принимаютъ отъ него царя и даютъ ему вспомогательное войско. — Замѣна Псевдокаллистоеновыхъ скифовъ куманами, побѣжденными и замиренными, можетъ быть, отзвукъ близкаго, если и не непосредственнаго воспоминанія.

Другимъ terminus a quo, нѣсколько загадочнымъ, является «троянскій» эпизодъ нашей Александріи. Александру показываютъ древнія памяти павшихъ подъ Троей героевъ, причемъ вкратцѣ говорится и о нихъ самихъ. Убіеніе Ахилла Парисомъ-Александромъ указываетъ на Дарета и Диктиса, вѣроятноже,

на какой-нибудь посредствующій источникъ, изъ него заимствовавшій и ближе пока не опредѣлимый (сл., между прочимъ, средне-греческую Ахиллиаду, изд. Саеой и Вагнеромъ). Интереснѣ слѣдующія выраженія вѣнскаго текста (W, стр. 36—37): ἤρεσαν καὶ τῆς Βρυσιάδος τὸ μαντέλο ὄλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τετιμεμένο, ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορφάδα ὅπου εἶχεν, ὅπου ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Καλκῆ τῆς θυγατρὸς. О любви Троиля и Бризеиды говоритъ впервые въ половинѣ XII вѣка Benoit de Sainte-More; послѣ него и по его слѣдамъ Guido de Columna въ своей Historia destructionis Trojae (оконч. въ 1287 г.). Непосредственно за приведенными словами слѣдуетъ въ вѣнскомъ спискѣ: καὶ ὁ Ἀχιλλεύς ὁ θαυμαστός ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναὸν τοῦς, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου. Въ соответствующемъ отрывкѣ славянскаго перевода Троиль вовсе не упомянутъ, и вмѣсто Бризеиды является Кассандра: «Изнесоше ѿмоу на иконѣ написанъ образъ Минерве кралице (т: господе Минервы), на нь възираюшти тропскаго краля дышти (т. Кашандра) вьса келли'ска Троию градоу прилоуч'ша се разоумѣваше (т. вьса елика о Трои прорече). И изнесоше ѿмоу крзьно Поликсениѣ госпогнѣ, дыштере краля Прѣмоуша, юже прьстеноваль бѣше Ацплешь Пер'леоушевики, кгда одь Грькь отврьже се и къ Трои пристоупи, кгоже оубише братиѣ вь полатѣ на вечери лоукав'ствомъ; т. и тоу егѡ оубише братиѣ еѣ съ лоукав'ствомъ на вери вь храмѣ Аполона трьнога дельфил'скаго, оуби же егѡ Александрь и Дивоушь (сл. Нов. кн. I, гл. 24, стр. 39); Jag. I. с. стр. 249: и ту га убише братѣне Парпик и Дивуш с влхавством у цркви Аполона Пѣбуша, на вери Приамуша краля. Сл. Daretis Phrygii, De excidio Troiae historia, ed. Meister XXXIV: Ахилль убитъ Александромъ-Парисомъ, in fano Apollinis Thymbraei. (сл. трьнога?); у Диктиса (Dictys Cretensis, ed. Meister, X—XI) мѣстность та-же, но въ убіеніи Ахилла участвуетъ, кромѣ Александра, и Деифобъ (слав. Дивуш?).

Въ описаніи троянскихъ воспоминаній и старинъ, которыя

показываютъ Александру, славянскій текстъ подробнѣе и связнѣе вѣнскаго, особенно неяснаго въ отрывкѣ, нами приведенномъ. Одно изъ двухъ: либо въ подлинникѣ славянскаго перевода не было подробности о любви Троила и Бризенды, либо послѣдній эпизодъ выпалъ послѣ упоминанія Кассандры и несомнѣнно былъ болѣе внятень, чѣмъ соотвѣтствующій, сохраненный вѣнскимъ спискомъ.

Страннымъ въ нашей гипотезѣ о западномъ источникѣ или источникахъ греческаго подлинника сербской Александрии представляется то обстоятельство, что до сихъ поръ между европейскими пересказами романа не встрѣтилось ни одного съ характерными признаками нашей редакціи. Что нѣкоторые изъ ея отличительныхъ признаковъ извѣстны были и на Западѣ, я склоненъ заключить изъ слѣдующихъ указаній, не говорящихъ впрочемъ за существованіе цѣлаго романа такого именно состава. Дѣло идетъ о характерномъ для него эпизодѣ: о Іереміи и змѣяхъ, введеннаго (изъ *Historia Scholastica, Liber Tobiae, c. III*) и въ нѣкоторыя рукописи *Hist. de preliis* пространнаго типа¹⁾. Александръ строитъ Александрію, *et statim praecipit edificari eam. Et tollens de Egipto ossa Jeremie prophete eaque recondens diligenter per girum ipsius civitatis, ut prohiberet de terra illa genus aspidum et de fluminibus serpentes, qui dicuntur ophiomachi et crocodilli. Factumque est. Ab illo itaque die illesa fuit civitas Alexandri a serpentibus.* — Эта подробность перешла изъ *Hist. de prel.* въ *Konung Alexander* (v. 936 слѣд.), къ Рудольфу Эмскому и во французскіи прозаическіи романъ, старопечатное изданіе котораго (1506 г.) замѣнило Іеремію — Іеронимомъ, тогда какъ рукописные тексты XIII—XV вв. удержали настоящее имя. Приведу отрывокъ изъ ркп. XIV в.²⁾: *Dont Alexandre fut molt lies et commanda ke l'en feist la cite. Et osta de .1. autre lieu* (ркп. XIII в.: *de .1. autre liu de Egipte*; такъ

¹⁾ Zingerle, l. c., стр. 56—7, 74, 149 и прим. къ § 24.

²⁾ За извлеченія изъ романа и рукописныхъ текстовъ Александрии по ркп. британскаго музея приношу благодарность Р. О. Ланге.

и въ двухъ ркп. XV вѣка и въ печатномъ текстѣ) les os de Jérémie le prophete et les fist mettre molt honoreement sor les murs de la cyte pour ce que Diex par les merites du beneoit prophete deffendist la cyte des serpens que l'en apele ypotames et cocodrilles. Et ainsi avint que de celui jour en avant fut la cite d'Alixandre delivre des serpens dent il en i avoit molt grant habondanche.

Болѣе значенія я готовъ придать роману объ Ugo d'Alvernia, отрывокъ изъ котораго мы сблизили выше (см. стр. 321—323) съ соответствующими эпизодами сербской Александрія и Макаріева житія. Я не далекъ отъ предположенія, что авторъ утраченнаго французскаго подлинника, изъ котораго пошли знакомые намъ франковенеціанскіе и тосканскіе тексты, имѣлъ передъ собою какую-нибудь христіанизованную Александрію, въ родѣ той, какую предполагаетъ легенда о Макаріи. Мы видѣли выше, что ея чистилищныя видѣнія (сл. эпизодъ о райскихъ птицахъ) и земной рай лежатъ по ту сторону столба, поставленнаго Александромъ: иноки видятъ его, вступая въ область чудесь, и не мнуютъ, выходя изъ нея. Въ Ugo d'Alvernia Андрея da Barberino распределеніе нѣсколько иное; но интересно двойное появленіе столба съ надписью: въ первый разъ на границѣ земнаго рая (сл. выше стр. 323 и ed. Zambrini e Vacchi Della Lega, v. II, p. 36) и вторично передъ входомъ въ область ада, при чемъ Уго говоритъ: «Sarei io venuto dove fu *Alessandro magno?* certo sì, quelle lettere credo che dichino, che alcuno non vadia più innanzi». Онъ находитъ «quattro mostri e uccisegli. Questi feciono grande danno a *Alessandro e sua gente*» (ibid., II, p. 66—67). Страна чудесь, гдѣ Уго находитъ и земной рай и мученія ада, локализована въ Египтѣ; но путь, по которому онъ добирается туда, у Андрея da Barberino несомнѣнно спутанъ: изъ Рима въ Апулію и Калабрию, затѣмъ моремъ въ Attene, оттуда въ Іерусалимъ и — въ Ливію. Весь военный эпизодъ объ Іерусалимѣ (l. c. v. I, стр. 145—174) представляется мнѣ позднѣйшей вставкой: первоначально путь могъ идти изъ Апуліи въ *Tanusc*: *Attene*

изъ *a Tene*, см. Tenez провансальскаго текста о взятіи Даміаты (сл. выше стр. 346); отсюда — въ Ливію. Сл. надписаніе гл. XIV: *come Ugone si parte dal Papa e trova una galea, passata la Puglia, per ire Atena* (l. c. I, p. 137); въ текстѣ: *in Attene, verso Attene* и т. д. Танпсъ — мѣсто, освященное памятью Іереміа, гонящаго змѣй и чудовищъ; въ этой связи я обращаю вниманіе на одинъ эпизодъ романа, находящійся въ другой его части: Уго, преслѣдуя невиданное чудовище, скрывающееся отъ него въ море, восклицаетъ: *Per santo Geremia, che se io ti posso giungere, ch'io ti menerò con meco* (l. c. II, стр. 48). Совпаденіе, едва-ли случайное и получающее особое значеніе въ связи съ другими мотивами Александровой саги, указанными нами въ романѣ.

Но возвратимся къ сербской Александріи.

Для опредѣленія мѣстности, гдѣ составленъ былъ славянскій переводъ, важны своеобразныя отраженія латинскихъ — *us*, — *es* въ окончаніяхъ собственныхъ именъ (сл. выше стр. 442—3) и, болѣе того, отмѣченный нами выше (стр. 381) перебой *ŕ* въ *n* и обратно; встрѣчаясь въ группѣ памятниковъ (Сербск. Александрія, Троянская притча, и др.), они указываютъ на извѣстныя діалектическія особенности, но и на установившійся приѣмъ, грамматическую манеру — и возможность западнаго вліянія. Что до остальныхъ латинизмовъ и романизмовъ текста, то для рѣшенія о его древнемъ характерѣ они важны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда совпадаютъ другъ съ другомъ въ различныхъ его спискахъ. Сопоставленія, предложенныя нами выше, указываютъ, что списки здѣсь наиболѣе расходятся: *мештар* (Jag. 222), *майстор* (Нов. 5), Кир. Бѣл. сн. л. 23 об.: *волхвъ*; *баруни* (Jag. 268, 270), *властели* (Нов. 67), *волможи* (Кир. Бѣл. л. 95 об.), *вельмжжѣе* (Jag. Opisi: II, p. 22); *balistra*, *balestra* сохранилось, съ искаженіями, въ цѣломъ рядѣ списковъ. — На *инию* ходен (Jag. 312), *на сходу* (Нов. 125), *на посолства* ходши (Кир. Бѣлос. л. 164 об.) и т. д. Иные италіанизмы рудницкаго текста могутъ принадлежать позднѣйшему переписчику, но отсутствіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть и слѣдствіемъ замѣны однимъ

реченіемъ другого, менѣ понятнаго. Такое подновленіе касалось и другихъ сторонъ лексикона и шло параллельно съ искаженіемъ текста, казавшагося темнымъ. Въ томъ и другомъ отношеніи Кириллобѣлозерскій списокъ XV вѣка представляетъ убѣдительныя образцы. Сл. W, стр. 2 *συνορίτης* = Нов. 3 крашт'никъ (Jag. 221) = КБ. 21 л. вѣстникъ. — Нов. 4: Нектанебъ «въ полатоу царскоу вышьдъ вльшьбноую *леканомать* (*λεκανομάτεια*) начеть *творити*, златоу *роукомію* воды наливъ» (Jag. 222) = КБ. л. 22 об.: вниде в полатоу волшебною *декомантїю* *терти* начать златоую, *роусимею* *рекше* *лоханю* наливъ воды; Рум. № 175: вѣховно врачеваніе сътвори. — Совѣтъ Нектанеба Олимпіадѣ — поврементъ разрѣшеніемъ отъ бремени искажается разнообразно: сл. выше стр. 144 прим. 1 и Рум. № 175: дондеже пѣбснїе планты на уставу стануть и стихїе преступленіе створеть. — Нов. 11: *дидаскаль*, Jag. 227 *учител*, КБ. 29 об. *оучитель*. — Нов. 11: *фер'нуре* Алексен'дре, Jag. *френиуре* (= *φρενίτης*, сл. Jag. 213), КБ. л. 29 об.: *господине*; Рум. № 175: *ω* *храбри* *Алеѣандре* — Нов. 13: въ *лакимїахъ*, Jag. *свирепицахъ*; КБ. л. 30 об. *стадахъ*. — Нов. 17: *накарады*, Jag. 232 *накарате* (nacchere), КБ. 35 об. *араны*. — Нов. 28: *драгоману* (вар. тльмачю), Jag. Opisi I 24: *тльмачю* и т. д.

Передъ нами исторія искаженія текста, являющаяся въ то-же время и исторіей его движенія съ юга на сѣверъ, съ попытками мѣстнаго, народнаго приуроченія.

Я не имѣлъ ввиду прослѣдить позднѣйшія стадїи этого движенія, для которыхъ многочисленныя русскіе списки Александрїи дадутъ богатый матеріалъ и, можетъ быть, нѣсколько новыхъ вопросовъ — на разрѣшеніе (сл. выше стр. 378—9)¹⁾. Ограничивъ такимъ образомъ область изслѣдованія я, быть можетъ, въ

¹⁾ О. И. Буслаевъ любезно сообщилъ мнѣ эпизодъ о Горгонїи изъ находящейся въ его библіотекѣ Александрїи, писанной въ два столбца такъ называемой «приказной» скорописью первой половины XVII вѣка (на 153 л.) и великолѣпно иллюстрированной. «О Горгонїи дѣвци» говорится на л. 137 въ слѣдъ за коротенькой статьею о «солнечномъ градѣ» — «И отшедше оттолѣ, и идохомъ по пути мѣгляну 7 дней, ищущи пути перскїя земли, якоже заблудили

другомъ случаѣ перешель его границы, постановленные вопросомъ: объ источникахъ сербскаго романа. Эпизодъ объ Іереміи грѣшитъ именно такой постановкой, но онъ увлекъ меня, потому что, казалось мнѣ, открывалъ новыя точки зрѣнія, на которыя до сихъ поръ мало обращали вниманія: библейскій пророкъ оказался привязаннымъ къ Египту такими-же узамъ, какъ и македонскій герой, издавна усвоенный ему не только генеалогической сказкой, но и эпитетомъ двурогаго, козла, указывающимъ на культъ эіонскаго Аммона¹⁾. — Исслѣдователю романтической саги объ Александрѣ такія неожиданныя точки зрѣнія еще представляются неразъ: стоитъ только постучаться въ ея съ виду извѣданную почву и можетъ повториться чудо, изображенное на русскомъ летучемъ листкѣ XVII вѣка: св. Антоній въ пустынѣ, ударилъ жезломъ о землю, и изъ нея выходитъ по поясъ вѣнчанная фигура, Александръ Македонскій, «иже Бога не знаше»²⁾.

бяху. Глаголаху же ко Александру жители земли тоя: О владыко Александре, обратися въспять, да не злѣ погибнеша со всѣми вои своими во предѣлѣхъ семъ. Александръ призвавъ вопрошаша я, хотя извѣдати отъ нихъ сущее. Они же рѣша: Слыши, царю Александре: есть по земли сей ходитъ дѣвица нарицаемая Горгонія, имущи лице челоуѣческое, и перси и нозѣ, имѣеть же хвостъ коневъ, на главѣ же за власъ мѣсто имать змія, выростоша всяцеми лица. Егда же начнетъ хотя гонитися, и начнетъ звати къ себѣ челоуѣки и звѣри и скоты, еще же и змія страшныя похоти ради. Разумѣеть бо языки челоуѣческія и звѣрскія. И егда кто узритъ образъ ея, аще птица парящая, и абіе издохнетъ. Отвѣща имъ Александръ: Да вы како безъ вреда пребываете? Они же рѣша: Мы, царю, имаемъ жилища подъ землею, да не злѣ умремъ. Есть бо она рыщущи борзо, аможе хоцетъ. Александръ же слышавъ и убоися и мыслише, егда ту ему скончатися, и оттолѣ пошедъ. И обрѣтохомъ тму, ни огня не видѣти на мѣстѣхъ тѣхъ. И ставшимъ ти намъ шатры и воспѣвшимъ (?), слышати бо бяше гласъ нѣкаковъ находящъ, и яко чудитися самому Александру. Второе пришедшу и третіе тому-же гласу, слышахомъ яве Горгонію зовущу яве Александра на похоть единого». За себя Александръ посылаетъ волхва, одѣвъ его въ свои царскія ризы и корону и давъ ему свой мечъ. Волхвъ убиваетъ Горгонію, а ея голову приносить къ Александру. — При этой статьѣ четыре миниатюры.

¹⁾ Сл. объ этомъ интересныя соображенія Lauth'a: Alexander in Aegypten, въ Abhandl. d. philos. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. d. W. XIV B., 1-e Abth., p. 97 слѣд.

²⁾ Сл. Ровинскій, Русскія Нар. картинки, кн. IV, стр. 733.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VI ¹⁾.

ХАНАНИИ-КИНОБЕФАЛЫ И ИКОНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ СВ. ХРИСТОФОРА.

(Посвящается О. Э. Лемму).

Поль Мейеръ (*Romania*, № XXVII, стр. 441—444) выбралъ изъ памятниковъ старо-французской и провансальской поэзіи цѣлый рядъ указаній на загадочный народъ *Chanelius*, *Chenelius*, *Canelius*, *Quenelius*, *Kanelier*, *Canineus* и т. п. Къ упомянутымъ, имъ собраннымъ ²⁾, присоединю еще и *Renier*:

Li Kanelier ne sevent chevauchier.
Tous vont à pié, li felon losengier;
Chascuns portoit ou macue ou levier,
En une flote sont plus de XX millier
En l'autre après sont li Pincenart fier,
Tout sont cornu et devant et derrier.

Какъ здѣсь *Kanelier* сопоставлены съ *Pincenart*, такъ въ другихъ случаяхъ они являются рядомъ съ другими невѣрными, погаными народами:

Assez i ot paien et *Ture* de pute caingne,
1699 Et felons *Canelius* et *Mors de Morienne*
(Aie d'Avignon).

¹⁾ Сл. стр. 307, прим. 1.

²⁾ Ch. de Rolant, *Aye d'Avignon*, *Jérusalem*, *Girart de Roussillon*; *Chanson de Croisade*, напис. ок. 1146 года; *Vie de st-e Thaïs*; *Bodel*, *Jeu de st. Nicolas*; *Blancandin*; *Rutebeuf*, *Complainte d'outremer*; *Peire Vidal*, *Aimeric de Belenoi*.

8130 Che sont et *Gauffre* et *Bogre* et *Cheneleu* pullent
(Jérusalem).

Et pire vie mainment que *juif* ne *Sarrazin*
Et plus horz ne sont mie *Chaneliu barbarin*
(Vie de St-e Thaïs).

D'autre part vienent *cil de Tharse*,
Et Coramin et *Chenilier*.
(Rutebeuf).

Въ Jeu de st. Nicolas Боделя *li Kenelieu* упоминаются вмѣстѣ съ *Achorart*, въ которыхъ П. Мейеръ (l. c. p. 440) видитъ народную передѣлку *Aethiops*, и съ *Gaians*:

Va moi par tout semondre *Gaians* et *Queneliez*;

они не говорятъ, а лаютъ:

7431 Chenelex oïssiez glatir et abaihier
(Jérusalem).

Форма имени: *Canineus* (*Girart de Roussillon*, *Peire Vidal*, *Aimeric de Belenoi*) и *Caninieus* = *Chananaeus* (Ex. XXXII), 2) въ краткомъ изложеніи священной исторіи на провансальскомъ языкѣ позволили автору не только угадать смыслъ *canineus* (ж. родъ отъ *canineu*) въ старо-провансальскомъ переводѣ *Новаго Завѣта*, приведенномъ у *Ренуара*, но и увидѣть въ франц. пров. *Chanelius*, *Canineu* отраженіе библейскаго *Chananaeus*. Неблагоприятная характеристика хананеевъ въ Библии (*Gen. 6, 4*; сл. *Isidori Etymolog. De portentis, § 14*) едва ли могла сама по себѣ побудить средневѣковыхъ поэтовъ обобщить ихъ въ эпическихъ *Chaneliu*; пров. *Canineu* повело П. Мейера къ предположенію посредствующей народной этимологіи, связавшей *Chananaeus* съ *canis*; въ Jérusalem *Cheneleu* лаютъ, какъ собаки. Стало быть, отъ *Chananaeus* (*Cananeus*) къ *canineus*: мнѣніе, выраженное, по поводу легенды о Христофорѣ, уже Пиниемъ и недавно Гарстеромъ.

Уже въ послѣсловіи къ своей замѣткѣ Мейеръ сообщалъ, по указанію Г. Париса, отрывокъ изъ легенды о св. Макаріи

Римскомъ, которую мнѣ пришлось разобрать выше (гл. VI). Я указалъ (I. с. стр. 325), что составитель этой легенды воспользовался какою-то христіанизованною Александріей, восходящею къ одному изъ источниковъ Псевдокаллистоена С. Сл. въ послѣднемъ текстѣ кн. II, гл. 31: Ἀνθρώπους μὲς εὗρεν (sc. Ἀλέξανδρος) εὐτελεῖς καὶ λίαν μικροτάτους ὡς εἶναι τὸν τέλειον ἄνθρωπον [οὐχὶ ἀλλὰ] πῆχυν τε καὶ ἤμισυ; далѣе с. 32 онъ встрѣчаетъ великановъ (ἄνθρωποι παμμεγέθεις), с. 33 дикихъ людей (ἄνθρωποι... ἄγριοι ἐπὶ πετρῶν καθεζόμενοι) и с. 34 кинокефаловъ: ὁ Ἀλέξανδρος κατέλαβε χώραν Κυνοκεφάλων; сл. с. 37: ἄνθρωποι κυνοκέφαλοι (сл. выше стр. 315).

Въ старо-славянскомъ переводѣ житія св. Макарія этому эпизоду отвѣчаетъ, какъ мы видѣли (выше стр. 307) слѣдующій: иноки, направляющіеся къ св. Макарію, вступаютъ въ землю *Песыихъ главъ*, которые ихъ не тронули: «по вса мѣста собѣ живуть, межи камень гнѣзда сносивше»; далѣе на востокъ страна *трепастокъ*. Въ латинскомъ текстѣ: itaque exeuntes inde terram *Chananaeorum* ingressi sumus, qui ab aliis *Cynocephali* dicuntur: трепясткамъ отвѣчаютъ Pichiti («ipsa vero gens in statura et altitudine sua non plus quam mensuram unius cubiti habebat») и *Rugmaei*.

Стало быть, хананей = кинокефалы, Песыи главы; въ румынской Александріи: сѣрсăунї, сѣтсăунї. Развитие можно бы предположить такое: кинокефаль = Canineus, а далѣе, по созвучію, Chananaeus. Caneleus = кинокефалы старо-французскихъ поэмъ были бы такимъ же обобщеніемъ частнаго значенія, какое постигло и славянскія Песыи главы: подъ ними разумѣются просто невѣрные, чуждые народы, и въ этомъ значеніи Песыи главы фигурируютъ въ повѣсти о «послѣднихъ дняхъ» (въ Откровеніяхъ Моѳодія у Тихонравова, Пам. II, 218) и въ памяти объ освобожденіи Цареграда отъ нападенія иноязычныхъ ¹⁾).

¹⁾ Сл. Срезневскій, Древніе славянскіе памятники юсоваго письма: изъ Слѣпченской книги апостольскихъ чтеній, календарь, стр. 112 (съ ссылкой на Мстиславово Евангеліе, Сербск. прол. XIV в. и др.).

I.

Всякій разъ, когда въ средневѣковыхъ памятникахъ, въ описаніи чудесъ далекой Азіи, мы встрѣтимъ сопоставленіе хананеевъ-великановъ — и пигмеевъ, мы въ правѣ говорить объ отраженіи христіанской Александріи Макарьевского типа.

Въ древней передѣлкѣ старой нижне-рейнской поэмы о герцогѣ Эрнстѣ (сл. Bartsch, Herzog Ernst, Wien 1869) мы находимъ пигмеевъ = Prechamê (l. c. p. 105, v. 4896 слѣд.; сл. v. 5324: Perkamêren lant; въ стихотвореніи Одона: Pricamî, l. c. p. LXXI) и, въ сосѣдствѣ съ ними:

5014 ein *freislich volc, hiez Cānāan,*
bî Arimaspi dem lande.
daz waren wîgande:
Risen waren sie genannt.

Въ Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ (l. c. стр. CXXXIII), сложенномъ по типу и подъ вліяніемъ поэмъ о герцогѣ Эрнстѣ, тѣ же великаны Ханаана ведутъ войну съ пигмеями. Въ Walberan (Deutsches Heldenbuch I, Berlin, 1866) карликъ-пигмей этого имени властвуетъ гдѣ-то на востокѣ (Armeniâ, Sinâi, Judêâ, Kaukasas, Eufrates, Mambre):

52 ez hâte ouch mit gewalteger hant
betwungen *Kanachas daz lant*
von dem die grôzen liut sint komen.

Въ войскѣ, которое онъ ведетъ противъ Дитриха Бернского, находятся великаны — хананейцы (die von Kanapê 74). И въ этой поэмѣ усматриваютъ вліяніе географическихъ представленій поэмы о герцогѣ Эрнстѣ, которую упоминаетъ Ulrich von Eschenbach въ своемъ Alexander (Bartsch l. c. p. CXL): Александръ приходитъ въ страну, жители которой

swenne sie zwei wort getunt,
daz drite sie bellent als ein hunt,
als trûgen sie ouch houbet.

swer des niht geloubet,
dise rede er besûche
in herzogen Ernstes bûche.

Въ поэмѣ о герцогѣ Эрнстѣ и ея отраженіяхъ хананей — просто великаны, не песнглавцы. Если Ульрихъ отождествилъ ихъ съ кинокефалами Александріи и заставилъ лаять (сл. *Cheneleu* въ *Jérusalem*), то онъ, очевидно, могъ имѣть въ виду установившееся уже уравниеніе: *Canineus* = *Chananaeus*, которое мы въ правѣ приложить и къ объясненію одного эпизода въ повѣсти Елисея (*Zarncke, Der Presbyter Johannes, 2-e Abth. стр. 127*): *terram Chananaeorum et Amazonitarum*. Именно Амазонки Александріи позволяютъ видѣть въ сосѣднихъ хананеяхъ — кананеевъ-кинокефаловъ; припомнимъ, кстати, что по Адаму Бременскому (IV, 19, у *Pertz 9, 375*) песнглавцы и пропеждаютъ отъ амазонокъ.

Обратимся къ чередованіямъ кинокефала-кананея — и хананея въ легендѣ и иконографіи св. Христофора ¹⁾.

Въ Минологіи императора Василія о немъ говорится: *περί τούτου τοῦ ἁγίου λέγονται τινὰ παρά τινων τερατώδη καὶ παράδοξα, ὅτι τε κυνοπρόσωπος ἦν πρότερον καὶ ἀνθρώπους ἦσθιεν, ὑστερον δὲ μετὰ τὸ πιστεῦσαι τῷ Χριστῷ μεταμορφώθη. οὐκ ἔστι δὲ τοῦτο, ἀλλὰ τινες αὐτὸν οὕτως ὑπενόησαν διὰ τὸ ἐθνικὸν εἶναι καὶ ἄγριον καὶ φοβερὸν. Ὅμως δὲ ἦν ἐπὶ τῆς βασιλείας Δεκίου, καὶ κρατηθεὶς ἐν πολέμῳ παρὰ τοῦ Κόμητος, μὴ δυνάμενος λαλῆσαι Γραικιστί, ἤξαστο τῷ Θεῷ καὶ ἀπεστάλη αὐτῷ Ἄγγελος λέγων Ἀνδρίζου. Καὶ ἀψάμενος τῶν χειλέων αὐτοῦ ἐποίησεν αὐτὸν λαλῆσαι Γραικιστί. Εἰσελθὼν οὖν ἐν τῇ πόλει, ἐκήρυσσε τὸν Χριστόν. Ἀποστέλλονται οὖν στρατιῶται κρατῆσαι αὐτὸν καὶ τῆς ράβδου αὐτοῦ βλαστησάσης, ἐπίστευσαν τῷ Χριστῷ καὶ σὺν αὐτῷ βαπτίζονται ἐν Ἄντιοχείᾳ ὑπὸ τοῦ ἁγίου Βαβύλα, ἐνθα καὶ Χριστοφόρος ὠνομασθη.*

¹⁾ О немъ см. *Stadler und Heim, Vollständiges Heiligenlexikon I (Augsb. 1858), стр. 609 слѣд.*; *W. Harster, Walther von Speier (Speier 1877), стр. 29 слѣд.*; прежде всего матеріаль, собранный въ *AASS., Julii VI, a. d. 25.*

Εἶτα προσαχθεὶς τῷ βασιλεῖ καὶ πολλὰ βασανισθεὶς πρότερον, ὕστερον ἀπεκεφαλίσθη.

Такъ и въ славянскомъ прологѣ подѣ 9-мъ мая, съ тою разницею, что о Христофорѣ сказано: «а преже имя семоу Репревъ»¹⁾.

Подробные греческіе акты св. Христофора, по рукописи XI вѣка, извѣстные дотолѣ лишь въ извлеченіи²⁾ и лишь недавно напечатанные³⁾, указываютъ на источникъ этого имени.

Въ четвертое лѣто своего правленія императоръ Декійъ воздвигъ преслѣдованіе на христіанъ. Въ то время какой-то комитъ взялъ въ плѣнь Репрева, στρατεύσας αὐτὸν ἐν τῷ νομῆρῳ τῶν Μαρμαριτῶν. Ἦν δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος φρόνιμος σφόδρα. ἵνα γινῶτε πάντες ὅτι ὁ φοβούμενος τὸν Θεὸν ἐν παντί ἔθνη δεκτὸς αὐτῷ ἐστίν, καὶ δοκίμους αὐτοῦ καθιστᾷ πρὸς τὴν αὐτοῦ γνώμην· εἰ γὰρ ἐκ τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων ὑπῆρχεν, γῆς δὲ τῶν ἀνθρωποφάγων, ἀλλὰ πιστὸς ἦν τῷ φρονήματι, καὶ αἰεὶ τὰ λόγια μελετῶν τοῦ Θεοῦ. Οὐκ ἠδύνατο δὲ τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ λαλεῖν⁴⁾. Видя преслѣдованіе, воздвигнутое на христіанъ, онъ опечаленъ и, выйдя изъ города, молится о ниспосланіи ему дара слова, дабы онъ могъ говорить подобно «симвъ» во обличеніе мучителя. Мужъ въ лучезарной одеждѣ предсталъ ему, говорятъ, что его молитва услышана. Онъ коснулся устъ Репрева, трижды дохнулъ на него, и тотъ заговорилъ по гречески — идетъ въ городъ, гдѣ видятъ христіанъ, мучимыхъ въ тюрьмѣ. Онъ громко обличаетъ

1) Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (1881), стр. 173—174.

2) AASS. I. c., p. 143 b.

3) Analecta Bollandiana, v. I (ed. Carolus de Smedt, Gulielmus van Hooff et Josephus de Backer), 1882, стр. 121 слѣд. Текстъ принадлежитъ къ одной рецензіи съ Папемброховскою рукописью, но съ отличіями; на нѣкоторыя изъ нихъ указано далѣе.

4) Papebroch: Ἀνὴρ δὲ τις ἀβλαβῆς, τοῦ γένους τῶν κυνοκεφάλων.... οὗτος συλληφθεὶς ἀπὸ τῶν στρατιωτῶν τοῦ βασιλέως ἀπὸ τῆς ἐρήμου ἠνέχθη τῷ βασιλεῖ Δεκίῳ εἰς τέρψιν· ἐτέρπετο γὰρ ὁ βασιλεὺς τὸ εἶδος αὐτοῦ ὄρῳ ἐν τῷ ἀρίστῳ.... Κατενόγη ὁ αὐτὸς ἀλλόφυλος ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος.... διὰ τὸ μὴ δύνασθαι αὐτὸν λαλεῖν τῇ ἡμετέρᾳ διαλέκτῳ, καὶ μὴ ὑποφέρον τὴν πύρωσιν τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἀπελθὼν ἐκάλυπεν ἔξω τοῦ πλαιτίου, προσέχων τῆς κτίσεως τὸν εὐμορφίαν π τ. д. AASS. I. c., p. 143 b.

язычниковъ; одинъ изъ нихъ ударилъ его. Κατέχομαι ὑπὸ ἐντολῆς τοῦ Χριστοῦ μου, καὶ οὐ δύναμαί σοι τί ποιῆσαι, говоритъ святой; — ἐὰν δὲ ἔτι πικράνης μου τὴν καρδίαν, σὺ παρ' ἐμοὶ οὐχ' ὑπάρξεις. Язычникъ идетъ съ докладомъ къ Декію: ἐφάνη ἐνώπιον τοῦ λαοῦ ἀνὴρ νεανίας, φοβερὸς τῷ εἶδει, καὶ ὑπερμεγέθης τῷ σώματι καὶ τῷ πάχει· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτοῦ ὡς ἀστὴρ ὁ πρωτὶ ἀνατέλλων, καὶ οἱ δρόντες αὐτοῦ ὡς συάγρου ἐξέχροντες· καὶ τὰ λοιπὰ τοῦ εἶδους τῆς ὀράσεως αὐτοῦ διηγήσασθαι σοι οὐ δύναμαι. Οὗτος λαλεῖ ῥήματα βλάσφημα κατὰ τῶν θεῶν, καὶ τῆς θειότητός σου οὐχ' ὑπακούει τὸ πρόσταγμα. Царь посылаетъ двѣсти воиновъ за Репревомъ, который между тѣмъ сѣлъ у церковной двери, ἐμπήξας τῇ ῥάβδῳ αὐτοῦ ἐν τῇ γῇ, τὰς δὲ τρίχας αὐτοῦ διαρρίψας ἔνθεν καὶ ἔνθεν, καὶ τὴν ὄψιν δὲ ἐπὶ τὰ γόνατα θεῖς. По его молитвѣ (ὁὗς, Κύριε, βλάστησαι τὴν ῥάβδον ταύτην τὴν ὡς ῥάβδον τοῦ Ἀαρών) посохъ пустилъ ростки; это чудо укрѣпило его, и онъ проситъ теперь: τὸ τέλειον φρόνημα τῶν χριστιανῶν καὶ γνωστικὸν μυστήριον τῆς ἀθανάτου σου ζωῆς συνέτησόν με, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ. Дѣвушка, вошедшая, по обычаю, въ садъ, чтобы нарвать розъ, видитъ молящагося и плачущаго Репрева и такъ испугана его видомъ, что выходитъ назадъ пятясь: ἔφυγον ὡς ἀπὸ προσώπου δράκοντος, говоритъ она, — и воины, посланные Декіемъ, находятъ такимъ образомъ Репрева. Кто онъ и почему плачетъ? спрашиваютъ они его. Εἶπεν δὲ αὐτοῖς: Κλαῦσαι δεῖ μοι ὑπὲρ πάντα ἀνθρώπων, ὅτι μὴ εἶδώς Θεὸν οὐκ ἐνεκλήθην ποτέ· νῦν δὲ ἐπιγνοὺς τὸν Θεὸν τυραννοῦμαι· καὶ διὰ τοῦτο κλαίω, ὅτι τὸ καλὸν ὄνομα ἐπιγνοὺς ἀδικοῦμαι. Они говорятъ ему, что присланы, чтобъ отвести его къ Декію. Узникомъ имъ не удастся его отвести, отвѣчаетъ онъ: онъ самъ пойдетъ съ ними, пусть только подождутъ его. Но у нихъ почти вышелъ весь провіантъ, пока они искали его; имъ надо спѣшить; по молитвѣ Репрева является архангелъ Рафаиль, благословляетъ остатки хлѣбовъ, и они чудеснымъ образомъ умножились. Воины увѣровали въ истиннаго Бога; Репревъ ведетъ ихъ въ Антиохію, гдѣ всѣ принимаютъ крещеніе отъ епископа Вавилы, положившаго Репреву имя Христофора.

Христофоръ велитъ воинамъ отвести его, связаннаго, во дворецъ. Царь при видѣ страшнаго пришельца, чуть не упалъ со страха, допрашиваетъ его о родѣ (τὸ δὲ γένος μου τὸ πρόσωπόν μου κατηγορεῖ), имени и вѣрѣ. Христофоръ заявляетъ себя христіаномъ, подверженъ мученіямъ; его запраютъ съ блудницами Каллишпой и Акплиной, которымъ поручено соблазнить его въ язычество; но онъ ихъ обращаетъ въ христіанство. Онѣ первыя умираютъ мученицами, за ними двѣсти воиновъ, обращенныхъ Христофоромъ, наконецъ самъ святой, тѣло котораго епископъ Аталіи, Петръ, переноситъ въ городъ, сосѣдній съ Антиохіей¹⁾.

Легенда эта вошла въ печатныя греческія мишен²⁾ и извѣстна въ славяно-русскихъ пересказахъ³⁾.

Общіе признаки греко-славянскихъ текстовъ житія — имя царя *Декія* и крещеніе Репрева *Василой* *ὁ* *Αντιόχει*. Минологіи Василія не знаетъ имени Репрева, несомнѣнно отвѣчающаго Репробу латинскихъ актовъ: *Ρέπρεβος* (успенск. сборн. Репревъ) *вм.* *Ρέπρεβος*, какъ передано въ первомъ посланіи къ Корншо. 9, 27 греч. *ἀδόκιμος*⁴⁾. Разумѣется, это *одно* еще не можетъ служить доказательствомъ зависимости греческаго мученія отъ латинскаго оригинала, а развѣ свидѣтельствуеетъ о воздѣйствіи послѣдняго на редакцію перваго. Что же касается имени *Offegus*, *Offogus*, которое будто бы

¹⁾ Сл. Rarebroch, AASS. I. c., p. 143b: вмѣсто Аталіи — Италия; τὸ δὲ ἕγιον μαρτύριον τοῦ ἀθλοφόρου Χριστοφόρου ἐκέλευσεν ὁ ἀγιώτατος ἐπίσκοπος Πέτρος εἰς τὴν ἀπόρριον τοῦ ποταμοῦ γενέσθαι, εἰς τὸ ἐπιχείμενον εἰς τὴν πόλιν ἔστι δὲ πεφυλαχμένη ἡ πόλις ἐκείνη μέχρι τῆς σήμερον ἡμέρας διὰ τῆς πρεσβείας τοῦ ἁγίου Χριστοφόρου.

²⁾ Μηνήιον τοῦ Μάϊου ὑπὸ Βαρθελομαίου Κουτλουμουσιάνου, стр. 41—42 (по изданію 1862 г.).

³⁾ Ждановъ. I. с. стр. 174—175. Къ славяно-русскимъ рукописямъ проложнаго и пространнаго житія, указаннымъ г. Ждановымъ, присоединимъ и слѣдующія: рукописи Троицкой лавры №№ 712 л. 225 (мученіе св. Христофора въ спискѣ 1497 г.); Имп. Публ. библ. рукописи Толстаго III, № 73, XVII в.; Чет. Мишен Макарія, мѣс. Май, по ркш. Синодальной библіотеки, № 994. О древнѣйшемъ текстѣ житія по сборнику конца XII-го вѣка библіотеки Московскаго Успенскаго собора см. замѣтку А. Попова въ Чтен. Имп. Общ. Пет. и Древн. 1879, I: Библиографическіе матеріалы, стр. 20—1.

⁴⁾ Harster, Walter v. Speier, p. 43.

носилъ язычникъ Христофоръ по нѣкоторымъ западнымъ пересказамъ его легенды, то оно, можетъ быть, принадлежитъ этимологической игрѣ: *Christ-offorus* получилъ это имя послѣ того, какъ онъ перенесъ Христа, а прежде звался просто *Offorus* ¹⁾. Но встрѣчается еще одно имя: *Onufrius* или *Onuphrius* ²⁾; вариантъ ли это къ *Offorus* или—*Онуфрій*?—Христофоръ вездѣ представляется *кинокефаломъ*, согласно съ его древнимъ изображеніемъ, противъ котораго протестуютъ наши подлинники. Такъ въ толковомъ подлинникѣ графа Строганова читаемъ: «Глава песія, въ бранѣхъ, крестъ въ рукѣ, а въ другой мечъ въ ножнахъ; исподъ празелень»; но въ подлинникѣ профессора Буслаева: «младъ, какъ Димитрій, риза баганъ, пснодь празелень. А индѣ пишется: песья голова, волосы по плечамъ, какъ у дѣвицы; вооруженъ въ доспѣхъ; въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой копье, а копье у него процвѣло; риза багоръ красенъ, исподъ лазоръ». Сл. подлинникъ Долотова: «Христофоръ младъ, какъ Димитрій Солунскій, и волосы таковыжъ; ризы вопискія, верхняя багряная, исподняя празеленная, въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ въ ножнахъ. Нѣкоторые пишуть его, главу имуща песью, подражая прологу. Но прологъ не утверждаетъ тако быти, но чужое нѣкое мнѣніе приводитъ и пишетъ тако: И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песью главу имѣяше, отъ страны челоукоядецъ; а съ чего сіе взято и кто изъ достовѣрныхъ историковъ сіе писалъ, о томъ не сказываетъ; и сіе мнится несправедливо» ³⁾.

Въ латинскихъ житіяхъ, къ обзорѣнію которыхъ мы перейдемъ, вмѣсто Декія названъ царь *Dagnus*, что едва ли слѣдуетъ

¹⁾ См. А. Maury, *Essai sur les légendes pieuses etc.* p. 53; стихотворныя легенды, изданныя Schönbach'омъ въ *Zeitschr. f. deutsches Alterthum*, t. XVII, p. 85 слѣд. (= B); *ib.* t. XXVI, стр. 20 слѣд. (= A).

²⁾ Сл. Krauss, *Real-Encyclopädie d. christl. Alterth. a. v. Christophori*, безъ указанія на источникъ.

³⁾ Сл. Буслаевъ, *Очерки II*, стр. 418; Русскій сводный иконописный подлинникъ XVIII вѣка въ Вѣстн. Общ. древне-русск. искусства 1876 г., вып. 11—12, стр. 102; Ждановъ, I, с., p. 174, прим. 3. Сл. Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 772; III, 674; *волчья голова*.

непосредственно сблизать съ хананейскимъ Дагономъ Библии¹⁾, а скорѣе съ *Dacianus* — Даціаномъ отреченнаго мученія св. Георгія, съ *Dacianus* — Декиемъ легенды о Осми спящихъ²⁾. Нѣтъ ни Антиохіи, ни упоминанія Вавилы; мѣсто дѣйствія — городъ *Samos*, -н, или *Salmos*, -н въ Ликіи или Сиріи; Репревъ-Христофоръ является кинокефаломъ, въ латинской передачѣ *Canineus*, но рядомъ съ этимъ вторгается и другой этнической эпитетъ — *Chananaeus*, а подъ вліяніемъ воспоминаній о хананеяхъ, великанахъ Библии, особенное значеніе дается гигантскому росту Христофора. Въ греческихъ житіяхъ эта черта не выступаетъ; здѣсь она выдается, опредѣляя иконописныя и скульптурныя изображенія святаго, отражаясь неконечъ и въ описаніи его мощей³⁾. Позже исчезаетъ и самый признакъ кинокефализма.

Латинскія житія св. Христофора распадаются на двѣ группы.

Разборъ первой я начну съ *Passio*, изданной болландистами⁴⁾.

«In tempore illo, regnante Dagno in civitate Samo, homo venit de insula, genere *Canineorum*, et ostensum est ei a Domino, ut baptisaretur baptismo sancto. . . Ipse autem sanctus, ex toto corde orans, ecce nebula de caelo descendit et inluxit super eum; et venit ei vox de caelo dicens: Serve electe Dei, ecce accepisti baptismum in nomine Domini et sanctae Trinitatis. Et ingressus ipse sanctus intra Syriam, orabat dicens: Gloria tibi, Deus, qui convertis ignorantes et adducis in viam veritatis; *mutas linguas*

¹⁾ Сл. отчетъ о Harster въ *Anzeiger für deutsches Alterthum und deutsche Litteratur*, VI B. (1880), стр. 166.

²⁾ См. мой отчетъ о книгѣ Коха въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1883 г., Ноябрь, стр. 155.

³⁾ См. *AASS*. I. c., p. 129 a (*dimidiam mandibulam tredecim vulgares libras 16 unciarum appendere*), 129 b (*dens portentosus*), 134 a (*dimensio autem pedis illius pertingebat a calcaneo hominis justae staturae ad axillam ejusdem*). Сл. латинскій гимнъ у Mone (*Lateinische Hymnen des Mittelalters III*, стр. 248:

Salve, quem tam mire Deus
traxit, o Christophore,
Cananeus giganteus
es procerus corpore.

⁴⁾ I. c., p. 146 b слѣд.; о рукописяхъ ib. p. 142 b слѣд. и Harster, *Walther v. Speier*, p. 38.

ferarum et das eis linguam humanam. Et ingressus in ipsam civitatem orabat. Женщина, вышедшая изъ города поклониться идоламъ, испугалась его вида, «*et facies ejus mutata est, videns corpus hominis, caput autem canis*». По ея призыву «*exierunt turbae multae et videre ipsum sanctum stantem et orantem juxta ecclesiam; et respiciens ad illum populum orabat dicens: Domine Deus meus, fac virgam meam florere et ramos bonos habere et folia formosa, quomodo mutasti in Cana Galilaeae aquam in vinum*». Чудо совершается, и 18 тысячъ человѣкъ увѣрвали во Христа. О томъ доносятъ Дагну, который посылаетъ за святымъ двѣсти человѣкъ и затѣмъ еще столько же; заставъ его молящимся «*et ipsi orare coeperunt cum eo*». При видѣ Христофора царь свалился съ престола, «*quoniam magnus erat*»; далѣе его ростъ опредѣляется: «*subitorum duodecim*». Обращаясь къ нему Дагнь говоритъ: «*Canine*»: позже: «*fera mala*», «*qui intra feras nutritus est*». Спрошенный о своемъ имени, святой показываетъ: «*Perprobus dictus sum, post baptismum sanctum Christophorus vocor*», а Дагну говоритъ: «*Vere bene vocatus es Dagnus quia tu es pars mortis*» — игра словъ непонятная по признанію болландистовъ ¹⁾; въ греческомъ житіи Христофоръ говоритъ Декию: *Δικαίως ἐκλήθης Δέκιος· δεικτικὸς γὰρ εἶ τῆς ἐνεργείας τοῦ διαβόλου*; въ греческомъ подлинникѣ славянскаго житія успенскаго сборника стояло, очевидно, *δοκός*: «въ правдоу реченъ бысть Декии, бѣрьвьно бо кси диволѣ». — Слѣдуютъ мученія и смерть: 400-хъ воиновъ, которые посланы были за Христофоромъ (они говорятъ о себѣ: *nos autem semel baptizati sumus?*), Акилины и Никей (= Каллиника греч. текста), трехъ царскихъ совѣтниковъ, наконецъ самаго святого. Последнее мученіе его состоитъ въ томъ, что воины по повеленію царя стрѣляютъ въ него съ перваго часа до двѣнадцатаго, но стрѣлы останавливались въ воздухѣ по бокамъ, не трогая тѣла. Когда на другой день явился Дагнь и сталъ глумиться надъ Богомъ Христофора, одна пзъ стрѣлъ сорвалася

¹⁾ L. c., p. 148 a.

и угодила въ глазъ царю. Умирая, Христофоръ велитъ ему прійти на мѣсто, гдѣ его погребутъ, взять персти, смѣшанной съ его кровью, и помазать глазъ. Дагнь дѣйствительно исцѣляется и впредь запрещаетъ подъ страхомъ смерти кощунствовать противъ Бога христіанъ. Иначе въ греческомъ текстѣ, гдѣ нѣтъ чуда со стрѣлами, Христофоръ усѣченъ мечемъ, предрекая Декію злую смерть, которая и постигаетъ его.

Passio, напечатанная болландистами, можетъ служить образчикомъ того, болѣе древняго текста житія, который, помимо ея, сохранился въ цѣломъ рядѣ переработокъ и отраженій.

Въ X вѣкѣ Вальтеръ Шпейерскій дважды, стихами и прозой, пересказалъ легенду именно нашего типа, съ риторическими прикрасами и обусловленными тѣмъ отличіями, несущественными для критики. Я ограничусь разборомъ прозаическаго пересказа¹⁾.

Имена тѣ же: Reprobus, Dagnus, Samon въ Сиріи, Aquilina, Nicaea. Христофоръ «natione quidem et ritu exstitit Chananaeus, fidei vero et operum honesta conversatione apparuit Christianus... Quod autem hunc de terra Chananaea oriundum narrat historia, ratio non improbare videtur; nam et Simonem apostolum a Chana villa Chananaeum, id est, zeloten dici veritas habet, a quo et istius Chananaei religio non adeo distat. Ejusdem enim appellationis, licet non ejusdem loci ambo in terra sortiti vocabulum in coelo iam collegii societate fruuntur... Erant praeterea quaedam et in eo maxime non erubescenda conditionis humanae vestigia: longa enim, ut aiunt, et acuta facie *Cynocephalum*, id est *canini capitis* hominem praetendens interioris hominis formam bonorum operum studuit adornare constantia. Далѣе этотъ признакъ удержанъ: cynocephalici vultus... horrenda severitas; хотя женщина пугается лишь oculorum ejus gravitatem, и, явившись передъ Дагномъ, онъ всѣхъ поражаетъ, «cum staturae ejus proceritas ceteris emeretur, radiis oculorum... reverendus apparuit», тѣмъ не менѣе царь обращается къ нему съ словами: canina facies,

¹⁾ Harster, Waltheri Spirensis Vita etc. стр. 102 слѣд.

canina imago, ferocissima bestiarum. Изъ отличій противъ Passio укажу лишь на немногое: вмѣсто *virga ferrea*, едва ли не принадлежащей онискѣ, является просто *baculus peregrinationis*, при чемъ чудо съ посохомъ сопоставляется съ чудомъ въ Канѣ Галилейской (Passio), но и съ разцвѣтаниемъ Ааронова жезла (греческое мученіе); за мученіемъ отъ стрѣль (Passio) слѣдуетъ еще усѣкновение Христофора (греческое мученіе). Отмѣтимъ въ началѣ легенды нѣсколько указаній на юность Христофора: онъ сынъ знатныхъ родителей-язычниковъ; съ молодости отличался добрыми нравами, нищелюбіемъ, презрѣніемъ къ языческимъ обрядамъ. Его связываетъ лишь уваженіе къ законамъ родной страны и страхъ родителей, и вотъ онъ беретъ за страннической посохъ и направляется въ Сирію «*nudus quidem thesauro... non habens peram vel sacculum, quoniam caelestis sibi praebuit annonam solacium*».

Итакъ, Христофоръ — кинокефаль, Canineus, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *хананей*; сближеніе съ Симономъ *Кананеемъ* (пзъ Каны) принадлежит ли измышленію Вальтера? Въ одномъ латинскомъ житіи, отрывокъ котораго приводится болландистами¹⁾, о Христофорѣ говорится: «*ad hoc itaque sancti spiritus characterisma recipiendum per regenerationis lavacrum feliciter beatum apostolum Simonem, nomine Zelotem atque praenomine Chananaeum, adiit; cujus doctrina imbutus fideliter, tale in ipso purgationis fonte nomen sortitus est*». — Въ Passio и у Вальтера Христофоръ чудеснымъ образомъ крещенъ въ облакѣ; форма: Cananaeus, вмѣстѣ съ указаніемъ на Симона, могла явиться на переходѣ отъ болѣе древняго: Canineus — кинокефаль къ Chananaeus — хананей.

Легенду у Момбриція я знаю лишь по пересказу Шёнбаха²⁾. Inc. Regnante Dano imperatore in civitate Samon in provincia Syrie venit quidam homo de insula (опущено: Cananeorum) ex genere Abnoch. — Alois Müller предполагаетъ въ Abnoch иска-

¹⁾ l. c., стр. 143 а.

²⁾ Anzeiger, l. c.

женіе Anakim (великаны Библии) подѣ вліаніемъ такихъ именъ, какъ Abner, Abigail, Abimelech и пр. — Господь велитъ Репреву креститься, «et fugens ad ecclesiam Cristianorum gratiam baptismi consecutus est in nomine sanctae trinitatis». Онъ идетъ въ городъ; женщина пугается его вида: «videbat enim corpus hominis, caput vero cananeum»; и далѣе встрѣчается выраженіе: caput cananeum, ab illo capite cananeo — очевидно, вм. canineo; caput chananeum было бы безсмысленной. Сл. въ молитвѣ Христофора къ Господу: *mutas linguas ferarum*, и обращеніе къ нему царя: *fera mala*. Раздвѣтающая палица является безъ эпитета: *ferrea* (Passio).

Изъ латинскаго житія вѣнскаго рукописи № 550, начала X вѣка, Шёнбахъ (l. c.) сдѣлалъ лишь незначительныя выписки. Императоръ Dagnus; о кинокефализмѣ, кажется, нѣтъ рѣчи, ибо женщина поражается лишь ростомъ (*statura*) Христофора. Онъ и названъ не canineus, а Cananeus, въ смыслѣ народнаго прозвища и отвлеченнаго отъ него понятія язычника: *dum Cananeus, Reprobus dictus sum, post baptismum Christophorus vocor*.

Судя по указанію на крещеніе въ облакѣ можно предположить, что редакціей, сходною съ Passio болландистовъ, пользовался еще въ IX вѣкѣ Ратрамнъ въ посланіи къ Римберту о кинокефалахъ¹⁾, которые, по его мнѣнію, *homines potius quam bestiae deputandi videntur*. *Huic intelligentiae non parum suffragari videtur libellus de martyrio Christophori editus*. *Quemadmodum enim in eo legitur, hoc de genere hominum fuisse cognoscitur... Nam et baptismi sacramentum divinitus illum consecutum fuisse, nobis ministerio cum perfundente, sicut libellus ipse testatur, creditur*.

Въ слѣдующей группѣ житій *кананей*-кинокефаль уступилъ мѣсто *хананею*, и является цѣлый рядъ моментовъ, не встрѣчавшихся намъ доселѣ.

¹⁾ Fritsche, Der Brief des Ratramnus über die Hundsköpfe, у Hilgenfeld'a Zs. f. wissenschaftliche Theologie XXIV Jahrg. (1881), стр. 63—64.

Такъ у Якова de Voragine (ed. Graesse, p. 430 слѣд.): «Christophorus gente Chananaeus procerrimae staturae vultuque terribili erat et XII cubitos in longitudine possidebat»; Дагнъ называетъ его: Chananaee malefice! либо говоритъ: inter feras nutritus es et tu non potes nisi opera feralia et hominibus incognita loqui. Кипокефаль исчезъ, но въ самой легендѣ гораздо больше баснословнаго элемента, чѣмъ въ предшествующей. Начало совершенно сказочное: Христофоръ былъ на службѣ у какого-то хананейскаго царя, когда ему пришло на мысль «ut maiorem principem, qui in mundo est, quaereret et ad eundem secum moraturus accederet. Venit igitur ad quemdam maximum regem, de quo generalis fama habebatur, quod majorem mundus principem non haberet. Quem rex videns libenter recepit et in sua curia manere fecit. Quodam autem die jocolator quidam cantionem coram rege cantabat, in qua frequenter diabolum nominabat». Всякій разъ, при его упоминаніи, царь крестится, а на вопросъ Христофора, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчаетъ: «Quemcumque diabolum nominari audio, hoc signo me munio timens, ne in me potestatem accipiat mihiq̄ noceat». Какъ услышалъ это Христофоръ, рѣшилъ пойдти служить діаволу (ut ipsum mihi in dominum assumam), котораго встрѣчаетъ въ пустынѣ, въ образѣ война (miles fergus et terribilis), окруженнаго другими вошнами. У него онъ остается; однажды они шли вмѣстѣ по дорогѣ; увидя крестъ, діаволь испугался и свернулъ въ сторону, увлекая съ собою Христофора. Когда онъ объяснилъ ему причину своего страха, тотъ заключаетъ, что Христосъ сильнѣе его хозяина и отправляется искать кого-нибудь, «qui sibi Christi notitiam indicaret». Пустынникъ, на котораго набрелъ Христофоръ, поучаетъ его: «Rex iste, cui servire desideras, istud requirit obsequium, quia frequenter jejunare oportebit». Но Христофоръ отказывается отъ этого, а что такое молитва, о которой говорятъ ему, онъ и не знаетъ. Тогда пустынникъ велитъ ему поселиться на рѣкѣ, опасной для переправлявшихся черезъ нее, и всѣхъ переносить на ту сторону: такъ онъ послужитъ Христу. Христофоръ такъ

и поступаетъ, и однажды, перенося на плечахъ мальчика-Христа, чуть не изнемогъ подъ его тяжестью: «In magno periculo, puer, me posuisti et adeo ponderasti, quod, si *totum mundum* super me habuissem, vix *majora pondera* praesensissem». На другомъ берегу Христось объявляетъ себя: «ut me verum dicere comprobes, cum pertransieris, baculum tuum juxta domunculam tuam in terra fige et mane ipsum floruisse et fructificasse videbis». Стало быть, то же чудо, что и въ предшествующей легендѣ, иначе приуроченное.

Той-же легендой, какъ и Яковъ de Voragine, пользовался авторъ средневѣковой нѣмецкой стихотворной повѣсти о Христофорѣ, изданной Шёнбахомъ (А). Онъ былъ «ein man des libes ungehürge» (v. 89), ein rise (v. 757), котораго не могла снести ни одна лошадь (v. 159); онъ поочередно служитъ у рыцаря, графа, короля, императора, папы; крестное знаменіе, которымъ ограждается папа отъ дѣвольской напасти, побуждаетъ его поступить въ услуженіе къ дѣволу; но онъ вскорѣ покидаетъ его, когда видитъ его страхъ передъ крестомъ. Слѣдуетъ встрѣча съ пустынноикомъ; Христофоръ переноситъ младенца Христа; эпизода о разцвѣтшей палицѣ нѣтъ въ этой связи, и то, что слѣдуетъ далѣе, обращаетъ насъ къ редакціи Passio. Христофоръ вышелъ на берегъ, чудесный младенецъ исчезъ; *облако* осѣняетъ будущаго святого, и ангелъ велитъ ему идти въ Сирію, въ городъ Samone, къ королю Dagnus. Женщина, вышедшая изъ города, пугается Христофора, и совершается чудо съ разцвѣтшей жердью (v. 1075—1076: ein holz unmäzen gröz, — Ein dornenstap, der rinden blöz). О томъ, что Христофоръ — кинокефаль или хананей, не говорится ни слова.

Средневерхне-нѣмецкая стихотворная легенда В, изданная тѣмъ-же Шёнбахомъ, придѣлала къ схемѣ de Voragine своеобразное введеніе. Отецъ и мать святого, живущіе въ Персіи или Аравіи (v. 78—79) — добродѣтельные люди, хотя и язычники; долгое неплодіе побуждаетъ мать къ обѣщанію стать христіанкой, если у нея будетъ потомство. Родится великанъ Offogus:

одного году отъ роду онъ былъ словно тридцатилѣтній и не удовлетворялся молокомъ десяти кормилицъ и болѣе (v. 163 слѣд.); когда ему было 20 лѣтъ, онъ всѣхъ превосходилъ въ силѣ и ловкости (v. 183 слѣд.); ни одинъ конь не выносилъ его (v. 216); онъ такъ великъ, что люди верхомъ доходятъ ему до плеча (v. 219 слѣд.). Онъ также ищетъ владѣльца, силнѣе котораго нѣтъ на свѣтѣ, и скрывшись отъ родителей, приходитъ сначала къ лѣснику (waldman v. 392), затѣмъ встрѣчается съ охотникомъ, котораго переноситъ вбродъ черезъ глубокий потокъ (v. 473 слѣд.), и несетъ одинъ всю охотничью добычу (v. 513 слѣд.). Онъ поступаетъ на службу къ хозяину охотника, но уходитъ отъ него, увидѣвъ, что тотъ, зѣвая, перекрестилъ ротъ (v. 520 слѣд.), и узнавъ тому причину. Боязнь діавола передъ распятіемъ побуждаетъ его покинуть и второго господина, хотя тотъ принялъ его къ себѣ и даже сотворилъ гигантскаго коня, который могъ бы выдерживать его тяжесть (v. 605 слѣд.). Последняя его встрѣча съ пустынноикомъ, который принимаетъ Оффора и печетъ для него хлѣбъ; хлѣба выходитъ такъ много, что пустынноику хватило бы на мѣсяць (v. 785 слѣд.). Очутившись перевощикомъ на морѣ, Оффоръ вырываетъ дерево, чтобъ оно служило ему опорой при переходѣ въ бродъ (v. 894 слѣд.). Когда онъ переноситъ Христа и пзнемогаетъ подъ ношей, пустынноикъ видитъ съ берега, что надъ нимъ витаютъ ангелы (v. 1084). Младенецъ Христосъ креститъ его во время перехода по морю, и тутъ же совершается чудо разцвѣтанія палицы, находившейся въ рукахъ Оффора (v. 1113 слѣд.). Слѣдуетъ далѣе вторая часть легенды: мученіе, безъ обозначенія мѣстности и собственныхъ именъ, какъ нѣтъ и иконографической характеристики святого ¹⁾).

¹⁾ Указанія на нѣкоторые пересказы и передѣлки легенды о Христофорѣ на народныхъ языкахъ см. у Schönbach, Anzeiger, I. c. p. 169; сл. Kolberg, Lud, ser. XIV, cz. VI, стр. 158—160. — Интересенъ народный сициланскій рассказъ о св. Эльмѣ (Sant'Ermi) и Христофорѣ: въ старые годы жилъ въ Калабріи, въ пещерѣ, пустынноикъ св. Эльмъ; жилъ онъ милостынею, но когда по смерти брата на его рукахъ остались семь сиротъ — племянницъ, онъ не

II.

Изъ предшествующаго обзорѣнія выяснилось, какимъ важнымъ признакомъ для распредѣленія редакцій легенды о Христофорѣ является его кинокефализмъ. Къ сожалѣнью, этотъ тератологическiй признакъ географически колеблется.

Кинокефаловъ древнiе помѣщали то въ Индiю¹⁾, то въ Африкѣ. Первые изображаются чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и обезьяной: они живутъ охотой и держатъ стада, питаются молокомъ и вяленнымъ мясомъ; вымѣниваютъ у индiйцевъ оружіе на янтарь и знаютъ выдѣлку пурпура; понимая индiйскiй языкъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣютъ говорить, а воютъ и лаютъ (*ὠρίζονται*), какъ собаки, и объясняются знаками; у нихъ клыки больше собачьихъ, когти длинные и острые и большiе пушистые хвосты *ὕπερ τῶν ἰσχυρίων*.

Такое же колебаніе между образомъ человѣка и обезьяны представляютъ преданія объ африканскихъ кинокефалахъ, которыхъ древнiе писатели указываютъ то въ Ливію, то въ Эѳіопію²⁾.

зналъ какъ быть и взмолился Богу. Господь послалъ къ нему великана Христофора съ фонаремъ, чтобы въ бурныя ночи свѣтитъ бѣднымъ контрабандистамъ. Такъ святой и сдѣлалъ; съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы онъ не возвращался домой съ обильной милостыней, которая дала ему возможность прокормить и выдать замужъ племянницъ. Еще и теперь по молитвѣ моряковъ св. Эльма сходитъ съ неба съ своимъ фонаремъ и помогаетъ въ бурю (*Pitrè, Meteorologia popolare siciliana, Archivio IV, fasc. 4*). — *Фонарь* Христофора перевозчика соединился въ этой легендѣ съ представленіемъ о спасительныхъ *святцахъ* св. Эльма.

¹⁾ См. указанія у Fritsche, l. c. p. 59 слѣд.: Ктезiй (Photius, Bibl. 72, ed. Bekker, p. 47 s.; Ctesiae operum reliquiae ed. Baehr, Franc. ad. M. 1824, 8°, p. 252—254 и прим. Бэра, p. 320 слѣд.), Элианъ, De nat. an. 4, 46; Плиній, Hist. nat. 7, 2, 23; Авлъ Геллій, Noct. Att. 9, 4, 9.

²⁾ См. Ehrenberg. Ueber den Cynocephalus der Aegyptier nebst einigen Betrachtungen über die aegyptische Mythe des Thot und Sphinx vom naturhistorischen Standpunkte, въ Abhandl. d. kön. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1833, стр. 337 слѣд.; Fritsche, l. c. p. 58—59. Свидѣтельства классиковъ объ африканскихъ кинокефалахъ: Herodot. 4, 191; Agatharchides у Фотія, Bibl. 250 ed. Bekker, p. 455 b; Diodor. Sicul. 3, 35; Plin. Histor. nat. 8, 54, 80; сл. 6, 2, 184; 7, 2, 31; Solinus ed. Th. Mommsen, Berol. 1864, p. 143; Aelian. De nat. an. 6, 10; 7, 19; 17, 8; 10, 25, 30; Strabo 774, 812; Lucian. Dial. mar. 7, 2, Toxaris 28; Horapollinis Hieroglyphica ed. Leemans, l. I, c. 14 и прим. — Cl. Pietschmann, Hermes Trismegistus, p. 6—7, 16, 21 слѣд., 33, 44—45; Parthey, Plutarch Ueber

По Плинію «gens Meniminozum» въ Эѳіопіи держала стада кинокефаловъ, питаясь ихъ молокомъ; у Эліана эѳіопскіе песиглавцы — *κυνοπρόσωποι ἄνθρωποι*, черные, волосатые, съ головой и зубами собаки и острыми когтями. Съ другой стороны при Птолемеяхъ упоминаются ученые кинокефалы, пляшущіе и играющіе на флейтѣ и т. п. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ роль въ египетскомъ культѣ: кинокефалы посвящены лунѣ, являясь ея символомъ¹⁾; ихъ почитаютъ въ Гермополѣ (Strabo 812: *τιμῶσι κυνοκέφαλον Ἑρμοπολίται*), гдѣ найдены были и ихъ муміи; они посвящены Гермію-Тоту (*ἔτι δὲ καὶ τὸ ζῶον ἐπὶ Ἑρμῆ ἐναμύθη τῷ πάντων μετέχοντι γραμμάτων*, Hieroglyph. I, 14), почему кинокефалу, вводимому въ храмъ, *δέλτον αὐτῷ παρατίθησιν ὁ ἱερεὺς, καὶ σχοινίον καὶ μέλαν, πειράζων εἰ ἐκ τῆς ἐπισταμένης*

Isis u. Osiris, p. 195; Pierret, Le Panthéon égyptien (Paris 1881) p. 56, прим. 5; Lafaye, Histoire du culte des divinités d'Alexandrie: Sérapis, Isis, Harpocrate et Anubis hors de l'Égypte (Paris 1884) p. 260—261; сл. *ibid.* описаніе изображеній подъ №№ 76, 96, 97, 102, 103, 112 и др. — Я не касаюсь здѣсь вопроса о различной локализациі кинокефаловъ у позднѣйшихъ путешественниковъ (Мандевиль, напимѣръ, помѣщаетъ ихъ на островѣ Накумерѣ: Мадагаскаръ и Коморо), ни сходныхъ преданій о происхожденіи того или другаго племени отъ смѣшенія женщинъ съ собаками. Такихъ преданій довольно много: они рассказывались о жителяхъ Пегу (Камознсъ, Os Lusíadas, X, 122), объ Айно (у японцевъ), при чемъ интересно напомнить слѣдующія этнографическія подробности: у Айно лицо плоское, четырехугольное, съ выступающими скулами и складкой, спадающей на верхнюю губу; женщины окрашиваютъ сокомъ растенія *koutsi-ki'-sa* полость рта, вокругъ котораго образуется широкая синяя полоса. Растительность волосъ на груди и спинѣ у Айно необычайная; они держатъ въ большомъ почетѣ собаку и почти боготворятъ ее (Hellwald, Naturgeschichte des Menschen, 52 Lief. p. 571—572). «Professor Rhys speaks of the Dog-men, sons and slaves of the Dog. an un-Aryan, un-Celtic, un-Teutonic nomenclature, peculiar to the prae-Celtic population of Great Britain, with whom the Northmen came into contact. . . . This phenomenon of nomenclature recalls at once the Hundings, Dogsons, of the Helgi Lays — Macbeaths and Maelbeaths, due, we have little doubt, to Ivernian influence». Vigfusson and Powell, Corp. poet. boreale, I, стр. СХХII, прим. 1. Сл. родовыя названія: *Hundt* von Dorfheim, въ Pinzgau (Panzer, Bayerische Sagen und Bräuche I, 8), *Hund* von Wenkheim (Bechstein, Sagenschatz des Thüringerlandes, n. Aufl., IV, 199) и матеріалъ, собранный Либрехтомъ въ статьѣ: Romulus und die Welfen (Zur Volkskunde, стр. 17 слѣд.).

¹⁾ Сл. по этому поводу мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности, IV: Къ вопросу объ апологахъ Кирилла, стр. 49 и слѣд. (I, I, с. 9) и 53.

ἔστι συγγενείας γράμματα (I. c.), какъ съ другой стороны тою же связью съ Гермиемъ-Тотомъ объясняется образъ кинокефала, управляющаго вѣсами въ изображеніяхъ посмертнаго суда надъ покойникомъ. Какъ Гермій-Тоть изображался кинокефаломъ (Lucian. Dial. mar. 7, 2: Ἑρμῆς ἀντὶ νεανίου κυνοπρόσωπος γεγένηται), такъ въ греко-латинскую пору Anubis смѣнилъ свою шакалью голову — головой собаки (Strabo 812: ἐξῆς δ' ἐστὶν ὁ Κυνοπολίτης νομὸς καὶ Κυνοῶν πόλις ἐν ἣ ὁ Ἄνουβις τιμᾶται), являясь въ роли Гермія Психопомпа (Ἑρμῆ-άνουβις, Plutarchi De Is. et Osir. c. 61) въ изображеніяхъ погребенія и посмертнаго суда: онъ ведетъ души умершихъ на тотъ свѣтъ; совершая погребальныя обряды, какъ бы уготовляетъ людямъ загробныя пути, почему его зовутъ открывающимъ, уготовляющимъ пути. Изображенія греческой эпохи представляютъ его кинокефаломъ, съ мѣсяцемъ, либо двумя звѣздами надъ головой, съ кадудеемъ и talaria Гермія на ногахъ, съ пальмовой вѣтвью въ рукахъ: символомъ смерти, который Египтяне носили провожая покойника; иногда стволъ пальмы видѣется сзади или съ боку или спереди; въ рукѣ — глобусъ (земной шаръ) или палица. Обыкновенно онъ одѣтъ въ туннику съ короткими рукавами, не доходящую до коленъ, охваченную по талѣ поясомъ; съ плечъ спускается плащъ, либо откинутый назадъ, либо покрывающій всю фигуру. Такъ онъ изображается на барельефахъ, геммахъ, монетахъ и фрескахъ, и въ колоссальной статуѣ, найденной въ Порто и нынѣ находящейся въ капитолійскомъ музеѣ.

Къ какому изъ указанныхъ двухъ преданій о кинокефалахъ, индійскому или египетскому, примыкаетъ легенда о кинокефалѣ Христофорѣ? На это отвѣтить, быть можетъ, контексія и эоипскія отреченныя дѣянія апостоловъ Андрея и Варооломея, вѣроятно, составленныя въ Египтѣ, такъ какъ распространеніе ихъ ограничилось коптскими и абиссинскими христіанами, и они не проникли ни къ сирійцамъ, ни къ грекамъ и латвіянамъ ¹⁾.

¹⁾ Сл. Lipsius, Die apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden (1884), II, стр. 85—86; сл. для слѣдующаго ibid. стр. 76 слѣд.

Въ коптскихъ актахъ апостолы Андрей и Варооломей, направляясь къ пароамъ, проповѣдуютъ слово Божіе у кадареновъ = казареновъ или македановъ, въ городѣ Jericho = Rochon; ихъ подвергаютъ мученіямъ, а Господь посылаетъ имъ на помощь человѣка изъ страны кинокефаловъ, по имени *Christianus*. Въ театрѣ, гдѣ собрался народъ, онъ пожираетъ двухъ львовъ и наводитъ такой ужасъ на жителей, что они бѣгутъ изъ города, который, по молитвѣ апостоловъ, окружила огненная стѣна, и народъ бросается къ ногамъ Андрея и Варооломея. Они обращаютъ кинокефала въ скромнаго, тихаго мальчика; Варооломей даетъ ему новое имя Πιστός, обѣщая ему царствіе небесное и вѣчную славу за помощь, имъ оказанную въ обращеніи невѣрныхъ.

Арабскій Синаксарій переноситъ мѣсто дѣйствія изъ страну берберовъ ¹⁾; эіопскіе акты ведутъ апостоловъ Андрея и Варооломея сначала въ Azgianos (= Jericho, Rochon), упоминаютъ городъ Macedonia, Mastran (македаны коптск. т.), но чудо съ кинокефаломъ совершается, вѣроятно, по ошибкѣ, не въ Jericho, а въ Barthos, то-есть, у пароовъ, куда и въ коптскихъ текстахъ направляются апостолы. Господь посылаетъ имъ на помощь изъ города, откуда ихъ изгнали, кинокефала; ангель направляетъ его къ нимъ, наставляетъ въ истинной вѣрѣ. Въ доказательство истины его словъ, нисходитъ съ неба пламя, окружающее кинокефала, не причиняя ему вреда; тогда ангель дѣлаетъ надъ нимъ знаменіе креста: тотчасъ звѣриное естество его покпнуло, и онъ становится покорнымъ какъ овечка. Онъ идетъ къ мѣсту, гдѣ скрывались апостолы и ихъ ученики, Руфъ и Александръ; видъ его былъ ужасенъ: росту онъ былъ четырехъ аршинъ, голова точно большаго пса, глаза огненные, клыки какъ у медвѣдя или льва, ногти у пальцевъ на ногахъ, словно кривые садовые ножи, ногти у пальцевъ на рукѣ, точно львиныя когти, а волосы и борода спускались какъ львиная грива. Апостолы бѣгутъ отъ страха, но кинокефаль удержалъ за руку Александра и Руфа и

¹⁾ См. Lipsius, l. c. p. 78 и I p. 621 (городъ: Garanius).

объясняетъ, зачѣмъ онъ къ нимъ присланъ. Тогда возвращаются и апостолы, и св. Андрей даетъ ему, вмѣсто прежняго его имени — Порока — новое: Христіанинъ. Вмѣстѣ они идутъ въ городъ, кинокефаль — съ покрытымъ лицомъ; жители напустили на апостоловъ львовъ, онъ сорвалъ съ себя покрывало, его звѣриная натура вернулась къ нему: онъ бросается въ народъ и убиваетъ 603 пменитыхъ мужей города. Всѣ обращаются къ истинной вѣрѣ и обнаруживаютъ желаніе выслушать въ театрѣ слово проповѣди; апостолы ведутъ съ собою и кинокефала, который по ихъ молитвѣ принимаетъ человѣческій образъ и мирно, точно овечка, ложится у ногъ святыхъ.

Соединяя коптскій съ эіопскимъ пересказомъ Дѣяній и сравнивая тотъ и другой съ данными Христофоровой легенды, мы получаемъ такое уравненіе: тамъ и здѣсь — кинокефаль страшнаго вида, «Порокъ» или *Perrobus* (отверженный) по имени, и вмѣстѣ съ тѣмъ — избранный стать орудіемъ Божественнаго слова, вѣрнымъ (*Πιστός*), *христіаниномъ* (*Christianus*) — или Христофоромъ. Къ послѣднему имени, понятому конкретно, могла примкнуть легенда о вещественномъ, не только нравственномъ, несеніи Христа ¹⁾. — Тамъ и здѣсь крещеніе Кинокефала совершается при особыхъ, несомнѣнно сходныхъ обстоятельствахъ: въ Дѣяніяхъ кинокефала окружаетъ небесное пламя, какъ Христофора — облако. Можетъ быть, и къ разцвѣтшему и принесшему плоды жезлу Христофора позволено усмотрѣть параллель въ легендѣ коптскаго Синаксаря о проповѣди ап. Варооломея въ египетскихъ оазисахъ ²⁾: проданный одному купцу, какъ искусный

¹⁾ Извѣстно, что «несеніе» Христа въ легендѣ о Христофорѣ нерѣдко понималось въ отвлеченно-символическомъ значеніи — бремени вѣры. Мистическое видѣніе Афанасія Филипповича относитъ насъ къ такому именно пониманію. «Въ пустынной мѣстности встрѣтился мнѣ больной и слабый человѣкъ. Я взялъ его на свои плечи и несъ его не мало. Этотъ незнакомецъ раскрылъ мнѣ дивныя дѣла о тайнахъ божіихъ и наконецъ далъ знать, что ему было наслѣдчайшее имя Іисусъ Христосъ». Сл. Орестъ Левицкій, Афанасій Филипповичъ, игуменъ Брестъ-литовскій. Кіевъ, 1878 (оттискъ изъ Кіевскихъ университетскихъ извѣстій 1878 г.), стр. 4.

²⁾ Lipsius, l. c. p. 86 слѣд.

виноградарь, Варооломей не занимается своей работой, а по ночамъ проповѣдуетъ въ городѣ; когда же хозяинъ потребовалъ отъ него отчета, онъ беретъ три лозы, прикрѣпляетъ ихъ крестообразно къ одному дереву, и онѣ тотчасъ покрываются ягодами.

Липсіусъ ¹⁾ полагаетъ, что македановъ, казареновъ или кадереновъ и городъ *Rochon*, вѣроятно, искаженный въ *Иерихонъ*, слѣдуетъ искать въ *Эіопіи*. Если придержаться *Иерихона*, то можно бы сблизить македановъ съ *Makkeda*, казареновъ съ *Gaser*, или *Gazaga* — столицами языческихъ *хананейскихъ* царьковъ, какою являлся и *Иерихонъ*; именно изъ *Иерихона* (если подставить его вмѣсто *Barthos* эіопскаго текста) выходитъ на встрѣчу апостоламъ помощный имъ кинокефаль. Онъ, стало быть, такой же хананей, какъ и св. Христофоръ, и *Canineus* было бы только переводомъ кинокефала, въ фонетическомъ приспособленіи къ *Chananeus*? Именно въ виду коптскаго алокрифа и его возможной связи съ легендой о св. Христофорѣ такое развитіе значеній представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположенное выше: отъ *Canineus* = кинокефаль къ *Cananaeus*. Это не мѣшаетъ намъ въ самомъ образѣ кинокефала, какъ онъ выразился въ легендѣ и апокрифѣ, видѣть слѣды египетскихъ представлений; одно изъ языческихъ именъ Христофора: *Онуфрій* — египетское: *Un-nefer* означаетъ; благое существо, *ⲕⲁⲓⲁⲓⲛⲟⲩⲟⲩ* ²⁾; его предрасположеніе къ христіанству напоминаетъ общія мѣста скитскихъ житій: такъ св. Антонію, отправлявшемуся искать пустынножителя Павла, служатъ руководителями въ пустынѣ *Кентавръ* и *Сатиръ*, который проситъ его помолиться о немъ и затѣмъ исчезаетъ. *Сатиръ*, *Панъ* и др. были у древнихъ такимъ же двойственнымъ, какъ и кинокефаль, обозначеніемъ для обезьянъ, либо дикихъ народовъ, населявшихъ *Эіопію* и *Аравію*.

¹⁾ L. c. 84—85; сл. Riehm, Handwörterbuch des biblischen Alterthums, ad v. Geser, Jericho, Makkeda.

²⁾ См. Parthey, Personennamen bei den Klassikern, in Papyrusrollen. auf Inschriften. Berlin 1864 (Onnophris, Oenuphis); Goodwin, Coptic and Graeco-Egyptian Names (Zs. f. Aegypt. Sprache u. Alterthumskunde 1863, p. 64—9); Lepsius. Die Chronologie der Aegypter I (Berlin 1849), p. 43, прим. 6 (еобщ. г. Леммомъ).

Въ заключеніе — вопросъ. Если Гермій-Тотъ отразился въ Іереміи сербской Александрии, а древнее изображеніе Гора на крокодилѣ — въ иконографіи св. Мены, то почему бы не допустить въ легендѣ у Якова de Voragine о пещиглавцѣ Христофорѣ, переносящемъ черезъ рѣку странниковъ, съ палицей въ рукѣ, раздвѣгающей вполсѣдствіи, изнемогающемъ подъ бременемъ Христа, точно на его плечахъ покопся *цѣлый міръ*, — почему бы не предположить во всемъ этомъ отраженіе египетскаго представленія о пещеглавомъ Анубисѣ, переводящемъ души (черезъ рѣку, отдѣляющую насъ отъ міра?), съ палицею въ рукѣ (или пальмой; либо пальмовымъ деревомъ въ сторонѣ) и глобусомъ, символомъ *міровой «тяги»*? Я оставляю это — вопросомъ.

Другимъ отраженіемъ древняго представленія является роль пещиглавцевъ въ нашихъ изображеніяхъ страшнаго суда. Въ гностической Pistis Sophia, переведенной съ коптскаго Шварцомъ¹⁾, Богородица спрашиваетъ Христа: *mi domine, quonam τόπος est caligo externa? Aut quot loca κολάσεως sunt in ea?* Иисусъ Христосъ отвѣчаетъ: *Caligo externa magnus δράκων est, cujus cauda in suo ore, est extra κόσμον totum et circumdat κόσμον totum. Sunt multi τόποι κρίσεως in eo, habentes duodecim ταμεία κολάσεως dura. Est ἄρχων in quovis ταμείῳ; est facies ἀρχόντων varia inter se invicem. Primus δὲ ἄρχων existens in primo ταμείῳ est faciei crocodili, cujus cauda in ore suo... Et ἄρχων qui est in secundo ταμείῳ, facie felis est... et ἄρχων qui est in tertio ταμείῳ facies canis est.* Своимъ ученикамъ Христосъ велитъ проповѣдывать: *ἀποστάσσετε κόσμῳ toti et ὄλη toti quae in eo atque ejus curis omnibus atque ejus peccatis omnibus... et sitis digni μυστηρίοις luminis, ut servemini a κολάσειν omnibus, quae in κρίσειν,...* *ut servemini ab ardore faciei caninae; и далѣ: a fluviiis ardoris faciei caninae, a fluviiis fumi faciei caninae.* — Кинокефалы древне-египетскаго загробнаго суда могли обратиться въ карающихъ демоновъ христіанства.

¹⁾ Pistis Sophia, vertit M. G. Schwartz, ed J. H. Petermann. Berolini, 1851, стр. 319 и слѣд., 254 и слѣд.

ЗАМѢТКА КЪ ГЛАВѢ VIII ¹⁾.

БОЛГАРСКІЯ ПОБЫВАЛЬЩИНЫ ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ МАКЕДОНСКОМЪ.

Популярность Александрии на славянскомъ югѣ была обширная: она сказалась въ легендахъ, мѣстныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ. Пѣсни подобнаго рода были собраны во Фракіи и Македоніи г. Верковичемъ, и содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ было сообщено и объяснено Дозономъ въ его *Rapport sur une mission littéraire en Macédoine* (Paris 1873, стр. 38 слѣд.), В. О. Миллеромъ въ его замѣткахъ по поводу сборника г. Верковича (Ж. М. Нар. Просв. 1877 г., Октябрь, стр. 115 слѣд.) и, наконецъ, Гейтлеромъ (*Poetické tradice Thrákû i Bulharû. V Praze 1878*). Въ самомъ сборникѣ, которымъ я могъ пользоваться въ рукописномъ экземплярѣ г. Сырку, нашлось нѣсколько любопытныхъ вариантовъ, которые и будутъ приняты во вниманіе. Говоря далѣе о пѣсняхъ, я удерживаю обозначеніе собирателя и его толкователей, хотя эти пѣсни не поются, а сказываются, какъ сказки (Dozon стр. 15, Geitler стр. 76), и ихъ метрика разрушена.

I.

Собственно говоря, только пѣсни о *рожденіи* Александра могутъ быть названы отраженіемъ книжной Александрии, въ другихъ же она сохранилась темными отзвуками, либо и однимъ именемъ героя, случайно попавшимъ въ пѣсню, не имѣющую ничего общаго съ преданіями о немъ.

¹⁾ Сл. стр. 367, прим. 2.

Въ одной изъ пѣсенъ о рожденіи, анализированной В. О. Миллеромъ (стр. 117—121), у стараго короля Фюлюше нѣтъ дѣтей, и онъ скорбитъ о томъ. Отправляясь на войну противъ арабскаго краля, онъ говоритъ жемѣ, что если вернувшись, онъ не найдетъ ее съ ребенкомъ на рукахъ, то снесетъ ей голову. Жена плачетъ и молится; и Господь услышалъ ее и посылаетъ ей во время сна маленькую Дэву, которая, разбудивъ царицу, говоритъ ей, что пришла къ ней съ вѣстью съ неба: она родитъ мальчика по сердцу, который будетъ чудомъ на землѣ, исходитъ весь свѣтъ, погубитъ всѣхъ царей и станетъ первымъ надъ всѣми; у него на ногахъ будутъ три крыла, коса золотая; онъ пойдетъ въ землю «Шереніе», гдѣ человѣкъ не ступалъ, птица не залетала. Дэва говоритъ царицѣ, что къ ней ночью явится молодой змѣй-царевичъ, слугитель бога на небѣ: лицо его свѣтитъ какъ солнце, на ногахъ крылья; пусть сойдется съ нимъ, и у нея родится мальчикъ по сердцу, котораго она назоветъ «Лесандра войвода». Все случилось, какъ сказала Дэва: черезъ три мѣсяца родился чудесный ребенокъ, который никого не страшился, а черезъ годъ уже скакалъ на «вологлавомъ» конѣ, на которомъ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, недоумѣвающему, кто этотъ незнакомый юнакъ. Ему говорятъ, что это его сынъ, и онъ обнимаетъ его; тотъ говоритъ ему:

Йот' на' мен', тате, душмане на уставп?
Чи язъ самъ юнакъ надъ сити юнаци!

(«Зачѣмъ, тятя, ты не оставилъ враговъ на мою долю? Вѣдь и я юнакъ надъ юнаками»). Отецъ успокоиваетъ сына и затѣмъ задаетъ пирь, чтобъ отпраздновать его рожденіе. Семьдесятъ королей собралось, чтобы посмотреть на чудеснаго ребенка, поднести ему дары; но, Лесандру ихъ дары не нужны: онъ доббруется до ихъ земель, обѣщаетъ завладѣть ими и стать первымъ царемъ на землѣ. Смутились короли этою отповѣдью, собираются во свояси, а арабскій царь приглашаетъ ихъ погостить у него, чтобы подумать, какъ имъ быть съ Лесандромъ. Они уже рѣ-

шили отправиться къ нему съ поклономъ; одинъ лишь Шеренина-кравле не согласенъ на то, Лесандра онъ не боится: на его землю ни одинъ человекъ не ступалъ, ни одна птица туда не залетала; тогда короли обращаются къ вышнему богу съ молитвой, чтобъ онъ избавилъ ихъ отъ Лесандра. Явился молодой змѣй и говоритъ: пусть идутъ къ Лесандру съ дарами и мольбой, пбо когда онъ еще не родился, «ризицы» написали ему судьбу, что онъ пходитъ всю землю, погубитъ всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ. — Семьдесятъ королей идутъ къ Лесандру, не явился къ нему лишь король земли Шерение, противъ котораго онъ отправляется въ походъ и завоевываетъ его землю, равно какъ и земли семидесяти королей. Такъ сталъ онъ первымъ царемъ на землѣ (401 ст.).

Въ другой редакціи той же пѣсни («Борба Филиппова со Хиринска Кравле»; сл. Dozon, I. с. стр. 42) вмѣсто Фюлюше является старый король Фелешина, у него жена Груздина. Завязка пѣсни та же: тотъ же наказъ мужа, отправляющагося въ походъ на Хиринскаго краля, то-же горе жены. И здѣсь небеснымъ посланникомъ является молодой Дэвъ, вѣщающій, между прочимъ, объ Илесандрѣ:

86 Ша си носи криле на мишвици
Та ша фарка кату пиле на вебе ту,
Я коса та ша си му е златна на глава та.

Ночью является къ Груздинѣ молодой змѣй-королевичъ, съ золотыми волосами и золотыми крыльями на ногахъ. Рожденіе Илесандра; какъ увидѣла его мать, начинаетъ плакаться:

243 Ой Боже ле мли Боже!
Даде си ми Боже мажку дете,
Какъ ни ми бе даль,
Пакъ да ми ни дадеше,
Чи е дете йогневиту пламенту.
Лу какъ ша гу види мое парве либе,
Глава ша ми земе, млада ша ма погуби
Чи са самъ сфодила съ млада змее.

Услышавъ ея сѣтованія, молодой змѣй приходитъ и спрашиваетъ, почему она плачетъ:

Йот' на мене си ни казала
 Чн е дете йогневнту пламеннту,
 И да ти самъ казала шо ша чинишь
 Ють Бога да найдешъ,
 Измами ма, излага ма,
 Йоще млада ша си ма затруешъ. —
 Та ютиде млада змее при дете ту;
 Ега да види шо да види:
 Йоганъ си гурелу дуръ небе ту,
 Та си гу пофати за десна та рока,
 Лу си гу пофати йоганъ са загуби.
 Ють ли ку му загрелу ясну сонце
 Лу кой гу види си са чудн:
 Име му турили Илесандра войвода,
 Чн си фаркалу кату ниле на небе ту
 И на Боге си изметъ чинилу.

Подросши, Илесандръ спрашиваетъ у матери: есть ли у него отецъ, и гдѣ онъ? «Онъ ужь два года какъ въ походѣ», отвѣчаетъ мать. Ей доносятъ о рожденіи чудеснаго жеребенка:

290 Ужребилу са коне бележита,
 Криле има на ноги те,
 Глава му е углевита,
 Йочи има кату бела билевица,
 Та ни може заптъ да си чини;
 Варзали гу сасъ сребрена синжире
 На ни може никой да гу яхне.
 Какъ ми чуче Илесандра войвода,
 Си ми слезе долу фафъ ехуре,
 Какъ ми виде малка коне бележита,
 Ни ми стои ни са чудн.
 Ютварза си сребрена синжире
 Та си гу юткара на бинекъ таши,
 И койю си стои кату малка живетина
 Та гу яхна Илесандра войвода

И два ма та фаркати си ми фаркати пу небе ту,
 Та си фаркати малу млогу,
 Малу много три месеца.

Когда онъ вернулся къ матери и еще не успѣлъ слѣзть съ коня, Фелешина воротился съ похода. Встрѣча отца съ сыномъ та же, что и въ предшествующей пѣснѣ. Фелешина говоритъ Илесандру:

370 Абу имамъ йоще душмане на земле та.
 Та ша идешъ на юрдие да ги пленишь.
 Ша пда, тате, йот' да ни пда,
 Защо самъ юнакъ надъ юнаци.

Слѣдуетъ пиръ у короля Фелешина и отвѣтъ Илесандра семидесяти королямъ, что онъ не хочетъ ихъ даровъ, а возьметъ ихъ земли,

439 Чи ми са Наречници те напцсали
 Сита земе да записамъ,
 Да си бода парва крале на земе та.

И далѣе развитіе то-же, что въ предшествующей пѣснѣ: вмѣсто арабскаго царя, у котораго собираются короли, названъ «Пиревите крале» («Пиревита земе»), вмѣсто Шеренина-крале — «Крале Туркменина»; вмѣсто змѣя является молодой Дэвъ.

Пѣсня кончается разсказомъ о побѣдахъ Александра надъ Туркмениномъ и семидесятью королямъ. Была у Пиревита крале дочь красавица; на ней женится Александръ; у нихъ было семь сыновей, семь дочерей (627 ст.). У Dozon, I. c., имя дочери Пиревита Ројана; когда она говоритъ, у нея изо рта выходитъ жемчугъ.

Пѣсня о борьбѣ Александра «съ Краля Харапина» (кратко у В. О. Миллера I. c., стр. 123) отвѣчаетъ второй половинѣ предыдущихъ: двѣнадцать кралей гостятъ у «Харапине крале», когда загудѣла, затряслась земля, тряслась три дня и три ночи. Является юда-самовила и вѣщаетъ о рожденіи Александра («Лесандрие войвода»); крали молятся «на Коледа Бога», чтобъ онъ

избавилъ ихъ отъ Александра, та-же юда говоритъ имъ о его долѣ, написанной ему на роду наречницами. Далѣе содержаніе то-же; въ роли Шеренина крале (№ 1), крале Туркменпина» (№ 2) является «Харапине крале». — Вариантъ этой пѣсни («Борба Александрова со Инке крале) отличается главнымъ образомъ новыми именами: Инке крале (сл. земе Инкеница) = Харапине крале; семьдесятъ королей названы «крале седемдесе муреника»; Илесандра войвода родится въ «Маенска та земе».

Отъ пересказанныхъ пѣсенъ отличается слѣдующая, наиболѣе пространная (945 ст., напеч. у Гейтлера I. с. стр. 81—99), введшая новый мотивъ именно въ эпизодъ о рожденіи Александра. Его отецъ названъ на этотъ разъ «Филипомъ»; у него нѣтъ дѣтей, и Господь, внявъ его молитвѣ, посылаетъ юду-самовилу: пусть пойдетъ въ золотую пещеру, гдѣ сидятъ три юды-самовилы

27 И писувать касмете ту на люде ту.

При помощи золотыхъ камней, которые даетъ ей Богъ, она наведетъ на нихъ сонъ, которымъ и воспользуется, чтобъ измѣнить въ книгѣ судебъ рѣшеніе о бездѣтности Филиппа — другимъ. Затѣмъ пусть отправится къ озеру, наберетъ тамъ «билька родувита», и пойдя «фъ градъ Белита» (далѣе: Бела града), броситъ то зелье на ложе, гдѣ покоится съ своей женой царь Филиппъ. Я опускаю пространно изложенный эпизодъ о томъ, какъ юда-самовила исполнила это порученіе. Царица забеременила; отправляясь въ походъ «на Мурени та земе», Филиппъ говоритъ женѣ: «Да ма дочекашъ съ мажку дете афъ роки те». Александръ (Олесандра войвода) родится съ такими же чудесными знаками, какъ и въ предшествующихъ пѣсняхъ; на пирѣ, устроенный Филиппомъ, является и «Харанска-крале» и приносятъ въ даръ ребенку вологлаваго («глава му е волевита»), крылатаго коня; «та са никой ни паема — Да са яхне жребе именлие». Къ удивленію отца, Александръ садится на него:

280 Та са фаркпа дуръ на облаци те.

Съ облаци те са борба борп,

Та ги борба надбори,
 Та са шета ну земе та
 И гу найде либе ни бендиса
 И утиде на Харанска земе.

Слѣдующія затѣмъ похождения Александра отзываются сказкой. Александръ отправляется къ арабскому кралоу и обручается съ его дочерью; свадьбѣ быть черезъ три года. Онъ возвращается къ отцу, а здѣсь юда-самовила увлекаетъ его къ цѣлому ряду подвиговъ: онъ доходитъ до «Бактрата града», переправляется черезъ рѣку по мосту, сплетенному изъ косъ юды, беретъ въ плѣнъ жену «Бактринева крале», которому юда отсѣкаетъ голову. Далѣе путь идетъ въ «Ламита земе»; у короля послѣдней есть черный арабъ: коли ударишь его въ голову, у него вырастаютъ семь головъ; Александръ убиваетъ его огненной стрѣлой, которую солнце выпросило для него у своей матери; убить и «Ламита крале». Какъ услышалъ арабскій краль о смерти черного араба, разсердился; велитъ дочери, невѣстѣ Александра:

679 Я ми дай негувъ никефъ
 Сасъ татарче да му гу варна;

посылаетъ татарченка «на Ламита земе фъ Тирна града», пусть скажетъ, что его дочь «залибила друга крале». А дочь этимъ недовольна; тайнымъ образомъ она:

699 Фъ никефъ турила китка гременива:
 Ега види Олесандра да познае
 Чи гу мома йоше либе.

Пристрашенный Александромъ, татарченокъ рассказываетъ ему въ чемъ дѣло, и Александръ, побѣдивъ гдѣ-то на Дунаѣ «Арба-лува крале», идетъ на арапскую землю («на Баба-града»), гдѣ мирится съ своимъ зятемъ. Свадьба сыграна; Александръ возвращается съ женою къ себѣ: три мѣсяца шли до «Мафета земе» и добрался до «Белита града», гдѣ между тѣмъ Филиппъ уже умеръ. Пѣсня кончается рассказомъ о построеніи чешмы, воду въ которой заключила юда-самовила, пока не наказалъ ее за то Краль Марко.

Еще одна пѣсня, не находящаяся въ нашемъ сборникѣ, но пересказанная Дозономъ (I. с. стр. 40—41), относится къ разбираемому циклу.

Царю Фелише приводятъ вологлаваго коня, который не даетъ осѣдлатъ себя и проситъ держать его на конюшнѣ, кормя хлѣбомъ и виномъ, пока не родится у Фелиши чудесный сынъ—его будущій всадникъ. Фелише ищетъ себѣ невѣсты; служитель Бога (judnina geje) указываетъ ему на дочь царя янской земли (janska zeme), за которую онъ и сватается; но самъ judnina geje влюбился въ нее и даетъ ей испить зелья, вслѣдствіе чего она не будетъ матерью, пока не сойдется съ нимъ. — Слѣдуетъ отъѣздъ Фелише на войну (противъ царя Румина) и его извѣстное обращеніе къ неплодной женѣ. Черезъ три года judnina geje получаетъ отъ Бога позволеніе сойти на землю и, явившись въ Златнина града, говоритъ царицѣ, что посланъ съ неба, чтобы сдѣлать ее плодною. Когда родится Александръ (съ крыльями за плечами), вологлавый конь ржетъ, срывается съ цѣпей и выбѣгаетъ изъ стойла; на немъ Александръ и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу. На слѣдующемъ затѣмъ иру банъ Ибрагимъ даетъ ему имя «Олесандра войвода», ибо онъ будетъ юнакъ надъ юнаками, а мальчикъ рассказываетъ, что во снѣ ему явилась юда-самовила и по золотой книгѣ предсказала, что онъ покоритъ всю землю. Арабскій царь, оскорбленный этими словами, уходитъ съ ира; на пути ламія совѣтуетъ ему противостоятъ Александру, который, возмужавъ, строитъ при помощи самовилы Бѣлый городъ, Бела града¹⁾. Побѣдивъ затѣмъ арабскаго царя, онъ отказывается войти въ его гаремъ, гдѣ находилась и его дочь, ибо боится быть побѣжденнымъ дѣвушкой и стать предметомъ насмѣшки. Предоставивъ покоренную страну своему байрактару, онъ возвращается въ Бела града, гдѣ живетъ жизнью отшель-

¹⁾ Въ одной пѣснѣ сборника Верковича, которою пользовался Гейтлеръ (76), Филиппъ строитъ Филиппополь при помощи змѣйнаго бога, въ честь котораго и ставитъ храмъ.

ника, отказавшись отъ брака и проводя время въ молитвахъ и славословіи.

Коротенькая пѣсня, бывшая въ рукахъ у Дозона (стр. 39) но отсутствующая въ нашемъ спискѣ, также относится къ юности «Александра», хотя не къ его рожденію: его отцу подарили вологлаваго коня; много царей собралось въ Бела-градѣ, пытаются сѣсть на коня, но удается это лишь Александру; удивились этому всѣ и поняли, что ему суждено покорить свѣтъ. Когда онъ возмужалъ, началъ воевать, дошелъ до Хпнска земе, царь который вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Въ битвѣ, побѣдоносной для Александра, его конь, тяжело раненый, упалъ, но снова поднялся, чтобы вынести своего господина, и свалился лишь тогда, когда спасъ его.

Гейтлеръ (74) сообщилъ черту еще одной неизвестной мнѣ пѣсни изъ собранія г. Верковича: Фелеша видитъ сонъ, будто изъ лона его жены выросла лоза, осѣнившая всю землю.

Таковы пѣсни, открывающіяся эпизодомъ о «рожденіи и юности Александра» и въ дальнѣйшемъ развитіи часто не сохраняющія никакой почти связи съ Александровымъ «романомъ». Тѣмъ болѣе это можно сказать о цѣлой группѣ слѣдующихъ пѣсенъ, имѣющихъ для насъ значеніе лишь по отношенію къ вопросу о составѣ всего этого эпического цикла. Я ограничусь ихъ краткою характеристикой.

Въ пѣснѣ, озаглавленной: «Александрова борба съ седемдесе краля» (сл. Миллеръ 1. с. стр. 122—123), разказывается, что юда, возлюбленная краля Лесандра, приняла образъ птицы и въ этомъ видѣ ранена кралемъ Белой; излеченная своими сестрами, она спѣшитъ къ Лесандру, и тотъ летитъ на своемъ конѣ на Косу-рѣку, гдѣ Бела въ числѣ другихъ семидесяти королей занять молодецкими играми: метаніемъ камней. Лесандръ побѣждаетъ ихъ въ этой игрѣ, вслѣдъ за которою завязывается шестилѣтній бой. И въ немъ Александръ остается побѣдителемъ и женится на возлюбленной Белы. Ея имя: Руже Кпчена.

Двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна («Александровый войвода

Богое надвива Краля Дабекя) была вкратцѣ затронута В. О. Миллеромъ (1. с. стр. 123), другая пока не издана («Борба Александра со Пиревита крале»), представляютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ разными именами и подробностями. Тамъ и здѣсь Александръ отходитъ на задній планъ: въ первой дѣйствуетъ его витязь Богое, вскормленный молокомъ юды-самовилы; только такой именно юнакъ могъ убить «Сура лампе», поглотившую Александра; онъ же убиваетъ огненною стрѣлой, которую даетъ ему юда, «Турска крале», завладѣвшаго «земе Шеренпе». Богое женится на его вдовѣ (Милихина), и Александръ ставитъ его царемъ. «Звезда Фленесита», являющаяся въ пѣснѣ, печалующаяся и плачущая, очевидно тождественна съ юдой «Пленевитой» второй пѣсни, гдѣ Богою отвѣчаетъ Йованъ, которому юда даетъ чудесную стрѣлу; ею онъ убиваетъ «Пире та крале», потому что въ этомъ вариантѣ походъ направленъ въ «нуста земе Пиревита». По смерти «Пире та крале» Йованъ также женится на его вдовѣ, и Александръ также ставитъ его на царство. Эпизода о лампѣ нѣтъ; онъ уже встрѣтился намъ въ одной пѣснѣ, пересказанной Дозономъ — какъ встрѣчается и въ слѣдующей: о борьбѣ Александра «со Турска крале». Заглавіе пѣсни не отвѣчаетъ ея содержанію: Солнце любитъ Хенинку, а мать просватала ее за Римита крале, который является съ свадебнымъ поѣздомъ; во главѣ его Лисандра:

227 Криле има на мишници

Та си фарка кату ниле ну поле ту,
И си плива кату риба ну море ту,
Уть глава та ду поги те злату косп.

Поѣздъ остановленъ на рѣкѣ «Сурой ламіей», о девяти головахъ и опанахъ, которую убиваетъ Александръ. Позднѣ Турскій краль ѣдетъ на «Рими-та градъ» и уводитъ въ плѣнъ Хенинку, которую Александръ освобождаетъ и беретъ за себя.

Съ приведенною выше пѣсней о Богоѣ связывается общимъ именемъ героя другая: «Борьба Александра со Енкула Рична крале». Богое ѣдетъ искать себѣ сверстницу-невѣсту; мать даетъ

ему огненную стрѣлу: она пригодится ему «на юдна земе», гдѣ на десятой планинѣ сидитъ юда-самовила у чешмы съ водой, ею заключенною. Богое убиваетъ ее и отправляется «на Енкулова земе». У Енкула семь братьевъ, семь сестеръ, младшая — красавица Красина; всѣхъ сватавшихся за нее Енкуль сажалъ въ темницу. Богое увозитъ ее, но братья его преслѣдуютъ, онъ принужденъ поступиться своей добычей — и скачетъ одинъ въ Исандру, котораго подбиваетъ на походъ въ Енкулову землю. Бой на Косовомъ полѣ и пораженіе враговъ. Какъ увидѣлъ Александръ Красину, позарился на нее самъ, но Господь наказалъ его:

330 Ютъ небе сѣи громъ надна
 Та погуби Исандра.
 II Богое сѣи седна на стола
 Та се либи мома Красина.

Изо всѣхъ пѣсень сборника г. Верковича, разобранныхъ выше, бѣльшая часть относится, болѣе или менѣе близко, къ эпизоду о рожденіи Александра, три объединены именемъ Александрова витязя Богоя и тожественнаго съ нимъ Йована и съ Александровою сагой не имѣютъ ничего общаго. Можетъ быть, въ пѣснѣ о семидесяти краляхъ и метаніи ими камня въ запуски позволено видѣть, вмѣстѣ съ В. О. Миллеромъ (I. с. стр. 123), воспоминаніе объ олимпійскихъ играхъ Александра; только я указалъ бы по этому поводу не на Псевдокаллистоена (I, с. 18), а на нашу Александрію, популярную на славянскомъ югѣ, гдѣ этотъ эпизодъ разработанъ по идеѣ дѣйствительнаго боя, какъ и въ пѣснѣ состязаніе переходитъ въ битву. Уже выше было замѣчено, что на сложеніе пѣсень о рожденіи Александра вліяніе книжной Александріи несомнѣнно; таково мнѣніе и г. Миллера. Рѣчь Филиппа, отъѣзжающаго на войну, къ бездѣтной женѣ совершенно воспроизводитъ такой же эпизодъ Псевдокаллистоена и сербскаго романа; Нектенавъ послѣдняго, являющійся къ Олимпіадѣ въ образѣ бога Аммона, съ рогами василиска на головѣ,

опашью аспида и крыльями грифа, отвѣчаетъ царевичу-змѣю пѣсенъ, съ крыльями на ногахъ. Если и самъ Александръ представлялся крылатымъ, летающимъ по поднебесью (чи си фаркалу кату пиле на небе-ту), то это представленіе, вѣроятно, находится въ связи съ легендарнымъ испытаніемъ Александромъ небесной высоты и морской глубины; см. въ одной пѣснѣ: И си плива кату рѣба пу море ту. — Вологлавѣй конь (= Вукефаль) — подѣстать чудесному ребенку, который растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ герои ново-греческой и русской пѣсни, спрашиваетъ у матери, гдѣ его отецъ, какъ Армури средне-греческой былины и сынъ Саула Леванидовича въ былинѣ русской, и выѣзжаетъ на встрѣчу отцу, возвращающемуся изъ похода, на своемъ чудесномъ жеребенкѣ.

Таковъ остовъ Александріи или, лучше сказать, ея начала, схваченный пѣсней, которая привязала къ нему, какъ къ центру, цѣлый рядъ новыхъ подробностей, отдаляющихъ насъ отъ первоисточника. Все это, пока, въ стилѣ народной пѣсни, извлекающей изъ своего оригинала двѣ-три казовыя черты и минующей то, что въ оригиналѣ намъ показалось бы болѣе существеннымъ. Въ смыслѣ этого творчества и забвеніе именъ, и измѣненіе, и двойственность географической обстановки; насъ не поразятъ эти арабскіе и турецкіе краи, какъ и отсутствіе такого имени, какъ Дарій; если Роксанѣ отвѣчаетъ *Руже Кичена* (Миллеръ, стр. 123 прим. 1), то въ пѣснѣ о борьбѣ Александра къ Енкулой упоминается и *Росана*, подарившая Богою «златну руху». Росана какъ бы нарочно осталась, чтобы объяснить намъ *Руже Кичена*, какъ *Филиппъ* въ одной пѣснѣ — въ разъясненіи *Фюмоше* и *Фелешина* другихъ, *Пире* та крале — для *Пиревита* крале (Поръ?).

Подобное чередованіе можетъ быть объяснено а priori большею близостью однихъ вариантовъ къ своимъ источникамъ и вообще недревностью всѣхъ этихъ пѣсней, съ ихъ чередованіемъ литературныхъ и народныхъ формъ одного и того же имени. Источникомъ мы предположили Александрію, особливо ту ея редакцію, ко-

торая распространена и въ рукописяхъ и въ печатной народной книгѣ, греческой, сербской и болгарской. Именно такая широко распространенная повѣсть и могла вызвать народныя пѣсенныя обработки, и никакая другая. Какъ отнестись послѣ этого къ упоминанію въ пѣснѣ, удержавшей имя Филиппа, города *Бактрата*, «*Бактринева* крале» и «*Арбалува* крале»? Положимъ, что послѣдній локализованъ гдѣ-то на Дунаѣ, но имя несомнѣнно созвучно съ Арбелой, а Бактрата съ Бактрой — мѣстностями, хорошо извѣстными изъ исторіи Александра, только не его романической; онѣ не упоминаются ни въ Псевдокаллистоенѣ, ни въ сербской Александріи, ни въ нар. книгѣ (греч., сербск., болг.). Въ Плу-тарховомъ жизнеописаніи Александра V, 2, не въ романѣ о послѣднемъ, читаются и извѣстные слова Александра, съ которыми въ пѣснѣ онъ обращается къ отцу: ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ· ἐμοὶ δὲ οὐδὲν ἀπολείπει μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδείξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν. Замѣчу кстати, что если въ другой пѣснѣ Александръ мечетъ камнемъ въ запуски съ семидестью *королями*, то идея вышла, быть можетъ, не изъ сербской Александріи, какъ мы предположили выше, и не изъ Псевдокаллистоена, а изъ Плу-тарха I. с. IV, 3, гдѣ на вопросъ, обращенный къ Александру, желаетъ ли онъ участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, онъ отвѣчаетъ: εἴ γε, ἔρη, βασιλεὺς ἐμεῖλον ἔξεν ἀνταγωνιστὰς.

Нежеланіе Александра войти въ гаремъ сраженнаго имъ царя, гдѣ находилась и его дочь, чтобъ не быть побѣжденнымъ женщиной, находитъ себѣ параллель не въ сходномъ изреченіи у Псевдокаллистоена и въ сербской Александріи (тамъ и здѣсь по поводу Амазонокъ, сл. выше стр. 396—7), а въ томъ же Плу-тархѣ (XXI, 3) или, скорѣе, у кого-нибудь изъ позднѣйшихъ пересказчиковъ его апофтегмъ, напримѣръ, у св. Максима (сл. выше стр. 411).

Обратимъ вниманіе еще на одно сопоставленіе. У Псевдокаллистоена ред. В Вукефаль погибалъ въ битвѣ Александра съ Поромъ; въ сербской Александріи и ея источникѣ, наоборотъ, онъ умеръ при смертномъ одрѣ Александра; наконецъ въ ре-

дакціи Псевдокаллистоена С объ данныя удержаны: Вукефаль погибаетъ въ битвѣ; далѣе въ той же главѣ говорится, что онъ вынесъ изъ битвы Александра, а въ концѣ романа упоминается о его смерти въ пору Александровой кончины. Очевидно, здѣсь соединеніе двухъ различныхъ преданій, либо повѣстей о смерти Вукефала; одну изъ нихъ излюбила сербская Александрія, другую мы находимъ — въ пѣснѣ г. Верковича, гдѣ вологлавый конь также погибаетъ послѣ того, какъ вынесъ Александра изъ боя съ Хинскимъ царемъ.

Какъ объяснить себѣ эти параллели между пѣснями г. Верковича и письменными разказами объ Александрѣ? Къ этимъ параллелямъ Гейтлеръ (стр. 74) присоединилъ и еще одну: сближеніе Филиппова сна передъ рожденіемъ сына (лоза, вырастающая изъ лона жены) съ Herod. I, 108 (о рожденіи Кира), выражая (стр. 72) предположеніе, что романъ объ Александрѣ вышелъ изъ *народныхъ* повѣстей о немъ, и что именно остатки этихъ повѣстей и сохранились въ нашихъ македонскихъ пѣсняхъ. Иначе смотритъ на дѣло г. В. Миллеръ, признавая въ послѣднихъ *народную* переработку письменной Александріи. Къ тому и другому изслѣдователю можно обратиться съ такими вопросами и недоумѣніями: какъ объясняютъ они себѣ въ пѣсняхъ Арбелу и Бактру, которыхъ нѣтъ въ Александріи и не могло быть въ народномъ *македонскомъ* преданіи? считаютъ ли они возможнымъ, чтобы вычурные апофтегмы Александра (например, боязнь быть побѣжденнымъ женщиной) удержались въ народной памяти (по гипотезѣ Гейтлера), либо попали въ пѣсню изъ какого-нибудь письменнаго источника помимо сербской Александріи (гипотеза г. В. Миллера)? Въ стилѣ ли народной поэзіи глосса въ родѣ слѣдующей: что мальчика называютъ Александромъ, *ибо* онъ будетъ юнакъ надъ юнаками? Сл. въ началѣ сербской Александріи: «нарече име кѣмоу Алеѣзеньдръ, по грѣчкомуу кзикоу зове се пзѣбраніи мужъ».

Все это говоритъ не за исконное пѣсенное преданіе и не за народныхъ пѣвцовъ, опозитизировавшихъ отрывки преданія ли-

тературнаго. Еслибъ и допустить послѣднее, то лишь при значительномъ воздѣйствіи ученыхъ или, скорѣе школьныхъ реминисценцій, и едва ли этому воздѣйствію не слѣдуетъ приписать рѣшающую роль въ происхожденіи всего этого пѣсеннаго цикла. Я не говорю здѣсь о поддѣлкѣ, а о взаимодѣйствіи школьнаго или домашняго чтенія (Александрій) и какихъ-нибудь мѣстныхъ памятей, которое необходимо имѣть въ виду при объясненіи генезиса того или другаго мѣстнаго преданія или легенды. Это взаимодѣйствіе ввело въ побывальщины Верковича городъ Белу, Белитъ = древнюю Пеллу. Въ редакціи A L Псевдокаллисѳена (I 3) Нектанебъ является εἰς Πέλλην τῆς Μακεδονίας; въ В и С: εἰς πόλιν; въ сербск. Александріи (Jagić. p. 322): къ Филипу и македонски град, который далѣе зовется *Филитнами*; греческіе, доступные намъ источники этого перевода разногласятъ: въ вѣнскомъ текстѣ стр. 3: εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τόπον τῆς Μακεδονίας; въ греч. народной книгѣ (стр. 10): εἰς τὴν χώραν τῶν Φιλίππων, ὀνομαζομένην εἰς τὸ παλαιὸν Πέλλα, которая находилась у нынѣшняго Alā-kilissi, а у Анны Комнены V, 5 зовется Ἀσπρὰ Ἐκκλησία = Бѣлая церковь (= Бела градъ), въ побережьи при устьяхъ Вардара ¹⁾.

Гейтлеръ полагаетъ (стр. 76), что рассказъ одной пѣсни о созданіи Филипомъ Филиппополя, гдѣ онъ строитъ *церковь* во имя помощнаго ему змѣиваго бога, перенесъ къ новому мѣсту, что другая пѣсня говорила о построеніи Белы = Пеллы. Такое смѣшеніе понятно въ народной поэзіи, говоритъ авторъ; но я обращаю вниманіе на народную греческую книгу, гдѣ подобное смѣшаніе (Филиппъ съ Пеллой) совершилось — подъ вліяніемъ ли народной пѣсни, или въ свою очередь опредѣляя ея колебаніе?

Отъ Пеллы сохранились, какъ оказывается, не только развалины, но и преданія съ именемъ Александра македонскаго. «У пуливаковцевъ существуетъ преданіе, что они чистые маке-

¹⁾ Geitler l. c. p. 76; Пречекъ, Ист. Болгаръ, цер. Бруна и Палаузова p. 276.

донцы и потомки Александра Великаго. Дольнополенцы, а особенно живущіе въ окрестностяхъ Пазара, гордятся древнею столицею, то-есть, городомъ Бѣлою (Бяла), отъ котораго уцѣлѣли только одна башня да стѣна вышиною въ 5 аршинъ. Горнополенцы, а особенно живущіе по правой сторонѣ города Водена, гордятся тѣмъ, что они македонскіе болѣри¹⁾; они вѣрятъ, что въ томъ городѣ находились лѣтніе дворцы македонскихъ царей, а также и ихъ столица до построения города Бѣлы и называлась Ведипа. Въ самомъ дѣлѣ и въ настоящее время находится тамъ небольшое село подъ именемъ Фетица на полчасовомъ разстояніи отъ другаго села Царь Мириново, на мѣстѣ достойномъ для столчнаго или царскаго города, гдѣ искапывается довольно древностей²⁾. Сл. недавнее сообщеніе Шапкарева, касающееся той же мѣстности³⁾. «Три часа на истокъ отъ Вардарь-Енидже, на лѣво отъ пѣть-тъ къмъ Солунъ, има села Българское, наричано «Апостоль»; а на самый пѣть, малу къмъ югъ отъ село-то, има пзобилна студена вода, коя-то тече по водопроводи и чешми. Това мѣсто сега се нарича «бань». . . Тамъ въ вода-та често се намиратъ мѣди и сребърни Александрови монети. Широко-то равнище, на кое-то е разположено днесъ рѣчено-то село «Апостоль», казвать да е было мѣстоположеніе-то, на кое-то се гърдѣла нѣкогашна-та македонска столица Пела или Бела. Пърстъ-та на това мѣсто е *блѣликава*. Въ разстояніи часа на юго-востокъ отъ Гумендже, близъ села Гургоникъ, видны развалины Габрова. «Тамъ, спорѣдъ стари прѣданія, запазени у мѣстни-тѣ жители, блии вложени и се назели съкровища-та на Александра Великий. И дѣйствительно, и днесъ още, кога-то пада спленъ дъждъ, и послѣдва порой, тамъ находять много ветхи пари, Александрови

¹⁾ Сл. Миладиновцы, Болг. нар. п. стр. 527: въ Воденѣ погребались македонскіе цари.

²⁾ Верковичъ, Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, стр. 27—28.

³⁾ Руссалін, древенъ и твърдѣ интересенъ блъгарскій обычай запазень и до днесъ въ южна Македониа. Нап. и изд. К. Л. Шапкаревъ. Пловдивъ 1884, стр. 21, 23—24. Объ Александровыхъ монетахъ с . выше стр. 376.

и Филипови монети. Въ сѣще-то село има пословица, коя-то е въ употребленіе у селяни-тѣ: «Кого ки сѣ найдѣтъ габровски-тѣ маази, тогай турчинъ-тѣ ки си насите на пари».

Какъ опредѣлить въ этихъ повѣрьяхъ долю дѣйствительно мѣстной, не литературной саги — я не знаю; для рѣшенія слишкомъ мало данныхъ. Въ другомъ случаѣ оно представляется возможнымъ. Когда Дозонъ (I. с. р. 38) посѣтилъ развалины Драмы, между Сересомъ и мѣстоположеніемъ древнихъ Филиппъ, его проводникъ указалъ ему въ полу-горѣ, на которой высилась древняя крѣпость, линію утесовъ, которые онъ назвалъ яслями Александра коня. Проводникъ этотъ, человекъ не безъ нѣкотораго образованія, представлялъ себѣ Александра и Дарія мѣстными царями, какъ въ Демиръ-Гиссарѣ какой-то турокъ предложилъ Дозону купить монету Александра, «кряля Драмы». Едва ли нужно доказывать, что въ данномъ примѣрѣ мѣстную сагу создали грамотные или слышанные люди. Въ сербской Александрии (Јагіс, стр. 229—230) рассказывается о первомъ выѣздѣ Александра на Вукѣфалѣ; выведя его изъ конюшни (= ясли мѣстнаго преданія), онъ опережаетъ верхомъ на немъ всѣхъ другихъ витязей. Тамъ, гдѣ онъ остановилъ коня *на честихъ изворехъ*, (я выбираю, исправляя, вариантъ, отвѣчающій греческому тексту), онъ построилъ городъ, который назвалъ «Драм, ере по срѣбскомъ езикѣ потечнше», въ греческомъ текстѣ W, стр. 11: «*ἔπειτα εἶνα βρύταις ἢ πολλαῖς* ¹⁾ *καὶ ἔκει ὄρισεν καὶ ἐποίησεν κάστρον καὶ ἐπωνόμασεν τὸ κάστρον ἔκεινος Δραμῆ καλῆ* = Драма; отсюда уже Александръ — кряль Драмы.

¹⁾ Сл. Tomaschek, Ueber Brumalia u. Rosalia, въ Sitzungsber. d. philos. hist. Cl. d. kais. Ak. d. W. (Wien 1869, LX B. p. 331): Drama liegt 3¹/₂ Stunden nordwestlich von Filibežik in einer quellreichen Gegend; Paul Lucas (a. 1705) bemerkt in seinem Reisebuch, c. XXVII; il passe dans cette ville plusieurs petits ruisseaux, dont l'eau est fort claire. Mitten am Wege an dem Gebirgsabhang liegt ein Weiler, Bunar-baši, d. i. «Quellkoppe», so genannt, weil daselbst zahlreiche Quellen entspringen. Hier oder dort mag wohl im Alterthum die Pflanzstadt der Thasier Κρηνίδες gelegen haben, deren Einwohner zur Gründung von Philippi gezogen worden waren.

II.

Устраняя изъ области собственно народной литературы сборникъ г. Верковича, я не отрицаю сказанное въ началѣ этой замѣтки — о возможности перехода книжной Александрии въ дѣйствительно народно-поэтическій капиталъ, въ преданія и пѣсни. Подобныя преданія могли сложиться даже довольно рано, хотя я не думаю, чтобы Ризопъ былъ правъ, открывая подобныя мѣстные преданія у Aimé de Varennes ¹⁾.

Aimé de Varennes былъ на востокѣ во второй половинѣ XII вѣка: видѣлъ Дамьетту, Ипсалу (Escople), Адрианополь, Филиппополь, Галлиполи, гдѣ жилъ нѣкоторое время; ему знакомъ путь въ Грецію изъ Египта и изъ Сирия (bras St. Jorge); онъ называетъ Avedon = Абидосъ и Boscadave = Bouquedavie Вильгардуена, мысъ при устьѣ Дарданеллъ. Онъ научился по гречески, хотя, очевидно, плохо. Филиппополь оказывается на рѣкѣ

Qui est *Potamens* (ποταμῶς) appelés,
Ensi a-il nom en grijois,
Ne sai pas son nom en françois.

Французское ost авторъ переводитъ греческимъ словомъ sabato, означающимъ — говорить онъ — еще и людей близкихъ къ императору:

Proto dist en français *le premier*,
Sabbato c'est pour ostoier.

Разумѣется, очевидно, *протосѣвастос*, при чемъ *сѣвастос* повело автора, черезъ лат: *augustus*, къ старо-франц. *aost*, которое онъ и смѣшалъ съ *ost*. Кличка, которую даетъ себѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Flocart: *Casorédie* — переводится

¹⁾ Объ Aimé de Varennes см. Rysop, Aimon de Varennes, въ Archiv für d. Studium der neuer. Sprachen, t. LXXIII, I. II. (1885) стр. 47 слѣд. Сл. P. Paris, Les Mss. franc. de la bibliothèque du roi, t. III, p. 9—53; Hist. litt. de la France, t. XV, p. 486—491 (Ginguené); t. XIX, p. 678—681 (A. Duval). О мѣстныхъ преданіяхъ у Aimé de Varennes см. Rysop l. c. стр. 67 съ ссылкой на Rohde, Der griech. Roman p. 536 слѣд.; Ten-Brink, Engl. Lit. p. 212.

«mauvais garçon», что понятнѣе заявленія, будто имя Florimont по гречески будетъ Elenéos. Встрѣчаются и цѣлыя греческіе стихи:

Et en grijois escrient tuit:
O zeus ofendam (αὐθέντης) calo,
Salva tuto vassilio.
 C'est en françois: Diex bon signor,
 Gardez hui nostre empereor.

Или:

Ils crient tuit: *Metha Zio!*
Calo tuto vassilio!
 Ice velt dire en françois:
 Si m'aïst Diex! bons est li rois.

Вернувшись во Францію, Aimes

porpensa soi d'une estoire
Que il avoit en sa mémoire.
Il l'avoit en Grèce veüe,
Mais n'estoit pas par tout séüe.
A Felipople la trova.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

Traist de grec l'histoire latine
Et del latin fist le rouman.

Здѣсь разумѣется романъ о Florimont, написанный имъ въ 1188 году, по существу довольно скучный roman d'aventure, интересный намъ не по своему измышленному содержанію, а по указаніямъ на нѣкоторые источники Александровой саги, которые авторъ могъ въ самомъ дѣлѣ найти или услышать въ Флиппополѣ.

Содержаніе его слѣдующее: У Мадіана, египетскаго эмира (amiral), отъ жены, принесшей ему въ приданое Грецію, родились сыновья: *Селокъ* (Селевкъ?) и *Филиппъ Масѣтис*. Первому онъ оставляетъ въ наслѣдство Вавилонъ, то-есть, *египетскій*, второму Грецію. Филиппъ убиваетъ страшнаго льва гдѣ-то за Болгаріей; на мѣстѣ его логовища построенъ городъ, которому царь далъ

свое имя: Philipople. Уступая желанію своихъ бароновъ, Филиппъ женится на дочери африканскаго и варварійскаго царя Менея, Мордалип (Mordaille); у нихъ дочь красавица Романадапла; по имени (Romanadarle), прочтенному на изворотъ, можно угадать другое, болѣе знаменательное: Plena d'amor; ее обучаетъ всему, что слѣдуетъ знать дѣвушка, учительница Сиргіане, съ острова Кипра. Она хорошеетъ съ каждымъ днемъ и къ ней начинаютъ присватываться, между прочимъ Кандіобрасъ, страшный царь Болгаріи. Получивъ отказъ, онъ идетъ на Филиппа войною.

Рядомъ съ этою генеалогическою сказкой — другая: у албанскаго герцога Mataquas (у него городъ Duras = Durazzo) сынъ Florimont. Его первый подвигъ — бой съ страшнымъ чудовищемъ, пожиравшимъ ежедневно по меньшей мѣрѣ одного человека и одного быка. Флоримонъ его убиваетъ. На обратномъ пути онъ встрѣчается съ восхитительною дѣвушкой, властительницей Незримаго острова (Ne Celée); они полюбились другъ другу: она даритъ ему мечъ, обладатель котораго становится непобѣдимымъ, волшебный перстень, и совѣтуетъ извлечь изъ ранъ сраженнаго чудовища цѣлебную мазь, врачующую всякія раны. Оказывается, что чудовище гнѣздилося во владѣніяхъ пѣкочаго Гарганея, властителя племени гигантовъ, пользовавшагося общественными бѣдствіями для введенія суровыхъ налоговъ, къ которымъ былъ обязанъ и отецъ Флоримона. Теперь, когда бѣды прекратились, а Гарганей по прежнему требуетъ дани, Флоримонъ убѣждаетъ отца отказать ему въ ней и принимаетъ вызовъ великана, отлично владѣвшаго палицей. Бой, побѣдоносный для Флоримона, происходитъ въ Каптанатѣ, у подошвы высокой горы, названной впоследствии Monte Gargano.

Таинственная властительница Незримаго острова согласилась отдаться Флоримону лишь подъ условіемъ, чтобъ ихъ любовь была тайной, нарушеніе которой будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ ихъ взаимнаго счастья. Воспитатель Флоримона и его мать узнали о его страсти и нарушаютъ тайну. Влюбленные принуждены

разстаться; Флоримонъ опечаленъ, велитъ называть себя *Rauvre perdu* и ведетъ себя какъ рыцарь «печальнаго образа»; сѣтуетъ и дѣвушка, но по прошествіи трехъ лѣтъ выходитъ замужъ за племянника болгарскаго царя Кандіобраса. У ихъ сынъ — Нектанебъ:

Rois fu, tant fist d'enchantement:
La mer faisoit meller au vent
Qui en l'ile voloit entrer
Por mal faire ne por rober,
Les nés faisoit plungier sovent
En la mer par enchantement.

Между тѣмъ Кандіобрасъ все еще воюетъ съ *Philippe Macémus*, и ему пришлось бы плохо, если бы *Risus*, король Калабріи и *Terre de Labour* (старо-фр. *Rise* = *Reggio*; отсюда *Risus*) вмѣстѣ съ Флоримономъ не пришли къ нему на помощь. Кандіобрасъ разбитъ подъ Адрианополемъ; а тѣмъ временемъ Флоримонъ успѣлъ свидѣться и слюбится съ Романадапой, на которой и женится. Ихъ сынъ Филиппъ беретъ за себя дочь *карфагенскаго* эмира Олимпіаду и заявляетъ притязаніе на *Pe Celée*, во владѣніе которымъ вступилъ Нектанебъ. Поводъ къ притязанію тотъ, что первымъ возлюбленнымъ властительницы Незримаго острова былъ отецъ Филиппа, Флоримонъ. Нектанебъ изгнанъ пзъ своего наслѣдья и, пріютившись при дворѣ побѣдителя, воспитываетъ его сына Александра.

La gent en disoient folie
Que Olimpias fu sa mie,
Qu'Alexandres ses fuis estoit.
Mais cil se ment qui ce disoit,
Grant mençoigne dist qui le dit,
Quar Alixandres puis l'ocist.

О Филиппѣ и Александрѣ рассказывалось еще слѣдующее:

Cest Philippe que je vos di
De l'eritaige moult perdi
Et moult en ot de grans enuis,
Mais Alexandre conquist puis...

Asses plus qu'il n'en ot perdu,
 Puis quist li rois de Macedoine
 Por heritaige Babiloine,
 Et en Babiloine fu mors,
 Mais en fu grans pechiés et tort:
 Cil qui le devoient servir
 Le firent à dolor morir.

Въ другомъ мѣстѣ говорится:

*De Philipon de Macedoine
 Qui fut norris en Babiloine.*

Свѣдѣнія объ Александровомъ романѣ, сообщаемыя романомъ о Флоримонѣ, интересны при всей своей отрывочности. Aimes de Varennes, какъ оказывается, раздѣляетъ отрицательный взглядъ автора древнѣйшей романской Александрии, Альбериха Безансонскаго, и его переводчиковъ, на фабулу Псевдокаллистоена и его отраженій: о Нектанебѣ, какъ отцѣ Александра. Сл. Albéric de Besançon:

Dicunt alquant estrobatour
 quel reys fut filz d'encantatour.
 mentent fellow losengetour и т. д. ¹⁾.

Онъ — сынъ Филиппа и Олимпіады, которая названа *африканскою* (кароагенскою) царевной. Откуда явилась у нашего автора эта особенность, неизвѣстная изъ другихъ Александрій, — я не знаю. Можно было бы предположить знакомство съ Откровеніями Меодія, гдѣ Олимпіада является *эѳиопскою* царевной, дочерью Фола, какъ другая подробность его романа могла бы

¹⁾ См. Ruyor, I. c. p. 54—55 прим. на стр. 54. Бастардомъ дѣлаетъ Александръ и Камоэнсъ въ отвергнутыхъ имъ самимъ строфахъ IV-й пѣсни Лузіадъ: незаконорожденные дѣти были всегда талантливы, говоритъ онъ, — какъ Эдмундъ въ королѣ Лирѣ (1 дѣйствіе, 2 сцена) и Don John въ Донъ Карлосѣ Отвея; въ примѣрѣ приводятся, между прочимъ, Гомеръ и Орфей;

Pois se he certo o que a fama já escreveo,
 Se muitos a Philippo nomearam
 Por pae do Macedonico mancebo,
 Outros lhe dao o manho Nectanebo.

быть истолкована изъ сербской Александрии. Я имѣю въ виду то указаніе, что Александръ *унаследовалъ* Вавилонъ и тамъ же умеръ. Такъ какъ въ романѣ (судя по извлеченіямъ) упоминается лишь египетскій Вавилонъ, въ которомъ царили предки Александра по матери, то вопросъ о наследствѣ объяснился бы самъ собою, а смерть въ египетскомъ Вавилонѣ нашла бы себѣ параллель въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ сербской Александрии, приурочивающей кончину Александра именно къ этому городу. Вѣроятноже, впрочемъ, что авторъ въ послѣднемъ случаѣ имѣлъ въ виду Вавилонъ азіатскій и особую редакцію Александровой саги.

Это потребуетъ нѣкоторыхъ объясненій. У Юстина VIII, 6 и Орозія III, 11, Олимпиада — сестра Александра, царя Эпирскаго; такъ и у Alberic de Besançon: *Et prist moylier... Sor Alexandre al rey d'Epir*. Объ этомъ Александрѣ рассказываетъ Юстинъ XII, 2: *Porro Alexander, rex Epiri, in Italiam a Tarentinis auxilia adversus Brutios deprecantibus, sollicitatus, ita cupide profectus fuerat, veluti in divisione orbis terrarum Alexander, Olympiadis sororis suae filio, oriens, sibi occidens sorte contigisset; non minorem rerum materiam in Italia, Africa Siciliaque, quam ille in Asia et in Persis habiturus. Huc accedebat, quod, sicut Alexandro magno delphica oracula insidias in Macedonia, ita huic responsum Dodonaei Jovis circa urbem Pandosiam amnemque Acherusium praedixerat. Quae utraque cum in Epiro essent, ignarus eadem et in Italia esse, ad declinanda fatorum pericula peregrinam militiam cupidius elegerat...* Здѣсь онъ бьется съ апулійцами, брунціями и луканами, заключаетъ дружественные союзы съ метапонтицами, педикулами и римлянами — и погибаетъ близъ Пандозіи и рѣки Ахеронта. Туріи выкупили его трупъ и похоронили.

Я позволилъ себѣ эту выписку, потому что италіанскія войны Александра Эпирскаго несомнѣнно отразились въ эпизодѣ объ италіанскомъ же походѣ его македонскаго соперника, и не только въ Псевдокаллистенѣ и его отраженіяхъ. Александръ

Эпирскій вызванъ въ Италію тарентинцами; Псевдокаллистоень въ указанномъ эпизодѣ Тарента не упоминаетъ, но въ греческомъ оригиналѣ сербской Александрии Дарій пишетъ Александру: ἤλθεε καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Αὐγρὶδαν καὶ εἰς τὰ Τάραντα (W, стр. 40), а въ житіи св. Панкратія, въ вводной повѣсти о Таврѣ и Меніи, тавромениты бьются съ македонянами ἐν Τερεντῶ.

Возвращаясь къ генеалогіи Олимпіады, замѣтимъ, что у Лампрехта въ его пересказѣ Альбериха Безансонскаго, Александръ названъ царемъ не Эпира, а *Персидскимъ*:

Ze Perse heter daz lant (Vor. Alex. 96)

Ze Persien het er daz lant (Strass. Alex. 114).

Кинцель (Lamprechts Alexander, стр. 399 прим. къ v. 112) предполагаетъ ошибку переводчика, прочитавшаго: derperse вм. derig; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что далѣе эти персидскія родственныя отношенія Александра вовсе не разработаны. Между тѣмъ они дѣйствительно существовали въ преданіи, въ особой переработкѣ Псевдокаллистоена. Я разумѣю Шах-намэ. По Фридуспу Дараб (Дарій) женился на дочери побѣжденнаго имъ Филиппа (Filicus), по имени Nahib, но послѣ первой брачной ночи изгоняетъ ее и отсылаетъ къ отцу. Здѣсь по прошествіи девяти мѣсяцевъ она родитъ Скандера-Александра; а у Дараба отъ дочери китайскаго хана родится другой сынъ (Дарій), который и наследуетъ отцу. Такимъ образомъ въ слѣдующей далѣе войнѣ съ Даріемъ Александръ дѣйствительно достаетъ отцовское наследство, какъ и у Aimon de Varennes онъ ищетъ

Por heritaige Babiloine.

гдѣ, въ добавокъ родился и его отецъ, Филиппъ.

Предложенный разборъ (не изданнаго пока) Флоримона, на сколько можно судить о его содержаніи по пересказамъ и извлеченіямъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на качество тѣхъ преданій, которыя Aimes могъ услышать или и найти (въ видѣ книги: à Feliprole la trova?) въ Флинцнолѣ. Если это заявленіе касается

всего разказа о предкахъ Александра, то онъ можетъ быть названъ традиціоннымъ лишь по отношенію къ общимъ мѣстамъ западнаго *roman d'aventures*, которыя авторъ вдвинулъ въ новую, знакомую ему обстановку, какъ такія же общія мѣста *сказки* изобилуютъ въ пѣсняхъ г. Верковича. Что касается воспоминаній объ Александрѣ, то въ то время какъ пѣсни г. Верковича отражаютъ, вмѣстѣ съ чертами Плутарховой біографіи, эпизоды греко-сербской Александріи, дѣйствительно популярной въ Македоніи и Болгаріи, у Aimon de Varennes нѣтъ ничего подобнаго. Единственный мотивъ (Вавилонъ, какъ Александрово наслѣдье), который мы могли услѣдить—не по отношенію къ его источнику, а къ его параллели—указываетъ на востокъ и восточную рецензію Александровой саги; могъ ли авторъ услышать ее во второй половинѣ XII вѣка въ Филиппополѣ? Слѣдуетъ ли заключить изъ этого обстоятельства, что греко-сербская Александрія, съ ея національно-египетскими отношеніями, еще не была въ то время извѣстна на греко-славянскомъ югѣ. Или что все сказанное авторомъ объ «исторіи», найденной имъ въ Филиппополѣ, принадлежитъ его вымыслу? Последнее всего вѣроятнѣе, хотя при недостаткѣ матеріаловъ точное рѣшеніе здѣсь не возможно.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 31. Къ *литературь Климентинъ* сл.: Hilgenfeld, Ueber die clementinischen Recognitionen und Homilien, 1848; его-же: Ueber den Ursprung der pseudoclementinischen Recognitionen und Homilien, въ Theol. Jahrb. 1854, IV, стр. 483 слѣд. и въ Zs. für wissenschaftliche Theologie, 1858, III, стр. 408 слѣд.; 1864, IV, стр. 357 слѣд.; 1869, IV, стр. 353 слѣд.

Къ стр. 46 прим. 2: сл. Eusebius, πé, 1017.

Къ стр. 137 и прим. 1. Въ № 55—56 Romania'и, стр. 621—629 мы только что прочли заявленіе, что издатель Vieweg готовится выпустить въ свѣтъ изслѣдованіе Р. Meyer'а по исторіи Александровой саги на западѣ. Одинъ томъ занять текстами; Romania предлагаетъ ихъ перечень и перепечатываетъ краткое предисловіе автора о задачахъ и ходѣ его, давно затѣяннаго труда.

Къ стр. 141 (Артаксерксъ въ эпизодѣ о Нектанебѣ): сл. Zingerle, Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems, стр. 22 прим. (ссылка на Hist. Scolast. Lib. Esther c. II; Hieronym. Chron. и Beda, De sex aetatibus mundi; Chron. Paschale ed. Dindorf, I, 319).

Къ стр. 141—142. Съ леканомантическими продѣлками Нектанеба (сл. Pseudocall. I, 1) сл. эпизодъ изъ житія св. Иларіона, Migne, Patrol. lat. t. LXXIII, прим. на стр. 197—8.

Стр. 305 слѣд.; 317 слѣд. (*Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію и эпизодъ о райскихъ птицахъ*). Интересную параллель къ легендамъ о Макаріи и Зосимѣ представляетъ «Сказаніе оца нашего Агапія», изданное Пыпинымъ (Пам. Стар. русск. лит. III, стр. 134), по списку XIII в., и А. Поповымъ по сборнику бібліотеки Московскаго Успенскаго собора, второй половины XII вѣка (Чтен. Москов. Общ. Ист. и Древн. 1879, I, Библиографическіе матеріалы, стр. 41—47). Агапій, шестнадцать лѣтъ прожившій въ монастырѣ, молитъ Господа открыть ему: «чѣсо ради оставляютъ дома свои и роды и въслѣдъ тебе поутъ». Голосъ свыше говоритъ ему, что его молитва услышана, велитъ выйти изъ монастыря и слѣдовать путемъ, который укажетъ ему орелъ. Орелъ приводитъ его къ лукамъ морскимъ, и Агапій не знаетъ, какъ ему перейти черезъ «морскоую глубиноу, баше бо и звѣрь лють въ лукахъ морскихъ, пже изѣдаше члѣкы». Святой видитъ корабль, въ немъ два мужа великихъ и малыи дѣтищъ, которыйи вопрошаетъ его о пути; онъ отвѣчаетъ: «не вѣмъ мѣста ни нарока, камо хоцю ити, нъ гѣ бѣ мои поутъ ксть». Его берутъ на корабль и во время сна переносятъ черезъ море; когда онъ проснулся, и корабль и дѣтищъ исчезли, а самъ онъ идетъ и пришелъ «въ мѣста нѣкака невѣдома, и обрѣте тоу дрѣва различна и цвѣты цвѣтоуща различныи, и овоща различныи ихъ же не видѣ никътоже николже. Сѣдахоу же пѣтищѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ различныи поуща одежда, овѣмъ баше яко злато перикъ, а другыимъ багърано, пѣмъ чървлено, а другыимъ спне и зелено и различныи красотаи и пѣстротаи оукрашени, другыи же бѣлы яко и снѣгъ; всѣхъ бо гласи бѣхоу различни, и щѣбѣтахоу сѣдаще друга къ друзѣ и поѣхоу пѣсни различныи, ова великѣмъ глѣмъ, а другыиа льгѣкѣмъ глѣмъ, а другыиа тыгѣкѣмъ глѣмъ и пѣ-

ниѣмъ, ины же дивнѣмъ глѣмъ, яко бо кажждо по радоу ихъ и по подобію; пѣсни же ихъ и слава велика, яко ꙗже никто же слышалъ на семь свѣтѣ ни видѣти имать». Самъ Господь предсталъ передъ нимъ со своими апостолами и говоритъ: «мѣста же си раискаго соуть, овоца же си пища апѣскага и правдыныхъ дѣиѣ ксть, пѣтица же ꙗже слышшии небесныхъ соуть, слава же ихъ и пѣниа на нѣса въсылаются сѣдашоумоу на прѣстолѣ хѣроувимствѣ». Очевидно, это земной рай, въ которомъ Агапію не позволено однакожь остаться: онъ долженъ идти далѣе, дабы узрѣть «славоу бжѣства», и Господь указываетъ ему на путь, по которому самъ пришелъ къ нему: «шдѣ придеши къ стѣнамъ, ꙗже соуть Ѡ землѣ до нѣсе, и обратиши стѣжицю малоу и по стѣжици тои идеши и обратиши окъныце мало въ стѣнѣ и тѣлькнеши въ нѣ, и издетъ къ тобѣ человекъ старъ и поимъ та въведетъ въ стѣноу». Старецъ оказывается Ильей Тесвятинымъ; перенесенный сюда Господомъ, онъ будетъ пребывать здѣсь до второго пришествія; онъ удивляется пришествію Агапія («члѣкъ съде не приходилъ въ плѣти сы ни прѣже тебе ни по тебѣ имать прити») и вводитъ его внутрь. Агапію пораженъ невиданнымъ свѣтомъ («седмерицею свѣтлѣи сего свѣта»), видитъ крестъ, высившійся до небесъ, блестящій паче солнца; онъ преклонился передъ нимъ и началъ выносить свѣтъ. Илья ведетъ его «идеже столше одръ кмоу и трыпеца оукрашена Ѡ каменны драгааго, и лежаше хлѣбъ на нѣи бѣлѣи снѣга... оу одра кладазь бѣлѣи млѣка и слажыи медоу, виногради же столхоу различно имоуще гръздовиѣ, ово багърано, ово чървлено, ово бѣло, и овоца имоуща различныи и цвѣтыци». — Тѣ гроздыя — души челоѣческія, поясняетъ Илья, они представились тебѣ гроздіемъ, «поне бо живъ члѣкъ не можетъ видѣти дѣиѣ члѣчскѣ. Съ же кладазь порода са нарпчетъ и псходитъ въ дрѣва раискага, съ же свѣтъ анѣльскѣ ксть и правдыныхъ дѣиѣ, съ же одръ и трыпеца творениѣ роукоу гѣю, хлѣбъ же съ нѣсныхъ ксть и правдыныхъ дѣиѣ, псточникъ же съ анѣли пиють и правдыни члѣци». Видѣлъ тамъ Агапію и другія брашна несказанной сладости, «простага же

гдѣ тако и млѣко и медъ». Илья даетъ ему вкусить отъ источника, и его умъ просвѣтился; даетъ отъ непочатаго, цѣлаго хлѣба, который, очевидно, оттого не уменьшается: когда на возвратномъ пути Агапій, принятый на судно корабельщиками, немощными отъ голода, преломляетъ на четыре части укрухъ, данный ему Ильей, всѣ ѣли и насытились, а четвертая часть, оставшаяся у него, снова стала такою-же, какъ до преломленія. Ею онъ оживляетъ въ послѣдствіи умершаго.

Въ этой легендѣ представленіе земнаго и горняго рая смѣшаны, но такъ, что преобладаютъ знакомые намъ черты перваго. Къ нимъ принадлежитъ образъ чудеснаго вертограда съ «небесными» птицами: это, очевидно, эдемъ макарьевского житія, сербской Александріи и т. д. (сл. выше стр. 270—1, 309, 317 слѣд.)¹⁾; сюда изъ горнихъ селеній приходитъ по «стѣжцѣ» самъ Господь, какъ въ коптскихъ отреченныхъ дѣянїяхъ ап. Матвѣя (сл. выше стр. 285) онъ спускается на свѣтломъ облакѣ въ страну блаженныхъ, гдѣ находятся отроки, избѣенные Иродомъ.—Другія черты, обычныя въ изображеніи земнаго рая, присвоены раю небесному, гдѣ пребываетъ Господь: таковъ образъ стѣны, возвышающейся отъ земли до неба, съ малымъ оконцемъ въ ней (сл. сербск. Алекс. выше стр. 271, 272; *Iter ad paradisum*, выше стр. 278; стѣна облачная въ житіи Зосимы, выше стр. 297; мѣдная стѣна въ Хожденіи къ Макарію, выше стр. 312; стѣна до небесъ въ *St. Brandan*, выше стр. 319); Илья, пребывающій тамъ до конца дней (сл. выше, стр. 320 и 323: *Vaudouin de Sebourg* и *Ugo d'Alvernia*). Чудесный млекообразный источникъ, сладчайшїи меда отвѣчаетъ отчасти такому-же въ Хожденіи къ Макарію (сл. выше стр. 310; сл. 324), неубывающій хлѣбъ — райскому плоду, который выносятъ изъ эдема посѣтившіе его (сл. выше стр. 321 прим. 1); кресту Агапїевой

¹⁾ Черныя птицы—души чистилища встрѣчаются еще въ видѣнїи одного инока изъ монастыря *Wenlok*, въ X-мъ письмѣ Бонифаціи (*Bibl. rerum germanicarum*, ed. Jaffe III).

легенды — извѣстный въ средневѣковыхъ разсказахъ о земномъ раѣ (сл. мои Разысканія IV, стр. 60 слѣд., и выше стр. 327 прим. 2) образъ крестнаго древа, восходящій къ ἕβλον τῆς ζωῆς Апокалипсиса (гл. XXII, 2) — и символическій крестъ въ житіи Андрея Юродиваго, представляющемъ нѣкоторыя спеціальныя черты сходства съ разбираемымъ ¹⁾. Первое видѣніе то-же: чудесныя деревья въ цвѣту и плодахъ и поющія птицы («да любо ли п'птицы се бѣахоу, любо ли ангели, Господь единъ да ся печать тѣмъ»); вокругъ райской рѣки и по всему саду простерся виноградъ, «златомъ листвіемъ украшенъ, его-же лозіе имать образъ камени драгаго лух'нита, пер'ваго камени, рек'шаго дѣля: азъ есмь виноградъ истин'ный»; затѣмъ «крестъ великъ красенъ и страшенъ вз'оромъ», котораго лобзаетъ святой. — Далѣе руководитель его, свѣтлый юноша, беретъ его за руку и начинается ихъ восхожденіе: выше второй тверди, гдѣ онъ видитъ два креста, и выше третьяго неба, гдѣ три креста возвышаются передъ дверями: три крестныхъ, едемскимъ древа славянскихъ легендъ и Анастасія Синаита ²⁾. — Еще далѣе страшная запона «также пликторъ свѣт'ла и вел'ми честна»; её охраняютъ легионы огненныхъ юношей, вооруженныхъ коньями: когда отнялась запона, Андрей узрѣлъ Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Отца. — Запона отвѣчаетъ стѣнѣ отъ земли до неба, отдѣляющей горній Иерусалимъ отъ земнаго эдема въ Агапѣевой легендѣ, какъ съ другой стороны ея стежечка, соединяющая эдемъ съ горнимъ Иерусалимомъ, наименоваетъ тропинки отъ перваго до втораго и третьяго неба (сл. три неба и въ житіи Андрея) въ одномъ изъ видѣній, описанныхъ Бонифаціемъ (ер. 112).

Подобную-же двойственность райскихъ представленій мы встрѣчаемъ уже въ Апокалипсисѣ ап. Павла ³⁾, если только она —

¹⁾ Сл. Великія Минеи Четіи, Октября 1—3 (изд. археограф. комисіи). стр. 99 слѣд.

²⁾ Сл. мои Разысканія X, стр. 416—417.

³⁾ Сл. Tischendorf, Apocalypses apocryphae p. 34 слѣд.; Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 40 слѣд.

не кажущаяся. Ангелъ ведетъ его къ «мѣсту праведныхъ» (слав. текстъ: «на третее ѿбо»?); оно представляется городомъ, изъ золотыхъ воротъ выходитъ старецъ, привѣтствуя Павла: Энохъ (Исаія въ слав. т.). Ангелъ общаетъ апостолу показать ему ту землю, *καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ, οὗ ἡ ἀρχὴ ἐστήρικτο εἰς τὸν κύκλον τοῦ οὐρανοῦ: ὁ δὲ ποταμός ἐστιν οὗτος ὁ κύκλων πᾶσαν τὴν γῆν* = океанъ (въ слав. т., по смѣшенію съ слѣдующею далѣе подробностью: рѣка, текущая млекою и медомъ), на ней деревья, полныя чудесныхъ плодовъ. Что это? спрашиваетъ апостоль. *Καὶ λέγει μοι αὕτη ἐστὶν ἡ ἀχέρουσα λίμνη* (слав. т.: на озерѣ хѣрусипстѣмъ; въ сир. переводѣ у Тишендорфа, 1. с.: sea of Eucharista), *καὶ ἔσωθεν αὐτῆς ἡ πόλις τοῦ θεοῦ*, окруженный стѣнами, съ двѣнадцатью воротами, обтекаемый четырьмя рѣками. *ρέοντες μέλι καὶ γάλα καὶ ἔλαιον καὶ οἶνον*; слав. текстъ толкуетъ: «има рѣцѣ текущи медомъ Фисънип (Фисонъ), има рѣцѣ текущи виномъ Фипръ (тигръ), има рѣцѣ текущи олѣемъ Гионіи (Гіонъ), има рѣцѣ текущи ишеномъ Ефратъ».—Передъ городскими воротами стоитъ безплодное дерево (далѣе: *δένδρα*) *καὶ ὀλίγους ἀνδρας ὑποκάτω αὐτοῦ, καὶ ἔλαιον σφόδρα, καὶ συγκοπτουν αὐτοὺς τὰ δένδρα*. Ангелъ поясняетъ: *διὰ τοῦτο εἰσιν τὰ δένδρα μὴ καρποφοροῦντα, διὰ τὸ μὴ ἀποστῆναι αὐτοὺς* (т. е. τοὺς ἀνδρας) *ἐκ τῆς ὑπερηφανίας, τῆ-же люди пребываютъ внѣ города* *διὰ τὴν πολλὴν ἀγαθότητα τοῦ θεοῦ, ἐπειδὴ ἔνθεν μέλλει ἔρχεσθαι ὁ Χριστὸς εἰς τὴν πόλιν, καὶ ἵνα συνεργόμενοι πρὸς βεβούσιν ὑπὲρ τούτων, καὶ εἰσαχθῆσονται σὺν αὐτοῖς*. — Далѣе апостоль видитъ пророковъ, младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ, Авраама, Исаака и Иакова — и Давида; видѣнія расположены по четыремъ символическимъ рѣкамъ, по приуроченію въ текстахъ смутано: въ греч. текстѣ молочная рѣка протекаетъ къ сѣверу (въ сирійскомъ: къ югу) отъ города, на ней избіенные Иродомъ младенцы; въ слав. эта черта вышла — и далѣе переходъ къ описанію мукъ совершается непосредственно. Иначе въ греч. т.: ангелъ вывелъ Павла *ἔξω τῆς πόλεως καὶ τῆς ἀχερούσης λίμνης καὶ τῆς γῆς τῆς ἀγαθῆς, καὶ ἔστησέν με ἐπάνω τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ τοῦ βασ-*

πάζοντος τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἤρεν με ἐκ οὐσμῶν ἡλίου, καὶ ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθεμελιωμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὠκεανοῦ. καὶ ἴδον ἐπέκεινα τοῦ ποταμοῦ, καὶ οὐκ ἦν ἐκεῖ φῶς. ἀλλὰ σκότος καὶ λύπη καὶ στεναγμός (сир. г.: he led me out without the city and brought me to the midst of those trees of the Eucharista There he lifted me up and carried me above the rivers of the sea and raised me above the sea of the ocean, which sustains the firmament of the lower heaven And he brought me towards the setting of the sun, and I saw there the end of heaven, made firm on a great river).

Слѣдуетъ видѣніе мученій, π ангелъ предлагаетъ апостолу повести его въ «рай едеμскыи, κгоже пспаде Адамъ π жена его»; здѣсь онъ видитъ великое древо, на которомъ почиваетъ Духъ Святой, πзъ корней котораго истекають четыре райскыя рѣки (Физонъ, Геонъ, Тигръ, Евφратъ; слав. текстъ здѣсь не называетъ ихъ по имени); древо познанія добра π зла π древо жизни, охраняемое херувимами. На встрѣчу ему выходитъ Богородица; затѣмъ *Авраамъ, Исаакъ π Ιακωβъ, пророки. Энохъ* (π Илья). Но онъ уже видѣлъ ихъ въ «мѣстѣ праведныхъ», съ его четырьмя символическими рѣками π такимъ-же деревомъ, напоминающимъ рѣки π священныя деревья эдема. «Мѣсто праведныхъ», можетъ быть, только дублетъ къ слѣдующему далѣе описанію эдема? По этому поводу замѣтимъ еще слѣдующее: не всякій можетъ войти въ «божій градъ», лежащій за «ἀχέρουσαν λίμνη», говоритъ греч. текстъ, но лишь покаявшіеся передъ смертью π омытые арх. Михаиломъ въ водахъ того озера. Греч. апокалипсисъ Моисея¹⁾ говоритъ о томъ, что Адамъ похороненъ былъ εἰς τὰ μέρη τοῦ παραδείσου, т. е. близъ эдема, но передъ тѣмъ арх. Михаилъ оmyваетъ его тѣло «εἰς τὴν ἀχέρουσαν λίμνη», послѣ чего Господь говоритъ ему: «ἄρον αὐτὸν εἰς τὸν παράδεισον ἕως τρίτου οὐρανοῦ καὶ ἄφες κάκεισε ἕως τῆς ἡμέρας ἐκείνης τῆς μεγάλης καὶ φοβερᾶς ἣν μέλλω οικονομῆσαι εἰς

¹⁾ Tischendorf, l. c. p. 20—1; сл. мои Разысканія. III, стр. 45, прим. 2.

τὸν κόσμον». Слав. г. апокалипсиса ап. Павла помѣщаетъ, какъ мы видѣли, мѣсто праведныхъ и «херусійское блато» въ *третьемъ небѣ*, что согласно съ греч. апок. Моисея; и въ то-же время послѣдній памятникъ говоритъ о погребеніи Адама *у адама*, какъ съ другой стороны греч. откровения Павла приурочиваютъ свое мѣсто праведныхъ и τὴν ἀχέρουσαν λίμνην не на небѣ, а на краю земли, тамъ гдѣ ἦν ἡ ἀρχὴ τοῦ οὐρανοῦ τεθραυλισμένη ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ ὄψεαιου; согласно съ сирійскимъ текстомъ — гдѣ нибудь на крайнемъ востокѣ, ибо муки онъ помѣщаетъ на «заходъ солнца».

Къ стр. 331 прим. 1. Текстъ Паралипомень Иереміи = Повѣсть о плѣненіи Іерусалима въ сборн. конца XII в., принадлежащемъ библи. Московск. Успенск. собора, описанъ А. Поповымъ въ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1879 г., I: Библиографическіе матеріалы, стр. 9 — 12.

Къ стр. 346. О Танисѣ см. W. M. Flinders Petrie and T. Ll. Griffith въ Academy 1886 № 721 p. 154: we may safely write nome of Am Pehu = Tanite nome, and Am = Tell Neber-heh or Tanis. M. Naville.... noticed that Horus was entitled «Lord of Am» (spelt with the two eyebrows). He suggested that this Am, capital of the XIX-th nome Am-Pehu, hitherto attributed to Buto, was at Tanis.... Now we have found in the temple here a piece of a limestone statuette mentioning «Hati lady of Am»; also a greater part of a fine statuette in green basalt, probably of Nektanebo by the style, naming «Horus lord of Am»; and thirdly in a tumb, a fine sarcophagus lid naming «Osiris Meriti Her Ab Am».

Къ стр. 374. О сициліанскихъ народныхъ повѣрьяхъ на 1-ое Мая (св. ап. Іакова и Филиппа) сл. еще Pitrè, Meteorologia popolare siciliana въ Archivio Pitrè, IV, fasc. 4, стр. 528 — 9.

Къ стр. 431—2. Нов., стр. 130: Филиппъ говоритъ Александру: «аште ли промыслѡмъ твоимъ и врачевьскою хытростію пакы четири има пстыкнеть се кола, кже соуть състави, тог'да пакы тѣло съ дшею здрав'ствоунть». Рум. № 175, об. л. 89 добавляетъ: «огнь топлѣ обѣ земли сусѣ, въздухъ хракотина чрна желчь, огнь и въздухъ противное, огнь съединение, и въздухъ земле мокрѣи ѡбѣ и студенѣ ѡбѣ, а се четиремъ съставомъ пмже члвчское состоитсе тѣло. Имѣен умъ да разумѣеть».

ΔΙΗΓΗΣΙΣ

ΚΑΙ

ΓΕΝΝΗΣΙΣ ΚΑΙ Ἡ ΖΩΗ ΤΟΥ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ.

ΠΟ ΣΠΙСКУ ВѢНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

АЛЕКСАНДРИЯ

ПО РУКОПИСИ ВЪНСКОЇ БИБЛИОТЕКИ

(Lambecius. Cod. theol. CCXCVII = Nessel CCXLIV).

[26 γ.] Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ Ἀλεξάνδρου· τὸ πῶς ἐγεννήθη καὶ ἀνετράφη καὶ περὶ τῆς ἀνδρείας αὐτοῦ καὶ τὴν μάθησιν καὶ τὴν χαρὰν του· ἦτον ἀπὸ τὸν θεὸν ὀρισμός· καὶ ἦτον φρόνιμος καὶ ἑμορφος, καὶ χαροποιός εἰς τοὺς ἀυθεντάδες καὶ εἰς τὴν στρατίαν καὶ εἶχεν χέρι καλὸ νὰ φιλοδωρῇ καὶ νὰ στέκη εἰς τὸν λόγον του, νὰ μηδὲν σφάλῃ τοὺς ὄρκους του· καὶ μετὰ ταῦτα ἐβασίλευσεν ὅλον τὸν κόσμον.

Ἐπὶ ἔτους εἰ ἐβασίλευσεν εἰς τὴν παλαιάν Ῥώμην ὁ Ταρκιανός ὁ βασιλεύς, καὶ εἰς τὴν ἀνατολὴν ἐβασίλευσεν ὁ Δάρειος, ὁ υἱὸς τοῦ Κυρίσου καὶ ὅλα τὰ βασιλεία τοῦ κόσμου αὐτὸν ἐτελοῦσαν λιζάτον· καὶ εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ· ἦτον ἀυθέντης εἰς τοὺς Ἰσραηλίτας ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἀρχιερεὺς· καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον ἐβασίλευσεν ὁ πονηρός καὶ ἀστρονόμος Ἐκτέναβος, ὅλην τὴν Αἴγυπτον καὶ μετὰ τὴν γῆν τῶν Ἀλατήνων· καὶ ὁ Φίλιππος ὁ Ἑλληνας ἐβασίλευσε τὴν Μακεδονίαν μετὰ τοὺς Φιλίππους καὶ μετὰ τὴν Φιλιπποπολιν. Τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ἐγεννήθη τέκνον ἄρρεν· καὶ οὐδὲν ἦτον σπόρος ἐδικός του, ἐπεὶ ἦτον σπόρος ξένος, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει· καὶ ἐπωνόμασαν τὸ ὄνομα τοῦ παιδίου εἰς ταις ἡμέραις Ἀλέξανδρον Ῥωμαϊκά· καὶ εἶχεν ἀπὸ τῆς ἄνω προνοίας χάριν μεγάλην· λέγουσι ὁ κόσμος ὅλος, ὅτι ἔναι υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ οὗτος ὁ λόγος ἔναι ψευδός, τὸ ἀληθές ἔναι τοῦτο· τοῦ βασιλέως τῆς Αἰγύπτου υἱὸς τοῦ Νεκτέναβου

τοῦ πονηροῦ καὶ ἀστρονομου, καθὼς τὸ θέλετε ἀκούσει τὴν διήγησίν του ὑστερα. Ὁ βασιλεὺς μὲ τὰ μαγικά του ἐκράτειεν τὸν τόπον τῆς Δαμασκοῦ, ὅπου ὀνομάζεται Αἴγυπτος.

Περὶ ὅταν ἐβαρέθηκεν ὁ κόσμος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του καὶ ἐποίησαν βουλήν νὰ τὸν διώξουν.

Ἐβαρέστησεν ὁ κόσμος ὅλος τὴν ἀστρονομίαν του καὶ τὰ μαγικά του καὶ ἐποίησαν βουλήν μὲ τὸν Δάρειον τῆς Περσίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Βερίας καὶ ὁ βασιλεὺς τῆς Λεντίας καὶ πολλοὶ ἕτεροι βασιλεῖς οὗτοι: «(Ὡς¹⁾) ἐξέλθωμεν μὲ τὰ φουσάτα μας πρὸς τὸν μάγον νὰ τὸν διώξωμεν, τὸν μάγον καὶ Αἴγυπτον.» Καὶ ἐσυναΐξαν οἱ βασιλεῖς φουσάτα πάμπολλα ἀναριθμητά· ἦσαν δὲ εἰς τὸ σύνορον τῆς Περσίας ἓνα κάστρον καὶ εἶχαν αὐθέντην εἰς τὴν μέσσην τοὺς Αἴγυπτον, ὀνοματι Βερκαριαν· ἰδόντας ὁ συναρίτης ὁ Βερβέρης φουσάτον πολλὸν μαζώμενον, ὅπου ἔρχονται καταπάνου τοῦ βασιλέως Αἴγύπτου τοῦ Νεκτέναβου, ἐπῆρεν εἰς αὐτὸν καὶ ὠμολογησέ τον περὶ τὰ φουσάτα, τὸ ποσαὶς χιλιάδες ἔρχονται, καὶ εἶπεν τοῦ Νεκτέναβου: «ὅτι νὰ ἤξεύρης, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας, ὁ Δάρειος, ὅπου τὸν ἐμαυτὸν του ὀνομάζει ἴσως μὲ τὸν θεὸν καὶ ἔφθασεν καὶ ἐσέβη εἰς τὸ σύνορόν σου μὲ τὰ φουσάτα του πολλὰ ἀναριθμητά καὶ μὲ ἄλλους βασιλεῖς ἑτέρους ἔρχονται καταπάνου σου, ὥσπερ ὅταν ἀρχερίσουν τὰ κύματα τῆς θαλάσσης καὶ οὐδεὶς ἤμπορεῖ ἀριθμήσει αὐτά, εἰ μὴ εἰς θεός· τοσον φουσάτο ἔρχεται καταπάνω σου νὰ πολεμήσῃ». Ὁ βασιλεὺς ὁ Νεκτέναβος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν: «σῦρε ὀπίσω εἰς τὸ βασίλειόν σου καὶ κατανοεὶ καλῶς καὶ πάλιν νὰ μοῦ ἀποστείλῃς λόγον ἐγγλήγορα ἐπιστολὴν γραμμένην». Καὶ ὁ βασιλεὺς ὤρισεν καὶ ἔγραψεν πιτάκια εἰς ὅλον τὸν τόπον [26 v.] τῆς Αἴγύπτου τὴν Δαμασκὸν καὶ ἀφὸν ἐπροβοδῆσεν τὰς ἐπιστολαὶς εἰς ὅλον τὸν τόπον

Περὶ ὅταν ἐπίασεν τὸ χαρτὶν τῆς ἀστρονομίας καὶ τῆς λεκανομαντίας νὰ ἰδῇ τὸ πόσον φουσάτον ἔρχεται καταπάνω του.

Ὁ Νεκτέναβος ἠπῆρεν τὸ χαρτὶ τῆς ἀστρονομίας καὶ τῆς λεκανο-

¹⁾ рив. бѣ.

μαντίας και ἐσέβην εἰς τὸ παρακάλιν τὸ βασιλικὸν και ἐγέμισεν τὸν ὀστράκινον πίνακα νερὸν και ἀνοίξεν τὸ βιβλίον του και εἶδεν εἰς τὸ νερὸν δύο φουσάτα ὅπου ἔρχονται νὰ πολεμίσουν· και εἶδεν τὸν θεὸν τῆς Αἰγύπτου τὸν Ἀπολλωνα ὅτι ἐσέβη εἰς τὸ κάτεργον πρὸς τῆς μεριάς τοῦ φουσάτου τῆς Περσίας και φέρνει τὸ φουσάτο τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως καταπάνου εἰς τὴν Αἰγυπτον. ἰδοντας οὖν ὁ Νεκτέναβος ὅτι νικᾶται ὑπὸ τοὺς Πέρσιδας, ἐξάλισθην ζάλην μεγάλην και ἐσηκώθη ἀπὸ τὴν τρομάραν του και ἐκλαυσεν πικρὰ και εἶπεν· ὦ κάστρον τῆς Αἰγύπτου Δαμασκὸν και ὁμορφρον μὲ τοὺς πρωτοκαβαλαραίους και χρυσοπτερνιστηράτους και ἀνδρειωμένους τῆς Αἰγύπτου τοὺς πρώτους και τὰ πάντερπνά σας καλά και ὁ πλοῦτός σας και ἡ ὁμορφάδα σας, ἔχετε τόσους πολλοὺς χρόνους μετ' ἐμένα, και τώρα χωρίζεσθε μὲ μεγάλην πικρίαν, ὡσπερ τίς τρώει τὸ φαρμάκι και σύντομα ἀποθνήσκει, οὕτως και ἐγὼ χωρίζομαι τὸ βασίλειόν μου. Ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος οὐδὲν ἐδυνήθη νὰ πολεμίση μὲ τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας, ἀπὸ τὴν πολλὴν του λύπην και τὴν ἐντροπήν του ἐκούρεψεν τὰ γένειά του και τὰ μαλλία του και ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον τῆς Αἰγύπτου και ἔφυγεν εἰς ξένον τόπον, ὅπου οὐδὲν τὸν ἐγνώριζαν, και ὑπῆγεν εἰς τοὺς Φιλίππους εἰς τὸν τοπον τῆς Μακεδονίας και κανεὶς ἀνθρώπος δὲν τὸν ἐγνώρισεν και ἔκαμεν τὸν ἐμαυτὸν του μάγον, ἱατρὸν θαυμαστον, εἴ τι ἄρα ἔλεγεν, ὅλα ἀληθίνευαν οἱ λόγοι του· ἡ στρατία και τὰ φουσάτα, και οἱ ἄρχοντες ἐσυνήχθησαν εἰς τὸ παλάτιν νὰ ποιήσουν βουλήν μὲ τὸν βασιλέα τους, καθὼς εἶχαν συνήθειον, και ἐγύρευσαν και οὐδὲν τὸν ἤυραν· και μόνον ἤυραν ἓνα πιτάκιν γραμμένον, και ἔγραφεν οὕτως· ὅτι ἐγὼ οὐδὲν ὄνομαι κατὰ πρόσωπα τὸν Δάρειον νὰ σταθῶ και ὑπηγαίνω ἀπὸ ἐσᾶς γέροντας και πάλιν θέλω ἔλθει πρὸς ἐσᾶς νέος χρόνων ἧ και νὰ μοῦ ἱστορήσετε τὸ πρόσωπόν μου εἰς τὸν στύλον και νὰ μοῦ βάλετε τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν τῆς ἱστορίας και εἴ τις ἔλθῃ και σταθῇ εἰς τὸν στύλον και πέσῃ τὸ στεφάνι μου εἰς τὸ κεφάλιν του, αὐτὸν τὸν ἀνθρώπον νὰ τὸν προσκυνήσετε· ὅτι αὐτός ἐστίν ὁ υἱός μου και αὐτός σας θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρείου· και ἔλαβον τὸ πιτάκιν τοῦ Νεκτενάβου με τὸ στέμμαν του· και ἔκαμαν στύλον εἰς τὴν μέσῃν τοῦ κάστρου και ἔγραψαν τὸ προσω-

πον τοῦ βασιλεῶς καὶ ἔβαλαν τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὸ στέμμαν του στὸ πρόσωπον ἐκεῖνον ὅπου ἰστόρησαν καὶ ἔκλαψαν πικρά. καὶ ὑπῆγαν εἰς τὴν ἐκκλησίαν τους εἰς τὸν θεόν τους τὸν Ἀπολλῶνα καὶ ἐπαρκαλάλεσαν αὐτόν, νὰ τοὺς ὁμολογήσῃ τὴν ἅπασαν ἀλήθειαν διὰ τὸν βασιλέα τους τὸν Ἐκτέναβον. ὅταν γοῦν διὰ νυκτός εἶδαν εἰς τὸν ὕπνον τους καὶ εἶπεν ὅτι πάλιν ὅταν πληρωθῶσιν χρόνοι λ', πάλιν θέλει γυρίσει πρὸς ἐσὰς καὶ θέλει τζακίσει τὰ σπαθία τῆς δεξιᾶς χειρός τῆς Περσίας καὶ σὰς θέλει ἐβγάλει καὶ θέλω σὰς ἐλευθερώσει. Ὁ Νεκτέναβος εἰς τοὺς Φιλίππους ἔκαμεν λεκανομαντῖαις μεγάλαις καὶ ὅλοι ἀληθίνευαν εἰς τὴν τέχνη του.

Περὶ τοῦ βασιλέως τοῦ Φιλίππου καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τὴν ἀτεκνίαν καὶ τὸ τί εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ βασιλεὺς τῶν Μακεδόνων ὁ Φίλιππος εἶχεν γυναῖκαν ὠραίαν, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ὀλυμπιάδα. καὶ πολλὰ ἤτον στεῖρα. καὶ ὁ βασιλεὺς οὐδὲν εἶχεν καλλὴ καρδίαν [27 γ.] ποτὲ πρὸς τὴν βασίλισσαν διὰ τὴν ἀτεκνίαν της, διότι εἶχεν πλοῦτον πολὺν ὁ βασιλεὺς μὲ τὸν ἑμαυτόν του, τὸ πῶς θέλει ἀπομείνῃ τὸ βασίλειόν του ἔρημον καὶ ὁ πλοῦτος του ἤτον γοῦν ὠραία ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἐκ τὴν ἐμορφία της οὐδὲν ἤθελεν νὰ τζακίση τὴν καρδίαν της. ἤλθεν γοῦν ὀρισμός τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως νὰ ὑπηγαίνῃ ὁ Φίλιππος εἰς τὸ ταξεῖδι. καὶ εἶπεν τῆς γυναικὸς του τῆς Ὀλυμπιάδος ὅτι μεγάλη κάκητα (κακότητα?) ἔχω ἀπὸ σέν, ὀμμάτια μου καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, ψυχὴ μου, καρδία μου Ὀλυμπιάδα ἔγω ὑπηγαίνω εἰς τὸ φουστάτο καὶ ἐὰν οὐδὲν εὔρω τέκνον ἀπο τὰ σπλάγγνα μου, ἀπὸ τὸν ἑμαυτόν μου, νὰ ἤξεύρης ὅτι πλέον τοὺς ὀφθαλμούς (σου) οὐδὲν τὰ θέλω ἰδεῖ, ὅταν ἦσουν μαθημένη νὰ ἔλθῃς εἰς τὸν θρόνον μου. λοιπὸν μὲ ὀνειδισμόν ὑπῆγεν εἰς τὸ ταξεῖδι ἐποῦτο.

Περὶ τὸν λόγον ὅπου εἶπεν ὁ Φίλιππος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἤτον πικραμένη ἤλθεν μία ἀπὸ τὰς βαγίαις καὶ εἶπεν της διὰ τὸν Νεκτέναβον.

Μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν ἀπο τὰς βαγιτζαῖς της εἶδεν τὴν βασι-

λισσα πικραμένη και εἶπεν της· μηδὲν πικραίνεσαι, ὦ βασίλισσα Ὀλυμπιάδα. ἐδῶ εἰς τὸ κάστρον ἐποῦτο τῶν Φιλίππων ἓναί ἓνας ἄνθρωπος μάντις και ἰατρός και ἀστρονόμος· και εἶ τι ἄρα λέγει ἀληθινεύουν. περὶ τὸ πῶς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασιλίσσης της, εἶπεν της· δράμε ἐγγλήγορα και φέρε τὸν ἄνθρωπον αὐτὸν εἰς ἐμένα, μὴ νὰ με ποιήσῃ τίποτες εἰς τὴν τάλαιναν.

Περὶ ὅταν ἔβαλεν ἡ Ὀλυμπιάδα και ἔκραξε τὸν Νεκτέναβον και ἤλθεν εἰς τὴν βασίλισσα τὴν Ὀλυμπιάδα.

Ὁ Νεκτέναβος ἤλθεν ἐγγλήγορα εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα. Και ἐσύντυγεν και εἶπεν του· ἄνθρωπε τῆς Αἰγύπτου, ἀλήθεια ἓναί ὅπερ ἠκούσαμεν διὰ τ' ἑσένα¹⁾; ἤμπορεῖς νὰ ποιήσῃς τίποτες με τὰ βοτανικά σου εἰς ἐμένα, μὴν νὰ ποιήσω παιδὶ ἀπὸ τὰ σπλάγγνα μου; και ἂν ποιήσῃς και κάμω παιδὶ τοῦ μεγάλου βασιλέως Φιλίππου, θέλεις θεραπεύσει τὴν καρδίαν του και θέλω δυναμώσει και τὴν ἐδικήν μου τὴν καρδίαν πρὸς αὐτόν. και μέγας νὰ ὀνομασθῆς ἀπὸ τὸν βασιλέαν και ἀπὸ τοὺς αὐθεντάδες τῆς Μακεδονίας· και ποιήσῃ τὴν ἰατρικήν σου τέχνην ἐγγλήγορα.

Περὶ ὅταν ἐσύντυγεν ἡ Ὀλυμπιάδα τοῦ Νεκτενάβου.

Ὁ Νεκτέναβος ἰδόντας τὴν Ὀλυμπιάδα. τὴν ὠραιότητάν της και τὴν λαμπηρόνα τοῦ προσώπου της και τὰ καλά της κάλλη, ἐπήρα τὴν εἰς τοὺς ὀφθαλμούς ὀρθά. και ἐδιέβην ὁ νοῦς του και ἐξέστην· ἐκείνη ἐδοκίμηθη και ἐπήρε κρυφά νὰ τοῦ ἐρωτᾷ και λέγει του· ὦ ἄνθρωπε, τί με και ἐσὺ πόνους γεμίζεις; ἔάν ἔχεις ὀρεξίν. ποιήσον τὴν τέχνην σου, και μηδὲν ἀργῆς. Και ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας, εἶπεν της και ἐσίμωσεν σιμά της ὥστε ἐκόλλησεν²⁾ τὸ πρόσωπόν του εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς και ἐκάην και ἐτόξευσεν εἰς τὴν καρδίαν του ἀπὸ τὸν ἐρωτάν της. και εἶπεν της· ὅτι ἐγὼ ἐβλέπω, ὅτι ὁ θεὸς θέλει μείνει μετὰ σένα ἢ ὁ Ἄμιων ἢ ὁ Φιλογένης ἢ ὁ Ἀρκούτζης, ὁ θεὸς ὁ μέγας. Και ἔάν ποιήσῃς ὡσάν σου θέλω εἰπεῖ,

¹⁾ рукоп. διὰ τε σένα.

²⁾ рукоп. ἐκώλυσεν.

παιδὶν θέλεις ποιήσει καὶ ἐσὺ μητέρα θέλεις ὀνομασθῆ, βασίλισσα τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ· καὶ ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους του, ἐχάρη χαρὰν μεγάλην, διότι θέλει γενήσῃ παιδί ἀπὸ τὸν ἑμαυτὸν τῆς· καὶ εἶπεν του· ὡσάν τριγόνῳ θλίβομαι, ὦ ἄνθρωπε· ἔλ' κοντὰ¹⁾ εἰς τὸ παλάτι τὸ βασιλικὸν γὰ σοῦ ποιήσω ἓνα σπιτόπουλον μικρόν· καὶ ὅταν ἔλθουν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ὁποῦ θέλουν 'σεβῆ πρὸς αὐτήν. ὁποῦ ἤβλεπεν εἰς τὸ νερόν τῆς λεκανομαντίας.

Περὶ ὅταν ἐσέβη εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα ὁ Νεκτέναβος.

[27 γ.] Ὁ Νεκτέναβος ἔκαμεν τὸν ἑμαυτὸν του μάγον με τὰ μαγικά του καὶ ἐσέβη εἰς τὸ παλάτι τῆς βασίλισσας γὰ μείνη με τὴν Ὀλυμπιάδα εἰς τὸ πρόσωπον τῶν θεῶν τῶν Ἑλλήνων, τὸν Ἄμῶν, τὸ κεφάλιν του ἔκαμεν ὡς ἀετοῦ καὶ εἰς τὴν κεφαλὴν του κερατοπούλα χρυσὰ καὶ οὐρὰν ὡσπερ τοῦ βασιλίσκου, τὰ ποδάρια του ἐποίησεν καὶ τοὺς ἐλάταις (sic) ὡσάν τοῦ γρύψου καὶ τὰ πτερά του χρυσὰ καὶ μαῦρα. καὶ ἐσέβην εἰς τὴν βασίλισσαν τὴν Ὀλυμπιάδα με φόβον καὶ με τρόμον μέγαν. καὶ ἔμειναν οἱ δύο καὶ πάλιν ἐξέβη ὀπίσω με πολλὰ ποιήματα· καὶ θαυμαστός ἐφάνη εἰς τὸ ἔξέβαν του. καὶ ὑπῆγεν εἰς τὸ σπιτόπουλόν του καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ὑπῆγεν εἰς τὴν βασίλισσαν καὶ εἶπεν τῆς· τώρα εἶσαι εὐχαριστημένη εἰς ὅλαις ταῖς γυναῖκες, Ὀλυμπιάδα· σήμερον τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ βασιλέα βαστάζεις παιδί ἄρρεν καὶ ὅταν θέλεις κάμη τὸ παιδί, γὰ στείλῃς διὰ τ' ἐμένα γὰ ἔλθω καὶ εἴ τι σου εἰπῶ οὕτως γὰ κάμης καὶ εἰς ποίαν ὥραν γὰ γεννήσῃς τὸ παιδί. ἐλθόντος γοῦν εἰς τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου, ἔστειλεν καὶ ἔκραξεν τὸν Νεκτέναβον καὶ ἀνοιξε τὸ βιβλίον τῆς ἀστρονομίας, καὶ οὐδὲν ἦτον ὥρα καλὴ γὰ γεννήσῃ τὸ παιδί· καὶ εἶπεν ταῖς γυναῖκαις καὶ ἐσήκωσαν τοὺς πόδας τῆς βασίλισσας γὰ μηδὲν πέσῃ τὸ παιδί· καὶ ὅταν εἶδεν ὅτι ἐπλάτυνεν ἡ νύκτα καὶ ἐδυναμώσεν τὸ γύρισμα τοῦ οὐρανοῦ καὶ τὰ στοιχεῖα τῆς γῆς, καὶ εἶπεν καὶ ἄφηκαν τὴν βασίλισσαν, καὶ ἐγέννησεν τὸ παιδί τὸν Μάρτιον μῆναν ὥρας θ' τῆς νυκτός. καὶ ὅταν ἐγεννήθη τὸ παιδίον καὶ ἐξέβην εἰς τὸ φῶς τοῦ κοσμοῦ καὶ ἔκλαυσεν καὶ εἶπεν· ὅταν σωθοῦν οἱ σαράντα χρόνοι

¹⁾ ρκп. ἔλκοντα.

πάλιν θέλω γυρίση εἰς ἐσένα μητέρα ἐδική μου γῆς· καὶ εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος καὶ ἐξενίσθη πῶς ἐσύντυγεν τὸ παιδάριον· ἡ Ὀλυμπιάδα παρευθὺς ἠπῆρεν τὸ παιδί καὶ ἐδιάβασέν το εἰς τὴν ἐκκλησίαν τὸν Δαφνίωνα τὸν Ἀπόλλωνα. καὶ ἠπῆρεν εὐχὴ ἀπὸ τὸν ἱερέαν τοὺς καὶ ἐπαρακάλεσέν τον νὰ ἀνοίξῃ τὸ χαρτί τῆς ἀστρονομίας νὰ τῆς δείξῃ διὰ τὸ παιδί ποταπὸς θέλει γένῃ· καὶ ἐπαρακάλεσεν τὸν θεόν τῆς τὸν Ἀπόλλωνα νὰ τῆς φανῇ κατ' ὄναρ. καὶ εἰς τὸν ὕπνον του τοῦ ἱερέως τῶν Ἑλλήνων ἐφάνη ὁ Ἀπόλλων καὶ εἶπεν περὶ τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι θέλει γένῃ ὀλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας καὶ θέλει γένῃ δόκιμος καὶ φρόνιμος πολλὰ καὶ νὰ δωρῇ τοὺς αὐθέντας καὶ ἀκόμη καὶ τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν του τὸν πατέρα θέλει σκοτώσῃ. καὶ ὅταν θέλουν πληρώσῃ μ' χρόνοι πάλιν θέλει γυρίση εἰς τὴν μάνα του τὴν γῆν ἐνθα ἐπλάσθη.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν ὁ Φίλιππος ἀπὸ το ταξεῖδι ὀπίσω.

Ὁ Φίλιππος ὅταν ἦτον εἰς τὸ φρουράτο τῆς Περσίας, ἠπῆρε συμπάθειον ἐκ τὸν Δάρειον καὶ ἐγύρισεν ὀπίσω. καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νύξ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του ὅτι τοῦ ἐφάνη ὁ θεὸς ὁ Ἄμων εἰς τὸ πρόσωπόν του ὡς λέοντας μὲ κερατόπουλα χρυσὰ εἰς τὸ κεφάλιν του. καὶ ἐκράτειεν τὸ παιδί τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὰς χεῖράς του καὶ εἶπεν τοῦ Φιλίππου· χαῖρε, βασιλέα τῆς Μακεδονίας. καὶ εὐφραίνου, ὅτι ἠπόκτησες υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον δόκιμον καὶ φρόνιμον καὶ ὠραιότατον. καὶ εἰς τὴν ἀνδρείαν ἀνδρειωμένος καὶ εὐτυχιάρης εἰς τὸ ριζικόν του· καὶ βασιλέας θέλει γένῃ τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ. καὶ ὁ Φίλιππος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ στρώμαν του καὶ ἐγένῃ ἐξεστηκῶς ἀπὸ τὸ ὄραμα ὁποῦ εἶδεν εἰς τὸν ὕπνον του. καὶ ἐσέβην εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἐκραξεν τὸν φιλόσοφον τὸν Ἀριστοτέλη καὶ ὠμολόγησέν του τὸ ἐνύπνιον ὅπερ εἶδε. καὶ εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθεν ἀετὸς μέγας ἀπανωθεὸν τὴν τέντα τοῦ βασιλέως καὶ ἀπόλυσεν αὐγὸν καὶ ἔπεσεν εἰς τὸν ὦμον ¹⁾ τοῦ Φιλίππου. καὶ ἐξυπνήσθη ἀπὸ τὸν φόβον του καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν κοίτην του, καὶ ἔπεσεν τὸ αὐγὸν εἰς τὴν γῆν καὶ ἐτσακίσθη, καὶ ἐξέβην ὄφις [28 r.] μέγας καὶ ἐτριγύρισεν τὴν τέν-

¹⁾ ркп. νόμον.

παν του ολόγυρα και πάλιν ἐσέβην ὀπίσω ὅπουθεν ἦτον· και εἶπεν ὁ Ἀριστοτέλης ὁ φιλόσοφος τὸν Φίλιππον· ἀληθινὸν ἦτον τὸ ἐνύπνιόν σου, βασιλέα. και εἰς αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθαν μαντατοφόροι ἀπὸ τὴν Ὀλυμπιάδα διὰ τὴν γέννησιν τοῦ παιδίου τοῦ Φιλίππου. ὁ Φίλιππος ὡς ἤκουσεν ὑπῆγεν ἐγρήγορα εἰς τὴν Μακεδονίαν εἰς τὸ κάστρο του και ἐχάρην χαρὰν μεγάλη. και ἐβγαλαν οἱ ἄρχοντες τὸ παιδίον εἰς συναπάντησιν τοῦ βασιλέως· και ἠπῆρεν τὸ παιδίον εἰς τὰς χεῖρας του και κατεφίλησέ το και ἐστάθην ἡ καρδιά του εἰς τὸν τόπον και εἶπεν· ὁἷα σοι ὁ θεὸς ὅπου εἶδα και ἐγὼ παιδί ἀπὸ τὰ σπλάγγνα μου· διότι ἔναι ἔμορφον ὡσάν τὸν Ἰωσήφ τὸν πάγκαλον· και ὁ βασιλεὺς ἔμασεν .Ἦ. παιδία και ἐπαρέδωκέ τα τοῦ Ἀλεξάνδρου διὰ νὰ μαθαίνουσι τὴν τέχνην τοῦ πολέμου. και τότε τὰ ὠρθωσεν ἔμορφα και καλά ὅπου εἶδαν και ἐθαύμασαν· και ἀρχέρισαν τὸν πόλεμον· και ὅποιο παιδί ἐξαιμάτωναν εἰς τὸν πόλεμον, ἐβγάσαν το ὡσάν νικημένον. και ὁ Ἀλεξάνδρος ἀπ' ὅλα τὰ παιδία ἔφθανέν τους, και ἐπαρέδιδέν τους εἰς τὸ ἴδιόν του κέρδος. και ἐκέρδησεν ὅλα τὰ παιδία τὰ .Ἦ. και ἐπωνόμασαν τὸν Ἀλεξάνδρον βασιλέα και ἐφρούμισάν τον ὅλοι· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως και τοῦ κόσμου ὅλουνοῦ. εἶδεν γοῦν ὁ διδάσκαλος τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ νίκος τὸ πῶς ἐκέρδησεν τὸν πόλεμον, ἐθαύμασεν και εἶπεν· τὸν ριζικάρη τὸν ἀνθρωπον οἱ θεοὶ και οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, και τοῦ καχορίζικου τοῦ ἀνθρώπου οὐδὲ θεὸς τὸν βοηθᾷ, οὐδὲ οἱ διάβολοι τὸν βοηθοῦν, μόνον και οἱ ἀγαπημένοι του οἱ συντρόφοι ἀφίνουσι τὸν και φεύγουσι. και οὐδὲν ὄνουνται νὰ τὸν βοηθήσουσι.

Περὶ ὅταν εὐφρήμισεν ὁ Ἀριστοτέλης τὸν Ἀλεξάνδρον.

Ὁ Ἀριστοτέλης ἐφρήμισεν τὸν Ἀλεξάνδρον και εἶπεν του· ὦ φανερὲ ἦλκε Ἀλεξάνδρε, ἐάν ἐπάρης τὴν οἰκουμένην ὅλην και ἐπονομασθῆς βασιλεὺς, τὸ τί καλὸν μου θέλεις κάμη ἐμένα τοῦ διδασκάλου σου; ὁ Ἀλεξάνδρος τὸν ἀπεκρίθη· ὑψηλότατε και ἐνδοξώτατε. οὐ πρέπει νὰ συντυχαίνω ἐγὼ ἔμπροσθεν τοῦ διδασκάλου μου, ἐάν ἐγὼ ὑψωθῶ ἀπὸ θεοῦ θελήματος, και ἐσὺ μέγας ἀνθρωπος μετ' ἐμένα και ὑψηλότερος νὰ γένης· τὸ κλῆμα οὐδὲν πλέκεται εἰς ξύλον ὅπου ἔναι μακρὰ ἀπ' αὐτό, μόνον εἰς ξύλον ὅπου ἔναι κοντὰ του· ἔτσι

καὶ ὁ βασιλεὺς, ὅπου τὸν¹⁾ γυρεύει νὰ ἐπάρῃ πολὺν ὄρισμὸν καὶ κάστρον καὶ χώρας, τὸν ἐδικὸν του καὶ ἠγαπημένον ἐνεμπιστεύεται εἰς τὰς βουλὰς καὶ εἰς τὰς χαράς του καὶ εἰς τὴν θλίψιν του· οὕτως καὶ ἐγὼ θέλω εἶσθαι, ὦ μεγαλειότατε τῶν φιλοσόφων Μακεδονίας διδάσκαλε. τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ζακόνι ἦτον ἀπὸ τὴν αὐγὴν ἕως τὸ γιῶμα, καὶ ἔμπροσθεν ἕως τὸ δειλινὸν ὑπήγαιεν εἰς τὸν Νεκτέναβον, εἰς τὸ πονηρὸν καὶ δόκιμον μάθημα. ἀπ' αὐτὸν ἔμαθεν τῶν τρεχομένων ζώδιων τοῦ οὐρανοῦ ἐπὶ τὰς ζώνας καὶ τὰς καμάρας καὶ τοὺς ἐπτὰ πλανήτας ἀρχή· Κρόνος, Ἄρης, Ἀφροδίτης, Ἑρμης, Ἥρα, Δίας, Ἡλιος· καὶ ἔγραψεν εἰς σκέδον²⁾ καὶ ἤφευρεν τὸ καθὲν κατὰ ὁρὸμον αὐτοῦ γεγραμμένον.

Περὶ τὸν θάνατον τοῦ Νεκτενάβου ἐκ τὸν Ἀλέξανδρον τῆς Μακεδονίας.

Εἶδε γοῦν ὁ Ἀλέξανδρος τὸν σκέδον γραμμένον καὶ εἶπεν τοῦ διδασκάλου του· διδάξόν με, διδάσκαλε, τὸ πῶς τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ τὸν χορὸν³⁾ τοῦ οὐρανοῦ ἐποίησεν καὶ πῶς τὸν ἄνθρωπον τῆς γῆς ἐπιφραίνονται; αὐτὸς τὸν ἀπεκρίθη· ὁ θεὸς ὁ μέγαλοδύναμος τῶν ἀνθρώπων, ὅπου δὲν γινώθουν καὶ ὅπου εἶναι ἐπίγειοι, ἔρχεται πνεῦσις θεϊκὴ καὶ φωτίζει τὸν ἄνθρωπον καὶ οὕχι [28 v.] ὡσὰν ἐμένα τὸν ἄνθρωπον, ἀμὴ ὅπου θέλει ὁ θεὸς νὰ δώσῃ δώρημα, αὐτὸς ἐκ τῆς ἄνω προνοίας φωτίζεται· καὶ ἡμεῖς ἀπὸ τοὺς πρώην διδασκάλους ἔμαθητεύθημεν καὶ ἠξεύρομεν καὶ ποιῶμεν. ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὅλον πόσον μὲ εἶπες, διδάσκαλε, ἤκουσα, ὦ Νεκτέναβε, ὅτι τὸν θάνατόν σου ἠξεύρεις τὸ πῶς σοῦ θέλει γένη. Ὁ Νεκτέναβος εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὡσὰν μὲ μαθαίνει ἡ ἀστρονομία ὅπου πρέχει, ἐγὼ ἀπὸ τὸν υἱὸν μου θέλω ἐπάρῃ θάνατον καὶ θέλω σκοτωθῆ.

Περὶ τοῦ σκέδου γραμμένου.

Ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἐπίστευσεν⁴⁾ τοῦ λόγου του, ἔσπρωξέν τον⁵⁾

1) Вѣроятно испорчено изъ опътан.

2) ркп. εἰς κέδον.

3) ркп. τὸν χωρῶν.

4) ркп. ἐπίστασεν.

5) ркп. ἔσπρωσέν τον.

ἀπὸ τὸ σπήλαιον καὶ ἔπεσεν ἔμπροσθεν τὴν βασιλικὴν κρίσιν καὶ εἶπεν· ἀστόχησες, διδάσκαλε, τὴν τέχνην σου· αὐτὸς ἔπεσεν κάτω μὲ ὀλίγη ψυχὴν καὶ ἐλάλησεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν· τρέχα, Ἀλέξανδρε, εἰς τὴν μητέρα σου τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ θέλει σου δείξῃ τὸ νὰ εἶπας¹⁾ τὴν ἀλήθειαν. ἐγὼ, υἱέ μου Ἀλέξανδρε, εἰς τὸ σκότος ὑπηγαίνω εἰς τὸν ἄδην ὅπου εἶναι οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων δεμένοι καὶ τυραννίζονται εἰς τὸ τύραγνον παραδομένοι ἀπὸ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς τὸν Σαβαώθ· καὶ αὐτὸ μόνον ἐσύντυχεν καὶ ἐξέφυξεν ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου ὁ Νεκτέναβος. Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὸν λόγον τοῦ Νεκτέναβου, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν καὶ ἐντροπὴν καὶ ὑπῆρεν τὸν εἰς τὸν ὦμον²⁾ του καὶ ἤφερε τὸν εἰς τὴν μητέρα του. καὶ εἶδεν ἡ μητέρα του καὶ ἐξενίσθη καὶ εἶπεν· τί ἔναι τοῦτο. Ἀλέξανδρε, υἱούττικέ μου; ὁ Ἀλέξανδρος τῆς ὠμολόγησεν τὸ πᾶν πράγμα καθὼς τοῦ εἶπεν ὁ Νεκτέναβος· καὶ εἶπεν τῆς μητρὸς αὐτῆς τῆς Ὀλυμπιάδος· ἐὰν ἔναι ἀληθῶς ὁ πατήρ μου, δείξε μου· καὶ ἡ μητέρα τοῦ ὠμολόγησεν τὸ πῶς ἐγέννη ἀπὸ τῆς ἀρχῆς ὄλον καθέναν λόγον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἤκουσεν τὸν λόγον τῆς μητρὸς του καὶ ἔκλαψεν πικρά· καὶ ὁ Φίλιππος τίποτε οὐδὲν ἤξευρεν.

Περὶ ὅταν ἔδειξεν ὁ θεὸς τὸν Βουκέφαλον τὸ ἄλογον.

Εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα αὐτὴν τὴν ὥραν ἦλθε του μανταποφόρος καὶ εἶπεν του· νὰ ἡξεύρης ἡ βασιλεία σου, ἐγενήθη ἕνα πουλάριν εἰς τὴν λακινίαν σου θαυμαστόν καὶ ἔμορφον πολλά· ἔχει εἰς τὴν δεξιάν του μερίαν εἰς τὸ μερὶ βουκέφαλον μὲ κέρατα καὶ μὲ αὐτία ἕναν πῆγαν· ὠρῖσεν ὁ βασιλεὺς καὶ ἤφεράν του τὸ πουλάριν, καὶ εἶδεν το καὶ ἐθαύμασεν τὴν ἔμορφάδα του καὶ τὸ σημεῖον εἰς τὸ μερὶ· καὶ ὠρῖσεν καὶ ἐποίησαν σπιτόπουλον, κουβοῦκλιν σιδερένιο. καὶ ἔβαλέν το ἀπ' ἔσω· καὶ ἔριγνάν του τὴν τροφήν ἐκεῖ καὶ κανεὶς οὐδὲν ἐκόπτα νὰ σταθῇ κοντά του. ὁ Ἀλέξανδρος καθ' ἣν ὥρα ὑπήγαγεν καὶ ἀπλωνεν ἀπὸ τὸ παραθύρι, καὶ ἐπίανέν το ἀπὸ τὸ ὠπίον· καὶ τὸ ἄλογον ἀγαλλιάζεν, ἐγλιμίτρα καὶ ἐγλειφεν τὸ χέριν τοῦ Ἀλεξάνδρου.

¹⁾ Μ. β. εἶπα σ' τ. ε. σου.

²⁾ ρκπ. νόμον.

Περί ὅταν ἤθελησεν διὰ νὰ καβαλικεύσῃ.

Ὁ Ἀλέξανδρος μίᾳ γούν τῶν ἡμερῶν ἐτζάκισεν τὴν κλειδονίαν τῆς θύρας καὶ ἐσέβην ἀπ' ἔσω εἰς τὸ κουβοῦκλι καὶ ἐπῆρε σέλα καὶ ἐσελογαλίνωσεν τὸ ἄλογον ὡσάν νὰ ἦτον μαθημένον· καὶ ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἐκίνησεν ὅπου οἱ καβαλαραῖοι οἱ χρυσοπτερινιστηράτοι, ὅπου ἔπαιζαν τὰ κοντάρια ὡσάν εἶχαν ζακόνι, ἀπὸ τὸ γιῶμα καὶ ομπρός εἶχεν ζακόνι· καὶ ἐκάθητον εἰς τὸ παλάτιν τὸ βασιλικόν καὶ ἔβλεπεν τὸ πῶς κροῦν ταις κονταρίαις. ὁ Ἀλέξανδρος ἐξέβην ἀπὸ τὸ κάστρον καβελάρης καὶ ἦσαν ὅλοι τῆς Μακεδονίας οἱ πρωτοκαβαλλαραῖοι. ἐπέζευσαν ὅλοι καὶ ἐπροσκύνησάν τον ὡσάν τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἐθαύμασαν τὴν καβάλαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· εἰς τὸ Βουκέφαλον τὸ ἄλογον ὡσάν πρωτοκαβαλάρης ἔμορφα ἀνδρειωμένα ἔτρεχεν παρά ὅλους, ἐδραξέν τον τὸ ἄλογον καὶ μετὰ βίας τὸ ἐκράτησαν [29 γ.] ὅπου εἶναι ἡ βρύσαις ἡ πολλαῖς, καὶ ἐκεῖ ὠρίσεν καὶ ἐποίησαν κάστρο καὶ ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο· Δρομὴ, Καλή· ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἐθαύμασεν διὰ τὴν μεγάλη βέντα τοῦ ἵππου, καὶ εἶπεν ὁ Φίλιππος, ὦ βουνοὶ καὶ κάμποι καὶ ὄρη· ὅτι τὸ σπαθὶν τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ τοὺς Μακεδόνας θέλει τζακίσῃ ὅλον τοῦ κόσμου τὰ σπαθία, καὶ ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ἐγὼ τέτοιον ἔμορφον καβαλάρην ὡσάν τὸν Ἀλέξανδρον, οὐκ εἶδα, μόνον τὸν Ἡράκλειον τὸν βασιλέα ἔμορφον εἰς τὴν καβάλαν του, ἐκ ταύτην τὴν ἡμέραν ὠρίσεν ὁ Φίλιππος καὶ ἔμασεν συνομηλικούς τοῦ Ἀλεξάνδρου γιλιούς καὶ ἔδωκέν τους τοῦ Ἀλεξάνδρου νὰ παραδιαβάξῃ μετ' αὐτοὺς καὶ νὰ δοξεύουν μετ' αὐτὸν καὶ νὰ μαθαίνουσι τῆς στρατίας τὴν τέχνην καὶ νὰ κροῦν κονταρίαις καὶ νὰ κυνηγοῦν εἰς τὴν Ὀλυμπιάδα, ἦτον μίᾳ τέχνη τῶν Ἑλλήνων, προχοὶ καμωμένοι κοντὰ εἰς τὸν Δαρνιῶνα τὸν Ἀπόλλωνα, ἴσα τὸν προχὸν ἀνέβαιναν ἀπὸ δ' καὶ ἀπὸ ἧ' καὶ ἐκρουγαν μὲ τὰ κραμπιτζέλια ἕνας τὸν ἄλλον καὶ ἐγύρευεν ὁ κάθε εἰς τὴν τέχνην του καὶ τὴν τύχην του, τὸ πῶς θέλει γένη τῆς ἀνδρείας.

Περί ὅταν ἤθελεν ὁ Ἀλέξανδρος νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὀρθόνετον νὰ ὑπαγαίνῃ εἰς τὸ μέρος τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ ἔδειξε τοῦ Φιλίππου καὶ οὐδὲν τὸν ἄφινεν· ἀμὴ τὸν εἶπε· υἱέ

μου παμφίλτατε, μηδὲν ὑπαγαίνης ὅτι ἀκόμη εἶσαι μικρός, παιδί μβ. χρόνων γὰρ μηδὲν σε εὖρη τίποτες ἐκεῖ καὶ κάψης τὴν καρδίαν μου. ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ἐγὼ ὑπηγαίνω εἰς τὸν θεὸν τῶν Ἑλλήνων τὸν Ἀπόλλωνα, διὰ γὰρ προσκυνήσω καὶ γὰρ ἰδῶ τὴν τέχνην καὶ τὰ ποιήματα τῶν προγῶν, πῶς γυρίζουν καὶ παίζουν τὰ ἀφεντόπουλα. τότε ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρεν τοῦ δρόμου τὸν ἔξοδον εἴ τι ἄρα εἶχεν χρεῖα ἀπὸ τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον ἠπῆρεν καὶ βασιλικά σημάδια. καὶ ἐσέβην εἰς τὸ νησὶν τῆς Ὀλυμπιάδος· αὐτὸς ἠπῆρεν παιγνίδια δ' τῶν Ἑλλήνων. αὐτοῦ ἐδοκίμαζαν οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τὸ ριζικὸν τους. καὶ αὐτούς τοὺς ἔκαμεν εἰς τὴν τάξιν τὴν Πασιδόνα τὸν Ἀπόλλωνα. ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ δύο ἀδελφούς ἀπὸ τὴν Ἑγκλητέραν, πρωτοκαβαλαραῖους, τὸν Λαόνμετρον καὶ τὸν Καλιστερνούση. καὶ ἐσέβην ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὸν βοηβόντα τὸν ἐδικὸν του τὸν Πτολομαῖον καὶ αὐτὸς εἰς τοὺς δύο προγούς, ἐγύριζαν οἱ τέσσαροι πρωτοκαβαλλαραῖοι ἐδώθησαν ἕνας τὸν ἄλλον, ὁ Ἀλέξανδρος τὸν Καλιστερνούσην ἐσκότωσε καὶ ὁ Πτολομαῖος τὸν Λαομετρούσην ἐρίζεν. οἱ ἄνθρωποι αὐτουνοῦ τοῦ κάστρου ἔβλεπαν τὰ Ἀλεξάνδρου¹⁾ καὶ ἐθαύμασαν τὴν ἑμορφάδαν του, ὅτι τόσον ἦτον ἑμορφος.²⁾ τὸ ὄνομά του ἦτον οὐράνιον καὶ εἶπεν ὅτι ἡ φρόνησις καὶ ἡ ἀνδρεία οὐδὲν ἓναι πολλῶν χρόνων τιμημένη ἀπο τὴν δύναμιν. εἰς φιλόσοφος ἐρώτησεν ποῖος ἓναι τοῦτος καὶ ποθεν ἓναι Ἀλέξανδρος· καὶ εἶπαν του υἱὸς ἓναι βασιλέως Μακεδόνων. ὁ φιλόσοφος εἶπεν ἦκουσα ἀπὸ τὸν διδάσκαλόν μου, ὅπου ἐσύτυγεν καὶ εἶπεν, ὅτι θέλει σηκωθῆ ἀπὸ τὸν βασιλέα Μακεδόνων βασιλεὺς ἀπὸ τὸ κάστρον τοῦ Φιλίππου μὲ σπαθὶ καὶ θέλει σκοτώσῃ αὐθέντας καὶ τῆς δύσης τὰ βασίλεια θέλει γαλάσῃ καὶ τῆς ἀνατολῆς τὰ θέλει

1) ркп. τὰ Ἀλεξάνδρον.

2) Эпизодъ объ Олимпійскихъ играхъ разсказанъ въ греч. народноῖ книжѣ съ нѣкоторыми отличіями отъ нашего текста, который въ свою очередь поддерживается и исправляется въ слѣдующемъ отрывкѣ (τὸ ὄνομά του ἦτον οὐράνιον) при помощи соотвѣтствующаго славянскаго перевода: «И тоу стоѣ философъ нѣкын именемъ Оураинѣ рече: мудрость и храбрость и т. д. Выпроси же философъ» и т. д. (Новаковичъ, стр. 15—16). Указаніе на эту подробность встрѣчается въ греч. нар. кн. далѣе, стр. 41—2, въ разсказѣ объ Аѳинскомъ погромѣ (ὁ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος); такъ и въ нашемъ текстѣ (сл. далѣе, стр. 23).

ἐπάρη. καὶ ἐὰν εἶσαι ἐσύ, ἔλα καὶ ἴσέβα εἰς τὸ κάστρον μας, υἱὲ τοῦ Φιλίππου. ὁ Ἀλέξανδρος ἐγέλασεν καὶ εἶπεν· ὦ φιλόσοφε, οὐδὲν μου φαίνεται ὅτι ἐγὼ εἶμαι, ἀμὴ ἀπὸ τὸν θεὸν ἢ χάρις καὶ ἢ ἐλεημοσύνη νὰ γένη.

Περὶ ὅταν ἐγύρισεν Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν ὀπίσω καὶ εὔρε τὸν πατέρα του τὸν Φίλιππον ὅπου εἶχεν ἀφῆκη [29 v.] τὴν μητέρα του τὴν Ὀλυμπιάδα καὶ εἶχεν πάρη ἄλλη ἀντιτοπιάν αὐτῆς καὶ ἔκαμεν ὡσάν γάμον· καὶ ἔρχεται ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ γιῶμα καὶ ἀνέβη εἰς τὸ παλάτιν καὶ ὁ πατέρας του μετὰ χαρᾶς τὸν ἐδέκτη καὶ ἔβαλέν τον εἰς τὴν τάβλαν τὴν ἐδικήν του ἀντάμα· καὶ ἐσέβην ὁ Φίλιππος εἰς λογισμὸν τὸ τί ἐποίησεν· τότες εἶδαν οἱ συμπέθεροι ὅπου εἶχαν ἔλθει καὶ ἐδειξάν του· ἢ Ὀλυμπιάδα ἐστειλεν κρασί εἰς ἕναν ποτήρι τοῦ Φιλίππου καὶ εἶπεν τον· πῖε, χαίρου καὶ εὐφραίνου, βασιλέα Φίλιππε, καλλίτερα ἀπὸ τὴν πρώτην ἠπῆρες γυναῖκα, - ὅτι ἢ πρώτη σου ἢ γυναῖκα ἦτον πουτάνα¹⁾, ἀμὴ ἐτούτη ἔναι πολλὰ φρόνιμη· ἐτούτα τὰ λόγια ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθλίβην καὶ ἐχολομάνησεν· καὶ ἢ μητέρα του ἢ Ὀλυμπιάδα εἶπεν· οὐδὲν εἶσαι ἐσύ πατέρας τοῦ Ἀλεξάνδρου, Φίλιππε, ἐμένα ἐβλέποντάς με ζωντανῆ καὶ ἀφῆκός με. ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τῆς βασίλισσας τῆς μητρός του, ὡσπερ λέων ἐβρυχήσθη καὶ ἀπήδησεν ἀπὸ τὴν τάβλα καὶ ἠπῆρεν ἕνα σκαμνόπουλον καὶ ἐσκότωσεν τρεῖς ἐξ αὐτουνούς ὅπου ἔκαμαν τὴν δουλεία, καὶ οἱ ἄλλοι ἀπήδησαν ἀπὸ τὸ βασιλικὸν παλάτι καὶ ἔφυγαν.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Φίλιππος ὅτι ἤλθαν οἱ Κουμανοὶ καὶ Ἀλαμίται.

Ὁ Φίλιππος ἔπεσεν εἰς ἀρωστίαν μεγάλην· ἤκουσαν τοῦ βορέως τὰ μέρη ὅτι ἀρώστησεν ὁ Φίλιππος, οἱ Κουμάνοι καὶ Ἀλαμίταις καὶ Σακουλάτοι ἐσυνάχθησαν φουσάτα νὰ ἐλθοῦν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἕως ἑκατὸν πενήντα ἀρματωμένοι ἤγουν χιλιάδες, καὶ ἐσέβησαν εἰς τὸ σύνορον τῆς Μακεδονίας καὶ ἤλθον οἱ ἄνθρωποι ἐγγλήγορα καὶ εἶπαν

¹⁾ ρκμ. πουτάνη.

τοῦ Φιλίππου καὶ ἐσέβην εἰς μεγάλην πικρίαν καὶ ἀδημόνησεν καὶ ἔκραξεν τὸν Ἀλέξανδρον κοντά του καὶ εἶπεν του· ὦ ἡγαπημένε μου υἱὲ Ἀλέξανδρε, ἦλθεν καιρὸς νὰ ἐπάρουν τοῦ πατρός σου τὸν τοπον τὸ γονικόν μας, ἀμὴ ἐπαρε τὸ φουσάτο καὶ σύρε καταπάνου τῶν ἐχθρῶν μας καὶ ἡ βοήθεια τοῦ παντοκράτορος Θεοῦ νὰ ἔναι εἰς ἐσένα! ¹⁾ ὁ Ἀλέξανδρος ἠπήρεν τὸ φουσάτο τῆς Μακεδονίας ἕως 7 ἑξακιστάδες καὶ ὑπήρην εἰς συνάντησιν τοῦ ξένου φουσατοῦ.

Περὶ ὅταν ὑπήρην ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ ξένον φουσάτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὸς ἐπέξευσεν καὶ ἐκαταπάτησεν τὸ φουσάτο. καὶ ὅλοι ἀρματωμένοι ἔσπεκαν καὶ ὅταν ἐβράδυνεν, ὑπήρηνεν με τὸ φουσάτο του κοντά εἰς τοὺς ξένους καὶ ἐπέξευσεν καὶ ὠρισεν καὶ ἀψασιν ἰστίαῖς πολλαῖς ὀλογυρά τους. ὠρισεν καὶ ἐκτύπησαν ὄργανα τοῦ πολέμου, καὶ οἱ Κομάνοι ὡς εἶδαν ἐξαφνικὸν φουσάτο, ὄθεν οὐδὲν ἐπάντεχαν, ἐσκιάσθησαν καὶ ἐσέβησαν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ τί νὰ ποιήσουν. τὸ μεσάνυκτον ἔδωκαν εἰς τροπήν φυγῆς ²⁾ ὀπίσω ὅσον νὰ δώσει ὁ ἥλιος. ἐσμίχθη τὸ φουσάτον τους με τῆς Μακεδονίας τὸ φουσατόν καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τους Κομανοὺς καὶ Ἀλαμάνους χιλιάδες 6 καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας χιλιάδες ὄσο καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τῆς Μακεδονίας ἀπὸ τὴν ἄλλη μερία 7 καὶ ἡ Μακεδονία τοὺς ἐδίωξαν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις. καὶ ἠπήρην ἄλλογα χιλια 8. καὶ πρὸς τὴν ἐσπέραν ἐγύρισεν ὁ Ἀλέξανδρος ὀπίσω πρὸς τὸν βασιλέα τὸν Φίλιππον καὶ ἔσυρην ζωντανούς χιλιάδες δέκα καὶ τους φέρνει εἰς τὸν Φίλιππον τὸν βασιλέα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν τοῦ φουσατοῦ.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὠρισεν καὶ ἦλθαν οἱ μεγιστάνοι του καὶ ὁ στρατός του καὶ εἶπεν πρὸς αὐτούς· ἴδετε, συντροφοὶ ἐδικοί μου καὶ ἡγαπημένοι μου ἀδελφοὶ, τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ, πῶς μας ἐβοήθησεν καὶ ἐσεῖς, ἄρχοντες τῶν Κομάνων, τὸ πῶς σὰς ἐπαράδωκεν [30 P.] εἰς τὰς χεῖρας τῶν Μακεδόνων καὶ τὰ σπαθία τὰ ἐδικά σας ἐπῆρακιστη-

1) P.M., εἰς ἐσέναν.

2) P.M., φυγῆς.

σαν και τῶν Μακεδόνων ἀκονίσθησαν ἀπ' ἐσᾶς, και τὸν βασιλέα τὸν ἐδικόν σας ἐσκότωσα και ἐσᾶς τοὺς ἄρχοντας και αὐθέντας ζωντανούς ἐπίασα· και λέγω σας ἂν θέλετε τὴν ζωὴν σας, νὰ συμῆθῃ ὁ τόπος ὁ ἐδικός σας με τὸν ἐδικόν μας τὴν Μακεδονίαν νὰ ἦσθιν ἐδικοί μου. ἐκεῖνοι ὡς ἤκουσαν τὸν ὀρισμὸν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἀπεκρίθησαν και εἶπαν· βασιλέα Ἀλέξανδρε, ἄφρον ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ και τῆς γῆς σε ἐβοήθησε και ἐσκότωσες τὸν βασιλέαν μας τὸν Ἀπλαμήσην, και ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθιν.¹⁾ και ὁ Ἀλέξανδρος λέγει τοῦ Φιλίππου· σιγκώσου.

1) Пропуски, встрѣчающіеся въ вѣнскомъ спискѣ Александрии и, можетъ быть, находившіеся уже въ его подлинникѣ, отмѣчены въ моемъ изслѣдованіи. Обращикомъ такихъ пропусковъ можетъ служить выпаденіе цѣлаго эпизода между словами: και ἐμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθιν — и непосредственно слѣдующими, вѣдствіи чего Филиппъ убиаетъ не Анаксарха, — а Куманскаго царя. Сл. народн. греч. книгу, стр. 25—27: (και ἡμεῖς ἐδικοί σου εἴμεσθιν). Πέμψαι μας αὐθέντην νὰ ἔχωμεν ἀπὸ τοὺς ἄρχοντας σου, και δώσε μας συμπάθειον. Ἐπιστώθη ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς λόγους και τοὺς ὄρκους τῶν Κουμάνων, και ἔκαμε βασιλέα τὸν ἐξάδελφόν του, ὅπου ἦτον πρῶτος κυνηγός. Ἐφιλοδώρησέ τους ὡς ἔπραπε, και ἄφρην τους νὰ πηγένουν ὀπίσω, διὰ νὰ εἶναι δοῦλοι τοῦ Ἀλεξάνδρου. — Ἀνάξαρχος, ὁ βασιλεὺς τῆς Πελαγονίας, ἀκούσας ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος λείπει με τὰ φουσάτια εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἔκαμε μίαν πονηρίαν. Ποτὲ καιρὸν ἤρχετο εἰς τὴν Ἡερσίαν ὁ Ἀνάξαρχος ἀπὸ τὸ ταξείδιον και διαβαίνωντας ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν, ἐφίλευσέ τον ὁ Φίλιππος, και με δῶρα τὸν ἀπέστειλεν. Ὁ Ἀνάξαρχος εἶδε τὴν Ὀλυμπιάδα και ἐποξεύθη ἀπὸ τὸν ἔρωτα. Δὲν ἤκουσεν ὁ ἄθλιος τοῦ Σολομῶντος τοὺς λόγους, ὅπου λέγουν· ἄνθρωπε, ἕ εἶσαι εὐχαριστημένος και ἀναγκυρωμένος εἰς τὴν ἀγάπην τῆς γυναικὸς σου καθὼς σοῦ ἔτυχε, και μὴ εἰς ξένην γελισθῆς, ἵνα μὴ πάθης πλέον παρὰ ἐκεῖνα ὅπου πράξεις, γίνωντας τὴν ζωὴν σου, ὁμοῦ με τὸν πλοῦτόν σου. Λοιπὸν ὁ Ἀνάξαρχος ἐμάζωξε τὰ φουσάτια του χιλιάδες δώδεκα, και ἐπῆγεν εἰς τὸ κάστρον τοῦ Φιλίππου, και τοῦ εἶπεν· εἰς βοήθειάν σου ἦλθα βασιλεῦ· ἀλλ' ὁ σκοπὸς του ἦτον νὰ εὖρη ἄδειαν νὰ πάρη τὴν Ὀλυμπιάδα. — Ἦλθον μαντατοφόροι ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον, λέγοντες τοῦ Φιλίππου, πῶς ὁ Ἀλέξανδρος ἐσκότωσε τὸν βασιλέα τῶν Κουμάνων, ἐπῆρε τὸν τόπον του και ἔρχεται νικητής, καθὼς θέλει ἰδῆ ἄπος του. Ἐξέβη ὁ Φίλιππος με τὴν Ὀλυμπιάδα νὰ προῦπαντήσουν τὸν Ἀλέξανδρον. Εἶδεν ὁ Ἀνάξαρχος τὴν Ὀλυμπιάδα ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον, και ἀρπάζωντάς την, ἔφυγεν. Ὁ Φίλιππος εἶχεν ὀλίγον φουσάτον, με τὸ ὅποσον δὲν ἠδύνατο νὰ τὸν πιάση, και μάλιστα ἐλαβώθη ἀπὸ τὸν Ἀνάξαρχον. — Περσεύδης ἐφθασε και ὁ Ἀλέξανδρος. Ἦρε τὸν Φίλιππον τὸν πατέρα του ἀποδαρμένον ἀπὸ τὸ ἄλογον με μίαν σπαθίαν εἰς τὸ κεφάλι. Προχωρῶντας ὀλίγον, ἐρωτᾷ διὰ τὴν μητέρα του. Ὡσᾶν ἔμαθε τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀναξάρχου, περσεύδης ἐπῆρεν ὀκτακοσίους ἄνδρας διαλεκτούς, φθάνει τὸν Ἀνάξαρχον εἰς τὸν ποταμὸν τὸν λεγόμενον Μεστόν, και τὸν πιάνει ζωντανόν. Φέρωντάς τον σχεδὸν ἡμιθανῆ ἔμπροσθεν τοῦ Φιλίππου, εἶπε· σιγκώσου, πάτησαι τὸν ἐχθρόν σου.

πατέρα Φίλιππε, και πάτησε τὸν ἐχθρὸν σου τὸν διάβολον και σφάξε τον.

Περὶ ὅταν ἔσφαξεν ὁ Φίλιππος τὸν βασιλέα.

Ἄνεστη γὰρ ὁ Φίλιππος με ὀλίγη ψυχὴ και ἐπάτησέν τον εἰς τὸν σφόνδουλον και ἔσυρε τὸ παραμάχιρον και ἔσφαξέ τον και εἶπεν· ὅτι ἡ πικρία ἡ ἐδική μου ἐγύρισεν εἰς χαρὰν· και εἶπεν· σύρε και σύ. ψυχὴ, μετὰ τὸν ἀντίδικον μου. και εὐχρήθη τὸν Ἀλέξανδρον και εἶπεν τον· υἱέ μου, ἡ βοήθεια τοῦ ἀοράτου θεοῦ νὰ ἔναι βοηθός σου, τὰ κεφάλια τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ νὰ σέ προσκυνήσουν, και τὸ χέρι τὸ ἐδικό σου νὰ γένη ἀπανωθέον ὀλουνοῦ τοῦ κόσμου. και τότε εἶπεν τὸν λόγον ἐξέφυξεν ὁ Φίλιππος εἰς τὴν Μακεδονίαν.

Περὶ ὅταν οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἐτίμησαν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα.

Ὁ Φίλιππος ὁ βασιλεὺς ἀπέθανεν, οἱ αὐθεντάδες και οἱ ἄρχοντες τῆς Μακεδονίας ἤστεικαν και εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλείου τοῦ Ἀλεξάνδρου. και ἡ Ὀλυμπιάδα ἡ βασίλισσα τὰ μαλλία της ἀπόλυσεν ἔως τὴν γῆν και τὸ πολυτίμητον φέρεμαν ἔσκισεν και ἔκλαιεν τὸν Φίλιππον· και χίλιες ἀρχόντισες ἤλθαν και συναπάντησαν τὸν Φίλιππον μετὰ κλαθμὸν και ὀδυρμὸν, ἔβαλάν τον εἰς διάχρυσον ἀμάξι και κρεβάτιν με τὸ χρυσομάργαρον και ἐδιάβασάν τον εἰς τὸ κάστρον με θρήνον και με κλαθμὸν, ὅπου εἶδεν πᾶς ἄνθρωπος και ἐξενίστην· ἔκλαυσαν τὸν βασιλέα πᾶσα ἄνθρωπος και ὑπῆγεν εἰς τὴν μητέρα του τὴν γῆν ἔνθα ἐπλάστη.

Περὶ ὅταν ἐσύναξεν ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας τὸ φουσά-
τον του.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου αὐτοκράτωρ ἐπωνομάσθη. ὤρισεν και ἔγραψαν πιτάκια και ἀπέστειλεν εἰς τὰ κάστρη ὅλα, ὅλοι να συναχθοῦν εἰς τοὺς Φιλίππους, τοὺς Μακεδόνας και τοὺς Πελαγονίτας και τοὺς Ἑλλαδομίους μικροὺς τε και μεγάλους· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου ἀδελφοί, ὦ συντροφοὶ μου ἐδικοί μου και ἡγαπημένοι μου ἀδελφοὶ, παρ' ὅλους Μακεδόνας μεγιστάνους

ἐγὼ βασιλεὺς ἐδικὸς σας εἶμαι, νὰ τὸ ἤξεύρετε· ὁ πατέρας ὁ ὄδικός μου ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν καὶ εἰς τὰς ζώντας του (sic) μεῖ ἔσπεφεν βασιλέα καὶ ἐπαρέδωκεν τὸ βασιλείον του εἰς τὰς χεῖρας μου· τώρα τι λέγετε ἄρχοντες;

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Φιλόνης.

Ἄρχῃ ἐσηκώθη ὁ πανφρόνιμος ὁ Φιλόνης καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πᾶσα ἄνθρωπος πρέπει νέους τοῦ παξειδίου εἰς τὸν βασιλέα κοντά του νὰ ἦναι καὶ οἱ γέροντες εἰς τὴν βουλήν τοῦ βασιλέως· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· οἱ γέροντες πολλὰ εἶναι τιμημένοι, ἀμὴ εἶναι ὅλι γόχρονοι. αὐτοῦ ἔστεκεν ὁ πρωτοστράτορας ὁ Λευκούσης καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, τοῦ Σολωμοῦ τοῦ φρονιμωπάτου εἶπεν ἡ γραφή, ὅτι τὸ βασιλείον μεῖ πολλοὺς ἀνθρώπους καὶ στρατία θέλει νὰ ἔναι· ὁ βασιλεὺς ὅπου οὐδὲν ἔχει [30 v.] βουλατόρους¹⁾ ἀξίους, πρέπει νὰ διδαχθῆ καὶ θέλεις καὶ ἐσύ νὰ συμβουλευθῆς μετὰ τὸν κόσμον ὅλον καὶ αὐτοῦ στέκει. ὁ Ἀντίοχος ὁ μέγας πρωτοστράτορας εἶπεν· Ἀλέξανδρε, τοὺς γέροντες πρέπει παρὰ διαβασμοὺς μεῖ τὸν βασιλέα νὰ στέκωνται καὶ νὰ μηδὲν λείπουν ἀπὸ τὸν βασιλέα, τὸ δὲ οἱ νέοι νὰ στρατεύουν εἰς τὸ παξειδί ὅτι ἔχουν θάρρος εἰς τὴν νεότητάν τους καὶ ὅταν γεράσουν νὰ ἦναι ἀναπαμμένοι. Αὐτοῦ στέκεται ὁ Ἀντιγών καὶ εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα, πρέπει ἐμεῖς τοὺς βασιλεῖς τους γειτόνους μας νὰ τοὺς κυνηγήσωμεν καταπάνου τους, ἔξαφνα, νὰ πιάσουν τὴν ἀνάγκην τὴν ἐδικὴν τους καὶ νὰ ἀλησμονήσουν τὴν ἐδικὴν μας, νὰ μὴν ποιήσουν ὅλον πρὸς ἐμᾶς. ἐτοῦται ἡ πέσσαρες βουλαῖς ἐγένησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ ἠγαπημένος καὶ τὸ κοπέλι του ὁ Πτολομαῖος εἶπεν· κάλλιον ἔναι ἐμᾶς, βασιλέα Ἀλέξανδρε, τὸ φουσάτο ν'²⁾ ἀλλάζωμεν εἰς ἄρματα λαμπρὰ καὶ εἰς τὰ σκουτάρια τους νὰ γράψουν σημάδι ἐδικόν σου, νὰ ἤξεύρης, τίνος ἔναι ἡ στρατία, νὰ ἠγνωρίζωνται, ποίου βασιλέως εἶναι καὶ νὰ μηδὲν καυχηθοῦν οἱ γειτόνοι μας, ὅτι ἐμεῖς ἀποθάνομεν μεῖ τὸν βασιλέαν μας τὸν Φίλιππον. τούτῃ ἡ βουλή ἄρесе τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ὤρισεν εἰς τὸ βασιλείον του ὅλον, διὰ νὰ ἔλθουν οἱ γαλκιάδες εἰς τοὺς Φιλίππους καὶ

1) вѣроятнo, συμβουλατόρους πο ср. съ συμβουλευθῆς.

2) ркп. τὸ φουσάτον ἀλλάζωμεν.

ᾠρισεν σουσάνια καὶ μπαρμπούταις νὰ ποιήσουν εἰς τὰ σκουτάρια ᾠρισεν νὰ γράψουν κεφάλιν τοῦ λέοντος καὶ εἰς ταῖς μπαρμπούταις νὰ κάμουν τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατόπουλα μὲ τῆς ἀσπίδας ταῖς ἐλάταις σμικτὰ νὰ ἦναι· καὶ ᾠρισεν τοὺς μαστόρους τὴν κατὴν ἡμέραν νὰ ἀρματωθοῦν¹⁾ ὅ ἄνθρωπος χωρὶς τοὺς χρυσοπτεριστηράτους τῶν πρωτοκαβαλαραίων, ᾠρισεν νὰ τοὺς κάμνουν ἀρματωσία τῶν ἀλόγων ἀπὸ τὸν κορκόνδειλον καὶ αὐτουνοῶν σουσάνια λαμπρὰ περιχρυσωμένα· καὶ ἐτοιμάζεται νὰ κινήσῃ ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ ταξεῖδι.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἤκουσεν ὅτι ἀποθάνεν ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος. ἀπόστειλεν εἰς τὴν Μακεδονίαν ἀποκρισιαραίους μὲ τὴν ἐπιστολὴν, καὶ λέγει ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς, ἴσως μὲ τοὺς ἐπιγείους θεοὺς, εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην βασιλεὺς, ὅπου λάμπω ὡσπερ ἥλιος, τῶν αὐθεντάδων βασιλεὺς εἰς τοὺς εὐρισκομένους τῆς Μακεδονίας γράφω· ἤκουσεν ἡ βασιλεία μου ὅτι ὁ βασιλεὺς ὁ Φίλιππος ἀπόθανεν, καὶ παιδί μικρὸν ἄφηκεν εἰς ἐσὰς νὰ βασιλεύῃ. καὶ ἐγὼ διὰ τὸν θάνατον τοῦ Φιλίππου ἐπικράθηκα πολλὰ, καὶ διὰ τὸ παιδί του ὅπου οὐδὲν ἔναι ἄξιον νὰ βασιλεύῃ· διὰ τοῦτο ἐγὼ ἐλεημονήθηκα καὶ ᾠρισα νὰ ἔλθῃ εἰς τὴν βασιλείαν μου, νὰ τὸ ἰδοῦμεν τὸ τί νοῦν ἔχει καὶ πάλιν νὰ τὸ προβοδήσω ὀπίσω εἰς τοῦ πατρὸς του τὸ βασίλειον· καὶ τόμου ἰδῆτε τὴν γραφὴν μου, ἄλλην ἐγγλήγορα νὰ μοῦ στείλετε, καὶ τὸν Καταρχούση ἔστειλα εἰς ἐσὰς ἐνεμπιστεμένον, καὶ νὰ σὰς ὀρίξῃ τὸν τόπον τὸν ἐδικὸν σας ὅλον καλὰ· καὶ τὸ φρουσάτον σας ὅταν ἔλθῃ ὁ καιρὸς τοῦ ταξειδίου νὰ στείλετε καλὸν στρατόν· καὶ τὸ λιζάτον νὰ μοῦ τὸ στείλετε, καὶ τὸ παιδίον τοῦ Φιλίππου, ἀκόμη εἶναι καὶ ἄλλουνοῶν βασιλέων παιδία εἰς ἐμένα ἕως μ', ὅπου δουλεύουν· καὶ ἂν τὸ²⁾ ἰδῶ ὅτι ἔναι ἄξιον διὰ βασίλειον, ὀλέγον καιρὸν τὸ θέλω κρατήσῃ καὶ πάλιν τὸ θέλω στείλῃ εἰς ἐσὰς βασιλέα. εἰ δὲ μὴ, θέλω στείλῃ ἄλλον εἰς ἐσὰς βασιλέα.

1) Чит. ἀρματώσουν.

2) въ руках. αὐτόν.

Περὶ ὅταν ἤφεραν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Καταρκούσης ἦλθεν εἰς [31 r.] τὴν Μακεδονίαν καὶ ἤφερεν τὸ χρυσοβούλλον χαρτί εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ οἱ ἄρχοντες τῶν Μακεδόνων ἤφεράν το εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἔπειτα τὸ ἠπῆγγαν¹⁾ οἱ ἄρχοντες εἰς τὸν βοηβόντα τὸν Πτολομαῖον.

Περὶ ὅταν ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Δαρίου.

Ὁ Ἀντίοχος ὁ προτοστράτουρας ἐσυναπάντησέν τον με τὴν μπαρμποῦταν τοῦ Ἀλέξανδρου· εἰς τὸ κοντάρι τὴν ἔβαλεν καὶ φέρνει τὴν ἔμπροσθέν του καὶ εἶπεν του· προσκύνησε τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλέξανδρου· ὁ Καταρκούσης εἶπεν· ἐάν ἐγὼ προσκυνήσω τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλέξανδρου, ἐσεῖς ἀποκάτου τὸ χέρι τοῦ Ἀλέξανδρου εἴσθην. οὐδὲ ἐγὼ θέλω τολμήσει νὰ ἰδῶ τὰ μάτια τοῦ Δαρείου. ὁ Ἀντίοχος εἶπεν· ἐάν οὐδὲν προσκυνήσης τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλέξανδρου, ἐσύ τώρα χάνεις τὴν ζωὴν σου· καὶ ὡς ἤκουσεν τους λόγους, ἐπροσκύνησεν τὸ κοντάρι τοῦ Ἀλέξανδρου· καὶ ἦλθεν καὶ εἶδε τον εἰ[ς] σελλιν ὑψηλόν τὸν Ἀλέξανδρον, ὄλον μὲ τὸ χρυσάφιν καὶ μὲ λιθαροπούλα· καὶ ἐπροσκύνησέν τον ὁ ἀποκρισάρης καὶ ἔδωκέν του τὸ πιπτάκιν καὶ αὐτοῦ ἤστεκεν καὶ ἐθαύμαζεν τὴν ἐμορφάδα τοῦ Ἀλέξανδρου· καὶ εἶγεν εἰς τὸ κεφάλιν του στέμμαν ἀπὸ λιθαροπούλον ζαφείραν μὲ ρεβιθῆατον μαργαριτάρι [καὶ μὲ] τῆς μυρσύνης τὰ φύλλα πλεμένον· καὶ ἀπὸ τὴν δεξιάν του μερίαν ἔστεκαν πάμπολλοι πρωτοκαβαλεραῖοι οἱ μὲ τὰ στεφάνια τα χρυσά εἰς τὰ κεφάλια· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου ἐθυμώθη πολλὰ καὶ μὲ ὀργὴν μεγάλην (εἶπεν) ἠπῆρε τὸ πιπτάκι καὶ ἔκοψέ το· καὶ εἶπεν πρὸς αὐτον με θυμον μέγαν· οὐδὲν ἔπρεπεν τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα, βλέποντας [μὲ] τὸ κεφάλι, νὰ βουλε[ύε]ται μὲ τὰ ποδάρια· οὐδὲν εἴμεθεν ἀπὸ κεφάλιν, ὡσάν φανταζεται ὁ Δάρειος, καὶ αὐτὴν τὴν ὥραν ὠρίσεν καὶ ἐγραψαν ἄλλον χαρτίν καὶ ἔστειλεν εἰς τὸν Δάρειον.

1) въ рукоп. ἠπῆραν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολήν.

Ἀλέξανδρος, ὁ χρυσοπτερινιστηράτος και πρωτοκαβαλάρης, ὁ βασιλεὺς τῶν Μακεδόνων, ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου και τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας· τὸ πιττάκι τὸ ἐδικό σου ἀναγνώσαμεν και οἱ ἄνθρωποι οἱ ἐδικοί μας σὲ εὐχαρίστησαν ὅτι τους ἐλεημονάσαι και ἔστειλες και διὰ τ' ἐμένα νὰ ἔλθω νὰ σὲ δουλεύω· και νήπιον ὅπου νὰ θηλάζῃ τὴν μητέρα του οὐδὲν ἔναι ἄξιον διὰ νὰ δουλεύῃ τὴν βασιλείαν ὡσπερ το ἵππωνρον τὸ ἄγουρον μουδιάζον τοῦ ἀνθρώπου τὰ δόντια, ἀμὴ καρτέρεσέ με ὀλίγους χρόνους, νὰ ἐξεβῶ με τὸ βασιλείον μου νὰ ἔλθω πρὸς τὴν βασιλείαν σου. και ἀπέστειλεν τὸν Καταρκούση ὀπίσω εἰς τὸν Δάρειον. εἶπεν του· ἐσὺ τὸν ἀπέστειλες ἐδῶ νὰ βασιλεύῃ, και πλέον μὴ δοκιμάσης νὰ τὸν στείλῃς, ὅτι οὐδὲν τὸν θέλεις ἰδεῖ πλέον, ὅτι οὐδὲν εἴμεθεν ἀκέφαλοι ὡσάν σου φαίνεται. και ἐδώρησέ τον ἄρματα καλά και μπαρμποῦτα με τὸ σημάδι τοῦ Ἀλεξάνδρου. και εἶπεν του· ὅταν θέλουν μαζωγθῆ τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα με τῆς Περσίας τὰ φουσάτα, αὐτὰ τὰ ἄρματα νὰ βαστάς, νὰ σὲ γνωρίσουν νὰ μηδὲν σὲ σκοτώσουν· και ὑπῆγεν ὀπίσω ὁ ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάρειον και ἔδωκέν του τὴν ἐπιστολήν τοῦ Ἀλεξάνδρου. και ὥρισεν και ἀνάγνωσάν την και ἐγέλασεν πολλὰ. ὁ Καταρκούσης εἶπεν τοῦ Δαρείου· οὐδὲν πρέπει τέτοιαν ἐπιστολήν νὰ γέλας. ἀμὴ ἐγὼ τὸν εἶδα χρόνον ὀλίγον και πολλαὶς ἐμορφάδες γεροντικαὶς τοῦ εἶδα. τὸ δόντι ὅπου πονεῖ τὸν ἄνθρωπον, ἐγγλήγορα θέλει νὰ τὸ ἐξεβγάλλῃ νὰ μηδὲν κακοπαθῆ ἐκ [B1 v.] τὸν πόνον του. τὸ κυπαρίσσι ὅπου ἔναι μικρόν θέλει νὰ ἐξωριζωθῆ νὰ μηδὲν δυναμώσῃ πολλὰ, και τότε μονον πειράζεται ὅπου τὸ ἐβγάλλῃ· και οὐδὲν ἐπίστευσεν τους λόγους τοῦ Καταρκούση.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ἐπιστολήν.

Ὁ Δάρειος ἀπέστειλεν ἕναν του ἠγαπημένον τὸν Κλητερούση εἰς τὸν Ἀλέξανδρον με ἐπιστολήν και νὰ ἰδῆ και τὴν φρόνησίν του και τὸ τί νοῦν ἔχει. ἔστειλεν του γουργουρίτζα ξύλινη και βίτζανα, τὴν κρούη νὰ γυρίζῃ, παιδιακόν παιγνίδιν, και σεντούκια εὐκαιρα δύο και συναπόσπορον δύο σακκία γεματα. και ἡ ἐπιστολή ἔγραφεν οὕτως·

ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων ὀλουυῶν καὶ τῆς Περσίας θεὸς εἰς τὸ παιδί μου τὸν Ἀλέξανδρον χαιρετῶ σας. μηδὲν σοῦ φαίνεται οὕτως εἰς ἐμένα καὶ σοῦ ἑκακοφάνη εἰς τὴν ἐπιστολὴν μου τὴν πρώτην, τὸ πῶς ἔγραφεν οὕτως. νὰ ἠγνωρήσης, ὅτι αὐτοῦ σου στέλλω παιδιακὸν παιγνίδι νὰ παίξης καὶ δύο σεντούκια εὐκαιρα καὶ δύο σακκία συναπόσπορον· τὰ β' σεντούκια τὰ εὐκαιρα, νὰ τὰ γαιμίσης τριῶν χρόνων λιζάτον. καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον, ἂν ἤμπορεῖς νὰ τὰ μετρήσης, νὰ τὸ ἤξεύρης, πόσον φουσάτον ἔχω ἀρίθμητον· καὶ τὸν λιζάτον ἐγλήγορα νὰ μοῦ τὸ στείλῃς καὶ τὸ φουσάτο νὰ ἔλθῃ νὰ δουλεύῃ ὡσάν ἐδούλευεν καὶ ὁ πατέρας σου ἐμένα· εἰ δὲ μὴ, δεμένον σὲ θέλω φέρεϊ ὀμπρός μου καὶ συμπάθειον οὐδὲν θέλεις ἔχει ἀπὸ ἐμένα. αὐτὴν τὴν ἐπιστολὴν ἤφερον ὁ Κλητευούσης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἔδωκέ του τὴν ἐπιστολὴν καὶ τὰ σεντούκια καὶ τὰ σακκία τὸν συναπόσπορον καὶ τὴν ξυλίνην γουργουρίτζα ἔβαλεν ὀμπρός του. καὶ εἶδεν τὸ παλάτιν ἐγκοσμισμόν καὶ θαυμαστόν καὶ ἐπάρθην ὁ νοῦς του· ὁ Ἀλέξανδρος ἀνάγνωσεν τὴν ἐπιστολὴν καὶ ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καὶ εἶπεν του· ὦ παραθαρσιάρη¹⁾ καὶ ὕψηλότατε Δάρειε· ὡσάν θεὸς γίνεσαι, καὶ ὡς ἄνθρωπος ἄτυχος θέλεις πέσει κάτω· ὡς τὸν οὐρανὸν ὕψώθῃς, καὶ ὡς τὸν ἄδην θέλεις πέσει κάτω. τὸν συναπόσπορον ἔφθυσέν τον καὶ τὰ σεντούκια ἐτζάκισέ τα καὶ ὠρισεν καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον καὶ ἔγραφεν οὕτως.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως στέλλω· ἐσὺ ἐμένα παιδιακὸν παιγνίδιν με ἔστειλες ὀποῦ παίζουσι τὰ παιδιά· καὶ ἐσὺ αὐτοκράτορα τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ ἔκαμες τέτοια σημάδια εἰς σ'ἐμένα·²⁾ ὡσάν τὸ γύρισμα τοῦ ξύλου ὀποῦ γυρίζει ἐμπροσθέν μου, οὕτως θέλω γυρίζει τὸν κόσμον ὀλον ἐμπροσθέν σου, καὶ εἰς σ'ἐσένα³⁾ θέλω ἔλθῃ· καὶ τὸν συναπόσπορον ἐμάσησα καὶ ἔφθυσά τον, οὕτως καὶ τὸ φουσάτο σου με τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς θέλω τὸ

1) ркп. пичафарсиάρη.

2) ркп. εἰσεσμένα.

3) ркп. εἰς σεσέ να.

τζακίσει· και τὰ σεντούκια ὅπου μας ἔστειλες ἐδέχθηκα μὲ τὰ καλὰ ὡς μέγα δῶρον· και ὅπως¹⁾ ἐτζακίσά τα, οὕτως θέλω παραλάβει τὰ κάστρα σου ὅλα και θέλω τὰ γαλάσει. και λέγω σου· σώνει σου ἡ ἀνατολή νά ὀρίζης μὲ τὰ φουσάτα σου τὰ σκιαστάρικα· τὸ δὲ ἐκ τὴν ὄυσιν ἄπεχε ἀπὸ τὴν σήμερον· τὸν Κλητευούσην ἔστειλεν ὀπίσω εἰς τὸν ἀφέντη του τὸν Δάρειον και ἐδώρησέ του δωρήματα και ὑπῆγεν· ἐδώκέ του και ἕνα μῶδι πιπέριν και εἶπεν του· ἐγὼ ἐμάσησα τὸν συναπόσπορον ὅπου μου ἔστειλες ἔμπροσθεν τοῦ ἀποκρισιάρη σου και ἔφθυσά τον· και ἰδὲς και ἐσύ τὸ σὲ στέλνω· ἡ δύναμις ἡ ἐδική μου ἔναι ὡσπερ τὸ πιπέριν εἰς τὴν ἀνδρείαν· πόσα συναπίου θέλουν σεβεῖ εἰς ἕνα σπυρί πιπέρι, οὕτως ἔναι τὰ φουσάτα μου ἀνδρειωμένα.

Περὶ ὅταν ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς Μακεδόνας.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὠρισεν νά μαζωχθοῦν τὰ φουσάτα του ὅλα και ἔγραψέν τα εἰς τὸν κάμπον τῶν Φιλίππων· και ἐσυνάχθησαν και ἤυρεν πεντακοσίαις χιλιάδες ἀρματωμένους· και ἄφηκεν τριακοσίαις χιλιάδες ἀρματωμένους νά φυλάγουν τὸ κάστρον και διακοσίαις χιλιάδες ἠπῆρεν μὲ τὸν [32 Γ.] ἐμαυτὸν του· και ἐκίνησεν²⁾ εἰς τὸν βασιλέα Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀργιδονούσην· και ὡς ἤκουσεν ὅτι Ἀλέξανδρος ἔρχεται καταπάνου του ἐσκιάσθη· και οὐδὲν ἠμπόρεσε νά τὸν ἀντισταθῆ εἰς πόλεμον· ἔστειλέ του ἀποκρισιαραίους μὲ χρυσάφιν πολὺ και ἄλογα διαλεκτὰ ἕως ἑκατὸν και ἀμάξιν χρυσὸν ἱστορισμένο καλὰ και τὸν υἱὸν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἔστειλεν μὲ ἐπιστολῆ τοιάδε.

Περὶ ὅταν ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τὴν ἐπιστολὴν τῆς Θεσσαλονίκης.

Ἀργιδονούσης ὁ βασιλεὺς Θεσσαλονίκης εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα τῆς Μακεδονίας τὸν ἐνδοξώτατον· γαρὰν μεγάλην και δῶρα και συναπάντησιν. μὲ πολὺν ῥιζικὸν στέλνω τὴν αὐθεντία σου λιζάτον και φουσάτον· και ἐσένα ὁ θεὸς σου ἐδώρησε νά ἦσαι αὐτοκράτορας

¹⁾ ρκп. ὀπίω.

²⁾ ρкп. ἐκίνησεν.

τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ· καὶ ἐγὼ σὲ προσκυνῶ μὲ τὸ βασιλείον μου ὅλον καὶ εἶμαι ἀποκάτω τὸν ὄρισμόν σου, διότι ἐγὼ οὐδὲν ἤμπορεσα νὰ σὲ ἀντισταθῶ· καὶ δια τὴν τιμὴν σου ἀπέστειλα τὸν υἱόν μου τὸν Πολυκρατούσην, νὰ δουλεύῃ τὴν βασιλείαν σου μὲ πολυτίμητα δῶρα, ὅσα γύρισκονται εἰς τὸ βασιλείον μας, καὶ ἐμένα ἂν σὲ φανῆ, εἰς τὸ βασιλείον μου ἄρῃς με, καὶ εἴ τι ὄρισης φουσάτο καὶ λιζάτο νὰ στέλνωμεν τὴν βασιλείαν σου· καὶ ποιῆσαι εἰς ἐμὰς ἐλεημοσύνη καὶ συμπάθειον καὶ ἄρες μας καλὰ ζακονία, ἐάν σου φανῆ, υἱὲ τοῦ Φιλίππου, ὅτι ἐστειλαμέν σου κανίσκιν ὀλιγον, δέξου τα εἰς πολὺν καὶ ἂν ὄρισης νὰ ἔλθω ἐγὼ εἰς τὴν βασιλείαν σου, νὰ ἔλθω· ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν ἐδέχθη καὶ ὠρισεν καὶ ἀνάγνωσάν τὴν καὶ ἐχάρην πολλά καὶ τὰ κανισκία ἐδέκτη καὶ τὸν υἱόν του τὸν Πολυκρατούσην τὸν ἐφίλησεν ἐγκαρδιακά καὶ εἶπεν του· δια τὴν ἀγάπην τοῦ βασιλέως τοῦ πατρός σου νὰ ἦσαι ἀδελφός μου ἐγκαρδιακός, καὶ ὠρισεν καὶ ἔστειλεν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν βασιλέα τῆς Θεσσαλονίκης.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Θεσσαλονίκην.

Ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν Μακεδόνων βασιλεὺς, εὐχαριστοῦμεν τὴν ἐπιστολὴν σου ὅπερ [sic] μας ἔστειλες· οὐχὶ τόσα δῶρα ὅπου ἤλθαν μὲ τὸν υἱόν σου, ἀμὴ μὲ τὰ γλυκά σου λόγια καὶ μὲ τὴν ἰδιόεξισύνη σου· καὶ κεφάλι ὅπου προσκυνᾷ σπαθί οὐδὲν ἤμπορεῖ νὰ τὸ κόψῃ· ἀμὴ ὁ υἱός σου ἔναι μετὰ ἔμένα καὶ ἐσὺ κάθου εἰς τὸ βασιλείον σου καὶ βασιλεύε καὶ ἐμένα φουσάτο μου ὅς εἰς βοήθειαν, δώδεκα χιλιάδες.

Περὶ ὅταν ἠπῆρε τὴν Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ βασιλείον τῆς Σαλονίκης καὶ ἠπῆγεν εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ἡ Ἀθήνα ἦτον κάστρον μέγα πολλά, μὲ πᾶσα πράγμα ἦτον ἐγκοσμισμόν· τέτοιον οὐδὲν εὐρίσκετον· εἶχεν καὶ δώδεκα ῥήτορες ἀπέσω ὅπου το ἐκρατοῦσαν· εἰς ὅλους τοὺς Ἑλληνας ἦτον διδασκαλεῖον καὶ ἡ φρόνησις τῶν Ἑλλήνων ἦτον ὅλο μὲ τὸ δίκαιον, καὶ ἤκουσαν ὅτι ἐρχεται ὁ Ἀλέξανδρος καταπάνου τους, ὠρισαν καὶ ἐποίησαν σύναξιν, καὶ ἐποίησαν βουλήν· ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μηδὲν τὸν δεκτοῦμεν εἰς τὸ κάστρο μας· ὁ Σοφρόνιος

ὁ φιλόσοφος εἶπεν· οὐδὲν πρέπει ἡμᾶς νὰ πολεμήσωμεν τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος ἀρχὴ ἐσκότωσεν τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους καὶ τὸν βασιλεῖα τῆς Πελαγονίας, καὶ ὁ ἕτερος ὁ βασιλεὺς τῆς Θεσσαλονίκης ἐπροσκύνησέν τον καὶ αὐτὸς μὲ δῶρα πολλά, καὶ ἐποίησέν του ζακόνια καλὰ, καὶ ἀφῆκέν τον εἰς τὸ βασιλείον του. ὁ Ἀντιστένος ὁ φιλόσοφος εἶπεν· ἀφ' οὗ ἐκτίσθην ἡ Ἀθήνα ἄλλος αὐθέντης οὐδὲν την ἠπῆρεν· Διονύσιος ὁ βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισέ την, καὶ τίποτε οὐδὲν της ἔκαμεν. ὁ Ἐξερξέν ὁ ἕτερος βασιλεὺς τῆς Περσίας ἦλθεν καὶ ἀπέκλεισε τὴν Ἀθήνα μὲ τὴν δύναμιν καὶ φουσάτον πολλὸν καὶ ἐπολέμησέ την καὶ τίποτε οὐδὲν της ἔκαμεν, ἀκόμη πζακισμένος ἠπῆργεν ἀπὸ ἡμᾶς καὶ εἰς ἓναν ποτάμιν τῆς Μακεδονίας ἐπνίγηκαν. καὶ οὐδὲν πρέπει ἡμᾶς μὲ τέτοιαν δύναμιν νὰ προσκυνήσωμεν τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου. Διογένης ὁ ὑψηλότατος ἐξ ὅλων τοὺς φιλοσόφους [32 v.] εἶπεν· ἐγὼ ὀμπροσθήτερα χρόνους πρεῖς ἠπῆγα εἰς τὸ νησί τῆς Ὀλυμπιάδος καὶ εἶδα τὸν Ἀλέξανδρον ὅπου ἦλθεν εἰς τὸ παιγνίδι τῶν Ἑλλήνων· καὶ ἔκρουεν κονταρίαις καὶ ἐγύρευεν τὸ ριζικόν του καὶ ἔρριξεν ἀπὸς του τεσσάρους πρωτοκαβαλαραίους αὐθεντόπουλα· καὶ ἐσῆκωσαν οἱ αὐθεντάδες καὶ ἔκαμάν τον πρωτοκαβαλάρην χρυσοπτερνιστηράτον· καὶ Οὐράνιος ὁ φιλόσοφος τῆς Ὀλυμπιάδος εἶπεν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον τῶν ἀρχόντων· ὅτι ἐγὼ βλέπω μέγα σημεῖον εἰς τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὑψηλότατος καὶ μέγας αὐθέντης θέλει γένῃ καὶ θέλει νὰ τὸν ὀμιλήσωμεν λόγους εὐγενεῖς· καὶ ἦλθεν κοντὰ ἑστὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπεν τους· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγὼ βλέπω ὅτι θέλει γένῃ φοβερός βασιλεὺς εἰς τοὺς βασιλεῖς ὅλους καὶ θέλει ἐπάρη τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ τοῦτο μοῦ φαίνεται ἡμένα καλὸν καὶ συμβουλεύομαί σας, ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας, τὸν Ἀλέξανδρον νὰ μὴδὲν τὸν ἀντισταθοῦμεν εἰς πόλεμον, ὅτι ἔναι πολλά δόκιμος καὶ φρόνιμος καὶ ἀνδρειωμένος. ἐάν ἔναι καὶ νέος, ἠπῆρεν μέγα ὄνομαν εἰς τὸν κόσμον· ἔχει καὶ φουσάτο πολλά ἀνδρειωμένο. καὶ κάλλιον μοῦ φαίνεται μετ' ἑσᾶς ὅλους νὰ ἐβγοῦμεν εἰς συναπάντησίν του νὰ τὸν προσκυνήσωμεν μὲ τιμὴν ἀκόμη καὶ μὲ δῶρα· ἔναι καὶ καλορίζικος αὐθέντης ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ θεοῦ καὶ θέλει μας δεκτὴ καλὰ καὶ θέλει ἀφήκη καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τόπον μας, καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει ἠπαγαίνῃ εἰς τὴν Ρώμην.

τῶν Ἀθηναίων οἱ λόγοι δὲν τοὺς ἄρεσαν τῶν φιλοσόφων, ἀμὴ ὠνειδί-
σαν τον καὶ ὕβρισάν τον ἄτιμα τον φιλόσοφον καὶ εἶπᾶν του· εἰς
πᾶσα ἄνθρωπον φρόνιμον ἔναι καὶ λουρία πολλή. ὁ φιλόσοφος ἐλυ-
πήθη τὸ πῶς τον ἀτίμωσαν μέσον τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ. καὶ ἐξέβη
τὴν αὐτὴν ὥρα ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἐδιέβη εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ
ἔδειξεν τον τοὺς λόγους· καὶ ἐβουλεύτηκαν οἱ δύο.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην εἰς τὴν
Ἀθήνα.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐθυμώθη πολλὰ καὶ ὠρισεν καὶ ἄρματώθη τὸ
φουσάτο του δυνατά. καὶ ἐποίησεν σὺνάξεις καὶ ἐκίνησεν εἰς τὸν
πόλεμον τὸ φουσάτον εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας καὶ ἐπέντωσεν
κοντὰ εἰς τὴν Ἀθήνα· καὶ ὠρθωσεν ἕναν ἄρχοντα μέγαν εὐγενικόν
ἀπὸ τοὺς Κομάνους καὶ Ἀλαμάνους, ὀνόματι Ἀρφάδαξον, νὰ ἴσειβῃ
εἰς τὴν Ἀθήνα ἀποκρισιάρης· καὶ γλώσσαν ῥωμαϊκὴν οὐδὲν ἤξευρε
νὰ συντυχαίνῃ· καὶ ἐγύρευσαν οἱ Ἀθηναῖοι νὰ εὐροῦν δραγουμάνον
νὰ συντυχαίνῃ καὶ μετὰ βίας ἤραν ἕναν ἄνθρωπον καὶ ἤφεραν τον
καὶ εἶπεν τοῦ ἀποκρισιάρη· λέγε τοὺς λόγους σου τὸ τί ὠρισεν ὁ βασι-
λεὺς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ὁ ἀποκρισιάρης ἀπεκρίθη· ὀρισμὸς ἔναι τοῦ
Ἀλεξάνδρου τοῦ βασιλέως, ὅτι λιζάτο καὶ φουσάτο νὰ τοῦ ὀώσετε
καὶ νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ ἔχετε εἰρήνην· εἰ δὲ τὸν ὀρισμὸν του
οὐδὲν ποιήσετε, ὁ τόπος ὁ ἐδικός¹⁾ σας θέλει πέσῃ κάτω· καὶ νὰ ἔχετε
ἔσεις τὸ κρίμα. καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ἀθήνας τόσους
χοντροὺς λόγους, ἐσύντυχαν τοῦ ἀποκρισιάρη καὶ ἐγέλασαν πολλὰ
καὶ ἀπόστειλάν τον ὀπίσω εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐπαράγγειλάν τον
ποιοῦτους λόγους πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον· ὅτι ἡ Ἀθήνα ἐσένα οὐδὲν σε
προσκυνᾷ νὰ γένῃς βασιλεὺς εἰς αὐτήν, ὅτι καὶ ἄλλοι βασιλεῖς καλλί-
τεροι ἤλθαν καταπάνου μας, καὶ οὐδὲν τοὺς ἐπροσκυνήσαμεν· ὅτι κάλ-
λιον κάστρον καὶ δυναμώτερον φουσάτο οὐδὲν ἠύρισκεται πούπετες·
ἀμὴ ἐξέβα ἀπὸ τὸν τόπον μας καὶ βασίλευε τὴν Μακεδονίαν· εἰ δὲ
δὲν θελήσης νὰ ἐξέβῃς μετὰ τὴν τιμὴν σου, θέλεις ἐξέβῃ ἀτίμητα. καὶ
ἔκοψαν τὸ κεφάλι τοῦ δραγουμάνου ἔμπροσθεν τὸν ἀποκρισιάρην.
καὶ ἤλθεν καὶ ὠμολόγησεν το τοῦ Ἀλεξάνδρου.

¹⁾ ρκπ. ἐδικόσας.

Περὶ ὅταν ἐδιάβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ φρουράτο.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους τοῦ δραγουμάνου, ἐθυμώθη μεγάλως· ὤρισεν καὶ ἀρματώθη τὸ φρουράτο καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ εἰς ταῖς τέσσαρες μεραῖς [33 Γ.] τοῦ κάστρου ἐδώκασιν τὸν πόλεμον· ἐποίησαν πόλεμον μέγαν, καὶ οἱ Κομάνοι τῆς Ἀλαμανίας ἐπολεμοῦσαν μὲ ταῖς σαγίταις, καὶ ἐπερταν εἰς τὸ κάστρον ὡσπερ σύγνερα ὁπόταν βρέχη· καὶ οὐκ ἤμποροῦσαν οἱ ἄνθρωποι τοῦ κάστρου ἐξωθεῖν νὰ ἐβλέπουν καὶ ἐβαρέθησαν οἱ καστρινοὶ τὸν πόλεμον καὶ ἀνοιξαν ταῖς πόρταις τοῦ κάστρου καὶ ἐξέβηκαν ἐξωθεῖν εἰς τὸν πόλεμον καὶ ἐσκότωσαν ἀπὸ τοὺς Κομάνους χιλιάδες δέκα καὶ ἀπὸ τοὺς Μακεδόνας ἀπὸ τὴν ἄλλην μερίαν πεντακοσίους ἀρματωμένους καὶ χιλίους πεντακοσίους στρατιώτας· καὶ ἐποίησαν καὶ τέχνην ἀπὸ τὸ κάστρον καὶ ἔρριξαν εἰς τὸ φρουράτο τοῦ Ἀλεξάνδρου ἰστία καὶ εἰς ὀλίγον ὅπου δὲν ἔκαιγαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τέτοιαν ἀνδραγαθίαν ἐποίησαν οἱ Ἀθηναῖοι τῷ καιρῷ ἐκείνῳ· καὶ ὅταν ἐκατέλαβεν ἡ νύξ, ὑπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸ πέσιμόν του καὶ ὤρισεν καὶ ἦλθαν οἱ γέροντες καὶ οἱ ἄρχοντες καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν εἰς τοὺς Ἀγαρηνοὺς τοὺς πονηροὺς τοὺς Ἀθηναίους· ὁμῶς τὸν τόπον τοὺς οὐδὲν ἐγαλάσαμεν, ἀμὴ ἦλθαμεν καὶ ἐπέσαμεν ἀποκάτου τὸ κάστρον τοὺς καὶ ἀτιμώθημεν· τῶρα γοῦν, ἄρχοντες, ὅτε με βουλήν εἰς τοῦτο· ὁ φιλόσοφος ὁ Διογένης ἀπεκρίθη, ὅπου εἶχεν φύγη ἐκ τὴν Ἀθήνα καὶ ἦλθεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· Ἀλέξανδρε βασιλέα, ἤξευρε ὅτι τὸ κάστρον ἀπὸ σπαθὶ οὐδὲν πέρνεται, ὅτι ἔναι λαὸς πολὺς καὶ ἀνδρειωμένος τοῦ πολέμου ἕως δέκα χιλιάδες· ἀμὴ ποίησε τίποτες σκευή, μὴ νὰ τοὺς πλανέσης νὰ ἐξεβοῦν ἔξω ἀπὸ τὸ κάστρον εἰς πόλεμον, καὶ ἡμεῖς νὰ δώσωμεν εἰς τροπήν, καὶ αὐτοὶ μᾶς θέλουν διώξῃ, καὶ ἀροῦ ἀπομακρύνουν ἀπὸ τὸ κάστρον, τότες εἰς τὰ καλὰ φάρια νὰ γυρίσωμεν ἀπάνω τοὺς καὶ θέλομεν τοὺς σκοτώσῃ, καὶ τότε θέλομεν ἐπάρῃ τὸ κάστρον, καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ φιλοσόφου τοὺς λόγους, τοὺς ἐπίασεν καὶ ἐποίησαν τέτοιαν τέχνην, ὡσπερ ὀκάποτες οἱ Ἕλληνες εἰς τὴν Τρωάδα· καὶ ἐσηκώθη ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τὰ φρουράτα του καὶ ἔφυγεν ἀπὸ τὸ κάστρον, καὶ ἄφηκεν εἰς τὸ πέσιμόν του ἀγελάδια καὶ ταυρία παγεῖα αἴφ' καὶ πρόβατα διαλεκτὰ

ὁ καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν καὶ ἄφηκεν ὅπου ἦτον ἡ τέντα του· καὶ ἔγραψεν οὕτως· ἑσεῖς, ἄνδρες τῆς Ἀθήνας, ἐγὼ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ σας οὐδὲν τὴν ἤξευρα, καὶ ἤλθα ἀπάνου σας μὲ τὴν δύναμιν ὅπου εἶδατε καὶ ἑσεῖς· καὶ ἐθυμώθη ὁ θεὸς σας ὁ Ἀπολλων καὶ ἔδωκέν σας τὴν δύναμιν καὶ ἐσκοτώσατε πολλοὺς ἀπὸ τὸ φουσατό μου, ὅτι πολλὰ πονεῖ διὰ τ' ἐσᾶς. καὶ ἔδε¹⁾ ὅπου ἐξεβαίνω ἀπὸ τὸν τόπον σας καὶ ἠπῆγαίνω, καὶ ἄφηκα εἰς τὸ πέσιμον μου ἀγελάδια, πρόβατα, καὶ ποιήσατε θυσίαν πρὸς τὸν θεὸν σας, μὴ νὰ με συμπαθήσῃ, καὶ ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ το κάστρον μίλια ἰβ. καὶ ἐκρυβήθηκεν εἰς ἕναν λόγκον· καὶ τὸ πρῶν ἐξέβηκαν ἀπὸ τὸ κάστρο ἔξω καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸ πέσιμον τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἤρσαν τὴν ἐπιστολὴν του γραμμένην, καὶ ἀνάγνωσάν την καὶ εἶπαν· ἀπὸ τὸν φόβον του ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου ἔφυγεν, καὶ ἐξέβησαν μικροὶ μεγάλοι ἑκατὸν χιλιάδες καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὸν διώκουν κατόπισθεν· καὶ ὁκάποιοι ἀρχόντες πρωτοκαβαλαραῖοι Ἀθηνιόταις εἶπαν· στέκετε, μηδὲν διώγετε τὸν Ἀλέξανδρον· ἐτούτην τὴν νύκτα βαρὺν ὄνειρον εἶδα, ὅτι τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ναὸς ἔπεσεν καὶ τοῦ κάστρου οἱ πύργοι ἐγάλασαν καὶ ἡ πόρταις ἡ μαρμαρέναις τοῦ Δαρείου ἐγάλασαν, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ κάστρον καβελάρης, ἐπερπάτειεν ταῖς ρούγαις τοῦ κάστρου· καὶ εἶχεν ἐξέβῃ εἰς τὸ κάστρον μας σιτάρι οὖριμον καὶ ἄγουρον, καὶ οἱ στρατιώταις τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ ἐθέριζαν, ἐτούτο [33 v.] εἶπεν ὁκάποιος ὁ Πρόμαχος· καὶ οὐδὲν τὸν ἤκουσαν, ἀμὴ ὑπῆγαν διώκοντες τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐκαρτέρησεν εἰς τὸν λόγκον τῆς Μαστελείας καὶ ὤρθωσεν τὸ φουσατό του ἀλλάγια καὶ εἰς τὸν κάμπον τῆς Βηταλείας ἔσωσαν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκτύπησαν τὰ ὄργανα τοῦ Ἀλεξάνδρου μὲ ταῖς τρουμπέταις καὶ ἐξέβησαν τὰ φουσατά ἐκ τοὺς λόγκους ὅπου ἦσαν κρυμμένοι, καὶ εἶδαν οἱ Ἀθηνιόταις τὸ φουσατό τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ εἶπαν· τὸ τί μας ἤρην σήμερον, καὶ οὐδὲν θέλομεν ἐγλύσῃ, καὶ [μὲ] μέγαν φόβον ὑπῆγαν εἰς τὸν πόλεμον.

Περὶ ὅταν ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὴν Ἀθήνα.

ᾧ μέγα θαῦμα καὶ παράδοξον ὅπου εἶδαμεν εἰς τὸ φουσατό τῆς Ἀθήνας, καὶ πολλὴν θλίψιν καὶ κλαθμὸν ὅπου ἐγινεν· ἐκτύπησεν

¹⁾ рка. эде. Но на стр. 28, строка 5 сверху: эде; вт. нар. ідоу.

τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου τὸ φουσάτο τῆς Ἀθήνας καὶ ἐτζάκισάν
 τους καὶ ἔκοπτάν τους ὡσάν καλλιεργάταις¹⁾ εἰς θάσυν χοράφιν καὶ
 ἀλλουνοὺς ἐπατοῦσαν τὰ ἄλογα, ἀλλουνοὺς ἐσφραζαν καὶ φεύγοντας
 ἐσμιγμένα τὰ δύο φου[σά]τα, ἐσέβην τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου εἰς
 τὸ κάστρον τῆς Ἀθήνας· ἔδε θλίψις καὶ κοπετός καὶ θρηῆνος μέγας
 ὅπου ἐγεινῆ εἰς τὴν Ἀθήνα· ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδιὰ ἐξέβησαν νὰ
 συναπαντήσουν τοὺς ἄνδρες τους. καὶ ὁ σκοτωμός καὶ ἡ ῥματοχυσία
 ἀπὸ τοὺς ἄνδρες τῆς Ἀθήνας ἔτρεχεν ἐπὶ ταῖς ρούγαις, ὡσπερ ρυάκια²⁾
 ὅταν βρέχει, καὶ ὁ θρηῆνος καὶ ἡ φωναὶς τῶν γυναικῶν καὶ τῶν ἀνδρῶν
 ὑπήγαιεν ἕως τὸν οὐρανόν· ὁ Ἀλέξανδρος ἐκαβαλίκευσε τὸ ἄλογό
 του τὸν Βουκέφαλον καὶ καβαλάρης ἐπὶ τὴν μέσσην τοῦ κάστρου
 ἐπαρακάλειεν τὸ φουσάτο του νὰ σταματήσουν νὰ μηδὲν κόπτουν τοὺς
 ἀνθρώπους, καὶ οὐδὲν ἤμπόρειε νὰ τοὺς καταπραύνη· ἡ γυναῖκες καὶ
 τὰ παιδιὰ ἴσταντο καὶ ἐθρηνοῦσαν ὀμπρὸς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐπα-
 ρακαλοῦσαν μὲ θρηῆνον μέγαν μὴ νὰ τοὺς ἐλεημονηθῇ, νὰ παύσῃ
 ἡ θραῦσις τοῦ κοπετοῦ· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος οὐδὲν ἤμπόρειεν νὰ τοὺς
 σταματήσῃ· ὤρισεν καὶ ἔβαλαν ἰστίαις, καὶ ἄψε τὸ κάστρον· ἡ γυ-
 ναῖκες καὶ τὰ παιδιὰ ἀνέβαινον ἀπὸ τοὺς πύργους μὴ νὰ ἐγλυτώσουν,
 καὶ ἄλλοι ἔδραμαν εἰς τὸν ναόν τους τὸν Ἀπόλλωνα διὰ νὰ ἐγλυτώ-
 σουν, καὶ ἀπὸ τὸν θυμὸν τῆς ἰστίαις ἀπὸ τοὺς πύργους ἐγκρεμνίζον-
 ται· τότε καὶ ὁ ναός ὁ μέγας τοῦ Ἀπόλλωνος ὁ ὠραίος ἐκεῖνος, ὅπου
 ἦσαν οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων, ἄψε καὶ ἐκάχηκε μὲ ὄλους τοὺς θεοὺς· καὶ
 εἶπεν· ἐάν ἦσαν ἀληθινοὶ οἱ θεοὶ τῶν Ἑλλήνων ἀπαντηθῆν ἤθελαν
 ἀπὸ τὴν ἰστίαν, ὅτι νὰ μηδὲν καγοῦν καὶ ἐσύνηχεν καὶ εἶπεν μετὰ
 χαρᾶς καὶ μὲ θλίψῃ· σήμερον τῶν Μακεδόνων τὰ ἄρματα ἐκοκκίνισαν
 ἀπὸ τῶν Ἀθηναίων τὸ αἷμα, καὶ οὐδὲν ἔναι ἀπὸ ἐμένα τὸ ππαίσιμον,
 ἀμὴ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν τους τὸ ἔπαθαν· καὶ αὐτοῦ ὁ Διογένης
 ὁ φιλόσοφος (καὶ) εἶπεν· ἐάν οὐδὲν πάθη ὁ ἄνθρωπος, οὐδὲν ἤμπορεῖ
 νὰ μάθῃ, ἀμὴ καλὰ λέγει ὁ λόγος· τζάκισε τοῦ ἀνθρώπου τὸ κεφά-
 λι. καὶ τότε νὰ πείθεται· ὁμῶς καλὰ λέγει ὁ Σολωμὼν· δίδου σοφοῦ
 ἀφορμῇ, καὶ σοφώτερος ἔσται· τότε ἡ Ἀθήνα ἐτρόμαξεν, τότε ἡ Θήβα
 ἐθρήνησεν, τότε τὰ νησιά ὅλα ἤκουσαν, καὶ ἐτρόμαξαν, καὶ τὰ βασι-

1) ρκп. καλλή ἐργάταις.

2) ρкп. οὐράκια.

λεια τῆς Δύσης ἐθρήνησαν, τῆς Σικελίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας, καὶ ἔπεσαν εἰς φόβον μέγαν καὶ εἰς λογισμὸν, τὸ τί νὰ ποιήσουν· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· τὸ κεφάλιν ἂν οὐδὲν τὸ τζακίστης, τὸν ὀμυαλὸν οὐδὲν ἤμπορεῖς νὰ τὸν φάγης· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ὤρθωσεν νὰ ἠπάγη πρὸς τῆς Ρώμης τὸ βασίλειον· καὶ ἐμέτρησεν τὸ φουσάτο του, καὶ εὗρεν τετρακόσιας ¹⁾ [χιλιάδες] ἄρματωμένους καὶ ἐκίνησεν πρὸς τὴν Ρώμην· τότε τὸν ἀπάντησαν ὅλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ ἀφέντες τῆς Γαρσίας καὶ τῆς Λακεδαιμονίας καὶ τῆς Σικελίας καὶ τοῦ Μωρέως (ὅλων) καὶ τῆς Πούλιας ὅλον τὸ ῥηγάτον καὶ οἱ Γοτθοὶ ὅλοι· καὶ ἦλθαν καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ δῶρον πολυτίμητον· ἡφερὰν του καὶ στέμματα βασιλικά μὲ πολυτίμητα λιθαρόπουλα καὶ φουσάτο καὶ λιζάτον τριῶν χρόνων· καὶ ὅσοι ἦλθαν εἰς προσκύνησιν, καὶ ἔκαμνεν τοὺς ζακόνια καλὰ καὶ [τοὺς] ἀνάπαυσεν.

Περὶ ὅταν ἐπερίλαβεν ὁ [34 r.] Ἀλέξανδρος τὴν Ρώμην.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐσηκώθη καὶ ἠπήγην καὶ ἕως τὴν Ρώμην πλησίον, καὶ ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Ρώμης τὸ πῶς ἐργεταὶ ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμαζώθησαν ὅλοι καὶ ἐποίησαν βουλήν, τὸ τί νὰ κάμουν, καὶ ἤκουσαν τὴν ἀνάλωσιν τῆς Ἀθήνας, καὶ ἔπεσαν εἰς λογισμὸν μέγαν, καὶ ἐποίησαν βουλήν, καὶ εἶπαν οἱ φιλόσοφοι, ὅτι τὸν Ἀλέξανδρον ἄς τὸν δεκτοῦμεν μὲ εἰρήνη καὶ ἀγάπη, νὰ ἔλθῃ εἰς τὸ κάστρον μας καὶ θέλει ποιήσει τὸ κάλλιον εἰς ἑμᾶς καὶ θέλει ἀφήκει καλὰ ζακόνια εἰς τὸν τοπον μας καὶ εἰς τὰ κάστρη μας· καὶ ἄς τὸν προσκυνήσωμεν μὲ δῶρα πολυτίμητα βασιλικά, κατὰ τὸ πρεπούμενον· καὶ ἐμαζώθησαν, καὶ ἐδιάβησαν εἰς τὸν θεὸν τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα, διὰ νὰ τὸν παρακαλέσουν νὰ τοὺς ὁμολογήσει τὴν ἀλήθειαν τὸ τί νὰ κάμουν καὶ τὸ τί νὰ ποιήσουν· καὶ ἐφάνη τοὺς ὁ θεὸς ὁ Ἄμων κατ' ὄναρ καὶ εἶπεν· νὰ ἠξεύρετε ἐσεῖς, ἄνδρες τῆς Ρώμης, ἀπὸ τὸν Ἀλέξανδρον μηδὲν φοβάσταν, ὅτι αὐτὸς ἔναι υἱὸς μου ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ κάμετε νὰ τὸν προσκυνήσετε καὶ νὰ τὸν δεχθῆτε μὲ μεγάλη τιμὴν· ὁκάποτες εἶχα διαβῆ εἰς τὴν Μακεδονίαν καὶ ἐσμίχθηκα τὴν μάνα του, καὶ ἐγενήθη αὐτὸς ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ νὰ τὸν δώσετε δῶρα

1) ρκπ. τετρακοσίους

πολιτιμῆτα, καὶ θέλει κάμψαι κατὰ ζακόνια εἰς ἑσᾶς, καὶ εἰς ὅλους (πρὸς) ἑσᾶς θέλει ποιῆσαι τὸ δίκαιον καὶ εἰς ὅλον τὸν τόπον σας. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐξύγωσεν πλησίον τὸ κάστρο, καὶ ἐμαζώχθησαν οἱ ἄρχοντες ὅλοι καὶ ἐποίησαν σύναξιν νὰ δεκτοῦν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ νὰ τὸν προσκυνήσουν ἔμορφα κατὰ. οἱ ἄρχοντες τῆς Ῥώμης ὤρθωσαν τέσσαρες χιλιάδες ἀρχοντοπούλα με χρυσα στεφάνια εἰς τὰ κεφάλια τους, ὅλα εἰς φαρία ἔμορφα, εἰς συνάντησι τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ δύο χιλιάδες κορίτσια ἐκλεκτά, ὅλα με στεφάνια χρυσά καὶ εἰς φαρία καλά καὶ τὰ ἄλογα τους σκεπασμένα με ὀλόχρυσά¹⁾ σκεπάσματα ἔμορφα καὶ ἄλλαις σαράντα χιλιάδες ἄνθρωποι ὅλοι με δάφνες εἰς τὰ χεῖρά τους ἐβαστοῦσαν καβαλαραῖοι πλεμένα [sic] με τὸ χρυσάφιν καὶ τοῦ θεοῦ οἱ ἱερεῖς τῶν Ἑλλήνων με δύο χιλιάδες γέροντες καὶ πορτζαῖς ἀναμέναις ἐβαστοῦσαν εἰς τὰ χεῖρά τους καὶ ὅλοι ἐξῆλθαν εἰς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐβγαλὼν καὶ τὸ μέγα ἀπάνωφορι τοῦ Σολωμώντος, ὅπου εἶχεν πάρη ὁ βασιλεὺς ὁ Ναβουχοδονόσωρ ἐκ τῆς Ἱερουσαλήμ, καὶ δώδεκα σταχόνια πολυτιμῆτα λιθαρόπουλα, ὅπου τὰ εἶχεν βάλῃ ὁ Σολωμὼν εἰς τὴν ἁγίαν Σιών εἰς τὰ Ἅγια τῶν Ἁγίων, καὶ τὸ στέμα τοῦ Σολωμώντος με λιθάρια πρία, ὅπου ἐφεγκαν τὴν νύκταν, καὶ παρακάτω εἶχεν λιθαρόπουλα δώδεκα ὅπου ἦσαν οἱ μῆνες γραμμένοι εἰς αὐτά, καὶ ἄλλα δώδεκα λιθαρόπουλα ἀπὸ ἀγαντήλη [sic] καὶ ἡ ἀντιγραφὴ εἰς τὰ λιθαρόπουλα ἤφεραν καὶ τὸ στέμαν τῆς βασίλισσας τῆς Σοβιλίας ὅπου ἦτον τέτοιαν τέχνη ἃ [sic] ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν ἤφεράν του καὶ γριβὴν φαρὴν ἔμορφον με τοῦ κορκονδαίλου τὸ σκέπασμα με τὰ πολυτιμῆτα λιθαρόπουλα ἤφεράν του καὶ τὰ ἄρματα τοῦ Πριάμου ὅπου ἦσαν βασιλικά, καὶ εἶχαν τὰ ἐπάρη εἰς τὴν Τρωάδα ἡφέρασιν καὶ κοντάρια ἀλεφάντινα ἐγκοσμισμένα καὶ ἕτερα στέματα ἑπτά, ἡφέραν του σκουτάριν τοῦ Παρκιανοῦ τοῦ βασιλέως ὅπου ἦτον τοῦ βασιλέως τῆς Ῥώμης με τέτοιαν συναπάντησιν ἐπροσκυνήσαν τὸν Ἀλέξανδρον ὁ Ἀλέξανδρος ὡσάν τους εἶδεν ἐγάρη χαρὰν μεγάλην καὶ ὤρισεν καὶ ὤρθωσεν τὰ ἐδικὰ του χρυσάτα με τιμὴν μεγάλην τῆς Μακεδονίας τὸ χρυσάτο σιμά του τὸ εἶχεν καὶ αὐτὸς καβελάρης εἰς τὸν Βουκέφαλον,

¹⁾ ркш. ὀλόχρυσά.

καὶ ἔβαλεν τὸ στέμα τῆς βασίλισσας τῆς Αἰγύπτου τῆς Κλεοπάτρας εἰς τὸ κεφάλιν του, ὅπου εἶχεν δώδεκα πολυτίμητα λιθαρόπουλα.

Περὶ ὅταν τοὺς ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος τὰ φάρια τοὺς νὰ τὰ σύρουν.

Ὡρισεν τὰ ἄλογα καὶ τὰ [34 v.] φάρια συρτὰ ἔμπροσθέν του νὰ τὰ σύρουν, ἀνακαράδες καὶ τρουμπέταις ὦρισεν νὰ λαλοῦν ἐκ ταῖς δύο μεραῖς καὶ ἐζύγωσαν οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Ρώμης καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπαν ὅλοι [μ.ε.] μίαν φωνήν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως καὶ τῆς Ὀλυμπιάδος τῆς βασίλισσας καὶ ὄλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέας· καὶ ἤλθαν πάλιν τὰ κορίτζια καὶ ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐδιέβησαν παράμερα· καὶ μετὰ ταῦτα ἤλθαν οἱ ἱερεῖς μετὰ λαμπάδων καὶ θυμιάματος, καὶ ἐπροσκύνησάν τον καὶ ἐθυμιάσάν τον μὲ πολλὰ μυριστικά καὶ εἶπαν· πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου (καὶ) τῆς οἰκουμένης ὅλης· καὶ ἐσέβησαν ὁμοῦ εἰς τὸ κάστρον τῆς Ρώμης· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν μέγαν ναόν τοὺς τοῦ θεοῦ τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα καὶ ἐπροσκύνησαν ὁμοῦ καὶ ὁ Ἀλέξανδρος· καὶ ἐδώρησέ του ὁ ἱερέας τῶν Ἑλλήνων τοῦ θεοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος σμύρνον καὶ λίβανον, ὅτι αὐτὰ εἶναι δῶρα βασιλικά, καὶ ἔβγαλεν ἓνα γάρτιν γραμένον, καὶ ἔδωκέν το εἰς τὰς χεῖρας τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ἐπὶ ἔτους ε, ἐξεβῆ θέλει τράγος μονοκέρατος καὶ θέλει διώξῃ τοὺς πάροδους τῆς δύσης ὅλης ὅπου μάχονται εἰς μὲ τὸν ἄλλον, ὅπου πολλὰ ὑψώνονται· καὶ πάλιν θέλειν γυρίσει πρὸς τὸν νότον καὶ θέλει πατάξῃ τοὺς λέοντας· ἔπειτα θέλει ὑπαγαίνῃ εἰς τὴν ἀνατολήν καὶ θέλει εὔρη τὸν κριὸν τὸν θυμαστόν, ὅπου ἔχει κέρατα μακρὰ¹⁾, τὸ ἐν καθέν κέρατον ἕως τὸν νότον ἀκουμπᾶ, καὶ τὸ ἕτερον κέρατον ἕως τὸν βορέαν· καὶ θέλει τὸν ἐκτυπήσῃ ἀπέσω εἰς τὴν καρδίαν μὲ τὸ κέρατον καὶ θέλει τὸν σφάξῃ· καὶ ἀπ' αὐτοῦ θέλει προμάξῃ ὁ λαὸς τῆς Φοινικίας καὶ τῆς ἀνατολῆς ὅλης οἱ βασιλεῖς καὶ ἡ γλώσσαις ὅλαις, καὶ θέλει πζακίσει τὰ σπαθία τῆς Περσίας ὅλης καὶ θέλει ἔλθει εἰς τὴν Ρώμην τὴν μεγάλην

¹⁾ рки. μακρὰ.

καὶ θέλει ὀνομαστῆ ἄξιος βασιλέας τῆς οἰκουμένης ὅλης· καὶ ἔδωκεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἀνάγνωσαν τὸ βασιλογράφιον οἱ φιλόσοφοι καὶ εἶπαν τὴν διάλυσιν τοῦ χαρτίου· καὶ εἶπαν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, εἰς τὴν ὄρασιν τοῦ προφήτου Δαυιδῆ εἶδαμεν ὅτι τὰ βασιλῆα τῆς δύσης ὀνομάζονται λέοντες, καὶ τὸν κριὸν τὸν [δι]κέρατον οἱ βασιλεῖς τῆς ἀνατολῆς ὀνομάζονται καὶ τῶν Μηδῶν καὶ τῶν Φοινίκων, ὁ τράγος ὁ μονοκέρατος ὀνομάζεται τὸ βασιλεῖον τῶν Μακεδόνων· καὶ ὡσάν μᾶς φαίνεται ἀκονισμένα σπαθία καὶ ἀνδρειωμένα ἤλθαν εἰς τὴν Ῥώμην· μὴ νὰ εἶσαι ἐσύ, ὦ Ἀλέξανδρε;

Περὶ ὅταν ἐπροφήτευσαν οἱ προφῆτες.

Καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐγάρη χαρὰν μεγάλην καὶ εἶπεν· ὡς ἔχει ὁ θεὸς τὸ θέλημα, οὕτως νὰ γένη, ὅτι οἱ δυνατοὶ ἔπεσαν κάτου, καὶ οἱ ἀδύνατοι ἐζώστηκαν δύναμιν, καὶ αὐτοῦ εἰς τὴν Ῥώμην χαίρεται τῆς Μακεδονίας τὰ φουσάτα μὲ τοὺς ἄρχοντες τῆς Ῥώμης ὁμοῦ· καὶ ἤλθαν τὰ βασιλῆα ὅλα τῆς δύσης καὶ ἐπροσκύνησάν τον μὲ δῶρα πολλὰ καὶ ἐπαρακαλοῦσάν τον, νὰ τοὺς ἀφήκῃ καλὰ ζακόνια· ὁ Ἀλέξανδρος, ὡς ἤκουσεν τοὺς λόγους, ἐλεημονήθη τοὺς καὶ ὠρισεν νὰ τὸν τελοῦν ἰβ' χρόνων λιζάτον καὶ φουσάτο νὰ δίδουν· καὶ οκάποιον ἐδικόν του ἐνεμπιστευμένον ἀπὸ τὴν Μακεδονίαν ἐποιήσεν αὐθέντην εἰς τὴν Ῥώμην καὶ ὠρισεν τοὺς βασιλεῖς τῆς δύσης νὰ τὸν ἀκούουν· χρυσάφι καὶ φουσάτο ἠπῆρεν ὅσον ἠθέλησεν καὶ ἐγύρισεν πρὸς τὰ ἀνωτερικά¹⁾ μέρη, καὶ ἠπῆρεν καὶ στρατεύει, καὶ ἠπῆρεν καὶ βασιλῆα πολλὰ εἰς τὸν κόσμον ἐκεῖνον καὶ δυνατὰ, ἐσκότωσεν, καὶ ἠπῆρεν καὶ κόσμον πολὺν [35 Γ.], ὡσθε κοντὰ εἰς τὸν Ἰκκιανόν ποταμόν ἐφθασεν, ὅπου πρέχει ὀλόγυρα ὅλην τὴν γῆν.

Περὶ ὅταν ἐσέβηκεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους.

Ἐκεῖ ἐσέβην εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους καὶ εὔρε ζῶα θαυμαστά. τὸ πρόσωπόν τους εἶχαν ἀνθρώπινον καὶ ἦσαν δικέραλοι, εἶχαν καὶ

¹⁾ ркп. ἀνωτερικά. — Народн. греч. кн., стр. 54: τοῦ νότου τὸ μέρος; изд. Новак. 35, пр. 3: m. юн'ке стране.

ποδάρια ὡσπερ τὸ φίδιν, καὶ ἐπολέμησεν μὲ τούτους, καὶ ἐνίκησέν
 τους. καὶ ἐκεῖνα τὰ ζῶα ἄρματα οὐκ εἶχαν καὶ ἐγλήγγωρα ἔπεσαν
 καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπήγαν εἰς βουνὸν πετρωτὸν, ὡσπερ σιδερέϊνον. καὶ
 ἐξέβησαν καταπάνου του τὸν Ἀλέξανδρον γυναῖκες καὶ ἐποίησαν
 πόλεμον μὲ τὸ φρουσάτον καὶ ἐσκοτώσαν αὐτὴν τὴν ὥραν ἐκ τοῦ
 φρουσάτου του στρατιῶτες ἑκατὸν ἢ γυναῖκες εἶχαν περὰ καὶ ἐλάταις
 καὶ εἶχαν ὀνύχια ὡσάν ὀρεπάνια καὶ ἦσαν δυναταὶ πολλὰ. καὶ
 ἐπέτονταν ἄνωθεν τοῦ φρουσάτου καὶ ἐτζουγγράνιζαν τὰ πρόσωπα
 τῶν ἀνθρώπων· καὶ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ τί πολεμοῦν ἦτον ὁ τόπος
 ἐκεῖνος ὄλο[ς] καλαμωτός· καὶ ὤρισεν καὶ ἄψαν τὸ χορτοκάλαμον. καὶ
 ἀπανωθέον τὴν φλόγα ἀπέτον τῆς¹⁾ καὶ ἡ ἐλάταις τους ἐκαίονταν ἐκ
 τὴν φλόγα, καὶ ἐπιπτον εἰς τὴν γῆν. καὶ ἐσφάζεν τὰς τὸ φρουσάτο.
 καὶ ἐσκοτώσαν πολλὰς ἐξ αὐταῖς ἕως εἴκοσι χιλιάδες· καὶ ἦλθαν
 εἰς τὸν Ἠκιανὸν ποταμὸν καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐστράφησαν ὀπίσω εἰς
 τὸν κόσμον καὶ ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τῆς Ἐγκλιτέρας. καὶ ὤρισεν
 νὰ ἀναπαυτοῦν τὰ φρουσάτα του· ἀπὸς του ὁ Ἀλέξανδρος ὤρισεν
 τριγύρου τοὺς αὐθεντάδες, νὰ ποιήσουν χοντρά ξύλα, κόκες καὶ
 κάτεργα χοντρά δώδεκα χιλιάδες, καὶ κάθε κάτεργο νὰ ἐπέρνη
 χιλίους ἀνθρώπους ἄρματομένους καὶ μὲ τὴν δίκισίν²⁾ τους, καὶ
 ὤρισεν τὰ φρουσάτα, νὰ ἠπαγένη τὸ καβαλαρικὸν πρὸς τὴν Βαρ-
 βαρίαν ἐκ τὴν στερέαν, καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον
 ἔμπροσθεν τοῦ φρουσάτου· καὶ ἐτερομόνησέν τους (μετ' αὐτοὺς) νὰ
 ἀνταμωθοῦν μὲ τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὴν Αἴγυπτον· καὶ εἶπεν τους·
 ὀπόθεν διαβῆτε, κάστρον ἐπέρνετε καὶ νὰ σὰς τελοῦν φρουσάτον καὶ
 λιζάτον νὰ ἐπέρνετε.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς βοηθοντάδες εἰς
 τοὺς ἐρήμους τόπους.

Ἀπὸς του ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὴν κοκα καὶ ἐρρίζεν τὰ καρά-
 βια ὅλα εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ ἀρχέρισεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ὄρθω-
 σαν πρὸς τὴν ἀνατολήν· καὶ εἰς τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν

1) Нар. греч. книга, р. 55: αὐταῖς ὡσάν ἐπετοῦσαν ἄνωθεν τῆς φωτίας, ἐκαίονταν αἱ πετεροῦγές τους. Μ. ὁ. ἀπετῶνταν.

2) Нар. гр. кн. I. с.: μὲ τὴν τροφήν τους. — Новак. съ всякою погрѣбою.

Ἀντίοχον, και εἰς ἄλλας τρεῖς χιλιάδες καράβια ἔβαλεν τὸν Βυζάντιον, και εἰς ἄλλας γ καράβια ἔβαλεν τὸν Σελεύκιον, και εἰς ἄλλας γ καράβια ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος· και ἡμοίρασεν εἰς τέσσαρα μέρη διὰ τὴν θάλασσαν διὰ νὰ ὑπαγαίνουσι· και ἐπλευσαν εἰς τὴν θάλασσαν ἡμέραις λ' και νύκταις λ'. ὁ Ἀλέξανδρος ἔφθασεν εἰς τὴν Αἴγυπτον μετὰ τὰ καράβια ὅλα, ὅπου ὁ χρυσοτρεχάμενος ποταμος τρέχει, και αὐτοῦ ὠρισεν και ἔκτισεν κάστρον, και ἐπωνομασέν του ὄνομα τοῦ κάστρου Ἀλεξανδρία· Σελεύκιος ὁ βοηβόντας μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ ἦλθεν εἰς τὴν Κιλικίαν, και ἔκτισεν και αὐτὸς κάστρον και ἐπωνόμασεν τὸ κάστρο ἐκεῖνον Σελευκία· ὁ Ἀντίοχος και μέγας βοηβόντας τοῦ Ἀλεξανδρου ἦλθεν μετὰ τῶν κατέργων αὐτοῦ εἰς τὸ στένωμα τῆς Μαύρης θαλάσσης, τῆς Θασκίας¹⁾, και ἔκτισεν και αὐτὸς κάστρον και ἐπωνόμασαν τὸ κάστρον ἐκεῖνον εἰς τὸ ὄνομά του Ἀντιοχεια· ὁ Βυζάντιος και μέγας καπετάνος ἦλθεν εἰς τῆς Θασκίας²⁾ το στένωμα, κατωθίων τοῦ Ἰέρκου, και ἔπεσεν εἰς τῆς Μαύρης θαλάσσης τὸν λαιμόν, τῆς (Σ)κουτάρης κοντὰ και ἔκτισεν και αὐτὸς κάστρον και ἐπωνόμασέν το και αὐτὸς εἰς τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν του Βυζάντια.

Περὶ ὅταν εἶχεν λογισμὸν μέγαν ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τοὺς βοηβοντάδες.

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦτον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ πικραμένος διὰ τοὺς βοηβοντάδες, διὰ τὰ κατέργά του τὸ πῶς ἀργησαν· και εἶχεν λογισμὸν μέγαν τὸ τί τοὺς ὑπέπεσεν· και ὅταν ἔφθασεν τὸ μεσημέριν, τὴν αὐτὴν ὥραν ἦλθεν ὁ Ἀντίοχος μετὰ τὴν ἀρμάταν του ὅλη και ἔδειξέν του τὸ [35 v.] πῶς ἔκτισεν κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἦλθεν και ὁ Σελεύκιος και ὠμολογησέν του ὅτι ἔκτισεν και αὐτὸς κάστρον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἦλθεν και ὁ καπετάνος ὁ Βυζάντιος μετὰ τὴν ἀρμάταν του και ὠμολόγησεν και αὐτὸς ὅτι ἔκτισεν κάστρον εἰς ἕμνοστον τόπον τὴν Βυζάντια· και ἀφόντις ἀνταμώθησαν ὅλοι ἐχάρησαν γαυραν μεγάλην· και εἰς τὴν συντάξιν τοῦ τόπου ἐκεῖνου ἔκτισαν ἄλλον κάστρον και ἐπωνόμασαν τὸ κάστρο ἐκεῖνο Μια Καρδία· και εἰς τὸ κάστρον αὐτὸν ἐποίησαν μῆνες ἕξ, ὥστε νὰ ἔλθῃ και τὸ καβαλλαρικὸν τὸ

1) ΒΜΕΣΤΟ Θράκης.

2) ΒΜΕΣΤΟ Θράκης.

φουσάτον· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἤλθαν μαντατοροροὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον ὅτι ἕως τὸ βραδὺ ἐργεταὶ ὁ Πτολεμαῖος καὶ ἀνδρειωμένος ὁ Φιλόντης· καὶ ὅταν ἤλθην ἡ ἑσπέρα, ἤλθεν ὁ Πτολεμαῖος καὶ ὁ Φιλόντης· καὶ ὅταν ἤλθην, ἐφίλησαν τὸ χεῖρ τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἀρχέρισαν νὰ τοῦ δείχνουν τὰ παθήματά τους, τὸ τί τοὺς εὔρεν ἐπὶ τὸν κόσμον ὅπουθεν ἐδιάβησαν, καὶ εἰς τί κόσμον ἐδιάβησαν καὶ εἰς τί τόπον ἐπολέμησαν μὲ τοὺς βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους ἐπὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη καὶ ἐπὶ τῆς Θεοπίας τὰ βασίλεια καὶ τὸ πῶς τοὺς ἐνίκησαν καὶ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον τοὺς ἤφεραν, καὶ τομοῦ τοὺς εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὤρισεν καὶ ἔδωκέν τους ὄρκον φοβερὸν ἀόρατον· καὶ ἔμοσάν του καὶ ἐγένηκαν ἐδικοί του ἐγκαρδιακοί, ὅντα τους γυρεύσῃ, νὰ ἔλθουν μὲ τὰ φουσάτα τους· καὶ ὤρισεν καὶ ἀπολύσέν τους, καὶ ἔδωκέν τους δῶρα πολλὰ καὶ φάρια σελογαλινωμένα· καὶ ἠπῆγγαν εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὤρισεν νὰ δίδουν δώδεκα χρόνων λιζάτον καὶ ὁ κάθε εἰς ἕξ αὐτουνοὺς νὰ δίδῃ δεκά χιλιάδες φουσάτον ἀρματωμένους· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐπῆγγεν ὁ Ἀλέξανδρος πρὸς τὴν Ἀσίαν μὲ τὰ φουσάτα του καὶ αὐτοῦ ἐκτίσεν κάστρον, καὶ ἐπωνομασε τὸ κάστρον ἐκεῖνο Τροίπολι Πενταπόλεον· καὶ ἤλθην οἱ μεγιστάνοι τοῦ Ἀλεξάνδρου, νὰ ποιήσουν ἕτερον κάστρον, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπλήσθη θυμὸν μέγαν καὶ εἶπεν· ὦ πολυανδρειωμένοι μου Μακεδωνίταις, οὐδὲν πρέπει ἐμᾶς ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν νὰ κτίσωμεν κάστρον καὶ τὸ ταξέϊδι μας νὰ τὸ ἀφῆκωμεν, ὅτι εἰς τὰ κάστρον τίποτες δύναιμι οὐδὲν ἔναι οὔτε παντοχῆ, ἀμῆ ὅπου εἶναι φουσάτα πλήθεια καὶ δυνατά, αὐτοῦ ἔναι ὁ θάρρος καὶ ἡ δύναμις καὶ ἡ καρδία· ὅτι ἐμεῖς πολλὰ κάστρον δυνατά ἐπῆραμεν μὲ τὸ σπαθί μας καὶ ἐγάλασαμέν τα, καὶ ἐπὶ τὴν αὔριον ἐκίνησεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἠπῆγγεν πρὸς τῆς Φραγγίας τὰ μέρη, ἤγγουν τῆς Τρωάδος· ἤλθεν εἰς τὸ κάστρο τὴν Τρωάδα καὶ ἐσέβην ὅπου τὸν κάποτε καιρὸν ἤλθην οἱ Ἕλλητες καὶ τὴν εἶχαν πολεμίσει χρόνους ἰβ' καὶ τὴν εἶχαν ἐπαρη, καὶ ἐγάλασαν τὴν περιφρούμιστον Τρωάδα διὰ μίας γυναικὸς τὴν Ὠραιότητα¹⁾, τὸ ὄνομα αὐτῆς Ἑλένη· ἦτον γοῦν γυνὴ βασιλέως ἐκ τὸν Μωρέαν ἐκ τὸν τόπον τῆς Λακεδαιμονίας, τοῦ Μενελάου τοῦ βασιλέως· ὁ βα-

¹⁾ ρκη. Ὠραιστάτην.

σίλευς ὁ Πρίαμος ἦτον βασιλεὺς τῆς Φρυγίας καὶ εἶχεν υἱὸν τὸν Ἀλέξανδρον τὸν Πάριον· καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸν θεὸν τοὺς τὸν Ἀπόλλωνα εἰς τὴν Λακεδαιμονίαν νὰ προσκυνήσῃ· καὶ ὡς εἶδεν τὴν ὠραιότητα καὶ πάντερον Ἑλένη, ἐδραξέν τὴν καὶ ἤρρεν τὴν εἰς τὴν Τρωάδα, καὶ οὕτε τὸν βασιλέα τὸν Πρίαμον, οὕτε τοὺς Τρωαδίταις ἐφάνη καλὸν διὰ τὴν ἀρπαξὴν τῆς Ἑλένης, καὶ ἀνευχάριστον ἐδέχτηκαν τὸν Πάριον· ὡς ἤκουσεν ὁ βασιλεὺς ὁ Μενέλαος τὴν ἀρπαξὴν τῆς συμβίου αὐτοῦ, ἔμασεν τὸ φουσάτο του καὶ ἔστειλεν ἐπὶ τοὺς βασιλεῖς ὅλους τῶν Ἑλλήνων τῆς Κιλικίας καὶ τῆς Λαττωνίας καὶ τῆς Ἀπαιτίας· καὶ ἐσυναξάν οἱ βασιλεῖς ὅλοι τὰ φουσάτα τοὺς καὶ ἦλθαν εἰς βοήθειάν του εἰς τὸν τόπον τῆς Φρυγίας καὶ ἐκούρσευσεν καὶ ἐγάλασεν τὸν τόπον τῆς Τρωάδος· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ οἱ πρωτοκαβαλαραῖοι τῆς Τρωάδος ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τὸ χέρι τῶν Ἑλλήνων καὶ ἀπὸ τοὺς Ἑλληνας διὰ μιαν γυναῖκα μαγαρισμένη, ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, διὰ γυναῖκα ἐξεβλήθη τῆς τρυφῆς τοῦ παραδείσου, ὁ Σαμψὼν ὁ θαυμαστός καὶ ἀνδρειωμένος διὰ γυναῖκα κακὴ ἐγάθη, ὁ Σολωμὼν ὁ θαυμαστός καὶ παν — [36 r.] φρόνιμος τῆς οἰκουμένης ὅλης διὰ γυναῖκα τὸν Ἀδάνην ἠκολούθησε τὸν βασιλέα καὶ ἐξέπεσεν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰς τὴν περιφρούμιστον Τρωάδα οἱ ἀνδρειωμένοι ἔπεσαν διὰ μιαν γυναῖκα· καὶ τὸ ὕστερον ἐποίησαν σκευὴν ὀλοερὰν καὶ ἠπῆραν τὸ κάστρον τῆς Τρωάδος, ὡς γράφει τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος¹⁾· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθαν οἱ Τρωαδίταις καὶ ἐπροσκύνησαν τὸν Ἀλέξανδρον μὲ τιμὴν μεγάλην καὶ μὲ δῶρα πολλὰ· ἤρρεαν του καὶ τοῦ υἱοῦ τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάρι· ἦτον πετῆζομένο μὲ τὸ πετῆζι τοῦ λέοντος καὶ ἦτον στορισμένον τὸ πρόσωπον του, ὡσπερ τὸ φέγγος εἰς τὸν οὐρανόν, οὕτως ἔλαμπεν, καὶ ὡσπερ τοῦ παγωνίου τὰ πτερὰ ὅπου εἶναι χρυσὰ καὶ πράσινα καὶ κοκκίνα, οὕτως ἔλαμπεν πάμπόλλα θαυμαστόν· καὶ ὡς τὸ εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαυμάσεν· ἤρρεαν καὶ τῆς Βρυτιάδος τὸ μαντέλο ὅλον μὲ χρυσομαργαρον πολλὰ πετιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἀνθρωπος ἀπὸ τὴν ἐμορραδα ὅπου εἶχεν· ὅπου ἀγάπα ὁ Τρώϊλος τοῦ Κάλικα τῆς θυγατρὸς²⁾· καὶ ὁ Ἀχιλλεύς ὁ θαυμαστός ἐσκοτώθη

1) рки. ὁμοιος.

2) рки. θεγατρως. При ἄρχην сѣдовало бы την θυγατρως; въ раннемъ текстѣ можетъ-быть находилось не ἀγάπα, а ἤρασθη, требовавшее род. пад.

διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην εἰς τὸν ναὸν τοῦς, τὴν θυγατέρα τοῦ βασιλέως τοῦ Πριάμου, καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα, ἀγχλωπίσθη ἀπὸ τοῦς Ἑλληνας, καὶ ἔσφαξέ τὴν ὁ υἱὸς τοῦ ὁ Πύρος ἀπάνου εἰς τὸν τάφον τοῦ πατρὸς τοῦ τοῦ Ἀχιλλέως, καὶ ἀπόθανεν, καὶ ἐπαίνεσέ τὴν πολλὰ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν, καὶ ἐκαύχησε τὴν τιμὴν τῆς τῆς γυναικὸς ἐκείνης, ὅτι πῶς ἐκράτησεν τὴν τιμὴν τῆς, ὅπου ἄλλην γυναικὰ τέτοια δουλεῖα οὐδὲν ἐποίησε, καὶ ὅλοι τὴν ἐπαίνεσαν· ὁ Ἀλέξανδρος ἤυρεν τοῦς λόγους γραμμένους καὶ ἐξέστην ἀπὸ τὴν ἐμπιστοσύνη καὶ τὴν φρόνησιν τῆς Πολυξένης καὶ εἶπεν· ἀπὸ τὸν θεὸν ἔχει συμπάθειον καὶ ἀπὸ τὸν κόσμον ἔχει ἔπαινον ὅπου οὐκ ἤθέλησεν νὰ πάρῃ ἄνδρα, καὶ καλὸν ἐποίησεν, ὅτι ὁ θάνατος ὁ τιμημένος ἔχει τιμὴ μεγάλη περὶ τὴν ἀχρηστον ζωὴν καὶ τὴν ἀτιμωμένη ἀκόμη ἔβγαλαν τῆς βασίλισσας ἐκείνης τὸ στεφάνι· καὶ ὅταν τὸ ἔβανεν εἰς τὸ κεφάλι τοῦ, τότε ἄφαντος ἐγένετον ἀπὸ ὅλους τοῦς ἀνθρώπους· καὶ τὴν νύκταν ἔλαμπεν ὡς λαμπάδα, ἀκόμη τῆς ἔβγαλαν ἀπανωκλίβανον, ὅπου τὸ ἔβανεν ἀπανωθέον τῶν ἀρμάτων, καὶ ἦτον ἐγκοσμισμένον μὲ πολιτίμητον λιθαρόπουλον καὶ μὲ χρυσομάργαρον, καὶ τὸ σκέπασμα ἦτον ἀπὸ τῆς ἀσπίδος τὸ πετρί· ἦρεσάν τοῦ καὶ τὸ βιβλίον τοῦ Ὅμηρος ὅπου εἶχεν γράψῃ ἀπὸ τὴν ἀρχὴν τοῦς πολέμους καὶ τὸν χαλασμόν τῆς Τρωάδος ἐκ τὴν ἀρχὴν ἕως τέλος· καὶ ἠπῆρεν ὁ Ἀλέξανδρος τὸ βιβλίον καὶ ἀρχισεν νὰ το ἀναγνώθῃ· καὶ αὐτοῦ ἠύρεν τοῦς πολέμους γραμμένους τῶν καλῶν καὶ ἀνδρειωμένων καὶ θαυμαστῶν καὶ μεγάλων ἀπελάτων· καὶ ἐθλιβὴν πολλὰ καὶ ἀκόμη ἔχρησεν περὶ τῆς γραφῆς τῶν ἀνδρειωμένων, ὅπου ἠύρεν· καὶ τότε ἐσύνηγεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ εἶπεν· ὦ ποσοὶ ἀνδρειωμένοι¹⁾ ὑψηλότατοι καὶ ἐκλαμπρότατοι ἀπελάταις ἔπεσαν διὰ μίαν γυναικὰ μαγαρισμένην, τῶ καιρῶ ἐκείνῳ ἐσέβην καὶ εἶπεν²⁾ τῆς Τρωάδος· ποῦ εἶναι τῶν ἀνδρειωμένων ἀπελάτων τὰ ὀνόματα; καὶ ἠπῆραν τὸν οἱ ἀρχοντες ἐκεῖ ὅπου ἦσαν θαμμένοι· καὶ ἠπῆρεν σφύρον καὶ λίβανον καὶ ἐθυμιάτησε τὰ μνήματά τοῦς καὶ ἐλυπήθη καὶ ἐκλαυσεν μετὰ πολλῶν δακρῶν καὶ εἶπεν· ὦ ἀνδρειωμένοι μου διαλεκτοί, ὅπου εἶσθεν τῶ καιρῶ ἐκείνῳ, Ἀχιλλέα καὶ Ἑκτορα, ἐὰν σὰς ἤθελα εὖρη ζωντα-

1) ркп. ποσων ἀνδρειωμένων.

2) вѣроятнo пропущено: τοῦς ἀρχοντες.

νοῦς, ἤθελα σὰς τιμήσει με δωρήματα πολλὰ καὶ ἤθελα σὰς ὑψώσει καὶ ἤθελα τιμηθῆ καὶ νὰ γαρῶ εἰς τὸν κόσμον μετ' ἐσᾶς καὶ ἀφρόντι[ς]¹⁾ σὰς ἤϊρα ἀποθαμένους, τῶν ἀποθαμένων ἢ τιμὴ τους ἔναι λιβα-
νον καὶ σμύρναν, καὶ σὰς ἐθυμίασα, καὶ ὁ θεὸς συγχωρέσει σὰς με
τέτοιαις ἀνδραγαθίαις ὅπου ἐκάμετε, ὡς γράφει Ὀμηρος καὶ ὡς
ἤκουσαν οἱ φίλοι [36 v.] σοφοὶ τὸν Ἀλέξανδρον, ὁ Μενέλαος καὶ
ὁ Ἀριστοτέλης, εἶπαν τοῦ βασιλέως τοῦ Ἀλεξάνδρου: ὁ Ἀχιλλέας καὶ
ἡ βασιλεῖα σου εἰσπεν ἐνοῦ πατρὸς παιδία τῶν Ἑλλήνων, τὸν θεὸν
τους τὸν Ἄμῶν εἰσπεν υἱοί: καὶ ἐμεῖς οἱ δύο τιμητικώτερα θέλομεν
γράψῃ τὰ ποιήματά σου παρὰ τὸν Ὀμηρον τῆς Φραγγίας, ὁ Ἀλέ-
ξανδρος πάλιν ἐστράφη εἰς τὴν Μακεδονίαν με τὸ φουσάτο του ὅλο
καὶ με τοὺς βασιλεῖς ὅπου εἶχεν ἐπάρη ἀπὸ τὴν δύσιν με τὸ σπαθί
του, τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἶχαν διαβῆ χρόνοι γ' ὅπου ἦτον εἰς τὸ ταξεῖδι
καὶ ἐπαράλαβεν κάστρον με τὸ σπαθί του καὶ ὡς ἦλθαν οἱ μαντατο-
φόροι εἰς τὴν μητέρα του, ἐκαβαλίκευσεν ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ὁ διδά-
σκαλος του ὁ Ἀριστοτέλης καὶ με ταῖς ἀρχόντισσαις καὶ με λαὸν
πολὺν καὶ με τὰ παιδία τους, καὶ ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον
εἰς τὸ ποτάμι τοῦ (Σ)καμάνδρας καὶ αὐτοῦ τὸν ἐπροσκυνησαν με
τιμὴν καὶ με δῶρα πολλὰ καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκώθησαν ὅλοι καὶ
ἦλθαν εἰς τὸ κάστρον τους εἰς τοὺς Φιλίππους, καὶ αὐτοῦ ὁ Ἀλέξαν-
δρος ἐκαμεν καταστολήν τοῦ φουσάτου του καὶ ὠρισέν τους νὰ
ἀναπαυτοῦσιν μῆνες 4' καὶ νὰ θρέφετε τὰ ἄλογά σας καλὰ καὶ
ἐκλαμπρύνετε τὰ ἄρματά σας καὶ ἄς ἦσθιν ἐτοιμοί, καὶ ὅταν ἔλθῃ
ὁρισμός μου, νὰ κινήσετε εἰς τὸ ταξεῖδι καὶ ὅταν ἦλθαν οἱ ἕξ μῆ-
νες, ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του καὶ ἐποίησεν ἄρματωμένους ὅλους
σιδερέινους νὰ στέκωνται κοντά του, 8' ὅλους ἄρματωμένους σιδε-
ρέινους, ὅλους ἀθήρα διαλεκτούς καὶ ἄφηκε τὴν μητέρα του καὶ τὸν
διδάσκαλον του εἰς τὸν τόπον του καὶ ἐποίησαν τὴν φορεσίαν ὅλοι
ὅμοια καὶ τὰ ἄρματά τους ὅμοια, με τοῦ βασιλίσκου τὰ κερατο-
πούλα ἢ μπαρμπούταις ἐγκοσμισμέναις, καὶ εἰς τὰ σκουτάρια τους
ἦσαν στορισμένοι λέοντες με τὰ πτερὰ πλεγμένα τῆς ἀσπίδας καὶ
τα ἄλογά τους ἦσαν κουβερτιασμένα ὅλα ἀπὸ πετρεῖ καρκονδεῖλου

1) Въ ркн. ἀφρόντη; сл. стр. 34 строка четвертой епизы: ἀφρόντις.

καὶ ὤρισέν τους ὅτι μὲ παῖς τένταις του νὰ πέρτουν τρυγύρου παῖς τένταις τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ οὐδε κανεὶς ἐτόλμα εἰς τὴν τάξιν τῶν Μακεδόνων· ὤρισεν καὶ ἐδιάλεξαν ἑμορφαις γυναῖκες β. νὰ περπατοῦν μὲ τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου. ἡ πᾶσα μὲ τὴν ὀρθωσιν τοῦ προσώπου τῆς, καὶ ὀκάποιον ἴπαιρεάρχην ἔβαλέν τον ἀπανωθέον παῖς γυναῖκες νὰ ἦναι εἰς τον ὀρισμον του· καὶ ὅταν εἶχεν ὁ στρατιώτης ζήτησιν γυναῖκος, ἐπήραινεν εἰς τον ἴπαιρεάρχην καὶ ἔδωκεν ἕνα χρυσόν φλορί καὶ ἔπαιρνεν γυναῖκα· καὶ ὅσαις νύκταις ἐκράτειεν τὴν γυναῖκα, ὅσα φλορία ἔδιδεν τον ἴπαιρεάρχην· καὶ παντα οἱ ὅ τῶν Μακεδόνων ἦσαν κοντά του, καὶ ὅλοι το γιῶμα καὶ τὸν δεῖπνον εὐρισκονταί τον εἰς τὴν τάβλα του· καὶ μὲ ταύτους ὠμίλειεν, καὶ ἄτος του ὁ Ἀλέξανδρος ἐγένετον μικροτερος ἀπο ὀλουνοὺς, καὶ μὲ ταυτην τὴν τάξιν ἠπαινοῦσαν τὸν Ἀλέξανδρον· βοηβοντας μέγας πρωτοστράτουρας ἦτον ὀλουνῶν ὁ Πτολομαῖος, ἄνθρωπος ὀρθός καὶ δίκαιος εἰς τὴν κρίσιν του, καὶ εἰς ὀλα τὰ ποιήματα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἦτον ὀόκιμος, καὶ ὅταν ἐσκοτῶνετον ἀπο τους στρατιώτας τῶν Μακεδόνων, ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιάλεγεν κάλλιον καὶ ἔβανέν τον πάλιν εἰς τὸν τοπον ἐκεῖνου, διότι πάντα νὰ ἦναι ἑκατὸν χιλιάδες ἀρματωμένοι· καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἐσηκῶθη ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπῆργεν πρὸς τὴν ἀνατολή μὲ τα φουσάτα του· καὶ κάστρη ὀποῦ ἐπροσκυνοῦσαν μὲ το θέλημάν τους εἶχαν μεγάλη τιμὴν καὶ συμπάθειον ἀπο τον βασιλέα, καὶ ὅσοι τὸν ἀντίστεκαν ὀλίγο, τὸν τοπον τους καὶ τα κάστρη τους τὰ ἐγάλα καὶ τοὺς ἀποκεφάλιζεν· ἀπ' αὐτὸν το ἔργον ἦκουσεν ὁ κοσμος ὀλος καὶ ἐπρόμαζεν· ὀλοι οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθέντες τῆς Παλαιστίνης καὶ τῶν Ἰουδαίων τὸ βασιλεῖον ἦσαν ἀποκάτου τὸν βασιλέα τῆς Περσίας τὸν Δάρειον, καὶ πολλοὶ ἀπο τὴν Περσίαν καὶ ἀπὸ τὴν Αἴγυπτον ἔδραμαν καὶ ὠμολόγησαν τοῦ Δαρείου [37 r.] τοῦ βασιλέως τὸ πῶς ἦλθαν ἔξαφνα ὁ Ἀλέξανδρος μὲ το φουσάτο του· ὁ Δάρειος, τῆς Περσίας ὁ βασιλεύς, ὠς ἦκουσεν τους λόγους, ὠρθωσεν ἕναν ἀποκρισιάρη καὶ ἀπέστειλέν τον μὲ τέτοιαν ἐπιστολήν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάρειος ἐπιστολήν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, τῶν βασιλέων ὀλουνῶν βασιλέας, ὀποῦ

εἶμαι τρανὸς πολλὰ καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ βασιλέας, ὅπου εἶμαι μέγας καὶ ὑψηλότατος τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ καὶ τιμημένος ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς καὶ ἴσα μὲ τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εἶμαι, καὶ λάμπω ὡς ὁ ἥλιος, καὶ ὄρισμός μου ἔστι εἰς ὅλην τὴν οἰκουμένην, ὡσπερ τοῦ ἡλίου οἱ ἀκτῖνες λάμπουν εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἀπὸ τὴν ἀνατολὴν ἕως τὴν δύσιν (καὶ ἀπὸ τὸν βορρᾶν ἕως τὴν δύσιν), καὶ ἀπὸ τὸν βορρᾶν ἕως τὴν μεσημβρίαν. οὕτως¹⁾ ἔστι ὄρισμός ὁ ἐδικός μου εἰς ὅλα τὰ μέρη· ὁκάποιος ²⁾ λόγος μου ἐσέβη εἰς τὰ ὦτα καὶ ἤκουσα, ὡς υἱὸς τοῦ Φιλίππου, ὅτι ὅλην τὴν Ἑλλάδα ἐπαρέλαβες καὶ ἕως τὴν μεγάλην Ῥώμην ἤλθες καὶ ὅλα τὰ βασίλεια τῆς δύσεως καὶ τοὺς ἀρεντάδες ἀνακάτωσες καὶ ἐγάλασες τοὺς παντελῶς· ἀκόμη ἤλθες καὶ ἕως τὸν Οἰκιανόν³⁾ ποταμὸν καὶ οὐδὲν σε ἔσωσεν τόσον ὅπου ἠπῆρες, ἀμὴ ἤλθες καὶ ἕως τὸν τόπον τοῦ νότου καὶ τῆς Βαρβαρίας τὰ μέρη ἀκόμη καὶ εἰς τὴν Θεοπίαν ἤλθες καὶ ἐπαρέλαβες τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ τὰ βασίλεια, καὶ εἶναι εἰς ὄρισμόν σου ὅπου αὐτὰ μὲ τελοῦσαν λιζάτον, καὶ οὐδὲν ἐχόρτασες, ἀμὴ ἀποκότησες καὶ ἠπῆρες μου ὅλα τὰ λιζάτα καὶ ἤλθες καὶ εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ εἰς τὴν Ἀγρίδα καὶ εἰς τὰ Τάραντα κοντὰ εἰς τὸν τόπον μου ἐπάτησες μὲ τοὺς ἀτιμωμένους τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, τοὺς δούλους καὶ τελητάδες τοὺς ἐδικούς μου, ὅπου μὲ ἐδούλευεν ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος καὶ ἤφερνέ μου τὸ λιζάτον, κάθην χρόνον, καὶ ἐστὺ ἤλθες εἰς τὸν τόπον τῆς Περσίας νὰ δουλεύης· θαρρῶ οὕτως νὰ γένη· καὶ λέγω σου· σώνει σου τὸ γονικόν σου, καὶ εἰς τὴν γενεάν σου νὰ ἀρεντεύης νὰ ἦσαι τιμημένος, ἀκόμη καὶ τὴν Ἑλλάδα ἐχε τὴν ἀποκάτω σου, καὶ τὰ ζακόνια καὶ τὸ λιζάτο, ὅπου ἤφερον ὁ πατέρας σου ὁ Φίλιππος, συμπαθῶ σου τὸ νὰ τὸ ἔχης, καὶ ἐπούτην τὴν ἐλεημοσύνην σου δίδω νὰ τὴν ἔχης καὶ διὰ τὴν παραρθηρσίαν καὶ λουλίαν ὅπου ἔχεις ἀπὸς σου καὶ μὲ τοὺς ῥυμπαραίους τοὺς Μακεδόνας, ὅπου εἶσαι καὶ ἐστὺ ὁμοιος αὐτωνῶν. Ἀλέξανδρε· καὶ ἐάν οὐδὲν σου φανῆ καὶ σπέρξης τοὺς λόγους μου, σιχωθῆ θέλω μὲ ὅλην μου τὴν δύναμιν τῆς Περσίας τὰ φουστάτα

1) рки. оутос.

2) Возстановлено по греч. нар. книгѣ, стр. 63; въ текстѣ: ὁ κ^ϛ

3) Сл. стр. 33 (четырнадцатая строка сверху): Ἰκιανόν.

καὶ οὐδὲν σε θέλει χορέση πούπετες τόπος νὰ κρυβηθῆς ἀπὸ ἐμένα, καὶ ἀπὸ τὸ σπαθὶ τὸ ἐδικόν μου θέλεις παιδευτῆ ἀπὸς σου καὶ τὸ ρυμπαρικόν σου.

Περὶ ὅταν ἐδέκτη ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἐπῆρε τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Δαρείου καὶ ἀνάγνωσέν την, καὶ τόμου τὴν ἀνάγνωσε ἔκοψέ την· ὁ Ἀλέξανδρος ὠρίσεν καὶ ἔστειλὲν τοὺς πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα μὲ ἐπιστολὴν τοιαύτη γεγραμμένη οὕτως· Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς τῶν βασιλέων, τῆς γῆς βασιλεὺς, πρὸς τὸν Δάρειον τὸν βασιλέα τῆς Περσίας στέλλω· τὸ πιτάκι τὸ ἐδικόν σου ὅπου μας ἔστειλες ἐδέχθημάν το καὶ ἀναγνώσαμεν το, καὶ εἰς τὴν γραφὴν σου ὅπου μας ἔστειλες οὐδὲν σε εὐχαριστοῦμεν, ὅτι οὐδὲν ἦτον βασιλικὴ τάξι·¹⁾ καὶ λέγεις πῶς ἐπῆρα τῆς δύσης τὰ βασίλεια καὶ ἐγάλασά τα· καὶ διὰ τοῦτο νὰ ἤξεύρη ἡ βασιλεία σου, ὅτι πᾶσα ἀνθρωπος ἀπὸ χαμηλὰ θέλει νὰ ἀναβαίνει εἰς τὰ ὑψηλά· καὶ εἰς αὐτὸν τὸν λόγον νὰ ἠγνωρίσης, ὅτι ἀρχὴ τὴν δύσιν ἠπῆρα καὶ ἔρχομαι εἰς τὴν ἀνατολήν, καὶ ἐσὺ μᾶς προβερίζεις, διότι ὅλη [ἡ]οἰκουμένη ἔμπροσθεν [37 v.] τοῦ προσώπου σου οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ σταθῆ· καὶ νὰ τὸ ἤξεύρη ἡ βασιλεία σου, ὅτι τὸ ὄνομα τὸ ἐδικόν μου ἐγένωσεν ὅλος ὁ κόσμος· καὶ ἤξευρε, βασιλέα Δάροει, ὅτι τῶν Μακεδόνων ἡ στρατεία καὶ ἡ ἀνδρεία, ὅπου τοὺς λέγεις ἐσὺ ρυμπαραίους καὶ κλέφταις, καὶ ἀκόμη λέγεις ὅτι νὰ μᾶς πιάσης· καὶ ἐμεῖς ἐρχόμεθεν εἰς τὴν βασιλεία σου· ἐάν ἐσὺ μικροὺς καὶ ἀχαμνοὺς μᾶς λέγεις, ἐμεῖς εἴμεσθεν ὡσπερ τοῦ πιπερίου ὁ σπόρος, θέλομεν φανῆ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· ὡσάν θέτη εἰς τὴν γλῶσσαν τοῦ ἀνθρώπου καὶ ἀμπουκόνει περισσόν, οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου· καὶ νὰ ἤξεύρης· ἐμεῖς εἴμεσθεν ὡσπερ τὸ λιθάρι τὸ ἀδαμάντινον τὸ ἀκονητόν, οὕτως θέλομεν φανῆ εἰς ἐσένα καὶ εἰς τὰ φουσάτα σου· καὶ οὕτως ἔρχομαι ἐγὼ καταπάνου σου καὶ νὰ ἐπονομασθῶ τῆς Περσίας καὶ Ἀσίας βασιλεὺς. οὕτως θαρρῶ ἐγὼ εἰς τὸν μέγαν θεὸν νὰ γένη, ὅπου ἐσὺ γίνεσαι ὁμοίος τῶν θεῶν· καὶ

¹⁾ ркп. βασιλικὴ τάξι.

μηδὲν θαρρεῖς τὸν ἑμαυτὸν σου εἰς τοὺς Πέρσας νὰ ἐξεβῆς ἔμπροσθέν μου εἰς τὸν πόλεμον· ὅτι οἱ Πέρσαι εἶναι ὡσπερ γυναῖκες στολισμέ- ναις καὶ εἶναι σκιασπεραῖοι εἰς τὸν πόλεμον, ἀμὴ τὸ φουσάτο τῆς Μακεδονίας εἶναι λέοντες· ἀμὴ λέγω σου· ἔβλεπε νὰ μηδὲν χάσης τὴν ζωὴν σου καὶ προσκύνησέ με καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Ὁ Δάριος τὴν ἐπιστολὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἠπῆρε καὶ ὤρισεν καὶ ἀνάγνωσάν την, καὶ ἐπλήσθη θυμοῦ μεγάλου καὶ πρὸς τοὺς ἀποκρι- σιαραίους εἶπεν ὅπου ἦσαν ἐκεῖ· δείξετέ μου ποσὸν χρόνων ἔναι πῶ καιρῶ ἐτούτῳ ὁ Ἀλέξανδρος, καὶ πόσον φουσάτον ἔχει μὲ τὸν Φιλόνη, καὶ μὲ τὸν ἑμαυτὸν του πῶς ἐγροικίσετε, καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθη- σαν· εἶπεν θέλει ἅλ' χρόνων τὴν σήμερον ἡμέραν καὶ ἔναι ἔμορφος καὶ ἀνδρειωμένος πάμπόλλα, καὶ ἔχει τὸ χέρι του νὰ δωρῇ τὴν ἀπα- σαν ἡμέρα, καὶ ὁ λόγος του ἔναι στερεκτὸς καὶ ἀληθινός, καὶ μὲ τὴν φρονησιν του βασιλευεῖ, καὶ ἔχει καὶ φουσάτο ἕως 5¹⁾. τόσον ἐδυνήθησαν καὶ ἐγροικίσασμεν· ὁ Σολωμὼν ὁ φρόνιμος εἰς τὰ χαρτία του ἔλεγεν τοῦ στόματος τὸ γέλασμα καὶ τὸ περπάτημά του ἔχει βασιλικόν ὁ Ἀλέξανδρος· οὕτως ὁμολογοῦμεν τὴν βασιλείαν σου, ὁ Δάριος ἔβαλεν κατὰ νοῦ του καὶ εἶπεν· ὅτι αὐτὰ τὰ σημάδια βασιλικά εἶναι, ἀμὴ φαίνεται μου οὐδὲν ἔναι οὕτως ¹⁾).

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Δάριος τοὺς ἀποκρισιαραίους του.

Ὁ βασιλεὺς ὁ Δάριος ὤρισεν καὶ ἔγραψαν χαρτία εἰς ὅλον τὸν τοπον εἰς τὰ μέρη του ὅλα, νὰ συναχθοῦν ὅλα του τὰ φουσάτα ὅπου οὐκ ἄποτε ἢ γλώσσαις ἀρχέρισαν νὰ κτίξουν τὴν πυργοποιάν· καὶ αὐτοῦ ὤρισεν ὁ μεγαλοδύναμος θεὸς καὶ ἐμοίρασεν ταῖς γλώσ- σαις ὅλαις καὶ ἐχωρίσθησαν ἐπὶ τὴν οἰκουμένην ὅλην· καὶ αὐτοῦ ἐσυνάχθησαν τὰ φουσάτα του Δαρείου· καὶ ἔγραψεν ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἰσραήλ, καὶ εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ ἀπόστειλέν τους καὶ εἶπεν τους· κρατεῖσθε δύνατά, νὰ μηδὲν παραδοθῆτε τοῦ Ἀλεξάνδρου,

¹⁾ ρκκ. οὔτοι.

ὅτι ἐγὼ μὲ τὴν δύναμίν μου τὴν μεγάλην ἔρχομαι καταπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐγλήγορα σὰς θέλω ἐλευθερώσει ἀπὸ τὸ κακόν.

Περὶ ὅταν ἐπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τοὺς ἐρήμους τόπους ¹⁾.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν καὶ ἐσέβη μὲ τὸ φουσάτο του εἰς τὸν Ἰουδαϊκὸν τόπον, τὸ σύνορον τῆς αὐθεντίας τῶν Ἑβραίων, τὴν φρόνιμην ²⁾ καὶ εὐγενάδα καὶ ἔμνοστον Ἱερουσαλήμ· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἀφέντευεν ἀπέσω ὁ προφήτης Ἱερεμίας καὶ ἐπαρακαλοῦσαν καὶ ὑμνοῦσαν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, τὸν Σαβαώθ, ἐπροσκυνοῦσαν καὶ ἔψαλλον νυκτὸς καὶ ἡμέρας κατὰ τὴν συνήθειάν τους. τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρην [38 r.] ἔστειλεν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ ἔγραφεν οὕτως εἰς τοὺς εὐρισκομένους Ἑβραίους τῆς Ἱερουσαλήμ· ὅπου ὁμολογεῖτε εἰς ἓνα θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πιστεύετε τὸν παντοκράτορα Σαβαώθ, ὅπου κατοικεῖται αὐτοῦ, Ἰσραηλίτας, χαίρετῶ σὰς· καὶ ὡς εἶδαν τὸ πιτάκιον οἱ Ἑβραῖοι, ἔστειλαν μὲ ἓναν Ἑβραῖον ἐπιστολήν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ εἶπαν οὕτως· ἡμεῖς οἱ εὐρισκόμενοι Ἑβραῖοι τῆς Ἱερουσαλήμ, τὸν βασιλέα τὸν Ἀλέξανδρον προσκυνοῦμεν· ἡμεῖς ἀφὸν ἐδιέβημαν τὴν Ἐρυθρὰ θάλασσα οὐδενὸς βασιλέως ἐγινήκαμεν ἡμεγέρταις, οὐδεμίαν φιλτζίαν ἐποιήσαμεν· τὸν παντοκράτορα Σαβαώθ δουλεύομεν καὶ ὑμνοῦμεν καὶ ἐπταίσαμεν· καὶ ὀργίσθη μὰς ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, καὶ ἔστειλέν μὰς εἰς τὰ χερσὶα τῆς Περσίας τοῦ βασιλέως τοῦ Ναβουχοδονόσωρ· καὶ πολλοὺς χρόνους ἡμεσθεν εἰς αἰχμαλωσίαν· τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἦλθεν συμπάθειον ἐκ τὸν μέγαν θεὸν καὶ ἐγυρίσαμεν ὀπίσω εἰς τὸν τόπον μὰς καὶ ἡμεσθεν ἀποκάτου τὸν Δάρειον, ὅπου ὁ κοσμος ὅλος ἓνα ἀποκάτου του· καὶ ἂν σε παραδοθῶμεν, Ἀλέξανδρε, ἔρχεται ὁ βασιλεὺς ὁ Δάρειος καὶ μὰς γὰρ ὅλον τὸν τόπον μὰς τὸν ἔμορρον

1) Надписаніе этой главы и слѣдующее далѣе пророчество Іереміи о подвигахъ и приключеніяхъ Александра указываютъ на размѣры пропусковъ, находившихся, вѣроятно, уже въ подлинникѣ Вѣнскаго списка: пропусцевъ походъ въ Египетъ и посѣщеніе невѣдомыхъ странъ. Объ этомъ говорено подробно въ моемъ изслѣдованіи.

2) ркп. φρόνησιν.

και ἔμνεστον τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τὴν ἐπιστολὴν τοῦς ἀνάγνωσεν. καὶ ἄλλην ὤρισεν καὶ ἔγραψεν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ.

Ὁ Ἀλέξανδρος τῶν βασιλέων βασιλεὺς εἰς ὅλους τοὺς εὐρισκομένους εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ στέλλω· ἐσεῖς γοῦν πολλὰ ὑψηλόφρονα μοῦ στέλνετε, καὶ εἶδα καὶ ἔμαθά τοι καὶ οὐδὲν πρόπει ἐσᾶς, ὦ ἀνθρώποι, ὅπου εἰσθεν τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος δούλοι, καὶ ἔναι εἰς ἐσᾶς ὁ θεὸς ὁ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, γὰρ ἦσθεν δούλοι τῶν εἰδωλολατρῶν, γὰρ τοὺς προσκυνήσετε, καὶ μηδὲν παντέχετε εἰς τὸν Δάρειον, γὰρ τὸν πληρώσετε λιζάτον καὶ δόσιμον· ὅτι ἐγὼ ἂν οὐδὲν προσκυνήσω τὸν θεὸν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ. καὶ εἰς τὸν θεὸν εἰς τὴν ἁγίαν Σιών, οὐδὲν ἠπηγαίνω γὰρ πολεμήσω.

Περὶ ὅταν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐποίησεν συναξίν.

Ὁ προφήτης Ἱερεμίας εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ ἤκουσεν ὅτι ἔρχεται Ἀλέξανδρος καὶ ἔμασεν τοὺς ἀνθρώπους ὅλους τῆς Ἱερουσαλήμ· καὶ ἐποίησαν βουλὴν καὶ εἶπαν· καλὸν ἔναι ἡμᾶς, δούλοι τοῦ θεοῦ, γὰρ δεκτούμεν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ γὰρ σεβῆ εἰς τὸ κάστρον μας, ὅτι ἐγὼ εἶδα τὸν κατ' ὄναρ μου τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐσυντύχαινε μετ' ἐμένα καὶ εἶπεν μου, ὅτι αὐτὸς ὅπου ἔρχεται εἰς ἐσᾶς, ἐγὼ λέγω, αὐτὸς σᾶς θέλει ἐλευθερώσει ἐκ χειρὸς τοῦ Δαρείου, καὶ ὅσῃν πείραξιν σᾶς ἔκαμαν οἱ Πέρσιδες, θέλει τὸ πληρώσει Ἀλέξανδρος μετὰ τὸ σπαθί του εἰς αὐτονοῦς, οὗτος ὁ λόγος ἄρεσεν τῶν ἀρχόντων ἀπὸ τὸ κάστρον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον, καὶ ἐφάνηκέν του ὁ προφήτης Ἱερεμίας ἐνδεδυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του· ἔρχου, τέκνον μου Ἀλέξανδρε, καὶ σέβα εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ καὶ σέβα εἰς τὴν ἁγίαν Σιών καὶ προσκύνησε τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, καὶ ἄρον προσκυνήσεις, συρε εἰς τὸν Δάρειον καὶ θέλεις τὸν ἐτξαισι με τα φουσάτα του καὶ θέλεις τὸν πατάξῃ καὶ θέλεις γέννη βασιλεὺς τῆς Περσίας· ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τοῦ ὕπνου ἀνέστη καὶ εἶπεν τῶν ἀρχόντων τὸ ὄραμα ὅπου εἶδεν· καὶ ὄρθα ἐκίνησεν εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ ὤρισεν ὁ προφήτης Ἱερεμίας ὅτι ἐφθασεν, καὶ ἐσυν-

ἀχθῆ ὄλος ὁ λαὸς μικροὶ τε καὶ μεγάλοι. καὶ εἶπεν τοὺς νᾶ ἐξεβούρῃ εἰς συναπάντησιν τοῦ Ἀλεξάνδρου. καὶ ἐδύθην στολήν τῶν ἱερέων ὁ προφήτης Ἰερεμίας καὶ ἄλλοι ἄνθρωποι ἑκατὸν χιλιάδες ἐνδύθησαν στολήν τῶν ἱερέων, καὶ δέκα χιλιάδες ἄνθρωποι μὲ κερία καὶ λαμπάδες¹⁾ καὶ κανδήλαις καὶ θυμιατοὺς ἐσυναπάντησαν τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἐθυμιάσαν τον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ὡς εἶδεν τὸν προφήτην Ἰερεμίαν εἶπεν τῶν ἀρχόντων του· ὅτι ἐτοῦτον τὸν ἄνθρωπον εἶδα εἰς τὸν ὕπνον μου μὲ αὐτὴν τὴν φροεσιαν· καὶ εὐθύς ἐπέξουσεν καὶ ἐπροσκύνησέν τον ἕως ἐδάφους τῆς γῆς· καὶ ὁ προφήτης Ἰερεμίας τὸν ἐθυμιάσεν μὲ σμύρνον καὶ λίβανον. ὡς ἄξιον βασιλέα. καὶ εὐλόγησέν τον, καὶ ἀπὸ τὸ χεῖρ τον ἐπίασεν καὶ ἐσέβασέν τον εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ καὶ ἠπῆγε τον [38 v.] εἰς τὴν ἀγίαν ἐκκλησίαν τὴν μεγάλην, καὶ ἐπροσκύνησεν τὰ ἅγια τῶν ἁγίων καὶ ἐδείξεν του τὸ πῶς τὴν ἔκτισεν ὁ Σολωμών ὁ βασιλεύς. ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἐρώτησεν· δεῖξε μου, ποίου θεοῦ εἴστεν ἐσεῖς; ὁ προφήτης τὸν εἶπεν· ἐμεῖς ἕνα θεὸν πιστεύομεν καὶ ὁμολογοῦμεν, ὃ ποῦ ἐποίησε τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ ὄλους ὠρᾶ, καὶ αὐτὸν ὀφθαλμὸς οὐδὲν εἶδεν, οὐδὲ ὠτίον τὸν ἤκουσεν, καὶ εἰς καρδίαν ἀνθρώπου ἐσέβην· ὁ Ἀλέξανδρος ἐθαύμασεν καὶ εἶπεν· ὅτι ἀληθῶς ἐσεῖς ὑψίστου θεοῦ ἀιγμάλωτοι καὶ δοῦλοι, καὶ πιστεύω καὶ ἐγὼ ἀπὸ τὴν σήμερον ἡμέραν αὐτὸν τὸν θεόν, καὶ προσκυνῶ καὶ ὑμνῶ καὶ ὁμολογῶ καὶ χαρίζω τὸ δῶρον καὶ τὸ λιζάτο, ὃ ποῦ ἤθελα πάρῃ ἀπὸ ἐσᾶς, ὡσάν τὸ ὑπῆρα ἀπ' ὄλαις παῖς γλώσσαις, διδῶ τὸν θεόν σας νᾶ ἕνα θεὸς μου νυκτὸς καὶ ἡμέρας εἰς βοήθειάν μου, καὶ ἡ ἀγάπη του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του νᾶ ἦναι μεθ' ἡμῶν. καὶ ἐδώρησέν του χρυσάριον, καὶ αὐτὸς οὐδὲν τὸ ἐδέκτη, ἀμῆ εἶπεν· ἄς ἔναι δῶρημα τοῦ θεοῦ. καὶ ἐξέβην ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸν ναὸν καὶ ἐσίμωσεν πρὸς τὸν θεόν τῆς Αἰγύπτου· καὶ ὁ προφήτης Ἰερεμίας τὸν ἐπροβοδίσε ἕως τὸ μεσημέρι καὶ ὄλον τὸν δρόμον ἐσυντύχαιεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶπεν ὁ προφήτης· λέγω, τέκνον, παρακάλειε τὸν θεόν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς νυκτὸς καὶ ἡμέρας, ἔχε διὰ στόματος σου, καὶ αὐτὸς σου θέλει γένῃ εἰς βοήθειαν, καὶ τὴν δύναμιν ὅλην τῶν Ἱερσῶν θέλεις τζακίστη· καὶ

¹⁾ ркп. κερία καὶ λαμπάδων.

ἐσύ, Ἀλέξανδρε, ὑπάγε εἰς τὴν Αἴγυπτον καὶ θέλεις τὴν ἐπάρη, καὶ τὸν Ἡῶρον τῆς Ἰντίας θέλεις σκοτώσει, καὶ τὸν Δάρειον τὸν θέλεις πάρη· καὶ λέγω σου, τέκνον, οἱ ἐβλέπω, θέλεις εἶσταν ἀπανωθῆον εἰς ὄλους τοὺς βασιλεῖς καὶ κοντὰ εἰς τὴν παράδεισον θέλεις ὑπαγῆνη καὶ ἐκεῖ θέλεις εὖρη ἄνδρες καὶ γυναῖκες εἰς ἓνα νησιν φυλακωμένους, ὅπου εἶναι τὸ φαί τους καὶ ἡ ζωὴ τους ἀπὸ ὀπώρα ¹⁾, οὐχί ἄλλον τίποτε, καὶ ἡ ἐνδύμασια τους εἶναι τὸ πετζί τους μὲ τὸ μαῶλι τους σκεπασμένη· καὶ κοντὰ εἰς τοὺς ἀγγέλους μὲ ἀγάπην εὐφραίνονται καὶ τὸ ὄνομά τους εἶναι Μάκαροι ἀπὸ τὸν θεόν· καὶ ὅλα αὐτὰ θέλεις ἰδοῦ Ἀλέξανδρε, ἀκόμη σε θέλουν ὁμολογήσει ἐκεῖ δια τὴν ζωὴν σου καὶ τὸν θάνατον σου· ἀμὴ παρακαλῶ σε μηδὲν μάς ἀφίνης νὰ ἐγώμεν λύπη· ἔπαρ' τίποτε ἀπὸ ἐμάς, Ἀλέξανδρε, καὶ ὁ βασιλεὺς εἶπεν ὡσάν ὠρίζης, πατέρα, οὕτως νὰ παιήσω· καὶ εἶπεν ὁ προφήτης, καὶ ἤφεραν λιθαρόπουλον λυχνιτάρι, καὶ εἰς αὐτὸ τὸ λυχνιτάρι ἦτον γραμμῆνο τὸ ὄνομα τοῦ Σαβαώθ, καὶ αὐτὸ τὸ λιθαρόπουλον ἐβάστα εἰς τὴν μπαρμποῦτα τοῦ ὁ υἱὸς τοῦ Ναυῆ ὅταν ὑπαγαίνε νὰ πολεμίστη μὲ ἄλλοφυλα ἔθνη· ἤφεράν του καὶ τὸ σπαθι τοῦ Γολιάθ τοῦ Ἑλλήνος ὅπου τὸν ²⁾ ἐπροπώσεν ὁ Δαυὶδ τῶν Ἑβραίων, ἤφεράν του καὶ τὴν μπαρμποῦτα τὴν διγαλὴν τοῦ ἀνδρειωμένου τοῦ Σαμψὼν μὲ τῶν ὀριδίων τα ὀνύγια κολλημένη· ἤφεράν του καὶ τὸ κοντάρι τοῦ Σαμψοῦ, ἀδαμάντινον τὸ ξίφος, ὅπου κανένα σίδερο οὐδὲν ἤμπορεῖ νὰ τὸ κρατήσῃ· καὶ ἤφεράν του σκουτάρι σιδερέϊνον ἀπὸ ἄνικον ³⁾, ὅπου ἄλλον σίδερον οὐδὲν τὸ ἐπέρνα, ὅπου εἶχεν γένη τοῦ Ἰωπανθάνου ⁴⁾ τοῦ υἱοῦ τοῦ Σαουλ τοῦ βασιλέως· ἤφεράν του καὶ οἱ Ἑβραῖοι τοῦ καστρου ἄλογα διαλεκτα ἑκατον, ὅλα μαγδάλια, καὶ ἐπροσκύνησάν τον· καὶ ἀπ' αὐτοῦ τὸν εὐλογήσεν ὁ προφήτης Ἰερεμίας καὶ εἶπεν, οἱ οὐδένα κάστρο καὶ τόπος νὰ σταθῇ ἔμπροσθέν σου, Ἀλέξανδρε· καὶ ἀπέκει τὸν ἐρίλησεν καὶ ἐγύρισεν ⁵⁾, τότε καὶ ὁ Δάρειος

¹⁾ рки. ἤπορα, Нар. 71 πορική.

²⁾ рки. τὸ.

³⁾ Повак, стр. 50: отъ *акѣта* (вар. ашита, анкиноа) гвоѣдіа. Въ греч. нар. ки., стр. 71—2, нѣтъ соотвѣтствія.

⁴⁾ Повак, I, с. Анаана (вар. Ноаана).

⁵⁾ Сл. греч. народную книгу (р. 72): τέλος τὸν εὐλογήσεν ὁ Προφήτης Ἰερεμίας καὶ ἀφῆκε τον νὰ ὑπάγῃ. Слѣдуетъ далѣе походъ Александра въ Еги-

ἐπεμψεν καταπατητάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον καὶ ἡ βίβλα τοῦ Ἀλεξάνδρου ἐπιάσε τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐλεημονήθη τους καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ὑπῆγαν εἰς τὸν Δάρειον καὶ ὠμολόγησάν του ὅσον εἶδαν καὶ τὸν Ἀλέξανδρον ἐπαινοῦσαν πάμπόλλα· ἐθυμώθη ὁ Δάρειος καὶ ὤρισεν καὶ ἔκοψεν ταῖς γλώσσαις τους, νὰ μηδὲν ἀκούσῃ τὸ φουσάτο καὶ σκιασθῇ· καὶ ἐποίησαν βουλήν καὶ ὤρθωσεν νὰ κινήσουν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ οἱ αὐθεντάδες τοῦ εἶπαν· βασιλέα Δάρειε, οὐδὲν πρέπει ἐσένα νὰ πολεμήσῃς μὲ τὸν Ἀλέ[39 γ.]ξανδρον, ὅτι αὐτὸς ἐναι ῥυμπᾶς, ἀκόμη ἐναι καὶ μικρότερος καὶ ἀπὸ ὅλους τοὺς βασιλεῖς ὅπου ἔχεις ἀποκάτου σου, καὶ ἄρρεσεν ὁ λόγος οὗτος τὸν Δάρειον· καὶ ὤρισεν καὶ ἔκραξαν τὸν μέγαν βοηβόντα τὸν πρωτοστράτουραν, ὅπου εἶχεν πρῶτον εἰς τὸ φουσάτον του ὄλον, ὀνόματι Μίμαντον, καὶ εἶπεν του· ἔπαρε φουσάτα ἀπὸ τοὺς Πέρσας χίλιας χιλιάδες, ἔπαρε καὶ ἐκ τοὺς δῆμους¹⁾ τ' καὶ ἐκ τὴν Θεοπίαν σ' ἔπαρε καὶ δοξίστες²⁾ ρ', καὶ σύρε καὶ πέρασε τὸν Ἐφράτην ποταμόν, καὶ ὅπου εὔρης τὸν Ἀλέξανδρον, τὸν υἱὸν τοῦ Φιλίππου, νὰ τὸν φέρῃς εἰς τὴν βασιλείαν μου δεμένον· εἰ δὲ μὴ καὶ κάμη νὰ φύγῃ, νὰ τὸν διώξῃς ἐπὶ τὸν κόσμον ὄλον, ὥστε νὰ τὸν πιάσῃς· καὶ σύρε, καὶ ἐγώ, ὁ θεὸς τῆς Περσίας, νὰ ἐναι βοηθὸς σου· ὁ Μίμαντος ὑπῆρε τὸ φουσάτο ὅσον ὤρισεν.

Περὶ ὅταν ἀρματώθη τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ἐποίησεν σύναξιν.

Ὁ Δάρειος ἐπέρασεν τὸν Ἐφράτην ποταμόν καὶ εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Ἀλεξάνδρου καὶ ὤρθωσεν εἰς τὸν πόλεμον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδε τὸ φουσάτο τοῦ Μίμαντος, ὤρισεν καὶ ἀρματώθη τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσαν ὅλοι· καὶ ἐλάλησεν ὁ Ἀλέξανδρος φωνῇ μεγάλῃ ὦ θαυμαστοὶ καὶ φοβεροὶ ἀνδρειωμένοι μου Μακεδόνες καὶ Λακιδαιμονίτες, καὶ φῶς τῶν ὀφθαλμῶν μου, πρωτοκαβαλαραῖοι χρυσοπτερονιστηράτοι, ἤκούσατε· ὅτι ἡ σκέπη τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ

пять, пропущенный въ нашемъ текстѣ, послѣ чего оба совпадаютъ на стр. 76 греч. нар. кн.: ἔστειλε (sc. ὁ Δαρειῶς) καταπατητάδες η τ. δ.

¹⁾ ркп. δῆμους; въ народ. греч. кн. 78 Μήδους, Новак. 54 Μιδῆνβ.

²⁾ Народ. греч. кн. 78 τοξίστες.

τῆς γῆς, ἡ χάρις του καὶ ἡ ἐλεημοσύνη του ἦλθεν πρὸς ἡμᾶς· ὁποῦ ἔσεῖς εἶδετε τὴν βοήθειάν του, τὸ πῶς τὴν Ρώμην ἠπῆραμεν καὶ τὰ νησιά ὅλα καὶ τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ αὐτοῦ τὸν θεὸν ἐπροσκυνήσαμεν, καὶ μὲ τὴν δύναμίν του ἠπῆραμεν τὴν Αἴγυπτον καὶ ἕως τὸν Δάρειον ἦλθαμεν, καὶ ἐὰν αὐτὸν τζακίσωμεν, θέλομεν γένῃ αὐθέντες καὶ οἰκοκύριοι· εἰ δὲ αὐτὸς τζακίσει ἡμᾶς, εἰς ὅλον τὸν κόσμον θέλει μᾶς διώξῃ· καὶ κάλλιον ἔναι ἡμᾶς τὴν σήμερον ἡμέραν εἰς τὸν πολέμον ν' ἀποθάνωμεν ὅλοι, ἀμὴν· γὰρ τὸ ἠξεύρετε ὅτι ἐγγλήγορα θέλουν ἐφυγῆ, καὶ θέλομεν τοὺς τζακίσει· ὅτι ὁ βασιλεὺς του¹⁾ δὲν ἔναι ἀντάμα μὲ τὸ φουσάτο του· καὶ ἐκαβαλίκευσεν τὸ ἄλλογόν του τὸν Βουκέραιον καὶ ἔβαλεν τὴν μπαρμποῦτα εἰς τὸ κεφάλιν του καὶ ὠρθωσεν τὰ φουσάτα του εἰς τρία λάγια.²⁾ καὶ αὐτὸς ἔρχετον ἐξοπίσω μὲ τὴν σύνταξίν του, καὶ ἀπόστειλεν τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Πτολομαῖον εἰς δύο σύνταξεις· καὶ οὕτως ἐπῆγαν ἐγγλήγορα ἀπάνου τους καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἐτζάκισαν τὰ κοντάρια, καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ ἐκτυπήθησαν κατὰ πρόσωπα εἰς τὰ δόντια· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὰ ἀκονιστὰ σπαθία τῆς Μακεδονίας καὶ οὕτως ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς³⁾, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος μὲ τοὺς Πέρσας ἐσμίχθη καὶ ἦλθεν διώγοντάς τους ἕως τὸ πέσιμον τοῦ Δαρείου· καὶ ὁ βασιλέας, ὡς εἶδεν τὸ φουσάτο του τζακισμένο, εἰς ἓνα ἐγγλήγορον ἄλλογον ἐκαβαλίκευσεν καὶ ἐφυγὲν· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοὺς· εἶπέ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ὅτι ἐσκοτώσα τὸν μέγαν τὸν βοηβόντα του τὸν Μίμαντον, καὶ οἶδε φουσάτο καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον τῆς Περσίας.

Περὶ ὅταν ἠπῆγαν ὁ Ἀλέξανδρος εἰς τὸν Δαρείον.

Εἰς αὐτὴν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος τὸν προφῆτην Ἱεραμίαν· καὶ εἶπεν· υἱέ μου Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ μὴν ἔχης καμμίαν ἔγνωσαν ἀπὸ τὸν Δάρειον ἂν ἔφερνε πλεώτερον φουσάτο καταπάνου σου· σύρε καὶ μὴ σκιαστῆς, ὅτι ἐσύ ἔχεις βοηθὸν τὸν θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαώθ· καὶ βάλε εἰς τὸ κεφάλιν σου λιθαρόπουλον,

1) рки. του; вѣроятнo τους

2) въ народ. греч. кн. 79 мѣрѣ.

3) рки. φυγίου. Ср. стр. 14, пр. 2.

ὅταν ἴσεβῆς εἰς τοὺς ἀλλοφύλους εἰς τὸν πόλεμον, ἐκεῖνο ὅπου τοῦ ἔδωκα εἰς τὴν Ἱερουσαλήμ, καὶ πάντοτε ἔχε τὸν νοῦν σου καὶ παρακάλει τὸν θεὸν μὲ τὸ στόμα σου καὶ λέγει ἕνας ἅγιος, ἕνας θεός, ἕνας κύριος καὶ ποιητὴς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, ὁ ὑπὸ τῶν Σεραφίμ ἀνυμνούμενος καὶ ἐπὶ τῶν Χερουβίμ ἀναπαύμενος Ἰδωναί. Σαβαώθ· καὶ ὅσο πλῆθος καὶ ἂν ἔργεται καταπάνου σου, ἐσύ τους θέλεις τροπώσει, Ἄλέ [39 v.] ξανδρε, ὁ Ἀλέξανδρος ἀνέστη ἐκ τῶ οραμα ὅπου εἶδεν καὶ ἐχάρη χαρὰν μεγάλην· καὶ τόμου ἔδωκεν ἡ αὐγῆ, ἐκίνησεν σύντομα πολλὰ μὲ ὄλην του τὴν προθυμίαν εἰς τὸν πόλεμον· καὶ ὠρισεν καὶ ἐλαλοῦσαν τὰ ὄργανα ἀπὸ ταῖς δύο μεραῖς· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια, καὶ ἦτον ὁ ἐκτυπος τῶν κονταριῶν καὶ τῶν σπαθίων, ὁ κουδουνισμός καὶ ὁ γλημιτισμός τῶν φαρίων καὶ ἡ φωναῖς τῶν ἀνθρώπων ἤκούστη ἕως τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· τόσο μέγα¹⁾ ἐγεῖνη αὐτὴν τὴν ἡμέραν καὶ τοσος στραγμός ἐγεῖν ἀπὸ τὰ δύο μέρη· οἱ Πέρσιδες οὐδὲν ἐδυνήθησαν²⁾ τὸν πόλεμον καὶ ἔδωκαν εἰς τροπὴν φυγῆς³⁾ ὀπίσω εἰς τὸν τόπον τους· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἐδίωγεν τρεῖς ἡμέραις καὶ τρεῖς νύκταις· καὶ ἐσκοτώθησαν ἀπὸ τοὺς Πέρσιδας, ῥῶ, καὶ ἐκ τοῦ Ἀλεξάνδρου ἄ, καὶ ἐπίασαν καὶ ζωντανούς ῥ, καὶ ἤφεράν τους εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοὺς πιασμένους· πλέον εἰς τὸν πόλεμον νὰ μηδὲν ἐλθῆτε· καὶ ἀπόλυσέν τους· καὶ ἐσὰς ἐλεημονήθηκα καὶ ἐχάρησά σας τὴν ζωὴν σας, ὁ Δάρειος ὁ βασιλεὺς ἠπῆρεν ἑκατὸν καβαλαραῖους ἐγγλήγορους καὶ ἐγλύτωσεν, καὶ ἠπῆρεν εἰς τὸ κάστρον τῆς Περσίας· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἦλθεν μὲ τὰ φουσάτα του εἰς τὴν Βαβυλωνίαν· καὶ ὡς ἤκουσαν οἱ Βαβυλωνίταις, μικροί τε καὶ μεγάλοι, ἦλθαν καὶ τὸν ἐπροσκύνησαν καὶ οὕτως τὸν ἐφούμισαν τὸν Ἀλέξανδρον μεγάλη φωνῆ· βασιλέα τῶν βασιλέων καὶ τῆς οἰκουμένης ὅλης, πολλὰ τὰ ἔτη τῆν βασιλεία σου, καὶ ἤφεράν του προσκυνήματα, ὁῶρα πολλὰ πανθαύμαστα, ἃ ὀφθαλμός οὐκ εἶδεν καὶ οὐς οὐκ ἤκουσεν· ἐξέβαλαν του

1) Народ, греч. кн. 82 τόσον κοψιμον: это слово или подобное произнесено въ текстѣ.

2) Народ, греч. кн. 82 δὲν ἠμπόρεσαν νὰ βαστάξουν τὸν πόλεμον: послѣднимъ глаголомъ и должно дополнить недостающее.

3) ркн. φηγίου.

καὶ τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως τὸ χρυσάφι ὅπου ἦτον αὐτοῦ β' χιλιάδες τάλαντα καὶ ἄλογα χίλια, ἡφραάν του καὶ τοὺς λεοντάδες τοῦ Δαρείου ἑκατὸν (χιλιάδες), ὅλους εἰς χρυσοὺς ἄλυτους ἡφραάν του καὶ πάρχους τοῦ κυνηγίου ἄ., ἡφραάν του καὶ φαρία ἀράπικα πεντακόσια, ὅπου ἦσαν ἐγγλήγορα ἀπο τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ ἡφραάν του σταγόνια χρυσά δύο χιλιάδες καὶ κούπαις ἐγκοσμισμέναις χιλιαῖς, καὶ ἀλόγων ἀρματοσίαις τρεῖς χιλιάδες ὅπου ἦσαν καμωμέναις ἀπὸ ὀφάρια· αὐτὰ τὰ πετζία σίδηρον οὐδὲν τὰ ἐπέρινα· ἐξέβαλάν του καὶ τὸ ἀπανωφόρι τοῦ Ἐξερξένου τοῦ βασιλέως τῆς Περσίας ὅπου τὸ εἶχεν ἐγκοσμισμένο μὲ τοῦ ὀριδίου τὰ ὀμμάτια καὶ μὲ πολύτιμα λιθαρόπουλα ἡφραάν του καὶ τὴν τάβλα τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως ἀπὸ τὴν ζαφύραν μὲ τα πολυτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ ὅταν ἦσθιεν ἀπάνου τῆς ποτὲ κακῆν καρδίαν οὐδὲν εἶχεν· καὶ ἐποίησαν εἰς τὴν Βαβυλῶνα τριάντα ἡμέραις· ὁ Δάριος ὁ βασιλεὺς ὡς ἤκουσεν, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρε τὴν Βαβυλῶνα, ἐπικράθη καὶ ἀναστέναξεν βαρεῖα καὶ ἐθλίβην πολλά καὶ ἔλεγεν· εἴ τις ἀνθρώπος ὑψηλοφρονᾶ καὶ γίνεται ἐπίγειος θεός, καὶ οὐδὲν καταδέχεται πᾶσα ἀνθρώπων γὰ συντυχαίνῃ, γυρίζει τον ὁ θεὸς ὁ οὐράνιος καὶ ποιεὶ τον εἰς τὰ καταχθόνια τοῦ ἄδου.

Περὶ ὅταν εἶδεν ὄνειρον ὁ Ἀλέξανδρος ¹⁾.

Ὁ Ἀλέξανδρος αὐτὴν τὴν ὥραν ἤγουν τὴν νύκταν εἶδεν ὄνειρον· ὅτι ἦλθεν ὁ προφῆτης Ἰερεμίας, καὶ ἦτον ἐντυμένος ἀρχιερατικὴν στολὴν καὶ εἶπεν του ἐγγλήγορα· τέκνον Ἀλέξανδρε, σύρε καὶ γένου ἀποκρισιάρης εἰς τὸν Δάριον καὶ καταπάτησέ τον αὐτον καὶ τὰ φουσάτα του καὶ τῆς Ἰνδίας ὅπου φέρνει καταπάνου σου· καὶ ἐάν σε ἐγνωρίσουν εἰς τὸν Δάριον, ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς Σαβαώθ σε θέλει φυλάξῃ καὶ θέλεις ²⁾ σωθῆ ἀβλαβῆς ἀπέχει· καὶ μὴ φοβηθῆς κανένα τίποτες· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐξύπνισεν καὶ ὤρισεν, καὶ ἦλθεν ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φίλωνης καὶ ὁ Ἀντίοχος, καὶ ἔδειξέν τους τὸ

¹⁾ Между предыдущей и следующей главой вѣвскій епископъ опустилъ: ободрительныя рѣчи Даріевыхъ вельможъ и эпизодъ объ Амвсѣѣ, Амвсѣѣ слав. перевода. Сл. греч. нар. кн. стр. 85—90.

²⁾ рки. θέλεις.

όραμα και εἶπεν τοὺς· ἐάν μοῦ πέσῃ κίνδυνος και ἀποθάνω ἐκεῖ, ὅλα τὰ βασιλεια τοῦ κόσμου νὰ τὰ ἡμοιράσετε τοὺς ἐμαυτοῦ σας, και τὸ σκαμνὶ τῆς Μακεδονίας νὰ τὸ φυλάξετε καλά, και αὐτοὶ οὐδὲν τον ἀφίνουν νὰ ὑπαγαίνῃ, και ἐγείνη θρηῆνος μέγας, και αὐτὸς τους ἀποκρίθη· ἐσεῖς οὐδὲν με ἀφίνετε νὰ ἡπηγαίνω, και ἂν [40 p.] θέλῃ ὁ θεὸς ὅτι νὰ γαθῶ, ὅλουνοῦ τοῦ κόσμου τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ με βοηθήσουν· εἰ δὲ ὁ θεὸς θέλει ὅτι νὰ με φυλάξῃ, ὀληνηῆς τῆς Περσίας τὰ χέρια οὐδὲν δύνονται νὰ με σκοτώσουν. ὁ Ἀλέξανδρος ὡσάν ἀποκρισιάρης ἐγείνη και ἡπῆγεν εἰς τὸν Δάρειον, και ἡπῆρεν πιτάκι και ἐδύθην φορεσίαν περσικὴν και εἰς τὸ κεφάλι του εἶχεν γλαμοῦτζαν με χρυσομάργαρον και με πολυτίμητα λιθαροπούλα ἐγκοσμισμένη, και ἀπάνου εἰς τὴν φορεσίαν του ἔβαλεν ταπάριν φοινικιότικον, και ἦτον ἐγκοσμισμένο με τῆς ἀσπίδας τὰ κερατοπούλα και με χρυσαῖς φόλαις μεγάλαις.

Περὶ ὅταν ἐγείνη ἀπὸς του ὁ Ἀλέξανδρος ἀποκρισιάρης.

Ὁ Δάρειος ἤκουσεν, ὅτι ἦλθεν ἀποκρισιάρης τοῦ Ἀλεξάνδρου και ἐποίησεν σύναξιν μεγάλην και φοβερή, διότι νὰ φανῇ τοῦ ἀποκρισιάρη ὑπερθαύμαστος φοβερὸς, και ὁ Ἀλέξανδρος ἐσέβην εἰς τὸ παλάτιν τοῦ Δαρείου και ἔδωκεν τὴν ἐπιστολήν τοῦ βασιλέως και τέτοια λόγια ἐσύντυχεν· ὁ ἀφέντης ὁ ἐδικὸς μου ὁ Ἀλέξανδρος, ὁ ὑψηλότατος βασιλεὺς ἐσένα πρὸς τον βασιλέα τῆς Περσίας πολλὰ χαίρετᾶ, και εἶπεν μου νὰ κρίσης νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του και ἄλλην ἐγλήγορα νὰ μοῦ δώσης νὰ ἡπηγαίνω· ὁ Δάρειος ἐκάθετον εἰς ἓνα θρονὸν ὑψηλὸν πολλὰ, και ὀλόγουρά του ἦσαν ὡσαν προσωπα ἀγγελικὰ καμωμένα, με λαμπάδες ὡσαν τῶν θεῶν¹⁾ στέκονται, ὅλον τὸ παλάτι ἀπέσω ἦτον ἀγνὸν χρυσάριν ὅλον με λιθαρόπούλα και μαργαριτάριν ἐγκοσμισμένο, και εἰς ταῖς τέσσαρες κώχαις ἔφραγγεν ὅλον τὸ παλάτιν ὡσαν λαμπάδες, και τοῦ Ἀλεξάνδρου τὴν ἐπιστολήν ἐδέκτη, ὁ Δάρειος και ὠρισεν νὰ ἀναγνώσουν τὴν ἐπιστολήν του δυνατᾶ· ἓνας ἀπὸ τοὺς Πέρσιδες ἤξευρε ῥωμαικὰ γράμματα και ἀρχέρισεν νὰ τὴν ἀναγνώθῃ δυνατᾶ, και ἔγραφεν οὕτως·

¹⁾ pκп. τὸν θεῶν.

Περὶ ὅταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολὴν εἰς τὸν Δάρειον.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς, ὁ υἱὸς τοῦ Φιλίππου τοῦ βασιλέως καὶ ὀλουνοῦ τοῦ κόσμου βασιλέως μετὰ τὴν ἐλεημοσύνη τῆς ἄνω προνοίας τὸν θεοῦ ὅπου εἶμαι γῶμα του ἤξευρε καλῶς, Δάρειε τῆς Περσίας, ὅταν ἐπέρνες ἀπὸ τὸν πατέρα μου ὀσσια καὶ λιζάτον, καὶ τόμου ἀποθάνεν, αὐτὸς ἐμένα ἐμπρωτίτερα εἶχε με βασιλέα καμωμένον· καὶ ἐσὺ με ἀτίμωσες ἀπὸ τὴν ὑψηλοφροσύνην σου, καὶ τὴν ἀδικίην σου τὴν κρίσιν καὶ ἀπέστειλες ἄλλον εἰς τὴν Μακεδονίαν νὰ ἀφεντεύγη καὶ ἐμένα ἔβγανες ἀπὸ τὸ γονικόν μου· καὶ ἐποῦτο τὸ ἀδικον εἶδεν ὁ θεὸς ὁ ἀόρατος καὶ [ὁ] ὀφθαλμὸς του ὁ ἀκίμητος, ὅπου νυκτὸς καὶ ἡμέρας¹⁾ θεωρεῖ τὸ ἀδικον καὶ τὸ δίκαιον καὶ τὰς καρδίας τῶν ἀνθρώπων γινώσκει· καὶ ἡ δικαία κρίσις εἰς τὰ χέρια του ἔναι καὶ ἐσένα ἄρχοντα καὶ αὐθέντην ἐποίησε καὶ τὴν σήμερον ἡμέραν ὕψωσε με ἐμένα ἀπὸ κοπρίας γῆς καὶ ἐποίησέ με βασιλέα εἰς ὅλον τὸν κόσμον· καὶ ἡ βασιλεία σου ὠρίσεν νὰ με φέρουν νήπιον παιδί εἰς τὴν αὐλήν σου νὰ δουλεύω· καὶ ἐγὼ ἀπὸς μου ἤλθα ἄνδρας πρὸς ἐσένα· καὶ σὺν ἤσουν ἐσὺ τοῦ κόσμου ὀλουνοῦ βασιλέως καὶ εἰς τὸ γονικόν μου ἀνελεήμονας ἤγουν τὸ ἐδικόν μου, ἀμὴ ἤξευρε ὅτι ἐγὼ οὐδὲν εἶμαι ἀνελεήμονας, ἀμὴ γύρισε τὴν καρδίαν σου τὴν παραφθαρσίαν καὶ πέσε προσκύνησέ με καὶ εἶδε μου ὀσσια καὶ λιζάτο καὶ αὐθέντευε εἰς τὸν τοπον τῆς Περσίας· καὶ ἂν οὐδὲν σὲ ἀρέσει οὕτως, ὡς ἤσαι ἔτοιμος νὰ πολεμήσης ἀπάνου εἰς δεκαπέντε ἡμέραις εἰς τὸν ποταμὸν τῆς Ἀρσενίας με ὅλον μου το φρουσάτο· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν πρὸς τοὺς μεγιστάνους του· ἐπαντέτε ἐσεῖς τέτοιαν ὕψωσιν καὶ πόσῃν καυχῆσιν, νὰ ἐξεβῆ ἀπὸ τοὺς Μακεδόνας πρὸς ἐμάς· ὁ Ἀλέξανδρος ἐμπροσθέν του ἤσπεκεν καὶ εἶπεν του· ὅτι ἐὰν οἱ Μακεδόνες ἀφεντέψουν τιποτες, θαυμαστον οὐδὲν ἔναι ὅτι αὐθεντεύουν. [40 v.] ὁ Δάρειος εἶπεν· διατί· καὶ αὐτὸς τοῦ ἀποκριθῆ· ὅστις εἶναι ἐγκαρδία· καὶ προνομοὶ πολλὰ καὶ ἀνδρειωμένοι εἰως το ἄκρος· ἔχει καὶ φρουσάτο πολὺ ὡς το ἄκρος, καὶ ἔναι πολλοί²⁾ ὡς τὸν ἄμμον τῆς

¹⁾ ρκμ. ἡμέρας.

²⁾ ρκμ. πολλὰ.

θαλάσσου και ἔχουν και ὁμόνοια μεγάλην εἰς τὴν μέσση τους· και εἶπεν· ὁτε μου ἐτέρα ἐπιστολή· ὁ Δάρειος εἶπεν· ἄς ἦσαι ἔτοιμος εἰς τὸν δεῖπνον νὰ δειπνήσωμεν ἀντάμα, ὥστε νὰ γράψουν ἐπιστολήν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον. ὁ Δάρειος ἐκάθητον εἰς τὸν δεῖπνον με ὄλους τοὺς βασιλεῖς και τὸν Ἀλέξανδρον ἐκάθισεν εἰς τὸν ἀποκρισιάρεον τὸν τόπον· και ἤφεραν τὰ φαῖτὰ νὰ ἐσθίουν· και ἀρχέρισαν νὰ κερνοῦν τὸν βασιλέα και δεύτερον ἐκέρασαν τὸν Ἀλέξανδρον με μαλαματένια κοῦπα· ἔπιεν τὸ κρασί ὁ Ἀλέξανδρος και τὴν κοῦπα τὴν ἔβαλεν εἰς τὸν κόρπον του· ὁ κερνάτορας ἔδειξεν τοῦ Δαρείου· και εἶπεν· κέρνα με ἄλλην κοῦπα. και πάλιν ἐκέρασαν τὸν Ἀλέξανδρον, και ἐποίησεν ὡς τὸ πρότερον· ἕνας ἐκ τοὺς ἀφεντάδες εἶπεν· διατί εἰς τὴν βασιλικὴν τάβλα οὕτως ἐποίησας; ὁ ἀποκρισιάρης εἶπεν· πολλὰ μέγα και φοβερόν αὐθέντην ἔχω, και τέτοιαν κατάστασιν (ἤθησιν)¹⁾ ἔχει εἰς τὰ ζακόνιά του ὁ βασιλεὺς μου ὁ Ἀλέξανδρος, τὴν ἀ και τὴν β' ὅταν πίνουν, κάθε ἀνθρωπος ταῖς πέρνει με λόγου του· και ἀπ' αὐτοῦ πίνουν με ἄλλαις κούπαις· και ὡς ἤκουσαν οἱ ἄρχοντες τῆς Περσίας τοὺς λόγους, ἐθαύμαζαν τὸ πῶς ἔχει καλὰ ζακόνια· ὁ Καταρκούσης ὀκάποτε εἶχεν τὸν ἀπεστειλῆ ὁ Δάρειος, ὅταν ἀπόθανεν ὁ Φίλιππος, νὰ ἀφεντεύη εἰς τὴν Μακεδονίαν, ἐσηκώθη ἀπὸ τὴν τράπεζα και λέγει τοῦ Δαρείου κρυφά· νὰ ἤξεύρης, βασιλεὺς, ὅτι τὴν σήμερον ἡμέραν ἐγείνη τὸ ἐδικόν σου τὸ θέλημα· ὁ Δάρειος εἶπεν· πῶς; ὁ Καταρκούσης τοῦ εἶπεν· ὅτι ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ Δάρειος ἐπλήσθη χαρὰν μεγάλην και εἶπεν· ὅτι ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἂν ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος, ἐγείνηκα αὐτοκράτορας βασιλέας· ἀμὴ οὐδὲν πιστεύω τοὺς λόγους σου· ὁ Καταρκούσης τοῦ εἶπεν· ἡ τιμὴ και ἡ δόξα μου νὰ τὴν ὑστερηθῶ, ἐάν οὐδὲν ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος. και ὡς εἶδεν ὅτι βουλευόνται, ἐδοκίμηθη και πρὶν νὰ τὸν πιάσουν, ἔβαλεν τὸ χέρι του εἰς τὸν καυτουργάν και ἔβγαλεν τὸ δακτυλίδι, ὅπου εἶχεν πάρη εἰς τὴν Γρωάδα, ὅπου εἶχεν λιθαρόπουλον πονηρόν. και ἔβαλέν το εἰς τὸ δάκτυλόν του και ἐγένετο ἀφαντος ἀπὸ τοὺς ἀνθρώπους ὄλουνοὺς·²⁾ και (ὁ Δάρειος) εἶπεν τοῦ ἀποκρισιάρη·

¹⁾ ἤθησιν б. м. объяснение къ κατάστασιν.

²⁾ Слѣдуетъ понимать, вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, что перстень вообще дѣлалъ невидимымъ. Пока Александръ только приготовилъ его,

ὅτι πολλοί¹⁾ μου δείχνουν ὅτι ὁμοιάζεις τὸν Ἀλέξανδρον, ὡ ἄνθρωπε· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκρίθη· ὡ βασιλέα Δάρειε, ἐγὼ διατί μου παρομοιάζει ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλέας μου²⁾, εἶμαι εἰς ἀγάπην πολλήν εἰς αὐτὸν καὶ τιμὴν ἔχω παρ' ὅλους, καὶ πολλοὶ αὐθεντάδες λαθόνονται καὶ ἔρχονται καὶ φιλοῦν τὸ χέρι μου, καὶ φαίνεται τους, ὅτι ἐγὼ εἶμαι ὁ Ἀλέξανδρος. καὶ ὡς ἤκουσεν (ὁ Δάρειος) τοιοῦτους λόγους, ἔπεσεν εἰς λογισμὸν μέγαν, τὸ πῶς νὰ κάμη νὰ μηδὲν ἐντροπιασθῆ ὕστερα· καὶ ἐσηκώθη ἀπὸ τὸ δεῖπνον καὶ ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ ἠπῆρεν φανάρια καὶ λαμπάδες μεγάλας· καὶ ὑπῆγαν μετὰ τὸν Δάρειον· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐπέμεινεν εἰς τὸ παλάτιν μετὰ τοὺς ἄρχοντας· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐγδύθη τὴν φορεσίαν του καὶ τὴν μπερέτα του, ὅπου εἶχεν ὡσάν προσκέφαλον τάχα ὅτι ἐκοιμάτον· καὶ παρευθὺς ἐξέβη ἔξω καὶ ἔδραμεν ὅσον ἐδυνήθη τὴν ροῦγαν εἰς τὴν πόρτα τοῦ κάστρου· καὶ εἶπεν τοῦ πορτάρη· κράτει αὐτὴν τὴν κοῦπαν τοῦ βασιλέως σημάδι· ὅπου με ἔδωκεν· ὅτι με ἔστειλεν ὁ Δάρειος νὰ ὀρθώσω ταῖς βίγλαις τοῦ φουσάτου· καὶ παρευθὺς τὸν ἀνοίξεν· καὶ ἔδραμεν εἰς τὴν ἄλλην μερέαν ἤγρου εἰς τὴν πόρταν καὶ ἔδωκε τὴν κοῦπα τὴν δεύτερη καὶ εἶπεν αὐτουνοῦ τοῦ πορτάρη· ἔπαρε αὐτὸ τὸ βασιλικὸν σημάδι τοῦ Δαρείου καὶ ἀνοίξε τὴν πόρταν ἐγλήγορα, ὅτι ἀπόστειλέν με ὁ βασιλεὺς νὰ κράξω τοὺς βοηθὸν [41 Γ.] τάδες εἰς τὴν βουλήν τοῦ βασιλέως· νὰ δυναμώσουν ταῖς βίγλαις· καὶ ἀνοίξεν του καὶ αὐτὸς τὴν πόρταν· καὶ αὐτὸς ἔφρευγεν ὅσον ἐδυνήθη καὶ ἤυρεν τὸ ποταμὸ τῆς Ἀρσενίας παγωμένον, καὶ ἐπέρασέν το. καὶ ἤυρε τὸν Ἀντίοχον καὶ τὸν Φιλόνην καὶ τὸν Πτολομαῖον καὶ τοὺς ἔδειξε τὸ πῶς τὸν ἐγνώρισαν· ὁ Δάρειος ἠπῆγεν εἰς τὸ σαράγιν του καὶ εἶπαν οἱ βασιλεῖς· ὁ ἀποκρισιάρης οὗτος ἔναι ὁ Ἀλέξανδρος· ὁ Δάρειος ὠρισεν τὸν Καταρχούση καὶ τὸν βασιλέα τὸν Κρίση νὰ τὸν πιάσουν, καὶ οὐδὲν τὸν ἤυραν νὰ τὸν πιάσουν· καὶ ὡς εἶδαν τὴν πονηρίαν τοῦ Ἀλεξάνδρου, ἠπῆραν μετὰ τὸν ἑμαυτὸν τοὺς τραχοσίους καβαλαραίους

чтобъ воспользоваться имъ, *πολλοὺς*, о чемъ забыли упомянуть греческіе тексты, но рассказываютъ славянскіе.

1) ρκп. πολλά.

2) Сл. нар. греч. кн., стр. 95: ἐγὼ διότι παρομοιάζω τὸν αὐθέντην μου τὸν Ἀλέξανδρον, εἶμαι π τ. α.

καὶ ἠπῆγαν εἰς τὰς πόρτας· καὶ οἱ πορταραῖοι εἶπαν· ἐτούτην τὴν ὥραν ἦλθεν ἓνας ἄνθρωπος καὶ ἄφηκεν τὰς δύο κούπαις τὰς χρυσαῖς τοῦ βασιλέως, καὶ ἄς στέκωνται, ὅτι μὲ ἔστειλεν ὁ βασιλέας νὰ ὀρθώσω τὰς βίγλαις, καὶ ἀνοίξετε ἐγλήγορα· καὶ ἔδραμαν κατόπισθὲν του καὶ ἕως τὸ ἔβγα τοῦ ἡλίου ἦλθαν εἰς τὸ ποτάμι καὶ εἶδαν τὸν Ἀλέξανδρον πέρα τὸ ποτάμι καὶ ἔπεσαν εἰς ἐντροπήν. Ὁ Ἀλέξανδρος ἐλάλησεν· τί γυρεύετε ἐσεῖς, ἄνθρωποι; ἐσεῖς ἄνεμον διώχνετε, καὶ τὸν ἄνεμον κανεῖς οὐδὲν τὸν φθάνει· καὶ ἐσεῖς μὲ τὰ ὀμμάτια σας ἐβλέπετε ὅτι τῶν Μακεδόνων τὰ ἄλογα οὐδὲ βουνα, οὐδὲ λαγκάδια, οὐδὲ ποτάμια τὰ κρατοῦν· καὶ εἶπέτε τοῦ βασιλέα σας· ἕως τὸ πουρνὸν νὰ μὲ εὐρῆτε μὲ ὄλον μου τὸ φουσάτο· καὶ ἠπῆγαν, καὶ ὅσα τοὺς ἐπαράγγειλεν, ὅλα τοῦτα ἔσωσαν· ¹⁾ καὶ ἐσυνάχθη τὸ φουσάτο τῆς Περσίας, καὶ ἔγραψάν το, καὶ εὗρεν χίλιας χιλιάδες· καὶ ὀρθώθη εἰς τὸν Ἀλέξανδρον εἰς τὸν πόλεμον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα· ὁ ἥλιος ἀπὸ τὸν κονιορτὸν ἐσκοτίσθη, φόβος μέγας ἐγένη εἰς τὸ φουσάτο· καὶ ἐκτυπήθησαν μὲ τὰ κοντάρια καὶ ἐπζάκισάν ται· ἡ βρονταῖς τῶν κονταρίων καὶ ἡ φωναῖς ἠκούονταν ἕως τὰ νέφη τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἓνας ἐκ τὸν ἄλλον οὐδὲν ἠγνωρίζεται· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα ἔσυρεν ἄνεμος δυνατὸς καὶ ἐγάλασεν ὁ κονιορτὸς· τῇ αὐτῇ τῇ ὥρα δύο ἠγαπημένοι του (sc. Δαρείου) μεγιστάνοι, ὁ Καταρκούσης καὶ ὁ Ἀρισβανούσης, πολλὰ ἐγκαρδιακοὶ τοῦ Δαρείου, ἔσυραν τὰ σπαθία τοὺς καὶ ἐκτύπησάν τον, ἓνας ἐκ τὴν μίαν μερίαν, καὶ ὁ ἄλλος ἐκ τὴν ἄλλην· καὶ ἔσφαξάν τον καὶ ἀπόδειράν τον ἀπὸ τὸ φαρίν του καὶ ἔγδυσάν τον τὰ ἄρματά του καὶ ἠπῆραν ται· ὁ Δάρειος μὲ ὀλίγη ψυχῇ ἐκαίτετον εἰς τῶν ἀλόγων ²⁾ τὰ ποδάρια· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἔρχετον μὲ τὴν σύνταξίν του τοὺς Μακεδόνας ἐπὶ τὸν κάμπον τῆς Περσίας· ἀκόμη εἰς τὸ κάστρον οὐδὲν ἔφθασεν, ἤυρεν τὸν Δάρειον εἰς τὴν γῆν ὅπου ἐκαίτετον εἰς τῶν ἀλόγων τὰ ποδάρια εἰς τὸν κονιορτὸν μὲ

¹⁾ Слѣдуетъ въ новогреч. нар. книгѣ, стр. 98—100: сѣтованіе Дарія и его посланіе къ Пору о помощи. Совпаденіе начинается со словъ, стр. 100: ἐσύναξε καὶ ἐδικά τοῦ τὰ τῆς Περσίας; непосредственно за тѣмъ вѣнскій текстъ сокращаетъ изложеніе, противъ нар. книги и славянскаго перевода. быстро переходя отъ описанія битвы къ смерти Дарія.

²⁾ ркп. τὸν ἄλογον, пониже τὸν ἀλόγον.

ὀλίγη ψυχὴ· καὶ ὁ Δάρειος ἐλάλησεν φωνῇ μεγάλῃ καὶ εἶπεν· Ἀλέξανδρε βασιλέα, πέζουσαι ἐγλήγορα καὶ ἔλα ν' ἀκούσης ἀπὸ τὸ στόμα μου λόγον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισεν καὶ εἶπεν· του· ποῖος εἶσαι ἐσύ, ἄνθρωπε, ὅπου κράζεις; ὁ Δάρειος τοῦ εἶπεν· ἐγὼ εἶμαι ὁ Δάρειος ὁ βασιλεύς, ὅπου μὲ ἐπροσκυνοῦσαν πολλαὶς χιλιάδες ἄνθρωποι· ὁ Ἀλέξανδρος ὡς ἤκουσεν τοὺς [λόγους τοῦ] Δαρείου, ἐλυπήθη καὶ ἐδάκρυσεν καὶ παρευθὺς ἐπέζευσεν, καὶ ἔβγαλεν τὸ ἀπανωφόριον του καὶ ἐσκέπασέ τον· καὶ ὤρισεν τοὺς Μακεδόνας, νὰ φέρουν τὸ ἀργυρομάχρον. καὶ ὥστε νὰ φέρουν τὸ ἀμάξι, ἔβαλάν τον εἰς ξύλα· καὶ ὑπῆρεν τὸ ξύλον ἀπὸ τὴν μίαν μερίαν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐβάσταξέν το εἰς τὸν ὦμον¹⁾ του πεζὸς ἓνα δοξόβολον· καὶ εἶπεν· του· ἐγὼ βασιλικὴν τιμὴν σοῦ ἐποίησα, καὶ ἂν ζήσης, πολλὴν τιμὴν σοῦ θέλω δώσει· καὶ ἐσέβασάν τον εἰς τὸ κάστρον τὸ σαράγιν του· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκάθισεν εἰς τὸ σελλὴν τὸ ἀργυρὸν διάχρυσον ἐγκοσμισμένον τοῦ Δαρείου τοῦ βασιλέως· ἦτον δ' ἑβήματα ὤ [41 v.] ψηλὸν ἀπὸ τὴν γῆν· καὶ ὁ Δάρειος εἶπεν, καὶ ἤφεραν τὴν θυγατέρα του τὴν Ροξάνδρα· καὶ ἐγέμωσαν οἱ ὀφθαλμοὶ του δάκρυα, καὶ ἐπεριλάμπωσέ την πανέμνοστα καὶ εἶπεν· τοῦ Ἀλεξάνδρου· δέξου, Ἀλέξανδρε, τὴν σπλαγγνικὴν μου θυγατέρα, ὅτι εὐδόκιμη πάμπολλα ἔναι· καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὸ χέρι τὴν ἐπῆρε καὶ ἐφιλήσέ την πανέμνοστα καὶ ἔβαλεν τὸ στέμμα τὸ βασιλικὸν εἰς τὸ κεφάλιν της· καὶ ἡ Ροξάνδρα ἔβγαλεν τὸ δακτυλίδι ἀπὸ τὸ χέριν της καὶ ἔβαλέν το εἰς τὸ χέρι τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ εἶπεν ὁ Ἀλέξανδρος τοῦ Δαρείου· ἠβλέπεις, αὐθέντη βασιλέα, καὶ γύρισε τὴν πικραμένην τὴν καρδίαν εἰς χαρὰν, ὅτι μὲ μένα θέλει ἀφεντέψη τὴν γῆν ὅλην, μετ' ἐμένα, τὸν υἱὸν σου τὸν Ἀλέξανδρον. καὶ ὁ Δάρειος εἶδεν καὶ ἐχάρη καὶ εἶπεν· γλυκυτάτη μου θυγατέρα, νὰ πέσουν οἱ ἐχθροὶ μας, νὰ προσκυνήσουν τὸν Ἀλέξανδρον, καὶ ἐσύ νὰ βασιλεύης μὲ (τὸν Ἀλέξανδρον) τὸν ἀφέντη σου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν.

Περὶ ὅταν ἠπῆγεν ὁ Ἀλέξανδρος ἀπὸ τὴν Περσίαν νὰ ἠπηγαίνῃ εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσατά.

Καὶ ὤρισεν καὶ ἔθαψάν τον καθὼς ἔπρεπεν· καὶ ὤρισεν καὶ

¹⁾ ρκπ. τὸν νόμον.

ἐκραξαν τοὺς φρονιάδες ὅπου εἶχαν σφάξῃ τὸν Δάρειον, καὶ εἶπεν διατί ἐσφάξετε τὸν βασιλέαν σας; καὶ αὐτοὶ τὸν ἀποκρίθησαν· ὁ θάνατος αὐτουνοῦ ἐσένα ὑψωσεν. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος τοὺς ἀποκρίθη· ἀφῆν τὸν ἀφέντη σας ἐσκοτώσετε, ὅπου εἶχετε τόσην τιμήν, ἐμένα τὸν ξένον χειρότερα μοῦ θέλετε κάμη. καὶ ὤρισεν καὶ ἐκρεμάσαν τους· καὶ εἶπεν τους· πίστε καὶ ἐσεῖς ποτήριον τὸ ἐκεράσετε. καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆγεν καὶ ἐστεφανώθη τὴν Ροξάνδρα· καὶ ἦτον ἀπὸ τοῦ κόσμου ταις γυναικῆς ὄλαις ἐμορφότερη, οὐχὶ μόνον μὲ τὰ κάλλη της, ἀμὴ ἦτον ἐμορφη καὶ πανφρόνιμη πολλὰ καὶ ψυχροδοῦσα ὅσον τὸ πρεπούμενον· καὶ ὅταν ἐσωσεν τὸν γάμον του ὁ Ἀλέξανδρος, ὤρισεν νὰ λογαριάσουν τὸ μάλαγμα τοῦ Δαρείου· ἤυρεν στέρναις γεμάταις ἐβ' ὄλον χρυσάφιν ἀγνόν καὶ εἴκοσι σπίτια ἀσήμι καὶ ἐβ' πύργους χάραγμα φλορία, ὅπου οὐκ ἐμποροῦσαν νὰ ποιήσουν λογαριασμόν· εὔρεν καὶ ἑκατὸν χιλιάδες ἄλογα θρεμμένα τοῦ σταύλου· εὔρεν καὶ χίλιες χιλιάδες ἄλογα εἰς τὴν λακινίαν χωρὶς ταις φοράδες· εὔρεν πετρίταις καὶ γρύψους τοῦ κυνηγίου α· ὅπου ἦσαν μαθημένοι, καὶ πάρδους τοῦ κυνηγίου αὐ· καὶ αὐτοῦ εἰς τὸν κάμπον τῆς Περσίας ὄλα τὰ ἐκαταστήχωσεν· ὤρισεν καὶ ἡμοίρασεν τὰ φουσάτα του ὄλα τὰ γεγραμμένα ὅσα ἦσαν, καὶ ὤρισεν καὶ ἐγραψαν τὰ φουσάτα του, καὶ εὔρεν δ' φοραῖς χίλιες χιλιάδες καβαλαραίους· καὶ οὕτως ὁ Ἀλέξανδρος ὤρθωσεν καὶ ἠπῆγεν εἰς τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ἦγουν εἰς τὸν βασιλέα ¹⁾).

Περὶ ὅταν ὁ Πῶρος ²⁾ ἐστειλεν ἐπιστολὴν πρὸς τὸν Ἀλέξανδρον.

Ὁ Πῶρος καὶ μέγας καὶ ὑψηλότατος βασιλέας τῆς Ἰνδίας ὄλης· τοιούτως λέγει ἡ γραφὴ· ὅτι κάτι ἦκουσα, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκοτώσες καὶ ὑψώθης πολλὰ καὶ ἀπὸ τὴν ἀναγνωσίαν σου τὴν πολλὴν ἦλθες εἰς τὸ σύνορόν μου νὰ χαθῆς· καὶ ἀφοῦτις θυμωθῶ, ἀποκάτου τοῦ οὐρανοῦ ὅσοι εἶναι οὐδὲν ἠμποροῦν νὰ ἀντισταθοῦν τὴν

¹⁾ Слѣдуетъ въ новогр. нар. книгѣ (стр. 107—126) и соотвѣтствующемъ славянскомъ переводѣ: побѣда надъ Кризомъ и хождение Александра въ неведомыя страны. Все это опущено въ нашемъ текстѣ, совпадающемъ съ другими начиная съ посланія къ Пору.

²⁾ ркп. Пѳρος.

πολλήν μου τὴν δύναμιν· καὶ λέγω ὅτι ἡ πελελία σου ἔναι ἀρίφνητη· καὶ στείλε παρεκάλεσέ μας, νὰ ἐπάρης συμπάθειον ἀπὸ ἐμένα

Περὶ οὗταν ἔστειλεν ὁ Ἀλέξανδρος ἐπιστολήν.

Ὁ Ἀλέξανδρος ἠπῆρεν τὸ πιτάκι καὶ ὤρισεν καὶ ἀνάγνωσάν τοι· καὶ ἔγραφεν οὕτως· ὁ Ἀλέξανδρος, τῶν βασιλέων ὀλουνηῶν βασιλεύς· οὐχὶ μὲ τὸ [42 r.] ἐδικόν μου τὸ θέλημα καὶ μὲ τὴν ἀνδρεία μου, ἀμὴ μὲ θέλημα καὶ ὀρισμὸν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς μὲ ὕψωσεν ὁ θεὸς ὡς ἄξιον βασιλέα· ὦ τὸν Πῶρον τὸν οὐδετιποτέρων¹⁾ τὸν γάδαρον! ἐστὺ ἐμένα ἔστειλες, ὅτι τὸν Δάρειον ἐσκότωσα, καὶ ὁ σκοτωμὸς ὁ ἐδικός του μὲ ὕψωσεν βασιλέα πολλὰ· ἀμὴ νὰ ἡξέυρης, ὁ Δάρειος ἐθεοποιεῖτον, ὡσάν καὶ ἐστὺ τὴν σήμερον ἡμέραν, καὶ ἐσκότωσα αὐτὸν καὶ τοὺς θεοὺς του, καὶ ἔρχομαι ἐγὼ ἀπάνω σου μὲ τὰ φουσάτα μου καὶ μὲ τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, Σαβαώθ· καὶ ἐστὺ λέγεις ὅτι εἶσαι [θεός]²⁾, κυρτρέλη, γαίδαρε, ψεύτη· ἔλα μὲ τὴν δύναμίν σου ὅλη, μὴ νὰ δώσῃ ὁ θεὸς τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, νὰ σὲ τροπώσω εἰς τὸν πόλεμον. ὁ Πῶρος ὤρισεν καὶ ἀνάγνωσάν τὸ πιτάκι· καὶ ὤρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα, ἀκόμη καὶ ἐπέρους βασιλεῖς μὲ τὰ φουσάτα τους³⁾ ὅλα· καὶ ἔγραψέν τα. καὶ εὔρεν πενήντα φοραῖς χίλιας χιλιάδες καὶ λέοντας δέκα χιλιάδες, ὅπου ἦσαν μαθημένοι τοῦ πολέμου· καὶ ὡς εἶδαν τὸ φουσάτο τοῦ Πῶρου, ἐδειλίασαν τοῦ Ἀλεξάνδρου τὰ φουσάτα [καὶ] ἐσκιασθηκαν καὶ ἐποίησαν βουλήν ὀκάποιαν πονηρίαν, νὰ παραδώσουν τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὡς ἤκουσεν τὴν δουλίαν τὸ τί βουλευονται, ἦλθαν καὶ ὁμολόγησαν τοῦ Ἀλεξάνδρου· καὶ ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὤρισεν καὶ ἐσύναξεν τὰ φουσάτα του ὅλα πρὸς τὸν Πῶρον· καὶ τόμου ἐμαζώχθησαν τὰ δύο φουσάτα, ὁ Πῶρος ἀπόλυσεν δέκα χιλιάδες λεοντάρια ἔμπροσθέν τους. ὁ Ἀλέξανδρος ἔστειλεν ἄμπρὸς τοὺς λέοντας τέσσαρες χιλιάδες ἀμάθητα βουβάλια καὶ ἀγελάδια· οἱ λέοντες ἐσμίχθησαν μὲ τὰ βουβαλόβοῦδα καὶ ἀρχέρισαν νὰ τὰ πνίγουν, καὶ ἐχόρτασαν καὶ

¹⁾ Парод. греч. кн., стр. 127: οὐτιδανος.

²⁾ Парод. греч. кн., стр. 127: λέγεις ὅτι εἶσαι ἄτος σου θεός, τρελὲ καὶ ἄγνωστε. Вн. словѣ трелѣ заключается, быть-можетъ, объяснение слѣдующаго здѣсь темнаго слова κυρτρέλη (κύρ τρελὲ?).

³⁾ ркн. του.

ἐγύρισαν ὀπίσω·¹⁾ ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν τοῦ Φιλόνη· σύρε με ἐπιστολήν καὶ καταπάτησε καὶ τὰ φρουράτα του.

Περὶ ὅταν ὁ Ἀλέξανδρος [ἔγραψε?] ἐπιστολήν εἰς τὸν Πῶρον.

Ὁ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς καὶ μέγας γογγιάρης τὸν Πῶρον τὸν βασιλέα γράφω καὶ χαιρετῶ· γὰρ ἠγνώρισθες καλῶς ὅτι προσκυνημένον [κεφάλι]²⁾ σπαθί οὐδὲν ἠμπορεῖ νὰ τὸ κόψῃ· καὶ ἀν' ἀγαπᾶς καὶ θέλεις, προσκύνησε καὶ ὄς μου ὄδωρα καὶ λιζάτο καὶ ἔχε τὸν τόπον σου καὶ τὸ βασιλείον σου ὅλον. ταύτην τὴν ἐπιστολήν ἠπῆρεν ὁ Φιλόνης καὶ ἠπῆγε τὴν τοῦ Πῶρου· ὁ Πῶρος ἐδέχθη τὴν ἐπιστολήν καὶ ὠρίσε καὶ ἀνάγνωσάν τὴν δυνατά· καὶ ὁ Φιλόνης τοῦ εἶπεν· οὐδὲν πρέπει διὰ τὴν βασιλείαν σου καὶ διὰ τὸν Ἀλέξανδρον, γὰρ ἐρημαῖζουσιν ὅλος ὁ κόσμος· ἀμὴ ὁ Ἀλέξανδρος σε καρτερεῖ νὰ πολεμήσετε οἱ δύο, καὶ τὰ φρουράτα σας ἄς στέκωνται παρᾶμερα· καὶ ἐπαρκαπάρθη πολλά ὁ Πῶρος καὶ ἐγάρη πολλά, καὶ ὁ Φιλόνης ἠπῆγεν εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· λοιπὸν εἰς τὸ μίσημα εἶπεν τοῦ Πῶρου· καβαλικά, ὅτι ὁ Ἀλέξανδρος σὲ καρτερεῖ, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐδιέβη εἰς τὴν πζούστραν καὶ ἠρῶτα τὸν Φιλόνη· τί ἄνδρας ἔναι ὁ Πῶρος, πῶς ἐγροίκησες τὴν καρδίαν του; ὁ Φιλόνης εἶπεν· τὸ κορμί του ἔναι μέγα πολλά καὶ ἔναι καὶ χοντρός, ἀμὴ ἔναι σάπια τὰ κριάτα του· καὶ σύρε, Ἀλέξανδρε, ὅτι τὸν θέλεις σκοτώσῃ· ὅτι τὸ ριζικόν σου ἔναι μέγα μετ' τὸν θεόν, καὶ οὕτως ἀρχέρισεν νὰ παρακαλῇ τὸν θεόν Σαβαώθ· θεέ μου ὑψηλότατε ὁποῦ εἶσαι εἰς τοὺς οὐρανοὺς, καὶ σὲ ἐπροσκύνησα εἰς τὰ ἅγια τῶν ἁγίων· γένου βοηθός μου τὴν σήμερον ἡμέραν, στερέωσε τὴν καρδίαν μου καὶ τοὺς πόδας μου, ἵνα εὐχαριστήσω τὸ πανάγιον σου πνεῦμα, καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἠπῆρε τὸ κοντάρι του καὶ ὀμπρὸς τὸν Πῶρον ἐσέβην· ἰδόντας ἕνας τὸν ἄλλον ἔδραμαν τὰ ἄλογά τους οἱ δύο καὶ ἔσυραν τὰ σπαθία τους καὶ τὰ ἀπελατίκια τους· καὶ

1) Опущены въ нашемъ текстѣ, передъ битвой съ Поромъ. письмо Александра къ отсутствовавшему Филону; затѣмъ: прибытіе Филона, его битва съ Поромъ, посланіе послѣдняго къ царямъ сѣвера и помощь, ими оказанная. Сл. греч. нар. кн. стр. 130—136 и соотвѣтствующій славянскій переводъ.

2) Нар. греч. кн., стр. 136: προσκυνημένου κεφάλι: Новак, 103 преклон'ноу главоу.

ἐκτύπησεν ἕνας ἐκ τῶν ἄλλων ἀπὸ ἰβ. φοραῖς· καὶ ἐξύγωσεν ὁ Ἀλέξανδρος κοντὰ τοῦ Πώρου καὶ εἶπεν του· τέτοιαν ἐμπιστοσύνη ἔχεις, Πῶρε; τὸ φουσάτο σου ἔρχεται νὰ σὲ βοηθήσῃ· ὁ Πῶρος ἐγύρισε νὰ σταματήσῃ τάχατες τὸ φουσάτον του, καὶ ὁ Ἀλέξανδρος ἐκτύπησεν τὸ ἄλογόν του δυνατὰ καὶ ἐπίδησεν πρὸς τὸν Πῶρον ἐγλήγορα, καὶ ἐκτύπησέ τον μὲ τὸν στόκον δεξιὰ μερῖα καὶ ἔσφαξέ τον· καὶ τὸ ἄλογόν του ὁ Βουκέφαλος ἐπίασεν τὸ ἄλογον τοῦ Πώρου εἰς τὸ ἀντικέφαλον καὶ ἔρρηξέν το κάτου εἰς τὴν γῆν· καὶ ἀποδάρθη ὁ Πῶρος ἀπὸ τὸ ἄλογόν του καὶ ἐξέψυξεν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ, καὶ τῆς Ἰνδίας τὰ φουσάτα ὡς εἶδαν, ἔδωκαν νὰ φύγουν· ὁ Ἀλέξανδρος κατόπισθεν τοὺς ἐδίωγεν καὶ ἐς [42 v.] κόπωσεν ᾗ· καὶ τοῦ Πώρου τὸ λείψανον ἠπῆγγαν το εἰς τὴν Ἡλιούπολιν καὶ μὲ τιμὴν μεγάλην τὸ ἔθαψαν· καὶ τόσον παράδοξον θαῦμα εἶδεν, ὅπου πούπετες ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν, οὐδὲ οὐς οὐκ ἤκουσεν ὅσα εἰς τὴν αὐλὴν τοῦ Πώρου εἶδεν· τὸ παλάτι ἦτον μακρὴν δοξόβολα τέσσαρα, ὁ τεῖχος ἦτον χρυσοῦς, τὸ σκέπασμα τῆς αὐλῆς ἦτον χρυσον καὶ οἱ στύλοι ὅλοι χρυσοί, καὶ ἦσαν ἐγκοσμισμένοι μὲ τρανὸν μαργαριτάρι καὶ μὲ πολιτίμητα λιθαρόπουλα· καὶ εἶχεν ἱστορισμένον τὸ παλάτι τοὺς βασιλεῖς καὶ τοὺς πολέμους καὶ τοὺς δώδεκα μῆνας εἰς πρόσωπα ἑμορρα ἀνθρώπινα, καὶ ταῖς ὥραις ὀρθωμέναις καθὼς τρέχει τοῦ καθενοῦ μῆνος, καὶ μανάλια ἑκατὸν ὅλα χρυσά· καὶ ἤφεραν τοῦ Ἀλεξάνδρου ἑκατὸν χιλιάδες φαρία τοῦ σταύλου ὅλα ἀρματωμένα καὶ δέκα χιλιάδες λεοντάρια τοῦ κυνηγίου καὶ εἴκοσι χιλιάδες πάροδους καὶ χίλια ἄρματα περιχρυσωμένα καὶ τὸ στέμμαν τοῦ Πώρου τὸ πολυτίμητον καὶ σταγόνια ὀλόχρυσα ἑκατὸν χιλιάδες καὶ πενήκοντα ποτήρια ἀπὸ κόκκαλα ἀλεράντινα ἐγκοσμισμένα μὲ χρυσομάργαρον, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν· καὶ αὐτοῦ ἐποίησεν ὁ Ἀλέξανδρος χρόνον ἅ μὲ τὸ φουσάτον του καὶ ἦτον μὲ τοὺς βασιλεῖς του καὶ αὐθεντάδες· καὶ ἦλθαν οἱ αὐθεντάδες εἰς τὸν Ἀλέξανδρον μὲ πολιτίμητα δῶρα· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν βοηβόντα τὸν Ἀντίοχον ἔκαμεν αὐθέντην τῆς Ἰνδίας ¹⁾).

¹⁾ Опуцены въ нашемъ текстѣ эпизоды объ Амазонкахъ, Кандакѣ и Логѣ Ἀλεξάνδρου. Сл. греч. нар. кн. стр. 140—175 и соотвѣтствующій эпизодъ славянскаго перевода.

Περί ὅταν ἤθελεν ὁ Βρυονούσης ὄλον νά δώσῃ τοῦ Ἀλεξάνδρου.

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ ἐξύγωσεν ὁ πικέρνης τοῦ Ἀλεξάνδρου, ὁ Βρυονούσης, ἡγαπημένος πολλὰ καί ἐνεμπιστευμένος ἕως τὸ ἄκρος· ἦτον δὲ σιμὰ πάντοτε εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καί εἶπεν τοῦ Ἀλεξάνδρου· ὁ μὲν μου τὴν Μακεδονίαν νά τὴν ἀρεντεύω· ὁ Ἀλέξανδρος τὸν ἀποκριθὴν ὦ ἡγαπημένε μου Βρυονούση, ἐγὼ μὲ κράζου βασιλέα τῆς Μακεδονίας, καί πῶς θέλω σου τὴν δώση· ἀμὴ ἔπαρε νά ἔγῃς τὴν Κιλικίαν ὅλην καί τὴν Λύβαν καί τὴν μεγάλην Ἀντιόχειαν νά ἀρεντεύῃς, καί ὁ Βρυονούσης οὐδὲν τὸ ἤθελεν. ἀμὴ ἔβαινε κατὰ νοῦ τοῦ ὄλον μέγαν εἰς τὴν καρδίαν του· τοιούτως ἔλεγεν· ὅτι τόμου θέλει ἀποθάνῃ ὁ Ἀλέξανδρος. ἐγὼ θέλω γένῃ τοῦ κόσμου ὄλουνοῦ αὐτοκράτωρ βασιλέας· καί οὕτως ὤρθωσεν καί ἀνήλωσεν τὸ φαρμάκι εἰς τὴν κοῦπα καί ἐκέρασεν τὸν Ἀλέξανδρον· καί ἔπιεν τὴν κοῦπα, καί ἐψύχρανεν ὄλον του τὸ κορμί ὡσανὺ κρύσταλλον· τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ἐγροίκησεν ὁ Ἀλέξανδρος, ὅτι τὸν ἐπότισεν τὸ φαρμάκι καί εἶπεν· ὦ ἡγαπημένε μου ἰατρὲ Φίλιππε, νά ἤξεύρης ὅτι εἰς τὸ κρασίν, ὅπου ἔπια τώρα, φαρμάκιν ἐγεύθηκα πικρόν, καί ποίησε τίποτες ἀπάνου μου.

Περί ὅταν ἔδωκεν γλύκημα ὁ Φίλιππος ὁ ἰατρός τοῦ Ἀλεξάνδρου.

Ὁ Φίλιππος ὡς ἤκουσεν, ἠπῆρεν τὸ στέμμα ἀπὸ τὸ κεφάλιν του καί ἔρριψεν το εἰς τὴν γῆν· καί ἐσυκώθηκεν ἐγγληγορα καί ἔβαλεν το βοτάνι τῆς θέρμης μὲ το θυμιάμα τὸ λιβάνιν καί ἐπότισεν τὸν Ἀλέξανδρον· καί ὡς τοῦτο ἔδωκεν εἰς υγείαν του, τὸν εἶπεν· ὦ Ἀλέξανδρε, ὦ τοῦ κόσμου ὄλουνοῦ βασιλέα, ὅπου θέλει ὁ θεὸς ἐκεῖ ἐστίν καί ἡ θλιψίς· οὐδὲν ἠμπορῶ νά σὲ βοηθήσω, ὅτι ἐκυρίευσεν το φαρμάκι ὄλον σου τὸ κορμί, μόνον τοῦτο ἔρχεται ἀπὸ τὸ χέρι μου, νά ποιήσω νά ζήσῃς τρεῖς ἡμέραις ὡσθε νά ὀρθώσῃς τὰ βασίλεια τοῦ κόσμου ὄλουνοῦ, καί ὡς ἤκουσεν ὁ Ἀλέξανδρος, εἶπεν καί ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καί ἐκλαψεν πικρα καί εἶπεν· ὦ ἀτυχί μου ὁδῶα, πῶς εἰς ὀλιγον καιρὸν ἐφάνης καλὴ καί τιμημένη, καί εἰς μίαν ὥραν καί ῥοπήν γάνεσαι· καί καλὰ λέγει ἡ παραβολή, οὐδὲν ἔναι ἴσπὸν

κοσμον χαρά, ἂν οὐδὲν σμίξῃ καὶ θλίψῃ. ὁ Φίλιππος, ὁ ἰατρός τοῦ Ἀλεξάνδρου, μουλάριον ζωντανὸν ἔσπισεν καὶ ἐσέβασάν τον ἀπέσω· καὶ ὅλα τὰ βασιλεία τοῦ κόσμου ὄλουνοῦ τα ὠρθώσεν καὶ τοὺς ἀρχόντας τοῦ κόσμου ὄλουνοῦ. καὶ τὴν Ὀλυμπιάδα τὴν μητέρα του καὶ τὴν Ροξάνδρα τὴν βασίλισσα ἐπίασεν ἀπὸ τὸ χέρι καὶ ἔκραξεν τὸν Πτολομαῖον καὶ τὸν Φίλιονην καὶ εἶπεν· ὦ ἠγαπημένῃ μου δοῦξα καὶ περιποθητοί μου ἀδελφοί, Πτολομαῖε καὶ Φίλιονη, τὴν γυναῖκα μου καὶ τὴν μητέρα μου ἐσᾶς τῶν ὄυο ταις παραδίδω. διότι καὶ ἐμένα νὰ με θυμᾶσταν· ὅτι ἐγὼ ἐγκαρδιακὴν ἀγάπην εἶχα πρὸς ἐσᾶς· καὶ ἄς ἐγὼ καὶ τιμὴ μεγάλη ἀπὸ ἐσᾶς ἕως τὸν θάνατον τους. καὶ το βασιλείον τῆς Μακεδονίας νὰ ὀρθώσετε καλᾶ, καὶ τὸ λείψανόν μου νὰ το ἠπηγαίνετε εἰς τὴν Ἀλεξανδρίαν νὰ το θάψουν· καὶ πάλιν ἐμένα μὲ θέλετε ἰδοῦ [48 r.] εἰς τὴν δευτέρα παρουσία ὅταν ἀναστηθοῦν ὅλοι οἱ νεκροί. καὶ ἄλλον νὰ ἠξεύρετε, ὅτι ὕστερα θέλουν ὀρίσει οἱ Πέρσιδες τὴν Μακεδονίαν, ὡσάν καὶ ἐμεῖς τὴν Περσίαν ὠρίσαμεν. καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐπίασε τὴν Ροξάνδρα ἐκ τὸν σφόνδυλον καὶ νοστιμα τὴν καλόλογα καὶ εἶπεν τῆς οὕτως· ὦ θυγατέρα τοῦ Δαρείου καὶ ἐδική μου περιποθητῆ γυνὴ Ροξάνδρα· καλᾶ ἠξεύρης, ἄφρον τὸ βίβικον σου σὲ ἐπλεξεν μετ' ἐμένα. ἐγὼ σε ἐξωμολογήθηκα τὰ κρύφια τῆς καρδίας μου, ὅπου ποῦποτες¹⁾ ἄνθρωπος οὐκ εἶπεν τῆς γυναικος του· οὕτως καὶ ἐσύ ὁμολογήσε τα κρύφια τῆς καρδίας σου· ὅτι νὰ ἠξεύρης ὅτι τὴν σήμερον ἡμέρα ἢ ἀγάπη, ὅπου εἶχαμεν οἱ ὄυο, χωρίζεται· ἐγὼ ἠπηγαίνω εἰς τὸν ἄδην καὶ ἐσένα ἀρίνω με τὸν θεόν. ὦ ἠγαπημένῃ μου ἀγάπη, καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐφίλησέ τὴν καὶ ἄρτηκέν τὴν. καὶ πάλιν ἔκραξε πρὸς ἀρχόντες του καὶ ἀρχέρισεν νὰ τους φιλῇ ἀράδα· καὶ ἀποχαιρέτησέ τους ὄλους καὶ εἶπεν τοὺς· ὦ ἠγαπημένοι μου πρωτοκαβάλαραῖοι τῆς Μακεδονίας, ὅλοι μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἄλλον Ἀλεξάνδρον οὐδὲν θέλετε ἰδοῦ, καὶ ὡς ἔσωσεν τοὺς λόγους, εἶπεν· φέρετέ μου τὸ ἄλογον μου τὸ Βουκέφαλον· καὶ ἤφρεράν το· καὶ ὁ Βουκέφαλος, ὡς τὸν εἶδεν ὅτι ἀποθνήσκει, ἀρχέρισε νὰ δέρονται, ὡσάν ἄνθρωποι, καὶ νὰ ἀναστενάξῃ, καὶ συγχα γλημιτρίξῃ, καὶ ἀπὸ τοὺς ὀφθαλμοὺς του ἔτρεχαν

¹⁾ ркп. όπουπούτες.

δάκρυα, ὡσάν ἀνθρώπου, καί με τὸ ποδάρι του ἔσκαπτεν τὴν γῆν καί τὴν κλίνην τοῦ Ἀλέξανδρου ἐπριγύριζε καί τὸν ἐκαταφιλεί· καί οὐδέν ἐτόλμα ἀνθρώπος νά τὸν πιάσῃ· ὁ Ἀλέξανδρος εἶδεν τὸν Βρουνοῦση καί εἶπεν οὕτως· οὐδέν ἤξεύρης τὸ πόσον καλὸν σοῦ ἐποίησα καί ἀνάθρεψά σε. διατί καλὸν φαρμάκι με ἐποίησες; ὦ νά ἦναι ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὅπου πονηρεύεται τὸν αὐθέντη του εἰς κακόν, καί νά ἦναι καί ἀφορισμένος ἐκεῖνος ὅπου προοῖδει κάστρον καί τον θρέφει· ἀμὴ σκότωσε τὸν¹⁾ κακὸν νά κοπῆ τὸ κακόν. καί αὐτοῦ τὸ ἄλογόν του τὸ Βουκέφαλον τὸν ἐπίασεν με τὰ ποδάρια του τὸν Βρουνοῦση καί ἐξέσκλησέ τον ἕως τὴν γῆν καί ἔσφαξέ τον με τὰ ποδάρια καί ἐσκότωσέ τον· ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· πῆε καί ἐσύ, ἀδελφέ, ποτήριον τὸ ἐκέρασες. ὁ Ἀλέξανδρος ὤρισεν καί ὁ Πτολομαῖος, καί ἔρρηξάν τον τῶν σκυλίων, καί ἔφαγάν τον· ὁ Ἀλέξανδρος ἐγύρισε πρὸς τοὺς ἀρχοντές του καί εἰς τοὺς αὐθεντάδες καί ἔσεισεν τὸ κεφάλιν του καί εἶπεν· ὦ ἡγαπημένοι μου καί περιπόθητοί μου ὄλουνοῦ τοῦ κόσμου αὐθεντάδες καί πρωτοκαβαλαραῖοι· τὸ πῶς ἠπήραμεν ὅλην τὴν οἰκουμένην καί τὴν ἔρημον εἶδαμεν καί ἕως τὸν παράδεισον ἤλθαμεν, ὅπου εἶχεν ζήσει ὁ προπάπους μας Ἀδάμ, καί ἕως τὴν ἄκραν τῆς γῆς ὑπήραμεν καί τὴν ὑψωσιν τοῦ οὐρανοῦ εἶδα καί εἰς τὰ βάθη τῆς θαλάσσης ἐσέβηκα καί ἔλεγα νά ἐγλυτώσω ἀπὸ τὸν θάνατον· ἀμὴ, ὁ ὄρεπανος τοῦ θανάτου ἐξάρησέ με ἀόρατα· καί αὐτοῦ ἐσεῖς βλέπετε, ἀποθνήσκω· ἀμὴ ἄς ἦσθιν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ θεοῦ καί παρακαλῶ σας ὄλους, ἕως τὴν θανήν σας, νά με ἐνθυμᾶσθε· καί πάλιν ὅταν ἀναστηθῶν οἱ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος οἱ νεκροί, θέλομεν ἰδεῖ ἕνας τὸν ἄλλον εἰς τὸ φοβερόν κριτήριον. καί τότε οὐ ἔσωσεν τοὺς λόγους, ἐξέψυξεν ὅπου ὀνομάζεται Γέπ Σέμ, εἰς τὸν τόπον τῶν Χαλδαίων, κοντά εἰς τὴν Αἴγυπτον, εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας ὅπου ὀνομάζεται χρυσὸς Νεῖλος. αὐτοῦ ὅπου εἶχεν ποιήσει ἀπὸ ὀρισμὸν τοῦ Φαραοῦ Ἰωσήφ ὁ πάγκαλος ὠρία τοῦ Φαραῶ διὰ γέννημα· καί τόσος θρήνος ἐγέννη καί κλαυθμὸς, ὅπου πούπετε²⁾ εἰς τὸν κόσμον οὐδέν ἐγέννη οὐδὲ θέλει γέννη· καί οὕτως ἐσῆκωσαν τὸ λείψανόν του με τιμὴν μεγάλην οἱ βασιλεῖς καί οἱ μεγιστάνοι ὄλοι ἀλλάζοντάς τους, καί ἤφεραν το εἰς τὴν Παλαιστίνην,

¹⁾ рки. τὸ, что не даетъ смысла. Ср. Новак. нь зля оуби, да се зло прекрати.

²⁾ рки. ὅπου πούπεται.

εἰς τὸ κάστρο τὴν Ἀλεξάνδριαν· καὶ ἔκλαψέ τον ἡ μητέρα του ἡ Ὀλυμπιάδα καὶ ἡ Ροξάνδρα καὶ οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ αὐθεντάδες, ὅσοι ἦσαν, τὸ ἀρχοντολόγι, καὶ ἡ γυναῖκες καὶ τὰ παιδιὰ· καὶ ἰδὲς ἀπροσεξία ὅπου ἐγέννη ἀπὸ τὰ τετράποδα τὰ ζῶα, τοὺς ἀγροικίστους ἀνθρώπους. τὸ πῶς τοὺς ἐλάθωσεν ἡ Ροξάνδρα· ἡ Ροξάνδρα ἡ βασίλισσα τὸ ροῦχο της τὸ πολυτίμητον ἔσκισεν ἀπὸ ἄνωθεν ἕως κάτω καὶ ἀπολύσεν τὰ μαλλία της τὰ χρυσὰ ἕως τὴν γῆν καὶ θλιβερὰ ἐλάλησεν τὸν Ἀλέξανδρον, ὡσάν να ἦτον ζωντανός· ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα καὶ ὑψηλότατε αὐθέντη! καὶ ἐχθρός ἐδικός μου ἦσουν, ὀμμάτια μου, καὶ πεισματάρη σὲ εἶχα ἐγώ, ἡ παλαίπορη ἡ ξένη, ὅπου μὲ ἤφραες εἰς ξένον τόπον καὶ ἄσχηκός με ἐδῶ· καὶ ἐσύ [48 v.] βασιλεύεις ὡσπερ ἥλιος ἐν τῷ οὐρανῷ. καὶ ἐσύ, ἥλιέ μου, αὐθέντη μου, ἐσέβης εἰς τὴν γῆν ἀποκάτου να βασιλεύης· οἶμοι γῆς πικρῆ, ὄρη τε καὶ βουνοὶ καὶ σπήλαια καὶ κάμποι καὶ λαγκάδια, κοσμε, ἄρχοντες καὶ ἀρχοντόπουλα· τὴν σήμερον ἡμέραν κλαύσατέ με τὴν ἄθλιαν τὴν ξενούτζικην, να μαζωθοῦν εἰς τὴν καρδίαν μου· ὡσπερ τὰ βουνα γέμουν ἀψιθία, οὕτως ἐγέμωσεν καὶ τὸ σκάφος μου πικρία ἀόρατη διὰ τὸν χρυσόν μου τὸν σταυραετόν μου τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ τόμου ἔσωσεν τοὺς λόγους της, ἐπαρακάλεσεν καὶ εἶπεν τοὺς, καὶ ἐξέβησαν καὶ ἄσχηκάν τὴν μοναχὴν κοντὰ εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ἐκολάκευέ τον καὶ ἐσυντύχαινε τον, ὡσάν να ἦτον ζωντανός· Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἥλιε! κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέραν μετὰ σένα να ἀποθάνω, περὶ να γενῶ γυνὴ ἀλλουνοῦ ἀνδρός· ἀμὴ οὐδὲν ἡμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου να χωριστῶ, αὐθέντη μου. τοιούτους λόγους εἶπεν, καὶ ἔσυρε τὸ παραμάχαιρον τοῦ Ἀλεξάνδρου, καὶ ἀκούμπησέ το εἰς τὴν καρδίαν της καὶ ἐσφάγην, καὶ ἐξέφυξεν αὐτὴν τὴν ὥρα ἀπάνου εἰς τὸν Ἀλέξανδρον· καὶ ὅταν ἐσέβηκαν, ἤνυραν τὴν βασίλισσαν ἀποθαμιμένη· ὁ Πτολομαῖος καὶ ὁ Φιλόντης ὤρισαν καὶ ἐποίησαν σεντούκια χρυσά, καὶ ἔβαλαν τὰ λείψανά τους· ἐκεῖ τοὺς ἐκήδευσαν, ὅπου εἶναι ἕως τὴν σήμερον ἡμέραν· οἱ βασιλεῖς καὶ οἱ μεγιστάνοι ὑπῆγεν ὁ καθε εἰς εἰς τὸν τόπον του, ἡ Ἀλεξάνδρια ἀπέμεινε εἰς τοῦ Πτολομαίου τὴν αὐθεντία· (ἐσμίγητην) καὶ ἀφοῦ ἀποθάνεν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ἐμοιραστήκαν τὰ βασιλεια τῆς γῆς ὅλης, ἐχωρήστηκαν εἰς σε 5^α βασιλεια εἰς ὅλην τὴν γῆν. Τέλος· ο βίος τοῦ Ἀλεξάνδρου

ЗАМѢТКИ КЪ ТЕМУ.

По соглашенію съ проф. Дестунисомъ, которому принадлежитъ главная роль въ установленіи напечатаннаго выше текста, написаніе подлинника было сохранено по возможности. Нормировано было, согласно съ принятымъ правописаніемъ, обычное въ позднихъ греческихъ рукописяхъ, смѣшеніе ϵ и α ; ϵ , α , υ , η и ι , но и для послѣдней серіи сохранена двойственность подлинника, нишащаго въ сослагательномъ наклоненіи и въ будущемъ сложномъ то η , то ϵ ; Κυρίου восстановлено изъ Κηρίσου по указанію славянскаго Коуроус; $\lambda\zeta\acute{\alpha}\tau\omicron$, вм. $\lambda\eta\zeta\acute{\alpha}\tau\omicron$, согласно съ среднелат. *ligius*. — Подписной йоты совсѣмъ не ставили, потому что ея нѣтъ и въ текстѣ, ни въ сослагательномъ наклоненіи, ни въ дательномъ надежѣ. — Придыханія удержаны обыкновенныя; только въ $\iota\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ и $\acute{\alpha}\rho\mu\alpha\tau\alpha$ употребили легкое придыханіе, въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ рукописью, противъ древнегреч. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha$ (въ кашпадокійскихъ народныхъ говорахъ: $\nu\eta\sigma\acute{\iota}\alpha$, $\nu\epsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ и $\acute{\eta}\sigma\acute{\iota}\alpha$), во второмъ, противъ рукописи и принятаго правописанія, согласно съ лат. *arma*. — Относительно удареній мы дозволили себѣ слѣдующія измѣненія: ставя удареніе тяжелое 1) въ $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{\alpha}$ вм. $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{\alpha}$, потому что въ ркп. употребительна форма $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{\omicron}\varsigma$, а не $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\upsilon\varsigma$; 2) въ род. пад. Φαραῶ , на основаніи перевода LXX; Φαραοῦ по аналогіи съ Φαραῶ . Напротивъ: Σολωμοῦ , ибо это предполагаетъ имен. пад. Σολωμός ; 3) въ $\beta\omicron\upsilon\lambda\alpha\acute{\iota}\varsigma$ и т. п., въ томъ предположеніи, что эта форма произошла не отъ древняго дательнаго, а отъ именительнаго $\beta\omicron\upsilon\lambda\alpha\acute{\iota}$. — Исправляя текстъ по требованію смысла, чтеніе рукописи ставили обыкновенно подъ строкой, за

немногими исключеніями, гдѣ измѣненія касались раздѣленія словъ, писанныхъ слитно, напр. стр. 48, 3 строка снизу: ἄν ἔφερθεν (ркп. ἀνέφερθεν); 49, 6 строка сверху: ἄν ἔρχεται вм. ἀνέρχεται. — Форма ἐγκοσμισμένος, послѣдовательно проведенная черезъ всю рукопись, оставлена безъ измѣненія: она составлена по аналогіи къ στολίζω, либо предполагаетъ форму κοσμίζω. — Имена собственные писали, какъ принято, кромѣ тѣхъ, которыя въ текстѣ имѣютъ новую форму; вмѣсто Δάριος, какъ всюду въ подлинникѣ, рѣшились писать Δάρσιος, не держась правильнаго ударенія, но всетаки измѣнивъ ι въ ε. Если написаніе одного и того-же имени измѣнялось въ текстѣ, то удерживали эти измѣненія и въ печати (напр. Ἰκκιδόν и Οἰκκιδόν ποταμόν).

[] означаютъ: включить; (): выключить.

Ссылки на народную греческую книгу объ Александрѣ сдѣланы по венеціанскому изданію 1852 года (см. введение).

Замѣчу въ заключенія, что, какъ оказывается изъ переписки Добровскаго, недавно изданной проф. Ягичемъ, нашъ вѣнскій списокъ уже въ 1826 году обратилъ на себя вниманіе Копитара. Въ письмѣ № 189 Добровскій сообщилъ ему начало сербской Александріи (по Рудницкому списку), замѣчая по этому поводу, что уже Павелъ Іовій говорилъ о славянской Александріи со словъ русскихъ пословъ въ Римѣ. «Der Anfang ihrer Alexandreis ist seltsam», отвѣчаетъ Копитаръ (№ 190). «Ist es auch wirklich der Anfang des Werks, oder nur jetzt das erste Blatt, initio mutilum? . . . Auch wir (т. е. Импер. Вѣнская библіотека) haben einen Alexander im MS., der aber von *Tarkanios* (Tarquinius) anfängt, *Graecobarbare*. Wollen sie oder Hanka ihn drucken lassen?». Сл. начало нашего текста: Ἐπί ἔτους εἰ βασιλεύσεν εἰς τὴν παλαιάν Ῥώμην ὁ Ταρκιανὸς ὁ βασιλεύς (слав. царствующаго великаго Рима *Таркинию* царю).

ПОВѢСТЬ О ТАВРѢ И МЕНШ

ВЪ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ И ПЕЧАТНЫХЪ
ГРЕЧЕСКИХЪ МІНІЯХЪ.

І.

ЭПІЗОДЪ О ТАВРЪ И МЕНИИ

въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія по списку XIII—XIV в.

(л. 109 об.). Чедо, принеси ми житиѣ Таурово, ꙗже почита намъ многации, ꙗже имать ѿ Ремал'дѣ и Мении и ѿ [А]кулинѣ цѣри Калаврисцѣмъ и како градъ бысть и како Тауръ и Мении сѣмо придоста и како дръжаахоу прѣдѣль ихъ, и повѣдѣ ти, чедо, ѿтъ почтенна кыпимъ ѿобразомъ ратьникъ зачело приѣмъ хочеть приити сѣмо вьноукъ Акулиновъ, възискати, рече, хоте прьвыѣ рати ѿтъмыщенна. Скоро оубо пославъ Вонифантїи принесе кныгы и выш'дыше въ молитвѣникъ блаженныи Панькратїи и Вонифантїи и азъ с'ныма, повелѣше же ми почисти кныгы. Ставь оубо азъ почтохъ разлыч'ныѣ рати и браны многы, словеса оубо кощоун'на ¹⁾, рати же бесчисльныѣ. Глагола оубо ми блаженныи Панькратїи: ѿ Таурѣ и ѿ Акулинѣ и ѿ велицѣи рати ихъ почьти. Тогда придохъ въ ѿглавлениѣ Тарменское Акулина и Ремал'да, кага мѣста прѣдръжаахоу кьждо ихъ и кыѣ браны дроугъ на дроуга съставляхоу.

Ремал'дъ и Акулинъ бѣше ин'дикта въ на(л. 110 л.)чело лѣтноѣ тако прѣдръжеша: ѿтъ приморїа исходи тоу Ригиломъ мѣстомъ

¹⁾ Ркп. коущьн'на.

кроуодось тако нарицаемоу и Пелоруа горѣ въсходеща из града Ветьхааго и Трафичьскыи и Турьскыи воды Юнтаделфа Кара вышнѣише и доже и до того приморна Сал(л)ишскыихъ: вса таа прѣдрѣжаше иже нѣколи Ремал'дь; бѣаше же родомъ страны ксантовы высокыхъ зѣло и сил'ныкъ. Акулинъ же бѣ пже зѣло множество мѣсть ии люднѣ дръже и грады тврды оуть приморна же до Причнскихъ и оуть Тырьска града [до] потока Когхоула. Ремал'дь же хоудъ бѣ противоу Акулиноу такоже и дани кмоу данаше; Акулинъ же не приѣмле дани Ремал'довы хотѣаше мѣста кмоу въсхытити и богатство и моуже кго съ Мешню великою и свѣтлою и моудрою. Бѣаше же и таа Македоньни гор'нааго промысла помагати себѣ просеци. Честѣише же браны творѣахоу к себѣ выпльченнѣ. Бѣаше же оубо и Таурово начело сице. Тауръ съ иже великъ въ плтнѣи силѣ бѣаше же Хананѣсъсъ иже и въ тѣхъ прѣдѣлѣхъ Хамовѣхъ родисе, вьноукъ Невродовъ (л. 110 об.): оного Неврода рекоу, иже въ Родѣхъ се приноситъ, кгоже повѣсти пишущихъ повѣстнше томоу быти .ї.-томоу родоу Тауровоу. Идоше оубо нѣколи кдиноаго поплѣнити Сурни и оубѣсѣдоше кдинъ тѣ градъ и оутѣше и плѣнише и и приведоше и все людѣ [въ] Сприю; сии оубо Тауръ въ плѣншцѣхъ бѣ съ матерню своюю .їі. лѣтъ. Тьгда оубо пзиде плѣнъ раздѣлити се подльгъ кнезе, приде и Тауръ на срѣдоу; кдинодавць же равнанн, видѣвъ оутроче съ матерню кго, покъмъ оутап оут'да и своимъ рабомъ себѣ. Оувѣдѣвъ же архирь кнезь кко оутроче равнанн покъ, бе-сласти имѣахоу, ккоже вѣри не схран'ше. Бѣаше же гребъцемъ старѣи въ Сурни оуть великааго града Римьскааго творе свои ороуднѣ. Глагола оубо старѣишина греб'чьска нѣкмоу оуть кнезь дати цѣноу на Таурѣ и покти и к себѣ съ матерню кго; и створивъ старѣишина греб'чьскъ свое на потрѣбоу коупль, пзиде пс-Сприк, хоте прити въ Роумы; ккоже дѣх'ноу липсь, не можаше пталъскыимп назоухамп мшиоупти и спиде въ Ригни, да стенопомъ фараанъ прѣпловеть: двою бо поучиноу (л. 111 л.) стѣш'пеннѣ на томъ мѣстѣ иже нарекоше землемѣр'ци степошь; кгда бо въздвигнетъ моуть свои, кто сътрышитъ моуты

кого? Приставъ оубо корабльничкъ на знаменитѣ мѣстѣ оузрѣи бы[сть] и ѡтъ тѣхъ пже ѡ Ремал'дѣ, и видѣвше ложе корабльнѡе чюдншесе и поустив'ше скоротечьца, къ Ремал'доу приде. И приближивсе къ кораблю глаголаше: Радоуисе сълоучею корабльничъ, добро ти брѣме! Корабльничкъ съ гребци: Радоуисе мѣстьничъ кнеже, добрѣ пже ѡ тебѣ строитсе, промисль божьскыи схрани те! Мѣстьны же кнезь Ремал'дъ к нимъ: И что брѣме корабльнѡе?—**Ю**же аще хоцеши все добро имамъ.—Таурь оубо бѣаше въ корабли ходе. **Ю**ко же оузрѣ Ремал'дъ ѡтрока на помѣтѣ корабль(н)нѣмъ, глагола къ корабльничкоу: Кто кетъ ѡтрокъ съ? Съ же рабъ ¹⁾ твои коупихъ и.—Ремал'дъ же даа .ḡ. златикъ, оугостив же гребце выномъ и брашны, ѡт'пусти к ѡт'плоти кгда боуде строино плотикъ многовльншааго стонопа: бѣаше бо пропиривѣ с'вещавансе. Бывшию же строиноу плути[ю] ѡт'плоуше. Ремал'дъ же покъмъ Таура с матерню кого веде и въ ѡбласти Салинскы ²⁾ (л. 111 об.) въ свои домъ. Менина оубо яко оузрѣ ѡтрока ѡстромъ оумомъ, рече къ Ремал'доу: Вѣсть горныи промисль яко добръ ѡтрокъ господинь мои коупши. Бѣаше же Менина .лї. лѣтъ, зѣло же с'мысломъ дивна и моудра; яко оузрѣ матеръ Тауровоу възревновавши кп, да не Ремал'дъ похоти иѣконъ створи съ нею, оуськоривши дасть кп ѡтравоу и оумори ю. Видѣвъ оубо Таурь смр'ть матерѣ своѣк, ѡтъ кроучины выпаде въ кзоу, якоже глаголати вѣъмъ яко ѡтрокъ Хапанѣинъ оумираетъ. И Ремал'дъ ѡпечалисе. Менина оубо въз'мыши ѡдръ и постелю мекъкоу възнесе Таура на вышныцю иѣкотоую, имоуци ѡтроковци двѣ съ собою, и прикъмши главоу ѡтрокоу въ лонѣ глаголаше: Не толма ѡтроче пцисе, аще и мати ти оумрѣ, азъ въ матерѣ ти мѣсто боудоу: и азъ юна и тыи ѡтрокъ, и Ремал'дъ [прѣди] оуходи насъ. Тако глаголавши Менина къ ѡтрокоу, възесе матерьныи память и-срдца кого и прил'пе Менини и въспроси гасти и пити. Менина же ѡбѣдъ оухыщренъ зѣлъ добръ младомъ козлищемъ створи и пода кмоу, и възъмъ гастъ, и възможе и вѣста

¹⁾ Ркп. рѣбъ.

²⁾ Ркп. Салимьскы.

ѡтъ бо (л. 112 л.) лѣзши своикѣ. Ремал'дъ оубо, видѣвъ ѡтрока
 ѡбразы моужьскы ѡдѣна, ѡтъда и въ коньники оучитисѣ прѣ-
 тварити седла конемь; и въ петн лѣтѣхъ другьныхъ бысть Таурь
 моужь высокъ зѣло врѣстою, зѣло же и правы и дѣла творе
 въ ратнѣмь стрѣланни и пращнѣмь метанни, ѡкоже глаголати
 Ремал'доу покои ѡбрѣтышоу си ѡтрока сего паче ѡтрокъ своихъ
 всѣхъ. Акулинъ же, оувѣдѣвъ моужьство ѡго на ратехъ, выпрашаше
 навикнути хоте нѣ ѡтъ кыхъ, ѡстрооумный ѡт'коудоу ѡтрокъ
 пже прѣдъ Ремал'домъ ходи, акы ѡоудовинъ лоукъ ѡт'тезанъ.
 Сиѣ же рекоше: ѡтъ Сурнѣ коупи и. Сиѣ оубо Таурь всѣми
 чюдымъ бѣаше многыѣ ради крѣпости ѡго; лоука бо ѡго ѡт'тезанъ
 не ѡбрѣташесе, или носивъ на рамоу тако роукама въздвигнути і.
 Не тьчню крѣпость имѣаше, нѣ и зѣло моудръ и побѣдникъ бѣаше;
 многациѣ же събраасе множество людѣи на ширѣ богъ своихъ
 и николи же равна Тауроу при крѣпости или въ прѣчахъ кощоун-
 ныхъ не ѡбрѣщаахоу. **К**оже ѡдиною спитисе множеству
 (л. 112 об.) воловъ на водѣ Сал[ин]ѣстѣп, бѣахоу въ нихъ юнцы
 .і. лѣтъ и двою зѣло боун, к нимъже николи же приблизитисе чло-
 вѣкъ не възможе. Въставъ оубо прѣдъ всѣми Таурь ѡ большааго
 и боушишаго и акы агныца тако поврѣже и, ѡкоже быти и ѡтъ
 того имене Таурь, ѡкоже не бѣаше ѡбрѣсти другааго въ дни
 ти. То оубо послоутисѣ моужьства Таурова. Николи же моутѣ се
 примѣси ни въспроси ложа женьскааго; крѣпости бо своикѣ
 моудрыѣ ѡклеветаниѣ похоть блодноую въ писани ѡбрѣташе
 быти. Въ дни же ѡны приде Акулинъ, поплѣни [и]же ѡ Ре-
 мал'дѣ, и бѣаше великъ страхъ въ нихъ. И възмыши моудраѣ
 Мениѣ своѣ имѣниѣ бѣжа въ мѣсто скровноѣ, моужни пже
 ѡ Ремал'дѣ съ нимъ изидоше на срѣцоу Акулиноу; бѣаше же
 и Таурь съ Ремал'домъ. **Ю**гда оубо съвѣкоунншесе, ѡбративсе
 Таурь ѡтъ Ремал'да избавити и хоте рат'ника, извлень бысть
 Ремал'дъ и наде. **О**бративсе оубо Таурь оузрѣ своѣго господина
 назвена и поврѣжена на земли и попрѣпа, и прѣклонивсе възе
 прѣстенъ ѡтъ роукы ѡго и възѣдъ на скорѣи конь бѣжа. И при-
 сташе (л. 113 л.) ѡемъ пѣциѣ, и ѡбративсе извинѣ ѡтъ нихъ ко-

пнѣмь своимъ до .л., и оубоѣвъшесе бѣжаше ѿ лица єго. Приде оубо Таурь идѣже бѣ Менига криющесе и повѣда ки ꙗко Ремал'дь мужь, господинь мой, на рати паде; слышавши же Менига, ꙗко Ремал'дь мужь не оумрѣ, раздра ризы своеѣ ѿ горы до низоу и въсіпа прѣсть на главоу свою. Таурь оубо къ госпожи своеѣ: ѿ госпоже мои моудрага, почто тако болѣзнь те наплъни? Не твоѣ ли молитва ѿ чисто кроучиньства ме избави и память матери моеѣ съ моего ср'дца стрѣби? Не ти ли ми рече: Азь юна єсмь, а тыи ѿтрокъ? Сии же поменоувши глаголаюѣ къ Тауроу прѣста ѿть ѿбдрѣжимнихъ болѣзнии. Тогда рече къ Тауроу: Тако єсть, ѿ отроче, ꙗко прѣди оушьль бѣаше насъ. Таурь оубо къ своѣи госпожи: Изнеси ми съворитыи помазъ господина моего и мѣчь простии и щить єго въльр'митыи и копие єго магеутское. Сии же въскорѣ изнесе то. И рече ки: Целоуй ме, госпожде мои Меник, ꙗко крови Ремал'дови излѣанѣи на землю д'несъ идоу ѿтьмьстити, и иже ѿ Аку(л. 113 об.)линь п'сѣ азь скроушоу и пращею. Менига оубо целовавши Таура рече ємоу: Иди, горьнии промысль помози ти, съ смотрениѣмъ рать състави и да тебе не оубиєтъ Акулинь. Тыгда оувѣдѣ Таурь любовь женьскоу, ꙗко тѣчию къ оустомъ приближесе. Поѣмь оубо ѿть остав'шихъ мужь рати акы до .ѡ. тысоуць, глагола имь: Идѣмъ на Акулина. Мужі же к ємоу: Да что творимъ? Таурь же к нимь: Да се боремъ. Мужи же к ємоу: Да что створить .ѡ. тысоуць мужь противоу ѿсמידесеть тысоуць? Таурь же к нимь: Сего и ѿни помышляють ꙗко мало єсть людиі, паче же ꙗко оумрѣ Ремал'дь и бѣжаше людиє, и не боудоуть на насъ; и аще ¹⁾ и ѿбрѣщемъ є на єдиномъ мѣстѣ възлегше и створимъ въ нихъ єже аще хоцемъ. Сии же к ємоу: Тако да боудеть, Тауре. Кто ни старѣишина боуди и бран'на лоучаи начѣть не? Таурь же к нимь: Все выи искоусь брани имате, аще хоцете азь ви боудоу старѣи и лоучаи бран'н(л. 114 л.)ыи подамъ. Мужи оубо к ємоу: Ты, ѿ Тауре, аще и ѿ крѣпости тои прілежишь, нь по-

¹⁾ Рки. юще.

неже оуτροкъ кси, искоуса рати и лоучага невѣдын дати. Таурь оубо к нимь: Искоусите ме и азъ пооустынь боудоу на брань, и яко же раставлю, тако створите, а еже оубрѣщоу побѣдоу приносе. Тьгда изидоше мужи и придоше яко на пырщици кдиномь оуть Акулина. И глагола мужемь: Разлоучите се трии тысоуще о десно и трии тысоуще о лѣво, и овы подгорни дръжите, овы приморни; пдоу же и смотроу, что твореть Акулинови мужи с нимь. И абнѣ Таурь пде кдинь, и пришьдѣ близь къ мѣстоу оузрѣ псточ'ныкъ, и бѣахоу на немь. Ѡ. мужь хранеще вѣхдѣ ратыни. Тап пападе на не Таурь, пстрьгѣ мьчь свои оусѣкноу трыѣ, и другыѣ трии приведе въ .s. тысоущь мужь. Аще бо се не бы было, то не быше се повпноули Тауроу и воквали на Акулина. Тьгда трыѣ мужи всю силу Акулиновоу повѣда[ше] (л. 114 об.) тѣм же о Таурѣ, яко мвозѣмь се виномь оупили соуть и ниѣхъ стражи не имоуть. Дръзость же приѣмьше оубо, выпрегше колеснице свои, муже оубо оусѣкноуше еже бѣ Таурь оуловиль. Ш'дѣ же оубо Таурь кдинь срѣдныимь поутемь и мужи разлоучишесе на десно и на лѣво; яко придоше на не, испоустни гласъ Таурь, абнѣ тьма бысть еже о Акулинѣ. Бѣаше же гласъ Тауровъ акы львовъ гласъ. Тьгда .s. тысоущь мужь оубыше .ii. тысоущь. Акулиноу не лоучише пасти, нь з гонезышыми вьниде въ Мелонь градъ. Тьгда мужи еже о Таурѣ оубратишесе оуть ратнааго сьвькоупленна, хвалеще Таоура, яко же достойна власти ими, и придоше радующесе къ Менини и глаголахоу: Госпож[д]е наша и моудра Меник, мыи вси рабы ксмы Тауроу кнезоу нашему еже намъ дасть день великъ ратыни, яко николиже наша оубласть имѣ. Дамь мыи вси любочьстниа его, вьсхоци же, госпож[д]е, сьвькоупитисе с нимь, да боудеть с тобою Таурь и тыи с нимь. И покм'ше Мению моу(л. 115 л.)жи и все кѣ еже имѣаше приношено на мѣсто скровно, придоше въ домъ ксе и вьсадвише ю на оудрь и кше Таурь и сьвькоупише я. Тьгда оувѣдѣ зѣло любовь женьскоу и тьчию о Менини довольнѣ бывѣ, къ иной жени николи же приѣмьсесе сласти ради пльтыни. Да оубо тако ксть сьвькоупленнѣ

Таура ии Меник, и въ забытъкъ бысть Ремал'дь Роусин. Акулинъ же мыслѣше, что створитъ ѿ Таурѣ; шьдъ оубо и събравъ ѿтъ всѣхъ градъ Калаврискихъ до .Ѣ. сътъ тысоущъ приде на ѣдно мѣсто и погасъ изъмъ вражаныи, и погасъ ѿ брѣте Таура ѿдолѣвани, и съблюдаше день ѿбрѣсти такоже съ Тауромъ братисе. Оублюдьше же иже ѿ Таурѣ [силы] Акулиновы и видѣвше множества .рѣс. тысоущъ и оужасошесе и рекоше къ Тауроу: Бѣжимъ ѿтъ лица Акулинова, ꙗко не можемъ противоу имъ ничесоже створити понеже множество много ксть. Тауръ же оугодив'си съ с'вѣтомъ мужі своихъ възъмъ нощю наплни корабле своѣ и все имѣниѣ своѣ и все мужи своѣ и прѣилоу въскорѣ. Моудрии же Тауръ шьдъ противоу людемъ Аку(л. 115 об.)линовомъ възгнѣти множество ѿгни велика, и тако възм'ше ѿт'идоше и пдоуше слѣдъ свои крпахоу да не въскорѣ оувѣсть Акулинъ камо се дѣ Тауръ. Тыгда приде Акулинъ идѣже надѣашесе ѿбрѣсти Таура, и не ѿбрѣте. Прѣилоу же Тауръ съ всѣмъ своимъ [воискомъ] и гонезъ приде идѣже градъ съ нашъ нынѣ стоитъ, и приведъ моуже оубо и расмотривъ мѣсто и ѿбрѣтъ тврѣдъ ѣго, створише ѿгражденнѣ и водоважде и ꙗмы великы и оутвърдишесе. Слышавыше се ѿкроуг'ниѣ ѿласти помогаше Тауроу и помазаше и въ игемоньство ѣже власть имни. Тыгда все люди изъчють ѿбрѣте до седмидесетъ тысоущъ и възъмъ имѣниѣ¹⁾ дасть имъ многа, и пршесыше п'шеницю и вино и наплнише градъ. Акулинъ же приде въ Тауровы дома и не ѿбрѣте ничесоже, надѣаше же се ꙗко въ единой ѿтъ доубравныхъ горь ксть, и проиде вса мѣста Калаврискаѣ ище Таура мѣсець ѣдинъ ѿтъ приморнѣ Салиньскааго до [Кон]хоульскааго потока и Термона и до горь Туропольскихъ и доже и (л. 16 л.) до малааго и алименеутьскааго моря. И не ѿбрѣтъ ѣго ѿбратисе троудивъ, многы ѿтъ люднн своихъ погоубивъ. Зѣло прѣмоудраи Мениа Македонны, приведши влхва своѣго, рече: Ѡ влшве мой, како рoudныи ѿбразъ ѿбрѣщемъ?

¹⁾ Ркп. имѣниѣ.

Шьдъ же ѡбрѣте все кже топ кдиной показа. Призвавши же горнааго промѣсла бога створи злата чиста множьство много и сребра до сытости и мѣдь и желѣзо, ѡлова же и косптериз тьчию не ѡбрѣте створити. Тако оубо зѣло ѡбогативсе, кжеже и зачело вьльр'ма оуказа ¹⁾ вѣмь. **Ю**гда же все кже ѡ градѣ испльни се потрѣбь, слыша Акулинъ кже Таурь прѣпловь створи градъ твр'дъ и кже на потрѣбоу все, и тоуже храбри приѡбрѣте помагати кмоу, и богатство много, поспѣши Акулинъ створити рать и варити градъ и кже погоубити Таура и кже ѡкр'сть кго храбры кжеже кзвы все, кжеже слыша радъ быти на мѣстѣ кго и кти и и моудроую Мению. Вьѡроуживъ съборь ратьнии прѣплоу нощню и приде на поле и покри (л. 116 об.) всю землю Тауровоу и вьскликноу гласомь крѣпкомь. **К**жеже оубо слышаше вьплъ кпцанинъ кже ѡ Таурѣ, раслабѣше и глаголахоу: Что ксть кличь ть? Оувѣ[дѣ]в же Таурь кже Акулинъ прѣплоу, призвавъ ѡ себѣ моуже рече: Моужавтесе, Акулиновъ гласъ ксть и моужь кго. Слышавше же паче оубошшесе. Таурь оубо к нимь: Азь кдинъ вьскличю на висоцѣ мѣстѣ, вѣсть бо горьны промыслъ кже не боудемь побѣждени(имь) ѡть ныхъ. И выш'дъ Таурь на висость, възви гласомь акы моужь много кдинъ: Здѣ ксмь азь Таурь, здѣ ксмь, и ѡть лица Акулинова не имамъ бѣжати. За утра оубо приде годъ вьплъченинъ ратьнааго. Моужи оубо Таурови к нему: Не вьплъчимсе противоу мыш, ѡ Тауре, Акулиноу, понеже множьство много ксть. Хотѣахоу же погоубити Таура и плѣненик вьскровѣ кго створити и къ Акулиноу прѣдатисе и вьдати моудроую Мению и все богатство ке, да боудеть кдино цр'тво Калаврик и Спкилине. Оувѣдѣвъ оубо Таурь свѣтъ моужь, кромь ѡкомь възрѣвъ на не рече: Ѡ моужи, что свѣтъ вашъ? **К**ако створити (л. 117 лиц.)римь брань нашоу на Акулина? Спце глаголавъ прѣтвори с'вѣтъ моужь своихъ. Спи же к нему: **К**ко свѣтъ твой иматъ ть? **Т**гда глагола к нимь: Выпрези кждо васъ

¹⁾ Ркп. оукази.

колеснице свои бранныи и снимь на поле, и аще мужьства да не покажоу на полоучаи рат'нѣмь, тыгда съвѣтованнѣ вами да се скончакъть. И годѣ бысть слово Таурово мужемь, и сидуше на поле и став'ше собои противоу себѣ, поустити Таурь къ Акулиноу: Ты ли еси Акулинъ, иже мужьствомъ великъ, и азъ Таурь малыи и не искоуснѣи въ хоужьствѣ рат'нѣмь, кго же ради и строкъ се мню? Что приде яко погоубити чловѣкъ мысль имоуще работати? Да все мое твоѣ, и створи миръ и не погоуби града ми ни людии моихъ погоуби кониѣмь своимъ. Въсощи же мною малѣмъ Тауромъ тыи, прѣвысокия Акулинъ, мужьство свое показати: изидѣвъ на поле азъ же и тыи едина и оуби ме и тако, Акулине, възмеша все Менино добрѣ оухыщреноѣ кже на потрѣбоу сбрѣтъ. Акулинъ же слышавъ то възвѣсти Тауроу: Послоушаи, ѿ Тауре строче Ремал'-до(л. 117 об.)въ, оу него же дани възимаахъ акы силнѣ. Промысль великихъ богъ такоже многы побѣды подаѣ намъ — не кльноу ти се горьныимъ промыслемъ, акы епанѣ и скврьната Менина — тако аще изидѣвъ на поле и прѣможеша ме, Тауре, и възми и црѣво мое и все кже ѿ мнѣ. И годѣ бысть слово Акулиноу Таурово и Тауроу Акулиново. Доблии оубо Таурь положивъ все брѣме цроужьноѣ и възъмь въ пращи свои камикъ литръ двюдесетоу .д. и възвртѣвъ добрѣ намѣривъ оудари Акулина въ прьси и скроуши всего. Видѣвшѣ же кже ѿ Акулинѣ яко наде, ѿслабѣше и бѣахоу тренещоуще ѿтъ лица Тауорова. Възоупи оубо Таурь къ своимъ мужемъ гласомъ крѣпкомъ: Сѣцѣте муже оубоце Акулиновы, днесъ бо великааго горьнааго промысла лоучаи сбрѣтохомъ, яко же все врагы наше горьныи промысль въ роукоу нашею слоучаи. Низьшьдыше .z. тысоущъ Тауровыхъ исѣкоше тысоущъ .рпѣ., въ море бо вынадающе коньчаахоу се и въ **Ю**стичьскыи ¹⁾ горы бѣжаахоу (л. 118 л.) тако мужии Акулинови гоубители и крволѣице. Тыгда Таурь сдрѣже бысть ѿ всемъ, и сдѣше и въ скроиницю игомьскоую ²⁾

¹⁾ Ркп. юстичьскыи.

²⁾ Ркп. игоуменьскоую.

и въ котыгоу упатьскоую и рекоше ѿмоу гласомь крѣпкомь: Живи Тауре строптелю мѣстныи, живи и гѣмоне и моужьствомь упате! И ны хвалы множайше сихъ глаголахоу ѿмоу. Тыгда прѣшлоу Таурь и плѣнише моужа ѿго весь домъ Акулиновъ и грады исказише ѿже прѣдрѣжааше. Бысть же ѿднодрѣжавыць и много Таурь, ѿко же по подобию Невродовоу и н'равомь и видомь страшнь, без мѣры высостно, стѣбло велико, моужьска стегда, мыш'цама же бѣжааше акы левь, лѣкькама же погама акы срьна брѣза. Тыгда имь се възгради въ Калаврии Таврианы Малыи и каменна наложи въ корабли Акулиновы, везе ѿ тамо ѿко же привое (sic) рекохъ. Ико же приноситсе въ повѣстныхъ книгахъ моудрыхъ .ї. родъ постизають Таурь Невродова. Лоукъ же ѿго дръжитсе въ прѣтории, ѿгоже и щипи не могоше ѿтегнути николп же, и дрѣво копийноѿ ѿко слѣме хлѣвниноѿ и акы при-сѣстввь тькоущаго. Бѣаше же щипь ѿго акы кругъ сежаны .д., помьсь же ѿго кто възложи на рамо колп? Си бо (л. 118 об.) великыи Таурь бысть храбрь, ѿмоуже не ста противоу страна плп црѣво страньскоѿ колп, много же богатства възслѣдова въ градъ. Моудрии оубо съвькоупише двѣ имени, положише, прозваше грады. И въ Салпинѣхъ възгради Таурь по погоубленьи Акулиновѣ каменниѿ ѿже прѣвезоше въ кораблехъ Акулиновѣхъ, нарече Тауриинсь. Створи же Таурь болгаромь своимь дома красны и бане и воды приводьныи и створи прѣстоль ѿть злата чиста и каменна. Все же ѿласти приидоше и вдаихоусе сами Тауроу и повиновахоусе ѿмоу вси. Коньчаше ѿ Таурѣ слово до сихъ имы оуставъ ¹⁾).

¹⁾ За пересмотръ текста приношу мою благодарность И. В. Ягичу.

II.

ЭПИЗОДЪ О ТАВРѢ И МЕНІИ ВЪ ПЕЧАТНЫХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МИНЕЯХЪ

Панкратиѣ провидитъ «ὅτι ὁ βασιλεὺς Ἀκυλῆνος ἐπῆρεν ἑξακοσίας χιλιάδας φουσάτο, νὰ πολεμήσῃ τὴν Ταυρομενίαν». Объявивъ о томъ и успокоивъ всѣхъ обѣщаніемъ Божьей помощи, онъ проситъ Вонифатія «νὰ φέρῃ ἐκεῖ ἓνα βιβλίον ὅπου ἦσαν γραμμέναις ἢ ἀνδραγαθίαις τοῦ Ταύρου. ὅστις ἔκαμε πολλοὺς πολέμους μετὸν Ἀκυλῆνον τὸν βασιλέα Καλαβρίας, ὅπου ἔπασχε νὰ φονεύσῃ τὸν κύριον τοῦ Ταύρου ὀνόματι Ρέβινθον, νὰ τοῦ πάρῃ τοὺς τόπους του ἄδικα. Ὁ ὁποῖος Ρέβινθος εἶχε γυναῖκα σοφωτάτην καὶ εὐμορφον Μενίαν ὀνόματι. Καὶ φρονεύωντας ὁ Ἀκυλῆνος τὸν Ρέβινθον, ὤρμησεν ὁ Ταῦρος ὡς ἀνδρειωμένος ὅπου ἦτον μετὰ ἕξ χιλιάδας λαόν, καὶ ἐφόνευσεν ἀπὸ τοῦ φουσάτου τοῦ Ἀκυλῆνου χιλιάδας πεντήκοντα· καὶ διὰ τὴν ἀνδραγαθίαν του ταύτην τὸν ἐπῆρεν ἄνδρα ἢ Μενία. Ἦτις ἐπῆρεν ὅλον τῆς τὸν πλοῦτον, καὶ ἔφυγαν ἀπὸ τὴν πόλιν τους καὶ ἔκτισαν ἄλλην, τὴν ὁποίαν ὠνόμασαν Ταυρομενίαν, εἰς τὴν ὁποίαν ἦτον Ἀρχιερεὺς ὁ Παγκράτιος καὶ Ἡγεμῶν ὁ Βονιφάτιος. Ὁ δὲ Ἀκυλῆνος ἐσύναξε πάλιν ἄλλον λαόν εἰς τὴν Καλαβρίαν ἀμέτρητον, καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Σικελίαν, ὅπου ἦτον ἢ Μενία μετὸν Ταῦρον, τὸν ὁποῖον ἐβούλετο νὰ φονεύσῃ νὰ πάρῃ τὴν Μενίαν μετὸν πλοῦτόν

της. Ὁ δὲ Ταῦρος ἐμονομάχησε μὲ τὸν Ἀκυλῖνον καὶ φονεύσας αὐτόν, ἔμεινε νικητῆς, καὶ ἐξουσίασε τὴν Καλαβρίαν καὶ Σικελίαν, κατοικῶν εἰς τὴν ἐπώνυμον αὐτοῦ πόλιν, ἣ γουὲν τὴν Ταυρομενίαν.— Τοῦτο τὸ βιβλίον ἀναγνώσας ὁ Ἅγιος, εἶπε πρὸς τὸν Βονιφάτιον· Βλέπεις, τέκνον, τοῦτον τὸν παλαιὸν πόλεμον θέλει νὰ ἐκδικήσῃ οὗτος ὁ νέος Ἀκυλῖνος.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XL, № 3.

ДРЕВНІЯ ПОУЧЕНІЯ

НА

ВОСКРЕСНЬЕ ДНИ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Е. ПѢТУХОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886 г.

Измѣненный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ I—XIX

Поученія на воскресные дни великаго поста какъ составная часть «Златоустовъ» (I—VIII), какъ группа самостоятельная (VIII—XII); характеристика ихъ (XII—XVII); рукописи и приемы издавiя (XVII—XIX).

ПОУЧЕНІЯ 1—30

Въ недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ (1—4), о блудномъ сынѣ (4—7), мясопустную (8—11), сыропустную (11—14), первую поста (14—17), вторую (18—20), третью (20—24), четвертую (24—26), пятую (27—30).

ПРИЛОЖЕНІЯ 31—44

I. Нѣсколько замѣчаній о фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностяхъ словъ на воскр. дни вел. поста (31—42). II. Указаніе мѣстъ изъ Св. Писанія, приводимыхъ въ словахъ на воскр. дни великаго поста (43—44).

I.

Покойный проф. Горскій въ 1858 г. въ XVII ч. «Прибавл. къ Твор. Св. Отц.» (стр. 49—64) напечаталъ два слова изъ «словъ на св. Четырдесятницу», именно на воскресные дни первой и второй недѣли поста — съ переводомъ на современный языкъ. Изданіе это сдѣлано имъ по двумъ спискамъ псх. XIV в. Тр.-Серг. Лавры, именно Сборнику № 10 (по нын. катал. № 9) и «Златой Цѣпи» (нынѣ № 11); ему предпослано обстоятельное введеніе подъ заглавіемъ «О древнихъ словахъ на св. Четырдесятницу», гдѣ Горскій 1) указалъ на цѣлый рядъ этихъ словъ, начиная съ недѣли мытаря и фарисея и кончая 5-й недѣлей поста, 2) высказался за не-греческое ихъ происхожденіе и при томъ отнесъ составленіе ихъ къ самому раннему времени христіанскаго просвѣщенія у славянъ и 3) усмотрѣлъ нѣкоторыя заимствованія неизвѣстнаго автора этихъ словъ изъ твореній отцовъ Восточной Церкви.

Почти всѣ эти поученія, какъ впоследствии (въ 1862 г.) указалъ и самъ Горскій¹⁾ вошли въ печатный (Почаевъ, 1795 г.) «Златоустъ» (подъ такимъ именемъ извѣстенъ былъ особый типъ сборниковъ въ рукописной и потомъ печатной литературѣ русской, такъ какъ большая часть помѣщавшихся въ немъ поученій прописывалась Иоанну Златоусту), носящій слѣдующее заглавіе:

¹⁾ См. *Описаніе рукописей Моск. Синод. Б-ки*, II, 3, стр. 111.

«Кни́га глѣмаѡ Златоустъ, в ѳенже всако оуцхщрѣнїе бжественнаго писанїѡ ѳстолковано сткымъ великымъ Іоанномъ Златоустомъ ѳ стыми ѡцкы». Здѣсь на лл. 1, 3, 11, 19, 38, 60 об., 108 об., 138 об. напечатаны поученїя на воскресные дни недѣль: мытаря и фарисея, о блудномъ сынѣ, мясопустной, сыропустной, 1-й поста, 2-й, 4-й и 5-й, съ нѣкоторыми, иногда значительными, сравнительно со спискомъ Тр.-Серг. Лавры № 9 измѣненїями, но все таки именно тѣ, которыя находятся въ этомъ, указанномъ Горскимъ, спискѣ. На л. 81 об. этого печатнаго «Златоуста» находится поученїе на недѣлю 3-ю поста (нач.: «Братїе, глѡухъ вамъ и пнѣ плача глѡ ѡ вразѣхъ брѣта хртѡва. . .»); это уже не то слово, которое находится на соответствующемъ мѣстѣ въ Сборникѣ № 9. Кроме того, одно изъ ряда словъ на Четырдесятницу, указанного Горскимъ, именно слово въ недѣлю о блудномъ сынѣ, вошло въ печать ранѣе упомянутаго почоевскаго «Златоуста» — въ сборникъ особаго состава, напечатанный много разъ (напр. М. 1647, Почаевъ 1787, М. 1802) подъ заглавїемъ: «Кни́га глѣмаѡ Сѡборникъ», гдѣ оно усвоено Григорїю, папѣ римскому.

Въ виду того, что вопросъ о «Златоустахъ», куда, какъ объ этомъ будетъ ниже, первенствующими элементами вошли указанные Горскимъ и предлагаемые нами слова на Четырдесятницу, не можетъ быть нами совершенно обойденъ, мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, не позволяя себѣ однакоже судить тутъ съ совершенной увѣренностью, потому что вопросъ о «Златоустахъ» ждетъ себѣ спеціальнаго изслѣдователя.

Нужно различать «Златоустъ» какъ сборникъ поученїи, предназначившїйся въ цѣломъ своемъ составѣ къ церковному употребленїю отъ разнаго рода такихъ сборниковъ, въ составъ которыхъ кроме другихъ статей входили и такїя, которыя помѣщались обыкновенно въ «Златоустѣ»; къ послѣднимъ принадлежатъ, напр., упомянутый выше Сборникъ Тр.-Серг. Лавры № 9, въ которомъ на лл. 1—141 об. находятся поученїя съ недѣли мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ, а остальная часть

наполнена разными другими статьями (житія, поученія и пр.), не имѣющими къ церковному кругу никакого отношенія¹⁾; то же слѣдуетъ сказать и о Сборникѣ Тр. - Серг. Лавры № 142 (XVI в.)²⁾. Но, намѣреваясь предложить здѣсь немногія соображенія о «Златоустахъ» на основаніи нѣкотораго числа разсмотрѣнныхъ нами этого рода рукописей, мы не станемъ вдаваться въ бесполезный для нашей цѣли вопросъ о томъ, составленъ ли тотъ или другой данный сборникъ поученій съ цѣлію церковнаго употребленія или просто для частнаго чтенія и назиданія (въ послѣднемъ случаѣ въ него могли вставляться и разные другія статьи, сообразно желанію составителя, писца или владѣльца рукописи) и, слѣд., нужно-ли его считать «Златоустомъ» или нѣтъ. Поэтому, принимая въ соображеніе указанныя ниже рукописи, заключающія въ себѣ поученія на годовою церковный кругъ (или часть его) мы получимъ слѣдующія выводы (какъ матерьялъ для болѣе спеціальнаго разслѣдованія типовъ «Златоустовъ», который можетъ быть пополненъ или измѣненъ сообразно новымъ даннымъ).

«Златоусты» по составу своему представляютъ два главныхъ типа: I) *пространный*, въ которомъ положены поученія на воскресные и нѣкоторые другіе дни *всего* года и II) *краткій* (такъ наз. «постный»), въ которомъ находятся поученія только на дни великаго поста.

Изъ перваго типа можно выдѣлить два главныхъ рода:

1) Наиболѣе простой родъ представляетъ рукоп. Новг. Соф. Б-ки (нынѣ Спб. Дух. Акад.) XV в. № 1265; это самый древній изъ извѣстныхъ намъ пространныхъ списковъ «Златоуста». Онъ представляетъ: л. 1—37 об. поученія на нѣкоторые дни съ недѣли мытаря и фарисея до новой недѣли (воскресные дни *всѣ* имѣютъ соответствующія поученія); затѣмъ л. 37 об.—206 поученія на воскресные дни съ недѣли новой до 36-й нед. по Пяти-

¹⁾ *Описаніе слав. рукоп. Тр.-Серг. Лавры*. М. 1878—79, стр. 11—14.

²⁾ *ib.*, 102—109.

десятиницѣ; съ л. 206 — до конца рукописи идутъ разныя другія статьи. Т. о., тутъ мы имѣемъ поученія на всѣ воскресные дни года, съ прибавленіемъ очень не многихъ поученій на дни промежуточные. Съ софійскимъ спискомъ сходны слѣдующіе: №№ 363 и 364 Библ. Солов. мон-ря (нынѣ Каз. Дух. Акад.), оба XVII в. ¹⁾; Царскаго № 179, XVI в., въ которомъ кромѣ воскресныхъ поученій попадаются чаще, чѣмъ въ предыдущихъ спискахъ поученія на промежуточные дни съ недѣли мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ ²⁾; съ послѣднимъ сходны: № 233 Синод. Б-ки, XVII в. ³⁾ и № 181 Рум. Муз., XVI в. ⁴⁾.

2) Второй родъ близко подходитъ къ первому — въ томъ смыслѣ, что также заключаетъ поученія на всѣ воскресные дни года, но, тогда какъ «Златоусты» перваго рода имѣютъ очень не многія поученія на дни не-воскресные, «Златоусты» этого второго рода имѣютъ поученія на *всѣ* безъ исключенія дни великаго поста. Сюда относятся: Новг. Софійск. Б-ки № 1266 (XVI в.); Ундольск. №№ 533, 534 (оба XVI в.) ⁵⁾ и 535 (XVI — XVII в.) ⁶⁾, Публ. Б-ки F, I, № 236, Синод. Б-ки № 231 ⁷⁾, Ундольск. №№ 536 и 537 ⁸⁾ (всѣ XVII в.). Такого же состава и упомянутый выше печатный почаевскій «Златоустъ» 1795 г.

№№ 56 Хлудова ⁹⁾, 362 Солов. Б-ки ¹⁰⁾, 232 Синод. Б-ки ¹¹⁾ (всѣ XVII в.) и 182 Румян. Муз. (XVI в.) ¹²⁾ относятся также

¹⁾ *Описаніе рукоп. Солов. мон.*, нынѣ Каз. Дух. Акад., ч. I, Казань 1881, стр. 617—633.

²⁾ *П. Стросовъ*, Рукоп. Царскаго, 132—143.

³⁾ *Горскій и Невоструевъ*, Опис. рукоп. Моск. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 119—127.

⁴⁾ *Востоковъ*, Опис. рукоп. Рум. Муз., 227.

⁵⁾ *Рукописи Ундольскаго*, М. 1870, стр. 382—388, 388—389.

⁶⁾ *ib.*, 389.

⁷⁾ *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, стр. 83—111.

⁸⁾ *Рукописи Ундольскаго*, 389—390, 390—391.

⁹⁾ *А. Поповъ*, Опис. рукоп. Хлудова, М. 1872, стр. 68—80.

¹⁰⁾ *Опис. рукоп. Солов. монаст.*, ч. I, 601—617.

¹¹⁾ *Горскій и Невоструевъ*, II, 3, стр. 111—119.

¹²⁾ *Востоковъ*, Опис. Рум. Муз., 230.

къ этому роду, но представляются въ неоконченномъ видѣ: первые три, какъ кажется, намѣренно, четвертый — за утратою листовъ въ рукописи.

Есть нѣсколько списковъ, представляющихъ лишь части цѣлаго «Златоуста». Таковы: а) Ундольск. № 539 (XVII в.), заключающій въ себѣ поученія съ недѣли мытаря и фарисея до оминой нед. включительно ¹); б) №№ 9 (XIV в.), 142 и 143 (оба XVI в.) Троиц.-Серг. Лавры ²) представляютъ поученія съ недѣли мытаря и фарисея до Пятидесятницы; в) № 540 Ундольск. (XVII в.) ³) даетъ поученія съ 1-й по 36-ю нед. по Пятидесятницѣ; сюда же слѣдуетъ присоединить и № 144 Тр.-Серг. Лавры (XVI в.), который на лл. 1—208 имѣетъ поученія съ 1-й по 36-ю нед. послѣ Пятидесятницы, а затѣмъ, л. 208 — до конца, съ недѣли мытаря и фарисея до Пасхи ⁴), но, кажется, эту вторую прибавку нужно считать случайной, такъ какъ она противорѣчитъ обыкновенному порядку остальныхъ рукописей, гдѣ церковный годъ начинается съ недѣли мытаря и фарисея. Повторяемъ, что эти послѣдніе (нецѣльные) списки можно считать просто «сборниками», не предназначавшимися къ церковному употребленію, но, вѣдь, раньше окончательнаго рѣшенія вопроса о роли «Златоустовъ» въ древне-русской литературѣ можно и не устанавливать такой исключительной точки зрѣнія на нихъ ⁵).

Что касается типа «Златоустовъ постныхъ», то намъ извѣстенъ одинъ лишь списокъ — № 180 Царск. (XVII в.), въ которомъ на лл. 25—181 об. находятся поученія съ недѣли мытаря и фарисея сплошь на каждый день до среды цвѣтной не-

¹) *Рукописи Ундольскаго*, 396.

²) *Опис. рукоп. Тр.-Серг. Лавры*, 11—14, 102—109, 109—110.

³) *Рукописи Ундольскаго*, 396.

⁴) *Опис. рукоп. Тр.-Серг. Лавры*, 110—113.

⁵) Впечатлѣніе особенной безпорядочности (въ отношеніи примѣненія къ церковному кругу) и того, что они не предназначались къ употребленію въ церкви производятъ: Публ. Б-ки F, I, № 215 (XVI в.) и Ундольскаго № 538 (XVII в.), наполненные разными вставками.

дѣли, а потомъ, съ л. 181 об. — до конца, поученія на нѣкоторые дни цвѣтной и страстной недѣли и на первый день Пасхи ¹⁾).

Мы видѣли, что списки пространнаго типа «Златоустовъ» далеко не всѣ сходятся между собою: не только въ различныхъ спискахъ не одинаковъ порядокъ дней, на которые положены поученія, но и въ опредѣленные дни назначены не одни и тѣже поученія и даже не одинаковое ихъ число (на одинъ день бываетъ иногда болѣе одного поученія) ²⁾. Изъ отсутствія соглашенія въ составѣ пространныхъ «Златоустовъ» само собою понятно то, что сокращенные «Златоусты» (которыхъ намъ извѣстнѣе, какъ выше упомянуто, только одинъ списокъ) по составу своему не совершенно соовѣтствуютъ той части пространныхъ «Златоустовъ», которая обнимаетъ дни, занятые, «Златоустами» краткими ³⁾. Впрочемъ, можно полагать, что «Златоусты» краткіе въ своемъ возникновеніи предшествовали распространеннымъ и были для нихъ основой. Объ этомъ послѣднемъ мы встрѣчаемъ слѣдующія соображенія Горскаго по поводу одного поздняго (XVII в.) списка «Златоуста», именно № 231 (220) Синодалы. Б-ки: «первоначально составленъ рядъ поученій на воскресные дни св. Четырдесятницы съ недѣлями къ ней приготовительными, начиная съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, и другой рядъ поученій на воскресные дни съ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ» ⁴⁾. Первый рядъ — это слова, указанные имъ въ статьѣ въ «Прибавл. къ Твор. св. Отцовъ», второй — извѣстныя слова Кирилла Туровскаго или ему приписываемыя.

¹⁾ *Стросовъ*, Рукоп. Царск., 143—149.

²⁾ Ср., напр., Царск. № 179 съ Ундольск. № 533 — оба XVI в.; не сходны поученія въ недѣлю мясопустную (Царск. л. 10 об., Унд. л. 5), въ нед. 3-ю поста (Царск. л. 80, Унд. л. 64), въ нед. цвѣтную (Царск. л. 167, Унд. л. 153). Подобныя несходства легко замѣтить между тѣмъ же № 179 Царск. съ одной стороны и № 535 (XVI—XVII в.) Унд. и № 9 Тр.-С. Л. (исх. XIV в.) съ другой, а также этихъ двухъ послѣднихъ между собою.

³⁾ Ср. Царск. № 179, л. 10 об. и Царск. № 180, л. 36 (поученіе въ нед. мясопустн.).

⁴⁾ *Опис. рукоп. Моск. Синод. Б-ки*, II, 3, стр. 130.

«Съ теченіемъ времени — продолжаетъ Горскій — кругъ поученій великопостныхъ расширился назначеніемъ краткихъ словъ и на прочіе дни Четыредесятницы и на извѣстные дни седмицы, ей предшествующихъ. Къ словамъ пасхальнымъ также сдѣланы дополненія, назначеніемъ особыхъ поученій на каждый день свѣтлой седмицы. Затѣмъ выбраны и назначены поученія и на прочіе воскресные дни, послѣ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, и такимъ образомъ составилъ полный годичный кругъ проповѣдей» ¹⁾. Мы желали бы прибавить къ этому сомнѣніе въ томъ, что едва-ли ранѣе составленія поученій на воскресные дни *всего* года были составлены поученія на другіе (кромѣ воскресныхъ) дни великаго поста.

«Златоусты», какъ было упомянуто выше, принадлежатъ къ числу тѣхъ церковно-поучительныхъ сборниковъ, въ которыхъ поученія, приуроченныя къ опредѣленнымъ днямъ года, служили для удовлетворенія нуждъ церковнаго богослуженія (а потомъ, вѣроятно, они примѣнены были и къ цѣлямъ частнымъ); подобное же назначеніе имѣли и другіе сборники, извѣстные подъ именемъ «Евангелія учительнаго» ²⁾, «Торжественниковъ» ³⁾ и др. Едва-ли не самой ранней книгой подобнаго рода были слова Константина Болгарскаго, не получившія, впрочемъ, значительнаго распространенія у насъ на Русѣ (б. м., они вытѣснены были другими возникшими сборниками, составленными съ тою же церковно-практическою цѣлю) и сохранившіяся въ одномъ спискѣ XIII в. Синод. Б-ки № 163 ⁴⁾.

Такимъ систематическимъ и съ опредѣленною цѣлью составленнымъ сборникамъ можно противопоставить сборники другого рода, не приспособленные къ употребленію въ церкви, но заключающіе въ себѣ подобныя же поученія для домашняго

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Соображенія о времени его составленія см. въ *Опис. рукоп. Синод. Б-ки*, II, 2, стр. 667 и *Опис. рукоп. Соловецк. мон-ря*, ч. I, 695, 696.

³⁾ См. *Опис. рукоп. Соловецк. мон-ря*, ч. I, 692—693.

⁴⁾ См. *Опис. рукоп. Синод. Б-ки*, II, 2, стр. 409 и слл.

чтенія и назиданія. Таковы были: «Златоструп» ¹⁾, «Измарагды» ²⁾, «Маргариты» ³⁾, «Адріатисты» ⁴⁾.

Спеціальное изслѣдованіе должно опредѣлить связь и отношеніе между сборниками этого послѣдняго типа и тѣми, къ которымъ принадлежатъ «Златоусты», «Торжественники» и проч. Связь между «Измарагдами» и «Златоустами» видна, напр., изъ нѣкоторыхъ поученій, приписываемыхъ Кириллу Туровскому и имѣющихся въ обоихъ этихъ сборникахъ ⁵⁾; подобная же связь существуетъ и между «Торжественниками» и «Златоустами» ⁶⁾.

II.

Слова на воскресные дни Четырдесятницы съ недѣлями къ ней приготовительными существовали не только какъ элементы въ составѣ «Златоустовъ», но еще и отдѣльною группой. Въ послѣднемъ видѣ они заносились въ разнаго рода сборники очень рано. Уже Горскій кромѣ Сборника № 9 отмѣтилъ эти поученія въ «Златой Цѣпи», сборникѣ исх. XIV в. Тр.-Серг. Лавры № 11,

¹⁾ См. *В. Маликина*, изслѣдованіе Златострупа по рукоп. XII в. И. П. Б-ки, Кіевъ, 1878.

²⁾ Самый древній списокъ XIV в. Рум. Муз. № 186; XV в. И. П. Б-ки Q, I, № 312; исх. XV в. Тр.-С. Л. № 91; XV—XVI в. Соловецк. Б-ки № 359; XVI в. Синод. Б-ки №№ 230 (пис. въ 1518 г.) и 996 (по стар. кат.), Тр.-С. Л. №№ 203, 204 и 794, Солов. Б-ки № 360, Царск. №№ 142 и 691, И. П. Б-ки F, I, № 225 (пис. въ 1509 г.); Q, I, № 213; Q, I, № 216; Q, I, № 308; Кирило-Бѣлоз. №№ отъ ³⁸/_{III} до ⁴¹/_{III} включ.; Моск. Гл. Арх. М. П. Д. № 594 (1101); XVII в. Тр.-С. Л. № 202. И. П. Б-ки, Q, I, № 224; Моск. Гл. Арх. М. П. Д. № 609 (1117), Солов. Б-ки № 361.

³⁾ XV в. Тр.-С. Л. № 147, Солов. Б-ки № 184; XV—XVI в. Солов. Б-ки № 185; XVI в. Тр.-С. Л., №№ 147, 148, 149 и 150; XVII в. Солов. Б-ки № 186.

⁴⁾ Тр.-С. Л., №№ 151 (пис. въ 1596 г.), 152 (XVII в.).

⁵⁾ Ср. «Златоустъ» Рум. Муз. № 181 (пис. въ 1523 г.), л. 69 и «Измарагдъ» Синод. Б-ки № 230 (1518 г.), л. 73 об.; также лл. 117 об. и 297.

⁶⁾ Напр., въ «торжественникахъ» Солов. Б-ки № 365 (XVI в.), л. 6 и № 363 (XVII в.), л. 1 положено то же поученіе, что и въ «Златоустѣ» Тр.-С. Л. исх. XIV в. № 9, л. 1; въ «Торжественникахъ» Солов. Б-ки № 363 слову на л. 11 об. соответствуетъ слово на л. 2 об. въ томъ же «Златоустѣ» Тр.-С. Л.

гдѣ на лл. 102—119 об. имѣются слова на воскресные дни четырехъ приготовительныхъ недѣль къ великому посту и самаго поста. Въ сборникѣ Царск. № 361 (также XIV в.), на лл. 192—209 и 215—217 об. находятся эти же поученія, предшествуемая и сопровождаемая, какъ и въ «Златой Цѣпи», статьями, совершенно не входящими въ составъ обыкновенныхъ «Златоустовъ». Надо полагать, что они тутъ разсматривались и читались (дома, а не въ церкви) какъ группа поученій отдѣльная и самостоятельная. Рядомъ съ этимъ во многихъ рукописяхъ съ XIV по XVII ст. встрѣчаются эти наши слова и въ разбитомъ видѣ, т. е. отдѣлены одно отъ другого какими-нибудь особыми статьями; тутъ слова на Четыредесятницу уже теряютъ свою цѣльность какъ особой группы и служатъ лишь расчлененными и самостоятельными (каждое поученіе въ отдѣльности) элементами для сборниковъ съ особыми (и притомъ разнообразными) планами¹⁾. Но что поученія на Четыредесятницу сохранились до XVII в. въ видѣ цѣльной и самостоятельной группы, на это указываетъ между прочимъ одинъ Сборникъ XVII в. Б-ки Моск. Синод. Типографіи № 1475 (444); одну изъ самостоятельныхъ частей этого сборника, сшитаго изъ нѣсколькихъ рукописей, составляетъ отдѣльная тетрадка (по общему счету лл. 308—338), заключающая въ себѣ именно наши слова на Четыредесятницу.

Изъ этого ясно, что Горскій отчасти былъ вправѣ разсматривать поученія на Четыредесятницу какъ отдѣльную и самостоятельную группу. Этотъ приемъ его, б. м. случайный, по-

¹⁾ См. напр., «Измарагдъ» Рум. Муз. XIV в. № 186, л. 30—34 об., гдѣ находятся два нашихъ поученія: въ нед. мытаря и фарисея и въ нед. о блудномъ сынѣ; «Измарагдъ» Тр.-С. Л. XVI в. № 204, л. 277—287, гдѣ находятся пять нашихъ поученій на воскресные дни великаго поста; сборникъ XIV в. Тр.-С. Л. № 39, л. 25—51 об. (поученія на воскр. дни первыхъ пяти недѣль вел. поста). Ср. Сборникъ XV в. Рум. Муз. № 406 съ «Златоустомъ» Синод. Б-ки XVII в. № 231; въ томъ и другомъ находятся наши поученія на Четыредесятницу, но на промежуточные дни (почти все) положены совершенно иныя поученія.

вліялъ на послѣдующихъ ученыхъ, касавшихся упомянутаго ряда поученій; всѣ они разсматриваютъ эти поученія такъ же независимо отъ «Златоустовъ» какъ и Горскій; по крайней мѣрѣ, они не высказываются объ отношеніи этихъ словъ къ «Златоусту», имѣя на это иногда самый опредѣленный поводъ.

Филаретъ Черниговскій, имѣя въ виду статью Горскаго, принимаетъ всѣ главные выводы послѣдняго; въ частности, что касается древности происхожденія этихъ поученій, на которую указалъ Горскій, Филаретъ, со свойственной ему смѣлостію, идетъ дальше послѣдняго и, на основаніи обращенія пастыря къ *новопроевѣщеннымъ* людямъ, говоритъ: «ясно, что поученіе говорено въ XI ст.»¹⁾

Ученый авторъ «Описанія рукоп. Соловецкой Б-ки, нынѣ Каз. Дух. Академіи» при описаніи одного рукописнаго «Златоуста» касается и нашихъ словъ на Четырдесятницу. Также соглашаясь со всѣми положеніями Горскаго, онъ прибавляетъ отъ себя догадку о болгарскомъ происхожденіи этихъ поученій. «Кажется, не будетъ очень смѣлымъ — говоритъ онъ — предположеніе, что поученія эти болгарскаго происхожденія. Проповѣдническое дѣло въ Болгаріи послѣ принятія христіанства развилось сразу же гораздо шире, чѣмъ въ первыя времена христіанства въ Россіи. Кромѣ того, тамъ съ самаго же начала явилось стремленіе придать этому дѣлу именно правильное систематическое развитіе, а такого стремленія у русскихъ проповѣдниковъ мы не встрѣчаемъ до XVII вѣка. Климентъ Болгарскій составилъ, по словамъ жизнеописателя, проповѣди на всѣ праздники въ году, а отъ епископа Константина сохранился даже до насъ сборникъ поученій на всѣ воскресные дни. Поэтому, собраніе и происхожденіе поученій на дни св. Четырдесятницы не будетъ вполне безосновательнымъ отнести именно къ первымъ временамъ христіанства въ Болгаріи»²⁾.

¹⁾ *Обзоръ дух. литер.*, изд. 3-е, Спб. 1884, стр. 25.

²⁾ *Описаніе рукоп. Б-ки Солов. монастыря*, ч. I, стр. 634.

Полагаемъ со своей стороны, что этотъ важный вопросъ о происхожденіи словъ на Четырдесятницу долженъ оставаться еще открытымъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ того или другого рода; да и рѣшать его можно только въ связи съ вопросомъ о возникновеніи у насъ «Златоустовъ», ядро и основу которыхъ составляютъ эти поученія. Правда, извѣстенъ Сборникъ Рум. Муз. XV в. № 406, заключающій въ себѣ поученія на дни воскресные и простые съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ до недѣли всѣхъ святыхъ, гдѣ (л. 1, 4, 11 об., 27, 70 об., 91, 119, 144, 171) находимъ наши поученія, и правописаніе этого Сборника *русское, перемъшанное съ болгарскимъ* ¹⁾. Но этотъ фактъ можно объяснять и не однимъ тѣмъ, что русскій писецъ имѣлъ передъ глазами болгарскій оригиналъ; съ конца XIV в., вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ причинъ, стало входить въ русскіе намятники болгарское правописаніе. Прибавимъ къ этому, что Востоковъ нѣкоторыя статьи изъ этого сборника склоненъ былъ считать русскими ²⁾; относительно одной изъ нихъ (л. 245 об.) съ нимъ соглашался и Срезневскій ³⁾.

Языкъ словъ по отношенію къ этому вопросу не далъ намъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

Проф. Е. Е. Голубинскій относитъ наши слова къ произведеніямъ письменности русской, отзываясь о нихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «слова эти . . . представляютъ собою простыя поученія, но не весьма краткія, а довольно значительныя по объему, отчасти самостоятельны, отчасти на основаніи Отцовъ хорошо составленныя и хорошо отдѣланныя и вообще въ своемъ родѣ принадлежащія къ памятникамъ нашей литературы вовсе не худымъ и вовсе не послѣднимъ» ⁴⁾.

1) *Опис. рукоп. Рум. Муз.*, стр. 621.

2) *ib.*, 611, 615, 620.

3) *Извѣстія 2-го Отд. И. А. Н. X.*, 166.

4) *Исторія Русск. Церкви*, т. I. перв. пол. М. 1880, стр. 679.

Разумѣется, излишне упоминать здѣсь, что обозначеніе этихъ поученій въ рукописи именемъ Іоанна Златоустаго не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи того, кто былъ ихъ авторъ, такъ какъ имя Іоанна Златоустаго было широко распространенымъ псевдонимомъ, которымъ въ древне-русской письменности пользовались очень многіе (авторы и переписчики) съ цѣлію внушить читателямъ большее уваженіе къ тѣмъ или другимъ (своимъ или чужимъ) произведеніямъ.

III.

Итакъ, слова на Четырдесятницу съ недѣлями къ ней приготовительными можно разсматривать и 1) какъ основу и ядро «Златоустовъ» (объ этомъ послѣднемъ догадку Горскаго мы считаемъ вполне вѣроятною) и 2) какъ самостоятельную и отдѣльную группу церковныхъ поученій. Предлагая ниже рядъ этихъ поученій по одному изъ самыхъ древнихъ списковъ, сохранившемуся въ не разъ упомянутомъ нами Сборникѣ № 9 Тр.-Серг. Лавры, мы полагаемъ, что они могутъ представить интересъ и съ той, и съ другой точки зрѣнія. Старыя изданія (см. выше) въ филологическомъ отношеніи неудовлетворительны и не представляютъ этихъ словъ въ ихъ цѣльной послѣдовательности.

Скажемъ объ этихъ поученіяхъ нѣсколько словъ какъ о группѣ самостоятельной.

Мы видѣли выше мнѣніе Горскаго и другихъ ученыхъ о томъ, что поученія на Четырдесятницу представляютъ не переводъ съ греческаго, а оригинальное произведеніе неизвѣстнаго славянскаго проповѣдника; вопросъ этотъ рѣшится въ связи съ вопросомъ о происхожденіи и составѣ «Златоустовъ». Но въ тоже время Горскій усмотрѣлъ и зависимость этого проповѣдника отъ отцовъ церкви восточной; онъ указалъ на заимствованіе отъ Іоанна Златоуста (Приб. къ Твор. Св. Отц. ч. XVII, 37) или вообще на сходство съ нимъ (ib., 39, 40), на

заимствованіе отъ Василія Великаго (ib., 43) ¹⁾, Аввы Дорофея (ib., 40—41) ²⁾, изъ сокращеннаго толкованія Евангелія Марка и изъ извѣстнаго «Евангелія учительнаго» (напечат. въ перв. разъ въ Заблудовѣ, 1569 г.).

Главнымъ источникомъ поученій нашего проповѣдника служило Св. Писаніе и въ частности Евангеліе, — послѣднее въ такой мѣрѣ, что, напр., цѣлое поученіе въ недѣлю о блудномъ сынѣ почти сплошь представляетъ пересказъ евангельскаго чтенія въ этотъ день (Лукк., XV, 11—32), съ нѣкоторыми дополненіями и вставками, которыя проповѣдникъ дѣлаетъ отъ себя; въ словѣ въ нед. мясопустную вторая часть его есть также пересказъ чтенія евангельскаго въ этотъ день (Матт., XXV, 31—46); то же должно сказать и о значительной части поученія въ нед. 5-ю поста (Ср. Марка, X, 32—45).

¹⁾ Для большей наглядности этого заимствованія приведемъ оба текста рядомъ:

«...алчбы же добрыя оставь не ѿложени брѣшномъ токмо, но ѿверженкѣ злыхъ дѣлъ и разрѣшеніе всякого съюза неправеднаго. Ѹстави ближнемоу скорбь и ѿдаи же ѣмоу долгъ; не на соуды и на которы алчете. Мѣса ли не яси, но брата своего клеветами яси; питыя ли осталася еси, но ѿ свара не оудержишася; вечера ли осталася еси, но и до позднаго сѣдши въ всѣдѣ, всѣхъ шоужаѣ».

(Сл. въ 4-ю нед.).

«...Пользу поста не ограничивай однимъ воздержаніемъ отъ снѣдей, потому что истинный постъ есть устраненіе отъ злыхъ дѣлъ. *Разрѣшай всякъ союзъ неправды.* Прости ближнему оскорбленіе; прости ему долги. *Не въ судяхъ и сваряхъ поститеся.* Не ѣшь ты мясь, но пьядашь брата. Воздерживаешься отъ вина, но не удерживаешь себя отъ обидъ. Вкусить пищу дожидашься вечера, но трапишь день въ судебныхъ мѣстахъ.

(1-е сл. Вас. Велик. о постѣ, въ Тв. Вас. Вел. въ русск. перев., М. 1846, ч. 4, стр. 15).

Какъ Василій Велик. въ своемъ 1-мъ словѣ о постѣ ссылается для убѣжденія слушателей на библейскіе примѣры *Ноя, Моисея, Исава, Самуила, Илію, Елисея, Даниила* (см. Твор. Вас. Вел., ч. 4, стр. 5 и сл.), такъ и нашъ проповѣдникъ съ тою же цѣлію въ своихъ словахъ въ нед. сыропустную и отчасти въ нед. 2-ю поста приводитъ въ примѣръ *Еноха, Ноя, Авраама, Моисея, Илію, Даниила*.

²⁾ Въ дополненіе къ соображеніямъ Горскаго см. *Опис. рукоп. Рум. Муз.*, 615.

Содержаніе словъ даетъ возможность думать, что по происхожденію своему они относятся къ очень раннему періоду христіанскаго просвѣщенія у славянъ. Въ словѣ во 2-ю недѣлю поста проповѣдникъ предваряетъ слѣдующими словами разъясненіе того, почему онъ назвалъ великій постъ десятиной цѣлаго года: «сами же вѣсте доверѣ, аз же дѣтелю и новопроевѣщенымъ скажу» (см. Приб. къ Твор. Св. Отц., XVII, 54—54 и опис. рукоп. Синод. Б-ки, II, 3, стр. 89; наш. изд. стр. 19)¹⁾.

¹⁾ Изъ слова въ нед. о блудномъ сынѣ Горскій въ доказательство малообразованности проповѣдника приводитъ одну фразу изъ объясненій послѣднимъ смысла притчи о блудномъ сынѣ: *наимници суть оглашеніи и ананости ирковни*. «Прибавивъ къ слову «оглашеніи» греческое слово *ананости*, что значитъ *чтецы* (проповѣдникъ) этимъ самымъ ясно показалъ, что не довольно былъ знакомъ съ его значеніемъ», замѣчаетъ Горскій (Приб. къ Твор. Св. Отц. XVII, 36). Филаретъ Черниговскій, допуская это предположеніе, дѣлаетъ отъ себя еще и другое: проповѣдникъ, б. м., этимъ «даетъ видѣть, что тогда чтецами были наемные люди, какъ это и было въ русской церкви въ домонгольское время и даже долго послѣ того» (Обзоръ, 25). Но едва ли возможно подобное толкованіе; тутъ ни въ какомъ случаѣ «наемници» не можетъ имѣть прямого смысла, такъ какъ это слово взято изъ евангельскаго текста и метафорически поясняется въ поученіи; вѣдь, если бы принять это, то пришлось бы объяснять, почему проповѣдникъ оглашенныхъ называетъ «наемниками», т. е., по толкованію Филарета, наемными людьми. Изъ нашего изданія (стр. 6) видно, что тутъ текстъ Измарагда Рум. Муз. даетъ вмѣсто *ананости* варьянтъ *анности*, т. е. несвѣдующіе (отъ α и $\gamma\iota\gamma\nu\acute{o}\sigma\tau\omega$), если только возможно допустить существованіе рядомъ съ страдательнымъ значеніемъ прил. $\alpha\gamma\gamma\nu\acute{o}\sigma\tau\omega$ (неузнанный, неузнаваемый) еще и дѣйствительное (незнающій, несвѣдущій). Не есть ли форма *анности* болѣе первоначальная, и не испорченъ ли потомъ переписчиками текстъ постановкой вм. *анности* болѣе знакомаго по звуку, какъ обычнаго техническаго въ церковной практикѣ греч. церкви, слова *ананости*? Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ неестественному предположенію, что проповѣдникъ не понималъ греческаго языка; это тѣмъ болѣе невѣроятно, что, какъ мы видѣли, онъ въ широкой мѣрѣ пользуется сочиненіями отцовъ греч. церкви и нужно доказать еще, были ли для времени составленія словъ (которое намъ неизвѣстно) переводы этихъ отцовъ въ той мѣрѣ, въ какой ими пользуется нашъ проповѣдникъ. Въ одномъ изъ печатныхъ «Сборниковъ», въ которомъ находится наше слово въ нед. о блудномъ сынѣ въ этой фразѣ вм. *а(на)ности* стоитъ причѣтницы (изд. М. 1802, л. 3), т. е. своеобразно переведенное и осмысленное *ананости*. Но невѣроятно, чтобы проповѣдникъ имѣлъ въ виду рядомъ съ оглашенными, т. е. нисшей ступеню простыхъ мірянъ, причетниковъ, т. е. лицъ, входящихъ въ составъ церковнаго клира.

Въ пользу ранняго пропсхожденія этихъ словъ свидѣтельствуется также ихъ простота и близость къ главному источнику своему — Св. Писанію.

Проповѣдникъ часто пользуется приемомъ сравненія, чтобы сдѣлать ту или другую мысль болѣе ясною для своихъ слушателей. Такъ, убѣждая ихъ выполнять волю божію, онъ говоритъ: **АЩЕ БО ѿ ЗЕМНАГО КНЯЗА КАКО ЛЮБО ПРИДЕТЬ СЛОВО КЪ ПОДРУЧНЫМЪ ЕГО ГРАЖАНОМЪ, ТО ВСИ, СЪ СТРАХОМЪ ПРИШЕДШЕ, ПОСЛОУШАЮТЪ ЕГО И, СЛЪШАВЪШЕ, ТВОРАТЪ ПОВЕЛѢНІА ИМЪ** (сл. въ нед. 3-ю поста; наш. пзд. стр. 22). Предостерегая слушателей отъ праздныхъ разговоровъ въ церкви во время службы, проповѣдникъ поясняетъ это слѣдующимъ сравненіемъ: **ЕГДА СТАНОУТЪ ПРЕДЪ ЗЕМНЫМЪ ЦРЬМЪ, ТО НИКТО ЖЕ СЛЪБЕТЪ РЕЦИ ПРОСТАГО СЛОВА, НИ ОЧМА ИМАМО ЗРѢТИ И ОСАЗАТИ** (въ томъ же словѣ, стр. 23). Указывая на особенное значеніе седьмой недѣли сравнительно съ другими, онъ приводитъ въ поясненіе: **ІАКО ЖЕ БО ЦРЬ БОЛѢ ЕСТЬ КНЯЗА, А КНЯЗЬ ВОЕВОДЫ, А ВОЕВОДА БОЛАРИНА, А БОЛАРИНЪ СОТНИКА, А СОТНИКЪ ПАТЬДЕСАТНИКА, А ПАТЬДЕСАТНИКЪ СЛОУГИ. РАЗМУСАНТЕ, БРАТЪКЕ: АЩЕ БЫ КТО ХОТѢЛЪ УРОУДОВАТИ БО ЦРЮ, ТО МИАКЪ ДѢТЕСА ѿ МЕНЬШИХЪ СЛОУГЪ И ДО ПОСЛѢДНИХЪ, КТО БЫ ѦВѢСТАКЪ ЕГО; АЩЕ В ЧЕЛМЪ И СЪГРѢШИЛЪ ЕСТЬ, ТО БОМА ПЕЧАЛОУЕТЪ КИМЪ ѦПРАВДИТЕСА** (слово въ 1-ю нед. поста, стр. 15). Это, впрочемъ, приемы, весьма обыкновенные и у Иоанна Златоуста. Нашъ проповѣдникъ пользуется, кромѣ того, приемомъ притчи, рассказывая, напр., въ словѣ на 1-ю нед. притчу о царѣ и семи дочеряхъ его, чтобы убѣдить слушателей въ необходимости одинаково чтить и соблюдать всѣ семь недѣль поста.

Взглядъ нашего проповѣдника на постъ выясняется изъ слѣдующихъ его выраженій: **НЕ ПОУЖЮ ВАСЪ ПАЧЕ СИЛЫ ПОСТИТІИ И БДѢТИ, БО КАКО КТО МОЖЕТЪ БО СИЛѢ; ТОЧЬЮ ЖИТИСКИХЪ ПЕЧАЛИИ ѦХАВИТЕСА, КОРЬЧЬМЪ, ПЬАНИКТЕВА, ЗАВИСТИ И БЛЕВЕТЫ, ПОМНЕНЬА ЗЛОУ, БОЛУЖЕНЬА И АНХОНМАНЫ. . .** (слово въ 1-ю нед. поста, стр. 17); почти тоже и въ другомъ мѣстѣ **НЕ ПОУЖЮ**

васъ никого же . . . и т. д. (стр. 20). Характеристику поста, нравственно пересоздающаго челоѣка и устрояющаго ко благому его жизнь, можно найти въ словѣ въ 4-ю нед. поста: **АЛЧЬБА ЗАКОНУ СЪВЕРШИТЕЛЬ . . .** (стр. 25).

Въ поученіяхъ есть нѣсколько мѣстъ очень схожихъ между собою, б. м., вслѣдствіе заимствованія изъ одного какого-нибудь источника. Напр.

« . . . постився первое Моисеи мѣ. дѣни, и гла къ Бѣ лицу въ лицу, и просвѣтиса лице его яко и сѣнце ѿ славы бжїа; и пакы Илья постиса другоу мѣ. дѣни, и не вхоу си смѣрти, но взатъ вѣи на колесницѣ ѿгнѣнѣи вѣуромъ яко на нѣво; и Данилъ прѣркъ постиса, а вѣвы оукротѣи».

(Сл. въ нед. сыроп., стр. 13).

« . . . постомъ во очнѣтся Моисеи, всѣдова къ Бѣ лицу къ лицу и просвѣтиса лице его яко сѣнце; постиса прѣркъ Илья, и огнь съ нѣси на жертвоу приведе, и дождь жающаю цнѣмъ людемъ испроси оу Бѣ; и Данилъ прѣркъ постомъ авѣы оукротѣи, ѣ мужь желанью нареченъ вѣи»¹⁾.

(Сл. во 2-ю нед. поста, стр. 18).

« . . . но воуди нѣнѣ намъ потрудившесѣ въ стѣна сїа дѣни постнѣна и оуслышати стѣнѣи ѿнѣ гла глѣцѣ: придѣте, вѣгнѣи оца моего, придѣте сѣнѣ свѣта, алкаше и жадаше, и привѣте оуготованое вамъ цѣтво изначала мироу; пакъ воуди всѣмъ намъ получити, о Хѣ Ісѣ

« . . . не воуди же вамъ тѣжко послужившамъ Бѣ; поноужаемъ во васъ на добръ подвигъ, да на всѣрнѣе оуслышамъ стѣнѣи онѣ гла Гѣ Бѣ нашего, зовоуца праведныа и глѣца, придѣте, вѣгословеннѣи оца моего, примѣте оуготованое вамъ цѣтво, о Хѣ Ісѣ

¹⁾ Мы видѣли выше, что мѣсто это заимствовано отчасти изъ 1-го слова Василия Вел. о постѣ.

ГДѢ НАШЕМЪ, ЕМОУЖЕ СЛАВА ВЪ
ВѢКѢ». ГДѢ НАШЕМЪ, ЕМОУЖЕ СЛАВА ВЪ
ВѢКѢ, АМИНЬ»¹⁾.

(Конецъ поуч. въ нед. сыропустную,
стр. 14).

(Конецъ поуч. въ 3-ю нед. поста,
стр. 24).

«. . . Да елико есмѣ во все лѣто
согрѣшани, то сими дѣлами
постыными да очистимся,
троужающе телеса своя по-
стомъ и вѣніемъ и мѣтвами
къ Бѹ приближающеса, сле-
зами омывающе своя грѣхѣ».

(Сл. въ нед. мясоп., стр. 8).

«. . . елико же во есмѣ во все
лѣто съгрѣшани или въ сварѣ,
или въ блудѣ, или въ блудѣ,
и во лжи, и во обвѣдѣнѣ, и
пьянствѣ или къ какому заѣ
дѣлѣ, то сими дѣлами пост-
ыми очистимся и прибли-
жимся къ Бѹ чѣтою и по-
стомъ, мѣтвами и слезами
омывающе прегрѣшеніа наша».

(Сл. въ нед. сыроп., стр. 12).

При изданіи мы пользовались *четырьмя* пергаменными спис-
ками (всѣ XIV в.), изъ которыхъ три принадлежатъ Б-кѣ
Троице - Сергіевой Лавры и одинъ — Румянцевскому Музею.
Во всѣхъ словахъ за основой текстъ взятъ «Сборникъ Тр.-С. Л.»
№ 9, какъ наиболѣе исправный, а остальными списками («Златая
Цѣль» Тр.-С. Л. № 11, «Сборникъ Тр.-С. Л.» № 39 и «Изма-
рагдъ» Рум. Муз. № 186) мы пользовались для варьянтовъ, при-
чемъ для пяти словъ оказалось возможнымъ представить два
варьянта, а для четырехъ остальныхъ — одинъ, т. к. составъ
вышеупомянутыхъ сборниковъ не одинаковъ, и не всѣ они за-

¹⁾ Вторая половина этого извлечена изъ Матѣ., XXV, 34. Такое окончаніе
вообще довольно обычно въ древнихъ поученіяхъ (см. *Прологъ Новг. Соф. Б-ки*
XII—XIII в., № 1324, лл. 252 об., 294; *Русск. Историч. Библиот.*, т. VI. Спб.
1880, столб. 163).

ключаютъ полный рядъ нашихъ словъ на Четырехдесятищцу.

Укажемъ относительно каждаго слова въ отдѣльности, какими текстами пользовались при его изданіи:

1) Слово въ нед. о мытарѣ и фарисеѣ. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 1. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 102; Рум. Муз. № 186, л. 30.

2) Слово въ нед. о блудномъ сынѣ. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 2 об. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 103 об.; Рум. Муз. № 186, л. 32.

3) Слово въ нед. мясопустную. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 4. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 105.

4) Слово въ нед. сыропустную. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 6. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 107.

5) Слово въ 1-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 14. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 109.

6) Слово во 2-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 16. *Варьянтъ*: Тр.-С. Л. № 11, л. 111¹⁾.

7) Слово въ 3-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 18. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 113 об.; Тр.-С. Л. № 39, л. 34 об.

8) Слово въ 4-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 20. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 115 об.; Тр.-С. Л. № 39, л. 40.

9) Слово въ 5-ю нед. поста. *Основн. текстъ*: Тр.-С. Л. № 9, л. 26. *Варьянты*: Тр.-С. Л. № 11, л. 117; Тр.-С. Л. № 39, л. 48 об.²⁾.

¹⁾ Можно бы и для словъ въ 1-ю и 2-ю недѣли представить по второму варьянту изъ Сборн. XIV в. Тр.-С. Л. № 39 (что мы сдѣлали для трехъ послѣдующихъ словъ), но нѣкоторыя практическія затрудненія не позволили намъ этого исполнить.

²⁾ Слово въ 6-ю нед. поста (вербную), нач: «Велика и ветха сокровища...», приписывается Кириллу Туровскому (въ «Зл. Цѣпи», л. 119 об. оно прописано Антиоху Иерусалимскому); слово это напечатано въ собраніи поученій Кирилла сначала *Калайдовичемъ* («Памятники рос. слов. XII в.», М. 1821, стр. 3—9), а потомъ *М. И. Сухомлиновымъ* («Рукописи гр. Уварова», т. II, вып. 1. Спб. 1858, стр. 3—10). Въ другихъ спискахъ «Златоуста» назначается, впрочемъ,

Мы старались воспроизвести текстъ съ возможной точно-
стію и отмѣчали всякое сдѣланное нами отступленіе; отъ себя
нами допущены только современные знаки препинанія (въ рукоп.
кромѣ точекъ, и то не всегда кстати, знаковъ препинанія нѣтъ)
и соответственная имъ постановка простыхъ и заглавныхъ
буквъ; только въ вариантахъ, если нужно было приводить цѣлыя
фразы, мы не вводили современныхъ знаковъ. Нѣсколько разъ
употребленныя нами скобки включаютъ въ себя то, что допол-
нено нами по соображенію сверхъ находящагося въ рукописи.
Также старались мы сохранить индивидуальный характеръ
тѣхъ списковъ, которыми пользовались для вариантовъ; по-
этому варианты каждаго списка представили особо и отмѣчали
по возможности тѣ случаи, когда оба списка, служившіе вариан-
тами, сходились *между собою*.

Въ заключеніе, считаемъ долгомъ выразить глубокую при-
знательность Намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры О. Архи-
мандр. Леониду, много содѣйствовавшему появленію настоящаго
изданія.

на этотъ день другое поученіе, напр., въ № 406 Рум. Муз. (л. 199): *Слѣ стго
ѡца ѡше ѡпа ѡфанасіа ѡлександріискаго, нач.: Страшна, възлюбленн, тайна днь въ
ѡѡрмѣ бѣ...*; въ № 179 Царск. (л. 167) Поученіе Іоанна Златоустаго, нач.:
«Яко нучнну мора постное се время прендохомъ»... (См. то же Ундольск. № 533,
л. 153; Синод. Б-ки № 231, л. 206); въ № 535 Ундольск. (л. 219 об.) Іоанна
Златоустаго слово о слѣщѣ, нач.: *Тажелая нужда есть изречи къ вашей любви,
вратіе...* и проч.

И ѿ мытаря и о фарисей, слово е҃го И ѿ
Злато҃стаго, патриарха цр҃аграда, поученіе*.

Придѣте оубо днѣ^{а)}, браѣ; послушавше^{б)} вѣтвеннаго гла хѣа,
бодрѣши^{в)} будемь^{г)}. Притчю во ѿ мытаря ѿ фарисѣи^{д)} на-
шего ра^{е)} снѣа глѣтъ, и' во снѣде праведнѣ^{ж)} ра, но грѣшнѣхъ^{з)}
на покаѣннѣ^{и)}. Члѣва, рѣ, б. видоста въ цр҃кѣвъ помолитѣ —
ѣдинъ фарисѣи^{к)}, а другїи^{л)} мытарь. Ѡ начатѣа словеса позна-
ѣмъ: кождо^{м)} насъ в совѣ^{н)} ѿва ѿмуща^{о)}. Цр҃кѣвъ разумѣемъ^{п)}
составленѣе своѣго телесе^{р)}, якоже аплѣ глѣтъ: цр҃кѣ^{с)} ѣсмы
Бѣ жива. Члѣва же б. ср҃це и дша, в ней же правда и грѣхъ;
но правда оубо въсокомыслѣемъ низпадаеть, грѣхъ же смѣ-
реннѣемъ потребаѣтъ. Рѣ Дѣдъ^{п)}, іако не(о)правдитѣ прѣ-
товою всакъ живыи, и навъ^{о)}: смѣрихса^{р)} и сѣ ма. Ср҃це
оубо ѣ фарисѣи, и не храни довродѣтелнѣ^{у)}, но ѿсправленнѣ^{ф)} ве-
личаѣтъ, на лѣннѣншай^{х)} възносѣа; не во вѣсть ѿ совѣ напн-
санаго: н) не хвалѣтса^{ч)}, ни глѣте въсокыи^{ш)} в гордыни,

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Поученіе в ѿ ѿ мытаря и ѿ фарисѣи, гѣ блѣви. Начало
поученія до словъ: възрѣти не хощеть... (см. ниже) приводимъ лишь по списку
Златой Цѣпи; 1-й листъ Сборника № 9, на которомъ находится начало этого
поученія, поврежденъ отъ времени и употребленія.

* Въ Измар. Рум. Муз. загл.: Притча іѿа злоустѣа, о мытаря и о фарисѣи.

а) нѣтъ днѣ б) послушаѣмъ в) бодрѣши г) прибавл.: на покаѣннѣ д) снѣ во
притчю е) дѣлама ж) праведнѣи дѣлама, но грѣшнѣхъ ради з) да сѣтъ іа п) фарисѣи
і) другїи к) кождо л) в совѣ м) имамъ н) прибавл.: люкнѣици о) телесѣ п) цр҃кѣ
взято изъ Измар.; въ текстѣ стоитъ только: мы ѣсмы р) прибавл.: дѣма
с) прибавл.: рѣ т) смѣрихса; нѣтъ слѣдующ. и у) ѿже не хранишь довродѣтелнѣ
ф) ѿ ѿсправленнѣхъ х) лѣннѣншайа изъ Измар., въ текстѣ: лѣннѣншайа ц) писанаго
ч) прибавл.: рѣ ш) въсокыи

да не ѡиздѣтъ велерѣчьѣ^{м)} ѡзъустъ вашнхъ. Дѣша же сама
показаѣтъ мѣтарь, понеже чѣа Гѣмь створена въѣ, в телесѣ
ѡсквернѣи^н: на ѡво възрѣти* не хоцетъ^{н¹}, въющесѣ свѣтъю
зѣлхъ дѣлѣ, безерельнѣми^{2 б)} въздѣханыи н³ коннетъ^{м)}: Гѣ,
помаши ма даромъ,^{4 б)} еже^{5 б)} есть: не въсхоци со мною ство-
рити⁶ словеси⁷ испытаніа⁸; тѣлѣмъ н⁹ приемлетъ⁹⁾ побааніемъ¹⁰
оправданіе; сице во, рече, мѣтарь оправданъ паче, нежели фѣ-
рисѣи^{11 ю)}. Но да никто же ѡ семъ блазнитсѣ¹², помѣшкѣмъ¹³
раздѣлаема^{а)} на двое чѣба, по мѣсль ѡ словеси¹⁴ ѡсѣкаемъ^{15 а)};
воетъ во, рече¹⁶, присно⁶⁾ плоть на дѣню; два соупостата не
престаѣта^{в)} ворюрасѣ¹⁷, въстаѣтъ во¹⁸ несѣтость на постъ н¹⁹
величаніе на смѣреномоудрѣ²⁰ н²¹ блѣудъ на чистотоу дѣв-
ноу^{22 г)}. Два коньшка въста^{д)} — мѣтарь н фѣрисѣи; спраже
фѣрисѣи²³ два⁶⁾ конѣ, да постигнетъ²⁴ жизнь вѣчнѣю: единъ
конъ довродѣтель^{ж)} н мѣтѣс^{25 з)}, а дрѣгнн конъ гордость н²⁶
величаніе н²⁷ осѣженіе; запа гордость довродѣтели, н разнесѣ
законнаѣ колесница, н погыбе самомнѣмъ²⁸ всадникъ; ни
кто же во о сѣбѣ^{29 и)} чѣтъ приемлетъ, по званъи³⁰ ѡ Гѣ; рече
во апѣлъ: не хвалесѣ сѣда на вѣтви^{і)}, не ты во корень
посиши^{к)}, по корень тебе. Спраже же н³¹ мѣтарь два конѣ:

* Отсюда приводимъ текстъ по списку Сборника №9. Варьянты въ З.Цѣпи:

1 но 2 безъжерельнѣми 3 нѣтъ н 4 тѣне 5 и 6 творити 7 словесе 8 испытаннѣи
9 нѣтъ н 10 поканнѣемъ 11 нѣтъ: сице во... фѣрисѣи 12 блазнитсѣ н далѣе прибавл.
яко 13 помѣсла 14 словесе 15 ѡсѣкаемъ изъ З. Ц.; въ текстѣ ѡсѣкаемсѣ 16 нѣтъ
рече 17 непрестанно корюресѣ 18 нѣтъ во 19 нѣтъ н 20 цѣломоудрѣ 21 нѣтъ н 22 те-
леснѣю 23 спраже фѣрисѣи добавлено изъ З. Ц. 24 постигнетъ изъ З. Ц.; въ текстѣ
постигнѣта 25 мѣтѣа. Слич. выше варьянтъ 23. Далѣе прибавл. постъ мѣтѣи
26 нѣтъ н 27 нѣтъ н 28 самомнѣмъ 29 ѡ сѣбѣ 30 зыкаемъи 31) нѣтъ же н.

щ) велерѣчьѣ ѡзъ оустъ вашнхъ; далѣе приб.: рекше скаръ н клевета т) тѣшкѣми
ы) и немолчнѣмъ глѣмъ коннетъ б) какъ въ З. Ц. ф) иже з) приемлемъ ю) какъ въ
З. Ц. я) вм. помѣшкѣмъ раздѣлаема стоитъ: ѡко раздѣлаемѣа ѣста а) какъ въ З. Ц.
б) нѣтъ присно в) непрестанно корюресѣа в пасѣ ѣста г) на довродѣтель величаннѣе. на
цѣломоудрнѣе пѣшкетво блѣд на дѣвнѣю нарѣку. на любокъ неаивнѣтъ н гнѣкъ. на
самреннѣе гордость. на истнѣу ма и клевета н прочай злобы. д) ѣста е) передъ два
стоитъ и спраже фѣрисѣи ж) довродѣтельнѣи з) какъ въ З. Ц. и) какъ въ З. Ц.
і) кѣтѣк к) подѣдрѣшнн.

единъ конь злаа дѣла и грабленіе^{32.1)} и нечистота и нескѣтность³³, а другин конь оукоризна^{н)} и смѣреніе³⁴ и неѡчааніе; и сїсе всадника смѣреная надежа; единѣмъ во словомъ мѣтарь обрѣте³⁵ оправданіе³⁶, рекъ: Бѣ, оцѣсти ма грѣшнаго^{н)} и помноуи ма³⁷! Добрѣ³⁸ рече прркъ: панъкъ естъ^{39.0)} Гѣ вѣмъ призывающимъ его⁴⁰ истиною. П⁴¹ прекоже слово дѣла, фарисей во праведници нарицающа^{42.н)}. Тѣмъ, слышаще⁴³ Хѣ глаголюща: азъ придохъ възискать заблаоужышихъ^{44.п)}, но⁴⁵ убрающе и⁴⁶ глаголю: еда вто ѡ князь вѣрова во нь пан ѡ фарисѣи? и⁴⁷ не хоташъ во прияти во обреченіе^{48.с)} бяуща. Тѣмъ и въ цркви осужающу мѣтаревъ^{т)} и, своимъ добродѣтели цитающе^{у)}, величающа⁴⁹. Се же⁵⁰ слышавъ, мѣтарь аки не имѣа дерзновенны⁵¹, не хоташъ⁵² ни очю възвести на нѣбо, но вкышеса в перси, да подвигнетъ дшю на покаяніе⁵³, срѣце на оумнаеніе; ѡтоудъ^{54.ф)} во неходать заны помысли⁵⁵, и глаше: Бѣ, милостивъ буди мнѣ!⁵⁶ Бѣ, оцѣсти ма грѣшнаго^{57.х)} и помноуи ма! Тѣмъ же и мѣ⁵⁸, братье, подражаемъ сего мѣтара; велико⁵⁹ добро смѣреніе, имже самъ Хѣ смѣрися и сїсе^{н)} ны и вѣхъ^{60.у)} оучить смѣреномысли^{ш)}, гла^{61.ш)}: наоучитеса ѡ мене, яко кротокъ есмъ и смѣренъ срѣцемъ, и: яко всакъ возносанса смѣрится и

32 анхоимство 33 нескѣтность, при чемъ нѣтъ предшествующихъ повторяющихся союзовъ и, какъ и въ слѣдующемъ затѣмъ перечисленіи 34 смиреніе 35 ѡкрѣтъ 36 ѡправданья 37 нѣтъ и помноуи ма 38 прибавл. ко 39 нѣтъ естъ 40 нѣтъ его 41 нѣтъ и 42 нарицающа. Далѣе прибавл.: и весь законъ праваше мнѣхъ 43 слышавше 44 прибавл.: сїтъ погнвншій закнсткѡ 45 и 46 нѣтъ и 47 нѣтъ и 48 ѡбщину 49 осужающу анхоимци. и своей почитающе добродѣтели и величающа. 50 еже 51 дерзновенншій 52 хоташе 53 покаяннѣ. Далѣе прибавл. и 54 ѡ того 55 заны мысли. Нѣтъ слѣдующаго и 56 нѣтъ же... мнѣ 57 грѣшника 58 нѣтъ же и мѣ 59 прибавл. ко 60 вса 61 вмѣсто: гла наоучитеса... и до конца — стоитъ только: їмѣ же сла.

л) какъ въ З. Ц. м) оукореннѣ. н) грѣшника о) какъ въ З. Ц. п) какъ въ З. Ц.; только вм. мнѣхъ (З. Ц.) стоитъ во второй разъ нарицающа р) приб.: и сїти погнвншхъ. Далѣе: жидовскѣи философи оукарающе... с) какъ въ З. Ц. т) мѣимца у) помнѣюще ф) какъ въ З. Ц. х) какъ въ З. Ц. ц) нѣтъ сїсе ч) какъ въ З. Ц. ш) прибавл. да полѣчимъ вѣчнай багаи ш) такой же пропускъ, какъ въ З. Ц.

смѣрѣиша вознесетса, и: егда сътворите вса повелѣ-
наѣ вамъ, гл҃ите, яко ненадобни раби есма, ѿ еже
должни вѣхомъ створити, ѿ створихомъ, и: яко Г҃ъ гор-
дымъ противетса, а смѣренымъ даетъ благадѣть. Боу
нашему слава вѣкы :

Нѣ ѿ блауднѣмъ сн҃у, пошченіе ст҃го Пѣа златоу-
стаго, сказаніе еуѣанѣ ѿ л҃уби*.

Възлюбленіи, непослушанте самого Х҃а, о побаяннѣ оучаща
насъ и^{1 а)} гл҃юща притчю: чабѣкъ, рече, и҃кто² ил҃фа^{3 б)} два
с҃на. Кто естъ⁴ чабѣкъ?^{в)} чабѣлювецъ Бѣ. Кто ли два с҃на? пра-
ведници и⁵ грѣшници. Рече же мѣшши^{6 г)} сн҃ъ бо о҃цю: о҃че⁷,
дан же ми⁸ достоннѣю⁹ часть ил҃фы. Добрѣ¹⁰ оубо¹¹ испроси
самовласткѣ^{12 д)}, никого бо не поудитъ¹³ Бѣ¹⁴ не хотащухъ¹⁵
емоу работати^{е)}. Ил҃фы же се естъ и҃бо и земля; море и
рѣки¹⁶ и¹⁷ всю тварь на работѣ ил҃мъ Бѣ¹⁸ далъ^{ж)} естъ; законъ
и¹⁹ пророки насъ ради послаа^{к)} естъ²⁰. Но мѣшши^{21 з)} сн҃ъ,
приидъ ѿ о҃ца ил҃фнѣ^{и)}, и погѣби²² заѣ, створи собѣ²³ въ

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Нѣ . прѣ мѣ ѿ . ѿ , ѿ блауднѣмъ сн҃у, ѿи ка҃ви ѿче.

¹ нѣтъ: оучаща насъ и ² и҃кто ³ ил҃мъ ⁴ е ⁵ нѣтъ и ⁶ мѣшши ⁷ нѣтъ о҃че ⁸ дан
ли же ⁹ достоннѣю ¹⁰ ѿ ¹¹ нѣтъ оубо ¹² самъ власткѣ ¹³ никого же ко поудитъ ¹⁴ нѣтъ
бѣ ¹⁵ ни хотащаго ¹⁶ рѣкы ¹⁷ нѣтъ и ¹⁸ нѣтъ къ ¹⁹ нѣтъ и ²⁰ посла ²¹ оучннѣ
²² расточи ²³ себе

* Въ Изм. Рум. Муз. загл.: Притча Пѣа Златоустаго, ѿ блауднѣмъ сн҃у. а) какъ
въ З. Ц. б) какъ въ З. Ц. в) опущенъ этотъ вопросъ, но, чтобы показать, что
слѣдующее составляетъ объясненіе на не поставленный въ текстѣ вопросъ,
стоитъ знакъ (т), т. е. толкованіе, толкъ; опущенъ и слѣдующій въ нашемъ
текстѣ (№ 9) вопросъ, но новаго знака не поставлено, и это второе толкованіе
связано съ предыдущимъ посредствомъ союза: а г) о҃чннѣ д) добрѣ ко изволиша
собѣ грѣшници самовласткѣ а не къдержанкѣ. пошети ко къ самовласткѣ ил҃фти
е) приб.: но по изволишю си кождо ж) повинѣа з) о҃чннѣ и) бѣтство и ил҃фнѣ

твари воги¹⁾). Старши же сѣнь Гѣ ѿ²⁴ творца твари не ѿстоуши. Меншии^{к)} же сѣнь ѿнде на страну далече. Страна далеча^{л)} естъ ѿ телеси^{25 м)} попеченіе, похоти грѣховныя²⁶ и лѣбавное мн-родержаніе; вѣнзк во соущи²⁷ Гѣ тѣхъ^{28 н)} не творатъ. Аще ли ѿстоушавъ ѿ Гѣ²⁹, то поговѣлавъ^{о)} ѿжи даръ, шшет во са: се оудалаюущисѣ³⁰ ѿ тебе погнѣвоутъ, и пакы рече: гладъ вѣ³¹ на странѣ^{п)} тои^{р)}, не гладъ хлѣва, но еже^{с)} не приимати^{т)} стѣо причащенія^{32 у)}; и нача^{ф)} ауховатисѣ^{33 х)}. Коиции же са Гѣ не лишатсѣ вѣакого вѣга, яко ѿѣ лишениа боицимѣса его^{34 и)}. Лишаюцю же са ему и гладомъ гнѣнѣцю, и шедъ приѣшисѣ къ³⁵ единомуу гражанш⁴⁾ земла^{36 м)} тоа, еже^{37 ш)} сѣтъ вѣсен. П³⁸ посла его на село свое³⁹ свиши⁴⁰ настъ, сирѣчъ оучитъ шкы⁴¹ завѣмъ дѣломъ; якоже во⁴² свишкѣ не можетъ вѣрхъ⁴³ смотрити^{44 б)}, тако и⁴⁵ согрѣшавши не можетъ помыслити⁴⁶ о⁴⁷ шкы⁴⁸. Свишкѣ же настоуци си соутъ развоишици и влоудници⁴⁹ и аухованици^{н)} иже⁴⁸ шкы^{б)} на⁴⁹ злое⁵⁰ бчатъ; и хоташе, рече, сѣтитисѣ⁵¹ ѿ^{ю)} рожець⁵², иже идѣа⁵³ свишкѣ^{54 ю)}. Рожци⁵⁵ сѣтъ^{а)} грѣсен; не иматъ же сѣти^{56 н)} грѣхоловенець, но в малѣ насладитсѣ и⁵⁷ вѣкѣ⁵⁸ моченъ боудеть. Тѣхъ во рожковъ⁵⁹ вѣбсѣ вридовъ^{в)}.

24 нѣтъ и 25 телесе 26 похоть грѣховная 27 сѣще 28 нѣтъ тѣхъ 29 ѿ страха кѣи 30 оудалаюущисѣ 31 нѣтъ кѣи 32 причаетъ 33 лишатсѣ, 34 вл. коиции из са. . . его читаемъ: боицимакъ ко са ѿѣ лишениа; слѣдующаго же предложенія: лишаюцю. . . гнѣнѣцю совсѣмъ нѣтъ 35 нѣтъ къ 36 страны 37 се же 38 прибавл. тѣ 39 на своѣ дѣло 40 свишии 41 шкы 42 нѣтъ во 43 герк 44 зрѣти 45 нѣтъ и 46 смыслити 47 нѣтъ о 48 вл. свишкѣ же. . . иже читаемъ: развоишици влоудници аухованици. си сѣтъ свишии настѣсен 49 нѣтъ на 50 зло 51 насѣтити 52 ѿ рожениць. Смысль, очевидно, писцомъ не понятъ. 53 идѣа 54 свишкѣ 55 роженици же сѣтъ. См. варъ-янтъ 52. 56 сѣтости 57 нѣтъ и 58 вѣкѣ 59 рожець, ошибочно. См. вар. 52 и 55.

1) ѿ твари вѣы к) оуѣкѣи л) иностранѣе м) телесное н) того о) поговѣвали иѣсавы п) на земли р) прибавл. крѣнокъ (т. е. гладъ) с) иже т) приати у) вомканѣи ф) начатъ х) какъ въ З. Ц. ц) какъ въ З. Ц. ч) гражанъ ш) какъ въ З. Ц. ш) иже ѣ) взирати на кысоту ы) прибавл. и ваветиници ь) татѣе. Далѣе приб.: рѣзонани мѣто-йици ь) шкы э) нѣтъ ѿ ю) нѣтъ: иже. . . свишкѣи я) именуѣтъ ѳ) какъ З. Ц. в) нѣтъ: тѣхъ во. . . вридовъ

В соврѣ⁶⁰ же въвѣ⁶¹, рече: ѿ⁶² колѣно ѿ напминѣхъ ѿца моего
 извѣваюцца⁶³ хлѣби; азъ же нѣхнѣ⁶⁴ сголода^{65 а)} умираю⁶⁶;
 въставѣ оубо пдоу⁶⁷ ко оцю моему⁶⁸ и⁶⁹ рекъ^{69 в)} емоу⁶⁷: ѿче, со-
 грѣшихъ на ѿво и⁶⁸ прѣ товою, и нѣсмѣ достоинѣ⁶⁹ паренисѣ
 сѣи⁷⁰ твои; но створи ма яко⁷¹) единого ѿ напминѣхъ твоихъ!
 Не токмо⁷²) же помыслихъ ѿ ѿзрече, но и дѣломъ створи⁷⁰; не
 словомъ бо естъ⁷¹ покааніе⁷⁰), но и⁷² дѣломъ. Напминци же
 суть оглашеніи и⁷³ агности⁷³) цркви⁷³; егда оубо⁷⁴ грѣхн⁷⁵
 ѿбѣгъ, и⁷⁶ видѣ хужьшихъ, иже⁷⁷ вѣтвеныхъ наслажающасѣ⁷⁸
 ташъ, сове же видѣ воиѣ⁷⁹ цркви стоица⁷⁹), тогда в покааніе⁸⁰
 оуманивсѣ помыслихъ⁸¹ и⁸²): створи ма яко единого ѿ нап-
 минѣхъ твоихъ⁸² и). Оце же емоу⁸³ далече сурю, срѣте и ѿць и
 оханн⁸³ въно его⁸³), ѿ обавѣкѣза и, и повелѣ рабому⁸⁴, да ѿбѣ-
 вѣтъ⁸⁵ и) яко в первѣю одежоу⁸⁶, ѿ дати⁸⁷ перстень златъ⁸⁸ и)
 роуцѣ⁸⁹ и) его, и сапоги⁹⁰ и) на ноги⁹¹ и) его; и⁹² повелѣ заблати
 телець оуштанки⁹³, да ѿдне, рече, възвеселимсѣ. Тако ти
 ѿвѣкъ милосердѣе не ожидаеть кающагосѣ тroudа, но ѿсрѣ-
 таеть⁹⁴ и⁹⁵, прощеніа⁹⁶ подавай⁹⁷ с). Что⁹⁸ т) же соуть раби?
 перви служащи Бгъ; а первая ѿдежа оцѣненіе ѿ грѣха⁹⁹ у),
 перстень же ѿврученіе¹⁰⁰) естъ стго дха; сапоги же¹⁰¹) заповѣди
 оученія евангѣлкаго¹⁰⁰; телець естъ причащеніе¹⁰¹ и) стхъ ташъ,
 его же ѿдне праведници со англѣы ликують¹⁰¹ ч). Бѣ же ста-

60 в сѣкѣ 61 вѣ 62 нѣтъ ѿ 63 извѣваюцца 64 нѣтъ нѣхнѣ 65 голодомъ 66 гмкнѣ
 67 нѣтъ емоу 68 нѣтъ и 69 достоинѣ 70 не точкю словомъ, но дѣломъ створи
 71 нѣтъ естъ 72 нѣтъ и 73 нѣтъ и 74 нѣтъ оубо, но прибавл. кто 75 грѣхъ
 76 нѣтъ и 77 нѣтъ хужьшихъ иже, но прибавл. шкхъ 78 наслажающіе 79 виѣ 80 в по-
 кааніе 81 мыслить 82 нѣтъ: створи ма... твоихъ 83 оханнѣ 84 рабомъ 85 ѿвлери
 86 ѿдежоу 87 дастъ 88 нѣтъ златъ 89 руку 90 сапогѣ 91 на ногѣ 92 нѣтъ и 93 оуш-
 танкии 94 срѣтаеть 95 нѣтъ и 96 проскѣщеніе 97 подай 98 кто 99 грѣхъ, безъ ѿ
 100 заповѣдѣ, ѿврученіа оученія. Далѣе прибавл. а 101 причастіе

а) какъ въ З. Ц. б) нѣтъ и в) рекъ г) или д) не точкю е) ѿснѣжданиѣ ж) аг-
 ности изъ Изм. Рум. Муз., а въ текстѣ стоитъ: агностии з) нѣтъ: сове...
 стоица и) какъ въ З. Ц. і) какъ въ З. Ц. к) ѿханивсѣ ѿ кми ѿго л) ѿвлери
 м) какъ въ З. Ц. н) какъ въ З. Ц. о) сапога п) на ногѣ р) какъ З. Ц. с) дай
 т) какъ въ З. Ц. у) грѣховъ ф) кѣтъ х) а сапога ц) причастіе. Далѣе: ѿменуѣтъ
 (вм. соотвѣтствующаго естъ) ч) ликують

рѣшѣ сѣи на селѣ и ¹⁰² слышавѣ о селѣ ^ш), и поднеи ^{103 ш}) на бѣца. Село есть законъ, его же не ѡстоупаютъ праведници терпачи; не завидать же грѣшныхъ сѣию, но дшеатса вожьн бѣгости ^{104 ъ}). Того ради Дѣдъ глше ¹⁰⁵: доколѣ грѣшници, Гдн, доколѣ грѣшници ¹⁰⁶ въсхвалятса? и пакн ^{107 ш}): почто ибѣть грѣшныхъ спѣтса? ^б) насадилъ я еси, и ¹⁰⁸ оукоренишася. Что же, рече, мѣи ии козища далъ еси, да с други ¹⁰⁹ монши ^{110 ъ}) възвеселашася въхъ? Козища суть грѣшници, иже гонать ¹¹¹ праведниковъ ^{112 ѡ}) и не поидцаеть Бѣ заѣ погнѣнѣти ^{113 ю}) илѣ ^ш), да оввеселатса ^{114 ш} шухъ; козищѣ ¹¹⁵ вѣ ¹¹⁶ Саоулъ, иже гонаше Дѣда ¹¹⁷; Илѣю же ¹¹⁸ Ахавъ, иже искаше пррка ^ѡ). Рече же емоу бѣцъ его: чадо, вса мои твоиа суть ¹¹⁹, рекше ¹²⁰: законъ и пррци и ибное црѣтво; братъ же твои сесъ ^{121 ѡ}) мрѣтъ вѣ и оживе, изгнѣлъ ¹²² вѣ и обрѣтеса. Мрѣтка же ¹²³ гать работаша ¹²⁴ диаволъ ^а), изъкии поганья ^б) невѣдоуца ¹²⁵ Бѣ. Погнѣшаша же ¹²⁶ иже по брѣшкн во многа грѣхи впадають ^{127 ѡ}); вси же бающиса ^{128 ѡ}) приати ¹²⁹ суть Бѣ ^ш). Тѣмъ же и мѣи покаемса грѣхъ ¹³⁰ своихъ ^ѡ), да бѣю мѣи полбшмъ ^ж), о Хѣ Гѣ Гѣ :

102 нѣтъ и 103 ропташе 104 дикать къ вѣти 105 гать 106 нѣтъ: ии доколѣ грѣшници 107 нѣтъ и пакн 108 нѣтъ и 109 з други 110 сконши 111 томать 112 праведныхъ 113 погнѣнѣти 114 оввеселать 115 козище 116 прибавл. дѣдѣи 117 дагыда 118 и илѣи. См. вар. 116. 119 прабавл. твоиа моиа 120 рекши 121 се братъ твои мрѣтъ вѣ 122 изъгнѣлъ 123 во 124 работашаи 125 и невѣдоуцаи 126 а погнѣшашаи 127 впадала грѣхы многыи 128 каюше 129 приати изъ З. Ц., а въ текстѣ приати 130 грѣховъ.

ш) кываюцаи ш) какъ въ З. Ц. ѡ) вѣти ѡ) паче ѡ) пути нечѣтвыхъ спѣютса ѡ) какъ въ З. Ц. э) какъ въ З. Ц. ю) прибавл.: ѡжидай покаишкѣи я) нѣтъ илѣ ѡ) пропущено: козищѣ... пррка ѡ) се а) вм. мрѣтка... диаволъ стоить: мрѣткыи же именуѣтъ работашаи диаволу б) некрѣпкѣи в) а погнѣшашихъ парѣтъ иже... впадалшыхъ г) приб.: к нему д) прощени кываютъ е) ѡ своихъ грѣсехъ. Далѣе прибавл.: приакжино ѡ всего сѣца ж) ѡбращаемъ.

Нѣ . мѧ . ѿу . сѧо сѣго Іѡа златоустаго, поуче-
ніе о второмъ пришествіи Гѧ нашего Ісѣъ Хѣ на
страшномъ судѣ¹.

Се приближисѧ², братіе, время покаянію; се наступають дѣи³
оцѣщенію; се во словеса страшна и грозны исполнена изрица-
ема⁴ оусты бѣнми о страшномъ дни, конже придетъ съ ѿсе⁵
соудши праведныи, сѣи бѣи, Сѣсъ нашъ Ісѣъ Хѣ, въздати⁶
помоужо по дѣломъ ѿхъ, црелъ и княземъ⁷, бѣтвмъ и
ицимъ⁸, рабомъ и гномъ, праведнымъ и грѣшнымъ. Въ
правдоу⁹ судъ приемлетъ¹⁰; самъ во¹¹ любѧ ны и жадаѧ на-
шего сѣны, приде на зѣмаю и въ плоть нашу облечесѧ, и со-
вою образъ житыѧ чѣта показа намъ, и моужоу показа¹² грѣш-
никомъ; и¹³ изрицаѧ намъ, не велѧ никому же вѣсти в та-
мѣста моченіѧ. Того ради и сна дѣи постигнѧ на оцѣщеніе
грѣхонъ нашихъ положи, да елико есмь¹⁴ во все лѣто¹⁵ со-
грѣшан¹⁶, то сами дѣими постыжными да ѡчиствисѧ¹⁷, троу-
жающе¹⁸ телеса свои постомъ и вѣнчелъ¹⁹ и мѣтвми въ Гѣ
приближающесѧ, слезами омывающе свои грѣхи²⁰ и мнлосты-
намъ²¹ двери црѣвна нѣнаго²² ѡверзающе, миръ и любовь
межи²³ собою имѣюще²⁴, въздыханьелъ кроушающе сѣца
своѧ, икоже рече прркъ: раздрѣте²⁵ сѣца ваша, а не ризы
ваша. И пакѧ Псанелъ прркомъ глеть: егда постишисѧ,
раздроваѧи аачюцимъ хлѣбъ свои, и ициѧ и весно-
кровныѧ введи в домъ свои; и аче тако створиши, то с
радостно Гѣи предъстанешѧ въ страннѣи дѣи, егда придетъ
къ слави своей Гѣ и вси сѣи ангѧи еро²⁶. И во мгновенки²⁷

¹ Въ Злат. Цѣши загл.: В ѿ . мѧ . ѿу . ѧ, поученіе Іѡана Златоуста . ѿи каѣви
ѡче. ² приближаѣтъ ³ дѣи ⁴ изрицаѣма ⁵ с ѿсе ⁶ воздасть ⁷ княземъ ⁸ оубогымъ
⁹ правду ¹⁰ створиши вм. приемлетъ ¹¹ пѣтъ во ¹² пѣтъ показа ¹³ нѣтъ и ¹⁴ нѣтъ
есмы ¹⁵ всѣмъ лѣтомъ ¹⁶ согрѣшномъ ¹⁷ ѡчиствисѧ ¹⁸ оудержающе ¹⁹ прибавл.
мѣтвю ²⁰ грѣхы ²¹ мѣтвю же ²² двери райскыѧ ²³ межи ²⁴ имѣюще ²⁵ раздрѣте
²⁶ с пшѧ ²⁷ в мгновенки

Ѡка вѣстанеть²⁸ Ѡ земля все естъство члвчкое²⁹, люво ли звѣри³⁰ сѣби³¹, или рывѣи раздровнии, или птици³² разкънели; ни властъ едины не³³ погубнеть³⁴ Ѡ ницъ. Тогда ГѠ разлъчить и другъ Ѡ друга³⁵, ѡкоже настоуцъ разлоучаетъ овца Ѡ козаницъ и поставитъ³⁶ овца ѡдесноую себе, сирѣчь кроткыи³⁷ и доброплодныи³⁸ праведныи, ѡже кротостью своею вса възвеселиша, а козаница ѡшюю³⁹; козаница⁴⁰ нарицаетъ, ѡже скверныи дѣлы житъе свое⁴¹ препроводила⁴², вѣсноующеса ѡ скачюще во пыльствѣ и во всякой неправдѣ и немилосердыи. Тѣмъ ѡ⁴³ ѡвратитъ⁴⁴ ГѠ Ѡ ницъ очи свои, и поставитъ и ошюю себе. Тогда рѣтъ ѡръ соущимъ одесноую его: придѣте, блѣвнии ѡца моего, придѣте, сѣве свѣта и моего црѣна⁴⁵ наслѣдници! примѣте⁴⁶ оутотованое вамъ црѣвие⁴⁷ преже сложеныа мироу!⁴⁸ Алацъ во, и наборанисте мѡ⁴⁹; вжадахъ, и напонете мѡ; нагъ⁵⁰, ѡдѣсте мѡ; волѣхъ, посѣтните мѡ; втемници, придосте ко миѣ; страненъ вѣхъ, въведосте мѡ⁵¹. Ѡвѣщаютъ емоу праведници, глѣце: Гѡ, когда та видѣхомъ алчкыа, ѡли⁵² жадна, или нага, или волна, или странна, или втемници, и послоужихомъ тебѣ? Ѡвѣщавъ ѡръ речеть нацъ: право глѣю вамъ: понеже створисте силъ меншимъ браткымъ⁵³ монамъ, миѣ створисте⁵⁴. Того ради⁵⁵ приимите оутотованое вамъ црѣво пѣное; видѣхъ во вѣи мѡтвѣи и цедры, и странноприимци⁵⁶. Тогда речеть соущимъ олѣвоую⁵⁷: ѡидите⁵⁸ Ѡ мене, немѡтви! идѣте Ѡ мене, проклатѣи, въ огнь вѣчныи, оутотованыи дшаволъ и англомъ его; понеже⁵⁹ вѣи своею скоупостью⁶⁰ и нечистотою, и лѣностію дши своа препроводисте; идѣте въ огнь негасимыи⁶¹ противоу дѣломъ вашимъ. А-

28 станеть 29 члвче 30 звѣрь 31 ѡще бѣтъ ѡзынлъ 32 птицы 33 нѣтъ не 34 погубнеть
35 прибавл. противу дѣломъ 36 постави 37 кроткаи 38 доброплодныи 39 ѡшюю
40 прибавл. же 41 се 42 препроводать 43 тѣмъ же 44 ѡвращъ 45 црѣва 46 приимите
47 црѣво 48 Ѡ сложеннй всего мира 49 дасте ми ѡсти 50 прибавл. вѣ 51 вм. словъ:
волѣхъ... въведосте мѡ стоить: ѡ прочеѣ ѡкоже въ ѣуанѣи слышасте 52 и
53 маломощнымъ братомъ; далѣе вставлено то 54 ѣсть створилъ 55 тѣмъ же
56 странноприимца 57 ѡшюю и далѣе прибавл. его 58 идите 59 вѣнже 60 скоупостію;
затѣмъ прибавл. немѡрдѣемъ 61 вѣчныи

ченъ ⁶² вѣхъ, ѿ не дасте ми псти; жаденъ ⁶³, и не напоите мене ⁶⁴; нагъ, и не одѣсте ⁶⁵ мене ⁶⁶; страненъ ѿ воленъ, и в темници, и не посѣтите ма. Тогда ѡвѣщаютъ ема оубо зин ти, иже ⁶⁷ сами са скоупостью лишша ⁶⁸ вѣчнхъхъ влгъ: Гѿ, когда та видѣхомъ алчна, или жадна, или нага, или странна, и ⁶⁹ волна, и ⁷⁰ в темници, и не послужихомъ товѣ? ⁷¹ Ѣвѣщаеъ ѿрь ⁷² речеть намъ: право глго вамъ: понеже не створисте единомуу ѿ снхъ меншихъ и маломощныхъ братъ моихъ ⁷³, мнѣ не створисте; того ради ѡидѣте ⁷⁴ во оуготованое вамъ мѣсто мученіа, еже сами совѣ ⁷⁵ оуготовасте, небрегше ѡ своемъ снхъ. Темже оуже слышасте, братие, ѡсуженіе то страшное, еже приимуть нечтви онн, скоупши, немлгви во ть часъ ⁷⁶, идеже не поможетъ ни оцъ спюу ⁷⁷, ни снъ оцю, ни мѣри дчери ⁷⁸, ни братъ брату, ни равъ гноу, но каждо свое время понесетъ ѿ приметъ мѣздоу противоу своимъ ⁷⁹ дѣломъ; да того ради молю вы, братіе, не лѣнитеса, ни лѣститеса телеснаа оугодна твораще, а дшо ⁸⁰ си погубляюще; слышасте бо, какоу ⁸¹ славоу и вѣнцѣ ⁸² приѣмають млгви, иптавши ⁸³ ницаа и телеса своя въздержавши ⁸⁴ ѿ всякой сласти и постоумъ троужавшиеса; таковымъ бо ⁸⁵ оуготованое есть цртво нѣное ⁸⁶; ѿ пакн слышасте лѣстивыхъ и грѣшнхъ ⁸⁷ страшное ѡсуженіе и моукоу вѣчноую. Темже подвижемса постомъ ⁸⁸ и млгвами и млгвами ѡчистити ⁸⁹ дша и тѣлеса наша, и ѡчистимса ⁹⁰ до воскреснхъ хва, миръ и любовь межю ⁹¹ собою имоуще ⁹², дхмъ горацие ⁹³ Гѿи работающе, срцелмъ съкроушепкымъ молащеса всегда ⁹⁴ и мнлостпнею ⁹⁵ просвѣщающе ⁹⁶

⁶² алченъ ⁶³ прибавл. вхъ ⁶⁴ ма ⁶⁵ не ѡблекосте ⁶⁶ ма ⁶⁷ нѣтъ иже ⁶⁸ лишншеса, безъ предшеств. са ⁶⁹ или ⁷⁰ или ⁷¹ текъ ⁷² гъ ⁷³ вм. единомуу... моихъ стоитъ: снмъ маломощнымъ братомъ моимъ. Далѣе прибавл. то ⁷⁴ прибавл. ѿ мене ⁷⁵ си ⁷⁶ въ ть ча ⁷⁷ снхъ ⁷⁸ дчери. Далѣе прибавл.: ни дщи мѣри ⁷⁹ нѣтъ своимъ ⁸⁰ дша ⁸¹ къ ⁸² вѣнца ⁸³ ипташе ⁸⁴ въздержавшеи ⁸⁵ тѣмъ ко ⁸⁶ кнѣ ⁸⁷ вм. лѣстивыхъ и грѣшнхъ только: нечтнхъхъ ⁸⁸ постомъ и прибавл.: снмъ ⁸⁹ ѡчистити ⁹⁰ и чисти пребуде ⁹¹ межн ⁹² ѿмкюще ⁹³ дхмъ горацимъ. Далѣе: и, а Гѿи работающе — пропущено. ⁹⁴ коипу (= вкпу) ⁹⁵ прибавл. и постомъ ⁹⁶ прибавл. си

дѣла и тѣлесна, чающе вѣтвеннаго⁹⁷ вѣзданія, помняюще второе пришествіе х҃во, страшныи судѣ, егда придетъ соудити живыхъ и мѣртвыхъ и вѣздати комѡуждо по дѣломъ его; яко томуоу подобаетъ всака слава, чѣть и поклананіе съ безначаальнымъ его оцѣмъ и съ стѣмъ⁹⁸ :

В ѿне сыроаствнѣю сло ст҃го Іѡа злѣоустаго, по-
счєніє ѡ постѣ, свазаніє ѡ еѡаіа*.

Братіє, послоушайте, оуамныи двери ѡверзѣше и слоуха дѣвнаи ѡкрѣвше. Въ сласть примемъ¹ ст҃го поста², како ти нына легкнмъ поутемъ ведеть Г҃ Б҃къ нашъ в бесконечное свое цр҃тво, г҃ла: аще ѡпоустите челѣкомъ согрѣшеныи нхъ, то и ѡцѣкъ вашъ нѣныи ѡпоуститъ³ вамъ согрѣшенія ваша; аще ли вы не ѡпѣсите, то и дѣцѣкъ нѣныи не ѡпоуститъ вамъ согрѣшеніи вашихъ⁴; в нюже во, рѣ⁵, мѣроу⁶ мѣрите, ѡмѣритесьа вамъ; г҃ать во ап҃лъ Іѡанъ вѣдслоуѣ: аще кто речеть: Б҃а люблю, а врата своего ненавижу, ложь есть; врата во⁷, егоже⁸ по вса дни видѣа, не любитъ, а Б҃а невидѣа како можетъ любити? Иѡвѣ есть, яко и Б҃а не любитъ таковыи⁹, ни¹⁰ словесъкъ вѣжнхъ хранитъ, и безъ оуснѣха таковыи влзитъ въ цр҃кѣвъ и тѣшамъ словесыи молитса, г҃ла¹¹: ѡчѣе нашъ¹², остави намъ долгыи наша,

⁹⁷ исправл. по З. Ц.; въ текстѣ: вѣтвеннаго ⁹⁸ вм. помняюще второе... и т. д. до конца — стоитъ: ѿ пришествія страшнаго га ка нашего іса х҃а с нимъже славу всеѣи ѡцѣи і снѣу.

* Въ Злат. Цѣпи заглавіе: В ѿне сыроаствнѣю . поученіє . ѿи ваѣки ѡчѣе.

¹ примемъ ² стоѣ се поученкѣ ³ ѡставитъ ⁴ нѣтъ аще ли вы не ѡпѣсите... вашихъ ⁵ нѣтъ ко рѣ ⁶ мѣроу ⁷ приб. своего ⁸ нѣтъ егоже ⁹ вм. а ка невидѣа... таковыи стоитъ: ѿ ба како вѣзлюбитъ, ѣгоже николиже видѣти ѡвѣ ѣсть ¹⁰ ѡко ни ¹¹ г҃ать ¹² нѣтъ нашъ

иже и ¹³ мѣсто оставаемъ ¹⁴ должникомъ нашимъ. Таковыи въ ¹⁵ многости мѣсто гнѣвъ бѣжии наноситъ на главоу свою; безлѣпа ¹⁶ таковыи поститса, рече во Гѣ прѣркомъ: аще поститса въ сварѣхъ и в судѣхъ и въ гнѣвѣхъ ¹⁷, не такого поста избра Гѣ ¹⁸; но ѿверзи ѿ себе всю неправдоу и слово роннео ¹⁹ извращено; но ²⁰ дѣломъ смѣреннымъ ²¹ и срѣцамъ съкроушеннымъ възови ма и оуслышу та, и дам ти ²² прошеніа ²³ срѣца твоего. Да аще придемъ истинною в покаяніе ²⁴, не токмо ѿ вращенъ въздержитса, но и ѿ клеветы и ²⁵ зависти, ѿ гнѣва и ярости, ѿ влоуда и величїа, злопомненїа и ѿ всего зла оумнающеся ²⁶; да аще сиухъ останемса, то оуслышамъ Гѣ глѣца ²⁷ в намъ: во время благопрїятно ²⁸ послоншахъ тебе и в днѣ снѣны помогох ти. Се во ны нынѣ ²⁹ наста время благопрїятно ³⁰, се же пришаи суть ³¹ днѣе снѣны, снѣ стѣши постъ великыи четверодесѣтоднѣиыи ³², конже вхощаще очистил си дшю и тѣло ³³ ѿ скверныхъ помыслъ и дѣлесъ ³⁴. Елико же во ³⁵ есмь во все лѣто ³⁶ съгрѣшиши или въ сварѣ, или въ влоудѣ, или въ клеветѣ, и во лжи, и во обывденїи, и въ лѣнствѣ ³⁷ или въ какомъ ³⁸ злѣ дѣлѣ, то сами днѣми постыими очистимса ³⁹ и ⁴⁰ прибавимса ⁴¹ к Бѣу чѣстою и постомъ, мѣтвами и слезами оумывающе прегрѣшенїа наша; не чѣвком же являюще пощенїа нашего, но Гѣ, съвѣдоуемоу таинаи срѣць нашихъ, дѣла ⁴² и мысли срѣчныи, ѿ нихъ же ѿвѣрати ны есть въ страшныи днѣ соудныи ⁴³; тѣла же, братье, потынитса створити повелѣное Бѣмъ, иѣ во тяжело ⁴⁴ гнѣва порати, иѣ люто алчущаго накормити, и нагаго одѣти, и страннаго прїяти; сиухъ во ми-

¹³ нѣтъ и ¹⁴ ѿставихомъ ¹⁵ нѣтъ въ ¹⁶ и вездокъ ¹⁷ аще в свѣтѣ гнѣвающеся поститъ ¹⁸ избрахъ, а гѣ пронуще. ¹⁹ сваранко ²⁰ и ²¹ исправл. по З. Ц.; въ текстѣ стоитъ: смѣремъ ²² нѣтъ ти ²³ прошенїе ²⁴ аще ли превудѣ во истиннѣнѣмъ покаянїи ²⁵ ѿ ²⁶ и ярости. . . . оумнающеся пропущено. ²⁷ хѣ прѣрккъ глѣца ²⁸ прїятно ²⁹ нѣтъ нынѣ ³⁰ прїятно ³¹ нѣтъ суть ³² нѣтъ великыи четверодесѣтоднѣиыи ³³ ѿчїстимъ дшю и телеса ³⁴ дѣла ³⁵ елико оубо ³⁶ во всемъ лѣтѣ ³⁷ въ лѣнствїи ³⁸ в коѣмъ ³⁹ нѣтъ то сами. . . . очистимса ⁴⁰ да ⁴¹ прибавл. нынѣ ⁴² наша дѣла ⁴³ въ страшныи ѿнѣ днѣ ⁴⁴ тяжело

лоующе и приемлюще⁴⁵, самого Х҃а приемлему⁴⁶, иже насъ дѣла⁴⁷ страненъ въѣ, ѿ нѣсн на землю и ѿ славы къ шце-тоу приде, да насъ⁴⁸, оустранящихъ ѿ него, пакы хотѣ въ-звести⁴⁹ в первое въѣство⁵⁰, из негоже въѣломъ⁵¹ иснали свѣтомъ диаволумъ; и противоу извѣ исцѣленіе намъ⁵² положи сн стѣн постъ⁵³. Преже собою прообразивъ⁵⁴, постисѣ⁵⁵ первое⁵⁶ Моисеи м̄. дѣни, и гла къ Б҃у⁵⁷ лицемъ к лицу, и просвѣтисѣ лице его яко⁵⁸ и слѣнце ѿ славы бж҃іа⁵⁹; и пакы Иаѣа постисѣ другоую м̄. дѣни и не вкоуен смрти, но взатъ въѣ на колесницѣ ѿгнѣнѣн вихромъ яко на нѣво; и Даниаъ прѣркъ постисѣ, лѣвы оуброти⁶⁰. Такоже и шни праведници постившесѣ, великаа и многая створиша чудеса, ѿ в память сдѣша⁶¹ прочимъ родомъ. Посаѣ же⁶² тѣхъ всѣхъ постисѣ⁶³ самъ Г҃ъ Б҃ъ нашъ м̄. дѣни, не тревоуа пощенья, но намъ образъ даѣ и повѣдоу на враги, и тѣмъ шцѣщаѣ дѣла и тѣлеса наша, многими грѣхн шсвершена. Тѣмже и мы, въ-злюбленн⁶⁴, постисѣм, да будемъ⁶⁵ подобни оуѣмъ⁶⁶ стѣмъ; постъ во дѣню очищаѣт и тѣло просвѣщаѣт и на нѣво въ-зводитъ, и ангѣлом равна творитъ, и къ Б҃у⁶⁷ приближаѣт, и в раи стѣн вводитъ. Тѣмже и мы, братіе, оуслѣшамъ⁶⁷ самого Г҃а еуангѣліемъ насъ оучаѣа и глѣюѣа: егда поститесѣ, не будите⁶⁸, яко лицемѣрѣ⁶⁹, члѣвомъ швлающе⁷⁰ ваѣды, драхли, свѣтоующе⁷¹, да ѿ члѣкъ славатесѣ⁷², но воудите лицемъ свѣтан и срѣцемъ добраа твораѣе⁷³, мѣтню оубогимъ подающе⁷⁴. О томъ во ны Г҃ъ, поуѣа, глѣтъ: не скрѣивайте⁷⁵ совѣ⁷⁶ плѣнн вашнхъ на земли, ѿдеже моль и черви шдѣтъ, и тла тлѣтъ⁷⁷, и татѣ подѣ-

45 сѣ во твораѣе 46 прѣемлютъ 47 ра 48 ны 49 вести 50 мѣсто 51 въѣаху 52 шцѣ-леннѣ ны 53 се стѣе пощеньнѣ 54 проѣобразова 55 постн ко сѣ 56 первоѣ 57 с кмъ 58 акы 59 прибавлено: яко не можаше никто же възрѣти пакы, но оубрусомъ закритесѣ тако повѣдаше словеса кнѣи 60 нѣтъ и Даниаъ. . . . оуброти 61 ѿставшѣа 62 ѿ посаѣди же 63 постивше же сѣ 64 краѣ 65 ѿ будемъ 66 тѣмъ 67 послушаѣмъ 68 будите 69 лицемѣри 70 швлающе 71 свѣтоующе 72 нѣтъ да. . . . славатесѣ 73 твораѣаѣ 74 твораѣе 75 не скрѣивѣте 76 нѣтъ совѣ 77 шсравлено; въ текетѣ: тлѣтъ; въ З. Ц. червьѣ тлѣтъ

конѣвають, и брадоутъ; но скрѣиванте се въ скровища на пѣсѣхъ, нѣже негнѣлемо есть; срѣчь милоствѣнно веантъ дати⁷⁸ шциамъ⁷⁹; то во скровище есть скрѣивати⁸⁰ на невесѣхъ, ѿко да дамы е в рѣцѣ шциамъ и да ѡнамо ѡбращаемъ преумножено. Си, братье, тѣмъ поревнуемъ⁸¹ стѣмъ праведникомъ и таже дѣла да творимъ⁸²; они во тацѣ⁸³ же вѣща⁸⁴, ѿко⁸⁵ же и мы, но попраша⁸⁶ всакоу стѣрть, и гнѣвъ, и ирость, и сласти плотскыя оумѣртвиша, и житѣе се лестное⁸⁷ презрѣша, а вѣчное възлюбивша⁸⁸. Тѣмъ во Гѣ⁸⁹ ѡсудитѣ ны, глѣ⁹⁰: почто си тако поживша и добра створивша, а вы совратистесѣ⁹¹? но да не оуславишамъ того, братье, но воуди нынѣ намъ потрудившесѣ въ стѣмъ снѣ дѣи постыжѣна и оуславишати⁹² стѣмъ ѡнѣ глѣ глѣцѣ: придѣте⁹³, вѣбѣши оца моего, придѣте снѣ свѣта⁹⁴, алкавшѣ и жадавше, и примѣте оутготованое вамъ цѣтво изначала мироу, иже воуди всѣмъ намъ получити⁹⁵ о Хѣ Исѣ Гдѣ нашемъ, емоуже слава в вѣ :

И нѣ ѡ ю нѣ поученіе Іѡа златоустого о постѣ*.

Индѣте ли, възлюбленніи, ѡ самѣхъ¹ вѣрши поазоу постѣноую²? Иже во некусенѣсѣ³ есть³ в⁴ снѣ недѣлю поста, то воама разсѣмѣеть свое въ Гѣ⁵ приваженіе и на прочаѣ⁵ недѣли подвизаетсѣ постомъ; иже ли не приналъ есть поста, тои⁶ не вѣсть, иже ѡ поста поаза. Сладость во сахара и смиданнаго вранна⁷ како скажю некусившимъ того? аще во и много

⁷⁸ творити ⁷⁹ нѣтъ шциамъ ⁸⁰ нѣтъ скрѣивати ⁸¹ поревнуемъ ⁸² створимъ
⁸³ прибавл. чайци ⁸⁴ вѣща ⁸⁵ ѿци ⁸⁶ не попрашна ⁸⁷ лестное ⁸⁸ възлюбивше ⁸⁹ къ
⁹⁰ рекъ ⁹¹ ѡвратистесѣ ⁹² оуславиши ⁹³ придѣте ⁹⁴ свѣту ⁹⁵ нѣтъ иже... получить.

* Въ Злат. Цѣпи загл.: И нѣ ѡ ю нѣ поученіе Іѡа златоуста. глѣ каѣви.

¹ самѣхъ ² постноую поазу ³ некусенѣ еси ⁴ нѣтъ в ⁵ да и прочаѣ ⁶ то
⁷ хлѣва

хвалю, не⁸ разоумѣють слышавшии⁹. Постнбю же доверотѣ сами видите¹⁰, яко ни отъкоудоу¹¹ же свара¹², ни досады дрѣгѣ¹³ ѿ друга; вездѣ молчаніе и тишина, заомоу ѡбываю в насъ постомъ¹⁴ и мѣткою преставио. Тѣмъ же не ѡложивъ, братъе, начатаго поста; понеже оубо¹⁵ первая недѣла минула есть, да и на прочая недѣла¹⁶ бодрѣшии¹⁷ будемъ¹⁸, якоже достоитъ поспѣвати на бѣгое. Послоушайте. Рече¹⁹ бѣжнъи²⁰ Апѣлъ: задная забывающе, а на предная²¹ простирающеся²². Размыслите²³, любящии: ѿ недѣла есть поста стѣго, честнѣшии же всѣхъ²⁴ есть ѿ недѣла, иже и великая нарицается²⁵; не множествомъ²⁶ часовъ боши есть²⁶ шѣхъ недѣла, но иже²⁷ великы²⁸ ташы в ней²⁹ быша, гнѣ³⁰, глѣю³¹, страсти; такоже и си недѣла боши соуть первыи³²; яко же во црѣ волѣ³³ есть князя, а князь воеводы, а воевода воларина³⁴, а воларинъ³⁵ сотника, а сотникъ пѣтьдесятника³⁶, а пѣтьдесятникъ³⁷ слоуги³⁸. Размыслите, братъе³⁹: аще⁴⁰ бы кто хотѣлъ шродовати во црю, то мнѣ дѣется ѿ меньшихъ⁴¹ слоугъ и до послѣднихъ⁴², кто бы ѡбѣстнѣ его; аще⁴³ в чемъ и съгрѣшиаъ есть, то бома печалюеть, бнмаъ ѡправднтся⁴⁴. И мы оубо, братъе, не точыю авнтнса хотѣше црен нѣомоу, но и въ⁴⁵ срци своемъ⁴⁶ пріятн его причастемъ стѣхъ ташы, должны⁴⁷ есмъ сами стѣыми недѣлами⁴⁸ постнгами приближитнса къ Боу. Хоцю же вы прнтцю нѣкѣю гѣти. Црѣ вѣ нѣкто нѣвкоен странѣ зѣло⁴⁹ бѣгъ и бѣгоподателнкъ⁵⁰ и всѣхъ равно любаше⁵¹, акн⁵² своа дѣти, и ѡ всѣхъ равно⁵³ промъшлаше, но и дшамн нхъ печашеса; вѣ же и земля та кншанн

⁸ передъ не вставл. но ⁹ слышавшии ¹⁰ вкете ¹¹ ѡкуду ¹² срама ¹³ другъ
¹⁴ постомъ; нѣтъ слѣдующ. и мѣткою ¹⁵ оубо ¹⁶ нѣтъ недѣла ¹⁷ добрншии
¹⁸ будемъ ¹⁹ что рѣ ²⁰ кжтвннн ²¹ предна ²² простирающе ²³ прибавл. оубо ²⁴ нарѣцаѣтъ
²⁵ множество ²⁶ ѣ ²⁷ нѣтъ недѣла, но иже ²⁸ великыи ²⁹ в ню ³⁰ гнѣ
³¹ нѣтъ глѣю ³² нѣтъ первыи ³³ колн ³⁴ воарнна; на верху строки, между буквами о и я, вставл. а современной, но, кажется, другой рукой ³⁵ то же, что и въ предыдущ. варьянтѣ. ³⁶ и. ника ³⁷ и. никъ ³⁸ слоугы ³⁹ разумно же ѿ снхъ размышлаете ⁴⁰ ѣгда ко; а бы поставл. послѣ хотѣлъ ⁴¹ меньшихъ ⁴² доидеже и до великыхъ ⁴³ аще ли ⁴⁴ ѡправднтн ⁴⁵ во ⁴⁶ срце своемъ ⁴⁷ должны ⁴⁸ дшамн ⁴⁹ ѣ.
⁵⁰ бѣгннн вѣдатель ⁵¹ любаше ⁵² акн ⁵³ вставл. прнѣмаше не точыю же ѿ телескхъ

ѡбильемъ бѣгнмъ⁵⁴, ꙗко же рече Дѣдъ: и ѡ плода пшеница и вина и елѣѡ⁵⁵ нхъ оумножишася. Црви же⁵⁶ тому дѣло вѣ еже подавать требующимъ, но и заповѣдь⁵⁷ положи, да имѣющимъ немощимъ подаютъ; ꙗкоже въ дѣланнхъ⁵⁸ аѡакыхъ пишется: ꙗво всемножество вѣ ꙗко⁵⁹ дѡа едина, и раздаваніе⁶⁰ всеѣмъ, чего кто требуетъ⁶¹; тако⁶² же вѣ-паше⁶³ страна та, ꙗ такъ вѣ црвь онъ⁶⁴. Имѣаше же благын-тъи⁶⁵ црвь Э. дщери зѣло⁶⁶ красныхъ⁶⁷ ꙗ заповѣда всеѣмъ людемъ — хоташе⁶⁸ же ꙗ искоусити, — да пришедше⁶⁹ почтатъ дщери⁷⁰ его. Посадивъ ꙗ по естествоу, меньшую подалъ⁷¹, а болшую ближе оу себе: етери же почтнша всеѣхъ равно и оугоднша црви; иѣци⁷² же заѣ створиша: меньшую почтнша добрѣ⁷³, а прочнхъ, цѣлоующи ихъ тобмо, мнвоваху⁷⁴. Видѣвъ же бѣгнн онъ црвь, мѡрдіе свое на гнѣвъ предложн, и повелѣ слогтамъ изгнати ꙗ ѡ лица своего; не токмо же се, но и мѣтамъ повелѣ предати⁷⁵ ꙗ, да ихъ моччатъ. Или оубо не по правдѣ сіе⁷⁶ створи црвь? Любимци, хоцете ли оувѣдати, кто есть онъ црвь? Гыстрнн оумомъ оуже оуразумѣша⁷⁷, многихъ же ради рекоу⁷⁸ азъ. Црвь есть бѣгнн всеѣхъ Бѣ; земля же кншнща⁷⁹ всеѣмн бѣгннн црки; вѣсте⁸⁰ во все, колико добра в ней есть, всего мира дѡи в ней спсаются. Тоу во ѣсть законъ и пррци и самъ Гѣ, ꙗже⁸¹ насъ ради снде ꙗ вѣи чѡвѣкъ намъ подобенъ, распятъсѡ за ны, оумре, потомъ посла аѡаы своя, тѣмн⁸² насъ зова⁸³ въ свое цртво. Иже во всегда стѡмн евангнлнсты⁸⁴ зоветь⁸⁵: придѣте ко мнѣ вси троужающнсѡ, ѡременени; азъ вѣи покою, и пакн: градоущаго ко мнѣ не изъженоу⁸⁶ воиъ. Что оубо⁸⁷ сеѡ ѣсть бѡити воле? А седмъ⁸⁸ дщери есть Э. недѣлк стго поста,

⁵⁴ ѡбильемъ бѣгнмъ ⁵⁵ пшеница вина і ѡлѣѡ своего ⁵⁶ жъ ⁵⁷ заповѣда ⁵⁸ в дѣлан-
ныхъ ⁵⁹ ꙗкы ⁶⁰ раздаваху ⁶¹ требоваше ⁶² така ⁶³ каше ⁶⁴ ткъ ⁶⁵ ткъ ⁶⁶ Э. ⁶⁷ краснн
⁶⁸ хотѡ; нѣтъ слѣдующ, же ꙗ ⁶⁹ пришедшн ⁷⁰ дщери ⁷¹ подале ⁷² иѣци ⁷³ велмн
⁷⁴ мнвоваху ⁷⁵ вм, повелѣ предати стоитъ предасть ⁷⁶ се ⁷⁷ не (?) разумѣша ⁷⁸ рѣку
⁷⁹ кншнщи ⁸⁰ вѣстеъ ⁸¹ нѣтъ ꙗже ⁸² тѣмъ ⁸³ зва ⁸⁴ ѡванѣакѡ ⁸⁵ вкшнѣтъ ⁸⁶ ꙗжену
⁸⁷ да что ⁸⁸ Э.

иже⁸⁹ повелѣ намъ чити, паче всего лѣта дѣни, постоумъ и молитвою⁹⁰, мѣтнею. Да аще оубо перевѣю недѣлю почтихомъ доврѣ, а меньшою⁹¹, иже одале бѣца⁹² есть, како⁹³ ииѣхъ прочихъ всѣхъ, мишоути хоцелумъ просто⁹⁴? Что ѿвѣщаемъ въ страшныи дѣи соудныи въ Гбѣ, и како ѿиримса, яко поне ииѣхъ дѣни постихъ не хоцелумъ хранити что⁹⁵? Молю же вы, яко не тако моудрѣствоите⁹⁶, глѣюще, яко не можемъ тако всѣхъ прияти. Хоудыи⁹⁷ есть извѣтъ ии полкъ вины. Аще во ѿ того оногѣ обывадецыи и пыныства первоую недѣлю постоумъ приахомъ⁹⁸, то коли паче повѣкше на бѣгое възможелумъ весь постъ прияти⁹⁹, и Богоу оугодити, и свои дѣла сѣти¹⁰⁰ и бѣтити? Не поужю во васъ паче силы постити и вѣдѣти, но како¹⁰¹ кто можетъ¹⁰² по силѣ; точнои житнейхъ¹⁰³ печални бѣхитиса, корьчавы, пыныства, зависти и клеветы, помненныи злоу¹⁰⁴, блѣуженыи и лихонманныи; и бѣтныи¹⁰⁵ милостыню¹⁰⁶ творите паче ииѣхъ дѣни, да с¹⁰⁷ чистою свѣстью хвѣихъ танихъ¹⁰⁸ доиделумъ, и прѣтнаго тѣла и вѣчныихъ¹⁰⁹ животъ примете; оубогимъ же бѣгодаренье даите¹¹⁰, иже за всѣхъ молатса въ Гбѣ непрестанно¹¹⁰. Си же не соутъ тяжка, аще хоцелумъ: токмо не обѣвнимса, ни оуныемъ и¹¹² да не погоубилумъ троуда, его же приахомъ¹¹³ въ первоую недѣлю. Гбѣ нашему слава, всегда и нынѣ и присно .:

89 а 90 мѣтлами 91 доври и тоже меньшою 92 бѣца 93 а 94 ииѣхъ всѣхъ мишоуемъ просто бѣди бѣло 95 что 96 моудрѣствуйемъ 97 худо то 98 придохомъ 99 тако прияти 100 нѣтъ сѣти 101 и 102 мога 103 житнейхъ 104 запомниманнѣ 105 нѣтъ бѣтныи 106 мѣтныи 107 нѣтъ с 108 хвѣи стѣти 109 вѣчныи 110 творите 111 и бѣ непрестанно молате за всѣхъ 112 нѣтъ и 113 иже приахомъ.

Нѣ ѿ . пѣ, сказаніе стго Іѡа заѡустаго, поученіе ѡ стѣмъ постѣ*.

Придѣте, друзѣи и братѣи¹, възлюбленое стадо хго, да мало и еце нѣчто² изърекоу³ вамъ ѡ селмъ стомъ постѣ, егоже оуже двѣ недѣли премноуста⁴. Десятина оубо⁵ всего лѣта снѣ постъ есть; да подобаетъ вамъ, братѣе, десятина⁶ та всего лѣта чисто ѡтдавати⁷ Бѣи⁸, давшему вамъ⁹ животъ и наващелому ны своею бѣгостью, яко же и первши ошѣ моужіе¹⁰ творахуоу, ну же въ правдоу стми нарицаемъ¹¹; прослави бо Гѣ Бѣ по всей земли, понеже схраниша заповѣди его. Кто же си соуть? Перѣѣ¹² постиса Енохъ, и взатъ вѣи на нѣса¹³ съ плотью, и до нѣнѣ живѣ есть; и по селмъ Нон постиса, и ѡ вселенскаго¹⁴ потопа снѣ вѣи с рожшиииса¹⁵ ѡ него дѣтми, и ѡ него же¹⁶ нѣнѣширѣи миръ вѣи; такоже постиса Авраамъ¹⁷, и другъ бѣи наречеса, и веѣмъ прркомъ и веѣмъ патриархомъ и ѡцмъ и нѣмъ веѣмъ ѡцъ вѣи; постом бо очнѣса¹⁸ Моисеи, вѣдова къ Бѡу лицемъ къ лицу¹⁹ и просвѣтиса лице его акн снѣ; постиса²⁰ прркъ Павл, и огнь съ нѣси на жертвоу приведе²¹, и дождъ жажущимъ людемъ испроси оу Бѣ; и Данилъ прркъ постомъ лѣты²² оуброти, ѡ мужъ желанью²³ нареченъ вѣи. Мнози же и в новѣмъ законѣ гш²⁴ ѡстншася постомъ, и спасошася, ну же наимѣ²⁵ ни всего мира книги не нѣпишють, единому Бѡу свѣдоущю свои оубодинки. Речеть же нѣкто в сѣѣ²⁶: ти стѣи вѣли, вѣици вѣша²⁷, а мѣи немощни и слави есмѣи. Да аце немощни есмѣи и слави, то поне десятноу²⁸ чистоу ѡдадимъ, еи же самъ Гѣ

* Въ Злат. Цѣи зарл.: Слѡ Іѡа заѡу . поученіе къ ѣ . ю нѣ . гш вѣи ѡ.

1 браѣ 2 ничто 3 изорку 4 еже ѣ . нѣ . оуже мноусте 5 ко 6 десятину 7 ѡдати 8 къ 9 ны 10 мужи 11 нарицаѣтъ 12 первнѣ 13 ѡво 14 селенскаго 15 роженшииса 16 вставл. племени 17 аврамъ 18 ѡцнѣса 19 к лицу 20 постник же сѣ 21 сведе 22 лѣты 23 желаньи 24 хгк 25 нѣтъ наимѣ 26 рчете же в сѣѣ 27 вѣици суть вѣли 28 і . ну

Бѣ проси оу насъ²⁹. Съставленоу во лѣтоу Т. 33. и Е. ю днѣвѣ³⁰, и ѿ тѣхъ всѣхъ³¹ нарече Гѣ сиа постыжна дѣи свою десятноу. Сами же³² вѣсте добрѣ, аз же дѣтелю и новопросвѣщенюму скажу: А. и З.³³ дѣи ѿ Т. 33.³⁴ дѣи, ѿ тѣхъ же изложимъ соуботоу и недѣлю; то во соуть Гѣстѣи³⁵ праздници, ѡба покоя ради дѣла Бѣжѣи, сиа³⁶ же вскрѣпѣ гѣа; да в тѣхъ мѣсто приложимъ нѣхъ и.³⁷ дѣи, да не погнѣнетъ ѿ Е. дѣи Бѣа десятна³⁸, по полоудѣи³⁹ великѣи соуботы да причтеться⁴⁰ в постъ. Се оубо⁴¹ рассмотрѣше, стѣи ѡци повѣлаша⁴² поститися до позднаго. Вся же си З. недѣла десятна есть⁴³ Бѣжѣи; и⁴⁴ аще не ѡдумы нѣхъ что, что ѡвѣщаню Бѣи? како ли⁴⁵ примемъ прощѣнѣ грѣховъ, аще всегда ѡвѣщанѣ⁴⁶, и пѣанство, и лакомство держаще, и⁴⁷ съ прочими похотми? Невъздержанѣи ради престоупленѣи вѣи законоу; престоупленюму смѣрть в мирѣ⁴⁸ вшѣде. Не съхранѣа⁴⁹ во Ядамъ поста чѣа, иже вѣ⁵⁰ зановѣдаа емоу Гѣ, и приять⁵¹ телесную смѣрть. Мы же по толщѣхъ базанюхъ⁵² аще не можемъ⁵³ что съхранѣи всѣхъ постнѣхъ дѣи, то оумремъ дѣиною смѣртью; смѣрть во дѣи вѣчнаа моука⁵⁴, такоже рече Павелъ: питающѣица вдова жива оумерла есть⁵⁵. Вѣсте во сами, коль вѣхоу были мѣи Бѣи изрѣкетѣи людемъ, нѣхъже сквозѣ Чермное⁵⁶ море посухоу проведе, и манноу с ѣвѣи⁵⁷ посла, и тѣми чюдеса в нѣхъ створи, гѣа: излѣ сѣи мон первенець⁵⁸ есть. Иже тѣхъ⁵⁹ не пощадѣ⁶⁰ не постнѣшихъ, гѣа во намъ Моисѣи⁶¹ ѡтъ Бѣ, повелѣ: поститеса м. дѣи, ѡни же Б. токмо постнѣшася, и сѣдонѣи ести и пити⁶², и вѣташа игратъ, и влоуднѣша; и приде на на гѣвѣ Бѣжѣи, и оумроша злѣ (1) и н. сотъ⁶³, а прочнѣхъ огнемъ сожъже⁶⁴, и ласкосердѣ-

29 просить ѿ насъ 30 трѣи стѣи Т. и Е. дѣи 31 ѿ того всего 32 вставл. изъ-
тщѣе 33 А. 34 Т. и З. 35 Гѣстѣи 36 си 37 Бѣ. 38 Г. на 39 полуднѣ 40 кочтѣтѣ 41 во
42 прибавл. в ту сѣ 43 сѣтѣ 44 то 45 к. ли 46 ѡвѣщанѣи 47 нѣтъ держаще и 48 въ
римѣ (!), очев., описка 49 съхранѣи 50 нѣтъ вѣ 51 приа 52 толщѣхъ оуказаннѣхъ
53 хошемъ 54 вм. смѣрть. . . . моука стоитъ: в вѣчною мѣку 55 оумираетъ 56 нѣтъ
Чермное 57 с ѣвѣи 58 первенець 59 тоже и тѣхъ 60 пощадѣи 61 моисѣи 62 вѣтѣ и
питѣ; слѣдующ.: и вѣташа. . . . влоуднѣша пропушено 63 к. и ѣ. 64 ѡгнь соже

чистѣше си телеса и дѣша просвѣщающе ^и) прѣтныма ^б) мѡлт-
вами; и ¹) придемъ ⁷) непорочно ^к) на воскресіе ^гне ⁸), се бо призы-
ваетъ ны Гѣ Бѣ нашъ на свѣтлоу ю радость, держа вѣща
ишныи акавшимъ и жадавшимъ ⁹) его ради ^л) и троужаю-
щимса ¹⁰) въ вѣдѣнн, въ подензѣ дѣвнѣ ¹¹); да и семъ стѣмъ по-
щени не мѡзѣмъ ^м) лишитса ¹²) той радости неизреченныи ¹³)
и тѣхъ вѣнецъ нетѣнныхъ за малоу ю снѡ лѣнность и ласкѡр-
дыа ^н) оутробнаго ¹⁴). Еже ¹⁵) в малъ часъ ^о) насладимъ гортанъ
свою ¹⁶и), и послѣдъ же горьчае ¹⁷) зѡчи ѡбращетса ^р); ѡ семъ ¹⁸)
възвраща ¹⁹), Павелъ апѡлъ ²⁰) гѡлъ ²¹с): да не блазнитъ васъ
неприазнь иденьемъ и питьемъ наче свѣтостн, и паби ²²:
не оупиваетса виномъ, в немже иѣ снѣны. И ^т) самъ Гѣ
възвращаетъ ны, гѡлъ: блудитса, да не ѡтагъчаютъ срѣца
ваша ѡбвѣденье ²³) и нишнество ²⁴) и печальми ^у)
житѣнскими ^ф); и стѣи ѡщи ѡ того же възвращаютъ ²⁵х), гѡлѣ:
аще еси былъ вчера ²⁶) многотрапезникъ, то дѣи постникъ вѣ-
нокъ ²⁷) явнса; аще вчера плотноугодникъ былъ еси ²⁸и), то дѣи
дѣи прѡвѣтникъ ²⁹ч) явнса. Не мѡзите ^ш), братье, словомъ
точью ³⁰) крѣпнѣ быти ^ш) но и дѣла покажемъ ^б), да не речеть
к намъ ³¹) Гѣ Бѣ: си людѣ оусты точью ³²и) чтоутъ ^б) мѡ,
а срѣца нѣхъ далече мене ³³) ѡстоятъ ^б). Понстнѣ же ³) тако

6 прилжно 7 предыдемъ 8 хво 9 жадавшмак 10 нѣтъ его... троужающиса
11 дѣвнѣмъ 12 да не можемъ сѡ лишити 13 неизреченноѡ 14 оутробнаѡ 15 иже 16 на-
сладитъ насъ гортанъ 17 горчаѡ 18 ѡ семъ бо 19 възвращаетъ къ и 20 нѣтъ апѡлъ
21 гѡлъ 22 прибавл. рѣ 23 иденьемъ 24 питьемъ 25 прибавл. ны 26 нѣтъ вчера
27 нѣтъ вѣнокъ 28 нѣтъ былъ еси 29 прѡсвѣтникъ 30 токмо 31 намъ, безъ пред-
лога 32 с. комъ (т. е. словомъ) токмо 33 ѡ мене

и) чистѣшеса дѣшѡ и тѣло просвѣщающѡ прилжныма мѡлтвами і) нѣтъ и,
какъ и въ З. Ц. к) не порочно г) ѡ ра(ди) м) не можемъ н) ласкѡсердѣа ради и
лѣнности о) в маломъ часѣ п) наслажаютъ гортанъ нашъ р) желачи ѡбращени
с) възвращаетъ ны павелъ апѡлъ гѡлъ т) нѣтъ не оупиваетса... снѣны и у) пе-
чалами, какъ и въ З. Ц. ф) житѣнскими х) крѣпнѣ и) нѣтъ еси ч) какъ въ
З. Ц. ш) а не можемъ щ) христѣани быти, а дѣлаи горѣ невѣрныи ъ) прибавл.
добраа (къ предыд. дѣла) ы) токмо ь) чтѣтъ ѣ) срѣце... стойтъ э) по
истннѣ бо

видѣмъ³⁴ насъ: аще бо ѿ земаго князя како^ю) любо³⁵ придетъ слово³⁶ к подручнымъ^{я)} его гражаномъ, то вси^{о)}, съ страхомъ приидеши³⁷ у), послушаютъ его^{а)} и, слышавъше³⁸, творятъ повелѣна³⁹ намъ. А Бѣгъ по всѣмъ дѣи зовущю насъ к совѣ прѣркъ и апѣ и свѣтлымъ шѣи, наче же и своимъ оустыи стѣмъ еуѣлкѣ⁴⁰ на свѣтъ немерцающии, на радость бесконечною и на црѣво^{б)} шѣное, еже оутотова⁴¹ творѣнамъ волю его; то же^{г)} шѣ его, кто послушавши и притекши⁴² д) к нему, ни вола⁴³ его твора. Видите⁴⁴, братъе, любовь бжѣю, еже к намъ⁴⁵); яко не терпѣ⁴⁶ насъ зрѣти пороботившихъ⁴⁷ вѣсоу, бездоумнымъ коумиромъ^{ж)} тревоу полагающа⁴⁸; тако во вѣхоу ѿсѣплена срѣца нхъ дѣшоломъ, да вси шѣи свои жрадохутъ⁴⁹ намъ, вси⁵⁰ ж) же дѣрши свои⁵¹. И того всего не терпѣ, Гбъ Гбъ нашъ приде на земаю, да земныи ѿвожитъ⁵² и пакы⁵³ на шѣво възведетъ; того ради и брѣтиса^{и)}, намъ даи ѿобразъ шѣраценню¹⁾ и се пакы понаважы^{н)} брѣненіе снмъ стѣмъ постомъ^{л)}. Еже еслы^{м)} по брѣншн сѣгрѣшши, да снмъ очистимса⁵⁴; тѣмже, преподасавъшесѣ брѣнко оудержаньемъ, подвижемса преподасавъше⁵⁵ снмъ дѣи постнымъ^{н)}. Аще ли и лѣнностію приидете, по ноне бѣоудно ѿсѣлѣ скончате; не ташько вы боуди къ цркви ѣти на бжѣе дѣло ѿ снмъ шѣи ѿ неш стѣе писаніе и творѣти добра дѣла^{о)}, да ошѣтисѣ вы дѣи и тѣло

34 видѣмъ 35 что любо 36 ѣ 37 притекше 38 оуслышавше 39 повелѣннѣ 40 стѣмъ еуѣлкѣмъ 41 прибавл. бѣ 42 ни притекши 43 волаи 44 видѣте ли 45 ѣже ѿ насъ 46 стериши 47 пороботившиа 48 исправлено по З. Ц.; въ текстѣ: полагающимъ 49 жрадоху 50 ѿво — ѿво 51 нѣтъ свои 52 вм. да земныи ѿвожитъ стоитъ: волашѣи ѿ шѣтны дѣмъ да ѿвожитъ ѣство ваше 53 нѣтъ пакы 54 вм. брѣненіе... очистимса стоитъ: брѣннѣмъ сѣгрѣшшишиа да снмъ ѿцѣстимса 55 преподасавше

ю) каково я) к подручнымъ о) все г) какъ въ З. Ц. а) слышатъ словеск тѣхъ б) стѣмъ еуѣлкѣ в) царство г) то д) какъ въ З. Ц. е) ѿ насъ ж) како терпѣти ѿжидавъ ѿ насъ покашнѣа ѿ замъхъ дѣлѣ . пороботившесѣ кѣдоумнѣ (sic) коумиромъ з) ѿвы... ѿвы и) крестиса i) ѿобразъ брѣненнѣ к) ѿновляа л) пошѣннѣмъ м) ѣсме и) преподасавъше чресла свои брѣнко на подвигы добра . къздержавшесѣ ѿ всехъ замъхъ дѣлѣ . да придемъ дѣи снмъ постнымъ съ чистотою о) исправлено по списку № 39; въ текстѣ стоитъ: кое вы есть тѣжко выше къ цркви тш . тако на все дѣло шѣи

сваюдѣтсѧ ꙗ́мъ ⁵⁶. Стоиши ⁵⁷ же, братіе ⁵⁸, въ цѣркви да не
вѣсѣдоуште ничто же ни с кимъ ⁵⁹; да не погоубиамъ ^{п)} мѣзды
своея; нже во аще ⁶⁰ вѣстраха вѣсѣдоуєтъ въ цѣркви ^{р)} дроутъ
въ друзѣ ⁶¹), то радость ⁶² непріазни творить ^{63 с)}. Ѽ сего во
разоумѣште: егда становутъ предъ земнымъ цѣркомъ, то ⁶⁴ ни-
кто же смѣетъ ^{т)} реши прѣстаго ⁶⁵ слова ^{у)}, ни ⁶⁶ ѡчима шмамо
зрѣти и осазати ⁶⁷; да аще тѣхъ чтемъ ⁶⁸ и вѣнмѧ пухъ, та-
цѣхъ же сущѣ члѣвкъ ^{ф)}, не паче ли подобаетъ сугубъ съ стра-
хомъ и трепетомъ ꙗ́ почитити ^{х)} и волю его творити ⁶⁹? Тои
владѣетъ дѣшею и тѣломъ нашимъ ⁷⁰, мѣгъ ^{71 ч)} оумертвити
и оживити, и ⁷² оубожити ⁷³, наки обѣтити, шкоже глѣтъ Соло-
монъ: Ѽ лица вѣна мнози цѣри цѣртвуютъ и спании дер-
жатъ земаю ⁷⁴, и азъ вѣнчаю славащихъ ма ⁷⁵ и по-
четъшихъ мене. Того оубѣнмѧ, Того съ ⁷⁶ страхомъ про-
славимъ и трепетомъ. Поразоумѣнемъ ⁷⁷ слоужбоу цѣрквеную:
что сего єсть прѣстрашиѣ, егда видиши ⁷⁸ сѣа бѣжѣа ⁷⁹ зака-
лаема и тѣло свое хлѣвомъ ⁸⁰ прѣтварающа и кровь свою пзи-
вающа въ ⁸¹ ѡставленіе ^{ч)} грѣховъ? Тѣмъ же съ страхомъ
прѣстоупимъ къ стѣламъ тамамъ и прѣнмемъ и ⁸² чѣнами
оусты ⁸³ и срѣцамъ свѣтлымъ, всакоу враждоу поправши ⁸⁴,
да дондемъ ⁸⁵ свѣтлаго ⁸⁶ вѣкрѣна хѣа ^{ш)} и тоа радости насла-
димсѧ. Она же стѣа дѣи постыкыа ѡсѣлѣ чнѣто схранимъ.

⁵⁶ ВМ. кыше.... кѣмъ стоить: кѣи молитѣ ⁵⁷ ѣ старше ⁵⁸ нѣтъ братіе ⁵⁹ нѣтъ
ни с кимъ ⁶⁰ нѣтъ аще ⁶¹ съ другомъ ⁶² нѣтъ радость ⁶³ створить ⁶⁴ нѣтъ то
⁶⁵ прѣзна ⁶⁶ ѣли ⁶⁷ ВМ. и осазати стоить: но стоить ѣкы свѣзани ⁶⁸ чѣмъ.
⁶⁹ Далѣе въ текстѣ стоить обрывокъ неоконченной фразы: понеже в часъ
пѣны, который мы выпускаемъ. ⁷⁰ нѣтъ нашимъ ⁷¹ исправл. по З. Ц.; въ
текстѣ стоить: мѣги ⁷² нѣтъ и ⁷³ ѡубожити ⁷⁴ пишють правду ѣ мною дер-
жатъ земаю ⁷⁵ та ⁷⁶ нѣтъ съ ⁷⁷ кончаемъ ⁷⁸ видѣши ⁷⁹ прибавл. тебе ради
⁸⁰ съ хлѣвомъ ⁸¹ на ⁸² нѣтъ и ⁸³ чѣнами оустами ⁸⁴ поправше ⁸⁵ дондемъ
⁸⁶ ВМ. свѣтлаго стоить чѣи

п) погоубите р) стоить въ цѣрквѣи ѣ вѣсѣдуєтъ с) то кѣа глѣвитъ . а дѣволу
радость творити т) никтоже не смѣетъ у) прѣзнасловѣа ф) чѣка смѣртна суща
х) прибавл. дѣврымъ дѣамъ ц) мѣги ч) на ѡставленіе ш) да дондемъ свѣтло на
вѣкрѣсеніе хѣа

Не воудн же ⁸⁷ вамъ тѣжко послужившамъ ⁸⁸ Гбѹ; поноу-
жаемъ во васъ ⁸⁹ на добръ^и) подвигъ, да на всѣршїе оуслы-
шамъ стѣи онъ гла Гѧ Га нашего, зовоуца праведныа ⁹⁰ и
глаголюца: придите ⁹¹, бл҃гословенїи шїа моего, примите
оуготованое вамъ цр҃тво. О Хѣ Исѣ Гдѣ нашемъ, ему же
слава вѣвн, ѧминъ ⁹² :

В нѣ . д . и ѡ . поученїе ст҃го шїа Іѡѧна заѧсетаго,
ш стѣамъ пощенкѣи и мѧтвѣ ^{1 а)}.

Придите ^{2 б)} икънѣ, цр҃квїнаа чада, да об҃ычное ³ поученїе
створю ^{в)} ѡ ащѣи и о молитвѣи и ѡ мѧтвѣи ⁴ к вашемуу со-
бранью; се во ^{5 г)} оуже вошаа часть поста премноула естъ, и
каждо васъ вѣсть ^{6 д)} свои тродъ, наже са подвизали есте ^{7 е)}
въ дїи и в пощи ⁸ ст҃го поста и чаєте ⁹ приати ¹⁰ мѧздоу ^{ж)} ш
животворныа десница х҃вы ^{з)}. Без подвига во ¹¹ никто же вѣн-
чается; да аще в мѧности превыте ^{12 и)} домынѣ, то на прочаа
дїи подвизаемса постомъ и мѧтвою ¹⁾, творяще мѧтню ¹³, да
постигнете ¹⁴ некои ¹⁵ тродившусса ^{к)} постомъ; велико во
есть ¹⁶ к Гбѹ присвоенке мѧтва ¹⁷, тою во исправаеьса вежа
добродѣтель ^{18 л)}, аще ¹⁹ ш тенна ср҃ца воудеть, шко бл҃гооуханїе

⁸⁷ прибавл. се ⁸⁸ послужити ⁸⁹ поужаѡ во васъ люковїю ⁹⁰ прикикнїи ⁹¹ при-
дѣте ⁹² вм. о х҃к. . . ѧминъ стоить: того ко ѣсть власть и цр҃тво з безнача-
лнымъ шїамъ и с прѣамъ дх҃амъ и икънѣи при в кѣк.

¹ Въ Злат. Цѣши загл.: Поученїе къ нѣ . д . ю поста ш каѣви шїе ² придѣте
³ об҃ычное ⁴ мѧтви ⁵ и се ⁶ свѣсть ⁷ подвизаьса ѣсть ⁸ в пощи и во дїи ⁹ вм. и
чаєте стоить чаи ¹⁰ шѣть приати ¹¹ шѣть во ¹² вьете ¹³ вм. творяще мѧтню
стоить и мѧтню ¹⁴ постигнемъ ¹⁵ ишера ¹⁶ шѣть есть ¹⁷ прибавл. мѧтва ¹⁸ то
ко исправаеьтъ вежау добродѣтель ¹⁹ аще во

и) доврши

а) Въ Сборн. № 39 загл.: В нѣ . д . ю поученїе шѧ заау. б) какъ въ З. Ц.
и) творю г) се оубо д) свѣсть е) подвизаьса ѣсть ж) мѧздоу з) гїа и) врекми
и) молитвами к) врекнїи тродившусса л) добродѣтель

къ Гбѹ въсходитъ; рече во Дѣдѣ: да сѧ исправитъ мѣтва
 моя, яко и кадило прѣ тобою. Аще бо²⁰ не створиши крилоу
 молитвѣ²¹), не възлетитъ в Гбѹ; крилѣ же еста ачкѣва и ли-
 лостыши. Ачкѣвы же добрыя оуставъ не ѿложеніе враньному
 токмо²¹, но ѿверженіе злыхъ дѣлъ и разрѣшеніе^н) вса-
 кого съоуза неправеднаго^{22 о}). Состави важнемоу скорь и ѿ-
 дан²³ же ёмоу долгъ; не на соуды и на которы ачете; маса
 ли не ѡси²⁴, но брата своего клеветами²⁵ ѡси²⁶; шты ли
 осталъсѧ еси, но ѿ свара не оудержишисѧ^{27 н}); вечера ли остал-
 сѧ еси, но и до позднаго^п) сѣдиши²⁸ въ бесѣдѣ^о), вѣхъ ѡсоу-
 жая²⁹. Не сицеваго³⁰ поста изъбрахъ азъ, гѣтъ Гк. Какъ
 бо есть полза тѣломъ акаати, а дшю безъчисленныя злобы
 исполнитисѧ^{31 т})? но притеци свѣта къ дароу ачкѣвному³² и
 боуди совѣ³³ токмо соудья и обличитель; понци крѣпльшаго
 оустава³⁴ о мѣтѣ и³⁵ о ачкѣ, и боуди ёмоу дѣломъ сверши-
 тель. Добра бо³⁶ свѣтъница^{37 у}) члѣбоу ачкѣва; аще бы акала
 ѿ древа Сѣга^{38 ф}), не выхомъ акалаи^{39 х}) сѣи нѣнѣ ачкѣвы.
 Не бо тревоуютъ здравіи врача, но болаци⁴⁰; елма бо не ака-
 холму, из рай исподохолму⁴¹; ачкѣ нѣнѣ⁴², да в немоу паки
 възвратимсѧ. Ачкѣва законоу свершитель, ачкѣва прѣкы силны
 створаеть, и дшн хранящице^н) блго⁴³, тѣлоу сдержательница⁴⁴
 крѣпка, на враги оружье неовѣдно, страсотерпецѣму дѣроу-
 ченіе^{45 ч}); си искоуѣсы ѿгонитъ вѣсовьскыя; си помагаетъ на
 благочестье; си цѣломоудрїю соужитница^{46 ш}), перѣлму сверши-

²⁰ но аще ²¹ далѣе стоитъ еще: истинная ачкѣва, что представляется лиш-
 нимъ въ текстѣ ²² всякому соуду неправедному ²³ дай ²⁴ оубо масъ ли не ѡси
²⁵ клеветой ²⁶ ѡси ²⁷ възвержешисѧ (= въздержешисѧ?) ²⁸ сидѣши ²⁹ предаюшай
³⁰ сего ³¹ дшю... и поминти ³² ачкѣвному ³³ сѣвѣ ³⁴ крѣпльшаго дѣйскаго оустава
³⁵ нѣтъ о мѣтѣ и ³⁶ нѣтъ во ³⁷ свѣтъница есть ³⁸ ѣвга ³⁹ не выхомъ тревовали
⁴⁰ болаци ⁴¹ понеже не акахолму ѿтпадохомъ рай ⁴² нѣнѣ же ачкѣ ⁴³ храните-
 лница блга ⁴⁴ зддержательница ⁴⁵ стрѣлка дѣлчаннѣ ⁴⁶ служительница

м) молитвы н) разрѣшеніе о) какъ въ З. Ц. п) прибавл.: и злобы и гнѣва
 р) до позда с) въ бесѣдахъ т) бесчисленныя злобы творити. Далѣе прибавлено:
 но ади ѿ всякон неправды у) свѣтъница ф) дѣлаи и ѣвга х) не выхѣ во сѣи ныне
 требовааѣ ачкѣвѣ ц) хранитель ч) крѣпость ш) какъ въ З. Ц.

ТЕЛѢ⁴⁷; НѢСТЬ ВО МОЦНО НА СТОУЮ СЛОУЖБОУ БЕС ТОЮ ДЕРЗНОУТИ; АЛЧЬБА МОЛНТВОУ НА НЕБО ВЪЗНОСИТЬ^{III)}, АКИ БРИЛѢ ЕИ БЫВАЮЩИ К ГОРНЕМОУ ШЕСТЕЮ; АЛЧЬБА И СЛОУГИ⁴⁸ В САНЪ ВЪВОДИТЬ, И РАВЫ^{IV)} В ЧЕСТЬ ПОЛАГАЕТЬ⁴⁹; АЛЧЬБА ЗДРАВЬЮ ЛѢТИ, А ОУНОСТИ КОЖЬ, СТАРЦЕМЪ КРАСОТА, БѢГОСНОУТНИЦА ПОУТНИКОМУ⁵⁰, И ВКОУПѢ ЖИВОУЩИМУ ВЕЗЪБЛАЗНИЧЬИ СОУЖИТЕЛЪ; МОУЖЬ ЖЕ, ВЪ АЛЧЬБѢ ВИДА ЖЕНОУ СВОЮ⁵¹ ПРЕВЫВАЮЩО, ДОБРѢ ХРАНИТСА^{52 IV)}, И ЖЕНА, ВИДАЩИ МОУЖА СВОЕГО⁵³ ПРИЕМАЮЩА АЛЧЬБОУ, РЕВНОСТЬЮ ОУПОДОВИТСА ЕМУ. КТО СВОИ ДОМУ ОХОУДИ ПРЕВЪВАИ ВЪ АЛЧЬБѢ? АЛЧЬБОУ ОУПРАЗНИШАСА ПОВАРОВИ НОЖИ, ИБО ТРАПЕЗЫ ДОВОЛНЫ БЫВАЮТЬ ГОВЪЗНОЮ^{54 V)}; НЕ РАБОТАЮТЪ ДѢТИ АЛЧЕВНИКА, ОСИРѢВШЕ⁵⁵ ЗАИМА РАДИ БѢЧА; МИЛОСТЫШАМИ^{56 VI)} И КЪРОЮ ОЧИЩАЮТСА^{57 VII)} ГРѢСИ; АЛЧЬБОУ ЖЕ И МЛѢТЕЮ СІСЕТСА^{58 VIII)} (Ѹ) ВСАКОГО ЗАА. СЛНКО ВО АЛЧЬБОУ ОУПЛАМАШИ ПЛОТИ^{58 A)}, ТОЛНКО⁵⁹ ЖЕ ТВОРИШИ СЛАНОУ ДШОУ КЪ БОУ. ТѢМ ЖЕ, ВРАТЬЕ, ПОСЛОУШАИТЕ⁶⁰ ГЛѢМУХЪ⁶¹ И ПОТЪСНѢТСА^{62 O)} СВЕРШИТИ ПОСТНОЕ ТЕЧЕНІЕ, ДА⁶³ И СДѢ СЪ ЧИСТОЮ СВѢСТЬЮ^{V)} НАСЛАДИМУСА БЖТВНУХЪ ТАИИЪ^{A)}, А⁶⁴ ВЪ БОУДУЩЕМУ ВѢЦѢ ВѢЧНУХЪ БЛГЪ ОУЛОУЧИМУ^{65 G)}, О ХЪ ІСЪ ГДЪ НАШЕМЪ, ЕМУЖЕ СЛАВА СЪ ОЦѢМЪ :

47 НѢРѢМЪ СВЕРШЕНКѢ 48 СЛУГИ 49 ПРЕДЛАГАЮТЪ 50 БЛГА ПУТНИКОМУ СПУТНИЦА
51 НѢТЬ СВОЮ 52 ХРАНИТЬ Ю 53 НѢТЬ СВОЕГО 54 ВМ. АЛЧЬБОУ. . . ГОВЪЗНОЮ СТОИТЬ;
АЛЧЬБОУ ВСЕ ЗАА ОУПРАЗНИТЪ. А КАТЪ ОУМНОЖИТЪ. ПРЕСТА ПОВАРОМЪ НОЖИ. ИБО ТРАПЕЗА
ПОДОБНА БЫВАЕТЪ ГОТОВИЗНОЮ 55 УСИ(РО)ТЪКШЕ 56 МЛѢТНИЦЮ 57 УЩИЩАЮТЪ 58 ПЛОТЬ
59 ТОЛНКУ 60 ВНИМАЙТЕ 61 ГЛѢМУХЪ 62 ПО ПОТЪСНѢТЪ 63 ПО ДА 64 И 65 ВОЛУЧИМУ

III) ВЪВОДИТЬ IV) НѢТЬ РАВЫ V) СЪХРАНИТЬ VI) ПОВАРОВЕ И ПОЖЕВЕ И ТРАПЕЗА
МИЛОСА VII) КАКЪ ВЪ З. Ц. VIII) УЩИЩАЮТСА IX) СІСАЮТСА X) ТОИЩАШИ ПЛОТЬ O) ПО-
ТОСНИТСА V) СЪ ЧИСТОЮ А) ПЕЧАИИ B) ПЛѢМУХЪ БЛГЪ СПОДОБИМА.

В недѣлю ѿ великаго поста, поученіе ст҃аго
 ѡца нашего Пѡла златоустаго, сказаніе ѡ
 еуѡльскѣ словесѣ *^а).

Понеже оубо по малѣ¹ постѣ снѣ^{2 6)} скончатиса³ хо-
 щеть ѿ⁴ по малѣ дѣни гѣи стѣти приходати⁵, того ради
 еже^{в)} ѡ стѣтехъ чететьсѧ^{г)}, да сѧ к нимъ приготовимъ^{д)}; яко
 да възможемъ каждо насъ гѣти съ вѣтвеннымъ⁶ Дѣдомъ^{7 о)}:
 оуготовихсѧ ѿ не смоутихсѧ^{8 ж)}. Понеже и⁹ по страстехъ¹⁰
 распатѣ¹¹ ѿ погребенкѣ¹² ѿ по погребенкѣ¹³ воскреснѣ, а по
 воскреснѣ стѣхъ^{14 в)} тайнѣ причастіе¹⁵, то должни¹⁶ есмь^{и)}
 готовитисѧ¹. Но прикоснемъсѧ еуѡльскыхъ словесъ. Во ѿно
 время¹⁷ поятъ Исѣ ѡба на .г. оучѣнка свои^{к)} ѿ начатъ ѿмъ
 гѣти хотѣша¹⁸ быти: яко се възсходимъ въ Ерѣмъ, рече,
 ѿ прочаи. Что ради преже повѣдаеть имъ¹⁹ хотѣша ѣму
 быти? да быша преже слышавше^{л)}, послѣди не съблазнилисѧ^{20 м)}
 ѡ гѣи стѣти^{н)}, яко²¹ да оувѣдять²². Кромѣ же ѡведѣ
 оучѣнки^{23 о)}, ѡбаче аще ѿ²⁴ скорѣнаи всѧ повѣдаеть имъ, по
 ѡни²⁵ имѧху г . и дѣи воскреснѣ²⁶ его; ѿ идоста^{27 п)} к нему²⁸
 Иаковъ и Пѡла, сѣи зеведѣва^{р)}, гѣще: оучителю, хощева, да

* Въ Злат. Цѣпи загл.: Слѡ ѡѡа златоустаго в ѿне . ѿ . поста . гѣи каѣви.

¹ прибавл. дѣи ² сн ³ кончатѣи ⁴ нѣтъ и ⁵ приходати ⁶ въ текстѣ вѣтвен-
 нымъ; поправл. по З. Ц. ⁷ двѣдомъ ⁸ сматухсѧ ⁹ оубо ¹⁰ стѣти ¹¹ ѿ по рас-
 патѣи ¹² нѣтъ ѿ погребенкѣ ¹³ прибавл. и ¹⁴ вѣтвенныхъ ¹⁵ причастіе ¹⁶ должни
¹⁷ во ѡно ¹⁸ хотѣша ѣму ¹⁹ нѣтъ имъ ²⁰ послѣ же зблазнилисѧ ²¹ нѣтъ яко
²² прибавл. яко волеѡ стражеть ²³ оучѣнкы. Далѣе вставлено: гѣтъ тайнаѡ во вѣи
 стѣти ѿ подоваше своимъ оучѣкомъ ѡкрыти ѿ того рѡ караѣтъ на пѣтъ ѡхода. ѡлучи
 ѡ ѿного рѡ оучѣнкы ²⁴ нѣтъ аще и ²⁵ прибавл. сн оутѣху ²⁶ въ третнѣ дѣи възскрѣнѣ
²⁷ предѣстаста ²⁸ ѣму

а) Въ Сборн. № 39 загл.: В ѿне . ѿ . ю по . слѡ ѡѡаина златоустѣ б) сн в) ѿже
 г) прибавл. слово д) прибавл. добрымѣ дѣлѡ е) съ двѣдомъ прѣкомъ ж) какъ въ
 З. Ц. з) какъ въ З. Ц. и) есмѣ і) приготовимсѧ к) своимъ л) видѣвши м) блазнилисѧ
 н) смертн. о) То же, что и въ З. Ц.; только послѣднѣя слова вставки нѣскольکو
 иначе: . . . караѣтъ на поѣтъ хотѡ ѡлучити. . . . и т. д. п) прѣдоста р) зеведѣѡва

егоже просиѣ^{29 с)}, створиши^{т)} нама. **Ѡнъ** же рѣ: что хоцета, да створю вама? **Ѡна** же³⁰ гласта³¹ **Ѡму**: хоцета^{32 у)}, да единыѣ ѡдесную тебе, а другиѣ³³ ѡшюю тебе сѣдева^{34 ф)} въ слаѣ твоѣи. **Пѡанъ** же ѡу^{а)}алиста г^лтъ, яко м^ти ею пристоупи къ **Псѣ**; достоѣше бо а^лма³⁵ предъстави м^тръ^{х)}, потомъ же и самѣма³⁶ прити в таниѣ^{37 и)}. Что же ваше, егоже просиета? м^наста бо, яко ц^ртва ради градетъ³⁸ въ **Бр^лмъ** и по ц^ртви³⁹ пакы и постражетъ; яко же рѣ: пострадати ми. **Сухъ**⁴⁰ во мыслаше, просиета^{ч)} ѡдесную и ѡшюю⁴¹ сѣданиа⁴². **Тѣмъ Г^к** запрѣти и^лмъ^{и)}, яко не разумно⁴³, что просиета^{44 и)}: вы бо м^нста земное ц^ртво быти; не вѣдѣста⁴⁵ бо, яко та всѣ паче оума с^утъ; а еже сѣсти ѡдесную мене, и⁴⁶ анг^лыхъ преходитъ ч^иновъ; вы бо⁴⁷ на славу тригаса⁴⁸, азъ же зовоу⁴⁹ на см^рть. Чашю бо и б^рцине распати нарицаетъ⁵⁰, чашю оубо яко на сонъ авѣ в^дацо⁵¹, б^рцине же яко ѡц^рцине твораши^{52 б)} д^шмъ нашимъ. **Ѡна** же, не разумѣша⁵³ что г^лтъ, ѡб^рц^растаса⁵⁴ чашю и^сити и б^рцине^лмъ б^ртитаса, м^наца^{и)} г^лти **Г^б** ѡ ч^оветви^н чани и б^рцини. **Псѣ** же рѣ и^лма: чашю, юже азъ п^ию, и^сиета^{б)} и б^рцине^лмъ б^ртитаса, а еже сѣсти ѡдесную и ѡшюю мене, и^лсть моѣ данѣ, но и^лмъже о^уготоваса. Се двоѣ и^лчто и^скомо е^лтъ^{б)}: едно — о^уготовано, кому же сѣсти; другоѣ же — аще всѣ в^лка не можетъ⁵⁵ сѣданиа^{56 в)} дати. Никто же бо ѡдесную его⁵⁷ сѣдетъ и^ли^{и)} ѡшюю, но аще и⁵⁸ многожды в писании сѣданиа слышши,

29 просиетъ 30 и^лтъ: Ѡнъ же... Ѡна же 31 гласта 32 хоцетъ 33 другиѣ 34 сѣдева 35 прибавл. ст^вд^лр^емаса 36 самѣма 37 в^таи 38 прибавл. х^ъ 39 по ц^рк^вств^к 40 си 41 ѡшююю 42 сѣдениа 43 не разумѣста 44 просиета; далѣ прибавл.: не в^кста рѣ что просиета 45 не в^кста же 46 и^лтъ и 47 оубо 48 триг^те 49 зовоу 50 нарицаетъ 51 яко с^лнце ѡ него приѣста 52 твораши 53 не разумѣша 54 ѡб^рц^раста же 55 не можетъ ли 56 сѣдениа 57 и^лтъ его 58 и^лтъ и

с) хоцетъ... просиетъ т) прибавл. частица ли у) хоцетъ ф) ѡ л^квою сѣд^т х) ѡнеск^толома ст^вд^лр^емаса. приѣста в^дк^ти м^тръц^к и) какъ въ З. Ц. ч) мыслена просиета и) и^лма и) чего просиета. Далѣ прибавл.: не в^кста бо рече что просиета и) ц^рцине твораши б) м^наста л) прибавл. частица ли в) искомоѣ е^лтъ д) си ю) и

то не сѣдалище разумѣн, но честь превольшю^{59 а)}; а ѣже⁶⁰ нѣсть моѣ даннѣ— тако разумѣн: ѿгѣ моѣ, но⁶¹ праведнаго суднѣ, дати вама^{62 о)} но вагѣти честь^{в)}; подвизавъшнмса^{а)} ѡнѣламъ⁶³ оуготована чѣтъ та⁶⁴; тако же во ѿрь нѣкто право суднѣ прибрани преступавшнмъ^{б)} к нему⁶⁵ другому ѣго ѿ рекшнмъ: даннѣ же намъ вѣнца, то⁶⁶ рѣтъ^{в)}: подвизавѣ; ѿже во ѡдолѣеть⁶⁷, тому оуготоваѣтъса вѣнецъ; тако⁶⁸ же ѿ кы, зеведѣва^{69 г)} сѣла, мученнѣ приимста⁷⁰ за ма; аще ли кто ѡбращаетса по ваю с мученнѣмъ ѿну добродѣтель⁷¹ ѿмѣна^{д)}, ѿ тѣ^{е)} паче ваю будетъ. Слышавъше же г. начаша негодovati на^{ж)} Иакова ѿ на Ивана^{72 з)}; Нѣтъ же призавъ пухъ ѿ⁷³ гла ѿмъ: вѣсте ли, тако же мнатьса ѡвласти^{и)} языкомъ⁷⁴, ѡвладаютъ ѿмн; не такоже оу ва, но ѿже хощеть быти старѣн^{75 и)}, ѿ буди⁷⁶ вѣламъ равъ; шво сѣтъ члѣкъ не приде, да ѣму послужать, но да послужитъ ѿ дастъ дѣлю свою ѿзбавленнѣ за многна^{77 к)}. Оученици, ѿже^{78 л)} не приимше стго дха, члѣкъски⁷⁹ роптивн бяху^{80 м)} на ѡвою брату; но послѣдъ разоумѣна вси, тако болн⁸¹ ѣсть служан; ѣгда во кто оумреть, за него же служить, то снѣ волѣ^{82 н)} вѣхъ ѣтъ, но ѡваче служба^{о)} та⁸³ ѿ^{п)} смиреннѣ⁸⁴, высота ѿ слава вѣкъ тому ѿ вѣламъ; преже во вѣчлѣчныа англомъ вѣ точью знаемъ, а понеже члѣкъ быти⁸⁵ ѿзволн ѿ распатѣе, не точью^{п)} ту славу ѿмѣеть, но ѿ другую приатъ ѿ всеи вселенѣи цртвуетъ. Смирнмса^{86 о)} оубо и мкы

59 болшюю 60 ѿже 61 но прибавл. изъ З. Ц. 62 вамъ 63 ѡ немъ 64 нѣтъ: оуготована чѣтъ та. См. варьянтъ 61 (изъ З. Ц.) и v (изъ № 39) 65 нѣтъ к нему 66 вѣнца. ѿ тѣ 67 оудолѣеть 68 тако 69 зеведѣва 70 приимста 71 ѿны добродѣтели 72 вм. слышавъше. . . на ивана стоитъ: ѿ оуслушавше иакова ѿва ѿ неготовати (sic) начаша 73 нѣтъ и 74 власти языкомъ 75 старѣн 76 да будѣ 77 многы 78 прибавл. ѣще же 79 члѣкъ 80 прибавл. ѿ неговдоху 81 болн 82 болнѣ 83 нѣтъ та 84 смѣреннѣ и 85 вѣкъ; нѣтъ слѣдующаго ѿзволн 86 смирнмса

я) превольшюю о) вамъ. в) Далѣе въ текстѣ стоитъ но, которое опущено нами согласно списку № 39 а) подвизавъшнмса б) преступавшнмъ в) ѿн же рече г) зеведѣва д) ѿ ѿны добродѣтели ѿмѣна е) ѿ тон ж) нѣтъ на з) иѡанна и) власти; слѣдующаго и нѣтъ і) великъ к) за ѿзбавленнѣ многнхъ л) же м) роптаху ѿ неговдоху н) болн о) служба п) тайнъ р) а понеже члѣкъ бысть ѿ распатса не точью и т. д. с) какъ въ З. Ц.

и ^{87 т)} прослави́мъсѧ. ꙗ́коже во не смири́тъ кто, не можетъ
 кътому ^{88 у)} прослави́тисѧ. Понеже сѧ вѣ́на слава смѣ́ренна
 ради бѣ́, ты́ми како може́мъ ѿ́гымъ путе́мъ вѣсо́ци быти ^{89?}
 не вѣсо́ко о́убо мы́слимъ ^{ф)}, вѣзлюбленіи́, ни суди́мъ су-
 ды́мъ ^{х)}, ни законоположи́ци бу́демъ ⁹⁰ законоположи́комъ;
 но по́караѣ́тесѧ старѣ́ишимъ ва́шимъ и́ повину́ѣ-
 тесѧ, ꙗко же рѣ́ вѣ́енки ⁹¹ а́пль ^{и)}, да ѡ́бѣщаныхъ бѣ́гъ ⁹²
 о́лучимъ ^{л)}, ѡ́ Хѣ́ Псѣ́ Гдѣ́ нашѣ́, ему́же сла́ вѣ́ вѣ́комъ,
 а́ми́:

⁸⁷ да ⁸⁸ нѣтъ кътому ⁸⁹ исправлено по З. Ц.; въ текстѣ стоить: ради како
 кѣхомъ могои быти ѿгымъ вѣсоцк бѣша ⁹⁰ нѣтъ законоположици бу́демъ ⁹¹ вѣт-
 венкѣи ⁹² измѣнено по З. Ц.; въ текстѣ бѣго.

т) какъ въ З. Ц. у) какъ въ З. Ц. ф) смиреніа ради вѣс. мы же како можемъ
 ѿгымъ путе́мъ вѣсоцк быти. по вѣсоко о́убо мы́слимъ х) и́ не ѡ́сужа́емъ ꙗ́кого же
 ц) нѣтъ: ꙗкоже . . . а́пль ч) да ѡ́бѣщанъ бѣ́гъ сподовимсѧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣсколько замѣчаній о фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностяхъ словъ на воскресные дни великаго поста.

Что касается, прежде всего, глухихъ звуковъ, то они въ нашемъ памятникѣ ¹⁾ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовало произношеніе, замѣняются чистыми гласными: *ѡ* — *о*, *ѣ* — *е*, такъ: **плоть**, **грѣхоловецъ**, **слезами**; противоположны этому тѣ случаи, когда глухіе замѣняются чистыми гласными безъ нужды въ этомъ со стороны произношенія: **благодателевъ**, **вогѣ** (т. е. **вѣгѣ**); вообще же тамъ, гдѣ произношеніе не требуетъ постановки чистыхъ гласныхъ, глухіе обыкновенно опускаются: **сверхъ**, **никто**, **створи**, **вси**, **ничто**, хотя и это не вездѣ выполняется;

¹⁾ При обзорѣ особенностей фонетическихъ и морфологическихъ мы исключаемъ первыя 17 строкъ перваго поученія, т. к. это мѣсто взято изъ другой рукописи, хотя и относящейся къ тому же времени; замѣтимъ, впрочемъ, что въ этомъ небольшомъ кускѣ нѣтъ ничего такого, что бы бросалось въ глаза сравнительно съ общимъ характеромъ всей остальной части нашего памятника.

такъ, встрѣчаемъ: **вѣстанеть**, **постыными** (также **постыноу**), **мгновеньи**; впрочемъ, м. б., въ послѣднемъ словѣ произношеніе требовало постановки мягкаго звука (ср. соответствующій этому слову вариантъ: **мгновеньи**). Иногда выпаденіе глухихъ оставляетъ послѣ себя слѣдъ въ видѣ надстрочнаго знака [’]: **подызавши́мса**, **въ пей лъы**. Встрѣчается смѣшеніе обонхъ глухихъ звуковъ между собою: **мъздоу** (но и **лъздоу**), **лъвы**, **овъвеселатса**.

Нерѣдка замѣна *и* посредствомъ *ѣ*: **очью** (род. п. дв. ч.) и особенно въ существительныхъ средняго рода на *иѣ*: **смѣреномоудрѣ**, **дерзновенья**, **вѣздыханьи** и проч., хотя рядомъ съ этими формами не менѣе часто встрѣчаются и **сѣданна**, **величаніѣ**, **осѣженіѣ** и т. п.

И иногда стоитъ вмѣсто *е*: **евангилісты**; *ь* — вм. *е*: **кѣтъшиѣ**, и на-оборотъ: **телеснѣю**.

Е въ началѣ слова является и въ іотованномъ, и въ неіотованномъ видѣ; такъ, род. п. ед. ч. муж. р. мѣстоим. *и* пишется и **его**, и **юго**; 2 л. наст. вр. веном. глаг. **еси** и **кени**, также **вставленіѣ**; впрочемъ, послѣднее (съ іотацией) написаніе очень рѣдко.

Встрѣчается довольно много примѣровъ написанія неіотованнаго *а* послѣ гласныхъ, — преимущественно въ род. п. ед. ч.: **пекытанія**, **причащенія**, **вѣзданія**, **еѣліа**, **согрѣшенія**, **злѣпомненія**, **вѣжіа**; слово **покаяніѣ** почти всегда пишется безъ іотации при второмъ *а*; также встрѣчаемъ: **диаволимуѣ** (тутъ это нѣсколько естественнѣе — какъ въ словѣ иностранномъ; встрѣчается и **диаволаѣ**).

Переходя къ согласнымъ, мы прежде всего видимъ, что гортанные волюшъ свободно и почти исключительно соединяются съ мягкими гласными (**слоури** — род. ед., **рѣки**, **воги**, **враги** — вып. мн.); менѣе свободна постановка гортанныхъ передъ мягкими гласными въ формахъ, гдѣ гортанные должны переходить въ свистящіе: однако при формахъ **друзи**, **оубози** встрѣчается **пастоухи** (им. п. мн. ч.).

Шипящія и *ш* обыкновенно имѣютъ послѣ себя *ш*: нашъ, вашъ, оцѣ, вѣнецъ и ю: межю, ненавижю, вашию, чашию, притчию, алчущимъ (только разъ алчущаго), лицу (но и лицу), оцю, но *а*: жаденъ, чающе, вѣщають, вѣща, овца и *ш*: лшнитса, алкавшимъ. Интересенъ примѣръ: помъшкляма.

Несмягченное *л* встрѣчается довольно часто: бома, снаноу, полза, доволны, ема, боша, боши, боша, прелцантеса.

З подъ вліяніемъ слѣдующаго незвучнаго согласнаго переходитъ въ *с*: бесконечноу, бес тоа, неходать, вѣсти, чересъ; есть примѣры совершеннаго выпаденія конечнаго *з* въ предлогѣ (или приставкѣ) *безъ* и прит. *раз* передъ словами, начинающимися съ *с* или *з*: вестраха, вестраши, безловныхъ, рассмотривше. По той же причинѣ вліянія незвучнаго согласнаго *ж* переходитъ въ *ш*: ташько (но и: рожьокъ). Не такъ легко незвучные согласные переходятъ въ подобныхъ же случаяхъ въ звучные; поэтому мы имѣемъ: *с* голода, сдѣ.

Вмѣсто *си* имѣемъ *ш*: цитающе.

Что касается до губныхъ, то встрѣчаются примѣры удержанія въ окончаніи спрягаемаго причастія *л* послѣ *б*: изгнелъ. Выпаденіе *в* послѣ *б*: овѣстнаъ.

Вмѣсто церк.-слав. *жд*, согласно русскому пропзношенію, является *ж*: преже, вожь, осбженіе, гражанишъ, надежа, троужающе, наслажающаса, поноужаемъ, жажущимъ. Но насколько ярко эта черта русскаго пропзношенія выступаетъ здѣсь наружу, настолько же, на-оборотъ, прячется подъ вліяніемъ образцовъ старо-славянскихъ другая не менѣе несомнѣнная русская особенность — полногласіе; поэтому, мы имѣемъ множество такихъ формъ, какъ: гладомъ, златъ, заклати, власъ, главоу, древо, время (въ двухъ послѣднихъ словахъ не *ь*, а *е*), и только одинъ разъ: *с* голода.

При обычной и совершенно правильной съ точки зрѣнія русскаго пропзношенія постановкѣ глухихъ (или вмѣсто нихъ чистыхъ гласныхъ) въ сочетаніяхъ съ *р* и *л* въ нашемъ памятникѣ единственный примѣръ церковнии является исключеніемъ.

Такихъ примѣровъ какъ *корьчмы* (ст.-сл. *ry* передано черезъ *ory*) мы отыскали только одинъ.

Обращаясь къ формамъ, отмѣтимъ слѣдующія черты:

Встрѣчается им. п. ед. ч. *соуди*.

Въ род. п. мн. ч. существ. муж. р. рядомъ со старо-славянск. формами (въ родѣ *братъ*) имѣются гораздо чаще: *часовъ*, *рожковъ*, даже *днѣвъ*.

Вшпт. п. существ. муж. р., не говоря уже о единств. ч., и во множеств. принялъ форму родит. падежа: *гонать праведниковъ*, *осужаюу митаревъ*. Мягкое склон. имен. сущ. муж. р. еще удерживаетъ свою индивидуальность такими формами, какъ вшп. п. мн. ч. *вѣнца* (вм. *вѣнца*).

Въ твор. п. ед. ч. существ. муж. и средн. рода твердое окончаніе получило широкое распространеніе: *поканіемъ*, *гладомъ*, *словомъ*, и тѣмъ стерлось различіе этого падежа по формѣ отъ дат. мн. ч., который въ нашемъ памятникѣ еще не успѣлъ подвергнуться вліянію женскаго склоненія.

Въ женск. родѣ мы встрѣчаемъ еще въ им. п. ед. ч. *милостыни*.

Род. п. ед. ч. *земля*, вшп. мн. ч. *дѣла*, *овца* (а вм. *а*) еще удерживаютъ старыя окончанія. Замѣны окончанія *а* (*a*) въ этихъ падежахъ посредствомъ *e*, *ь* или *и* въ нашемъ памятникѣ не встрѣчается.

Въ существ. средняго рода согласныя основы еще сохраняются, но уже колеблются: *словеси*, *дѣлесъ* (но встрѣчается и: *словомъ*, *дѣлъ*); *ока*, *очи*, *очью*.

Что касается мѣстоименнаго склоненія, то оно въ косвенныхъ падежахъ представляетъ въ нашемъ памятникѣ только стяженныя формы (кромѣ одного раза: *вѣчннхъ*), въ имен. п. род. п. ед. ч. окончанія *ий* и *ого* не получили вида *ой* и *ого*.

Изъ мѣстоименій можно указать на форму им. п. ед. ч. муж. р. *кождо* (вм. *кыждо*). Нѣкоторыя уклоненія отъ старо-славянскаго, въ родѣ отверденія окончанія твор. п. ед. ч. муж. и средн. р. или употребленія формы р. п. въ знач. вшпт., мѣсто-

именія раздѣляютъ вмѣстѣ съ существительными. Слѣдуетъ отмѣтить: **совѣ, в совѣ, к совѣ.**

Вмѣсто формы **тъ** (им. п. ед. ч. м. р.) встрѣчается одинъ разъ **то**: **то же ѿбо его** (т. е. Бога), **кто послушаша и притекши к нему**.

Въ числительныхъ интересна форма **двое** (вм. два): **на двое члѣва**.

Двойственное число употребляется въ нашемъ памятникѣ вполне сознательно, но встрѣчаются и отступленія: **сапоги на ноги**.

Въ глагольныхъ формахъ, вспомогательный глаголъ **быти** встрѣчается въ 1 л. мн. ч. наст. вр. въ трехъ видахъ: **есмы, есмь, есма**.

Въ 3 л. ед. и мн. ч. употребляется мягкое окончаніе **тъ**; и обыкновенно выпадаетъ, когда къ глагольной формѣ присоединяется возвратн. мѣст. **са**. Есть примѣръ мягкаго оконч. въ 1 л. мн. ч.: **будемь**.

Нерѣдко прибавленіе **тъ** къ окончанію 3 л. аориста: **поютъ, начатъ, приятъ, распатъса**.

Въ повелительн. накл. встрѣчаемъ и **и** и **ю**: **придѣте, доидѣте, и примите, ѿидите**.

Imperfectum вспом. глаг. **быти** является между прочимъ въ формѣ **вѣаше**.

Perfectum встрѣчается и съ вспомогат. глаголомъ, и безъ него: **есмы съгрѣшиха, далъ еси, подвижали есте, послаахъ есть, съгрѣшихъ есть, пришаи суть**; но и: **съхраняхъ, снѣли, раздробили, разкънесаи** (формы 3-го л.).

Plusquamperf.: **изгнелъ вѣ, вѣхомъ испали, влхоу были**.

Прошедш. условн.: **възвеселяхъсѧ вѣхъ**.

Достигат. накл.: **всташа играть, придохъ вискать, свини пастъ**.

Въ интенсивныхъ глаголахъ обыкновенно остается старославянское **а**: **украюще, покарантеса, помагаетъ, покланяющеса**, хотя (это гораздо рѣже) встрѣчается и: **створаетъ**.

Въ синтаксическомъ отношеніи можно указать на: частое употребленіе склоняемаго причастія въ значеніи *verbum finitum*: **дѣла в телесѣ ѡсверньшии**; **каждо насъ в себѣ ѡба** (т. е. мытаря и фарисея) **нмущє**; **члвкъ нѣкто нмѣа два сѣа**; отдѣленіе частицами **бо** и **же** возвратнаго мѣстоименія отъ глагола (**пишетъ во сѡ, боиши же сѡ, лишающю же сѡ**) или глагола отъ отрицанія **не** (**и во синде**), ср. также: **нѣвкоен странѣ**; управленіе: **что ради**.

Есть примѣръ употребленія формы пм. н. ед. ч. въ значеніи винит. при неопредѣлен. накл.: **десѡтина та ѡдавати**.

Соображая вышесказанное, мы не находимъ рѣшительныхъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить мѣсто написанія нашего памятника. Правда, въ немъ отсутствуетъ отличительная черта сѣверныхъ памятниковъ — смѣшеніе *и* и *и*¹⁾, но такой (отрицательный) способъ доказательства, какъ извѣстно, имѣетъ мало силы, особенно если имѣть въ виду чрезвычайную консервативность нашего памятника въ пріемахъ правописанія²⁾; русскія черты проявляются въ немъ недостаточно смѣло сообразно съ временемъ его написанія; писецъ, очевидно, имѣлъ въ виду старославянскую книжную традицію, которой и слѣдовалъ во многомъ въ своемъ трудѣ; м. б., тутъ оказало свое дѣйствіе начавшееся около конца XIV в. южно-славянское вліяніе, въ смыслѣ обращенія къ старому правописанію.

1) Единичнымъ и потому ничего не доказывающимъ примѣромъ является одинъ разъ смѣшеніе *з* и *же* въ словѣ *злчи*.

2) Все-таки отмѣтимъ здѣсь, въ видѣ предположенія, что отсутствіе смѣшенія въ нашемъ памятникѣ *ь* и *и*, приставка *тъ* въ 3 л. *impregl.* (*жрачѹтъ нмъ*, стр. 22) и нѣкоторыя другія особенности (ср. *И. В. Яича*, Четыре критико-палеографическія статьи, 88 и слл.) могутъ скорѣе говорить за югъ, нежели за сѣверъ; для окончательнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы подробнѣе изучить особенности языка всей рукописи, а на основаніи предлагаемыхъ нами отрывковъ опасно дѣлать какія бы то ни было заключенія въ этомъ отношеніи.

Нижеслѣдующій перечень имѣетъ цѣлю указать на слова или обороты въ нашемъ текстѣ, интересныя въ отношеніи словаря, синтаксиса или слога предлагаемыхъ поученій¹⁾:

агности црковнѣи, 6.	велерѣчье, 2.
не работаютъ дѣти алчевника, 26.	вечера ли остался есп, 25.
алчевка, 25.	взатъ бѣи внуромъ, 13.
англѣхъ преходитъ чпновъ, 28.	вжадахъ, 9.
везерельными въздыханьи, 2.	вкоупѣ жпвоущимъ, 26.
везловнѣхъ, 20.	воевода, 15.
везаѣпа постится, 12.	вожь, 26.
везьблазнынъи соужитель, 26.	вонѣ цркви, 6.
нищанъ и беспокровнѣи введи в домъ свои, 8.	врача, 25.
въ бестрашнѣ бѣжѣи жпвоуща, 20.	всеп вселенѣи, 29.
весеѣдова Монспѣ къ Бѣу, 18.	Ѡ вселенѣскаго потопа, 18.
блазнитса, 2.	възданіа бѣжтвнаго чающе, 11.
блѣтъ и блѣгоподателнѣтъ, 15.	въсовомъислѣемъ, 1.
блѣгоспоутница поутникомъ, 26.	доволнѣ бѣвають гоевъзною, 26.
блѣгоуханіе, 24.	к горнемоу шествію, 26.
блѣоуженья, 17.	дѣмъ горлице, 10.
члѣвомъ нвлѣюще блѣды, 13.	гражаннѣ, 5.
болма печалуетъ, 15.	грѣхоловецъ, 5.
боларинъ, 15.	
Ѡ брашенъ въздержаетса, 12.	далеча страна, 5.
рошковъ вкѣсъ вридокъ, 5.	нѣсть мое данькѣ, 28.
наки хота възвести в первое вѣтъство, 13.	кротѣкии и доброплоднѣи праведникѣ, 9.

¹⁾ Въ большинствѣ случаевъ при данномъ словѣ приводятся и тѣ слова, съ которыми оно находится въ связи въ цѣломъ предложеніи; эти послѣднія слова набраны гражданскимъ шрифтомъ; цифры указываютъ на страницы издавія.

десѣтина всего лѣта снѣ постъ
есть, 18.

евангелисты, 16.

Евга, 25.

елма, 25.

еѡуѣланствъ, 28; еѡуѣальскыхъ,
27.

жадана нашего снѣны, 8.

жаденъ, и не напоите мене, 10.

Ѣ животворныа десница хвѣы,
24.

житискихъ печалии, 17.

да ѡвн снѣы свога жрахоутъ
имъ, 22.

задная забывающе, а на пред-
ная простирающеса, 15.

занима ради бѣча, 26.

ни законоположници будемъ за-
коноположникомъ, 30.

в новѣмъ законѣ (=завѣтъ) гнѣи,
18.

зана гордость добродѣтели, 2.

здравью мѣи, 26.

злосомненїа и Ѣ всего зла оу-
пмающеся, 12.

горьчае золчи, 21.

хлѣби изъываються, 6.

слово роптиво, извращено, 12.

хоудыи есть извѣтъ, 17.

изложнамъ (т. е. *отнимемъ*) соу-
ботоу, 19.

из начала мироу, 14.

ни очма инамо зрѣти и осазати,
23.

снѣ неѡуѣсы Ѣгонитъ бѣсовь-
скыа, 25.

по толцѣхъ казаньихъ, 19.

земла та кипации обнѣемъ
блѣнамъ, 16.

князь, 15.

каждо васъ, 24; в. насъ, 1.
27.

ни козаница даль миѣ, 7.

два коньника, 2.

корьчмы, пыльства, . . . 17.

не на соуды и на которы алчете,
25.

дщери зѣло красныхъ, 16.

не створиши крилоу молитвѣ,
не възлетитъ к Боу; крилѣ же
еста алчѣба и милостыни,
25.

пони крипльшаго оустава о
мѣтвѣ и о алчѣбѣ, 25.

крѣпокъ постникъ, 21.

бездоушигымъ коу мироу тре-
боу полагающа, 22.

лакомство, 19. 20.

ласкосердкства ради, 19—20.

за малоую снѣ лѣность и ла-
скѣрдкыа оутробнаго, 21.

лицовствують, 6.

лиховатнеса, 5.

лихонманья, 17; лихонмци, 5.
 лицемъ къ лицу, 18.
 лишатся, лишена, 5.
 размыслите любимици, 15.
 взрѣстїи людье, 19.
 маломощныхъ братъ мопхъ,
 10.
 еже в малъ часъ насладимъ
 гортань свою, 21.
 мнѣ дѣется, 15.
 первая недѣла минула есть,
 15.
 миродержаніе, 5.
 многожды, 28.
 многотрапезникъ, 21.
 моль и черви гдѣтъ, 13.
 Бѣи наждащемоу ны своею
 бѣгостью, 18.
 напамникъ, 6.
 огонь негаснущи, 9.
 негнелемо есть, 14.
 на свѣтъ немерцающии, 22.
 ненадобни рабп, 4.
 непрестанно, 17.
 нещачаніе, 3.
 новопросвѣщеннымъ, 19.
 ноужю (т. е. принуждаю), 17.
 до нѣнѣ, 18; нѣша, 17.
 боуди собѣ токмо соуды и обан-
 читель, 25.

не оваѣнимся, 17.
 да земныи ѡвожить, 22.
 оцреніе, 3.
 овьядены, 17.
 да овьвеселатся ѡ нпхъ, 7.
 овѣстнаъ, 15.
 одале оца, 17.
 оживити, 23.
 соущимъ олѣвоу, 9.
 онамо ѡбращемъ преоумноже-
 но, 14.
 ороудовати ко црю, 15.
 дѣти осирѣвшє заима ради бча,
 26.
 ѡверженье злыхъ дѣлъ, 25.
 ѡложеніе брашьномъ, 25.
 како ѡпримся, 17.
 оцѣреніе ѡ грѣха. 6.
 отъноудъ, 20.
 печалии охавитися, 17.
 оцъ охани вью его, 6.
 кто свои домъ охоуди пребы-
 вати въ алчбѣ, 26.
 ѡшюю, 28; ѡшюкою, 9.
 пагоуба, 20.
 патриарха, 1; патриархомъ, 18.
 первенець, 19.
 да облекѣтъ кого в первю оде-
 жоу, 6.
 дшамп ихъ печашеса, 15.
 плотногодникъ, 21.
 повыкше на бѣгое, 17.
 языки поганья, 7.

поноужаемъ бо васъ на добръ
 подвигъ, 24.
 подвиги на оца, 7.
 к подручнымъ гражданомъ, 22.
 почто си тако пожнша, 14.
 поклонаніе, 11.
 да не поломъ тѣла Бѣ молите,
 а поломъ тѣломъ гнѣвите его,
 20.
 помненья злоу, 17.
 всакоу враждоу поправши, 23.
 поработившихся бѣсоу, 22.
 послѣди, 27.
 посоухоу, 19.
 достойтъ поспѣвати на блгое, 15.
 постнью доверотъ, 15.
 потъснѣтеса свершити постное
 теченіе 26.
 почто, 7.
 право глѣю вамъ, 9.
 честь превольшу, 29.
 достоинше бо предъставити мѣтръ,
 28.
 болшаа часть поста премноула
 есть, 24.
 преполовльше снѣ дни постныа,
 22.
 препомсавкъшеса крѣпко оудер-
 жаньемъ, 22.
 житъе свое препроводниа, 9.
 тѣло свое хлѣбомъ претваряюца,
 23.
 прикоснемъса еоуальскихъ сло-
 весъ, 27.

велико есть к Бѣу присвоенье
 мѣтва, 24.
 что сего есть пристрашнѣе,
 23.
 поварови ножи, 26.
 прѣкѣтннкъ, 21.
 о всѣхъ равно промъншаше,
 15.
 рещи простаго слова, 23.
 минути просто, 17.
 шеница, 16.
 пыаньства, 17.
 пѣтьдесатникъ, 15.
 раздроблени алчущимъ хлѣбъ
 свои, 8.
 размыслите, братъе, 15.
 рожци, ѿ рожецъ, рожковъ, 5.
 слово роптиво, 12; роптиви баху,
 29.
 самошншамъи всадникъ, 2.
 сапоги на ноги его, 6.
 сладость сахара, 14.
 ноститеса въ сварѣхъ, 12.
 свершитель, 25.
 с чистою свѣстью, 17. 26; व्यо-
 цнса свѣстью злѣхъ дѣлаъ,
 2.
 тѣлоу сдержателница крѣпка,
 25.
 братъ же твои сесъ мѣртвъ бѣ,
 7.
 силниши держать землю, 23.

- сквозѣ Черное море, 19.
 скровница, 14.
 сласти плотскыя оумѣртваша,
 14.
 слуха дѣвнага ѿкрывше, 11.
 сладость сахара и смиданнаго
 брашна, 14.
 сотникъ, 15.
 спрже два коня, 2.
 почто пѣтъ грѣшныхъ спѣется,
 7.
 старѣншинамъ, 30.
 страсготерпецемъ оброченье,
 25.
 ни судимъ судымъ, 30.
 соужитель, 26.
 цѣломоудрїю соужитница, 25.
 два соупостата, 2.
 свѣтъница, 25.
 разрѣшенїе всякого съоуза,
 25.
 не имать же съити грѣхолобець,
 5; съититса ѿ рожець, 5.
 сѣдалище, 28.
 сѣданна дати не можетъ, 28.
 таткѣ подькопывають, 13—14.
 телесную смѣрть, 19.
 ѿ тепла сѣца, 24.
 свершити постное теченїе, 26.
- тревоу полагающа, 22.
 трапезы, 26.
 вы бо на славу тиртаса, 28.
 тѣрпими словесы молтса, 11.
 оубожити, 23.
 телеснаы оугодна твораще, 10.
 алчьбою оунимаешн плоти, 26; ѿ
 всего зла оунимающеся, 12.
 вѣчныхъ блѣгъ оулоучимъ, 26.
 30.
 та вса паче оума суть, 28;
 быстрии оумомъ, 16.
 оумныа двери ѿверзыше, 11.
 оупости, 26.
 ни оуныемъ, 17.
 телець оупитанкн, 6.
 алчьбою оупразнишася поваровн
 пожи, 26.
 безъ оуспѣха влазитъ въ црѣвь,
 11.
 ѿсрѣтаетъ, 6.
 алчьбы же добрыа оуставъ,
 25.
 по црѣтвин, 28.
 чересъ слоу, 20.
 четверодесатодѣвннн постъ,
 12.
 ѿ чювственѣи чаши, 28.

Начертаніе звука *у* въ нашемъ памятникѣ обыкновенно оу —
 въ началѣ (оукоризна), среднѣ (слѣреномоудрѣ) и концѣ (чи-

стотоу); рѣже ѱ (судъ), иногда Ѡ (дрѣвни, молитвѠ). Начертаніе ѡ встрѣчается какъ ѡ п какъ ѡ, но первое чаще. Ѡ употребляется только какъ цифра; въ качествѣ же буквы встрѣчаемъ только одинъ разъ: трапезы, но, м. б., это описка, тѣмъ болѣе что многотрапезникъ пишется черезъ з.

II.

Указаніе мѣстъ изъ Св. Писанія, приводимыхъ въ словахъ на воскресные дни великаго поста ¹⁾).

Въ нашемъ изданіи они напечатаны разстановкой.

	НА СТР.		НА СТР.
Исх., IV, 22	19	Иерем., XII, 1—2	7
1 Царств., II, 3	1—2	Юлия, II, 13	8
Псалм., IV, 8	16	Матѳ., VI, 12	11—12
» XXXIII, 10	5	» VI, 14—15	11
» LVIII, 5	25	» VI, 16, 17	13
» LXXII, 27	5	» VI, 19—20	13—14
» XCIII, 3	7	» VII, 2	11
» CXIV, 5	1	» XI, 28	16
» CXVIII, 60	27	» XI, 29	3
» CXL, 2	25	» XXV, 34	24
» CXLII, 2	1	Марк., X, 33	27
» CXLIV, 18	3	Луки, XIV, 11	3—4
Притч., VIII, 15—17	23	» XVII, 10	4
Исаи., XXIX, 13	21	» XVII, 25	28
» XLIX, 8	12	» XXI, 34	21
» LVIII, 4, 6, 9	12	Юанн., VI, 37	16
» LVIII, 7	8	» VII, 48	3

¹⁾ Нами упомянуто было (введ., стр. XIII), что поученія въ недѣлю о блудномъ сынѣ, мясопустную и 5-ю поста представляютъ во многомъ перефразировку текстовъ евангельскаго чтенія въ эти дни, и потому этихъ мѣстъ мы не имѣли въ виду при отыскиваніи соотвѣствующихъ текстовъ изъ Св. Писанія.

	НА СТР.		НА СТР.
Дѣян., IV, 32.....	16	Ефесс., V, 18.....	21
1 Петр., V, 5.....	4	Филппис., III, 13.....	15
1 Иоанн., IV, 20.....	11	Колосс., II, 16.....	21
Римл., XI, 18.....	2	1 Тимоѳ., V, 6.....	19
» XIV, 20.....	21	Евр., XIII, 17.....	30
2 Коринѳ., VI, 16.....	1		

ОПЕЧАТКИ.

Въ текстѣ. *Стр.* 2. в *снизу* надо читать: никто. — 6. 2 *сверху*: с голода. — 9. 2 *сн.*: своя. — 14. 15 *св.*: из начала. — 15. 1 *сн.*: промышлше. — 16. 5 *св.*: все множество. — 18. 5 *сн.* и (вм. и). — 23. 1 *сн.*: стѣна.

Въ вариантахъ. *Стр.* 22, 51 *вар.* своя.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Томъ XL, № 4.

КЪ ВОПРОСУ

О

СЛАВЯНСКОМЪ ПЕРЕВОДѢ ЕВАНГЕЛІЯ.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

Г. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., д. 12.

1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1886.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Первымъ подвигомъ просвѣтительной дѣятельности свв. равноапостольныхъ Кирилла и Меодія былъ, какъ извѣстно, переводъ съ греческаго на славянской языкъ Евангелія, и притомъ Евангелія, расположеннаго по церковнымъ чтеніямъ (апракоса). Древнѣйшіе списки Евангелія восходятъ къ XI вѣку; между ними нѣтъ ни одного четвероевангелія, но крайней мѣрѣ писаннаго кирилловскими письменами (на основаніи палеографическихъ данныхъ къ XI в. относятъ два глаголическіе списка четвероевангелія: Зографскій и Маріинскій). Кирилловскіе списки четвероевангелія начинаются съ XII в. и древнѣйшій между ними, съ обозначеніемъ года, и лучшій списокъ — Галичское Евангеліе 1144 года. Евангелія-апракосы не представляютъ евангельскій текстъ въ его полнотѣ и первоначальномъ видѣ: въ началѣ чтеній они иное опускаютъ, другое прибавляютъ, иногда соединяютъ сказанное въ разныхъ мѣстахъ, даже у разныхъ евангелистовъ. Галичскій списокъ 1144 года, какъ представляющій полный текстъ всего четвероевангелія (каковою полнотою не могутъ похвалиться вышеупомянутые нами глаголическіе списки четвероевангелія) и притомъ текстъ, въ основѣ своей согласный съ древнѣйшими списками XI в. кирилловскими и глаголическими, съ удобствомъ можетъ быть положенъ въ основаніе при сравнительно-критическихъ изслѣдованіяхъ древняго славянскаго перевода Евангелія. И по своимъ фонетическимъ, морфологическимъ и лек-

сикальнымъ особенностямъ Галичское четвероевангеліе — драгоценный памятникъ какъ древнеславянской, такъ въ частности древнерусской письменности. Давнее мѣстонахожденіе его въ мѣстечкѣ Крылосѣ, близъ Галича, въ связи съ нѣкоторыми особенностями языка, позволяетъ, по видимому, считать Галичское Евангеліе древнѣйшимъ памятникомъ письменности юго-западно-русской. Потому то изслѣдователи исторіи русскаго языка, желая прослѣдить въ древнерусской письменности черты русскіихъ нарѣчій, отличающихъ нынѣ югъ отъ сѣвера и запада, оставались главнымъ образомъ на Галичскомъ Евангеліи 1144 года. Понятно послѣ сего, какую громадную важность должно имѣть для изслѣдователя евангельскаго текста и исторіи русскаго языка точное, критико-палеографическое изданіе этого памятника. Неутомимый труженникъ въ области литературной археологіи, настоятель Московскаго Данилова монастыря архимандритъ Амфилохій предпринялъ въ 1882 году и окончилъ въ 1883 г. изданіе Галичскаго четвероевангелія, сличеннаго съ рукописями Евангелія XI—XVII в. и съ евангельскимъ текстомъ Острожской и Кіевской Библии, параллельно съ греческимъ текстомъ 835 г., сличеннымъ въ свою очередь съ двумя греческими рукописями X—XI в., съ рукописями Евангелія 1144 и 1272 г. и съ двумя критическими изданіями Рейнекція (1737 г.) и Тшшндорфа (1854 г.).

Въ виду важности самого предмета, мы взяли на себя не малый и чрезвычайно кропотливый трудъ сличить изданный текстъ Галичскаго Евангелія и разночтенія другихъ списковъ съ подлинными рукописями, руководясь исключительно научнымъ интересомъ изслѣдователей евангельскаго текста и желаніемъ исправить какія окажутся неточности въ изданіи о. Амфилохія и восполнить все существенное, что тамъ окажется пропущеннымъ.

I.

Для сличенія съ Галичскимъ Евангеліемъ, о. Амфилохіемъ принято шесть списковъ XI в., пять — XII в., два — XIII в., три

XIV в., тридцать семь — XV—XVII в., восемь отрывковъ изъ Евангелій и двѣ печатныхъ Библии: Острожская 1581 г. и Кіевская 1788 г. (для евангелія Луки и Іоанна, кромѣ того, Кутепнскій Новый Завѣтъ 1652 г.). Но и при такомъ значительномъ количествѣ списковъ, трудъ о. Амфилохія не представляетъ, относительно документовъ, желаемой полноты: не привлечены къ сравненію глаголическіе списки XI в.: Ассеманіевъ и Маріинскій, древніе списки Евангелія, до XV в., Московской Синодальной библіотеки (кромѣ Константинопольскаго 1383 г.), нѣкоторые важные списки Евангелія Императорской Публичной библіотеки, Московскаго Румянцевскаго Музея, бывшей Хлудовской библіотеки и другихъ книгохранилищъ. Изъ позднихъ списковъ не привлечены къ сравненію Библия Геннадіевская 1499 г., съ которою такъ сходны весьма многочисленныя списки Евангелія XV—XVII в. (въ собраніи о. Амфилохія ихъ 37, а сколько ихъ всѣхъ въ разныхъ библіотекахъ, русскихъ и иностранныхъ!) и печатная Московская 1751 г., въ которую нѣкоторыя исправленія текста вошли раньше, чѣмъ въ Кіевскую Библию 1788 г. Разночтенія изъ этихъ древнихъ и болѣе позднихъ рукописей и изъ печатной Библии 1751 г., конечно, придали бы труду о. Амфилохія еще гораздо большую цѣнность. Въ интересахъ изслѣдователей евангельскаго текста мы приводимъ ниже разночтенія и изъ доступныхъ намъ рукописей Евангелія, не бывшихъ подъ руками у о. Амфилохія.

За тѣмъ, такъ какъ славянскіе списки Евангелія XI—XVII в. позволяютъ, при тщательномъ критическомъ изученіи ихъ въ сравненіи между собою и съ греческимъ текстомъ, различать нѣсколько отдѣльныхъ редакцій, представляющихъ послѣдовательное, проходящее чрезъ все Евангеліе исправленіе или новый переводъ текста (укажемъ хотя бы слѣдующія редакціи: древнѣйшую — въ Галичскомъ Евангеліи и въ другихъ спискахъ преимущественно до XIV в., кирилловскихъ и глаголическихъ, и позднѣйшія, содержащіяся въ Мстиславовомъ XII в. и другихъ сходныхъ съ нимъ евангеліяхъ, въ Новомъ Завѣтѣ святителя Алексія,

въ Евангеліи Константинопольскомъ 1383 г. и въ полныхъ спискахъ библіи), то ничего не можетъ быть естественнѣе желанія, чтобы при критическомъ изданіи евангельскаго текста постоянно имѣлись въ виду эти редакціи, такъ чтобы указывались разночтенія сначала редакціи древнѣйшей, за тѣмъ позднѣйшихъ. Разночтенія древнихъ славянскихъ списковъ Евангелія, сравнительно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ, заключаются въ вариантахъ, имѣющихъ себѣ основаніе въ разночтеніяхъ греческихъ списковъ и собственно въ переводѣ, т. е. когда одно и тоже греческое слово, выраженіе, форма передаются по славянски различно въ различныхъ спискахъ или въ одномъ и томъ же списокѣ въ разныхъ его мѣстахъ. Что касается вариантовъ, то какъ важнѣйшіе варианты греческаго текста Евангелія состоятъ: 1) въ замѣненіи однихъ словъ другими, а также въ замѣненіи однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) въ опущеніяхъ и прибавленіяхъ и 3) въ перестановкѣ словъ, такъ и въ славянскихъ спискахъ Евангелія, вообще дословно и буквально слѣдующихъ своему подлиннику, замѣчаются 1) замѣненія однихъ славянскихъ словъ другими, соотвѣтственно тѣмъ или инымъ греческимъ чтеніямъ, а также замѣненія однихъ грамматическихъ формъ другими, 2) опущенія и прибавленія согласно съ греческими списками и 3) различное словорасположеніе опять по тѣмъ или инымъ греческимъ спискамъ. Понятно, что въ критическомъ изданіи славянскаго евангельскаго текста, по разнымъ его спискамъ, на пространствахъ XI—XVIII вв., должны быть отмѣчаемы всѣ эти категоріи вариантовъ: замѣненія, опущенія и прибавленія, перестановки. О. Амфилохій, предпринимая свой трудъ, повидимому, не задавался задачею указать отличительныя особенности отдельныхъ редакцій славянскаго перевода Евангелія. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданіи о. Амфилохія обыкновенно указываются списки (и то часто далеко не всѣ, какъ увидимъ ниже), отличные въ томъ или другомъ случаѣ отъ основнаго Галичскаго Евангелія, списки же согласные съ Галичскимъ Евангеліемъ большею частію совсѣмъ не приводятся. Между тѣмъ, для характеристики древнѣйшей ре-

дакціи евангельскаго текста совершенно необходимо, чтобы нарочно отмѣчались такія мѣста евангельскаго текста, которыя читаются во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ или по крайней мѣрѣ въ лучшихъ изъ нихъ совершенно одинаково, такъ какъ такія мѣста съ вѣроятностію могутъ быть относимы къ остаткамъ первоначальнаго перевода Евангелія. Заключать же, что списки, въ данномъ случаѣ не приводимые у о. Амфилохія, совершенно согласны съ Галгчскимъ Евангеліемъ, невозможно уже потому, что въ нѣкоторыхъ спискахъ, за утратою листовъ, или въ апракосахъ, помѣщающихъ (какъ Остромирово Евангеліе) послѣ пятидесятницы только субботнія и недѣльные чтенія, многія мѣста евангельскаго текста совсѣмъ не читаются. Кромѣ того, въ изданіи о. Амфилохія нерѣдко болѣе поздніе списки Евангелія, какъ, напр. Новый Завѣтъ святителя Алексія, Евангеліе Константинопольское и др. приводятся съ своими разночтеніями раньше древнѣйшихъ списковъ. Изъ указанныхъ выше категорій вариантовъ въ трудѣ о. Амфилохія приводятся замѣненія, опущенія и прибавленія, но перестановки болѣею частію совсѣмъ не отмѣчаются. Трудъ о. Амфилохія представляется поэтому сборникомъ множества отдѣльныхъ разночтеній, правда, весьма цѣнныхъ, но не приведенныхъ, какъ слѣдуетъ, въ должный порядокъ.

II.

Хотя о. Амфилохій въ предисловіи къ I-му т. (стр. II) и говоритъ, что при сличеніи онъ «не опускалъ ни одного разночтенія словъ и грамматическихъ оборотовъ», но тѣмъ не менѣе по справкамъ съ источниками оказывается, что въ его трудѣ не отмѣчены нѣкоторыя важныя разночтенія сравниваемыхъ у него списковъ, или перечислены не всѣ списки, имѣющіе указываемое разночтеніе, или, наконецъ, приведены совсѣмъ не тѣ разночтенія, какія на самомъ дѣлѣ содержатся въ спискахъ. Ниже предлагаемъ необходимыя, по нашему мнѣнію, исправленія и дополненія къ разночтеніямъ евангельскаго текста въ трудѣ о. Амфилохія.

Примѣчаніе 1. Кромѣ Евангелій, которыми пользовался о. Амфилохій при сличеніи, мы привлекаемъ здѣсь къ сравненію еще слѣдующіе списки:

*Ас.*¹⁾ — Ассеманіево или Ватиканское глаголическое Евангеліе-апракосъ XI в. Издано глаголицей Фр. Рачкимъ въ Загребѣ 1865 г. и латинскими буквами П. Черниччемъ (I. Čipčić) въ Римѣ, 1878 г.

Мар. — Маріинское глаголическое четвероевангеліе, изданное академикомъ Н. В. Ягичемъ въ С. Петербургѣ, 1883 г.

Вол. — Евангеліе-апракосъ XII — XIII в. на перг. въ листъ, 152 л. (конца недостаетъ), русскаго письма, поступившее въ 1859 г. въ бібліотеку Московской Духовной Академіи изъ рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря. Значится подъ № 1 (изъ Волоколамскихъ рукоп.).

Арх. 2. — Евангеліе-апракосъ Московскаго Архангельскаго Собора № 2, на перг. въ листъ, 259 л. XIII в.

Лавр. 5. — Евангеліе-апракосъ XIV в. на перг. въ листъ, 164 л. русскаго письма, библиот. Троице-Сергіевской Лавры № 5.

Син. 21. 22. 23. 24. 25. 27. 28. 29. 30. 31. — Евангелія - апракосы XIV в. на перг. (только № 31 на бомбиципѣ) русскаго письма, хранящіяся подъ вышеуказанными №№ (по Он. Горскаго и Певоструева) въ Московской Синодальной бібліотекѣ.

Никон. — Четвероевангеліе XIV в. на перг. 199 л. въ 4-ку, русскаго письма; принадлежало пренод. Никону Чудотворцу, какъ гласитъ подпись на 1-мъ бѣломъ листѣ: свѣ. д. в. нѣдѣ на харѣе никонѣское чѣтворца. Хранится въ бібліотекѣ Московской Д. Академіи подъ № 138. Въ отношеніи евангельскаго текста этотъ списокъ весьма близокъ къ Константинопольскому Евангелію 1383 года.

Бѣлгр. — Еванг. на перг. въ малый листъ, не полное (безъ начала и конца), сербскаго письма, хранится въ Бѣлградской народной бібліотекѣ. Варианты изъ этого списка напечатаны Даниничемъ къ его изданію Никольскаго Евангелія (У Бнограду, 1864).

Б. 1499. — Евангельскій текстъ, содержащійся въ полномъ спискѣ Библии 1499 г., рукопись Московской Синодальной бібліотеки № 1 (915).

Ак. 1. 2. 3. 17. — Списки Евангелія XV в. на бум. въ листъ, русско-болгарскаго письма, хран. въ бібліотекѣ Московской Д. Академіи подъ №№ 1. 2. 3. 17. (изъ фундамент.).

Кут. — Новый Заветъ, вмѣстѣ съ Псалтирью, напечатанный въ Кутейнѣ 1652 г. Въ трудѣ о. Амфилохія варианты изъ сего изданія Нового Завета приводятся только для евангелій Луки и Іоанна. Приводимъ разпочтенія Кутенскаго Нового Завета и для первыхъ двухъ евангелій.

Б. Моск. — Печатная Библия Московская 1751 г.

Примѣчаніе 2. — Евангелія, которыми пользовался о. Амфилохій при списаніи, мы обозначаемъ сокращенно такъ:

Остр. — Остромпрово Евангеліе 1056—1057 г.

Арх. 1092. — Архангельское Евангеліе 1092 г., поступившее въ 1877 г. въ собственность Румянцевскаго Музея.

Сав. — Саввино Евангеліе.

Рейм. — Отрывки изъ Реймскаго Евангелія. Въ III томѣ своего труда

¹⁾ Списки Евангелія, впервые привлеченные нами здѣсь къ сравненію, — для отличія отъ тѣхъ, коими пользовался о. Амфилохій, набраны курсивомъ.

(стр. 157) о. Амфилохій выражаетъ сожалѣніе, что по невѣдѣнію о подложности глаголической части Реймскаго Евангелія приводилъ и изъ нея варианты.

Тур. — Отрывки изъ Туровскаго Евангелія.

Зогр. — Зографское глаголическое Евангеліе.

Мст. — Мстиславово Евангеліе.

Юр. — Юрьевское.

Тип. 6. — Евангеліе-апракосъ Типографской Синодальной бібліотеки № 6.

Тип. 1. — Четвероевангеліе Типографской Синод. бібліотеки № 1.

Добр. — Добриловское Евангеліе 1164 г.

Сим. — Симоновское 1270 г.

Карн. — Карническое Евангеліе-апостоль бывшей Хлудовской библ. № 28 (изъ собранія А. Ф. Гильфердинга).

Конст. — Константинопольское Евангеліе 1383 г.

Никол. — Никольское Евангеліе, изданное Даничичемъ въ Бѣлградѣ, 1864.

Чуд. — Новый Заѣтъ святителя Алексія, рукопись Чудова монастыря въ Москвѣ.

Амф. 1. 2. 3. и т. д. всего 37 списковъ Евангелія XV — XVII вв., рукописи собранія архимандрита Амфилохія.

Острож. Б. — Острожская біблія 1581 г.

Кут. — Новый Заѣтъ Кутенскій 1652 г.

Кіев. Б. — Кіевская біблія 1788 г.

Матѳ. III, 4 въ Мст. въ суб. предъ проев. 4 янв. читается *ѣдѣніе свое (τὸ ἐνδύμα αὐτοῦ, Гал. ризы свои).*

III, 11 тѣ кѣ хрѣтитъ дѣмъ стѣымъ и огнемъ. Относительно сего мѣста Галлчскаго списка о. Амфилохій замѣчаетъ: «въ Остр. Ев. и другихъ, слова: огнемъ, нѣтъ». На самомъ дѣлѣ, слова: и огнемъ не читаются въ Остр. *Ac.*¹⁾ Мст. *Арх.* 2. Тип. 1. Конст. *Никон. Ак. 1. 2. 3. 17. Б. 1499.* Напротивъ, согласно съ Гал. читается въ Зогр. *Арх.* 1092. *Деч.*²⁾ Никол. Чуд. и въ печатныхъ бібліяхъ: Острож. *Моск.* и *Кіев.*, въ *Кут.*, какъ и въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ.

IV, 10 иди за ма сотоно (Гал. *ἴνδι сотоно*, съ опущ. *ὀπίσω μου* согласно съ древнѣйшими греческими кодексами) чи-

¹⁾ Курсивомъ набраны списки Евангелія, впервые привлеченные нами здѣсь къ сравненію, — для отличія отъ тѣхъ, коими пользовался о. Амфилохій.

²⁾ Дечанское четвероевангеліе XIII в. болг. письма, Импер. Публ. библ. — Изъ этой рукописи акад. И. В. Ягичемъ напечатано Матѳ. I — V, 24, недостающее въ Маріинскомъ Евангеліи.

тается, кромѣ списковъ, указанныхъ у о. Амфилохія, и въ Мст. Конст. *Никон*.

V, 15 слѣдуетъ указать различіе Мст. (20 нояб.) снакть (*λάμπει*) и ст. 16. тако да снакть (*λαμπάτω*, Гал. свѣтитъ, да просвѣтитъса).

V, 25 въ Конст. согласно съ Гал. и в темницю ввержетъ тѧ (у о. Амфилохія ошибочно показано: вверженъ воудеши). Въ *Б. 1499* въверженъ воудеши.

V, 43 слѣдуетъ указать различія Зогр. подроуга и Остр. Сав. влнжънааго (*τὸν πλησίον*, Гал. церкнаго).

VI, 5 въ Острож. Б. въспрїимѣтъ мздѣ своѣ (у о. Амфилохія ошибочно показано: оудалають).

VI, 6 въ Конст. затвори (а не: затворнѣкъ). Въ *Б. 1499. Ак. 3* затворнѣкъ, но *Ак. 1. 2. 17* затвори.

VII, 10 въ Конст. ꙗще рыбы просить (у о. Амфилохія невѣрно: иан. . . . егда).

VIII, 17 Мст. Юр. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* и волѣзни подѣка (*ἐβόστανται*, Гал. понесе).

VIII, 18 Острож. Б. повелѣкъ оученикѣ (приб.) ѡтїи на ѡнѣк полѣ.

IX, 6—7 въ Кїев. Б. (и въ *Моск.*) заключены въ скобки слова ст. 6: тогда глѧ разславленомѣ, и ст. 7: взѣмъ ѡдрѣ свои.

IX, 18 въ Евангелїяхъ-апракосахъ (суб. 6 по пятнд.) и въ Конст. опущены начальныя слова по Гал. списку: сице глїю юмоу в шлѣкъ. се...

XI, 19 Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* и глїете. се члѣвѣкъ гадѣца (Гал. глїють, *λέγουσιν*).

XII, 21 *Моск.* и Кїев. Б. оуновѣти ѡмѣтъ (Гал. оуновѣвають).

XII, 46 послѣ мати приб. его въ *Б. 1499. Острож. Кум. Моск. Кїев.*

XII, 50 Конст. Острож. *Кум. Моск. Кїев.* створитъ (*ποίησι*, Гал. творитъ).

XIII, 38 ὁ ἀγρός перев. въ Мст. Тип. 6. нива (Гал. село).

Такъ и въ ст. 44. Въ семь же 38 ст. Конст. с̄иѣе неприазышнй (у о. Амфилохія показано невѣрно: с̄иѣе л̄скавл̄).

XIV, 11 слѣдуетъ указать различіе Никол. на мнѣѣ (ἐπι πίνυχι, Гал. на вѣудѣ).

XV, 15 въ Конст. не читается г̄и предъ словомъ скажи. У о. Амфилохія показаніе сдѣлано ошибочное.

XVI, 2 Мст. (ев. на случай бездождія, л. 212 об.) погараетъ во ѿво, и ст. 3. погараетъ во драхлѣѣ ѿво (πυρρῶζει).

XVI, 3 въ Кіев. Б. въ скобкахъ поставлено ѿскѣсити (у о. Амфилохія неточно: ѿскоушати).

XVI, 11 Конст. . . . рѣхъ вѣмъ внимати по ѿ кваса фарисейска и сѣдѣйска (у о. Амфилохія различіе этого списка невѣрно показано).

XVI, 15 начальныя слова г̄ла ѿмъ ѿс приведены о. Амфилохіемъ по Остром. (какъ замѣчено подъ строкою), — вѣроятно, ради написанія имени ѿс. Для избѣжанія недоразумѣнія, не мѣшаетъ отмѣтить, что и въ Гал. соответственныя слова не пропущены (читаются они такъ: г̄ла ѿмъ ѿс).

XVII, 19 Конст. пристѣупиша (у о. Амфилохія не точно: пристѣупише).

XIX, 12-й стихъ въ Гал. читается сполна, безъ пропуска, о которомъ подъ строкою замѣчаетъ издатель. Именно, замѣтованное издателемъ изъ Зогр. читается въ Гал. такъ: и соутъ каженци аже исказиша ч̄лци. Дальнѣйшія слова этого стиха у о. Амфилохія приводятся изъ Гал., но пропущено слово сами послѣ словъ: иже исказиша.

XX, 2 Конст. по сребренноу по пѣназю (ἐκ ἀργυρίου); въ ст. 9: по пѣназю, 10: по сребренноу.

XX, 6 «въ Конст. Ев. 1383 г. Остр. Библ., Библ. Кіев. . . . въ єдинонадесятьи же часѣ». Но въ Конст. означенныя слова, вѣроятно, по оплошности писца, пропущены. Да если бы и не были пропущены, то написаны были бы не такъ, какъ показано у издателя.

XX, 7 праведно (*δικαιον*, Гал. право) читается раньше Острож. и Кіев. Б. въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17* (Ак. 3 правда).

XXI, 22 Конст. и́ елико аще въпросите (у о. Амфилохія не-точно: *вса елика аще въспр.*).

XXI, 24 Конст. слово еди́но (у издателя наоборотъ: *едино слово*). Въ семь же стихѣ Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* въ понед. страстн. нед. на утренн: *еже аще хощю да повѣсте ми.*

XXI, 26 согласно съ Никол. Чуд. читается *πρωτόου*, соотв. греч. вар. *εἰς*, и въ Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* (въ понед. стр. н. на утр.). Гал. *пмоутъ, εἰς*.

XXII, 2 раньше Острож. Б. читается *враны* въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17.* (Ак. 3 *вракъ*).

XXII, 32 Мст. *Арх. 2. Лавр.* опускаютъ начальныя слова по Гал. списку: *азъ есмь.*

XXIII, 10 согласно съ Гал. и въ *Мар.* не читается въ концѣ стиха слово *χρῆσῆς*.

XXIII, 18 Мст. въ вт. страст. нед. на утр. *аще кажетъся въ даръ лежащии въ рхоу юго, ст. 22 — въ ѿво. въ прѣстола въ жи и въ сѣдѣщааго на немъ.*

XXIII, 25 Мст. въ вт. стр. нед. *въноутръ же иъли и соутъ гравѣиши и нескытости* (соотв. греч. вар. *ἀκρυσίας*). Такъ же *Арх. 2* въ вторн. стр. н. и вторн. 10 н. и *Лавр.*

XXIV, 3 на еди́нѣ (*κατ' ἑἰς*) читается раньше Острож. и Кіев. въ *Б. 1499. Ак. 1. 2. 17* (Ак. 3 *единомоу*, какъ въ Гал.)

XXIV, 9 Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* въ пон. стр. н. на лит. и *воудете ненавидѣми всѣми члбѣвгы* (Гал. только *всѣми*, Остром. и прочіе списки: *всѣми языкы, ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν*).

XXIV, 48 Конст. медантъ (у о. Амфилохія невѣрно: *всннть*).

XXIV, 51 Конст. *Никон. Б. 1499* и печати. Библ.: *с невѣрными, μετὰ τῶν ἀπίστων* (Гал. съ *лицедѣи, μετὰ τῶν ὑποκριτῶν*).

XXV, 29 въ Остр. Тур. Мст. Тип. 6 — въ нед. 16-ю къ сему стиху прибавлены заключительныя слова: *се гла възгласи. пмѣа оуши слышати да слышитъ.* Евангельское чтеніе въ нед.

16 въ свхъ спискахъ оканчивается 29-мъ стихомъ; въ спискахъ же *Вол. Арх. 2. Лавр.* написанъ — въ нед. 16-и ст. 30-й, но заключительныя слова опущены.

XXVI, 39 Конст. паде ниць на лицѣ своемъ (два перевода греч. словъ: ἐπὶ πρόσωπον αὐτοῦ). Въ изданіи о. Амфилохія показано только: на лицѣ своемъ (—неполно, и съ ошибками противъ правописанія рукописи).

XXVII, 31 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остр. Сав. Зогр. Нпкол. (такъ же въ *Ac.* и *Мар.*) ἡ γλῶσσοϛ оставлено безъ перевода: съвѣщаніе съ него халамидж.

XXVIII, 2 Сав. отъвали камень отъ (Гал. двѣри опущ.) гроба. Такъ же Мст. *Арх. 2. У* о. Амфилохія указано только Мст.

Марк. I, 4 согласно съ Сав. читается и въ Мст. върщениѣ на покаяніѣ (*Арх. 2.* въ покаяніѣ, βάπτισμα μετάνοιας).

I, 11 раньше Конст. и другихъ позднихъ списковъ чт. ѿ нѣмъ же въ Тип. 6 (6-го янв. на утр.).

I, 27 Мст. Тип. 6 какъ съвѣщаніе къ свѣтѣ глѣюще (слѣдующія за симъ слова Гал. списка: что оубо ксть се опущены, какъ и въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ опускаются слова: τί'εστιν τοῦτο).

I, 44 Острож. Б. въ свѣтѣльство ѿ (у о. Амфилохія неточно: въ свѣдѣніѣ).

II, 16 Мст. *Арх. 2. Лавр.* что яко съ мѣтари и грѣшникы оучитель вашъ (прѣб.) ксть и шкеть.

II, 23 слѣдуетъ указать чтеніе Остр. Сав. Зогр. и другихъ списковъ: сквозѣ сѣнниа (διὰ τῶν σπορίμων, Гал. сквозѣ нѣты).

IV, 10 раньше Острож. и Кіев. Б. читается: 'о притчи въ Б. 1499. *Ак. 2. 17.* (*Ак. 1. 3* притча, какъ въ Гал.)

VI, 4 Мст. (26 янв. и 19 іюня) ἐν ταῖς συγγενεῦσιν перев. въ близкѣнныхъ.

VI, 8 слѣдуетъ отмѣтить, что πῆρα оставлено безъ перевода въ Остр. Зогр. и др. спискахъ (и въ *Мар.*).

VI, 33 Острож. Б. и видѣша и идѣца нарѣ (приб.). Такъ же *Кут.* (на́роди), *Моск.* и *Кіев.* (наро́ды).

VI, 41 Конст. да полагають (у о. Амфлехія вѣточно: да прѣдлагають).

VII, 8 въ Кіев. Б. противъ слова *креценіѣ* на полѣ напечатано: *ѡмовѣніѣ*. Такъ и въ *Моск. Б.*

VII, 16 въ Мст. въ ср. 16 нед.—Юр. Тип. 6. *Лавр.* стихъ 16-й въ своемъ мѣстѣ, въ среднѣмъ чтеніи (VII, 14—23) опущенъ, а прибавленъ въ концѣ чтенія къ ст. 23-му, какъ сдѣлано и въ нѣкоторыхъ греческихъ евангеліяхъ-апракосахъ, по Маттею и Тишендорфу. Въ *Арх. 2.* (въ среду 16 нед.) 16-й стихъ также опущенъ, но не читается и въ концѣ 23-го стиха; въ Зогр. ст. 16-й читается на своемъ мѣстѣ, а также прописанъ и въ ст. 23-мъ.

VII, 30 Никол. согласно съ Гал. *отроковицоу*. У о. Амфлехія ошибочно показано *дци* (ерь?).

IX, 41 Мст. въ пят. 13 нед. *иже-напонтъ въчашѣ стѣдени* (приб.) *воды*, — *ποτίσην ποτήριον ὕδατος*. Гал. и прочіе списки безъ прибавленія.

X, 11 Гал. въ началѣ стиха: и гла *ѣмъ*. Непонятно, зачѣмъ понадобилось издателю эти слова заимствовать изъ Зогр., о чемъ замѣчено подъ строкою. Но и въ Зогр., по изданію акад. Ягича читается такъ: *и гла ѣмъ*.

X, 12 въ Кіев. Б. противъ слова *мѣжа* на полѣ напечатано: *своегѣ*. Такъ и *Моск. Б.*

X, 21 *Мар.* и рече *емоу* *единого* *еси* не *доксичалъ* *аште* *хощети* *скверкшенъ* *выти* (приб.). Такъ же Мст. Тип. 1. 6. *Вол. Арх. 2. Лавр.* — Прибавленіе это читается и въ Гал., но *передъ* словами: *единого* *еси* не *доксичалъ* (такъ же Зогр. Никол. *Бѣлгр.*). Соответственное тѣмъ и другимъ славянскимъ спискамъ словорасположеніе встрѣчается и въ греческихъ спискахъ и указано у Тишендорфа.

X, 22 въ Кіев. Б. противъ слова *ѡ словеси* на полѣ напечатано: *сѣмъ*. Такъ и *Моск. Б.*

XI, 30 ѿноу доу (по Гал.) не читается, кромѣ Чуд. и двухъ списковъ XV в. указываемыхъ о. Амфилохіемъ, и въ *Арх. 2.* Конст. *Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

XII, 7 слова: відѣвъше и градоуци къ совѣ (Гал.) не читаются, кромѣ указанныхъ о. Амфилохіемъ Чуд. и № 2 XV в., и въ *Мар. Тип. 1. Вол. Конст. Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

XII, 14 Зогр. рьци оубо намъ (приб.) достоитъ ли. кншеъ дати кѣсаревн. іли ни. Такъже *Арх. 2. Лавр. Българ.* Эти четыре списка слѣдуетъ присоединить къ указываемымъ у о. Амфилохія спискамъ, имѣющимъ тоже прибавленіе.

XII, 24 Конст. прельцаѣтеса (у о. Амфилохія ошибочно: блаждитѣ).

XII, 32 только въ Острож. *Кут. Моск. и Кіев. Б.* читается по нынѣшнему: ѿко єдинъ єсть бѣ. Въ предшествующихъ спискахъ слово бѣ не читается (въ Тип. 6 оно написано вверху и позднѣйшею рукою, о чемъ замѣчено и у о. Амфилохія).

XIII, 15 Гал. да не скаазитъ въ домъ (слѣдующія за смъ слова по нынѣшнему тексту: ни да видетъ взати чесо ѿ домъ своего опущ.) юго. Это юго, по всей вѣроятности, окончаніе послѣдняго, пропущеннаго, по сбпвчности, слова сво, и въ изданіи о. Амфилохія излишне, при полномъ написаніи слова своего по Зогр. списку.

XIV, 8 и въ Конст. повторена ошибка Гал. кже и мнѣ (вм. нмѣ, ѣσχεν).

XIV, 65 въ Конст. опущены всѣ прибавленныя въ Гал. — противъ нынѣшняго текста — слова: намъ хѣ. кто ксть оударитъ (у о. Амфилохія неполно показано опущеніе).

XV, 16 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Острож. Зогр. Конст. и другихъ спискахъ σπερσ оставлено безъ перевода.

XV, 22 Мет. Тип. 6. *Арх. 2* въ пят. мясоп. нед. кже ксть ськазаню главною мѣсто (κραίνου τόπος, Гал. краинко), но въ 6-мъ страстн. ев. Мет. лѣвбною, что и замѣчено у издателя.

XV, 44 Мст. въ 10-мъ стр. ев. и призываетъ κεντήριονα (κεντηρίωνα, Гал. сътника, какъ чит. и Мст. въ нед. 3-ю).

XV, 45 Остр. Мст. въ нед. 3-ю οὐβέδβевъ отъ сътника (Гал. ω κεντουριона). Конст. ω сотника кентиривана.

Лук. I, 5 въ Остром. Зогр. и другихъ спискахъ ἱερεὺς оставлено безъ перевода: перен (Гал. жрыць, Конст. и *B. 1499* сѣпъникъ). Въ этомъ же стихѣ о Конст. у издателя ошибочно сказано, что въ немъ (ἐξ) ἐφημερίας оставлено безъ перевода; въ Конст. читается: ω днѣвныи чреды.

I, 6 слѣдуетъ отмѣтить чтеніе Остром. Зогр. и другихъ списковъ правьдана (δίκαια, Гал. правьдана).

I, 15 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остром. и многихъ другихъ спискахъ σίκερα оставлено безъ перевода: сикера (Гал. олоу).

I, 29 *Арх. 2* она же (Гал. слышавши опущ.) сматеса. Въ древнѣйшихъ греч. кодексахъ: Син. Ват. Кембр. и др. не читается ἀκούσασα (а также ἰδοῦσα, соотвѣтственно чему въ нынѣшнемъ печ. текстѣ: видѣвши).

I, 41 прибавленное въ Гал. послѣ младенць слово радощамъ не читается въ *Мар.* и Тип. 6., т. е. раньше указываемыхъ у о. Амфилохія списковъ: Конст. Чуд. и XV—XVII в.

I, 43 Остр. Зогр. *Мар.* и другіе древніе списки, Конст. и *B. 1499* имѣютъ: мати гѣ можего (Гал. мѣтѣ гѣа).

I, 48 *Моск.* и *Кіев. Б.* οὐβλαжатъ (μακαρισῶσι, Гал. блажатъ).

II, 25 Конст. и члѣкъ сѣ. праведенъ и бл҃гоутиенъ говѣннѣ (εὐλαβής). Поставленные на послѣднемъ словѣ черточка должны означать, что оно πλησις и внесено въ текстъ, вѣроятно, съ поля какой либо правленной рукописи. Въ изданіи о. Амфилохія ошибочно показано чтеніе Конст. списка: бл҃гоговѣннѣ.

IV, 4 о всѣвомъ глѣ вѣши читается, кромѣ списковъ, указанныхъ у издателя, еще въ *Мар.* Тип. 1. *Вол. Син. 25.* Конст. *Никон. B. 1499* и печатныхъ библияхъ. Гал. о всѣвомъ глѣ несходшимъ изъ оустъ возни.

IV, 6 въ Мст. (11 янв. по праздни. просв.) опущены послѣднія слова стиха по Гал. и кмоуже лице хощю прѣдамъ ю.

IV, 16 Конст. ѿ вѣста чистѣ чести (*ἀναγγεῖλαι*). У о. Амфилохія только: чистѣ.

IV, 21 Конст. наченѣ же глѣати к нимѣ (у о. Амфилохія неточно: и начатѣ).

V, 38 Кут. ѿ вшнѣ нѣвое к мѣхѣи нѣвы ваневати достѣнтѣ (приб). Въ *Моск.* и *Кіев. Б.* противѣ слова ваневати на полѣ напечатано: подовѣетѣ.

VI, 6 послѣднія слова этого стиха по нынѣшнему печатному тексту (ѡни же оумолчана), взятыя изъ *Марк. III, 4*, опущены въ *Гал. Остр. Ас. Зогр. Мар. Вол. Никол. Бѣлгр. Никон. Лавр. Б. 1499. Ак. 1. 2. 3. 17.* Острож. Б. и Кут. Читаются же, кромѣ списковъ, указанныхъ у о. Амфилохія, еще въ *Моск.* и *Кіев. Б.*

VI, 24 Конст. како ѡстоите въсприемлете (*ἀπέχετε*) оутѣшенне ваше (у о. Амфилохія только: ѡстоите).

VI, 29 Конст. въ десноую ланитоу, т. е. согласно съ *Гал.* (у о. Амфилохія только: въ ланитоу); десноую не читается въ *Мар. Тип. 1. Вол. Никон. Б. 1499* и печатныхъ библіяхъ.

VII, 9 Конст. оудниса ѣмоу чудниса ѣмоу (*ἐθαύμασεν*). Въ семь-же стихѣ аминь (*Гал.*) не читается въ *Остр. Мар. Вол. Лавр. Никон.* и въ печ. библіяхъ.

VII, 11 послѣ оученици кго не читается кдиш (какъ въ *Гал.*) пли мнѣзи (какъ въ нын. печ. текстѣ), кромѣ списковъ, указанныхъ издателемъ, еще въ *Тур. Ас. Зогр. Мар. Никол. Бѣлгр. Вол.* По нынѣшнему чит. мнози, раньше Конст. Евангелія, въ *Арх. 2* и *Лавр.*

VII, 28 Конст. согласно съ *Гал.* прѣркѣ (у о. Амфилохія неточно: прѣрка).

VII, 35 и оправдиса прѣмудрость ѡ чадѣ своихъ (съ опущ. всѣхъ) читается, кромѣ *Гал.*, въ *Мар. Вол. Ак. 1. 3.*

VII, 38. Острож. Кут. *Моск.* и *Кіев. Б.* оумывати (*Гал.* мочити, Б. 1499 ѡмывати).

VII, 41 Острож. Б. въ началѣ стиха: ѿ рече. У о. Амфилохія: онѣже рече. Но такъ (и то: ѡнѣже рече) въ Острож. Б. въ концѣ

40-го стиха! — Въ Конст. въ началѣ стиха: ἦν ρῆ. Въ изданіи о. Амфилохія опять ошибочно показано, что въ Конст. означеннаго прибавленія нѣтъ. — Наконецъ, согласно съ нынѣшнимъ печ. текстомъ (Ἰησὺς ἦν ρечѣ) читается, кромѣ Кіев. Б., въ Тип. 6. *Моск. Б.*, а въ *Арх. 2* эти слова приписаны послѣ. Кут. согласно съ *Острож. Б.*: Ἰη ρечѣ.

VII, 50 Кут. *Моск.* и Кіев. Б. по нын. в'мирѣ (ἐν εἰρήμῃ. Гал. въ мирѣ).

VIII, 2 Мст. (22 іюля) иж нѣка же вѣси мнѣзи изидоша (Гал. седмь вѣськ изиде).

VIII, 23 Конст. плаваѣцншмъже ѿмъ. ѿдоуцншмъ же ѿмъ (πλεόντων δὲ αὐτῶν). Въ изданіи о. Амфилохія показанъ только первый переводъ.

VIII, 24 Мст. (ср. 4 нед. и 14 дек.) наставкннче (другой разъ это слово опущено) погывнелмъ. Такъ же Тип. 6. *Арх. 2.* Никол. *Бѣлгр. Вол. Лавр.*

VIII, 37 *Мар.* і молшнѣ и вѣск народъ области гадаринскыѣ (Вол. гардаринскыѣ, Гал. гергесинскыѣ). Въ изданіи о. Амфилохія указано первое чтеніе, но только по позднимъ спискамъ.

VIII, 45 Остр. народи оугнѣгажтъ тѣ и гнетжтъ тѣ (συγγυρυσί τε καὶ ἀποδλίβουσι, Гал. оутѣшнѣють тѣ и гнетоутъ).

IX, 7 Конст. не домышлѣшесѣ, т. е. согласно съ Гал. (у о. Амфилохія ошибочно: недоумѣвашесѣ).

IX, 16 Конст. преломнѣ (у о. Амфилохія: преломн).

IX, 18 Конст. кого ма глѣють народи соуца (у издателя: быти).

IX, 20 Мст. въ понед. 5 нед. ἤσα сѣѣ (прѣб.) вѣжѣѣ. Такъ же Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.*

IX, 52 Мст. (16 авг.) въ градъ самаренскъ. Гал. въ весь самаранскоу (такъ и Мст. въ четв. 5 нед.).

IX, 53 Мст. (16 авг.) шко лице ѿго вѣ пда въ іер'салмъ (περευόμενον, Гал. градъш).

X, 11 раньше Конст. Евангелія, въ *Мар.* Тип. 1. *Вол.* чп-

тется по нынѣшнему, съ опущеніемъ прибавленныхъ въ Гал. словъ: въ ногахъ нашихъ.

X, 15 Конст. до небесъ возвыснѣйсѣ (у издателя неточно: иже до небесъ възнесѣнсѣ).

X, 24 напрасно замѣчено подѣ строкою о пропускѣ въ Галичскомъ Евангеліи начальныхъ словъ, которыя въ семь спискѣ читаются такъ: глѣю во вамъ. Незачѣмъ, слѣд. было замѣствовать эти слова изъ Зографскаго Евангелія.

XI, 13 Остром. *Мар. Бѣлгр. Лавр.* Конст. *Никон.* и печ. Библи. дѣхъ стѣши (Гал. дѣхъ благъ, соотв. греч. вар. *ἀγίου πνεύματος*).

XI, 29 Зогр. родо съ . родъ лжбавъ естѣ. У издателя напрасно показано, что въ Зогр. Ев. нѣтъ во второй разъ слова родъ. Но это слово не читается во второй разъ, кромѣ списковъ, указанныхъ у издателя, въ *Мар. Тип. 1. Арх. 2. Вол. Никон.* Съ Галичскимъ Евангеліемъ согласны Зогр. Мст. Тип. 6. Никол. *Бѣлгр. Лавр.*

XI, 33 Кіев. Б. въ скрѣвѣ (у издателя неточно: въ скрѣвѣ. Такъ, дѣйствительно, въ Конст.).

XII, 50 раньше печ. библиі чпт. скончуютсѣ въ *Б. 1499.*

XIII, 4 въ *Б. 1499. Ак. 2. 17.* Острож. Кут. *Моск.* и Кіев. Б. читается по нынѣшнему, съ опущеніемъ прибавленнаго въ Гал. слова чѣккъ послѣ паче всѣхъ.

XIII, 35 раньше Конст. и списковъ XV—XVII в., чпт. домъ вашъ поусть въ Тип. 1. 6. *Арх. 2. Вол. Бѣлгр. Лавр.*

XV, 21 прибавленные въ Гал. въ концѣ стиха слова: створи ма яко каждою ѿ нашихъ твоихъ не читаются, кромѣ списковъ, указанныхъ о. Амфлохіемъ, въ Остром. Тип. 1. *Мар. Вол. Конст. Никон.*

XV, 22 прибавленное въ Гал. скоро предѣ словамъ: изнесѣте одежу не читается и въ *Мар. Тип. 1. 6. Арх. 2. Вол. Лавр. Никон.* и въ печ. библияхъ.

XVI, 28 въ Конст. послѣднее слово стиха: моченоѣ (у издателя: моченіи).

XVII, 2 *Б. 1499. Ак. 2. 17.* и печ. библ. по нын. жерні́въ ѿсельскы.

XVII, 37 въ Мст. въ вторн. 10 нед., Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* въ концѣ стиха прибавлено: ѿбаче сѣѣ члѣчь пришьдѣ аще ѡбращеть вѣроу на земліи — согласно нѣсколькимъ греческимъ спискамъ — апракосамъ у Шольца и одному у Маттея.

XVIII, 8 Конст. мырениѣ (у издателя: ѿмиреніе).

XVIII, 12 Остром. кромѣ указаннаго разночтенія алѣа имѣеть и другое, согласное съ Гал.: пощжса (въ нед. 17-ю; 1-е чтеніе въ мѣсяцесловѣ 31 октября).

XVIII, 26 Мст. въ среду 10-й нед., Тип. 6. *Арх. 2. Лавр.* рекоша же кмоу оученици его. Въмѣсто общепринятаго чтенія *οἱ ἀκούσαντες* въ нѣкоторыхъ спискахъ у Шольца и въ одномъ у Маттея читается *οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ*. Впрочемъ и Мст. въ нед. 13-ю согласно съ Гал. имѣеть: слышавъшен.

XIX, 15 Конст. гласитѣ, XX, 13 оусрамаютьса, XX, 17 что оубо есть писанное. Въ изданіи о. Амфилохія неточно: пригласити, оусрамаются, есть писанное се.

XX, 26 дивиньаса въ *Б. 1499*, раньше печ. библ.

XXII, 22 Мст. Тип. 6. *Арх. 2* въ вел. чет. и *Лавр.* въ понед. сыроп. по повелѣноуоумоу (Гал. по нареченомоу. *κατὰ τὸ ὄρισμένον*).

XXII, 30 въ Мст. Тип. 6. *Арх. 2* въ вел. четв. опущены, противъ Гал. списка, слова: въ цр҃ьси моужь, а далѣе читается съ прибавленіемъ: на двоуднадесате прѣстолаж. Впрочемъ, въ понед. сыроп. нед. Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* читають согласно съ Гал. и нынѣшнимъ печ. текстомъ.

XXIII, 25 послѣ ѿпоустѣ же не читается имъ и въ Никол. *Никон.*; въ Зогр. и *Лавр.* чит. съ прибавленіемъ: отъпоустѣ же имъ карабѣж (*Бѣлгр.* имъ развоиника).

XXIII, 33 *Б. 1499. Ак. 2. 17* лобное (Гал. браникво, и такъ же *Ак. 1. 3*).

XXIII, 37 Конст. *Б. 1499* и глѣахоу (Гал. и глѣюше).

XXIII, 38 Конст. книгамн (у издателя: писмены).

XXIII, 40 въ Остром. въ вел. пят. на 6-мъ часѣ: осужденъ еси (другое чтеніе, показанное у о. Амфлохія, въ 8-мъ страстн. ев.: осужденши).

XXIII, 42 Мст. *Арх. 2.* въ вел. пят. на лит. помани ма гї въ црѣствѣи твоѣмъ (съ пропускомъ; Гал. когда придешъ въ црѣсьи твоѣмъ, *ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ βασιλείᾳ σου*).

XXIV, 1 раньше Кіев. Б. чит. носмце въ *Б. 1499. Ак. 2. 17.* (*Ак. 1. 3.* нѣсжце, какъ въ Гал.).

XXIV, 15 приближиса чит. и въ *Б. 1499* (Гал. приближѣ).

XXIV, 46 Мст. въ 6-мъ воскр. ев. и въскрьсноути (ѿ мьр-твѣхъ опущ.), согласно Кембр. и нѣкоторымъ другимъ греч. спискамъ. Впрочемъ и Мст. имѣеть согласно съ Гал. въ четв. 6-й нед. на Вознесеніе Господне.

XXIV, 48. Слѣдовало бы объяснить, откуда заимствованъ этотъ стихъ (за пропускомъ въ Гал. Евангеліи съ 47-го ст. до конца главы). На основаніи подстрочнаго примѣчанія къ ст. 47-му можно бы думать, что и 48-й ст. о. Амфлохій взялъ изъ Зогра. Евангелія. Но въ Зогра. онъ читается иначе, именно: *вы же есте свѣдѣтеле снмъ.*

Іоан. I, 15 Остром. Мст. Тип. 6. *Арх. 2.* свѣдѣтельствова (Гал. свѣдѣтельствуѣтъ, *μαρτυρεῖ*).

I, 21 Тип. 1. Конст. *Никон.* и списки Библ. по нынѣшнему: что оубо (Гал. что оубо ты еси).

I, 31 *Моск. Кіев. Б.* водѣю (Гал. въ водѣ, *ἐν τῷ ὕδατι*); въ ст. 33-мъ также, кромѣ того въ *Б. 1499. Острож. Б. и Кут.*

I, 39 слѣдуетъ отмѣтить, что въ Остром. читается: година вѣ яко десѣтаи; такъ же *Син. 24. 28.* Конст. *Никон.* (часъ десѣтѣи) и списки библіи.

II, 12 прѣвѣшиа читается, кромѣ Конст. Евангелія, въ *Ас. Вол. Никн.*

III, 17 Остром. Мст. во вт. 2-й нед. юго ради, въ мѣсяцесловѣ 13-го сент. имъ (*δι' αὐτοῦ*, Гал. сего дѣла).

III, 22 съ ними опущено и въ Остром. *Арх. 2.*

III, 33 Конст. запечатлѣ (у издателя напрасно показано:

ѣрова; такъ, дѣйствительно, читается въ *Б. 1499* и въ печ. библияхъ; въ *Моск.* и *Кіев. Б.* противъ сего слова на полѣ напечатано: оутверди).

IV, 33 Конст. оучиши его (у издателя напрасно сказано, что «въ Конст. его нѣтъ»).

V, 4 кромѣ Юр. и раньше списковъ XV в. читается съхожаше въ коупѣль въ Тип. 1. 6. *Бѣлар.* Конст. *Никон.*

V, 6 въ древнихъ спискахъ Евангелія, до XIV в., согласно съ Гал. не читается прибавленное въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ слово: въ недѣлѣ. У о. Амфилохія, слѣд. напрасно показаны огуломъ Евангелія XII—XVII в. какъ имѣющія нынѣшнее чтеніе.

V, 20 и въ Остром. *Ас. Мст. Арх. 2.* читается: и больша сихъ показатъ кмоу дѣла (*δείκνυσιν*).

V, 45 Остром. Конст. оуповасте (у издателя: оуповаете; въ Зогр. чит. оупываете, но этотъ списокъ у издателя не отмѣченъ).

VI, 23 хвалъ въздавшю гбѣ читается, кромѣ Зогр. Конст. Чуд., еще въ Остром. *Мст. Арх. 2. Вол. Никол. Бѣлар. Никон.* Въ *Лавр. Син. 22. 23. 24. 25. 27. 29. 30. 31:* и хвалу въздаша бѣ.

VI, 27 Остром. списокъ, кромѣ чтенія, показаннаго у издателя (в живот вѣчннн, въ суб. 2-ю), имѣетъ и другое, согласное съ Гал. Евангелиемъ (въ животѣ вѣчнннннн, въ вт. 3-й нед.).

VII, 29 ѡтвѣшта ꙗс ꙗ рече нмъ. Слова эти выписаны (хотя и не точно) о. Амфилохіемъ изъ Зогр. Ев. за пропускомъ ихъ въ Гал., какъ значится въ подстрочномъ примѣчаніи издателя. Между тѣмъ, никакого пропуска въ данномъ мѣстѣ Галичское Евангеліе не представляетъ; приведенныя выше слова читаются въ Гал. такъ: ѡтвѣща ꙗс ꙗ рече нмъ. Читаются въ Галичскомъ Евангеліи и слѣдующія мѣста, о которыхъ издателемъ замѣчено, что они пропущены въ Гал. спискахъ. Иоан. VIII, 19 глахоу же кмоу. кде ксть оцъ твои (мѣсто это напечатано у о. Амфилохія по Зогр. Евангелію); XII, 30 ѡтвѣща ꙗс ꙗ рече ꙗ ст. 35 рече же нмъ ꙗс (оба мѣста взяты издателямъ изъ Остром.

Ев.); XXI, 23 и не рече ісѣъ яко не оумреть (мѣсто это въ текстѣ не восполнено никакимъ другимъ спискомъ). Во всѣхъ этихъ пяти случаяхъ Галичское Евангеліе *вовсе не представляетъ* пропусковъ евангельскаго текста, о которыхъ каждый разъ парочко заявляетъ издатель.

VI, 38 въ Конст. не читается въ концѣ стиха слово оца (отмѣтка издателя невѣрна).

VI, 39 кромѣ Юр. и Никол. читается въскрешю ѿ (αὐτό, — Гал. и, αὐτόν) въ *Никон. Вол. Б. 1499. Ак. 1.* Острож. Кут. Моск. Кіев. Б.

VI, 51 Конст. согласно съ Гал. имѣеть: живиѣи (ὁ ζῶν). Издатель напрасно показалъ: животыныи; такъ, правда, читается въ Конст., но только въ стихахъ 35-мъ и 48-мъ, въ копяхъ по греч. ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς.

VII, 42 Никол. града (τῆς χώρας, Гал. градца).

VIII, 4 Мст. 8 окт. си жена ѡта кетъ (нынѣ оп.) въ любовдѣнии. Такъ же Тип. 6.

VIII, 6 согласно съ Гал. не имѣють въ концѣ стиха словъ: не слава ѿмъ, и *Мар. Тип. 1. 6. Вѣлр.*

VIII, 27 Остром. списокъ, кромѣ чтенія, указаннаго издателемъ (оно прописано въ пят. 4-й нед.) имѣеть и другое, какое и въ Гал. Евангеліи, именно — въ суб. по Воздвиженіи подъ 14 сент.: яко оца намъ глааше ба. Прибавленіе этого слова имѣется такимъ образомъ въ Гал. Остром. (14 сент.); кромѣ того — въ *Ас. Зогр. Никол. Вол. Лавр.*, только въ *Ас.* и *Лавр.* вмѣсто намъ по ошибкѣ написано мамъ, и эту ошибку повторяетъ также *Никоновское* Евангеліе. Не имѣють сего прибавленія Остром. (въ пят. 4-й нед.), *Мар. Конст. Никон. Б. 1499. Ак. 1. 2. 3. 17* и печ. библии.

IX, 6 Остром. и помаза кмоу очн ерѣшнѣмъ. Такъ же *Ас. Зогр. Мст. Тип. 1. 6. Арх. 2. Вол. Никол. Вѣлр. Лавр.* (у о. Амфилохія относительно Остром. и Зогр. ошибочно показано: слѣпомоу).

IX, 9 въ Остром. пропущены начальныя слова стиха, по Гал.

списку: *οὐ γλαυοῦ ἀλλο σὲ κέσθ*. Не читаются они также въ Мст. *Арх. 2. Лавр.* У издателя указано Мст. Евангеліе, но сбивчиво.

XI, 18 и въ Остром. пощриць, согласно съ Юр. Мст. Добр. (Гал. стади, *σπαδίων*).

XI, 44 Конст. не дейте, т. е. какъ и въ Гал. (у издателя напрасно показано: оставите).

XI, 50 «въ Конст. Ев. 1383 г. — говоритъ о. Амфилохій — и почти во всѣхъ приводимыхъ Евв. налмъ, вм. вамъ». На самомъ дѣлѣ, налмъ читается въ *Мар.* Тип. 1. Конст. *Никон. Б. 1499* и въ печ. библіяхъ. Съ Галичскимъ же Евангеліемъ согласны почти всѣ древніе списки. Остром. *Ас. Зогр.* Мст. Тип. 6. *Арх. 2. Вол. Никол. Лавр.*

XII, 21 Мст. *Арх. 2.* въ среду страстн. нед. *μολαχοῦσα κμοῦ* (Гал. *μολαχοῦτῃ η, ἠρώτων αὐτόν*). Подобнымъ образомъ Иоан. XIX, 38 въ 11-мъ стр. ев. Мст. *μολισα πιατοῦ κῆσιφῃ* (Гал. *μολι πιατα, ἠρώτησεν τὸν Πιλάτου*).

XII, 25 Мст. въ среду стр. н. на утр. и *Арх. 2* въ вт. 6-й и въ среду стр. н. въ животъ вѣчкигыи. У издателя съ такимъ чтеніемъ показана только Кіев. Б. 1788 г.

XII, 30 Мст. имѣеть: *васъ ради* (Гал. *народа ради*) не только въ чтеніи подь 23 февр. о чемъ замѣчено у издателя, но также въ вт. 6-й нед. и среду стр. н. на утр.; согласно съ Мст. читается въ Тип. 6. (вт. 6-й нед.), *Арх. 2* (ср. стр. н.), *Син. 21. 27. Никон.* Кут. Съ Галичскимъ Евангеліемъ согласны Тур. *Ас.* (въ Зогр. и *Арх.* 1092 слово *народа* соскоблено, и на его мѣсто написано *васъ*), *Вол. Син. 22. 25. 28. 29. 30. 31.* Никол. *Лавр.* Конст. *Ак. 1. 2. 3. 17. Б. 1499.* и печ. библии.

XII, 32 *възнесоῦσα* читается въ Мст. въ среду стр. н. на утрени; но въ вторн. 6-й нед., 14 сент. и 23 февр. Мст. согласно съ Гал. имѣеть: *възнесенъ воудоῦ*.

XII, 33 въ Мст. *знаменаи* чт. въ вт. 6-й нед. по пасхѣ (у о. Амфилохія ошибочно напечатано: *знаменоῦца*, по пятидесятницѣ); въ чтеніи 23 февр. Мст. имѣеть: *назнаменаваи* (у издателя опять опечатка *назнаменоваи*).

XII, 47 не съхранитъ ѱъ (Гал. не сътворитъ ѱъ) чпается, кромѣ указанныхъ издателемъ Зографскаго и Добриловскаго списковъ, въ *Ас. Вол.* Никол. Съ Остромировымъ Евангеліемъ (и не вѣроукъ) согласны Мст. Тип. 1. 6. Конст. *Никон. Ак. 1. 2. 3. 17* и всѣ списки библіи.

XIII, 13 Сав. глѣте (Гал. глашахте, φωνεῖτε).

XIII, 37 2-е нышѣ въ *Моск.* и *Кіев. Б.* заключено въ скобки, какъ и въ нынѣшнемъ текстѣ (въ *Кут.* совсѣмъ опущено).

XIV, 3 Мст. въ 1-мъ страстн. Ев.: и аще ндоу оуготоваѣи мѣсто вамъ, въ пят. 6-й нед.: и аще ндоу оуготоваю мѣсто вамъ. Издатель замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ, между ними и въ Мстиславовомъ сей стихъ такъ начивается: пакы придж и поимж вы къ севѣ, давая такимъ образомъ понять, что вышеприведенныя нами слова изъ 1-го страстн. ев. и изъ чтенія въ пят. 6-й нед. въ Мст. спискѣ опущены, что неправда. — Конст. и аще оуготоваѣи мѣсто вамъ; но здѣсь оуготоваѣи, по всей вѣроятности, ошибка писца, по смѣшенію съ ст. 2-мъ, гдѣ вмѣсто сего ошибочно написано: оуготоваю. За тѣмъ, въ ст. 3-мъ оуготоваю чит. въ *Никон. Б. 1499.* Острож. Б. *Кут.* Въ *Моск.* и *Кіев. Б.:* и аще (нондѣ и — на полѣ) оуготоваю мѣсто вамъ.

XIV, 16 Остром. Сав. въ суб. 6-ю: въ вѣкъ (Гал. въ вѣкы).

XIV, 24 Конст. согласно съ Гал. имѣеть: слышите.

XIV, 28 Мст. кромѣ указаннаго разпочтенія: яко рѣхъ ндоу къ оцю (въ концѣ стиха) имѣеть и другое, согласное съ Гал., съ опущеніемъ рѣхъ — въ понед. 7-й нед.; а первое чтеніе со- держится въ 1-мъ стр. ев. и въ мѣсяцесловѣ подь 11 окт.

XIV, 29 слѣдуетъ отмѣтить, что и Остром. Евангеліе не имѣеть прибавленныхъ въ Гал. словъ: яко азъ рѣхъ вамъ.

XV, 15 и 20 въ 1-мъ стр. ев. Мст. Тип. 6. Юр. *Арх. 2. Лавр. ó хѣрис* перев. господинъ (Гал. въ 15-мъ ст. гѣ, въ 20-мъ гѣа).

XV, 21 Остром. въ суб. 3-й нед. и въ 1-мъ стр. ев. имѣеть

согласно съ Гал.: **сѣтворатъ** (у издателя показано: **творатъ**). Въ Зогр. **творатъ**, но этотъ списокъ у издателя не отмѣченъ).

XV, 26 Мст. въ чтеніи 21 сент. *μαρτυρήσει* перев. **послоушьствоуіеть**, ст. 27 *μαρτυρεῖτε* — **послоушьствоуіете**.

XVII, 21 Конст. *В. 1499*. Кут. согласно съ Гал. имѣютъ въ началѣ стиха: **соутъ**.

XIX, 5 Конст. *В. 1499* **ваграноу** (какъ и въ ст. 2-мъ).

XIX, 12 Конст. Кіев. *В. ѿ сего* (у издателя ошибочно показано: *ѿ сего часа*).

XIX, 14 Мст. въ 9 стр. ев. **часъ** (Гал. **година**); въ чтеніи 14 сент. **жидомъ** (такъ и въ ст. 20-мъ), въ ст. 15-мъ **старѣшныи жьрьчьскы** (Гал. **архшереи**).

XIX, 20 Конст. согласно съ Гал. имѣеть: **латыньскы** (у издателя напрасно показано: **римскы**).

XIX, 23 Мст. въ вел. пят. на 9-мъ часѣ: **коімоужьдо конноу часть и котыгоу. вѣ же котыга** (*ἡ χιτώνας*) **не шквена нъ ѡтъ въшышнухъ истъкана**.

XIX, 25 Мст. въ трехъ мѣстахъ (9-е стр. ев., вел. пят. на 9-мъ часѣ и 14 сент.) имѣеть: **стомахоу оу крѣста іѣва**, и одинъ разъ (8 мая): **при крѣстѣ**, согласно съ Галич. Евангелиемъ.

XIX, 27 согласно съ Гал. (*ѿ того днѣ*) читается въ Остром. Евангелии подь 14 сентября; всѣ же прочіе списки (и само Остром. Ев. въ вел. пят. на 9-мъ часѣ и 8 мая), какъ и печатныя библіи в.м. *днѣ* имѣютъ по нынѣшнему: **часа**. Такимъ образомъ замѣчаніе о. Амфилохія: «въ Ев. Зогр. и въ *большей части* приводимыхъ Евв. *отъ того часа*» не можетъ быть названо точнымъ: съ Галичскимъ согласно только Остромирово Ев., и то только въ одномъ изъ трехъ мѣстъ.

XIX, 28 въ Остром. *Ас. Зогр. Тип. 6. Конст. Никон.* и въ спискахъ библіи не читается прибавленное въ Гал. о немъ послѣ слова: **сѣвкршишася**. — За тѣмъ, замѣчаніе издателя: «въ О. Ев., Сав. Ев. XI в. и почти во всѣхъ приводимыхъ Евв. по недѣлямъ: **да сѣ воу.. жажоу, нѣтъ**», не точно: въ Остром. Ев. въ 9-мъ страст. ев. читается это мѣсто такъ: **да сѣвжджтсѣ**

книжки. Гла жажда, въ чтеніи же 14 сент. въ Остром. опущены не только эти слова, но и весь 29-й стихъ и начало 30-го ст. до слова: совершишася (по нын. тексту). Такое же опущеніе въ чтеніи 14 сент. представляетъ и Саввино Евангеліе, — только здѣсь уцѣлѣли два первыя слова: да събжджткся книжки, а 9-е страстн. ев. въ Сав. утрачено.

XIX, 30 Мст. въ 9 стр. ев. и въ вел. пят. на 9-мъ часѣ: съвершишася вса (приб.). *Арх. 2.* съвѣшася вса.

XIX, 36 Мст. въ тѣхъ же двухъ чтеніяхъ: востъ не съкроушитса юго, соотв. греч. вар. *ἀπὸ τοῦ*. Такъ же *Мар.* (Гал. и остальные списки: *ἢ πῶς, ἀπὸ τοῦ*).

XX, 5 подъ словомъ кдигы въ Гал. Евангеліи поставлены три точки, означающія, что это слово излишне. Прибавленіе этого слова имѣется еще въ *Ас.* Мст. *Арх. 2.* (въ 7-ю воскр. ев.).

XXI, 17 Мст. въ 11-мъ воскр. ев. паси агница мои (впрочемъ, въ суб. 7-ю и Мст. согласно съ Гал. имѣеть: *ὄβκца*).

III.

Тщательное сравненіе Константинопольскаго Евангелія 1383 г. съ Галичскимъ 1144 г. показало намъ, что этотъ весьма важный списокъ четвероевангелія, представляющій новую сравнительно съ Галичскимъ и другими предшествующими списками редакцію евангельскаго текста, исчерпанъ въ трудѣ о. архим. Амфилохія далеко недостаточно. (Въ III-мъ томѣ своего труда, стр. 366—367, о. Амфилохій помѣстилъ «исправленія въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 г.» Но и за всѣмъ тѣмъ особенности этого списка остаются далеко неисчерпанными). Именно, кромѣ исправленій и дополненій изъ сего Евангелія, сдѣланныхъ нами въ предшествующемъ отдѣлѣ, въ изданіи о. Амфилохія не приведены слѣдующія разночтенія Константинопольскаго Евангелія 1383 г. *сравнительно съ Галичскимъ*, частію раздѣляемая другими списками, частію же принадлежащая одному только этому списку:

Матѳ. III, 6 въ ѿрданѣ (Гал. въ норѣданьсцѣи рѣцѣ).

III, 7 роженіа (γεννήματα, Гал. ирѣдѣа).

V, 29 въ геѣньноу ѡгньноуѡ (приб., Гал. безъ прибавленія).

V, 30 ввержетьсѧ (βληθῆ, Гал. идеть).

VI, 15 ни ѡцѣ вашѣ иѣныи (приб.) ѡставитъ вамъ согрѣшеніа вашѣхъ.

VI, 18 въздасть тебѣ въ ѡвленѣ (ἐν τῷ φανερω, Гал. ивѣ).

VII, 14 въ началѣ стиха: что (Гал. коль).

VIII, 13 и възраицьсѧ¹⁾ сотникъ в домъ свой ѡверѣте его здрава. Эти слова прибавлены въ концѣ 13-го ст. только въ семь спискѣ. По Тишендорфу, въ Ефремовскомъ код. V в., Базельскомъ VIII в. и другихъ болѣе позднихъ читаются соответствующія слова: καὶ ὑποστρέψας ὁ ἑκατοντάρχος εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ εὗρεν αὐτὸν ὑγιαίνοντα.

VIII, 25 оуѣици (его опущ.).

VIII, 33 стадо все (свиноѳ опущ.).

IX, 1 опущ. ісѣ.

IX, 18 начальныя слова стиха по Гал. списку: сице глѣию ѧмоу к нимъ. се опущены. Не свидѣтельствуемъ ли это о томъ, что Константинопольское Евангеліе списывалось съ апракосовъ, въ копѣхъ (суб. 6-я по пятидес.) также не читаются означенныя слова?

IX, 27 ісѣ (приб.) сѣоу дѣдѣвѣ.

X, 34 не придохъ во вложити смѣреніа, но мечь (βλαστῆν εἰρήνην, Гал. въверѣць мира).

XII, 5 сѣици (Гал. перен).

XII, 31 опущены слѣдующія слова Гал. списка: а ѧже на дѣхъ врѣдногланьѣ не ѡпоуститьсѧ члѣкомъ.

XIII, 33 скры въ моучныхъ сита (sic!) три (εἰς ἀλεύρου σάτα τρία, Гал. въ моуцѣ трии сатки).

XIII, 36 селанѣ (Гал. ивѣныхъ).

XIII, 48 ѡзвлеконѧ (Гал. ивѣкѣнѣ).

¹⁾ Матѳ. X, 13 такъ же написано: възратитьсѧ.

XIV, 22 оубѣди (Гал. поноудн).

XIX, 4 ѿперва (ἀπ' ἀρχῆς, Гал. искоши).

XX, 12 и знои (τὸν κούσωνα, Гал. варъ).

XXI, 6 ѿ створиша такоже повѣла ѿма ѿсѣ (чит. ἐποίησαν? Гал. сѣтворша, соотв. греч. чтенію ποιήσαντες).

XXI, 15 первосѣици (οἱ ἀρχιερεῖς, Гал. архіерен).

XXI, 20 и видѣвше оучици его (приб.) дивишася. Въ Гал. безъ прибавленія.

XXIII, 27 ѿблжются красни (φαίνονται, Гал. соуть).

XXIII, 35 на земан (ἐπὶ τῆς γῆς, Гал. на землю).

XXIV, 5 глѣюще ѿко (приб.) азъ есмь ѿкъ.

XXIV, 30 и (тѣгда опущ.) въсплачются вса колѣнаѿ (sic!) земнаѿ.

XXV, 7 тогда въставше вса дѣи ѿныи (Гал. вѣсташа).

XXV, 16 в нухъ (ἐν αὐτοῖς, Гал. о нухъ).

XXV, 18 ископа в земан (ὄρυξεν ἐν τῇ γῆ). Гал. раскопавъ землю, соотв. греч. чтенію γῆν; вариантъ этотъ въ трудѣ издателя не указанъ.

XXV, 19 приде — ѿстязатися с ними ѿ словеси (Гал. приде — и сѣтазася).

XXV, 20 $\bar{\epsilon}$. (талантъ опущ.) приемыи. Въ этомъ же стихѣ: се дружни $\bar{\epsilon}$ (талантъ опущ.) приверѣтоухъ ѿми. По Тишendorfu, и въ греческихъ спискахъ встрѣчается опущеніе въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ слова *τάλαντα*.

XXV, 41 тогда рѣтъ ѿ соущимъ ѿшююю (ѿго опущ.).

XXVI 3 глѣмаго (τοῦ λεγομένου, Гал. нарицаемаго). Такъ и XXVII, 16, 17.

XXVI, 56 писаниа (αἱ γραφαί, Гал. книгы).

XXVI, 75 алекторъ (ἀλέκτωρ, Гал. коуръ).

XXVII, 41 архіерей роугающеся ёмоу (приб.).

XXVII, 58 се пристоупи къ пилатоу (чит. προσῆλθε? Гал. пристоупль).

XXVII, 60 ѿ положи (ѿ опущ.) в повѣмъ своёмъ гробѣ. . . ѿ възвали камень велии (Гал. възваль).

Марк. I, 7 сапогъ (τῶν ὑποδημάτων, Гал. чревъкамъ).

IV, 36 ѿ ѿши же вѣхоу в кораблѣ с нимъ (Гал. ши же кораблѣ вѣхоу съ нимъ).

VI, 28 ѿ дѣца (дасть ю опущ.) ѿтри своѣи.

VI, 45-й стихъ читается согласно съ нынѣшнимъ печатнымъ текстомъ и отлично отъ Галическаго списка.

VII, 18 не можетъ ѡсквернѣти члѣвка (Гал. не можетъ его осквернѣти).

VIII, 19 колико кошь исполнь приаєте оуброухъ (расположеніе словъ — не согласное ни съ Галичскимъ Евангеліемъ, ни съ нынѣшнимъ печ. текстомъ).

IX, 46 ѿдѣ червь ѿухъ не оусыпаѣтъ (ὁ τελευταῖος, Гал. не оумираѣтъ).

X, 1-й и 16-й стихи читаются согласно съ нынѣшнимъ текстомъ и отлично отъ Галическаго списка.

X, 21 опущены читающіяся въ Гал. Евангеліи слова: аще хоцещи съвѣршенъ быти.

XI, 5 ѿ ѿщнѣ ѿ стоащнхъ тоу, глѣхоу (има опущ.) и въ ст. 6-мъ заповѣда (имъ опущ.). Относительно ст. 6-го у издателя напрасно замѣчено, что въ Конст. заповѣда има.

XI, 28 опущено окончаніе стиха по Гал. списку: а кто дасть овалсть сню. да сице творнши. Въ Кембр. код. VI в. и пѣкоторыхъ другихъ опущены соотвѣтствующія греч. слова.

XIV, 19 ѿши же начаша скорѣти ѿ глати (кмоу опущ.) ѣдннъ по ѣдннѣмъ.

XV, 20 сквалеконша его с прапроуды (ἐξέδυσαν αὐτὸν τὴν πορφύραν, Гал. сквалѣконша съ него прапроудъ).

XV, 34 бѣ (мои опущ.) бѣ мой въчто ма ѡстави. У о. Амфлѣхія опечатка: во что.

XV, 35-й стихъ читается по нынѣшнему съ опущеніемъ прибавленнаго въ Гал. тоу послѣ слова ѿ стоащнхъ и съ замѣною се вм. Гал. вѣжъ.

XVI, 6 ѿца шрете назаранна пропѣтаго (вѣста опущ.) ѿдѣ здѣ.

XVI, 14-й стихъ читается по вышешнему, съ опущеніемъ имѣющагося въ Гал. слова: изъ мѣртвыхъ.

Лук. I, 5 сѣнникъ (*ιερέυς*, Гал. жрецъ).

I, 26 посланъ въ архангелъ гавриилъ (Гал. аггелъ).

I, 27 маріамъ (*Μαριαμ*; Гал. мариа, *Μαρια*). Такъ и I, 30. 34. 46. 56; II. 16.

II, 17 сказаша ѡ глѣ гланимъ (имъ опущ.) ѡ строчати семъ.

III, 5 в поуть гладъкии (Гал. въ поutti гладъки).

IV, 16 идѣже (επου, какъ въ Кембр. и другихъ спискахъ? Гал. въ немъже, ου).

IV, 29 яко (приб.) да быша его низъришоули.

V, 12 падъ ниць моласа емоу глѣ (Гал. наде ниць моласа и глѣ).

V, 20 и видѣвъ ісѣ (приб.) вѣроу нѣхъ.

VI, 36 воудѣте оубо мѣрди, якоже и ѡцѣ вашъ небы (приб.) мѣрѣ есть.

VII, 1 глѣ свои (*τὰ ῥήματα αὐτοῦ*; Гал. глѣ сна, соотв. греч. вар. *ταῦτα*, вм. *αὐτοῦ*).

VIII, 47 повѣда емоу (приб.).

X, 22 и никтоже вѣсть (приб.) и кто есть ѡцѣ токмо сѣхъ.

XI, 50 да възыщется (*εὐχ ἐκζητηθῆι*, Гал. да мѣститъся).

XXI, 5 ѣтеромъ (*τινῶν*, Гал. нѣкыма).

XXIII, 1 и вѣставше (все опущ.) множество нѣхъ.

XXIII, 13 пилатъ же созва архипѣри и внази и мѣ (Гал. съзлавъ).

XXIII, 43 днѣ со мною еси в рай (*εσθι*, Гал. воудеш).

XXIV, 6 ѣще живѣ (приб.) сынъ в галнаѣи.

XXIV, 38 вѣсходатъ (*ἀναβαίνουσιν*, Гал. вѣходатъ).

Иоан. I, 39 часъ десатый (Гал. годна девата). Греч. ὥρα перев. часъ и Иоан. V, 25.

I, 48 ѡ воудоу ма знаѣши (*πόθεν*, Гал. како).

IV, 18 патъ во моужъ (Гал. патъ во нѣхъ).

V, 28 оуслышатъ гласъ его (Гал. гласъ сна вѣхъ).

V, 32 яко истинно есть свидѣтельство его (приб.).

VI, 63 глḗλαχъ (λελάληκα; Гал. глῆю, λαλῶ).

XII, 14 ѡбръѣте же ісѣъ ѡсла и всѣде на не (Гал. обръѣтъ — въсѣде).

XIV, 25 сна глḗлаχъ (вамъ опущ.) въ васъ сын.

XIV, 27 смῖреннḗ (εἰρήνην) ѡставляю вамъ. Впрочемъ, да-
лѣе въ семь же стихѣ: миръ, какъ и въ Гал. Евангеліи.

XV, 14 ѣника (азъ опущ.) заповѣдаю вамъ.

XVII, 20 не ѡ сиухъ же молю токмо, но и ѡ всѣхъ (приб.)
вѣроующихъ. словесемъ ихъ в ма.

XVIII, 6 да такоже рѣ (намъ опущ.).

XVIII, 15 оучѣнѣтъ же тѣ (еѣ опущ.) знаемъ архіерѣевн.

Не отмѣчены въ трудѣ архим. Амфилохія нерѣдкіе случаи двойного перевода греческихъ словъ въ семь Евангеліи 1383 года. Въ предшествующемъ отдѣлѣ мы указали уже нѣкоторые случаи сего, именно Матѹ. XX, 2; XXVI, 39; Марк. XV, 45; Лук. II, 25; IV, 16; VI, 24; VII, 9; VIII, 23.

Отмѣчаемъ здѣсь и остальные случаи:

Матѹ. V, 44 и молите за творцаи́ вамъ напасти пакостъ¹⁾
(ὕπερ τῶν ἐπηρεαζόντων ὑμᾶς).

V, 47 не изъчши (sic!) ли такоже творатъ. не ѡмытытарѣ¹⁾
(sic!) ли такоже творатъ (соотв. греч. вариантамъ: ἐθνικοί и τε-
λῶναι).

VI, 2 такоже лицемѣри покрити творатъ (οἱ ὑποκριταί).

IX, 3 сеѣ чоулитъ се власфимисаѣтъ (βλασφημεῖ).

XI, 25 въ тѣ чḗ время¹⁾ (ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ).

XI, 27 ни ѡца его знаетъ точно токмо (εἰ μὴ) сѣтъ.

XIV, 1 въ то время ѡно (ἐν ἐκείνῳ τῷ καιρῷ).

Марк. V, 22 и видѣвъ его паде на ногоу его на колѣноу его
(πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ).

¹⁾ Надъ словами пакостъ, мытытарѣ, время, роженнḗ поставлено по нѣсколько
точекъ или черточекъ для означенія, что эти слова излишни или что они вне-
сены въ текстъ съ поля правленой рукописи.

Лук. III, 7 изъчадьгѣ роженіѣ¹⁾ ѣхиднока (γεννήματα).

IV, 9 верзисѣ ѿсюдоу низъ долоу (κάτω).

V, 14 ѡ тѣ запрѣтѣ заповѣда (παρήγγειλεν).

V, 27 ѡ рѣ ѣмоу гради ѡди по миѣ (ἀκολούθει μοι).

VI, 41 а вервна ѣже ѣсть во ѡчеси твоѣмъ не видѣши не чю-
ѣши (οὐ κατανοεῖς).

VI, 46 что же ма глѣте зовете. гѣ гѣ (καλεῖτε).

VII, 6 ѣще же ѣмоу недалеко соуцоу. ѿ домоу его ѿ хра-
мины (ἀπὸ τῆς οἰκίας).

VII, 27 ѡже оустроитѣ оуготовитѣ (κατασκευάσει) поутѣ
твоѡ предъ тобою.

Приведенныя нами разночтенія изъ Константинопольскаго Евангелія 1383 г., какъ и изъ другихъ списковъ, должны бы были, конечно, еще болѣе увеличить объемъ и безъ того обширныхъ томовъ изданія о. архим. Амфилохія. Но дѣло въ томъ, нѣтъ ли въ этомъ изданіи чего либо лишняго? Проф. и академикъ И. В. Ягичъ въ краткомъ отзывѣ о трудѣ архим. Амфилохія совершенно справедливо замѣтилъ, что «можно бы обойтись безъ подстрочнаго греческаго текста, тѣмъ болѣе безъ вариантовъ къ греческому тексту. Да и славянскіе варианты содержатъ много лишняго: они могли бы быть сведены на половину (Archiv für slav. Philologie, 1883, VII: I, S. 153). Перечислять здѣсь все лишнее мы, конечно, не станемъ (а о греческомъ текстѣ рѣчь у насъ впереди). Но для образца приведемъ два-три случая. Матѣ. IX, 27: стоило ли указывать цѣлыхъ одиннадцать списковъ изъ за того, что въ нихъ зват. и. сѣоу, тогда какъ въ Гал. Евангеліи сѣѣ? Или, Матѣ. XIII, 36 — указывать пять списковъ изъ за того, что въ нихъ форма неполногласная: плевелъ шевънъшѣкъ, а въ Гал. Евангеліи русская полногласная: половецъ шевънѣкъ? Матѣ. XVI, 7 приводятся три списка съ написаніемъ: хлѣвъ, хлѣѣ (Гал. хлѣвъ). Къ чему? Всѣ подобныя особенности рукописей должны найти себѣ мѣсто въ филологическомъ ихъ описаніи. О. Архим. Амфилохій, впрочемъ, не предпосылаетъ изданію евангельскаго текста филологическаго описанія самыхъ рукописей. Въ предисловіи

къ 1-му тому (стр. XIV — XVI) приведены только записи изъ Галличскаго Евангелія. Здѣсь же сдѣлана ссылка на описаніе этой рукописи проф. Бушлаева. Но къ удивленію своему здѣсь мы не встрѣтили упоминанія о классическомъ описаніи Синодальныхъ рукописей Горскаго и Невоструева, у которыхъ въ Отд. I, подъ № 20 значится Евангеліе Галличское 1144 г. Правда, большая часть древнихъ списковъ Евангелія уже описана, такъ что можно было бы ограничиться ссылками на авторовъ описанія. Но кромѣ древнихъ списковъ Евангелія о. Амфилохій приводитъ разночтенія еще изъ 37 болѣе позднихъ списковъ, XV—XVII в. своего частнаго собранія. По отношенію къ этимъ спискамъ мы, конечно, вправѣ желать отъ ученаго владѣльца ихъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній филологическихъ. О. Амфилохій ограничился (въ предисловіи къ I т.) только самымъ краткимъ означеніемъ своихъ рукописей, именно отмѣткой вѣка, формата и числа листовъ каждой рукописи.

IV.

Въ изданіяхъ важныхъ текстовъ главное дѣло точность. Что она въ трудѣ о. архим. Амфилохія далеко не представляетъ желаемой степени удовлетворительности, тому причиною, можетъ быть, служить то обстоятельство, что, какъ замѣчаетъ самъ издатель, «все напечатанное печаталось по исправленіи 1-й корректуры» (т. II, стр. 1000, подстрочн. прим.). Кто имѣлъ дѣло съ печатаніемъ церковнославянскихъ и греческихъ текстовъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно бываетъ и послѣ двухъ, иногда же и послѣ трехъ корректуръ, достигнуть волиѣ безошибочнаго печатанія.— Столбцы опечатокъ греческаго текста помѣщены издателемъ въ концѣ II тома, славянскихъ—въ III томѣ. Но этимъ далеко не исчерпываются всѣ неточности изданія славянскихъ текстовъ,—неточности, конечно, не безразличныя для филолога. Представляемъ исправленіе замѣченныхъ нами опечатокъ въ изданіи текста Галличскаго Евангелія 1144 г. и другихъ списковъ.

Въ изданіи о. Амфилохія
напечатано:

Матѣ. I, 1 книгы
— 19 поуститі
II, 4 архіерей
— въпрішашеса
III, 16 вѣдѣхъ
V, 19 мнѣн
— 25 въвѣржетьса
VI, 20 хранаше
IX, 20 прінесоша
X, 21 кси
XX, 1 запятъ
Марк. VI, 3 съ
Лук. I, 41 въ чревѣ
V, 5 твоюму
VIII, 56 оужасостася
XI, 13 оу него
XII, 18 добро мое
XVII, 10 раби
XVIII, 8 дѣемъ
XXII, 16 ѿ него
XXIII, 18 възъпѣша
— 40 въ томъ же
Іоан. X, 28 дамъ
XII, 2 сътвориша
XIII, 4 въста
XV, 15 вашъ
XVI, 4 вашъ
— 18 глѣхуу же ксть
— 25 не обшоуа са
XIX, 9 и ѿсь
— 21 ако

Въ рукописи Галичскаго
Евангелія 1144 года:

книгы
поустити
архіиерея
въпрашаше а
вѣдѣ
мнѣн
въвѣржетъ та
хранаше
прінесоша
кси
запятъ
съ
въ чревѣ
твоюму
оужасостася
оу него
доброе мое
раби
дѣемъ
ѿ него
възъпѣша
въ томъ же
даю
сътвориша
въставъ
васъ
вамъ
глѣхуу же что ксть
не обшоуа
и ѿсь
ако

Надстрочный значекъ', ставящійся часто надъ гласными и

согласными, въ изданіи о. Амфилохія почти вовсе не соблюденъ. Надъ гласнымъ і въ рукописи только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ ставятся двѣ точки; въ изданіи же о. Амфилохія і напечатано постоянно съ двумя точками наверху.

Предъ текстомъ Евангелія отъ Матоея о. Амфилохій напечаталъ изъ Галичскаго списка 1144 г. «прѣдъсловыѣ стѣхъ чегтыркѣ еѣланн». Въ этой статьѣ мы замѣтили слѣдующія опечатки противъ подлинника:

Въ изданіи о. Амфилохія:		Въ рукописи:
Стран.	Строк.	
XVII,	4 св. радоватисѧ	радоватисѧ
—	12 св. прѣдложь. ѡко	прѣдложь. ѡко
XVIII,	2 св. съ котерою	съ котерою главою
—	13 св. въ шѣже	въ шѣже ¹⁾

Хотя о. Амфилохій въ предисловіи (стр. II, подстр. прим.) и говоритъ, что онъ соблюдалъ правописаніе словъ, выпишываемыхъ изъ древнихъ Евангелій при разночтеніяхъ, но тѣмъ не менѣе въ его трудѣ не всегда соблюдается правописаніе и другихъ рукописей, кромѣ Галичскаго Евангелія. Такъ, кромѣ указанныхъ нами въ II отдѣлѣ опечатокъ,

въ изданіи о. Амфилохія напечатано:		Въ рукописи написано такъ:
Матѳ. III,	4 Мет. ѡбрѣднѣ	ѡбрѣднѣ
VI,	17 — еленмѣ	ѣленмѣ
—	24 — дрѣгааго иметьсѧ	дрѣгааго иметьсѧ

¹⁾ Въ Предисловіи къ I тому изданія о. Амфилохія, вѣроятно, по ошибкѣ, невѣрно указаны годы печатныхъ изданій и рукописей. Такъ,

Стран.	Строк.	Напечатано:	Должно быть:
I	3 св.	1571 *)	1581
V	12 св.	1096	1092
—	9 св.	1847	1846
VI	8 св.	1854	1864
IX	9 св.	1387	1383

*) Тоже на стр. XIII, строк. 2 св. и въ самомъ заглавіи труда. Изданіе Новаго Заветъа Рейнекція въ заглавіи показано 1757 года (должно быть: 1737 года).

Матѣ. VI, — —	пребвндитъ	прѣбвндитъ
XI, 17 —	пипеловахоломъ	пипеленахоломъ
XVI, 27 —	за дшѣж своѣж	за дшю свою
XXV, 1 Сав.	приаша	приаша
Марк. VI, 3 Зогр.	тектонъ	теѣтонъ
X, 11 —	и гла навъ	і гла імъ
Лук. VIII, 45 Никол.	оутиснають	оутискають
XIX, 21 Мст.	ждже	оудожже
XXIII, 40 Остром.	осоуженни	осжденни
XXIV, 43 —	ѣсть	ѣсть
Иоан. III, 11 —	не пріемлете	не приемлете
VI, 9 Тип. 6	селнцемъ	селнцѣмъ
VI, 29 Зогр.	і рече навъ	і рече імъ
VIII, 19 —	глахъ . . . оцѣ твои	глахъ . . . оцѣ твои
XI, 41 Остром.	ндеже во оумѣръши	ндеже въ оумѣръши
	лежа	лежа
XII, 47 —	не вѣроуетъ	не вѣроуетъ
XXI, 15 —	овьца моя	овьца моя

Особенно часто не соблюдается правописание Константинопольскаго Евангелія 1383 г. Такъ,

въ изданіи о. Амфилохія	Въ рукописи Константинополь-
напечатано:	скаго Ев. 1383 года:

Матѣ. IV, 6 ¹⁾	сохранити тѣ	схранити тѣ
V, 32	ѡпоуцаши	ѡпоуцаши
VI, 34	днии злоба	дшии зло
VII, 2	возмѣрится	възмѣрится
— 11	пѣсньи	пѣныи
— 14	скорѣньи	скорѣныи

¹⁾ О. Амфилохій въ разночтеніяхъ на это мѣсто замѣчаетъ: «въ Конст. Ев. 1383 г. и Ев. XV—XVII в. прибавлено: сохранити тѣ». Но когда нѣсколько списковъ имѣютъ одинаковое чтеніе, то текстъ принято приводить по первому изъ перечисляемыхъ списковъ. Это-то правило въ трудѣ о. Амфилохія не соблюдается. Впрочемъ, правописание Константинопольскаго Евангелія 1383 г. часто не выдержано и въ тѣхъ случаяхъ, когда приводится разночтеніе одного только этого списка.

VII, 15 ѿ ложныхъ	ѿ ложныхъ
VIII, 4 въ законѣ	в законѣ
— 8 подъ кровъ	подо кровъ
— 16 волацаа	волацаа
— 17 исалемъ глаголющымъ	исалемъ прѣркомъ глаголющымъ
— 27 кто съ	кто ѣсть се
— 28 гергесинскѣю	гергесинскѣю
— 32 и се авне	и авне
IX, 4 ажкава	лоукава
— 9 глѣмаго	глѣма
X, 3 селебен	селевѣн
XI, 7 колеблемъ	колѣблемъ
— 20 поношати	поносити
— 25 въ тѣн чѣ	въ тѣ чѣ
XII, 34 порожденїа	пороженїа
XIII, 6 прнсеѣнж	прнсеѣноу
— 16 видѣть-слышати	видѣть-слышати
— 27 рѣша	рѣша
— 35 ѿрнноу	ѿрнноу
XIV, 12 прншедше же	прншедше
— 15 въ ѡкрестныхъ весн	во весн ѡкрѣстныхъ
— 36 въ скриню	въ скриню
XV, 21 въ страны турскїа и сид . . .	въ страны тирьскїа и си- доскы (sic!)
XVI, 2 бывше	бывше
— 24 градеть	градеть
XXI, 9 прѣдъходящїи емоу и вѣслѣдъствоующїи	прѣдъходящей емоу и вѣслѣдъствоующей
XXIV, 36 вїи си	вїи си ¹⁾
XXV, 5 вснароу	вснароу
XXVI, 39 на лицн своемъ	на лицн своемъ

¹⁾ Прѣдъ вїи си въ рукописи оставлено немного мѣста (должно бы бытъ: вїи си!).

XXVI, 50 прїиде	прїиде
XXVII, 47 глашають сын	глаголають се
Марк. I, 9 въ днѣхъ ѡнѣхъ	во ѡнѣхъ днѣхъ
— 21 въ сонмище	в сонмище
II, 10 нж не разоумѣете	но не разоумѣете
III, 34 окръстѣ себе сѣдѣиши	ѡкрѣстѣ себе сѣдѣиши
IV, 8 всходѣиши	всходѣиши
V, 7 возопи	възопи
VI, 50 смѣтѣшасѧ	смотришасѧ
— 55 отвѣкше	ѡбвѣкше
X, 9 сочета	сочта
— 19 не прелюбы створиши...	не прелюбы створиши... чти
чти	
XIV, 27 овца стадыиѧ	ѡвца стадыиѧ
Лук. I, 3 послѣдствовавшоу	послѣдствовавшю
— 39 въ горнаѧ	в горнаѧ
IV, 31 въ соуботоу	в соуботы
V, 5 въвергъ	въвергоу
VII, 27 оуготовитѣ	оуготовитѣ
VIII, 24 въздвигоша, погыбаемъ	въздвигоша, погыбаемъ
— 43 не възможе	не възможе
— 51 вѣнчати	внчати
IX, 19 ѿ дрѣвниихъ	ѿ дрѣвниихъ
— 25 пользоуеть	пользоуеть
— 29 одѣаніе	ѡдѣаніе
X, 3 овца	ѡвца
XI, 7 не твори ми троуды	не твори ми троуды
— 39 вноутренее... пѣно	вноутренее же ваше пѣно
гравленіи и лоубавѣства	гравленіи и лоубавѣства
XVIII, 5 троуды	троуды
— 35 приближашасѧ	приближашесѧ
XIX, 17 бл҃гый рабе добрый	бл҃гый рабе и добрый
XX, 17 писаное се	писаньное

XX, 31 не оставиша чадъ и оумроша	не ѡставиша чд̃ и оумеръша
XXIII, 17 на всѣхъ праздникъ — 25 ѡпжети же — 41 воспріемлевѣ... сеп же ни единого зла створи	на всѣхъ праздникъ ѡпѣтити же въспрїемлевѣ. а си, ничтоже зла стори
XXIV, 43 вземъ... ѡсть Іоан. I, 28 въ видавартъ II, 6 водоносн, водоносци — 9 створишюся IV, 2 іс̃ — 23 въ дх̃ѣ — — таковѣхъ... покланя- ющихся — 34 да сътворю — 35 вѣлы V, 6 въ недоузѣ — 15 сътвореныи VI, 23 влѣгодарившоу гб̃у — 25 здѣ вьсть VIII, 10 наваждахоу — 30 снѣ — 59 хожааше XI, 22 ѣлико — 48 и ѡзыкъ нашъ XIII, 16 посланникъ XIX, 13 сїе слово XXI, 9 лежацие	въземъ... ѡсть въ вифавартъ водници створшюся іс̃ъ въ дс̃ѣ тацѣхъ . . . покланяю- щихся да створю вѣлы в недоузѣ створеныи влѣгодарившоу гбу зде вѣ наважаахоу си хожааше ѣлика и ѡзыкъ нашъ посланникъ се слово лежацие.

V.

Параллельно съ текстомъ Галическаго списка, строка въ строку и стихъ въ стихъ, напечатанъ у о. Амфилохія греческій текстъ Евангелія по рукописи преосвящ. Порфирія 835 года; за тѣмъ, послѣ разночтеній славянскихъ списковъ Евангелія приводятся

греческія разночтенія по двумъ рукописямъ Евангелія X—XI в. гр. Орлова-Давыдова, принадлежащимъ теперь Московской Синодальной библіотекѣ, по спискамъ Евангелія 1144 и 1272 гг. и по печатнымъ изданіямъ Рейнекція (1737 г.) и Тишендорфа (1854 г.). Но въ означенныхъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ нѣтъ нѣкоторыхъ греческихъ варіантовъ (напр. Матѳ. VII, 8; VIII, 13; XIII, 20; XXV, 18, 20, 29; Марк. VII, 23, 30; Лук. IV, 8; XVII, 37; XVIII, 26; XXII, 30), служащихъ для объясненія славянскихъ разночтеній и указываемыхъ въ другихъ критическихъ изданіяхъ евангельскаго текста, каковы Миллія, Грїйзбаха, Маттея, Шольца и особенно послѣднее Тишендорфовское изданіе (*editio octava critica major*, Vol. I, Lipsiae, 1869), въ которомъ однихъ древнихъ греческихъ кодексовъ не позднѣе X в. (*codices uncialis*) принято пятьдесятъ два. Такъ какъ прямую задачу о. Амфилохія по отношенію къ греческимъ разночтеніямъ должно было составлять отысканіе такого греческаго текста, который послужилъ оригиналомъ для древняго славянскаго перевода, содержащагося въ Галичскомъ четвероевангеліи 1144 года и въ другихъ древнихъ славянскихъ спискахъ Евангелія, и затѣмъ отысканіе греческихъ варіантовъ, которыми руководствовались послѣдующіе исправители славянскаго перевода или новые переводчики, то пользованіе означенными выше критическими изданіями Евангелія и особенно послѣднимъ Тишендорфовскимъ, безъ сомнѣнія, только придадо бы бѣольшую цѣнность труда почтеннаго археолога. Что касается отношенія Галичскаго Евангелія 1144 года къ греческому тексту 835 года, то нашъ списокъ нерѣдко расходится съ означеннымъ греческимъ Евангеліемъ, заставляя предполагать вліяніе другого рода греческихъ списковъ. И въ самомъ дѣлѣ, тщательное слпченіе Галичскаго списка и другихъ древнихъ рукописей Евангелія съ греческимъ текстомъ по разнымъ оногo спискамъ (особенно въ послѣднемъ изданіи Тишендорфа) показываетъ, что вопреки мнѣнію еще Добровскаго, которому, впрочемъ, древнѣйшіе славянскіе списки Евангелія и не были еще извѣстны, славянскій переводъ въ разсматривае-

мыхъ рукописяхъ весьма часто слѣдуетъ чтеніямъ древнѣйшихъ греческихъ кодексовъ Евангелія IV—VI в.: Синайскаго, Александрійскаго, Ватиканскаго, Ефремовскаго и Кембриджскаго. Тоже самое замѣчено нами относительно древняго славянскаго перевода Апостола (въ нашемъ изслѣд. «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.» М. 1879). Послѣдующія славянскія редакціи Евангелія стоятъ уже гораздо ближе къ греческимъ спискамъ IX и слѣдующихъ вѣковъ. Исправители древняго славянскаго перевода Евангелія имѣли въ виду, между прочимъ, кажется, именно ту цѣль, чтобы привести славянскій переводъ въ возможно-большее согласіе съ греческими списками, бывшими въ ихъ время въ употребленіи въ церкви Константинопольской.

Отмѣтимъ греческіе варианты, служащіе для объясненія славянскихъ различій и въ изданіи архим. Амфилохія неупомянутые:

Матт. VII, 8 ἀνοίγεται, по Тишендорфу, въ Ватик. код., коптск. и сирск. перев. (вмѣсто общепринятаго ἀνοιγήσεται), соотвѣтственно чему въ Галнчск. Евангеліи чит. и τῶ κλοῦσῆμοῦ ὄψεται.

VIII, 13 въ концѣ стиха прибавлено: καὶ ὑποστρέψας ὁ ἑκατοντάρχος εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ εὗρεν αὐτὸν ὑγιαίνοντα — въ Ефрем. Баз. и нѣкоторыхъ другихъ кодексахъ, въ сир. и ео. перев., соотвѣтственно чему прибавлено въ Конст. Ев. 1383 года: и вѣрзаетьса и сотникъ къ дому свои ѡверѣте юго здрава.

XIII, 20 въ двухъ спискахъ по Шольцу читается λαμβάνει (вм. общепринятаго λαμβάνων), соотвѣтственно чему въ Арх. 2. Карп. Никол. и въ спискахъ Библии, какъ и въ нынѣшнемъ текстѣ—принимаетъ. Сирскіи же Гал. Зогра. Мар. Мст. Тип. 1. 6. Конст. Никон. имѣютъ: приѣм'ла (λαμβάνων).

XXV, 18 ὄρουξεν γῆν — въ Спн. Ват. и другихъ кодексахъ (Гал. расконалъ землю).

XXV, 20 опущено τάλαντα въ Спн. и друг. кодекс., соотвѣтственно чему опущ. въ двухъ мѣстахъ слово талантъ въ Конст. Евангеліи 1383 г.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ТОМЪ XL, № 5.

ИЗЪ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

СПИРИДОНА ЮРЬЕВИЧА ДЕСТУНІСА.

ЕГО ПЕРЕВОДЪ

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЙ ПЛУТАРХА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр. 9-я лин., № 12.

1886.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1886 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ.

Молодой грекъ, родомъ изъ Кефалоніи, бывшій студентъ Московскаго университета, находясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, перевелъ въ первой четверти нашего столѣтія съ греческаго языка на русскій Плутарховы «Жизнеописанія славныхъ мужей». Это былъ отецъ мой — Спиридонъ Юрьевичъ Дестунисъ. Означенный трудъ въ свое время обратилъ на себя благосклонное вниманіе правительства и журнальной критики. Дальнѣйшая судьба этого труда представляетъ много страннаго и вмѣстѣ характеристичнаго и не должна оставаться неизвѣстною. Самое произведеніе это, насколько мнѣ извѣстно, не подверглось, въ цѣлости своей, дѣльному гласному разбору, хотя оно того и заслуживало. Я вообще считаю своимъ долгомъ и передъ Россіей, которая уже болѣе одного столѣтія стала нашимъ отечествомъ, и передъ памятью нашего отца, который братьевъ моихъ и меня самъ и училъ и воспитывалъ, познакомить читателей, интересующихся памятниками прошедшаго, съ литературною дѣятельностью нашего отца. Начну съ перевода Плутарха, и во-первыхъ представлю извлеченіе изъ имѣющихся у насъ рукописныхъ свѣдѣній, присовокупляя къ нимъ и извѣстія печатныя, во-вторыхъ постараюсь познакомить читателей съ самымъ переводомъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Свѣдѣнія о переводѣ жизнеописаній Плутарха С. Ю. Дестуниномъ — судьба изданія.

Въ «Дневникѣ», веденномъ моимъ отцомъ въ Москвѣ 1808 г., послѣ первыхъ словъ, въ которыхъ онъ даетъ самому себѣ отчетъ, для чего онъ началъ вести дневникъ, слѣдуетъ такое признаніе: «Я съ удовольствіемъ читаю Плутарха; нельзя найти болѣе важности, простоты и пріятности ни въ какомъ авторѣ». Дальше выписаны мѣста изъ этого писателя, то на русскомъ, то на греческомъ языкѣ, и замѣтки на нихъ составителя «Дневника»¹⁾. Да и вообще, бесѣдуя съ самимъ собою о разныхъ вопросахъ, занимавшихъ его молодую душу, онъ часто въ своемъ «Дневникѣ» 1808 г. переплетаетъ собственныя свои мысли и чувства съ мыслями и чувствами Плутарха. Значитъ, въ началѣ 1808 г., а вѣроятно и раньше того, Плутархъ былъ любимымъ писателемъ Спиридона Юрьевича, хотя ему тогда уже были извѣстны и классики грековъ и римлянъ, и мыслители новыхъ временъ. Глубокое сочувствіе къ Плутарху выражено С. Ю.—чемъ шесть лѣтъ послѣ приведенныхъ замѣтокъ въ предисловіи къ полному изданію его перевода Жизоописаній Плутарха²⁾.

....«Въ сей эпохѣ, пишетъ онъ въ 1814 г., въ которой Омиръ, Виргилій, Тацитъ, Саллустій и другіе великіе писатели, образцовые въ своемъ родѣ, находятъ достойныхъ переводчиковъ³⁾, удивительно, что забыть Плутархъ, изъ всѣхъ, можетъ быть, полезнѣйшій, Плутархъ, который прославилъ хорошаго переводчика, когда только его имѣлъ».

Изъ замѣтокъ, записанныхъ С. Ю.—чемъ въ 1847 г., за годъ до его кончины, или въ 1848 г., въ послѣднемъ году его

¹⁾ Изъ начала книжки, писанной рукою отца, которую мы озаглавили его «Дневникомъ»; тамъ отмѣчено: «6 февраля 1808 г., въ Москвѣ».

²⁾ Собственно въ «Краткомъ Извѣстіи», помѣщенномъ въ началѣ 1-й части полнаго изданія Ж. Пл. 1814 г. См. стр. LXIII—IV.

³⁾ Дѣло идетъ о Россіи и русской литературѣ. Г. Д.

жизни, узнаемъ, что «онъ осмѣлился предпринять переводъ на русскій языкъ *Жизнеописаній Плутарха* по совѣту людей, занимавшихся литературой. Предпріятіе конечно дерзкое, приписываетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, по огромности труда, по трудности автора, по множеству свѣдѣній, которыя надлежало имѣть и проч. и проч. По крайней мѣрѣ молодому человѣку нельзя отказать въ предпріимчивости, но отнюдь не въ предусмотрительности, ибо всякій пріпявшійся за переводъ тогда, какъ и теперь¹⁾, долженъ дать себѣ вопросъ: а что я буду дѣлать съ своимъ переводомъ? кто будетъ его печатать — кто будетъ наконецъ читать? здѣсь ксати повторить золотыя слова критика: *Трудъ всегда почтенъ, но при видѣ человѣка, трудящагося надъ дѣломъ, въ которомъ другимъ нѣтъ ни нужды, ни пользы — становится жалъ потеряннаго труда и растроченныхъ силъ. Но что будешь дѣлать, охота пуще неволи!*»²⁾.

Изъ приведенныхъ признаній старца мы узнаемъ, что въ этомъ предпріятіи его молодости онъ сначала не имѣлъ увѣренности въ томъ, что получитъ отъ кого-либо поддержку.

Однакожъ ему посчастливилось. Нашелся сильный покровитель въ лицѣ государственнаго канцлера, Николая Петровича *Румянцева*, подъ главнымъ начальствомъ котораго онъ служилъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ рукописной статьѣ С. Юрьевича читаемъ:³⁾ «Дѣло о переводѣ Плутарха не осталось безъ вниманія людей, въ то время значительныхъ и пзвѣстныхъ по своей любви къ просвѣщенію въ Россіи. Сынъ Задунайскаго героя былъ человѣкъ очень начитанный: Плутархъ былъ ему знакомъ. Переводъ нѣкоторыхъ жизнеописаній препровожденъ⁴⁾ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для

1) Тогда въ 1808—9 гг.; теперь въ 1847 г. Г. Д.

2) Выписка эта сдѣлана нами изъ одной черновой статьи отца, вызванной одною выходкой Отечественныхъ Записокъ; мы будемъ называть его статью «Черновымъ Отвѣтомъ 1847 г.», хотя этотъ «отвѣтъ» можетъ-быть написанъ и въ 1848 г., т. е. въ послѣднемъ году его жизни. Г. Д.

3) Въ «Черновомъ Отвѣтѣ 1847 г.».

4) Дополняемъ: «изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Г. Д.

разсмотрѣнія. Министерство поручило Ивану Ивановичу Мартынову разсмотрѣть его. Въ это самое время переводчикъ узналъ, что Мартыновъ занимался переводомъ греческихъ классиковъ, въ томъ числѣ и Плутархомъ. Мартыновъ имѣлъ важное мѣсто и былъ чрезвычайно занятъ: держалъ переводъ долго. Бывъ съ нимъ нѣсколько знакомъ, переводчикъ былъ у него, дабы узнать, что онъ думаетъ о переводѣ. Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ кроткій, но довольно холодный. Онъ сказалъ переводчику, что *читалъ начало и что находитъ очень гладкимъ* (это были жизни Агесилая и Помпея, Кимона и Лукулла)¹⁾. Мартынова нѣтъ болѣе, словамъ переводчика можно вѣрить и не вѣрить, но официальный отзывъ существуетъ гдѣ-нибудь — и безъ этого одобрительнаго отзыва переводъ Плутарха остался бы до сихъ поръ въ рукописи. При этомъ случаѣ нельзя не замѣтить благородства души Мартынова. Онъ одобрилъ переводъ, который дѣлалъ ему подрывъ, хотя могъ уничтожить однимъ словомъ труды человѣка безъ имени въ литературѣ²⁾.

Изданіе, о которомъ тутъ говорится, относится къ 1810 г.; а въ 1812 г. графъ Румянцевъ, бывший, какъ сказано, и главнымъ начальникомъ переводчика и покровителемъ его ученаго труда, вышелъ въ отставку. Отставка, какъ извѣстно, не помѣшала Румянцеву поощрять научныя работы: пмѣя больше досуга, онъ могъ посвящать и больше вниманія «благому просвѣщенію»³⁾. Предпріятія его въ области знанія составляютъ блестящую страницу въ исторіи русской образованности⁴⁾. Между

¹⁾ Такъ какъ упомянутыя въ этомъ извѣстіи жизнеописанія помѣщаются въ 1-й и во 2-й частяхъ изданія 1810 г., то этотъ отзывъ Мартынова очевидно касался только этого изданія. Г. Д.

²⁾ Черн. Отвѣтъ 1847 г.

³⁾ Память памятна исчезнувшая съ бывшего зданія Румянцевскаго музея, что на Англійской набережной, надпись: «Отъ Государственнаго Канцлера Румянцева на благо просвѣщеніе».

⁴⁾ Ученыя предпріятія его изложены между прочимъ въ сочиненіи А. Д. Ивановскаго: *Государственный Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Біографическій очеркъ съ приложеніями*. . . Спб. 1871. См. особенно стр. 29 44, 45. Объ Эллино-Русскомъ словарѣ тутъ не упомянуто.

нимъ есть одно, очень мало извѣстное, но очень замѣчательное: Румянцевъ задумалъ составленіе «*Эллино-Русскаго словаря*» и поручилъ работу Дестунису. Книга эта была написана вся, на всѣ буквы греческой азбуки и министерствомъ народнаго просвѣщенія одобрена. Сверхъ того, отца же моего имѣлъ въ виду Румянцевъ для перевода «*Византійской Исторіи Льва Діакона Калойскаго*»: но вслѣдствіе отправки С. Юрьевича по службѣ за границу въ 1818 г. этотъ трудъ вмѣсто него былъ порученъ профессору Дмитрію Прокофьевичу Попову, который его и исполнилъ¹⁾.

Въ 1814 г. была напечатана 1-я часть полнаго изданія перевода Плутарховыхъ Жизнеописаній. Здѣсь, въ Краткомъ Извѣстіи, находимъ нѣсколько свѣдѣній, не лишенныхъ занимательности, которыя мы выпишемъ:

«За четыре года, пишетъ переводчикъ, я издалъ нѣсколько избранныхъ Жизнеописаній для опыта. Опыта были удостоены всемплоствѣйшаго Его Императорскаго Величества воззрѣнія, и многія особы, извѣстныя своею ученостію, не менѣе какъ знаменитостію сана своего, увѣрили меня, что мой переводъ былъ имъ непротивенъ. Ободренный сямъ благосклоннымъ отзывомъ, я получилъ новыя силы къ продолженію долговременнаго и труднаго занятія — я рѣшился перевести, какъ жизнеописанія Плутарха, такъ и лучшія изъ другихъ его сочиненій. Я почитаю долгомъ благодарности трудиться для общества, которому обязанъ образованіемъ. Но при всей своей охотѣ перевести сочиненія Плутарха — находясь почти на концѣ своего подвига, признаюсь, что для славы сего великаго человѣка, для пользы Россійской Словесности, для большаго удовольствія любителей чтенія, рѣ-

¹⁾ Эллино-Русскій словарь моего отца остался неизданнымъ и пропалъ. Второй трудъ, задуманный Румянцевымъ, вышелъ подъ заглавіемъ: *Исторія Льва Діакона Калойскаго и другія сочиненія Византійскихъ писателей, изданныя въ первый разъ и объясненныя примѣчаніями Карломъ Бенедиктомъ Газе; перевелъ съ греческаго Д. Поповъ. Спб. въ типографіи Академіи Наукъ 1820 г.* Мы намѣрены издать нѣсколько документовъ, касающихся этихъ двухъ предпріятій Румянцева.

шился бы, послѣ пятилѣтнихъ трудовъ, отстать отъ своего предпріятія, коль скоро бы удостовѣрился, что искуснѣйшій человѣкъ занимается таковымъ переводомъ»¹⁾).

Приведенная выписка нуждается въ поясненіи. Упомянутыя въ ней нѣсколько жизнеописаній, изданныя для опыта, — это то самое изданіе, о которомъ мы говорили (стр. 4, прим. 1): оно озаглавлено такъ: *Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Переводъ съ греческаго. Печатано по Высочайшему повелѣнію. Въ Санктпетербургѣ. Въ типографіи Шнора, 1810.* Всего два тома въ 8-ую. Въ 1-мъ томѣ такое посвященіе: «Его Величеству Императору и Самодержцу Всероссійскому Александру Павловичу съ благоговѣніемъ подноситъ начатки трудовъ своихъ вѣрноподданнѣйшій Спиридонъ Дестунисъ». Ни посвятительнаго письма, ни предисловія нѣтъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены: «Агесилай, Помпей, Алкивиадъ, Коріоланъ»; во 2-мъ томѣ: «Кимоонъ, Лукуллъ, Аристидъ, Катонъ Цензоръ». Это изданіе, первое по времени, я буду называть *пробнымъ*. Изданіе же, изъ котораго заимствована послѣдняя выписка и котораго начало появилось въ 1814 г., я буду называть *полнымъ*. Оно озаглавлено слѣдующимъ образомъ: *Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Перевелъ съ греческаго Спиридонъ Дестунисъ, съ Историческими и Критическими примѣчаніями, съ Географическими картами и изображеніями славныхъ мужей. Печатано по Высочайшему повелѣнію. Санктпетербургѣ.* Оно выходило съ 1814 г. по 1820-й; всего 13 частей, въ 8-ую; печаталось въ 4-хъ разныхъ типографіяхъ. Въ 1-й части находится прежде всего посвятительное письмо переводчика Государю Александру I, потомъ «Краткое Извѣстіе о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (стр. I — LXXVI)». Изъ сихъ 13 частей первыя *шесть* печатались подъ наблюденіемъ самого переводчика до 1818 г.; а остальныя *семь* подъ чужимъ наблюде-

¹⁾ Изъ Краткаго Извѣстія о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (помѣщеннаго въ началѣ I части полнаго изданія). Стр. LXVII—LXIX.

ніемъ, что и отразилось на нихъ очень невыгоднымъ образомъ, какъ увидимъ ниже.

Дальше, въ сдѣланной нами выпискѣ говорится объ «особахъ, извѣстныхъ своею ученостію, не менѣе какъ и знаменитостію своего сана», одобрившихъ его трудъ. Мы можемъ назвать только Румянцева, о которомъ уже упомянули, и Оленина, о которомъ рѣчь еще впереди: другихъ мы не знаемъ; Стурдза еще самъ былъ молодымъ человѣкомъ, а Каподистрія, къ которому сейчасъ перейдемъ, не настолько знакомъ былъ съ русскимъ языкомъ, чтобъ самому быть цѣнителемъ этого труда со стороны его литературныхъ достоинствъ и недостатковъ.

Потомъ С. Юрьевичъ пишетъ, какъ мы видѣли, что онъ «рѣшился перевести, какъ жизнеописанія Плутарха, такъ и лучшія изъ другихъ его сочиненій». Переводъ «Жизнеописаній» былъ доведенъ имъ до конца; изъ другихъ же сочиненій Плутарха намъ извѣстно только одно имъ переведенное. Это то, которое было читано въ Обществѣ Любителей Словесности Наукъ и Художествъ 16 мая и 13 іюня 1812 г., подъ заглавіемъ: «*О щастіи Римлянъ, изъ сочиненій Плутарха вольный переводъ*». Эта статья, писанная рукою моего отца, найдена мною въ бумагахъ упомянутаго Общества, хранящихся въ Библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. О томъ, что бумаги Общества находятся въ этой библіотекѣ, сообщилъ мнѣ г. библіотекаръ ея Карлъ Германовичъ Залеманъ, благодаря которому я могъ разсмотрѣть бумаги Общества, за что приношу г. библіотекарю глубокую благодарность¹⁾.

Наконецъ въ томъ же отрывкѣ, взятомъ нами изъ Краткаго Извѣстія къ 1-й части перевода 1814 г., С. Ю—чь высказалъ, «что рѣшился бы послѣ пятилѣтнихъ трудовъ отстать отъ своего предпріятія, коль скоро бы удостовѣрился, что искуснѣйшій че-

¹⁾ Изъ бумагъ Общества я узналъ, что Спиридонъ Юрьевичъ Дестунисъ былъ выбранъ членомъ онаго 28 Марта 1812 г.; между бумагами Общества есть еще четыре собственноручныя его работы, не имѣющія отношенія къ нашему предмету.

ловѣкъ занимается таковымъ переводомъ»¹⁾). Какъ понимать эти пять лѣтъ труда? такъ какъ авторъ напечаталъ свое Краткое Извѣстіе въ 1814 году, то начало перевода должно отнести къ 1809 г.; въ такомъ случаѣ на переводныя отрывки изъ Плутарха, находящіеся въ его «Дневникѣ 1808 г.», нужно смотрѣть лишь какъ на плоды его досуга, еще не получившіе характера систематическаго предпріятія. И еще вопросъ: подъ искуснѣйшимъ человѣкомъ не разумѣетъ ли С. Ю—чь определенное лицо? Сопоставляя приведенную мысль его съ упомянутымъ раньше свѣдѣніемъ, что Мартыновъ между прочими классиками переводилъ и Плутарха, можно предположить, что и здѣсь имѣется въ виду Мартыновъ. Не могъ С. Ю—чь такъ высоко цѣнить Сферина, своего помощника по составленію Эллино-Русскаго Словаря, чтобъ предвидѣть въ немъ будущаго переводчика такого энциклопедиста, какъ Плутархъ; и отнюдь не могъ намекать на Дмитрія Прокофьевича Попова, который, какъ мы ниже покажемъ, въ 1814 г. только кончалъ свой курсъ въ педагогическомъ институтѣ.

Два года спустя послѣ напечатанія 1-й части полнаго изданія перевода Плутарховыхъ Жизнеописаній, въ сентябрѣ 1816 г. представлена была статья-секретаремъ графомъ Иваномъ Антоновичемъ Каподистріей на Высочайшее имя докладная записка о вознагражденіи Дестуница за переводъ, имъ уже оконченный и представленный. Этотъ документъ относится къ той эпохѣ политической дѣятельности Каподистріи, когда онъ, вслѣдствіе заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи за все время ея трудной борьбы съ Наполеономъ, пользовался большимъ довѣріемъ Александра I.

С. Юрьевичъ Дестуницъ сталъ лично знакомъ съ графомъ Каподистріей со времени пріѣзда послѣдняго въ Россію въ началѣ 1809 г. За два почти года перваго пребыванія Каподистріи въ Петербургѣ, онъ кромѣ греческихъ и молдавскихъ семействъ, здѣсь поселившихся, по собственному его признанію не

¹⁾ Краткое извѣстіе, полнаго изданія Плутарха 1814 г. Ч. I. стр. LXIX.

сдѣлалъ никакихъ другихъ знакомствъ. Скудость его средствъ, его плохое здоровье, а еще болѣе его любовь къ уединенной жизни и къ умственнымъ занятіямъ не позволяли ему искать разсѣяній въ обществѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ у себя въ комнатѣ за книгами¹⁾. Въ это самое время (1809—1811) между нимъ и С. Ю—чемъ установились глубокое взаимное довѣріе и искренняя пріязнь, впоследствии никогда не поколебавшіяся. Сближенію ихъ, безъ сомнѣнія, содѣйствовали преданность ихъ интересамъ Россіи и надежда нравственнаго и умственнаго возрожденія грековъ при помощи этого ихъ новаго могущественнаго отечества.

Сдѣлавшись довѣреннымъ лицомъ Императора Александра I, Каподистрія сталъ оказывать ученымъ трудамъ своего подчиненнаго С. Ю—ча то покровительство, котораго починъ принадлежитъ графу Румянцеву. Вотъ какъ гласитъ упомянутая докладная записка²⁾.

«Его Величеству Государю Императору. Коллежскій ассесоръ Дестунцъ, служившій пять лѣтъ въ канцеляріи Департамента Иностранныхъ Дѣлъ, независимо отъ постояннаго усердія, съ какимъ онъ всегда исполнялъ свои обязанности, сверхъ того оказалъ заслугу Государству и литературѣ своимъ переводомъ Плутарховыхъ Жизнеописаній славныхъ мужей, который имъ нынѣ оконченъ, и составленіемъ Элліно-Русскаго Словаря, сочи-

¹⁾ См. *Записку графа Иоанна Каподистрія о его служебной дѣятельности*. Она написана имъ самимъ по-французски и помѣщена въ подлинникѣ и въ переводѣ К. К. Злобина въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, т. 3. Спб. 1868. См. стр. 168 и 169. Сравни: Notice biographique du comte Capodistrias, стр. 13 и 17, помѣщ. въ Correspondance du comte J. Capodistrias, Président de la Grèce. Genève, Paris, 1839, и русское изложеніе той же біографіи, нѣсколько отличающееся отъ французскаго: Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа И. А. Каподистрія. Сочиненіе А. С. Стурдзы. Москва, 1864. на стр. 15 и 19.

²⁾ Написанная на французскомъ языкѣ, она у меня находится въ копіи, сдѣланной рукою отца. Надъ запиской его же рукою надписано по-русски: Копія съ Докладной Записки статсъ-секретаря графа Каподистрія отъ . . . Сентября 1816 года. Приводимый здѣсь переводъ сдѣланъ мною.

ненія, еще не изданнаго, каковое не доставало для воспитанія юношества въ Россіи, и которому Министерство Народнаго Просвѣщенія воздало письменно самое выгодное свидѣтельство¹⁾. Первое изъ сихъ произведеній, а именно переводъ Плутарха, печатается на счетъ казны и въ пользу переводчика. Но въ виду того, что изданіе подвигается лишь очень медленно и дошло еще только до четвертаго тома²⁾, между тѣмъ какъ девять слѣдующихъ находятся доселѣ въ рукописи, коллежскій ассесоръ Дестунисъ, какъ въ воздаяніе за оказанныя имъ заслуги, такъ и по скудости своихъ средствъ, и въ виду обязанностей, возлагаемыхъ на него содержаніемъ его семейства, осмѣливается повергнуть Вашему Императорскому Величеству нижеизложенную всепокорнѣйшую просьбу: Дабы Ваше Величество повелѣть соизволили Вашему Кабинету озаботиться напечатаніемъ сего труда, съ тѣмъ чтобъ деньги, выручаемыя съ продажи тысячи экземпляровъ, изъ коихъ состоитъ сіе изданіе, достались Комитету Инвалидовъ. За вычетомъ же издержекъ печатанія, выгода отъ продажи была бы назначена въ пособіе инвалидамъ, что можетъ дойти до суммы довольно значительной, такъ какъ итогъ выручки могъ бы составить по меньшей мѣрѣ 40,000 руб., по 40 руб. экземпляръ, состоящій изъ 13 томовъ въ 8^о. Въ самомъ дѣлѣ Комитетъ Инвалидовъ обладаетъ по видимому многочисленнѣйшими способами зарекомендовать этотъ трудъ въ мнѣніи общественномъ, нежели тѣ, которые можетъ имѣть такое одинокое лицо безъ связей, каковъ переводчикъ. Въ вознагражденіе за сіе пожертвованіе переводчикъ желалъ бы получить отъ щедротъ В. И. В. отвода³⁾ тысячь десятичь земли по своему выбору

1) Объ Эллино-Русскомъ словарѣ см. стр. 5 и прим. 1.

2) 4-я часть была разрѣшена цензоромъ 4 Февраля 1816 г. и въ этомъ же году напечатана; 5-я часть была пропущена цензоромъ 15 Марта 1817 г. и напечатана въ томъ же году; 6-я разрѣшена 9 Марта 1817 г. и напечатана въ 1818. См. эти части полнаго изданія. Г. Д.

3) Въ концѣ, съ которой мы это списали, находится въ этомъ мѣстѣ пробыль. Въ указѣ, который сейчасъ будетъ нами приведенъ, назначено 2 тысячь десятичь земли.

въ одной изъ внутреннихъ губерній. Сверхъ того, такъ какъ означенный чиновникъ исполнилъ нынѣ старательно порученный ему мною переводъ на русскій языкъ донесенія объ Институтѣ г. Фелленберга, равно какъ и разныхъ статей касательно элементарнаго обученія, то я осмѣлюсь просить В. П. В. соизволить пожаловать ему, какъ недавно пожаловано его сослуживцамъ, — орденъ Св. Анны 2-й степени»¹⁾).

За этой докладной запиской послѣдовало въ томъ же 1816 году декабря 6-го отношеніе по поводу выдачи С. Ю. Дестунцу 2 т. десятинъ земли за переводъ Плутарха, такого содержанія²⁾).

«Его Императорское Величество снисходя на просьбу вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ коллежскаго ассесора Дестунца, Высочайше повелѣть изволилъ, чтобъ Кабинетъ, состоящій подъ управленіемъ вашего высокопревосходительства, принялъ отъ него, Дестунца, какъ тѣ части Плутарховыхъ жизнеописаній, кои уже отпечатаны, такъ и тѣ, кои еще въ рукописи, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ ихъ представлять Кабинету, который имѣетъ продолжать изданіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно начато, предоставляя переводившему въ полное распоряженіе двѣсти экземпляровъ, кои имъ частію проданы, частію розданы. Что касается до тысячи остальныхъ экземпляровъ, то Е. И. В. угодно, чтобы оныя выданы были Комитету Инвалидовъ и продавались подъ надзоромъ его, по пятидесяти рублей экземпляръ, съ тѣмъ чтобы выручаемая деньга оставались въ пользу инвалидовъ, о чемъ по Высочайшему повелѣнію я отнесся къ его сіятельству гр. А. А. Аракчееву. Въ вознагражденіе же долговременной службы и трудовъ употре-

¹⁾ Этотъ орденъ пожалованъ былъ С. Ю—чу по указу 1-го Окт. 1816 г.

²⁾ Издаю это отношеніе по коши, сдѣланной рукою С. Ю—ча; въ первомъ столбцѣ написано его рукою: «Быть по сему. С.-Петербургъ, Декабря 6-го дня 1816 г.»; а на 3-мъ и послѣднемъ: «(собственною рукою Е. П. В.)». Указъ сенату о томъ же, подписанный Государемъ въ С.-Петербургѣ, 26-го Января 1817 г. приложенъ нами въ концѣ этой статьи.

бленныхъ при переводѣ сей книги К. А. Дестунисомъ, Его Императорское Величество указать позволилъ, чтобы ему отвѣдены были въ вѣчное и потомственное владѣніе *два тысяч* десятинь земли, по его Дестуниса выбору».

Изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что предпріятіе моего отца получило отъ правительства такую поддержку, какой онъ не могъ ожидать въ началѣ своего труда. Нужно ли прибавлять, что успѣшному ходу предпріятія содѣйствовало личное сочувствіе Александра I къ подобнымъ плодамъ умственной дѣятельности. Когда одно изъ лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами въ комитетѣ инвалидовъ, испрашивало у Государя разрѣшенія продать кому-либо вышедшія части перевода, то Государь замѣтилъ ему, что каждое произведеніе должно быть продаваемо только лишь по окончаніи его изданія; что Плутархъ имѣлъ въ Англіи и во Франціи необыкновенный сбытъ, и что онъ можетъ имѣть подобный сбытъ и въ Россіи къ великой выгодѣ инвалидовъ. Таковы были мысли Государя, который «сдѣлалъ повому переводу честь тѣмъ, что самъ читалъ его»¹⁾.

Теперь упомянемъ объ отзывахъ журналистики, которой главными представителями въ тѣ времена были Вѣстникъ Европы и Сынъ Отечества.

Въ 1813 г. въ Вѣстникѣ Европы, издаваемомъ тогда Михаиломъ Трофимовичемъ Каченовскимъ, появилась рецензія самого редактора на тѣ два тома перевода Плутарха, которые вышли въ 1810 г.²⁾ Итакъ рецензія Каченовскаго касается лишь этого пробнаго изданія, въ которомъ находилось

¹⁾ Это свѣдѣніе объ Александрѣ I мы заимствовали изъ письма Спиридона Юрьевича, обращеннаго (на фр. яз.) въ 1819 г. къ барону Строганову, бывшему его ближайшимъ начальникомъ, въ качествѣ русскаго полномочнаго посла въ Константинополь.

²⁾ См. *Вѣстникъ Европы 1813 г., Ч. I, Отдѣлъ критики*, гдѣ помѣщенъ разборъ двухъ частей Плутарх. ж., пер. Дестуниса стр. 66—82. Подъ разборомъ подписано М.; что онъ принадлежитъ Каченовскому, это видно изъ «Черноваго отвѣта 1847 г.», писаннаго рукою отца, и изъ отзыва Греча, приведеннаго нами ниже. Помнится, что въ каталогѣ статей Вѣстника Европы упомянуто о томъ, что статьи, подписанныя М., писаны Каченовскимъ.

всего 8 жизнеописаній¹⁾). Объясняя значеніе древнихъ писателей и пользу, происходящую отъ ихъ перевода на отечественный языкъ, авторъ рецензіи приходитъ къ такому заключенію:

«Итакъ всякой любитель здравой словесности, посвящающій время свое на переложеніе древнихъ сочиненій и слѣдственно расширяющій истинно полезныя свѣдѣнія между своими согражданами, имѣетъ справедливое право на уваженіе читателей. Почтенныхъ трудовъ его не должно ставить на ряду съ нѣкоторыми упражненіями другого рода, предпринимаемыми по различнымъ побужденіямъ, иногда цѣлнымъ, но бѣльшею частію недостойнымъ уваженія». (Стр. 67). Затѣмъ Каченовскій приводитъ въ статьѣ своей біографическія свѣдѣнія о Плутархѣ и очень одобрительныя о немъ отзывы свои и чужіе. (Стр. 67—73). Далѣе критикъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Въ извѣстныхъ изданіяхъ на греческомъ языкѣ, говоритъ онъ, наблюденъ хронологическій порядокъ, и лица расположены, смотря по ихъ старшинству и древности; напримѣръ сперва *Тезей* и *Ромулъ*, потомъ *Ликуръ* и *Нума*, и такъ далѣе. Напрасно господнвъ переводчикъ не держался такого же порядка, необходимо нужнаго, потому что Плутархъ въ послѣдующихъ жизнеописаніяхъ иногда ссылается на обстоятельства, о которыхъ говорено уже было въ жизнеописаніяхъ предыдущихъ (стр. 73—74). Такая перемѣна могла показаться Каченовскому напрасною, потому что ему еще не были извѣстны причины, побудившія къ ней переводчика. Онѣ были высказаны годъ послѣ отзыва Каченовскаго въ предисловіи переводчика къ полному изданію: разбираемые Каченовскимъ жизнеописанія были тѣ, которыя переводчикъ отобралъ для перваго ознакомленія публики съ біографомъ. Изъ перечня, приведеннаго нами выше (стр. 6), который мы здѣсь повторимъ, можно увѣряться, что жизнеописанія выбраны переводчикомъ обдуманно: онъ представилъ публикѣ: Агесилая и Помпея, Алкивіада и Коріолана, Кимона и Лукулла, Ари-

¹⁾ См. здѣсь стр. 6.

стида и Катона цензора. Въ полномъ же изданіи, гдѣ переводчикъ слѣдовалъ тому распорядку житей, котораго принято держаться, мы находимъ такое поясненіе: «Можно предупредить нѣкоторыхъ чпателей, сказано тамъ въ предисловіи, чтобы они не судили о всѣхъ сочиненіяхъ Плутарха по двумъ первымъ жизнеописаніямъ, которыя, будучи большею частію баснословны, не могутъ удовлетворить строгимъ любителямъ истины¹⁾. Значить, отецъ намѣреннo началъ свой «опытъ» не съ Тезея и Ромула; только намѣреніе это не было имъ высказано. При этомъ возникаетъ вопросъ: вѣрно ли утвержденіе Каченовскаго, гласящее, что «въ извѣстныхъ изданіяхъ (Жизн. Пл.) на греческомъ языкѣ наблюдается хронологическій порядокъ»?... «сперва *Тезей* и *Ромулъ*, потомъ *Дикуръ* и *Нума*, и такъ далѣе». Что жъ однако увидимъ *далѣе*? увидимъ и убѣдимся, что ни въ извѣстныхъ изданіяхъ, ни въ сохранившихся перечняхъ жизнеописаній Плутарха порядокъ хронологическій не выдержанъ²⁾. Потомъ Каченовскій заявляетъ слѣдующія справедливыя требованія: «Для чего при русскомъ переводѣ нѣтъ ни предувѣдомленія, ни весьма нужныхъ примѣчаній; ничего не сказано о самомъ Плутархѣ, о достоинствѣ его сочиненій, о разныхъ его изданіяхъ, и о томъ, на какое изданіе болѣе полагался господинъ переводчикъ? Опять скажу, что книги сего рода, составляющія капиталъ хорошей библіотеки, требуютъ всевозможной тщательности; а господинъ переводчикъ, въ своихъ дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ, извѣстныхъ рецензенту, имѣлъ всѣ нужныя посо-

¹⁾ Въ предисловіи къ полному изданію перевода жизн. Плут. стр. LXXVI. Двумя первыми жизнеописаніями были Тезеево и Ромулово.

²⁾ Это замѣчено было критиками давнымъ давно. Стоитъ взглянуть на любое изданіе Ж. Плут. или на списокъ ихъ въ томъ обычномъ порядкѣ, какъ они издаются, помѣщенный въ Fabricii Bibliotheca Graeca, V. III, p. 344 sqq. (по изд. Paris 1796 г. T. V. стр. 172 и далѣе и прим. g). И распределеніе Ламприн, сына Плутархова, тоже не хронологическое. О новыхъ опытахъ возстановленія Плут. жизнеописаній въ той послѣдовательности, въ какой они были написаны самимъ Плутархомъ, см. Rudolf Nicolai, Griechische Litteraturgeschichte in neuer Bearbeitung, Magdeburg 1877. II. B. 539—40 и 552.

бія къ удовлетворенію съ сей стороны своихъ читателей»¹⁾). Русскій переводчикъ г. Дестунисъ... хорошо понимаетъ своего автора; если же не вездѣ съ надлежащею правильностію выражается, то это происходитъ отъ недавняго пребыванія его въ Россіи. За то есть мѣста отличныя по красотѣ своей и выразительности, кои сдѣлали бы честь природному Россіянину». Далѣе рецензентъ приводитъ нѣсколько примѣровъ неправильности языка: мы ими займемся во второмъ отдѣлѣ этой статьи. Въ заключеніе же онъ приводитъ два отрывка пзъ разбираемой книги. «Но выпишемъ безъ всякихъ замѣчаній, говорятъ онъ, какое шбудь цѣлое мѣсто, по которому свѣдущіе читатели сами пусть судятъ о слогѣ переводчика. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Плутархъ гордыню Армянскаго Царя Тиграна, *весьма похожую на сатанинское высокомеріе нынѣ бнснующагося Корсиканца*»²⁾).

Каченовскій, какъ мы видѣли, разобралъ одно лишь пробное изданіе 1810 г.; а другой критикъ того времени *Николай Ивановичъ Гречъ* написалъ рецензію только на I томъ полнаго изданія, напечатанный въ 1814 г.³⁾. «Сія книга, говорятъ онъ, заслуживаетъ вниманіе просвѣщенной публики, предъ всѣми вышедшими въ нынѣшнемъ году. Г. Дестунисъ уже нѣсколько лѣтъ занимается переводомъ великаго греческаго біографа. За 4 года предъ симъ издалъ онъ въ двухъ частяхъ опытъ своего перевода, который такъ хорошо былъ принятъ нашими литерато-

1) Мы покажемъ ниже, что этимъ справедливымъ требованіямъ переводчикъ удовлетворилъ въ своемъ полномъ изданіи. Каченовскому Дестунисъ былъ извѣстенъ лично, когда послѣдній былъ постояннымъ жителемъ Москвы т. е. до 1808 г. Съ живымъ взаимнымъ интересомъ свидѣлись они въ Москвѣ въ 1839 г., когда отецъ мой на нѣсколько дней туда заѣхалъ. «Много воды утекло, Спиридонъ Юрьевичъ, съ тѣхъ поръ какъ мы видались» — были первыя слова Каченовскаго.

2) См. стр. 78—80 статьи Кач., гдѣ это мѣсто выписано изъ разбираемой имъ книги, на которую тамъ есть слѣдующая ссылка: Пл. Жиз. 1810 г. Т. II. стр. 100. Потомъ Кач. приводитъ еще одну выписку изъ Плут. Т. II., стр. 74 о неудачахъ Митридата слишкомъ далеко заведшаго свои войска, *что забыто было героемъ нашего времени* (Кач. стр. 80—82).

3) Въ *Смыслъ Отечества 1814 г., Часть 16, № 37, стр. 135—6*. Курсивъ въ приводимой выпискѣ принадлежитъ Гречу.

рами и всею публикою, что переводчикъ рѣшился взяться за переводъ всего Плутарха, и издать оный въ такомъ видѣ, который его достоинъ, съ замѣчаніями, картами и изображеніями славныхъ мужей. Высочайшее повелѣніе напечатать сей переводъ на счетъ Кабинета доставило потребныя къ тому пособія, и нынѣ вышла 1-я часть *новаго* перевода, совершенно отличная отъ двухъ первыхъ и формою и содержаніемъ»¹⁾. Далѣе Гречъ показываетъ содержаніе предисловія и всей 1-й части²⁾. «Всѣ темныя мѣста, почти всѣ древнія наименованія, немногимъ извѣстныя, имена собственные, равно какъ и различное *чтеніе*, текста пояснены примѣчаніями. Тѣсныя предѣлы бібліографіи не позволяютъ намъ распространиться извѣстіемъ о сей полезной книгѣ, но мы съ величайшимъ удовольствіемъ помѣстили бы строгое и полное о ней разсмотрѣніе, увѣрены будучи, что оно послужитъ къ лучшему изложенію всѣхъ достоинствъ сего перевода, а между тѣмъ пожелаемъ почтенному переводчику здоровья, силъ и терпѣнія для довершенія начатаго имъ труда». «Въ Обзорѣніи Русской литературы 1814 г.»³⁾ Гречъ между прочимъ говоритъ: «Труды г-на Дестуниуса достойны вниманія и уваженія въ двухъ отношеніяхъ; во первыхъ, онъ доставилъ намъ одно изъ важнѣйшихъ сочиненій о древней исторіи, а во вторыхъ, обогатилъ Русскій языкъ хоро-

1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ литераторами, которыми было хорошо принято 1-е изданіе перевода, Гречъ разумѣетъ Каченовскаго и себя, такъ какъ еще до изданія выписываемой нами его рецензій, онъ уже далъ публичный отзывъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ Императорской публичной бібліотекѣ. См. здѣсь ниже. Но Гречъ могъ имѣть въ виду и другихъ литераторовъ, если кто-нибудь изъ таковыхъ занялся разборомъ переводовъ моего отца: объ этомъ мнѣ ничего не извѣстно.

2) Это предисловіе или точнѣе «Краткое Извѣстіе» отца мы обзрѣваемъ въ началѣ 2-го отдѣла этой статьи.

3) *Сынъ Отечества, 1815 г., Часть 19, см. стр. 97—98*. Въ началѣ названнаго «Обзорѣнія» въ примѣчаніи читаемъ: «Сія статья написана» по порученію Его Превосходительства г. Директора Императорской публичной бібліотеки Тайнаго Совѣтника А. П. Оленина. Она прочитана была сочинителемъ 2-го Января 1814 г. Изъ этого видно, что этотъ отзывъ о переводѣ Плутарха написанъ былъ Гречемъ раньше той рецензій, изъ которой представлены нами выдержки.

шимъ переводомъ классическаго писателя в тѣмъ въ полной мѣрѣ оправдалъ оказанное ему правительствомъ при изданіи сей книги вспоможеніе». Позже объ этомъ трудѣ упоминаетъ Гречъ и въ своей учебной книгѣ Россійской словесности¹⁾.

Такъ отнеслись къ переводу С. Ю—ча двое изъ представителей современной журналистики.

Въ недавно изданныхъ *«Археологическихъ трудахъ Александра Николаевича Оленина»* находимъ нѣсколько словъ относительно занимающаго насъ предмета, хотя и изданныхъ въ 1881 г., но написанныхъ въ 1818. Стараясь доказать, что слово *στέρων* не употреблялось для обозначенія *опушки шлема* даже греческими писателями гораздо позже Омира и приводя для этого мѣсто изъ жизнеописанія Пирра (Плут. гл. 34), Оленинъ присовокупляетъ: «Это доказательство мнѣ было сообщено Г. Дестунисомъ, служащимъ въ Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, окончившимъ недавно переводъ Плутарха съ Греческаго на Русскій. Г. Дестунисъ, однаково свѣдущій въ языкѣ своихъ предковъ — будучи родомъ Грекъ — и въ нашемъ — будучи воспитанъ въ Россіи — обладаетъ всеми средствами достигнуть у насъ той же извѣстности, которую приобрѣлъ себѣ во Франціи Аміо»²⁾. Одно изъ писемъ Оленина «о словахъ *πῆγος* и *γλυφίς*», при которомъ не означено имени того лица, къ кому оно обращено, этотъ любитель науки и искусства, окончи-

1) *Учебная книга Россійской Словесности, 1819—1822. Николая Греча. С.-Петербургъ, См. въ послѣднемъ отдѣлѣ части IV на стр. 613 (1-го изданія)* Тутъ между прочимъ ошибочно родиною С. Ю—ча названъ островъ Корфу, вмѣсто Кефалоніи; эта ошибка повторена и въ статьѣ «Дестунисъ, С. Ю.» въ Энциклоп. словарѣ, изд. Проф. Березинымъ. Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Учебной книги» Греча (2-мъ 1830—31 и 3-мъ 1844) между переводчиками поименованъ и Дестунисъ.

2) *Археологическіе труды Александра Николаевича Оленина. Т. I. вып. 2. Спб. 1881. См. стр. 13* въ разысканіи, написанномъ имъ въ 1818 г. подъ названіемъ: *Замѣтки на примѣчаніе въ сочиненіи подъ заглавіемъ: Изображенія на древнихъ вазахъ*. Оленинъ выражается совершенно точно, когда говоритъ въ 1818 году «окончившимъ недавно переводъ». Переводъ былъ дѣйствительно готовъ полностью и представленъ куда слѣдуетъ, но отпечатано было всего 6 частей. См. «Записку» графа Каподистрии на стр. 9—10 и наше примѣчаніе тамъ же.

ваетъ слѣдующими словами: «Пора мнѣ кажется кончить — я усталъ писать, а вы устанете мое мраніе читать, хотя впрочемъ усердіе ваше къ общей пользѣ и очень велико. Отверстыя хляби небесныя и ваши немощи воспрещаютъ вамъ выходъ изъ дома, но если завтра здоровіе ваше позволитъ, то позвольте за вами прислать и сію хартію пли βιβλίονъ съ собою привезите»... «30 Іюня 1815 г.»¹⁾ Въ примѣчаніи къ этому письму, принадлежащемъ профессору Ивану Васильевичу Помяловскому, которому Имп. Археологическое Общество поручило редакцію упомянутыхъ трудовъ Оленина, сказано слѣдующее: «Это письмо, по содержанию сходное съ помѣщаемымъ ниже письмомъ къ Н. И. Гибдичу о словахъ *ταρσός, πήχους* и *γλοφίς*, писано А. Н. Оленинымъ одному изъ его друзей — эллинистовъ, съ которыми онъ перѣдко совѣтовался относительно того пли другого вопроса изъ области Греческаго языкознанія; изъ бумагъ А. Н. видно, что онъ чаще всего обращался съ подобнаго рода вопросами къ проф. Д. П. Попову и С. Ю. Дестунису. Одному изъ этихъ лицъ и адресовано, какъ думается, настоящее письмо». Профессоръ Помяловскій, какъ мы видѣли, предположеніе свое основываетъ на личномъ знакомствѣ съ бумагами Оленина: это для насъ важно: но въ выборѣ между Поповымъ и Дестунисомъ въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, надо остановиться на второмъ. Письмо Оленина писано 30 іюля 1815 г.; Поповъ же только за 10 мѣсяцевъ передъ тѣмъ читалъ свой переводъ изъ Мосха на испытаніи въ Педагогическомъ Институтѣ:²⁾ къ недавнему студенту не могли относиться слова Оленина: «усердіе ваше къ общей пользѣ очень велико»; въ томъ же письмѣ читаемъ (близко къ началу): «Кажется мнѣ, будто мы вѣкогда условилпсь, чтобъ въ случаѣ многихъ такъ называемыхъ

¹⁾ См. Арх. труды А. Н. Оленина. Т. I. вып. 1. Переписка его съ разными лицами по поводу предпринятаго Н. И. Гибдичемъ перевода Гомеровоѣ Иліады. Спб. 1877. Письмо А. Н. О. о словахъ *πήχους* и *γλοφίς*. (Стр. 27 — 32).

²⁾ *Надѣробная пьсь Мосха на смерть Біона (Переводъ съ греческаго, разсмотрѣнъ подлинника). Читана при публичномъ экзаменѣ въ Спб. Педагогическомъ Институтѣ 25 сентября 1814 года Д. Поповымъ.*

у почтенныхъ *Езуитовъ: cas de conscience* — (разумѣется у насъ, только по Греко-Эллинскому языку) я бы могъ васъ обременять вопросами, а вы бы размышляли мои сомнѣнія по возможности, съ тѣмъ, чтобъ мои писанія съ вашими отвѣтами, на той же самой бумагѣ или на друиой возвращать мнѣ, дабы изъ сего рода полемики составить со временемъ нужныя весьма замѣчанія и объясненія къ безсмертнымъ твореніямъ Омира, особливо по мало еще обработаннымъ частямъ технологии, обычаевъ, оружія, одежды и домашняго быта того времени; — которыя можно будетъ присовокупить къ симъ безсмертнымъ твореніямъ при изданіи оныхъ въ Россіи, съ буквальнымъ ихъ переводомъ ¹⁾ въ пользу учащихъ и любителей истиннаго вкуса, чистаго, высокаго, простаго и пріятнаго, а не натянутаго, кудряваго и часто непонятнаго вкуса Германскихъ всѣхъ поколѣній. Вотъ въ чемъ мы кажется съ вами условливалпсь; если же это все мнѣ возмечталось, то условимся о томъ теперь, и для опыта начнемъ спмъ письмомъ»..... Такія условья едва ли могъ Оленинъ заключать съ едва окончившимъ высшій курсъ ученія студентомъ; да и французскому выраженію іезуитовъ тутъ не было бы мѣста. Притомъ со сходными вопросами въ томъ же мѣсяцѣ обращался Оленинъ къ Гнѣдичу: значитъ ему нужны были отвѣты лицъ авторитетныхъ, какимъ, въ то время, еще не могъ ему казаться Поповъ. Другое дѣло ссылка Оленина на Попова въ письмѣ къ Гнѣдичу въ 1819 году: тогда Дестунца въ Петербургѣ больше не было, да и Поповъ былъ уже профессоромъ, а можетъ-быть и опытнымъ ²⁾. Въ словахъ Оленина въ разбираемомъ здѣсь письмѣ

¹⁾ Такой переводъ прозою *Иліады* и *Одиссеи*, исполненный по предложенію Оленина *Поповымъ*, хранится въ рукописи въ Имп. Публичной Библіотекѣ. См. свѣдѣнія, доставленные мною В. В. Григорьеву при составленіи имъ *Исторической Записки объ Имп. С.-Пет. Университетѣ. Спб. 1870.* Въ ссылкахъ, примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, стр. 39.

²⁾ *Археол. Труд. и проч. I, вып. 1. стр. 63 и 67.* — См. свѣдѣнія, сообщенныя мною В. В. Григорьеву о дѣятельности Дмитрія Прокофьевича Попова, котораго я имѣлъ счастье быть ученикомъ въ первый годъ моего студенчества въ здѣшнемъ университетѣ въ 1834 — 5 г. (стр. 39 — 40 въ ссылкахъ, прим. и дополн).

его: «усердіе ваше къ общей пользѣ очень велико», мы видимъ оцѣнку не одной лишь готовности С. Ю—ча отвѣчать на ученые запросы Оленина; въ этихъ словахъ кроется намекъ на какую-то серьезную общественную заслугу: таковою и былъ переводъ Плутарха. Вотъ тѣ доводы, по которымъ мы признаемъ, что письмо Оленина писано къ нашему отцу, а не къ Попову.

Я представилъ извѣстные мнѣ факты, какъ о поддержкѣ, оказанной отцу моему правительствомъ, такъ и о вниманіи къ его труду образованныхъ современниковъ.

Казалось, все соединилось для успѣха книги, для нравственного и матеріальнаго удовлетворенія ея составителя. Но вскорѣ при ея изданіи явились независѣвшія отъ переводчика замедленія. Въ поздней неизданной статьѣ своей С. Ю—чь записалъ: «Какъ уже замѣчено Плут—вы Ж. издаваемы были по Высочайшему повелѣнію. Но вспомните въ какое неблагопріятное для ученыхъ трудовъ время! въ то время, когда Россійскій Монархъ раздѣлялъ съ послѣднимъ ратникомъ и холодъ и голодъ и опасности! Итакъ можетъ-быть не удивительно, что я встрѣчалъ нѣкоторыя препятствія при печатаніи перевода.... все шло очень медленно. Въмѣсто того, чтобъ кончить изданіе въ 3 или 4 года — печатаніе тянулось 8 лѣтъ»¹⁾.... «Такая медленность была вредна для переводчика, ибо извѣстно, что какъ теперь²⁾, такъ и тогда публика неохотно подписывалась на неоконченныя изданія»..... Что же изъ этого вышло? Что изъ перевода давно уже отцомъ моимъ въ цѣлости оконченнаго и въ цѣлости переписаннаго на бѣло, къ тому времени, когда переводчикъ по дѣламъ службы долженъ былъ отправиться за границу, а именно къ 1818 году, издано было всего 6 частей, то есть меньше половины цѣлаго пе-

¹⁾ См. Черновой Отвѣтъ 1847 г., стр. 22 и 23. — Провѣряя эту цифру, мы находимъ ее вполне точною, ибо считая со времени представленія въ цензуру 1-й части полнаго изданія т. е. съ 1812 г. до 1820-го, стоящаго на 13-й части, и будетъ 8 лѣтъ. Годъ же 1821-й, читаемый на 7-й и 8-й частяхъ, очевидно ошибочный, такъ какъ начиная съ 9-й части до 13-й включительно, нѣтъ онѣ изданы въ 1820 г.

²⁾ т. е. въ 1847 г.

ревода¹⁾). Это обстоятельство имѣло послѣдствія очень вредныя и для дѣла и для дѣлателя.

По отъѣздѣ С. Ю—ча возникли разныя обстоятельства, которыя онъ называетъ странными и для него самого непонятными. Онъ пишетъ: «Въ типографіи гдѣ печатался Плутархъ, корректоръ, т. е. человекъ знавшій русскую грамоту и болѣе ничего, вздумалъ говорить, что переводъ невѣренъ. Началось дѣло, пошла переписка. Изданіе П. касалось пользы Инвалидовъ. Особы, до которыхъ дѣло дошло, были въ государствѣ важнѣйшія. Известно, что вездѣ, особливо при такихъ лицахъ, есть люди, которые выслуживаются и доказываютъ свое усердіе стараніемъ не распутать дѣло и представить его въ простомъ видѣ, а запутать съ похвальною цѣлью очернить другого²⁾). Кромѣ этого затрудненія возникло требованіе, чтобъ С. Ю—чь представилъ какіе-то недоданные имъ экземпляры, о которыхъ пока онъ жилъ въ Петербургѣ и въ поминѣ не было³⁾ *«Не желая, чтобъ даръ, пожалованный Государемъ Инвалидамъ оставался для нихъ безплоднымъ»*, переводчикъ составилъ въ Смирнѣ актъ 20-го марта 1819 г., по которому онъ заложилъ Комитету Инвалидовъ 2,000 десятинъ пожалованной ему земли, обязываясь не закладывать и не продавать ихъ никому безъ позволенія Комитета, доколѣ не внесетъ въ оный той суммы, которой стоятъ недостающіе экземпляры⁴⁾). Предложеніе это, вполне обезнечивавшее интересъ инвалидовъ, было однако Комитетомъ отвергнуто.

¹⁾ 6-я часть напечатана въ 1818 г., какъ значится на самой этой части; паспортъ объ отправленіи С. Ю—ча генеральнымъ консуломъ въ Смирну подписанъ графомъ Нессельродомъ 31 іюля 1818 г. Отъѣздъ изъ Сиб. послѣдовалъ въ августѣ того же года.

²⁾ «См. Черновой отвѣтъ 1847 г.».

³⁾ Число недостающихъ экземпляровъ, по официальному извѣщенію 9 янв. 1824 г. было 53. Повѣренный же С. Ю—ча писалъ ему въ Смирну, что по его расчету, недостаетъ всего 24 экземпляра и что сперва по ошибочному счету доводили недостающіе экземпляры до 200. Объ этомъ сказано въ черновомъ письмѣ С. Ю—ча къ барону Строганову отъ 20 сент. 1819 г.

⁴⁾ Изъ акта, написаннаго по-русски въ Смирнѣ 20 марта 1819 г. за подписью С. Ю—ча и засвидѣтельствованнаго тремя чиновниками русской службы.

О ходѣ этого дѣла можно отчасти судить по черновымъ письмамъ переводчика, обращеннымъ къ его ближайшему начальнику, русскому посланнику въ Константинополь, барону Строганову¹⁾. «Я очень благодаренъ, сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, за благорасположеніе Вашего Превосходительства и за участіе, принимаемое Вами въ моей репутаціи. Я закладываю мою землю²⁾ и если будутъ продолжать меня преслѣдовать, то я подамъ прошеніе Его Императорскому Величеству, откажусь отъ всякаго права на эту землю, отъ которой я не получилъ ни гроша и спрошу мою книгу». Изъ другого письма къ тому же лицу узнаемъ, что Комитетъ Инвалидовъ продолжалъ требовать уплату чистыми деньгами за недостающіе экземпляры, но что С. Ю—чь уплатить не могъ, потому что издержалъ въ Смирнѣ 4,500 піястровъ за наемъ и ремонтъ консульскаго дома (не считая мебели)³⁾. «Чтобъ покончить съ этимъ неприятнымъ дѣломъ (fâcheuse affaire), сказано въ третьемъ письмѣ къ тому же лицу, я осмѣливаюсь приложить здѣсь прошеніе на Высочайшее имя, по которому я уступаю всѣ мои права на 2,000 десятинъ земли и испрашиваю возвращеніе моей книги. Эту жертву я приношу моему покою, который мнѣ дороже всѣхъ богатствъ въ мірѣ, и я покорнѣйше прошу В. Пр. поддержать оное, какъ только найдете это своевременнымъ, и дать въ настоящее время ходъ закладной для успокоенія Комитета Инвалидовъ. Кромѣ неудовольствія, которое принесло мнѣ это дѣло, я проникнутъ болѣзненнымъ чувствомъ за безпокойство, причиненное имъ В. Пр—ву»⁴⁾.

¹⁾ Это письмо не имѣетъ при себѣ обозначенія числа и года; но по вѣрнымъ соображеніямъ можетъ быть отнесено къ 1819 г.: оно помѣщено въ такой тетради, въ которой содержатся черновыя отца только къ барону Строганову, служебныя и частныя. Оно писано по-французски.

²⁾ Это, надо думать, указаніе на упомянутый Смирнскій актъ отъ 20 марта 1819 г.

³⁾ Другое письмо къ Строганову, тоже по французски, отъ 20 сентября 1819 г.

⁴⁾ Это третье письмо къ Строганову, писанное также по французски, должно принадлежать концу 1819 года, судя по тому, что оно очевидно написано позже письма того же лица отъ 20 сентября, и что въ немъ упомянуто о

Въ черновомъ письмѣ С. Ю—ча къ графу Ивану Антоновичу Каподистриі отъ 2-го января 1820 г. читаю: «Тяжело мнѣ, что я долженъ говорить о себѣ. Комитетъ Инвалидовъ, которому я оказалъ услугу, какъ то извѣстно Вашему Сіятельству, началъ меня *преслѣдовать*... Хотятъ заставитьъ меня купить мой собственный трудъ, что совершенно комично. *Мало того, что я заложилъ ему мою землю; хотятъ чистыхъ денегъ*. Во всемъ этомъ я вижу одну только неудачу (*du guignon*). По этому ничего нѣтъ справедливѣе какъ попросить мою книгу и уступить землю. Это и есть предметъ прошенія, обращеннаго мною къ Его Величеству; я буду всѣмъ доволенъ, лишь бы оставили меня въ покоѣ и не беспокоили моихъ начальниковъ»¹⁾. Упоминаемое въ приведенныхъ письмахъ прошеніе на Высочайшее имя сохранилось у меня вчернѣ. Сославшись на встрѣченныя по печатанію его книги затрудненія и остановки вслѣдствіе нахождения его за границей по повелѣнію Государя, С. Ю—чь проситъ Е. В. дабы Ему угодно было повелѣть — право его на полученіе 2,000 десятинъ земли передать Инвалидамъ, а 1,000 экземпляровъ его перевода ему возвратить.

Несмотря на готовность С. Ю—ча такими убыточными для себя мѣрами обезпечить пользу Инвалидовъ,—по неизвѣстной намъ причинѣ, по настоянію Комитета производились вычеты изъ содержанія переводчика Плутарха. Деньги за трудъ *исправленія* VII и VIII частей перевода Плутарха 1000 р. асс., выданныя лицу, трудившемуся надъ симъ, удержаны были, по требованію Комитета, изъ жалованья переводчика, а въ обезпеченіе денегъ, требуемыхъ за недостающіе экземпляры, остановлено было ассигнованіе ему прибавочнаго жалованья²⁾. Вслѣдствіе этого

томъ же прошеніи на Высочайшее Имя, о которомъ и въ письмѣ къ графу Каподистриі начала 1820 г.

¹⁾ Въ черновой тетради съ письмами С. Ю—ча надъ этимъ письмомъ стоитъ только: «А. С. Сарод. 2 Janv.». Находится же оно передъ черновыми письмами и бумагами, отмѣченными 1820-мъ годомъ: оттого и 2 января надо отнести къ тому же году.

²⁾ Офиціальное извѣщеніе отъ 9 генв. 1824 г. за № 8, у меня сохранившееся.

С. Ю—чь составилъ новый закладной актъ въ Венеціи въ 1824 г.¹⁾ Полагая, что участокъ земли, ему пожалованный, долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ ту же цѣнность, какъ и цѣлое сочиненіе, или же та тысяча экземпляровъ, которая была напечатана въ его пользу по Высочайшему повелѣнію, Дестуницъ, (такъ сказано въ актѣ) видитъ себя вынужденнымъ снова обезпечить интересъ Инвалидовъ болѣе вѣрнымъ способомъ: онъ закладываетъ тѣ права, которыя ему дарованы были указомъ Е. И. Величества²⁾..., съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы выборъ и продажа пожалованной земли, могли произойти только лишь по продажѣ 950 экземпляровъ, уже находящихся въ распоряженіи Комитета, на случай, еслибъ онъ, Дестуницъ, не былъ въ состояніи до сбыта цѣлаго сочиненія пополнить недостающіе 40—50 экземпляровъ, отъ него требуемыхъ. Со стороны Комитета было бы справедливо, полагаетъ составитель акта, не обязывать его, чтобъ онъ первый уплачивалъ и продавалъ тотъ трудъ, надъ которымъ онъ трудился много лѣтъ, не получая отъ того доселѣ ни малѣйшей выгоды, и который былъ отданъ въ пользу Инвалидовъ вслѣдствіе его всеподданнѣйшаго прошенія. Онъ формально обязуется сдѣлать все отъ него зависящее до окончанія продажи труда, отыскать недостающіе экземпляры, или перепечатать ихъ на свой счетъ, или наконецъ выплатить взыскиваемую съ него сумму, такъ чтобъ не было необходимости налагать запрещеніе на его жалованіе. Такъ какъ онъ находится вѣдъ Имперіи по Высочайшему повелѣнію и не имѣетъ средствъ пользоваться всемилостивѣйше пожалованнымъ ему участкомъ земли, посему, если бы Комитету угодно было взять на себя выбрать участокъ земли въ Бессарабской Области или въ Крыму, кото-

1) Засвидѣтельствованная копія подлиннаго закладнаго акта, составленнаго на франц. языкѣ въ Венеціи 7/19 апрѣля 1824 г., подписаннаго Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Смирнѣ С. Ю. Дестуницомъ и засвидѣтельствованнаго Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Венеціи Спиридономъ Паранци. — Сравни официальное извѣщеніе отъ 12 августа 1824 г., № 657.

2) Тутъ слѣдуютъ подробности о способѣ, какимъ могъ бы усвоить себѣ землю Комитетъ.

рый имѣлъ бы по меньшей мѣрѣ ту же стоимость, какую имѣли матеріальныя издержки книги, не принимая въ расчетъ внутренней цѣнности сочиненія и работы переводчика, то онъ не только былъ бы въ состояніи немедленно уплатить должную имъ Инвалидамъ сумму, но и обязался бы уступить въ ихъ пользу 10 процентовъ на сумму, какую получить Комитетъ, или въ какую будетъ оцѣнена земля, въ случаѣ цѣнности ея отъ 24 до 30 тысячъ рублей, и 15 процентовъ, если бы она стоила выше 30 тыс. р.

Таково содержаніе составленнаго въ Венеціи 1824 г. акта. Наконецъ Комитетъ Инвалидовъ изъявилъ свое согласіе на невычитаніе изъ жалованія С. Ю—ча денегъ за недостающіе экземпляры и на непродажу предоставленной послѣднимъ Комитету въ обезпеченіе земли, дотолѣ, пока не будутъ распроданы состоящія въ вѣдѣніи Комитета всѣ полныя экземпляры.

По окончаніи заграничной службы С. Ю—чь возвратился въ С.-Петербургъ, въ іюль 1826 г. Въ слѣдующемъ году, на основаніи поданнаго имъ прошенія, пожаловано ему 10 тысячъ руб. асс. (считая по 5 руб. асс. съ десятины), а въ слѣдствіе втораго прошенія, въ виду того, что 1,000 экземпляровъ проданы въ пользу Инвалидовъ по 40 р. экземпляръ, пожаловано ему сверхъ того еще 10 тысячъ р. асс., съ вычетомъ 10 процентовъ ¹⁾).

По рукописной замѣткѣ С. Ю—ча, ему пришлось получить за свой переводъ по 50 р. асс. съ печатнаго листа. «Сколько переводчиковъ и сочинителей, прибавляетъ онъ, получили за отличные труды гораздо менѣ этого» ²⁾!

Здѣсь считаемъ нужнымъ упомянуть, что переводчикъ, по возвращеніи въ Петербургъ, увидавъ 7 частей, нанечатанныхъ въ его отсутствіе, остался очень недоволенъ небрежностію, съ

¹⁾ Сравни: черновое прошеніе на Высочайшее имя 1827 г.; черновое прошеніе на имя директора Азіатскаго Департамента; копію Высочайшаго Повелѣнія Министру Финансовъ отъ 30 дек. 1827 г.; рукописную отмѣтку въ «Черновомъ отвѣтѣ 1847 г.».

²⁾ Въ «Черн. Отв. 1847 г.».

какою онѣ были изданы. Представимъ его собственныя слова:.... «съ того времени (какъ онѣ замѣтилъ разные недостатки) едва ли переводчикъ взялъ въ руки свой переводъ — онѣ получилъ къ нему отвращеніе и если бы «Исторія лютни, китайской драмы», не завела критика до трехъ восклицаній, когда, какимъ слогомъ и какое изданіе¹⁾, то переводчикъ забылъ бы, что переводилъ Плутарха за 35 лѣтъ предъ симъ. Конечно можно бы было написать особливо книгу и выставить всѣ промахи — но гдѣ подлинникъ?... Къ этому прибавилось столько постороннихъ неудовольствій, что переводчику было не до того. Такова участь русскаго перевода Плутарховыхъ жизнеописаній, одного изъ лучшихъ сочиненій древности. Если бы въ изданіи не было остановокъ, если бы издавалась каждая часть немедленно, если бы издавали въ годъ по крайней мѣрѣ по 3 части, то къ 1818 году, изданіе было бы кончено подъ надзоромъ самого переводчика»²⁾.

Вотъ горькія слова, сорвавшіяся съ пера переводчика 38 лѣтъ позже того времени, когда онѣ началъ свою работу, и за годъ или за полгода до его кончины. Въ чемъ состоятъ недостатки послѣднихъ 7 частей, это разъяснится ниже.

Но что это за критикъ, дошедшій до трехъ восклицаній? Это одинъ изъ критиковъ «Отечественныхъ Записокъ», написавшій разборъ на книгу: «*Исторія лютни, Китайская драма, сочиненіе Као-тонгъ-Кіа. Буквально перевелъ В. М. — Спб. 1847, въ 4-ю д. л. 104 стр.*»³⁾. Критику стало жаль труда, потеряннаго на русскій переводъ Китайской драмы; онѣ груститъ о томъ, зачѣмъ у насъ не являются классическія творенія разныхъ литературъ въ такомъ изящномъ видѣ, какъ на иностранныхъ языкахъ. «Зачѣмъ напр. *Плутархъ* не настольная книга нашего юношества? Зачѣмъ не его воспитатель и образователь? Правда и *Плутархъ* и *Тацитъ* переведены на русскій языкъ; но вспомните когда, какимъ слогомъ и какъ они изданы»!!! Послѣднія слова кри-

¹⁾ Эти три восклицанія сейчасъ будутъ объяснены.

²⁾ «Чернов. Отвѣтъ 1847 г.».

³⁾ Отечественныя Записки 1847, декабрь.

тика Отечественныхъ Записокъ вызвали отвѣтъ моего отца, написанный тогда же, либо въ концѣ 1847 г., либо въ началѣ 1848, и хранящійся у меня въ чернѣ.

Мы затронули давнишнюю бранную выходку безыменнаго критика Отечественныхъ Записокъ. Но вотъ еще недавно писатель, также не подписавшій своей фамилии, выразился о занимающемъ насъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ русской литературѣ кромѣ статей въ Журн. М. Н. П. (Дестунисъ, Спир. Юр.) извѣстенъ двумя важными переводами съ греческаго языка: 1) «Плутарха Жизн. сл. мужей, съ кр. и ист. замѣч.» 2) «Военная труба». Последнее родъ политическаго разсужденія неизвѣстнаго греческаго писателя. Эти переводы весьма вѣрные съ подлинникомъ, не отличаются чистотою и красотою русскаго языка, — и нынѣ даже во многихъ мѣстахъ непонятны». Спрашивается: по какимъ соображеніямъ сдѣланный съ новогреческаго языка переводъ прокламаціи «Военная труба»¹⁾ вызванной на свѣтъ злобою дня, помѣщающейся всего на одномъ печатномъ листѣ, — могъ попасть въ число *важныхъ переводовъ* рядомъ съ переводомъ одного изъ образцовыхъ произведеній древне-греческой литературы, переводомъ, занимающимъ до 320 печатныхъ листовъ? и какъ это понять, что вѣрные и важные переводы *нынѣ даже во многихъ мѣстахъ непонятны*? Небольшой же знатокъ чистоты и красоты русскаго языка критикъ, произнесшій этотъ приговоръ, если ему русскія книги первой четверти нашего столѣтія *нынѣ* кажутся непонятными²⁾.

Не всѣ однакожь такъ судятъ о трудѣ С. Ю—ча.

1) *Σύλλογμα πολέμιστήριον*, патриотическая прокламація, написанная Адамантиемъ Корай, изданная, какъ будто въ Александріи, а въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ. Къ своему переводу (1807 г.) С. Ю—чь приложилъ свои политическіе взгляды, направленные противъ Наполеона Бонапарте.

2) Къ крайнему нашему сожалѣнію эта безыменная статейка подъ заглавіемъ «Дестунисъ, Сп. Юр.», помѣщена въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», (1873 и дал.) изданномъ нашимъ достоуважаемымъ профессоромъ и ориенталистомъ Ильею Николаевичемъ Березинымъ, который, само собою разумѣется, не могъ отвѣчать за каждую строчку своего обширнаго изданія.

По мнѣнію маститаго знатока древней греческой исторіи, заслуженнаго профессора Михаила Семеновича Куторги, С. Ю—чь оказаль «незабвенныя услуги своимъ переводомъ жизнеописаній Плутарха и заняль въ нашей литературѣ столь же почетное мѣсто какъ Амютъ во французской»¹⁾).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Обозрѣніе сдѣланнаго С. Ю. Дестунисомъ перевода Жизнеописаній Плутарха.

Разсказавъ читателямъ судьбу перевода, ознакомимъ ихъ и съ самымъ переводомъ.

1. Вступленіе переводчика.

Въ началѣ полнаго изданія, въ первой его части, стоитъ въ видѣ вступленія:

Краткое извѣстіе о сочиненіяхъ и жизни Плутарха (стр. II — LXXVI).

Оно начинается такимъ взглядомъ на Плутарха:

«Въ кругу просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ людей, пишетъ авторъ Извѣстія, мало такихъ, кои бы не читали сочиненій Плутарха, или, по крайней мѣрѣ, не имѣли бы достаточнаго о нихъ понятія. — Отъ слабыхъ началъ просвѣщенія новѣйшихъ временъ до величайшаго распространенія онаго, Плутархъ былъ любимѣйшій писатель всѣхъ великихъ мужей, и чтеніе его сочиненій равно услаждало Петрарка, Монтаня, Руссо. Многіе изъ луч-

¹⁾ *Новая книга о Периклѣ «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла» П. Люперольскаго. Рецензія М. Куторги. Москва, 1880. См. отдѣльнаго оттиска стр. 43-ю.—Рецензія эта помѣщена въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1880.*

шихъ писателей ссылаются на него какъ на безпристрастнаго Историка, какъ на глубокомысленнаго мудреца, какъ на превосходнаго правоучителя. Политики не мало пользовались его мыслями; любители ученыхъ разысканій находятъ въ его сочиненіяхъ обильные запасы къ умноженію своихъ познаній. Семнадцать вѣковъ уже протекло послѣ Плутарха; нравы, образъ правленія, народныя мнѣнія, самая религія народовъ претерпѣли важныя перемѣны, — между тѣмъ какъ Плутархъ, кажется писалъ для насъ. Древность оставила намъ много другихъ великолѣпныхъ и удивленія достойныхъ памятниковъ философіи въ сочиненіяхъ великихъ писателей: но ни одного изъ нихъ нѣтъ столь близкаго къ образу мыслей нашихъ временъ, сколь близки творенія мудреца Херонейскаго. Можно сказать о нихъ то, что самъ Плутархъ говоритъ о зданіяхъ, воздвигнутыхъ Перикломъ и существовавшихъ въ его время: «онѣ тогда уже по *красотѣ* своей были древни, по *прочности* же своей новы и по *вышѣ*». (Стр. I—III).

Въ этомъ мнѣніи автора «Краткаго Извѣстія» мы особенно выдвигаемъ то замѣчаніе, что изъ сочиненій древнихъ мыслителей «нѣтъ ни одного столь близкаго къ образу мыслей нашихъ временъ, сколь близки творенія мудреца Херонейскаго». Мы думаемъ, что, высказывая это замѣчаніе, отецъ имѣетъ въ виду тѣ глубокія общечеловѣческія воззрѣнія на добро и зло, тѣ человѣколюбивыя чувства, которыя характеризуютъ Плутарха и имѣютъ нѣкоторое сродство съ ученіемъ Христіанскимъ.

Далѣе авторъ «Краткаго Извѣстія», упоминая о почетномъ мѣстѣ, занимаемомъ II—мъ въ области метафизики, политики, физики, словесности, утверждаетъ, что онъ ни чѣмъ столько не заслужилъ уваженія и благодарности потомства, какъ описаніемъ жизни великихъ мужей греческихъ и римскихъ.... (Стр. III—IV). «Его жизнеописанія, такъ выражается переводчикъ, суть великолѣпная галерея, въ которой изображены самыя блистательныя и достопримѣчательныя дѣянія великихъ мужей, равно какъ всѣ случаи, всѣ выразительныя черты, открывающія путь въ

глубину ихъ сердець, изъясняющія сокровенныя ихъ движенія и побудительныя причины дѣйствій, словомъ: все то что составляетъ нравственный характеръ человѣка. Самыя слова великихъ людей не оставлены безъ вниманія. «Свойства человѣка, говоритъ самъ Плутархъ, болѣе открываются въ словахъ и изреченіяхъ, нежели въ самыхъ дѣяніяхъ. Въ сихъ участвуетъ счастье; но изреченія и слова, необдуманно вырывающіяся въ извѣстныхъ случаяхъ, въ страсти, даже въ шуткахъ и безъ предварительнаго размышленія, какъ бы въ зеркалѣ изображаютъ мысли и чувствованія» (Стр. IV — V).

Послѣ этого въ «Краткомъ Извѣстіи» говорится о достоинствахъ разсказовъ, описаній, нравоученій у Плутарха, о множествѣ приводимыхъ имъ выписокъ изъ поэтовъ, о томъ, что онъ сохранилъ для исторіи многія событія, которыхъ безъ него мы бы не знали (V — XII). Не пропущены и недостатки автора: сюда отнесены неумѣстныя отступленія, повторительные разсказы объ одномъ и томъ же происшествіи, неточности, противорѣчія, мѣстами растянутость и темнота слога (стр. XII—XV). Наклонность Плутарха вѣрить гаданіямъ, сновидѣніямъ и т. п. объяснена какъ одно изъ заблужденій его вѣка (стр. XVI). Переводчикъ превозноситъ чистоту понятій Плутарха о Богѣ: «понятія его о Богѣ столь совершенны, что онъ превзошелъ въ томъ самаго учителя своего Платона, который лучше всѣхъ древнихъ говоритъ о Богѣ» (стр. XVIII—XIX). Плутархъ признаетъ бытіе существъ, связующихъ Божественную природу съ человѣческою, которыя у древнихъ назывались демонами (стр. XIX); вѣритъ въ безсмертіе души и въ промыселъ Божій (стр. XX.), душевныя удовольствія предпочитаетъ тѣлеснымъ (стр. XXI—XXII), вездѣ силится онъ увѣрить людей убѣдительными доказательствами въ красоту, необходимости и пользы добродѣтели, въ безобразіи и вредѣ порока (стр. XXIII). «Мудрость Плутарха есть дѣятельная мудрость, продолжаетъ его переводчикъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ онъ побуждаетъ человѣка быть полезнымъ обществу и служить ему. Жить только для себя, почитаетъ онъ низкимъ

для разумнаго существа и свойственнымъ единственно тому, кто предался совершенно поноснымъ удовольствіямъ. «Такого рода жизнь, говоритъ Плутархъ, имѣетъ нужду во мракѣ, въ забвеніи и неизвѣстности; но кто признаетъ Бога, Промысль, чтитъ законъ, общество, тому не должно скрывать себя. Недѣятельная, въ неизвѣстности и покоѣ проведенная жизнь, разслабляетъ не токмо тѣло, но и самую душу. Стоячая вода гніетъ: способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ». (Стр. XXIV—XXV). Во всѣхъ сочиненіяхъ Плутарха обнаруживается истинное человѣколюбіе и состраданіе (стр. XXV—XXVIII). Авторъ «Краткаго Извѣстія» заканчиваетъ свое несовершенное (какъ онъ выражается) начертаніе духа Плутархова изложеніемъ нѣкоторыхъ его мыслей о законѣ и власти. «Законъ, говоритъ Плутархъ съ Пиндаромъ, есть царь безсмертныхъ и смертныхъ. Законъ управляетъ владыками. Не заключается онъ въ мертвыхъ книгахъ, но живетъ въ разумѣ государя и душу его никогда не оставляетъ безъ своего руководства; онъ внушаетъ ей, что должно дѣлать. Владыки, стараясь о благѣ человѣчества, служатъ Богу; они раздѣляютъ и охраняютъ блага низпосылаемыя Богомъ. Нельзя симъ наслаждаться, ни употреблять ихъ безъ закона, безъ суда, безъ правителя. Судъ есть конецъ закона; законъ — дѣло правителя; правитель образъ Бога, все устрояющаго. Божество возвышаетъ того, кто подражаетъ ему въ благости и уподобляется ему въ добродѣтеляхъ и человѣколюбіи; оно дѣлаетъ его участникомъ въ своемъ правосудіи, въ своей истинѣ, кротости; божественнѣе чего не можетъ быть ни огонь, ни свѣтъ, ни тѣла небесныя. — Судъ не возсѣдаетъ, какъ говорятъ, на одномъ престолѣ съ Зевсомъ; самъ Зевсъ есть судъ и справедливость. Зевсъ самъ есть древнѣйшій и совершеннѣйшій законъ» (стр. XXIX—XXX). Подъ страницей въ печатномъ примѣчаніи къ этому мѣсту отецъ пояснилъ: «Я привожу сіе мѣсто тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что мысли нашего мудреца совершенно противорѣчатъ системамъ мудрецовъ прошедшаго вѣка».

Послѣ общаго взгляда на своего писателя переводчикъ опи-

сываетъ его жизнь: это описаніе занимаетъ 18 страницъ (стр. XXXI — XLIX).

Затѣмъ приведены выписки изъ писателей, высказавшихъ свое мнѣніе о Плутархѣ (стр. XLIX — LVII); перечень сочиненныхъ имъ жизнеописаній, какъ до насъ дошедшихъ и имѣющихъ быть изданными на русскомъ языкѣ¹⁾, такъ и до насъ не дошедшихъ (стр. LVIII — LIX); свѣдѣнія о переводахъ Плутарха на языки французскій, англійскій, нѣмецкій (стр. LIX — LXIII). Въ концѣ своего вступленія С. Ю. Дестунисъ разсуждаетъ о необходимости перевода классиковъ на русскій языкъ (стр. LXIII — LXIV), о своихъ побужденіяхъ при исполненіи своего перевода и объ оказанномъ ему сочувствіи и покровительствѣ (стр. LXV — LXIX)²⁾. Вотъ что онъ пишетъ о трудностяхъ: «Излишнее было бы говорить о трудностяхъ, встрѣчающихся въ переводахъ съ древнихъ языковъ; оныя многоразличны и касаются болѣе ученыхъ. Важнѣйшая изъ нихъ происходитъ отъ различія правовъ древнихъ отъ нашихъ. Хотя человекъ всегда человекъ — но въ разныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ, понятія его о вещахъ, чувства и страсти, подвержены разнымъ измѣненіямъ, которыя представляютъ сего хамелеона какъ бы въ другомъ видѣ. Отъ сего происходитъ, что сочиненія другихъ народовъ, писанныя за нѣсколько вѣковъ, кажутся намъ странными; мы находимъ въ нихъ выраженія и мысли намъ непріятныя, потому только что они не *наши*; мы говоримъ, что въ нихъ нѣтъ вкуса, чистоты во правахъ, пѣо самолюбіе увѣряетъ насъ, что вкусъ нашъ есть самый лучшій»... (LXIX — LXX). Послѣднія замѣчанія автора касаются формы греческихъ и латинскихъ именъ въ русской письменности (LXXIII — V)³⁾ и приложенныхъ къ русскому переводу географическихъ картъ (LXXVI).

¹⁾ Въ переводѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, они были изданы всѣ.

²⁾ Выписки изъ «Краткаго Извѣстія», какъ о побужденіяхъ переводчика, такъ и объ указанномъ ему сочувствіи и покровительствѣ приведены въ этой статьѣ въ I Отдѣлѣ, стр. 5—6.

³⁾ Къ этому предмету мы вернемся.

2. *Языкъ и слогъ переводчика.*

А. Выписки изъ переводнаго текста.

Теперь намъ нужно познакомить читателей съ характеромъ самого перевода. Прежде чѣмъ приступимъ къ тѣмъ сопоставленіямъ, которыя необходимы для этой цѣли, мы желаемъ, чтобъ читатели сами получили общее впечатлѣніе объ этомъ переводѣ. Пусть сперва составятъ о немъ сужденіе, какъ о русской книгѣ, вошедшей въ составъ литературы втораго десятилѣтія нашего вѣка. Для полученія такого общаго впечатлѣнія достаточно будетъ прочесть нѣсколько отрывковъ. Предлагаемъ здѣсь шесть отрывковъ, которые намъ показались интересными по содержанию. Начнемъ съ избранія Нумы на царство¹⁾.

«Нума наконецъ рѣшился. Принесъ жертвы Богамъ и отправился въ путь. Сенатъ и народъ Римскій, исполненные чрезвычайной къ нему любви, вышли во срѣтеніе. Женщины принимали его съ благословеніями; въ храмахъ приносили жертвы; всѣ радовались, какъ будто городъ принималъ не Царя, но Царство. По прибытіи ихъ на площадь, тогдашнихъ часовъ Интеррексъ (временный Царь) Спуриій Веттіи началъ собирать голоса гражданъ; всѣ единодушно подали въ пользу Нумы. Принесены были царскія украшенія. Нума велѣлъ остановиться, ибо нужно было, говорилъ онъ, чтобъ и божество утвердило его избраніе на Царство. Взявъ съ собою прорицателей и священниковъ, взошелъ въ Капитолію, которую тогда Римляне называли Тарпейскою скалою. Тамъ первенствующій между Авгурами (гадателями), обративъ Нуму къ полудню, и покрывъ лице его²⁾, сталъ позади его

¹⁾ Заимствуемъ намѣренно только изъ *первыхъ шести частей*, такъ какъ онѣ однѣ были изданы подъ наблюденіемъ самого переводчика. Беремъ по одной выпискѣ изъ каждой части: печатаемъ слово въ слово съ точнымъ соблюденіемъ правописанія, знаковъ препинанія, скобокъ, курсива. — Этотъ отрывокъ взятъ изъ полнаго изданія. 1814 г. Ч. I. Нума, стр. 294 — 295 (это глава 7).

²⁾ Или *покрывъ лице свое*. Сіе согласѣе съ Титомъ Ливіемъ. *Пр. Пер.*

и положилъ правую руку ему на голову. Онъ приносилъ молитвы Богамъ и обращалъ повсюду взоры свои, дабы узрѣть то, что было предъявляемо полетомъ птицъ, или другими знаменіями. Невѣроятная тишина простерлась по площади, покрытой великимъ множествомъ народа. Всѣхъ мысли къ нему обращены были; всѣ колебались сомнѣніемъ о будущемъ. Наконецъ благовѣстные птицы явились на правой сторонѣ и подтвердили избраніе. Нума облекся въ царскую одежду ¹⁾ и сошелъ съ Тарпейской скалы на площадь. Народъ принялъ его съ громкими восклицаніями и осыпалъ радостными привѣтствіями, какъ благочестивѣйшаго и Богамъ любезнѣйшаго человѣка».

Перейдемъ къ торжеству Камилла надъ Галлами ²⁾:

«Наконецъ, по опредѣленію управляющихъ, военный Трибувъ Сульпицій имѣлъ съ Бренномъ свиданіе, въ которомъ положено: чтобъ Римляне заплатили тысячу фунтовъ золота ³⁾, и чтобъ Галлы, взявши оное, вышли немедленно изъ города и изъ всей области. Учинена была съ обѣихъ сторонъ присяга; принесено золото. Галлы сперва скрытно обманули Римлянъ въ вѣсѣ; потомъ и явно наклоняли вѣсы въ свою пользу. Римляне на сіе негодовали. Брениъ, какъ бы въ насмѣшку и ругаясь надъ ними, снялъ съ себя мечъ и съ поясомъ, и положилъ на вѣсы: «Что это значитъ, спросилъ у него Сульпицій»—«Что другое, отвѣчалъ Брениъ, какъ—горе побѣжденнымъ»? ⁴⁾. Сей отвѣтъ потомъ вошелъ въ пословицу. Одни изъ Римлянъ негодовали, хотѣли тотчасъ удалиться, взявъ съ собою золото, и выдерживать осаду; другіе совѣтовали терпѣть столь малую обиду, не почитать безчестіемъ лишь то, что больше даютъ; ибо сія плата сама по себѣ постыдна, но необходима, по причинѣ дурныхъ обстоятельствъ.

«Между тѣмъ, какъ Римляне и Галлы такимъ образомъ спо-

¹⁾ Одежда сія называлась *Trabea*, и была красная. *Пр. Пер.*

²⁾ Полнаго изданія Ч. II, 1815, стр. 306 — 309. Камиллъ (гл. 28 и 29).

³⁾ Римская либра содержала 12 унцій или болѣе 11 унцій французскихъ. Сіе составляетъ около 250.000 рублей серебромъ или около 45 тысячъ ф. шт. *Пр. Пер.*

⁴⁾ По латини: *Vae victis!* — *Пр. Пер.*

рили, Камилль съ войскомъ прибыль къ воротамъ Рима. Узнавъ о происходящемъ, велѣль войску строемъ и медленно слѣдовать за собою; самъ спѣша съ отборнѣйшими воинами, пошелъ тотчасъ къ Римлянамъ. Они дали ему мѣсто, приняли его какъ Диктатора почтительно и въ глубокомъ молчаніи. Камилль, снявъ золото съ вѣсовъ, отдалъ его служителямъ, а Галламъ приказаль взять вѣсы и гири и удалиться, сказавши: «что Римляне обыкновенно не золотомъ, а желѣзомъ спасаютъ отечество». Бреннъ на сіе негодовалъ; говорилъ, что онъ обиженъ нарушеніемъ договоровъ. Камилль отвѣтствовалъ: «Что договоръ сдѣланъ противъ законовъ и не можетъ быть дѣйствителенъ; что онъ уже избранъ Диктаторомъ; что кромѣ его, нѣтъ другаго законнаго начальника; что Бреннъ договорился съ людьми, не имѣвшими ни какой власти. Теперь, продолжалъ онъ, вы можете говорить, чего вы хотите; я прибыль съ законною властію, или простить тѣхъ, кои прибѣгнутъ къ просьбѣ, или наказать виновныхъ, если не раскаяются въ своихъ проступкахъ».

«Бреннъ воспылалъ яростію отъ сихъ словъ; онъ начинаетъ драку» и т. д.

Теперь о Греціи: вотъ первые шаги Перикла по принятіи имъ правленія въ Афинахъ¹⁾:

«По окончаніи сего раздора Республика сдѣлалась одною и успокоилась. Перикль перевелъ, такъ сказать, къ себѣ Афины; принялъ во власть свою все отъ Афинянъ завѣщаніе доходы, войско, корабли, острова, море, великую силу и владычество, которое имѣли надъ Греками и варварами, утвержденное покоренными народами, союзами и дружбою съ царями и съ владѣльцами. Уже не велъ онъ себя по прежнему; не столько былъ покоренъ народу, не легко угождалъ ему, не уступалъ его желаніямъ, какъ корабль дуновенію вѣтра. Онъ перемѣнилъ слабое и къ угожденію народа во многомъ склонное правленіе, какъ-бы мягкую и пзнѣженную гармонию, въ Аристократическое и почти

²⁾ Полнаго изданія Плут. ср. ж. 1815. Часть III, 44 — 6, Перикль (гл. 15).

царское, и дѣйствуя имъ къ лучшему благоразумно и безпорочно, по большей части водилъ народомъ по его волѣ, убѣждая и наставляя его; не рѣдко употребляя принужденіе и насильственныя мѣры, заставлялъ повиноваться и слѣдовать противъ воли тому, что было для отечества полезно. Онъ подражалъ врачу, который въ болѣзни долговременной и подверженной различнымъ припадкамъ, то позволяетъ больному безвредныя удовольствія, то даетъ крѣпкія и непріятныя, но спасительныя для него лѣкарства.

«Въ народѣ, имѣющемъ столь великую власть, возникаютъ по необходимости многоразличныя страсти. Периклъ одинъ умѣлъ искусно ими управлять, надеждою и страхомъ, какъ бы уздою, то укрощая ихъ дерзость, то ободряя и одушевляя ихъ въ уныніи. Онъ доказалъ тѣмъ, что витійство, какъ говоритъ Платонъ, есть искусство управлять дунами и что главное его дѣйствіе то, чтобы двигать склонностями и страстями, какъ бы струнами души, требующими весьма искуснаго прикосновенія и удара. Виною сему была не одна сила рѣчей его; но, какъ пишетъ Фукидидъ, слава его жизни, довѣренность народа къ мужу, самому безкорыстному и ненужному деньгами. Хотя онъ городъ изъ великаго и богатаго сдѣлалъ величайшимъ и богатѣйшимъ; хотя могуществомъ превысилъ многихъ царей и владѣльцевъ, изъ коихъ многіе оставили дѣтямъ своимъ въ наслѣдство свое владѣніе: но онъ ни одною драхмою не умножилъ оставленнаго ему отъ отца имѣнія».

Здѣсь представимъ взглядъ Плутарха на значеніе біографій ¹⁾:

«Описаніе жизни началъ я изъ угожденія другимъ, но уже продолжаю его и пребываю твердъ въ своемъ предпріятіи для себя самаго, стараюсь въ Исторіи, какъ зеркалѣ, нѣкоторымъ образомъ исправить жизнь свою и образоваться добродѣтелями описываемыхъ славныхъ мужей. Сіе занятіе совершенно походитъ на сожитіе и тѣсное отношеніе съ кѣмъ либо, когда, какъ

¹⁾ Полнаго изданія Плут., ср. ж. Сиб. 1816, Часть IV, стр. 91—92. Павль Эмилиі (гл. 1).

бы угощая каждаго изъ тѣхъ мужей по очереди, принимаю къ себѣ чрезъ Исторію, разсматриваю *сколь былъ великъ онъ и какихъ свойствъ*¹⁾, и такимъ образомъ очерпаю изъ дѣяній его то, что въ нихъ превосходитъ и къ познанію полезнѣе.

«Съ какою радостью сія сравнится радость?» Какое средство можетъ быть дѣйствительнѣе сего къ исправленію нравовъ?»

Предложимъ разсказъ о коняніи Филопмена²⁾:

«Филопмень, погруженный въ горести и безпокойствѣ, лежалъ тогда на своемъ плащѣ. Онъ не спалъ; увидѣвъ свѣтъ и стоявшаго близъ себя челоуѣка, держащаго чашу съ ядомъ, собравъ силы свои съ трудомъ, по причинѣ слабости своей, сѣлъ, принялъ чашу и спросилъ его: не знаетъ ли онъ чего-нибудь о коняніи, или иначе же о Ликортасѣ? Когда служитель отвѣчалъ ему, что большая часть ихъ спаслась бѣгствомъ, то Филопмень кивнулъ головою, взглянулъ на него кротко и сказалъ: «Это хорошо! я не совсѣмъ несчастенъ!» Онъ не произнесъ болѣе ни одного слова, не издалъ ни малѣйшаго крика, принялъ ядъ и опять легъ. Отрава не умедлила произвести надъ нимъ свое дѣйствіе; онъ погасъ скоро, по причинѣ слабости своей³⁾. Когда слухъ о смерти его распространился между Ахейцами, то всѣ города впали въ уныніе и горестъ. Всѣ молодые люди и Провулы, собравшись въ Мегалополисѣ, ни на короткое время не отложили своего мщенія; они избрали Ликортаса полководцемъ своимъ, вступили въ Мессинскую область и опустошали ее до тѣхъ поръ, какъ Мессинцы, согласившись между собою, приняли въ городъ свой Ахейцевъ. Демократъ успѣлъ умертвить самъ себя; равнымъ образомъ всѣ тѣ, кои давали свое мнѣніе умертвить Филопмена, сами себя умертвили. Но Ликортасъ ловилъ тѣхъ, кои хотѣли,

1) Каковъ и сколь великъ. Илиада, кн. 24, стихъ 629. II. Пер.

2) Полного изданія Плутарха ср. ж. Спб. 1817. Часть V, стр. 244—7. Филопмень (гл. 20—1).

3) Смерть Филопмена послѣдовала въ 571 отъ н. Р. за 183 г. до Р. Х. въ 1-мъ году 149 Олимпіады. II. II.

чтобъ онъ былъ преданъ мученіямъ, дабы предать ихъ участп, какой они присуждали Филопмена.

«Ахейцы, предавъ огню тѣло своего полководца, собрали прахъ его въ урну; возвратились назадъ, не въ безпорядкѣ или какъ попало, но совокупивъ побѣдное шествіе съ погребальнымъ; ибо они были украшены вѣнками и въ то же время проливали слезы; за собою вели въ плѣнъ окованныхъ враговъ, — и урну, которая едва была видна отъ множества вѣнковъ и повязокъ; она несомъ была сыномъ Ахейскаго полководца Поливіемъ¹⁾, вокругъ котораго шли знаменитѣйшіе Ахейцы. Потомъ слѣдовали вооруженные воины на коняхъ, великолѣпно украшенныхъ; они не обнаруживали печали въ толпкомъ бѣдствіи, и не гордились одержанною побѣдою. Жители всѣхъ городовъ и селеній, выходя имъ на встрѣчу, какъ будто бы принимали Филопмена, возвращающагося изъ походовъ, касались урны его съ почтеніемъ и сопровождали его до Мегалополса. Къ нимъ присоединились старцы съ женщинами и малыми дѣтьми; жалобные вопли ихъ раздались по войску до самаго Мегалополса, который былъ погруженъ въ горести, почитая потерю сего мужа лишеніемъ первенства своего надъ Ахейцами».

Приведемъ послѣдною выписку нашу: рѣчь идетъ о судьбѣ Марія²⁾.

«Марій нѣсколько отдохнулъ; онъ осмѣлился изъ острова сего³⁾ перейти въ Кароагенъ. Преторомъ Ливіи былъ тогда Секстилій, Римлянинъ, которому Марій не оказалъ ни добра, ни зла. Марій ожидалъ, что онъ по крайней мѣрѣ изъ состраданія окажетъ ему пособіе. Но едва вышелъ на берегъ со своими друзьями, какъ посланный отъ Секстилія служитель предсталъ предъ него и сказалъ: «Преторъ Секстилій запрещаетъ тебѣ, Марій, выхо-

¹⁾ Поливій, греческій историкъ, коего сочиненія частію дошли до насъ: ему тогда было 22 года. II. II.

²⁾ Полнаго изданія Плут. гр. ж. Часть VI. 1818, стр. 217—218. Марій (гл. 40).

³⁾ Сициліи.

дять на берегъ Ливійскій; въ противномъ случаѣ, онъ, исполняя опредѣленіе Сената, поступитъ съ тобою, какъ съ врагомъ Римлянъ». Марій, услышавъ сіе, вналъ въ такую горестъ и смущеніе, что не находилъ словъ отвѣчать ему. Долгое время пребылъ онъ въ покоѣ, бросая на служителя суровые взоры. Когда онъ спросилъ его, какой отвѣтъ прикажетъ дать Претору; то Марій, съ тяжкимъ вздохомъ отвѣчалъ: «Скажи, что ты видѣлъ Гаія Марія изгнанникомъ, сидящимъ на развалинахъ Кароагена!» Сямъ отвѣтомъ весьма прилично представилъ онъ участь того города и превратности своей жизни, въ примѣръ и наставленіе другимъ».

По этимъ выпискамъ читатели могутъ сами составить себѣ нѣкоторое понятіе о языкѣ и слогѣ перевода, исполненнаго 70—77 лѣтъ тому назадъ.

Б. Мнѣніе переводчика о своемъ трудѣ.

Вотъ что писалъ въ то время, еще въ молодости, о своемъ переводѣ самъ С. Ю—чь¹⁾: «Сколь ни дурень мой переводъ, думалъ я, однако онъ довольно вѣренъ, по возможности близокъ къ оригиналу, достоинство не маловажное, особливо когда позволяется лучшихъ авторовъ, древнихъ и новыхъ, переводить съ французскихъ, не всегда хорошихъ переводовъ! Плутархъ самъ не избѣгъ жестокаго жребія—быть переведеннымъ съ французскаго перевода²⁾. Сей переводъ не приноситъ никому ни пользы,

¹⁾ Въ «Краткомъ Извѣстіи». (Поли. изд. «Плут. ср. ж.» Ч. I. стр. LXV—LXVI).

²⁾ Къ этому мѣсту принадлежитъ примѣчаніе С. Ю—ча, читаемое на стр. LXVI, въ которомъ онъ показываетъ нѣсколько самыхъ грубыхъ ошибокъ въ осьми жизнеописаніяхъ, издавшихся въ 1765 г. Объ изданіяхъ своихъ современниковъ С. Ю—чь не говоритъ ни слова. Мы разсматривали первую часть книги, имѣющей такое заглавіе: «Жизнь знаменитыхъ мужей, описанныхъ Плутархомъ. Переводъ съ французскаго. Сиб. Ч. I. 1812, Ч. II. 1816 г.». Здѣсь пропускаются цѣлыя страницы изъ Плутарха, при чемъ цѣль такихъ пропусковъ не объяснена и переводъ не названъ сокращеннымъ. Мы нашли здѣсь большія отступленія отъ подлинника.

ни удовольствія; но мои труды помогутъ какому нибудь искуснѣйшему переводчику перевести Плутарха исправнѣе».

Въ старости о своемъ переводѣ высказался С. Ю.—чь слѣдующимъ образомъ ¹⁾: «Переводъ Плутарха конечно не отличный—самъ переводчикъ чувствовалъ свои недостатки, однакожь не такъ же дурень»... подразумевается, какъ отозвался о немъ критикъ Отечественныхъ Записокъ, и въ доказательство своихъ словъ переводчикъ дѣлаетъ ссылки на 25 мѣстъ, взятыхъ на удачу: «Переводчикъ исполнилъ свое дѣло добросовѣстно, продолжаетъ авторъ «Ч. Отвѣта», со все́мъ возможнымъ стараніемъ; къ нему не должно отнести итальянскія слова *traduttore traditore*. И вотъ какъ онъ поступилъ: онъ собралъ разныя изданія подлинника; къ счастью его незадолго до того началъ издавать Плутарха въ Парижѣ извѣстный грекъ Корансъ съ разными поправками и изъясненіями. Онъ собралъ разные переводы, а именно: латинскій, французскій, англійскій и нѣмецкій. Есть люди, которые скажутъ: такъ и Г. переводчикъ переводилъ съ французскаго или нѣмецкаго. Пусть всякой думаетъ, что хочетъ; переводчикъ замѣтитъ, что въ Плутархѣ, какъ и во все́хъ древнихъ писателяхъ есть мѣста, которыя должно изъяснить по догадкѣ, по разнымъ соображеніямъ, и нерѣдко случалось, что комментаторъ исправлялъ въ авторѣ испорченное мѣсто по догадкѣ какого нибудь переводчика — и поправка была самая приличная. Послѣдній издатель Плутарха извѣстный Рейске исправлялъ многія мѣста въ самомъ подлинникѣ по переводу Амид... Коран признавался, что при изданіи Политики Аристотеля многія мѣста исправлялъ по переводу Аретина. Глушь будетъ тотъ переводчикъ, кто не захочетъ пользоваться трудами своихъ предшественниковъ при переводѣ древняго автора! Онъ переводилъ жизнеописанія, держась какъ можно ближе къ подлиннику, не пропу-

¹⁾ См. «Черновой Отвѣтъ 1847 г.». О критикѣ От. Зап. мы говорили выше, стр. 26.

ская ни слова¹⁾, не позволяя себѣ ни малѣйшаго отступленія. По переводѣ слыхалъ опять переводъ свой съ подлинникомъ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли ошибки или пропуса — наконецъ читалъ свой переводъ одинъ и два раза и поправлялъ его. Такъ какъ въ первыхъ 6 частяхъ онъ самъ держалъ корректуру, то и при этомъ случаѣ онъ исправлялъ также свой переводъ и сколько могъ старался сдѣлать его глаже».

В. Нѣкоторыя свойства занимающаго насъ перевода.

Вотъ что сообщилъ о своемъ переводѣ самъ переводчикъ въ молодости своей и что въ старости своей. Сынъ же его, какъ лѣтописецъ, полагаетъ, что съ его стороны будетъ достаточно указать читателямъ на нѣкоторыя свойства его перевода: они будутъ видны изъ слѣдующихъ примѣровъ: Существительныя отвлеченныя обращены въ личныя: *πολλὰ καταμῖξας ἀκοντίσματα καὶ τοξόματα τοῖς θηρίοις* III, 25 Pugh. 2. = «поставивъ между словами многихъ копѣносцевъ и стрѣльцевъ» VI, 65²⁾. — Намѣренное двусмысліе слова греческаго выражено двумя словами русскими, изъ которыхъ одно представляетъ переводъ, а другое поясненіе: *ἐπαριστέρους καλεῖσθαι Κάτωνας* II, 292 Marc. Sato 19. = «называлъ *мвими*, т. е. неловкими Катонами» V, 146. — Греческое прозвище объяснено: *ἐαυτὸν Ἐπαφροδίτου ἀνηγόρευε* III, 168 Sulla 34 = «называлъ себя (Силла) Эпафродитомъ (любимцемъ Венеры)» VI, 434. — Для большей ясности представленія переводъ прибавляетъ слово: *ἔγραψε πόρπη* III, 3 Pugh. 2 = «написалъ на ней³⁾ шненькомъ пряжки» VI, 6; или: *ἐν μέσῳ τὸ παιδίον ἐπὶ τῆς γῆς κατέθεσαν* III, 3, Pugh. 3 = «положили дитя на

¹⁾ Точнѣе было бы сказать: «не упуская изъ вида значеніе ни одного слова»; во всякомъ случаѣ отецъ не хотѣлъ сказать, что переводилъ слово въ слово.

²⁾ Греческіе примѣры мы приводимъ по изданію Корай: *Προστίχου βίαι πικράλληλοι... Ἐν Χριστίαις...*, ΔΩΘ., указывая томъ, страницу и главу съ именемъ лица, чья біографія. Русскія ссылки по полному изд. Плут. ср. ж.

³⁾ Т. е. на корѣ дуба.

поль посредн чертога» VI, 7. — Греческое слово неблагоуристойное обойдено: τὸν γαστέρα λέγων καὶ τὰ αἰδοῖα καὶ τὸν λαίμον II, 6 Alcib. 6 = «желудокъ, горло и прочее» III, 197. — По образцу слова греческаго составлено слово русское: τῶν ἡγωνισμένων αὐτάγγελος II, 286 Marc. Cato 14 = «самовѣстникомъ своихъ подвиговъ». V, 131. — Вмѣсто двухъ синонимовъ греческихъ поставлено одно выраженіе русское: δημαγωγεῖσθαι καὶ στασίαζειν I, 245 Camill. 9 = «предавались крамоламъ» II 264. — Одно греческое слово, по требованію смысла, выражено двумя русскими: ἀράς θέσθαι τοὺς ἱερεῖς ἔγραψεν II, 250. Arist. 10 = «написалъ опредѣленіе, чтобъ жрецы проклинали V, 35. Вставка глагола въ предложеніи безглагольномъ: ὁ δ' ἄγων οὐχ ὑπὲρ χώρας μόνον II, 257 Arist. 16 = «намъ предстоитъ подвигъ не только за область свою» V, 52. — Дѣйствительный глаголъ съ зависящимъ отъ него винительнымъ переданъ глаголомъ возвратнымъ: ὁψὲ μὲν ἀμφότερα δ' ἄμα νοῦν ἐσχίκαμεν I, 221 — 2 Them. 18 = «хотя поздно, но оба вмѣстѣ мы образумились» II, 202. — Прошедшее выражено настоящимъ (о стремительности Кельтовъ): οὐδὲν ἐμποδῶν, ἐποιοῦντο τῆς σπουδῆς, ἀλλ' ἐχώρουσαν παντὶ τάχει I, 252 Cam. 18 = ничто не останавливаетъ ихъ: они идутъ со всевозможною носнѣшностію II, 280. — Одно греческое предложеніе выражено нѣсколькими русскими: ἐκπεσόντος δὲ τῆς πόλεως αὐτοῦ, καὶ διατρίβοντος ἐν Ἀργεῖ, τὰ περὶ Πausανίαν συμπέσοντα κατ' αὐτοῦ παρέσχε τῶς ἐχθροῖς ἀφορμὰς I, 226. Them. 23 = «Оемястокль, по изгнаніи своемъ изъ Аопнѣ, жилъ въ Аргесѣ. Случившееся тогда съ Павсаніемъ подало поводъ непріятелямъ къ его обвиненію» II 215 ¹⁾). Косвенная рѣчь часто замѣняется прямою: οὐκ ἔρη τὸν θάνατον ὀδύρεσθαι καὶ γὰρ ἐλθεῖν οἴκοθεν ὑπὲρ τῆς Ἑλλάδος ἀποθανούμενον ἀλλ' ὅτι θνήσκει τῇ χειρὶ μὴ χρησάμενος II, 258. Arist. 17 = «Каликратъ... умирая сказавъ: «я не жалѣю о томъ, что погибаю; ибо умереть за Грецію

¹⁾ Примѣры этого часты: ср. напр. греч. I 237. Cat. 2 = рус. II, 243; гр. 111, 96. Lys. 3 = рус. VI 243—4.

пришелъ я сюда изъ своего дома — жалбю только о томъ, что умираю, ничего не произведши»¹⁾ V, 56. — Глаголь переданъ нарѣчіемъ: *Προσέπαιετο θοροῦν* II, 279 Marc. Cato 8 = «притворно удивлялся» V, 112. и т. д. и т. д.

Здѣсь далеко не псчерпаны разнообразныя способы перевода, замѣченныя нами въ занимающемъ насъ трудѣ: выписанныя выше примѣры даютъ о нихъ лишь приблизительное понятіе.

Г. Отдѣльные примѣры языка, въ переводѣ Плутарха.

Мы представимъ прежде рядъ такихъ словъ и формъ въ переводѣ Плутарха, которыя въ первой четверти нашего столѣтія еще были употребительны въ литературномъ изложеніи, но въ послѣдствіи времени понемногу выходили изъ употребленія, и въ нынѣшней письменности либо вовсе не встрѣчаются, либо очень рѣдко. Таковы слѣдующія слова и формы: *извитія*, *лабиринтъ*, *машина* (и машинна), *гласы*, *двѣсть*, *тридесѣтый*, *кои*, *приближилсь*, *заклакъ*, *везомый*, *стреломый*, *вкупъ*, *наки*, *наипаче*, *токмо* (и только) и т. п. Есть значенія словъ почти вовсе псчезнувшія: напр.: *непремѣнный* въ значеніи *неизмѣнный*, *пресловутый* — не въ ироническомъ смыслѣ. Прибавимъ и нѣсколько оборотовъ и конструкцій, которыя со временемъ вывелись: личное мѣстоименіе въ 3-мъ-лицѣ послѣ предлога иногда безъ *и*: между *ими* (но и съ *и*: противъ нихъ). Иногда при страдательномъ залогѣ стоитъ не творительный, а родительный съ *отъ*: оскорбленъ *отъ* него, основанный *отъ*, пойманъ *отъ*. Нерѣдко глаголь ставится на концѣ. Встрѣчаются обороты: попадаться предъ глаза, приведеніе въ дѣйство и т. п.

Церковно-славянскія и вообще старинныя книжныя слова и формы встрѣчаются часто, но преимущественно при слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда говорится о богахъ, лицахъ и предметахъ,

¹⁾ Примѣры такой конструкціи гр. II 256. Arist. 15 ср. съ рус. V 75; гр. II, 337. Flam. 5 съ рус. V 263; гр. II 324. Philop. 15 съ рус. V 231.

признававшихся за священные; напр.: *владыко*, въ отвѣтъ челоуѣка богу V, 39; «бога *вся* сохраняющаго» II, 225; «но ты, Аполлонъ, радуйся и дай мнѣ *благая*» IV, 133. 2) Когда говорится о событіяхъ и положеніяхъ торжественныхъ, трагическихъ или трогательныхъ: «самыя домашнія животныя, съ жалобными криками *провождая* своихъ *питателей*, трогали душу» II, 184; «доколѣ сіе свѣтло будетъ *тещи* тѣмъ же путемъ» V. 35. 3) При переводѣ стиховъ, вставляемыхъ авторомъ въ свой текстъ, какъ бы они ни были переведены — стихами или прозой: «изъ страны *чуждыя*» II, 38; «ужасенъ *логовъ* львиный» VI, 233. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что употребленіе церковно-славянскихъ и вообще старинныхъ книжныхъ словъ и формъ вызвано характеромъ предмета; однакожь нѣтъ сомнѣнія, что слова и формы эти употреблены и въ такихъ мѣстахъ, которыя ни значеніемъ своимъ, ни тономъ, повидному, не давали къ тому особеннаго повода; напр. *дѣтствѣ* талантовъ II, 221 — 2; *носятъ* на рукахъ дѣтей своихъ *сестръ* II, 252; *пресыкала* дорогу рѣка VI, 159. Уже въ старости своей переводчикъ, взглянувъ на давно прошедшее, далъ объясненіе только что отмѣченнымъ нами явленіямъ рѣчи. Сославшись на двадцать слѣшкомъ мѣстъ своего перевода, онъ выразился слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ эти мѣста, взятыя на удачу, даютъ право переводчику сказать, что три восклицанія... какой слогъ!!! не могутъ отнестись къ переводу, сдѣланному за 37 лѣтъ, т. е. въ то время, когда не славянофильство, а славянщина была въ большой силѣ подъ эгидою Шишкова и другихъ извѣстныхъ въ литературѣ лицъ, которымъ молодые люди, въ томъ числѣ и переводчикъ Плутарха должны были вѣрить, какъ авторитетамъ»¹⁾).

Не смотря однако на это признаніе переводчика, нельзя отнести его къ школѣ Шишкова, хотя онъ и платилъ нѣкоторую дань той манерѣ, которой держался этотъ стилистъ.

Продолжаемъ свой перечень мѣстъ. Переводчикъ пользовался

¹⁾ См. «Черновой отвѣтъ 1847 года».

иногда выраженіями изъ языка разговорнаго и даже простонароднаго. Вотъ доказательства: *стелная* корова I, 313; *въ полонъ* II, 107; *ущелны* II, 140; *далеко ото* всѣхъ; *потемнялъ* воздухъ V, 260; *развернувъ* тогу (Катошь) нарочно *выва-милъ* изъ ней въ Сенатѣ Ливійскія Фиги V, 171: схвативъ *рученками* его за платье (о ребенкѣ) VI, 7. (*λαβόμενος τοῦ ἱματίου τῆς χειρὸς* (3,3, Pugh. 3); *пришедши* ... *находиши* основаніе II, 239. *καρφάντι... κρηπίς ἐστίν* 2. 239 Them. 32); пусть лучше тутъ останется, *чѣмъ ему* ходить V, 23; однако жъ теперь *смотри* не *дремать* VI, 435 (*ὄρα μὲντοι σοὶ μὴ καθεύδειν* III, 168¹⁾, Sol. 34.

Не входя въ опредѣленіе и оцѣнку языка и слога, замѣчаемыхъ въ переводѣ Плутарха, я позволю себѣ однако сказать, что ни церковно-славянскіе и старокнижные, ни разговорные элементы не составляютъ характеристики языка и слога этого перевода.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то стараніе, съ которымъ С. Ю—чъ исправлялъ въ полномъ изданіи нѣкоторые недостатки пробнаго. Мы упомянули о томъ, что Каченовскій, при разборѣ пробнаго изданія перевода Плутарха, указалъ на нѣкоторыя неправоильности языка²⁾. Вотъ нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ примѣровъ: У Каченовскаго отмѣчено: «Стр. 10: «*Во снѣ приснилось* ему». Такъ дѣйствительно въ пробномъ изданіи I, 10; но въ полномъ: «ему *приснилось*». По сличеніи всѣхъ мѣстъ, приведенныхъ Каченовскимъ изъ прежняго изданія, съ параллельными мѣстами слѣдующаго изданія, мы убѣдились, что замѣчанія критика не пропали безслѣдно для переводчика. Прибавимъ и тѣ наблюденія, которыя сдѣланы нами при взаимномъ сравненіи

¹⁾ Страннымъ образомъ по вольности перевода явилось въ немъ слово *смотри*, которому дословно соотвѣствовало бы слово *ὄρα*: но никто конечно не подумаетъ, что переводчикъ смѣшалъ *ὄρα* и *ἄρα*. При томъ слово *ἄρα* передано словомъ *теперь*.

²⁾ См. стр. 15 нашей статьи и статью Каченовскаго въ Вѣстн. Евр. 1813. Ч. I., на стр. 77—78.

шести первыхъ частей полнаго изданія. Въ Т. I (204) читаемъ: «слажныя произведенія», а во II (43): «сухія и жидкія произведенія». Греческое *φραζῆς* переведено было сперва словомъ «студъ», а потомъ два раза словомъ «носилики» (I, 69 и VI, 55 и 153 = греч. изд. Кор. I, 307 и III, 22 и 61 Маг. 17). Сперва читаемъ «мнась» (II 37), и тутъ же въ примѣч. 40: «по лат. *мина*; мнась въ славян. книгахъ»; а потомъ находимъ: «70 мншъ» (V, 6 = ср. τῆν μὲν I, 157. Sol. 15; μὲν ἐβδωμήκοντα II, 240 Arist. I.). Въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ въ жизни Агесилая, гдѣ находимъ по пробному изданію слово «ополченіе», въ полномъ поставлено «спль» или «войско» (I 1810: стр. 17, 21, 51, 71, 100; VIII, 1821: стр. 166, 171, 212, 237, 276). Такую перемѣну, я думаю, должно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ войны 1812 г. слово «ополченіе» получило тотъ специальный смыслъ, который не ускользнулъ отъ вниманія переводчика, и который побудилъ его избѣгать этого слова при переводѣ своего классика.

Д. Способы передачи именъ собственныхъ и названій древнихъ предметовъ и устройствъ.

О написаніи именъ людей и мѣстъ самъ переводчикъ въ своемъ Краткомъ Извѣстіи даетъ слѣдующее объясненіе: «я долженъ нѣчто сказать, пишетъ онъ, объ употребленіи Греческихъ и Латинскихъ именъ. Россіяне принявъ отъ Грековъ вѣру, письменна и нѣсколько понятій Историческихъ, Философскихъ и проч. сохранили во всѣхъ иностранныхъ именахъ Греческій выговоръ 10 вѣка. Такъ напр. они говорятъ Авраамъ, а не Абрагамъ; Феодосій, а не Теодозій, Кпликія, а не Цилиція. Латинскія имена прозносили по примѣру Грековъ, говоря Кесарь, вмѣсто Цезарь, Патрикій вм. Патрицій. Такъ Россіяне употребляли сіи имена до 18 вѣка, когда начали замѣтствовать многія понятія у европейцевъ, придерживающихся Латинскаго выговора. Многіе начали употреблять Латинскій, но другіе слѣдовали Греческому, по примѣру Славянскихъ книгъ. Вскорѣ нѣкоторые, не заботясь ни о

Греческомъ ни о Латинскомъ, слѣдовали выговору Французскому; и сн-то пишутъ *Симонъ, Эшилъ* и проч. Кто въ семь выговорѣ узнаеть Кимона или Цимона и Эхила? Простительно ли портить имена и приводить въ замѣшательство читателя, который можетъ принять Кимона Аонянина за Симона Иудейнина? Такъ случиться можетъ, что въ Русской книгѣ найдемъ Сезарь, Тусидидъ, Аристотъ, Амброазъ—и не узнаемъ сихъ великихъ мужей. Что до меня касается я послѣдовалъ выговору прежде Россіянами употребляемому, и отступалъ отъ него только въ такихъ случаяхъ, когда какое либо имя не иначе могло быть узнано, какъ по Латинскому выговору. Такъ напр.: пишу Тезей, Улиссъ, Аяксъ, и не Опсей, Одиссей, Эагтъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ употреблялъ я Греческій выговоръ, хотя многимъ онъ уже кажется страннымъ. Впрочемъ тѣ, кои хотять, чтобы мы писали Демостень, Темистокль, Лесбось, пусть сами начнутъ писать Атены, Тебы и т. д. вмѣсто Аоны, Опы и проч.»

Выписанныя мною замѣчанія отца моего относятся къ именамъ людей и мѣсть. Въ именахъ же греческихъ боговъ онъ рѣдко держится ихъ греческой формы, а большею частью воспроизводитъ ихъ въ формѣ именъ соответственныхъ имъ боговъ латинскихъ. Это должно объяснить установившимся у насъ еще раньше того времени обычаемъ держаться римскихъ названій боговъ преимущественно передъ греческими, хотя бы дѣло шло о богахъ греческихъ. Даже и тамъ, гдѣ переводчикъ сохранилъ греческя имена боговъ, они имъ поясняются поставленными въ скобкахъ именами римскими. Напр. Ἀθήνη = Аона (Минерва), Ἄρης = Марсъ, Ἄρτεμις = Артемида, Діана, Ἀφροδίτη = Венера и т. д. Прозвища же греческихъ боговъ обыкновенно ставятся въ греческой ихъ формѣ съ переводомъ этого прозвища. Напр.: Ἀριστοβούλη (Ἄρτεμις ἢν Ἀριστοβούλην προσήγορεύσαν = Діана, которую называь Аристовулою (благосовѣтная (II, 214. Оем. 22.—Ἐλευθέριος (Ζεὺς) = Зевесъ Элевоерій (освободитель) (V, 65, Арист. 20).—Ἐὐκλείη Ἄρτεμις = Артемида Эвклія (доброй славы) V, 68, Арист. 20.

Термины, относящіеся къ греческимъ учрежденіямъ, = иногда вносятся въ русскій текстъ въ ихъ греческой формѣ съ припиской или безъ приписки ихъ значенія, иногда же ставятся только въ переводѣ. Вотъ примѣры: ἀριστοκρατία = аристократія, δαδούχος = свѣченосецъ, δεκαρχία = десятиначаліе, ὀλιγαρχία = олигархія, малоначаліе, στρατηγία = полководство.

Перейдемъ къ міру римскому. Названія римскихъ боговъ оставлены въ ихъ латинской формѣ, не смотря на то, что въ подлинникѣ они имѣютъ большею частью форму греческую. Напр. Ζεὺς = Юпитеръ, Ἥρα Юнона, Ἀφροδίτη = Венера. Имена римскихъ дѣятелей Греки писали большею частью въ измѣненномъ видѣ сравнительно съ латинскими ихъ именами; въ переводѣ же Плутарха возстановлены названія латинскія. Напр. Βίβλος = Бибуль, Κέλερ = Целеръ, Κόιντος Τίτιος = Тицій Квинтъ и т. д. Однакожъ, Cato, Cicero, Stolo переводчикъ пишетъ Катонъ, Цицеронъ, Столонъ, въ чемъ онъ держался установившагося гораздо раньше его времени обычая: еще Юмонсовъ писалъ Цицеронъ, Туберонъ, Пизонъ²⁾. Въ названіяхъ римскихъ мѣстностей переводчикъ слѣдуетъ указаніямъ латинскаго языка: Капуя, Капуу, по Capua, а не по Καπύη; Аскулумъ по Aesculum, а не по Ἀσκλον; Брундузіумъ по Brundisium, а не по Βρεντήσιον. — Учрежденія, принадлежація къ міру римскому, Плутархъ обыкновенно передаетъ греческими терминами; переводчикъ же передаетъ ихъ иногда сходно съ ихъ латинской формой, приписывая большею частью по-русски ихъ значеніе, иногда же пишетъ одно только значеніе слова. Напр. ἀγορανομία = адильская должность, ἀνὴρ δημοτικός = плебеянинъ, ἀνθύπατος = проконсулъ, βουλή или σύγκλητος = сенатъ.

Замѣтимъ, что переводчикъ Плутарха одно и то же греческое слово передаетъ различно, смотря по тому, означаетъ ли оно терминъ греческій, или римскій. Онъ въ этомъ держится выше приведенныхъ приемовъ. Такъ δῆμος, принадлежа къ греческому

²⁾ См. его Краткое руководство къ краснорѣчію, стр. 215, 216. Спб. 1748.

міру, переводится и *народоправленіе* и *мѣстечко*; принадлежа къ римскому переведено — *римскій народъ*; *στρατηγία* въ первомъ случаѣ передана *полководство*, во второмъ *преторство* и т. п.

Предметы изъ римской жизни, которые біографъ пишетъ обыкновенно въ греческомъ ихъ переводѣ, либо въ формѣ хотя и латинской, но эллинизированной, переводъ постоянно воспроизводитъ или въ формѣ, близкой къ латинской (иногда съ объясненіемъ), или въ переводѣ: *δίφρα ἀγκυλοδοποι* = курульные сѣдалища, *θῆραι* = тензы (по *tensae*), *λίτρον* = литуусъ (жезль авгуровъ) (по *lituus*), *παλάτιον* и *παλάτιον* = палаціумъ и палаціумъ, *σπαῖρα* = когорта (по *cohors*) и т. п.

3. Комментарій къ переводу.

О примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ своему переводу С. Ю-чи писалъ два раза. Въ первый разъ въ «Краткомъ Извѣстіи»: отзывъ этотъ относится слѣдовательно къ 1814 году; вотъ онъ:

«Желая сдѣлать сію книгу полезнѣе для читателей, пишетъ переводчикъ въ молодости своей, особливо для тѣхъ, кои не весьма знакомы съ древнею Исторіею, я обогатилъ его примѣчаніями Дасье, Мезерая, Клавье, Рюальда, Корая, братьевъ Лангхорнъ ¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ. Моихъ замѣчаній очень мало. Надѣюсь, что и географическія карты, при семъ издаваемые, не бесполезны для молодыхъ читателей, которымъ древнія названія государствъ не извѣстны» ²⁾.

Второе свѣдѣніе далъ переводчикъ въ старости. Выражаясь о себѣ въ третьемъ лицѣ, онъ пишетъ слѣдующее:

«Наконецъ онъ обогатилъ свой переводъ хронологическими замѣчаніями, въ недостаткѣ которыхъ упрекаютъ Плутарха, также примѣчаніями географическими, мѣтологическими, филосо-

¹⁾ Въ «Краткомъ Извѣстіи» по опечаткѣ читаемъ Лансгорнъ (стр. LXXVI): эта фамилія пишется Langhorne. Г. Д.

²⁾ «Кратк. Извѣстіе», стр. LXXVI.

фическими, историческими, сравнивая описанія Плутарха съ описаніями другихъ древнихъ писателей; монеты и мѣры переведены по возможности на русскія. О мѣстахъ трудныхъ и сомнительныхъ приведены мнѣнія разныхъ ученыхъ и комментаторовъ или переводчиковъ Плутарха. Такихъ примѣчаній въ каждой жизни отъ 30 до 100 и болѣе; въ жизни Помпея 123, въ жизни Александра 139, Кесаря 112: они дѣльныя, и для людей, которые или немногому учились или иное забыли¹⁾, между этими примѣчаніями переводчикъ находитъ такія, которыя выражаютъ его тогдашній образъ мыслей и онъ не стыдится его. Вотъ между прочимъ въ жизни Катона одно примѣчаніе, въ которомъ онъ защищаетъ слова Сократа отъ нападенія этого чудака Катона. Часть V, стр. 159. Въ этомъ примѣчаніи молодой переводчикъ высказалъ свою душу»²⁾).

Итакъ переводчикъ самъ называетъ свои примѣчанія замѣтанными: имѣя въ виду большинство читателей, онъ не часто приводитъ источники и пособія, а когда и приводитъ ихъ, то рѣдко ставитъ при нихъ ссылки на изданіе, часть, страницу и т. п. Безпритязательность, съ какою онъ отзывается о своихъ примѣчаніяхъ, стнудь не приписывая имъ ученаго значенія, снимаетъ съ насъ обязанность прослѣдить его источники.

Ниже, однако, мы покажемъ, что онъ по временамъ вносилъ въ примѣчанія и собственную критику; что она иногда касалась и самаго текста автора. Сверхъ того, находя въ «Дневникѣ» моего отца 1808 г. множество греческихъ выписокъ изъ Ксенофонта, Эліана, Суиды и другихъ, я готовъ видѣть въ этихъ выпискахъ матеріалъ, собираемый имъ для примѣчаній къ Плутарху, — тому писателю, который въ то время ужъ начиналъ охватывать не малую часть его умственной дѣятельности. Укажемъ на нѣкоторыя стороны его примѣчаній къ переводу, насъ занимающему.

¹⁾ Предложеніе не кончено въ черновомъ: можно бы дополнить его словами: полезны и необходимы. Г. Д.

²⁾ Къ этому признанію мы воротимся. Эта выписка взята изъ «Черноваго Отвѣта 1847 или 1848 г.», стр. 19—20. Г. Д.

А. Примѣчанія по критикѣ текста.

Примѣчанія С. Ю—ча иногда заключаютъ въ себѣ оправданіе того или другаго чтенія въ текстѣ писателя. Мы не станемъ приводить тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ слѣдуетъ своему знаменитому современнику и соотечественнику, Адамантию Кораі, котораго изданіе Плутарховыхъ жизнеописаній было въ то время лучшимъ¹⁾. Укажемъ на нѣсколько случаевъ несогласія переводчика съ чтеніемъ Кораі. Передъ *Περσίνων* въ разныхъ спискахъ стоитъ то *Κλάρα*, то *Λάρα*. Кораі, не высказывая своего основанія, вноситъ въ текстъ *Κλάρα*; переводчикъ же пишетъ *Лару Порсенъ*²⁾, тоже безъ объясненія такого предпочтенія. Известно однако, что Діонисій Алварнасскій пишетъ *Λάρος Περσίνων* (5, 21), что Титъ-Ливій пишетъ *Lartem Porsenam* (II, 9), что по послѣдующимъ разысканіямъ *lars* по-этрусски значитъ владыка или царь. Въ жизни Александра упоминается, что онъ «спѣшилъ отъ стѣнъ отъ непріятелей приморскія области до Финикіи и Киликіи». Въ прим. С. Ю—чь пишетъ: «Финикія здѣсь не прилично поставлена; по мнѣнію критиковъ надлежитъ разумѣть Памфилю: ибо Финикія далѣе въ Сиріи». Въ современныхъ русскому переводчику греческихъ текстахъ Шмидера и Кораі стоитъ безъ оговорокъ *Φινίκης*³⁾. Какимъ критикамъ послѣдовалъ авторъ русскаго

¹⁾ Сошлемся на нѣкоторыя поправки Кораі, которыхъ держался С. Юрьевичъ въ своемъ переводѣ, и поясняя въ своихъ примѣчаніяхъ: *ἐν τῷ [μὴ] μετρίῳ* (μὴ прибавлено Кораі) *Plut. Vitae. ed. Cor. I 188* = *Плут. ср. ж. II, 114* (Публ. 12) и пр. 34. — *Γουλιῆς ἀνδρῶν ἄλλος [οὐκ] ἀπ' ἄλλων* (οὐκ вставленъ издателемъ) *Id. II, 124*; рус. IV, 102 стр. 18. — *Ἕλληνας*, а не *ἑλεῖν* *Id. II, 126* и проч. = рус. IV, 107 и проч. 26. — *Φιλόνεικος* есть имя личное, а не прилагательное *Id. II, 157* и прим.; рус. IV, 193 и пр. 98. — *Πόλεων*, а не *πολεμίον* *Id. II, 10* и прим.; рус. III, 205 (Алек. 12). — Вставить *ἐν Θετταλίᾳ* *Id. II, 22* и прим.; рус. III, 241 (Алек. 23) и пр. 63. — Въмѣсто Гедросіи должна бы быть Караманія *ed. Cor. IV, 255* и пр.; рус. пер. IX, 196 (Алек. 67) и т. д.

²⁾ *Plut. Vitae, ed. Coraës I, 191* (Popl. 16); рус. II, 125.

³⁾ Рус. пер. IX, 49 (Алек. 17). — *Schmieder. Plutarchi Vitae parallelae Alexandri et Caesaris. Halae Magd. 1804, 8°; Πλουτάρχου βίαι παράλληλοι... Ἐν Περσίῳ*, 1812. Ч. IV, стр. 201. Это и есть изданіе Кораі.

примѣчанія — намъ неизвѣстно. Ограничимся этими примѣрами: они доказываютъ, что хотя переводчикъ, какъ мы видѣли, и не задался учеными цѣлями, однако не оставался равнодушнымъ къ состоянію текста переводимаго имъ автора.

Б. Примѣчанія объяснительныя.

Несравненно многочисленнѣе тѣ примѣчанія, въ которыхъ читатели находятъ объясненіе предметовъ и словъ: такія примѣчанія особенно нужны для большинства читателей. Вотъ примѣры. Переведши слова Плутарха *τῆν ἄνω πόλιν* «верхнимъ городомъ», С. Ю—чь поясняетъ въ прим.: «Верхнимъ городомъ назывались Аонины въ отношеніи къ Пирею». Еслибъ не было дано такого объясненія, нѣкоторые читатели могли бы принять выраженіе «верхній городъ» за Акрополь¹⁾. Упомянуто въ текстѣ включеніе одного стиха въ Омпрову «Некію» (*Νεκίη*) и приложено толкованіе: «такъ называется 11 кн. Одис. гдѣ повѣствуется о сошествіи Улисса въ царство мертвыхъ ст. 630»²⁾. На той же страницѣ приведенъ стихъ Юна, и по этому поводу пояснено, что «Юнъ трагическій стихотворецъ который въ 80 Олимпіадѣ предлагалъ въ Аоннахъ свои трагедіи»³⁾. Въ такомъ же родѣ, то короче, то длиннѣе и другія объяснительныя примѣчанія⁴⁾. Больше, чѣмъ въ настоящее время, могли нуждаться въ такомъ коммента-

¹⁾ Plut. V. Cor. III. 141 = рус. пер. VI. 364 (Силла 12). см. прим. 29.

²⁾ Plut. Vitae, ed. Cor. I (Thes. 20) = рус. пер. I, ст. 37. прим. 56.

³⁾ Тамъ же пр. 57.

⁴⁾ См. слѣдующія примѣчанія: о Теоридѣ I, 53. п. 78; объ Плотохъ I. 183. п. 9; о словѣ *ἀντήρ* въ особенномъ юридическомъ значеніи, I. 204, п. 33; о трехстахъ мужахъ въ Лакедемонѣ I, 253. п. 80; о скиталѣ I, 267. п. 91; объ Идеяхъ Дактиляхъ I, 325. п. 65; о выраженіи: продавать дочерей II, 59, п. 58; о квесторской должности II, 116. п. 35; объ остракизмѣ II, 168. п. 27; о священномъ кораблѣ II. 174. п. 36; о выраженіи «поднять махину» II, 180. п. 45; о словахъ: царскія двери II, 224, п. 109; объ Аримаинъ II. 228. п. 113; о словахъ: «мать боговъ» 233, п. 117; о ценсорской должности II. 243. п. 6; о нѣкоторыхъ греч. монетахъ II. 284. п. 40; о метивкахъ III. 194, п. 16; о выраженіи «поступить по критски» IV, 155, п. 73; о Македонской фалангѣ V, 270. п. 15; о тройномъ личномъ имени у Римлянъ VI, 110. п. 2 и т. д.

рїи читатели того времени, когда не было еще порядочныхъ словарей, ни греко-русскихъ, ни латинно-русскихъ, ни энциклопедическихъ, ни предметныхъ по классическому міру.

В. Примѣчанія дополнительные.

Есть въ этомъ переводѣ и такія примѣчанія, которыя дополняютъ текстъ, сообщая читателю взятыя изъ другого источника свѣдѣнія о предметѣ, находящемся въ текстѣ; или же вдвигая какой либо частный фактъ въ ту общую связь событій, къ которой онъ принадлежитъ. Такъ, въ жизни Солона Плутархъ излагаетъ установленные этимъ политикомъ законы, главы 14—25: одно изъ примѣчаній переводчика, приложенныхъ къ этимъ 11 главамъ, пополняетъ перечень автора ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу дѣлъ, связанныхъ съ отправкойThemistocles вѣ Спарту посломъ, рассказанныхъ Плутархомъ кратко, переводчикъ составилъ по Фукидиду обстоятельное ихъ описаніе ²⁾. Нельзя не видѣть, что поводы войны, завязавшейся между Аѳонами и Лакедемонами, Плутархъ сообщаетъ не довольно обзорительно: въ примѣчаніи выставлены и требованія Лакедемонянъ и сдѣланный Перикломъ отпоръ ³⁾. Авторъ въ рассказѣ объ Аратѣ утверждаетъ, что онъ успилъ Ахейскій союзъ; переводчикъ при этомъ даетъ общее понятіе обо этомъ союзѣ ⁴⁾.

¹⁾ Пл. ср. ж. II, стр. 68, прим. 71, заимствованное изъ Діогена Лаэртскаго.

²⁾ Пл. ср. ж. II, 205—6 (Them. 19), прим. 86.

³⁾ Тамъ же III, 76—8 (Пер. 29—30), прим. 93.

⁴⁾ Тамъ же V, 207 (Филоп. 8), пр. 15. — Къ такимъ дополненіямъ принадлежатъ и слѣдующія: объ Антеѣ I, 9, п. 31. (Тез. 11); о праздникѣ Осхофорій I, 9, п. 68 (Тез. 23); о пританеѣ I, 47, п. 69 (Тез. 24); о связи патроновъ съ кліентами I, 111, п. 42 (Ром. 13); объ установленіи Олимпійскихъ игръ I, 180, п. 3 (Лик. 1); о діархіи въ Лакедемонѣ I, 182, п. 7 (Лик. 2); о Терпандрѣ I, 244, п. 73 (Л. 21); о порчѣ нравовъ въ Лакедемонѣ I, 259, п. 85 (Л. 27); о наказаніи прелюбодѣя въ Аѳинахъ (выписка изъ Лисія въ переводѣ II, 58, п. 57 (Сол. 23)); о парасентахъ II, 64, п. 65 (Сол. 25); о Формонилахъ II, 177, п. 42 (Them. 9); изреченіе Themistocles по Цицерону II, 205, п. 84 (Them. 19); о такъ называемыхъ латинскихъ праздникахъ II, 250, п. 12 (Кам. 4); о римскомъ гражданствѣ II, 332, п. 83 (Кам. 39); о предложеніи, сдѣланномъ народу сенатомъ III, 298, п. 11

Г. Примѣчанія по исправленію фактовъ.

Переводчикъ иногда предостерегаетъ читателей отъ невѣрной или неточной передачи фактовъ. Напримѣръ, біографъ утверждаетъ, что послѣднее сраженіе Камилла съ Галлами (въ 5-ую его диктатуру) «дано было 13 лѣтъ по взятіи Галлами Рима». На это комментаторъ замѣчаетъ: «Полагать должно 23 или 25 лѣтъ, а не 13»¹⁾. Авторъ говоритъ о богатомъ сиротѣ, опекаемомъ Арунсомъ, что онъ назывался Лукумономъ; комментаторъ замѣчаетъ: «Лукумонъ на Этрурскомъ языкѣ значилъ князь. Можетъ быть имя достоинства его Плутархъ принялъ за собственное»²⁾. Въ жизни Нумы, при описаніи установленія весталокъ, авторъ, уклонившись въ сторону, разговорился о способѣ добыванія огня вогнутыми зеркалами. Переводчикъ, какъ бы опасаясь, чтобъ читатели не отнесли этого способа добыванія огня къ эпохѣ учрежденія весталокъ, дѣлаетъ въ примѣчаніи такую оговорку: «Вѣроятно, что до изобрѣтенія зажигательныхъ стеколъ Архимедомъ Весталки доставали огонь такъ, какъ пишетъ Фестъ, а именно: брали деревянную доску и протирая дыру зажигали. Одна изъ нихъ принимала сей огонь въ мѣдное рѣшето. Сямъ образомъ достаютъ огонь всѣ дикіе народы»³⁾.

Плутархъ упоминаетъ о Палатіумѣ, какъ о центрѣ римской державы: это было во время Серторія. Комментаторъ обращаетъ вниманіе на то, что Плутархъ употребляетъ здѣсь выраженіе

Коріол. 6); о сатирическомъ представленіи у Авиньявъ III, 13—4, п. 20 (Пер. 5); битва при Левктрахъ по Діодору IV, 260, п. 41 (Нелон. 22); осада Сиракузь по Титу-Ливію IV, 357, п. 43 (Мяц. 14—18); изреченіе Архимеда IV, 347, п. 32 (Мяц. 15); о писателѣ Кратерѣ V, 84, п. 57 (Арист. 26); о причинахъ усилъховъ Митридата VI, 361, пр. 26 и проч. и проч.

¹⁾ Плут. ср. ж. II, 339 (Кам. 41), пр. 88. — Если держаться обычнаго счета, т. е. что взятіе Рима Галлами произошло въ 390 г. до Р. X., а побѣда Камилла (5-я дикт.) въ 367, то выйдетъ 23 года. Но, по мнѣнію Моммзена первое событіе произошло въ 388 г. до Р. X. (Mommsen, Röm. Gesch. I, 335 4-е изданіе): въ такомъ случаѣ промежутокъ будетъ въ 21 годъ.

²⁾ Тоже II, 275 и пр. 38 (Кам. 15).

³⁾ Тоже I, 306 (Нума 9) и п. 44.

того вѣка, въ который жилъ онъ самъ, а не того, когда жилъ Серторій¹⁾.

Д. Примѣчанія, въ которыхъ высказанъ взглядъ переводчика.

Сп. Юр—чь выходитъ иногда изъ предѣловъ комментарія, высказывая свое несогласіе съ нѣкоторыми политическими и нравственными взглядами автора или описываемыхъ имъ дѣятелей. Отношенія автора къ Спартѣ и Ликургу криткуются слѣдующимъ образомъ: «Подобно Ксенофону онъ очень былъ пристрастенъ къ Спартамъ и ихъ нравамъ.... Ликурга почиталъ онъ истиннымъ мудрецомъ. Хотя его республика не можетъ служить образцомъ ни для какого народа, однакожь она доказываетъ неоспоримо, какое вліяніе гражданскія постановленія могутъ имѣть на человѣческую природу»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Плутархъ излагаетъ мнѣніе Теофраста обо Аристидѣ въ такихъ выраженіяхъ: «Аристидъ вообще былъ чрезвычайно справедливъ въ дѣлахъ, касающихся до него и относительно къ своимъ согражданамъ, но въ дѣлахъ общественныхъ большею частію обращалъ вниманіе на то, что было полезно отечеству, какъ бы часто оно имѣло нужду въ несправедливыхъ поступкахъ». На это переводчикъ замѣчаетъ: «Итакъ справедливый Аристидъ почиталъ обманъ въ политикѣ позволительнымъ! Но не онъ ли уничтожилъ предложеніеThemistocles, сказавъ, что оно полезно, но не справедливо? Впрочемъ было ли продолжительно владычество Афинянъ, утвержденное уже, не на довѣренности ихъ союзниковъ, но на притѣсненіи и несправедливости? Долго ли владычествовали Ла-

¹⁾ Тоже VIII, 65 (Серт. 24), п. 33. — Къ этому же разряду принадлежать слѣдующія примѣчанія: о Sardi venales I, 151, п. 82 (Ром. 26); о первомъ разводѣ мужа и жены I, 175, п. 95 (сравненіе Тез. съ Ромул.); о феціалахъ I, 314, п. 53 (Нум. 12); о вѣроятной причинѣ вторженія въ Италію Галловъ II, 274, п. 37 (Кам. 15); оправданіе историка Ираклида отъ нападка Плутарха II, 298 и п. 64 (Кам. 22).

²⁾ Пл. ср. ж. I, 179, пр. 2 (Лик. 1).

кедемоняне надъ Грецію, послѣ того, какъ начали вѣроломнымъ образомъ брать крѣпости союзныхъ съ ними народовъ? Но всѣ примѣры предлагаемые намъ древностию ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли своими глазами. Двадцатипятилѣтнее могущество Франціи было такъ уже утверждено на несправедливости и угнетеніи — и двухъ походовъ было достаточно, чтобъ его испровергнуть. Лучшая подпора государствъ есть справедливость, въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи¹⁾. Въ жизни Катона Плутархъ приводитъ его мнѣніе о Сократѣ: «Сократъ ничто иное былъ, думаетъ Катонъ, какъ пустой говорунъ и безокойный человѣкъ, старавшійся какими бы то ни было средствами сдѣлаться тираномъ своего отечества, испровергая отечественныя постановленія, обращая гражданъ ко мнѣніямъ, противнымъ законамъ». Къ такому отзыву не остался равнодушнымъ комментаторъ, и обратившись въ критика, провелъ между Катонемъ и Сократомъ слѣдующую параллель: «Катонъ, по многимъ отношеніямъ, ищетъ онъ, заслуживаетъ великое уваженіе, однако не смѣемъ сравнить его съ Сократомъ, на котораго клеветаетъ непростительнымъ образомъ; развѣ сдѣлаемъ сравненіе для показанія того, сколь различенъ одинъ отъ другаго: во-первыхъ Сократъ былъ всегда бѣденъ, а Катонъ, для обогащенія своего, между другими средствами, употреблялъ самое ненавистное лхонимство и самую жестокую торговлю — людьми. Во вторыхъ: Сократъ, служа отечеству и какъ воинъ и какъ судья, не токмо никого не преслѣдовалъ судомъ, но, напротивъ того, въ дѣлѣ невинно осужденныхъ на смерть полководцевъ, бывъ въ числѣ судей, онъ противился несправедливому рѣшенію и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе народа. Катонъ, напротивъ того, полагалъ свою славу въ томъ, чтобъ быть донощикомъ не токмо противъ дурныхъ, но и противъ лучшихъ гражданъ, каковъ Сципіонъ. Онъ доказалъ тѣмъ, что доносы его не столько справедливость имѣли цѣлю, сколько частную ненависть. Въ третьихъ:

¹⁾ Пл. ср. ж. V, 79—80, пр. 55 (Арист. 25).

добродѣтельной жизни Сократа, особливо съ того времени, какъ онъ предалъ себя философіи, можно противопоставить невоздержаніе Катона въ самой старости, и соблазнительный примѣръ, даваемый молодому, новобрачному сыну своему. Наконецъ скромность одного составляетъ совершенную противоположность съ самохвальствомъ другаго: онъ думалъ, что знаетъ весьма мало; другой брался за все и залѣчилъ жену и сына до смерти. Столько-то онъ силенъ былъ въ медицинѣ! Сократъ, котораго Катонъ представляетъ человѣкомъ безпокойнымъ и нарушителемъ законовъ, опровергъ сію клевету сильнѣйшимъ образомъ, не захотѣвши убѣжать изъ темницы, но оставаясь въ оной въ ожиданіи вѣрной смерти, единственно изъ повиновенія законамъ своего отечества. Восклицанія Катона противъ истинной философіи доказываютъ, что онъ ее не зналъ, и притомъ что она была ему весьма пужна. Я увѣренъ, что Сократова и Плутархова философія удержала бы его отъ продажи старыхъ рабовъ и отъ торговли ими, отъ ненасытной скупости и отъ невоздержной жизни»¹⁾.

Объ этомъ - то примѣчаніи отецъ мой пишетъ, что онъ въ молодости своей вложилъ въ него всю свою душу, и что и въ старости не стыдится его²⁾.

Выше мы сказали, что С. Ю-чь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, увидавъ послѣднія 7 частей своего перевода, напечатанныя въ его отсутствіе, остался очень недоволенъ небрежностью, съ какою онѣ были изданы³⁾. Неудовольствіе его выразилось въ тѣхъ горькихъ словахъ, которыя были имъ написаны за годъ или въ самый годъ его смерти, въ черновой, неисправленной, но собственноручной его замѣткѣ. Мы уже привели эти слова⁴⁾. Но мы обѣщались разъяснить, въ чемъ состоятъ недо-

¹⁾ Изл. ср. ж. V, 159 и прим. 48.

²⁾ См. выше стр. 50.

³⁾ См. выше стр. 51.

⁴⁾ Стр. 25—26.

статки послѣднихъ частей: выишемъ сперва изъ той же замѣтки мнѣніе о томъ самаго переводчика:

«Первою мыслью его (то есть переводчика по пріѣздѣ въ Петербургъ) было видѣть изданіе его труда. Каково было его изумленіе, его негодованіе, видя, какъ много было ошибокъ и пропусковъ въ этомъ изданіи. Не говоря объ етотъ и ета и энтузіа и афны и проч., многія мѣста искажены: кто похвалить отца кого несчастный сынъ — въ жизни Серторія въ началѣ вставлено слово *общество* имена собственныя исковерканы . . . съ того времени едва ли переводчикъ взялъ въ руки свой переводъ — онъ получилъ къ нему отвращеніе¹⁾» и т. д.

Но это не единственная дошедшая до меня замѣтка самаго переводчика о состояніи текста изданной не подъ его наблюденіемъ доли его труда. На нашемъ экземплярѣ 12-й части я нахожу такія замѣтки, сдѣланныя карандашемъ рукою переводчика:

Стр. 24 (Части 12-й, напечатанной въ 1820 г.): «принимать Димитрія съ торжественными обрядами какъ Димитрія»; здѣсь рукою отца приписано: *ру*. Понятна мысль его: надо читать; «какъ Димитру» (богиню). И въ самомъ дѣлѣ въ греческомъ стоитъ: τῶς Διμήτρος ζεμιστρῶς (Demetr. 12). Ed. ster. Lips. 1820 T. VIII, p. 210.

Стр. 25 (тамъ же): «Димитрія и Антогона»; карандашемъ зачеркнуто *о* (послѣ *т*) и написано *и*: т. е. «Антигона» (Ἀντίγονου Demetr. 12). *ib.* 210.

Стр. 39 (тамъ же): «Филопроторъ»; зачеркнуто *ро*; т. е. должно быть «Филоиторъ» (Φιλομήτωρ Demetr. 20). *ib.* 219.

Стр. 40 (тамъ же) «куциту»; карандашемъ исправлено: «цукуту» (κόυειον Demetr. 20). *ib.* 219.

Стр. 41 (тамъ же): «Элеполисъ», приписано *о*; т. е. читай: «элеполисъ»; въ пр. 18 тамъ же напечатано: Εξέπορις; подъ каждымъ *ρ* подписано по *λ*. Читай: «ἐλεπόλεις» (Demetr. 20, *ib.* 219.

¹⁾ Въ «Черновомъ Отвѣтѣ 1847 г.» или 1848 г. Приводимъ выписку, со всѣми недоческами подлинника.

Итакъ, отецъ отмѣтилъ 5 ошибокъ, искажающихъ слова до безмыслицы, всего на 17 страницахъ. Зяглянули въ эту самую 12-ую часть и мы, и нашли въ ней тьму ошибокъ. Ограничимся 20-ю страницами, взятыми кряду: Стр. 123 сараторборцамъ. 124 Лнтеона (вм. Антеона). 124 грубой плащъ (въ текстѣ, а въ пр. 10 о плащѣ сказано: «дабы она), 128 надель, 129 отечеству нанести (пропущено: войну), 130 не брегъ, 135 на свадьбы (вм. на свадьбѣ), 135 и-мимъ (вм. и мимъ), 137 отавивъ (вм. оставивъ). Итакъ, 9 ошибокъ на 20 страницахъ.

Посмотримъ теперь, какова 7-я часть, то есть та самая, съ которой началась оплачиваемая изъ жалованья переводчика чужая корректура?

Для краткости мы упомянемъ здѣсь только объ именахъ собственныхъ, хотя наши черновыя замѣчанія этимъ не ограничились.

Часть 7-я, стр. 10 Скапка ила (Σκαπτὴ ὄλη). 22 Дикелія (Δεκελία), 23 къ Тисію (Κτήσιον), 37 Аримандъ (Αριμανδής), 47 Евтолпида (Εὐπόλιδος), 48 Исидоки (Ἰσοδίχη), 75 Лектрѣ (Λεκτροῦ) и т. д.

Однако у читателей, незнакомыхъ съ тою половиною изданія, которая печаталась подъ личнымъ наблюденіемъ переводчика, могутъ возникнуть нѣкоторые сомнѣнія относительно исправности представленныхъ имъ перебѣленныхъ тетрадей, по которымъ печаталась вторая половина изданія. Эти перебѣленные тетради не заключали ли въ себѣ тѣхъ самыхъ ошибокъ, которыя мы находимъ въ печати? Какъ разсѣять это сомнѣніе, когда самому переводчику не было извѣстно, гдѣ находится его подлинникъ¹⁾? Къ счастью я имѣю еще одно средство для обличенія *неисправности* такъ называемаго *исправленія*²⁾, постигшаго трудъ моего отца: это сличеніе печатныхъ текстовъ, вышедшихъ въ свѣтъ по его отъѣздѣ, съ уцѣлѣвшими у насъ отрывками чернового текста перевода.

1) См. выше стр. 26 этой статьи.

2) Въ официальныхъ бумагахъ употребленъ этотъ терминъ и исправленіе см. стр. 23 и примѣчаніе 2.

Въ той же 7-й части въ печати читаемъ стр. 240: «*Сего Иерона Никіасъ* употреблялъ въ тайныхъ совѣщаніяхъ съ прорицателями и между тѣмъ *разсѣвалъ* въ народѣ слухи, что *Никіасъ* ведетъ жизнь тягостную» . . . А въ черновомъ: «*Сей Иеронъ былъ употребляемъ* и т. д. и между тѣмъ *разсѣвалъ*» . . . (Ср. Никіасъ гл. 5, Ed. Coegaës, III, 266).

Тамъ же стр. 224 печ.: два раза «*Ксенократъ*», въ черновомъ «*Ксенархъ*» (Edit. Cor. III, 261: Ξέναρχος, Nic. 1).

Тамъ же стр. 227 печ.: «въ народныхъ опредѣленіяхъ и намятникахъ». Въ черновомъ же не *и*, а *или* (какъ въ греч. текстѣ: ἢ πρὸς ἀναθήμασιν, ἢ ψηφίσμασιν — Ibid. p. 262. Nic. 1). Тамъ же стр. 227 печ.: «*Опрамень, сынъ Агнана*»; въ черн. сынъ «*Агноновъ*», какъ въ греч. ἸἌγωνος (тамъ же). На той же стр., Nic. 2.

Тамъ же стр. 253 печ.: «*Войнѣ сей предопредѣлено продолжаться трижды десять лѣтъ*» (то же повторено въ прим. 32). Въ черновомъ: «*трижды девять*» (въ греч. τρίς ἐννέα, Ib. p. 271). Да и какъ было Плутарху и Спиридону Дестунису того не знать, сколько лѣтъ продолжалась Пелопоннесская война?

Тамъ же стр. 265 печат.: «*Θεοκρατῆς*»; въ черн. «*Θεοφραστῆς*» (Θεοφραστος тамъ же стр. 275, Nic. 11).

Тамъ же стр. 269 печат.: «*племенемъ Эвійскимъ*»; въ черновомъ: «*племенемъ Эпендскимъ*» (Λιγυρίδος φυλῆς, греч. стр. 276, № 13).

Тамъ же, на той же стр. печатнаго текста о жрицѣ, сказано, что «она называлась *Испхеею*»; въ черн. *Испхиею* (греч. Ίσχυίς, ib.).

Тамъ же на стр. 317 печ.: «*Ксандритъ*»; въ черн.: «*Клеандридъ*» (Κλεανδρίδης, Ib. p. 295, Nic. 28).

Итакъ, указанная здѣсь ошибки печатнаго перевода (7-я часть, жизнь Никіи) не находятся въ сохранившемся у насъ отрывкѣ черноваго перевода: поэтому и нельзя допустить, чтобъ онѣ могли быть внесены Спиридономъ Юрьевичемъ въ представленный имъ перебѣленный экземпляръ.

Къ такому же выводу пришли мы вълѣдствіе сдѣланнаго нами сравненія печатнаго текста (изъ 9 и 10 частей) съ со-

хранившимся черновыми отрывками изъ жизни Александра и Арата. Но печатаніе этихъ сличеній въ этой статьѣ мы уже не считаемъ нужнымъ, послѣ вышенприведенныхъ доказательствъ. Назадъ тому 36 лѣтъ я высказалъ въ «Некрологѣ» моего отца, что отпечатанныя въ его отсутствіе части перевода вышли въ свѣтъ съ большими ошибками и пропусками¹⁾: въ настоящей же статьѣ я подтвердилъ это необходимыми доводами. Впрочемъ, вслѣдствіе долгихъ сличеній и я убѣдился, что эти ошибки и пропуски произошли не отъ какого-нибудь самонадѣяннаго поновленія измѣнить переводъ и примѣчанія трудившагося, но отъ невѣжества и крайней перьяшливости.

Приведенными въ этой статьѣ разысканіями нашими мы исполнили часть давно лежавшаго на насъ долга: рассказать по находящимся у насъ источникамъ исторію литературныхъ трудовъ нашего отца и познакомить читателя съ самыми трудами его. Вотъ что мы знаемъ о переводѣ Плутарха: постараемся въ послѣдующихъ статьяхъ разъяснить и остальную его ученую дѣятельность.

Гавріиль Дестунисъ.

27-го Апрѣля 1886 г.

¹⁾ «Некрологъ С. Ю. Дестуниса», помѣщенный въ 1851 г. въ Запискахъ Одесскаго Археологическаго Общества, котораго С. Ю-чь былъ членомъ, составленъ былъ мною и напечатанъ въ означенныхъ Запискахъ безъ малѣйшаго измѣненія. Но какимъ соображеніямъ подписано подъ нимъ имя одного изъ членовъ Общества — мнѣ неизвѣстно. Приведенное свѣдѣніе помѣщено на 5—6 стр. отдѣльнаго оттиска того же Некролога.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1.

Къ стр. 9—11 (см. тамъ примѣчанія).

Между бумагами моего отца я нашелъ слѣдующую копію, писанную его рукой:

Копія съ докладной записки Статсъ-Секретаря Графа Каподистрии отъ Сентября 1816-го года.

A. S. M. L'Empereur.

L'Assesseur de Collège Destounis, employé depuis cinq ans à la Chancellerie du Département des affaires étrangères, indépendamment du zèle assidu avec lequel il a toujours rempli ses fonctions, a de plus mérité de l'Etat et des Lettres par sa traduction des vies des hommes Illustres de Plutarque qu'il vient d'achever et pour¹⁾ la composition d'un Dictionnaire Grec-Russe, ouvrage encore inédit, qui manquoit à l'éducation de la jeunesse en Russie, et auquel le Ministère de l'Instruction publique a rendu par écrit le temoignage le plus avantageux.

La première de ces productions, savoir, la traduction de Plutarque, s'imprime aux frais de la couronne et au bénéfice du traducteur. Mais attendu que l'édition n'avance que très lentement et n'a encore atteint que le quatrième volume: tandis que les neuf suivans sont encore manuscrits: l'Ass. de Col. Destounis, tant à titre des services qu' il a rendu qu'à raison de la penurie de ses moyens et des devoirs que lui impose l'entretien de sa famille, ose soumettre à V. M. I. la très-humble demande, résumée ci-après:

Que V. M. daigne ordonner à Son Cabinet de soigner l'impression de l'ouvrage, à charge de commettre le débit des mille exemplaires, dont cette édition est composée, au comité des Invalides. Déduction faite des fraix d'impression, le bénéfice de la vente seroit destiné à secourir les Invalides, ce qui monteroit à une somme assez considérable, puisque le total de l'éducation (?) produiroit pour le moins 40,000 Roubles à 40 r. l'exemplaire, composé de 13 volumes in 8°. Le Comité des Invalides semble en effet posséder plus de moyens pour accréditer l'ouvrage dans l'opinion, que n'en peut avoir un individu isolé et sans relation tel que le traducteur. Celui-ci aspireroit en compensation de ce sacrifice à obtenir de la muni-

¹⁾ Ошибка читай par.

ficence de V. M. I. la concession de . . . mille décétines de terre à son choix dans un gouvernement de l'intérieur. Cet employé venant en outre de s'acquitter avec zèle de la commission que je lui ai donné de traduire en Russe le rapport sur l'Institut de Mr. Fellenberg, ainsi que différentes pièces concernant l'instruction élémentaire, j'oserai supplier V. M. I. de daigner lui conférer, comme naguère à ses collègues, l'ordre de Ste-Anne de la 2 Classe.

Приложение 2.

Къ стр. 11, пр. 2. въ дополненіе къ изданному тамъ отношенію помещаемъ здѣсь хранящуюся у насъ копію съ указа:

Списокъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

Вѣдомства Государственной Коллегии Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Ассесору Дестунису въ вознагражденіе долговременной его службы и трудовъ, употребленныхъ имъ при переводѣ Плутарховыхъ жизнеописаній, Всемилостивѣйше жалуя въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ тысячи десятинъ земли, Повелѣваемъ отвести ему оныя въ таковыхъ по его выбору губерніяхъ, гдѣ сверхъ положенной казеннымъ крестьянамъ пятнадцати десятинной пропорціи находятся излишнія порозжія земли, исключая состоящія въ оброкѣ пзъ оклада и казеннаго вѣдомства съ того времени, когда во владѣніе его Дестуниса отвѣдены будутъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ
26 Генваря 1817-го.

Приложение 3.

Закладная, составленная С. Ю. Дестунисомъ въ Смирнѣ, въ бытность его Россійскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ этомъ городѣ, писанная и подписанная его рукою и переписанная нами съ подлинника. О ней см. на стр. 21 и пр. 4.

Къ № 2560.

Смирна 1819 года Марта 20-го дня. Я нижеподписавшійся Надворный Совѣтникъ Россійскій Генеральный въ Смирнѣ Консуль и Кавалеръ Спиридонъ Юрьевъ сынъ Дестунисъ, симъ актомъ, который долженъ имѣть силу сдѣланной по формѣ закладной во всякомъ присутственномъ мѣстѣ Россійской Имперіи и который по тому только не сдѣланъ по предписанному Россійскими законами порядку, что составленъ въ иностран-

номъ Государствѣ. закладываю Комитету Высочайше учрежденному Августа 18-го дня 1814-го года всѣ безъ исключенія двѣ тысячи десятищъ земли Высочайше мнѣ пожалованныхъ Указомъ даннымъ Правительствующему Сенату 1817-го года Января ¹⁾ дня, съ правомъ выбирать оную въ разныхъ губерніяхъ, каковую землю я до сихъ поръ не выбралъ, не продалъ никому и не заложилъ, обязываясь оныхъ 2000 десятищъ не закладывать, не продавать никому безъ позволенія онаго Комитета доколѣ не внесу въ оной той суммы, какую стоитъ 20 или болѣе экземиляровъ книги моего перевода подъ названіемъ Плутарховы жизнеописанія, полагая экземиляръ по 40 рублей ассигнаціями. какъ нынѣ продается оная книга моего перевода, каковыя экземиляры недостають изъ числа 1000 копѣхъ я обязанъ былъ доставить оному комитету. Въ чемъ и подписуюсь съ приложеніемъ герба моею печати въ присутствіи чиновниковъ сего Консульства. Надворный Совѣтникъ и Генеральный въ Смирнѣ Консулъ С. Дестунисъ. Conseiller de Collège Jean Baptiste Tomaggian Premier Interpretè au Consulat Général de Smirne témoin. Locotenente Panagin Avierinó e Console in Scala nova testim. Antonio Candaehidi Cancell.º privs.º del Consolato Generale Imperiale Russo. testifico.—

Приложеніе 4.

На стр. 22 мы представили въ переводѣ нѣсколько выписокъ изъ трехъ черновыхъ писемъ С. Ю. Дестуниса къ барону Строганову, российскому чрезвычайному посланнику въ Константинополь, относящихся къ дѣлу о переводѣ Плутарха. Здѣсь помѣщаемъ ихъ на французскомъ языкѣ по подлиннымъ черновымъ, писаннымъ рукою С. Ю-ча.

1. Отрывокъ изъ письма 1819 года. J'ai été très sensible à la bienveillance de Votre Excellence et à l'intérêt qu'elle prend à ma réputation. Sur ma connaissance il ne manque pas plus de 60 volumes dont le matériel ne vaut point 150 roubles; j'engage ma terre et si on continue à me persécuter je présenterai à S. M. I. une supplique, je désisterai de tout droit à cette terre dont je n'ai retiré un sou et je demanderai mon livre.

2. Черновое письмо 20 Сент. 1819 г. См. отрывокъ его на стр. 22 и прим. 3. 105. 20 Septembre.

V. E. a bien voulu me communiquer la copie de l'office du Comité des Invalides au Collège des Affaires étrangères. touchant les exemplaires qui manquent de ma traduction de Plutarque.

Ayant couvert l'intérêt du Comité de tout ce que je possède dans ce monde et qui est plus que suffisant à satisfaire à toutes les prétentions qu'on pourrait former sur moi, je ne m'empresserai pas à répondre tout de suite à la demande du Comité 1) parceque le nombre des exemplaires qui manquent n'est pas encore fixé, le Comité en demandant 50 exem-

¹⁾ Изъ Прил. 2 томовъ: 26.

plaires et mon commis ne les portant qu'à 24 tout au plus. Le même m'écrivait qu'il y a quelque tems par un faux calcul on en portoit le déficit à 200; 2) parceque je suis hors d'état de rien payer pour le présent, ayant dépensé 4500 piastres pour le loyer et la réparation de la maison du consulat (sans compter les meubles) et ayant contracté même des dettes ici pour subvenir aux fraix extraordinaires que j'ai dû rencontrer, n'ayant pas reçu jusqu'à présent les appointemens complets de mon poste; 3) enfin parceque je persiste toujours dans mon opinion de supplier S. M. I. de me rendre les fruits de mes veilles et d'allouer au comité la terre qui me fut gratifiée, en récompense de mes travaux et de mon service de 17 ans.

Par conséquent j'ose prier V. E. de me donner ou la permission de Lui envoyer la supplique que je crois présenter à S. M. I., ou, en cas qu'Elle ne le jugea à propos, celle de faire parvenir cette supplique par quelque autre voie, jusqu'au pied du Throne.

Je prévois que sans cette mesure indispensable je perdrai et ma terre et mon livre, ce qui seroit trop funeste pour moi.

3. Черновое письмо къ тому же лицу конца 1819 года См. здѣсь въ текстѣ стр. 22 и прим. 4. 54.

D'après la volonté de V. E. j'ai renouvelé mon rapport touchant l'affaire de Plutarque.

Je sentoie moi-même les difficultés que doit rencontrer ma supplique d'obtenir une portion de terre ou un équivalent en Bessarabie; aussi pour donner une fin à cette fâcheuse affaire je prends la hardiesse de joindre ici une supplique au nom de S. M. I. par laquelle je cède tous mes droits aux 2 m. dessetines de terre et je demande la restitution de mon livre.

Je dois ce sacrifice à ma tranquillité qui m'est plus chère que toutes les richesses du monde, et je prie très humblement V. E. de l'appuyer, aussitôt qu'elle le croira à propos en donnant pour le présent cours à l'acte de l'hypothèque¹⁾, afin de tranquilliser le Comité des Invalides.

Outre le déplaisir que cette affaire m'a donné, je suis pénétré d'un sentiment douloureux pour l'embarras qu'elle a donné à V. E.

Приложеніе 5.

Отрывокъ изъ черноваго письма С. Ю. Д. къ графу Ивану Антоновичу Каподистрии отъ 2 Января 1820 года. См. въ текстѣ стр. 23. и прим. 1.

«Au C. Capod. 2 Janv.

C'est avec peine que je dois parler de moi. Le Comité des Invalides auquel j'ai rendu un service, comme il est connu à V. S., a commencé à me poursuivre. Pour quelques livres dont le matériel ne vaut 100 roubles on demande de moi 2500. On veut me faire acheter mon propre ouvrage, ce qui est tout-à-fait comique. C'est peu que je lui ai hypothéqué ma

¹⁾ Это ссылка на закладную, приложенную здѣсь въ *Приложеніи 3.*

terre¹⁾, on veut de l'argent comptant. Je ne vois que du guignon dans tout cela. Aussi rien de plus juste que de demander mon livre et de céder la terre. C'est l'objet d'une supplique que j'ai adressé à S. M. I. ²⁾; je serais content de tout, pourvu qu'on me laisse tranquille et qu'on n'importune mes chefs.»

Приложение 6.

Засвидѣтельствованная копія подлиннаго закладнаго акта, составленнаго С. Ю. Дестунисомъ въ Венеціи 7 (19) апрѣля 1824 года. См. статьи стр. 24. и прим. 1 и 2.—

Copie. Venise, le 7 (19) Avril 1824.

Къ № 517, 1824. Къ № 4689 (или 4089).

S'étant présenté à la Chancellerie de ce Consulat Général le Conseiller de Cour, et Chevalier Spiridion Destunis Consul Général de Russie à Smyrne a déclaré par la présente que le nombre de mille (1000) exemplaires du livre intitulé: Vie des hommes Illustres de Plutarque en 13 volumes (ouvrage qui par ordre Suprême s'imprimait aux frais du Cabinet de S. M. I. en faveur de lui Destunis, depuis l'an 1811³⁾ et qui en 1817 fut mis à la disposition du Comité des Invalides en suite de la supplique du dit Destunis qui obtint pour cela de la munificence Impériale en récompense, le droit de se choisir deux milles dessetines de terre, qu'il a présenté au Comité des Invalides, n'ayant pas été trouvé complet à cause du déficit de 40 à 50 exemplaires des quatre premiers volumes de l'ouvrage, et ayant été sommé, Lui Destunis de les compléter, ou de payer l'équivalent à raison de 40R. par exemplaire il a cru de son devoir dès l'an 1819 pour mettre en sureté l'intérêt des Invalides d'hypothéquer en force d'un acte privé son droit sur les deux mille *dessetines* de terre susmentionnées, au dit Comité, qui pour lors parut satisfait de cette hypothèque, mais dernièrement Lui Destunis ayant appris qu'à la réquisition du dit Comité un sequestre fut mis sur ses appointements auprès du Collège Impérial des Affaires Etrangères, et considérant que la portion de terre qui Lui fut assignée doit valoir au moins autant que l'ouvrage entier ou les mille exemplaires qui ont été imprimés en sa faveur par ordre Suprême; il se voit obligé de mettre de nouveau à couvert d'une manière plus sûre, les intérêts des Invalides, non seulement en leur hypothéquant de la manière la plus formelle par le présent acte, le droit qui lui fut accordé par l'Oukaze de S. M. I. de choisir et de s'approprier une portion de terre dans tel Gouvernement de l'Empire que le dit Comité le croirait à propos, de la faire valoir, la louer, en disposer des revenus, la vendre,

1) См. приложение 3.

2) См. въ текстѣ стр. 23.

3) Эта цифра не совсѣмъ точна по ошибкѣ памяти. 1-я часть полнаго изданія этой книги пропущена цензурою 30 Апрѣля 1812 года (см. выше стр. 20 прим. 1).

ou l'aliéner selon qu'il conviendrait mieux aux intérêts des Invalides, comme si lui-même Destunis eût pu agir, à condition seulement que le choix et la vente de cette terre ne pourraient avoir lieu qu'après le débit des 950 Exemplaires qui se trouvent déjà à la disposition du Comité des Invalides, en cas que lui Destunis ne serait pas en état, avant le débit de l'ouvrage entier de compléter le déficit de 40 ou 50 Exemplaires qu'on demande de lui croyant bien qu'il serait de la justice et de l'équité du Comité des Invalides à ne point obliger Lui Destunis de payer et d'acheter, lui premier, un ouvrage sur lequel il travailla plusieurs années sans en avoir recueilli jusqu'à présent le moindre avantage, et qui fut assigné en faveur des Invalides en suite de sa très-humble supplique présentée à S. M. I. ne désespérant pas et s'obligeant formellement de faire tout son possible avant que l'ouvrage fut entièrement débité de trouver les exemplaires qui manquent ou de les faire réimprimer à ses frais, ou enfin de déboursier la somme qu'on prétend de lui, sans qu'il soit nécessaire de séquestrer ses appointements.

Le Comparant a en outre déclaré que se trouvant hors de l'Empire par ordre Suprême, et n'ayant pas le moyen de profiter de la munificence Impériale par rapport à la portion de Terre qui lui fut très-gracieusement assignée, si le Comité des Invalides voudrait bien se charger d'en choisir une portion dans le Gouvernement de la Bessarabie ou de la Crimée qui valût au moins ce qu'a coûté le matériel de l'ouvrage, c'est-à-dire le papier et l'impression, ce qui monte d'après le calcul de Lui Destunis, à 35 mille Roubles en assignations sans y comprendre le prix intrinsèque de l'ouvrage et le travail du traducteur; non seulement il serait mis par là tout de suite en état de rembourser la somme qu'il doit aux Invalides, mais il s'obligerait de céder en faveur d'eux sur la somme qu'il en toucherait, ou sur ce que la terre serait estimée, un 10 pour cent, et cela dans le cas que la terre valut de 24 à 30 mille Roubles et 15 pour cent, si elle valut au-dessus de 30 mille.

Le Comparant déclare enfin que tout ce qu'il a exposé et déclaré ci-dessus doit être regardé comme l'expression de sa volonté ferme, et comme une obligation formelle de sa part qui doit avoir son effet devant tout Tribunal de l'Empire.

(signé dans l'original)

S. Destunis.

Nous Spiridion Naranzi Conseiller d'Etat, Consul Général de Russie à Venise et Chevalier de l'Ordre de St. Anne de la seconde Classe

Faisons foi que la Copie ci-dessus a été fidèlement extraite de son original existant dans la Chancellerie de ce Consulat Général, ayant délivré la présente sur la demande de Mr. le Conseiller de Cour et Consul Général Destunis pour s'en servir partout où besoin sera.

Venise le 8 (20) Avril 1824.

(и. п.) Le Conseiller d'Etat et Consul Gnl. S. Naranzi.

Приложеніе 7.

Изъ актовъ, упомянутыхъ въ прим. 1. на стр. 25 этой статьи, помѣщаю здѣсь одну лишь копію Высочайшаго повелѣнія Министру Финансовъ отъ 30 Декабря 1827 года, писанную рукою моего отца.

Копія съ копій.

Глу Министру Финансовъ.

Снисходя на просьбу Статскаго Совѣтника Деступиса о пожалованіи ему какой либо другой награды вмѣсто двухъ тысячъ десятинъ земли, указомъ 26 Января 1817 года ему назначенной ¹⁾ за переводъ съ Греческаго языка Плутарховыхъ жизнеописаній славныхъ мужей, повелѣваю: сверхъ утвержденной уже мною въ 26. Окт. сего 1827 года выдачи изъ Государственнаго Казначейства по пяти рублей за десятину, выдать ему Деступису особо, въ видѣ подарка, десять тысячъ рублей, о чемъ и учините вы надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Николай.

С.-Петербургъ.

30 Декабря 1827.

На копіи написано вѣрно: Директоръ Канцеляріи Я. Дружининъ.

Вѣрно: Управляющій 1-мъ Отдѣленіемъ Департамента Государственныхъ имуществъ М. Плпсовъ.

Съ копіею читалъ Столоначальникъ Журавлевъ.

¹⁾ Этотъ указъ помѣщенъ во 2 приложеніи. Сравни также прим. 2 на стр. 11 этой статьи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XL ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цифра означаетъ номеръ статьи; арабскія же цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера.

Абуль-Вафа-Мобаширъ-Ибнъ-Фатикъ, арабскій врачъ и философъ. Его сборникъ апофтегмъ. II. 418.

Абульфараджъ. Разказъ его объ Александрѣ Македонскомъ. II. 336. 345.

Абу-Шаль. Его описаніе церквей и обителей Египта. II. 361.

Авва Доротеѣй. Заимствованія у него авторомъ Поученій на Четырнадцатипцу. III. xiii.

Августинъ (блаженный). Анекдотъ объ Александрѣ Македонскомъ и разбойникѣ. II. 410. 421.

Авдій (псевдо-). Его житіе ап. Андрея. II. 62.

Авлъ Геллій. Указаніе его на жительство кинокефаловъ. II. 470.

Адамъ Бременскій. Пропхожденіе неспглавцевъ отъ амазонокъ. II. 457.

Адонъ. Упомянутое его о путешествіи ап. Павла въ Испанію. II. 61.

Адриатисты — сборники поученій для домашняго чтенія и назиданія. III. viii.

Acta Sanctorum. Въ этомъ изданіи имѣются свѣдѣнія о житіи Ксантинны, Поликсены и Ревекки. II. 61.

Акты Археографической Экспедиціи. Употребленіе въ нихъ глагола «погрестъ». I. 48.

Александрія по рукописи Вѣнской библіотеки. II. 1—64. (Приложеніе). Замѣтки къ тексту. II. 65. 66.

Александрія, романъ объ Александрѣ Македонскомъ. См. **Сербская Александрія.**

Александръ въ Египтѣ. Война съ Даріемъ. II. 235—263.

Алексѣй Комнень. Пораженіе имъ Половцевъ при Малой Никѣѣ. I. 166.

Алексѣй, святитель. Его Новый Завѣтъ. IV. 3. 5.—Этимъ изданіемъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Аллатій. Свѣдѣнія о Вавилонѣ. II. 434.

Амарі. Его «Storia di Musulmani in Sicilia». II. 66. 67. 93. 112.

Амію, французскій эллинистъ. Параллель между нимъ и С. Ю. Деступнеомъ. V. 28.

Амфилохій, архимандритъ. Издалъ текстъ Галичскаго Евангелія. См. **Галичское Евангеліе 1144 года.**

Амфилохій Иконійскій. Ему приписано отреченное житіе Василія Великаго. II. 38.

Андре, Ричардъ. Его «Zur Volkskunde der Juden». II. 292.

Андрей, ап. Его житіе. См. **Авдій.**

Антіохъ Іерусалимскій. Ему приписано слово въ 6-ю недѣлю поста, помещенное въ Златой Цѣпи. См. **Златая Цѣпь.**

Антіохъ Сиракузскій. Предположеніе его о царѣ Italus. II. 119.

Антонинъ. Въ его Итинераріи опредѣляется мѣсто мученія Іереміа. II. 346.

Антоній Великій. Переводъ на славянскій языкъ житія его, написаннаго Аѳанасіемъ Александрійскимъ. II. 69. 70. 71.

Антоній (св.). Мѣсто рожденія его. II. 361.

Аппіанъ. Свидѣтельство его о палестинянахъ въ Сициліи. II. 119.

Апулей, одинъ изъ представителей греческаго романа. II. 21.

Арріанъ. Изреченія Александра Македонскаго. II. 411.

Арсеній, архим. Его статья въ журналѣ Странникъ: «Феофанъ Керамевсъ, архіепископъ Тавромисскій». II. 66.—Его сборникъ II. 415.

Архангельское Евангеліе 1092 г. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 6.

Археологическіе труды Алексея Николаевича Оленина. Изданы Археологическимъ Обществомъ, подъ редакціею П. В. Помяловскаго. V. 17—19.

Aspremont, старо-французская поэма. Содержаніе ея. II. 122 —

125. — Сближеніе этой нормы съ легендой о Таврѣ и Менин. II. 125—127.

Ассеманіево Евангеліе. См. Рацкій, Фр. и Черичичъ. II.

Ахиллъ Тацій. Его разсказъ, въ стилѣ языческаго романа, о приключеніяхъ Клитопонта и Левкины. II. 35. 36.

Аоанасій Александрійскій. См. Антоній Великій.

Аоанасій Филипповичъ, брошюра. См. Левницкій, Орестъ.

Аоанасьевъ. Его «Поэтическія воззрѣнія». II. 371. — «Народныя русскія сказки». II. 377.

Барберини, Андрей. Его «Storia di Ugo d'Alvernia». II. 321. 448.

Барчъ. Его «Herzog Ernst». II. 456.

Баръ-Кефа, Моисей, сирійскій епископъ X вѣка. Его соображенія о земномъ раѣ. II. 279. 284.

Бауэръ. Статья его «Schlangen und Krötenjagen». II. 375.

Беджъ. Приготовляетъ изданіе сирійскаго текста Александрій. II. 177.

Безсоновъ. Его изданіе «Пчела» (древне-русская), въ которой помѣщены изреченія Александра Македонскаго. II. 412.

Бенуа де-Сентъ-Моръ. Разсказъ его (XII-го вѣка) о любви Троила и Бризеиды. II. 446.

Березинъ, П. Н., профес. Изданный имъ Энциклопедическій словарь. V. 17. 27.

Бержеронъ. Въ его «Voyages» имѣется комментарий о сосѣднихъ съ Сидонянами языческихъ Dogzün. См. Веніаминъ Тудельскій. — II. 435.

Бернигъ-Гоульдъ. Сочиненіе его «Early christian greek romances». II. 31. 35.

Бехштейнъ. Его «Sagenschatz des Thüringerlandes». II. 471.

Биллингъ, Александръ. Его сочиненіе: «Das Princip der deutschen Interpunktion nebst einer übersichtlichen Darstellung ihrer Geschichte». I. 15.

Бирхъ-Гиршфельдъ. Его «Ueber die den provenz. Troubadours des XII—XIII Jahrs. bekannten epischen Stoffe». II. 420.

Біану. Напечаталъ отрывки румынской Александрій по списку 1620 года. II. 227. 228. 267. 268. 271.

Боассонадъ. Его «Anecdota graeca». II. 412. 415.

Бодель. Его «Chanson des Saxons». II. 393.

Боккачіо. Его «Fiammetta». II. 15.—Его ромаль «Амето». II. 16.

Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ (замѣтка къ главѣ VII). II. 477—501.

Бругенъ. Мнѣніе его о мѣстѣ мученія Іереміи. II. 346. — Его сочиненіе «Geschichte Egyptens unter den Pharaonen». II. 350. 351.—«Dieti-

onnaire géographique de l'Ancienne Egypte». II. 351.—Статья его «Eine geographische Studie». II. 352. 354.—«Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe». II. 353.

Брунъ. Перевелъ «Исторію болгаръ». См. **Пречекъ.**

Буркгардъ. Слова его о Даміатъ. II. 433.

Бусбекъ. Пмъ вывезена изъ Константинополя греческая рукопись XV—XVI вв., содержащая пересказъ романа объ Александрѣ Македонскомъ. II. 131.

Буслаевъ, О. П. Его «Опытъ исторической грамматики». I. 24. 25. 28. 44.—Выписки изъ двухъ статей его о глаголѣ «итти». I. 54. 55.—Его «Историческіе очерки русской народной словесности». II. 168. 227. 231. 275. 461.—Сообщеніе пмъ эпизода о Горгоніи. II. 450. 451.—Изображеніе въ его подлинникѣ Христофора. II. 461.—Его описаніе рукописи Галичскаго Евангелія. IV. 32.

Бутлеръ. Сочиненіе его «Ancient Coptic churches of Egypt». II. 362 434.

Български народни приказки и вѣрованія. См. **Шапкаревъ.**

Бѣлинскій. Отзывъ его о Тургеневѣ. См. **Тургеневъ, П. С.**

Бѣляевъ, П. Д. Описаніе собранія его рукописей. См. **Викторовъ, А.**

Бэръ. Издалъ «Ctesiae operum reliquia». II. 470.

Вавилонскій Талмудъ. Сличеніе одной изъ его версій съ французскимъ романомъ объ Александрѣ Македонскомъ. II. 290. 336.—Александръ въ образѣ царя-философа, бесѣдующаго съ мудрецами. II. 420.

Вагнеръ. Его «Trois poèmes grecs du moyen âge inédits». II. 115. 141. 185. 208. 391. 409.—Его же «Carmina graeca medii aevi», въ которомъ подробно описана греческая рукопись съ пересказомъ объ Александрѣ Македонскомъ. II. 131. 202.

Валерій Максимъ. Изреченія Александра Македонскаго. II. 411. 421. 423.

Вальтеръ Шнейерскій. Легенда его (X в.). II. 464.

Вальцъ. Издалъ сборникъ Арсепія. II. 415.

Василій, архіепископъ Новгородскій. Указаніе его на старославянскій текстъ житія св. Макарія XIV в. II. 306.

Василій Великій. Огреченное житіе его. См. **Амфилохій Иконійскій.**—Вопросъ о томъ, что править міромъ. II. 41.—Похвала его Александру Македонскому. II. 421.—Его творенія въ русскомъ переводѣ. III. xii. xvi.

Василій, императоръ. См. **Мифологій Василія.**

Васильевскій, В. Г. профессоръ. Его списокъ житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки. II. 61.—Статья его «Византія и Печенѣги». II.

166. — Открылъ въ рукописи Московской синодальной библіотеки Записки византійскаго боярина. II. 416.

Вейнгартенъ. Его сочиненіе «Der Ursprung des Mönchthums im nach-constantinischen Zeitalter». II. 31. 359.

Вейсманъ. Его пересказъ французскаго прозаическаго романа объ Александрѣ Македонскомъ. II. 231. 418.

Великорусскія заклинанія. См. Майковъ.

Вендоверъ. Въ его хроникѣ занесенъ разсказъ о взятіи Таппеа. II. 347

Веніаминъ Тудельскій. Комментарій его о сосѣднихъ съ Сидонянами языческихъ Doggün. II. 276. 435.

Вержинскій, протоіерей. Его мѣсяцесловъ. I. 49.

Верковичъ. Собралъ во Фракіи и Македоніи пѣсни, имѣющія отношеніе къ Александрии. II. 477. 487. 490. 491. 501.

Вернеръ. Издалъ базельскую передѣлку поэмы Лампрехта. См. Лампрехтъ.

Веселовскій, А. Н., акад. Его матеріалы и изслѣдованія подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи романа и повѣсти». II. 1—511. Приложение. 1—80. — Его же замѣтка «Die Rolandssage in Ragusa». II. 117. — «Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды». II. 118. 327. 423. 440. — «Южно-русскія былины». II. 128. 287. 335. 441. — Статьи: «Мелкія замѣтки къ былинамъ» и «Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ». II. 377. — Замѣтка «О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Иосафа». II. 400. — «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ». II. 424. — «Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ» и «Отчетъ объ изданіяхъ Сырку». II. 440.

Видеманъ. Статьи его: «Die Darstellung auf den Eulogien des heil. Menas». II. 353. — «L'Ethiopie au temps de Tibère et le trésorier de la reine Candace». II. 399.

Византійская исторія Льва Діакона Калойскаго. См. Газе, К. В. и Поповъ, Д. П.

Византія и Нечекъги, статья. См. Васильевскій, В. Г.

Викрамъ. Вліяніе итальянскихъ новеллъ на его романы. II. 16.

Викторовъ, А. Его описаніе собранія рукописей П. Д. Бѣляева. II. 306.

Вильмансъ. Его книга «Kommentar zur preussischen Schulorthographie». I. 11.

Винценцій изъ Бовэ. Его компиляція разсказа о взятіи Таппеа. II. 347.

Военная труба, патріотическая прокламація. См. Корай, Адамантій.

Возможно ли примѣнить Русское правописание Я. К. Грота къ практикѣ?—брошюра. См. Добролицевъ.

Война съ Поромъ.—Амазонки и Кандака. II. 381—403.

Воольсей. Его «Notice life Alexander the Great». II. 177. 428.

Воскресенскій, Г. Его критическая замѣтка, подъ заглавіемъ «Къ вопросу о славянекомъ переводѣ Евангелія». IV. 1 — 41.—Издѣлованіе его «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.». IV. 40.

Востоковъ. Его «Русская грамматика». I. 27. 29.—Его «Описание рукописей Румянцовскаго музея». III. iv. xl.

Вуттке. Его «Der deutsche Volksaberglaube». II. 375.

Вѣстникъ Евровы (1813 г.). См. Каченовскій, М. Т.

Вюинше. Талмудическіе комментаріи въ его «Bibl. Rabbínica». II. 195. 286. 287. 289. 331.

Вюстенфельдъ. Статья его «Calcaschandi's Geographie und Verwaltung von Aegypten». II. 361.

Газе, Карль-Бенедиктъ. Издалъ «Византийскую исторію Льва Діакона Калойскаго». V. 5.

Галичское Евангеліе 1144 года. IV. 1. 2.—Изданіе текста его архимандритомъ Амфилохіемъ; сличеніе этого текста и разночтеній другихъ списковъ съ подлинными рукописями. IV. 2—41.

Ганье. Издалъ пересказъ Псевдокаллистоена. II. 292. 307. 399.

Гаркави. Его «Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ». II. 292.

Гарстеръ, В. Его «Walther von Speier». II. 457. 460. 462. 464.

Гастеръ, М. Его «Literatura populara românâ». II. 136. 274. 290. 307. 311. 331.—«Revista pentru Istor., Archeol. si Filol.». II. 306.—«Beiträge zur vergleichenden Sagen-und Märchenkunde». II. 332. 341. 342.

Гашъ и Сюлин Нике. «L'idéal de justice et de bonheur et la vie primitive des peuples du Nord dans la littérature grecque et latine». II. 305.

Гвидю Джіордани. Его «Indice generale dei Comuni del Regno etc.» II. 86.

Гвидю де-Колумна. Его «Historia destructionis Trojae» (1287 г.). II. 446.

Гезенъ, А. М. При его содѣйствіи полученъ изъ Гроттаферратскаго аббатства отрывокъ текста изъ житія св. Панкратія. II. 69.

Гезеръ. Издалъ «Handwörterbuch des biblischen Alterthums». II. 475.

Геймъ. См. Стадлеръ и Геймъ.

Гейприхсенъ. Его «Das Verhältniss der Juden zu Alexander dem Grossen». II. 336.

Гейстербергъ. Его сочиненіе «Ueber den Namen Italien». II. 120.
Гейтлеръ. Его «Poetické tradice Thrákû i Bulharû». II. 477. 482. 485. 490. 491.

Геласій I. Дѣянія бывшаго при немъ второго римскаго собора. II. 61.
Гелиодоръ, представитель греческаго романа. II. 21.
Гельвальдъ. Его «Naturgeschichte des Menschen». 471.
Гервасій Тильберійскій. Легенда XII столѣтія. II. 117.
Гермій — Іеремія въ Сербскоѣ Александріи. II. 332—363.
Геродотъ. Разказъ его о способѣ добыванія арабами корицы. II. 222.
Гёте. Онъ служилъ моделью для героя романа Шильлагена. II. 16.
 — Подражаніе его Гомеру. II. 22.

Гильгенфельдъ, А. Его «Messias Judaeorum». II. 286.—«Die Ketzergeschichte des Urchristenthums». II. 293.

Гильфердингъ. Его «Опежскія былины». I. 44.

Героянимъ. Его Мартирологій. См. Мартирологій Героянима.

Глика, Михаилъ. Ему приписано житіе св. Петра и Павла. II. 61.

Гнѣдичъ, Н. И. Письмо къ нему А. И. Оленина. V. 18. 19.

Говеръ. Его «Confessio Amantis». II. 421.

Голенищевъ, В. Его книга «Die Metternichstele in der Originalgrösse, zum ersten Mal herausgegeben». II. 353.

Голубинскій, проф. Его труды: «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской» и «Исторія русской церкви». II. 70.—III. xl.

Гольмъ (Holm). Его «Geschichte Siciliens im Alterthum». II. 91. 110. 112. 115.—Предположеніе его о названіи Пembroды. II. 119.

Гомеръ. Сравненіе его съ современнымъ романистомъ въ романѣ Шильлагена. II. 16. 18. 19. 22. 23.

Гонейнъ-бенъ-Исхакъ, несторіанецъ. Его сборникъ изреченій. II. 418.

Горскій и Невоструевъ. Ихъ «Описаніе рукописей Московскоѣ синодальной библіотеки. III. iv. vi. vii.—V. 6.

Горскій, профес. Напечаталъ два слова изъ «Словъ на св. Четырехдесятищцу». III. i.

Готье, Л. Его книга «Les épopées françaises». II. 122.

Гравелль. Сочиненіе его «Die Charakteristik der Personen im Rolandsliede». II. 126.

Графъ. Его «Appunti per la storia del ciclo bretone in Italia». II. 117. — Его же «I complementi della Chanson d'Huon de Bordeaux». II. 118 — Его же «Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo». II. 119. — Разобралъ туринскій текстъ романа объ Ugo d'Alvernia. II. 321.

Грегенцій. Легенда о пророкѣ Іереміи. II. 344.

Грессе. Издалъ легенду Якова de Voragine о Христофорѣ. II. 467.

Гретцъ. Его «Geschichte der Juden». II. 292.

Гречъ, Ник. Пв. Напечаталъ въ Сынѣ Отечества (1814 г.) рецензію на 1 томъ Жизнеописаній Плутарха въ переводѣ С. Ю. Дестуниса. V. 12. 15—17. — Онъ же упомянулъ объ этомъ трудѣ въ своей «Учебной книгѣ російской словесности». V. 17.

Григорій Великій. Онъ упоминаетъ о посѣщеніи ап. Павломъ Испаніи. II. 61.

Григорій Двоесловъ. См. **Григорій Назіанзинъ.**

Григорій Назіанзинъ (Двоесловъ). Похвала его Александру Македонскому. II. 421. 423.

Григорій, папа римскій. Ему приписано одно слово на Четырехдесятици, вошедшее въ Сборникъ, озаглавленный «Книга глаголемая Сборникъ». III. II.

Григорьевъ, В. В. Его «Историческая Записка о С.- Петербургскомъ университетѣ». V. 19. — Ему сообщены Г. С. Дестунисомъ свѣдѣнія о дѣятельности Д. П. Попова. V. 19.

Гриммельгаузенъ, романшетъ. II. 16.

Гриммъ, Яковъ. Его статья «Ueber das pedantische in der deutschen sprache». I. 8. 14.

Гринъ. Вліяніе итальянскихъ повелѣй на его повѣсти. II. 16.

Грїѣзбахъ. Его критическое изданіе евангельскаго текста. IV. 39.

Грїонъ. Его «I Fatti di Alessandro Magno». II. 231. 278. 398. 399. 403.

Грогъ, Я. К., академ. Записка его подъ заглавіемъ «Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ «Русское Правописаніе». — Книга его «Русское Правописаніе». I. 1—55. — Его же «Филологическія Разысканія». I. 3. 8. 10. 17. 18. 30. 44. 46. 52. — Замѣтка его въ газетѣ Новости по поводу замѣчаній г. Малоросвилова на «Русское Правописаніе». I. 12. 44.

Грюнбаумъ. Его «Nachträge zu den Bemerkungen über die Samaritaner», и «Jüdisch-deutsche Chrestomathie». II. 286. 287.

Гумбольдтъ, В. Опредѣленіе имъ энопен. II. 22.

Гюше. Издалъ «Grand St. Graal». II. 350.

Гюз. Его книга «De l'origine des Romains» (1670). II. 19—21.

Даль. Его Толковый словарь. I. 24. 27. 28. 43. 44. 48. 50—53.

Дамаскинъ (псевдо-), представитель греческаго романа. II. 21.

Даничищъ. Издалъ Никольское Евангеліе, на сербскомъ языкѣ. IV. 6. — Этимъ Евангеліемъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 7.

Давидъ митрополитъ Эфесскій. Упомянутое его о «житищахъ Иосифа» и о значеніи пирамидъ. II. 435. — Разказъ и путешествіе его по Святымъ мѣстамъ. См. **Дестунисъ**, Г. С.

Д'Аикона. Его статья «Dodici mesi dell'anno nella tradizione popolare». II. 392. — Примѣчаніе его къ «Cento novelle antiche». II. 421.

Дёблонъ. Его «History of fiction», переведенная и дополненная Либрехтомъ. II. 21.

Державинъ. Употребленіе имъ въ стихѣ формы «лажу». I. 27.

Дестунисъ, Г. С. Исправлялъ отрывки греческаго житія св. Папкратія. II. 73. 91. 104. 106. 107. 111. — Его «Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода». II. 111. — Его догадка о выраженіи «Аріева леда». II. 181. — Его же «О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ аттической Аоніѣ». II. 182. 184. 193. — Сообщение его о пророкѣ Іереміи. II. 342. — Отвѣтъ его о Іереміиномъ повѣрѣ въ новой Греціи. II. 369. — Издавъ, перевелъ и объяснилъ «Разказъ и путешествіе по Святымъ мѣстамъ Давида, митрополита Эфескаго». II. 435. — Его статья «Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса». V. 1—68.

Дестунисъ, С. Ю. См. **Дестунисъ** Г. С.

Деценцій. Посланіе къ нему папы Иннокентія I. См. **Иннокентій I**.

Дечанское четвероевангеліе XIII вѣка. Изъ этой рукописи, болгарскаго письма, напечатано мѣсто евангелія Матѳея, недостающее въ Маріинскомъ Евангеліи. IV. 7.

Дикунлъ. Указаніе его на мѣстонахожденіе Египта. II. 434.

Диндорфъ. Издавъ Пасхальную хронику. II. 282. 338. 341.

Диогенъ Лаэртій. Изреченія Александра Македонскаго. II. 411. 413.

Добрловское Евангеліе 1164. г. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Добровскій. Отвѣтъ ему Коншара по поводу Александрии. II (Прилож). 66.—IV. 39.

Добронинцевъ. Его брошюра «Возможно ли примѣнить Русское правописаніе Я. К. Грота къ практикѣ?», и возраженія на нее. II. 15—42.

Дозонъ. Его «Rapports sur une mission littéraire en Macédoine». II. 367. 477. 479. 481. 484. 485. 493.

Долотовъ. Христофоръ въ его подлинникѣ. II. 461.

Донатъ. «Die Alexandersage im Talmud und Midrasch». II. 195. 231. 278. 290.

Дорошей. Ему приписывается помѣщенная въ Пасхальной хроникѣ статья о пророкахъ. II. 338. 341.

Доскоей, митропол. Изданіе имъ житія св. Магарія. II. 306. 307. 311.

Драгомановъ. «Малорусскія народныя предавія и повѣрья». II. 370.
Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ Армянъ въ XVII вѣкѣ. См. Паткановъ.

Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в., изслѣдованіе. См. Воскресенскій, Г.

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста, Е. Пѣтухова.
 Введеніе. III. 1—xix.—Поченія. III. 1—30.—Приложеніе. III. 31—44.

Дройзенъ. Его «Geschichte Alexanders des Grossen». II. 167. 428.

Друэпъ. Статья его «Deux chroniques éthiopiennes». II. 399.

Дѣянія апост. Іоанна. Они приписаны Прохору. II. 36.

Д'Эрбелю. Комментарій его о «сынахъ Свѣа». II. 276. — Собралъ параллели Александровой апофтегмы. II. 418.

Дюмхенъ. Его «Geschichte des alten Aegypten». II. 351.

Евангеліе-апракосъ типографской синодальной бібліотеки. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія IV. 7.

Евангеліе учительское. Время составленія этого церковно-поучительнаго сборника III. vii.—Занемствованія изъ него авторомъ поученій на четьредесятницу. III. xiii.

Евгеніанъ. См. Никита Евгеніанъ.

Евсевій. Указаніе имъ отрицательныхъ сторонъ Александра Македонскаго. II. 421.

Евстаоій, представитель греческаго романа. II. 21. 29.

Евтихій Александрійскій. Легенда о Іереміи. II. 345.

Expositio totius mundi et gentium — переводъ греческаго трактата IV вѣка, въ которомъ разсказывается о Комаринахъ. II. 282.

Епифаній. Его интерполляціи къ переводу Псевдо-Каллисѣена. II. 131. 284. — Ему приписывается помещенная въ Пасхальной хроникѣ статья о пророкахъ. II. 338. 339. 343. 344. 349.—Легенда объ Іереміи. II. 358. 367.—II. 405. 434.

Ериштедтъ. II. 106. 418.

Ефремъ Сирійъ. О пророкѣ Іереміи. II. 338.

Ждановъ. Сочиненіе его «Къ литературной исторіи русскои былевой поэзіи». II. 458. 460. 461.

Женское Образованіе, журналъ. Статья Стоюнина о правописаніи. См. Стоюнинъ.

Жизнеописанія Плутарха. Переводъ ихъ С. Ю. Дестунисомъ. V. 2—68.

Житіе ап. Петра и Павла. Оно приписано Симеону Метафрасту, Минологію Василія и Михаилю Гликѣ. II. 61.

Житіе Ксаитины, Поликсены и Ревекки. II. 29—64.

Житіе св. Анастасія Персіянина. II. 177.

Житіе св. Макарія. II. 306. См. Досифей, митроп.

Житіе св. Панкратія. Переводъ его. См. Сирмондъ, Яковъ.

Жуанвилль. Перенесеніе легенды изъ Тафны въ Тавнеъ. II. 346.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Двѣ статьи А. Н. Веселовскаго, содержащія разборъ источниковъ Александрина. II. 136. 137. 352.—Статья «Византія и Печенѣги». См. Васильевскій, проф.—«Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ». См. Сырку.—«Отчетъ объ изданіяхъ Сырку». См. Веселовскій, А. Н.—«По-вый взглядъ на Слово по Полку Игоревѣ». II. 441.

Залеманъ, К. Г., акад., бібліотекаръ С.-Петербургскаго университета.—Его свѣдѣнія о мѣстѣ храненія бумагъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. V. 7.

Замбрини и Бахи делла-Мега. Ихъ романъ «Scelta di Curiosità letterarie». II. 321. 448.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ (приложеніе къ запискѣ Я. К. Грота «Нѣсколько разъясненій. . .»). I. 43—53.

Зависка графа Іоанна Каподистрин о его служебной дѣятельности. См. Злобинъ, К. К.

Златая Цѣпь, сборникъ церковно-поучительныхъ словъ исхода XIV в. По этому списку ея Горскимъ напечатаны два слова изъ «Словъ на св. Четырехдесятициу». III. г. viii. ix. — Слово въ 6-ю недѣлю поста, приписанное Антиоху Іерусалимскому. III. xviii.

Златоструй —сборники поученій для домашняго чтенія и назиданія. III. viii.

Златоустъ—сеобый типъ сборниковъ въ литературѣ русской, носящій заглавіе «Книга глаголемая Златоустъ, въ пей же велико ухищреніе Божественнаго писанія истолковано святымъ великимъ Іоанномъ Златоустомъ и святымъ отцы». III. г. ii. — Типы «Златоустовъ». III. iii—viii.

Злобинъ, К. К. Перевелъ на русскій языкъ «Записку графа Іоанна Каподистрин о его служебной дѣятельности». V. 9. 17.

Зографскій глаголическій списокъ четвероевангелія. Его относятъ къ XI в. IV. 1.—Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 7.

Зоega. Его «Catalogus Codicum Copticorum etc. II. 313.

Ивановскій, А. Д. Сочиненіе его «Государственный канцлеръ графъ Ник. Петровичъ Румянцовъ». V. 4.

Измарагды — сборники поученій для домашняго чтенія и назиданія. III. viii.

Инокентій I. Его посланіе къ Деценцію о проповѣди христіанства учениками ап. Петра. II. 61.

Пречекъ. Его Исторія болгарь, переведенная Бруномъ и Палаузовымъ. II. 167. 491.

Исавъ. Преданіе о постройкѣ имъ башни въ Палермо. II. 119.

Исидоръ. Въ приписанной ему статьѣ «De vita et obitu Sanctorum» говорится о посѣщеніи ап. Павломъ Испаніи. II. 61.—II. 344.

Исторія болгарь. См. **Пречекъ.**

Исторія или теорія романа? См. **Изъ исторіи романа и повѣсти.**

Исторія романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго. Выпускъ первый. Греко-византійскій періодъ: Исторія или теорія романа? (вмѣсто предисловія). II. 1—27. Христіанскія превращенія греческаго романа (Житіе Ксаптинны, Поликсены и Ревекки). II. 29—64.—Эпизодъ о Таврѣ и Меніи въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія. II. 65—128.—Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александріи. II. 131—303.—Св. Макарій и *σ. Μαχαρις*. II. 305—329.—Гермій—Иеремія въ Сербской Александріи. 332—363.—Иеремія Александріи и народныя преданія объ Александрѣ. II. 365—379.—Война съ Поромъ.—Амазонки и Копдака. II. 381—403.—*Λόγος Ἀλεξάνδρου*. II. 405.—424.—Копчина Александра. II. 425—436.—Нѣсколько выводовъ. II. 437—451.—Замѣтка въ главѣ VI (Хапаней-винокефалы и иконографическія изображенія св. Христофора. II. 453—476.—Замѣтка къ главѣ VIII (Болгарскія побывальщины объ Александрѣ Македонскомъ). II. 477—501.—Поправки и дополненія. II. 503—511.—Александрія по рукописи Вѣнской бібліотеки. II. 1—66.—Эпизодъ о Таврѣ и Меніи. II. 70—78.—Эпизодъ о Таврѣ въ печатныхъ греческихъ мнѣяхъ. II. 79—80.

Исторія русской церкви, проф. Голубинскаго. Мнѣніе автора объ Иоаннѣ, переводчикѣ житій Антонія Великаго и св. Панкратія. II. 70.

Иаковъ, апостоль. Представленіе о немъ, какъ о просвѣтителѣ Испаніи. II. 61.

Иеремія Александріи и народныя преданія объ Александрѣ. 332—379.

Иеремія, пророкъ. О смерти его по Сербской Александріи. II. 134.—Обитель его. II. 361.—Отреченная повѣсть о немъ. См. **Срезневскій, П. П.**

Иеронимъ (блаженный). О пророкѣ Иереміи. II. 344.

Иоаннъ Witte de Hese. Его романъ-путешествіе. II. 349.

Иоаннъ Златоустъ. Его Давидово пророчество. II. 195.—II. 376.—Похвала его Александру Македонскому. II. 421.—Его слова о римлянахъ. II. 422.—Показаніе его объ Александровой легендѣ. II. 423. См. **Златоустъ.**

Іоаннъ изъ Прочиды. Перевелъ на латинскій языкъ сборникъ апофегмъ Абуль-Фатка. II. 418.

Іоаннъ Мосха. «Духовный Лугъ». II. 302.

Іоаннъ, переводчикъ на славянскій языкъ житій Антонія Великаго и св. Панкратія. Свѣдѣнія о немъ. II. 70. 71.

Іоаннъ Пресвитеръ. См. Пресвитеръ Іоаннъ.

Іорнандъ, Свѣдѣнія у него о Филиппѣ Македонскомъ. II. 188. 194.

Іосипионъ. Его разсказъ о посѣщеніи Александромъ Македонскимъ Іерусалима. II. 336.

Іосифъ Флавій. Его интерполяціи къ переводу Псевдо-Каллисѣена. II. 131. 189. 294. 336. 362.

Калайдовичъ. Въ «Памятникахъ російской словесности XII вѣка» напечаталъ слово на 6-ю недѣлю поста, приписываемое Кириллу Туровскому. III. xviii.

Калинскій. Въ «Церковно-народномъ мѣсяцесловѣ» помѣстилъ свѣдѣнія о пророкѣ Іереміи и о Рахманахъ. II. 369. 371.

Калькашанди, писатель XV вѣка. Разсказъ его объ одномъ изъ древнихъ египетскихъ царей. II. 361.

Камилль. Торжество его надъ Галлами. V. 34. 35.

Камозенъ. «Os Lusíadas». II. 471.

Каподистрія, графъ Пв. Апт., статья-секретарь. Ходатайство его о награжденіи С. Ю. Дестуниса за ученые труды. V. 8—12. — Письмо къ нему С. Ю. Дестуниса. V. 23.—Копія съ всеподлиннѣйшей докладной записки его. V. 62. 63.—Отрывокъ изъ письма къ нему С. Ю. Дестуниса. V. 65. 66.

Капитъ. Издалъ, въ отрывкахъ, вѣпскую рукопись XV—XVI вв., заключающую пересказъ романа объ Александрѣ Македонскомъ (Mittheilungen aus zwei griechischen Handschriften als Beitrag zur Geschichte der Alexandersage in Mitteleuropa). II. 131. 134. 135. 142. 144. 148. 157. 160—162. 165. 167. 169. 173—176. 182. 184. 185. 192. 200. 201. 206. 209. 212. 213. 237. 239. 251—256. 266. 334—337. 382. 383. 385—389. 429—433. 435. 437—444. 446. 450. 493.

Каравеловъ. Обрядъ у Болгаръ на день Іереміи. II. 366.

Караджичъ. О днѣ Іереміи. II. 365. — Празднованіе въ Сербіи дня Константина Великаго. II. 376.

Каринское Евангеліе-апостоль. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галличскаго Евангелія. IV. 7.

Кастелли. Его «Credenze ed uni popolari siciliani». II. 117.

Качановскій, В. Его «Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень». II. 366

Каченовскій, М. Т., редакторъ Вѣстника Европы (1813 г.). Рецензія

его въ этомъ журналѣ на два тома Жизнеописаній Плутарха въ переводѣ С. Ю. Дестуниса. V. 12—15. 45.

Каэтанъ. Его «Isagoge ad historiam sacram siculam», въ которой онъ пользовался апокрифическимъ житіемъ св. Панкратія. II. 65. 81. 111. 112.

Кедричъ. Его передача романа объ Александрѣ Македонскомъ. II. 141. 198. 202. — II. 359. 398. 423.

Керамей, Теофанъ. Изданіе его гомлій. См. **Скорсо**, Франческо. — Статья о немъ. См. **Арсеній**, архимандр.

Кницель. Его «Zwei Recensionen der Vita Alexandri Magni interprete Leone archipresbytero Neapolitano». II. 139. 141. 155. 176. 209. 217. 258. 259—262. 274. 278. 316. 389. 394. 500.

Кипертъ. «Lehrbuch der alten Geographie». II. 350.

Кириллъ Іерусалимскій. Толкованіе его о Гермесѣ. II. 359.

Кириллъ, епископъ Катарскій. Ему приписывается изданіе греческаго житія св. Панкратія. II. 72.

Кириллъ Туровскій. Его или ему приписываемыя слова на воскресные дни съ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ. III. vi. viii. — Ему же приписывается слово въ 6-ю недѣлю поста. III. xviii.

Кириллъ и Меодій, евв. равноапостольные. Ихъ переводъ Евангелія съ греческаго на славянскій языкъ. IV. 1.

Киричниковъ. Его сочиненіе «Св. Георгій и Егорій Храбрый». II. 111.

Кіевская біблія 1788 г. Ею пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Климентъ Александрійскій. Его предположеніе о самнитѣ Itanus. II. 120. — Сравненіе Сармановъ съ Энкратитами. II. 282.

Климентъ Римскій. Онъ говоритъ объ испанской проповѣди апост. Павла. II. 61.

Клитархъ. Объ Амазонкахъ и Кандакѣ. II. 398. 399.

Клуверіусъ. Его «Sicilia antiqua». II. 82.

Кнустъ. Статья его «Vocados de Oro» въ Mittheilungen aus dem Esenrial. II. 276. 287. 289. 333. 336. 418—421.

Кобе. Издавъ «Vitae Philosophorum» Діогена Лаэртія. II. 413.

Кольбергъ. Указанія его на пересказы и передѣлки легенды о Христофорѣ. II. 469.

Константинопольское Евангеліе 1383 года. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Константивъ Болгарскій. Его церковно-поучительные сборники. III. viii.

Кончина Александра (Македонскаго). См. Изъ исторіи романа и повѣсти.

Конитаръ. Огвѣтъ его Добровскому по поводу Александрии. II. (Прилож.). 66.

Кораиъ, Адамантій. Папцеаль патриотическую прокламацію. переведенную на русскій языкъ С. Ю. Дестунисомъ подъ заглавіемъ «Военная труба». V. 27. 41.

Косьма Іерусалимскій. Его поясненіе смерти Александра Македонскаго. II. 422.

Кохъ. Его «Die Siebenschläferlegende». II. 331.

Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, проф. Голубинскаго. Миѣніе автора объ Іоаннѣ. переводчикъ житій Антонія Великаго и св. Папкратія. II. 70.

Краткое руководство къ краснорѣчію. См. Ломоносовъ.

Краусъ. Статья его о Христофорѣ. II. 461.

Кресъ. II. 230.

Крешини. Его анализъ франко-венеціанской версіи одного литературнаго памятника. II. 321.

Крушъ. Статья его «Die Chronicae des sogenannten Fredegar». II. 442.

Куно Мейеръ. «Eine irische Version des Alexandersage». II. 188. 421.

Купчанко. «Шѣспи Буковинскаго народа». II. 371.

Курціусъ. II. 428.

Кутенекій Новый Завѣтъ 1652 г. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Куторга, М. С., профес. Отзывъ его о переводѣ жизнеописаній Плутарха, сдѣланномъ С. Ю. Дестунисомъ. V. 28.

Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александрии. Введеніе. — I. Юность и первые подвиги Александра до пришествія въ Іерусалимъ. — II. Псевдокаллистоень С. II. 23 и слѣд. и планъ Сербской Александрии. — III. Александръ въ Египтѣ. Война съ Даріемъ. — IV. Эпизодъ о нагомудрцахъ (брахманахъ). — V. Страна блаженныхъ въ Александрии и рахманы-рехавиты въ Хожденіи Зосимы. II. 131—303.

Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. См. Веселовскій, А. Н.

Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія, критическая замѣтка. См. Воскресенскій, Г.

Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. См. Ждановъ. Лажечниковъ. Неудачная его попытка въ правописаніи. I. 6.

Лактанцій. О Гермесѣ. II. 359.

Ламбертъ. Въ рассказѣ его царь Кассій замѣненъ Дацдаміемъ. II. 300.

Ламбецій. Онъ упоминаетъ о вѣнскомъ спискѣ греческаго житія св. Панкратія. II. 69.

Ламврѣ, Его Монемвасійская хроника. II. 68. 325.

Лампрехтъ. Базельская передѣлка его поэмы, издавшая Вернеромъ. II. 428. 436. 500.

Ланге, Р. О. Доставилъ выписку изъ старо-италианскаго перевода «Historia de preliis», по экземпляру Британскаго музея. II. 389. 447.

Ландграфъ. Издалъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ текстовъ краткой рецензи «Historia de preliis». II. 301. 327. 336. 394. 399. 427.

Лаутъ. Его «Ногароллон». II. 317.—Статья его «Alexander in Aegypten». II. 451.

Лафай. Его «Histoire du culte des divinités d'Alexandrie» II. 471.

Левн, G. Его «Parabole, leggende e pensieri, raccolti dai libri talmudici». II. 290.

Левн, Is. Его «La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch». II. 287—290.

Левницкій, Орестъ. Брошюра его «Аѳанасій Флипповичъ, игумень Брестъ-лѣтовскій». II. 974.

Левъ Псаврянинъ. Мѣры его противъ еретиковъ и евреевъ. II. 67.

Легранъ. Отвѣтъ его о Иереминномъ повѣрѣ въ новой Греци. II. 369.

Лееманъ. «Ногароллинис Nilot Hieroglyphica». II. 317.

Леммъ, О. Э. II. 313. 351. 352. 356. 360. 453. 475.

Ленорманъ. Сочиненіе его «La Grande Grèce». II. 120. 128.

Леонидъ. архимандритъ, намѣстникъ Тронце-Сергіевой лавры. III. XIX.

Либрехтъ. Перевелъ и дополнилъ книгу Дёнлона «History of fiction». См. Дёнлонъ. — Его трудъ «Zur Volkskunde». II. 116. 471.

Лилли. Вліяніе итальянскихъ повелъ на его «Euphues». II. 16.

Липсіусъ. Его «Petruage» и «Die Apocryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden». II. 62. 285. 472—475.—«Die Chronologie der Aegypten». II. 317. 475.

Ломоносовъ. Его правила правописанія. I. 6. 7. 11. 40.—Его «Краткое руководство къ краснорѣчію». V. 48.

Лоранъ. Издалъ «Thietmari Peregrinatio». II. 344.

Лугъ духовный. См. Мосха, Іоаннъ.

Лудольфи. Его «Commentarius ad historiam Aethiopicam». II. 371.

Люаръ. Издалъ «Mathei Parisiensis, Monachi Sancti Albani Chronica majora». II. 347.

Люперольскій, П. Сочиненіе его «Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла». V. 28.

Майковъ. «Великорусскія заклинанія». II. 370.

Макарій св. Житіе его. См. Досноей, митроп.

Макарій Александрійскій и Макарій Египетскій. Послѣдователи ихъ,

послѣ войнъ V — VI вѣка, заняли мѣста поклонниковъ древней религій. II. 360.

Макарій Египетскій. См. **Макарій Александрійскій.**

Максимъ, св. II. 411. 414—418. 489.

Малала, Иоаннъ. II. 198. 359. 399. 423.

Маллиничъ, В. Его изслѣдованіе Златооструя по рукописи XII в. III. VIII.

Малоросвиловъ. Замѣтка Я. Б. Грота по поводу его замѣчаній на «Русское правоисаніе». См. **Новости.** — Его замѣчаніе о формѣ «благодарствуй». I. 44.

Малорусскія народныя преданія и повѣрья. См. **Драгомановъ.**

Мандевилль. Указаніе его на мѣсто жительства киннокепаловъ. II. 471.

Маньгардтъ. Его «Wald-und Feldkulte». II. 373.

Маргарита Наваррская. Она подражала итальянскимъ поведламъ. II. 16.

Маргариты, — сборники поученій для домашняго чтенія и пазиданія. III. VIII.

Маріинскій глаголическій списокъ четвероевангелія. Его относятъ къ XI в. IV. 1. — См. **Ягичъ,** II. В.

Марій. Плутархъ о судьбѣ его. V. 38. 39.

Марко-Поло. Разсказъ о добычѣ алмазовъ въ царствѣ Мутфили. II. 222. 283. — О «странѣ мрака». II. 289. — О сухомъ деревѣ въ мѣстности битвы Александра Македонскаго съ Даріемъ. II. 327.

Мартирологій Геронима. Въ немъ не упоминается о посѣщеніи ап. Павломъ Испаніи. II. 61.

Мартыновъ. «Annus Ecclesiasticus Graecorum». II. 370.

Мартыновъ, Пв. Пв. Разсмотрѣніе имъ сдѣланнаго С. Деступисомъ перевода жизнеописаній Плутарха. V. 4. 8.

Масперо. Подъ его руководствомъ издано «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie Egyptiennes et Assyriennes». II. 313. 356.

Матвей Парижскій. Въ его хроникку внесень разсказъ о взятіи Тагнаса. II. 347.

Маттей. Его критическое изданіе евангельскаго текста. IV. 39.

Мейеръ, П. Его книга «Les premières compilations françaises d'histoire ancienne». II. 128. 346. — Его же «Études sur les manuscrits du Roman d'Alexandre». II. 137. 278. 307. 311. 321. 393. 404. 427. — Выбралъ изъ памятниковъ старо-французской и провансальской поэзіи указанія на одинъ загадочный народъ. II. 453. 454.

Мейнке. Напечаталъ въ изданіи Стобея нѣсколько изреченій Александра Македонскаго. II. 411. 416.

Мейснеръ. Его статья «Bildliche Darstellungen der Alexandersage in Kirchen des Mittelalters». II. 424.

Мейстеръ. Издалъ «Daretis Phrygii, De excidio Troiae historia». II. 446.

Меллеса, Антоній. Его сборникъ. II. 413. 415—417.

Мелкія замѣтки къ былинамъ. См. **Веселовскій, А. Н.**

Миклошичъ. Его Сравнительная грамматика и Словарь. I. 23. 24. 30. 44. 49. 51. — Его же «Die türkischen Elemente». II. 168.

Миладиновы. Обрядъ у Болгаръ въ день Іереміи. II. 366. — Ихъ «Болгарскія народныя пѣсни». II. 492.

Милчевичъ. Объ обрядѣ у южныхъ славянъ на день Іереміи. II. 365.

Миллеръ, В. Ф. Замѣтки его по поводу сборника Верковича. II. 477. 481. 485—487. — Его анализъ одной изъ пѣсень о рожденіи Александра Македонскаго. II. 478. 479. 487. 490.

Миллеръ, Е. Его сборникъ апофтегмъ. II. 414—416.

Миллеръ, К. Свѣдѣнія его о юридической школѣ въ Беритѣ. II. 46. — Издалъ имъ «Pseudocallistenus». II. 139. 140. 159. 161. 178. 198. 216. 223. 300. 327. 427. — Его же Fragmenta Histor. Graec. II. 281—284. 358. 389.

Миллій. Его критическое изданіе евангельскаго текста. IV. 39.

Милоевичъ, «Песне и обычаи укушнар народа сербекъ». II. 367.

Минологіи Василія. Ему приписано Жигіе ап. Петра и Павла. II. 61. — Разказъ о св. Христофорѣ. II. 344. 457. 458. 460.

Минъ. Patrol. graec. II. 195. 275. 276. 279. 284. 303. 306. 330. 344. 345. 376. 411—414. 422. 423. — Его «Dictionnaire des apocryphes». II. 275. — Patrol. latin. II. 317. 350. 433.

Мишеланъ. Издалъ французскій романъ объ Александрѣ Македонскомъ. II. 229. 274. 278. 283. 290. 392. 398. 405. 420. 421. 427.

Мишель. Его «Les voyages merveilleux de St. Brandan». II. 319. 393.

Модестовъ. Замѣчаніе его о Русскомъ Православіи Я. К. Грота. I. 31.

Моисей Баръ-Кефа. См. **Баръ-Кефа, Моисей.**

Моисей Хоренскій. Онъ называетъ Варваріей одну изъ трехъ частей Эоіоніи. II. 201.

Молишь. См. **Тоблеръ и Молишь.**

Момбрицій. Его легенда. II. 465.

Моммзенъ. Его «Jordanis Getica». II. 189.

Монемвасійская хроника. См. **Ламвръ.**

Монтемайоръ. Его романъ «Діана». II. 16.

Мори. Его «Essai sur les legendes pienses». II. 461.

Морози. Его «Studi sui dialetti della Terra d'Otranto». II. 113.

- Мосха, Иоаннь.** Его «Дугъ Духовный». II. 345.
- Мстиславово Евангеліе.** Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.
- Муратори.** Фрагментъ его говорить объ испанской проповѣди ап. Павла. II. 61. — Его «Script. Rec. Ital.». II. 349.
- Муске, Фил.** Разсказъ о царѣ Fougé. II. 393.
- Надгробная пѣснь Мосха на смерть Біона,** переводъ съ греческаго. См. Поновъ, Д. II.
- Наранци, Спирид.,** русскій генеральный консулъ въ Венеціи. V. 24. 67.
- Неброды.** Предположеніе Гольма объ этомъ названіи. II. 119.
- Невоструевъ.** См. Горскій и Невоструевъ.
- Нейбауеръ.** Его «La géographie du Talmud». II. 286. 290.
- Нессельродъ, графъ.** Назначеніе имъ С. Ю. Дестуниса генеральнымъ консуломъ въ Смирну. V. 21.
- Низами.** Его Александрія. II. 230. 277.
- Никита Евгенианъ,** византийскій романистъ. II. 29. 30. 40.
- Николай, Рудольфъ.** Сочиненіе его «Griechische Litteraturgeschichte in neuer Bearbeitung». V. 14.
- Никольское Евангеліе.** См. Даничичъ.
- Никонъ Чудотворецъ.** Ему принадлежало хранящееся нынѣ въ библіотекѣ Московской дух. Академіи четвероевангеліе XIV вѣка, русскаго письма. IV. 6
- Нироль.** Сочиненіе его «Denoldfranske Heltedigtning». II. 122.
- Новаковичъ.** Его пересказъ романа объ Александрѣ Македонскомъ, подъ заглавіемъ «Приповетка о Александрѣ Великомъ». II. 131 — 135. 140 — 142. 144. 147. 148. 153. 157. 160. 163 — 166. 169. 173. 175. 182. 192. 200. 208. 209. 212. 217. 224. 226. 228. 231 — 233. 237. 246. 248. 249. 251. 252. 255. 265. 267. 268. 270. 271. 272. 326. 334 — 337. 346. 365. 367. 382 — 387. 389. 398. 400. 402. 406. 407. 413. 415. 420. 433. 437 — 444. 446. 449. 450.
- Новости,** газета. Замѣтка Я. К. Грота по поводу замѣчаній г. Малорощвилова на «Русское Правописаніе». I. 12. 44.
- Оберонъ.** Происхожденіе его по прозаическимъ романамъ, вытекшимъ изъ старо-французской поэмы. II. 118.
- Оберъ, Давидъ.** Разсказъ о царѣ Fougé. II. 393.
- Обзоръ духовной литературы.** См. Филаретъ Черниговскій.
- Общество любителей словесности, наукъ и художествъ.** См. Залеманъ, К. Г.
- Оленинъ, А. Н.,** директоръ Императорской публичной библіотеки. Его письма, въ которыхъ имѣется отзывъ о С. Ю. Дестунисѣ. V. 17 — 20.

Оливерій Схоластикъ. Въ продолженіи къ его письмамъ описано взятіе Даміетты престолосцами. II. 346.

Описаніе рукописей Московской синодальной бібліотеки. См. Горскій и Невоструевъ.

Описаніе рукописей Румянцовскаго музея. См. Востоковъ.

Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря. III. IV. VII. X.

Описаніе славянскихъ рукописей троицко-Сергіевой лавры. III. III. V.

Оріонъ. Предположеніе о немъ Гольма. II. 119.

Орловъ-Давыдовъ, графъ. Его двѣ греческія рукописи Евангелія. X—XI в. IV. 39.

Орозій. II. 273. 393.—Указаніе имъ отрицательныхъ сторонъ Александра Македонскаго. II. 421. 423. 499.

Оршанскій. Статья его «Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ» въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ. II. 289. 290.

Основанія фонетики, статья. См. Сиверсъ.

Острожская біблія 1581 г. Ею пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 7.

Остромирово Евангеліе 1056—1057 г. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 6.

Отечественныя Записки. Отзывъ по поводу перевода С. Дестунисомъ жизнеописаній Плутарха. V. 3.—Рецензія книги «Исторія люти. Китайская драма, сочиненіе Као-тонгъ-Кіа». V. 26.

Павель Діаконъ. У него встрѣчается замѣна Халкидона Кароагеномъ. II. 177.

Павскій. Его «Филологическія наблюденія». I. 25. 28. 35. 36. 44. 48. 49—51.—Вышека изъ его статьи о глаголѣ «итти». I. 54.

Палаузовъ. Перевелъ «Исторію болгаръ». См. Пречекъ.

Палладій. Житіе св. Аполлонія и Хризостома. II. 350.—Изображеніе Александра Македонскаго въ видѣ царя-философа. II. 420.

Памятники россійской словесности XII в. См. Калайдовичъ.

Памятники старинной русскои литературы. II. 151. 392. 422. 430. 504.

Панцеръ. Его «Bayerische Sagen und Bränche». II. 471.

Пане. Его «Wörterbuch der griechischen Eigennamen. II. 93.

Панеброкъ. Смерть Христофора. II. 460.

Парнеъ, P. Его «La Sicile dans la littérature française du moyen âge». II. 118.—Онъ указалъ отрывокъ изъ легенды о св. Макаріѣ Римскомъ. II. 454. 455.

Паргей. Издалъ «Diculli liber de mensura orbis terrae». II. 434.—

«Plutarch ueber Isis und Osiris». II. 470.—Personennamen bei den Klassikern, in Papyrusrollen, auf Inschriften». II. 475.

Пассовъ. Carmina popul. II. 193.

Паткановъ. Сочиненіе его «Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ армянъ въ XVII вѣкѣ». II. 222.

Паули. Объясненіе о построенномъ Тавромъ городѣ своего имени. II. 121.—Издаль «Confessio Amantis». II. 421.

Пауль. Его сочиненіе «Zur orthographischen Frage». I. 3.

Нахомій св. Мѣсто его жительства. II. 361.

Пелагія св. Легенда о ней. II. 63.

Перикль. Первые шаги его по принятіи правленія въ Афинахъ. V. 35. 36.

Перкинсъ. Объясненіе его о Халкидонѣ въ Александріи. II. 177.

Пертцъ. Происхожденіе несилавцевъ отъ амазонокъ. II. 457.

Песне и обычаи укупног народа сербск. См. **Милосевичъ.**

Петерманъ. Издаль переводъ съ коптскаго «Pistis Sophia». II. 476.

Петровъ, профес. Сочиненіе его «О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога». II. 338.

Петрушевичъ. «Обще-русскій дневникъ». II. 369—371.

Нико. Его свѣдѣніе о времени перваго печатнаго изданія румынской Александріи. II. 227.

Нитра́, кардиналь. Содѣйствіе его къ полученію изъ Гроттаферратскаго аббатства отрывка текста изъ житія св. Панкратія. II. 69.

Нитрѣ. Его объясненіе имени Мени. II. 116. 117.—Его статья «Meteorologia popularis siciliana». II. 374. 392. 470. 510.

Ничманъ. Перевелъ сочиненіе Масперо «Geschichte der morgenländischen Völker». II. 350.—«Hermes Trismegistos nach ägyptischen, griechischen und orientalischen Ueberlieferungen dargestellt». II. 358. 359. 420. 470.

Плиній. Характеристика Ессеевъ. II. 294.—II. 470.

Плутархъ. II. 198. 351. 411. 412. 415. 420. 423. 427. 473. 489.—Переводъ жизнеописаній его. См. **Дестунисъ.** С. Ю.

Помяловскій, П. В., профес. Примѣчаніе, сдѣланное имъ къ одному изъ писемъ А. Н. Оленина. V. 18—20.

Поповъ, А. Его «Описаніе рукописей и т. д. А. П. Хлудова». II. 70. 227. 331. 332.—III. iv.—Его Обзоръ Хронографовъ. II. 136. 188. 203. 306. 336. 359.—Замѣтка его о древнѣйшемъ текстѣ житія по сборнику XII вѣка. II. 460.—Описаль Паралипоменонъ Іереміи. II. 510.

Поповъ, Д. П., профес. Перевелъ, по порученію графа Н. П. Румянцева, съ греческаго, «Византійскую исторію Льва Діакона Калойскаго».

V. 5. 8.—Его переводъ съ греческаго «Надгробной пѣсни Мосха на смерть Біона». V. 18.—Перевелъ прозою Пліаду и Одиссею. V. 19.

Попъ. Его свѣдѣніе о времени перваго печатнаго изданія румынской Александріи. II. 227.

Порфирій, епископъ. Его «Первое путешествіе въ Дообскіе монастыри и скиты». II. 67. 71. 72.—Собраніе рукописей его, хранящееся въ Императорской Публичной бібліотекѣ. II. 71. — Его греческая рукопись Евангелія 835 года. IV. 38.

Правила правописанія и списокъ словъ для употребленія въ прусскихъ школахъ (Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preussischen Schulen),—книжка, изданная правительствомъ. I. 11.

Пресвитеръ Іоаннъ. Его Посланіе. II. 283. 287. 390.

Приюветка о Александрѣ Великомъ.—пересказъ Новаковичемъ романа объ Александрѣ Македонскомъ. См. **Новаковичъ.**

Протопоповичъ, Гржицка. Его «Історія на великій Александра Македонца». II. 132.

Прохоръ. Ему приписаны Дѣянія апост. Іоанна. II. 36.

Псевдокаллистоенъ и планъ Сербской Александріи. II. 23. 113.—Его переводъ одного изъ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказовъ романа объ Александрѣ Македонскомъ. II. 131. 133. 139. 145. 146. 148. 151. 154. 155. 158. 160. 161. 165. 174. 176—179. 186. 189. 196. 197. 202. 210. 213. 214. 216. 217. 219. 221. 223. 224. 226. 229. 230. 232—234. 235. 249. 256 — 262. 265. 271. 273. 276. 286 — 290. 292. 300. 301. 302. 307. 314—317. 324—329. 333. 334. 336. 337. 351. 356—358. 362. 382—385. 388. 393—395. 397—399. 402. 405. 416. 420. 425. 427. 428—430. 435. 444. 455. 487. 489. 491. 498—500.

Пульевскій. Въ его рукописномъ сборникѣ упоминается объ одномъ обрядѣ у болгаръ въ день Іереміи. II. 366.—Проновѣдъ македонскаго священника. II. 367—369.

Путешествіе румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ, статья. См. **Сырку.**

Пуччи, Автоноіо. Отрывокъ изъ его записной книжки. II. 306.

Пушкинъ, А. С. Форма «цыганъ». I. 32.

Пчела (древне-русская). См. **Безсоновъ.**

Пыпинъ, А. П. Его «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ». II. 140. 163. 231.—Его же «Памятники старинной русской литературы». II. 504.

Пьерре. Его замѣтка объ изображеніи Гора на крокодилахъ. II. 353. 471.

Пѣсни Буковинскаго народа. См. Куичанко.

Пѣтуховъ, Е. Его статья «Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. III. 1—XIX. — 1—44.

Рабле, французскій романистъ XVIII вѣка. II. 16.

Радловъ, академикъ. Его статья «Lesen und Lesenlernen». I. 20. — Его сообщеніе о значеніи на киргизскомъ нарѣчій слова «аламай». II. 168.

Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. См. Дестунисъ, Г. С.

Рачкѣй, Фр. Издалъ глаголицей Ассеманіево или Ватиканское глаголическое Евангеліе-апракосъ XI в. IV. 6.

Ревилью. Статья его «Un fragment de la légende osiriaque». II. 353. 355. — Huit papyrus Coptes du musée Egyptien du Louvre provenant du monastère de St. Jérémie de Memphiès». II. 360. — «La requête d'un taricheute d'ibis à l'administrateur de Sérapéum». II. 361.

Реймское Евангеліе. Имъ пользовался архимандритъ Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 6. 7.

Рейнекцій. Его критическое изданіе Евангелія (1737 г.). IV. 2. 34. 39.

Рейфъ. Его «Этимологическій словарь». I. 49.

Ренанъ. Его характеристика эпоса христіанской легенды. II. 64.

Ренуаръ. Старо-провансальскій переводъ Новаго Завѣта. II. 454.

Ренье, профес. Издалъ разобранный Графомъ туринскій текстъ романа объ Ugo d'Alvernia. II. 321.

Рѣрихтъ. II. 349.

Ризе. Его «Geographi latini minores». II. 282. 434. 447. — Idealisirung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur». I. 305. 433.

Ризошъ. Статья его «Aimon de Varennes». II. 494. 498.

Римъ. Его «Handvörterbuch der biblischen Alterthums». II. 346. 475.

Робіу, Феликсъ. Его «Géographie comparée du Delta». II. 351.

Ровинскій, Д. А. Его «Русскія народныя картинки». II. 451. 461.

Роде. Его «Der griech. Roman». II. 494.

Родотà. Его «Dell'origine, progresso e stato presente del rito greco in Italia. II. 69.

Розенъ, баронъ. Его сообщеніе о значеніи на монгольскомъ языкѣ слова «аламай». II. 168.

Рокки, блюститель Гроттаферратскаго аббатства. II. 69.

Роланъ. Его «Recueil des chansons populaires». 116.

Рукописи Ундольскаго. См. Ундольскій.

Рукописи Царскаго. См. Строевъ. II.

Румынскія народныя пѣсни. См. Хиждеу, Александръ.

Румянцовъ, графъ Н. П. Его покровительство предпринятому С. Де-стунисомъ переводу жизнеописаній Плутарха и собственныя его предпріятія въ области знанія. V. 3—6.

Русская грамматика. См. Востоковъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, журналъ. Отзывъ г. Смирнова объ указателѣ Я. К. Грота. См. Смирновъ, А. П. — Статья Соболевскаго. I. 43 — 46. — Мнѣніе о написаніи словъ «гостинный», «гостиница». I. 47.

Русскія народныя картинки. См. Ровинскій.

Русское правописание. См. Гротъ, Я. К.

Рюккертъ. Поэма о Ротерѣ. II. 223.

Саввино Евангеліе. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 6.

Санназаро. Его романъ «Аркадія». II. 16.

Сахаровъ. Его указаніе на Іоанна, переводчика житій Антонія Великаго и св. Панкратія. II. 70. — Его же «Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности». II. 324. — «Сказанія русскаго народа». II. 351.

Саоа. Въѣздъ съ Вагнеромъ издалъ средне-греческую Ахилліаду. II. 446.

Св. Георгій и Егорій Храбрый. См. Кирничниковъ.

Св. Макарій и ѿ Μαχαρις. См. Изъ исторіи романа и повѣсти.

Свида. Жизнеописаніе Іереміи. II. 340.

Сень-Мартенъ. Его «Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie». II. 201.

Сербская Александрія. См. Къ вопросу объ источникахъ Сербской Александріи.

Сербскій торжественникъ XIV вѣка. Извѣстіе объ Іоаниѣ, переводчикѣ житій Антонія Великаго и св. Панкратія. II. 70. 71. 306.

Сервантесъ. Его критика. II. 14.

Сиверсъ. Его сочиненіе «Основанія фонетики». Замѣчанія о переходныхъ звукахъ. I. 3.

Сильвестръ-де-Саен. Статья его «Mémoire sur quelques Papyrus, écrits en arabe et récemment découverts en Egypte». II. 360.

Симеонъ Логоетъ. Статья о пророкахъ въ его дѣтонисѣ. II. 338. 339.

Симеонъ Метафрастъ. Ему приписано Житіе ап. Петра и Павла. II. 61.

Симоновское Евангеліе 1270 г. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галическаго Евангелія. IV. 7.

Синкеллъ. Свидѣтельство его о мѣстѣ смерти Іереміи. II. 344.

Спрмондъ, Яковъ. Перевелъ для Каэтано апокрифическое житіе св. Панкратія. II. 65.

Сказанія русскаго народа. См. Сахаровъ.

Скорсо, Франческо, Издалъ гомиліи Теофана Керамея. II. 65.

Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. См. Веселовскій, А. Н.
Слова на св. Четырдесятницу. См. Златая Цѣпь.

Слово о полку Игоревѣ. Животная символика народовъ. II. 195.

Смирновъ, А. П., профессоръ. Его отзывъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ объ указателѣ Я. К. Грота. I. 9. 46. 49. 51. 53.

Смоллетъ. Его сочиненіе «Roderick Random». II. 21.

Соболевскій. Мнѣніе его о производствѣ и написаніи пѣкоторыхъ русскіхъ словъ. I. 43—46. 48. 50.

Созомень. Толкованіе его о Гермополѣ. II. 350.

Соломоновскій, П. С. Его статья въ Филологическихъ Запискахъ Хованскаго: «Психологическая справка по поводу преподаванія слово-производства». I. 8.

Срезневскій, П. П. Замѣтка его въ Извѣстіяхъ II отдѣленія Академіи Наукъ. I. 52. — «Памятники юсоваго письма». II. 3 31. 455. — Напечаталъ отреченную повѣсть о Іереміи. II. 341 343. — III. xi.

Стадлеръ и Геймъ. Ихъ «Vollständiges Heiligenlexikon». II. 457.

Стернь. Его «Zur Alexander-Sage». II. 331. — Статья его «Sahidische Inschriften». II. 360.

Стефанъ Византійскій. II. 91.

Стобей. Афоризмы Александра Македонскаго. II. 411—413. 415—417

Стоюнинъ. Статья его о правописаніи, помѣщенная въ журналѣ Женское Образование. I. 9. 10.

Страбонъ. Мегасоенъ объ индійскихъ философахъ. II. 281.—II. 356.

Страла блаженныхъ въ Александріи и рахманы-рехавиты въ Хожденіи Зосимы. II. 281—303.

Строгановъ, баронъ, русскій посоль въ Константинополѣ. Письма къ нему С. Ю. Дестуниса. V. 12. 21. 22.

Строгановъ, графъ. Его толковый подлинникъ съ изображеніемъ Христофора. II. 461.

Строевъ, П. Его «Рукописи Царскаго». III. iv. vi.

Стурдза, А. С. Сочиненіе его «Воспоминанія о жизни и дѣятельности графа П. А. Каподистріи». V. 9.

Сухомлиновъ, М. П. «Рукописи гр. Уварова». III. xviii.

Сферинъ. Былъ сотрудникомъ С. Ю. Дестуниса по составленію Эллино-русскаго словаря. V. 8.

Сырку. Его списокъ рукописи Румынской Александріи конца XVIII в.

II. 136. 429. 432. 440. — Свѣдѣнія его о чествованіи Молдаванами Бессарабіи для памяти пророка Іереміи. II. 372. 373. — «Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ». II. 424. — Его рукописный экземпляръ сборника Верковича. II. 477.

Сюлли Пике. См. Гашъ и Сюлли Пике.

Тавръ и Менія. Эпизодъ изъ житія св. Панкратія. II. 76—110.

Таттамъ. Его «Lexicon Aegyptiaco-Latinum». II. 351.

Творенія св. Отцовъ. Въ Прибавленіяхъ къ этому изданію проф. Горскимъ напечатаны два слова изъ «Словъ на св. Четыредесятницу». См. Горскій, профес.

Тертуліанъ. Его «De carne Christi». II. 38. — О пророкѣ Іереміи. II. 344.

Титмаръ. Его «Thietmari Peregrinatio» издалъ Лоранъ. II. 344.

Тихонравовъ. Его Памятники отреченной русской литературы». II. 168. 195. 199. 274. 275. 299. 306. 331. 332. 341. 343. 455. 507.

Тишендорфъ. Отреченныя дѣянія апост. Филиппа. II. 35. — Acta apostolorum apostographa. II. 38. — «Evangelia apostographa». II. 349. — Apocalypses apostographae. II. 507. — Его критическое изданіе Библии (1854 г.). IV. 2. 39.

Тоблеръ и Молнье. Ихъ «Itinera Hierosolymitana». II. 332. 433. 434.

Тоблеръ. Его указаніе на старо-французское выраженіе Forré, Fourré. Fourré. II. 392. 393.

Толстой. Описаніе рукописей его. II. 338.

Томасъ. Издалъ отрывки романа объ Aquilon de Bavière. II. 126.

Томашекъ, В. Его «Die Gothen in Taurien». II. 167. — Статья его «Ueber Brumalia u. Rosalia». II. 493.

Торжественники — особый видъ церковно-поучительныхъ сборниковъ. III. vii.

Туровское Евангеліе. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галичскаго Евангелія. IV. 7.

Турпинъ. Его хроника. II. 393.

Уваровъ, графъ. Рукописи его. См. Сухомлиновъ, М. II.

Удольскій. Въ одной изъ его рукописей помѣщены славянскіе переводы житій Антонія Великаго и Панкратія. II. 70. — Его списокъ «Златоуста». III. iv.

Учебная книга російской словесности. См. Гречъ, Н. II.

Фабрици. Его «Codex pseudepigraphus. II. 339. 358.

Фавръ. Статья его «Recherches sur les histoires fabuleuses d'Alexandre le Grand». II. 399.

Фазеллусъ. Его «De rebus siculis» II. 91. 93.

Фелленбергъ. V. II.

Фёрстеръ, В. Его «Aiol et Mirabel». II. 392.

Филаретъ Черниговскій. Его «Обзоръ духовной литературы». III. X. XIV.

Филшпъ, ан. Отреченныя дѣянiя его. II. 35. 374.

Филологическія Записки, — журналъ, издаваемый г. Хованскимъ. Статья «Психологическая справка по поводу преподаванiя словопроизводства». См. Соломоновскій, II. С.

Филологическія Наблюденiя. См. Навскій.

Филологическія Разысканiя. См. Гротъ, Я. К.

Филонъ. Его разсказъ объ Ессеяхъ. II. 293. 294. 351.

Филошменъ. Разсказъ о его кончинѣ. V. 37. 38.

Фирдуси. Его Александрiя. II. 230. 500.

Флорець. Его «España sagrada», въ которомъ упоминается о житiи Ксантиппы, Поликсены и Ревекки. II. 61.

Фогельштейнъ. Его «Adnotationes quaedam ex litteris orient alibus petitaе ad fabulas, quae de Alexandro magno circumferuntur». II. 278.

Фольмёллеръ. Старо-французское выраженiе: la mort Forré, Fourré, Forré.

Фоновскій. Словническая легенда о сестрѣ Соломона, Sëmbilja'ф. II. 230.

Форбигеръ. О мѣстѣ находженiя рѣки Taurianum, Tauriana. II. 121.

Фрише. Его «Libri apocryphi veteris Testamenti graece». II. 286. 359. — «Der Brief des Ratramnus über die Hundsköpfe». II. 466. 470.

Хапаней-кинокефалы и иконографическія изображенiя св. Христофора (Замѣтка къ главѣ VI). См. Изъ Исторiи романа и повѣсти.

Хартофилаксъ, Проконiй. Его свѣдѣнiя о гробницѣ св. Марка. II. 374.

Хиждеу, Александръ. «Румынскія народныя пѣсни». II. 373.

Хлудовъ, А. II. Описанiе рукописей его. См. Ноновъ, А. — Его списокъ Златоуста. III. IV.

Хованскій. См. Филологическія Записки.

Христенсенъ. Его «Beiträge zur Alexandersage». II. 399.

Христіанскія превращенiя греческаго романа. Житiе Ксантиппы Поликсены и Ревекки. II. 29—64.

Цанъ. Его трудъ «Surgian von Antiochien und die deutsche Faustsage». II. 37. 38. 40. 41.

Царике. Издалъ Посланiе Пресвитера Іоанна. II. 283. 350. 390. 457. — Статья его объ исторiи текста Оларiя Схоластика относительно взя-

тія Даміетты крестопосцами. II. 346. — Стаття его «Ueber das Fragment eines lateinischen Alexanderliedes in Verona». II. 428.

Царскій. Его рукописи и списокъ Златоуста. III. IV—VI.

Цахеръ. Его «Pseudocallisthenes». II. 139. 161. 170. 239. 327. 328. 394. 420. 428. Его же «Zur Basler Alexanderhandschrift». II. 223. 258. — «Alexander. Mugni Iter ad Paradisum». II. 278. 279.

Церковно-народный мѣсяцесловъ. См. **Калинскій.**

Цесарій Гейстербахскій. Легенда XII вѣка II. 117.

Цингерле, О. Его «Die Quellen zum Alexander des Rudolf von Ems». II. 133. 287. — Издалъ текстъ «Historia de preliis». II. 137. 139. 141. 142. 151. 155. 159. 176. 178. 209. 217. 231. 233. 234. 249. 257 — 262. 273. 274. 301. 327—329. 336. 339. 389. 390. 394. 395. 398. 399. 403. 420. 427. 442. 444. 447. — Его статья «Recepte aus dem XII Jahrhundert». II. 375.

Цицеронъ. Его «De Natura Deorum». II. 359. — Анекдотъ объ Александрѣ и разбойникѣ. II. 410. 421.

Черничъ, И. Издалъ латинскими буквами Ассеманіево или Ватиканское Евангеліе-апракосъ XI. в. IV. 6.

Четвероевангеліе типографской синодальной бібліотеки № 1. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста галичскаго Евангелія. IV. 7.

Чубинскій. Труды этнографико-статистической экспедиціи въ западный русскій край». II. 371.

Шабасъ. Его «Horus sur les Crocodiles». II. 353.

Шаде. Его «Liber de Infantia Mariae et Christi Salvatoris». II. 349.

Шапкаревъ. Его «Български народни приказки и вѣрованія». II. 321. 376. 492.

Шармуа. оріенталистъ. Его указаніями пользовался Рейфъ при составленіи этимологическаго словаря. I. 49.

Шассанъ. Сочиненіе его: «Histoire du roman dans l'antiquité». II. 31.

Шафарикъ. Его предположеніе объ Іоаннѣ, переводчикѣ житій Антонія Великаго и св. Панкратія. II. 70.

Шварце. Перевелъ съ коптскаго «Pistis Sophia». II. 476.

Шёнбахъ. Издалъ стихотворныя легенды. II. 461. 465. 466. — Издалъ средневѣковую нѣмецкую стихотворную повѣсть о Христофорѣ. II. 468.

Шефлеръ. Его «Die franz. Volksdichtung und Sage». II. 375.

Шиллеръ. Его выраженіе о романтизмѣ. II. 21. 22.

Шимкевичъ. Его замѣчаніе о словѣ «кронива». I. 50.

Шинковъ, А. С. Отношеніе къ нему С. Ю. Дестуннеа. V. 44.

Шлоссеръ. Его мысль объ исторіи народа. II. 12.

Шлякинъ. Указаніе его на нахожденіе житія св. Панкратія въ рукописяхъ Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. II. 71.

Шмидтъ. Берпгардъ. II. 271. — Его «Griechische Märchen, Sagen, etc.» и «Das Volksleben der Neugriechen». II. 377.

Шольцъ. Его критическое изданіе евангельскаго текста. IV. 39.

Шнигель. Его «Die Alexandersage bei den Orientalen». II. 231.

Шнильгагенъ. Фридрихъ. Его сочиненіе «Beiträge zur Theorie und Technik des Romans». II. 4—11. 17—19. 22—27.

Штромъ. Заявленіе его о Сарманахъ. II. 282.

Эберсъ. Замѣтка его объ изображеніи Гора на крокодилахъ. II. 353.

Эвагрій. Ему приписанъ греческій текстъ апокрифическаго житія св. Панкратія. II. 65. 71. 72.

Эвтихій Александрійскій. Его рассказъ эіонскаго апокрифа о мѣстѣ погребенія Адама, и о жилищѣ сыновъ Сноа. II. 275. 281.

Эккгардъ. Рассказъ его о взятіи Танаиса. II. 347. — Въ его хроникѣ пересказано содержаніе «Historia de preliis» и описаніе Порова дворца. II. 390.

Элладъ-бенъ-Магли, авалтиористъ IX вѣка. II. 291. 301.

Эліанъ. Свѣдѣнія о мѣстѣ жительства кнпокефаловъ. II. 470.

Эллино-русскій словарь. Составленъ, по порученію графа Н. П. Румянцева, С. Дестунисомъ. V. 5.

Эллинскій лѣтописецъ. Въ составъ его вошелъ одинъ изъ двухъ старыхъ южно-славянскихъ пересказовъ романа объ Александрѣ Македонскомъ. II. 131. 233.

Эней Силвій. Источникъ сюжета его повѣсти о Лукреціи и Эвриалѣ. II. 15.

Энциклопедическій Словарь. См. Березинъ, проф.

Эпизодъ о магомудрецахъ (брахманахъ). См. Изъ исторіи романа и повѣсти.

Эпизодъ о Таврѣ и Меніи въ апокрифическомъ житіи св. Панкратія. II. 65—128. — Тотъ же эпизодъ въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія по списку XIII-XIV в. II (Прилож.) 69—78. — Тотъ же эпизодъ въ печатныхъ греческихъ мнѣяхъ. II. (Прилож.). 79. 80.

Эренбергъ. Статья его «Ueber den Synoccephalus der Aegyptier...» II. 470.

Эрманедёрферъ. Его «періодъ греческой повелли». II. 10.

Эрманъ. Его «Aus Palästina und Babylon». II. 290. 331.

Эстерлей. «Gesta Romanorum». II. 420. 421.

Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности. См. Сахаровъ.

Эшенбахъ, Ульрихъ. Упомянутое имъ поэмы о герцога Эрцста. II. 456.

Южно-русскія былины. См. Веселовскій, А. Н.

Юлій Африканъ. Онъ первый отождествилъ «сыновей Божиихъ» съ сынами Свѣа. II. 276.

Юлій Валерій. II. 139. 151. 198. 202. 357. 420. — Разсказъ объ отравленіи Александра Македонскаго. II. 427.

Юлій Гонорій. Его космографія. II. 433. 434.

Юность и первые подвиги Александра до пришествія въ Иерусалимъ. См. Изъ исторіи романа и повѣсти.

Юрьевское Евангеліе. Имъ пользовался архим. Амфилохій при изданіи текста Галличскаго Евангелія. IV. 7.

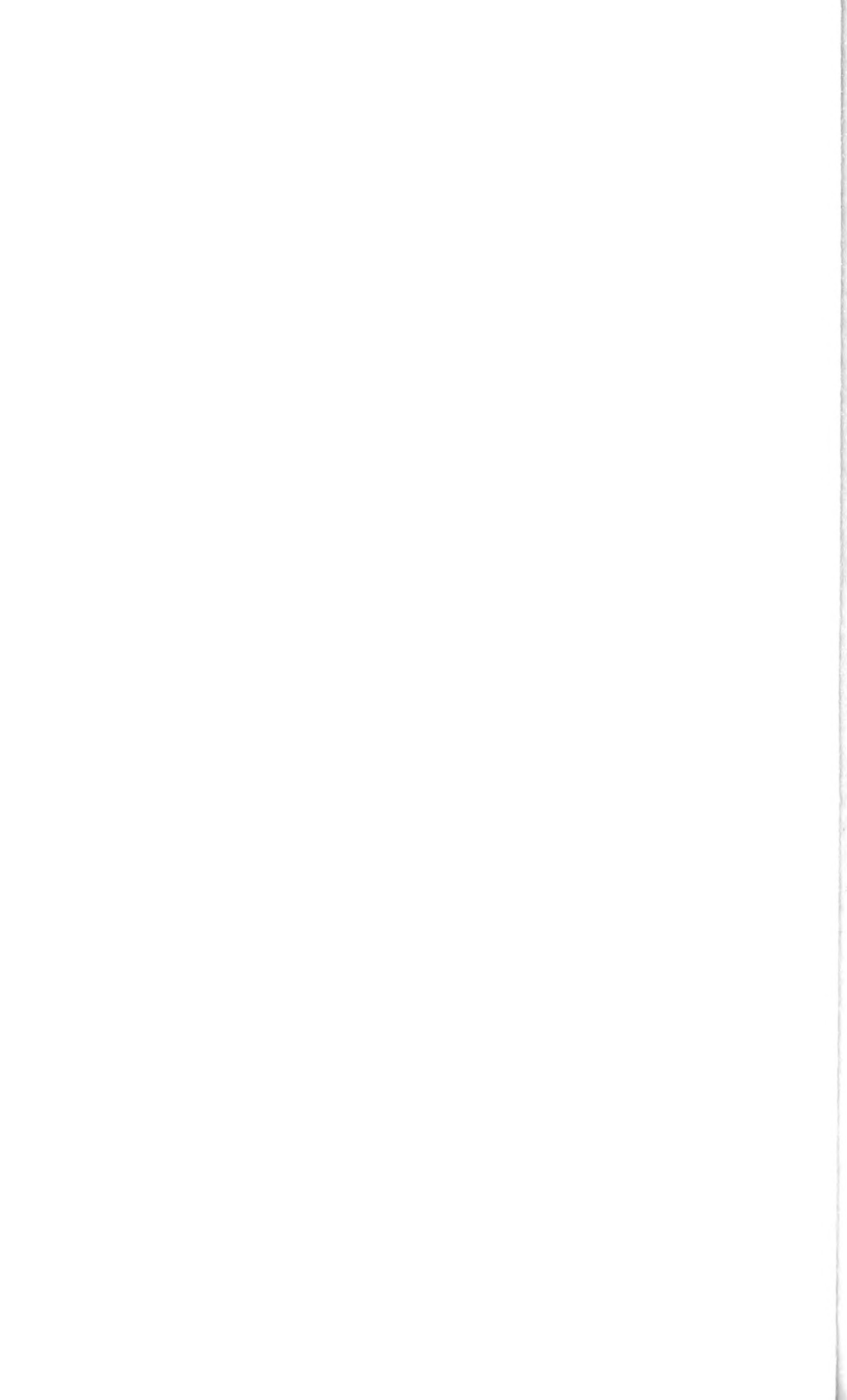
Юстинъ, св. Его легенда о Киприанѣ. II. 40. — II. 423. 427. 499.

Ягичъ. П. В. Издалъ пересказъ романа объ Александрѣ Македонскомъ, подъ заглавіемъ «Zivot Alecsandra Velikoga». II. 131. 133. 140 — 144. 153. 169. 173. 175. 176. 182. 188. 192. 209—212. 217. 237. 251. 268. 334. 382. 383. 385 — 388. 400. 407. 437 — 444. 446. 449. 450. 491. 493. — Его статья «Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dyak und ihre Erklärung». II. 150. — Его «Opisi i izvodi». II. 200. 274. 333. 384. 437. 439. 441. 449. 450. — Издалъ переписку Добровскаго. II. (Прилож.). 66. — Издалъ Маріинское глаголическое четвероевангеліе. IV. 6. — Изъ Дечанскаго четвероевангелія напечаталъ ту часть, которой недостаетъ въ Маріинскомъ евангеліи. IV. 7. — Отзывъ его объ изданномъ архимандр. Амфилохіемъ Галличскомъ Евангеліи. IV. 31.

Теодоръ Продромъ, греческій романистъ. II. 21. 29. 30.

Теофанъ Керамея. Подъ этимъ именемъ соединяють двухъ авторовъ гомилій. II. 66.

Тукидидъ. Предположеніе его о царѣ Italus. II. 119.

PG
2013
A65
t.40

Akademiia nauk SSSR. Ot
nie russkogo iazyka i sl
vesnosti
Sbornik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
